РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

1.

Стр.

1. Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго.—Поволжье и Ливонія. (Казанскіе мятежи.—Покореніе Астрахани.— Иноземцы-мастерà.—Войнасъ Швеціей.—Смуты въ Ливоніи.—Наши успѣхи.—Готгардъ Кетлеръ.—Распаденіе Ливоніи.— Взятіе Полоцка). **Д. И. Иловайскаго** 5
2. Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой** (Раннее дѣтство.—Слуга Гаврила. — Няня - Шведка. — Таинственные разсказы.— Бабушка. —Пугачевщина. — Ванька-Каинъ. —Молодой Турокъ-христіанинъ въ Москвѣ.—Рядъ дорогихъ лицъ.—Князь Н. П. Щербатовъ.—Графиня А. П. Шереметева.—Романъ князя Орлова.— Поликарповы.—Графы Каменскіе.— Императрица Елисавета Петровна.—Преобразованія Петра Великаго. - Видѣніе Анны Іоанновны.—Наша знать и дворянство) 39
3. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ** (Кавказъ въ 1856 году.—Перемѣны въ военномъ управленіи.—Главныя начальствующія лица.— Сосредоточеніе управленія.—Милютинъ и Евдокимовъ.—Общій планъ дѣйствій). Въ приложенія: Переписка съ Д. А. Милютинымъ.—Переписка съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Письма А. В. Головнина 107
4. Изъ записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** Осень 1855 года. (По сдачѣ Севастополя.—Циркуляръ дворянству министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго.—Взятіе Карса).. 141
5. По поводу разсказа Н. Д. Ахшарумова: „Смерть Слѣпцова". Статья **А. Л. Зиссермана** 153
6. Письма **М. И. Топильскаго** къ А. М. Кубареву, съ примѣчаніями **Н. П. Барсукова** и **И. В. Помяловскаго** 161
7. Увѣковѣченіе чуда 17 Октября. Статья **В. А. Кокорева** 173

Приложенъ портретъ князя А. И. Барятинскаго (въ среднихъ лѣтахъ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1889.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1889.

I.

Въ 1889 году „Русскій Архивъ“ выходитъ двѣнадцать разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

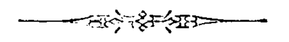
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

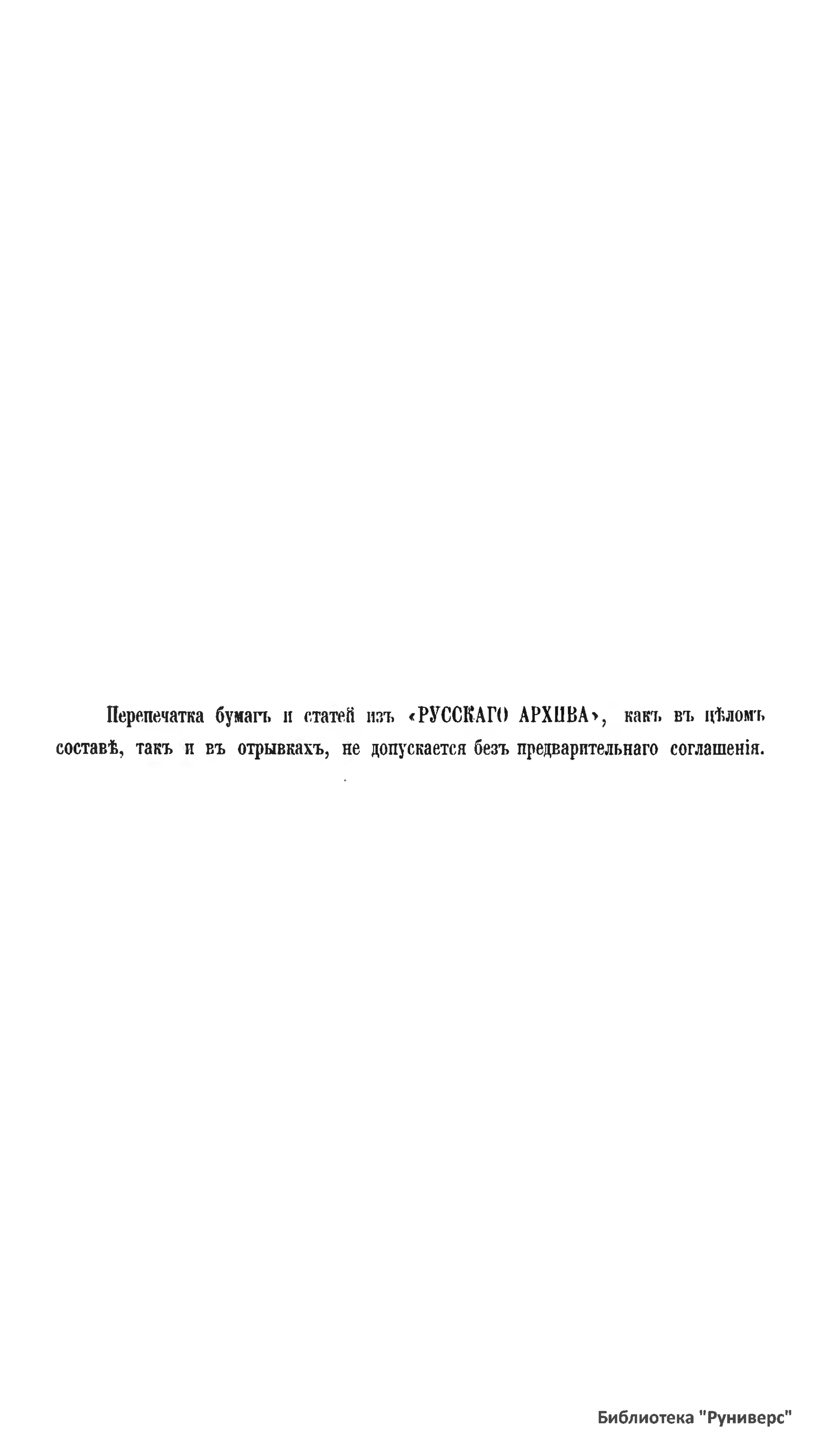
γνῶθι σεαυτόν.

1889.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1889.

ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Поволжье и Ливонія.

Болѣзнь Ивана Васильевича и боярскія пререканія.—Поѣздка въ Кириловъ монастырь Мятежъ Казанскихъ инородцевъ и первый Казанскій архіепископъ.—Ногайская орда.—Покореніе Астрахани.—Походы на Крымцевъ.—Разногласіе царя съ совѣтниками и поворотъ во внѣшней политикѣ.—Враждебность западныхъ сосѣдей.—Внутреннее состояніе Ливоніи.—Водвореніе въ ней реформаціи.—Вопросъ о Юрьевской дани и пятнадцатилѣтнее перемиріе съ Москвою.—Междоусобіе Ордена съ Рижскимъ архіепископомъ.—Вторженіе Русскихъ и разореніе страны.—Взятіе ими Нарвы и завоеваніе Юрьевской области.—Готгардъ Кетлеръ и его договоръ съ Польскимъ королемъ.—Паденіе Феллина.—Раздѣлъ Ливоніи.—Общій выводъ.

Зимою 1553 года Іоаннъ жестоко заболѣлъ горячкою или «огневою болѣзнію», какъ называетъ ее лѣтопись. Состояніе больнаго было настолько опасно, что царскій дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый напомнилъ ему о духовномъ завѣщаніи. Немедленно написали духовную, по которой государь назначалъ себѣ преемникомъ своего сына—младенца Димитрія. Для большей крѣпости этого распоряженія, рѣшено было привести бояръ и другихъ ближнихъ людей къ присягѣ на вѣрность царевичу Димитрію. Но тутъ вдругъ возникла сильная распря: часть бояръ присягнула, а именно князья Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Владимиръ Воротынскій и Димитрій Палецкій, Иванъ Шереметевъ, Михаилъ Морозовъ, Даніилъ Романовичъ и Василій Михайловичъ Захарьины-Юрьевы, Алексѣй Адашевъ и нѣкоторые другіе; большинство же бояръ, имѣя во главѣ князей Ивана Михайловича Шуйскаго, Петра Щенятьева, Ивана Турунтая-Пронскаго и Семена Ростовскаго, отказывалось присягать на службу «пелёничному» царевичу. Къ этой противной сторонѣ присталъ и окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ Алексѣя, который высказалъ прямо и причину отказа: Тебѣ государю и сыну твоему царевичу Дмитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Данилу съ братьею не служити; сынъ твой, государь нашъ, еще въ пелёницахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Данилу съ братіей; *а мы ужъ отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія*.

Слѣдовательно новое малолѣтство царя, повтореніе боярщины и правленіе Захарьиныхъ—вотъ что страшило большинство самихъ же бояръ. Напрасно больной царь увѣщевалъ ослушниковъ, говоря, что они будутъ служить сыну его, а не Захарьинымъ, и укоря ихъ въ томъ, что они, вопреки присягѣ, ищутъ себѣ другаго государя. Дѣйствительно, ослушники, выражавшіе желаніе служить взрослому государю, а не младенцу, имѣли въ виду двоюроднаго царскаго брата Владимира Андреевича (о родномъ братѣ царскомъ Юріѣ не было и рѣчи по его малоумію). Самъ князь Владимиръ Андреевичъ также отказывался отъ присяги и очевидно питалъ честолюбивый замыселъ. Мало того: въ это именно время онъ и мать его Евфросинья (урожденная Хованская) собирали у себя своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Вслѣдствіе того вѣрные бояре начали беречься князя Владимира и перестали пускать его къ государю. Тутъ выступилъ впередъ извѣстный Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, издавна находившійся у князя Владимира и его матери въ особой любви и пріязни; онъ началъ упрекать бояръ за то, что они не допускаютъ князя до государя, увѣряя въ его доброхотствѣ. Цѣлые два дня во дворцѣ происходили шумные споры и перебранка между той и другой стороною. Больной царь призвалъ вѣрныхъ бояръ и черезъ силу говорилъ имъ, увѣщевая стоять крѣпко за своего сына, не дать его извести невѣрнымъ боярамъ и въ случаѣ нужды бѣжать съ нимъ въ чужую землю.

— А вы Захарьины—прибавилъ онъ обращаясь къ шурьямъ—чего испугались? Али чаете, бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первые мертвецы будете, и вы бы за сына моего, да за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали.

Услыхавъ такія «жестокія слова» государя, всѣ бояре «поустрашилися», перестали наконецъ прекословить и пошли въ переднюю избу для принесенія присяги. А прежде они не шли туда и отговаривались тѣмъ, что ихъ заставляютъ цѣловать крестъ не въ присутствіи государя.

Крестъ держалъ дьякъ Иванъ Висковатый, а у креста стоялъ князь Владимиръ Воротынскій.

— Твой отецъ, да и ты послѣ великаго князя Василія первый измѣнникъ, а приводишь ко кресту, сказалъ князю Воротынскому князь Турунтай-Пронскій.

— Я измѣнникъ—отвѣчалъ Воротынскій,—а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его; ты прямой человѣкъ, а креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь.

Князь Пронскій смутился отъ этихъ словъ и поспѣшилъ присягнуть. Заставили также присягнуть и князя Владимира Андреевича, грозя иначе не выпустить его изъ дворца.

Потрясеніе, испытанное Іоанномъ въ эти два дня, можетъ быть, дало благодѣтельный толчокъ его нервному организму. Какъ бы то ни было, онъ вскорѣ оправился и всталъ съ одра болѣзни. По всей вѣроятности радость, причиненная выздоровленіемъ, превысила скорбное чувство, возбужденное упомянутою распрею и ослушаніемъ многихъ бояръ: царь на первое время никого изъ нихъ не подвергъ опалѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что у него осталось горькое воспоминаніе объ этомъ случаѣ, и въ его впечатлительной душѣ зародилось чувство подозрительности къ окружавшимъ его. Въ сущности опасенія бояръ въ виду преемника-младенца были естественны послѣ того, что государство претерпѣло въ малолѣтство самого Іоанна; а между тѣмъ наслѣдованіе престола въ прямой линіи помимо старшаго въ родѣ еще не успѣло сдѣлаться настолько исконнымъ государственнымъ обычаемъ, чтобы о немъ не могло возникнуть и вопроса въ подобномъ исключительномъ случаѣ. Іоаннъ, можетъ быть, и самъ отчасти сознавалъ эти смягчающія обстоятельства. Тѣмъ не менѣе первая тѣнь на его отношенія къ главнымъ своимъ совѣтникамъ и любимцамъ была наброшена. Хотя Алексѣй Адашевъ самъ присягнулъ безъ спора, но отецъ его очутился въ числѣ явныхъ противниковъ присяги. Сильвестръ также ничего не говорилъ противъ присяги, но онъ слишкомъ неосторожно вступился за Владимира Андреевича, явившагося въ эту минуту претендентомъ на престолъ. По всей вѣроятности наиболѣе вредное вліяніе этотъ случай оказалъ на расположеніе супруги царя, Анастасіи, къ его совѣтникамъ; такъ какъ означенная боярская распря направлена была противъ ея сына, ея самой и ея родни, то весьма естественно, что послѣ того между нею и царскими совѣтниками возникли холодныя отношенія, которыя въ свою очередь конечно подѣйствовали на самого государя.

Едва ли не первымъ поводомъ къ разногласію между Іоанномъ и его совѣтниками послужила поѣздка по монастырямъ, которую онъ предпринялъ вскорѣ послѣ своего выздоровленія, вслѣдствіе даннаго имъ обѣта. Въ то время нѣкоторыя дѣла государственныя, особенно мятежи въ Казанской землѣ, требовали усиленнаго вниманія и дѣятельности со стороны государя, и совѣтники его очевидно не одобряли этой поѣздки; но Іоаннъ, едва самъ оправившійся отъ болѣзни, поѣхалъ и взялъ съ собою не только супругу, но и маленькаго сына Димитрія (въ Маѣ 1553 года). Прежде всего онъ направился въ Троицкую Лавру. Здѣсь въ то время пребывалъ знаменитый старецъ

Максимъ Грекъ. Онъ претерпѣлъ долгое и тяжкое заключеніе въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ; но послѣ кончины Василія III его участь была облегчена, и его перевели на покой въ Троицкую Лавру (гдѣ онъ потомъ и скончался въ 1556 году). Іоаннъ бесѣдовалъ съ Максимомъ о своемъ обращеніи къ заступничеству св. Кирила Бѣлозерскаго во время болѣзни и о своемъ обѣтѣ ѣхать въ его монастырь, въ случаѣ выздоровленія. Старецъ, согласно съ совѣтниками царскими, говорилъ, что было бы лучше и угоднѣе Богу, если бы Государь, вмѣсто дальней поѣздки, своими попеченіями и помощью отеръ слезы матерей, вдовъ и сиротъ тѣхъ многочисленныхъ воиновъ, которые пали подъ Казанью за православную вѣру. Но Іоаннъ стоялъ на поѣздкѣ въ Кириловъ и по другимъ монастырямъ, поощряемый къ тому сребролюбивыми монахами, которые ожидали отъ него богатыхъ вкладовъ и имѣній (по свидѣтельству князя Курбскаго). Тогда, если вѣрить тому же свидѣтельству, Максимъ посредствомъ нѣкоторыхъ спутниковъ царя (духовника его Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго) предсказалъ ему, что сынъ его не воротится изъ сей поѣздки.

Изъ Троицкой Лавры Іоаннъ направился къ городу Дмитрову или собственно въ Пѣсношскій монастырь, расположенный на рѣкахъ Яхромѣ и Пѣсношѣ. Въ семъ монастырѣ проживалъ другой старецъ, Вассіанъ Топорковъ, бывшій епископъ Коломенскій, лишенный архіерейской каѳедры во время боярщины. Онъ принадлежалъ къ Осифлянамъ, т. е. къ постриженникамъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, и былъ другаго образа мыслей съ Максимомъ Грекомъ. Тотъ же современникъ передаетъ слѣдующую тайную бесѣду царя со старцемъ Вассіаномъ.

— Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти? спросилъ Іоаннъ.

— Аще хощеши самодержцемъ быти, шопотомъ отвѣчалъ ему Вассіанъ: не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будешь въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ.

— О, аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми! воскликнулъ Іоаннъ, цѣлуя руку недобраго старца.

Происходила ли въ дѣйствительности таковая бесѣда, трудно сказать; но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Вассіанъ говорилъ въ подобномъ родѣ и что его коварный совѣтъ палъ на воспріимчивую почву.

Отсюда Іоаннъ отправился на судахъ Яхромою и Дубною въ Волгу, посѣтилъ монастыри Калязинскій, Покровскій; потомъ Шексною поднялся въ Бѣлое озеро, и прибылъ въ Кириловъ монастырь. Оставивъ тутъ царицу, онъ еще ѣздилъ въ Ѳерапонтову обитель и по сосѣднимъ пустынямъ. На обратномъ пути изъ Кирилова онъ посѣтилъ святыни въ Ярославлѣ, Ростовѣ и Переяславлѣ. Въ Москву царская чета воротилась въ горѣ: младенецъ Димитрій дѣйствительно не выдержалъ такого долгаго пути и умеръ на дорогѣ въ столицу. Но въ слѣдующемъ году царь и царица были утѣшены рожденіемъ другаго сына, названнаго отцовскимъ именемъ Ивана.

Около этого времени изъ Казанской земли начали приходить тревожныя вѣсти. Въ составъ Казанскаго царства, какъ извѣстно, входило нѣсколько Финскихъ и Тюркскихъ народцевъ, именно: Черемисы, Чуваши, Мордва, Вотяки и Башкиры. Послѣ взятія главнаго города они большею частью присягнули на Русское подданство и обязались платить Москвѣ такой же ясакъ, какой платили прежде Казани. Но давнія связи съ Казанскими Татарами и привычка къ подчиненію послѣднимъ не могли быть порваны вдругъ; а Татары не скоро могли помириться съ прекращеніемъ своего господства и съ водвореніемъ креста въ ихъ магометанской столицѣ. Часть многочисленной Казанской знати разсѣялась по окрестнымъ народцамъ, и заодно съ ихъ князьками и старшинами стала поднимать ихъ къ бунту противъ Москвы; въ сему удобный поводъ давали сборы ясака, сопровождаемые иногда разными обидами и своеволіемъ со стороны ратныхъ людей. Изъ этихъ народцевъ особенно сильные мятежи производила Луговая Черемиса; ея примѣромъ увлеклись и Арскіе люди, т. е. Вотяки. Мятежники начали избивать Русскіе отряды, посылаемые для сбора ясака. Часть ихъ укрѣпилась въ лѣсныхъ засѣкахъ, откуда дѣлала набѣги на Русскихъ. Они поставили для себя даже укрѣпленный городъ на рѣкѣ Мешѣ (притокѣ Камы), для обороны отъ Русскихъ. Первыя дѣйствія нашихъ воеводъ противъ мятежниковъ были не всегда удачны; силы, оставленныя въ Казани и Свіяжскѣ, оказались недостаточны для укрощенія всего края. Въ Москвѣ на первое время не обратили должнаго вниманія на его трудное положеніе, и лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ Государь во время своей поѣздки по монастырямъ поручилъ «о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти» (т. е. о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани). Бояре эти «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша».. Изъ предводителей мятежной Луговой Черемисы особенно выдался нѣкій «сотникъ» или сотенный князь Мамичъ-Бердей.

Съ его согласія Луговая Черемиса призвала одного князя изъ Ногайской орды и поставила его у себя царемъ. Но потомъ, видя, что отъ этого царя нѣтъ никакой помощи, Мамичъ-Бердей убилъ его вмѣстѣ съ его Ногайской свитою; отрубленную его голову Черемиса воткнула на колъ, и глумилась надъ нимъ такими словами: «Ты съ людьми твоими не столько помощи намъ сотворилъ, сколько нашихъ коровъ и воловъ поѣлъ; пусть голова твоя царствуетъ теперь на высокомъ колу». Пришлось посылать новые полки на помощь мѣстнымъ воеводамъ. Мамичъ-Бердей былъ захваченъ въ плѣнъ Горными Черемисами, которыхъ онъ тщетно пытался поднять къ бунту. Его отвезли въ Москву. Послѣ того усмиреніе мятежа пошло успѣшно, въ особенности благодаря энергичнымъ распоряженіямъ Казанскаго намѣстника князя Петра Шуйскаго. Воеводы Морозовъ и Салтыковъ ходили въ Арскую область и страшно ее опустошили; они брали въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей, а мужчинъ избивали. Другіе отряды съ такимъ же успѣхомъ ходили на Луговую Черемису и разгромили это безпокойное племя. Наконецъ, въ 1557 году, послѣ многаго кровопролитія и большихъ опустошеній, вся Казанская земля была усмирена

Еще прежде этого окончательнаго усмиренія Іоаннъ позаботился о церковномъ устроеніи вновь покореннаго царства и распространеніи здѣсь православія. Для сего въ Казани учреждена была особая архіепископская каѳедра, и первымъ архіепископомъ сюда былъ поставленъ игуменъ Селижарова монастыря Гурій. Его отправили въ новую епархію съ архимандритами Варсонофіемъ и Германомъ, съ игумнами и священниками (1555 г.). Въ наказѣ данномъ Гурію, ему поручено привлекать Татаръ разными мѣрами, напримѣръ, избавлять провинившихся отъ наказанія, если они изъявятъ желаніе креститься, часто угощать новокрещенныхъ, поить ихъ квасомъ и медомъ, вообще дѣйствовать не страхомъ и жестокостью, а любовью и лаской. При семъ Казанскому намѣстнику кн. Петру Ивановичу Шуйскому вмѣнено въ обязанность быть въ единодушіи съ архіепископомъ и совѣтоваться съ нимъ въ дѣлахъ управленія. На содержаніе архіепископа и духовенства, кромѣ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, назначена была часть селъ и земель, бывшихъ прежде во владѣніи Казанскихъ царей и вельможъ. Къ Казанской епархіи причислены были Свіяжскъ съ нагорною стороною Волги, Васильсурскъ и вся Вятская область. Въ ряду Русскихъ іерарховъ архіепископъ Казанскій и Свіяжскій занялъ степень ниже Новгородскаго владыки и выше Ростовскаго. Для закрѣпленія новозавоеваннаго царства за Москвою построено было нѣсколько крѣпостей, заселенныхъ дѣтьми боярскими и стрѣльцами; та-

ковы въ особенности Чебоксары, на нагорной сторонѣ Волги, и Лаишевъ на правомъ берегу Камы недалеко отъ ея устья. Послѣдній долженъ былъ служить защитою отъ «прихода Ногайскихъ людей», какъ выражается лѣтопись.

Ногайскіе Татары занимали тогда своими кочевьями и становищами все огромное пространство между Волгою и морями Аральскимъ и Каспійскимъ. Это собственно такъ называемая Большая Ногайская орда; средоточіемъ ея былъ городъ Сарайчикъ, лежавшій въ низовьяхъ рѣки Яика. На югѣ, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, кочевала Малая Ногайская орда. Главная или Волжско-Яицкая орда, при своей многочисленности, могла бы сдѣлаться очень опаснымъ сосѣдомъ для Московскаго государства; но въ ней не образовалось единой власти, подобной Крымскому ханству. Ногайскіе князья (беки или біи) происходили отъ извѣстнаго мурзы Эдигея. Достоинство *улу-бія*, т. е. великаго князя переходило къ старшему въ Эдигеевомъ родѣ и служило нерѣдко предметомъ междоусобій. По образцу Золотой орды и Крымской, этотъ верховный князь былъ окруженъ Татарской аристократіей, носившей титулы мурзъ, карачіевъ и улановъ, которые стояли во главѣ своихъ родовъ; но власть его не была велика, и сила его зависѣла отъ вѣрности или преданности этихъ знатныхъ людей. Раздорами и разъединеніемъ Ногаевъ Московская политика ловко пользовалась въ своихъ видахъ. Въ данную эпоху улу-біемъ въ этой ордѣ считалъ себя Юсуфъ, отецъ Суюнбеки, дѣдъ маленькаго Утемишъ-Гирея. Онъ конечно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на плѣнъ своей дочери и внука и на паденіе Казанскаго царства; но, несмотря на возбужденія со стороны Крымцевъ и Турецкаго султана, оказалъ лишь ничтожную помощь Казани, ибо его силы и вниманіе были заняты борьбою съ собственнымъ братомъ мурзой Измаиломъ. Послѣдній не признавалъ старшинства Юсуфа и самъ стремился занять мѣсто верховнаго Ногайскаго князя; торговыя выгоды связывали его съ Москвою. Межъ тѣмъ какъ Татары Юсуфа торговали главнымъ образомъ съ Бухарой, Измаиловы Татары гоняли на продажу въ Москву огромные конскіе табуны и получали большія выгоды отъ этой торговли. Кромѣ того Московское правительство посылало Измаилу богатые подарки, а также давало ему на помощь стрѣльцовъ и вообще усердно поддерживало его соперничество съ Юсуфомъ, съ которымъ впрочемъ тоже старалось быть въ добрыхъ отношеніяхъ, и награждало его подарками. Послѣ взятія Казани, когда произошли мятежи Казанскихъ народцевъ, Юсуфъ оказывалъ имъ помощь и даже собирался съ своими мурзами идти на Москву во главѣ стотысячнаго Ногайскаго ополченія; Измаилъ же не только отказался принять уча-

стіе въ этомъ походѣ, но и отговорилъ другихъ мурзъ, и такимъ образомъ походъ не состоялся. Тотъ же Измаилъ помогъ Москвѣ завоевать царство Астраханское.

Какъ извѣстно, Астрахань сдѣлалась средоточіемъ небольшаго Татарскаго царства, которое возникло по нижней Волгѣ, на мѣстѣ бывшей Золотой орды. Этотъ городъ пріобрѣлъ важное торговое значеніе, благодаря тому, что онъ лежалъ на водномъ пути изъ Каспійскаго моря въ Азовское, т. е. изъ Азіи въ южную Европу, а также на пути отъ Каспійскаго моря вверхъ по Волгѣ до Казани. Внутреннимъ своимъ устройствомъ Астраханское царство походило на Казанское; здѣсь также верховная власть находилась въ рукахъ царя или хана, ограниченнаго мѣстной аристократіей бековъ, мурзъ и улановъ. Господствующая религія также была магометанская. Но по своей слабости Астраханское царство не могло пріобрѣсти полной самостоятельности, и вліяніе Крымскихъ Гиреевъ здѣсь соперничало съ вліяніемъ сосѣднихъ князей Ногайскихъ и государя Московскаго, хотя и отдаленнаго отъ Астрахани, но опиравшагося на близкихъ къ ней Донскихъ козаковъ. Отсюда довольно частая перемѣна хановъ. Изгнанные противной партіей изъ отечества, Астраханскіе царевичи нерѣдко уходили въ Россію и вступали въ службу Московскаго государя. Къ такимъ царевичамъ, какъ извѣстно, принадлежалъ Авліоръ, отецъ Шигъ-Алея и Еналея. Въ 1552 году прибылъ въ Моску царевичъ Кайбула, сынъ прежняго царя Астраханскаго Аккубека. Іоаннъ женилъ его на Шигъ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ кормленіе городъ Юрьевъ. А въ Звенигородѣ въ это время проживалъ изгнанный изъ Астрахани царь Дербышъ-Алей. Преемникъ Дербыша, Астраханскій царь Ямгурчей въ 1551 году присылалъ къ Іоанну посольство бить челомъ о принятіи его вмѣстѣ съ юртомъ въ свою службу. Государь отправилъ своего посла, чтобы привести Астраханскаго царя къ присягѣ на вѣрность Россіи. Но послѣ паденія Казани Ямгурчей подчинился вліянію Крымскаго хана и Ногайскаго князя Юсуфа, оскорбилъ и ограбилъ Іоаннова посла и вообще заявилъ себя непріятелемъ Россіи. Измаилъ мурза уже прежде просилъ Іоанна прислать приходившагося ему родственникомъ Дербышъ-Алея и посадить его въ Астрахани на мѣсто Ямгурчея. Теперь государь исполнилъ эту просьбу и послалъ въ Астрахань Дербыша съ 30.000 войска подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина и его товарища Вешнякова, съ которыми долженъ былъ соединиться и Измаилъ мурза. Послѣдній однако не соединился, занятый въ то время своимъ междоусобіемъ съ Юсуфомъ. Но посланнаго войска оказалось слишкомъ достаточно для завоеванія Астраханскаго царства. Ямгурчей послѣ небольшаго сра-

женія бѣжалъ изъ своей столицы почти со всѣмъ ея населеніемъ; войско его разсѣялось, его семейство попало въ плѣнъ къ Русскимъ, пушки и пищали также были взяты. Дербышъ посаженъ на царство, а многіе разбѣжавшіеся жители Астрахани были пойманы, снова водворены въ городѣ и вмѣстѣ съ Астраханскими вельможами приведены къ присягѣ на вѣрность новому царю. Самъ Дербышъ обязался платить дань Московскому государю, частью деньгами, а частію рыбою, при чемъ Московскіе рыболовы получили право свободно и безпошлинно ловить рыбу отъ Казани до моря. Это происходило въ 1554 году.

Между тѣмъ война между Юсуфомъ и Измаиломъ велась съ большимъ ожесточеніемъ; въ ней съ обѣихъ сторонъ легло такое множество Ногаевъ, что, по словамъ Русской лѣтописи, «какъ стала орда Ногайская, такого падежа не бывало надъ ними». Въ этой войнѣ погибъ Юсуфъ со многими своими родичами. Послѣ того Измаилъ получилъ титулъ верховнаго Ногайскаго князя. Но сыновья Юсуфа вскорѣ собрались съ силами и возобновили войну противъ Измаила. На ихъ сторону перешелъ и Астраханскій царь Дербышъ; а вскорѣ послѣдній вступилъ въ союзъ и съ Крымскимъ ханомъ противъ Москвы. Очевидно, Татарину и мусульманину трудно было устоять въ вѣрности христіанскому государю и во враждѣ къ единовѣрному и единоплеменному хану. Теперь Измаилъ обратился къ Іоанну уже съ просьбою оборонить его отъ Дербыша и затѣмъ или поставить въ Астрахани своихъ людей, также какъ въ Казани, или посадить тамъ царевича Кайбулу. Этотъ Измаилъ, сдѣлавшись главнымъ Ногайскимъ княземъ, до того возгордился, что началъ было въ грамотахъ къ царю Московскому писать себя его отцомъ и требовать ежегодной присылки извѣстной суммы денегъ. Въ отвѣтѣ своемъ Іоаннъ высказалъ Измаилу, чтобы онъ впредъ «такихъ бездѣльныхъ словъ не писалъ». Тотъ смирился; но продолжалъ просить о разныхъ присылкахъ, напр. ловчихъ птицъ (кречета, сокола и ястреба), олова, шафрану, красокъ, бумаги и полмильона гвоздей.

Дербышъ-Алей открыто выступилъ противъ Россіи; онъ побилъ вельможъ, дружившихъ Москвѣ, и выгналъ изъ Астрахани Московскаго посла Мансурова съ его пятисотенною дружиною. Увѣдомляя о семъ царя, Измаилъ просилъ поспѣшить присылкою войска ему на помощь. Дѣйствительно весною 1556 года Іоаннъ послалъ требуемое войско, состоявшее изъ стрѣльцовъ, казаковъ и Вятчанъ. Дербышъ получилъ отъ Крымскаго хана на помощь 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 Турецкихъ янычаръ съ пищалями. Но когда стрѣлецкіе головы Черемисиновъ и Тетеринъ и начальникъ Вятчанъ Писемскій подошли къ

Астрахани, они нашли ее опять пустой, и Русскіе на сей разъ прочно въ ней укрѣпились. Дербышъ еще до прихода главнаго Русскаго войска былъ побитъ казачьимъ атаманомъ Ляпуномъ и бѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ жителями. Съ помощью Ногайцевъ и Крымцевъ, онъ еще нѣсколько времени держался въ полѣ противъ Русскихъ; но когда Юсуфовы сыновья оставили его и перешли на Московскую сторону, онъ бѣжалъ къ Азову и болѣе не возвращался. Астраханскіе жители «черные люди» воротились въ городъ и присягнули Русскимъ; а за чернью воротились князья, мурзы и шейхи. Царь на сей разъ никого не назначилъ преемникомъ Дербыша, а сталъ управлять Астраханскимъ краемъ чрезъ своихъ воеводъ, изъ которыхъ первымъ является помянутый выше стрѣлецкій голова Черемисиновъ.

Такимъ образомъ все теченіе Волги отъ устья Суры до самаго Каспійскаго моря въ теченіе какихъ-нибудь шести лѣтъ было завоевано и закрѣплено за Московскимъ государствомъ, и вся эта великая историческая рѣка вскорѣ окончательно сдѣлалась Русскою рѣкою: ибо теперь открылся по ней свободный путь не только для Русскихъ ратныхъ людей, но и для Русскихъ торговцевъ, промышленниковъ (особенно рыбныхъ) и колонистовъ-земледѣльцевъ.

Завоеваніе Казани и Астрахани повлекло за собою непосредственныя сношенія Москвы съ владѣтелями Прикавказскихъ странъ. Подобно Ногайскимъ князьямъ эти владѣтели соперничали и враждовали другъ съ другомъ; болѣе слабые изъ нихъ начали искать покровительства и помощи сильнаго Московскаго государства. Такъ еще въ 1552 году въ Москву прибыли двое Черкесскихъ князей съ просьбою, чтобы государь заступился за нихъ и взялъ ихъ въ свое подданство. Потомъ приходили другіе Черкесскіе и Кабардинскіе князья (въ томъ числѣ Темрюкъ); кто просилъ помощи противъ Крымскаго хана и Турецкаго султана, кто противъ шамхала Тарковскаго, а шамхалъ присылалъ бить челомъ о помощи противъ Черкесскихъ князей. Нѣкоторые князья при семъ принимали крещеніе. Вліяніе Москвы на Ногайскія орды теперь еще болѣе усилилось. Даже ханъ отдаленныхъ отъ нея Сибирскихъ Татаръ, по имени Едигеръ, прислалъ въ Москву посольство съ предложеніемъ покорности и дани. Государь отправилъ къ нему своихъ пословъ, чтобы привести его къ присягѣ и переписать у него «черныхъ людей».

Съ другой стороны, покореніе Казани и Астрахани усилило враждебныя къ намъ отношенія разбойничьей Крымской орды. Мы видѣли, какъ во время Іоаннова похода на Казань Девлетъ-Гирей пытался внезапнымъ вторженіемъ въ Россію отвлечь его силы, но безуспѣшно. Также и во время измѣны Астраханскаго царя Дербыша-Али, чтобы

отстранить отъ него ударъ, ханъ повторилъ внезапное вторженіе въ Русскія украйны лѣтомъ 1555 года. Онъ объявилъ, что идетъ на Черкесскихъ князей, поддавшихся Москвѣ; Іоаннъ немедленно послалъ воеводу Ивана Васильевича Шереметева съ 13.000 войскомъ къ Перекопу, чтобы отвлечь хана отъ Черкесовъ. Только дорогою Шереметевъ узналъ, что Крымцы идутъ на Рязанскія и Тульскія украйны въ числѣ 60.000 всадниковъ. Онъ пошелъ за ними и послалъ извѣстіе о томъ въ Москву. Самъ царь выступилъ въ походъ къ Коломнѣ, а напередъ себя послалъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго. Узнавъ о походѣ самого Іоанна, ханъ повернулъ назадъ. Въ 150 верстахъ отъ Тулы, на Судьбищахъ, онъ встрѣтился съ Шереметевымъ. У послѣдняго въ это время не доставало третьей части войска, которая была отряжена на задній Крымскій полкъ, охранявшій запасныхъ Татарскихъ коней и верблюдовъ, и отбила у него огромное ихъ количество. Несмотря на чрезвычайное неравенство силъ, Шереметевъ храбро вступилъ въ битву, въ теченіе почти двухъ дней богатырски дрался съ Татарами и одерживалъ надъ ними верхъ. Но когда онъ былъ тяжело раненъ, малочисленное Русское войско пришло въ растройство и потерпѣло пораженіе; однако остатки его, съ воеводами Басмановымъ и Сидоровымъ, засѣли въ лѣсномъ оврагѣ и отбили всѣ приступы непріятеля. Опасаясь приближенія царской рати, ханъ не сталъ болѣе медлить и поспѣшилъ назадъ въ Крымъ, дѣлая по 70 верстъ въ день.

Въ слѣдующемъ 1556 году ханъ задумалъ новое вторженіе въ Россію; но царь, получившій своевременно о томъ извѣстіе, рѣшилъ не только приготовиться къ новой встрѣчѣ его на Русскихъ украйнахъ, но и произвести отвлеченіе (диверсію) съ другой стороны. Съ этою цѣлью онъ отправилъ дьяка Ржевскаго съ казаками изъ Сѣверской области къ Днѣпру, а другой отрядъ послалъ къ Дону. Ржевскій, построивъ суда на рѣкѣ Псёлѣ, выплылъ на Днѣпръ. Къ нему пристали еще три сотни Малороссійскихъ казаковъ. Этотъ отрядъ сдѣлалъ удачное нападеніе на Турецкія крѣпости Исламъ-Кермень и Очаковъ; на обратномъ плаваніи Ржевскій съ помощью своихъ пищалей отбилъ нападенія Крымцевъ и благополучно вернулся назадъ. Слухъ о появленіи Русскаго войска въ низовьяхъ Днѣпра удержалъ Девлетъ-Гирея отъ вторженія въ Московское государство. Мало того, этотъ удачный поискъ возбудилъ соревнованіе атамана Днѣпровскихъ казаковъ, старосты Каневскаго, удалаго князя Дмитрія Вишневецкаго. Онъ укрѣпился со своими казаками на Хортицкомъ островѣ и билъ челомъ Московскому государю о принятіи его въ свою службу. Просьба его была исполнена. Вишневецкій напалъ на Исламъ-Кермень, взялъ

его, вывезъ изъ него пушки къ себѣ на Хортицу и отбилъ нападеніе самаго хана на этотъ островъ (1557). Въ тоже время поддавшіеся Москвѣ князья Пятигорскихъ Черкесовъ напали на Тамань и взяли тамъ два Татарскихъ городка. Когда же Вишневецкій, осажденный Турками, Волохами и Татарами, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, покинулъ Хортицу и снова занялъ свои прежніе города на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкасы, Іоаннъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву, а города эти возвратить Польскому королю, съ которымъ находился въ мирѣ. Въ Москвѣ Вишневецкій получилъ отъ Іоанна городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами.

Зима 1557 года отличалась лютыми морозами, отъ которыхъ погибло множество людей и скота въ Ногайскихъ улусахъ, такъ что Ногайскія орды, прежде весьма многочисленныя, сильно ослабѣли; а слѣдующее лѣто сопровождалось чрезвычайною засухою, отъ которой выгорѣла въ южныхъ степяхъ трава; скотъ въ Крымской ордѣ падалъ отъ безкормицы, а на людей напала моровая язва. Говорятъ, число воиновъ тамъ до того уменьшилось, что ханъ едва могъ собрать 10.000 исправныхъ наѣздниковъ. Умные совѣтники Іоанна убѣждали его воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для совершеннаго разоренія этого разбойничьяго гнѣзда. Но царь продолжалъ ограничиваться легкими поисками: въ 1558 году онъ посылалъ Вишневецкаго съ 5.000 человѣкъ на Днѣпръ и къ Перекопу; въ 1559 году тогоже Вишневецкаго отправилъ на Крымъ Дономъ, а окольничаго Даніила Адашева съ 8000 послалъ туда же Днѣпромъ. Поискъ Адашева оказался чрезвычайно удачнымъ. Онъ выплылъ Днѣпромъ въ Черное море, взялъ два Турецкихъ корабля, высадился на западныхъ берегахъ Крыма, опустошилъ Татарскіе улусы и освободилъ много плѣнниковъ изъ Московской и Литовской Руси. Прежде нежели ханъ успѣлъ собраться съ силами, Адашевъ, обремененный добычей и плѣнными, ушелъ назадъ и благополучно вернулся. Девлетъ-Гирей прислалъ въ Москву смиренно просить о мирѣ. Тщетно царскіе совѣтники уговаривали Іоанна ковать желѣзо пока горячо и доконать Крымскую орду: или самому идти, или послать воеводъ съ большимъ войскомъ и завоевать ее также какъ царство Казанское и Астраханское. Царь находилъ это предпріятіе слишкомъ труднымъ; притомъ онъ уже былъ занятъ тогда начавшеюся войною Ливонскою.

Хорошо-ли сдѣлалъ Іоаннъ, отказавшись отъ наступательной и рѣшительной войны съ Крымскою ордою? Объ этомъ историки неодинаковаго мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ склоняются къ его оправданію, указывая главнымъ образомъ на обширныя степи, отдѣлявшія тогда Московское государство отъ Крымскихъ Татаръ и затруднявшія

продовольствіе большаго войска, и на вассальную зависимость Крымскаго хана отъ могущественнаго Турецкаго султана, съ которымъ по всей вѣроятности пришлось бы вступить въ упорную борьбу. Указываютъ также на позднѣйшіе походы (князя Голицына и Миниха), не приведшіе къ покоренію Крыма. Все это справедливо; но мы думаемъ, что и совѣтники Іоанна также были люди умные и понимавшіе дѣло, а главное хорошо цѣнившіе современныя имъ обстоятельства. Во первыхъ, много значило овладѣвшее тогда Русскими людьми одушевленіе въ борьбѣ съ мусульманскими сосѣдями; а затѣмъ хотя походъ степной былъ труденъ, однако возможенъ, какъ доказали тѣ же названные сейчасъ послѣдующіе походы. Кромѣ главной Московской рати къ услугамъ Іоанна были тогда не только казаки Донскіе и Днѣпровскіе, но отчасти и Ногайскіе Татары, а также князья Черкесскіе. Между последними именно въ это время проявилось значительное движеніе къ православію и къ войнѣ съ Крымцами, такъ что Іоаннъ по ихъ просьбѣ послалъ имъ князя Вишневецкаго, какъ общаго предводителя, и многихъ священниковъ для крещенія народа. Не надобно забывать, что разъ благопріятныя обстоятельства были упущены и Крымская орда надолго оставлена нами въ покоѣ, эта орда вновь оправилась, окрѣпла и явилась потомъ еще болѣе сильнымъ хищникомъ, постоянно истощавшимъ Русскія области огромными полонами и мѣшавшимъ движенію Русской колонизаціи въ сосѣднія южныя степи.

—

Начавшійся при Иванѣ III-мъ призывъ въ Москву иноземныхъ архитекторовъ, литейщиковъ, лѣкарей и всякаго рода мастеровъ, продолжался и послѣ него. Московское правительство ясно видѣло отсталость своего народа въ искусствахъ и промышленности отъ Западной Европы и потому очень желало привлечь въ свою службу знающихъ людей, въ особенности для усиленія своихъ военныхъ средствъ, т. е. для постройки не только каменныхъ храмовъ, но и прочныхъ крѣпостей, для изготовленія пушекъ, пороху и разнаго оружія, а также для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей царскаго двора. Наши западные сосѣди съ своей стороны также ясно видѣли, какая грозная сила растетъ противъ нихъ въ лицѣ Московскаго государства, объединившаго Великорусскую народность; они понимали, что пока эта народность лишена Европейскихъ знаній, она не можетъ развить вполнѣ свое могущество, а потому съ неудовольствіемъ смотрѣли на поѣздки Итальянскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ въ Москву и доставку туда военныхъ снарядовъ. Польско-литовскіе государи, оба Сигизмунда, I-й и II-й, прямо старались мѣшать подобнымъ сношеніямъ и не поз-

воляли Европейскимъ купцамъ возить чрезъ свои земли въ Московскую Русь оружіе и военные припасы. Еще съ большей подозрительностію относился къ таковымъ сношеніямъ слабый Ливонскій орденъ. Свою враждебность онъ выказалъ особенно по слѣдующему поводу.

Въ 1547 году, когда царь приблизилъ къ себѣ умныхъ совѣтниковъ, онъ далъ порученіе одному находившемуся въ Москвѣ Нѣмцу Шлитте, родомъ Саксонцу, набрать въ Германіи разныхъ художниковъ и мастеровъ на царскую службу, для чего снабдилъ его своею грамотою къ императору Карлу V-му. Шлитте получилъ отъ Карла разрѣшеніе и набралъ болѣе ста человѣкъ; тутъ были архитекторы, оружейные мастера, литейщики, живописцы, ваятели, каменьщики, мельники, рудокопы, слесаря, кузнецы, каретники, типографщикъ, органистъ, медики, аптекаря и пр.; даже было нѣсколько богослововъ, отправлявшихся по желанію Римской куріи съ цѣлію католической пропаганды. Но въ Любекѣ, по наущенію Ливонскихъ Нѣмцевъ, Шлитте задержали подъ предлогомъ одного стараго долга. Спустя два года, ему однако удалось съ частью собранныхъ людей добраться моремъ до Ливоніи; тутъ орденскія власти задержали его снова и посадили въ заключеніе. На сей разъ они выхлопотали у императора декретъ, которымъ приказывалось ордену не пропускать въ Москву подобныхъ людей, не смотря ни на какіе паспорты. Впослѣдствіи Шлитте удалось освободиться и даже вновь побывать въ Москвѣ; но предпріятіе его уже разстроилось: собранные имъ люди разошлись въ разныя стороны; лишь немногіе изъ нихъ успѣли пробраться въ Москву и поступить на царскую службу. Какъ строго относились къ подобнымъ людямъ Ливонскія власти, показываетъ примѣръ одного пушечнаго мастера, котораго завербовалъ Шлитте, по имени Ганса. Его поймали на дорогѣ въ Россію и посадили въ тюрьму. Гансъ бѣжалъ изъ тюрьмы, но около Русской границы его вновь поймали и на сей разъ отрубили голову.

Въ то время, когда Ливонскій орденъ и Ганзейскій союзъ старались преграждать доступъ въ Россію западноевропейскимъ искусствамъ и ремесламъ посредствомъ Балтійскаго моря, почти внезапно открылся иной путь для сношеній Россіи съ западной Европой, путь Бѣломорскій.

Завязавшіяся торговыя сношенія Россіи съ Англіей не замедлили возбудить живѣйшія опасенія со стороны нашихъ сосѣдей, именно Польши, Ливоніи и Швеціи. Король Шведскій Густавъ-Ваза даже обращался къ Англійской королевѣ Маріи съ убѣжденіями не торговать съ Россіей, чтобы не доставлять Московскому царю средствъ къ завоеванію сосѣднихъ странъ. Марія отказалась отъ подобнаго запре-

щенія, но обѣщала принять мѣры, чтобы Англичане не доставляли въ Россію военныхъ снарядовъ. Дѣло въ томъ, что Шведскій король именно въ это время находился въ войнѣ съ Русскими (съ 1554 г. по 1557 г.). Она возникла вслѣдствіе пограничныхъ распрей; кромѣ того король питалъ неудовольствіе на царя за то, что тотъ не хотѣлъ лично сноситься съ нимъ, а по старому обыкновенію предоставлялъ эти сношенія своимъ Новгородскимъ намѣстникамъ. Разсчитывая на помощь Ливонскаго ордена и Польско-литовскаго короля, Густавъ смѣло началъ войну. Шведы осаждали городъ Орѣшекъ и имѣли успѣхъ въ незначительныхъ встрѣчахъ. Но пришло большое Русское войско подъ начальствомъ князя Щенятева, двинулось на Выборгъ и двукратно разбило Шведовъ; хотя Выборга Русскіе не взяли, за то сильно опустошили страну и набрали столько плѣнныхъ, что, по словамъ нашей лѣтописи, «мужчину продавали по гривнѣ, а дѣвку по пяти алтынъ». Не получивъ помощи ни отъ Ливонцевъ, ни отъ Литовцевъ, Густавъ вступилъ въ переговоры, и миръ былъ заключенъ на прежнихъ условіяхъ и старыхъ рубежахъ. Во время сихъ переговоровъ, на требованіе Шведскихъ пословъ, чтобы впредь королю непосредственно сноситься съ царемъ, а не съ Новгородскими намѣстниками, Московскіе бояре указали на знатные роды этихъ намѣстниковъ, происходившихъ отъ князей Русскихъ, или Литовскихъ, или Татарскихъ, и прибавили: «А про государя вашего въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ, того не давно ся дѣлало и всѣмъ вѣдомо». Тутъ конечно разумѣлись тѣ превратности и приключенія, которымъ подвергался Густавъ-Ваза послѣ своего бѣгства изъ Даніи. Вообще при заключеніи сего мира Іоаннъ относился къ Шведскому королю гордо, какъ побѣдитель къ побѣжденному. Посылая нѣсколько вещей изъ Шведской добычи въ подарокъ извѣстному Ногайскому князю Измаилу, онъ писалъ ему въ такомъ смыслѣ, что «король *Нѣмецкій* намъ *сгрубилъ*, и мы его наказали».

Всѣ эти успѣхи во внѣшнихъ войнахъ внушили молодому Московскому царю высокое понятіе о своемъ могуществѣ и еще крѣпче утвердили въ намѣреніи завоевать Ливонію.

—

Ливонія въ данную эпоху представляла замѣчательное по своей отсталости внутреннее устройство, основанное на сословномъ, церковномъ и племенномъ раздѣленіи.

Первенствующее значеніе въ странѣ принадлежало духовно-рыцарскому ордену Меченосцевъ, съ магистромъ ордена во главѣ. Послѣ того, какъ Прусско-тевтонскій орденъ принялъ реформацію и обратил-

ся въ свѣтское владѣніе, прекратились зависимыя отношенія Ливонскаго магистра къ Прусскому гросмейстеру, и знаменитый Вальтеръ фонъ Плетенбергъ занялъ положеніе почти самостоятельнаго имперскаго князя, только номинально зависимаго отъ Германскаго императора. Владѣнія орденскія были разбросаны по всѣмъ частямъ Ливоніи и занимали едва ли не большую часть ея территоріи. Мѣстопребываніемъ магистра служилъ замокъ Венденъ; но ему принадлежало еще болѣе десяти замковъ, и половина города Риги находилась подъ его верховною властію. Помощникъ его или ландмаршалъ жилъ въ замкѣ Зегевольде и владѣлъ еще нѣсколькими замками. За нимъ слѣдовали восемь орденскихъ окружныхъ начальниковъ или комтуровъ: Феллинскій, Пернавскій, Ревельскій, Маріенбургскій, Динабургскій, Гольдингенскій, Виндавскій, Добельнскій; каждый владѣлъ нѣсколькими замками. Потомъ восемь орденскихъ фогтовъ: въ Зонненбургѣ, Вейсенштейнѣ, Везенбергѣ и пр. Всѣхъ замковъ въ рукахъ орденскихъ властей находилось болѣе 50; къ каждому замку приписано было извѣстное количество земли съ сельскими жителями, которые были обложены доставкою ржи, ячменя, овса, сѣна и другихъ припасовъ для содержанія замковыхъ обитателей.

Рядомъ съ духовно-рыцарскимъ орденомъ существовали чисто-духовныя власти, въ лицѣ Рижскаго архіепископа и четырехъ епископовъ, которые считали себя духовными князьями и признавали надъ собой только авторитетъ папы, именно: Дерптскій, Ревельскій, Эзельскій и Курляндскій. Архіепископъ Рижскій сохранилъ верховную власть только надъ одной половиною Риги; но самъ онъ обыкновенно не жилъ здѣсь, а смотря по времени года проводилъ: весну въ замкѣ Лемзалѣ, лѣто въ Кокенгузенѣ, на берегу Двины, а зиму въ изобилующемъ лѣсными окрестностями Роннебургѣ. Кромѣ того во владѣніи архіепископской каѳедры и капитула было много другихъ замковъ, также и во владѣніи епископовъ.

За орденомъ, епископскими каѳедрами и ихъ капитулами слѣдовало свѣтское рыцарское сословіе, которое владѣло замками на землѣ ордена или духовенства на ленныхъ правахъ. Вся страна была покрыта такимъ образомъ болѣе чѣмъ полутораста укрѣпленными замками.—Рядомъ съ духовенствомъ и рыцарствомъ стояли граждане нѣсколькихъ значительныхъ городовъ, каковы Рига, Ревель, Дерптъ, Пернава, Вольмаръ, Нарва и нѣкоторые другіе; они пользовались самоуправленіемъ, т. е. имѣли собственные выборные чины, признанные въ тоже время верховною властью епископовъ или ордена.

Единственнымъ объединяющимъ всѣ эти четыре сословія учрежденіемъ съ XV вѣка служили общіе сеймы или ландтаги, куда собирались уполномоченные отъ ордена, духовенства, земскаго рыцарства и го-

родовъ. Сеймы эти созывались обыкновенно магистромъ и собирались по преимуществу въ городѣ Вольмарѣ, по его серединному положенію въ странѣ. Только постановленія или рецессы этихъ сеймовъ считались обязательными для всей страны и для всѣхъ сословій. Но, при недостаткѣ общей исполнительной власти, сеймовыя рѣшенія нерѣдко оставались недѣйствительными и не могли прекратить внутренніе раздоры между разными сословіями, а въ особенности борьбу между свѣтскою и духовною властію. Наконецъ, рядомъ съ этими господствующими сословіями, состоявшими изъ пришлыхъ Нѣмцевъ, жило большинство населенія, покоренное, крѣпостное и безправное, принадлежавшее къ племенамъ Чудскому и Литовскому, которое съ ненавистью сносило свое иго и при случаѣ готово было возстать противъ своихъ притѣснителей.

Распространившаяся около того времени въ Ливоніи реформація еще болѣе усилила господствовавшій тамъ политическій хаосъ. Реформація проникла сюда изъ Пруссіи. Одинъ школьный учитель и вмѣстѣ послѣдователь Лютера, по имени Кнеппенъ, спасаясь отъ преслѣдованія мѣстнаго епископа, въ 1521 г. убѣжалъ изъ Пруссіи въ Ригу, и здѣсь успѣшно началъ распространять Лютерово ученіе. Въ числѣ его послѣдователей и пособниковъ явились бургомистръ города Дуркопъ и городской секретарь Ломиллеръ. Попытки Рижскаго архіепископа Бланкенфельда строгими мѣрами подавить партію реформаціи въ Ригѣ оказались безуспѣшны при томъ самоуправленіи, которымъ пользовался этотъ богатый городъ; а изъ Риги евангелическое ученіе стало распространяться и по другимъ мѣстамъ, между прочимъ въ Ревелѣ и Дерптѣ, которые послѣ Риги были наиболѣе значительными городами. Магистръ ордена Плеттенбергъ самъ питалъ расположеніе къ реформаціи. По примѣру Тевтонскаго гросмейстера Альбрехта Бранденбургскаго, онъ могъ бы попытаться, вмѣстѣ со введеніемъ реформы, обратить Ливонію въ свѣтское герцогство; но, находясь уже въ престарѣломъ возрастѣ, онъ не разсчитывалъ на основаніе собственной династіи. Поэтому Плеттенбергъ отнесся къ дѣлу реформы сдержанно, и во время борьбы съ ней духовенства велъ себя нейтрально; но въ распрѣ Риги съ архіепископомъ явно принималъ сторону горожанъ. Чтобы подкрѣпить католическую партію, архіепископъ, при помощи Рижскаго капитула, выбралъ своимъ коадъюторомъ и вмѣстѣ преемникомъ маркграфа Бранденбургскаго Вильгельма, который былъ братомъ помянутому Альбрехту. Но маркграфъ Вильгельмъ явился далеко не ревностнымъ противникомъ реформаціи: онъ болѣе заботился о сохраненіи себѣ архіепископскихъ владѣній и доходовъ. Точно также отличались вѣротерпимостью и преемники Плеттенберга (умершаго въ

1535 г.). Въ Ливоніи отражались событія, волновавшія тогда Германію. Такъ здѣсь явились подражатели сектѣ анабаптистовъ и иконоборцевъ, производившіе разныя безчинства: они выбрасывали изъ церквей алтари и статуи, выгоняли монаховъ и монахинь изъ монастырей и даже разрушали церкви. Между прочимъ въ Дерптѣ они не пощадили и православнаго храма, сооруженнаго для Русскихъ купцевъ. Когда въ Германіи образовался Шмалькальденскій союзъ для защиты реформаціи, городъ Рига присталъ къ этому союзу. По смерти Бланкенфельда (1539) Рижане въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отказывались принести обычную присягу новому архіепископу, т. е. Вильгельму Бранденбургскому, какъ своему свѣтскому государю, и уступили только подъ условіемъ свободы вѣроисповѣданія. Эта свобода, наконецъ, была признана архіепископомъ и епископами для всей Ливоніи на Вольмарскомъ сеймѣ 1554 года. Такимъ образомъ къ дробленію населенія на отдѣльныя сословія и народности присоединилось еще церковное раздѣленіе на католиковъ и протестантовъ.

Побѣды Плеттенберга въ Русско-ливонской войнѣ начала XVI вѣка надолго обезпечили внѣшній миръ для Ливоніи. Этотъ продолжительный миръ вмѣстѣ съ усиленною торговою дѣятельностью важнѣйшихъ Ливонскихъ городовъ способствовалъ накопленію богатствъ и вообще произвелъ экономическое процвѣтаніе страны. Но за то онъ способствовалъ также водворенію роскоши и изнѣженности и особенно вредно подѣйствовалъ на рыцарскій орденъ, который отвыкъ отъ воинской дѣятельности, предался праздности и большой распущенности. Не стѣсняясь своими обѣтами безбрачія, рыцари открыто держали и мѣняли любовницъ, слѣдуя примѣру своихъ духовныхъ сановниковъ. Отъ духовенства и рыцарства эта распущенность нравовъ распространялась на горожанъ и на самое крестьянское сословіе. Эсты и Латыши, принявшіе христіанство только внѣшнимъ образомъ и плохо наставляемые своими духовными пастырями, вполнѣ сохраняли свои языческіе обычаи и вѣрованія, и почти не имѣли у себя браковъ, освященныхъ церковью, въ чемъ они подражали своимъ духовнымъ господамъ и церковнымъ пастырямъ. При такомъ упадкѣ религіи и нравственности, на первый планъ выступила любовь къ веселью и всякаго рода празднествамъ. Бароны и земскіе рыцари въ томъ только и проводили время, что ѣздили другъ къ другу въ гости, пировали, охотились. Если въ дворянскомъ домѣ праздновалась свадьба или крестины, то это событіе служило поводомъ для съѣзда и пировъ на нѣсколько недѣль. Горожане также при всякомъ празднествѣ предавались разгулу и пьянству; героями пировъ являлись такіе гуляки, которые выпивали самое большее количество вина или пива. Послѣд-

нее пилось изъ такихъ кружекъ и чашъ, въ которыхъ, по выраженію Ливонскаго лѣтописца, можно было дѣтей крестить. Празднества сопровождались также играми и плясками; особенно шумныя, непристойныя игрища происходили зимою вокругъ Рождественской елки, а весною въ ночь подъ Ивановъ день. Но при всей наклонности къ веселью и разгулу, Ливонскіе Нѣмцы не отличались мягкосердіемъ и добродушіемъ. Напротивъ, ихъ отношенія къ покореннымъ туземцамъ были самыя суровыя; послѣдніе находились въ угнетеніи и нищетѣ, ибо Нѣмецкіе господа старались выжимать изъ нихъ какъ можно болѣе доходовъ и облагали ихъ чрезмѣрными поборами. О жестокомъ, мстительномъ характерѣ Нѣмецкихъ бароновъ свидѣтельствуютъ многіе человѣческіе скелеты, находимые въ Ливонскихъ замкахъ, эти останки людей, которые были или замуравлены живыми, или прикованы цѣпью въ какомъ-нибудь подземельѣ.

Враждебность Ливонскихъ Нѣмцевъ къ Россіи, постоянно проявлявшаяся разными притѣсненіями Русскихъ купцовъ и недозволеніемъ провозить военный матеріалъ, конечно вызывала Русское правительство на возмездіе. Въ Москвѣ очевидно знали политическую несостоятельность Ливоніи. Считая ее легкою добычей, Иванъ Васильевичъ, возгордившійся покореніемъ Казанскаго царства, задумалъ воспользоваться первымъ удобнымъ поводомъ для завоеванія и этой страны. Поводъ не замедлилъ открыться.

Когда истекло пятидесятилѣтнее перемиріе, заключенное между Иваномъ III и Плеттенбергомъ въ 1503 году, то Ливонскіе чины отправили къ Ивану IV посольство, чтобы вести переговоры о продленіи перемирія еще на тридцать лѣтъ. Въ 1554 году прибыли въ Москву послы отъ Ливонскаго магистра, Рижскаго архіепископа и Дерптскаго епископа, и просили, чтобы государь велѣлъ своимъ Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстникамъ заключить новое перемиріе. Царь поручилъ вести переговоры съ посольствомъ окольничему Алексѣю Ѳедоровичу Адашеву и дьяку Висковатому. Окольничій и дьякъ объявили, что государь на всю землю Ливонскую гнѣвъ свой положилъ и не велитъ своимъ намѣстникамъ давать перимирье за слѣдующія вины: 1) Юрьевскій (т. е. Дерптскій) епископъ уже много лѣтъ не платитъ дани съ своей волости, 2) гостей Русскихъ Ливонскіе Нѣмцы обижаютъ и 3) Русскіе концы въ Юрьевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ (Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ) Нѣмцы присвоили себѣ, вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ Русскими церквами, которыя разграбили и частію разрушили (протестанты). Послы выразили недоумѣніе, о какой дани имъ говорятъ: никакой дани они не знаютъ по старымъ грамотамъ. Но Адашевъ напомнилъ имъ, что Нѣмцы пришли изъ за моря

и взяли силою Русскую волость (Юрьевскую), которую великіе князья уступили имъ подъ условіемъ дани; что эту дань они давно не платили, а теперь должны заплатить и съ недоимками, а именно за 50 лѣтъ, и впередъ съ каждаго человѣка платить ежегодно по гривнѣ Нѣмецкой (маркѣ). Напрасно послы пытались оспаривать эту дань. Наконецъ, они уступили, и переговоры кончились согласіемъ продолжить перемиріе еще на 15 лѣтъ подъ слѣдующими главными условіями: уплатить означенную Юрьевскую дань съ недоимками въ три года и за ручательствомъ всей Ливоніи; очистить Русскіе концы и церкви; Русскимъ и Ливонскимъ гостямъ обоюдно предоставить свободную торговлю въ своихъ земляхъ; дать управу въ торговыхъ и порубежныхъ обидахъ, и не заключать союза съ королемъ Польскимъ. Такъ какъ условія эти вступали въ силу только послѣ подтвержденія ихъ Ливонскими чинами, то послы и согласились на нихъ, предоставляя рѣшеніе вопроса своимъ властямъ. Они привѣсили къ перемирной грамотѣ свои печати, которыя при утвержденіи договора должны были быть отрѣзаны и замѣнены печатями магистра, архіепископа и епископа. Въ Ливоніи однако вѣсть о такомъ договорѣ произвела смятеніе; архіепископъ немедля созвалъ сеймъ въ Лемзалѣ. На чемъ онъ рѣшилъ, намъ неизвѣстно; но вскорѣ затѣмъ въ Дерптъ прибылъ отъ Новгородскихъ намѣстниковъ посолъ келарь Терпигоревъ за подтвержденіемъ перемирнаго договора. Въ епископскомъ совѣтѣ долго разсуждали и спорили о томъ, какъ поступить. Наконецъ, канцлеръ епископа Гольцширъ предложилъ привѣсить свои печати къ договорной грамотѣ, но въ дѣйствительности дани не платить, а представить это дѣло тотчасъ на рѣшеніе императора, какъ своего верховнаго леннаго государя. «Московскій царь вѣдь мужикъ (ein Baur); онъ не пойметъ, что мы передаемъ дѣло въ имперскій камергерихтъ, который все это постановленіе отмѣнитъ» — пояснялъ канцлеръ. Мысль показалась удачною. Къ договорной грамотѣ привѣсили новыя печати, возвратили Русскому послу, и тутъ же въ его присутствіи начали писать протестацію на имя императора. «Чтó это одинъ говоритъ, а другіе записываютъ?» спросилъ Терпигоревъ. Когда ему объяснили въ чемъ дѣло, онъ замѣтилъ: «А какое дѣло моему государю до императора? Не станете ему дани платить, онъ самъ ее возьметъ». Пришедъ къ себѣ домой въ сопровожденіи епископскихъ гофъ-юнкеровъ, Терпигоревъ вынулъ изъ за пазухи договорную грамоту и приказалъ своему подъячему, завернувъ ее въ шелковый платокъ, уложить въ ящикъ обитый сукномъ, при чемъ шутя замѣтилъ: «Смотри, береги этого еленка, чтобы онъ выросъ великъ и разжирѣлъ».

Со времени перваго прибытія Ливонскихъ пословъ въ Москву протекло три года. Въ это время возникла и успѣла окончиться война Густава-Вазы съ Іоанномъ IV. Ливонія, какъ мы видѣли, не двинулась на помощь Густаву; въ ней самой произошло тогда новое междоусобіе вслѣдствіе борьбы между свѣтской и духовной властію. Въ 1546 году на Вольмарскомъ сеймѣ постановлено было, чтобы впредъ архіепископъ, епископы и магистръ не назначали себѣ въ коадъюторы или преемники лицъ изъ Германскихъ владѣтельныхъ домовъ. Самъ архіепископъ Вильгельмъ подписалъ это постановленіе; но въ 1554 году онъ вдругъ назначилъ своимъ коадъюторомъ семнадцатилѣтняго Христофа герцога Мекленбургскаго, своего родственника, призвалъ его въ Ливонію и передалъ ему нѣкоторые изъ своихъ замковъ. Орденъ рѣшительно возсталъ противъ такого незаконнаго поступка. Магистръ фонъ-Галенъ созвалъ сеймъ въ Венденѣ, гдѣ сословія рѣшили употребить силу противъ архіепископа и его коадъютора. Для найма ратныхъ людей магистръ отправилъ въ Германію молодаго Динабургскаго комтура Готгарда Кетлера, бывшаго родомъ изъ Вестфаліи. Началась междоусобная война. Ландмаршалъ фонъ-Минстеръ, раздраженный тѣмъ, что магистръ назначилъ своимъ коадъюторомъ не его, а Феллинскаго комтура Фирстенберга, принялъ сторону архіепископа. Но городъ Рига и Дерптскій епископъ держали сторону ордена. Фирстенбергъ осадилъ Кокенгузенъ и взялъ въ плѣнъ архіепископа вмѣстѣ съ его коадъюторомъ; ихъ посадили подъ стражу. Но за нихъ вступился король Польскій Сигизмундъ - Августъ, родственникъ Вильгельма, и потребовалъ имъ освобожденія, въ чемъ получилъ отказъ. Къ этому поводу присоединилось еще случайное убійство на Ливонской границѣ Польскаго гонца Ланского. Самъ король съ большимъ Польско-литовскимъ войскомъ вступилъ въ предѣлы Ливоніи. Орденъ оказался не въ силахъ ему сопротивляться. Новый магистръ Фирстенбергъ (фонъ-Галенъ между тѣмъ умеръ) у Курляндскаго мѣстечка Позволя, близъ замка Бауске, заключилъ миръ съ королемъ (въ Сентябрѣ 1557 г.): архіепископъ и его коадъюторъ были вполнѣ возстановлены въ своихъ правахъ. Эти событія ясно показали упадокъ Ливонскаго ордена и его военную несостоятельность. Чтобы предотвратить опасность, грозившую со стороны Московскаго государя, магистръ вскорѣ послѣ Позвольскаго мира поспѣшилъ заключить съ Сигизмундомъ-Августомъ, какъ съ великимъ княземъ Литовскимъ, оборонительный и наступательный союзъ. Одинъ уже этотъ союзъ давалъ Московскому царю поводъ къ войнѣ, такъ какъ былъ нарушеніемъ прямой статьи пятнадцатилѣтняго перемирія.

Въ Февралѣ 1557 г. въ Москву прибыли Ливонскіе послы. Трехлѣтній срокъ для внесенія дани истекалъ, но они явились сюда не съ деньгами, а съ просьбою о сложеніи дани съ Дерптскаго епископа. Царь не пустилъ къ себѣ на глаза этого посольства, а чрезъ тѣхъ же Алексѣя Адашева и дьяка Висковатаго велѣлъ отвѣчать, что онъ самъ будетъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ за ея неисправленіе. Послы уѣхали. Дорогою они ясно поняли, что Москвитяне готовятся къ войнѣ: въ извѣстныхъ разстояніяхъ видны были новопостроенные ямскіе дворы съ помѣщеніями для большаго количества лошадей; къ западной границѣ тянулись санные обозы съ съѣстными и военными припасами. Вслѣдъ за послами царь отправилъ окольничаго князя Шастунова съ товарищами строить на устьѣ Наровы ниже Ивангорода «корабельное пристанище» или гавань, при чемъ запретилъ Новгородскимъ, Псковскимъ и Ивангородскимъ купцамъ ѣздить съ товарами къ Нѣмцамъ. Испуганные сими приготовленіями, Ливонцы въ Декабрѣ того же 1557-го года вновь прислали посольство съ предложеніемъ внести за прежніе годы одну опредѣленную сумму въ 45.000 ефимковъ (или 18.000 Московскихъ рублей), а впредъ съ Юрьева ежегодно брать по тысячѣ Угорскихъ золотыхъ. Царь согласился; но когда отъ пословъ потребовали денегъ ихъ не оказалось. По извѣстію Ливонскихъ лѣтописцевъ, послы понадѣялись на обѣщаніе Московскихъ купцовъ дать имъ денегъ взаймы; ибо для Русскихъ купцовъ торговля съ Ливоніей была выгодна, и они не желали войны. Но царь будто бы подъ страхомъ смертной казни запретилъ своимъ купцамъ ссудить Нѣмцевъ деньгами. Напрасно послы просили оставить ихъ самихъ заложниками, пока деньги будутъ доставлены изъ Ливоніи. Царь не соглашался ни на какія отсрочки. Очевидно онъ уже рѣшилъ войну безповоротно. Послы уѣхали; говорятъ, на прощаньѣ ихъ посадили обѣдать и подали пустыя блюда въ знакъ того, что они пріѣхали съ пустыми руками.

Въ Январѣ 1558 года Русскіе воеводы вторглись въ Ливонію. Русское войско, простиравшееся до 40.000 и заключавшее въ себѣ отряды хищныхъ Касимовскихъ и Казанскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесъ, состояло подъ главнымъ начальствомъ извѣстнаго Касимовскаго хана Шигъ-Алея; а товарищами его были Михаилъ Васильевичъ Глинскій, дядя царя, и Даніилъ Романовичъ, царскій шуринъ. Воеводы имѣли наказъ не заниматься осадою городовъ и замковъ, а только повоевать, т.-е. опустошить, непріятельскія волости, что̀ и было исполнено въ точности. Войска наши, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, прошли Ливонію на полтораста верстъ въ длину параллельно съ Литовскимъ рубежемъ и на сто верстъ въ ширину; деревни и посады

они сожигали, скотъ и хлѣбные запасы истребляли, стариковъ и дѣтей убивали, но молодыхъ забирали въ плѣнъ, при чемъ, по словамъ Ливонскихъ лѣтописцевъ, совершали ужасныя варварства. Мѣстами Нѣмцы пытались обороняться въ открытомъ полѣ, но были вездѣ побиваемы по своей малочисленности. Дошедши недалеко до Риги и Ревеля, Русское войско повернуло назадъ и вышло въ Псковскую область, обремененное огромною добычей; ибо страна была до того времени богатая и цвѣтущая. По выходѣ изъ Ливоніи, Шигъ-Алей съ воеводами послалъ къ магистру грамату (конечно сочиненную въ Москвѣ), въ которой говорилось, что государь Московскій присылалъ свою рать покарать Ливонцевъ за ихъ неисправленіе, и что если они повинятся и пришлютъ челобитье, то воеводы готовы просить за нихъ. Ливонскіе чины съѣхались на Вольмарскомъ сеймѣ и тутъ рѣшили хлопотать о мирѣ. Магистръ прислалъ просить опасной граматы для пословъ; въ Москвѣ грамату дали, велѣли пріостановить военныя дѣйствія и заключить перемиріе. Большіе Ливонскіе города сдѣлали складчину, собрали 60.000 талеровъ и отправили ихъ въ Москву съ посольствомъ, во главѣ котораго былъ поставленъ братъ магистра Фюрстенберга. Но это посольство еще не успѣло прибыть по назначенію, какъ перемиріе было нарушено.

На возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки Наровы, недалеко отъ ея устья, расположенъ значительный и въ то время хорошо укрѣпленный городъ Нарва, въ Русскихъ лѣтописяхъ извѣстный подъ именемъ Ругодива. Супротивъ него, на другомъ менѣе высокомъ берегу рѣки, Иваномъ III поставлена была Русская крѣпость или такъ наз. Ивангородъ. Было время Великаго поста. Ивангородцы строго соблюдали перемиріе и усердно посѣщали церковную службу; а жители Нарвы, большею частью лютеране, пили пиво и веселились. Съ Нарвскихъ башенъ видна почти вся внутренность Ивангорода, и пьяные Нѣмцы ради потѣхи стали осыпать картечью православныхъ людей, собиравшихся въ церкви, при чемъ нѣкоторыхъ убили. Русскіе воеводы не отвѣчали на выстрѣлы, а послали тотчасъ извѣстить о томъ царя; отъ него пришло разрѣшеніе стрѣлять, но только изъ одного Ивангорода. Воеводы принялись усердно обстрѣливать Нарву изъ пушекъ и пищалей каменными и калеными ядрами. Тогда Нарвскія городскія власти послали просить пощады, обвиняя въ нарушеніи перемирія своего фохта («князьца», какъ выражается Русская лѣтопись), и предлагали поддаться Русскому государю. Увѣдомленный о томъ особымъ посольствомъ, царь приказалъ прекратить пальбу и отправилъ Алексѣя Басманова и Даніила Адашева съ отрядомъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, чтобы принять городъ Нарву съ округомъ въ Русское владѣніе.

Въ этотъ городъ между тѣмъ пришло отъ магистра подкрѣпленіе въ тысячу человѣкъ, и городскія власти начали передъ Русскими воеводами отпираться отъ собственнаго посольства, говоря, что они не поручали ему говорить о своемъ подданствѣ царю. Но тутъ какъ бы сама судьба наказала ихъ за вѣроломство. 11-го Мая въ городѣ вспыхнулъ страшный пожаръ. Русская легенда приписываетъ его чуду: хозяинъ одного дома въ горницѣ, гдѣ останавливались прежде Русскіе купцы, нашелъ православную икону Богородицы; насмѣхаясь надъ иконой, онъ бросилъ ее въ огонь подъ котелъ, гдѣ варилось пиво; оттуда вдругъ поднялось пламя до потолка и произвело пожаръ, а внезапно налетѣвшій вихрь разнесъ его въ разныя стороны; такъ какъ дома большею частью были деревянные, то огонь разлился съ неудержимою силой. Произошло ужасное смятеніе. Ивангородцы воспользовались имъ, бросились переправляться черезъ рѣку и, сбивъ ворота, ворвались въ городъ. Гарнизонъ заперся было въ замкѣ, но не выдержалъ безпрерывной пальбы и сдалъ его, выговоривъ себѣ свободное отступленіе. Вслѣдъ за тѣмъ взятъ былъ замокъ Нейшлотъ (у Русскихъ Сыренскъ), стоявшій при истокѣ Наровы изъ Чудскаго озера. Вскорѣ завоеванъ и городокъ Везенбергъ (у Русскихъ Раковоръ), средоточіе провинціи Вирланда. Такимъ образомъ все Занаровье съ значительною частію Эстляндіи очутилось въ Русскихъ рукахъ. Царь былъ очень обрадованъ этимъ успѣхомъ. Онъ отпустилъ Ливонское посольство ни съ чѣмъ и рѣшилъ продолжать войну; завоеванные же города велѣлъ очищать отъ Латинской и Лютерской вѣры и строить тамъ православныя церкви, для чего изъ Новгорода былъ присланъ въ Нарву Юрьевскій архимандритъ. Жителямъ ея онъ далъ жалованную грамоту и всѣхъ Нарвскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Россіи, велѣлъ возвратить въ отечество. Іоаннъ особенно дорожилъ Нарвою, какъ первою гаванью, которую Русскіе пріобрѣли на Балтійскомъ морѣ, и онъ постарался черезъ нее немедленно открыть непосредственныя торговыя сношенія Россіи съ иноземцами, помимо Ганзейскихъ городовъ, старавшихся удержать въ своихъ рукахъ монополію Балтійской торговли.

Вообще вмѣсто варварскаго опустошенія страны, совершеннаго при первомъ нашествіи Русскаго войска на Ливонію, теперь началось постепенное завоеваніе городовъ и замковъ съ очевидною цѣлью прочно въ ней утвердиться. Въ то время какъ одно войско дѣйствовало къ сѣверу отъ Чудскаго озера, т. е. въ Эстляндіи, другое войско выступило изъ Пскова подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, двинулось мимо южной части Чудскаго озера, вторглось въ собственную Ливонію, осадило пограничный замокъ Нейгаузенъ и, окруживъ его тура-

ми, громило частою пальбою изъ пушекъ и пищалей. Обороняемый храбрымъ рыцаремъ Искулемъ-фонъ Паденормъ, Нейгаузенъ задержалъ Русскихъ почти на цѣлый мѣсяцъ; но, не получая ни откуда помощи, наконецъ сдался, при чемъ гарнизонъ выговорилъ себѣ свободный выходъ изъ крѣпости. Въ это время магистръ ордена съ 8000-мъ войскомъ стоялъ лагеремъ неподалеку, именно около Киремпе, на дорогѣ между Нейгаузеномъ и Дерптомъ. Лагерь его былъ защищенъ со стороны Русскихъ рѣкою и болотами. Онъ еще окопался, и принялъ выжидательное положеніе, не рѣшаясь напасть на осаждавшее войско; когда же Нейгаузенъ палъ и Русскіе двинулись на самого магистра, онъ поспѣшилъ снять лагерь и ушелъ къ Валку. Находившійся въ его войскѣ, Дерптскій епископъ Германъ Вейландъ съ своимъ отрядомъ поспѣшилъ въ Дерптъ, причемъ задняя часть его отряда была настигнута Русскими и побита. Мѣстное земское рыцарство собралось было въ Дерптъ по призыву епископа, какъ своего леннаго владыки; но когда приблизилось Русское войско, большая часть рыцарей покинула городъ и спаслась въ западныя области. Кромѣ того въ эту критическую минуту въ городѣ поднялась распря между католиками и протестантами. Католики громко говорили, что Русская гроза ниспослана на Ливонію за отступленіе ея отъ истинной вѣры. Когда собрался городской совѣтъ и разсуждалъ о томъ, что́ предпринять въ виду близкой осады, послышались разныя мнѣнія: одни совѣтовали обратиться за помощью къ Швеціи, другіе къ Даніи, третьи къ Польшѣ. На помощь Германскаго императора не было никакой надежды, такъ какъ послѣ отреченія Карла V-го братъ и преемникъ его Фердинандъ былъ слишкомъ озабоченъ собственными дѣлами и особенно враждебными отношеніями Турокъ, чтобы думать о Ливоніи. Посреди разногласія выступилъ бургомистръ Антоній Тиле и со слезами на глазахъ началъ увѣщевать собраніе, чтобы оно оставило всякіе разсчеты на помощь извнѣ, а лучше обратилось бы къ собственнымъ средствамъ обороны. Онъ предлагалъ принести все частное достояніе на защиту отечества, продать всѣ золотыя и драгоцѣнныя украшенія ихъ женъ, чтобы нанять войско, а вмѣстѣ съ нимъ и самимъ единодушно выступить противъ непріятеля. Но рѣчь этого Ливонскаго Минина была голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Прежде чѣмъ осадить Дерптъ, Русскіе взяли еще нѣсколько замковъ, каковы Костеръ и Курславль. Окрестные сельскіе жители, ненавидя своихъ Нѣмецкихъ господъ, приходили къ воеводамъ и добровольно принимали Русское подданство. Воеводы обращались съ этимъ туземнымъ населеніемъ мягче, тогда какъ съ Нѣмцами поступали жестоко.

Въ Іюнѣ Русское войско явилось подъ Дерптомъ и начало возводить вокругъ него валы и устанавливать пушки, послѣ чего принялось осыпать городъ ядрами. Главная опора осажденныхъ заключалась въ двухтысячномъ Нѣмецкомъ отрядѣ, присланномъ изъ Германіи. Около двухъ недѣль длилась осада и пальба по городу. Гарнизонъ сначала защищался храбро и дѣлалъ частыя вылазки. Но бѣдствія осады и малое число защитниковъ скоро поколебали мужество гражданъ. Шуйскій искусно завязалъ переговоры, предлагая самыя льготныя условія сдачи. Нѣсколько разъ осажденные просили сроку для размышленія, стараясь между тѣмъ извѣстить магистра о своемъ крайнемъ положеніи; но когда отъ него вмѣсто помощи получено было письмо съ обѣщаніемъ усердно молиться Богу за осажденныхъ, епископъ и граждане пришли въ уныніе и рѣшились сдаться. При семъ они выговорили себѣ слѣдующія условія: епископъ остается во владѣніи своими имѣніями и получаетъ для жительства ближайшій монастырь Фалькенау, дворяне удерживаютъ свои земли, граждане сохраняютъ свободу Аугсбургскаго исповѣданія, городовое самоуправленіе и свои торговыя и судебныя привиллегіи; кто пожелаетъ можетъ выѣхать съ имуществомъ изъ города, а военные люди и съ оружіемъ; вывода въ Россію не будетъ, и Русскіе ратные люди не будутъ имѣть постоя въ домахъ обывателей. При занятіи города Русскимъ досталось въ добычу большое количество пушекъ, пороху и другихъ военныхъ припасовъ; но Шуйскій строго наблюдалъ, чтобы ратные люди не обижали жителей, и своимъ ласковымъ обхожденіемъ вообще снискалъ благодарность и довѣріе побѣжденныхъ. Царь подтвердилъ условія сдачи только съ небольшими исключеніями, касавшимися судебныхъ привиллегій; при семъ далъ Дерптскимъ гражданамъ право безпошлинной торговли въ Новгородѣ и Псковѣ. Чтобы закрѣпить за Россіей Юрьевскую область, онъ началъ раздавать въ ней помѣстья дѣтямъ боярскимъ, а епископа и нѣкоторыхъ гражданъ переселилъ въ Москву. Дерптъ тотчасъ переименованъ былъ Русскими въ свое древнее имя Юрьева; въ немъ стали возобновлять старые Русскіе храмы, а потомъ царь учредилъ особое православное Юрьевское епископство.

Паденіе Дерпта (третьяго по важности города послѣ Риги и Ревеля) произвело такой страхъ и смущеніе въ Ливоніи, что многія укрѣпленныя мѣста послѣ того сдавались Русскимъ почти безъ сопротивленія, и тѣмъ болѣе, что черные люди, т. е. туземцы Чудь и Ливы, охотно приносили присягу на Русское подданство. Число всѣхъ завоеванныхъ въ сѣверной части Ливоніи городовъ и замковъ простиралось теперь до 20-ти. Русскіе доходили до Ревеля, и Шуйскій посылалъ склонять гражданъ къ сдачѣ, но пока не рѣшился осаждать этотъ крѣпкій городъ. За-

ложивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православныя церкви и разставивъ вездѣ гарнизоны, Русское войско къ осени по обычаю удалилось въ отечество.

Послѣ отступленія Фюрстенберга отъ Киремпе къ Валку, неспособность его сдѣлалась столь очевидною, что орденскіе чины рѣшились назначить ему коадъютора. Выборъ ихъ палъ на Динабургскаго комтура Готгарда Кетлера, который въ это критическое время выдвинулся своими талантами и энергіей; онъ особенно отличился при помянутомъ отступленіи, храбро прикрывая тылъ уходившаго войска отъ Русскихъ, при чемъ не разъ подвергалъ свою жизнь опасности. Въ его руки теперь перешло дальнѣйшее веденіе войны съ Москвою; а Фюрстенбергъ, оставаясь магистромъ только по имени, удалился въ крѣпкій замокъ Феллинъ. Когда князь Шуйскій съ главнымъ войскомъ ушелъ изъ Ливоніи, Кетлеръ поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы отвоевать обратно завоеванные города, главнымъ образомъ Дерптъ. Ему удалось собрать до 10.000 человѣкъ; но по пути къ Дерпту его задержала мужественная оборона замка Рингена, который занимали всего 90 человѣкъ подъ начальствомъ боярскаго сына Русина Игнатьева. Хотя Рингенъ былъ наконецъ взятъ, но князь Курлятевъ и другіе Русскіе воеводы, сидѣвшіе въ Дерптѣ, успѣли дать въ Москву вѣсть объ опасности и приняли всѣ мѣры предосторожности; между прочимъ, многихъ Юрьевскихъ гражданъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Кетлеромъ, они отправили въ Псковъ, гдѣ ихъ держали до минованія опасности. Во время осады Рингена нѣкоторые Нѣмецкіе отряды ходили даже въ Псковскую землю и разорили тамъ нѣсколько волостей. Узнавъ о приближеніи большой Московской рати, Кетлеръ ничего не рѣшился предпринять противъ Юрьева, и ушелъ назадъ. Вскорѣ потомъ, въ Январѣ 1559 года, явилась въ Ливонію эта Русская рать, предводимая княземъ Микулинскимъ и Татарскимъ царевичемъ Тахтамышемъ. На сей разъ она обратила свои опустошенія на южную часть Ливоніи и разными отрядами пошла по обѣимъ сторонамъ Двины. По словамъ Ливонскихъ лѣтописцевъ, это нашествіе сопровождалось такимъ же разореніемъ и жестокостями, которыми ознаменовано было и первое вторженіе Русскихъ. Они доходили до самой Риги и къ веснѣ воротились назадъ съ огромною добычею. Въ эту трудную эпоху Ливонцы снова обратились къ государямъ Швеціи, Польши и Даніи съ просьбою о помощи или о ходатайствѣ, и тѣ дѣйствительно отправили посольства въ Москву. Изъ нихъ наиболѣе посчастливилось посламъ Датскаго короля Фридриха II; снисходя на его просьбу, Іоаннъ согласился дать Ливонцамъ шестимѣсячное перемиріе. Главною причиною такой внезапной

уступчивости были, впрочемъ, военныя дѣйствія противъ Крымскихъ Татаръ, отвлекавшія тогда силы и вниманіе царя. Это шестимѣсячное перемиріе имѣло важныя послѣдствія: оно не спасло самобытнаго существованія Ливоніи, но немало помогло ей ускользнуть отъ Русскаго завоеванія.

Время перемирія Ливонскія власти употребили на то, чтобы отыскивать себѣ помощь и собирать средства для дальнѣйшей борьбы съ Московскимъ царемъ. Отправлены были новыя посольства къ Императору и къ Шведскому королю; съ Датскимъ королемъ вступилъ въ переговоры епископъ Эзельскій, къ Сигизмунду - Августу отправился самъ Кетлеръ; принужденный выбирать между сосѣдями, онъ наиболѣе склонялся на сторону Польши и Литвы. Имперскіе чины по прежнему отказались отъ всякой военной помощи; они обѣщали денежную ссуду отъ имперскихъ городовъ, но и та не состоялась. Съ Польско-литовскимъ королемъ Кетлеръ, совмѣстно съ архіепископомъ Рижскимъ, заключилъ договоръ, по которому Ливонія отдавалась подъ его покровительство съ обязательствомъ защищать ее отъ Русскихъ, за что Литовцы получили въ залогъ полосу земли съ нѣсколькими орденскими и архіепископскими замками, каковы Динабургъ, Зельбургъ, Бауске, Маріенгаузенъ, Ленневарденъ и др. Ливонія оставляла за собою только право по окончаніи войны выкупить эти земли за 700.000 гульденовъ. Получивъ земли, король однако не спѣшилъ своею помощью, ссылаясь на продолжавшееся перемиріе съ Москвою, и ограничивался пока отправленіемъ къ царю посольства съ предложеніемъ оставить въ покоѣ Ливонію. Между тѣмъ Кетлеръ, разсчитывая на Литовскую помощь и занявъ у города Ревеля 30.000 гульденовъ (подъ залогъ своего замка Кегеля), призвалъ изъ Германіи новые наемные отряды и возобновилъ войну съ Русскими. Нечаяннымъ нападеніемъ онъ разбилъ стоявшій близъ Дерпта Русскій отрядъ воеводы Плещеева и потомъ осадилъ самый Дерптъ. Отбитый отсюда, онъ попытался еще взять замокъ Лаисъ, но тутъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе и ушелъ назадъ, узнавъ о приближеніи большой Русской рати. Весною 1560 года Виленскій воевода Николай Радивилъ вступилъ въ Ливонію и занялъ Литовскими гарнизонами заложенные замки; но на помощь противъ Русскихъ Литовцы не двигались.

Въ Ливонію снова вторглись Русскіе водъ начальствомъ князей Шуйскаго, Серебрянаго, Мстиславскаго и Курбскаго. Взявъ Маріенбургъ, они распространили свои опустошенія до самаго моря. Положеніе Ливоніи сдѣлалось критическимъ. Наемные Нѣмецкіе отряды, не получая жалованья, бунтовали и нерѣдко сами сдавали крѣпости Русскимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне поднимали мятежъ противъ своихъ

Нѣмецкихъ господъ, которые не умѣли защитить ихъ отъ непріятеля. Воеводы изъ Дерпта двинулись съ пушками на замокъ Феллинъ, считавшійся весьма сильною крѣпостью въ Ливоніи; тамъ пребывалъ старый магистръ Фирстенбергъ. Ландмаршалъ Филиппъ Бель думалъ остановить это движеніе и около Эрмеса неосторожно вступилъ въ битву съ превосходными Русскими силами; онъ былъ разбить и взятъ въ плѣнъ. Это былъ опытный, храбрый рыцарь; въ плѣну онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ и велъ такія умныя рѣчи, что бояре оказывали ему большое уваженіе; бѣдствія, постигшія орденъ, онъ прямо объяснялъ отступленіемъ отъ старой вѣры и распущенностью нравовъ. Отправивъ его въ Москву, бояре просили царя быть къ нему милостивымъ. Но, когда онъ въ глаза царю сталъ сурово выговаривать за несправедливую и кровопійственную войну, разгнѣванный Іоаннъ велѣлъ отрубить ему голову. Послѣ побѣды подъ Эрмесомъ воеводы осадили замокъ Феллинъ; болѣе трехъ недѣль они громили его изъ пушекъ, но толстыя стѣны, глубокіе рвы и обиліе всякихъ запасовъ не подавали надежды на овладѣніе замкомъ. Вдругъ Нѣмецкіе наемники заволновались и вступили въ переговоры съ Русскими воеводами. Тщетно престарѣлый магистръ умолялъ ихъ продолжать оборону и роздалъ имъ всѣ свои сокровища: наемники предварительно разграбили ихъ и, выговоривъ себѣ свободное отступленіе со всѣмъ имуществомъ, впустили Русскихъ. Но тѣ, видя, что удаляющіеся Нѣмцы обременены всякаго рода цѣнными вещами, напали на нихъ и отняли добычу. Многіе изъ этихъ наемниковъ потомъ попали въ руки Кетлера, который велѣлъ ихъ перевѣшать. Привезенный въ Москву, Фирстенбергъ былъ милостиво принятъ царемъ и получилъ себѣ въ кормленіе Ярославскій городокъ Любимъ, гдѣ спокойно доживалъ свой вѣкъ. Хотя послѣ взятія Феллина Русскіе потерпѣли неудачу подъ Вейсенштейномъ или Бѣлымъ Камнемъ (главнымъ городомъ провинціи Эрвіи), который они тщетно осаждали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; однако походъ 1560 года привелъ Ливонію въ такое разстроенное состояніе, что она уже не могла продолжать борьбу собственными средствами. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось ея распаденіе, и прекратилось самое существованіе Ливонскаго ордена.

Первымъ изъ Ливонскихъ владѣтелей покинулъ страну епископъ Эзельскій Менигхаузенъ. Онъ продалъ Датскому королю Фридриху II за 30.000 талеровъ свое епископство, т. е. Эзель съ сосѣднею частью Эстоніи и свой Пильтенскій округъ въ Курляндіи, хотя не имѣлъ никакого права уступать эти земли безъ согласія ордена и своего капитула. Онъ удалился въ родную Вестфалію, тамъ перешелъ въ протестантство и вступилъ въ бракъ; а король Фридрихъ передалъ

эти земли своему младшему брату Магнусу въ замѣнъ его правъ на герцогство Голштинское. Весною 1560 года Магнусъ высадился съ Датскими отрядами на островѣ Эзелѣ въ городѣ Аренсбургѣ. Тогда и Ревельскій епископъ Врангель, послѣ введенія въ Ревелѣ реформаціи, находившійся въ стѣсненномъ положеніи, послѣдовалъ совѣту Менигхаузена, т. е. продалъ Магнусу свои владѣтельныя права и удалился въ туже родную Вестфалію. Но городъ Ревель и большинство Эстонскаго рыцарства тянули болѣе къ сосѣдней Швеціи, чѣмъ къ Даніи: съ Шведами ихъ связывали общая теперь религія, сходство нравовъ и торговыя сношенія; отъ Швеціи они скорѣе всего могли ожидать помощи противъ Московскаго завоеванія. Поэтому они не склонились на убѣжденія Магнуса, а вскорѣ по смерти Густава-Вазы вступили въ переговоры съ его преемникомъ Эрихомъ XIV. Эти переговоры окончились тѣмъ, что Ревель, а вмѣстѣ съ нимъ провинціи Гаррія и Эрвія отложились отъ ордена и поддались Шведскому королю, въ Іюнѣ 1561 года. Тщетно Готгардъ Кетлеръ противодѣйствовалъ сему подданству и старался удержать единство Ливоніи, чтобы въ цѣлости передать ее подъ владычество Польско-литовскаго короля, съ которымъ онъ уже велъ дѣятельные переговоры. Видя распаденіе орденскихъ земель, этотъ ловкій человѣкъ болѣе всего позаботился о собственныхъ интересахъ. Въ то время какъ сѣверная часть Ливоніи тянула къ Шведамъ, южная и бо̀льшая половина ея обнаруживала влеченіе примкнуть къ великому княжеству Литовскому, съ которымъ связывали ее близкое сосѣдство и выгодная торговля.

Къ Польскому королю тянулъ и его родственникъ архіеп. Рижскій Вильгельмъ Бранденбургскій. Поэтому рыцарству и архіепископу не стоило большаго труда склонить Ливонскіе чины отдаться подъ верховное владычество Сигизмунда-Августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ орденскія власти признали дальнѣйшее существованіе ордена невозможнымъ и рѣшили сложить съ себя духовное званіе. Послѣдній Ливонскій магистръ пошелъ по стопамъ послѣдняго Прусскаго гросмейстера: съ согласія Польскаго короля, онъ обратилъ самую южную часть Ливоніи въ наслѣдственное герцогство, поставивъ себя въ вассальную зависимость отъ Польской короны. Осенью 1561 г. Готгардъ Кетлеръ принялъ титулъ герцога Курляндіи и Семигаліи, а Ливонія соединена съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Тотъ же Кетлеръ пока остался королевскимъ намѣстникомъ въ Ливоніи. Герцогъ Магнусъ отказался въ пользу Кетлера отъ Пильтенскаго округа, получивъ въ замѣнъ Эстонскіе замки Гапсаль и Леаль. Только городъ Рига не соглашался на новое подданство и пытался еще сохранить за собою значеніе вольнаго имперскаго города; но въ слѣдующемъ 1562 году Рижане

уступили настояніямъ Кетлера и поддались Сигизмунду-Августу, при чемъ выговорили себѣ условія самоуправленія.

Такимъ образомъ Ливонская земля распалась на пять владѣній: 1) сѣверъ отошелъ къ Швеціи; 2) Островъ Эзель съ прилегающимъ побережьемъ (провинція Викъ) составилъ особое княжество герцога Магнуса; 3) средняя часть или собственно Ливонія присоединилась къ государству Польско-литовскому; 4) Курляндія и Семигалія обратились въ вассальное герцогство; 5) сѣверо-восточная часть или Юрьевская и Ругодивская области остались у Московскаго государя.

Раздѣлъ Ливоніи между сосѣдними государствами ясно показалъ, въ какой степени были правы совѣтники Іоанна, не одобрявшіе его слишкомъ широкихъ завоевательныхъ замысловъ съ этой стороны. Ливонскій орденъ оказался несостоятельнымъ въ борьбѣ съ могущественнымъ Московскимъ государствомъ; но было великою ошибкою считать его землю легкою добычею и стремиться къ ея полному, скорому захвату: вмѣсто одного слабаго ордена приходилось имѣть дѣло съ нѣсколькими сильными претендентами на его наслѣдство. Едва ли умные совѣтники Іоанна не предвидѣли двухъ главныхъ затрудненій, долженствовавшихъ воспрепятствовать быстрому и легкому завоеванію Ливоніи. Во первыхъ, множество крѣпкихъ городовъ и замковъ. Ливонію отнюдь нельзя было сравнивать съ Казанскимъ царствомъ, гдѣ по взятіи столицы оставалось только усмирять полудикіе туземные народцы и взимать съ нихъ ясакъ. Здѣсь каждый городъ, каждый замокъ, имѣвшій сколько-нибудь мужественнаго коменданта, приходилось добывать трудною и долгою осадою; а въ осадномъ дѣлѣ, гдѣ требовалась борьба съ артилеріей, именно Московская рать была наименѣе искусна. Поэтому послѣ трехлѣтней войны, послѣ страшныхъ опустошеній непріятельской земли, Москвитяне могли похвалиться пріобрѣтеніемъ не болѣе одной четвертой ея части. Во вторыхъ, это (сравнительно съ потраченными усиліями) небольшое пріобрѣтеніе, въ соединеніи съ дальнѣйшими притязаніями приводило насъ къ одновременному столкновенію съ Швеціей, Даніей и Польсколитовскимъ государствомъ. На первыхъ порахъ Москвѣ удалось отклонить новую войну со Шведами, которые обратились на Датчанъ, желая отнять у нихъ западную часть Эстоніи; но борьба съ главнымъ наслѣдникомъ Ливонскаго ордена, т. е. съ Польско-литовскимъ королемъ, оказалась неизбѣжною.

Съ Польшей и Литвой, со времени боярщины, у насъ не было ни войны, ни прочнаго мира, а только возобновлялись истекавшія перемирія. Всякимъ попыткамъ къ заключенію вѣчнаго мира мѣшали притязанія Литвы на возвращеніе Смоленска, къ которымъ обыкновен-

но присоединялись требованія возвратить всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Иваномъ III-мъ, и даже уступить Псковъ и Новгородъ; а съ Московской стороны, въ отвѣтъ на эти странныя требованія выдвигали свои права на старыя Русскія области: Полоцкую, Витебскую, Кіевскую и Волынскую. Послѣ же 1547 года прибавился еще одинъ поводъ къ распрямъ: въ переговорныхъ грамотахъ королевская канцелярія продолжала именовать Іоанна только «великимъ княземъ» и отказывала признать за нимъ новый его титулъ царскій. Московское правительство съ своей стороны именовало Сигизмунда-Августа только великимъ княземъ Литовскимъ, отказываясь называть его въ грамотахъ королемъ. Въ связи съ пререканіями о титулахъ въ это время, не безъ участія самого Іоанна, появляется въ Москвѣ легенда о происхожденіи древняго Русскаго княжескаго рода отъ Пруса, брата Римскаго императора Октавія-Августа, чѣмъ Московскій государь думалъ умножить свою славу и величіе.

Послѣднее перемиріе заключено было въ 1556 году на шесть лѣтъ. Война Ливонская подала поводъ Польскому королю къ новымъ посольствамъ, имѣвшимъ цѣлію отвратить Московскія притязанія съ этой стороны. Но правительство наше постоянно отвѣчало, что Ливонія въ древности принадлежала прародителямъ Московскихъ государей, что Ливонскіе Нѣмцы давно обязались платить дань, и что государь воюетъ ихъ землю за ихъ неисправленіе. Іоаннъ даже въ своемъ титулѣ сталъ именовать себя *государемъ Ливонскія земли града Юрьева*. Когда же Ливонскій орденъ началъ явно склоняться на сторону Польскаго короля, намѣреваясь отдаться подъ его покровительство, т. е. въ 1560 году, Іоаннъ, въ то время овдовѣвшій, попытался уладить свои отношенія къ Польшѣ и Литвѣ помощію родственнаго союза. Посолъ его Ѳедоръ Сукинъ сдѣлалъ отъ имени царя брачное предложеніе младшей сестрѣ короля Екатеринѣ. Король показалъ видъ, что не прочь отъ этого брака, но потребовалъ предварительно прекращенія Ливонской войны и заключенія вѣчнаго мира съ уступкою Смоленска, Пскова и Новгорода. При подобныхъ требованіяхъ, понятно, переговоры о брачномъ союзѣ окончились ничѣмъ. Когда же Ливонскій орденъ прекратилъ свое существованіе, а король Польскій завладѣлъ всей южной половиною Ливоніи, тогда немедленно открылась и новая Русско-литовская война. Въ началѣ, пока она ограничивалась нерѣшительными дѣйствіями и взаимными опустошеніями, переговоры о мирѣ не прерывались. Но въ Январѣ 1563 года Іоаннъ лично выступилъ въ походъ съ большимъ войскомъ и осадилъ древній Русскій городъ Полоцкъ, по своему положенію на Двинѣ важный какъ для Литвы, такъ и для Ливоніи. Для этого похода одной *посохи*, т. е.

земской рати, конной и пѣшей, было собрано болѣе 80.000 челов.; а главное, для обстрѣливанія крѣпости привезенъ былъ большой *нарядъ*, т. е. тяжелыя осадныя пушки, называемыя «павлинами» и «огненными», т. е. бросавшія каленыя ядра. Такими ядрями выжгли 300 саженъ деревянной стѣны, такъ что 7 Февраля взяли острогъ или посадъ, расположенный за Полотою; а недѣлю спустя, Станиславъ Довойна, воевода Литовскій, сдалъ и самый городъ или кремль. Этотъ воевода и епископъ Полоцкій Арсеній Шишка, взятые въ плѣнъ, отосланы въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными воинами и гражданами; но бывшихъ въ городѣ Польскихъ ротмистровъ съ 500 товарищами царь одарилъ шубами и отпустилъ въ отечество. Съ гражданами вообще царь обошелся милостиво; только захваченные въ городѣ Жиды подверглись жестокой участи: будучи ненавистникомъ жидовства вообще, Іоаннъ, по словамъ лѣтописи, велѣлъ ихъ утопить въ Двинѣ вмѣстѣ съ семьями.

Высоко цѣня пріобрѣтеніе Полоцка, царь принялъ всѣ мѣры, чтобы удержать его и укрѣпить за собою. Онъ оставилъ въ немъ воеводою извѣстнаго князя Петра Ивановича Шуйскаго, а товарищами его двухъ братьевъ Серебряныхъ-Оболенскихъ, князей Василія и Петра Семеновичей. Воеводамъ царь далъ подробный наказъ, какъ чинить стѣны, чистить и углублять рвы и вообще беречь городъ и отъ внезапнаго приходу Литовскихъ людей, и отъ измѣны жителей. Поэтому въ городъ, т. е. въ кремль, только въ торжественные праздники дозволилъ онъ пускать въ Софійскій соборъ гражданъ изъ острога или посада, и то понемногу и усиливъ на то время вездѣ стражу. Въ городѣ онъ велѣлъ сдѣлать «свѣтлицу» (родъ гауптвахты), гдѣ ночевали бы очередные военные начальники съ своими людьми, а по городу ночью постоянно ходили дозоры съ фонарями. Для производства суда велѣно устроить въ острогѣ судебню и выбрать изъ дворянъ «добрыхъ головъ», которые бы судили людей по ихъ мѣстнымъ обычаямъ безволокитно и безъ посуловъ и поминковъ, въ присутствіи бурмистровъ и выборныхъ земскихъ людей.

Съ извѣстіемъ о взятіи Полоцка царь послалъ въ Москву къ митрополиту и семейству своему нѣсколькихъ знатныхъ людей, вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ кн. Михаиломъ Темрюковичемъ Черкасскимъ. Въ грамотѣ митрополиту Макарію говорилось: исполнилось пророчество чудотворца Петра-митрополита о градѣ Москвѣ, «яко взыдутъ руки ея на плеща враговъ». Когда Иванъ Васильевичъ возвращался изъ похода, то ему оказана была самая торжественная встрѣча отъ духовенства, бояръ и всего народа. Въ Полоцкѣ учреждена архіепископская каѳедра, на которую поставленъ Трифонъ, бывшій епископъ Суздальскій. Съ Крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ уже лѣтъ семь какъ

не было мирныхъ сношеній, и Татарскіе гонцы были задержаны въ Москвѣ; ибо, подстрекаемый Сигизмундомъ, ханъ вѣроломно во время мира нападалъ на Московскія украйны. Теперь на радостяхъ Іоаннъ послалъ въ Крымъ Аѳанасія Нагого съ богатыми подарками изъ Полоцкой добычи, а именно съ Литовскими конями въ сѣдлахъ и уздахъ, отдѣланныхъ серебромъ, и съ королевскими дворянами-плѣнниками. Главною же цѣлью посольства было возобновить мирныя сношенія, чтобы по возможности обезпечить себя со стороны Крымцевъ.

Съ Сигизмундомъ также возобновились переговоры. Въ Москву въ Декабрѣ 1564 года пріѣхало большое Литовское посольство, съ Юріемъ Ходкевичемъ, Григоріемъ Воловичемъ и Михаиломъ Гарабурдою. Они просили о полугодовомъ перемирьи; но такъ какъ послы не соглашались на уступку Полоцкаго уѣзда и Ливонскихъ земель, то имъ отказали, считая эту просьбу только за желаніе выиграть зимнее время, тогда какъ Московскія рати уже были готовы начать зимній походъ. Посольство уѣхало. По царскому приказу въ Январѣ двинулись Московскіе воеводы изъ Полоцка, Вязьмы, Смоленска и Дорогобужа: они должны были сойтись подъ Оршею и отсюда подъ главнымъ начальствомъ кн. Петра Шуйскаго идти на Минскъ и другія мѣста. Но походъ сей кончился бѣдственно. Полоцкіе воеводы, очевидно не разсчитывая встрѣтить непріятеля въ полѣ, шли съ своею ратью очень оплошно; а другіе воеводы еще не успѣли съ ними соединиться. Недалеко отъ Орши на нихъ внезапно ударило Польсколитовское войско, предводимое Трокскимъ воеводою Николаемъ Радивиломъ Рыжимъ. Русскіе не успѣли надѣть свои доспѣхи, ни устроиться въ полки. Мѣстность случилась лѣсистая и тѣсная, такъ что развернуться было негдѣ; а Литва, ударивъ на передовой отрядъ, тотчасъ его разгромила и погнала назадъ на главную рать, которая тоже смѣшалась и дала тылъ. Пораженію способствовала смерть главнаго воеводы кн. Шуйскаго, который палъ вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; а воеводы Плещеевъ и Охлябининъ попали въ плѣнъ. Но такъ какъ дѣло произошло къ ночи, то большая часть войска успѣла спастись и ушла въ Полоцкъ. Такимъ образомъ, 50 лѣтъ спустя послѣ великой Оршинской битвы, около тѣхъ же мѣстъ произошло новое, хотя не столь тяжкое, пораженіе Русской рати, которое уменьшило радость о завоеваніи Полоцка (какъ тогда Смоленска). Это пораженіе послужило для насъ началомъ многихъ другихъ неудачъ. Между прочимъ вслѣдъ за нимъ князь Андрей Курбскій, одинъ изъ лучшихъ Московскихъ воеводъ, измѣнилъ Іоанну и убѣжалъ въ Литву.

Дѣло въ томъ, что уже произошла важная перемѣна въ самомъ Московскомъ правительствѣ: наступила печальная эпоха казней и опричнины.

Д. Иловайскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

(писаны въ 1867 году).

Берусь за перо, и останавливаетъ меня сомнѣніе: стоитъ ли писать записки или воспоминанія, когда собственная личность не имѣетъ никакого интереса для читателя, когда нѣтъ ничего занимательнаго въ собственной жизни?

Моя жизнь была самая счастливая, слѣдовательно, самая однообразная, безъ всякаго драматизма. Обстоятельства такъ мнѣ благопріятствовали, что я не имѣла ни нужды, ни желанія, ни случая выходить изъ семейнаго круга обязанностей, а въ семействѣ все было тишь и гладь, да Божья благодать. Такъ живется хорошо, но разсказывать нечего. Я всю жизнь была только зрительницей, конечно, заглядывая иногда за кулисы, но не играя никакой роли на театрѣ общества или исторіи. Много, въ полвѣка, видѣла я и слышала, и одно развѣ можетъ быть занимательно въ моихъ запискахъ: это—*отголосокъ прошлаго,* хотя не далекаго времени, его воззрѣній, сужденій и чувствъ, которыя уже столько измѣнились или измѣняются, что, можетъ быть, стоитъ сохранить ихъ образъ, пока онъ не совсѣмъ забытъ. Одно я знаю: любовь и уваженіе къ истинѣ такъ глубоко вкоренены были въ нашемъ семействѣ, что все, что̀ отъ родителей я слышала, не подлежитъ сомнѣнію, и сама я неспособна (по крайней мѣрѣ сознательно) измѣнить ей. Не разъ въ жизни я тяжело поплатилась за истину: можетъ быть, она тѣмъ дороже и милѣе стала мнѣ. О многомъ нынче слышу *легенды* или *историческіе романы,* можетъ быть, и не намѣренно сочиненные; а слово правды отъ современницы не пригодится ли будущему лѣтописцу? Итакъ, попытаюсь передать, что̀ помню—про общее настроеніе и обычаи того времени, и что́ помню о личностяхъ, съ которыми родители и я сама имѣли сношенія.

Какъ жизнь народовъ, такъ и жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ свое *до-историческое* время неясныхъ воспоминаній самыхъ происшествій, но вѣрныхъ впечатлѣній о дѣйствіи ихъ на умы и на чувства того времени. Можно сказать: колоритъ сохраняется, хотя черты картины становятся мутны или даже искажаются неловкою, безъискуственною маляровкой этого усерднаго художника—воображенія, воображенія личнаго или воображенія народнаго.

Съ этой до-исторической эпохи дѣтства я и начну.

I.

Баснословныя времена и золотой вѣкъ дѣтства.

Самое отдаленное воспоминаніе моего дѣтства—болѣзнь, простуженная скарлатина, превратившаяся въ водяную. Помню нестерпимую боль, когда старались надѣть мнѣ на ноги (ноги четырехъ - лѣтняго ребенка) большіе чулки взрослой женщины, моей матери,—такая ужасная была опухоль... Помню тогда же смутное, какъ будто сквозь туманъ, явленіе блестящей золотомъ и каменьями большой иконы и богатую ризу священника, сѣдые, длинные волосы его и, сквозь этотъ же туманъ или дымъ, два озабоченныя, грустныя лица—моего отца и матери. Этотъ туманъ и дымъ были ничто иное, какъ воспаленіе въ мозгу, приливъ воды къ головѣ ребенка въ эту же самую болѣзнь, когда доктора уже потеряли надежду; а икона — Божіей Матери, Всѣхъ Скорбящихъ Радости, которую подымали и принесли къ моей кроваткѣ, чтобъ я приложилась къ ней.

Чтó прежде и послѣ происходило со мною, не помню; но сказываютъ, что я съ этого дня стала выздоравливать, и я помню уже только обыкновенную, ежедневную жизнь, или даже не жизнь, а обыкновенную обстановку ея. Видится мнѣ длинная зала, въ которой я играла и бѣгала, и статуя въ нишѣ на ея концѣ—что-то въ родѣ Весталки или Музы съ факеломъ въ рукѣ для лампы; наша дѣтская и большіе дѣдовскіе Англійскіе часы съ музыкой, подъ которую мы плясали и разыгрывали пантомимы, маленькіе дѣтскіе стулья и маленькій низкій диванчикъ, на который я часто сажала любимаго моего старика Гаврилу. Вижу его такъ живо предо мною и теперь! Высокаго, очень высокаго роста, худощавый, съ правильными чертами, коротко выстриженными сѣдыми волосами, съ задумчивымъ лицомъ, которое оживлялось невыразимо - доброю и веселою улыбкой, когда мы, дѣти, по своему угощали его. Его посѣщенія были изъ лучшихъ радостей моего дѣтства. Онъ былъ посланъ бабушкой въ прислугу (а по настоящему въ родѣ дядьки) къ батюшкѣ, когда она его отпустила на службу въ Петербургъ. Онъ вѣрно и любовно заботился о молодомъ баринѣ своемъ, и хотя состоялъ слугою, однако, былъ такъ уважаемъ имъ, что насъ, дѣтей, пріучили вставать передъ Гаврилой, когда онъ приходилъ къ намъ въ дѣтскую, а бабушка писала къ нему: «Гаврила Никитичъ», по имени и отчеству. И что за почтенный, добрый былъ онъ старикъ! Когда батюшка жилъ холостымъ въ Петербургѣ,

онъ получалъ очень скудное содержаніе (а натура его была Русская, тароватая), и въ два первые мѣсяца у него выходила почти вся треть. Онъ берегъ ровно столько денегъ (по рублю на вечеръ), чтобъ всякій день ходить въ театръ, который онъ страстно любилъ; вмѣсто же обѣда, завтрака и ужина, онъ съ своими любимыми друзьями, Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ, довольствовался мороженымъ съ бисквитами у кондитера Лареды, гдѣ у него былъ открытый кредитъ. (Эту кондитерскую я еще помню, въ концѣ Невскаго проспекта, гдѣ-то за Полицейскимъ мостомъ). Но 19-ти-лѣтній аппетитъ не могъ насытиться мороженымъ. «И частехонько бывало», разсказывалъ Гаврила, «они, мои голубчики, приходятъ домой, когда я варю себѣ обѣдъ; проходятъ мимо и говорятъ: Ахъ, Гаврило, какъ славно пахнетъ! Должно быть, хорошіе щи. А я уже знаю; у меня и щей довольно, и приварокъ есть на всѣхъ; и они, бывало, такъ-то убираютъ! Видно, что голодные!»

Тутъ же, въ нашей дѣтской, подлѣ Гаврилы, разсказывающаго про Пугачевщину и всѣ ужасы того времени, видится мнѣ моя кормилица (а потомъ няня) Шведка, которая оставалась у насъ всю жизнь свою и умерла у насъ въ домѣ, не имѣя другаго имени и прозванія какъ только «Дада»: этимъ именемъ я называла ее въ дѣтствѣ *). Добрѣйшаго сердца, открытая ко всему и ко всѣмъ бѣднымъ и страждущимъ отъ старика нищаго или больнаго ребенка до голодной собаки, она была вспыльчива до нервныхъ приступовъ и суевѣрна до крайности. Помню,—и это второе сильное впечатлѣніе моего дѣтства, — помню, какъ однажды, уложивъ меня спать и задернувъ около кроватки занавѣсъ, помолчавъ немного и думая, что я уснула, она стала тихо разсказывать одной изъ горничныхъ разныя приключенія съ чертями. Я слушала, притаивъ дыханіе и устроивъ въ занавѣскѣ маленькую щель, сквозь которую какъ теперь вижу Даду, какъ сидитъ она на маленькомъ стульчикѣ и съ глубокимъ убѣжденіемъ разсказываетъ про дѣвушку, которая была гдѣ-то въ услуженіи, и къ ней сталъ приходить свататься молодой, красивый, съ виду добрый и зажиточный человѣкъ, о которомъ впрочемъ никто не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній. Однако она полюбила его и дала ему слово выдти за него замужъ. Не знаю, или я не поняла, почему свадьба была отложена; помню только, что у дѣвушки мало было свободнаго времени, и они видались лишь подъ вечеръ, по окончаніи работъ, на опушкѣ сосѣдней рощи. Не помню тоже, отъ чего въ ея мысли заронилось сомнѣніе о женихѣ; но она стала подмѣчать въ немъ странности; и вотъ однажды она видитъ, что у него износились сапоги, и—о ужасъ!—изъ сапога вмѣ-

*) Графиня А. Д. Блудова родилась въ Стокгольмѣ, гдѣ батюшка ея въ 1812—1814 годахъ служилъ совѣтникомъ посольства. П. Б.

сто ноги выглядываетъ копыто! У меня и теперь, какъ тогда, мурашки ходятъ по кожѣ, когда я вспоминаю страхъ, который одолѣлъ мною въ этомъ мѣстѣ разсказа, и какъ крѣпко я зажмурила глаза и закрыла лицо простыней, чтобъ не видать даже Дады на ея низенькомъ стулѣ; но я все-таки слушала. Дада продолжала разсказъ. Дѣвушка была умная, ничего не сказала, не показала и страха; сердце у нея крѣпко билось и замирало, но она не потеряла присутствія духа; она замѣтила, что женихъ потихоньку схватилъ рукой ея передникъ, и она, продолжая разговаривать, тихонько же развязала тесемку передника, и только-только что успѣла, какъ вдругъ женихъ со всего размаху полетѣлъ на воздухъ, унося съ собою вмѣсто невѣсты одинъ только передникъ ея, и она видѣла, какъ онъ, въ смущеніи и гнѣвѣ, вихремъ промчался на двухъ черныхъ крыльяхъ и съ длиннымъ хвостомъ. Такъ присутствіе духа спасло бѣдную красавицу отъ черта.

Много такихъ разсказовъ слышала я по вечерамъ, когда няня думала, что я заснула; но помню ясно и подробно только этотъ одинъ. Швеція, какъ Данія и Шотландія, полна легендами про чертей, про видѣнія и пророческіе миражи—въ туманахъ этихъ сѣверныхъ странъ, въ отчизнѣ Фингаловъ и Гамлетовъ.

Есть, между прочимъ, въ Швеціи одинъ королевскій замокъ, Грипсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ, или по крайней мѣрѣ, необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще знавалъ въ Стокгольмѣ одного стараго господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, что̀ Шотландцы называютъ second sight, *второе зрѣніе.* Я не помню имени этого человѣка, но о немъ разсказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостилъ у дочери своей, Шведской королевы, наслѣдный принцъ Баденскій, послѣ своего пребыванія у другой дочери, императрицы Елисаветы Алексѣевны. Онъ уже собрался ѣхать назадъ на родину. Въ самый день отъѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, и нашъ ясновидецъ тутъ же сидѣлъ за столомъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстремъ, кажется, жена министра иностранныхъ дѣлъ, или другая дама, замѣтила, что ясновидецъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, сталъ пристально смотрѣть на принца и пріунылъ. Другіе этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря. Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостью не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобъ онъ разсказалъ

ей, чтó его смутило; онъ отнѣкивался, она приставала. Отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ наконецъ ясновидецъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу прійдется: во время завтрака онъ увидѣлъ за стуломъ принца его же самаго, стоящаго за нимъ,—точто живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ Шведскомъ или Баденскомъ (не помню), а привидѣніе стояло въ Русскомъ мундирѣ. «Ну, что же?» спросила графиня. «Не хорошо», отвѣчалъ задумчиво тотъ. «Отъ чего не хорошо? Что же тутъ такаго? Чего вы боитесь?»—«Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?» Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окно скачущаго опрометью верховаго. «Бѣда, бѣда», кричалъ онъ, «скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ крѣпко разбился». Все засуетилось, бросилось на дворъ на улицу. Принца черезъ нѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ Русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, перемѣнилъ платье и надѣлъ Русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе ясновидца.

Но не одинъ этотъ господинъ имѣлъ видѣніе въ замкѣ Грипсгольмѣ; и другое, изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое, то есть, разсказанное очевидцами, передавалъ намъ батюшка. Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лѣта въ замкѣ Грипсгольмѣ, тоже немного лѣтъ до пріѣзда батюшки въ Стокгольмъ. Погода стояла ясная, теплая; однажды, послѣ обѣда, на который было приглашено нѣсколько постороннихъ лицъ, королева предложила гостямъ прогулку со всею свитою по саду. Вечеръ былъ такой теплый, что, отдохнувъ въ одной бесѣдкѣ, королева оставила въ ней красную шаль, которую было надѣла, но въ которой показалось ей слишкомъ жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговоръ оживленный, королева весела; время шло незамѣтно, катались въ лодкѣ по озеру, прогулка длилась, и на возвратномъ пути королевѣ показалось что-то сыро; сдѣлалась у нея легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорѣе принести ей шаль. Мальчикъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, но хотя гуляющіе шли тихо, не возвращался. «Пойдемте же сами къ бесѣдкѣ», сказала королева и повернула туда. Когда они подошли, пажъ стоялъ у двери блѣдный, смущенный; королева шутя погрозила ему пальцемъ, говоря: «Ну что же? Принеси мнѣ хоть теперь мою шаль». Но пажъ стоялъ какъ вкопанный. «Хотѣлъ... нельзя... не могу... не смѣю...». «Чтò это значитъ?» спросила королева и пошла къ двери. «Не ходите, не ходите!» вскричалъ пажъ: «я былъ тамъ, я хотѣлъ взять красную шаль,

которая лежала на диванѣ; но какая-то незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, страшная, очутилась у самаго дивана, положила одну руку на шаль, а другою подала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ.» Королева слегка измѣнилась въ лицѣ, однако твердымъ голосомъ сказала пажу: «Пусти!» и, обращаясь къ гостямъ, прибавила: «Пойдемте въ бесѣдку; не бойтесь, это до меня одной касается; бѣлая дама только съ моимъ родомъ имѣетъ дѣло». Всѣ съ нею вошли въ бесѣдку; тамъ лежала шаль на диванѣ, никого въ бесѣдкѣ не было; но королева въ этотъ годъ и умерла.

Эти два случая батюшка слышалъ отъ свидѣтелей - очевидцевъ, и потому они достовѣрны, во сколько такія явленія могутъ быть удастовѣрены; но другой случай въ этомъ же замкѣ произошелъ гораздо прежде, такъ что онъ уже былъ переданъ не тѣми лицами, которыя тогда жили.

Королева Ульрика умерла въ замкѣ Грипсгольмѣ. На другой день кончины ея, какъ только успѣли положить ее подъ катафалкъ, на такъ называемой *парадной кровати умершихъ*, къ дверямъ замка подъѣхала, вся обитая чернымъ сукномъ, траурная карета, шестерикомъ, съ траурною упряжью, съ кучерами и лакеями въ траурныхъ ливреяхъ. Изъ кареты вышла дама въ глубокомъ трауpѣ, и въ ней узнали графиню Стейнбокъ, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена отъ нея и отъ двора и жила далеко въ деревнѣ. Тогда не было телеграфовъ, и присутствующіе удивились, какъ она успѣла узнать о смерти королевы такъ скоро, что уже явилась въ полномъ траурѣ; однако ее впустили. Она вошла съ тихимъ достоинствомъ, поклонилась царедворцамъ, которые, вѣроятно, и разлучили ее съ королевой, взошла на ступени къ кровати и наклонилась надъ умершею, чтобъ проститься съ нею; умершая привстала, открыла ей объятія, и долго и крѣпко обнимались давно разлученныя пріятельницы. Потомъ королева опустилась на свои подушки въ недвижномъ оцѣпенѣніи смерти, а графиня Стейнбокъ опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленныхъ, испуганныхъ придворныхъ, сѣла въ свою карету и уѣхала. Черезъ нѣсколько дней узнали, что графиня Стейнбокъ скончалась въ своей деревнѣ на другое утро послѣ смерти королевы. Не она живая, а ея тѣнь приходила помириться съ другомъ своимъ, королевой, когда въ ясномъ видѣніи загробномъ обѣ поняли, что сердца ихъ не измѣняли другъ другу, а только ловкіе люди умѣли ихъ разлучить.

Сторожилы разсказывали это за несомнѣнное происшествіе. Что же касается до извѣстнаго разсказа о видѣніи какого-то сверхъестественнаго верховнаго суда и приговора, батюшка собиралъ свѣдѣнія и справки, и оказалось, что мнимые документы поддѣланы, и даже

какая-то неточность въ подписи короля доказываетъ невѣрность всего разсказа.

Другой необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы. Это уже происходило не въ замкѣ Грипсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15-го Марта 1792 года, братъ короля Густава III-го, герцогъ Зюдерманландскій пошелъ въ кабинетъ или библіотеку короля отдохнуть послѣ обѣда и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войти въ комнату: замо̀къ у двери, должно быть, испорченъ; ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ самъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась; но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ фигура мужская—вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не видать было; по ему казалось, что это или онъ самъ, или король. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану; но видѣніе уже изчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, король Густавъ III-й, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстремомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что *знатоки этого дѣла*, Шведы и Шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ: явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра дается только тому, кто назначенъ судьбой для принятія этой тайны, «he who is fated», а для другихъ оно остается недосягаемо, непостижимо. Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что̀ дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ, — и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутье въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ натурамъ, которымъ нужна грубая осязательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы, пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движеній ума и сердца, составляющихъ собою характеръ, то есть особенность каждаго человѣка. О самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ Англичане говорятъ, что идущія намъ на встрѣчу, будущія происшествія *бросаютъ свою тѣнь на землю передъ собою*, можно спорить и дѣлать разныя предположенія;

но совершенно отрицать ихъ—точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное для человѣка необъяснимо?

Вотъ еще другаго рода пророческія видѣнія, второе зрѣніе, о которомъ разсказывала мнѣ матушка не разъ (а она никогда не дозволяла себѣ не только прикрасы, но даже преувеличенія правды). Она была очень дружна съ сестрами Каховскими; одна вышла замужъ за Арсеньева, другая, Александра, умерла въ чахоткѣ и имѣла способность видѣть не будущее, но *далекое настоящее*, посредствамъ зеркала. Во время долгихъ отлучекъ батюшки, когда онъ не былъ еще принятъ какъ женихъ княгинею Щербатовой, но въ душѣ былъ единственнымъ суженымъ княжны, она прибѣгала къ своей подругѣ, столь чудесно одаренной, чтобъ узнавать о своемъ миломъ и таинственно слѣдить за нимъ сквозь всѣ преграды времени и пространства. Въ самихъ занятіяхъ отсутствующаго не было ничего замѣчательнаго; но видѣнныя въ зеркалѣ мѣстности, комнаты и обстановка ихъ поражали своею вѣрностію, когда потомъ описывали ихъ батюшкѣ, по возвращеніи его. Такимъ образомъ рѣдкая способность молодой дѣвушки служила какъ-бы электрическимъ телеграфомъ для любящаго сердца подругѣ, томившейся въ тревожной неизвѣстности разлуки.

Е. М. Оленина разсказывала другой, еще болѣе поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большаго роста, массивною, съ правильными чертами, съ здоровыми нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось въ ней нервнаго, похожаго на воспріимчивость и раздражительность воображенія. Но въ 1807 году она была еще молодою дѣвушкою. У кого-то въ деревнѣ собралось много ея же лѣтъ подругъ, и у всѣхъ было тяжело на сердцѣ: у кого отецъ, у кого братъ, у кого женихъ былъ на войнѣ. Одинъ разъ сидѣли онѣ всѣ въ комнатѣ у дочери хозяина; бесѣда шла объ опасностяхъ и трудахъ отсутствующихъ милыхъ, и сѣтовали онѣ, что къ нимъ, въ деревню, и вѣстей не доходитъ изъ арміи: Богъ знаетъ, кто изъ близкихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Между такими рѣчами одной изъ нихъ пришла мысль поглядѣть да погадать въ зеркалѣ, какъ дѣлается на святкахъ. Которая изъ нихъ стала насмѣхаться, которая сомнѣваться, а нѣкоторыя и пристали къ этому предложенію. «Посмотри-ка», сказала одна изъ нихъ хозяйской дочкѣ,—«посмотри, гдѣ мой братъ? Что̀ съ нимъ теперь?» Сѣла за зеркало хозяйская дочка; все обстановили какъ должно, и стала она смотрѣть, а другія всѣ разсѣлись поодаль и молчали или тихо, тихо, шепотомъ переговаривались, чтобъ не мѣшать вѣщуньѣ. Долго сидѣла она, не произнося тоже ни слова, — оно уже стало и надоѣдать другимъ,—какъ вдругъ заговорила: «Вотъ, вотъ, туманъ схо-

дитъ со стекла, вотъ лѣсокъ, песчаный берегъ, рѣка, большая, быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони, на обоихъ берегахъ. Чтò это тамъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется, всѣ штабные тутъ.... А, отчалила лодка съ того берега; въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ; вотъ плотъ на серединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!» Оленина подошла и стала за стуломъ подруги, посмотрѣла въ зеркало и сама увидала все это. «Вотъ, и другой генералъ взошелъ на плотъ; онъ повернулся — Государь!» вскрикнула хозяйская дочь и вскочила сама, пораженная удивленіемъ.

Это было 13-е Іюня 1807 года, день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ, о которомъ уже, конечно, никто не думалъ, не гадалъ, и всего менѣе эти молодыя дѣвушки.

Всѣ эти чудные разсказы я, разумѣется, слышала гораздо позже, или по крайней мѣрѣ ихъ повторяли мнѣ послѣ; но съ самыхъ первыхъ лѣтъ я помню многія историческія преданія, въ которыхъ часто играло роль чудесное, а само историческое не всегда было вѣрно. Такъ, помню, я очень долго держалась (про себя) мнѣнія, будто гр. Николай Михайловичъ Каменскій былъ отравленъ происками старшаго брата и предательствомъ Закревскаго. Эта нелѣпая легенда ходила между домашними фельдмаршальши графини Каменской, и одна бывшая горничная матушки передавала эти свѣдѣнія намъ въ дѣтской, куда ходила къ моей Дадѣ. Я была такъ увѣрена въ истинѣ этого разсказа, что увидѣвъ въ первый разъ графа Сергѣя Михайловича, много лѣтъ спустя, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, я посмотрѣла на него съ ужасомъ и содроганіемъ и спѣшила уйдти изъ комнаты: такъ онъ мнѣ казался страшенъ. Уже гораздо позже, учась новѣйшей исторіи, я навела справки и, спросивъ конфиденціально о томъ у матушки, убѣдилась наконецъ, что это была клевета.

Эта бывшая горничная, жена нашего буфетчика, Авдотья Харитоновна, много передавала намъ военныхъ разсказовъ. Мужъ ея, Иванъ Сергѣевъ, былъ отставной сержантъ или унтеръ-офицеръ и служилъ при Суворовѣ, иногда и въ должности деньщика. Эту чету я помню только не молодою; потомъ состарѣлись они въ моихъ глазахъ, и Суворовскій солдатъ умеръ нѣсколько лѣтъ прежде жены. Они крѣпко любили другъ друга. Жена, окруживъ мужа нѣжностію и заботою до послѣдняго часа, тосковала по немъ всю остальную жизнь свою и, умирая, просила, чтобъ ее похоронили, буде можно, недалеко отъ него и положили бы съ нею въ гробъ его портретъ. Гаврила, нашъ милый, нашъ добрый Гаврила, также жилъ душа въ душу съ своею

старушкой Афимьей. Вижу, какъ теперь, какъ она стоитъ, маленькая, бѣленькая, сѣденькая, въ своемъ свѣтленькомъ платьицѣ, въ своемъ чисто-выбѣленномъ съ густою оборкою чепцѣ, держитъ въ рукѣ свѣчу и тихо плачетъ, и тихо крестится, пока соборуютъ умирающаго 90-лѣтняго Гаврилу; а онъ, съ спокойствіемъ духа и кроткою твердостію Русскаго простолюдина, безъ страха и волненія, смотритъ въ глаза приближающейся смерти и только безпокоится объ одномъ—чтобъ я не простудилась, переходя черезъ дворъ изъ нашихъ комнатъ въ его! Послѣ окончанія обряда онъ приподнялся, поцѣловалъ меня и дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Берегитесь!» Послѣдняя забота его была о дочери любимаго барина. Онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Я такъ плакала и горевала, что меня не пустили къ тѣлу, и я уже не видала его послѣ смерти; а старушка Афимья перебралась на нашу половину, такая же бѣленькая и сѣденькая, тихая и кроткая. Она не носила ни черного платья, ни черного чепца, и слезъ не много проронила, и о старикѣ своемъ не говорила; но не прошло полгода, она сошла за нимъ въ могилу безъ особой болѣзни, безъ внѣшнихъ знаковъ особеннаго горя, тихо, кротко, покорно; какъ жила, такъ и умерла.

Однако я опять забѣгаю впередъ. Гаврила Никитичъ и Авдотья Харитоновна много расказывали мнѣ, или при мнѣ моей нянѣ, о недавнихъ событіяхъ исторіи. Дядя моего отца со всѣмъ семействомъ погибъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди и думала, что спасла его; но шайка внезапно воротилась, и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ объ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ батюшка часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка. Онъ какъ-то познакомился съ другимъ, свѣдущимъ по этой части; единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ. Послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему (конечно не безъ оговорокъ), что его ожидаетъ смертная казнь. «Знаю», отвѣчалъ дядя моего отца, «но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно; для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году отъ Пугачева.

Много жертвъ пало изъ нашего семейства около Казани въ это смутное время, и разсказы Гаврилы такъ дѣйствовали на меня, что

я не чувствовала никакой жалости, а скорѣе какое-то злорадостное любопытство, когда доходило до описанія желѣзной клѣтки, въ которую посадили изверга.—Не такъ безжалостно относилась я къ Волжскимъ разбойникамъ, въ похожденіяхъ которыхъ все-таки слышалось и увлекательное удальство, и даже какое-то дикое великодушіе: хотя они и разоряли, и грабили, и жгли селенія, но по крайней мѣрѣ изъ простой корысти, смѣшанной съ тѣмъ наслажденіемъ, которое находится въ чрезвычайномъ подвигѣ, даже преступномъ, въ опасности, въ борьбѣ, въ успѣхѣ, въ самой *силѣ*, будь она нравственная или физическая. Чуялось ли это смутно ребенку,—не знаю; а можетъ быть, и самъ Гаврила болѣе сочувственно относился къ нимъ въ своихъ разсказахъ, чѣмъ къ Пугачеву; но Волжскіе *недобрые молодцы* остались навсегда въ моей памяти съ почти-героическимъ оттѣнкомъ. Рано зарождается въ женщинахъ какая-то безразсудная отвага, и даже въ ребячествѣ опасность манитъ ихъ и привлекаетъ къ себѣ—не изъ за цѣли, а изъ-за тревоги и обаянія въ самомъ чувствѣ побѣжденнаго страха, изъ-за *призванія* къ самопожертвованію, къ произвольному *страданію* за другихъ, безъ разбора и почти безъ сознанія; по крайней мѣрѣ, по большей части такъ бываетъ. Жизнь и ея горькій опытъ дѣлаютъ насъ боязливыми, но по природѣ у насъ есть врожденная жажда *подвига*, которая иныхъ бросаетъ въ крайности аскетизма, другихъ въ крайности разврата, а въ болѣе счастливыхъ развиваетъ тотъ героизмъ семейнаго ежеминутнаго самозабвенія и самоотреченія, который остается тайною домашняго очага и потому не цѣнится или отрицается посторонними. Дайте правильный исходъ этому врожденному геройству, и вы увидите княгиню Наталью Долгорукову, Гертруду Фонъ-деръ-Бартъ, Корнелію, мать Гракховъ, или тѣхъ скромныхъ героинь-христіанокъ, которыя послѣдовали въ 1826 году за мужьями въ Сибирь, и тѣхъ сестеръ милосердія, которыя во Франціи, въ Пруссіи, въ Крыму отдавали и отдаютъ всю жизнь свою на жертву, въ помощь и облегченіе недугующихъ, страждующихъ, плѣненныхъ. Не давайте правильнаго исхода этой женской отвагѣ,—вы найдете m-lle de la Vallière, Agnès Sorel и даже Ninon de Lenclos, и нашихъ современныхъ нигилистокъ! Эти сорныя травы и эти цѣлебныя зелья—произрастенія одной и той же почвы.

Итакъ, въ разсказахъ ли Гаврилы, или въ моемъ собственномъ воображеніи, удалые молодцы, которые плыли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», промышляя по своему, вооруженною рукой и слагая звучныя пѣсни свои, были довольно увлекательныя лица, и мнѣ становилось жаль подъ часъ, что прошло то бурное, славное время. Бывало, бабушка Катерина Ермолаевна, когда жила вдовою въ Танкѣевкѣ (Спас-

скаго уѣзда Казанской губерніи), созоветъ всѣхъ дворовыхъ и молодыхъ крестьянъ, наберетъ такимъ образомъ отрядъ человѣкъ въ 300 или 400, раздастъ имъ охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставитъ двѣ маленькія пушки у воротъ усадьбы; канава вокругъ сада исполняетъ должность рва, и бабушка съ маленькимъ сыномъ засядетъ въ своей импровизированной крѣпости, ожидая осады непріятеля. Большею частію этимъ и кончалась бѣда. Добрые молодцы съ пѣснями проплывутъ вдоль рѣки у берега: оружіе спрятано, расшива (лодка) съ золоченою кормой и носомъ несется быстро на своихъ натянутыхъ парусахъ; сидятъ по ея бокамъ смирно и лѣниво молодые купчики,— хозяинъ въ щегольскомъ полукафтанѣ или полушубкѣ, съ шапкой на бекрень, распоряжается, будто торговцы ѣдутъ на ярмарку. Но не похожъ этотъ удалой соколиный взглядъ, эта молодецкая осанка, эта ловкая, быстрая походка на скромнаго купеческаго сына: это самъ молодой атаманъ, это его шайка съ нимъ, и какъ затянутъ они пѣсню, да гаркнетъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ: «въ темномъ лѣсѣ», такъ по всему берегу и забьется сердце у мужичковъ, и пока несутся звуки, удаляясь, утихая, замирая на водахъ, стоятъ они да крестятся и откликаются и старый и малый; а парней иногда въ душѣ и тянетъ туда къ Волгѣ, къ разгулу этой заманчивой жизни, между тѣмъ какъ молодухи сожалѣютъ о дѣвкѣ-красавицѣ, что̀ сидитъ на палубѣ, разодѣтая въ парчевомъ шушунѣ съ длинною лентой въ длинной косѣ, и на нее такъ дерзко и любовно поглядываетъ удалой атаманъ. Признаться, мнѣ совсѣмъ не жаль бывало, а скорѣе завидно этой невѣстѣ (какъ я полагала) разбойника, которая дѣлила съ нимъ опасности его тревожной жизни. Однако эта преступная зависть проходила, и я возвращалась къ законному сочувствію и восторгу, когда рѣчь доходила до опасности, въ которой бабушка сама оказалась однажды. Въ приволжскихъ деревняхъ мужики позажиточнѣе большею частію откупались отъ молодцевъ, выходя на берегъ съ хлѣбомъ и солью, съ шитыми шелкомъ и золотомъ полотенцами и ручниками, на которыхъ, кромѣ хлѣба, лежали и деньги, собранныя всѣмъ міромъ и подносимыя добрымъ молодцамъ; а разбойники, имѣя своего рода *честь* *), почитали недозволеннымъ нападать на такихъ слабыхъ и сговорчивыхъ людей. Но бабушка имѣла тоже свои понятія о чести и достоинствѣ барыни-помѣщицы и не соглашалась на такія сдѣлки съ непріятелемъ. Пока живъ былъ дѣдушка, его огромная псовая охота служила обороной усадьбѣ и острасткой для разбойниковъ.

---

*) Честь въ смыслѣ *point d'honneur*. Le point d'honneur, говоритъ Грабовскій, c'est la contrefaçon de la conscience. (Щегольство честью есть поддѣлка совѣсти).

Но послѣ него экономическіе разсчеты заставили уничтожить весь этотъ штатъ и всѣхъ собакъ, оставивъ только злѣйшихъ изъ послѣднихъ для ночнаго караула, между тѣмъ какъ воинственные псари превратились въ мирныхъ ткачей вновь увеличенной и усовершенствованной полотняной фабрики. Разбойники знали все это и рѣшились наказать Катерину Ермолаевну за ея гордость и несговорчивость. Однако, изъ презрѣнія ли къ женщинѣ, или изъ рыцарства, они объявили заранѣе походъ на нее. Высадившись большою шайкой на заливныхъ лугахъ имѣнія, они кинулись къ усадьбѣ. Крикъ, плачъ и вой поднялся въ деревнѣ, которая лежитъ противъ самой усадьбы, на другомъ берегу пруда; а Катерина Ермолаевна, велѣвъ зарядить пушки и ружья и палить въ добрыхъ молодцевъ, какъ только станутъ подходить, отправила вѣрнаго слугу къ ближайшему пикету съ требованіемъ помощи; но не скоро могъ пробраться посланный, и не скоро, даже, на подводахъ, пріѣхала военная команда. Во все это время Катерина Ермолаевна, съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа и распорядительностію, выдержала нешуточное нападеніе разъяренныхъ разбойниковъ, и не будь этихъ двухъ пушченокъ, ей бы, вѣроятно, не сдобровать; однако Богъ помогъ! Команда пришла во время, и усадьба и деревня уцѣлѣли. Съ тѣхъ поръ эти двѣ пушки служили уже только украшеніемъ или трофеями въ усадьбѣ, да въ необыкновенно торжественныхъ случаяхъ изъ нихъ палили холостыми зарядами въ видѣ салютовъ. Уже послѣ кончины Катерины Ермолаевны, батюшка ѣздилъ въ свою Казанскую вотчину на освященіе вновь оконченной или перестроенной церкви надъ могилами его отца и дѣдовъ. Разумѣется, одна изъ достославныхъ этихъ пушченокъ была подвезена къ церкви, и во время благодарственнаго молебствія изъ нея дали залпъ, потомъ другой; а тамъ вдругъ трескъ, шумъ, ужасный крикъ, и батюшка выбѣжалъ изъ церкви узнать, какая бѣда случилась. Вышло, что отставной солдатъ, исправлявшій должность артилериста, неосторожно передалъ молодому парню, котораго онъ взялъ себѣ въ прислугу, полупотухшій фитиль, и тотъ, стоя подлѣ пушки съ мѣшкомъ на шеѣ, полнымъ патроновъ, положилъ курящійся фитиль въ мѣшокъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ. Парень былъ страшнымъ образомъ раненъ; лицо все опалено, глаза или по крайней мѣрѣ вѣки, повреждены, а главное, вся грудь растерзана, такъ сказать, вспахана порохомъ: кожа содрана, мясо въ клочкахъ, кость обнажена. Сорокъ лѣтъ спустя, батюшка не могъ говорить объ этомъ безъ содроганія: такъ ужасно было положеніе бѣднаго мужика, такъ раздирательны были его крики и стоны. Что̀ дѣлать? Казалось, онъ долженъ умереть въ мученіяхъ. Батюшка сейчасъ же послалъ за

докторомъ, а между тѣмъ обступили его крестьяне: «Позволь, баринъ, позвать бабъ-знахарокъ; у насъ есть двѣ; онѣ вылѣчатъ, у нихъ есть заговоръ отъ всякой боли». Нечего было препираться о разумности или неразуміи такого лѣченія въ эту минуту. Несчастнаго страдальца отнесли въ сарай по близости, положили на сѣно, и пришли двѣ бабы. Онѣ требовали, чтобы всѣ вышли вонъ, въ томъ числѣ и батюшка; что̀ тамъ дѣлалось въ сараѣ, онъ, слѣдовательно, не видалъ; но не прошло двухъ минутъ, какъ крики и стоны прекратились, боль унялась, и раненый заснулъ. Когда докторъ прискакалъ, больной былъ совершенно спокоенъ: не было ни боли, ни жару, и послѣ перевязки и другихъ медицинскихъ пособій онъ выздоровѣлъ. Мгновенно-совершенное утоленіе боли и жару осталось несомнѣннымъ, но необъяснимымъ событіемъ.

Тутъ же на Волгѣ, — не знаю только въ Казанской ли губерніи,—знаменитый Ванька-Каинъ держалъ свою шайку и ходилъ съ нею въ разбой. Не знаю его происхожденія и первоначальнаго образа жизни; но, по разсказамъ моего дѣтства, его натура была не обыкновенная, не дюжинная: и добрые великодушные порывы его, и поэтическая тоска, и минуты отчаяннаго раскаянія дѣлаютъ изъ него истинно-драматическое лицо. Безстрашный, предпріимчивый, лукавый, онъ умѣлъ и переряжаться, и скрываться, и дерзко обманывать, и неудержимо за собой увлекать, и безпощадно разрушать, и великодушно миловать. Сопротивленіе отчаяннымъ его набѣгамъ наказывалось пожаромъ и грабежемъ; но бѣдному, слабому, ищущему у него самого защиты онъ никогда не отказывалъ, и часто, бывало, одаритъ, грабленнымъ добромъ конечно, но все-таки поставитъ на ноги бѣдняка, возстановитъ цѣлое семейство честное, «сотворяя себѣ друзи изъ мамоны неправды», завидуя со слезами честности и невинности ихъ. Таборъ свой держалъ онъ въ строгомъ повиновеніи, но съ теплой къ нему любовью. Лѣтомъ таборъ этотъ, большею частію, стоялъ въ непроходимомъ лѣсу, гдѣ шатры были раскинуты на свѣжей зеленой лужайкѣ, въ самой чащѣ лѣса, вблизи источника ключевой воды, въ тѣни старыхъ сосенъ и липъ; а склады разбойниковъ, т. е. оружіе и ворованныя вещи, находились въ подземельяхъ тутъ же въ лѣсу, куда никто не зналъ какъ пройти, кромѣ ихъ, и куда грабители какъ будто исчезали съ большой дороги, когда возвращались по одиночкѣ съ какого-нибудь ночнаго похожденія, или съ какого-нибудь праздника или базара, гдѣ они толкались и плясали и пили, какъ честные люди. Въ это ихъ святилище никто не отваживался заходить, и даже страхъ бралъ путника, когда издали услышитъ протяжный, пронзительный свистъ или дальніе отголоски пѣсни, пѣсни нѣжной и заунывной,

сложенной нерѣдко самимъ атаманомъ-поэтомъ. Многія изъ самыхъ гармоническихъ и поэтическихъ пѣсней, которыя и понынѣ поются, сочинены Ванькой-Каиномъ. Однажды, въ неудержимомъ порывѣ раскаянія, онъ рѣшился пойти и самъ выдать себя властямъ, что̀ бы изъ того ни вышло; такъ, по крайней мѣрѣ, гласилъ разсказъ, дошедшій до меня. Вмѣсто казни или тюрьмы, его за чистосердечное раскаяніе приняли въ милость и, въ доказательство измѣненной нравственности и возвращенія къ добру, ему поручили помогать полиціи открывать и ловить разбойниковъ, и хоть оно, вѣроятно, ему было и не совсѣмъ ловко, однако Ванька-Каинъ пошелъ изъ воровъ въ сыщики, иногда негоцировалъ мирную сдачу разбойниковъ, а иногда накрывалъ ихъ на самомъ мѣстѣ воровства. Но наконецъ дошла очередь и до его бывшей шайки. Взялся онъ вести съ прежними товарищами переговоры, обратить ихъ и склонить къ повиновенію законамъ. Отправился Ванька-Каинъ, и отправился одинъ, какъ это бывало, когда дѣло шло о мирной сдачѣ. Пробрался онъ въ лѣсъ рано-ранехонько утромъ, а въ лѣсу такъ зеленѣло и благоухало, такъ сладко пѣли птицы, такъ тихо шептали листья, такъ вольно гулялъ вѣтерокъ! Шелъ Ванька, и каждый кустъ, и каждая травка, и стройная сосна, и широкій папортникъ, и кривой дубнякъ, и бѣлая березка, всѣ какъ будто шлютъ ему привѣтъ, какъ будто говорятъ ему о прежней волѣ; и вотъ, сквозятъ и пробираются съ высоты деревъ на землю веселые лучи солнца, и выходитъ онъ изъ чащи лѣса на свѣжую лужайку у самаго ключа, гдѣ стоялъ его шатеръ. И такая взяла его тоска по прежнему раздолью, по прежнему разгулу, по прежнимъ товарищамъ и по прежней власти, что свиснулъ онъ своимъ молодецкимъ свистомъ и собралъ всю шайку вокругъ себя. «Вотъ, я вашъ опять, ребята!» вскричалъ атаманъ; — «надоѣла мнѣ городская ихъ жизнь, надоѣло мнѣ ѣсть даровой ихъ хлѣбъ, надоѣло мнѣ жить честнымъ по ихъ человѣкомъ! Давайте, ребята, волю молодецкую, да удалые набѣги наши, да веселый разгулъ! Ужъ не атаманъ вамъ теперь я, а стану въ ваши ряды опять!» Такъ кончились переговоры о сдачѣ; походъ Ваньки-Каина въ лѣсъ, въ свой старый таборъ кончился тѣмъ, что попалъ онъ опять въ атаманы разбойниковъ и пошелъ съ ними по прежнему гулять. Наконецъ ужъ его поймали, и онъ всю остальную жизнь просидѣлъ въ тюрьмѣ. Не знаю, это преданіе совсѣмъ ли согласно съ истиной; но такъ гласитъ оно. Разсказъ обыкновенно заключался словами: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ».

Къ этимъ не весьма точнымъ преданіямъ о подвигахъ разбойниковъ присоединялись и не совсѣмъ точныя повѣствованія о военныхъ

дѣйствіяхъ Суворова, Каменскаго, Кутузова; но все-таки *общія впечатлѣнія* были довольно вѣрны. Такъ, въ моей памяти сохранился Суворовъ какъ гигантская фигура, шагающая, *едва ли не буквально*, въ два шага черезъ цѣлую цѣпь снѣжныхъ горъ, съ шуткою на устахъ, съ веселою насмѣшкой въ глазахъ. Кутузовъ исчезалъ въ громадности развалинъ, пожаровъ, разоренія и неумолимой мести народной. Страданія и борьба всеобщія какъ-будто магнетически передавались пониманію ребенка простыми моими собесѣдниками, и среди ужасныхъ сценъ гибели, голода и крови побѣда нашихъ казалась мнѣ непосредственною небесною карою, которой исполнитель былъ Александръ Павловичъ, являясь мнѣ въ образѣ Архангела Михаила, со щитомъ и пламеннымъ мечемъ въ рукахъ. Смутно, но неизгладимо осталось у меня впечатлѣніе, въ послѣдствіи столь великолѣпно переданное въ стихахъ Хомякова:

Не сила людская повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ,
И снѣгомъ засыпалъ дружины...

О Барклаѣ, разумѣется, я тогда и не слыхала; а къ Наполеону я всю жизнь сохранила враждебное чувство, внушенное моими старыми собесѣдниками, которые относились къ нему не лучше, чѣмъ къ Пугачеву. За то молодой графъ Каменскій являлся въ ихъ разсказахъ щедро одаренный всею славою и всею привлекательностью юности, красоты, геройства и безвременной кончины. Да, вообще война съ Турками для этихъ современниковъ Екатерины, а чрезъ нихъ и для меня, казалась какимъ-то нормальнымъ состояніемъ для Россіи, какъ въ древнія времена война съ Татарами и Польшей, которая прекращалась лишь перемиріями, болѣе или менѣе продолжительными, но не кончалась вѣчнымъ миромъ, пока не была сокрушена ихъ сила.

Записывая все это, я спрашиваю себя: стоитъ ли оно труда? Можетъ быть, однако, оно останется отголоскомъ понятій и воззрѣній того времени, столь отдаленнаго и не похожаго на нынѣшнее, что даже я, на второмъ полувѣкѣ жизни, сохранила о немъ только преданія и общее впечатлѣніе. Правда, у меня Суворовскіе и Каменскаго подвиги часто сливались въ одно, и когда я слушала про взятіе Очакова или Измаила, главнокомандующій не ясно представлялся мнѣ; кровавые, но блистательные *личные* подвиги (почти невозможные при новой системѣ войны, гдѣ нужно сражаться въ полуверстѣ другъ отъ друга)

плѣняли и сильно врѣзывались въ память. Смѣшеніе христіанскаго съ мусульманскимъ населеніемъ, эти братья, которыхъ надобно было щадить и охранять въ самую минуту штурма, когда не давали пощады невѣрнымъ и отъ нихъ не принимали ея, все это придавало романическій интересъ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ (уже это Ланжеронъ разсказывалъ батюшкѣ), при взятіи Измаила, ворвавшись въ городъ, Русскіе пошли въ штыки, опрокидывая передъ собою живыя стѣны непріятельскаго войска, въ бѣшеной атакѣ встрѣчая бѣшеный же отпоръ; кровь лилась буквально ручьями, такъ что шли они по щиколку въ крови, и никогда никакая прачка не могла вымыть и выбѣлить чулки, въ которыхъ былъ Ланжеронъ въ этотъ день,—такъ напитались они кровію. Во время этого штурма, когда Русскіе солдаты неслись такимъ неодолимымъ потокомъ, духовенство у дверей православныхъ церквей, и въ защиту своихъ, и въ привѣтъ побѣдителямъ, выходило съ крестомъ и святою водою. Солдаты отнимутъ правую руку отъ ружья, перекрестятся, и опять за штыкъ, опять колоть въ ожесточеніи боя, съ опьяненіемъ чувства побѣды. «А прекрасно было смотрѣть на этихъ молодцевъ», говаривалъ Ланжеронъ; «да не дурно было посмотрѣть и на Турокъ: бѣшено, отчаянно они дрались. А наши, не щадили никого, кто попадется на встрѣчу; и женщины, и дѣти погибали, если случались на дорогѣ. Шла эта живая сокрушительная волна или тромба, не разбирая что̀ на ея дорогѣ; все уноситъ съ собою, все стираетъ съ лица земли; развѣ офицеры успѣютъ спасти ребенка и возмутъ его себѣ. О, прекрасное зрѣлище это было!» прибавлялъ Ланжеронъ *). Въ пылу такихъ восторженныхъ воспоминаній, Ланжеронъ на канунѣ штурма какой-то крѣпости приготовилъ было приказъ въ подражаніе Суворовскимъ, который и показывалъ батюшкѣ. Но Каменскій не одобрилъ его, и потому приказъ этотъ на ломанномъ Русскомъ языкѣ не былъ обнародованъ. Онъ былъ слѣдующій: «Коли, руби, граби! Знай—бери!»

Впрочемъ, кромѣ родственныхъ преданій о Каменскомъ, разсказанныхъ Авдотьей Харитоновной и Гаврилою, у насъ еще было живое олицетвореніе христіанскаго элемента Турціи, старушка-Гречанка, вдова казацкаго генерала, который женился на ней въ одномъ изъ своихъ походовъ. Дарья Егоровна была постоянная посѣтительница нашей дѣтской, и какъ теперь вижу ея блѣдное лицо, правильныя классическія черты и бѣлую кисейную фату или большую вуаль, ко-

---

*) Не мѣшаетъ припомнить, что Ланжеронъ былъ самъ поэтъ и стихотворецъ. При взятіи Измаила взята въ плѣнъ бабка И. С. Аксакова, въ чертахъ лица, въ характерѣ и въ дѣятельностя котораго было такъ много южнаго. П. Б.

торою она покрывала голову и обвивала шею и лицо широкими граціозными складками. Маленькая ростомъ, съ сѣдыми до бѣлизны волосами, съ матовою бѣлизною грустнаго, благороднаго лица, съ нѣсколько потухшимъ и блуждающимъ взглядомъ, въ своемъ синемъ суконномъ платьѣ, въ родѣ широкой рясы, она рознилась отъ всего окружавшаго ее въ нашей дѣтской, въ которой она представляла какой-то особый міръ и занимала мѣсто между барыней и няней по генеральскому своему чину и по бѣдности (можетъ быть), но особенно, по совершенной необразованности своей: кажется, она не знала даже грамоты. Но Дарья Егоровна, хоть и была тиха и далеко не краснорѣчива, однако самымъ краснорѣчіемъ фактовъ много вносила животрепещущаго интереса въ мой дѣтскій міръ. Страданія христіанъ, борьба и подвиги ихъ, самое имя Грековъ принимали для меня такую дѣйствительность, такое близкое, *домашнее* значеніе съ самыхъ раннихъ лѣтъ, что я и теперь не могу привыкнуть къ равнодушію, непониманію или незнанію въ дѣлахъ христіанъ на Востокѣ, которыя встрѣчаю такъ часто у насъ въ Россіи. Али-Паша Янинскій и Бобелина, которая тогда занимала первое мѣсто на табакеркахъ и лубочныхъ картинкахъ, были мнѣ такъ же знакомы и близки, какъ Петръ Великій и Екатерина, и когда въ послѣдствіи мнѣ стали читать «Абидосскую Невѣсту» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», я чувствовала себя дѣма между этими лицами, и ихъ среда казалась мнѣ гораздо ближе и родственнѣе, чѣмъ дѣйствующія лица Англійскаго high-life въ «Almack's» и «Pelham». Такъ сильны слѣды впечатлѣній перваго дѣтства, что даже, когда изгладилась память о самихъ происшествіяхъ, и забыты всѣ подробности, все-таки общее настроеніе упрямо гнѣздится гдѣ-то въ потаенномъ уголкѣ нашего ума, и при первомъ прикосновеніи въ настоящемъ какого-либо случая, подходящаго къ прошлымъ событіямъ, повѣетъ на душу какъ бы роднымъ, свѣжимъ воздухомъ, и оживаютъ въ памяти всѣ люди, мысли и чувства, давно уснувшія!

Это восточное явленіе между нами, Дарья Егоровна, не была диковинкой въ то время. Греки и Гречанки, Болгары и Сербы переходили по одиночкѣ или переселялись цѣлыми семьями и даже деревнями на нашемъ Югѣ; а обычай привозить съ собою, послѣ походовъ, спасеннаго отъ гибели Турченка или взятыхъ въ плѣнъ Турчанокъ и *дарить* ихъ своимъ родственникамъ на воспитаніе или въ прислугу, занесъ много примѣси южной крови между нами, и въ пользу намъ, а не въ ущербъ, судя по Жуковскому, Аксаковымъ, Айвазовскому, которые по женской линіи Турецкаго происхожденія, и по Пушкину, который, какъ извѣстно, былъ по матери потомокъ Негра.

Одна плѣнная Турчанка, уже не молодая, была подарена моей матери въ служанки ея двоюроднымъ братомъ, Поликарповымъ, по возвращеніи изъ похода, и такъ страстно привязалась къ своей молодой барышнѣ, что ревновала ее безумно и мучила ее и себя упреками, слезами, отчаяніемъ, со всею необузданностію огненнаго, восточнаго нрава. Этой Турчанки я не знавала (она умерла до моего рожденія), но я много слышала о другой Турчанкѣ, прозванной Марьей, которая играла нѣкоторую роль во внутреннихъ интригахъ дома или, точнѣе, маленькаго двора у фельдмаршала Каменскаго въ Москвѣ.

Въ Москвѣ же былъ странный случай, который разсказывала мнѣ (уже долго, долго послѣ) Марья Алексѣевна Хомякова, мать поэта, сама знавшая и лицъ, и происшествіе, и совершенно неспособная ко лжи. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, возвратясь изъ похода на Турокъ, привезъ съ собою Турецкаго ребенка, вѣроятно, спасеннаго имъ въ какой-нибудь свалкѣ, и подарилъ его своему другу Дурнову. Мальчикъ вышелъ умненькій, ласковый, добронравный. Дурновъ полюбилъ его и сталъ воспитывать какъ сына, но не хотѣлъ его окрестить, пока тотъ самъ не понялъ бы и не изучилъ истинъ христіанской вѣры. Малый подросталъ, съ любовію и жаромъ учился, дѣлалъ быстрые успѣхи и радовалъ сердце пріемнаго отца своего. Наконецъ Дурновъ сталъ заговаривать съ нимъ о принятіи христіанства, о святомъ крещеніи. Молодой человѣкъ съ жаромъ, даже съ увлеченіемъ говорилъ объ истинахъ вѣры, съ убѣжденіемъ о православной церкви, ходилъ съ домашними на церковныя службы, молился, казалось, усердно; но все откладывалъ крещеніе и говорилъ Дурнову: «Погоди, батюшка; скажу тебѣ, когда будетъ пора». Такъ прошло еще нѣсколько времени; ему уже минуло 16 лѣтъ, и въ немъ замѣтили какую-то перемѣну. Шумная веселость утихла въ немъ; живые, безбоязненные, свѣтлые глаза подернулись грустью; звонкій смѣхъ замолкъ, и тихая улыбка казалась какъ-то преждевременною на цвѣтущемъ ребяческомъ лицѣ. «Теперь», сказалъ онъ однажды, «я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка; отецъ ты мнѣ болѣе чѣмъ родной! Теперь скоро пора; но прежде есть у меня просьба къ тебѣ: не откажи. Прикажи купить краски, палитру, кисти; дай мнѣ заказать лѣстницу какъ скажу; да позволь мнѣ на этотъ одинъ мѣсяцъ не пускать никого въ мою комнату, и самъ не ходи». Дурновъ уже давно привыкъ не отказывать ни въ чемъ своему пріемному сыну; какъ желалъ онъ, такъ и сдѣлали. Молодой Турокъ весь день просиживалъ въ своей комнатѣ; а какъ стемнѣетъ, придетъ къ Дурнову, по прежнему — читаетъ, занимается, разговариваетъ, но про занятія въ своей комнатѣ ни полслова; только сталъ онъ блѣднѣть,

и черные глаза горѣли какимъ-то неземнымъ тихимъ огнемъ, какимъ-то выраженіемъ блаженнаго спокойствія. Въ концѣ мѣсяца онъ просилъ Дурнова приготовить все къ крещенію и повелъ его въ свою комнату. Палитра, краски, кисти лежали на окнѣ; лѣстница, служившая ему въ родѣ подмостокъ, была отодвинута отъ стѣны, которая завѣшена была простыней; юноша сдернулъ простыню, и Дурновъ увидѣлъ большой, писанный во всю стѣну, святой убрусъ, поддержанный двумя ангелами, и на убрусѣ ликъ Спасителя Нерукотворенный, колоссальнаго размѣра, прекраснаго письма. «Вотъ задача, которую я долженъ былъ исполнить, батюшка; теперь хочу креститься въ вѣру Христову; я жажду соединиться съ Нимъ». Обрадованный, растроганный Дурновъ спѣшилъ все приготовить, и его воспитанникъ съ благоговѣйною радостію крестился на другой день. Когда онъ причащался, всѣ присутствующіе были поражены неземною красотою, которою, такъ сказать, преобразился неофитъ. Въ тихой радости провелъ онъ весь этотъ день и безпрестанно благодарилъ Дурнова за всѣ его благодѣянія и за величайшее изъ всѣхъ—за познаніе истины и принятіе христіанства, за это неописанное блаженство, говоря, что онъ болѣе чѣмъ родной отецъ для него, что онъ не преходящую даровалъ ему, а жизнь вѣчную. Вечеромъ юноша нѣжно простился съ своимъ названнымъ отцомъ, обнималъ, благодарилъ его опять, просилъ благословенія; видѣли, что долго молился онъ въ своей комнатѣ передъ написаннымъ Нерукотвореннымъ Спасомъ; потомъ тихо заснулъ—заснулъ непробуднымъ сномъ. На другое утро его нашли мертвымъ въ постели, съ закрытыми глазами, съ улыбкой на устахъ, съ сложенными на груди руками.

Кто вникнетъ въ тайну молодой души? Какой неземный голосъ, ей одной внятный, сказалъ ему судьбу его и призвалъ его въ урочный часъ къ паки бытію купели? Кто объяснитъ это необъяснимое дѣйствіе благодати, призывающей къ Отцу Небесному невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ въ глубинѣ сердца избранниковъ своихъ? Дурновъ оплакивалъ съ родительскою любовью своего пріемыша, хотя и упрекалъ себя за свое горе при такой святой блаженной кончинѣ. Комната, гдѣ скончался юноша, сдѣлалась часовней или молельной, гдѣ ежедневно молился Дурновъ. Въ 1812 году домъ сгорѣлъ, но стѣна съ образомъ уцѣлѣла, только изображеніе было очень повреждено; его реставрировали, и отъ оригинала остались только одинъ глазъ и бровь. Однако, набожные люди продолжали пріѣзжать молиться тутъ, а въ послѣдствіи въ немъ была основана богадѣльня на 40 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвицъ, и комната молодаго Турка освящена въ прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всѣхъ

концевъ Москвы приходятъ и донынѣ служить молебны передъ образомъ, писаннымъ на стѣнѣ. Что-то мирное, свѣтлое, чистое вѣетъ тамъ на васъ, какъ свѣтла и чиста была душа юноши, освятившаго своимъ обращеніемъ и смертію это мѣсто. Богадѣльню зовутъ Барыковскою по имени основателя, а церковь—Спаса на Стоженкѣ. Другое пристанище для бѣдныхъ выросло и пріютилось противъ богадѣльни—домъ призрѣнія убогихъ во имя Христа-Спасителя. Такой свѣтлый слѣдъ оставилъ по себѣ этотъ ребенокъ, привезенный изъ чужой невѣрной стороны, принятый и приголубленный безграничною христіанскою любовію Россіи. По истинѣ здѣсь показалъ Господь весь глубокій смыслъ Имъ нѣкогда сказанныхъ святыхъ словесъ: «Аще кто пріиметъ «отроча таково во имя Мое, пріемлетъ Мя; а пріемляй Мя, пріемлетъ «пославшаго Мя Отца».

Всѣ эти разсказы относятся ко времени, предшествовавшему моему рожденію; но моральная атмосфера ихъ окружала мои первые годы, и память о моей дѣтской неразрывно связана съ ними. Изъ ежедневныхъ посѣтителей и друзей моихъ, самый милый, добрый и любезный былъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Онъ для меня былъ такое же предвѣчное существо, какъ отецъ и мать, какъ Дада и Гаврила, которые для меня не имѣли начала, которые, казалось, всегда существовали и никогда не были дѣтьми, ни даже очень молодыми людьми, а всегда *большими*, что-то въ родѣ перваго человѣка, сотвореннаго совершеннолѣтнимъ. По нѣмецки мнѣ бы хотѣлось сказать о Жуковскомъ: ein Urfreund. И батюшка, и матушка всегда были такіе веселые, когда приходили въ дѣтскую съ Жуковскимъ, а Жуковскій былъ такъ добръ, такъ ласковъ, шутливъ. Моя тетушка (сестра матери) Марья Андреевна Поликарпова, въ эти первые годы, помнится мнѣ красавицей, нарядною и гораздо важнѣе съ виду, нежели матушка *). Мужъ ея, еще лучше ея лицомъ, бывалъ часто, но не занимался мною, такъ что я помню, въ это время, только его красивую наружность.

Другое милое, доброе, любимое лицо моей дѣтской была Татьяна Васильевна Шлыкова, лучшій другъ матушки. Она была замѣчательная женщина, изъ крѣпостныхъ графа Шереметева, бывшая танцовщица на его домашнемъ театрѣ. Ея образованіе состояло только въ

---

*) Издатель „Русскаго Архива“ съ живымъ чувствомъ сердечной признательности вспоминаетъ Марью Андреевну Поликарпову; въ ея Старицкомъ помѣстьи, селѣ Панафидинѣ, провелъ онъ вторую половину 1852 года и наслышался отъ нея многихъ разсказовъ про старину. Память ея уважена въ Тверскомъ краю. Сосредоточенность, чувство долга и собственнаго достоинства счастливо сочетались въ этой достойной женщинѣ съ дѣятельностью горячаго сердца. П. Б.

Русской грамотѣ и танцахъ; но природный умъ, врожденное достоинство и благородство души, теплота и нѣжность сердца и нашъ народный здравый смыслъ сдѣлали изъ нея неоцѣннаго, вѣрнаго и добраго друга, истинно-пріятную собесѣдницу, даже въ кругу такихъ взыскательныхъ людей, какъ батюшка, какъ Дашковъ, какъ Сѣверинъ. Жуковскій и Александръ Тургеневъ были ей короткими пріятелями, и до конца ея жизни батюшка любилъ видаться и разговаривать съ нею. Она оставалась всю жизнь въ семействѣ графа Шереметева, какъ лучшій другъ, какъ вторая мать графа, любима, почитаема тремя поколѣніями, и скончалась недавно въ ихъ домѣ, въ ихъ семействѣ, оплаканная всѣми. Въ ней видѣлся типъ того, къ чему можетъ и должна придти масса народа нашего, когда она проникнется здравымъ элементарнымъ образованіемъ и будетъ болѣе обезпечена въ средствахъ къ жизни, безъ крайности нынѣшняго изнурительнаго труда. Это, можетъ быть, мечта; но мнѣ кажется, что мечта осуществится, когда, съ умноженіемъ рукъ и машинъ, улучшится у насъ состояніе рабочаго класса, тогда какъ теперь женская работа въ нашемъ сельскомъ быту рѣшительно превышаетъ силы человѣческія и убиваетъ всѣ природныя способности ума и души.

Еще смутно помнится мнѣ женское лицо, не только оживленное, но лихорадочно-тревожное, съ быстрою мимикой жестовъ, съ пытливымъ взглядомъ, но безъ словъ. Это была нѣмая дѣвушка, тоже другъ матушки, Алена Ивановна Михельсонъ, дочь извѣстнаго генерала. Она вышла потомъ замужъ за барона Розена и умерла въ родахъ, когда мы были за границей; я помню только ея наружность. Она была одною изъ моихъ крестныхъ матерей; но другую, настоящую воспріемницу мою, графиню Каменскую, я знала только по большому портрету, который всегда висѣлъ въ моей дѣтской, и по отзывамъ родителей моихъ и всѣхъ домашнихъ, которые такъ любили и почитали ее, что она казалась мнѣ какимъ-то важно-милостивымъ, прекраснымъ и благодѣтельнымъ, но не совсѣмъ земнымъ существомъ. Такъ она и осталась для меня миѳомъ или отдаленнымъ историческимъ лицомъ; я никогда не видала ея.

Здѣсь кончаются мои легенды, здѣсь граница баснословныхъ временъ, миѳологіи, золотаго вѣка моего перваго дѣтства. Воспоминанія, болѣе вѣрныя, болѣе положительныя, хотя иногда менѣе глубокія, такъ сказать, менѣе яркія, заступаютъ мѣсто чудесныхъ видѣній и сновъ. Перехожу къ исторіи, къ сознательному отчету не въ томъ собственно, что̀ сама видѣла, но по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ неоднократно слышала отъ моихъ родителей и твердо заучила съ ранней молодости. Какъ тяжело и пусто мнѣ становится въ настоящемъ, когд бросишь взглядъ на этотъ длинный рядъ протекшихъ годовъ!

«Душа моя—элизіумъ тѣней», сказалъ нѣкогда Тютчевъ. И сколько, сколько ихъ возстаетъ около меня и роится въ моей памяти, пока пишу я эти строки въ полночный часъ, при однообразномъ стукѣ этихъ дѣдовскихъ часовъ, пережившихъ столько поколѣній, столькихъ славныхъ, столькихъ сильныхъ, столькихъ доблестныхъ и прелестныхъ человѣческихъ лицъ! Тутъ и поэтическій образъ Александры Андреевны Воейковой: молодая, прекрасная, съ нѣжно-глубокимъ взглядомъ ласковыхъ глазъ, съ легкими кудрями темно-русыхъ волосъ и черными бровями, съ болѣзненнымъ, но свѣтлымъ видомъ всей ея фигуры, она осталась для меня такимъ неземнымъ видѣніемъ изъ временъ моего дѣтства, что долго я своего ангела-хранителя воображала съ ея чертами *). И возлѣ нея, вѣрные ей до гроба и по смерти, друзья ея: Жуковскій, съ своимъ добродушнымъ и веселымъ смѣхомъ, съ своими шутками и балагурствомъ, столь не похожими на меланхолію его стиховъ, и Перовскій (Василій Алексѣевичъ), съ его красивою наружностью, густыми кудрявыми волосами и свѣтлыми смѣющимися глазами, играющій съ нами какъ будто самъ ребенокъ, и пугающій моего маленькаго брата своею шляпою моряка безъ султана, увѣряя, что онъ полицейскій и при первомъ капризѣ уведетъ его на съѣзжую. Умный и веселый, нѣжный и постоянный въ своихъ привязанностяхъ, онъ остался до конца вѣренъ всѣмъ, кого любилъ въ молодости. Но какъ измѣняется въ моихъ мысляхъ этотъ отрадный образъ изъ дней моего дѣтства, когда припоминаю послѣднее свиданіе съ нимъ въ Петергофѣ, въ 1857 году! Изнуренный, изсохшій весь, со впалыми потухшими глазами, еле переводящій дыханіе помощію креазота, съ выраженіемъ страданія и горя, раздирающимъ мнѣ душу: отъ прежняго Перовскаго нашего остались лишь густые вьющіеся волосы и нѣжное, неизмѣнно-вѣрное сердце!—Вотъ, на своихъ низкихъ подвижныхъ креслахъ, слѣпой поэтъ Козловъ, на котораго смотрѣли мы съ такимъ глубокимъ почитаніемъ, что умолкали въ самомъ разгарѣ нашихъ игръ, когда катился онъ въ креслахъ въ гостинную Александры Андреевны.

Тутъ и веселый кружокъ Арзамазскій. Красавецъ и баловень аристократическихъ собраній, остроумный, ловкій, веселый, съ при-

---

*) Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь ты въ край иной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной,

сказалъ ей Баратинскій. Покойный графъ А. В. Адлербергъ, въ дѣтствѣ своемъ знавшій эту необыкновенную женщину († 1829), говаривалъ о ней не иначе какъ съ умиленіемъ. П. Б.

мѣсью самолюбія фата, но высоко-образованный, истинно-просвѣщенный Уваровъ; и съ сановитою южною красотою своею, съ прекрасными чертами смуглаго лица, высокаго роста и возвышенной души, любимый и цѣнимый по какому-то инстинкту даже нами, дѣтьми, Дашковъ, котораго, въ нашемъ наивномъ почитаніи и любви, мы прозвали *пальмовымъ деревомъ* (пальмою между людьми), какъ прозвали мы Сѣверина *подсолнечникомъ* за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру, и особенно за измѣну (какъ мы думали) Каподистріи и обратное движеніе къ восходившему солнцу министерства, Нессельроду. Вотъ и черные, какъ смоль, раскаленные, какъ угли, глаза Вигеля, котораго раздражительность и негодованіе на меня въ моемъ дѣтствѣ я узнала только по его запискамъ; помню же я его, какъ частаго посѣтителя, хорошаго пріятеля всѣхъ Арзамасцевъ и друга нашего дома, съ табакеркой въ рукахъ, которую онъ вертѣлъ, играя ею и особеннымъ манеромъ постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, *какъ будто клевалъ по ней пальцами*, какъ птица клюетъ клювомъ, когда готовился сказать что-нибудь колкое или забавное. А тамъ широкое лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневнаго гостя, но мало занимавшагося дѣтьми, на котораго мы съ изумленіемъ глядѣли за обѣдомъ, когда онъ глоталъ все, что̀ находилось подъ рукою — и хлѣбъ съ солью, и бисквиты съ виномъ, и пирожки съ супомъ, и конфекты съ говядиной, и фрукты съ маіонезомъ, безъ всякаго разбора, безъ всякой послѣдовательности, какъ попадетъ, было бы съѣстное; а послѣ обѣда поставятъ предъ нимъ сухіе фрукты, пастилу и т. п., и онъ опять все ѣстъ, между прочимъ кедровые орѣхи цѣлою горстью за разъ, потомъ заснетъ на диванѣ, и спитъ, и даже храпитъ подъ шумъ разговора и веселаго смѣха друзей. Помню, какъ теперь, голубой, набивнаго бархата, диванъ и овальный столъ изъ желтаго тополя въ гостиной нашей, гдѣ сиживалъ онъ. Эта способность глотать все, что̀ ни попадетъ, и спать потомъ такъ сладко дѣлали его въ моихъ глазахъ какимъ-то boa constrictor безвредной породы или добрымъ огромъ, который однако дѣтей не ѣстъ, а не прочь даже подѣлиться съ ними конфектами. Мы его прозвали по французски le gouffre, потому что этою пропастью или омутомъ мгновенно пожиралось все съѣстное.

А вотъ и Пушкинъ, съ своимъ веселымъ, заливающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ, блистательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ растерзанный, измученный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души.

Вотъ умный, живой, по-русски добродушный англоманъ—Кривцовъ, съ механическою деревянною ногою, которая всегда возбуждала во мнѣ любопытство и удивленіе: такъ мало замѣтно было легкое прихрамываніе въ его походкѣ, благодаря искусному механизму этой ноги.

Вотъ красивое, нѣжное, почти женственное лицо Бутенева, съ кроткимъ и умнымъ выраженіемъ глазъ и при нѣсколько-застѣнчивомъ обращеніи; а съ нимъ его хорошенькая смуглая жена (урожденная Шевичъ), съ ея большими южными глазами, ласковыми и томными, съ непринужденностью откровеннаго и милаго обращенія, съ привѣтливою ласкою своею къ намъ, дѣтямъ.

Образъ Батюшкова неопредѣленно, туманно рисуется передо мною лишь однажды въ той же голубой гостинной; небольшаго росту, молодой, красивый человѣкъ, съ нѣжными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и съ страннымъ взглядомъ разбѣгающихся глазъ. Я проходила черезъ гостинную въ дѣтскую, и отецъ остановилъ меня у дверей, гдѣ онъ стоялъ съ Батюшковымъ, сказавъ ему: «Vous ne reconnaitrez pas la petite» *). Вѣроятно, онъ былъ долго въ отсутствіи, или насъ не было въ Петербургѣ. Въ слѣдующее лѣто, на дачѣ, помню, что стали говорить у насъ съ горестью, что онъ дѣлался такой странный, и стали бояться, не лишился бы онъ ума.

Вотъ, наконецъ, и душа всего отцовскаго круга, плѣнительный, почтенный образъ Карамзина, съ его статнымъ ростомъ, тонкими благородными чертами, плавною спокойною походкой и развѣвающимися на ходу жидкими сѣдыми волосами. Въ немъ рисуется предо мною понынѣ какая-то особенная гармонія въ выраженіи, въ голосѣ, въ движеніяхъ, во всей наружности; она поражала даже 12-лѣтнюю дѣвочку, не понимавшую въ немъ внутренней гармоніи всѣхъ мыслей и чувствъ его нравственной природы.

А тамъ, въ аллеяхъ Эмса, поэтическая тѣнь Каподистріи, съ глубокимъ проницающимъ взглядомъ черныхъ глазъ, съ грустною рѣшимостью на высокомъ лбу, выраженіе котораго казалось еще рѣшительнѣе и грустнѣе отъ противоположности черныхъ густыхъ бровей съ сѣдиною волосъ.

Въ аллеяхъ Царскосельскаго сада вспоминаю другое историческое лицо — князя Кочубея, во всей привлекательности стариннаго тона, съ мягкимъ достоинствомъ или даже важностію высшаго круга Французскаго, съ привѣтливостью улыбки и пріема, съ его аристократическою красой, устоявшею противъ разрушительной силы

*) Вы не узнаете малютку.

времени лѣтъ. Такого же свойства была красота и князя Михаила Семеновича Воронцова; но въ немъ выражалось больше тонкости и меньше прямодушія, больше ума и меньше привлекательности. Въ Кочубеѣ сквозь Французскій лоскъ проглядывало Русское добродушіе *); Воронцовъ смотрѣлъ истымъ лордомъ, безъ всякой примѣси родной безпечности и laisser-aller.—Тутъ же вспоминается и сутуловатый, черноволосый, всегда раскраснѣвшійся, всегда кипѣвшій и горячившійся, но всегда честный и добрый Дибичъ — *генералъ-самоваръ*, какъ прозвали его солдаты. И тутъ же его счастливый соперникъ, товарищъ молодости батюшки, Паскевичъ, въ юности баловень природы и двора, въ зрѣлыхъ лѣтахъ баловень фортуны; красавецъ собой, талантливый предводитель, человѣкъ въ сущности добрый, горячо любившій отечество и славу, но испорченный блистательностью своихъ успѣховъ, жаловавшійся отцу моему на Дунаѣ въ 1811 году на свою злую судьбу, на несправедливость людей и рока, потому что въ 30 лѣтъ онъ не былъ еще главнокомандующимъ, и опять упрекавшій судьбу и свое злосчастіе, въ предсмертной своей болѣзни, восклицая: «Вы думаете, скиръ меня съѣдаетъ? Нѣтъ, заѣла меня Силистрія; она тутъ сидитъ, гложетъ меня!...» Въ этихъ словахъ слышатся и мученія физическія, и безсознательные упреки совѣсти человѣка-гражданина, горюющаго о Россіи и о военной славѣ ея и о своей!

И сколько, сколько еще тѣней, безвременно покинувшихъ землю, когда жизнь сулила такъ много радостей, когда такъ много обѣщали они сами внести въ нее и добраго, и славнаго, и полезнаго!

Вотъ Лермонтовъ, съ страннымъ смѣшеніемъ самолюбія не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромности даровитаго поэта, неумолимо строгій въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательный до крайности къ собственному таланту и гордый весьма посредственными успѣхами въ гостинныхъ. Они скоро бы надоѣли ему, если бы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталъ и зрѣлъ его высокій поэтическій даръ.—Вотъ Оскаръ Раденъ, веселостью и колкостью ума, основательностью образованія, настойчивостію трудолюбія, честностію и теплотою чувства, блескомъ дарованій и даже некрасивой наружностью столь похожій на своего послѣдняго начальника, отца

*) Это Русское добродушіе было въ немъ и въ самой блистательной его молодости, въ эпоху огромнаго вліянія его на дѣла, во время тріумвирата всесильныхъ друзей и совѣтниковъ Александра Павловича. Тетушка моя Марья Андреевна, еще ребенкомъ, ѣзжала съ своей матерью, княгиней Щербатовой, къ Безбородкѣ на его дачу, и ее съ другими дѣтьми качали на качеляхъ князь Кочубей, Чарторыжскій и Новосильцевъ. Кочубей въ особенности мастерски качалъ, такъ что дѣвочки радовались его появленію, когда онѣ играли въ саду.

моего, который видѣлъ въ немъ будущаго преемника и государственнаго человѣка.—Вотъ Павелъ Хрущовъ, соединявшій въ себѣ восторженность юности съ твердымъ терпѣніемъ позднихъ лѣтъ, спокойствіе зрѣлаго разума съ пылкостью души, порывающейся ко всему великому и прекрасному, даровитый, трудолюбивый, любившій Россію выше всего земнаго. Казалось, готовился въ немъ дѣятель для государства и народа; лицомъ и душою онъ напоминалъ Каподистрію и думалъ идти по одной съ нимъ дипломатической дорогѣ, но не дожилъ и до 25 лѣтъ!

Вотъ и еще благородный и умный, чистый и честный другъ будущаго царя — Іосифъ Віельгорскій, который тоже сошелъ въ могилу нетронутый нравственною заразой свѣтской среды. Она томила его молодую душу, и онъ убѣгалъ отъ нея въ тѣсный кругъ своей или самой царской семьи и въ учебную комнату, гдѣ слушалъ съ Великимъ Княземъ мирныя и правдивыя рѣчи и уроки, согрѣтые любящею душою и спокойнымъ духомъ Жуковскаго и честнымъ прямодушіемъ Мердера и Плетнева.

Вотъ и недавно исчезнувшій, благородный, честный, свѣтлый, хочется сказать, благочестивый кружокъ Московскій: Хомяковъ, съ его многостороннимъ образованіемъ, съ истиннымъ даромъ языковъ, съ изумительнымъ блескомъ и глубиной ума, съ добродушною, почти дѣтскою веселостью и свѣтлою возвышенностью души; Константинъ Аксаковъ, съ его цѣльною, непреклонною и вмѣстѣ нѣжною натурой, честностью и чистотою христіанина первыхъ вѣковъ; Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, съ задумчивымъ и пытливымъ взглядомъ, съ какою-то меланхоліей человѣка, живущаго въ отвлеченномъ созерцаніи духовнаго міра. Какъ-то свѣтла становится грусть воспоминанія о нихъ: такъ глубоко проникнуты были они христіанскими чувствами, христіанскою истиной, что и скорбь по нихъ возвышается далеко выше житейской печали, и надъ этими могилами самыя слезы безъ горечи. Останавливаешься надъ ними, какъ на мѣстѣ покоя на пути въ ту горнюю Галилею, гдѣ опередили они насъ и «варяютъ ны» съ самимъ Спасителемъ.

О, много, много ихъ, этихъ прекрасныхъ тѣней тѣснится тутъ передъ мысленными очами моими, и всѣхъ не пересчитать!...

А надъ всею этою толпой отшедшихъ высится величественное и трагическое лицо Императора, восшедшаго на престолъ среди волненій бури, и среди ломки и потрясеній бури сошедшаго въ могилу. Какъ ясно видится онъ мнѣ! Вотъ онъ во всемъ блескѣ величія и красоты, во всей силѣ молодости, со всею бодростію духа для совершенія великихъ начинаній, вѣнчанный герой моего юнаго воображенія,

покоритель невѣрныхъ, освободитель Сербовъ, возсоздатель Греціи! Потомъ... измученный, сокрушенный исполинскою войною со внѣшнею враждой и предательствомъ, съ внутреннею разоблаченною ложью, и наконецъ убитый горемъ, на смертномъ одрѣ, во всей красѣ конечнаго покоя и отдыха отъ невыносимой, разбившей сердце, сломившей всѣ силы душевныя и тѣлесныя, неровной борьбы, непредвидѣнной тогда, невполнѣ понятой и нынѣ.

Зимній дворецъ. Февраль 1867 года.

II.

О происхожденіи нашего рода выпишу то, что̀ находится въ 1-мъ томѣ біографіи покойнаго отца моего *):

«По фамильнымъ преданіямъ Блудовы ведутъ родъ свой отъ Ивещея (во св. крещеніи Іоны) *Блудта*, бывшаго воеводою въ Кіевѣ, въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка. Блудтъ, впослѣдствіи, кровію своею омылъ преступленіе: служа вѣрно Россіи и великому князю Ярославу, онъ сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ Польскимъ, Болеславомъ Храбрымъ. О сынѣ его, Горденѣ Блудовичѣ, упоминается въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ между богатырями великаго князя Владимира. Съ тѣхъ поръ до Татарскаго разгрома потомки Блудта служили великимъ князьямъ Кіевскимъ. Когда же южная Россія присоединилась къ Литвѣ, родъ Блудтовыхъ или Блудтичей раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одна служила князьямъ Моравскимъ, другая перешла въ Польшу, а главная оставалась въ Малороссіи, сражалась подъ Гедеминомъ противъ Татаръ и подъ Владиславомъ II-мъ Ягайловичемъ (королемъ Венгерскимъ и Польскимъ) противъ Турокъ, въ битвѣ подъ Варною, гдѣ Блудовы стяжали и гербъ свой, извѣстный подъ именемъ Топачь».

«Отсюда преданія переходятъ въ историческую генеалогію, основанную на документахъ. Вскорѣ по смерти Владислава, гоненіе на Русскіе дворянскіе роды, оставшіеся вѣрными православію, заставило Ѳеодора Блудта (или уже Блудова), со многими другими, покинуть Кіевъ; онъ перешелъ въ подданство великихъ князей Московскихъ, съ согласія Казимира IV-го и Александра Литовскаго, какъ упоминается въ трактатахъ великаго князя Василія Васильевича III. Блудовы основались въ своей Смоленской вотчинѣ, около Вязьмы, гдѣ и до сихъ поръ владѣютъ небольшимъ имѣніемъ. Внукъ Ѳеодора, Борисъ, былъ посломъ Іоанна Васильевича при Крымскомъ ханѣ Сайдетъ-Гиреѣ. Игнатій Блудовъ служилъ товарищемъ Андрея Курбскаго, ходилъ подъ Казань и въ Ливонію, бился съ Крымскими Татарами и съ войскомъ

*) Т. е. въ книгѣ Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“. Спб. 1866. П. Б.

Стефана Баторія подъ Смоленскомъ. Назарій Блудовъ, прозванный Беркутомъ, со своими Вязьмичами, изъ первыхъ отвѣчалъ на призывъ Троицкаго архимандрита Діонисія, выступивъ съ ополченіемъ къ лаврѣ».

«Съ тѣхъ поръ исторія не упоминаетъ о предкахъ нашихъ. Они сошли со сцены вмѣстѣ съ народными дѣятелями великой эпохи, и тихо жили въ своихъ вотчинахъ, послуживъ по нѣскольку лѣтъ отечеству, какъ бы для успокоенія совѣсти. Но преданія о борьбѣ, страданіяхъ и подвигахъ предковъ, для охраненія цѣлости Россіи и православной вѣры, хранились въ родѣ Блудовыхъ, переходя изъ поколѣнія къ поколѣніе».

Матушка моя была урожд. княжна Щербатова, и ея происхожденіе отъ князей Черниговскихъ съ малолѣтства пріучило насъ къ особенному почитанію святаго князя Михаила, замученнаго въ ордѣ за Христову вѣру, котораго мощи находятся въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ. Помню, съ какимъ особеннымъ чувствомъ относилась я къ исторіи первыхъ князей Русскихъ, какъ родственно я сочувствовала прабабкѣ своей св. Ольгѣ, Владиміру Равноапостольному, и особенно Святославу Ольговичу и Игорю Всеволодовичу и полку его; съ какимъ интересомъ я слѣдила за путаницей происшествій въ эпоху княжескихъ междоусобій, когда стала читать Русскую Исторію. Конечно, этимъ семейнымъ преданіямъ должно приписать то чутье, которое ребенку указывало на поэтическую сторону этой части исторіи Карамзина, столь мало цѣнимую вообще читателями. Сколько сладостныхъ слезъ пролила я надъ прелестнымъ эпизодомъ про подвиги и дружбу Святослава Ольговича и сына Юрія Долгорукаго, и какъ напоминалъ онъ мнѣ дружбу Давида и Іонаѳана въ Ветхомъ Завѣтѣ! Отъ матушки тоже часто слышали мы о необыкновенномъ происшествіи, случившемся съ ея дѣдомъ княземъ Николаемъ Петровичемъ Щербатовымъ и, какъ часто, стоя у кивота съ образами въ ея спальнѣ, я молилась одна или разсказывала моему другу, Катѣ Воейковой, про явленный образъ Казанской Божіей Матери, перешедшій къ намъ отъ этого прадѣда.

Въ родословной своей дѣдъ мой написалъ, между прочимъ о своемъ дѣдѣ такъ: «Князь Петръ Григорьевичъ въ 1671 году пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ стряпчіе; въ 1678 году Апрѣля 3-го числа царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ въ стольники; въ 1679 году былъ въ Кіевскомъ походѣ, для обороны города Кіева и другихъ Малороссійскихъ городовъ, въ Сѣвскѣ и Путивлѣ, въ полку боярина и воеводы князя Михаила Алексѣевича Черкасскаго съ товарищами; въ 1683, 1689 и 1690 годахъ былъ въ Троицкихъ походахъ съ государями (царями Іоанномъ и Петръ Алексѣев.) ради

бывшихъ тогда безпокойствъ въ Москвѣ... Скончался въ 1704 году». И такъ, князь Петръ Григорьевичъ Щербатовъ, стольникъ царскій, пережившій смутное время правленія царевны Софіи, скончался съ концомъ старыхъ порядковъ Россіи, и сынъ его, князь Николай Петровичъ, уже начинаетъ новую службу, по новому порядку вещей, которому онъ былъ душевно преданъ, и значится въ родословной: «По имянному Его Величества царя Петра Алексѣевича указу записанъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ, и тогожъ году (а число года пропущено), пожалованъ сержантомъ; тогожъ году пожалованъ прапорщикомъ и неотлучно, въ продолженіе всей Шведской войны, находился при Его Царскомъ Величествѣ, какъ на морѣ на галерахъ, такъ и на сухомъ пути; а въ 1711 году, за храбрые поступки, особеннымъ Его Величества указомъ, въ тотъ же Преображенскій полкъ пожалованъ поручикомъ. По кончинѣ же Петра Великаго, не желая болѣе служить въ гвардіи, выпущенъ въ преміеръ-маіоры въ драгунскій Роповъ полкъ, и того же году взялъ свою отставку».

Всей душою преданный великому человѣку, «кѣмъ наша двинулась земля», упоенный славою славнаго времени, ослѣпленный блескомъ этого новаго міра, открывавшагося передъ изумленнымъ взоромъ тогдашней молодежи, во всемъ обольстительномъ очарованіи науки, силы и гордости человѣческой, во всей распущенности нравовъ и во всемъ разгулѣ ума, прадѣдъ мой вполнѣ увлекся духомъ времени или, лучше сказать, духомъ своего полу-военнаго, полу-придворнаго кружка, и унесся, можетъ быть, далѣе другихъ въ открытую пучину вольнодумства, почти до отрицанія Всемогущаго Бога. Его портретъ остался у насъ. Лицо смуглое и черные, умные глаза, стриженные по-европейски волосы, бритая борода, небольшіе усы, костюмъ Нѣмецкій,— придаютъ ему какое-то сходство съ самимъ Петромъ I-мъ; но нѣтъ открытаго и отважнаго взгляда Петра. Тонкое, слегка насмѣшливое выраженіе веселыхъ, нѣсколько прищуренныхъ глазъ, и улыбка (далеко неидеальная) довольно грубаго рта, у человѣка, насладившагося своею молодостью безъ слишкомъ большой разборчивости и сдержанности, носятъ отпечатокъ скептицизма и страстности. А все-таки есть что-то привлекательное въ этомъ лицѣ:—это человѣкъ недюжинный, этотъ человѣкъ участвовалъ въ оргіяхъ Петра и въ пирушкахъ Ѳеофана Прокоповича; но этотъ человѣкъ находился тоже *неотлучно при Петрѣ во всю Шведскую войну, и на морѣ на галерахъ, и на сухомъ пути*, въ битвѣ подъ Полтавой; и по кончинѣ Петра *не пожелалъ болѣе служить*, оплакивая, въ страстномъ порывѣ горести, полководца и царя, которому поклонялся и котораго любилъ, какъ генія и героя. Въ какое время именно, не знаю,—въ правленіе ли Меншикова, или

Долгоруковыхъ, князь Николай Петровичъ жилъ спокойно въ отставкѣ въ своемъ семейномъ кругу (онъ былъ женатъ на Шереметевой), какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, его арестовали и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Онъ не имѣлъ ничего на совѣсти и не могъ понять, какую на него взвели клевету; ему, разумѣется, ничего не объявляли. Это впрочемъ было обыкновеніе того времени; но обыкновенными тоже вещами считались тогда пытка и казнь смертная, во всей разнообразности жестокаго воображенія и жестокихъ нравовъ тогдашнихъ. И вотъ, оторванный отъ жены и дѣтей, отъ удобствъ своего барскаго дома, князь Николай Петровичъ, безвинно обвиненный, томился въ безмолвномъ уединеніи каземата, въ безвѣстности равно о близкихъ своихъ и о недругахъ, погубившихъ его, и въ тревожномъ ожиданіи мученій и казни, но не искалъ утѣшенія въ забытой имъ, утраченой вѣрѣ, опираясь лишь на горделивое сознаніе своей юридической невинности. Долго, оставленный всѣми, безъ занятія, безъ книгъ, безъ сношеній съ людьми, упорно крѣпился онъ, какъ философъ и стоикъ, противъ случайностей жизни и противъ коварства человѣческаго, гордо вооружаясь безплоднымъ терпѣніемъ, безнадежнымъ презрѣніемъ къ ударамъ слѣпой фортуны—классической богини, вычитанной имъ въ виршахъ и прозѣ подражателей Эллинскихъ поэтовъ.

Время шло тяжело и медленно, и никакой перемѣны не приносило за собой въ положеніи мнимаго государственнаго преступника. Однажды, послѣ длиннаго, безконечнаго дня, проведеннаго въ размышленіяхъ и догадкахъ о вѣроятно роковой развязкѣ своей судьбы, князь заснулъ. Уже давно перестали являться ему, даже во снѣ, прежнія свѣтлыя картины и лица; уже давно самыя сновидѣнія его заключались въ тѣсной рамкѣ каземата; даже спящаго воображеніе уже не имѣло силы унести его изъ плѣна, возвести отъ тли. Такъ и на этотъ разъ, во снѣ князь Николай Петровичъ увидѣлъ себя къ своемъ тѣсномъ сыромъ, тюремномъ жильѣ; но мракъ темницы рѣдѣлъ, какъ рѣдѣетъ темь въ ночи, передъ разсвѣтомъ, гораздо прежде тѣмъ займется заря,—и душная атмосфера, какъ будто легкая струя воздуха, тянула сверху, и ему стало свободнѣе дышать. Смутное, тревожное предчувствіе охватило его, онъ ожидалъ чего-то или кого-то, и волненіе давно забытой надежды овладѣло имъ. Дверь отворилась безъ обычнаго скрыпа, безъ раздражающаго звука ключа и замковъ, и вмѣсто единственнаго посѣтителя его; очереднаго караульнаго, предсталъ предъ нимъ «нѣкій древній, благолѣпный мужъ». Лицо его сіяло такой чистой, жалостливой любовью; такой тихій свѣтъ и такая атмосфера покоя окружали его, что спящій не могъ себѣ дать отчета въ подробностяхъ

явленія, черты, одежда, все ускользало въ неопредѣленности, передъ свѣтозарнымъ выраженіемъ любви, кротости, жалости на этомъ лицѣ. Въ радостномъ изумленіи смотрѣлъ на него князь, и безмолвствовалъ; и вотъ послышался тихій, но сладко-внятный шепотъ: «Ты не спишь, князь Николай», сказалъ гармоническій голосъ; «ты не спишь, но очи твои держатся, и ты не видишь ни своего положенія, ни ожидающей тебя судьбы. Судьба твоя въ твоихъ рукахъ. Ты напрасно ищешь причины твоего заточенія въ злобѣ или проискахъ враговъ. Люди здѣсь слѣпое орудіе; твоя печаль не къ смерти, не къ смерти; а къ славѣ Божіей. Князь Николай, забылъ ты Бога! Обратись, прибѣгни къ молитвѣ! И Тотъ, Кто разрѣшалъ узы святыхъ Апостоловъ и отверзъ темницу ихъ, Тотъ выведетъ и тебя отсюда, и возвратитъ тебя твоей сѣтующей, молящейся семьѣ».—Князь проснулся, вскочилъ съ постели; все было темно, пусто и сыро въ казематѣ по прежнему. Не было слѣдовъ видѣнія, но что-то необычное зашевелилось въ его душѣ; смутныя воспоминанія дѣтства и сладкихъ минутъ довѣрчиваго умиленія, когда въ первое число мѣсяца служили дòма всенощную, или когда освящали воду наканунѣ Крещенія Господня, или когда стоялъ онъ полусонный, но радостный подлѣ матери въ ихъ приходѣ со свѣчею и вербою въ рукѣ.... Прочь это ребячество подумалъ онъ. Неужели я такъ слабъ и опустился въ этой темнотѣ и скорби, что стану вѣрить снамъ и молиться на иконы святыхъ? А порадовалась бы этому малодушію моя бѣдная княгиня Анна Васильевна: она такъ часто уговаривала меня хоть «Отче Нашъ» прочесть съ нею, когда она усердно клала земные поклоны передъ кивотомъ своимъ, со всею набожностью своего Шереметевскаго рода.

Такъ отшучивался отъ впечатлѣній сна князь Николай Петровичъ; но эти впечатлѣнія его преслѣдовали весь день и, вспоминая неземную красоту явившагося ему старца, онъ невольно искалъ сходства съ знакомыми ликами, изображенными на иконахъ на стѣнахъ Московскихъ церквей. Однако гордость и упрямство взяли верхъ, и не прочелъ онъ ни одной молитвы, даже не сказалъ про себя со вздохомъ «Господи помилуй!»

Опять потянулись долгіе дни, и ничего не случилось, чтò бы могло прервать однообразное томленіе тюремной жизни. Уже впечатлѣніе необыкновеннаго сна сглаживалось изъ памяти князя, вполнѣ возвратившагося къ своему безутѣшному стоицизму, какъ вдругъ опять повторился тотъ же сонъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ; только сіяющій ликъ старца какъ бы подернулся грустью, и онъ съ тихимъ упрекомъ выговорилъ князю за его невѣріе.

Князь Николай Петровичъ былъ потрясенъ. Такъ много времени прошло послѣ перваго сновидѣнія; воспоминаніе и даже впечатлѣніе этого сна такъ изгладились изъ его памяти, что явленіе нельзя было приписать его собственному воображенію. Неужели тутъ есть что-нибудь сверхъестественное? На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ озабоченъ, и мысль его была безпрестанно занята видѣніемъ; но покориться, смирить себя и свою гордость, заплакать и молиться онъ не хотѣлъ и упрямо крѣпился. Но онъ уже не зналъ душевнаго покоя, и черезъ нѣсколько ночей опять увидѣлъ чудный сонъ. Лучезарный старецъ предсталъ попрежнему предъ нимъ, но строгость лица его поразила князя. «Очи твои держатся и сердце окаменѣло, князь Николай», сказалъ онъ, «а время идетъ, срокъ близокъ: кайся и молись! Ты мнѣ не вѣришь, ты не вѣришь въ Пославшаго меня; повѣришь, можетъ быть, вещественному доказательству истины моихъ словъ. Когда поведутъ тебя на ежедневную прогулку въ равелинъ, идучи по корридору, взгляни на третью дверь отъ твоего каземата; надъ нею повѣшена икона. Попроси офицера снять ее и дать тебѣ, это образъ Казанской Божіей Матери. Возьми его, молись, проси заступленія Пречистой Дѣвы Богоматери. И опять говорю: вѣруй, проси, и просящему дастся; будешь освобожденъ и возвращенъ семейству, которое молится за тебя. Это мое послѣднее посѣщеніе; меня ты не увидишь болѣе. Въ твоихъ рукахъ твоя судьба; выбирай: позорная смерть, или свобода и долгая, мирная жизнь»!

Сновидѣніе исчезло, и съ пробужденіемъ закипѣли мысли и чувства у князя Николая Петровича. Невольно, неодолимо вливалась вѣра въ душу его; и какъ ни боролся съ самимъ собою, надежда и молитва воскресали въ его сердцѣ, хотя гордость не допускала еще словъ на его уста. День, другой, онъ шелъ по корридору, и только досчитывалъ до третьей двери, но крѣпился и не поднималъ глазъ вверхъ. Однако не утерпѣлъ, и одинъ разъ рѣшился посмотрѣть. Какой-то маленькій, темный четвероугольникъ точно чернѣлъ надъ дверью; но князь не погрѣшилъ противъ дисциплины: ничего не спросилъ у дежурнаго офицера; однако этотъ четвероугольникъ тянулъ и манилъ его къ себѣ ежедневно, а по ночамъ, догадки о томъ, точно-ли это изображеніе святое, и именно Божіей Матери, какъ было сказано ему во снѣ, мѣшали ему спать. Наконецъ онъ рѣшился попросить снять этотъ образъ и позволить ему взять его къ себѣ. Дежурный офицеръ позволилъ; и когда, оставшись одинъ въ своемъ казематѣ, онъ сталъ разбирать и чистить образокъ, вышло, что это точно изображеніе, называемое Казанской Божіей Матерью. И *это вещественное доказательство* истины словъ, слышанныхъ во снѣ, или, скажемъ лучше, святое

дѣйствіе благодати неистощимой любви Бога къ грѣшному человѣчеству, согрѣло сердце князя Николая Петровича и открыло ему глаза. Увѣровалъ онъ, какъ Ѳома, палъ ницъ, и со словами «Господь мой и Богъ мой!», полилась, изъ глубины пробужденной души его, горячая мольба и благодареніе; и миръ, и покой, и свѣтъ разлились въ упрямомъ, смущенномъ умѣ. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ приказъ возвратить его на волю; такъ же безъ всякихъ объясненій послѣдовало его освобожденіе, какъ прежде, послѣдовалъ его арестъ.

Князь Николай Петровичъ взялъ съ собою образъ, сдѣлалъ на него золотой окладъ, и передъ кивотомъ, куда поставилъ его, онъ читалъ съ своею княгиней «Отче нашъ» съ такою же вѣрою и усердіемъ какъ сама Анна Васильевна, дочь благочестиваго Шереметевскаго дома. И конечно, отецъ мой и мать съ неменьшей теплотою и чистотою вѣры молились передъ этой фамильной святыней, которою дѣдъ мой благословилъ свою любимую дочь, Анну Андреевну, мою мать.

Эта княгиня Анна Васильевна была дочь Василія Петровича Шереметева, роднаго брата фельдмаршала, перваго *графа* того имени. Князь Николай Петровичъ Щербатовъ не только былъ близокъ къ Шереметевымъ по родству, но и по образу мыслей и политическому направленію. Ни тотъ, ни другой не были приневолены Петромъ принять новые порядки: они сами, по доброй волѣ, по убѣжденію и увлеченію, совершенно принадлежали къ сторонникамъ Европейскаго просвѣщенія и всей душей предались завѣтнымъ мыслямъ Петра. Что они «смѣло сѣяли просвѣщеніе» и между женскими лицами своего семейства, доказываютъ Записки дочери фельдмаршала, кн. Натальи Борисовны Долгоруковой, писанныя такъ непринужденно, просто и хорошо, что дай Богъ и въ наши дни такимъ Русскимъ слогомъ писать. Къ этой привлекательной и достойной удивленія героини супружеской вѣрности и любви братъ ея графъ Петръ Борисовичъ относился нехорошо, можно сказать, жестоко. Когда Наталью Борисовну просватали, ему было только 17 лѣтъ; отказать всесильному временщику, который умѣлъ понравиться сестрѣ, не было никакаго повода, и даже было бы небезопасно. Но политическія страсти были въ полномъ разгарѣ, и члены Верховнаго Совѣта, равно какъ и самъ блистательный, высокомѣрный князь Долгоруковъ, были вообще ненавистны. Долгоруковы и Голицыны уже замышляли олигархію, а Шереметеву не полагали дать въ ней участія. Онъ слѣдовательно не былъ связанъ ничѣмъ, а самый планъ ихъ былъ въ высшей степени противенъ всему дворянству въ Россіи, какъ батюшка очень часто слыхалъ отъ старожиловъ въ дѣтствѣ. Смерть Петра II и паденіе Долгоруковыхъ еще умножило нерасположеніе Петра Борисовича противъ этого брака, и онъ упо-

требилъ всѣ усилія, чтобы удержать сестру и спасти ее отъ грозившаго несчастія. Но она страстно любила жениха и не хотѣла измѣнить данному слову въ минуту недоумѣнія, колебанія, когда не знали еще, какъ примется предполагаемый переворотъ. Это благородное упрямство, кажется, поссорило ее съ братомъ; она сама жалуется на своихъ родственниковъ въ своихъ Запискахъ, и я никогда о ней не слыхала въ дѣтствѣ, какъ о другихъ членахъ этого близкаго намъ семейства, и только въ послѣдствіи, когда уже выучилась читать, узнала трогательную повѣсть ея жизни и стала гордиться мыслью, что она была родственницей нашихъ предковъ. Замѣчательно, до какой степени были ненавистны большинству дворянства всякія попытки къ олигархіи, всякія аристократическія выходки въ Россіи; а между тѣмъ, онѣ-то именно и повторялись у насъ—боярами - перелѣтами, принявшими Польскія воззрѣнія во время избранія Михаила Ѳеодоровича, равно какъ и полуобразованными, гладко отшлифованными на Европейскій ладъ князьями верховными, мечтавшими о Шведскихъ порядкахъ при восшествіи Анны Іоанновны, и наконецъ не очень высоко образованными, но весьма благовоспитанными господами нашихъ дней, мечтающими объ Англійской Камерѣ Перовъ. Даже наши малообразованные и совсѣмъ необтесанные приверженцы молодой Россіи, поклонявшіеся Парижской коммунѣ (за двѣ недѣли до ея паденія), за ея требованіе, чтобы право голосованія оставалось въ рукахъ городовъ и лишило бы гòлоса этихъ грубыхъ, невѣжественныхъ крестьянъ, даже часто великіе реформаторы de l'Internationale мѣтятъ въ олигархію, *въ правленіе меньшинства*, аристократіи *интеллигенціи*, разума. Какъ хороша интеллигенція, увидѣли мы въ Парижѣ; какъ основателенъ разумъ, свидѣтельствуютъ посмертныя Записки Герцена, такъ забавно разоблачающія всю несостоятельность нашихъ эмигрантовъ. И на всѣ эти попытки большинство дворянъ отвѣчало противодѣйствіемъ; а народъ—упрямствомъ *твердаго бездѣйствія* или поучительной насмѣшкою, какъ случилось еще недавно, когда, обратясь къ работникамъ у какого-то строющагося дома въ Петербургѣ, одинъ изъ шумѣвшихъ на улицахъ студентовъ 1862 года сказалъ:—смотрите, насъ ведутъ въ крѣпость! и получилъ въ отвѣтъ: Туда вамъ и дорога!—Порою, приходилось и похуже нашей аристократіи, когда случится, народъ *опьянѣетъ*, такъ сказать, теряетъ свое отличительное Русское свойство—здравый разсудокъ. Такъ было при Стенькѣ Разинѣ, при Пугачевѣ, при Желѣзнякѣ. Вообще, масса дворянства и весь простой народъ понимали доселѣ, что всѣ эти предполаемыя нововведенія не идутъ къ нашему строю жизни, и что много государей (даже порядочныхъ) хуже одного даже дурнаго. Какъ будто столѣтія междо-

усобій и безпорядковъ и близкая гибель земли въ междуцарствіе оставили такіе глубокіе слѣды въ исторіи нашей, что безсознательно проникнутъ ими весь Русскій людъ и ставитъ единство власти также высоко, какъ единство земли. Дай Богъ, чтобы умѣли *осмыслить* въ насъ эти убѣжденія наши учители и правители, и дали Россіи терпѣливо дойти до того новаго строя политической жизни, до котораго не могутъ достигнуть чужіе народы ни кровію своею, ни своею цивилизаціей; и въ его же основу ляжетъ та вѣра, коей главное ученіе состоитъ въ божественныхъ словахъ: «Любите другъ друга!» Но для такого воспитанія Россіи нужно было-бы новое министерство, которое д'Ацеліо такъ мѣтко называетъ: Ministerio dell'esempio, «министерство хорошаго примѣра»; а возможно ли составить хоть департаментъ такой при министерствѣ просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ? Увы, тяжелый грѣхъ беремъ на себя мы, всѣ и каждый, считающіе себя честными людьми и подающіе такой бѣдственный примѣръ нашей распущенностью, лѣнью, непостоянствомъ и легкомысліемъ!

Господи! На какіе примѣры успѣла наглядѣться Россія и съ нею прадѣдъ мой, дожившій до временъ Елисаветы. Послѣ величія, часто запятнаннаго кровію и развратомъ, но все-таки истиннаго величія Петра,—пустой развратъ Екатерины I, грабежъ Меншикова, однако хоть нѣкоторые отблески прошлаго царствованія, хоть нѣкоторая послѣдовательность въ политическомъ направленіи, и исполненіе хоть одного изъ плановъ Петра основаніемъ Академіи Наукъ. Потомъ, за кратковременнымъ царствованіемъ Петра II, придворные перевороты, убивающіе всѣ надежды благоразумныхъ послѣдователей Петра Великаго, и наконецъ, сплошная грязь и кровь Бироновщины! Ужъ это было самое тяжкое испытаніе для тѣхъ, которые предпочитали одного государя многочисленной олигархіи. Въ это тяжелое время, князь Николай Петровичъ Щербатовъ, бывшій вторично на службѣ комендантомъ Кронштадта и вышедшій опять изъ службы, оставилъ навсегда Петербургъ. Жизнь въ новомъ городѣ Петра, при основаніи котораго онъ находился, на возрастаніи котораго такія возлагалъ надежды и предавался такимъ золотымъ мечтамъ славы и добра, жизнь въ этомъ разцвѣтающемъ городѣ сдѣлалась ему невыносимою. Онъ воротился на жительство въ Москву. Фельдмаршала графа Шереметева уже давно не было въ живыхъ; сынъ его жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, въ домѣ на Дворцовой набережной (купленномъ потомъ въ удѣлъ, теперь же перестроенномъ для дворца великаго князя Михаила Николаевича). Нынѣшній домъ Шереметева, со своимъ большимъ дворомъ и садомъ, былъ тогда загороднымъ домомъ. Фонтанка и находящіеся за нею кварталы тогда были внѣ черты города и счи-

тались дачами. Въ послѣдствіи, дѣдъ мой купилъ у Апраксина домъ въ Семеновскомъ полку (нынѣ купца Масленикова), который также считался загороднымъ; тамъ жилъ Апраксинъ, когда былъ сосланъ, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу, и туда всѣ его друзья и родственники съѣзжались, чтобы веселиться и пировать съ нимъ. Ссылка не всегда бывала въ Березовъ. Впрочемъ я не увѣрена, что онъ здѣсь именно жилъ и съѣзжались къ нему, или въ другомъ его домѣ за нѣсколько верстъ у «Четырехъ Рукъ». Только знаю, что дѣдъ купилъ домъ у Апраксина, а при императорѣ Павлѣ домъ этотъ уже вошелъ въ черту города.

Но возвращаюсь къ графу Петру Борисовичу Шереметеву. Графъ Петръ Борисовичъ былъ вообще добрый человѣкъ, нѣжный и родственникъ, какъ онъ доказалъ моему дѣду. Князь Н. П. Щербатовъ переѣхалъ уже на жительство въ Москву, когда ему пришло время отдать на службу сына своего, моего дѣда, князя Андрея, и отправить 16-ти лѣтняго мальчика въ Петербургъ. Это было въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы. Его отправили прямо къ двоюродному брату уже скончавшейся матери и, живя въ его домѣ, онъ скоро привязался къ нему и къ его женѣ, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной княжнѣ Черкасской, самой нѣжной привязанностію. Они его полюбили, какъ своего сына, особенно Варвара Алексѣевна. Она была очень хороша собой, если судить по ея портретамъ, была умна, распорядительна и принесла за собою огромную часть огромнаго нынѣ Шереметевскаго имѣнія. Кажется, Останкино, съ его старой красивой церковью, принесено ею же въ приданое. Она тоже принадлежала къ дому одного изъ приверженцевъ Петровскихъ реформъ и держалась нововведеній; но въ то время это направленіе не мѣшало сохранять благочестивые обычаи и православныя вѣрованія и преданія, и даже многія уродливыя привычки старины, такъ напр.: когда она съ мужемъ ѣздила въ Москву, въ одной каретѣ съ нею ѣхала дура, а съ графомъ шутъ. Эти путешествія требовали большихъ приготовленій, и дѣдъ мой записывалъ для нея всѣ распоряженія. Что-то среднее между маршрутомъ и церемоніаломъ одного путешествія долго хранилось въ бумагахъ у матушки, пока не украли у насъ шкатулки съ фамильными бумагами (воображая вѣроятно, что въ ней были деньги или драгоцѣнности). Въ то время, конечно, поѣздка въ 700 верстъ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой выходила настоящимъ путешествіемъ, и даже затруднительнымъ и тяжелымъ. За то люди богатые и знатные, какъ Шереметевы, ѣхали цѣлымъ караваномъ. Впередъ отправлялся поваръ съ цѣлой походной кухней и провизіей; съ нимъ отправлялся дворецкій съ винами, столовымъ бѣльемъ и серебромъ. Еще раньше отправлялся обойщикъ съ коврами, занавѣсками, посте-

лями и бѣльемъ. Въ городахъ доставали квартиру для ночлега или у знакомыхъ, или у зажиточныхъ купцовъ, какъ и теперь люди *съ протекціей* (дружеской или служебной) принуждены дѣлать въ глуби Россіи. Въ деревняхъ выбирали почище избу и отдѣлывали коврами и занавѣсами до приличнаго и опрятнаго вида. Потомъ уже отправлялись господа съ шутами и карлицами, съ дѣтьми и няньками, гувернерами и гувернантками, и ѣхали такъ дней 7 или 8 до Москвы. Не знаю, часто ли повторялись у Шереметева эти путешествія; но дѣдъ мой, во всякомъ случаѣ, не могъ часто сопровождать своихъ родственниковъ, потому что былъ на службѣ, а именно въ Измайловскомъ полку. У Шереметевыхъ тогда еще не было сыновей, а черезъ полтора года послѣ его переселенія къ нимъ, родилась у нихъ дочь Анна Петровна, которую князь Андрей полюбилъ съ ея рожденія, какъ дочь, какъ сестру, какъ друга, и которая была для него главнымъ предметомъ заботы сердечной, радости и любви до самой ея смерти. Былъ ли онъ влюбленъ въ нее? Такой ли любовію она ему отвѣчала? Если и было такъ, что они сами не подозрѣвали этого. 18-тью годами старше ея, онъ вѣроятно все еще видѣлъ въ ней ребенка, котораго онъ лелѣялъ и нянчилъ почти съ ея рожденія; она въ немъ видѣла и друга, и пестуна; да въ то время ихъ родство считалось слишкомъ близкимъ, чтобы помышлять о бракѣ, и также мало приходило въ голову влюбиться въ двоюродную сестру или племянницу, какъ въ сестру родную. Можно судить разно объ этомъ предразсудкѣ, но конечно имъ упрочивались и размѣрялись родственныя связи семей, и такъ какъ мы еще далеко не дожили до христіанской любви между всѣми людьми, всѣхъ странъ міра, о которой толкуютъ космополиты: то было не дурно поддержать этотъ обширный кругъ родства, равно какъ и болѣе обширный кругъ единства народнаго, которое тоже презираютъ люди, находящіе все это слишкомъ узкимъ для нихъ, хотя бо̀льшею частію они любятъ и поклоняются всему человѣчеству, представляемому въ себѣ самихъ только, со всею гордостью своего колоссальнаго и благовиднаго эгоизма. Но дѣдушка и Анна Петровна любили другъ друга просто, крѣпко и неизмѣнно, какъ братъ и сестра, и ея портреты въ разныхъ возрастахъ и въ разныхъ нарядахъ остались у меня до сихъ поръ свидѣтельствомъ ихъ дружбы. Къ сожалѣнію, переписка ихъ, очень большая, потеряна тоже въ украденой шкатулкѣ. Я въ дѣтствѣ слышала объ Аннѣ Петровнѣ, какъ объ очаровательной женщинѣ; но по портретамъ нельзя судить объ этомъ: на нихъ у нея хорошіе, хотя небольшіе, черные глаза, смуглое, оживленное лице и маленькія, тонкія, красивыя руки; но черты не хороши. На гробницѣ ея, въ Лазаревской церкви Невской Лавры,

надпись гласитъ: «была фрейлиной премудрой монархини, но была не долго». Къ ней сватался богатый и знатный, отчасти можно сказать и знаменитый, графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Это была совершенно приличная партія для богатой и знатной невѣсты; родители ее благословили и помолвили. Дѣдушка, какъ старшій братъ, одобрилъ и поддержалъ выборъ. Всѣ были довольны, кромѣ одной женщины, мнѣ неизвѣстной, которую графъ Панинъ покинулъ для Анны Петровны. Это было въ то самое время, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала повальная болѣзнь—оспа и когда императрица выписывала изъ-за границы вновь открытое предупреждающее средство — ваксину. Болѣзнь эта поражала ужасомъ, многихъ уложила въ гробъ, но еще больше людей изуродовала, и, разумѣется, молодыя женщины особливо опасались ея. Графъ Панинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ привоза ваксины, торопилъ, выписывалъ и уговорилъ невѣсту при первой возможности привить ее себѣ. Это составляло ежедневный разговоръ, толки, заботы; все это было извѣстно и той несчастной, которая возненавидѣла невинную, не знавшую даже о ея существованіи, Анну Петровну. Тогда была мода для молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ высшаго круга нюхать табакъ, будто потому, что было здорово для глазъ, а въ сущности вѣроятно ради прекрасныхъ и миніатюрныхъ табакерокъ (которыхъ нѣсколько осталось и у насъ, послѣ матушки). Графу Панину вздумалось подарить невѣстѣ такую драгоцѣнную игрушку съ какимъ-то особенно хорошимъ табакомъ. Не знаю, какимъ образомъ удалось ея сопернйцѣ исполнить злую мысль: она нашла средство достать оспенной матеріи самой злокачественной отъ одного больнаго, и впустила ее въ табакерку. Можетъ быть, въ своей ревности, она думала только изуродовать соперницу, въ надеждѣ, что съ потерей красоты она потеряетъ и любовь жениха; но бѣдная Анна Петровна, вдохнувъ этотъ ядъ, заразилась самой ужасной оспой и расплатилась жизнью. Для дѣда моего это былъ ужасный ударъ. Съ нею онъ лишился лучшихъ радостей жизни и, кромѣ горести утраты, мучила его мысль, что эта чистая, высокая, благородная душа сдѣлалась жертвою низкой зависти гнуснаго разсчета продажной красавицы и недостойной темной соперницы. Бѣдная Анна Петровна и не думала ей вредить; она и не знала, что кому-нибудь помѣшала, принявъ, по желанію родителей и по приличію свѣтскому, предложеніе Панина. Такъ ли она должна была кончить на 24-мъ году свою мирную и вмѣстѣ съ тѣмъ блистательную жизнь? Есть утраты сердечныя, тяжелыя, есть утраты жгучія, жестокія, есть утраты незамѣнимыя; но въ жизни каждаго человѣка, между многими и многими утратами, есть одна, которая перемѣняетъ всего человѣка, которая отрываетъ у него часть сердца;

притупляетъ умъ, отнимаетъ всю упругость молодости, всю вѣру въ счастіе, отъ которой не справиться никогда: это есть утрата не самаго близкаго человѣка, не самаго любимаго, но человѣка самаго *нужнаго* душѣ. И отчего онъ такъ нуженъ? Отъ обстоятельствъ-ли? Отъ вліянія? Отъ сходства-ли, отъ противуположности-ль характеровъ? Трудно сказать, и себѣ самому не дашь отвѣта. Знаешь только, что будто что-то оборвалось въ сердцѣ, и на этомъ мѣстѣ всегда останется пустота; оно и свято, и больно, и становится страшно туда заглянуть, и уже никогда не найдти тамъ душевнаго клада, которымъ такъ богата была жизнь! До тѣхъ поръ часто разставался дѣдушка съ Анною Петровной: онъ былъ нѣсколько разъ посыланъ курьеромъ въ армію, и въ Парижѣ былъ при блистательномъ и распутномъ дворѣ Людовика XV, и любовался Маріей Антуанетой, Madame Élisabeth и принцессой Ламбаль, во всей прелести ихъ юной красоты, и увлекался съ ними безпечною ихъ веселостью, не предвидя ужаснаго исхода всего этого блеска и всѣхъ добрыхъ намѣреній честнаго, добродѣтельнаго и великодушнаго Людовика XVI-го. Но среди грома войны и среди блистательныхъ Версальскихъ праздниковъ, мысль его отрадно покоилась на воспоминаніи лучшихъ радостей семейныхъ, и тянуло его домой, къ этой сочувственной душѣ, которая и вблизи и вдали дѣлила радости его и горе, и боялась, и молилась, и торжествовала съ нимъ и за него. Гдѣ бы онъ ни находился, переписка частая и откровенная, хоть немного, замѣняла дорогую привычку искренняго обмѣна мыслей и чувствъ. А теперь—гдѣ найти эту ребяческую веселость и довѣріе, эту дѣтскую и дружескую вѣру и любовь, съ которыми она обращалась къ нему за совѣтомъ и участіемъ, и въ свою очередь поддерживала, и одобряла, и безсознательно наставляла его на жизненномъ пути, этимъ кроткимъ, тайнымъ, можно сказать, таинственнымъ вліяніемъ женскаго такта и любви? Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, намекая на собственную жизнь, сказалъ мнѣ однажды: «Еслибъ женщины знали, какое вліяніе къ добру или ко злу имѣетъ непремѣнно какая-нибудь женщина въ жизни каждаго мужчины, онѣ бы не жаловались на ничтожность своего положенія и были бы менѣе опрометчивы въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ».

Дѣдъ мой, кн. Андрей Николаевичъ испыталъ это вліяніе къ добру и къ возвышенію и очищенію души его, во всю жизнь своей кузины, а послѣ ея смерти еще крѣпче прежняго привязался къ ея матери, Варварѣ Алексѣевнѣ, которая уже давно замѣняла ему родную мать. Не знаю, прежде ли смерти Анны Петровны, или въ горестное время послѣ ея потери, но князь Андрей Николаевичъ сталъ играть и проигрывать значительныя суммы, разстраивая имѣніе, наслѣдован-

ное послѣ отца своего, умершаго въ 1758 году. Графъ и графиня Шереметевы хотѣли вознаградить потерю и подарить ему имѣніе въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, выгодное по близости къ столицѣ; но дѣдъ мой и слышать не хотѣлъ о какомъ либо даже ничтожномъ ущербѣ ихъ сыну, и рѣшительно и неуклонно отказался, не смотря на настойчивыя предложенія Варвары Алексѣевны и на повтореніе этого предложенія впослѣдствіи ихъ сыномъ, Николаемъ Петровичемъ. Истинная сыновняя любовь князя Андрея Николаевича къ богатымъ родственникамъ доходила до всякаго самопожертвованія, но не до матеріальной выгоды. Дѣдъ мой, равно какъ матушка и отецъ мой и его мать, были очень щекотливы на счетъ денегъ, и не разъ подвергались шуткамъ, если не насмѣшкамъ, получая названіе Кузьмы и Демьяна Безсребренниковъ. Отчасти, можетъ быть, князю Андрею Николаевичу не хотѣлось воспользоваться предложеніемъ дяди и потому, чтобы не казалось, что онъ ихъ располагаетъ къ себѣ въ ущербъ своему брату, князю Павлу Николаевичу. Объ этомъ братѣ я ничего не слыхала ни отъ кого, но за то много слышала о его семействѣ.

Одна дочь князя Павла Николаевича, княжна Елисавета Павловна, красавица собой, была изъ первыхъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, когда только что было основано это училище Екатериною II. По выходѣ изъ Смольнаго, она жила у моего дѣда и особенно любила мою мать, которая тогда была еще дѣвочкой и которою она занималась, какъ маленькою сестрой. За то у насъ въ семействѣ сохранилась особенная любовь къ ней и какое-то нѣжное почтеніе. Я хорошо помню ее въ ея старости: тонкія, благородныя черты, сѣдые волосы, мягкіе и волнистые въ своей сѣдинѣ, не покрытые никакимъ чепцомъ (не знаю почему), большіе, ласковые, кроткіе глаза, каріе съ свѣтлыми, золотистыми точками или искрами въ нихъ, какъ бываетъ въ глазахъ карихъ, но не черныхъ (не умѣю хорошо выразить). На ней всегда были темный тафтяной капотъ (douillette) и большая, теплая шаль, приколотая булавкой; подлѣ нея стоялъ круглый столикъ, на немъ серебряный колокольчикъ съ черной ручкой Такъ сидѣла она всегда миловидная, граціозная, привѣтливая, но неподвижная: ея исхудалыя руки были изуродованы ревматизмами, отъ которыхъ она совсѣмъ потеряла движеніе ногъ. До этого состоянія паралича довела ее походная жизнь въ сырыхъ квартирахъ и палаткахъ, въ которыхъ ей приходилось перебиваться внутри Россіи, въ Молдавіи и на Кавказѣ, слѣдуя всюду за любимымъ мужемъ, гдѣ только по военнымъ правиламъ дозволялось женщинамъ находиться. Она была замужемъ за Александромъ Васильевичемъ Поликарповымъ, хорошимъ генераломъ, побывавшимъ во всѣхъ походахъ въ Турціи,

командовавшимъ отрядомъ на Кавказѣ, и бывшимъ потомъ губернаторомъ въ Твери, гдѣ у него было значительное имѣніе, въ которомъ они любили жить лѣтомъ и въ которомъ Елисавета Павловна отстроилась послѣ смерти мужа.

Она была изъ старушекъ высокаго круга первая, которую я узнала. Онѣ теперь совсѣмъ перевелись, и мнѣ кажется, что ихъ мѣсто остается пусто. Въ наше же поколѣніе слишкомъ часто случалось видѣть, какъ старухи сидятъ въ одиночествѣ, съ трудомъ добиваясь партнера дóма, посѣщаемыя только на полчаса, много на часъ времени, черезъ день или два, своими дочерьми, внучками или невѣстками, пріѣзжающими поочереди и тяжело воздыхающими отъ такого подвига, когда возвращаются отъ этихъ скучныхъ старухъ или стариковъ. У насъ (да и вообще въ то время) не было такъ. Сынъ Елисаветы Павловны съ женою жилъ у нея, тоже незамужняя дочь; а моя мать и отецъ, считая ее старшею въ семьѣ, не пропускали ни одного дня, чтобы не побывать у нея, большею частію проводили у ней вечера, въ какой-то vie de château, одни за партіей картъ, другія за работой; а отецъ моей былъ ихъ чтецомъ, и неисчислимое множество романовъ въ переводѣ на Французскій языкъ miss Radclife, miss Burney, Валтеръ - Скотта прочелъ онъ имъ. Мы, бывало, слышимъ оживленную бесѣду объ этихъ чтеніяхъ, критику или похвалу, разсказы и анекдоты; но ни одной мнѣ не помнится жалобы на скуку или *обузу* этого безсмѣннаго дежурства у старой родственницы. Иногда мы слыхали о болѣе многочисленныхъ вечеринкахъ у нея; а на святкахъ къ ней или отъ нея отправлялись матушка моя, тетушка Марья Андреевна (невѣстка Елисаветы Павловны) и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, иногда и съ батюшкой, подъ маскою, цѣлою толпой, *на огонекъ*, въ дома знакомыхъ, или по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ людей, но къ которымъ не были выѣзжи. И такъ *интриговали* подъ маской, танцовали подъ музыку клавикордъ, забавляли другихъ и себя, и уѣзжали, не открывая своихъ лицъ, ни именъ, въ наемныхъ каретахъ, кучера которыхъ сами не знали кого возили, такъ что секретъ соблюдался. А иногда и не по одному разу пріѣзжали въ домъ въ продолженіе святокъ; и много было шутокъ, смѣху, догадокъ и строгой тайны и невинныхъ обмановъ и живой, молодой веселости въ этихъ продѣлкахъ. Говорили ѣхать *на огонекъ*, потому что въ тѣхъ домахъ хорошаго общества, въ которыхъ хотѣли принимать незнакомыхъ масокъ, ставили свѣчи въ окнахъ (какъ теперь дѣлается взамѣнъ иллюминаціи), и это служило сигналомъ или приглашеніемъ для молодежи, разъѣзжавшей цѣлыми обществами подъ маской. Разумѣется, не проходило безъ сердечныхъ приключеній: иногда молодой человѣкъ, не имѣвшій возмож-

ности быть представленнымъ въ домъ, т.-е. въ семейство дѣвушки, которую онъ любилъ, могъ пріѣхать подъ маской, видѣть ея обстановку, семейную жизнь, комнаты, гдѣ она жила, пяльцы, въ которыхъ она вышивала, клѣтку ея канарейки; все это казалось такъ мило, такъ близко къ сердцу, такъ много давало счастія влюбленному того времени, а разговоръ могъ быть гораздо свободнѣе, и многое высказывалось и угадывалось среди хохота и шутокъ маскированныхъ гостей, подъ обаяніемъ тайной тревоги, недоумѣнія, таинственности и любопытства. Все это кажется смѣшно, вяло и глуповато въ наше время, но шуточное повтореніе фразы: «C'est ici que rose respire» имѣло тогда болѣе глубокое значеніе для искренняго и чистаго сердца молодаго человѣка, нежели даже сознавалось. Я еще была ребенкомъ въ то время и не принадлежу къ этому поколѣнію; но мнѣ кажется, право, qu'ils etaient dans le vrai *), и что эта наивность есть наивность полевыхъ цвѣтовъ, фіалокъ, ландышей и васильковъ въ сравненіи съ пышной красотой и опьяняющимъ запахомъ датуры-фастуозы или Японской лиліи. У насъ меньше простоты и больше наглости, какъ кажется мнѣ; не знаю, кто въ выигрышѣ. Но возвращаюсь къ Елисаветѣ Павловнѣ Поликарповой. Она еще была въ дѣвушкахъ, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, похоронивъ молодую жену въ Швейцаріи, возвратился ко двору въ Петербургъ. Его романъ такъ извѣстенъ, что не знаю нужно ли его повторять. Въ самое время его всемогущества при Екатеринѣ II, онъ влюбился въ свою двоюродную сестру Зиновьеву. Съ своеволіемъ, характеризующемъ Орловыхъ и вообще то время, съ привычкою видѣть одно только повиновеніе и даже подобострастіе, всесильный князь Орловъ вдругъ очутился передъ препятствіемъ почти непреодолимымъ, и, можетъ быть, это именно и побудило его непремѣнно жениться на двоюродной сестрѣ, проступокъ неслыханный въ то время; а могущество его должно было исчезнуть съ признаніемъ своей новой страсти передъ Императрицей. Оскорбленная въ своемъ самолюбіи, но врядъ ли въ сердечномъ чувствѣ, Екатерина согласилась на его удаленіе, и онъ уѣхалъ съ Зиновьевой въ Швейцарію; тамъ, кажется, или на дорогѣ, они обвѣнчались. Матушка еще пѣвала пѣсню или романсъ, написанный Зиновьевой въ то время. Онъ начинался такъ:

Желанья наши совершились,
И всѣ напасти ужь прошли.
Со тобой мы въ вѣкъ соединились.
Счастливы дни теперь пришли.

---

*) Они были правы.

Любимъ ты мной, и я тобой!
Чего еще душа желаетъ?
Чтобъ ты всегда мнѣ вѣренъ былъ,
Чтобъ ты жену не разлюбилъ.
Мнѣ всякій край съ тобою рай! [1])

Послѣ перваго порыва страсти, пѣсня переходитъ въ страхъ за будущее, въ опасеніе, что ей измѣнитъ, что ее разлюбитъ мужъ. Предчувствіе не обмануло ея: для Орлова любовь была лишь прихотью. Скоро честолюбіе пробудилось опять, жажда власти, наслажденій гордости и самолюбія завладѣли имъ: онъ сталъ упрекать жену, удаляться отъ нея. Но для нея любовь его была всей жизнью, она не вынесла его перемѣны, зачахла и умерла, какъ Англичане говорятъ, отъ разбитаго сердца (broken hearted). Орловъ поспѣшилъ назадъ; но хотя его сердце могло спокойно совершить двойную измѣну, разумъ его не устоялъ противъ страданій гордости. Прежняго положенія онъ, разумѣется, не могъ воротить, и это-то горе было невыносимо для высокомѣрнаго временщика: онъ помѣшался, но такъ какъ его помѣшательство было безвредно, то его оставляли на свободѣ. Онъ по старому знакомству былъ съ визитомъ у дѣда моего; а у насъ ужъ такое *родовое* преданіе и обычай, что бывшему сильному человѣку, въ дни его паденія и опалы, всегда оказывать вдвое больше почету и привѣту, нежели въ дни его могущества. Это въ своемъ родѣ гордость, можетъ быть, но она ведетъ свое начало отъ благороднаго чувства. Ламенè гдѣ-то написалъ. «Tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent, sont mes enfants» [2]). Прекрасное выраженіе нѣжнаго христіанскаго чувства. Въ отношеніяхъ общественныхъ и политическихъ, нѣжности нечего искать и требовать; а чувство общаго человѣческаго достоинства не выражается ли такъ: счастливому государственному человѣку должный почетъ, а падшему—радушіе, почитаніе и предупредительность. Это антитезисъ древняго изреченія vae victis [3]) и подобаетъ обществу новѣйшему, которое, со всѣми своими пороками, все-таки основано на христіанствѣ, хотя, увы! забываетъ свое происхожденіе, или отъ него отрекается. Вотъ дѣдъ мой и счелъ долгомъ принять князя Орлова радушно; а Орловъ,

---

[1]) Эти рифмованные куплеты, которые нельзя назвать стихами, были однако въ модѣ въ свое время, по той же поговоркѣ, что ce qui est trop mauvais pour dire, se chante (что́ слишкомъ плохо для того, чтобы произносить, то поется), или потому, что они все-таки выражаютъ отдѣльную страсть, какъ пѣсенка, прославленная Мольеромъ.

[2]) Всѣ люди мнѣ братья, но плачущіе—мнѣ дѣти.

[3]) Горе побѣжденнымъ.

увидѣвъ красавицу-племянницу, сталъ посѣщать домъ Щербатовыхъ ежедневно, наконецъ нѣсколько разъ въ день, и сталъ ухаживать за Елисаветой Павловной и свататься къ ней. Но тутъ уже была граница великодушію и христіанской снисходительности. Выдать ужаснувшуюся племянницу за сумасшедшаго милліонера было не въ характерѣ и не въ преданіяхъ нашей семьи, и князь Андрей Николаевичъ былъ принужденъ отказать Орлову не только отъ брака, но послѣ и отъ дома. Елисавета Павловна всегда вспоминала съ ужасомъ о страхѣ, который наводила на нее любовь этого страстнаго, своевольнаго, неистоваго безумца-фаворита. Если судить по разсказамъ близкихъ людей, что-то въ родѣ страха чувствовала и безстрашная Екатерина во время его силы. Она даже писала къ Понятовскому, когда онъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ послѣ ея восшествія на престолъ: «ne venez pas; les Orloff ne le permettraient pas» *). Впрочемъ, такъ какъ она сама не желала возвращенія прежнихъ отношеній къ Понятовскому, то можетъ быть своенравіе Орлова служило лишь предлогомъ. Какъ бы ни было, княжна Елисавета Павловна Щербатова избавилась отъ своего сумасшедшаго жениха.

Но былъ другой искатель ея руки, которому она не отказала и къ которому сохранила во всю жизнь самую нѣжную, самую страстную любовь. Это былъ Александръ Васильевичъ Поликарповъ, о которомъ я уже говорила. Красавецъ собой, храбрый и любезный въ своей молодости, онъ въ послѣдствіи заслужилъ себѣ одинаково любовь и почтеніе за свою справедливость и безпристрастіе, какъ сенаторъ. Изъ военной службы онъ перешелъ въ гражданскую, утомленный походами и лагерною жизнью, которые стоили ему здоровья жены. Онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тверь. Ну тутъ ему не посчастливилось, вслѣдствіе такого же фамильнаго воззрѣнія на вещи, какъ и у насъ въ семьѣ. По восшествіи на престолъ Павла Петровича, друзья и временщики Екатерины, какъ извѣстно, были удалены не только отъ двора, но даже изъ столицы. Между ними была и княгиня Дашкова. Ей надобно было проѣхать черезъ Тверь. Поликарповъ рѣшилъ, что приметъ ее съ тѣмъ же почетомъ, какъ принялъ бы при Екатеринѣ. Онъ былъ отставленъ отъ мѣста, только при Александрѣ опять вызванъ на службу и назначенъ сенаторомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ жилъ въ своихъ Тверскихъ вотчинахъ, и когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то останавливался у моего дѣда. Такимъ образомъ, близкія и родственныя отношенія не прерывались

---

*) Не пріѣзжайте: Орловы этого не позволятъ.

между обоими семействами. Въ Сенатѣ онъ былъ извѣстенъ строгою честностію, и иногда въ полномъ собраніи ему случалось выговаривать министрамъ, Лопухину и др., когда онъ замѣчалъ лицепріятіе съ ихъ стороны въ какихъ-нибудь тяжебныхъ дѣлахъ. Что вы себя губите, говаривалъ онъ: вѣдь вы души своей не жалѣете! Какой отвѣтъ дадите Богу, что вдову (или сироту) обижаете? И въ такомъ родѣ рѣчи держалъ Поликарповъ по тогдашнему патріархальному обращенію стариковъ между собою, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. По всѣмъ разсказамъ тогдашнихъ временъ надо полагать, что между заслуженнымъ дворянствомъ хорошихъ родовъ, но не принадлежавшимъ къ тому Французскому кругу, который составлялъ собственно избранное общество Екатерины, царствовали какое-то добродушіе и домашнее обращеніе съ дѣлами, не совсѣмъ похожее на должную важность судей-спеціалистовъ, и когда они говорили другъ другу *ты*, не было нечего похожаго на гордое *ты*, которое говорили другъ другу Испанскіе гранды. Какъ бы то ни было, но Поликарпова знали бѣдные, имъ защищаемые люди, и бывало, если пріѣдетъ изъ-за тридевять земель для тяжбы мать семейства безъ знакомыхъ, безъ связей, безъ понятій о законахъ, ей говорятъ:—поди къ Александру Васильевичу, тотъ уже не выдастъ имъ твое право; онъ ихъ не боится, всякому скажетъ правду, по совѣсти разсудитъ.

Однакожъ этотъ человѣкъ, такъ рѣзко выговаривавшій любому сенатору въ полномъ присутствіи, былъ способенъ на утонченную любезность съ женщинами. Я уже говорила, какъ онъ пожертвовалъ своимъ положеніемъ и рисковалъ еще хуже, ради учтивости къ княгинѣ Дашковой. Много лѣтъ спустя, уже бывши сенаторомъ, онъ часто ѣзжалъ по домашнимъ дѣламъ въ свое Тверское имѣніе, даже осенью и зимою, а лѣто тамъ все проживалъ. Онъ тогда сблизился съ великой княгиней Екатериной Павловной, которая жила въ Твери, и какъ всѣ, которые ее знали, былъ очарованъ ея умомъ, любезностію и горячностію любви ея къ Россіи, къ ея преуспѣянію и развитію, и ко всему прекрасному и благородному, и у насъ и у другихъ. Она часто обращалась къ нему за совѣтомъ, какъ къ старинному и коренному уроженцу Тверскому. Однажды она стала ему жаловаться на высокую цѣну дровъ, и спросила, что́ дѣлать? Онъ совѣтовалъ успокоиться и обождать, потому что цѣны скоро упадутъ. Затѣмъ онъ отправился въ свое имѣніе, велѣлъ вырубить лѣсную дачу и отправить дрова на продажу въ Тверь по самымъ низкимъ цѣнамъ. Разумѣется пришлось и всѣмъ другимъ понизить цѣны,—и дрова подешевѣли. Великая Княгиня никогда ничего объ этомъ не узнала и удивлялась только дальновидности Поликарпова на счетъ рыночныхъ цѣнъ,

не подозрѣвая, какъ дорого онъ самъ поплатился. Добрую славу свою, какъ защитникъ и помощникъ бѣдныхъ и слабыхъ, Поликарповъ распространилъ дальше Петербурга и Твери; когда, по случаю голода, его послали въ разныя губерніи для продовольствія народа, своею честностію, добротою и умѣньемъ по хозяйству, онъ исполнилъ съ успѣхомъ порученіе, оставляя по себѣ память во многихъ и многихъ благодарныхъ сердцахъ. Ему дали тогда въ помощники молодаго человѣка мало извѣстнаго, но даровитаго и честнаго (что̀ бы ни говорили о немъ послѣ, когда клевета по обыкновенію стала преслѣдовать высокопоставленнаго государственнаго дѣятеля). Этотъ молодой человѣкъ былъ Канкринъ, и я съ удовольствіемъ записываю хорошую черту изъ его жизни. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Канкринъ пошелъ въ гору и получилъ видное мѣсто по Министерству Финансовъ, онъ пріѣхалъ ко вдовѣ А. В. Поликарпова, напомнилъ ей, что онъ при ея мужѣ началъ первую дѣятельную службу и пользовался его честнымъ примѣромъ и опытностію. Я его ученикъ, говорилъ съ любезностію Канкринъ Елисаветѣ Павловнѣ. Въ сущности, вѣроятно соображенія и несомнѣнная даровитость Канкрина въ денежныхъ делахъ много способствовали, напротивъ, успѣху его посылки; что̀ касается его щедрости, добродушія и любви къ народу, конечно можно было всякому учиться у Александра Васильевича Поликарпова. Эти качества наслѣдственны въ ихъ семействѣ. Его единственный сынъ Александръ Александровичъ былъ не менѣе щедръ и добръ; а внукъ его Евгеній Александровичъ, скончавшійся 21 Января 1871 года, былъ одинъ изъ тѣхъ неизвѣстныхъ свѣту подвижниковъ гражданскихъ, тѣхъ добрыхъ воиновъ безкровной борьбы добра со зломъ, тѣхъ стойкихъ героевъ *долга* во всѣхъ отношеніяхъ жизни, одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ сказано, что они знаемы

Лишь Богу, да Его Святымъ.

Ими держится наша земля, не только земля Русская, но вся наша грѣшная земля, здѣшняго міра. Безъ такихъ людей огнь Божій пожралъ бы насъ, какъ Содомъ и Гоморру; да и безъ явной кары небесной, сами люди бы погубили и истребили всѣхъ и вся, какъ намъ доказываетъ это Парижская коммуна. Одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни — это такіе люди, и, слава Богу, немало знала я ихъ. Изъ нихъ Евгеній Александровичъ Поликарповъ самый близкій мнѣ, столько же по родству, сколько по душѣ. Но кончина его еще слишкомъ близка, слѣдъ его еще не остылъ, и рано говорить о его дѣйствіяхъ и о немъ.

У дѣда моего кн. Андрея Николаевича Щербатова была еще другая дочь Анна, и въ ней и черезъ нее соединяются лучшія родственныя воспоминанія семейства матери моей и семейства моего отца. Его мать, Екатерина Ермолаевна Блудова, имѣла рѣдкое счастіе, которое достается только избраннымъ немногимъ: *у нея былъ другъ*, не въ свѣтскомъ смыслѣ слова подруги или пріятельницы, но искренній, неизмѣнный другъ, съ которымъ она дѣлилась мыслями и чувствами, съ которымъ видѣлась ежедневно и отъ котораго не имѣла ничего скрытаго. Этотъ другъ была графиня Анна Павловна Каменская, жена фельдмаршала, мать Николая Михайловича, командовавшаго арміей въ Финляндіи и на Дунаѣ. Ихъ дома въ Москвѣ были очень близки*), и калитка изъ сада Каменскихъ открывалась въ садъ Блудовыхъ, такъ что сосѣдки ходили другъ къ другу безпрестанно, безъ того этикета и сборовъ, которые въ то время требовались при всякомъ выѣздѣ въ каретѣ для женщинъ высшаго общества. Дружба эта перешла и на второе поколѣніе, и отецъ мой, сестра его и всѣ ея дѣти, до конца жизни графини Каменской, были всегда у нея на ногѣ самыхъ близкихъ, любимыхъ родственниковъ. Потому и графъ Николай Михайловичъ, главнокомандующій, просилъ къ себѣ отца моего въ армію, и у Каменскихъ онъ познакомился съ своею женою, моею матерью, родственницей ихъ, прежде нежели поѣхалъ въ южную армію. Дружба между его матерью и матерью Каменскаго и развивавшаяся склонность къ нему моей матери (любезной кузины Николая Михайловича) конечно содѣйствовали къ назначенію его управляющимъ канцеляріею главнокомандующаго арміей въ Турціи. Это былъ постъ важный по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и блистательное начало карьеры для молодаго человѣка, 25-ти-лѣтняго, не бывшаго ни на какихъ видныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ и не принадлежавшаго къ аристократическому кругу Петербургскаго двора. Не знакомство по службѣ съ Николаемъ Михайловичемъ Каменскимъ повело къ женитьбѣ отца моего (какъ написалъ князь Петръ Долгоруковъ), а дружба фамильная и взаимная любовь между нимъ и родственницей Каменскихъ дали случай Николаю Михайловичу оцѣнить способности моего отца и повели къ назначенію его по службѣ.

Графиня Анна Павловна Каменская была одна изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ. Объ ней всѣ знавшіе ея помнятъ, какъ объ ангелѣ во плоти. Въ замужествѣ она не была счастлива, и крутой,

*) Домъ или скорѣе дворецъ графовъ Каменскихъ въ Москвѣ на Смоленскомъ бульварѣ, нынѣшнее зданіе Земледѣльческой Школы (съ домовою церковью). П. Б.

деспотическій характеръ мужа много заставилъ ее страдать. Сверхъ того у него была извѣстная всѣмъ, нагло выставленная на свѣтъ связь съ простою, злою женщиной, къ которой онъ уѣзжалъ безпрестанно въ деревню на цѣлые мѣсяцы, когда не былъ въ Петербургѣ или въ арміи, оставляя графиню Каменскую одну въ Москвѣ; но она никогда не заслужила ни малѣйшаго упрека, никогда злословіе не касалось ея. Такія двѣ женщины, какъ она и бабушка моя Катерина Ермолаевна, должны были, такъ сказать, пополнять другъ друга въ моральномъ отношеніи, и твердость характера, превосходство ума Катерины Ермолаевны давали ей большое вліяніе на графиню Каменскую. Одна дочь, тоже несчастная въ замужествѣ *), и двое сыновей составляли семейство Каменскихъ. Сергѣй, старшій, съ недостатками отца, но безъ его талантовъ, былъ однако любимъ матерью (многіе даже думали, что онъ былъ ея любимымъ сыномъ) и, страннымъ образомъ, она видѣла въ блистательной карьерѣ меньшаго сына, перегнавшаго его по службѣ, что-то въ родѣ несправедливости судьбы. Она уговорила главнокомандующаго дать старшему брату случай отличиться и показать тѣ военныя способности, которыя она воображала врожденными во всѣхъ членахъ ихъ семейства. Этотъ случай, какъ увѣряли, думалъ ему доставить братъ его при осадѣ Рущука. Извѣстно, какія бѣдственныя послѣдствія имѣло это распоряженіе. Сергѣй Михайловичъ, подобно отцу, жилъ дурно съ женой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ дѣвицами. До старости лѣтъ жилъ онъ разгульной жизнью въ Орлѣ и въ своемъ имѣніи, въ той же губерніи, и славился особенно своимъ домашнимъ театромъ и всѣмъ, чтò обыкновенно соединялось съ этими труппами крѣпостныхъ актеровъ и актрисъ. Онъ издержалъ на это удовольствіе все огромное богатство отцовское и, не жалѣя денегъ на этотъ предметъ, «*хотѣлъ купить*» славнаго актера Щепкина у его помѣщика, какъ тотъ самъ разсказываетъ; но нѣсколько почитателей его таланта сложились и выкупили Харьковскую театральную знаменитость, сдѣлавшуюся въ послѣдствіи знаменитостью для всей Россіи. Послѣ смерти первой жены, урожденной Ефимовой, Сергѣй Михайловичъ женился на молодой, хорошей собой, вдовѣ Кириловой, отъ которой имѣлъ много дѣтей; теперешніе графы Каменскіе—его сыновья и внучата. Одинъ изъ сыновей, Андрей, способный, красивый собою, напоминавшій по наружности знаменитаго дядю, выбралъ было военное поприще для службы, но не долго оставался въ ней, женился, уѣхалъ въ деревню и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, въ разстройствѣ ума. Другіе, ктò умеръ, ктò остался въ живыхъ, недолго служили, и особеннаго ничего не слыхать о нихъ.

*) Гр. Марья Михайловна Каменская за Григорьемъ Павловичемъ Ржевскимъ. П. Б.

если не вѣрить молвѣ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ въ Смоленскомъ земствѣ, которое, къ несчастію, приписываютъ одному изъ нихъ. Самъ фельдмаршалъ, извѣстный въ исторіи какъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ военачальника, былъ настоящимъ *большимъ бариномъ* того времени, позволявшимъ себѣ все, чтó его богатство, его санъ, его положеніе въ свѣтѣ могли доставить ему къ удовлетворенію его прихотей и къ наслажденію матеріальной жизнью. Сластолюбивый деспотъ, онъ, какъ многіе богачи того времени, былъ не разборчивъ въ своихъ связяхъ, и наконецъ подпалъ подъ вліяніе грубой, даже некрасивой женщины и, какъ уже сказано, проводилъ съ нею въ деревнѣ все свободное отъ службы время; въ Москвѣ же, въ своемъ законномъ семействѣ, онъ являлся какимъ-то повелителемъ, грозою всѣхъ домашнихъ. Строгая чистота, спокойное достоинство Катерины Ермолаевны Блудовой были для него особенно антипатичны, а нѣжная дружба, ежедневныя свиданія съ его женой были ему такъ противны, что двѣ пріятельницы запирали калитку между своими садами, и посѣщенія ихъ дѣлались формальными визитами, какъ скоро фельдмаршалъ являлся въ свой домъ на Смоленскомъ бульварѣ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что первое охлажденіе между нимъ и женою произошло отъ вмѣшательства одной изъ ея родственницъ и, можетъ быть, безъ этого вмѣшательства, ея кротость и красота взяли бы верхъ надъ его наклонностями. Какъ бы то ни было однако, его любовная связь погубила его. Богатство и власть, которою надѣлялъ ее фельдмаршалъ въ своемъ имѣніи, не удовлетворяли его любовницы: ей захотѣлось положенія *честной женщины*, т. е. ей захотѣлось выйти замужъ, и предметомъ этой законной любви, или этого разсчета, она избрала полицейскаго чиновника, а средствомъ къ достиженію цѣли — убійство. Обѣщаніемъ наградъ и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодаго парня изъ дворовыхъ, не любившихъ вообще своего крутаго помѣщика, разрубить ему черепъ топоромъ въ лѣсу, черезъ который онъ ѣхалъ зимою въ саняхъ; кучеръ былъ соучастникомъ, или, по крайней мѣрѣ, не защитилъ барина, и оба приговорены были къ заслуженной казни; но сама виновница кроваваго преступленія осталась въ сторонѣ, благодаря протекціи полицейскаго, за котораго она вышла замужъ. Отъ нея былъ у фельдмаршала сынъ незаконный и потому не носившій титула графскаго, но названный однако Петромъ Михайловичемъ Каменскимъ. Онъ въ молодости показалъ замѣчательныя военныя способности и страстную любовь къ военному дѣлу. Братъ его, главнокомандующій, взялъ его къ себѣ въ адъютанты; послѣ его смерти онъ прослужилъ и отличился, сколько можно, въ ма-

лыхъ офицерскихъ чинахъ, въ кампаніяхъ отъ 1812 до 1815 года, и уже послѣ войны, за какую-то погрѣшность противъ дисциплины, былъ сосланъ въ одну изъ крѣпостей внутреннихъ губерній Россіи; тамъ онъ утонулъ, какъ говорятъ, случайно, купаясь; иные думаютъ, что онъ утопился отъ унынія и скуки.

Наконецъ, самый даровитый членъ семейства Каменскихъ, молодой главнокомандующій, тоже погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ насильственною смертью. Николай Михайловичъ Каменскій, съ блистательными способностями, такъ сказать наслѣдственными, не наслѣдовалъ отъ отца ни его крутаго нрава, ни его привычекъ. Онъ воспитывался въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ и былъ порученъ попеченію дяди, князя Щербатова. Онъ былъ хорошъ собою, талантливъ, пылокъ,благороденъ, и скоро сдѣлался самымъ искреннимъ другомъ своей молодой кузины, княжны Анны Андреевны. Она до конца жизни (а пережила его 37 лѣтъ) вспоминала о немъ съ искренней дружбой; онъ былъ ея довѣреннымъ другомъ, зналъ о любви Дмитрія Николаевича Блудова, и съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ преодолѣнію препятствій къ ихъ свадьбѣ. Онъ тѣмъ горячѣе сочувствовалъ Дмитрію Николаевичу, что самъ былъ влюбленъ въ подругу своихъ кузинъ, дочь Нѣмки ключницы или кастелянши. Елисавета Карловна жила, воспитывалась и выѣзжала въ свѣтъ съ княжной Анной Андреевной. Ея красота, добронравіе, образованность и равенство въ обхожденіи съ ней семейства Щербатовыхъ и ихъ посѣтителей, заставили молодаго графа совершенно забыть ея происхожденіе. Ежедневныя свиданія, естественное сближеніе между ними, не обращали на себя вниманія въ домѣ, гдѣ привыкли смотрѣть на Елисавету Карловну, какъ на родную; и княгиня Щербатова тогда только догадалась о любви племянника, когда узнала, что онъ сбирается увезти ее и обвѣнчаться съ ней. Тогда всѣ неодолимыя препятствія къ такой развязкѣ, при характерѣ фельдмаршала, вдругъ стали ясны въ глазахъ княгини. Предвидя бѣду, она обратилась къ самой матери Елисаветы Карловны. Выманить согласіе у фельдмаршала и даже у матери была бы пустая попытка, а обойтись безъ этого согласія было бы слишкомъ опасно: фельдмаршалъ не остановился бы ни передъ какой крайностію, разжаловалъ бы сына въ солдаты, сослалъ бы его, а чтò бы было съ несчастной, непризнанной женою! Мать очень хорошо поняла опасность; но, видя, что никакія мольбы и увѣщанія не дѣйствуютъ на влюбленнаго юношу, рѣшилась на принудительныя мѣры съ дочерью и выдала ее замужъ за другаго жениха, молодаго офицера, съ состояніемъ, по имени Кислинскаго. Горе, негодо-

ваніе, отчаяніе молодаго Каменскаго только усиливали его любовь къ похищенной у него женщинѣ, и тронули ее. Они были разлучены не на долгое время, сошлись опять, и уже только смерть Елисаветы Карловны положила конецъ ихъ любви. Лѣта проходили, и графиня Каменская уговаривала, упрашивала сына жениться; но онъ всю душу отдалъ этой первой и послѣдней любви, и *устроенная* по разсчетамъ, или удобству, женитьба была ему противна, даже послѣ смерти Елисаветы Карловны. Между тѣмъ, мать его въ Москвѣ выбрала ему знатную, богатую невѣсту, добрую, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ пламеннымъ воображеніемъ, но необыкновенно дурную собою, графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую. Она полюбила Николая Михайловича; его красивая наружность, ловкость, воинская слава, все въ немъ плѣняло ее; но въ ней было болѣзненное сознаніе своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивыхъ планахъ своихъ жениховъ; говорятъ, что незаконный сынъ ея отца, съ которымъ она была на братской ногѣ, тоже способствовалъ по своимъ разсчетамъ такому недовѣрію. Она, можетъ быть, видѣла и холодность къ себѣ Николая Михайловича, чуя, можетъ быть, въ сердцѣ, что у него всѣ нѣжныя чувства схоронены были навсегда. Какъ бы то ни было, любя его романической любовію, она однако отказала ему, когда, передъ отъѣздомъ его въ армію, мать уговорила его свататься. Отказъ былъ такъ неожиданъ, душевное расположеніе графини Орловой такъ извѣстно графинѣ Каменской, что даже образъ въ богатой ризѣ, весь въ жемчугахъ и дорогихъ каменьяхъ, былъ уже приготовленъ для благословленія сына на женитьбу. Этимъ образомъ она въ послѣдствіи благословила мать мою, когда та выходила замужъ; этою же иконой Божіей Матери «*Утоли моя печали*» батюшка благословилъ моего старшаго брата Андрея на бракъ съ дочерью графа Альтена (Ганноверца). Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ, потому что, по мѣткому замѣчанію одного Англійскаго путешественника, фамильныя иконы, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе, «*отцовское благословеніе*», занимаютъ или занимали доселѣ въ старыхъ дворянскихъ семьяхъ, равно какъ и въ зажиточныхъ дворахъ крестьянскихъ, мѣсто старой библіи въ Англійскихъ семьяхъ и фамильныхъ портретовъ западной Европы. Они и святыня родовая, и родовое приданое. Какъ бы ни было, фамильныя иконы составляютъ часть, весьма немногочисленную, древностей Русскихъ непроданныхъ и неистребленныхъ безпечностію и нерадѣніемъ нашимъ. Графиня Орлова отвергла Каменскаго, но по смерти его не могла утѣшиться и, отказавшись на всегда отъ замужества, посвятила всю жизнь свою на дѣла богоугодныя, на молитву и на украшеніе и обо-

гащеніе обителей иноческихъ и церквей, *замаливая грѣхъ* отца и утоляя горесть и любовь собственнаго сердца. Тогда однако Николай Михайловичъ не могъ угадать, какъ вѣрно и неизмѣнно онъ былъ любимъ въ то само время, когда его удаляли. Гордость его страдала, и щекотливость бладороднаго сердца оскорблена была мыслію, что на него должны смотрѣть, какъ на человѣка гоняющагося за невѣстой-милліонершей. Онъ былъ разстроенъ и не въ духѣ, когда прощался съ матерью; сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ армію, и въ это время юродивый подошелъ къ экипажу и протянулъ къ нему руку съ платкомъ, говоря: — На, возьми на счастіе! Добрый путь! Каменскій зналъ юродиваго, бывшаго часто въ ихъ домѣ, улыбнулся ему привѣтливо и взялъ платокъ. Но ему не вѣрилось въ счастіе, было тяжело на душѣ, а мысли были взволнованы самоупрекомъ за слабость, съ которою согласился онъ сдѣлать предложеніе, за самолюбіе, а не любовь, которое страдало отъ отказа. Онъ взялъ платокъ, чтобы не обидѣть бѣднаго юродиваго, но тутъ же машинально передалъ его своему адъютанту,—а этотъ адъютантъ былъ Закревскій. Домашніе Каменскихъ вздохнули, и всегда потомъ, разсказывая этотъ случай, замѣчали, какъ ихъ любимый графъ, предметъ ихъ гордости и славы, *передалъ свое счастіе Закревскому*, и уже не возвратился живымъ на родину. Когда вскрыли его тѣло, открыли слѣды отравы. Его привезли въ Россію и похоронили въ Орловскомъ имѣніи подлѣ отца; но мать просила, чтобы *сердце* было отдано ей; оно хранилось въ приходской церкви ея дома въ Москвѣ, пока она была въ живыхъ, а послѣ ея смерти, по ея просьбѣ, похоронено съ нею на кладбищѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она указала себѣ могилу, возлѣ друга своего, Катерины Ермолаевны Блудовой. Графиня А. А. Орлова умерла болѣе 30 лѣтъ спустя послѣ смерти графа Каменскаго; но еще въ послѣднихъ годахъ своей жизни, всецѣло посвященной добрымъ дѣламъ и молитвѣ, она въ душевныхъ изліяніяхъ съ одной вѣрной подругой своей молодости (г-жею Гераръ) вспоминала о Каменскомъ, объ этомъ умершемъ, отвергнутомъ ею женихѣ, со всею горячностью, со всѣмъ увлеченіемъ любви двадцатилѣтней дѣвушки. Ни холодъ лѣтъ, ни время, ни постъ, ни молитва, ни смерть, ничто не охладило любви сильной и гордой, которая не позволила принять его руки, при мысли, что его сердце схоронено въ могилѣ другой, любимой имъ женщины.— Графиня Анна Алексѣевна была вообще не дюжинная натура; и, не смотря на ея далеко некрасивое лице и ничѣмъ незамѣчательный разговоръ, было для меня что-то привлекательное въ ней, какая-то искренность, теплота, простота, и то, что̀ такъ непереводимо хорошо выражается по-англійски словомъ earnestness. Но все разсказанное

выше случилось въ послѣдствіи; въ концѣ же царствованія Екатерины, въ кратковременное царствованіе Павла и въ первые года Александра, домъ Каменскихъ, по разсказамъ современниковъ, былъ типомъ Московскаго барскаго дома, съ неумолимымъ деспотизмомъ хозяина, съ аристократическимъ этикетомъ Запада, и вмѣстѣ съ добродушіемъ Русскимъ, передъ которымъ исчезали и гордость и этикетъ. Няни, мамы, Турчанки, т. е. взятыя въ плѣнъ Турецкія дѣвушки, подаренныя по возвращеніи изъ арміи нашихъ военныхъ знакомымъ дамамъ, крещеныя ими въ христіанскую вѣру и кое-какъ воспитанныя, Калмычки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки, которыя въ важныхъ случаяхъ, какъ напр. при свадьбахъ, пѣли Русскія обрядовыя пѣсни, какъ въ древнія времена, или какъ и нынѣ у крестьянъ, все это сливалось во многихъ знатныхъ домахъ со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости. На домашнемъ театрѣ любители, родственники и родственницы графини Каменской играли комедіи Вольтера и Мариво; когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни ежедневно во все время между помолвкою и свадьбой, до того что, наконецъ, графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ, когда невѣста уже давно была замужемъ за Ржевскимъ. Въ этой средѣ сохранялась все-таки *Русская*, хотя уродливая жизнь; а любовь къ отечеству и строгость нравовъ отличали графиню Каменскую столько же, сколько и бабушку мою, Катерину Ермолаевну. По всѣмъ разсказамъ, слышаннымъ мною объ этихъ двухъ женщинахъ, онѣ представляются мнѣ, среди обстановки XVIII-го вѣка, въ строгомъ и вмѣстѣ кроткомъ образѣ тѣхъ первыхъ христіанскихъ женъ Рима, въ которыхъ соединялось стоическое достоинство древнихъ матронъ съ чистотой апостольскаго типа супруги и матери. Но возвращаюсь къ моему дѣду князю Андрею Николаевичу Щербатову.

Съ другой кузиной, своей граф. Варварой Петровной Шереметевой онъ не былъ такъ близокъ какъ съ Анной Петровной; однако отношенія ихъ были добрыя, родственныя и тоже продолжались между семействомъ ея и моимъ нѣсколько поколѣній. Она вышла замужъ за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Одна дочь ея, Варвара Алексѣевна, была за княземъ Репнинымъ; другая, Екатерина Алексѣевна, за Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, съ которымъ мы поэтому считались въ родствѣ, и это отчасти сблизило его съ отцемъ моимъ въ ихъ молодости. Истинно-братское отношеніе къ графу Николаю Петровичу Шереметеву дѣдъ мой сохранилъ во всю свою жизнь; и отъ этой сердечной дружбы наши семьи остались такъ близки до нынѣ, хотя родства уже болѣе не до-

ищемся съ нынѣшнимъ поколѣніемъ, развѣ какой Ирландецъ станетъ считать степени родства (a n I r i s h c o u s i n). Дѣдъ мой, князь Андрей Николаевичъ пріѣхалъ на службу въ Петербургъ, когда во всѣхъ сердцахъ возраждалась надежда на спокойствіе и славу. Елисавета Петровна была любима Русскими, какъ дочь Петра и какъ представительница Русскаго начала, послѣ долгаго правленія иностранцевъ: знали, что она болѣе гордилась тѣмъ, что она дочь Петра, реформатора и героя, нежели тѣмъ, что она дочь императора великой державы; знали, что она будетъ приближать къ себѣ бывшихъ сподвижниковъ отца; не смотря на страшную распущенность нравовъ ея, знали, что она *по своему* (скажемъ, по тогдашнему) благочестива и что, по тогдашнему, она, въ сравненіи съ звѣрскою жестокостію того времени, мягкосердна и милостива къ противникамъ власти. Кажется, не будетъ неумѣстно записать нѣсколько преданій объ ней, которыя родители мои слышали отъ князя А. Н. Щербатова и отъ Разумовскихъ. Она провела молодость въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ за свободу и жизнь свою, въ враждебной средѣ сторонниковъ царицы Евдокіи, при восшествіи на престолъ Петра II, потомъ Бирона, потомъ Анны Леопольдовны, и только своимъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ въ дѣла, своею посредственностію и страстью къ забавамъ и увеселеніямъ, избѣгала подозрѣнія и преслѣдованія. Маскарады, танцы, театральныя представленія, казалось, одни занимали ее. У нея точно не было геніальности и не было образованія, но природный умъ и страстная любовь къ славѣ отца заставляли ее понимать, что она бы повела Россію на путь лучшій, по крайней мѣрѣ, чѣмъ Биронъ, и что такая мысль могла прійти на умъ самому правителю-фавориту. Ей нужно было скрывать все это ради безопасности своей, и она считала себя и показывалась *умершею* ко всему въ политикѣ и въ управленіи; такъ она о себѣ говорила. Восшествіе же свое на престолъ она считала политическимъ *воскресеніемъ Лазаря*, возстаніемъ отъ мертвыхъ, и потому любила церкви освящать во имя *Воскресенія Господня,* иконы *Воскресенія* ставила и въ церквахъ и у себя, предпочитая ихъ другимъ изображеніямъ. Она въ то время дала обѣщаніе ежегодно ходить на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру за Москвой, и когда это оказалось неудобнымъ (особенно ея приближеннымъ и министрамъ), то подали мысль выстроить во имя Св. Сергія обитель по близости къ Петербургу, и исполнять свой обѣтъ, ходя пѣшкомъ въ монастырь на Петергофской дорогѣ, выстроенный ею, который нынѣ зовутъ Сергіевской пустынью. Она туда и синодики фамильные отдала. Я не знала этого, и нѣсколько лѣтъ назадъ случайно была тамъ у обѣдни въ послѣднюю Субботу мѣ-

сяца, не помню котораго. Вдругъ, среди великолѣпнаго пѣнія и службы, поминовеніе умершихъ начинается съ «*Патріарха Филарета, инокини Мароы*, продолжается рядомъ царей, великихъ князей, императоровъ, императрицъ до Елисаветы Петровны. Не могу сказать, какъ поразительно показался мнѣ, въ своей неожиданности, этотъ перечень славныхъ именъ, представляющихъ собою такую громаду историческихъ событій вѣка, столь не похожаго на нашъ, которыя однакожъ уже были зачаткомъ всего нашего современнаго строя. Это было въ самое тяжелое время Севастопольской осады; камнемъ лежало на сердцѣ у всѣхъ насъ отчаянное положеніе Крыма, а недалеко, почти на взморьѣ, гдѣ стоитъ обитель,—сновали непріятельскіе пароходы. Но одно имя Филарета Никитича отозвалось утѣшеніемъ и надеждою для насъ. То ли было съ Россіей? И Богъ помогъ, и бодро высвободилась она отъ чужаго населенія и отъ родной измѣны! Я справилась потомъ, и мнѣ сказали: въ послѣднюю Субботу каждаго мѣсяца поминаются всѣ усопшіе дома Романовыхъ. Не помню, поминается ли Софья Алексѣевна. Елисавета Петровна также начала строить церковь Воскресенія Господня, нынѣ Соборъ учебныхъ заведеній, гдѣ Смольный домъ для воспитанія дѣвицъ; но здѣсь она хотѣла основать женскій монастырь, не успѣла докончить, а Екатерина, вмѣсто того, построила женское училище, которое потому и называется *Смольнымъ монастыремъ*, хотя монахинь тамъ нѣтъ. Когда Елисавету уговаривали дозволить Жидамъ селиться въ Русскихъ городахъ, и говорили ей о выгодахъ такого населенія, она отвѣчала: «отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли». (Петръ на такое предложеніе отвѣчалъ отказомъ, но иначе: На что мнѣ Жиды, сказалъ онъ; мои Русскіе не хуже умѣютъ плутовать). Хотя шла войною за Марію Терезію, Елисавета, однако, открывала широко поле Россіи православнымъ Славянамъ, уходящимъ отъ притѣсненія нашей церкви Австрійскимъ правительствомъ, и Сербы съ воеводства и приморія тысячами перешли на нашъ Югъ подъ предводительствомъ Шевича, Депрерадовича, Хорвата и другихъ, населяя край вѣрнымъ и храбрымъ народомъ, совершенно обрусѣвшимъ уже во второмъ поколѣніи, но помнившимъ свое происхожденіе и всегда готовымъ протянуть руку своимъ землякамъ. Во время Семилѣтней войны солдаты, отправляясь въ походъ, говорили: Өеодоръ Өеодоровичъ (Фридрихъ II), значитъ, обижаетъ Марью Терентьевну, такъ государыня за нее заступается; бабье дѣло, нельзя не помочь! Но помогая Австрійскому правительству по своимъ политическимъ соображеніямъ, или по совѣту министровъ, она не считала нужнымъ принимать на себя никакой солидарности съ внутренними мѣрами этого правитель-

ства, и ея врожденное чувство Русское заставляло понимать и постоянно поддерживать общность интересовъ нашихъ съ интересами единовѣрцевъ и единоплеменниковъ нашихъ всюду, не взирая на преходящія обстоятельства, которыя насъ сближали съ тѣмъ или съ другимъ правительствомъ. Значеніе единой церкви понималось ею *инстинктивно*, какъ оно понималось сознательно ея геніальнымъ отцемъ; однакоже нельзя Петра Великаго прозвать *Славянофиломъ* или *ханжей*.

Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что вождь и царь тогдашней *молодой Россіи* былъ все-таки Русскій характеромъ, обычаями и сердцемъ, между тѣмъ какъ нынѣшняя молодая Россія разныхъ оттѣнковъ (я не говорю о совершенно обезумѣвшей эмиграціи нашей) уже потеряла всякое сознаніе своего происхожденія, своего народа, своего края, и точно также, какъ нѣкоторые изъ нашихъ блистательнѣйшихъ дѣльцевъ, видитъ въ себѣ и въ насъ всѣхъ Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, даже Итальянцевъ (въ отношеніи къ отжившимъ уже свой вѣкъ въ Италіи бандитамъ, брави и карбонари). Это впрочемъ, со всѣми своими неудобствами спасительная черта нашихъ людей *прогресса* (какъ ненавижу я это слово, и какъ смыслъ его не похожъ на Русское слово *успѣхъ* или *преуспѣяніе!)* Эта черта спасительна, потому что она лишаетъ ихъ всѣхъ возможности дѣлать серьезный вредъ Россіи, хотя, конечно, ихъ недоразумѣніе и высокомѣрное презрѣніе къ вѣрованіямъ и чувствамъ своего народа много тормозятъ преуспѣяніе нашей страны.

Ацеліо (котораго патріотизмъ былъ во всякомъ случаѣ *удачнѣе* Герценова), въ своихъ письмахъ 40-хъ годовъ, не разъ возстаетъ противъ сумазбродовъ, которые хотятъ непремѣнно *передвигать пальцемъ стрѣлку часовъ, чтобы пробилъ желанный часъ*,—думая ускорить ходъ времени, которое не допускаетъ неправильности въ числахъ, такъ же неуклонно, какъ ариѳметика. Петръ оттого только и могъ исполнить задачу, завѣщанную первымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, Годуновымъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, что стрѣлка уже стояла на предназначенномъ часу: онъ ея не передвигалъ, хоть и кажется для поверхностнаго наблюдателя, что все было дѣло насилія и произвола. Истинные реформаторы суть всегда олицетвореніе цѣлой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предпріятія; они проникнуты (иногда даже безсознательно) однимъ общимъ чувствомъ, однимъ общимъ стремленіемъ съ массою, на которую дѣйствуютъ. А выскочки-благодѣтели человѣчества только губятъ въ потокахъ чернилъ, если не крови, многія благія намѣренія и *относительно* пра-

вильныя мысли, которыя безъ ихъ неловкаго посредничества могли бы созрѣть и принести свою долю пользы.

Отецъ мой былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого воззрѣнія, которое часто и часто высказывалъ, и которое такъ величественно и благополучно оправдалось на нашихъ глазахъ въ царственномъ реформаторѣ 1861 года. Я помню, что въ 30-хъ годахъ, въ то время, когда много было совѣщаній, предположеній и мѣропріятій въ отношеніи къ лучшему средству дойти безбѣдно до освобожденія крестьянъ, батюшка былъ очень занятъ этою мыслью. Онъ жилъ на Аптекарскомъ острову, а мы къ нему пріѣзжали въ гости на нѣсколько часовъ, потому что домикъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія нашего семейства [1]). Однажды какъ-то его любимая большая собака, поплававши по Невѣ и порывшись около берега, вытащила что-то такое, что̀ принесла къ батюшкѣ, и съ торжествомъ, скаля зубы, отряхиваясь и поднимая глаза на хозяина, положила къ его ногамъ, по собачьему обычаю, при мнѣ. Это не былъ камушекъ, однако что-то твердое. Когда счистили песокъ и тину и вымыли хорошенько, оказалось, что это костяная крышка, оторванная отъ малой табакерки съ рѣзьбою и девизомъ: Корабль съ натянутыми парусами на волнистой каймѣ, и вырѣзано подъ нею старинными буквами: *Жду вѣтра силы и ожидаю время.* Этотъ девизъ находится въ собраніи девизовъ временъ Петра Великаго, въ книжкѣ, затерянной мною теперь. Батюшка, вспомнивъ это, сказалъ, что можетъ быть эта крышка отбилась отъ табакерки какого-нибудь моряка Петровскаго, взялъ ее себѣ (она теперь у меня) и сталъ говорить намъ о Петрѣ и о реформахъ или революціяхъ времени его и всякаго времени, въ такомъ смыслѣ, какъ я написала выше, прилагая свои мысли и къ тому, что̀ обработывалось въ 30-хъ годахъ. Онъ очень любилъ Петра и говаривалъ, что все въ немъ, и добро и зло, всѣ его блистательныя качества и пороки были колоссальны, и что среди всѣхъ, даже худшихъ дѣйствій его жизни, какъ напримѣръ смерть царевича Алексѣя [2]), любовь къ

[1]) Этотъ домикъ съ тѣхъ поръ перестроенъ и теперь очень помѣстителенъ. Въ то время отецъ мой былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Отецъ мой былъ убѣжденъ, что Петръ принялъ ужасное рѣшеніе противъ сына не по ненависти къ нему, и не по любви къ меньшому сыну, не вслѣдствіе интригъ Екатерины, а единственно изъ опасенія, что если самъ Алексѣй Петровичъ не захочетъ царствовать, то партія его непремѣнно возведетъ его на престолъ и непремѣнно погубитъ Россію возвращеніемъ къ оставленнымъ порядкамъ, къ расшатавшемуся строю, при которомъ она не въ силахъ будетъ дать отпоръ врагамъ. Онъ думалъ сперва, заклеймивъ его судебнымъ приговоромъ, сдѣлать его воцареніе невозможнымъ; но въ теченіи суда Петръ увидалъ, какъ много царевичъ имѣлъ приверженцевъ (въ томъ

Россіи, къ славѣ и могуществу ея, стояли выше всякаго личнаго чувства, и что это все-таки имѣло отголосокъ въ народѣ, не смотря на противодѣйствіе, на неудовольствія, на бунты. Это свидѣтельствуютъ многія пѣсни, сложившіяся въ народѣ о немъ, и многія преданія, еще жившія въ памяти простолюдиновъ, приближенныхъ къ моему дѣду и бабушкѣ. Уже въ тогдашнее время, Петръ являлся въ колоссальномъ, легендарномъ образѣ, въ разсказахъ его современниковъ. Между прочимъ было повѣріе, что Петръ *пропадалъ* и находился въ какомъ-то невѣдомомъ, заколдованномъ краѣ, откуда вынесъ несокрушимую силу и волшебныя знанія, и потому всегда побѣждалъ враговъ и успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Одна старушка даже считала время отъ этой эпохи: я вышла замужъ или такой-то родился или умеръ передъ тѣмъ или послѣ того, какъ *царь пропадалъ*. Такъ глубоко подѣйствовали на воображеніе народное путешествія Петра и всѣ перемѣны, которыя онъ сталъ вводить по своемъ возвращеніи. Надобно вспомнить тоже, что, какъ ни былъ онъ крутъ, а часто и жестокъ, однакожъ въ немъ жестокость не была кровожадностію, не была безумной прихотью; да сверхъ того, правленіе Меншикова и Бирона до того превзошли все, что̀ было даже дурнаго при Петрѣ, что его образъ долженъ былъ выступить передъ народомъ во всемъ блескѣ золотаго вѣка. Вступленіе на престолъ дочери его было общей радостью для Россіи, по разсказамъ всѣхъ современниковъ. Воинская слава, Русскіе дѣятели, процвѣтаніе торговли, возращеніе достоинства православной церкви, всего этого ожидали отъ Елисаветы Петровны и не обманулись. Батюшка, который всегда стоялъ за свободу торговли, говаривалъ, сколько добра уже сдѣлала одна мѣра уничтоженія внутреннихъ таможень, и особенно обращалъ вниманіе на то, что, не смотря на Семилѣтнюю войну, на роскошь двора, на всѣ великолѣпныя постройки ея царствованія, на огромные, но разумные расходы, она умирая оставила Россію въ цвѣтущемъ положеніи, безъ долговъ и съ громадою золотой монеты въ казнѣ. Ея православіе было искренно, и наружныя проявленія ея вѣрованій были по обычаю и по сердцу

числѣ былъ даже князь Яковъ Долгоруковъ), и мало по малу заращдалась мысль о необходимости его *стереть* для огражденія государственнаго зданія, воздвигнутаго съ такимъ усиліемъ и любовію. Батюшка находилъ, что записки Гордона не должно бы отвергать такъ рѣшительно, и что Петръ дѣйствовалъ по суровому чувству долга, съ какимъ Брутъ, въ древнемъ Римѣ, приговорилъ къ смерти своихъ сыновей; что же касается до пытки, то въ прежнія времена не понимали *допроса* иначе, какъ *посредствомъ* пытки. По-французски даже и выражались: „la question“. Такъ смотрѣлъ на это дѣло отецъ мой.

ея подданныхъ. Увѣряли, что, рѣшившись на переворотъ противъ Анны Леопольдовны, она дала обѣщаніе не казнить смертною казнію никого изъ своихъ противниковъ. Это преданіе подтверждается закономъ, уничтожающимъ смертную казнь вообще. Можно возразить, конечно, что казни ужасныя совершались при ней изъ за-пустяковъ, что, напримѣръ, Лопухиной былъ *вырванъ языкъ палачемъ* за то особенно, что она говорила непочтительно объ Елисаветѣ, хвастаясь, что она сама красивѣе императрицы. Съ другой стороны, развратъ ея превосходилъ всякое воображеніе. Съ искренней вѣрою, какъ могли соединяться такія дѣла и такіе нравы?

Вообще, судя о прошлыхъ временахъ и поколѣніяхъ, мы слишкомъ привыкли судить по современному не имъ, а *намъ*, нынѣшнему направленію ума, по современнымъ намъ нравамъ, забывая, какъ неизмѣримо много значитъ среда, въ которой вращается человѣкъ, какъ онъ зависимъ отъ современныхъ *ему* воззрѣній. Конечно, еслибы наша вѣра была чиста и крѣпка, какъ вѣра первыхъ христіанъ, и мы бы словомъ и дѣломъ были истинные послѣдователи Христа, мы могли бы находить такія противорѣчія непостижимыми и не довѣрять тѣмъ историческимъ лицамъ, которыхъ вѣрованія не высказывались во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Но вспомнимъ, что Елисавета Петровна родилась и жила среди двора и семьи Петра и Екатерины I-й, жила во времена Регента Орлеана и Людовика XV; вспомнимъ, какіе были нравы при всѣхъ дворахъ Европы, съ которой мы брали примѣръ; вспомнимъ неминуемый законъ реакціи, который лежитъ въ основаніи человѣческой природы, и вспомнимъ, изъ какой рабской неволи и притупляющей монотонности жизни только что высвободились женщины знатныхъ и царскихъ семействъ у насъ. Вспомнимъ все это, и мы поймемъ, что на Елисавету Петровну могли смотрѣть иначе, нежели мы на нее смотрѣли бы теперь, какъ на чудовищное явленіе порока, а часто и жестокости. Мы поймемъ, что, напротивъ, ее цѣнили высоко; мы поймемъ, что она искренно вѣровала, искренно каялась и тотчасъ же начинала опять грѣшить. Да не то ли самое повторяется ежедневно, ежеминутно съ большинствомъ самыхъ искреннихъ христіанъ? Въ другомъ видѣ, съ другимъ, добропорядочнымъ образомъ жизни, со строгостью нравовъ и утонченной филантропіей нашихъ дней, неужели мы не лжемъ самимъ себѣ и Богу, когда мы такъ хлопотливо холодны въ нашихъ благотвореніяхъ, такъ жестки въ нашихъ сужденіяхъ, такъ горды своимъ просвѣщеніемъ, такъ своевольны въ своихъ мнѣніяхъ и мѣримъ такою разною мѣрою въ отношеніи къ нашимъ друзьямъ или противникамъ? Развѣ все это христіанское дѣло? А все-

таки и мы, дѣлающіе эти *приличныя* беззаконія, вѣруемъ искренно, каемся и опять впадаемъ въ тѣже грѣхи!

И такъ ее точно любили, и любили за ея *православіе*, за ея *милосердіе*, за *сравнительную* мягкость, за *сравнительную* свободу дѣйствій, которую получили при ней; и все-таки она первая во всемъ христіанскомъ мірѣ, со временъ Владимира, *отмѣнила смертную казнь*. Какъ ни ужасны были наказанія при ней и послѣ нея, и хотя въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ изъятія, и смертная казнь бываетъ у насъ: все-таки самое *начало* безкровнаго суда говорило сердцу и воображенію и, въ самомъ дѣлѣ, было великое основаніе для закона новаго, до котораго только въ наши дни додумались Европейскіе филантропы-юристы, да и то не всѣ.

Отецъ мой вообще былъ такого мягкаго и человѣколюбиваго нрава, что съ трудомъ могъ рѣшиться смѣнить пьянаго лакея; однако онъ думалъ, что смертная казнь, сама по себѣ, можетъ находить мѣсто въ законодательствѣ. Онъ полагалъ, что она менѣе ужасна, чѣмъ иныя наказанія, какъ наприм. *одиночное* заключеніе, или тѣлесныя наказанія, какъ *кнутъ*, который тѣмъ былъ особенно жестокъ, что зависѣлъ совершенно отъ произвола: могъ убить человѣка, или могъ не причинить ему даже боли. Достовѣрно, что одинъ любознательный иностранецъ однажды заплатилъ большую сумму палачу, чтобы тотъ ему доказалъ на дѣлѣ, что можетъ разорвать рубашку на спинѣ человѣка и не коснуться его кожи. Увѣряютъ, что палачъ исполнилъ этотъ фокусъ на спинѣ самого иностранца. Объ этихъ отвратительныхъ вещахъ теперь, слава Богу, можно вспоминать хотя съ содраганіемъ, но безъ той глубокой тоски, которая брала меня въ то время, когда еще не была отмѣнена торговая казнь. Отецъ мой всегда съ омерзѣніемъ и негодованіемъ говорилъ объ этой казни и постоянно старался объ отмѣненіи ея. Смертная казнь, по его мнѣнію, менѣе жестока для самаго преступника, и вмѣстѣ несомнѣнно и вѣрно защищаетъ честныхъ людей (большинство общества) отъ новыхъ покушеній преступниковъ, повторяющихся періодически у насъ побѣгами ссыльныхъ и каторжниковъ. Но онъ говорилъ, что *однако* онъ всегда будетъ противъ возстановленія смертной казни *въ Россіи*, потому что отмѣна ея была изъ числа тѣхъ мѣръ, которыхъ можно не принимать, но разъ *принявши* нельзя снова отмѣнить безъ потрясенія общаго довѣрія, а безъ довѣрія самыя основы государства колеблятся. Такой *даръ*, какъ судъ безъ смертнаго приговора, разъ полученный народомъ отъ одного изъ государей, долженъ всегда сохраняться *въ основаніи* законодательства, хотя военный судъ и временныя исключенія бываютъ необходимы въ данныхъ об-

стоятельствахъ. Потому онъ настаивалъ, чтобы военное положеніе было *сперва* объявлено всякій разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ признается скорбная необходимость временнаго примѣненія смертной казни къ особенно опаснымъ преступленіямъ. Не мое дѣло судить о такихъ вещахъ; но мнѣ кажется, что когда-нибудь придетъ время, когда смертная казнь исчезнетъ всюду изъ христіанскаго общества *въ нормальномъ* состояніи края, коль скоро есть время на хладнокровное размышленіе. Разумѣется, въ болѣзненномъ состояніи общества, когда свирѣпствуютъ война и междоусобія, поневолѣ приходится силою противустоять силѣ и защищаться чѣмъ попало. Это женское воззрѣніе, конечно, не имѣетъ вѣсу; но Елисавета Петровна по женскому смотрѣла на этотъ вопросъ, и ей были благодарны.

Послѣ 16 лѣтъ придворныхъ переворотовъ и безжалостнаго деспотизма временщиковъ, вся Россія вздохнула и просіяла. Дѣдъ мой съ восхищеніемъ наслаждался спокойствіемъ и внутреннимъ миромъ этого времени, и все это *разцвѣтаніе*, эти начатки художествъ и наукъ, эти лекціи, эти театры, эти картины великихъ мастеровъ, которыя начинали привозить изъ-за границы, эти живые образцы утонченности свѣтской, которые являлись изъ Парижа, эти архитекторы, живописцы, пѣвцы, актеры, которые вносили съ собою, если не всегда чистый, то все-таки художественный элементъ въ нашу общественную жизнь (между тѣмъ, какъ блистательныя побѣды нашихъ войскъ надъ первымъ полководцемъ того времени Фридрихомъ Великимъ, взятіе Кенигсберга и Берлина, покрывали громкой славой имя Русское): все это 16-лѣтнему юношѣ открывало цѣлый міръ прекрасныхъ ощущеній, и на портретѣ его, писанномъ не много лѣтъ позднѣе, видятся спокойствіе и мирное счастіе. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1742 года, какъ я уже говорила, когда еще свѣжа была память объ ужасахъ и темномъ, тяжеломъ давленіи въ моральномъ воздухѣ передъ тѣмъ.

Одинъ изъ родственниковъ его (никакъ не могу вспомнить его имени) разсказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертію Анны Іоанновны. Этотъ разсказъ, часто повторяемый, однакожъ долженъ найти мѣсто въ моей коллекціи чудесныхъ случаевъ и привидѣній. Вотъ какъ разсказывалъ мой дѣдъ. Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь Троицкое подворье, въ покояхъ митрополита Московскаго. Караулъ стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась *во внутренніе покои*, говоря сло-

вами гофъ-фурьерскихъ записокъ. Все стихло. Было уже за полночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Онъ видитъ, что императрица Анна Іоанновна ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ, какъ вкопанный, рука на прикладѣ, весь взводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается идти дальше залы и не смѣя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, дерзаетъ наконецъ пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что̀ случилось. Не можетъ быть, говоритъ герцогъ: я сейчасъ отъ Императрицы, она ушла въ спальню ложиться.

— Взгляните сами: она въ тронной залѣ.

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее. —Это какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подѣйствовать на солдатъ! вскричалъ онъ, кинулся къ Императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно съ дурнымъ намѣреніемъ. Императрица рѣшилась выйти, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ пошелъ съ нею. Они увидѣли женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. Дерзкая! вскричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Молодой офицеръ, товарищъ моего дѣда, своими глазами увидѣлъ *двѣ Анны Іоанновны*, изъ которыхъ настоящую, живую, можно было отличить отъ другой только по наряду и потому, что она взошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, пошла къ этой женщинѣ и спросила: Кто ты? Зачѣмъ ты пришла? Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ Императрицы, отступая въ направленіи къ трону и, наконецъ, все-таки лицомъ къ Императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахинъ. Это дерзкая обманщица! Вотъ Императрица! Она приказываетъ вамъ, стрѣляйте въ эту женщину, сказалъ Биронъ взводу. Изумленный, растерявшійся офицеръ скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина, стоявшая на ступеняхъ у самаго трона, обратила глаза еще разъ на Императрицу и исчезла. Анна Іоанновна повернулась къ Бирону, сказала:—Это моя смерть! поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ.

Это одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ. Очень мнѣ досадно, что я забыла имя офицера, который былъ очень близокъ къ дѣду и самъ передавалъ ему всѣ подробности не долго послѣ этого неразгаданнаго случая. Черезъ нѣсколько дней или часовъ Анна Іоанновна скончалась, я тоже не запомню срока (для меня, вообще числа и собственныя имена всегда было трудно запомнить, между тѣмъ какъ обстоятельства, слова и мысли остаются живо и крѣпко въ памяти до сихъ поръ). Много слышали отецъ мой и мать про царствованіе Елисаветы, про образъ тогдашней жизни, и батюшка говаривалъ, бывало, что не удивишься легкости нравовъ Екатерины II, когда подумаешь, въ какой моральный омутъ привезли 14-ти лѣтнюю красавицу-принцессу, и выдали ее за человѣка, еле вышедшаго изъ отрочества, не способнаго цѣнить ея умъ и блистательныя качества, и уже испорченнаго той придворной средой, въ которой онъ жилъ.

Сама Елисавета была замужемъ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; это достовѣрно, и батюшка слышалъ отъ близкихъ Разумовскому людей, что, когда Орловъ пріѣхалъ къ нему послѣ смерти Елисаветы Петровны и, съ задней мыслію воспользоваться примѣромъ, спросилъ, есть ли у него документъ о совершеніи брака, то онъ досталъ свидѣтельство и при Орловѣ сжегъ его въ каминѣ. Всѣ друзья и родственники Разумовскаго были совершенно увѣрены въ истинѣ этого благороднаго порыва, а преданіе гласитъ, будто въ память своего бракосочетанія Императрица украсила вызолоченнымъ вѣнцомъ (короною) церковь, въ которой вѣнчалась съ нимъ въ Москвѣ. Разумовскій, какъ извѣстно, былъ простой казакъ Малороссійскій и придворный пѣвчій. Онъ плѣнилъ своимъ голосомъ Елисавету, а сдѣлавшись ея мужемъ, онъ за собою привлекъ ко двору и семью, и родство, и другихъ Малороссіянъ, которые сдѣлали менѣе блистательную карьеру, но все же пошли въ чины. Одинъ изъ такихъ, бывшій пѣвчій съ глубокимъ басовымъ голосомъ, дослужился до д. ст. совѣтника, не отличившись ничѣмъ, и разъ, споря съ однимъ неважнымъ по своему положенію дворяниномъ, сказалъ:—Вѣдь я генералъ.—Какой ты генералъ, отвѣчалъ тотъ: ты развѣ генералъ-басъ.

Эти легкія карьеры, сдѣланныя безъ заслугъ, по одной протекціи фаворита, произвели дурное впечатлѣніе на столбовое дворянство, Петербургское и Московское, и дали поводъ многимъ думать, что въ Малороссіи нѣтъ древняго дворянства, тогда какъ, напротивъ, изъ этой колыбели Руси происходятъ самые древніе роды наши. Но, въ моемъ дѣтствѣ, многіе при мнѣ говорили не разъ, чуть ли не съ такимъ сомнѣніемъ, о дворянскомъ происхожденіи Малороссійскихъ фамилій, какъ о графскомъ титулѣ Поляковъ. Признавали однако до-

стоинство генеалогіи нѣкоторыхъ знатныхъ и высокозаслуженныхъ вельможъ, какъ напр. Безбородки, Кочубея, но на остальныхъ смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ ихъ кліентовъ (въ Римскомъ смыслѣ слова), и я запомнила еще съ тѣхъ поръ риемованную будто бы родословную выходцевъ изъ южнаго края:

Безбородко роди Кочубея,
Кочубей роди Комбурлея,
Комбурлей роди Гамалея,
Гамалей роди Кравченко,
Кравченко роди Марченко,
Марченко роди пана Толдча и пр.

Впрочемъ, Петербургское высшее общество, какъ видно, смотрѣло на свой кружокъ, какъ на единственно аристократическій, и даже какъ на единственно порядочный. Помню, не одинъ разъ слышала я такія рѣчи: Манеры и тонъ общества совсѣмъ испортились съ тѣхъ поръ, какъ вся Москва переѣхала сюда послѣ пожара. Вообще, странныя у насъ воззрѣнія на этотъ счетъ. Батюшка, бывало, говаривалъ, что мы имѣемъ дворянство *историческое* изъ самыхъ древнихъ родовъ Европы (съ 862 года), а у насъ однако образовалась аристократія *самозванная*, преоригинальная. Вы находите или *находили* во всѣхъ земляхъ аристократію политическую, привилегированную, или аристократію таланта и образованія; но у насъ не признается ни одна изъ нихъ, а есть аристократія чисто-салонная, une aristocratie de coterie. Разумѣется, мнѣнія на этотъ счетъ рознятся; но по мнѣ, это не дурно, хотя иногда смѣшно. Не дурно, что у насъ двери настежъ въ эту безвредную, самообольщающуюся салонную среду, между тѣмъ какъ каждый, даже изъ знаменитѣйшихъ родовъ нашей исторіи, долженъ самъ завоевывать политическое положеніе своею службою. И все-таки *въ основаніи* лежитъ драгоцѣнное начало, даже если оно часто становится только юридической фикціею: это правило, что образованіемъ (экзаменомъ) и трудомъ (службою) всякій можетъ дойти до высшей степени политической дѣятельности и вліянія, и что нѣтъ замкнутаго сословія у насъ. Гдѣ нѣтъ замкнутости, тамъ нѣтъ и ненависти между сословіями, хотя, конечно, ничто не исключаетъ и не искореняетъ мелкихъ страстей человѣческаго общества, и хотя у насъ, какъ вездѣ, завидуютъ и ревнуютъ къ салоннымъ и придворнымъ успѣхамъ, и бранятъ людей высокопоставленныхъ на службѣ, и завидуютъ имъ; но все же каждый порядочный человѣкъ знаетъ, что нѣтъ серьознаго, неодолимаго препятствія, которое бы мѣшало ему пробивать себѣ дорогу вверхъ. Это меня много утѣшаетъ, когда ви-

жу смѣшную сторону нѣкоторыхъ нашихъ аристократовъ. Истинно же радуетъ меня всякій примѣръ твердой, терпѣливой и бодрой жизненной борьбы съ невыгодной обстановкой въ молодости человѣка, дошедшаго до высокаго политическаго положенія, будь этотъ человѣкъ столбовой дворянинъ, или простолюдинъ вчерашній. Замѣчательно, какъ много изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ людей, моего знакомства, въ молодости перебивались съ трудомъ для достиженія даже наинужнѣйшихъ средствъ къ жизни, и какъ много эта нужда, эти лишенія въ молодости способствовали къ закалу ихъ души, ихъ способностей и характера. Бѣдность, даже мимоходная, которая заставляетъ работать, если она честно и бодро выдержана, возвышаетъ человѣка на столько же, на сколько совершенная нищета и безпорядокъ, который въ ней гнѣздится, растлѣваютъ самыя лучшія натуры. Впрочемъ, всякая крайность разрушаетъ гармонію естественныхъ законовъ мірозданія; и какъ крайность нищеты, такъ и крайность богатства, матеріальнаго преизбытка, развращаетъ человѣка. Есть безстыдство богача, точно также какъ безстыдство нищаго. Одинъ думаетъ, что онъ въ правѣ *все купить*, другой, что въ правѣ *всего просить*; высокомѣріе одного и наглость другаго равно унизительны для человѣческаго достоинства и, въ сущности, тотъ и другой-жалкія творенія. Мальчикъ оборванный, таскающійся по грязи и протягивающій руку съ плаксивою просьбою о копѣйкѣ въ компаніи съ пьяными бабами и притворными калеками, можетъ быть не въ бóльшей степени развратится, нежели въ *своемъ родѣ* развратится малолѣтній милліонеръ, окруженный со дня рожденія льстецами и угодниками всякаго возраста и пола, утопающій въ нѣгѣ и своеволіи съ самой колыбели, незнающій противорѣчія, ни препятствія въ исполненіи своихъ прихотей. Видала я съ болью сердечной, какъ грязли и заглушались лучшіе порывы гордыхъ и чистыхъ натуръ подъ невыносимымъ гнетомъ нищеты; такъ точно, какъ знала я жалкихъ богачей, у которыхъ заглохли всѣ лучшія стремленія души отъ поклоненія собственному могуществу, чисто-матеріальному могуществу золота, и отъ подобострастія личныхъ эксплуататоровъ. Такъ было во всѣ періоды исторіи человѣчества, такъ есть и теперь, такъ было и во время Елисаветы. Это могущество богатства, соединенное со всемогуществомъ власти, не могло не вскружить головы тогдашнимъ временщикамъ.

Вся же масса дворянства, составляющая огромное большинство землевладѣльцевъ (монастыри и церкви владѣли, кажется, около десятой части населенныхъ имѣній), масса дворянства была рѣшительно и долгое время представительницей умственнаго движе-

нія въ Россіи. Въ теченіе столѣтія и больше, можно по истинѣ называть дворянство *передовымъ* сословіемъ. Это сословіе однако въ массѣ своей не отрывалось совершенно отъ народа по своимъ вѣрованіямъ и религіознымъ обычаямъ, и одинъ иностранецъ, побывавши во внутреннихъ губерніяхъ лѣтъ двадцать назадъ, былъ пораженъ тѣмъ, что наше дворянское сословіе, разнящееся отъ народа во всѣхъ наружныхъ пріемахъ жизни, отъ платья и прически до языка, вдругъ, въ церкви, является совершенно такимъ же, какъ самъ необтесанный мужикъ, и кладетъ земные поклоны, прикладывается къ иконамъ или мощамъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица, оставившимъ иностранцу впечатлѣніе полной искренности. Еслибъ онъ заглянулъ поближе въ ихъ домашнюю жизнь, то увидѣлъ бы и тутъ больше сходства съ народомъ, нежели бы онъ могъ понять. Въ этой массѣ стараго (однако *непридворнаго*) дворянства, служившаго непремѣнно въ военной службѣ, не могло быть страшнаго своеволія богатыхъ сосѣдей его. Походы же въ Пруссію и Швецію пріучили къ дисциплинѣ, къ нѣкоторой выдержкѣ, и расширили умственный горизонтъ. Хорошія натуры облагораживались, а, возвращаясь еще молодыми въ свои помѣстья, не успѣвали совершенно переродиться въ иностранцевъ. Сохранялась, это правда, нѣкоторая сословная гордость; но она никакъ не мѣшала чистосердечно смотрѣть на прислугу, напримѣръ, на *домочадцевъ*, какъ на что-то въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ; давая слугѣ потасовки собственноручно, все-таки баринъ не требовалъ отъ него службы *автомата*, не считалъ, что, платя ему жалованье и кормя его по положенію контракта, можетъ смотрѣть на него, какъ на вещь, на машину, и не справляться никогда о человѣческой сторонѣ этой машины, о его чувствахъ, горестяхъ и радостяхъ душевныхъ, о его отношеніяхъ къ барину, какъ къ человѣку же, какъ это становится принято въ иныхъ домахъ хорошаго тона, или какъ прикидываются, что оно принято. Не думаю, чтобы мы въ сущности когда-либо дошли до этого верха безобразія.

Все вышесказанное далеко не ново; но я записываю, какъ живое преданіе, какъ образцы мыслей чувствъ и мнѣній, дошедшіе до родителей моихъ, непосредственно отъ современниковъ и дѣйствовавшихъ лицъ, а не какъ *возстановленіе заднимъ числомъ* духа эпохи по документамъ всякаго рода, даже по памфлетамъ и доносамъ, что̀ случается встрѣчать слишкомъ часто въ сочиненіяхъ, даже научныхъ. Карамзинъ говаривалъ отцу моему не разъ, какъ надо быть осторожнымъ въ оцѣнкѣ лицъ и событій прошлаго времени, остерегаться собственнаго увлеченія при изученіи современныхъ описаній и одностороннихъ разсказовъ, а надо принимать во вниманіе совокупность показа-

ній и глубоко укоренившійся общій взглядъ на лица и на событія, когда этотъ взглядъ *переходитъ въ сознаніе народное.* Карамзинъ говорилъ ему, напримѣръ, что хотя точныхъ доказательствъ нѣтъ противъ Бориса Годунова въ дѣлѣ убіенія царевича Димитрія, однако у него полное внутреннее убѣжденіе въ его соучастіи, убѣжденіе, исходящее отъ того, что, изучая исторію вообще, онъ проникнулся мыслью, что не можетъ остаться осужденнымъ во мнѣніи своего народа, въ теченіе двухъ столѣтій, историческое лицо, оклеветанное *невинно*. Онъ полагалъ, что потомство есть своего рода кассаціонный судъ, который разбираетъ *инстинктивно* дѣла̀ прошедшихъ временъ (своего народа, разумѣется) и что есть великая историческая правда, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, правда Божія, возстановляющая честь и невинность тѣхъ дѣятелей, которыхъ имена пострадали только отъ страстей и злобы, или отъ предразсудковъ современниковъ, и что, по словамъ Іоанна Миллера, die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht *).

Такъ точно и въ обратномъ отношеніи, Карамзинъ почиталъ чистыми и достойными тѣ лица, которыя, какъ Димитрій Донской, какъ Скопинъ Шуйскій, какъ Пожарскій, какъ Мининъ, оставили свѣтлую и святую память по себѣ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, не смотря на современныя одиночныя обвиненія, Карамзинъ (осуждать котораго теперь въ модѣ) понималъ всю увлекательность *исторической находки*, открытія новаго документа; но онъ крайне осторожно обращался съ такими открытіями, тщательно сравнивая и критически разбирая каждое изъ нихъ; потому что на задачу историка онъ смотрѣлъ, какъ на великое, святое служеніе истинѣ и отечеству, требующее безпристрастія и обдуманности судьи, ставящаго окончательно на видъ всю совокупность показаній, уликъ и моральнаго убѣжденія въ дѣлѣ, представляемомъ къ приговору этого великаго суда присяжныхъ—потомства: потомства, которое не должно подкупать, льстя его минутнымъ страстямъ, ни обольщать блескомъ и увлекательностью изложенія.

(1870).

(Съ дозволенія графини А. Д. Блудовой перепечатано вновь изъ журнала «Заря» 1871 и 1872 годовъ).

---

*) Всемірная исторія есть всемірное судьбище.

Фото-гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

III. *)

Положеніе наше на Кавказѣ въ 1856 году.—Реорганизація военнаго управленія.—Выборъ главныхъ начальствующихъ лицъ.—Очеркъ начавшейся, послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, военной дѣятельности.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о военной дѣятельности князя Барятинскаго, въ періодъ его главнаго командованія Кавказскою арміею, считаю необходимымъ бросить взглядъ на положеніе наше на Кавказѣ въ это время. Край былъ раздѣленъ, по мысли князя Барятинскаго, на пять главныхъ отдѣловъ. Сѣверная часть Кавказа, омываемая Кубанью съ одной и берегомъ Чернаго моря съ другой стороны, составляла правое крыло Кавказской линіи: другая часть, между Терекомъ и Андійскимъ хребтомъ (значительнѣйшая вѣтвь главнаго хребта) составляла лѣвое крыло. Пространство на Востокѣ отъ послѣдняго, между рѣками Сулакомъ и Самуромъ, омываемое берегомъ Каспійскаго моря съ Сѣвера и простирающееся до главнаго Кавказскаго хребта, составляло Прикаспійскій край (Дагестанъ); а за Кавказомъ, между Нухой и верховьями Алазани и Аргуна, по южному подножью главнаго хребта, тянулась такъ называемая Лезгинская кордонная линія. На Западѣ же Закавказье, по Абхазскому берегу Чернаго моря, включая южные отроги хребта, съ Цебельдой, Сванетіей, Джигетомъ и пр., образовало управленіе Кутаискаго генералъ-губернатора.

На правомъ крылѣ мы занимали линію по всему теченію Кубани и за этой рѣкой по Лабѣ, частью по Урупу, и одинъ передовой пунктъ на Бѣлой; берегъ же Чернаго моря,

*) См. XII-ю книжку „Русскаго Архива“ 1888 года.

какъ уже разсказано выше, во время войны съ Турками и ихъ союзниками, отъ нашихъ укрѣпленій былъ очищенъ. Всѣ Черкескія племена, численностью до 400,000 душъ, оставались независимыми; для ихъ покоренія, вообще, рѣшительныхъ мѣръ предпринято еще не было, и дѣйствія 1830-хъ годовъ прочныхъ слѣдовъ не оставили. Все достигнутое нами на Западномъ Кавказѣ, до границъ Абхазіи, можно было назвать лишь стѣсненіемъ горцевъ въ пользованіи значительной полосой земли на плоскости между Кубанью и Лабой, что̀ ограничивало въ нѣкоторой степени возможность крупныхъ набѣговъ на наши поселенія.

На Лѣвомъ крылѣ Затеречное пространство, до подножія Черныхъ горъ, между Владикавказомъ и крѣп. Воздвиженскою на Аргунѣ, было въ нашихъ рукахъ; оно прикрывалось рядомъ казачьихъ станицъ по Сунжѣ и линіею укрѣпленныхъ постовъ вдоль подошвы горъ. Враждебное населеніе этой части страны (Малая Чечня) выселилось за Сунжу въ труднодоступныя ущелья Черныхъ горъ и не переставало постоянно тревожить насъ хищническими вторженіями. На пространствѣ же отъ крѣп. Воздвиженской на Востокъ до предѣловъ Салатавіи въ Дагестанѣ (Большая Чечня), хотя и были достигнуты значительные успѣхи, особенно въ періодъ дѣйствій 1850—1853 годовъ, когда проложеніе въ разныхъ направленіяхъ широкихъ просѣкъ открыло намъ свободный доступъ въ глубь Чечни и на столько стѣснило ея населеніе въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, что оно вынуждено было начать выселенія къ намъ; но о полномъ овладѣніи этою обширною частью страны и покорности ея жителей можно было строить предположенія лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Для связи Лѣваго крыла съ сосѣднимъ Дагестаномъ, чрезъ Кумыкскую плоскость, у подножія Качкалыковскаго хребта, мы имѣли укрѣпленія: Куринское, Герзель-аулъ, Хасавъ-юртъ и Внезапную, построенную еще Ермоловымъ въ 1819 году; а на Сулакѣ—Чиръ-юртъ, входившій уже въ раіонъ Прикаспійскаго края.

Отъ Чиръ-юрта черта, разграничивавшая насъ съ главною массою непокорныхъ племенъ, проходила на укрѣпленія: Евгеніевское, Темиръ-ханъ-шуру, Ишкарты, Аймяки, Ход-

жалъ-Махи, Казикумухъ до Ахты, на верховьяхъ Самура. Линія эта, весьма слабая по условіямъ мѣстности и необезпеченная ни естественнымъ рубежемъ, ни выдвинутыми впередъ укрѣпленными пунктами, мало прикрывала Прикаспійскую плоскость отъ вторженій горцевъ, тѣмъ болѣе при сочувствіи здѣсь сплошнаго мусульманскаго населенія мюридизму, и вызывала въ продолженіи каждаго лѣта сборы особыхъ отрядовъ, для охраненія плоскости. Прежнія нѣсколько-лѣтнія дѣйствія для овладѣнія непріятельскими укрѣпленными аулами (Гергебиль, Салты, Чохъ), стоившія большихъ жертвъ, не имѣли никакого результата.

Что же касается до Лезгинской линіи, цѣль которой была защищать Грузію отъ нападеній Лезгинъ, то, не взирая на всѣ старанія наши, она почти не оправдывала своего назначенія, и еще въ 1854 году (какъ разсказано въ главѣ XX-й I-го тома) вторженіе въ Кахетію Шамиля, плѣненіе княгинь Чавчавадзе и многихъ Грузинъ заставляли иногда опасаться даже за самый Тифлисъ.

Такимъ образомъ, достаточно взгляда на карту непокорной части Кавказа въ 1856 году, чтобы видѣть, какъ далеко мы были не только отъ окончательнаго покоренія враждебныхъ горцевъ, составлявшихъ около милліона душъ, но даже отъ прочнаго обезпеченія нашихъ собственныхъ предѣловъ противъ набѣговъ, разоренія и возмущенія покорнаго мусульманскаго населенія. Горцы были еще слишкомъ слабо стѣснены; они владѣли еще достаточнымъ количествомъ удобныхъ земель, чтобы существовать безъ особой нужды. Наши блокадныя линіи были мало удовлетворительны, и хотя на Кавказѣ содержалась армія въ 250 тысячъ человѣкъ (кромѣ прикомандированныхъ на время войны съ Турціею), но, при линіи передовыхъ укрѣпленій на пространствѣ болѣе 600 верстъ на одномъ восточномъ театрѣ дѣйствій, войскъ не хватало иногда для самыхъ важныхъ, неотложныхъ дѣйствій, примѣромъ чему можетъ служить разсказанный въ главѣ XVIII-й I-го тома эпизодъ, вынудившій кн. Барятинскаго даже оставить свой постъ начальника Лѣваго фланга. Впрочемъ, нельзя умолчать, что не одинъ недостатокъ войскъ и матеріальныхъ средствъ были причиною такого

положенія нашего на Кавказѣ: недостатокъ прочно выработанной системы дѣйствій, для достиженія ясно опредѣленной цѣли, колебанія, непослѣдовательность предпринимаемыхъ мѣръ, были также не меньшимъ поводомъ неудовлетворительности достигнутыхъ въ теченіи 57 лѣтней борьбы результатовъ.

Наиболѣ нужнымъ, послѣ назначенія главнокомандующимъ, князь Барятинскій считалъ — осуществленіе реорганизаціи всего военнаго управленія на Кавказѣ. Это было однимъ изъ наиважнѣйшихъ условій успѣха въ предпринятомъ имъ великомъ дѣлѣ.

Я уже упоминалъ, что, еще бывши начальникомъ Лѣваго фланга [1]), князь Барятинскій установилъ свой взглядъ на систему, которой слѣдовало бы держаться для достиженія цѣли. Еще въ 1852 году составилъ онъ обширную записку объ устройствѣ военныхъ управленій на Кавказѣ, сообразно съ мѣстными условіями, и приписывалъ этому успѣшный ходъ водворенія Русскаго владычества въ краѣ [2]). Записку эту князь, по дружественному расположенію, сообщилъ Слѣпцову, а тотъ доложилъ объ ней князю Воронцову, который и потребовалъ ее отъ князя Барятинскаго. Однако

---

[1]) Покойный генералъ-адъютантъ баронъ А. Е. Врангель разсказывалъ пишущему эти строки, что въ 1853 году, когда баронъ пріѣхалъ на Лѣвый флангъ для замѣщенія кн. Барятинскаго, послѣдній развивалъ предъ нимъ свои мысли о системѣ дѣйствій для покоренія Кавказа, и эта система буквально была примѣнена княземъ по назначеніи его главнокомандующимъ.

[2]) Тогда же онъ составилъ еще и другую записку объ упрощеніи управленія въ арміи вообще. Изъ сохранившейся собственноручной замѣтки фельдмаршала видно, что эта записка послужила гораздо позже основаніемъ той части военной реформы Д. А. Милютина, въ силу которой были упразднены корпуса и бригады. Впослѣдствіи, когда возникли нареканія за упраздненіе корпусовъ, графъ Милютинъ ссылался на то, что это была мысль князя Барятинскаго, а не его. Но дѣло въ томъ, что князь Барятинскій выразилъ свой взглядъ въ общихъ чертахъ, безъ разработки подробностей, полагая, что онъ будетъ еще обсуждаться цѣлымъ комитетомъ компетентныхъ военныхъ людей и можетъ подвергнуться измѣненіямъ,—а главное—князь, находя въ мирное время излишними корпусныхъ командировъ, не упразднялъ однако главнокомандующихъ арміею, т. е. не лишалъ ихъ правъ и значенія, этому высокому званію присущихъ, какъ это было сдѣлано при реорганизаціи арміи въ 60-хъ годахъ (Повторяю слова собственноручной замѣтки фельдмаршала).

хода ей не было дано. Въ 1855 году записку потребовалъ генералъ Муравьевъ, и князь представилъ ее съ нѣкоторыми дополненіями, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ. Но опять хода ей дано не было, оба раза, какъ оказалось послѣ, вслѣдствіе недоброжелательныхъ происковъ и зависти.

Съ восшествіемъ на престолъ, императоръ Александръ II самъ потребовалъ эту записку, обратилъ на нее особое вниманіе и передалъ для подробнаго разсмотрѣнія и доклада военному министру. Князь Долгоруковъ, опровергая основательность предположеній князя Барятинскаго, имѣлъ по этому поводу съ нимъ личное совѣщаніе, и когда ему княземъ была доказана несостоятельность его опроверженій, военный министръ долженъ былъ признаться, что руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Милютинъ. Чтобы облегчить военному министру трудъ по составленію доклада Государю, князь Барятинскій просилъ познакомить его съ генер. Милютинымъ. Послѣ первыхъ же объясненій, Д. А. Милютинъ отказался отъ *внушенной ему генераломъ Вольфомъ* точки зрѣнія, нашелъ предположенія князя непогрѣшимыми и, вслѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича главнокомандующимъ, принялъ должность начальника главнаго штаба на Кавказѣ. (Переписка князя съ Д. А. Милютинымъ по поводу назначенія помѣщена въ Приложеніи). Такимъ образомъ, осуществились наконецъ предположенія князя Барятинскаго, послужившія краеугольнымъ камнемъ послѣдующаго грандіознаго успѣха.

Существовавшее до того времени военное раздѣленіе Кавказа основывалось на потребностяхъ давно минувшей эпохи, когда цѣлью военныхъ дѣйствій было только охраненіе нашихъ предѣловъ, или наказаніе хищныхъ обществъ, не составлявшихъ еще ничего сплоченнаго. Съ тѣхъ поръ мелкія враждебныя племена слились въ одинъ общій союзъ на восточномъ Кавказѣ, а на западномъ образовали нѣсколько конфедерацій; непріятель вездѣ сталъ сильнѣе каждаго изъ противупоставленныхъ ему военныхъ начальниковъ, связанныхъ между собою только властью удаленнаго отъ театра войны главнокомандующаго. Отдѣльные и слабые раіоны подвергались дѣйствительной опасности при вторже-

ніи значительнаго непріятельскаго скопища, возмущавшаго туземное населеніе; потому-что не всегда можно было разсчитывать на своевременность сборовъ и даже на совершенную готовность въ помощи сосѣдняго военнаго начальника, предоставленнаго собственному произволу и занятаго своими мѣстными дѣлами. При наступательныхъ дѣйствіяхъ оказывались тѣже самые недостатки раздробленія власти. Нельзя было предпринять никакой значительной операціи силами одного раіона; надобно было брать войска изъ раіоновъ сосѣднихъ, парализуя совершенно эти послѣдніе на все продолженіе операціи. Мѣстные начальники, располагая недостаточными средствами, никогда не могли пользоваться обстоятельствами. Власть, предоставленная командующему войсками Кавказской линіи, на дѣлѣ оказывалась совершенно безполезною,—во первыхъ, потому, что онъ былъ удаленъ отъ главныхъ театровъ войны столько же, какъ и самъ главнокомандующій; во вторыхъ, потому, что съ того времени, какъ мюридизмъ возжегъ ожесточенную войну на восточномъ Кавказѣ и придалъ ей единство, подставляя нашимъ ударамъ одно слитое тѣло, соединеніе подъ одною мѣстною властью военныхъ дѣйствій за Терекомъ и за Кубанью утратило всякій смыслъ. Война на восточномъ и западномъ Кавказѣ приняла весьма различный характеръ; цѣли наши и образъ дѣйствій въ той и другой странѣ стали совсѣмъ иные. Въ тоже время война въ восточныхъ горахъ требовала единства дѣйствій; а между тѣмъ командующій войсками на линіи, управляя всѣми дѣйствіями на западномъ Кавказѣ, управлялъ только одною третью дѣйствій на восточномъ, потому что Прикаспійскій край и Лезгинская линія не были ему подчинены. Черноморія, вслѣдствіе дурнаго управленія, находилась въ неудовлетворительномъ положеніи; а западные противники наши, не взирая на недавно заключенный въ Парижѣ миръ, сооружали экспедиціи къ восточному берегу Чернаго моря для снабженія горцевъ оружіемъ и порохомъ, для водворенія среди нихъ разныхъ эмиссаровъ и авантюристовъ. Послѣдствіемъ такого положенія вышло, что на практикѣ, при увеличившемся размѣрѣ военныхъ дѣйствій, за командующимъ войсками на Кавказской линіи осталась одна хозяйственная

часть и, кромѣ рѣдкихъ вмѣшательствъ съ его стороны, управленіе войною и краемъ перешло къ начальникамъ раздробленныхъ раіоновъ. Вся группа враждебныхъ горъ окружилась съ нашей стороны поясомъ мелкихъ командованій, не имѣвшихъ никакой самостоятельности. Неудобство такого порядка чувствовалось давно. Еще въ 1847 году нашли необходимымъ соединить подъ одною властью Прикаспійскій край, раздѣленный до того времени между двумя начальниками—южнаго и сѣвернаго Дагестана. Но другія части края, имѣвшія такое же военно-топографическое единство, какъ и Прикаспійскій край, остались раздробленными.

Приступая къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, надобно было, прежде всего, сосредоточить власть въ рукахъ нѣсколькихъ высшихъ начальниковъ, по естественному географическому дѣленію Кавказа, и предоставить въ ихъ распоряженіе всѣ средства подчиненнаго имъ раіона.

Такимъ образомъ, страны и войска вокругъ восточной группы горъ были раздѣлены на три отдѣла: Лѣвое крыло Кавказской линіи, Прикаспійскій край и Лезгинскую кордонную линію. Начальство въ мѣстностяхъ, облегающихъ западный Кавказъ, распредѣлено между двумя главными начальниками: сѣверная сторона, заключающая въ себѣ бассейнъ Кубани, составила Правое крыло Кавказской линіи; изъ земель, лежащихъ на южномъ склонѣ горъ, отъ Сурамскаго хребта до Чернаго моря, образовано Кутаисское генералъ-губернаторство. Каждый изъ этихъ большихъ самобытныхъ раіоновъ имѣлъ свои рѣзко-отличительныя климатическія и мѣстныя условія, особое основаніе военное и продовольственное, и передъ собой — отдѣльный военный театръ, пока, съ дальнѣйшими успѣхами, направленныя съ разныхъ сторонъ наши войска не сошлись въ сердцѣ побѣжденныхъ горъ. Каждый главный начальникъ получилъ достаточныя средства для самостоятельнаго образа дѣйствій. Послѣдствія, какъ теперь очевидно, вполнѣ оправдали эту мѣру.

Необходимость поспѣшить сосредоточеніемъ власти была причиною, что мѣстà командующихъ войсками были созданы ранѣе, чѣмъ могла быть обработана полная система учреж-

деній, истекавшихъ изъ новаго раздѣленія Кавказа. По обширности и разнообразію отдѣловъ, ввѣренныхъ командующимъ войсками, надобно было дать имъ помощниковъ, которые состояли бы во главѣ подраздѣленій края, командуя войскомъ и управляя народомъ. Для командующихъ войсками надобно было создать штабы, въ началѣ еще не организованные, и связать ихъ общею системою съ главнымъ военнымъ управленіемъ: устроить, на новыхъ основаніяхъ, части артилерійскую и инженерную; установить народное управленіе, примѣняя къ дѣлу опытъ, пріобрѣтенный нами въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ туземцами. Наконецъ, сообразно новому устройству отдѣловъ, слѣдовало уравновѣсить главное управленіе арміей такъ, чтобы силы различныхъ частей его соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ и теченію дѣлъ въ каждомъ отдѣлѣ, постоянно примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, которыя столь рѣзко отличали наше военное положеніе на Кавказѣ отъ общаго положенія военныхъ силъ въ Имперіи. Новая система управленія Кавказскою арміею должна была обнять всѣ части, прикосновенныя къ ней, и перестроить ихъ по одному общему плану.

Этотъ обширный трудъ былъ совершенъ въ относительно-небольшой промежутокъ времени, благодаря настойчивости князя Барятинскаго и просвѣщенной энергіи его начальника штаба Д. А. Милютина. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ мелкія подробности всѣхъ этихъ организацій, требовавшихъ однако много труда и сообразительности; но особенно остается указать на устройство весьма практическаго управленія туземнымъ населеніемъ. Были созданы округа, съ начальниками, которымъ подчинялись и войска; а командующіе войсками въ дѣлахъ, до гражданскаго населенія относившихся, облечены правами генералъ-губернаторовъ. Средства для устройства туземцевъ и устраненія непредвидѣнныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ имѣлись всегда подъ рукой: наконецъ, въ Тифлисѣ учреждено особое горское управленіе, вѣдавшее всѣми дѣлами, относившимися къ мусульманскимъ покорнымъ племенамъ.

Послѣ осуществленія предположеній о новомъ раздѣленіи военнаго управленія, само собою, нужно было озаботиться выборомъ лицъ для главныхъ командованій. Князь Барятинскій выказалъ въ этомъ случаѣ одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые свойственны только дѣйствительно умнымъ государственнымъ людямъ. Умѣніе выбирать себѣ помощниковъ, умѣніе отдавать должное по заслугамъ и кстати награждать, качества неоцѣнимыя, къ сожалѣнію рѣдко встрѣчаемыя. Особенно удачны были первыя два назначенія: Д. А. Милютина начальникомъ главнаго штаба и Н. И. Евдокимова командующимъ войсками Лѣваго крыла. При помощи перваго только и можно было съ такимъ успѣхомъ въ короткое время довести всю организацію до требуемаго обстоятельствами положенія и давать ходъ всѣмъ обширнымъ предначертаніямъ, долженствовавшимъ повести къ быстрому, никѣмъ непредвидѣнному, неожидаемому, блистательному концу. Только при помощи втораго можно было достигнуть тѣхъ изумительныхъ успѣховъ, которые привели, менѣе чѣмъ въ три года, къ прекращенію войны на восточномъ Кавказѣ. Какъ геніальна была мысль вести главные удары противъ непріятеля именно изъ Чечни, предоставивъ другимъ раіонамъ лишь роль вспомогательную, такъ геніальнымъ былъ выборъ для этого ген. Евдокимова, оказавшагося настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ. Всѣ давно знали его за способнаго, изучившаго край и туземцевъ генерала, но никто не оцѣнивалъ его такъ высоко, чтобы считать способнымъ на первенствующую роль въ исполненіи грандіознаго плана; только князь Барятинскій, хотя и очень мало вмѣстѣ служившій съ Евдокимовымъ, угадалъ въ немъ именно того человѣка, какой былъ нуженъ въ данный періодъ дѣйствій. Какъ князь Воронцовъ не ошибся въ назначеніи въ 1851 году на Лѣвый флангъ князя Барятинскаго, такъ въ свою очередь не ошибся князь Барятинскій въ назначеніи туда Евдокимова. Всѣ остальныя назначенія, если не такъ ярко выражались въ результатахъ, какъ вышеприведенныя два, все же были соотвѣтствующими даннымъ потребностямъ и представляли выборъ всего лучшаго, что̀ въ то время можно было найти.

Сосредоточеніе власти и устройство систематическаго управленія въ пяти главныхъ отдѣлахъ Кавказа положило начало порядку вещей, при которомъ устранилось главное затрудненіе, препятствовавшее до сихъ поръ достиженію правительственныхъ цѣлей на Кавказѣ, именно чрезвычайное разнообразіе Кавказа, при которомъ никакая мѣра не могла быть одинаково пригодною для всѣхъ его частей; а между тѣмъ въ подраздѣленіяхъ края, при всеобщемъ раздробленіи управленія, не было ни властей, облеченныхъ достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы исходатайствовать исключительныя мѣры, соображенныя съ мѣстными обстоятельствами, ни органовъ для того, чтобъ привести эти мѣры въ исполненіе. Поневолѣ главное управленіе должно было входить въ несвойственныя ему мелочи мѣстной администраціи и, чтобы не спутаться въ своихъ мѣрахъ, должно было держаться однообразной системы, жертвуя дѣломъ формѣ.

Съ самаго прибытія князя Барятинскаго въ Тифлисъ, на всемъ Кавказѣ закипѣла энергическая дѣятельность, не только военная, но и гражданская. Само собою, военной пришлось посвятить болѣе вниманія и времени; она не могла не составлять главной заботы и по самой сущности, и по тому еще, что необходимо было воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ прибывшихъ изъ Россіи на время войны съ Турціею 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій, пребываніе которыхъ тамъ, и то лишь послѣ настойчивыхъ ходатайствъ князя, было отсрочено Государемъ не далѣе какъ до осени 1859 года *).

Поэтому нахожу болѣе удобнымъ сначала вести разсказъ о военныхъ событіяхъ за время главнаго командованія князя Барятинскаго, а затѣмъ уже обратиться къ гражданской дѣятельности его, какъ намѣстника.

Въ теченіе всего этого времени князь Александръ Ивановичъ, кромѣ офиціальныхъ бумагъ, часто писалъ Государю письма, на которыя покойный Императоръ всегда отвѣ-

*) Изъ переписки тогдашняго военнаго министра Сухозанета съ княземъ А. И. Барятинскимъ можно видѣть, съ какимъ трудомъ было достигнуто это разрѣшеніе.

чалъ собственноручно. Переписка эта (по французски)—цѣнный матеріалъ, особенно для характеристики князя Барятинскаго и вообще того времени. Но не слѣдуетъ забывать, что отъ 1856—1863 годовъ насъ раздѣляетъ еще слишкомъ незначительный періодъ времени, чтобы подобные документы могли увидѣть свѣтъ. Обстоятельство это ставитъ біографа въ крайнее затрудненіе, лишая употребленія самыхъ лучшихъ красокъ для портрета.

Назначеніе князя Барятинскаго состоялось послѣ трехлѣтняго перерыва наступательныхъ дѣйствій въ горахъ, вынужденнаго Восточною войною. Во все это время вниманіе правительства и силы Кавказскаго корпуса были устремлены на внѣшнія дѣла. Главною задачею новаго главнокомандующаго было употребить всѣ усилія, чтобы искоренить внутренняго врага изъ нѣдръ Кавказа.

Предшествовавшая война разъяснила наше положеніе на Кавказѣ и доказала очевидно, что оно всегда будетъ шатко, наши средства для заграничной Азіатской кампаніи недостаточны, законное вліяніе Россіи на сопредѣльныя мусульманскія государства слабо, пока мы не подавимъ образовавшійся въ нашемъ тылу союзъ непокорныхъ горскихъ племенъ и не утвердимъ, посредствомъ прочныхъ удобныхъ путей сообщенія, связи Закавказскаго края съ Россіею. Этому до князя Барятинскаго никто не придавалъ такого важнаго значенія; онъ же настойчиво ходатайствовалъ, какъ уже упомянуто, и у Государя, и у Великаго Князя генералъ-адмирала, постоянно развивая мысль, что не только для войны съ горцами, но и для всего нашего положенія на Востокѣ это предметъ первостепеннаго значенія. Съ другой стороны, окончившаяся война произвела замѣтное колебаніе въ умахъ горцевъ, ждавшихъ отъ нея полнаго торжества враговъ Россіи и разочаровавшихся.... Имъ опять приходилось бороться однимъ, не видя конца ряду своихъ жертвъ. Но это впечатлѣніе не могло охладить надолго такихъ воинственныхъ людей, еслибъ имъ дали отдохнуть и собраться съ силами. По обѣимъ причинамъ, надобно было немедленно открыть наступленіе, вести его самымъ рѣшительнымъ образомъ и смотрѣть на

Кавказскую войну не какъ на домашнее дѣло, но какъ на войну.

Въ Петербургѣ какъ будто не хотѣли понять это: ссылаясь на бѣдственное финансовое положеніе, требовали экономіи и крайняго ограниченія расходовъ, достижимаго, конечно, лишь сокращеніемъ числа войскъ; а безъ нихъ опять война длилась бы безконечно и, при первомъ столкновеніи съ Западомъ мы опять очутились бы въ безвыходномъ положеніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи и изъ различныхъ писемъ, которыя читатель найдетъ въ приложеніяхъ, будетъ ясно видно, до чего доходили эти настаиванія и съ какою энергическою твердостью князь Барятинскій ихъ устранялъ, въ чемъ и кроется главнѣйшимъ образомъ его великая заслуга предъ государствомъ. „N'oubliez pas dans la haute position où ma confiance vous a placé, que le pays et les troupes, qui sont sous vos ordres, font partie de la grande patrie, et en ayant en vue leur bien-être, ne perdez pas de vue le bien général“, писалъ между прочимъ Государь, дѣлая князю выговоръ за пререканія съ военнымъ министромъ. И все таки князь Александръ Ивановичъ настоялъ на своемъ и достигъ великой цѣли— упрочить Кавказъ за Россіею.

Первые удары князь Барятинскій считалъ необходимымъ обратить противъ восточной группы непокоренныхъ горъ, наиболѣе угрожавшей нашему тылу. Изъ семи пѣхотныхъ бригадъ, составлявшихъ до 1856 года отдѣльный Кавказскій корпусъ, шесть были постоянно обращены противъ этой части непріятеля, что́ ясно доказывало его относительную важность. Западные горцы не слились еще въ одинъ общій союзъ, и страна ихъ лежала въ углу Кавказа, между Русскимъ населеніемъ линіи и Грузинскимъ населеніемъ, управленія Кутаисскаго генералъ-губернатора. Адыги (Черкесы), занимая морской берегъ, могли имѣть сношенія съ внѣшними врагами, этимъ они были опасны: но за то, окруженные сплошною массою христіанскаго населенія, они не могли никого возмутить вокругъ себя, и для насъ были вредны только ихъ хищническіе набѣги. Восточные же горцы образовали одно политическое тѣло, угрожали ближнимъ сосѣдствомъ Военно-грузинской дорогѣ, нашему единственному

сообщенію чрезъ горы и, своимъ центральнымъ положеніемъ посреди мусульманскаго народонаселенія, составляли для насъ дѣйствительную опасность, которая чувствовалась всего болѣе во время внѣшней войны. Поэтому нужно было направить первый ударъ противъ мюридовъ восточнаго Кавказа, не щадя жертвъ и соразмѣряя усилія съ потребностями войны: а противъ западныхъ горъ оставить, до низложенія Шамиля, только необходимое число войскъ и сообразовать тамъ покуда наступательныя дѣйствія съ ограниченными средствами наличныхъ силъ. Послѣдствія блистательно оправдали такой взглядъ.

Новое раздѣленіе Кавказа, послѣдовавшее въ Августѣ 1856 года, придало главнымъ военнымъ отдѣламъ достаточную самостоятельность для веденія войны своими собственными силами, не занимая ихъ изъ сосѣднихъ отдѣловъ. Прикомандированныя дивизіи 13-я и 18-я были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 18-я оставлена за Кавказомъ для усиленія войскъ Лезгинской линіи и для производства дорожныхъ работъ, которыя нужно было вести самымъ спѣшнымъ образомъ, пользуясь наступившимъ миромъ, чтобъ не быть поставленными опять въ то критическое положеніе, въ которомъ находился Кавказскій корпусъ въ 1855 году. Два полка 13-й дивизіи расположились на Правомъ крылѣ, гдѣ мѣстныхъ войскъ было недостаточно для наступленія въ предположенныхъ размѣрахъ: два полка на Лѣвомъ крылѣ, откуда войска должны были проложить себѣ дорогу въ глубь горъ. Затѣмъ баталіоны не передвигались уже ежегодно, какъ бывало прежде, изъ одного конца края въ другой.

Тридцатилѣтняя война противъ мюридизма давно уже уяснила относительное положеніе наше и непріятельское. Надобно было только воспользоваться опытомъ. Князь Барятинскій рѣшился нанести непокорнымъ горцамъ главный ударъ съ сѣверной стороны, наступая на нихъ въ тоже время и изъ другихъ предѣловъ.

На Лезгинской кордонной линіи горцы ограждены становымъ хребтомъ Кавказа, чрезъ который сообщеніе существуетъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Забросить нѣкоторыя части войскъ по ту сторону горъ, посреди сплошнаго Лезгинскаго

населенія, было невозможно, пока горскій союзъ не былъ потрясенъ въ основаніи.

Въ Дагестанѣ было настоящее гнѣздо мюридизма. Фанатическое населеніе этой части горъ было совершенно порабощено духовною властью, и потому трудно было ждать, чтобы разложеніе религіознаго союза горцевъ началось съ этой стороны. Покорять же открытою силою одну крѣпость за другою стоило бы чрезмѣрныхъ усилій, какъ это доказали безплодныя экспедиціи десятилѣтняго періода съ 1839 по 1849 годъ. Кромѣ того, чтобы успѣшно наступать въ Дагестанѣ, прежде всего надобно было прочно связать его, для совокупности дѣйствій, съ Лѣвымъ крыломъ, занятіемъ разъединявшей ихъ Салатавіи.

На Лѣвомъ крылѣ, особенно въ пространствѣ, занимаемомъ прежде Лѣвымъ флангомъ, еще при князѣ Воронцовѣ пріобрѣтены были значительные успѣхи. Чеченское племя, населяющее сѣверную сторону горъ и составлявшее половину покорнаго Шамилю народа, хотя самое воинственное изъ горцевъ, далеко не было увлечено въ такой степени, какъ Лезгины, фанатическимъ ученіемъ мюридизма: оно сохраняло гораздо болѣе независимости въ личномъ характерѣ и общественномъ быту и удерживалось въ повиновеніи Имаму больше страхомъ и привычкою, чѣмъ убѣжденіемъ. Успѣхи нашего оружія должны были сильнѣе отозваться въ этомъ шаткомъ населеніи и отторженіемъ Чеченскихъ обществъ одного за другимъ отъ Шамиля глубоко потрясти весь союзъ мюридизма. Посредствомъ методическаго наступленія мы должны были прорубиться сквозь лѣса, составляющіе всю силу Чечни, и выйти, по другой сторонѣ ихъ, въ глубь горъ, гдѣ и жители не такъ воинственны, и искусственныхъ преградъ меньше; этимъ движеніемъ мы заходили въ тылъ крѣпостямъ, которыми горцы оградили свои предѣлы съ восточной стороны.

По этимъ соображеніямъ былъ опредѣленъ планъ дѣйствій: со стороны Прикаспійскаго края прежде всего прочно утвердиться въ Салатавіи, чтобы связать стратегически Дагестанскія и Чеченскія войска и имѣть опорный пунктъ въ самыхъ горахъ; со стороны Лезгинской линіи ежегодно разорять непокорныя общества и довести ихъ къ рѣшительной

минутѣ до безсилія; со стороны Лѣваго крыла овладѣть плоскостью и оттуда, съ значительными силами, ворваться въ глубь горъ; совершать это всякое лѣто и зиму, сколько позволятъ силы наличныхъ войскъ, приготовляя въ каждомъ текущемъ походѣ точку отправленія для слѣдующаго.

Предпринимая покореніе горъ, надобно было отказаться отъ методическихъ привычекъ предшествовавшаго періода: строить города на всякой вновь занимаемой позиціи, послѣдствіемъ чего бывало только продолжительное бездѣйствіе и изнуреніе войскъ, исключительно занятыхъ работами, и создавать искусственные важные пункты, которые потомъ было жаль бросить для новаго движенія впередъ, разсчитывая, чего они стоили. Князь Барятинскій рѣшился принять другой образъ дѣйствій: основываться прочно только на пунктахъ особенно важныхъ, за которыми остается военное и административное значеніе и послѣ покоренія горъ; въ пунктахъ же, занимаемыхъ временно въ военныхъ видахъ, устраивать укрѣпленные лагери, — валъ съ пушками, — и посреди располагать войска въ баракахъ, Алжирскихъ домикахъ, или въ Калмыцкихъ кибиткахъ, вознаграждая неудобства помѣщенія усиленною порціею продовольствія; при первой возможности, занимать новую позицію впереди и, окопавшись на ней, переносить туда подвижныя жилища. Эта система дала намъ возможность ввести въ дѣло массу войскъ, прикованную прежде къ работамъ въ городкахъ и укрѣпленіяхъ и разсчитывать свои шаги впередъ не годами, нужными для устройства прочной осѣдлости, а мѣсяцами.

Князь прибылъ къ арміи глубокою осенью, въ Ноябрѣ 1856 года. Въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской линіи въ этомъ году уже нельзя было предпринять наступленія. Онъ употребилъ войска, занимавшія Лезгинскую линію, на рубку просѣкъ сквозь лѣса, покрывающіе южный склонъ главнаго хребта. Нужно было открыть въ нихъ сообщенія и для движеній въ горы, и для того, чтобы связать между собою оборонительные пункты нашей кордонной линіи, и чтобъ облегчить передовой стражѣ преслѣдованіе качаговъ *). Для

*) Абрековъ, бѣглецовъ-разбойниковъ.

послѣдней цѣли организована вновь, въ большемъ противъ прежняго составѣ, партизанская команда. Въ Прикаспійскомъ краѣ приказано заготовлять матеріальныя средства для устройства въ Салатавіи, будущимъ лѣтомъ, штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Военныя дѣйствія можно было открыть въ теченіи зимы только на Лѣвомъ крылѣ.

Нѣсколькими походами въ глубь Большой Чечни, продолжавшимися съ промежутками отъ начала Декабря до конца Марта 1857 года, генералъ Евдокимовъ докончилъ просѣки, начатыя въ этой странѣ еще въ 1850 году, и раскрылъ Чеченскія дебри широкими путями отъ Воздвиженскаго до Куринскаго и поперекъ—отъ „Русской“ дороги къ Бердыкелю и къ устью Сунжи, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ. При выходѣ Басса изъ горъ устроенъ укрѣпленный Шалинскій лагерь, а въ долинѣ Мичика Хоби-Шавдонское укрѣпленіе. Въ тоже время Кумыкскій отрядъ сбилъ непріятельскія укрѣпленія въ Гойтемиръ-Кану, ограждавшія Аухъ *). Населеніе Чечни было еще оставлено на текущее лѣто въ своихъ лѣсныхъ хуторахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ просѣки раскрыли страну въ столькихъ направленіяхъ, съ первою же осенью можно было его принудить къ покорности.

Вообще, за лѣто 1857 года, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ годъ съ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ и за семь мѣсяцевъ съ прибытія его на Кавказъ, были уже достигнуты огромные результаты. Кромѣ вышеуказанныхъ на Лѣвомъ крылѣ, въ Дагестанѣ занята Салатавія, и туда переведена штабъ-квартира Дагестанскаго пѣхотнаго полка; на Правомъ крылѣ занята линія по Адагуму, а Кубанскій пѣхотный полкъ переведенъ на р. Бѣлую въ Майкопъ; водворены три новыя казачьи станицы—одна на Сунжѣ, двѣ на Лабѣ и Урупѣ. На Лезгинской линіи вырублены у подножья хребта широкія просѣки, разработано нѣсколько дорогъ, ближайшіе аулы Лезгинъ въ ущельяхъ главнаго

---

*) Все это было систематическимъ продолженіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя князь Барятинскій осуществлялъ въ 1851—1853 гг. въ бытность начальникомъ Лѣваго фланга. (См. томъ I, гл. XVII-я и д.).

хребта разорены, и спокойствіе въ Кахетіи значительно обезпечено. Въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ подробно осмотрѣна Сванетія, и приняты мѣры къ ея административному устройству.

А князь Барятинскій все еще не довольствовался достигнутыми результатами. Онъ желалъ, уже во второй половинѣ зимы 1856—57 г., занять Аргунское ущелье. Генералъ Евдокимовъ, 4 Января 1857 года, писалъ князю, что, по его мнѣнію, прежде нужно обезпечить Большую Чечню и Кумыкскую плоскость постройкою укрѣпленій у Автура и на Хоби-Шавдонѣ: тогда главныя силы могутъ быть свободны для движенія въ Аргунское ущелье.

Главнокомандующій согласился съ этимъ вполнѣ основательнымъ мнѣніемъ; но когда г. Евдокимовъ, вмѣсто Автура, устроилъ укрѣпленный лагерь у Шали, то князь этого не одобрилъ и, не взирая на подробное дополнительное объясненіе, было написано Евдокимову 23 Марта 1857 г., что главнокомандующій не убѣдился его доводами, что это противорѣчитъ личнымъ объясненіямъ самого Евдокимова и что Шалинскій лагерь не есть шагъ впередъ.

Такова была настойчивость князя Барятинскаго съ минуты назначенія главнокомандующимъ, и результаты вполнѣ ее оправдали.

Также точно и въ дѣлѣ управленія покорными горцами, которому князь искони придавалъ особое значеніе, онъ самъ слѣдилъ за ходомъ дѣла и направлялъ его съ замѣчательною проницательностью, рѣдко отступая предъ убѣжденіями и ходатайствами даже лучшихъ своихъ помощниковъ. Напримѣръ, 9 Іюля 1857 г., генералъ Евдокимовъ весьма подробно излагалъ свои мысли объ управленіи Кумыками и проводилъ свою излюбленную мысль ввѣрять управленія туземцамъ. Для Кумыковъ онъ предлагалъ князя Хасая Уцміева.

На этомъ письмѣ князь Александръ Ивановичъ собственноручно написалъ: „Передать ли управленіе совершенно въ руки туземцевъ — вопросъ: ибо этимъ можемъ мы удалиться отъ введенія въ будущемъ Русскихъ порядковъ, долженствующихъ служить къ сліянію этого народа съ Россіей.

Отложить рѣшеніе вопроса до вступленія въ должность князя Мирскаго; но Евдокимову объ этомъ не писать, чтобы не оскорбить, а дать дѣлу проволочку. Что же касается до выбора Хасая, то я его не понимаю; ибо я рѣдко видѣлъ человѣка менѣе уважаемаго своими соотечественниками по безхарактерности и извѣстной всему краю трусости. Кромѣ того, онъ человѣкъ алчный, и его опасно допускать къ управленію".

Жаль только, что въ другомъ случаѣ князь уступилъ и согласился на ходатайство генерала Евдокимова назначить начальникомъ Осетинскаго, а впослѣдствіи Чеченскаго округа Мусу Кондухова... Система управленія горцами посредствомъ туземцевъ оказалась вообще несостоятельною.

Однимъ изъ лучшихъ подспорій для яснаго опредѣленія достоинствъ человѣка несомнѣнно служатъ его письма. Въ этомъ отношеніи переписка князя Барятинскаго съ разными лицами—матеріалъ драгоцѣнный: достаточно прочитать ее внимательно, чтобы образъ покойнаго фельдмаршала ожилъ предъ глазами читателя, и вполнѣ обрисовался замѣчательный государственный человѣкъ, съ его, можно сказать, почти непогрѣшимыми взглядами на политическое положеніе государства, на необходимыя для успѣха мѣры, на людей, соотвѣтствовавшихъ въ данное время потребностямъ государственной службы, и т. д.

До какой степени онъ понималъ положеніе Россіи на Востокѣ, какъ онъ предвидѣлъ грядущія событія и указывалъ на важные пункты, требовавшіе особаго вниманія, уже видно отчасти изъ приведенныхъ мною выше указаній его на необходимость развитія пароходства по Волгѣ и Каспійскому морю, на проведеніе рельсоваго пути между Каспійскимъ и Чернымъ морями, на изслѣдованіе Закаспійскаго края и проч. Командировавъ въ 1857 году Д. А. Милютина въ Петербургъ съ проектами военныхъ реформъ, князь Барятинскій возложилъ на него ходатайства и по разнымъ другимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и о желѣзной дорогѣ за Кавказомъ. Это дѣло поручалось особой заботливости Дмитрія Алексѣевича.

Постройку вызывался взять на себя В. А. Кокоревъ съ К°, требуя за это объявить весь Закавказскій край porto-franco, а также отвода разныхъ пустопорожнихъ земель и минеральныхъ копей *). Само собою, кн. Барятинскій не могъ знать финансовой стороны дѣла, не могъ знать средствъ г. Кокорева; но въ виду главной цѣли—имѣть желѣзную дорогу, для связи Закавказья съ Россіей, для возможности быстраго передвиженія войскъ и военныхъ средствъ, для развитія благосостоянія края и усиленія вліянія на Востокѣ, князь считалъ требованія г. Кокорева незначительными. Не слѣдуетъ забывать, что это было время ослабленія Турціи, торжественнаго расположенія къ намъ Наполеона III и возмущенія Сипаевъ въ Индіи, когда можно было положить основанія, во многомъ облегчавшія успѣхъ дѣлъ въ Средней Азіи. Въ Петербургѣ появились въ то время по этому предмету два проекта (одинъ принадлежалъ Н. В. Ханыкову, другой г-ну NN), но князь считалъ ихъ „*данью модѣ*", не только не обѣщающими пользы, но грозящими вредомъ. „По дѣламъ Востока, писалъ князь Д. А. Милютину, чрезвычайно опасаюсь Петербургскихъ умниковъ". Въ его глазахъ единственнымъ практическимъ проектомъ было: покончить съ Кавказской войной, не жалѣя для этого въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ средствъ, затѣмъ развить пароходство по Волгѣ и Каспію и провести желѣзную дорогу чрезъ Закавказье. Недавнія событія показали всю непреложную основательность такого взгляда.

Въ Петербургѣ отнеслись къ мысли поручить Кокореву постройку желѣзной дороги съ ироніей (правильно или нѣтъ иронизировали, судить не могу; хотя если вспомнить исторію съ учредителями Главнаго Общества, Колиньономъ и К°, то не знаю, надъ кѣмъ слѣдовало смѣяться...) Но вѣдь это была частность: кому отдали бы постройку дороги и на какихъ условіяхъ, не относилось къ сущности дѣла; главное, нужно было скорѣе строить и, во всякомъ случаѣ, предпочесть Закавказскую дорогу другимъ, внутри Россіи, въ родѣ Ряжско-Вяземской и т. п., въ свое время остроумно названнымъ дорогами „отъ Дураковки до Болвановки"...

*) В. А. Кокореву князь Барятинскій писалъ въ 1857 г. въ Парижъ о пріисканіи заграничныхъ капиталовъ для Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ; (см. Экономическіе Провалы, С.-Петербургъ 1887, стр.). 108 П. Б.

Бюрократичный міръ вообще врагъ широкихъ взглядовъ, грандіозныхъ проектовъ; его смущаетъ новая мысль, требующая энергіи для осуществленія: это грозитъ нарушеніемъ соннаго канцелярскаго порядка... Этому міру даже патріотизмъ, чуть онъ заявляетъ себя довольно громко и настойчиво, уже не милъ и кажется опаснымъ. Неудивительно, что многія предположенія князя Барятинскаго встрѣчали или отпоръ, или подъ часъ полуироническія предложенія. Такъ, вмѣсто Закавказской желѣзной дороги, предлагали отъ *Поти до Тифлиса* построить *конножелѣзную дорогу.* И нужно было еще двадцать лѣтъ времени, пока, наконецъ, при энергической настойчивости Великаго Князя Михаила Николаевича, осуществилась мысль князя Барятинскаго, и два Русскія моря связаны рельсовымъ путемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Князь А. И. Барятинскій Д. А. Милютину.

Москва, 25 Августа 1856 г. Домъ Вырубова на Тверскомъ бульварѣ.

Милостивый государь Дмитрій Алексѣевичъ. Вчера къ величайшему и неутѣшному моему горю, узнаю я, что вы не будете въ Москву. Кромѣ удовольствія васъ видѣть, лишенъ я еще возможности сдѣлать вамъ лично предложеніе, которое теперь рѣшаюсь передать бумагѣ, хотя въ этихъ случаяхъ особенно бумага весьма слабо замѣняетъ рѣчь; слѣдовательно, не изощряясь въ личномъ краснорѣчіи, приступаю прямо къ дѣлу. Вы знаете, Дмитрій Алексѣевичъ, сколь высоко я васъ цѣню и сколько бы мнѣ было пріятно сочетать мое военное поприще съ вашимъ. Я на дняхъ просилъ Государя возстановить на Кавказѣ мѣсто начальника главнаго штаба и его помощника, и Государь Императоръ, при изъявленіи согласія, спросилъ меня, кого я желалъ бы имѣть на первомъ изъ этихъ мѣстъ. Я доложилъ Его Величеству, что, не предваривши васъ, не смѣю просить о вашемъ назначеніи, но что буду вамъ тотчасъ же писать объ этомъ. Государь меня сердечно поздравилъ съ выборомъ и сказалъ, что лучшаго сдѣлать не могъ.

Слѣдовательно, остается вамъ теперь рѣшить это дѣло. Я посылаю вамъ нарочнаго курьера, чтобы имѣть скорѣе вашъ отвѣтъ; въ случаѣ вашего согласія, мнѣ бы весьма желательно было видѣть васъ, еще до назначенія, въ Москвѣ. Я отсюда уѣзжаю между 12 и 15 Сентября, и слѣдовательно успѣете до тѣхъ поръ поправиться здоровьемъ. Впрочемъ, я предупредилъ Его Величество о вашемъ нездоровьи и о томъ, что я предлагаю вамъ пріѣхать для личнаго объясненія со мною; такимъ образомъ вы

не будете принуждены выѣзжать въ свѣтъ въ случаѣ, ежели бы ваше здоровье еще бы требовало . . . (не разобрано). Буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ и оставляю васъ самихъ судьею, до какой степени ваше согласіе меня обрадуетъ. Примите съ чувствами особаго уваженія къ вамъ и увѣренія сердечной моей преданности.

II. Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому.

Милостивый государь князь Александръ Ивановичъ. Получивъ въ минувшую ночь письмо вашего сіятельства отъ 25 числа, поспѣшаю немедленно же отправить мой отвѣтъ съ тѣмъ же нарочнымъ.

Прежде всего позвольте мнѣ, князь, принести вамъ глубокую признательность за лестное для меня ваше мнѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить васъ, что я всегда съ искреннѣйшею радостію готовъ бы стать подъ непосредственное начальство вашего сіятельства, хотя бы и на мѣстѣ менѣе почетномъ, чѣмъ предлагаемое вами. Повѣрьте, что я умѣю цѣнить ваше благосклонное ко мнѣ расположеніе и употребилъ бы всѣ старанія, чтобъ оправдать ваше довѣріе. Достаточны ли мои силы для занятія столь важной и обширной должности—о томъ судить не мнѣ; могу только сказать, что я всегда проникнутъ истиннымъ желаніемъ быть полезнымъ для службы нашего Государя, и что я приложу неограниченное усердіе къ исполненію своихъ обязанностей, на какое бы мѣсто я ни былъ призванъ монаршею волею.

Но самое это чувство священнаго долга, заставляющее добросовѣстнаго слугу устранять всѣ разсчеты личныхъ выгодъ, побуждаетъ и меня въ настоящемъ случаѣ представить на соображеніе вашего сіятельства обстоятельство, которое весьма важно при выборѣ для васъ ближайшаго помощника. Мѣсто начальника штаба на Кавказѣ требуетъ такого человѣка, который, независимо отъ нравственныхъ качествъ, обладалъ бы и необходимыми силами физическими, чтобы выдерживать и усиленную работу кабинетную, и тяжкіе труды боевой жизни. Вамъ извѣстно, какъ мало я удовлетворяю этому условію. Въ бытность мою на Кавказѣ, я уже имѣлъ случай испытать гибельное на меня вліяніе тамошняго климата; въ послѣдніе же годы усиленной служебной дѣятельности я дошелъ было до такого положенія, что отчаявался въ излеченіи. Только самая регулярная жизнь и строгая во всемъ осторожность могутъ поддерживать мое здоровье. Даже и въ нынѣшнее лѣто, при совершенно спокойной жизни, я постоянно почти боленъ—отъ одного вліянія погоды. Болѣзненное мое состояніе, какъ извѣстно вашему сіятельству, лишило меня счастія пріѣхать въ Москву и къ коронаціи, и къ 30-му Августа; и теперь, при всемъ моемъ желаніи неотлагательно имѣть съ вами свиданіе, я не въ состояніи предпринять этого путешествія. Такого ли человѣка нужно вамъ имѣть помощникомъ? Считаю дѣломъ совѣсти убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство, для пользы службы и собственной вашей, обсудить вновь сдѣланный вами выборъ; съ своей стороны я полагаю, что представленное мною соображе-

ніе должно заставить васъ искать другаго человѣка, который могъ бы безъ устали *на многіе годы* оказывать вамъ дѣйствительную подмогу. Безчестно принять на себя званіе и должность, зная впередъ, что не въ силахъ выдержать сопряженнаго съ ними бремени.

Если ваше сіятельство изволите найти себѣ другаго, болѣе надежнаго помощника (въ чемъ я не могу сомнѣваться), то не угодно ли вамъ будетъ поручить кому нибудь (напримѣръ полковнику Карцову) извѣстить меня объ окончательномъ вашемъ рѣшеніи, дабы я не оставался въ тяжкомъ недоумѣніи. Во всякомъ же случаѣ, каково бы ни было это рѣшеніе, я повторяю выраженную мною признательность вашему сіятельству за вниманіе и благосклонность ваши.

1856 года 28 Августа, 9 часовъ утра. Мыза Николаевская.

III. Князь А. И. Барятинскій Д. А. Милютину.

Москва, 31 Августа 1856.

Письмо вашего превосходительства утверждаетъ меня еще болѣе въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что лучшаго выбора я сдѣлать не могу. Скромность и совѣстливость составляютъ вѣрнѣйшій залогъ для начальника, который желаетъ имѣть друга въ помощникѣ. Позвольте васъ увѣрить, Дмитрій Алексѣевичъ, что и я съ своей стороны буду всячески стараться облегчить вамъ трудъ и трудность положенія, предоставляя вамъ выбрать себѣ въ помощники людей по вашему усмотрѣнію и представляя себѣ самому, для моего душевнаго спокойствія и сердечнаго удовольствія, устроить ваше положеніе во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтственно вашему слабому здоровью, вашимъ способностямъ, вашимъ заслугамъ и тому положенію, которое вы въ краѣ занимать должны.

Посылаю вамъ, въ видѣ уполномоченнаго посла, капитана Романовскаго, который мнѣ передастъ и получитъ отъ васъ тѣ объясненія, которыя могутъ ускользнуть или трудно передать бумагѣ; онъ довѣренное мнѣ лицо, и смѣю думать, что онъ вполнѣ съумѣетъ заслужить и ваше довѣріе.

IV. Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому.

Отъ 18 Октября 1856 г., С.-Петербургъ.

Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что высочайшій приказъ о моемъ назначеніи послѣдовалъ 15-го сего Октября; 20-го же числа полагаю выѣхать изъ Петербурга, и если не встрѣчу въ дорогѣ никакихъ непредвидѣнныхъ остановокъ, то надѣюсь около половины Ноября имѣть честь представиться вашему сіятельству.

При этомъ случаѣ не лишнимъ будетъ доложить вамъ, что относительно генералъ-маіора Индреніуса *) никакого распоряженія въ Военномъ

*) Предмѣстникъ Д. А. Милютина.

Министерствѣ, не дѣлается, и самъ г. министръ, на мой вопросъ по этому предмету, сказалъ мнѣ, что не имѣетъ въ виду никакого о немъ представленія. Поспѣшая явиться къ новой должности, довѣріемъ вашимъ на меня возложенной, я желаю искренно имѣть скорѣе случай заслужить благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе и доказать на дѣлѣ глубокое почтеніе и пр.

Переписка Великаго Князя Константина Николаевича съ княземъ А. И. Барятинскимъ.

(Печатается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества).

1.

(Безъ означенія года и мѣсяца).

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, записку поданную мнѣ барономъ Торнау [1]) о значеніи Баку и Каспійскаго моря и соображенія по этому предмету вице-адмирала Метлина. Прошу тебя потрудиться прочесть то и другое и возвратить мнѣ съ твоимъ мнѣніемъ. При свиданіи поговоримъ подробно объ этомъ дѣлѣ, и тогда рѣшимъ окончательно этотъ важный вопросъ. Я старался здѣсь, сколько могъ, помогать Милютину, въ которомъ видѣлъ твоего полномочнаго, и надѣюсь, что онъ былъ мною доволенъ. Онъ привезетъ тебѣ утвержденное Государемъ въ видѣ опыта на три года положеніе объ устройствѣ морской части на Кавказѣ. Надѣюсь въ будущемъ году въ Августѣ или Сентябрѣ побывать у тебя въ гостяхъ. Ожидаю это время съ нетерпѣніемъ, чтобы имѣть случай тебя снова обнять. Твой вѣрный другъ.

2.

Я передъ тобою кругомъ виноватъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что такъ долго не отвѣчалъ; но, передъ предстоящимъ мнѣ отъѣздомъ за границу, меня до такой степени замучили, что это превосходитъ всякое воображеніе. Съ симъ вмѣстѣ я посылаю тебѣ офиціальный отвѣтъ, который могъ бы пойти гулять обыкновеннымъ порядкомъ по канцеляріямъ [2]). Здѣсь же я тебѣ повторю, что Государь *вполнѣ* раздѣлилъ всѣ твои предположенія, о которыхъ ты мнѣ пишешь. Съ Чевкинымъ мы устроили комиссію изъ весьма дѣльныхъ людей для обсужденія Волжскаго вопроса. Къ Баку мы приступимъ, коль скоро ты пришлешь окончательно одобренный тобою проектъ. Государь сказалъ мнѣ, что онъ впередъ утверждаетъ все то, чтó ты представишь про Баку. Отъ Перовскаго я еще не имѣю отвѣта на счетъ Ново-Петровска.

Крюднеръ получилъ отвѣтъ отъ твоего брата Виктора, въ которомъ онъ, къ сожалѣнію, рѣшительно отказывается отъ должности [3]).

---

[1]) Николай Егоровичъ Торнау, большой знатокъ Кавказа (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта).

[2]) Отъ этого же числа другое, офиціальное письмо или отвѣтъ Великаго Князя князю А. И. Барятинскому см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1888, III, 543.

[3]) Завѣдывающаго въ Тифлисѣ морскою частью.

У меня въ головѣ только два имени: 1) капитанъ *Греве*, Черноморскій офицеръ, бывшій въ продолженіе всей кампаніи при Горчаковѣ по особымъ порученіямъ и пріобрѣтшій себѣ репутацію весьма толковаго и дѣльнаго офицера, не смотря на молодость лѣтъ; 2) мой адъютантъ *Стеценко*, котораго ты отчасти узналъ въ Николаевѣ и который долгое время былъ адъютантомъ у Серебрякова. Нынче лѣтомъ онъ былъ моимъ депутатомъ при занятіи Сухума.

Въ заключеніе мнѣ остается тебѣ пожелать отъ души силъ и здоровья для продолженія твоего полезнаго служенія на огромномъ твоемъ поприщѣ. Обнимаю тебя мысленно отъ души и впередъ радуюсь, что, Богъ дастъ, въ Іюнѣ опять увидимся. Сегодня вечеромъ я отправляюсь за границу.

25 Декабря 1856 г.

3.

Ваше Императорское Высочество.

Я имѣлъ счастіе получить милостивое письмо Вашего Императорскаго Высочества отъ 25 Декабря. Извѣстіе объ отъѣздѣ Вашемъ за границу оставило меня подъ двойственнымъ вліяніемъ огорченія и радости: огорченъ я тѣмъ, что отсутствіе Ваше изъ С.-Петербурга всегда вижу съ большимъ сожалѣніемъ; радуюсь поѣздкѣ Вашей за границу, потому что увѣренъ въ пользѣ, которую она во всѣхъ отношеніяхъ принесетъ вамъ и дѣлу общему.

Я до сихъ поръ еще не представляю о портѣ и укрѣпленіяхъ въ Баку, потому что ежедневно по этому предмету ожидаю представленія адмирала Васильева. О Петровскомъ я уже сдѣлалъ представленіе или, лучше сказать, препроводилъ, безъ всякаго сужденія, въ Морское Министерство на разсмотрѣніе нѣсколько проектовъ полковника Тизенгаузена. Морскіе инженеры, по спеціальности своей, лучше обсудятъ этотъ предметъ, нежели здѣсь, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе.

Не могу выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Вашего на Кавказъ. Я намѣренъ отправиться отсюда на Лѣвое крыло въ началѣ Апрѣля мѣсяца, Май пробуду на Правомъ крылѣ и въ Черноморіи, и когда только узнаю положительно о времени Вашего прибытія и о мѣстѣ, гдѣ изволите высадиться, то поспѣшу туда, чтобы встрѣтить Ваше Высочество.

Къ тому только времени можетъ быть окончательно приготовлено соображеніе по предмету присоединенія Астраханской губерніи къ Кавказу, и слѣдовательно поступитъ оно на обсужденіе въ Кавказскій Комитетъ уже по возвращеніи вашемъ въ С.-Петербургъ. Ваше Высочество между тѣмъ на мѣстѣ удостовѣритесь еще болѣе, какъ необходима подобная мѣра и сколько для будущаго благоденствія всего Кавказа и Астрахани соединеніе этихъ двухъ управленій неизбѣжно.

21 Января 1857 г.
Тифлисъ.

4.

(Безъ означенія года и мѣсяца.)

Съ любопытствомъ я читалъ твою интересную записку и совершенно раздѣляю твой взглядъ. Я уже получилъ официальное приказаніе распорядиться средствами Чернаго моря для занятія береговъ; на семъ основаніи я посылаю туда адъютанта моего Стеценку и желаю, чтобъ онъ заѣхалъ сперва къ тебѣ, чтобъ получить отъ тебя изустныя приказанія и наставленія.

5.

24 Іюня 1857 года (С. П. Б.).

По случаю предстоящихъ путешествій Государя въ нынѣшнемъ году, я принужденъ отложить до будущаго года предлагавшуюся поѣздку мою въ Астрахань, на Кавказъ и въ Черное море. Поспѣшая увѣдомить тебя объ этомъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я искренно сожалѣю, что не буду имѣть удовольствія видѣть тебя, и это тѣмъ болѣе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ я желалъ поговорить съ тобою о многомъ, по разнымъ важнымъ предметамъ, узнать твое мнѣніе и условиться въ одинаковомъ образѣ дѣйствія. Состояніе нашихъ финансовъ, которое въ высшей степени затруднительно, побуждаетъ неотлагательно сократить по всѣмъ вѣдомствамъ всѣ расходы, безъ которыхъ можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, для того чтобъ выйти изъ настоящаго положенія. Положеніе это становится тѣмъ важнѣе, что теперь явились съ новою силою и требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія другіе важные жизненные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобъ народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу, чтобъ приказанія правительства исполнялись, и чтобъ высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣ-законнымъ средствамъ. Въ тоже время необходимо изыскать новые и при томъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами: ибо мы не можемъ далѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и что при томъ бѣднѣе не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи. Ты, любезнѣйшій князь, управляешь, какъ намѣстникъ Государя, цѣлымъ царствомъ; мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мнѣ кажется, что первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобъ отбросить всякое личное славолюбіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, неблестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для будущаго, чтобъ дѣти наши получили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять. Посему не о морскихъ побѣдахъ и не о завоеваніяхъ

на Кавказѣ и сопредѣльныхъ странахъ слѣдуетъ думать, не о созданіи вдругъ большаго числа судовъ при большихъ пожертвованіяхъ и не о содержаніи на Кавказѣ многочисленной арміи, на которую мы рѣшительно не имѣемъ денежныхъ средствъ, но о томъ, чтобы безпрерывными плаваніями небольшаго числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ, и о томъ, чтобы усовершенствованіемъ внутренняго управленія вводить на Кавказѣ порядокъ и довольство, не издерживая на то большихъ суммъ, а стараясь сдѣлать изъ управленія Кавказскаго образецъ бережливости и благоустройства. На это нужна не армія, не громкія экспедиціи въ горы, не пышный дворъ падишаха, но выборъ дѣльныхъ людей и скромный образъ дѣйствія. Конечно, блестящій намѣстникъ обратится тогда въ губернатора; но этотъ губернаторъ оставитъ по себѣ имя въ исторіи народовъ, тогда какъ первый присоединится къ ряду тѣхъ предмѣстниковъ, которыхъ имена сохранились только въ званіи улицъ. Глубоко проникнутый этими убѣжденіями, я занимаюсь теперь сокращеніемъ морскаго бюджета и съ грустью предвижу, что придется разстаться съ разными предположеніями на счетъ Каспійской флотиліи и устройства тамъ портовъ. Мы въ состояніи удѣлить туда весьма небольшія суммы, и я думаю, что слѣдуетъ болѣе заботиться о развитіи на Каспіи торговаго судоходства, чѣмъ объ увеличеніи числа военныхъ судовъ.

Вотъ тебѣ, любезный князь, весьма длинное письмо. Не пеняй на меня за нѣкоторыя выраженія и вспомни, что я пишу подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всего, что̀ вижу и при горькомъ сознаніи, что я теперь ничто иное, какъ генералъ-адмиралъ безъ флота, и который только что видѣлъ свои глазами гигантскіе флоты и морскіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ.

Прощай, Богъ съ тобою; обнимаю тебя отъ души.

6.

10 Декабря 1857 г., Петербургъ.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Пользуюсь отъѣздомъ Ханыкова, чтобъ написать тебѣ нѣсколько строкъ. По предложенію Государя я вызвалъ Ханыкова къ составленію проекта экспедиціи въ Хорасанъ и пригласилъ его принять на себя начальствованіе оною, въ полной увѣренности, что дѣйствую въ твоихъ именно видахъ и что угадалъ твои намѣренія. Посему прошу тебя убѣдительно оказать этому предпріятію самое горячее содѣйствіе, безъ котораго оно не можетъ удасться. Я убѣжденъ, что оно принесетъ самыя важныя послѣдствія, приготовивъ намъ пути къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ на Востокѣ, и потомство не будетъ въ правѣ сказать, что мы сидѣли сложа руки въ то время, когда несчастная Индія борется, чтобы свергнуть ненавистное иго Англичанъ. Ханыковъ везетъ отъ меня письмо къ Достъ-Магометъ-хану. Надѣюсь, что ему удастся лично ему вручить его. Вчера пришло къ намъ извѣстіе объ лихомъ послѣднемъ дѣлѣ Орбельяни, съ которымъ истинно тебя поздравляю. Обнимаю тебя отъ души. Твой вѣрный другъ.

7.

27 Января 1858 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество.

Ваше Императорское Высочество изволите получить вмѣстѣ съ симъ письмомъ особый офиціальный мой отвѣтъ на почтеннѣйшій вашъ рескриптъ по Морскому Министерству относительно Бакинскаго порта. Дозвольте мнѣ дополнить этотъ отвѣтъ нѣкоторыми поясненіями, необходимыми для оправданія моихъ дѣйствій передъ Вашимъ Высочествомъ. Изъ означеннаго рескрипта Вашего я узналъ съ удивленіемъ и не безъ огорченія, что проектъ, представленный мнѣ вице-адмираломъ Васильевымъ, для построекъ на Баиловомъ мысѣ, не былъ отправленъ мною въ Морское Министерство и что работы, начатыя въ Баку, производились безъ вѣдома Вашего. По ближайшемъ пересмотрѣ дѣла, я удостовѣрился, что недоразумѣніе это произошло отъ какой нибудь случайности во время разъѣздовъ моихъ по линіи, когда бумаги пересылались отъ меня въ Тифлисъ и обратно ко мнѣ. Я былъ увѣренъ, что означенное представленіе в.-а. Васильева было отправлено въ Морское Министерство, какъ Ваше Высочество изволите сами усмотрѣть изъ письма, писаннаго мною тогда же изъ Грозной (отъ 19 Апрѣля) и вѣроятно полученнаго Вами за границею. Согласіе же свое на немедленное начатіе работъ въ Бакинскомъ портѣ я далъ вице-адмиралу Васильеву въ томъ соображеніи, что предположенная постройка мастерскихъ казалась мнѣ дѣломъ нетерпящимъ отлагательства и что я считалъ означенное предпріятіе рѣшеннымъ, такъ какъ и суммы на этотъ предметъ были уже отпущены.

Меня сердечно радуетъ мысль о предстоящемъ въ нынѣшнемъ году пріѣздѣ Вашемъ на Кавказъ. Узнавъ отъ генералъ-маіора Милютина о намѣреніи вашемъ посвятить на все сухопутное путешествіе по здѣшнему краю три недѣли, я нѣсколько затруднялся въ составленія маршрута; ибо желалъ бы показать Вашему Высочеству не только лучшія части Кавказа въ отношеніи къ природѣ, но также и тѣ части, которыя заслуживали бы Вашего вниманія, какъ театръ настоящихъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Еслибы Ваше Императорское Высочество соизволили назначить цѣлый мѣсяцъ на все путешествіе со времени высадки въ Баку, то можно было бы провезти Васъ со всѣмъ удобствомъ вдоль Лезгинской кордонной линіи въ Тифлисъ, отсюда во Владикавказъ, далѣе по всей передовой Чеченской линіи, заѣхать въ Аргунское ущелье, въ новыя наши штабъ-квартиры въ Аухѣ и Салатавіи, и затѣмъ чрезъ Чиръ-Юртъ и Червленную выѣхать на большую дорогу въ Екатериноградъ, для возвращенія въ Россію чрезъ Ставрополь. Еще было бы мнѣ пріятнѣе показать Вашему Высочеству рѣку Кубань, на которой я надѣюсь завести въ нынѣшнемъ году пароходъ; но эта поѣздка потребуетъ еще недѣлю времени. Буду ожидать отъ Вашего Высочества окончательныхъ приказаній по этому предмету, и вслѣдъ за симъ буду имѣть счастіе представить вамъ два маршрута: одинъ трехнедѣльный, а другой соглашенный съ возможностью обозрѣнія всего вышеизложеннаго.

Письма А. В. Головнина.

1.

Ганноверъ, 7 (19) Января 1857 г.

Пользуюсь первымъ свободнымъ вечеромъ по моемъ прибытіи сюда, чтобы написать вамъ нѣсколько строчекъ и сообщить, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ измѣнилъ планъ своего путешествія на это лѣто. Его Высочество предполагаетъ остаться Іюнь и Іюль въ Стрѣльнѣ, въ Августѣ уѣхать въ Нижній-Новгородъ, спуститься по Волгѣ и прибыть къ вамъ въ Сентябрѣ, послѣ періода сильной жары; затѣмъ отправится въ Николаевъ въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ вернется въ Петербургъ. Если вы одобряете эту перемѣну плана, прошу васъ написать объ этомъ Великому Князю, чтобы утвердить его въ добрыхъ намѣреніяхъ: онъ питаетъ большое къ вамъ довѣріе и искренно васъ любитъ. Великій Князь и Великая Княгиня чувствуютъ себя прекрасно, и здѣсь полны къ нимъ вниманія. Его Высочество предполагалъ остаться здѣсь двѣ недѣли и затѣмъ ѣхать въ Ниццу, оттуда въ Тулонъ и Парижъ; но этотъ маршрутъ будетъ по всей вѣроятности измѣненъ, такъ какъ графъ Киселевъ извѣщаетъ его изъ Парижа, что во Франціи желаютъ, чтобы его пріѣздъ не совпадалъ съ постомъ, который начинается 25 Февраля. Нужно пріѣхать или прежде или послѣ поста. Великій Князь пробылъ два дня въ Берлинѣ, гдѣ онъ присутствовалъ при интересной церемоніи награжденія нѣсколькихъ кавалеровъ орденомъ Чернаго Орла. Церемонія была дѣйствительно величественная. Король, сидя на своемъ тронѣ, обнималъ новопожалованныхъ кавалеровъ, которые преклоняли предъ нимъ колѣна, и говорилъ каждому, за какія заслуги государству онъ жалуетъ ихъ кавалерами. Между прочимъ онъ сказалъ Мантейфелю: „что онъ спасъ Пруссію и что благодаря только ему король находится въ настоящую минуту на тронѣ; что онъ обладаетъ прекрасной душею, доказательствомъ чего служитъ, что онъ простилъ своимъ врагамъ“. Слова эти были произнесены твердымъ и громкимъ голосомъ, и разумѣется, цѣнность награды была сторицею умножена.

Дворъ Ганновера замѣчателенъ своимъ большимъ порядкомъ и приличіемъ. Этой примѣрной организаціей обязаны гофмаршалу де-Малроти, который издалъ книгу объ обязанностяхъ гофмаршала. Эта книга заключаетъ въ себѣ очень полезные совѣты и крайне любопытныя замѣтки на счетъ этикета дворовъ. Кухня короля превосходна и дѣлаетъ честь вкусу гофмаршала. Посылаю вамъ меню нашего сегодняшняго обѣда *).

---

*) *Слѣпой* Ганноверскій король восполнялъ свои невольные досуги удовольствіями стола и разнообразіемъ снѣдей. У него было нѣсколько человѣкъ поваровъ (въ томъ числѣ и Русскій), и для соревнованія между ними печатались ихъ имена при кушаньяхъ на такъ называемыхъ „меню“ или росписяхъ снѣдей. Не въ подражаніе ли этому начали и у насъ печатать (и при томъ въ газетахъ) располагающія вкусъ читателей къ тонкимъ яствамъ перечни лакомыхъ блюдъ, только безъ означенія поваровъ? П. Б.

2 *).

Ницца, 24 Марта (5 Апрѣля) 1857.

Великій Князь Генералъ-Адмиралъ расчиталъ на дняхъ, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ, что Его Высочеству нужно нѣсколько измѣнить свой планъ путешествія по Кавказу, а именно вернуться осенью не Чернымъ моремъ, а по Военно-Грузинской дорогѣ и потомъ изъ Петербурга поѣхать на всю зиму въ Николаевъ и Крымъ, гдѣ вѣроятно проведутъ будущую зиму вдовствующая Императрица и Великая Княгиня Александра Іосифовна. Эта перемѣна дастъ Его Высочеству возможность долѣе остаться на Кавказѣ, что́ особенно пріятно для него.

Послѣдній курьеръ привезъ намъ весьма печальныя извѣстія о нашихъ финансахъ. Повидимому министръ финансовъ ошибся въ своихъ расчетахъ, которыми онъ успокоивалъ правительство въ Декабрѣ. Теперь оказывается, что дефицитъ на нынѣшній годъ будетъ вдвое болѣе, чѣмъ онъ тогда предполагалъ; покрыть его нечѣмъ, и гарантія кредитныхъ билетовъ уменьшилась вдвое. Теперь, по прошествіи четверти года, слѣдуетъ по всѣмъ вѣдомствамъ сократить расходы въ огромныхъ размѣрахъ. Морское министерство получитъ пятью милліонами р. сер. менѣе того, что́ уже было ему ассигновано, т. е. вмѣсто 19 мил. получитъ 14 мил. Государь пишетъ Генералъ-Адмиралу весьма сильное, дружеское письмо и проситъ помочь ему по морскому вѣдомству. Великій Князь, понимая всю важность обстоятельствъ и сердечно любя Государя, глубоко уважая его и любя Россію, рѣшился на героическія средства, а именно: 1) не вооружать вовсе въ нынѣшнемъ году и не посылать въ море паруснаго флота; 2) не посылать заграничныхъ экспедицій; 3) пересрочить всѣ платежи, заказы и постройки; 4) распустить матросовъ и уволить въ безсрочный отпускъ офицеровъ экипажей, которые не имѣютъ винтовыхъ судовъ. Сверхъ того, Его Высочество отказался отъ содержанія, которое онъ получаетъ по управленію морскимъ вѣдомствомъ, приказалъ и придворной конторѣ сдѣлать разныя сокращенія у себя въ домѣ, какъ-то продать лишнихъ лошадей и т. п.

Грустно подумать, что все это только капля въ морѣ, что долгъ въ послѣдніе четыре года выросъ на 566 мил. и дефицитъ составляетъ 64 мил. Великій Князь весьма высокаго мнѣнія о вашемъ характерѣ и административныхъ способностяхъ и надѣется, что вы, какъ другъ Государя и полновластный князь Кавказа, поможете также у себя значительными сокращеніями. Очевидно, что всѣмъ частямъ Россіи слѣдуетъ нѣсколько лѣтъ прожить скромною жизнью, чтобы, собравшись съ силами, явиться съ новымъ блескомъ, уже не мишурнымъ, но дѣйствительно-золотымъ. Теперь необходимо сократить расходъ до послѣднихъ предѣловъ возможности и въ тоже время отыскивать новые источники народнаго богатства. Не повѣ-

---

*) Только это письмо Головнина писано по-русски; остальныя переведены съ Французскаго. П. Б.

рите, какъ намъ было грустно здѣсь, получивъ эти извѣстія. Я удивляюсь Великому Князю, который рѣшился на огромныя пожертвованія, вполнѣ понимая послѣдствія ихъ. Въ будущую Субботу Его Высочество ѣдетъ съ Императрицею въ Геную, а во Вторникъ на нашей Святой недѣлѣ отправляется въ Тулонъ и 18 (30) Апрѣля будетъ въ Парижѣ. Въ половинѣ Іюня Его Высочество надѣется быть въ Россіи.

Искренно желаю вамъ здоровья, силъ и вдохновенія, или, вѣрнѣе сказать, благословенія свыше, чтобы созидать полезное для подвластныхъ вамъ народовъ.

Головнинъ.

Весьма бы желательно, чтобъ самопожертвованіе Генералъ-Адмирала возбудило благодарность и уваженіе, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ, и *чтобъ онъ узналъ, что лица, которыхъ онъ любитъ, одобряютъ его поступки.*

3.

Петербургъ, 25 Іюня 1857 г.

Великій Князь Генералъ-Адмиралъ писалъ вамъ вчера относительно плачевнаго состоянія нашихъ финансовъ и объ энергичныхъ мѣрахъ, вызванныхъ этимъ положеніемъ дѣлъ. Чтобы дать вамъ ясную идею объ нашихъ затрудненіяхъ, Его Высочество поручилъ мнѣ переслать вамъ при семъ прилагаемую записку *), прося васъ, ознакомившись съ нею, возвратить ее ему. Его Высочество сдѣлалъ невозможное въ своемъ вѣдомствѣ, уменьшивъ персоналъ флота, распустивъ 28 тыс. матросовъ, оставивъ массу построекъ и т. д. Дай Богъ, чтобы другія управленія послѣдовали его примѣру.

Наше путешествіе было очень интересно, хотя и утомительно. Мы успѣли во всемъ лучше, нежели того ожидали. Великій Князь дѣйствовалъ удивительно! Онъ постоянно наблюдалъ за собою, взвѣшивалъ свои слова, донельзя былъ любезенъ со всѣми и снискалъ вездѣ себѣ любовь и уваженіе. Что̀ его болѣе всего поразило—это богатство Франціи и высокій умъ Наполеона. Мы въ подробностяхъ осмотрѣли всѣ военные Французскіе порты. Мы нашли тамъ громадные продовольственные запасы. Надо признаться, что послѣ такой морской войны, которая теперь окончена, Франція готова снова предпринять войну съ большими средствами и съ большею опытностью. Наполеонъ говорилъ Великому Князю о войнѣ спокойно, какъ о событіи принадлежащемъ исторіи. Онъ сказалъ, что союзники совершили цѣлую серію ошибокъ. Что̀ меня въ особенности заинтересовало во Франціи, это изученіе административной системы, механизмъ высшаго управленія. Можно сказать, что это ассоціація дѣловыхъ людей, управляющихъ Франціею, какъ управляютъ торговымъ домомъ. Они ясно представляютъ себѣ цѣль, которой имѣютъ въ виду достигнуть, и ловко

*) Записки этой не оказалось, она вѣроятно была возвращена безъ снятой копіи.

разсчитываютъ всѣ къ тому средства. Холодный, сухой, но умный и вѣрный разсчетъ, вотъ секретъ ихъ умѣнья; это ихъ девизъ, ихъ вся система. За ничто—ничто, и прибыль повсюду: это ихъ принципъ.

Императрица Евгенія весела, постоянно смѣется, но гораздо умнѣе чѣмъ о ней думаютъ. Однажды она сказала Киселеву: „еслибы мы захотѣли оставлять положеніе дѣлъ безъ перемѣны—намъ нужна Англія; если же захотимъ передѣлать карту Европы, то мы нуждаемся въ васъ". Важная задача не разрѣшена—это узнать, чего Наполеонъ хочетъ. Его задушевная мысль не угадана.

Безконечно сожалѣю, что путешествіе Великаго Князя, отложенное на будущій годъ, лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ въ этомъ году на Кавказѣ. Баронъ Александръ Николаи недавно сообщалъ мнѣ о васъ и много говорилъ о системѣ разумнаго и превосходнаго управленія, которое вводите вы на Кавказѣ.

4.

Стрѣльна, 13 (25) Августа 1857 г.

Я только что получилъ ваше письмо отъ 31 Іюля и беру на себя васъ увѣрить, что Великій Князь Генералъ-Адмиралъ прекрасно разобралъ тетрадь - письмо, которое вы прислали Его Высочеству; онъ вамъ очень благодаренъ за это сообщеніе, выяснившее ему многое. Онъ вамъ напишетъ; но я долженъ васъ предупредить, что многія личности, очень высоко поставленныя, не понимаютъ здѣсь, чтобы невозможно было при плачевномъ состояніи нашихъ финансовъ сдѣлать на Кавказѣ нѣсколько сокращеній расходовъ въ крупныхъ размѣрахъ. Состояніе финансовъ не улучшается. Великій Князь возвратилъ въ казну милліонъ рублей серебромъ изъ суммъ, которыя Морское Министерство уже получило въ этомъ году и испрашиваетъ на будущій годъ сумму только въ 15 милліоновъ, т. е. на 4 милліона менѣе, чѣмъ было испрошено на текущій годъ. Этотъ результатъ получился весьма простымъ способомъ. Великій Князь предполагаетъ достигнуть черезъ 20 лѣтъ цыфры, которую Императоръ назначилъ для нашего флота. Будущій годъ будетъ первымъ этого двадцатилѣтняго періода, и всѣ наши морскія постройки разсчитаны на это число годовъ. Какъ только нашъ бюджетъ будетъ напечатанъ, я вамъ вышлю экземпляръ. Государь питаетъ большую дружбу къ своему брату и расширяетъ кругъ его административной дѣятельности. Его Величество уѣзжаетъ 22 Августа за границу и возвратится только 11 (23) Октября. На это время Великій Князь будетъ предсѣдательствовать въ коммиссіи правленія *). Онъ предсѣдательствуетъ уже въ главномъ финансовомъ комитетѣ, въ комитетѣ по дѣламъ раскольниковъ и числится членомъ комитета, которому поручено столь важное дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ. Его Высочество предполагаетъ пробыть этою осенью въ Стрѣльнѣ, какъ можно дольше, чтобы Великая Княгиня болѣе спокойно могла оставаться у себя. Воды Эм-

*) Le Grand-Duc présidera la commission de régence.

са принесли ей болѣе вреда, нежели пользы, и она вернулась съ возбужденными нервами; неизвѣстно еще, гдѣ она проведетъ зиму. Императрица-мать рѣшилась провести зиму въ Петербургѣ. Ея послѣднее путешествіе обошлось въ 640000 р. серебромъ, не считая подарковъ, розданныхъ во время путешествія. Будущій годъ Великій Князь предполагаетъ сдѣлать путешествіе по Россіи, и я очень желалъ бы имѣть удовольствіе повидать васъ.

Невозможно написать всего, о чемъ можно было бы переговорить въ теченіе часа времени. Вы не можете повѣрить, какъ я сожалѣю, что путешествіе отложено на будущій годъ. Но нужно признаться, что это очень благопріятно отзовется здѣсь на дѣлахъ, тогда какъ отсутствіе Великаго Князя принесло бы имъ много вреда. Я недавно имѣлъ удовольствіе пожать руку другу дѣтства, барону Александру Николаи; мы съ нимъ долго разговаривали про обвиненія, которыя Петербургъ шлетъ по адресу Кавказскаго управленія изъ-за расходовъ. Я убѣжденъ, что незнаніе наибольшая причина этихъ обвиненій.

5.

С.-Петербургъ, 10 (22) Декабря 1857 г.

Пользуюсь отъѣздомъ Ханыкова, чтобы послать вамъ бумаги, которыя вы найдете въ этомъ письмѣ; онѣ васъ безъ сомнѣнія займутъ. Эти бумаги не были готовы, чтобы быть отправленными съ моимъ уважаемымъ другомъ, генераломъ Милютинымъ. Нужно вамъ сказать, что мы имѣемъ причины жаловаться на генерала. Онъ пріѣхалъ сюда очарованный Кавказомъ, какъ двадцатилѣтній юноша, увлекающійся своей любовницей и требующій отъ своей бѣдной матери, центральной Россіи, больной, разоренной, пользуемой несвѣдущими и неспособными врачами, невозможныхъ тратъ на пожертвованія въ пользу этой прекрасной иностранки, которая его (Милютина) околдовала и которая навѣрное не разъ ему измѣнитъ. Изъ прилагаемыхъ при семъ бумагъ вы увидите, въ какомъ состояніи находятся наши финансы и, если у насъ есть нѣсколько вѣроятій этому помочь, вы увидите, къ какимъ геройскимъ средствамъ долженъ прибѣгнуть Великій Князь Генералъ-Адмиралъ, чтобы поставить свои расходы въ уровень со средствами ему предоставляемыми и какіе ложные расчеты употребляются Военнымъ Министерствомъ, чтобы доказать Государю существованіе экономіи въ 20 милл., когда на самомъ дѣлѣ экономія есть только въ 3 милл. Вы не повѣрите, какъ я сожалѣю о вашемъ отсутствіи! Еслибы вы были здѣсь канцлеромъ Имперіи, военнымъ министромъ или все равно на какомъ посту, какъ другъ Государя, вашъ геній и ваше вліяніе имѣли бы благотворные результаты по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, въ особенности на центральное управленіе, гдѣ столько важныхъ вопросовъ подлежитъ рѣшенію: освобожденіе крѣпостныхъ, дѣла раскольниковъ, а главное финансы—эта разъѣдающая наше сердце язва. Подумайте только, что по наименѣе преувеличеннымъ разсчетамъ народъ платитъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ 40% изъ своихъ доходовъ,

а казна получаетъ всего лишь половину. Послѣдняя ревизія доказала, что народонаселеніе уменьшилось, народъ съ каждымъ днемъ становится все бѣднѣе и бѣднѣе, дворянство все въ томъ же состояніи; а здѣсь и не думаютъ принимать рѣшительныхъ мѣръ изучить положеніе, по меньшей мѣрѣ представить Государю полную и откровенную картину нашего финансоваго положенія и послать за границу людей способныхъ изучить финансы тѣхъ странъ, гдѣ они достигли высшей степени превосходства. Теперь вы на краю Имперіи, и ваше вліяніе привлекаетъ къ той странѣ, счастливой имѣть васъ вице - королемъ, большія средства людьми и деньгами; но это вліяніе и этотъ административный геній не производительны собственно для Россіи.

Неоспоримые таланты Милютина также потеряны для большаго круга дѣятельности, который онъ могъ бы имѣть здѣсь, и онъ вамъ самъ скажетъ, имѣемъ ли мы здѣсь избытокъ людей способныхъ. Чѣмъ болѣе онъ привязывается сердцемъ къ Кавказу, тѣмъ это мнѣ больнѣе, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ мнѣ кажется способенъ забыть несчастную мать ради своенравной любовницы.

Великій Князь ничего не измѣнилъ въ планахъ своего путешествія. Перспектива этого путешествія по Волгѣ и Каспійскому морю, а также визитъ, который онъ вамъ сдѣлаетъ въ Тифлисѣ, все это ему очень улыбается. Боюсь, чтобы онъ не вернулся сюда съ тѣми же мыслями, какъ Милютинъ, что́ было бы крайно печально. Теперь, послѣ отъѣзда Милютина, у насъ остается генералъ Муравьевъ, старающійся всѣхъ заинтересовать Амуромъ и разными Китайскими провинціями, которыя онъ хотѣлъ бы захватить и имена которыхъ невозможны для Европейскаго языка. Онъ проситъ людей и милліоновъ и говоритъ съ энтузіазмомъ о дѣвственныхъ красотахъ Амура. Если повѣрить ему, это была бы обѣтованная земля, и Россія не жалѣла бы денегъ и арміи, чтобы утвердиться въ обладаніи этою молодою красавицей, прелестей которой мы всѣ понять не можемъ. Графъ Путятинъ и адмиралъ Завойко говорятъ намъ, напротивъ, что эта юная красота нѣчто въ родѣ дикарки, грязная, бѣдная и очень мало стоющая. Къ счастью генералъ Муравьевъ не обладаетъ талантомъ убѣдительности въ такой высокой степени, какъ мой достойный другъ генералъ Милютинъ, и я надѣюсь, что онъ не достигнетъ того успѣха, который увѣнчалъ порученіе послѣдняго. Я много удивлялся его великимъ изощреніямъ. Еслибы когда нибудь мнѣ пришлось тягаться въ судѣ предъ предубѣжденными противъ меня судьями, я былъ бы счастливъ имѣть его адвокатомъ. Оканчиваю это длинное письмо, прося извиненія за безпрестанныя жалобы и повторяю выраженіе искренняго и глубокаго сожалѣнія, зная, что вы привязаны и по всей вѣроятности надолго къ одной только провинціи Россіи, вмѣсто того, чтобы имѣть энергичное и благотворное вліяніе на всю. По моему убѣжденію роль Ришелье была бы болѣе полезна для Россіи, чѣмъ роль Бюжо̀, еслибы князь Барятинскій сталъ дѣлать выборъ изъ этихъ двухъ родовъ дѣятельности.

6.

С.-Петербургъ, 15 Декабря 1857 г.

Въ подкрѣпленіе нѣкоторыхъ мыслей, которыя я сообщилъ вашему сіятельству въ письмѣ, посланномъ черезъ г. Ханыкава, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія относительно плачевнаго состоянія нашей православной церкви и полнаго отсутствія денегъ для расходовъ первой необходимости. Изъ этого вы усмотрите, какое жалованье имѣютъ католическіе епископы въ Россіи и какое содержаніе получаетъ наше духовенство въ тѣхъ же самыхъ городахъ. Развѣ не было бы справедливымъ, чтобы деньги, которыя платитъ православный крестьянинъ въ центральной Россіи, были употреблены прежде всего на его же страну и его церковь и чтобы остатокъ былъ назначенъ на нужды отдаленныхъ провинцій? Какъ было бы желательно для блага Россіи ваше присутствіе у центра власти, чтобы привести въ порядокъ распредѣленіе суммъ между различными отраслями администраціи, дабы расходовались деньги прежде всего на предметы первой необходимости, а потомъ уже на роскошь и другія фантазіи. Вѣрьте, князь, что не я одинъ живо сожалѣю о вашемъ отсутствіи и вашемъ отчужденіи отъ дѣлъ, гораздо болѣе важныхъ для славы Императора, нежели командованіе арміею противъ нѣсколькихъ горскихъ племенъ и управленіе Азіатской провинціею. Надо признаться, что съумѣли приковать орла къ высокимъ утесамъ Кавказа блестящими цѣпями, дабы помѣшать свершить полетъ, который могъ бы произвести цѣлую эпоху въ міровой исторіи. Не слѣдуетъ ошибаться, и нужно признать, что Россія вступаетъ въ новую фазу своего развитія и жизни.

7.

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1857 г.

Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ въ Николаевѣ, вы меня много разъ удостоивали вашимъ расположеніемъ; ваше искреннее желаніе административнаго улучшенія и общаго прогресса сдѣлало вашу славу для меня очень дорогою. Это меня ободряетъ въ моемъ желаніи обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое по всей вѣроятности было бы упущено вами среди вашихъ многочисленныхъ занятій и которое незамѣченнымъ прошло въ Кавказскомъ Комитетѣ: оно живо взволновало и печально поразило нашихъ молодыхъ законовѣдовъ. Дѣло касается 13-й статьи Устава управленія Мингреліей, утвержденнаго Государемъ 21 Октября и который только что напечатанъ въ нашихъ журналахъ. Эта статья гласитъ такъ: «Недовольные рѣшеніемъ Совѣта по тѣмъ дѣламъ гражданскимъ, окончательное рѣшеніе коихъ, по цѣнѣ иска, превышаетъ власть судовъ 2-й степени, могутъ приносить жалобы г. намѣстнику Кавказскому, который разрѣшаетъ оныя окончательно".

Въ первобытныхъ обществахъ военный начальникъ племени, который управляетъ правомъ физической силы, рѣшаетъ всѣ ссоры племени; но если

общество хоть немного организовано, всѣ гражданскія дѣла и процессы переносятся въ судъ, гдѣ они разсматриваются нѣсколькими членами и рѣшаются по большинству голосовъ. Начальника правленія, короля, императора или вице-короля необходимо избавить, на сколько возможно, отъ всякаго вмѣшательства въ денежныя дѣла, въ гражданскіе случаи и процессы, во первыхъ потому, что ему было-бы совершенно невозможно изучать эти дѣла въ такихъ подробностяхъ, чтобы ихъ разсудить по всей справедливости, и во вторыхъ одна изъ сторонъ всегда будетъ недовольна рѣшеніемъ, а нужно избѣгать, чтобы народъ былъ недоволенъ своимъ властителемъ или своимъ правителемъ. У насъ въ Россіи Сперанскій организовалъ суды такъ, что Государь призывается высказать свое мнѣніе въ гражданскихъ дѣлахъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Бываетъ, что онъ приказываетъ, чтобы дѣло было вновь разсмотрѣно судомъ въ другомъ составѣ; но очень рѣдко случается, чтобы онъ самъ рѣшалъ процессъ. Мингрелія не находится въ такомъ варварскомъ и первобытномъ общественномъ положеніи, чтобы тамъ могли судить совѣты и суды по новымъ уставамъ. Но тяжело видѣть, что намѣстникъ Государя могъ бы быть поставленъ въ положеніе, совершенно противное понятіямъ административной науки. Это меня тѣмъ болѣе огорчаетъ, что исторія нашего времени говоритъ очень немного о сраженіяхъ выигранныхъ или потерянныхъ и болѣе не ослѣпляется блескомъ, которымъ прежде сопровождались военные подвиги, но судитъ владыкъ по ихъ законодательнымъ и административнымъ дѣяніямъ. Вѣроятно, что господа военные въ настоящихъ обстоятельствахъ не придадутъ той же важности дѣлу, такъ поразившему законовѣдовъ; но вѣдь не военные будутъ писать исторію управленія Кавказомъ. Впрочемъ, было бы очень легко помочь злу и въ тоже время принести большую пользу судебнымъ дѣламъ Кавказа вообще: надо бы создать въ Тифлисѣ, по примѣру Варшавы, два департамента Сената. Это не потребовало бы даже большаго расхода, такъ какъ нужно лишь перевести въ Тифлисъ сенаторовъ, излишекъ которыхъ есть въ Петербургѣ и Москвѣ, да часть ихъ канцелярій. Тогда всѣ дѣла важнаго судопроизводства гражданскаго и уголовнаго были бы рѣшаемы Кавказскимъ сенатомъ, не нуждаясь въ отправкѣ въ Москву и не затрудняя князя-намѣстника.

Прошу у васъ извиненія за откровенность этого письма. Вы можете передать мнѣ одно слово чрезъ генерала Милютина, чтобы это письмо было послѣднимъ. Я думалъ, что всегда полезно слышать мнѣніе противное нашему; но я не имѣю ни малѣйшаго поползновенія предполагать, чтобы мое было наилучшимъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА *).

(Осень 1855-го года).

..... Государь, недовольный комитетомъ Московскаго ополченія, уже прежде сдѣлалъ предводителю дворянства выговоръ, а теперь губернатора Капниста перемѣстилъ въ сенаторы (съ огромнаго оклада на меньшій) и вообще далъ почувствовать дворянству свое неудовольствіе. Отъ предводителя къ губернатору не далеко и до генералъ-губернатора, и я не понимаю, какъ графъ Закревскій не догадается выдти въ отставку. А между тѣмъ какія вѣсти военныя! Теряешь всякое равнодушіе. Сказать, что союзники захватили множество пушекъ, что захвачены огромные запасы .... но Боже мой неужели не могли отстоять Севастополя? Неужели корпуса̀ Липранди и Сухозанета не могли отвлечь силы, которыя поломали наши защиты. Государь пишетъ Москвѣ, что Россія была въ обстоятельствахъ и болѣе тяжкихъ, но вынесла. Едва ли! Мы въ опасности потерять Крымъ и Черное море. Испанія соединилась съ союзниками. Генералы и армія наша потеряли духъ. Государь ѣдетъ возстановить его, но во̀ время-ли? Мы надѣемся на распространяемые слухи о голодѣ, но оправдаются ли они? Конечно все можетъ перемѣниться, но ничто не поворотитъ нашихъ ошибокъ, и случайныя перемѣны не заставятъ молчать упреки въ неумѣньи, безпечности и бездѣйствіи. Да, время тяжелое, и страшно подумать, что разныя мелочи занимаютъ насъ. Подробности объ увольненіи министра Бибикова не дѣлаютъ чести министру.... Все это напоминаетъ совѣтъ Австрійско-Германскаго императора, обсуждавшій вопросъ, какъ принять Собѣсскаго, когда Турки стояли у воротъ Вѣны.

Въ № 109 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья М. П. Погодина о пріѣздѣ Государя съ семействомъ въ Москву. «Не до формы теперь и формальностей, не до фигуръ и правилъ риторики. Наслѣдникъ и меньшіе братья его учились въ Москвѣ любить этотъ народъ ..... Нѣтъ, нѣтъ нынѣ народа въ мірѣ выше Русскаго!» Замѣчательны въ этой бойкой статьѣ слѣдующія разсужденія: «Сева-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1888, III, 455.

стополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что̀ есть прекраснаго и высокаго въ Русской природѣ; но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ Европейской искусственности или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами». Замѣчательно, что объ этомъ уровнѣ говоритъ Славянофилъ! Потомъ обращеніе къ Государю: «Государь, ты даруешь намъ много средствъ учиться, воздѣлывать таланты и пр. Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній; мы ожидаемъ отъ тебя милости, льготы, наряда! Со внутреннимъ устройствомъ никакіе внѣшніе враги намъ нестрашны». Замѣчательно, что, говоря о Петрѣ, Екатеринѣ и Александрѣ, историкъ ни слова не сказалъ о Николаѣ, а о самомъ вступленіи на престолъ Государя Александра II-го выражается такъ: «Мысль объ этомъ неудобоносимомъ бремени, которое по неисповѣдимымъ предначертаніямъ Промысла пришлось ему вдругъ, паче чаянія, понести на своихъ плечахъ и т. д.». Неужели и эта журнальная статья не могла быть написана со спокойствіемъ и достоинствомъ *)?

Ни о дѣлѣ при Черной, у Ѳедюхиныхъ горъ, ни о штурмѣ 26 и 27 Августа мы не имѣемъ точныхъ подробностей. Опасность несомнѣнна и можетъ быть неминуема. Ну если мы оставимъ Крымъ, когда мы возмемъ его? Бѣдный край! Сердце замираетъ, когда читаешь объ этихъ повсемѣстныхъ опустошеніяхъ. Государство потеряло голову, общество забыло тактъ, семейства въ траурѣ. А исхода не видно. Объ условіяхъ примиренія молчатъ. Ожидаютъ, что мы подадимся. Бѣдствія никогда не внушали намъ уступчивости, и даже въ настоящее время мы упорно будемъ надѣяться на нашу звѣзду, на цѣлость національнаго элемента въ народѣ, на успѣхъ всегда вѣнчающій неослабное постоянство и на запутанность положенія враговъ нашихъ. .... Побѣды бываютъ труднѣе пораженій. Если при послѣднихъ теряютъ голову, то при первыхъ она кружится, и одно другаго не лучше. Читаемъ мы кровавыя подробности 26 и 27 Августа въ рапортахъ Симпсона, Пелисье и князя Горчакова. Неудачи союзниковъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ были причиною неудачи нашей на Малаховомъ курганѣ. Кажется, тутъ нападеніе не соотвѣтствовало отраженію или была оплошность. Взятіемъ Малахова рѣшилась участь Севасто-

*) Статья эта была цѣлымъ событіемъ. Цензура не дерзала ее дозволить къ выпуску; Государь самъ разрѣшилъ ее напечатать. Въ ней М. П. Погодинъ взывалъ о необходимости свѣта знаній. Митрополиту Филарету показалась она рѣзкою, и онъ говорилъ автору: „Развѣ намъ не даютъ свѣта?“ — „Мы ежедневно молимся о хлѣбѣ насущномъ, возразилъ ему Погодинъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ не давали хлѣба“. (Слышано отъ самаго Погодина). П. Б.

поля, къ чему впрочемъ князь Горчаковъ былъ приготовленъ и едвали не приготовилъ войска. У союзниковъ выбыло 12 т., а у насъ 15 т. Ужасная бойня! Самые черные слухи ходятъ о положенiи и расположенiи нашей армiи. Многiе считаютъ положенiе наше въ Крыму невозможнымъ. Многiе ждутъ великихъ пораженiй до осени.

Князь Горчаковъ доноситъ все о движенiи непрiятеля и о его дѣйствiяхъ на Сѣверную и ничего не говоритъ о нашихъ дѣйствiяхъ. Конечно тайна военныхъ распоряженiй не можетъ быть оглашена; но все-таки, послѣ страшныхъ потерь, желательно было бы читать донесенiя менѣе лаконическiя и знать хотя нѣсколько о духѣ армiи, подверженной столь долгое время геройскимъ, но безплоднымъ испытанiямъ. Защита Севастополя не увѣнчалась успѣхомъ. Здѣсь вина князя Меншикова, не укрѣпившаго Севастополя прежде. Меншиковъ можетъ свалить вину на другихъ, но доселѣ мы въ правѣ винить его. Какъ бы то ни было, защита Севастополя остается превосходнымъ дѣломъ военнымъ и по многочисленнымъ чертамъ геройства нижнихъ чиновъ. Наполеонъ поторопился объявить въ прошломъ году о взятiи крѣпости; но онъ былъ правъ, добавивъ, что вопросъ только во времени. Слѣдовало однако присовокупить: «и въ огромныхъ пожертвованiяхъ людьми и деньгами». Сами враги и безпристрастные свидѣтели отдаютъ справедливость Севастопольскому гарнизону. Гробы указываютъ на участiе моряковъ въ этой славной осадѣ. А несносные указы и приказы о панталонахъ и мундирахъ все еще продолжаются, и нынче читали намъ повелѣнiе о замѣнѣ вицмундировъ, которое такъ темно, что его никто не понялъ. Павелъ Варнефридъ разсказываетъ, что король Геруловъ, во время войны съ Лонгобардами, приказалъ донести ему о побѣдѣ, пригрозивъ смертною казнью тому, кто донесетъ о пораженiи. Царедворецъ, или министръ, или деньщикъ, наблюдая съ дерева за ходомъ битвы, кричалъ: «мы побѣждаемъ, мы побѣждаемъ!» Наконецъ онъ вскричалъ: «несчастный король, насъ побѣдили!» Но казнить его уже было не кому: Лонгобарды вломились въ ставку и убили короля. Не такъ-ли кричатъ наши министры: «все въ порядкѣ», боясь не получить креста, аренды или мѣста? Не такъ-ли говорили они Карлу X до Iюля 1830 г., Луи-Филиппу и Фердинанду до Февраля и Марта 1848 г., и у насъ до 18 Февраля 1855 года? На государственныхъ людяхъ нашихъ всегда, и по справедливости, будетъ лежать это обвиненiе въ ропотѣ общества, въ возгласахъ частныхъ лицъ, даже въ письменныхъ осмѣянiяхъ Герцена, Плещеева, Бѣлинскаго. Были попытки и во всеподданнѣйшихъ представленiяхъ Государю. Таковы письмо Сперанскаго изъ Перми 1812 года, письмо барона Штенгеля 1826 года, особенно первое, безкорыстно выражавшее не-

достатки высшаго управленія перомъ одного изъ великихъ его представителей. Но никто не описалъ такъ какъ Гоголь все достойное посмѣянія у насъ, въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ». Вотъ что говоритъ у него одинъ благомыслящій князь, Русскій вельможа, чиновному народу края: .... «Оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго правленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены въ общую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствіе дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, пока не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ долженъ возстать теперь противъ неправды». Это говорятъ въ Москвѣ.

Послѣ Крымскихъ извѣстій, точно послѣ какой неудачи въ жизни, человѣкъ скучаетъ и недоволенъ собой .. Вотъ Корфа разбили у Евпаторіи, вотъ флотъ подъ Одессой. Назначена коммиссія о Керчи: куда употреблены деньги, на укрѣпленіе города и на завалъ пролива назначенныя? Наряжена коммиссія для изслѣдованія управленія по снабженію Крымской арміи.

Какъ пріумолкли пѣвцы о Святой Руси и святомъ ея назначеніи! Странное дѣло, ни одно государство, кромѣ Азіатскихъ, не имѣло и не высказывало о себѣ такого высокаго понятія про свое могущество и свою будущность, какъ Россія, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто такъ не унижалъ нашего характера, какъ представители этого воззрѣнія отъ Петра до Николая, отъ Посошкова до Гоголя. Жуковскій говаривалъ: «Русскій палку любитъ!» Великій Князь Михаилъ Павловичъ сказалъ въ комитетѣ: «Дозвольте Русскому солдату не снимать шапки; онъ васъ столкнетъ съ дороги!» Гоголь безпрестанно это выражаетъ, устами то Селифана, то Хлобуева, то Костанджогло, признавая необходимость понукателя ... Даже въ Исповѣди своей онъ признаётъ за Русскими это свойство: у всякаго, у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу. Всѣ новые писатели, въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, замѣчаютъ это странное свойство Русскаго человѣка. У Писемскаго (Плотничья Артель) мужикъ говоритъ о слабомъ старостѣ: «Скажи ты ему, чтобъ онъ палку-понукалку не на палатяхъ держалъ, а на полосу временемъ выносилъ; нашъ братъ-мужикъ плутъ! Какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало что не повезетъ, а тебя еще осѣдлаетъ».....

Нѣтъ, господа, Русскій не звѣрь какой, и объяснять его нужно не съ Азіатскимъ самообольщеніемъ, а по общимъ законамъ развитія человѣчества и государства. Русскій человѣкъ никогда не зналъ учрежденій, да и нынѣ мало знаетъ ихъ; а народъ воспитывается учрежденіями. Два-три перелома въ родѣ 1812 и 1855 годовъ, и онъ получитъ ихъ. Тогда ваши возгласы будутъ всѣ смѣшны и обидны.

Ничего новаго. Наши Государь и царевичи на Югѣ. У насъ на Сѣверѣ нужда и непогода, внутри непогода и нужда. Ничего не проясняется. Только три рѣчи на сборищахъ въ Англіи, Гладстона, Бульвера и Пальмерстона, выражаютъ торжество и надменныя притязанія. Да; но однако положеніе Востока требовало рѣшительнаго вмѣшательства: несообразно было бы болѣе терпѣть Турецкое угнетеніе, и Европа или Россія должны были взяться за это дѣло.

Циркуляръ министра внутр. дѣлъ отъ 28 Августа предводителямъ дворянства производитъ большое впечатлѣніе и толки. Г-ну Ланскому слѣдовало бы справиться, что предмѣстники его издали два подобныхъ циркуляра, и именно въ 1802 году 16 Октября окружное отношеніе В. П. Кочубея и особенно Д. Н. Блудова 18 Февр. 1832 года, въ которомъ между прочимъ сказано что: «предводители дворянства явятъ себя истинными ревнителями общаго блага, когда Государь Императоръ новыми знаками вниманія и благоволенія къ сему сословію побуждаетъ оное къ новымъ усиліямъ для содѣйствія успѣхамъ его отеческихъ намѣреній, когда Его И. В-во, именуя дворянство первою опорою престола, утверждаетъ и распространяетъ драгоцѣннѣйшее изъ правъ его—благоразумными, безпристрастными выборами охранять правду въ судахъ, спокойствіе въ обществѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наблюдая за ходомъ дѣла, нуждами и состояніемъ края, доводить до высочайшаго свѣдѣнія всякую полезную мысль, всякое предположеніе о мѣрахъ для искорененія злоупотребленій или устраненія въ мѣстномъ управленіи неудобствъ» (см. Сборн. Цирк., ч. I, стр. 185).

Сказавъ о своемъ назначеніи въ министры, Ланской продолжаетъ: «Я не могу не гордиться тѣмъ, что со званіемъ министра вн. дѣлъ сопряжена высокая обязанность быть *представителемъ* у престола Е. И. В. доблестнаго Россійскаго дворянства, издревле знаменитаго своею преданностью къ царственному дому, пламенною любовью къ отечеству и нынѣ, во время тяжкихъ испытаній, одушевленнаго тѣми же возвышенными чувствами. Всемилостивѣйшій Монархъ нашъ повелѣлъ мнѣ *ненарушимо охранять* права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству. Считаю себя счастливымъ передать *о столь великой* милости Государя въ лицѣ вашемъ всему дворянству, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ, удостовѣ-

ряю, что, по собственному, глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ царской власти и твердою опорою отечества. Вамъ близко извѣстно, какъ многое зависитъ отъ выбора дворянъ на службу, какія священныя обязанности возлагаются на нихъ и сколь тѣсно связано исполненіе сего долга со спокойствіемъ и благосостояніемъ частныхъ лицъ; а потому нельзя не желать искренно, чтобы выборъ въ общественныя должности падалъ на лицъ, носящихъ не одно только имя дворянина, но на тѣхъ, кто по умственнымъ и душевнымъ свойствамъ дѣйствительно *облагораживаетъ* высокое дворянское званіе».

Фразы эти, очевидно, вызванныя мѣрами Перовскаго и Бибикова, довольно звучны и выражаютъ цѣль благую. Но спрашивается: 1) о какомъ дворянствѣ здѣсь рѣчь? О сдѣланномъ герольдіею по чинамъ давности и фавёра, или о разбогатѣвшихъ отпущенникахъ, откупщикахъ и аптекаряхъ? 2) Почему министръ вн. дѣлъ есть представитель дворянства? 3) Почему охраненіе правъ есть высокая милость? 4) Какъ можетъ министръ вн. дѣлъ охранять эти права, когда это, по закону, возложено на Сенатъ? 5) Какая намъ нужда до убѣжденій министра, назначеннаго для исполненія закона? 6) Къ чему выставлять одно дворянство предъ прочими сословіями и особенно въ настоящее время, когда и духовенство, и ученые, и чиновники, и купцы соревнуютъ въ посильныхъ приношеніяхъ? 7) Какой антагонизмъ разумѣетъ г. Ланской? и 8) Знаетъ ли г. Ланской, что̀ такое выборы? Неужели онъ отъ нихъ ожидаетъ облагороженія высокаго дворянскаго званія?

Только военный шумъ, да ропотъ и неудовольствіе на Перовскаго и Бибикова (губернаторство Оренбургское и инвентари западные) не дозволяютъ вникнуть въ смыслъ этого поспѣшнаго циркуляра, имѣющаго всѣ свойства неумѣстной демонстраціи.

Боже мой, вотъ непріятель и въ Кинбурнѣ, вотъ и несчастный штурмъ Карса Муравьевымъ въ Азіи, Муравьевымъ, на которомъ еще нѣсколько успокоивалось общественное мнѣніе; въ Азіи, гдѣ всякое пораженіе вызываетъ предательское нерасположеніе полудикихъ сосѣднихъ державъ! Что же это значитъ? Такъ бы и не смотрѣлъ на это равнодушіе, на эти благотворительные базары, на эти афиши, когда рѣшается вопросъ, можетъ быть, о величіи Имперіи! Бьется сердце, и голова кружится. Напуганное общественное мнѣніе привыкаетъ къ мысли объ отдѣленіи Крыма, опасаясь высказать возможность другихъ лишеній.... Но такое ужасное пораженіе низведетъ насъ, столь слабыхъ во внутреннемъ управленіи, на степень второклассныхъ державъ. Дѣти наши не повѣрятъ нашему значенію, утверждавшемуся на Вѣнскихъ трактатахъ 1814 года; монархическое начало послѣ та-

кого униженія должно будетъ сознаться въ своемъ безсиліи и, можетъ быть, вызовется періодъ внутреннихъ переворотовъ. Если нѣтъ надежды на свои силы, намъ остается искать ея въ соперничествѣ враговъ.... Торжество ихъ, затруднительный раздѣлъ добычи и ложное положеніе Турціи—вотъ наши надежды. Но и эти надежды, хотя бы онѣ и сбылись, не избавятъ насъ отъ послѣдствій броженія и истощеній внутреннихъ. Видятъ ли ихъ?... У насъ еще думаютъ ограничиваться звонкими фразами манифестовъ, рескриптовъ и циркуляровъ, не заботясь о томъ, что въ отвѣтъ на нихъ въ той же газетѣ, гдѣ циркуляръ, лаконическое извѣстіе о разбитіи нашей арміи, о занятіи Севастополя, о пораженіи при Карсѣ. Но мы еще сильны нашими пространствами и нашимъ Русскимъ населеніемъ.

Скончались наши лучшіе, даровитые ученые: профессора Неволинъ и Грановскій. Первый извѣстенъ превосходными сочиненіями: Энциклопедіей въ 1840 г., Исторіей гражданскихъ законовъ въ 1850 г. и Новгородскими пятинами 1854 г., а также разными мелкими разсужденіями, изъ которыхъ лучшее—о церковномъ судѣ. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, собиратель и сводчикъ примѣрный. О Грановскомъ очень много напечатано въ 120—122 №№ Московскихъ Вѣдомостей, о Неволинѣ ничего.

Ничего новаго. Въ Крыму и Николаевѣ все благополучно. Они называютъ это благополучіемъ! Въ городѣ радостный говоръ объ отставкѣ графа Клейнмихеля, о письмѣ къ нему Государя, о стихахъ графу одного офицера корпуса путей сообщенія:

Итакъ, сбылись завѣтныя желанья.
Прости на вѣкъ, нашъ грозный падишахъ!
Благодаримъ за всѣ благодѣянья:
За сѣдины въ поручичьихъ чинахъ,
За рядъ обидъ и мелкихъ оскорбленій,
Которыя ты щедро расточалъ,
За глубину того уничиженья,
Въ которое ты насъ втопталъ...

Говорятъ о ящикѣ, посланномъ отъ какой-то Жуковой г. Чернову въ Москву, гдѣ при вскрытіи взрывъ ранилъ полицейскихъ и самого Чернова. Случилось это на Мясницкой, близъ стараго почтамта.

Ничего, ничего! Точно-ли ничего? Сердце не вѣритъ, умъ не постигаетъ. На Западѣ голодъ; но намъ отъ того не легче, а тяжелѣ: голодные поспѣшнѣе идутъ въ охотники. Какое торжество отъ Испаніи до Шведской Лапландіи! Отовсюду посылаются кресты побѣдителямъ, поздравленія владыкамъ. Многіе думаютъ, что кампанія 1855 года кончилась. Не думаю. Слышно, что союзники уже въ переговорахъ о назначеніи Севастополя, что они согласны на возстановленіе

царства Грузинскаго и на образованіе Армянскаго подъ покровительствомъ Порты. Не слишкомъ ли вы торопитесь? Неужели забыли, съ кѣмъ воюете? Государство такого размѣра, какъ Россія, ослабляется не годами. Мы терпѣливѣе васъ перенесемъ необходимыя усилія. Вы можете ослабить насъ возстановленіемъ Польши и смутами внутренними; но рѣшитесь ли вы на первое даже съ согласія Австріи? А смуты внутреннія безъ вторженія въ среднія губерніи для васъ не возможны. Опасность плотнѣе соединяетъ насъ. Но какъ мало мы сдѣлали для внутренняго устройства! Конечно назначеніе Ланскаго и Чевкина—шаги къ улучшенію; но не старъ-ли Ланской, и въ уровень-ли онъ съ требованіями по уму, познаніямъ и опыту? А Чевкинъ, что̀ будетъ онъ дѣлать безъ людей и денегъ съ запутанными счетами? Ланской найдетъ большое сочувствіе въ Совѣтѣ и Комитетѣ; Чевкинъ встрѣтитъ канцелярскія препятствія. На это у насъ горазды. Въ газетахъ описываютъ пріемъ и угощеніе въ Тифлисѣ посла Персидскаго. Между тѣмъ слышно, что экспедиція по Амуру возбудила неудовольствіе въ Китаѣ. Слышно, что факторіи наши въ Семипалатинской области разграблены Киргизами, что разбойники убили султана Средней Орды и что Орда Внутренняя готова взбунтоваться... Французы посылаютъ въ Стокгольмъ знаменитаго Канробера для соглашенія на счетъ зимовки флота въ Швеціи. Вѣнская корреспонденція увѣряетъ, что нашъ Государь склоняется къ миру.

Вотъ Государь и возвратился. Привѣтствіе ему въ Одессѣ Иннокентія, кромѣ довольно-счастливаго начала, и тяжело, и неприлично. Привѣтствія Филарета 1 Сентября и 6 Ноября несравненно лучше. Приказъ Крымской арміи справедливъ и благороденъ. За то приказъ военнаго министра о сношеніяхъ старшихъ подчиненныхъ съ молодыми начальствующими производитъ, особенно среди генераловъ, большой ропотъ.

...Зима сковала войну, мелочи спутали событія, свободнѣе слышатся пересуды и сплетни. Князь Паскевичъ умираетъ. Великій Князь Николай Николаевичъ женится на принцессѣ Ольденбургской. По городу ходитъ каррикатура: съ высокой горы несется Бибиковъ; за нимъ, останавливая санки руками и ногами, графъ Клейнмихель. Далѣе видѣнъ Брокъ, которому предлагаетъ санки Княжевичъ; на верху выступаютъ графъ Панинъ и князь Долгоруковъ.

Недостатокъ звонкой монеты ощутителенъ по прежнему... Подтвердилось извѣстіе о пораженіи Багратіона Мухранскаго въ Мингреліи; носятся слухи о снятіи осады Карса, объ уничтоженіи огромныхъ запасовъ близъ Эйска, о союзѣ Швеціи съ Франціей. Время страшное; но каковы бы ни были усилія и успѣхи враговъ и наши

потери, я убѣжденъ, что грозное время послужитъ намъ въ пользу; да и золото не въ золото, не побывъ подъ молотомъ, а Россія самородокъ огромный, и отчеканить и огранить его не то, что сжатую Францію или Австрію. Грустно читать объ этихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ согражданъ, и еще грустнѣе видѣть, какъ немногіе изъ нашихъ государственныхъ людей понимаютъ высокое свое положеніе и какъ мало учрежденія наши соотвѣтствуютъ требованіямъ. Что такое эти крѣпостные, эти суды, эти исправники? Слышалъ я стихи:

Министеріи въ угоду
Сенато́рская изба
Обращается къ народу
Съ всякимъ вздоромъ безъ стыда и т. д.

Слушалось дѣло о коллежскомъ регистраторѣ Коцюбинскомъ; онъ осуждается въ каторгу за вымогательство (угрозою поджога) 400 рублей у Чигиринскаго купца Бродскаго. Купцу онъ написалъ письмо замѣчательное по высказываемому убѣжденію въ торжествѣ Французовъ и въ приходѣ ихъ на Украйну. Сказавъ въ началѣ о политическихъ дѣлахъ, «перевѣсъ которыхъ всякъ дальновидный даже съ врожденнымъ умомъ, не говорю уже воспитанный человѣкъ, и вы должны предугадывать, какъ давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемую развязку», Коцюбинскій продолжаетъ: «не стану описывать причины, заставляющія такъ думать почти каждаго; идея эта относится собственно до политическаго равновѣсія державъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ предугадывать планы другихъ». Далѣе Коцюбинскій пишетъ: «по полученіи *нашихъ* денегъ, вы черезъ часъ получите письмо, къ которому присоединяются пергаментный бланковый билетъ съ печатями союзныхъ армій». Шутка не удалась.

Государь, 16 Ноября, созвалъ на обѣдъ всѣхъ участвовавшихъ въ Варшавѣ въ борьбѣ съ мятежниками и обратилъ имъ въ пансіонъ то жалованіе, которое они въ прежнихъ чинахъ тогда получали. Милости и помилованіе Полякамъ. Но отчего же нашимъ политическимъ 1825 и 1849 годовъ ничего? Этого такъ ждутъ.

Генералу И. Г. Бибикову, за представленіе адреса, сдѣланъ строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ.

Письмо Искандера-Герцена отъ 10 Марта, ходящее по рукамъ. Оно напоминаетъ тѣхъ дерзкихъ трибуновъ первой революціи, которые переписывались съ собраніемъ и правительствомъ d'égal à égal *), и потому не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій... Чего хочетъ соціалистъ? Свободы рѣчи и свободы крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли въ собственность. Судя по дерзости письма, можно заключить

*) Какъ равный къ равному.

одно изъ двухъ: или что бѣглецъ имѣетъ соучастниковъ, или, что съ перемѣною царствованія онъ очень разсчитывалъ на реакцію. Соучастниковъ вѣроятно нѣтъ, а развѣ можно было разсчитывать на сочувствіе?..

На сушѣ ничего, или, какъ говоритъ князь Горчаковъ, все благополучно. Морскіе штаты сравнены съ сухопутными, прибавки до 500 тыс., и заключенъ новый заемъ чрезъ Штиглица въ 50 мил. Главнымъ начальникомъ силъ на Сѣверѣ назначенъ все тотъ же кн. Меншиковъ, начальникомъ штаба будущій графъ Путятинъ. Я. И. Ростовцовъ предложилъ всѣхъ раненыхъ и увѣчныхъ офицеровъ устроить при военноучебныхъ заведеніяхъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ уже два раза предписывалъ о составленіи точныхъ и правдивыхъ отчетовъ, чтобы, не усыпляясь похвалами, показывать правду, сознаваться въ ошибкахъ, оглашать недостатки. Въ Декабрѣ 1854 года онъ составилъ отчетъ въ этомъ видѣ, описавъ положеніе флота и морскаго хозяйства въ самомъ жалкомъ состояніи, но отчета этого представить не рѣшился, по случаю болѣзни и потомъ смерти отца. Нынѣ, въ Ноябрѣ, онъ предписалъ управляющему министерствомъ барону Врангелю препроводить выписку всѣмъ директорамъ для руководства при составленіи отчетовъ.

Побѣда подъ Карсомъ 16 Ноября. По крайней мѣрѣ это! Я радъ и за Муравьева, котораго послѣ неудачнаго штурма въ грязь втоптали стратеги и тактики. Извѣстіе привезъ Корсаковъ, получившій чинъ штабсъ-капитана и флигель-адъютантство. Побѣда дѣйствительно замѣчательная, по важности впечатлѣнія на умы, по важности крѣпости, сосредоточивавшей остатки Анатолійской арміи. Нужда въ крѣпости была страшная. Наши молодцы выдержали сидѣнье превосходно. Приказъ намѣстника дышетъ искренностью и религіозностью. Вотъ содержаніе этого приказа 16 Ноября въ станѣ Владикарсѣ: «Поздравляю васъ, сотрудники мои! Какъ намѣстникъ царскій, благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса, въ немъ является торжество Креста Спасителя. Исчезла какъ прахъ вся 30-тая Анатолійская армія. Итакъ возблагодарите вмѣстѣ со мною Господа Силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Своихъ даровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, чрезъ которое еще въ недавнемъ времени прошли мы. Вѣра въ святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удвоиваетъ бодрыя силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго приступимъ къ новымъ трудамъ».

Во Франціи все клики о мирѣ, въ Англіи о войнѣ. Австрія по прежнему лавируетъ. У насъ о мирѣ и рѣчи нѣтъ. По случаю взятія

Карса, какъ разсказывалъ Панаевъ (директоръ канцеляріи министра двора), «12-лѣтвій Наслѣдникъ-Цесаревичъ написалъ своему воспитателю: «Поздравляю васъ, Муравьевъ взялъ Карсъ; а возмется за умъ, возметъ и Ерзерумъ!» Пожалованіе адмирала Путятина (послѣ аренды и Бѣлаго Орла) въ графы «за услуги Имперіи» по докладу Великаго Князя производитъ въ верхнихъ слояхъ общій ропотъ.

Обѣдъ въ Москвѣ Щепкину по случаю 50-ти лѣтъ театральнаго его поприща, обѣдъ, дѣлающій честь благородному артисту. Привѣтствія, читанныя профессоромъ Баршевымъ и актеромъ Шумскимъ исполняютъ сердце любви и уваженія къ знаменитому комику. Оцѣнка его сдѣлана въ легкой и живой рѣчи старика С. Т. Аксакова, отца даровитыхъ сыновей, изъ которыхъ Константинъ, благодаря за тостъ отцу, отсутствовавшему по болѣзни, предложилъ тостъ за «общественное мнѣніе». Графъ Закревскій не рѣшился пропустить въ газетѣ этой Московской сцены, и я читалъ описаніе ея въ письмѣ Аксакова къ Княжевичу. Честь и слава Москвѣ за ея смѣлыя начинанія!

Другой обѣдъ, генералу Тотлебену, давалъ здѣсь шахматный клубъ. О немъ я знаю, что старикъ профессоръ Шульгинъ былъ очень пьянъ и что академикъ Якоби, послѣ качанія Тотлебена и послѣ предложенія качать Шульгина, неосторожно задѣлъ молодаго офицера, за что и поплатился боками.

Князь Меншиковъ назначенъ главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами въ Кронштадтѣ. Кронштадтъ будетъ взятъ, кричатъ любящіе пересуды и сплетни. Немногіе довольны и увѣрены, что старикъ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Теперь громоздятъ въ заливѣ, чтобъ не допустить непріятеля на разстояніе 500 сажень, на которомъ гранитъ можетъ уступить чугуну.

Назначеніе новаго министра Ланскаго, какъ и вообще всѣ его дѣйствія, сколько они извѣстны, весьма хороши. Онъ назначилъ (вѣроятно по личному приказанію Государя) въ Вильну, на мѣсто Ильи Бибикова, В. И. Назимова, о которомъ, конечно пожалѣетъ Московскій Университетъ. М. И. Лексъ уступилъ мѣсто умному и образованному А. И. Левшину. Къ себѣ въ директоры Ланской назначилъ: Оржевскаго, Жданова, человѣка опытнаго и благонамѣреннаго, а на мѣсто Скрипицына, въ иностранныя исповѣданія, Дм. Петр. Хрущова. Это человѣкъ новаго поколѣнія и новыхъ ученій.

Но понимаетъ ли Ланской всю важность настоящаго положенія?

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗА „СМЕРТЬ СЛѢПЦОВА“.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (Октябрь 1888 г.) напечатанъ разсказъ, я скорѣе назвалъ бы повѣсть, подъ заглавіемъ: „Смерть Слѣпцова, Кавказская быль“, Н. Д. Ахшарумова.

Живой разсказъ, прекрасный литературный языкъ, всѣ достоинства беллетристическаго произведенія съ одной стороны, незнакомство съ дѣйствительными событіями, легкомысленно-довѣрчивое отношеніе къ розсказнямъ разныхъ лицъ и много фантазіи,—съ другой. Если бы описываемыя авторомъ происшествія относились къ эпохѣ „старины глубокой“, къ какому нибудь XVII или хотя XVIII столѣтію, то еще можно бы мириться съ такою смѣсью были и небылицы; но когда дѣло касается пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, когда много участниковъ событій еще находится въ живыхъ, когда офиціальные документы еще вовсе не „тронуты архивной пылью“, а частныя письма и записки даже не могутъ быть опубликованы *за несвоевременностью*: то нельзя не пожалѣть, что авторъ, не ограничиваясь избраннымъ для разсказа эпизодомъ, прибавилъ нѣчто въ родѣ обличительной тенденціи, затрогивая память такихъ историческихъ лицъ, какъ князь М. С. Воронцовъ, князь А. И. Барятинскій. И это тѣмъ болѣе жаль, что Слѣпцовъ не нуждается въ искусственныхъ подпоркахъ, чтобы оставаться на достигнутой имъ при жизни высотѣ: это былъ типъ Русскаго витязя, смѣлый, отважный, жаждущій кипучей дѣятельности, увлекающійся до самопожертвованія, до забвенія о томъ, что его жизнь дорогà отечеству, что ею не слѣдуетъ играть съ такимъ легкимъ сердцемъ, кидаясь впередъ, гдѣ вовсе и не мѣсто начальнику, и въ дѣлахъ въ сущности не стоившихъ пожертвованія даже простыми рядовыми... Слѣпцовъ—предшественникъ Скобелева, только не имѣвшій случая проявить столько военныхъ способностей. Кругъ дѣйствій Слѣпцова (командованіе казачьимъ полкомъ, начальствованіе кордонною линіею и маленькими, въ нѣсколько ротъ, отрядами противъ Чеченскихъ, хотя и храбрыхъ, но нестройныхъ хищниковъ) былъ слишкомъ ограниченъ. Нѣтъ сомнѣнія, останься онъ живъ, получивъ постепенно высшія командованія, дающія опытъ, устойчивость и бо̀льшую широту взглядовъ, Слѣпцовъ достигъ-бы той степени извѣстности, которая открываетъ мѣсто на страницахъ Всеобщей Исторіи.

Однако къ дѣлу. Авторъ очевидно основываетъ большую часть своего разсказа о Слѣпцовѣ на словахъ его бывшаго полковаго адъютанта Неймана, съ которымъ „видѣлись часто, были дружны до самой смерти его, послѣдовавшей въ 1883 году“. Нужно однако сказать, что покойный милѣйшій Михаилъ Густавовичъ Нейманъ, съ которымъ и я былъ болѣе 30 лѣтъ хорошо знакомъ (вмѣстѣ служили, часто встрѣчались отставными инвалидами и въ Петербургѣ, и въ Кисловодскѣ), былъ человѣкъ увлекавшійся, вращавшійся на службѣ въ тѣсномъ кружкѣ субалтернъ-офи-

церовъ, человѣкъ съ ограниченнымъ кругозоромъ, имѣвшій способность придавать большое значеніе сущимъ пустякамъ и вѣрить не только чужимъ баснямъ, но и созданіямъ собственной фантазіи. Взявъ въ соображеніе привязанность его къ своему незабвенному, доблестному командиру Слѣпцову, нечего и удивляться, если онъ давалъ фантазіи лишній полетъ.

Авторъ разсказываетъ, что „въ четыре года Слѣпцовъ очистилъ отъ непріятеля *всю* плоскость Малой Чечни и покорилъ нагорныя общества Галашковское, Карабулакское и Аргитинское (?), отнявъ у врага не только самыя плодоносныя земли, но и лучшій боевой его элементъ“. И далѣе: „каждый ударъ Слѣпцова попадалъ въ цѣль и колебалъ власть Шамиля, колебалъ вѣру въ его могущество. Озлобленный и встревоженный Имамъ, въ 1848 году, рѣшился, во что бы ни стало, вернуть утраченное и отомстить за свой стыдъ, уничтоживъ однимъ ударомъ новую линію. Собравъ до 10 т. своего лучшаго войска, онъ двинулся съ ними на Сунжу. Нашествіе это имѣло такой неожиданно-грозный видъ, что по первому слуху о немъ главнокомандующій князь Воронцовъ счелъ нужнымъ лично прибыть на Сунжу и притянуть къ ней поспѣшно войска изъ сосѣднихъ районовъ. Но Слѣпцовъ вырвалъ побѣду изъ рукъ друзей, стремившихся раздѣлить ее съ нимъ, и обошелся безъ помощи ихъ“.

Тутъ что̀ ни слово, то самая пылкая фантазія. Плоскость Малой Чечни, хотя далеко не *вся*, къ 1848 году была очищена отъ непріятеля не однимъ Слѣпцовымъ въ четыре года, а цѣлымъ рядомъ военныхъ дѣйствій генерала Фрейтага и, главное, посредствомъ вырубки пѣхотою лѣсовъ. Только чрезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Слѣпцова окончательно очистилъ ее графъ Евдокимовъ, для чего потребовались не нѣсколько сотень Сунжинскихъ казаковъ, а десятки батальоновъ. Слѣпцовъ не покорялъ упоминаемыхъ обществъ: ибо Карабулаки были давно покорены и занимались только мелкими разбоями, какъ большинство горцевъ, но не открытой войной противъ насъ; Галашевцы оставались всегда полупокорными, никогда открыто съ нами не воевали (мы, не имѣя возможности защищать ихъ отъ мюридовъ, силою пробиравшихся чрезъ ихъ земли въ наши предѣлы, не могли и требовать отъ нихъ абсолютной покорности), а Аргитинцевъ никогда на Кавказѣ не существовало. Успѣхи Слѣпцова въ борьбѣ съ хищными партіями и ближайшими сосѣдями прекрасно ограждали линію, отбивали у горцевъ охоту къ частымъ набѣгамъ и держали ихъ въ постоянномъ страхѣ за цѣлость собственныхъ ауловъ и стадъ; но это не могло колебать власть Шамиля и вѣру въ его могущество, опиравшіяся на покорности ему всего Дагестана и Чечни. Для подрыва власти Шамиля потребовались болѣе серьезныя дѣйствія, чѣмъ нѣсколько-часовые набѣги, и не такія мелкія военныя средства, какія находились въ распоряженіи Слѣпцова. Только сосредоточенныя силы 300 тысячной арміи, направляемой одною волею къ ясно опредѣленной цѣли, сломили эту власть и заставили восточный Кавказъ признать себя побѣжденнымъ, а владыку своего — сдать для отправки на жительство въ Калугу.

Въ 1848 году Шамиль и не думалъ съ 10 т. *лучшихъ* войскъ бросаться на Сунжу, ибо тогда князь Аргутинскій-Долгорукій осаждалъ въ

Дагестанѣ его крѣпость Гергебиль, и Имамъ со всѣми своими главными наибами и толпами ее защищалъ (впрочемъ, напрасно: Гергебиль былъ взятъ). Главнокомандующій князь Воронцовъ, еслибы и былъ слухъ о нашествіи Шамиля на Сунжу, едва ли бы ему повѣрилъ и никогда не счелъ бы нужнымъ лично спѣшить туда: это было не дѣло главнокомандующаго, а мѣстнаго начальника Владикавказскаго округа генералъ-маіора Ильинскаго, или начальника Лѣваго фланга Нестерова, которымъ Слѣпцовъ подчинялся; не повѣрилъ бы князь Воронцовъ подобному слуху потому, что зналъ о нахожденіи Шамиля въ Дагестанѣ для противодѣйствія войскамъ князя Аргутинскаго. Такимъ образомъ, Слѣпцовъ не вырывалъ побѣды изъ рукъ „*друзей, старавшихся раздѣлить ее съ нимъ*". И подумайте только: главнокомандующій князь Воронцовъ, стоящій во главѣ цѣлаго огромнаго края и 250 т. арміи, генералъ еще подъ Бородинымъ, побѣдитель Наполеона подъ Краономъ въ 1814 году, весь увѣшанный высшими орденами и Георгіевской звѣздой, одинъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ, пользующійся неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая, стремится раздѣлить честь побѣды надъ толпой Чеченцевъ съ командиромъ казачьяго полка, полковникомъ Слѣпцовымъ!! Къ тому же, старый князь любилъ Слѣпцова какъ сына, а Слѣпцовъ искренно, душевно уважалъ главнокомандующаго. Будьте милостивы и подумайте, возможно ли что-нибудь подобное? И какую же черту характера рисуете вы такимъ способомъ у Слѣпцова? Значитъ, онъ не столько заботился объ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, сколько о своемъ самолюбіи; ибо въ первомъ случаѣ ему слѣдовало бы быть благодарнымъ всякому, спѣшившему на помощь для защиты ввѣренной ему Линіи, подвергавшейся такой серьезной опасности, какъ нашествіе самого Шамиля съ 10 т. *лучшихъ войскъ*, а не думать о нераздѣльной побѣдѣ!

Но еще лучше заключеніе: „зналъ ли Слѣпцовъ, гдѣ найти врага и выѣхалъ съ этой цѣлью ему на встрѣчу, или одно геройское вдохновеніе руководило его въ побѣдѣ,—трудно рѣшить; но *достовѣрно*, что *благодѣтели*, *собравшіеся его выручать*, *были весьма недовольны* его поспѣшностью и тою безцеремонностью, съ которою онъ обошелся безъ нихъ". И такъ Слѣпцовъ, этотъ честнѣйшій, безкорыстно-преданный дѣлу человѣкъ, чтобы только не дѣлить ни съ кѣмъ славы побѣды, можетъ быть, зная, гдѣ найти врага, не доложилъ объ этомъ главнокомандующему, а предпочелъ броситься одинъ съ 600 казаковъ на 10 т. *лучшихъ войскъ*! Ну, а еслибы эти 10 т. лучшихъ войскъ не разсѣялись какъ туманъ отъ 600 казаковъ? Вѣдь могло же это случиться, при всей храбрости Слѣпцова? Какъ бы назвали его поступокъ?.. Воля ваша, не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ....

А князь Воронцовъ и начальникъ главнаго штаба ген.-адъютантъ Коцебу, яко бы поспѣшившіе на помощь, иронически называются „благодѣтелями", остающимися недовольными на Слѣпцова за поспѣшность въ побѣдѣ!?

Я уже сказалъ, что никакого нашествія Шамиля съ 10 т. не было: онъ былъ очень далеко отъ Сунжи въ то время. Князь же Воронцовъ, объѣзжавшій почти каждый годъ край въ разныхъ направленіяхъ,

въ 1848 году проѣхалъ по Сунжинской линіи въ кр. Воздвиженскую, собралъ тамъ отрядъ и показывалъ видъ вторженія въ Большую Чечню, чтобы отвлечь Чеченцевъ отъ движенія на помощь осажденному Гергебилю; затѣмъ, послѣ паденія этой крѣпости, главнокомандующій перешелъ въ Малую Чечню, для подробной рекогносцировки мѣстности, предположенной къ очисткѣ отъ лѣсовъ и подъ поселеніе новыхъ станицъ [1]).

На стр. 57, послѣ разсказа о „не менѣе тяжкомъ ударѣ, нанесенномъ Шамилю въ Галашкахъ“ (тутъ тоже все во много разъ преувеличенная фантазія) авторъ продолжаетъ: „А вотъ одно, можетъ быть самое смѣлое изъ дѣлъ Слѣпцова. Грозный окопъ возведенъ былъ Шамилемъ въ Большой Чечнѣ. На устройство его Шамиль потратилъ много времени и трудовъ, а когда кончилъ, то похвалялся, что *позволитъ обрить себѣ бороду* [2]), если когда-нибудь Русская нога перешагнетъ за черту его укрѣпленія. И дѣйствительно, рядъ неудачныхъ попытокъ грозилъ оправдать его похвальбу. Отряды въ полномъ составѣ пытались взять его, но возвращались съ урономъ; а Шалинскій окопъ продолжалъ стоять бѣльмомъ на глазу у Русскихъ и нѣсколько времени былъ неприступнымъ. Онъ былъ внѣ круга Сунжинской линіи, но тѣмъ не менѣе не давалъ спокойно уснуть Слѣпцову; и вотъ, улучивъ минуту, при свиданіи съ главнокомандующимъ глазъ на-глазъ, онъ чуть не насильно выпросилъ себѣ позволеніе попытать счастья въ чужомъ раіонѣ.—„Даю вашему сіятельству слово, говорилъ онъ, что я возьму Шалинскій окопъ одинъ, съ легкимъ казачьимъ полкомъ и безъ всякой поддержки“... Воронцовъ долго отнѣкивался, считая, какъ и всякій на его мѣстѣ конечно считалъ бы, затѣю этого рода чѣмъ-то близкимъ къ безумству; но наконецъ, побѣжденный увѣренностью и неотступными просьбами, далъ позволеніе... А Слѣпцову только того и нужно было. Онъ взялъ Шалинскій окопъ съ самой ничтожной потерей. Главная трудность и тутъ, какъ и вездѣ, состояла въ подступѣ. Трудно было скрыть замыселъ такъ, чтобы ни друзья, ни враги не провѣдали о немъ ничего до самой минуты его выполненія. Еще труднѣе было подкрасться съ коннымъ полкомъ мимо постовъ и лазутчиковъ непріятеля и просидѣть незамѣченнымъ день въ оврагѣ. На разсвѣтѣ Слѣпцовъ съ казаками ударилъ врасплохъ на Шалинскій окопъ и, прежде чѣмъ нѣсколько ротъ егерей, взятыхъ на всякій случай, поспѣли за конницей, чтобы поддержать атаку, все уже было кончено“.

Какое наивное представленіе о войнѣ, войскахъ, отношеніяхъ начальствующихъ лицъ между собою!... Дѣло было вовсе не такъ. Въ теченіе лѣта 1850 г. Шамиль распорядился оградить всю Шалинскую поляну на разстояніи полутора верстъ окопомъ, съ редутами на флангахъ, и хотя вскорѣ генералъ Козловскій, начальствовавшій Лѣвымъ флангомъ за болѣзнію Нестерова, атаковалъ этотъ окопъ, разрушилъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и проработалъ дороги для прохода артилеріи (при чемъ было потеряно до 140 человѣкъ), но особеннаго результата отъ этого въ нашу

---

[1]) См. письма кн. Воронцова къ кн. Барятинскому отъ 5, 12 и 31 Іюля 1848 года изъ Воздвиженской, въ „Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго“ т. 1-й, стр. 86—88 и 89.

[2]) Шамиль былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы говорить такія пошлости, хотя и съ оттѣнкомъ восточнаго характера. Серьезный, сосредоточенный, не позволявшій себѣ даже никогда лишняго слова, онъ не любилъ шутокъ, смѣха и проч. Это входило въ кодексъ его управленія.

пользу не произошло. Какъ только мы отступили, Шамиль приказалъ собрать толпы рабочихъ, еще уширилъ окопъ и увѣнчалъ его во всю длину турами. Черезъ нѣкоторое время, пользуясь отсутствіемъ Козловскаго, и начальникъ Сунжинской линіи Слѣпцовъ, съ небольшою колонною, налетомъ появился на Шалинскомъ окопѣ, прогналъ бывшій тамъ непріятельскій караулъ и тоже разрушилъ часть работъ,—немедленно, впрочемъ, опять горцами исправленныхъ и занятыхъ болѣе сильною партіею.

Всѣ эти дѣйствія, уклонявшіяся отъ предпринятой системы, не увѣнчивались успѣхомъ и съ очевидностью показывали, что только вырубка лѣсовъ зимою и прочное занятіе удобныхъ мѣстъ нашими укрѣпленіями и поселеніями могутъ привести къ достиженію цѣли *). Слѣпцовъ, за отсутствіемъ генералъ-маіора Козловскаго изъ Грозной, короткое время исправлялъ должность его и потому имѣлъ право предпринять движеніе къ Шали, не прибѣгая къ просьбамъ и убѣжденіямъ главнокомандующаго. Никакого оврага, въ которомъ бы въ теченіи дня могли скрыться цѣлый конный полкъ и нѣсколько ротъ пѣхоты, въ этой мѣстности нѣтъ; это ровная плоскость, въ то время лѣсистая. Если бы окопъ былъ занятъ сильнымъ скопищемъ Чеченцевъ, то взять его, да еще съ одною конницею, не было никакой возможности; но лѣтомъ, когда горцы, какъ и всякое другое населеніе, заняты полевыми работами, они только въ особыхъ случаяхъ собирались въ значительномъ числѣ; въ этотъ же разъ на Шалинскомъ окопѣ ихъ было очень мало, собственно какъ караулъ, и потому набѣгъ Слѣпцова обошелся почти безъ потерь, но и безъ всякаго результата: караулъ бѣжалъ, окопъ мы заняли для того, чтобы посмотрѣть на него и—уйти; а въ Январѣ 1851 года пришлось опять брать его отряду генерала Козловскаго, чтó и совершилось простымъ обходомъ, безъ всякой потери. Для защиты такого укрѣпленія, на протяженіи полутора верстъ, нужно бы нѣсколько тысячъ человѣкъ постояннаго прикрытія; у Шамиля же не было постоянныхъ войскъ и средствъ для этого. Строилъ онъ этотъ окопъ и много подобныхъ укрѣпленій болѣе съ цѣлью нравственной поддержки падавшаго духа горцевъ, самъ очень хорошо зная, что Русскихъ войскъ этимъ онъ не задержитъ.

Авторъ разбираемаго разсказа можетъ спросить меня: да почему же ваши слова должны приниматься на вѣру, а наши, основанныя на разказахъ Неймана, не заслуживаютъ вѣры? Совершено основательный вопросъ, и я считаю нужнымъ дать на него отвѣтъ.

Не говорю о томъ, что я, прослуживъ 25 лѣтъ на Кавказѣ (1842—1866) на всѣхъ театрахъ происходившихъ тамъ военныхъ дѣйствій и отчасти въ должностяхъ, дававшихъ мнѣ возможность слѣдить за ходомъ дѣла и по офиціальнымъ даннымъ, и по отзывамъ самихъ начальствующихъ лицъ, изучилъ исторію Кавказской войны по источникамъ, не только въ архивахъ Тифлиса и Петербурга, но и по частнымъ, въ родѣ переписки князей Воронцова и Барятинскаго съ разными лицами (это документы, не

*) „Исторія Кабардинскаго полка“, т. III, стр. 89.

бывшіе пока ни у кого въ рукахъ и весьма важные для изученія предмета); но плодомъ моихъ изысканій были трехтомный трудъ „Исторія Кабардинскаго полка“ и „Біографія фельдмаршала князя Барятинскаго“ еще не доконченная. И тотъ и другой, какими недостатками ни отличались бы, имѣютъ однако одно значеніе: это сводъ самыхъ разнообразныхъ, вѣрныхъ матеріаловъ, на какихъ дѣйствительная исторія только и можетъ основываться. Я позволяю себѣ выразить увѣренность, что если уважаемый авторъ разсказа „Смерть Слѣпцова“ прочитаетъ „Исторію Кабардинскаго полка“ и законченный пока лишь I-й томъ „Біографіи князя Барятинскаго“, онъ несомнѣнно измѣнитъ свой взглядъ и убѣдится, что его представленія о Кавказской войнѣ и дѣлахъ, имъ разсказываемыхъ, были ошибочны. Само собою, подобныя ошибки вполнѣ извинительны человѣку, пріѣхавшему на Кавказъ случайно, на короткое время, и увлекшемуся разсказами, въ которыхъ трудно ему было разобраться. Авторъ, быть можетъ, не знаетъ, что всякій начальникъ отряда долженъ вести журналъ военныхъ дѣйствій и каждые 15 дней представлять ихъ своему начальству и военному министру, за исключеніемъ особыхъ выдающихся случаевъ, когда посылаются донесенія тотчасъ. Ни одинъ начальникъ, конечно, не станетъ умалять значеніе своихъ дѣйствій, а скорѣе старается придать имъ бòльшую важность, для чего у всѣхъ націй, безъ исключенія, выработался особый родъ „реляціонной литературы“. Покойный Слѣпцовъ *не принадлежалъ* къ разряду тѣхъ, которые въ реляціяхъ даютъ широкій просторъ фантазіи, но и не умалялъ ничего изъ лишней скромности, и потому сомнѣваться въ правдивости его донесеній нѣтъ ни малѣйшаго повода. Представьте же себѣ, что въ этихъ донесеніяхъ, давно мною читанныхъ, сколько помню, нѣтъ ничего подобнаго тому, что̀ говорится въ разсказѣ „Смерть Слѣпцова, Кавказская быль“.

Однако все приведенное выше ничто въ сравненіи съ слѣдующимъ эпизодомъ. Въ Іюнѣ 1851 года, Слѣпцовъ въ одномъ изъ набѣговъ былъ раненъ въ ногу и лечился въ станицѣ Михайловской, на желѣзосѣрныхъ ключахъ. Тутъ посѣтилъ *его* г-нъ Ахшарумовъ, и вотъ что разсказываетъ: „Мы застали его измученнаго и раздраженнаго; лицо и даже бѣлки его глазъ были желты. Вынужденное и ненавистное для него бездѣйствіе, рана и лекаря, залитое солнцемъ тѣсное помѣщеніе, мухи, извѣстія съ Линіи, рапорты изъ станицъ, друзья и враги, малѣйшее не впопадъ обращенное къ нему слово, даже простое участіе къ нему, какъ къ больному, все выводило его изъ себя. Такъ напримѣръ, *при насъ* его навѣстилъ вліятельный его *конкурентъ* и сосѣдъ, красавецъ и молодецъ еще, князь Барятинскій, исправлявшій въ то время должность начальника Лѣваго фланга. Онъ просидѣлъ не болѣе получаса; но даже и этотъ короткій визитъ былъ для больнаго невыносимой пыткой, *и я до сихъ поръ не могу забыть*, какъ, по отъѣздѣ князя, Слѣпцовъ проклиналъ его вѣжливость.

— Слишкомъ любезно! Слишкомъ внимательно! кипятился Слѣпцовъ, кусая усы и сверкая глазами изъ подъ нахмуренныхъ, черныхъ бровей. Терпѣть не могу эти гофмейстерскіе, дипломатическіе демарши!... Связываютъ они меня!.... *Я вспомнилъ Шалинскій окопъ... Онъ былъ въ районѣ дѣйствій Барятинскаго*, но (какъ сказано уже ранѣе) взятъ Слѣпцовымъ“.

Теперь положеніе мое становится крайне-затруднительнымъ. Не вѣрить автору не имѣю никакого права и желанія; но и молчаніе—было-бы знакомъ согласія, а согласиться я и не имѣю права, и не желаю. Я считаю просто святымъ долгомъ выступить на защиту двухъ, одинаково дорогихъ всякому старому Кавказцу покойниковъ: Слѣпцова и кн. Барятинскаго. Мнѣ для этого не нужно даже много распространяться: я сообщаю въ „Русскій Архивъ“ *) рядъ писемъ Слѣпцова къ князю Барятинскому, по прочтеніи которыхъ читатель самъ выведетъ нужное заключеніе. Прибавлю только: во 1-хъ, князь Барятинскій не только не былъ конкурентомъ Слѣпцова, но въ описываемое время, т. е лѣтомъ 1851 г., былъ его начальникомъ, такъ какъ часть Сунжинской линіи, отъ Заканъ-юрта внизъ по теченію рѣки, входила въ районъ Лѣваго фланга, которымъ князь временно командовалъ; вверхъ же по теченію, до Назрана, линія подчинялась начальнику Владикавказскаго округа; самъ Слѣпцовъ былъ подчиненъ обоимъ. Во 2-хъ, Слѣпцовъ ходилъ брать Шалинскій окопъ лѣтомъ *1850 г.*, когда князь *Барятинскій не только еще не былъ начальникомъ Лѣваго фланга, но даже не служилъ на Кавказѣ* и, не пользуясь въ то время расположеніемъ князя Воронцова, не надѣялся получить какое нибудь мѣсто. Въ 3-хъ, князь Барятинскій былъ гораздо старше по службѣ Слѣпцова, такъ что, послѣ оставленія княземъ Кабардинскаго полка, вначалѣ 1850 г., Нестеровъ представлялъ Слѣпцова въ эту должность (конечно, съ его предварительнаго согласія), но кн. Воронцовъ не утвердилъ этого представленія, считая Слѣпцова, трудно замѣнимымъ для управленія мирными Чеченцами. Пусть же авторъ подумаетъ, какъ не кстати или скорѣе неудачно онъ вспомнилъ *Шалинскій окопъ, будто-бы бывшій въ раіонѣ Барятинскаго, но взятый Слѣпцовымъ*“...

Авторъ цитируемаго разсказа, подобно многимъ другимъ, пріѣзжавшимъ во время оно на Кавказъ, не зная, въ чемъ и гдѣ дѣйствительная суть дѣла, называвшагося Кавказской войной, съ полной вѣрой относился къ разсказамъ офицеровъ, хотя и служившихъ на мѣстѣ, но немногимъ больше его знавшихъ, да считавшихъ нужнымъ прикрашать свои подвиги, придавать имъ особую важность и т. д. Вотъ основаніе того тона, который присущъ всему разсказу „Смерть Слѣпцова“.

Желаніе изобразить личность чуть ли не сверхестественную увлекло автора отъ реальной почвы въ область фантазіи и, какъ уже сказано, въ ущербъ памяти Слѣпцова, вовсе не нуждающагося въ ходуляхъ. Имя его на Кавказѣ, этой классической странѣ воинственнаго героизма, не исчезнетъ никогда, въ особенности въ части края, составляющаго раіонъ между Терекомъ, Сунжей и Аргуномъ; потому что дальше, за Кавказомъ и въ Прикаспійскомъ краѣ, мѣстное населеніе Слѣпцова не знало вовсе, а войска тѣхъ временъ, за рѣдкими исключеніями, давно покоятся въ могилахъ. Станица Сунжинская наименована Слѣпцовскою, напоминая о жившемъ и погребенномъ тутъ героѣ. (Князь Воронцовъ ходатайствовалъ о названіи полка „Сунжинскій Слѣпцова полкъ“, но императоръ Николай не ут-

*) Они появятся въ слѣдующемъ выпускѣ „Русскаго Архива“. П. Б.

вердилъ этого представленія). У Терскихъ казаковъ сохранились пѣсни, восхваляющія Слѣпцова. Однимъ словомъ, повторяю, имя этого храбраго, безкорыстнаго, Русскаго витязя не исчезнетъ, и нѣтъ никакой надобности создавать легенды....

Кстати къ характеристикѣ Слѣпцова и его чрезвычайной раздражительности. Пріѣхалъ онъ какъ-то въ отпускъ въ Саратовъ, пробылъ нѣкоторое время и собрался выѣзжать; но, по тогдашнимъ порядкамъ, нужно было подорожную прописать въ полиціи, и Слѣпцовъ послалъ ее, съ просьбой возвратить какъ можно скорѣе. Проходитъ часъ, другой, нѣтъ подорожной; бывшій съ Слѣпцовымъ казакъ сбѣгалъ еще разъ, но возвратился ни съ чѣмъ. Тогда взбѣшенный Слѣпцовъ идетъ самъ въ полицію, застаетъ тамъ какого-то пристава или квартальнаго, спрашиваетъ грознымъ голосомъ, почему не отдаютъ подорожной и, получивъ какой-то невѣжливый отвѣтъ, выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ и стрѣляетъ въ этого Саратовскаго блюстителя порядка, — къ счастью, нанесъ ему лишь контузію и вогналъ душу его въ пятки. Такая Чеченская выходка однако чуть-чуть не окончилась весьма печально. Императоръ Николай не любилъ шутить въ такихъ случаяхъ, и нашъ герой могъ легко очутиться въ солдатской шинели. Нужно было настойчивое ходатайство такого вліятельнаго и уважаемаго Государемъ человѣка, какъ князь Воронцовъ, чтобы замять дѣло. Такимъ образомъ, можно сказать, князь Воронцовъ былъ вовсе не въ ироническомъ значеніи слова благодѣтелемъ Слѣпцова.

На счетъ Неймана авторъ тоже немного ошибается, говоря, что онъ послѣ Слѣпцова тотчасъ вышелъ въ отставку и какъ бы намекая тѣмъ, что служить дальше не стоило. Но Нейманъ вышелъ въ отставку лишь въ 1856 г., чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти Слѣпцова; мы съ нимъ это время въ Грозной служили и по походамъ ходили. Промаявшись нѣсколько лѣтъ на Сибирскихъ золотыхъ пріискахъ Якобсона, Нейманъ въ 1862 г. возвратился на Кавказъ, поступилъ опять на службу въ Кубанское войско, командовалъ въ Новороссійскѣ пѣшимъ казачьимъ батальономъ и, въ чинѣ подполковника, окончательно вышелъ въ отставку; прожилъ нѣкоторое время въ имѣньицѣ въ Тамбовской губ., затѣмъ поселился въ Кисловодскѣ, гдѣ я его больнаго навѣстилъ въ 1882 году, а въ слѣдующемъ году онъ тамъ умеръ.

Бывшаго при Слѣпцовѣ офицера Генеральнаго Штаба *Колодѣева* г-нъ Ахшарумовъ ошибочно называетъ *Коледяевымъ*.

А. Зиссерманъ.

Ноябрь 1888 года.

ПИСЬМА М. И. ТОПИЛЬСКАГО къ А. М. КУБАРЕВУ.

Съ примѣчаніями И. В. Помяловскаго и Н. П. Барсукова.

Съ именемъ Михаила Ивановича Топильскаго неразрывно связано воспоминаніе о нашемъ знаменитомъ государственномъ сановникѣ графѣ Викторѣ Никитичѣ Панинѣ: въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, жизнь Топильскаго была посвящена непрерывному исполненію порученій графа Панина. Существуютъ чуть не легендарные разсказы объ отношеніяхъ министра юстиціи къ директору Департамента Министерства Юстиціи, и эти отношенія ярко обрисованы въ прекрасной статьѣ Н. П. Семенова, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1887 (вып. 12). Замѣчательно, что отецъ и дѣдъ М. И. Топильскаго тоже служили при графахъ Паниныхъ прошлаго столѣтія, такъ что приверженность Топильскаго къ графу В. Н. Панину была, такъ сказать, наслѣдственною. Самъ Топильскій по женскому колѣну былъ потомокъ извѣстнаго дѣльца Петровскаго времени Макарова и находился въ родствѣ съ князьями Волконскими и Голицыными.

Служба Топильскаго въ Министерствѣ Юстиціи была по достоинству оцѣнена графомъ В. Н. Панинымъ, который, въ 1862 году, представляя его въ сенаторы, писалъ о немъ Государю. „Подъ ближайшимъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ Топильскій находился въ теченіи 20 лѣтъ сряду, и по этой продолжительной службѣ я удостовѣрился въ его усердіи, дѣятельности и благородныхъ правилахъ. Онъ былъ мнѣ главнымъ и неутомимымъ сотрудникомъ во всѣхъ работахъ, какъ по обыкновенному теченію дѣлъ въ Министерствѣ, такъ и по преобразованію судебной части. По вѣрноподданническимъ его чувствамъ и по его способностямъ онъ всегда будетъ полезенъ службѣ Вашего Величества“ *(Дѣло Канц. М. Ю.* 1862, № 426).

Но немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что этотъ исправный чиновникъ находилъ время изучать и классическую литературу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ предлагаемыя письма его къ профессору Латинской сло-

весности, извѣстному археологу Алексѣю Михайловичу Кубареву, съ которымъ Топильскій былъ связанъ узами тѣсной дружбы *).

Подлинники этихъ писемъ хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ и сообщены намъ въ копіяхъ хранителемъ музейскихъ рукописей Дмитріемъ Петровичемъ Лебедевымъ.

Николай Барсуковъ.

16 Октября 1888 года.
Село Аштково.

I.

Почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Казалось бы, что, послѣ всего сказаннаго, нечего и говорить болѣе о преимуществѣ образованія, основаннаго на классической почвѣ; но на дѣлѣ вышло не такъ. Не только нѣкоторымъ (правда немногимъ) изъ законадателей пришлось говорить объ этомъ, но и мнѣ многогрѣшному пришлось отстаивать предметъ. Я говорилъ предъ кѣмъ слѣдуетъ за нашу Латынь, отстаивалъ ее, сколько силъ было, своимъ собственнымъ опытомъ, своимъ труженическимъ прошедшимъ,— меня не поняли. Весь вашъ душою и сердцемъ М. Топильскій.

16 Августа 1864 года. С.-Петербургъ.

II.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

9 Ноября, вечеромъ, я доставилъ лично г-ну На́уку предназначенный ему экземпляръ, который онъ принялъ съ особенною признательностью. На другой день мы опять собрались, и предметомъ бесѣды былъ вашъ примѣчательный экскурсъ на извѣстное мѣсто 8-й главы Аттика [1]). Тотчасъ выплылъ Куяцій [2]), съ его «dicis

*) О А. М. Кубаревѣ, товарищѣ М. П. Погодина, читатели найдутъ живыя и любопытныя свѣдѣнія въ первомъ томѣ превосходнаго труда: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, соч. Н. П. Барсукова. П. Б.

[1]) Имѣется въ виду изданіе А. М. Кубарева: „Корнелія Непота жизнеописанія славнѣйшихъ полководцевъ, съ критическими и грамматическими примѣчаніями А. Кубарева“. М. 1867 года. Мѣсто изъ VIII гл. жизнеописанія Аттика, упоминаемое въ письмѣ Топильскаго, находится въ § 5 и читается (по изданію Nipperdey): provinciarum quae his necis causa datae erant a consule. Вмѣсто necis, Кубаревъ предлагалъ читать pacis, Куяцій—dicis. И. П.

[2]) Куяцій—Iacques Cujas (1522—1590), знаменитый юристъ и филологъ, о которомъ см. Spangenberg I. Cujas und seine Zeitgenossen. Leipzig. 1822. И. П.

causa»; но На́укъ рѣшительно это отвергнулъ, при чемъ досталось за такое же чтеніе Целларію [3]), не смотря на ссылки послѣдняго, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, на Цицерона. Окончательно академикъ принялъ ваше чтеніе; собственноручное письмо его къ вамъ по этому предмету отправлено вложеннымъ въ посланное вамъ отъ г-на На̀ука въ подарокъ новое его изданіе «Lexicon Vindobonense», съ примѣчательными прибавленіями изъ Фотія [4]). Въ туже посылку вложены мною посылаемые вамъ чрезъ меня отъ генерала Липранди [5]) *Матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812 года.* За симъ примусь распоряжаться доставленіемъ по принадлежности прочихъ вашихъ экземпляровъ. Ваша книга, мой другъ, истинно превосходная работа. Мнѣ скажутъ, что я пристрастный критикъ, потому что я вамъ другъ и что я влюбленъ въ «обветшалую», какъ выражаются нынѣшніе умники, Латынь. А я буду отвѣчать этимъ господамъ обветшалою Латынью:

Ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
Offendar maculis [6]).

Вотъ имъ и все! Доброй Ольгѣ Ивановнѣ [7]) усердный поклонъ, а вамъ самыя дружескія объятія. Весь вашъ М. Топильскій.

12 Ноября 1867 г. С.-Петербургъ.

---

[3]) Целларій—Cellarius Christoph (1638—1707), извѣстный издатель древнихъ авторовъ и, между прочимъ, Корнелія Непота, съ примѣчаніями, приспособленными для учащихся. И. П.

[4]) Имѣется въ виду изданіе академика А. К. Наука: Lexicon Vindobonense. Recensuit et adnotatione critica instruxit Augustus Nauck. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli 1867. Тутъ, на стр. 201 и слѣд. помѣщены двѣ бесѣды патріарха Фотія на нашествіе Россовъ. И. П.

[5]) Иванъ Петровичъ Липранди. Хотя о немъ и сказано, въ *Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ* профессора Березина, что онъ „извѣстенъ болѣе по слѣдственнымъ производствамъ"; но, по свидѣтельству Пушкина, кромѣ этихъ качествъ, Липранди „соединялъ въ себѣ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка"; а въ письмѣ своемъ къ князю П. А. Вяземскому Пушкинъ называетъ Липранди *добрымъ своимъ пріятелемъ.* Школою для образованія изъ него *отличнаго военнаго человѣка* послужили война Финляндская и Отечественная. За тѣмъ, служба его при Воронцовѣ и Киселевѣ дала ему возможность близко ознакомиться съ положеніемъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, и изъ этого изученія онъ вынесъ мрачное воззрѣніе на такъ называемую *Славянскую взаимность.* Онъ уподоблялъ Славянъ ящерицамъ, которыя, будучи заключены въ одномъ сосудѣ, пожираютъ другъ друга. Не намъ конечно судить, на сколько это воззрѣніе справедливо или несправедливо; но совершающіяся въ наши дни событія, къ сожалѣнію, не противурѣчатъ этому воззрѣнію. И. П. Липранди собралъ спеціальную библіотеку о Турціи, которая въ настоящее время украшаетъ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Н. Б.

[6]) Horatii Epistola ad Pisones 351. И. П.

[7]) Родственница холостяка Кубарева, оберегавшая его старость. П. Б.

III.

Послѣ письма моего отъ 12 Ноября я не получалъ отъ васъ никакой вѣсточки, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ; но я, полагаю, что посылка моя, съ письмомъ г-на Нáука, достигла уже своего назначенія. Такъ какъ въ настоящемъ письмѣ моемъ мнѣ нужно отсчитаться передъ вами во многихъ предметахъ, то я расположу оныя подъ цифрами.

1) Г-ну Науку доставилъ я лично шесть экземпляровъ и сообщилъ ему изъ письма вашего все до него относившееся. Почтенный академикъ приноситъ вамъ глубокую свою признательность; онъ прочиталъ вашу книгу съ большимъ, какъ выразился онъ, удовольствіемъ; замѣчанія ваши, говоря вообще, находитъ достойными всякаго уваженія, но по недосугу онъ не готовъ еще въ той мѣрѣ, чтобы дѣлать подробныя указанія. Въ бесѣдѣ со мною г. Нáукъ отозвался, что онъ не теряетъ надежды въ послѣдствіи сойтись съ вами такъ, или другимъ образомъ.

2) Не можете себѣ представить, мой почтеннѣйшій другъ, съ какимъ радушіемъ, съ какимъ непритворнымъ удовольствіемъ принялъ ваше приношеніе графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Прочтя вашу надпись, онъ былъ неподдѣльно тронутъ. «*Да*», сказалъ мнѣ графъ, «*Алексѣй Михайловичъ совершенно правъ въ томъ, что я люблю классическіе языки и тотъ, кто мнѣ это говоритъ, не можетъ сказать ничего для меня пріятнѣе*». За симъ старикъ оживился, говорилъ долго о классическихъ языкахъ, о жалкомъ упадкѣ изученія ихъ у насъ въ настоящее время, о насущной необходимости подобрать и сохранить остающіяся крохи, и такой длинный свой монологъ заключилъ просьбой передать вамъ всю его искреннюю благодарность и глубокое къ вамъ уваженіе.

3) Одинъ изъ присланныхъ мнѣ экземпляровъ (за которые я вамъ земно кланяюсь) я доставилъ лично И. Д. Делянову. Ему уже извѣстно было объ экземплярѣ вашемъ, доставленномъ мною министру народнаго просвѣщенія [8]), и онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему вы не обратились непосредственно къ министру съ просьбой о томъ, чтобы подвергнуть вашъ трудъ разсмотрѣнію Ученаго Комитета.

---

[8]) Въ это время министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, который при самомъ своемъ вступленіи на министерскій постъ былъ одушевленъ идеею обновить и укрѣпить классическое образованіе въ нашемъ отечествѣ. Н. Б.

Отвѣтъ мой я сдѣлалъ въ формѣ вопроса къ самому Ивану Давыдовичу, котораго спросилъ о томъ, «неужели ему неизвѣстна скромность Алексѣя Михайловича?» На это онъ мнѣ сказалъ, что при появленіи подобнаго труда самъ министръ, безъ просьбы автора, можетъ велѣть разсмотрѣть трудъ его, гдѣ и какъ слѣдуетъ, и на такое замѣчаніе я отвѣчалъ утвердительною частицею, съ прибавленіемъ «конечно».

Хотѣлъ было еще прибавить цифру, но вижу, что мѣста уже не будетъ и потому представляю себѣ побесѣдовать съ вами въ послѣдствіи. Но не оставьте, почтеннѣйшій другъ, по вашему доброму обычаю, дать мнѣ ваше, всегда драгоцѣнное разрѣшеніе на слѣдующій, вертящійся во мнѣ вопросъ: кто такой *L. Annaeus Florus*, когда жилъ онъ, писалъ ли что, кромѣ своего «Epitome rer. Rom-m», и въ какомъ свѣтѣ стоитъ вообще, какъ писатель [9]). Завидую доброй Ольгѣ Ивановнѣ, которой усердно кланяюсь; а завидую въ томъ, что она можетъ, не безпокоя васъ, улучить минутку и спросить васъ, хоть бы напримѣръ, объ Аннеѣ Флорѣ, который у меня теперь кошемаромъ.

Отъ сердца и дружески васъ обнимаетъ, по возвращеніи, отъ визита къ г. Нáуку, весь вашъ М. Топильскій.

25 Ноября 1867 г. С.-Петербургъ.

IV.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Письмо ваше отъ 9-го Декабря даетъ мнѣ возможность возобновить наши постоянныя, всегда для меня отрадныя и всегда утѣшительныя, бесѣды, которыя возобновлю я съ момента ихъ прекращенія. Съ предпослѣднимъ письмомъ вашимъ отъ 27 Ноября (прекратившимъ на время наши бесѣды) получено было мною Латинское письмо ваше. Въ самый день его полученія, я отвезъ его лично къ г-ну Нáуку, который непритворно обрадовался вашему посланію, читалъ его съ большимъ вниманіемъ и сказалъ, что онъ дастъ отвѣтъ въ послѣдствіи. 30-го Ноября я представилъ экземпляръ вашей книги графу В. Н. Панину, который принялъ оный съ большимъ удовольствіемъ и очень благодаритъ васъ за вниманіе. При откровенной бесѣдѣ нашей съ графомъ о жалкомъ состояніи въ настоящее время классическаго

---

[9]) L. (или P.) Annaeus (или Annius) Florus-историкъ, извѣстный своимъ сокращеніемъ исторіи Тита Ливія. Быть можетъ, ему же принадлежатъ нѣкоторыя риторическія произведенія и поэтическіе отрывки. Жилъ въ I-мъ столѣтіи по Р. Хр. И. П.

образованія (изъ 50-ти вызванныхъ особымъ распоряженіемъ надежнѣйшихъ латинистовъ изъ Семинарій, при самомъ снисходительномъ экзаменѣ, для образованія зерна Филологическаго Института [10]), принято только 10, забраковано 40), къ намъ подъѣхалъ президентъ Академіи Наукъ адмиралъ Литке, который заинтересовался вашею книгою и выпросилъ у меня экземпляръ, въ чемъ я не могъ отказать ему. Министръ народнаго просвѣщенія прислалъ ко мнѣ оффиціальное письмо, въ которомъ, извѣщая меня о полученіи экземпляра вашей книги, проситъ передать вамъ *чувства искренней его признательности.*

Теперь начинаю отвѣтъ мой по содержанію письма вашего отъ 9-го Дек. 1) Августъ Карловичъ Наукъ понимаетъ по-русски изрядно, объясняется съ бо̀льшимъ трудомъ, предпочитая для личныхъ сношеній Нѣмецкій или Французскій языки, печатное Русское читаетъ, но не безъ труда; наша Академія не покидаетъ своей традиціи быть полунѣмецкою. 2) Говоря откровенно, два-три экземпляра вашей книги не будутъ для меня лишними: я буду имѣть случай, черезъ Побѣдоносцева, или Кедрова [11]) передать ихъ туда, гдѣ иногда бываютъ замашки поучиться и классическимъ языкамъ (Кедровъ преподаетъ Греческій и Латинскій младшимъ дѣтямъ Императора). 3) О томъ, знаетъ ли генералъ Липранди Латинскій языкъ, мнѣ неизвѣстно; но я узна̀ю и сообщу вамъ. 4) Князь Н. Б. Юсуповъ сюда еще не прибылъ и прибудетъ ли, неизвѣстно.

Теперь выхожу изъ моего отвѣта и бесѣдую о прочемъ. А) при свободной минуткѣ сказать мнѣ ваше словцо о Флорѣ. Б) по поводу вашего изданія, прочитавъ снова всего Непота, я рѣшился спросить васъ о томъ, о чемъ неоднократно спросить намѣревался, а именно: какое значеніе имѣетъ подраздѣленіе главъ цифрами, помѣщаемыми не только послѣ точекъ, но иногда въ срединѣ періодовъ, какъ напр.: «Secutum est illud, occiso Caesare, quum respublica penes Brutum videretur et Cassium, ac tota civitas se ad eos convertisse: 2. Sic M. Bruto usus est, ut nullo ille adolescens aequali familiarius, quum

---

[10]) Императорскій Санкт.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ основанъ въ 1867 году. Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату подписанъ 27 Іюня 1867 г., въ которомъ между прочимъ изображено: „Обращая вниманіе на недостатокъ въ учителяхъ для гимназій, мы признали за благо учредить въ С.-Петербургѣ особое для образованія учителей высшее учебное заведеніе подъ названіемъ Императорскаго Историко-Филологическаго Института". Н. Б.

[11]) Константинъ Васильевичъ Кедровъ, съ 12 Апрѣля 1872 года, занимаетъ должность директора Императорскаго Историко-Филологическаго Института. Н. Б.

hoc sene, neque solum eum principem consilii haberet, sed etiam in convictu (Attic. cap. VIII); или. . . tantaque prosperitate usus esset valetudinis, ut annis triginta medicina non indiguisset: 2 nactus est morbum, quem initio et ipse et medici contempserunt? (Тамъ же гл. XXI [12]).

Добрѣйшей Ольгѣ Ивановнѣ мой усерднѣйшій привѣтъ.

Искренно и дружески васъ обнимающій М. Топильскій.

13 Декабря 1867 г. С.-Петербургъ.

V.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Кончина проживавшей здѣсь, близкой мнѣ по чувствамъ, родственницы и послѣдствія этого событія заняли весь небольшой досугъ мой; посему мнѣ не удалось повидаться и переговорить съ лицами, съ которыми мнѣ необходимо объясниться по дѣлу нашей доброй Ольги Ивановны. Между тѣмъ художники кончили свое дѣло, и изображеніе переводчика Иліады воспроизведено соотвѣтственно современнымъ требованіямъ искусства. Оставивъ у себя по экземпляру для передачи въ Академію Наукъ и въ коллекцію портретовъ Публичной Библіотеки, и одинъ экземпляръ собственно для меня, отправляю къ вамъ пятьдесятъ экземпляровъ, которые поступаютъ всѣ въ безотчетное ваше распоряженіе: чтó угодно, то и извольте съ ними дѣлать. Въ посылку вложенъ и возвращаемый мною вашъ оригиналъ. Воспроизведенія изображенія Кострова не безъ значенія для тѣхъ, которые неравнодушны къ нравственному достоянію своей отчизны: въ жизни нашего языка Костровъ составляетъ эпоху замѣчательную. Позвольте мнѣ отъ души благодарить васъ, почтеннѣйшій другъ, за утѣшеніе, которое вы мнѣ доставили предоставленіемъ отрадной возможности, хотя сколько-нибудь содѣйствовать тому, что у насъ теперь хорошій портретъ Кострова [13]). Привѣтъ доброй Ольгѣ Ивановнѣ, а вамъ самое дружеское объятіе. Весь вашъ М. Топилскій.

30 Ноября 1869 г. С.-Петербургъ.

---

[12]) М. И. Топильскій имѣетъ въ виду параграфы, на которые, для бóльшаго удобства цитированія, подраздѣляются главы древнихъ прозаиковъ. И. П.

[13]) Кубаревъ и Топильскій были того мнѣнія, что переводъ Иліады, сдѣланный Костровымъ (7 первыхъ пѣсень) хотя и не размѣромъ подлинника, но выше перевода Гнѣдичева. П. Б.

VI.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Несказанно обрадовали вы насъ обоихъ, меня съ Юліею Владиміровною [14]), отраднымъ извѣстіемъ о томъ, что выздоровленіе доброй Ольги Ивановны устранило ваше безпокойство и, дай Богъ, чтобы спокойствіе ваше не нарушалось. Приложу всевозможное стараніе, чтобы порученіе ваше относительно портрета Петра Великаго исполнено было во всей точности, а теперь стану бесѣдовать о дѣлахъ нашихъ, по которымъ рѣчь будетъ съ моей стороны не въ вопросахъ, а въ довольно интересныхъ сообщеніяхъ.

А. К. Наукъ окончилъ, наконецъ, свое изданіе Еврипида и приготовилъ для васъ экземпляръ съ собственноручною подписью; книга эта отправляется къ вамъ съ симъ вмѣстѣ по тяжелой почтѣ. Предваривъ васъ о намѣреніи г. Фохта отправить къ вамъ свою книгу, считаю долгомъ объяснить здѣсь, что г. Наукъ говорилъ мнѣ о приготовляемомъ для васъ экземплярѣ Еврипида при г. Фохтѣ, который, пользуясь случаемъ, сталъ возносить васъ похвалами, и смыслъ рѣчи его состоялъ въ томъ, что онъ выступилъ на стезю сношеній своихъ съ вами вашимъ оппонентомъ, а пришелъ къ тому, что сдѣлался вашимъ великимъ почитателемъ: можете судить, какъ для меня это было пріятно [15]). Въ первыхъ мѣсяцахъ настоящаго года графъ В. Н. Панинъ, зная любовь мою ко всему Римскому, подарилъ мнѣ привезенный имъ изъ Рима антикъ, въ видѣ параллепипеда.

На одной сторонѣ подпись: *EME*; на противуположной сторонѣ надпись *HABBEBI*; вѣсомъ эта масса фунтъ.

Не зная, что такое этотъ антикъ, я передалъ его, чрезъ Августа Карловича Наука, на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, въ которой состоялось слѣдующее заключеніе. Составъ массы есть соединеніе свинца съ какимъ-то другимъ веществомъ, опредѣлить которое безъ разложенія невозможно. Относительно значенія антика мнѣнія раздѣлились: академикъ Стефани говоритъ, что это есть привѣсъ къ рыболовной

---

[14]) Супруга Топильскаго, ур. Штейнгель, дочь извѣстнаго декабриста. И. Б.

[15]) Изданіе Еврипида, подъ редакціей академика Авг. Карл. Наука, вышло впервые въ 1856 г., и затѣмъ нѣсколько разъ повторилось. Книга г. Фохта, о которой идетъ рѣчь, есть его, увѣнчанное первою Петровскою преміей, сочиненіе: *Матеріалы для переводовъ съ Русскаго языка на Латинскій.* С.-Петербургъ 1868 г. Г. Фохтъ писалъ рецензію на изданіе Непота Кубарева въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1868 г. № 8. И. Б.

сѣти, для тяжести, подписей онъ не объяснилъ; академикъ Шифнеръ утверждаетъ, что это есть разновѣсокъ къ Римскимъ вѣсамъ—*Pondus* (вѣсовая гиря); слово *EME* — повелительное наклоненіе отъ *Emere*; слово—*HABBEBI* во 1) написано ошибочно удвоеніемъ въ срединѣ согласной B, и во 2) утратилась въ концѣ буква S; возстановленіе чтенія съ этими поправками составляетъ полную надпись: *Eme—habbebis.* Всѣ единогласно находятъ, что предметъ весьма древній.

Вотъ что мнѣ нужно было передать вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ; въ особенности хотѣлось поскорѣе отправить къ вамъ Еврипида, подносся вамъ котораго, Августъ Карловичъ выражалъ истинное свое къ вамъ уваженіе такими словами, которыя прошли мнѣ прямо въ сердце. Юлія Владимировна свидѣтельствуетъ вамъ свое глубокое почтеніе. Искренній нашъ общій привѣтъ доброй Ольгѣ Ивановнѣ. Горячо и крѣпко отъ сердца обнимаю моего почтеннѣйшаго друга [16]). Весь и всегда вашъ М. Топильскій.

11 Октября 1871 г. С.-Петербургъ.

VII.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ!

Необыкновенно радуюсь, что присылка моя вамъ понравилась и при этомъ пріятномъ впечатлѣніи отвѣчаю на дружеское письмо ваше отъ 14-го Марта.

Нашелся и портретъ Петра Втораго; но такъ какъ одну карточку неловко посылать по почтѣ, то я и отправляю къ вамъ три, выставивъ на оборотѣ каждой №№, подъ которыми я ихъ здѣсь опишу:

№ 1. Императоръ Петръ II; въ латахъ, парчевой мантіи и желтоватомъ парикѣ; лучшій изъ всѣхъ типовъ, писалъ Литенъ (Lutten), принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа.

№ 2. Царевна Софія Алексѣевва, правительница Россіи 1682—1689 г., постриженная въ Новодѣвичемъ монастырѣ подъ именемъ Сусанны; новѣйшая копія по извѣстной Голландской гравюрѣ, принадлежитъ Н. Н. Путилову.

---

[16]) На послѣдней страницѣ этого письма рукою Кубарева написано: „О Непотѣ и подлежащей рѣчи Саллустія, т. е. о мнѣніи о ней г. Фохта. Здѣсь имѣется въ виду трудъ А. М. Кубарева: „О Саллустіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ находящихся въ риторическихъ наставленіяхъ Квинтиліана. Москва. 1870 года“. Что̀ касается до антика, то памятникъ, этотъ, очевидно подложенъ (что̀ видно уже изъ его вѣса, въ одинъ современный фунтъ). Надпись на немъ есть продуктъ фантазіи поддѣльщика, а объясненіе —продуктъ фантазіи академика Шифнера. Н. П.

№ 3. Александръ Петровичъ Сумароковъ замѣчателенъ уже потому, что былъ писателемъ, современнымъ Ломоносову (род. 1718 г., умеръ 1 Октября 1777 г.). Грудное изображеніе въ синей бархатной мантіи, писалъ Лосенко; самъ Сумароковъ подарилъ этотъ портретъ Академіи Художествъ, принявшей его въ свои члены. Портретъ этотъ и теперь принадлежитъ той же Академіи.

На вопросы ваши относительно того, откуда получила редакція портреты Петра Великаго, буду отвѣчать слѣдующее: а) снимокъ съ Кнеллера, фотографія съ оригинала Грубе, чтó въ Нарвскомъ Магистратѣ, принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа; б) Натье принадлежитъ здѣшнему Обществу поощренія художниковъ; в) Моръ значится принадлежащимъ Н. В. Воейкову, лицу мнѣ совершенно неизвѣстному. Портрета Семеновой рѣшительно нѣтъ, но со временемъ я постараюсь какъ-нибудь достать его. Въ моей жизни я познакомился съ этою женщиною подъ впечатлѣніями самыми непріятными: дочь Семеновой производила бракоразводное дѣло съ мужемъ своимъ, предмѣстникомъ моимъ по званію директора Департамента Министерства Юстиціи, Карніолинъ-Пинскимъ. Мать руководила дочерью. Я невольно вошелъ въ дѣло, какъ ближайшій сослуживецъ Карніолинъ-Пинскаго (онъ былъ директоромъ, а я при немъ вице-директоромъ Департамента Министерства Юстиціи); съ обѣихъ тяжущихся сторонъ было много грязнаго, и среди этой грязи я познакомился съ Екатериною Семеновною, бывшею Семеновою, которая, не смотря на плачевную сторону дѣла, находила однакоже случаи принимать трагическія позы.

Юлія Владимировна и нашъ молодой человѣкъ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе; посылаемъ нашъ общій привѣтъ доброй Ольгѣ Ивановнѣ, а васъ отъ сердца обнимаетъ

душею и навсегда преданный вамъ М. Топильскій.

16 Марта 1872 г. С.-Петербургъ.

P. S. Бога ради не посѣтуйте за безпокойство, причиненное вамъ желаніемъ моимъ ближе познакомиться съ барыней «Natta».

VIII.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Письма ваши, первое отъ 23-го и второе отъ 29 Февраля, пришли ко мнѣ при началѣ тяжелой моей простудной болѣзни, сложившей меня въ постель, но отъ которой, по милости Божіей, я выздоравливаю, хотя еще не могу оставить комнаты. Юлія Владимировна прочла мнѣ

письма ваши, и я, лежа въ постелѣ, распорядился исполненіемъ вашей коммиссіи, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, а именно, чтобы вы *отнюдь не присылали мнѣ денегъ* за отправляемые къ вамъ кабинетъ-портреты; во 1-хъ потому, что издержка не значительна, а при этомъ, во 2-хъ полученіе съ почты денегъ, по обрядамъ своимъ, слишкомъ хлопотливо. Приступаю къ отчету по исполненію вашей коммиссіи. По мысли нѣкоторыхъ лицъ, въ 1870 г. составилась здѣсь выставка портретовъ замѣчательныхъ въ нашей исторіи лицъ и теперь продаются фотографіи этихъ портретовъ, указанныя въ календарѣ Гоппе. Портреты доставлялись отъ двора и отъ частныхъ лицъ, оцѣнивавшихъ представляемыя произведенія по достоинству кисти. Въ такомъ порядкѣ, одного и того же лица явилось нѣсколько портретовъ, которые по работѣ удостовѣряли въ достоинствѣ художниковъ, ручавшемся въ сходствѣ съ оригиналомъ, но которые между собой различествовали, потому что портреты снимаемы были въ разное время. Такъ моя фотографическая карточка не сходна одна съ другою, если отъ времени снятія одной до времени снятія другой протекло десять лѣтъ жизни. Для порядка на оборотѣ карточекъ я поставилъ №№, и отправляю къ вамъ слѣдующіе кабинетъ-портреты Петра 1-го:

1) По колѣно въ латахъ съ Андреевскою лентою, оригиналъ Натье, писанный въ 1717 году масляными красками на холстѣ.

2) Въ порфирѣ—Карла Мора.

3) Въ латахъ съ жезломъ—Кнеллера.

4) Екатерина I—въ ростъ, у стола, съ короною и скиптромъ, типъ не похожій на всѣ другіе портреты Екатерины I на полотнѣ; принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа.

5) Царевичъ Алексѣй Петровичъ—принадлежитъ музею Эрмитажа.

6) Императрица Анна Іоанновна—копія съ Каравака, писанная Бухольцомъ, принадлежитъ музею Эрмитажа.

7) Императрица Елисавета Петровна, писалъ Бухольцъ (1758 г.) принадлежитъ Эрмитажу.

8) Императрица Екатерина II, писалъ Торелли въ 1763 году принадлежитъ Св. Синоду.

9) Императоръ Павелъ I, взято изъ Гатчинскаго дворца.

10) Императрица Марія Ѳеодоровна, портретъ въ ростъ, въ натуральную величину. Государыня стоитъ у стола и держитъ листъ бумаги, на которомъ нарисованы силуэты Августѣйшихъ дѣтей Ея Величества, потомъ вылѣпленные ею собственноручно. Какъ извѣстно, императрица Марія проявила замѣчательный талантъ въ медальёрномъ искусствѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго Леберехта. Оригиналъ принадлежитъ Великому Князю Константину Николаевичу.

11) М. В. Ломоносовъ, современная копія съ оригинала, или повтореніе самого же Шульца.

12) Кн. Ал. В. Суворовъ-Рымникскій, временъ Павла.

13) Кн. Мих. Ил. Голенищевъ Кутузовъ-Смоленскій, въ мундирѣ Шляхетнаго корпуса, котораго онъ былъ начальникомъ при Павлѣ I-мъ; портретовъ князя Кутузова позднѣйшаго времени на выставкѣ не было.

Портреты императора Александра I были на выставкѣ только написанные до 1800 г.; портретовъ позднѣйшаго времени не было; и потому, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

14) Александръ Павловичъ, копія съ Лампи (первѣйшій живописецъ своего времени), принадлежитъ Эрмитажу.

15) Константинъ Павловичъ—принадлежитъ Эрмитажу.

16) Александръ I, въ дѣтствѣ, представленъ играющимъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и разсѣкающимъ Гордіевъ узелъ; копія съ Левицкаго, писалъ Дрозжинъ, оригиналъ принадлежитъ музею Эрмитажа и взятъ изъ Гатчинскаго дворца.

Земно кланяюсь за объясненія о миѳологіи, которое я предчувствовалъ, но хотѣлъ только повѣрить мое предчувствіе. Крѣпко, крѣпко васъ обнимаетъ весь вашъ М. Топильскій. P. S. Портрета Е. С. Семеновой на выставкѣ не было, а потому нѣтъ и въ продажѣ.

3 Марта 1872 года. С.-Петербургъ.

*

М. И. Топильскій былъ любителемъ и Русской исторіографіи. Не будучи знакомъ съ нимъ лично, въ одну изъ Петербургскихъ моихъ поѣздокъ, зашелъ я къ нему поблагодарить за посредничество его въ доставленіи Русскому Архиву нѣкоторыхъ бумагъ отъ графа В. Н. Панина. Моего посѣщенія онъ не могъ ждать. Я провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ сряду въ живой бесѣдѣ. Онъ повелъ меня въ кабинетъ и указалъ на пачки бумагъ съ надписями: „Послѣ моей смерти въ Русскій Архивъ“. Неоднократныя мои заявленія о томъ наслѣдникамъ М. И. Топильскаго не увѣнчались успѣхомъ. П. Б.

УВѢКОВѢЧЕНІЕ ЧУДА 17-ГО ОКТЯБРЯ.

17 Октября 1888 года совершилось надъ Россіею неисповѣдимое, великое чудо Божіяго милосердія, озаряющее свѣтомъ истиннаго разума настоящую и дальнѣйшую жизнь нашего отечества. Благоговѣйную благодарность Промыслу ничѣмъ достойнѣе нельзя выразить, какъ послѣдовать примѣру, который намъ поданъ самимъ возлюбленнымъ Государемъ нашимъ и Его Семействомъ тотчасъ послѣ спасенія отъ гибели, т. е. дѣломъ человѣколюбія.

Человѣколюбіе это должно быть общенародное, и въ немъ подобаетъ принять участіе всему населенію великаго Русскаго Царства.

Приступаемъ къ изложенію главныхъ основаній.

1. Нѣтъ надобности доказывать, что никакое общеполезное дѣло не можетъ совершаться безъ горячаго сердечнаго участія всего общества. Въ настоящемъ случаѣ участіе это должно быть выражено денежными пожертвованіями, по мѣрѣ желанія каждаго. Но если остановиться на мысли объ опредѣленіи пожертвованій въ какомъ либо общемъ размѣрѣ, сообразномъ съ возможностію каждаго: то самымъ удобнымъ опредѣленіемъ была-бы одна копѣйка съ рубля годоваго прожитка одного (1888) года, и эта мѣра нисколько не ослабила бы утѣшительную надежду на то, что между Русскими людьми явится множество такихъ патріотовъ, которые найдутъ возможность идти далеко за предѣлы копѣечнаго размѣра. При этомъ скромномъ размѣрѣ проживающіе въ теченіи года 100 рублей жертвуютъ 1 рубль, 1.000 рублей—10 рублей, 10,000 рублей—100 рублей и т. д. Желающіе вознаградить себя за сдѣланное пожертвованіе всегда найдутъ возможнымъ уэкономить вышеозначенную копѣйку посредствомъ самаго незамѣтнаго сокращенія нѣкоторыхъ расходовъ; а для того, кто проживаетъ, сколько ему вздумается, не стѣсняясь никакою предварительною смѣтою годовыхъ расходовъ, жертвуемая копѣйка съ рубля, т. е. $^1/_{100}$ расходовъ одного года, не представляетъ никакого значенія.

*

2. Дѣлаемыя пожертвованія, вѣроятно, не откажутся принимать, при особыхъ краткихъ заявленіяхъ, начальники губерній, предводители дворянства, благочинные приходскіе священники, земскія управы, городскія думы и городскіе головы, волостныя правленія, общественные и частные банки и редакціи столичныхъ и губернскихъ газетъ и журналовъ, для пересылки ихъ на храненіе въ Государственный Банкъ подъ именемъ *капитала для увѣковѣченія чуда 17 Октября 1888 года* съ тѣмъ, чтобы жертвуемыя суммы были немедленно обращаемы въ государственныя, болѣе доходныя, процентныя бумаги. При этомъ, конечно, каждый имѣетъ полнѣйшее право, прямо отъ себя, представлять свои пожертвованія въ Государственный Банкъ или въ его отдѣленія и конторы.

Нельзя не пожелать, чтобы пожертвованія направлялись прямо въ Государственный Банкъ, внѣ всякаго соприкосновенія къ мѣстнымъ властнымъ лицамъ въ губерніяхъ и уѣздахъ. Это было бы гораздо выразительнѣе, потому что было бы совершенно просто и чуждо всякаго вліянія; было бы открытымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что всѣ Русскіе люди выражаютъ свои сердечныя побужденія какъ одинъ человѣкъ, въ избыткѣ собственнаго, никѣмъ не направляемаго, естественнаго прилива своихъ патріотическихъ чувствованій. Но какъ придти къ тому? Очень просто. Въ каждомъ городѣ, селеніи и деревнѣ есть особо уважаемыя личности изъ священниковъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, и вотъ у одной такой-то личности, или у нѣсколькихъ, развѣ нельзя сойтись 5—10 лицамъ поговорить объ увѣковѣченіи чуда 17 Октября, написать на листѣ бумаги свои пожертвованія и, приложивъ деньги, отправить ихъ съ почтою въ Петербургъ прямо въ Государственный Банкъ? Изъятіе изъ этого направленія единственно приложимо къ Москвѣ, какъ къ центру государства, и конечно, приложимо только въ томъ случаѣ, если его сіятельство князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ изъявитъ согласіе на принятіе жертвуемыхъ суммъ для передачи ихъ въ Московскую Контору Государственнаго Банка. Если жертвователямъ посчастливится имѣть пунктомъ средоточія Московскаго генералъ-губернатора: то это, несомнѣнно, воздѣйствуетъ на всѣхъ Русскихъ людей самымъ отраднымъ образомъ вслѣдствіе общаго сочувствія къ представителю знаменитаго и древнѣйшаго рода князей Долгоруковыхъ, всегда сосредоточивавшихъ на себѣ выдающуюся дѣятельность въ главныхъ событіяхъ Русской исторической жизни.

3. Въ виду необходимости имѣть средоточіе, въ которомъ были бы извѣстны имена всѣхъ жертвователей и представленныя ими суммы для распространенія свѣдѣній о пожертвованіяхъ во всеобщую извѣстность, учрежденія и лица, принявшія пожетрвованія, весьма бы облег-

чили это дѣло, еслибы приняли на себя трудъ извѣщать о томъ, къ концу каждаго мѣсяца, «Русскій Архивъ» (Москва, Ермолаевская Садовая, 175), который не затруднится печатать въ своемъ изданіи списокъ жертвователей.

При этомъ крайне желательно, чтобы въ извѣстіяхъ, посылаемыхъ отъ жертвователей въ Русскій Архивъ, были обозначены не только цифры пожертвованій, но и тотъ городъ или уѣздъ, откуда отправлено пожертвованіе прямо въ Государственный Банкъ или представлено мѣстнымъ учрежденіямъ съ поименованіемъ названія ихъ. Также было бы очень интересно видѣть въ спискахъ жертвователей отмѣтки по вѣроисповѣданіямъ: православному, старообрядческому, католическому, лютеранскому, магометанскому и еврейскому.

4. Одушевляясь мыслію увѣковѣчить 17 Октября дѣломъ человѣколюбія, нельзя не остановиться на участи такихъ бѣдняковъ, которые, при добросовѣстномъ стремленіи къ работѣ, очутились въ нуждѣ и крайности не по своей винѣ. Здѣсь предъ глазами внутренняго христіанскаго и патріотическаго зрѣнія находится у каждаго мыслящаго человѣка тотъ крестьянинъ-пахарь, который, при стѣсненномъ малоземельномъ владѣніи, не можетъ прокормить свое семейство и состоитъ въ необходимости, бросая свой кровъ и продавая имущество за безцѣнокъ, устремляться на окраины Россіи для отысканія свободной земли. Бѣдствующіе искатели свободныхъ земель бродятъ сотнями семействъ, будучи руководимы невѣждами и обманщиками, доводящими ихъ до окончательнаго разоренія.

5. Между тѣмъ въ благословенной Россіи находятся обширныя пространства казенныхъ пустопорожнихъ земель съ доброй растительной почвой, лежащія втунѣ и вовсе невѣдомыя тѣмъ, кто нуждается въ воздѣлываніи земли, ради насущнаго хлѣба. Смѣемъ думать, что пространства эти, напримѣръ по желѣзной дорогѣ Уфимской губерніи до Златоуста и далѣе до Томска (въ случаѣ продолженія желѣзной дороги по этому направленію), или въ уѣздахъ Самарской губерніи, Николаевскомъ и Новоузенскомъ и т. п., могутъ быть предоставлены въ пользованіе малоземельнымъ крестьянамъ, которые на этихъ земляхъ образуютъ—полную довольства—сельскую жизнь; а тѣ деревни, откуда они выселятся, увеличатъ земельныя владѣнія для оставшихся обитателей.

Въ этихъ видахъ, всѣ Русскіе люди почли бы себя вполнѣ счастливыми, еслибы ихъ пожертвованія породили образованіе

Александровскаго Общества благоустройства малоземельныхъ крестьянъ, въ память чудотворенія 17-го Октября 1888 года.

**

6. «Александровское Общество» должно руководиться правилами, выработанными въ министерствахъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, удостоенными, въ установленномъ порядкѣ, Высочайшаго утвержденія, съ назначеніемъ для приведенія ихъ въ исполненіе указанныхъ Государемъ Императоромъ лицъ.

7. Изъ процентовъ, получаемыхъ со всѣхъ пожертвованныхъ суммъ, обращенныхъ въ государственныя бумаги, должно выдаваться безвозвратное пособіе малоземельнымъ крестьянамъ по водвореніи ихъ на новыя мѣстожительства для оплаты расходовъ по устройству усадебныхъ помѣщеній. Пособіе это должно составлять на каждое семейство единовременно не менѣе 300 р. съ вычетомъ 5%, отчисляемыхъ на устройство православныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ для допускаемыхъ закономъ старообрядческихъ вѣроисповѣданій (если таковыя будутъ въ числѣ переселяющихся), храмовъ для пріемлющихъ священство и молитвенныхъ домовъ для непріемлющихъ, на медицинскую часть и на образованіе школъ, дабы новонаселенныя деревни выражали сразу полное благоустройство.

8. Всѣ вновь заселяемыя мѣста должны именоваться: «Царскія Волости», и каждая волость заключать въ себѣ до 3,000 народонаселенія. Волости эти должны имѣть слѣдующія названія: 1) Александровская, 2) Маріинская, 3) Николаевская, 4) Георгіевская, 5) Ксеніевская, 6) Михайловская и 7) Ольгинская.

9. Послѣ полнаго населенія поименованныхъ Царскихъ Волостей, дальнѣйшее вспомоществованіе, въ томъ же размѣрѣ, должно быть производимо слѣдующимъ затѣмъ переселенцамъ, такъ какъ приростъ населеній во внутреннихъ и густонаселенныхъ губерніяхъ будетъ порождать постоянную необходимость въ содѣйствіи къ переселенію на новыя мѣста. Свободныя за выдачею вспомоществованій суммы должны быть употребляемы на устройство между деревнями новосёловъ шоссейныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, постоянно оказываемая помощь, выражая продолженіе экономическаго благоустройства, будетъ сохранять, изъ рода въ родъ, народную память о чудотвореніи 17-го Октября.

10. Не прекращая пріема пожертвованій, въ день годовщины совершившагося чуда должно быть доложено Богохранимому Отцу Отечества объ общей суммѣ приношеній, образовавшихся изъ сердечныхъ побужденій Его вѣрноподданныхъ сыновъ.

Дополнительныя мысли.

I.

Въ настоящее время Россія живетъ подъ вліяніемъ двойственныхъ ощущеній, ужаса и радости. И то, и другое пораждается воспоминаніями и разсказами о подробностяхъ крушенія Царскаго поѣзда 17 Октября. Разговоръ объ этомъ невольно отодвигаетъ назадъ всѣ интересы дня, заслоняя собою, въ каждой патріотической семьѣ, значеніе семейныхъ, торговыхъ и общественныхъ дѣлъ. У всѣхъ на языкѣ ужасъ катастрофы и ужасъ всей Россіи, при мысли еслибы надъ страшнымъ бѣдствіемъ не возсіяло свѣтозарное чудотвореніе. Страшно вспомнить что происходило. Въ одномъ вагонѣ съ Царемъ убитъ служитель, мгновенно вытолкнута съ рельсовъ телѣжка съ колесами, на которой стоялъ вагонъ-столовая, и находившаяся въ этой столовой Царская Семья также мгновенно очутилась на рельсахъ подъ крышею вагона, получившаго въ одну секунду форму сплюснутаго и нàкось свалившагося забора, такъ что внутренняя высота въ этомъ вагонѣ составляла не болѣе 1½ аршина. И оттуда-то, изъ этой могильной пещеры, по освобожденіи отъ разныхъ обломковъ, надобно было появляться на свѣтъ Божій! И среди всего этого страшнаго погрома всѣ остались живы и невредимы!

Но на сплюснутый вагонъ-столовую долженствовали въ тѣже секунды наѣхать слѣдующіе за нимъ вагоны и наѣздомъ этимъ расплюснуть, раздавить, сокрушить. О ужасъ! О воспоминаніе захватывающее духъ!

Но вдругъ какая-то невѣдомая сила, быстрѣе молніи, два ближайшихъ къ столовой вагона поворачиваетъ поперекъ рельсовъ и образуетъ изъ нихъ баррикаду, задержавшую натискъ дальнѣйшихъ вагоновъ на поверженную на рельсахъ Царскую столовую, прикрывающую Царственную Семью. Натискъ дальнихъ вагоновъ на тѣ вагоны, которые стали поперекъ, былъ столь силенъ, что отъ удара въ нихъ проломило стѣну и въ этотъ проломъ выбросило на откосъ земляной насыпи (пяти саженной высоты) Великую Княжну Ольгу Александровну. И тутъ совершилось новое чудо: Великая Княжна осталась совершенно невредима, и когда Невидимая Рука перенесла ее на землю ниже насыпи, то она, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, ясно понимала важность минуты и выразила это возгласомъ: «папа, я жива!»

Затѣмъ, казалось бы, нужны были многіе часы, чтобы опомниться и придти въ себя. Но отдыхать было некогда, потому что въ дру-

гихъ вагонахъ оказались жертвы крушенія, мертвые и раненые. Отдыхать было некогда. Царь и Царица, окруженные, вмѣсто живой прислуги, умирающею и уже бездыханною прислугой, стали сами ухаживать за ранеными, стали помогать имъ чѣмъ и какъ возможно, стали облегчать страданія изнемогающихъ своимъ личнымъ служеніемъ. А въ это время дождь и осенній вѣтеръ заставляли дрожать отъ холода, ноги вязли въ грязи, на плечахъ запасной одежды не было; и вотъ въ эти-то минуты величіе духа человѣколюбія, проявленнаго Царемъ и Царицей, соединяло Русскую землю съ Небомъ. Падемъ ницъ! Въ эти минуты въ нашихъ немощахъ укрѣплялась и закаливалась наша сила. Безпремѣрный подвигъ Царскаго человѣколюбія выражалъ очистительную жертву за грѣхи всей Россіи, жертву восходившую къ престолу Вышняго Человѣколюбца. Въ минуты этого священнодѣйствія Россія выростала, мужала, соединялась въ одно цѣлое съ своимъ Державнымъ Вождемъ.

Въ эти минуты наша—чистая въ намѣреніяхъ и стремящаяся къ Русскимъ воззрѣніямъ—учащаяся молодежь, за исключеніемъ нѣкоторой части поврежденной (въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ) чужеземнымъ вѣяніемъ вредныхъ лжеученій, исцѣлялась отъ своихъ язвъ и возрождалась для жизни, основанной на чистѣйшей преданности къ Царю и разумной любви къ отечеству. Сотни тысячъ Русскихъ людей съ истиннымъ душевнымъ наслажденіемъ видѣли, съ какимъ неподдѣльнымъ сердечнымъ восторгомъ учащіеся юноши всѣхъ возрастовъ и учрежденій встрѣчали сохраненнаго Провидѣніемъ Монарха въ Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ.

И что же мы, Русскіе люди, воздали за все это? Кровати въ больницахъ и богадѣльняхъ! Непонятно. Если кровати нужны по увеличенію заболѣваній, то неужели для этого нужно крушеніе Царскаго поѣзда? Кровати должны устраиваться по мѣрѣ дѣйствительной въ нихъ надобности. Часовни? Это, конечно, скромные памятники минувшаго событія; но благодарныя молитвословія съ бóльшимъ благолѣпіемъ могутъ совершаться во всѣхъ храмахъ; а деньги расходуемыя на часовни могли быть обращены на улучшеніе положенія сельскаго духовенства. Образованіе фонда для поддержки раззорившихся биржевиковъ, — возмутительно! Это отзывается какой-то насмѣшкой надъ великимъ значеніемъ 17-го Октября. Съ одной стороны—чудо Божіе, съ другой—прогорѣвшіе биржевики.

(Знаю напередъ, что многіе замѣтятъ мнѣ, почему я въ первомъ вступленіи *) не высказалъ вполнѣ все мое внутреннее настроеніе. От-

*) Въ XII-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1888 года.

вѣчаю: не въ силахъ, духъ замираетъ, когда представляешь себѣ предъ глазами мысли все то, что было, и потому невольно приходится раздѣлять свои впечатлѣнія, чтобы уменьшить степень подавляющаго вліянія).

II.

Всѣмъ намъ извѣстно, что каждое лѣто бродячія толпы крестьянскихъ семействъ появляются то въ Оренбургѣ, то въ Баку, то въ Томскѣ и въ другихъ мѣстахъ, ищутъ свободныхъ земель и, не найдя ихъ, возвращаются пѣшеходомъ домой, прокармливаясь выпрашиваніемъ милостыни и подвергаясь различнымъ болѣзнямъ отъ холода и голода. И все это совершается въ благодатной Россіи, изобилующей громаднымъ количествомъ ненаселенныхъ земель! Здѣсь невольно приходитъ въ голову такое сопоставленіе. Царскій поѣздъ подвергся крушенію отъ несогласованія его движенія съ техническими условіями, а поѣздъ Русскаго жизнетеченія постоянно сбрасываетъ съ рельсовъ жизненнаго пути массу жертвъ въ юдоль бѣдности и отчаянія отъ той же причины, т.-е. отъ несогласованія нашего быта съ экономическими условіями. И это продолжается уже десятки лѣтъ, увеличивая число страдающихъ! И насъ не могутъ подвинуть къ настойчивымъ мѣрамъ благоустройства ни видъ бродячихъ семействъ, ни газетныя статьи, сообщающія печальныя подробности объ этомъ, ни слезы страдающихъ отцевъ и матерей, ни вопль младенцевъ, изнуряемыхъ отсутствіемъ питанія. Но, при всемъ этомъ безчувствіи, мы не можемъ не сознаться, что упрекъ на общественной совѣсти растетъ и одуряетъ нашъ умъ. Наконецъ, пора уже освободить свою совѣсть отъ неумолимыхъ упрековъ и подвинуться къ дѣлу благотворенія во имя прославленія совершившаго 17 Октября чуда. Милосердый Богъ спасъ намъ наше сокровище—нашего Царя, и въ лицѣ его спасъ всю Россію отъ великихъ бѣдъ и напастей. Поставимъ себѣ задачею послѣдовать человѣколюбивому примѣру Царя, ухаживавшаго за ранеными. Исходя изъ этого указанія, поспѣшимъ съ пособіемъ къ людямъ безвинно - искалѣченнымъ экономическимъ крушеніемъ, перевяжемъ ихъ сердечныя раны, удалимъ худосочіе, дадимъ кровъ и хлѣбъ, во славу Бога, сохранившаго намъ нашего Царя.

Окинемъ взоромъ глубокой мысли многознаменательное значеніе Царской трапезы на станціи Лозовой, когда за столомъ сидѣли всѣ сохранившіеся невредимыми при крушеніи Царскаго поѣзда, безъ различія состояній и положеній. Трапеза эта изображала достопамятную минуту въ Русской Исторіи,—минуту поворота къ новому направленію: жить для счастія несчастныхъ, и въ этомъ поворотѣ выразился нашъ

Русскій Царскій соціализмъ. Слѣдуя за этимъ новымъ направленіемъ, мы, нашимъ участіемъ къ горестному положенію безземельныхъ пахарей, должны изобразить особаго свойства Всероссійскій соціализмъ, чуждый разрушительныхъ Европейскихъ стремленій къ недостигаемому равенству, но твердо основанный, въ чувствахъ преданности къ Царю, на Евангельскомъ завѣтѣ: *аще сотворите меньшимъ братьямъ, Мнѣ сотворите и наслѣдуете вѣчный животъ.* Восхитимъ нашими малоцѣнными жертвами въ свое обладаніе наслѣдіе вѣчной радости, пока время не упущено, пока нить нашей жизни не пресѣклась. Оставимъ добрую о себѣ память на Святой Руси въ назиданіе нашимъ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ. Ослабимъ грустное воспоминаніе во всей Царской Семьѣ о бывшемъ крушеніи проявленіемъ, со стороны нашей, человѣколюбивыхъ стремленій. Украсимъ наши дни на страницахъ исторіи всеобщимъ движеніемъ на дѣло добра и общей пользы и, говоря сокращеннѣе, пріобрѣтемъ должника—Всемогущаго Бога, вѣруя въ то, что *дающій бѣдному даетъ взаимъ Богу.*

Для возвеличенія Россіи всѣ мы должны стремиться къ тому, чтобы каждый Русскій человѣкъ, посредствомъ посильныхъ приношеній въ пользу безземельныхъ пахарей, имѣлъ своимъ должникомъ Бога-Вседержителя и, тогда Русская жизнь—правительства и народа—руководимая мудростію свыше, озаритъ міръ величіемъ своего благоустройства, основаннаго на началахъ христіанской любви.

III.

Когда современники совершившагося 17 Октября чуда сойдутъ со сцены жизни и закроютъ глаза на вѣчный могильный сонъ, и когда ихъ замѣнитъ новое преемственное поколѣніе: то надобно, чтобы для историческаго достоинства нашихъ дней, предъ глазами нашихъ замѣстителей, въ яркомъ видѣ выступали доказательства нашего стремленія выразить благодарность Богу и преданность Царю. Да, надобно, чтобы будущее поколѣніе могло сказать: были власти и люди, особаго патріотическаго закала, умѣвшіе понять значеніе чудотворенія и засвидѣтельствовать это понятіе не сооруженіемъ рукотворнымъ, а образованіемъ въ Русской жизни довольства и благосостоянія, именно:

Министерство внутреннихъ дѣлъ прекратило возможность самовольнаго подъема малоземельныхъ крестьянъ изъ деревень до указанія переселяющимся опредѣленныхъ пунктовъ ихъ новаго жительства, и чрезъ это устранило дальнѣйшее накопленіе нищихъ. Причемъ подстрекатели и поводыри, вовлекавшіе крестьянъ въ безсмысленное бро-

дяжничество для отысканія земель, были преданы суду и очутились въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

Министерство государственныхъ имуществъ съ готовностью предложило пустопорожнія казенныя земли для поселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ и снабдило лѣсомъ на постройку жилищъ. Какая высокая, разумная и отеческая мѣра, основанная на Божественномъ Словѣ, изреченномъ въ первые дни мірозданія: *наслѣдуйте землю и обладайте ею!*

Желѣзнодорожныя и пароходныя сообщенія заботливо перевозили переселяющихся на новыя мѣста безъ всякой платы, а земледѣльческія общества поспѣшно снабжали ихъ пахотными орудіями.

Комитеты для призрѣнія бѣдныхъ и разбора нищихъ нашли возможнымъ многія семейства, усвоившія себѣ въ столицахъ нищенство, какъ промыселъ, водворить въ «Царскія Волости», и такимъ образомъ вывести эти погибающіяся семейства со всѣмъ ихъ будущимъ поколѣніемъ на путь честнаго труда и безбѣднаго довольства во всѣхъ потребностяхъ ихъ домашней жизни.

Но что-же тогда дѣлала печать? О, печать того времени была душою дѣла. Не смотря на неизбѣжныя различія направленій и воззрѣній, всѣ газеты и журналы, по вопросу о пожертвованіяхъ на переселеніе малоземельныхъ крестьянъ на новыя мѣста, изображали какъ бы одни уста, уста сильнаго добровѣщанія и убѣдительнаго настоянія въ пользу пожертвованій. Всѣ писатели, какъ люди мысли, всегда были болѣе или менѣе дальнозоркими охранителями общихъ Русскихъ интересовъ; но здѣсь они всецѣло соединились подъ общимъ девизомъ: *дадимъ алчущимъ хлѣба!* И, дѣйствительно, дали хлѣба, вызвавъ посредствомъ убѣдительныхъ доводовъ такую массу пожертвованій, которая дала возможность водворить десятки тысячъ малоземельныхъ крестьянъ на новыя плодородныя мѣста съ изобильнымъ надѣломъ ихъ землею. И вотъ всѣ эти благоденствующіе теперь грамотные новосёлы, сознавая значеніе печатнаго слова, вполнѣ понимають, на сколько они обязаны своимъ благоустройствомъ благодѣтельному могуществу этого слова.

Но твердую основу дѣла положили всѣ Русскіе люди: они изобильно, на перерывъ, несли свои денежныя пожертвованія для устройства сельскаго хозяйства людямъ переселяющимся въ мѣста новаго ихъ жительства.

Рядъ этихъ дѣйствій, въ совокупности своей, изображая великое торжество вѣры, надежды и любви, укоренилъ въ сердцѣ каждаго чистое стремленіе къ добру и правдѣ вѣрнѣе всякихъ учебниковъ. Вразумительное вліяніе добрыхъ стремленій, всенародно проявленныхъ,

какъ сильный потокъ, смыло грязь преступныхъ помышленій и намѣреній, такъ что убійства, самоубійства и хищенія утратили свою острую силу, и сердце людское освободилось отъ злыхъ чувствъ досады и зависти.

Преемники нашего земнаго бытія, проѣзжая мимо будущихъ «*Царскихъ Волостей*», вмѣсто нынѣшнихъ изможденныхъ безземельныхъ крестьянъ, узрѣли бы тамъ свѣтлыя и здоровыя лица, увидали бы въ свѣжести этихъ лицъ и во всей ихъ обстановкѣ явственное доказательство того, что Русское народное сердце было способно создать о чудѣ 17 Октября такое воспоминаніе, подъ сѣнію котораго растетъ и крѣпнетъ Святая Русь.

IV.

Россія имѣетъ неоспоримое право похвалиться числомъ существующихъ въ ней учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, и главнѣйше, скоростью, съ которою они возникли.

Сто лѣтъ назадъ, при Екатеринѣ Второй, была устроена въ Петербургѣ первая (Обуховская) больница, а чрезъ 20 лѣтъ послѣ того образовалось въ Россіи, попечительствомъ и заботливостью Императрицы Маріи Ѳеодоровны, такое количество больницъ, которое потребовало для управленія ими учрежденія особаго вѣдомства. Съ тою-же быстротою, во время означеннаго періода, открывались университеты, лицеи, гимназіи и училища техническія, инженерныя, коммерческія и правовѣдѣнія. Затѣмъ образовались отдѣльныя учрежденія повсемѣстныхъ дѣтскихъ пріютовъ, созданныхъ заботливостью и покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны.

При Императорѣ Александрѣ II-мъ являются совершенно новыя учрежденія, по вчинанію Императрицы Маріи Александровны—женскія гимназіи, и въ тоже время, по вчинанію нынѣ царствующаго Государя Императора—домъ призрѣнія для ремесленнаго образованія съ особой женской рукодѣльной школой, и сверхъ того больница для душевнобольныхъ.

Независимо отъ поименованныхъ учрежденій, является опять новое вѣдомство съ самою человѣколюбивою цѣлію, — это учрежденіе «Краснаго Креста».

Затѣмъ, человѣколюбивое стремленіе Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго образовало многія учрежденія для воспитанія, образованія и призрѣнія младенцевъ, юношей и престарѣлыхъ вдовъ, для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, и нѣсколько отдѣльныхъ большихъ больницъ, между которыми самая обширная Сыпная больница.

Вельможи, жившіе въ минувшемъ столѣтнемъ періодѣ, также ознаменовали себя, слѣдуя примѣру царей, благотворительными учрежденіями: въ Москвѣ больницы Шереметевская, Голицынская и другія, въ Петербургѣ Демидовскій домъ призрѣнія и т. п.

Совокупность означенныхъ примѣровъ произвела благодѣтельное подражаніе въ Русскихъ купцахъ. Въ столицахъ и губерніяхъ образовалось столько больницъ и богадѣленъ, что, безъ особыхъ справокъ, по одной лишь памяти, трудно ихъ перечесть. Скажемъ о нѣкоторыхъ: въ Иркутскѣ—Медвѣдниковой, въ Кунгурѣ — Губкина, въ Москвѣ—Бахрушиныхъ, Ермаковыхъ, Хлудовыхъ, и недавно возникшіе клиники В. А. Морозовой, въ Петербургѣ—Герасимова, Солодовникова и Тебенькова и т. д. Если бы кто-либо потрудился написать исторію Русской благотворительности за послѣднія сто лѣтъ, то это составило бы интересную и поучительную книгу. Но этимъ не исчерпывается общее стремленіе къ удовлетворенію человѣческихъ нуждъ. Мы видимъ распространившееся почти по всей Россіи, подъ покровительствомъ благополучно здравствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Общество спасанія на водахъ.

Неужели въ наше время не образуется Общество спасанія крестьянъ-пахарей отъ малоземелья, и неужели бури житейскаго моря, разбивающія въ дребезги правильный ходъ сельской жизни, не вызовутъ участія къ прекращенію бѣдствій?..

Нѣтъ, никакого повода не существуетъ въ возможности сомнѣваться въ широтѣ Русскаго стремленія къ добру; а въ настоящемъ случаѣ, когда помощь принимаетъ значеніе вѣчнаго памятника чудотворенію 17 Октября, тѣмъ болѣе всякое сомнѣніе было бы обидно, какъ для всѣхъ вообще, такъ и отдѣльно для каждаго.

Все, что̀ нами сказано относительно образованія въ Россіи благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, создалось въ теченіи четырехъ царствованій, волею и попеченіемъ Царей. Послѣдователями этихъ благотворныхъ начинаній являлись единичныя личности; но никогда еще вся масса Русскихъ людей самобытно и непринужденно не выражала изъ себя творческой благодѣющей силы. Это время наступило теперь въ настоящемъ случаѣ, когда народная помощь принимаетъ значеніе вѣчнаго памятника чудотворенію 17 Октября. Сомнѣваться въ этой помощи значило бы обидѣть всѣхъ вообще и отдѣльно каждаго. Россія, въ лицѣ ея передовыхъ людей, конечно, докажетъ, что путь цивилизаціи, по которому мы несомнѣнно двигались впередъ, не изсушилъ Русскаго сердца и не сдѣлалъ его черствѣе сердца нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, умѣвшихъ отдѣлять часть своего достоянія на дѣла народной благотворительности.

V.

Люди, проходящіе путь жизни нерѣшительными и робкими шагами, конечно, скажутъ, что обращеніе малоземельныхъ крестьянъ къ многоземельному владѣнію требуетъ большихъ капиталовъ, которыхъ у насъ нѣтъ; равно нѣтъ и подготовительнаго образованія какъ приняться за устройство хозяйства въ новыхъ пунктахъ крестьянскаго поселенія. По моему мнѣнію, сила не въ капиталахъ и не въ спеціальномъ образованіи, которое придетъ въ свое время само собою. Теперь вопросъ состоитъ въ потребности доставить малоземельникамъ хлѣбъ насущный, и къ достиженію этого ведетъ другая сила, по выраженію М. П. Погодина: «сила не въ силѣ, а сила—въ любви». Правда, у насъ мало людей, владѣющихъ громадными капиталами; но за то у насъ, сравнительно съ Европой, въ противоположность ей, очень мало и такихъ людей, которые не знаютъ гдѣ они завтра могутъ приклонить голову. Не обращая вниманія на устройство малоземельныхъ крестьянъ и не отдавая въ ихъ обладаніе пустопорожнихъ казенныхъ земель, мы, конечно, усердно расплождаемъ количество безпомощныхъ людей. Еслибы мы, поощряемые силою любви, отъ нашихъ умѣренныхъ средствъ отдѣлили почти незамѣтныя для насъ самихъ крохи, то при общей массѣ ихъ составился бы громадный капиталъ. И такъ, для успѣха въ составленіи этого капитала нужно одно, чтобы Богъ расширилъ наше сердце, и тогда при этомъ расширеніи сами собою исчезнутъ всякія затрудненія.

Представимъ себѣ, въ краткихъ цифрахъ, итогъ дѣйствій расширеннаго Русскаго сердца. Россія проживаетъ въ годъ (считать на каждаго 30 к. въ день) болѣе 10 милліардовъ. Еслибы всѣ Русскіе люди дали по копѣйкѣ съ своего прожитка за одинъ годъ, тогда бы общій итогъ пожертвованій составилъ 100 милліоновъ, съ которыхъ, при обращеніи ихъ въ $^0/_0$ бумаги, получалось бы 5 милліоновъ ежегодно, и это дало бы возможность, при выдачѣ на каждое семейство по 300 р., переселять ежегодно изъ малоземельныхъ деревень на новыя мѣста болѣе 16.000 семействъ. При этомъ перемѣщеніи, 16.000 семей, получивъ вновь устроенный бытъ, наслаждались бы полнымъ довольствомъ; а тѣ деревни, откуда выбыли люди для переселенія, почувствовали бы себя гораздо изобильнѣе и счастливѣе, потому что земли переселяющихся сдѣлались бы принадлежностью остающихся на своихъ мѣстахъ крестьянъ. Но разумѣется, нечего и думать о томъ, чтобы вся Россія могла быть объята сердечнымъ порывомъ; нечего думать не потому, чтобы не нашлось сочувствія, а по невозможности до того распространить мысль объ увѣковѣченіи чуда 17 Октября, чтобы каждый могъ это знать и вѣдать. Но

если, положимъ не вся Россія, а только $^1/_{10}$ часть, при содѣйствіи печатнаго слова, внѣдритъ въ свое сердце порывъ человѣколюбія и уразумѣетъ общую пользу надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей; то и тогда количество переселяющихся будетъ составлять каждогодно 1600 семействъ, которыя освободятся отъ гнета безземельности и перейдутъ на путь сельскаго довольства.

Заключеніе.

Боже Праведный! Просвѣти разумъ всѣхъ Русскихъ людей, славящихъ, по обрядамъ и завѣтамъ своихъ предковъ, Твое Святое Имя, и силою безпредѣльной бездны Твоего милосердія очисти бездну нашихъ скверныхъ дѣяній и помышленій!

Боже праведный! Оживи и пополни наши сердца чувствомъ горячей вѣры въ Тебя, и сей даръ Тобою намъ данный пріими отъ насъ, какъ приношеніе нашего къ Тебѣ стремленія.

Святая церковь возглашаетъ тоже самое въ сокращенныхъ словахъ: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще». Но въ это священно-таинственное приношеніе потребно каждому вложить хоть каплю собственнаго стремленія къ Богу выраженіемъ любви къ ближнему и, тогда все доброе и возвышенное, внушенное намъ свыше, Всемогущій Богъ пріемлетъ, какъ даръ всецѣло отъ насъ исходящій. И вотъ эта-то капля да будетъ та копѣйка, которую ожидаютъ отъ насъ наши братья безземельные и мало-земельные земледѣльцы, не могущіе продолжать своего существованія безъ переселенія на новыя мѣста.

Окончимъ краткимъ очертаніемъ проявленій, окружающихъ теперь Русскую жизнь, именно: чудо Божіе у всѣхъ передъ глазами, потребность воспрославить и увѣковѣчить его лежитъ у всѣхъ на совѣсти; но гдѣ-же средства для исполненія такого священнаго Всероссійскаго долга? Отвѣтъ: въ самой совѣсти Русскихъ людей, въ самой глубинѣ ихъ сердечныхъ помышленій. И такимъ образомъ все сводится къ тому, что рѣшеніе вопроса поступаетъ въ народную совѣсть двухъ направленій: братолюбцевъ и каменно-сердечныхъ. Для тѣхъ и другихъ ясные приговоры изглаголаны въ Святомъ Евангеліи:

Братолюбцамъ: «*Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе*».

Каменно-сердечнымъ: «*Отъидите отъ Меня прокляти*» и прочіе грозные глаголы.

«*Имѣяй уши слышати—да слышитъ*».

12 Декабря 1888 г. С.-Петербургъ.

В. Кокоревъ.

*

Желая, чтобы свѣдѣніе о столь полезномъ для народной жизни предложеніи В. А. Кокорева получило наивозможно-большее распространеніе, „Русскій Архивъ" предлагаетъ повременнымъ изданіямъ перепечатать эту статью. Самъ же онъ счастливъ, что эти мысли, указующія путь къ благоустройству, впервыя оглашаются на его страницахъ, отмѣчая собою великое событіе нашей исторіи, смыслъ котораго живѣе и чувствительнѣе при знакомствѣ съ прошедшими судьбами нашего отечества и на которое не можетъ не отозваться Русское сердце (въ какую старину ни зарывайся).

П. Б.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный Указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять, десять, пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года — **ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

2.

Стр.

1. Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Лѣто 1826 года. (Въ Караклисѣ.—Успѣхи Персіянъ. — Князь Севарземидзевъ.— **Имеретинъ** Елизбаръ. — **Приказъ** Ермолова. — Лазутчикъ Авакъ.— Оставленіе Караклиса.—Походъ въ горахъ.—На Безобдалѣ.—Вельяминовъ) 177
2. Персидское посольство въ Россіи въ 1829 году. Статья **М. Г. Розонова** по бумагамъ графа П. П. Сухтелена 209
3. **Дневникъ графа П. П. Сухтелена** 1829 года о пребываніи Хозревамирзы въ Россіи 240
4. Письма Кавказскаго героя **Н. П. Слѣпцова** къ князю А. И. Барятинскому. 1851 261
5. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.** IV. 1857—1858 годы. (Происки Англіи.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Стѣсненіе Шамиля. — Покореніе Авгунскаго края.—Подвиги Евдокимова.—Взятіе Веденя.—Наступленіе въ средину Кавказа.) Въ приложеніяхъ: Письма (графа) **Д. А. Милютина,** переписка съ **Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ,** съ военнымъ министромъ **Н. О. Сухозанетомъ** и княземъ **А. М. Горчаковымъ,** письма **А. В. Головнина.** 274
6. Разсказы о митрополитѣ Филаретѣ. (Сообщены протоіереемъ **Силою Архангельскимъ**) 359
7. Историко - критическія замѣтки: 1) О тиранствѣ Ивана Грознаго, 2) о смерти царевича Димитрія. **Д. И. Иловайскаго** 362
8. Поправка 372

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1889.

РУССКОЕ ДѢЛО.

4-й годъ изданія.

Вступая въ четвертый годъ своего существованія, „Русское Дѣло“ можетъ гордиться тѣмъ, что среди многообразныхъ трудностей и соблазновъ оно сохранило въ неприкосновенности и чистотѣ какъ воспринятое имъ знамя, такъ и свой характеръ вполнѣ независимаго изданія, посвященнаго разъясненію идеи о православномъ и Славянскомъ міровомъ призваніи Россіи, и служенію одной лишь правдѣ, безъ всякихъ уклоненій, или сдѣлокъ съ кѣмъ, или съ чѣмъ-бы то ни было. Провѣривъ и испытавъ себя въ теченіе трехъ лѣтъ самостоятельной публицистической дѣятельности, редакторъ „Русскаго Дѣла“ надѣется, что и впредь возможно будетъ ему работать въ томъ-же направленіи. Никогда еще не было такъ нужно трезвое и неподкупное слово правды, какъ сейчасъ, когда Русское общество. утомленное обуявшею его со всѣхъ сторонъ ложью, жадно ищетъ среди нея и крупицу правды, когда господствующія направленія Русской мысли потеряли свое обаяніе, а печатное слово едва сохраняетъ послѣдніе остатки прежняго къ себѣ уваженія и довѣрія....

„Русское Дѣло“ въ 1889 г. выходитъ, какъ и прежде, ЕЖЕНЕДѢЛЬНО нумерами въ 16 страницъ большаго формата, убористаго шрифта, давая столько-же оригинальнаго матеріала, сколько толстые ежемѣсячные журналы. Участвовать въ изданіи будутъ, надѣемся, тѣ-же лица, что и доселѣ, т. е. Н. Аксаковъ, Ан. Александровъ, В. Аленниковъ, П Аристовъ, В. Аристовъ, П. Астафьевъ, В. Бѣлинскій, Аѳ. Васильевъ, Эрнестъ Ге, П. Зеленый, А. Кирѣевъ, Ал. Кояловичъ, Л. Лопатинъ, Н. Лопатинъ. Д. Ляховъ, Евг. Марковъ, Ив. Мещерскій, Ор. Миллеръ, Ал. Морокинъ. Н. Овсянниковъ, гр. Ал. Соллогубъ, Ив. Тарасовъ, гр. Л. Толстой, К. Толстой, Н. Умановъ, Т. Филипповъ, Н. Шавровъ, В. Эрстель и др. и кромѣ того гг. подписывающіеся псевдонимами, сдѣлавшимися весьма извѣстными, какъ Рцы, С. С. Б., Студентъ-юристъ, М. А. (театральная хроника), Непризванный педагогъ, Житель Подунавья и т. д.

„Русское Дѣло“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ (Эрнестъ Ге), въ Лондонѣ (К.), въ Берлинѣ (В. Ѳ.) и въ Славянскихъ земляхъ.

Каждый нумеръ газеты распадается на слѣдующіе отдѣлы: I. Общіе вопросы. II. Иностранный отдѣлъ. III. Экономическій отдѣлъ. IV. Военныя замѣтки. V. Литература и искусство. VI. Критика и библіографія. VII. Шутки ради. VIII. Смѣсь.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки въ годъ . .	7 руб.	полгода 4 руб.	три мѣсяца 2 руб.
Съ доставкой и пересылкой.	8 „	„ 4 „	„ „ 2 „
За границу	12 „	„ 5 „	„ „ 3 „

Подписка принимается: въ Москвѣ. въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа, А. С. Суворина (Новаго Времени), Н. И. Мамонтова, А. А. Карцева, А. Л. Васильева, И. П. Карбасникова и въ Конторѣ Редакціи, Мясницкая, д. Эйбушитцъ, Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ „Русскаго Дѣла“ при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова (Невскій, 46) и другихъ книгопродавцевъ. Въ Казани у Дубровина. Въ Кіевѣ у Оглоблина. Въ Одессѣ и Харьковѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина).

Иногородніе адресуются исключительно въ Москву, въ Контору Редакціи, Мясницкая, домъ Эйбушитцъ.

☞ **Священнослужители. учащіе, учащіеся пользуются при подпискѣ у[illegible]пкою въ 2 р., высылая за годъ вмѣсто 8 р. 6 р., а за полгода 3 р. съ доставкой и пересылкой.** ☜

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Іюль—Августъ 1826-го года *).

Персидская война.

Опишемъ теперь бѣдствіе, постигшее 2-ю мушкетерскую роту Тифлискаго полка. Ею командовалъ шт.-кап. Воронковъ, офицеръ, коего хвалили способности и расторопность.

26-го числа Іюля (1826), по извѣстію отъ капитана Переверзева, командовавшаго ротою, находившеюся въ Балыкчаѣ, что у него уже кончился провіантъ и что уже два дня люди совершенно безъ всякаго продовольствія, отправлены были на вьюкахъ сухари и артилерійскіе снаряды на Балыкчай; въ прикрытіе же къ транспорту сему назначенъ былъ Воронковъ съ ротою и Казахскій приставъ Снѣжевскій съ 400 всадниками обывательской конницы. Въ ротѣ сей состояло на лице 160 человѣкъ; съ нею отправили также и инженеръ-прапорщика Хрупова съ шанцовымъ инструментомъ, чтобы онъ укрѣпилъ Балыкчайскій постъ.

27-го числа Воронковъ былъ окруженъ на привалѣ толпою непріятельской конницы. Говорятъ, что онъ былъ оплошенъ, и на привалѣ люди были всѣ раздѣвшись и даже что у ружей и часовыхъ не было. Весьма возможно, что рота сія шла въ безпорядкѣ, какъ уже зло сіе и слишкомъ вкралось въ Тифлискомъ полку (безпорядокъ сей могъ быть причиною потери, претерпѣнной сею командою); но она дралась храбро, и вѣроятно силы непріятельскія были слишкомъ несоразмѣрны нашимъ, что̀ вмѣстѣ съ другими распоряженіями Воронкова и оплошностію его погубило нашихъ.

Наши люди, увидя непріятеля, храбро бросились на онаго; конница Персидская отступала, отстрѣливаясь и наводя пѣхоту нашу на сарбазовъ, кои скоро показались въ большомъ количествѣ и не внезапно. Тутъ завязался сильный бой; у насъ уже было много раненыхъ и убитыхъ, когда Персидская конница приближалась, чтобы захватить

*) См. „Русскій Архивъ“ 1888, III, 385.

разсыпавшихся людей. Самъ Воронковъ былъ раненъ въ руку и взятъ въ плѣнъ; прапорщику Попову, находившемуся съ нимъ, отрубили голову. Хрупова же тяжело раненнаго также взяли въ плѣнъ и привели къ Гассанъ-хану, который, по причинѣ тучности его, препятствовавшей ему, по мнѣнію его, перенести дальній походъ, велѣлъ его зарѣзать, что̀ и было немедленно исполнено. Когда побили всѣхъ офицеровъ, люди продолжали еще защищаться, но выстрѣливъ всѣ патроны свои, были частью побиты, частью въ плѣнъ взяты. Изъ всего числа спаслось только 40 человѣкъ, которые укрылись въ лѣсахъ и по одиночкѣ пробирались по ночамъ въ Караклисъ; нѣкоторые изъ нихъ были ранены.

Во время дѣла Снѣжевскій не могъ понудить своихъ Казахцевъ вступить въ бой съ Персіянами: они его ослушались и остались неподвижными зрителями сего дѣла; иные только выѣхали впередъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по воздуху; когда же стали уже брать въ плѣнъ оставшихся солдатъ, тогда Снѣжевскій принужденъ былъ ускакать, и за нимъ послѣдовали всѣ Казахцы. Такимъ образомъ достались непріятелю отъ сей побѣды въ руки всѣ снаряды, два офицера и 105 рядовыхъ. О числѣ послѣднихъ я узналъ уже изъ письма Воронкова къ Северземидзеву: письмо сіе было доставлено ко мнѣ, когда мы были уже въ Софіанѣ *), что̀ близъ Тавриза, однимъ Армяниномъ. Воронкова обвиняли въ оплошности; говорили, что онъ пошелъ не тою дорогою, которою ему приказывалъ Северземидзевъ идти и по коей бы онъ могъ долго держаться противъ непріятеля; но говорили также, что ему отсовѣтовали идти назначенною дорогою Казахцы, которые были извѣщены о намѣреніи Персіянъ и о приготовленіяхъ ихъ, и навели Воронкова на непріятеля. Ни въ какомъ случаѣ сіе бы не могло оправдать его; но кажется, что онъ велъ себя храбро, и команда его была разбита уже послѣ того какъ его ранили, и уже офицеровъ не было. Судя однакоже по числу плѣнныхъ, взятыхъ непріятелемъ и по числу возвратившихся, замѣтно, что люди потеряли присутствіе духа послѣ потери своихъ офицеровъ: ибо 105 человѣкъ, если и исключить изъ числа ихъ нѣсколько раненыхъ, могли еще держаться противъ Персіянъ, тѣмъ болѣе, что число ихъ увеличивалось еще и тѣми, которые возвратились; но порядка уже не могло болѣе быть, и немудрено, что ихъ въ такомъ случаѣ разбили. Я видѣлъ раненыхъ, возвратившихся въ Караклисъ въ лазаретѣ, и удивился бодрости духа ихъ. Они одѣты были въ халаты; едва можно было

*) Т. е. въ 1828 году, когда писана эта часть Записокъ (очевидно по современнымъ замѣткамъ). П. Б.

признать ихъ за раненыхъ: такъ они казались свѣжи и бодры. Они были одушевлены духомъ мщенія и казались истинно героями, перенося съ необыкновеннымъ терпѣніемъ жестокія раны—отличительная черта солдатъ Тифлискаго полка.

27-го числа пріѣхалъ изъ Балыкчая прапорщикъ Туркестановъ съ Татариномъ, Казахскимъ прапорщикомъ, Абдулла-агою. Они пріѣхали съ извѣстіемъ отъ капитана Переверзева, что онъ, за неимѣніемъ провіанта, выступаетъ оттуда, оставя постъ. Туркестановъ, выѣзжая оттуда, не зналъ еще о несчастіи, постигшемъ Воронкова; но онъ проѣхалъ черезъ поле сраженія и, увидѣвъ обезглавленные трупы, первый привезъ извѣстіе о семъ пораженіи. Немедленно онъ былъ отправленъ на встрѣчу къ Переверзеву, дабы предупредить его объ опасности. Туркестановъ безпрекословно поѣхалъ съ Абдулла-агою обратно черезъ мѣста, гдѣ находился непріятель и, соединившись съ Переверзевымъ, шедшимъ обратно, прибылъ съ нимъ въ Караклисъ.

Когда Персіяне истребили команду Воронкова, тогда, желая устрашить Переверзева, они провели торжественно (въ виду Балыкчайскаго поста, который они облегали съ большими силами, но внѣ пушечнаго выстрѣла) всѣхъ плѣнныхъ, одного за другимъ. Они стрѣляли у себя въ лагерѣ, дабы возвѣстить намъ побѣду свою и радость. Войска наши, терпѣвшія уже нѣсколько дней голодъ на Балыкчаѣ, потеряли тогда надежду на подкрѣпленіе и на доставленіе къ нимъ провіанта. Переверзевъ воспользовался темнотою ночи и оплошностію Персіянъ, торжествовавшихъ побѣду свою, дабы уйти. 27-го въ ночи онъ выступилъ, а 28-го, за полдень, пришелъ въ Караклисъ, послѣ 60-ти верстнаго труднаго перехода, перевозя во многихъ мѣстахъ орудія на людяхъ (ибо дорога по сему ущелью весьма трудна). Люди его были чрезвычайно утомлены отъ голода и трудовъ, но съ прибытіемъ его миновалась опасность для Караклиса; ибо онъ привелъ до 300 челов.

Такимъ образомъ мы потеряли Балыкчайскій постъ, который закрывалъ дорогу изъ Еривани въ Казахскую дистанцію, и открыли свободное сообщеніе Персіянамъ со внутренностью нашихъ областей. Персіяне, занявъ Балыкчай, скоро однакоже отступили, и Снѣжевскій хотѣлъ опять занять постъ сей своими Татарами, но не сдѣлалъ сего.

Хотя арестованіе Татаръ, приближенныхъ къ князю Севаршемидзеву и имѣвшихъ въ виду склонить его къ раздробленію силъ, дабы понемногу истреблять весь гарнизонъ Караклиса, и прибытіе Переверзева подавали намъ надежду удержаться въ случаѣ нападенія непріятеля; но силы его могли умножиться: онъ не выходилъ изъ своего лагеря, а наши сообщенія были вездѣ прерваны. Ожидая нападенія сего, я не переставалъ брать самыя дѣятельныя мѣры для обороны и

продолжалъ укрѣплять арбами и повозками Караклисъ. Между тѣмъ мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія своднаго баталіона, составленнаго изъ двухъ ротъ моего *) и двухъ ротъ 41-го егерскаго полка. Ночью ущельями посылали мы предписанія маіору Кашутину, ведшему сей баталіонъ съ 4 легкими орудіями, дабы онъ поспѣшнѣе шелъ. Наконецъ до него дошли слухи о пораженіи Чавчавадзева команды на Безобдалѣ, когда онъ былъ близъ Агзебегра, Бабьяго Моста, и онъ поспѣшилъ къ намъ на помощь. Капитанъ Тифлискаго полка, командовавшій въ Гергерахъ, встревоженный симъ нападеніемъ Персіянъ, объявилъ Кашутину, что у насъ въ Караклисѣ только на три часа осталось патроновъ. Подполк. Андреевъ, опасаясь, чтобы непріятельская партія не зажгла его штабъ-квартиру, далъ даже предписаніе маіору Кашутину оставить нѣсколько пѣхоты на Джилкѣ; подобное же, кажется, требованіе поступило къ нему и отъ капитана, командовавшаго ротой въ Гергерахъ. Таковъ былъ порядокъ въ войскахъ, что всякій поселенный начальникъ непремѣнно хотѣлъ имѣть постороннія войска для охраненія и защиты своихъ. Но Кашутинъ смѣялся симъ требованіямъ и не исполнялъ ни одного изъ нихъ; напротивъ того, слѣдуя почти безъ остановки и только съ малыми привалами, онъ оставилъ у подошвы Безобдала ранцы и лишнія тяжести своего баталіона, потому что полагалъ вступить прямо въ бой и, пройдя по мѣстамъ, гдѣ онъ еще нашелъ трупы людей побитыхъ изъ команды Чавчавадзева, онъ прибылъ въ Караклисъ съ утомленными людьми въ ночи съ 28-го на 29-ое число. Я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Люди его такъ устали, что нѣкоторые, стоя во фрунтѣ, ложились. Я ввелъ баталіонъ сей съ барабаннымъ боемъ въ Караклисъ и расположилъ оный въ колоннахъ къ южному выходу, куда на другой день вывелъ въ лагерь и роты Тифлискаго полка, слишкомъ загнѣздившіяся въ землянкахъ Караклиса.

Такимъ образомъ Караклисъ имѣлъ не только средства къ защитѣ, но даже достаточно войскъ, чтобы возстановить сообщенія наши съ Гумрами и другими обложенными постами, и чтобы въ случаѣ возможности напасть внезапно на непріятеля, разбить и преслѣдовать его: ибо у насъ было до 1,300 человѣкъ подъ ружьемъ и 11 орудій; сверхъ сего 60 казаковъ, которые содержали цѣпь по дорогѣ къ Гамзачимену. Но непріятель, освѣдомившись о приближеніи сихъ свѣжихъ войскъ къ Безобдалу, немедленно отступилъ отъ своего лагеря подъ Дарбазомъ, и передовые его пикеты показывались только со стороны Гамзачимена. Пикеты сіи небольшимъ количествомъ войскъ

---

*) Т. е. седьмаго карабинернаго полка. П. Б.

нападали иногда на фуражировъ нашихъ, но всегда безъ успѣха; потому что конница ихъ никогда не допускала къ себѣ близко.

Согласно волѣ корпуснаго командира, кн. Севарземидзевъ предписывалъ нѣсколько разъ Фридрихсу оставить Гумры; но изъ трехъ повелѣній онъ получилъ только послѣднее, по коему и выступилъ 31-го числа. Между тѣмъ для защиты сообщенія нашего съ Гергерами, вновь возстановленнаго прибытіемъ своднаго баталіона и отступленіемъ Персіянъ, была послана въ селеніе Кишлакъ одна рота съ 2 орудіями.

29-го числа отправлена была рота Тифлискаго полка въ Гергеры за провіантомъ и снарядами. 31-го числа транспортъ сей прибылъ въ Караклисъ подъ прикрытіемъ еще одной роты Грузинскаго гренадерскаго полка, прибывшей изъ Тифлиса съ артилерійскимъ паркомъ. Цебриковъ извѣщалъ корпуснаго командира письмами своими о случившемся.

31-го числа, около полудня, въ Кишлакѣ слышны были пушечные выстрѣлы изъ Амамлъ. Полагая, что войска, защищавшія ту деревню, были атакованы Персіянами, посланы туда ввечеру по захожденіи солнца двѣ роты моего полка съ двумя орудіями подъ командою маіора Кашутина. Отправляя его, я далъ ему наставленія какъ дѣйствовать въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, и также какія ему брать предосторожности во время слѣдованія. Между тѣмъ я повторилъ ему, буде онъ найдетъ тамъ все въ порядкѣ, дать только малый отдыхъ людямъ и немедленно возвратиться. Кашутинъ пришелъ въ Амамлы, не встрѣтя никого дорогою; въ Амамлахъ также все миновалось. Тревога произошла отъ того, что человѣкъ 300 Персидской конницы напали на пасшійся обывательскій скотъ и отбили часть онаго. Командовавшій въ Амамлахъ маіоръ Хомутскій, не будучи въ состояніи выдти изъ селенія, потому что онъ отправилъ уже команду на фуражировку и былъ слишкомъ слабъ, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія. Жители не рѣшились выѣхать для отбитія обратно своего скота, который такимъ образомъ и достался въ добычу непріятелю. Кашутинъ, вопреки отданному мною приказанію, не возвратился по маломъ отдыхѣ изъ Амамловъ, а дождался тамъ полк. Фридрикса, шедшаго изъ Гумровъ, съ коимъ онъ и прибылъ въ Караклисъ въ ночи съ 1-го на 2-ое ч. Августа, чтó и понудило меня замѣтить ему неисполненіе его, тѣмъ болѣе что онъ отзывался, что ему велѣлъ Фридриксъ дождаться его, когда онъ не получалъ такого приказанія отъ Фридрикса.

Фридриксъ, получивъ наконецъ повелѣніе оставить Гумры, долженъ былъ исполнить волю начальства вопреки плачу и крику жителей, вопреки ропоту солдатъ, лишавшихся всего своего имущества, нажитаго ими въ теченіи долговременнаго ихъ пребыванія на одномъ

мѣстѣ, вопреки и всеобщаго понятія начальниковъ на сей линіи, находившихъ очищеніе Гумровъ мѣрою самою неблагоразумною по причинамъ мною выше изложеннымъ.

Въ Гумрахъ было отдѣленіе артилерійскаго гарнизона, въ коемъ находилось до 300 пудовъ свинцу, довольное количество пороху и разныхъ другихъ снарядовъ, Персидскіе фальконеты, кажется артилерійскіе металы или распиленныя орудія и одна трехфунтовая пушка. Свинецъ достался въ руки непріятеля, а также и фальконеты; прочее что́ могли истребили, а пушку запрягли волами и повезли (пушка сія намъ послѣ долго еще служила при отправленіяхъ малыхъ командъ). При семъ Фридриксъ былъ принужденъ доставать быковъ у жителей; ибо подполк. Дехтеревъ, который былъ настоящій хозяинъ тамъ по давнишнему его пребыванію, помышлялъ только о перевозѣ своей собственности и такъ мало о казенномъ и полковомъ имуществахъ, что онъ даже оставилъ въ Гергерахъ множество амуниціи, такъ какъ весьма много людей не служили во фронтѣ и не имѣли оной на рукахъ, и такъ какъ кромѣ сего было большое количество заручной амуниціи, отъ некомплекта людей въ разныхъ цейхгаузахъ. Множество ружей и другихъ вещей остались въ рукахъ непріятеля отъ безпечности начальниковъ, отъ недостатка въ средствахъ къ перевозу оныхъ и отъ поспѣшности, съ коею въ ночь выступили изъ Гумровъ.

Отчаяніе постигло несчастныхъ жителей Гумровъ, когда они узнали, что ихъ оставляютъ. Многіе не имѣли средствъ подняться изъ своихъ жилищъ и слѣдовать за войскомъ, и остались жертвою безчеловѣчныхъ Курдовъ, увлекшихъ ихъ въ плѣнъ; тѣ же, которые были въ состояніи слѣдовать за войскомъ, расположились съ семействами на своихъ арбахъ и отправились съ отрядомъ въ Караклисъ. Едва выступила наша пѣхота изъ Гумровъ, какъ тамъ начался грабежъ. Оставшіеся жители бросились грабить дома выѣхавшихъ и Русскихъ чиновниковъ, такъ что должно было поспѣшить послѣднимъ Русскимъ выбраться, дабы въ сей суматохѣ не сдѣлаться жертвою корыстолюбивыхъ и разъяреныхъ Гуминцевъ. Вслѣдъ за выступленіемъ нашимъ въѣхали въ Гумры Курды, находившіеся уже на готовѣ, имѣвшіе свѣдѣнія о нашемъ намѣреніи и ожидавшіе только сего, дабы принять самое дѣятельное участіе въ грабежахъ. Сіе, можетъ быть, было причиною, что они слабо преслѣдовали многочисленные обозы наши, которые тянулись съ пѣхотою въ самомъ большомъ безпорядкѣ. Кромѣ собственно-офицерскихъ повозокъ, большая нить обоза составлялась изъ обывательскихъ подводъ, на коихъ женщины и дѣти уѣзжали съ имуществомъ своимъ, съ ревомъ и плачемъ. Пѣхота едва составляла колонну; люди Тифлискаго полка шли по одиночкѣ между обозомъ и

стадами, которыя гнали съ собою, и должно сказать, что мои карабинеры только имѣли видъ войска. Имъ отдавалъ справедливость Фридриксъ, да я и самъ имѣлъ случай видѣть ихъ при вступленіи всей пѣхоты въ Караклисъ. Нѣсколько обывательскихъ подводъ были настигнуты Курдами и разграблены; болѣе сего непріятель не сдѣлалъ намъ никакого вреда, хотя и показывался въ отдаленіи на высотахъ.

Отрядъ Фридрикса, выступившій изъ Гумровъ 31-го Іюля, прибылъ въ Караклисъ въ ночи съ 1-го на 2-ое число Августа. Съ отрядомъ симъ прибылъ и Кашутинъ съ двумя ротами. Я съ вечера выѣхалъ къ идущимъ къ намъ и встрѣтилъ обывательскія роты, перемѣшанныя съ солдатами Тифлискаго полка. Все сіе тянулось по крайней мѣрѣ на разстояніи 8-ми верстъ. Скрипъ колесъ, крикъ и плачъ дѣтей и женщинъ, все наводило уныніе и скорбь. Повозки сіи заняли всю площадь, находящуюся по Кишлакскую сторону Караклиса, и не переставали тянуться всю ночь и часть слѣдующаго утра.

Фридриксъ явился ко мнѣ, и я поручилъ ему разставить роты Тифлискаго полка въ линію лагеремъ, лицомъ къ Кишлаку. Северземидзева цѣлый день почти не было видно. Я просилъ Фридрикса остаться со мною въ полѣ, пока все придетъ, и мы легли подлѣ дороги, дабы нѣсколько отдохнуть; но заботы не позволили намъ сдѣлать сего, и мы до утра не переставали заниматься устройствомъ прибывшихъ. Мои карабинеры, стоявшіе съ маіоромъ Хомутскимъ по сей линіи, пришли уже почти на разсвѣтѣ: они были въ арьергардѣ. Особенное удовольствіе имѣлъ я свидѣться со своими людьми, и они равно казались весьма довольными свиданіемъ со мною. По крайней мѣрѣ увеличилось тогда у насъ въ Караклисѣ число регулярнаго войска, коимъ бы можно было распоряжаться; ибо, какъ я выше сказалъ, Тифлисцевъ трудно было собрать и привести въ порядокъ.

Подполк. Дехтеревъ, шедшій также съ сею колонной, успѣлъ укрыться въ то время какъ она подходила къ Караклису, и проѣхавши ночью мимо насъ невидимкой, не хотѣлъ дождаться распоряженій. Я его долго искалъ и, узнавъ наконецъ о мѣстѣ пребыванія его, пришелъ туда, разбудилъ его и требовалъ на службу; но, видя медленность его и не ожидая найти въ немъ великаго сотрудника, разбранилъ его и оставилъ въ покоѣ, чѣмъ, я полагаю, онъ остался весьма доволенъ. Я долженъ отдать справедливость Тифлискаго полка маіору Варламову, который, будучи устраненъ, какъ и всѣ штабъ-офицеры, отъ командованія баталіона, не могъ мнѣ съ начала помогать въ распоряженіяхъ моихъ, но, видя послѣ, что я требовалъ его участія, принялся за дѣло и былъ мнѣ истинно-хорошимъ помощникомъ, въ самое опасное время пребыванія моего въ Караклисѣ, исполняя съ

дѣятельностію и усердіемъ всѣ порученія, которыя я на него возлагалъ. Человѣкъ сей былъ гонимъ за сіе Севарземидзевымъ въ послѣдствіи времени.

Корпусный командиръ писалъ ко мнѣ пофранцузски, и сіе могло происходить отъ двухъ причинъ: можно было полагать, что онъ опасался, дабы бумаги сіи не попались въ руки непріятелю, ибо онъ зналъ дурное состояніе сообщеній нашихъ, и до прибытія и соединенія всѣхъ войскъ бумаги наши ходили до Гергеръ и обратно посредствомъ пѣшихъ Армянъ, пробиравшихся горами, ночью, опасаясь показаться на дорогу днемъ; съ другой стороны можно было думать, что, зная неспособность и упрямство Севарземидзева (онъ не полагалъ впрочемъ, чтобы Севарземидзевъ могъ до такой степени потерять голову, но зналъ также, что корыстолюбивые виды его могли во многомъ вредить успѣхамъ военныхъ дѣйствій), онъ надѣялся видѣть лучшее исполненіе, возлагая на меня порученности и ставя мнѣ въ обязанность заставить дѣйствовать Севарземидзева по его видамъ. Казалось бы мнѣ однако, что въ такомъ случаѣ лучше было бы смѣнить Севарземидзева, чѣмъ уронять званіе начальника, дѣйствуя на него непріятнымъ путемъ; но и въ семъ случаѣ надобно думать, что Алексѣй Петровичъ совѣстился взять столь строгія мѣры, какъ потому, чтобы не расположить кого либо противъ себя въ столь смутное для него время, такъ и для того, чтобы не противорѣчить предъ лицемъ Государя прежнимъ представленіямъ, которыя онъ, кажется, дѣлалъ о Севарземидзевѣ; да и для того, чтобы въ общемъ мнѣніи не показать непостоянство свое въ расположеніи къ человѣку, котораго онъ выставлялъ и поддерживалъ. Какъ бы то ни было, я былъ жертвою сихъ сношеній: мнѣ много обѣщали и ничего не сдѣлали. Между тѣмъ я находился въ самомъ непріятномъ положеніи дѣйствовать внушеніями на человѣка безтолковаго, слабаго и подвергшагося вліянію всѣхъ совѣтовъ, которые ему давали всякаго рода и званія люди. Князь Севарземидзевъ, не зная по-французки, не могъ знать и содержанія писемъ Алексѣя Петровича ко мнѣ; но переписка сія вселяла въ него большую недовѣрчивость ко мнѣ, хотя я и старался всячески успокоить его, не скрывая отъ него ничего, исключая тѣхъ вещей, которыя, касаясь собственно лица его, не принесли бы никакой пользы, еслибъ ему были извѣстны.

Въ письмѣ своемъ А. П. Ермоловъ показываетъ опасеніе сильнаго нападенія со стороны непріятеля и потому желалъ, чтобы мы закрылись отъ него Безобдальскими горами, что̀ показываетъ совершенное его незнаніе силъ непріятельскихъ. Бамбаки по мнѣнію его совершенно безполезны для непріятеля: сужденіе самое неправильное;

ибо кромѣ того, что̀ мы теряли, оставляя сію область, мы предоставляли Персіянамъ богатыя жатвы на поляхъ, которыя они и убрали отчасти, высылая для сего жителей изъ сосѣднихъ деревень. Мы имъ предоставили всѣ средства дѣйствовать наступательно на ту точку, которую изберутъ, ставъ сами въ оборонительное положеніе и закрывшись горами, коихъ главные проѣзды всѣ были въ рукахъ непріятеля, чѣмъ они въ послѣдствіи времени и воспользовались надлежащимъ образомъ. Но и то справедливо, что, оставя фланги на Балыкчаѣ и въ Гергерахъ, не было уже никакой надобности держать главныя силы въ Караклисѣ, и достаточно было имѣть въ Кишлакѣ наблюдательный постъ. И такъ очищеніе всей Бамбакской провинціи было послѣдствіе оставленія Гумровъ и Балыкчая.

Рота Грузинскаго гренадерскаго полка, доставившая въ Караклисъ ошибкою снаряды артилерійскіе, которые должны были оставаться въ Джелалъ-оглу, была обращена въ Тифлисъ. Съ нею отправили и плѣнныхъ 30 человѣкъ Персидскихъ купцовъ; съ нею уѣхали, кажется, и Цебриковъ съ Ермоловымъ, которыхъ отозвали изъ Караклиса.

Желая дать лучшій видъ Тифлискому полку, о коемъ никто не заботился и который въ предстоявшихъ обстоятельствахъ надобно было поставить на военную ногу, я уговорилъ князя Севарземидзева поручить командованіе онымъ по наружности Фридриксу, что̀ онъ и сдѣлалъ, и я имѣлъ вскорѣ удовольствіе видѣть, что число людей въ ротахъ удвоилось, что отдаваемыя приказанія стали выполняться, люди стали знать начальниковъ своихъ и принимать нѣкоторое устройство. Здѣсь мѣсто сказать нѣчто о Фридриксѣ: молодой человѣкъ, служившій въ гвардіи, достигшій очень рано чина полковника, не служившій ни одной кампаніи, переведенный въ армію передъ началомъ войны, кажется по неудовольствіямъ на него великаго князя Михайла Павловича, дѣятельный и, кажется, храбрый офицеръ. Я съ нимъ сблизился и имѣлъ въ немъ истинно-хорошаго помощника.

Вотъ копія съ предписанія, даннаго корпуснымъ командиромъ полковнику князю Севарземидзеву.

«Я узналъ, что ваше сіятельство изволили приказать всѣмъ тягостямъ своднаго баталіона прибыть къ Караклису. Не удивился я, что вы взяли весь пришедшій провіантъ, ибо знаю, что у васъ нѣтъ онаго; но не понимаю, для чего было завезти за Безобдалъ всѣ запасные артилерійскіе снаряды, ибо не полагаю, чтобы вы всѣ уже выстрѣлили бывшіе у васъ. При перемѣщеніи вы не будете знать что̀ съ ними дѣлать. Лучше бы, думаю, имѣть ихъ на Каменной рѣчкѣ, какъ прежде распоряжено было. Не престану подтверждать вашему сіятельству, что по оставленіи Гумровъ и соединеніи всѣхъ войскъ

нѣтъ нималой причины удерживать Бамбаки. Нельзя имѣть въ предметѣ охранять Татаръ, ибо ихъ осталось мало. Не одни у васъ живущіе измѣнили, тоже сдѣлали и во всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ, не исключая Елисаветпольскаго округа. Нельзя также держать войско для того только, чтобы охранять живущихъ въ Караклисѣ Армянъ, которые намъ пользы никакой принести не могутъ. Перестаньте думать, что они дадутъ вамъ провіантъ и мнѣ подобныхъ увѣреній не представляйте. Жатва не иначе произведена быть можетъ, какъ подъ покровительствомъ войскъ, а у васъ нѣтъ ихъ; ибо вы не разумѣли, что ихъ разбрасывать не должно противъ непріятеля сильнаго. Провіантъ вы будете имѣть отсюда».

«Если точно оставили Персіяне Балыкчай, какъ увѣдомляетъ васъ приставъ Снѣжевскій, сего вы должны особенно остерегаться; ибо безъ сомнѣнія непріятель усилится на другихъ пунктахъ».

«Не могу забыть, что вы не умѣли во время оставить Гумры.»

«Буду чрезвычайно доволенъ, когда узнàю, что, соединивъ войска, перешли вы за Каменную рѣчку. Въ такомъ случаѣ женатая рота ваша должна быть въ старой крѣпости Лори».

«Пусть непріятель отдѣленъ будетъ Безобдаломъ, гдѣ въ концѣ Сентября дожди сдѣлаютъ дорогу для всякаго рода подвозовъ непроходимою. Вы скажете мнѣ, что будетъ у него дорога черезъ Карагачъ; но она и теперь также въ полномъ его распоряженіи, по большому количеству его конницы. Тогда не можетъ онъ засылать ее въ тылъ, чтò теперь можетъ онъ сдѣлать когда ему угодно».

«Армяне изъ Караклиса весьма удобно могутъ скрыться въ ущелье позади ихъ лежащее, и тамъ будутъ они непреодолимы, избравъ крѣпкое мѣсто, которое и укрѣпить будетъ нетрудно и малымъ числомъ защищать удобнѣе, нежели раскинутый Караклисъ».

«Неужели нѣтъ ни одного вѣрнаго человѣка, чтобы узнать, чтò происходитъ въ Эривани? Есть слухи, что тамъ Куртинцы по близости разорили нѣсколько деревень».

«Не можете ли написать къ Карскому пашѣ, чтобы воздержалъ подвластныхъ своихъ, дѣлающихъ разбои совокупно съ Персіянами?»

№ 229. 2-го Августа 1826. Тифлисъ.

Происшествія въ Нухѣ случившіяся мнѣ не столь извѣстны; но знаю, что бывшаго коменданта маіора Свѣховскаго преслѣдовали. Онъ однако успѣлъ спасти казенное имущество. По изгнаніи его, пріѣхалъ туда наслѣдникъ Нухинскаго ханства, кажется Гусейнъ-ханъ, который производилъ неслыханныя неистовства надъ Армянами, умерщвляя ихъ самымъ мучительнымъ образомъ. Онъ ограбилъ Армянъ и

церкви, и кромѣ того собралъ большія подати съ богатой области сей, которыя и послалъ въ Персію. Онъ долго оставался въ Нухѣ и былъ принужденъ бѣжать по приближеніи уже къ городу самаго корпуснаго командира съ отрядомъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Въ Ширванѣ бунтъ былъ въ полной мѣрѣ. Мустафа, бывшій ханъ сей области, явился туда съ войскомъ своимъ; жители напали на нашъ гарнизонъ, находившійся въ Старой Шемахѣ, и долго преслѣдовали его при отступленіи онаго; но кажется, что и въ семъ случаѣ, и отступленіе, и претерпѣнный нами уронъ, и безпорядокъ были послѣдствіемъ оплошности нашихъ начальниковъ и внезапности нападенія непріятеля: ибо войско Мустафы-хана состояло только изъ вооруженныхъ жителей, и тѣхъ не могло быть слишкомъ большое количество. Шемаха была оставлена непріятелемъ послѣ Елисаветпольскаго сраженія.

Въ Карабахѣ весь народъ также возмутился. Абасъ-мирза, вторгнувшись со всѣми силами своими въ границы наши, имѣлъ самые блистательные успѣхи. Онъ велъ до 20,000 регулярной пѣхоты, 24 орудія и многочисленную конницу, которая увеличивалась по мѣрѣ какъ онъ впередъ подавался. Извѣстія о приближеніи его давно уже были доведены до свѣдѣнія корпуснаго командира, но совершенное бездѣйствіе и страхъ объяли его и препятствовали къ принятію нужныхъ мѣръ для защиты границъ. Наконецъ, 16-го Іюля непріятель вторгся въ Карабагъ. Командиръ 42-го егерскаго полка, полковникъ Реутъ, немедленно оставилъ штабъ-квартиру свою въ Чанахчахъ и заперся въ крѣпости Шушѣ, оставивъ много пожитковъ и имущества въ Чанахчахъ, за которыми онъ однакоже еще спустя три дня посылалъ. Отрядъ Персидскихъ войскъ напалъ на батальонъ 42 егерскаго полка. Подполковникъ Назимовъ, который имъ командовалъ, имѣлъ славу храбраго человѣка; но способности офицера сего были слишкомъ ограничены, и онъ вѣрно не въ состояніи былъ бы взводомъ распорядиться, не только баталіономъ, въ коемъ было болѣе 900 человѣкъ. Онъ не рѣшился разстаться съ имуществомъ своимъ, и также всѣ офицеры и нижніе чины сего баталіона, чтò и было причиною, что отступленіе ихъ было болѣе похоже на путешествіе вооруженныхъ людей, чѣмъ на маршъ баталіона: множество подводъ съ разною пустою поклажею обременяло ихъ; сами люди отягощены, и батальонъ сей былъ истребленъ на рѣкѣ Акарѣ, послѣ сильной перестрѣлки съ непріятелемъ. Причиною сего, говорятъ, была усталость людей; ибо день былъ жаркій и, пришедши къ водѣ, они бросились пить, не слушая голоса начальниковъ своихъ, призывавшихъ ихъ къ оборонѣ. Прочихъ взяли въ плѣнъ со всѣми офицерами. Тутъ захватили и все

что̀ съ ними везлось, и одно орудіе, также много солдатскихъ женъ и дѣтей. Самъ Назимовъ, который, говорятъ, не могъ удержать въ повиновеніи людей своихъ, видя себя уже окруженнымъ непріятелемъ, сдался въ плѣнъ. Я слышалъ, что ропотъ былъ весьма силенъ между солдатами, и что въ семъ случаѣ дурная воля ихъ, равно какъ и нераспорядительность начальниковъ, погубила все. Въ прошломъ 1827 году находился при мнѣ во время войны маіоръ Персидской службы, который тогда служилъ въ Мирандскомъ баталіонѣ сарбазовъ; онъ увѣрялъ меня, что Персіяне сами удивлялись такому успѣху, ибо у нихъ было выслано весьма мало силъ за симъ баталіономъ, и что къ нимъ присоединились вооруженные жители Карабага, отъ насъ тогда отложившіеся.

Нашихъ плѣнныхъ тогда отвели къ Аббасъ-мирзѣ, который упрекалъ Назимову, что онъ защищался, тогда какъ войска наши безпрекословно уступали ему вездѣ, что̀ онъ долженъ былъ напередъ знать и беречь людей своихъ. Говорятъ, что онъ, разсердившись на Назимова за его отвѣтъ, ударилъ его плетью по лицу; но поступокъ сей не похожъ на Аббасъ-мирзу, старавшагося великодушіемъ и ласками приманить къ себѣ людей. Онъ предлагалъ плѣннымъ офицерамъ вступить къ нему въ службу, но никто не согласился на сіе, исключая одного офицера Каспійскаго морскаго баталіона, который былъ взятъ въ Ленкоранѣ въ плѣнъ. Онъ перемѣнилъ, говорятъ, вѣру свою и отправился во внутренность Персіи. Послѣднія подробности сіи узналъ я отъ самихъ плѣнныхъ, освобожденныхъ съ прибытіемъ нашимъ въ Тавризъ. Въ кампанію сего 1828 года въ Турціи, офицеръ сей, по имени Свистунъ, былъ уже выручeнъ и служилъ прикомандированнымъ къ Грузинскому гренадерскому полку.

Аббасъ-мирза обложилъ крѣпость Шушу, въ коей Реутъ заперся съ тысячью или болѣе человѣкъ пѣхоты. Скала на которой расположены городъ и крѣпость неприступна для войскъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой стороны находившаяся стѣна въ такомъ дурномъ состояніи, что во многихъ мѣстахъ безъ труда можно было пройти въ городъ. Провалы сіи были кое-какъ заложены камнями, бревнами и всѣмъ что̀ найти могли въ скорости. Запаснаго магазейна въ крѣпости не было, и Реутъ могъ быть приведенъ въ самое крайнее состояніе, еслибъ Елисаветпольское сраженіе не выручило его. Аббасъ-мирза, черезъ посланныхъ своихъ, уговаривалъ его нѣсколько разъ къ сдачѣ; но Реутъ старался протягивать время въ надеждѣ быть освобожденымъ, въ чемъ онъ могъ однако отчаяваться, потому что и повелѣнія корпуснаго командира, перехваченныя Аббасъ-мирзою и ему доставленныя уже симъ послѣднимъ, приказывали ему отступить; но

онъ не послушался сего и удержался. Сіе навело въ послѣдствіи времени гнѣвъ Алексѣя Петровича.

Въ Ленкоранѣ Персіяне сдѣлали также внезапное нападеніе и имѣли успѣхъ; они захватили плѣнныхъ, отбили скотъ, но главныя выгоды ими полученныя состояли въ занятіи Ленкоранской крѣпости, въ коей они нашли много снарядовъ, запасы и свои орудія, взятыя въ 1812-мъ году Котляревскимъ. Сіе произошло, какъ кажется, отъ робости командира того баталіона подполковника Ильинскаго, который при появленіи непріятеля немедленно все оставилъ, сѣлъ на суда и уплылъ въ Баку. За сей поступокъ онъ нынѣ отданъ подъ судъ.

Таковое поведеніе начальниковъ нашихъ должно было непремѣнно возродить мысль въ непріятелѣ и въ жителяхъ нашихъ областей о намѣреніи нашемъ очистить совершенно Грузію, къ чему, по мнѣнію ихъ, побуждали насъ внутреннія безпокойства въ нѣдрахъ отечества нашего. Они становились отъ того сильнѣе, и успѣхи ихъ увеличивались до Елисаветпольскаго сраженія, перемѣнившаго совершенно ходъ дѣла.

Алексѣй Петровичъ въ письмѣ своемъ, излагая, что мы уже болѣе не имѣли во владѣніи своемъ мусульманскихъ областей, предсказываетъ скорую покорность ихъ при первомъ успѣхѣ нашемъ, что̀ и не трудно было предвидѣть, зная духъ народовъ сихъ. Не нахожу его правымъ въ томъ, что, зная ограниченныя способности Севарземидзева (о чемъ онъ такъ явно писалъ въ концѣ письма своего), не смѣняетъ его и предпочитаетъ отдать его въ опеку младшаго его чиномъ, меня; но я выше уже изложилъ причины сей мѣры, его впрочемъ нисколько не оправдывающія въ семъ случаѣ. Въ предписаніи своемъ корпусный командиръ безщадно бранитъ Севарземидзева; но къ сожалѣнію во всемъ предписаніи не видно почти ни одной мѣры, ни одного разсужденія новаго или дѣльнаго: болѣе наборъ словъ краснорѣчиво сплетенныхъ. Употребить же время, чтобъ написать четыре страницы брани подчиненному, который долженъ одного слова повиноваться, неблагоразумно,—отъ того теряются время и уваженіе.

Предписаніе сіе было получено ночью. Я разбудилъ князя и отдалъ ему бумаги. Прочтя ихъ, онъ очень огорчился, тѣмъ болѣе, что ему дѣлали несправедливый упрекъ, будто бы онъ приказалъ завезти въ Караклисъ артилерійскіе ящики со снарядами, тогда какъ онъ, зная о скоромъ прибытіи ихъ, приказывалъ отправлявшемуся въ Джегалъ-Оглу полковнику Флиге вынуть снаряды и сложить ихъ въ одномъ изъ строеній, о чемъ дана была и письменная записка ему; но Флиге не исполнилъ сего и, напротивъ того, отправилъ ящики въ Караклисъ вѣроятно съ цѣлію, чтобъ не заняли до̀ма въ бывшей его штабъ-

квартирѣ, въ коей онъ располагалъ, можетъ быть, еще прожить нѣсколько времени. Мнѣ жаль было видѣть огорченіе князя, уже и безъ того разстроеннаго обстоятельствами. Я старался его утѣшить и обѣщалъ объяснить дѣло сіе корпусному командиру, что̀ и исполнилъ въ слѣдующемъ письмѣ моемъ къ его высокопревосходительству.

Алексѣй Петровичъ находилъ, что непріятель не въ состояніи будетъ засылать свою конницу къ намъ въ тылъ, когда мы Лори займемъ; но опытъ доказалъ, что онъ въ семъ ошибся, и что Караклиская дорога становилась безопасна для Персіянъ не съ прибытіемъ нашимъ въ Джегалъ-Оглу, а съ оставленіемъ Гумровъ.

Къ Карскому пашѣ Севарземидзевъ нѣсколько разъ писалъ, но безъ всякой пользы. Въ Караклисѣ даже находился въ то время присланный отъ него посланецъ съ увѣреньями въ его дружбѣ; но онъ отзывался, что не можетъ унять Шерифъ-агу, ему не повиновавшагося и производившаго грабежи въ границахъ нашихъ.

Надобно было перевозить магазейны, лазареты, цейхгаузы черезъ Безобдалъ, и никого не было, кто бы на сіе далъ средствъ. Жители Караклиса знали уже о намѣреніи нашемъ оставить Бамбаки; они толпились передъ квартирою моею, ибо князь отсылалъ ихъ отъ себя за приказаніями ко мнѣ. Я находилъ, что самая большая выгода, которую мы могли получить переходомъ за Безобдалъ (сдѣлавшимся необходимымъ по настоятельности корпуснаго командира) состояла въ томъ, что мы оторвемъ Тифлискій полкъ отъ мѣстности, обратившей служащихъ въ ономъ въ званіе поселянъ, и что мы черезъ сіе пріобрѣтемъ войска, которыя въ состояніи будутъ всюду двигаться, и въ семъ полагаю, что я не ошибся. Роты, подъ распоряженіями полковника Фридрикса, стали наполняться людьми; офицеры отъ части обратились къ своимъ обязанностямъ, и полкъ сей принялъ бы нѣкоторый видъ, еслибъ князь, опомнившись за Безобдаломъ, не сталъ опять вступаться въ управленіе онымъ.

Въ письмѣ моемъ къ Алексѣю Петровичу старался я оправдать Севарземидзева. Въ случаѣ семъ онъ точно былъ правъ, и мнѣ жалко было видѣть его столь ничтожнымъ; впрочемъ сказанное мною о довѣренности, которою онъ пользовался у себя въ полку между нижними чинами, совершенно справедливо: солдаты его разумѣли непобѣдимымъ, умнымъ, великодушнымъ, любили его. Но и обращеніе ихъ съ нимъ было ни съ чѣмъ несообразно. Всякой изъ нихъ давалъ ему совѣты свои и жаловался на своихъ ротныхъ командировъ, которыхъ совсѣмъ почти не уважали, отъ чего и рушилась всякая дисциплина въ семъ полку.

Теперь предстоитъ мнѣ описать мѣры, взятыя для очищенія Караклиса. Послали офицера въ Лорійскія деревни, чтобы прислать оттуда подводы обывательскія. Ихъ перехватывали, не допуская до Караклиса, офицеры, дабы увезть самое пустое имущество свое, которое имъ жалко было бросить, видя, что полковникъ ихъ Севарземидзевъ тоже самое дѣлалъ, ибо онъ посылалъ у меня просить подводъ, на коихъ перевозилъ стулья, столы самой простой работы и всякія вещи такого рода во множествѣ. Такимъ образомъ не допускали ко мнѣ всѣхъ подводъ, высылаемыхъ въ Караклисъ, почему я принужденъ былъ уже посылать на встрѣчу къ симъ подводамъ своего офицера за заставу, который принималъ ихъ, ставилъ на площадь, окружалъ цѣпью карабинеръ и не выдавалъ никому ни одной безъ записки отъ меня. Но тутъ являлись просьбы во множествѣ, и въ томъ числѣ и отъ князя за себя и за другихъ, въ чемъ ему неловко было отказывать. Подводы отдавались, частью же были крадены съ площади. Съ вечера назначались мѣсто и часъ для сбора отправляющихся за Безобдалъ, куда приводился конвой пѣшій; но никогда почти не дѣлалось сіе предположеннымъ порядкомъ, ибо всякій уѣзжалъ или отправлялъ свое имущество по своему усмотрѣнію, и я видѣлъ подводы, нагруженныя гусьми, колесами, пуховиками, курами, и тому подобнымъ, которые по одиночкѣ уѣзжали. Непріятель былъ въ семъ случаѣ такъ оплошенъ, что ни одною изъ оныхъ не поживился. Съ подводами сими отправлялись во множествѣ и военные чины Тифлискаго полка. Я шумѣлъ, кричалъ, но мало могъ подать помощи въ неустроенномъ войскѣ семъ.

Воспользовавшись обращающимися въ Тифлисъ вольными подводами, привозившими провіантъ и частью обывательскими, я отправилъ въ одну ночь лазаретъ Тифлискаго полка. Въ семъ помогъ мнѣ маіоръ Варламовъ; князь ни во чтѐ не вступался и не мѣшалъ мнѣ. Прочія отправленія были дѣланы уже на однѣхъ обывательскихъ подводахъ, къ коимъ присоединили еще всѣ повозки, которыя можно было собрать въ женатой ротѣ на Гергерахъ. Такимъ образомъ выдалъ я по разсчету подводы на поднятіе ротныхъ цейхгаузовъ; но вмѣсто того, чтобы на нихъ увозить казенное имущество, ротные командиры и офицеры увозили свои собственные пожитки, ружья, амуницію, а прочія вещи выбрасывали на улицу, чтó и подало поводъ къ безпорядку: ибо люди, въ томъ числѣ и моего полка, даже кажется большею частью мои (потому что Тифлисцы заняты были болѣе уборкою собственности), ходя по Караклису и видя имущество всякаго рода выброшенное на улицу безъ всякаго присмотра, брали оное. Многіе вымѣняли даже дурную амуницію на хорошую, бросали старыя сумы, водоносныя фляжки и обмѣнивали на новыя, перемѣняли худыя ружья, тулья но-

выхъ киверовъ вырѣзывали на стельки и тому подобное. Отъ цейхгаузовъ пошло и далѣе. Жители также убирались; иные бросали часть имущества своего, другіе зарывали. Солдаты брали, что̀ находили на дворѣ; послѣ того стали въ землѣ отрывать; тамъ пошли на пчельники, потомъ въ огороды, наконецъ на птичій дворъ Севарземидзева, такъ что, въ теченіе самаго короткаго времени, явилось въ лагерѣ изобиліе. Пухъ ощипленныхъ гусей покрывалъ землю и леталъ надъ балаганами и въ особенности около кухонь на подобіе снѣга; въ котлахъ же варились вмѣстѣ безъ разбора баранина, яблоки, телятина, капуста, гуси, картофель, курицы, медъ, и вообще все, что̀ только можно было найти съѣстнаго. Вмѣстѣ съ изобиліемъ явилась и радость въ лагерѣ; но безпорядокъ надобно было унять, ибо нѣкоторые начали даже въ дома уже вламываться. Немедленно были взяты самыя строгія мѣры, и нѣсколько наказаній, сдѣланныхъ въ присутствіи войскъ, уняли оный. Но въ Тифлискомъ полку сіе не такъ кончилось. Фридриксъ съ трудомъ могъ довершить начатое имъ наказаніе за грабежъ въ 3-ей гренадерской ротѣ, ибо всѣ люди въ голосъ роптали и готовы были попрепятствовать сему. Князь же ни во что̀ не вступался. Съ сихъ поръ начала утверждаться вражда между моимъ полкомъ и Тифлискимъ, потому что мои патрули ловили Тифлискихъ солдатъ на грабежѣ, а ихъ патрули ловили моихъ.

Я далъ также подводъ на отправленіе полковаго цейхгауза, коего большую и лучшую часть увезли, потому что тутъ заботились о своей собственности, о происходившемъ же въ ротныхъ цейхгаузахъ князь мнѣ едва вѣрить хотѣлъ: потеря весьма значительная въ ружьяхъ и амуниціи должна бы на немъ остаться при сдачи полка. (Она впрочемъ еще не кончена, и неизвѣстно, чѣмъ кончится). Князь же во время отправленій сихъ мало или почти совсѣмъ не выходилъ. Я его засталъ около фуры, которая у него на дворѣ стояла и вѣроятно вмѣщала его казну, говорятъ, весьма не маловажную; обыкновенное же препровожденіе времени его было съ шутомъ-дуракомъ, которыхъ онъ при себѣ держалъ и которые находились при немъ безотлучно. Первый былъ Армянинъ; звали его Асатуръ, человѣкъ бойкій, умный, проворный и острый, но смѣшной наружности, болѣе потому, что его одѣвали странно. Его употребляли въ родѣ лазутчика въ деревняхъ Бамбашскихъ, болѣе, кажется, около начальниковъ, къ коимъ онъ по званію своему и по дерзости имѣлъ всегда свободный доступъ. Другой былъ Грузинъ, полоумный, отвратительный неопрятностію своею и глупостью. Люди сіи иногда и меня занимали въ свободное время. За княземъ же они всюду ѣздили.

Къ симъ двумъ особамъ присоединялся еще третій, Имеретинъ, который въ 1819-мъ году былъ маркитантомъ при одномъ изъ полковъ въ Дагестанѣ, по имени Елизбаръ. Онъ былъ замѣченъ тогда въ походѣ противъ Лезгинъ Алексѣемъ Петровичемъ, коему понравились его безкорыстіе и честность. Торгуя водкою, онъ былъ очень бѣденъ, любимъ всѣми солдатами, коимъ онъ отдавалъ всѣ барыши свои, подчивая ихъ безденежно. Онъ кромѣ того былъ, кажется, замѣченъ храбрымъ; ибо въ дѣлахъ съ Лезгинами оставлялъ свой промыслъ, на худой лошаденькѣ съ пикою въ рукахъ отправлялся впередъ и всегда находился въ самомъ жаркомъ мѣстѣ дѣла. Корпусный командиръ взялъ его тогда къ себѣ, одѣлъ его, снабдилъ лошадью и держалъ безотлучно при своей особѣ. Изъ Елизбара скоро вышелъ шутъ, коего глупыя шутки заставляли многихъ хохотать; но въ немъ справедливо уважали честность его и неустрашимость. Находясь въ походѣ на линіи, онъ получилъ Георгіевской крестъ солдатской, а въ мирное время промышлялъ лошадьми, коихъ покупалъ, продавалъ, вымѣнивалъ, заѣзживалъ, но былъ весьма бѣденъ и жилъ болѣе подаяніями знакомыхъ офицеровъ. Коль скоро онъ только услышалъ о вооруженіи Персіянъ, онъ немедленно поскакалъ въ Караклисъ, гдѣ и присталъ къ князю Севарземидзеву и, не пропущая ни одной перестрѣлки съ непріятелемъ, показывалъ изъ себя человѣка истинно-смѣлаго, но нѣсколько помѣшаннаго. Его сводили для стачки и ссоры съ тѣми двумя шутами, и игрища сіи кончались не рѣдко дракою; но онъ замѣтилъ вскорѣ намѣренія, которыя имѣли на его счетъ, боялся быть на равнѣ съ тѣми шутами и всячески отдѣлывался. Онъ убитъ въ прошломъ году подъ Ериванью, и оставилъ молодую жену лѣтъ 13-ти или еще менѣе того. Люди сіи составляли единственную забаву нашу, непозволительную въ обществѣ, но простительную въ свободныя минуты лагерной жизни.

За отправленіемъ полковаго лазарета, надобно было отправить жену Севарземидзева. Молодая женщина сія, сидѣвшая въ заперти, безпокоилась и плакала при выстрѣлахъ, которыя она почти ежедневно слышала; нѣсколько разъ посылала она тайкомъ меня спрашивать, велика ли опасность и просила, чтобъ я уговорилъ мужа отправить ее. Находя, что медленность въ отправленіи казеннаго имущества изъ Караклиса и прочаго происходила отъ того, что князь не увѣрялся еще въ возможности оставить мѣсто сіе, къ коему онъ такъ давно уже привыкъ, и желая побудить его къ скорѣйшему очищенію Караклиса (ибо на сіе была уже непремѣнная воля начальства), я уговаривалъ его отправить жену, и онъ на сіе согласился; но такъ какъ онъ, да и всѣ офицеры, полагалъ всю силу оружія нашего въ пушкахъ, какъ въ необходимомъ и неодолимомъ средствѣ, то и не хотѣлъ отправить

жену свою безъ двухъ орудій. Пѣхота, которая была мною наряжена, чтобы проводить вмѣстѣ съ княгинею транспорты съ различнымъ казеннымъ имуществомъ, была имъ поставлена съ орудіями впереди и сзади кареты, въ которой везлась княгиня; транспортъ же пущенъ былъ безъ прикрытія. Самъ онъ ѣхалъ подлѣ кареты верхомъ и проводилъ такимъ образомъ супругу свою за Кишлакъ. Онъ возвратился въ Караклисъ, и тутъ онъ сдѣлался дѣятельнѣе, сталъ выходить, показываться, заниматься и брать мѣры, дабы устроить очищеніе Караклиса, съ которою мыслію онъ уже примирился со времени отправленія жены своей.

Всего труднѣе было для меня отправить артилерійскій гарнизонный паркъ, въ коемъ было много пороху, свинцу, артилерійскаго метала, ядеръ, картечь и всякихъ снарядовъ. То, что̀ нельзя было увезти, зарылъ я въ самомъ сараѣ, гдѣ хранился снарядъ, прочее же все вывезъ, а зарытыя вещи послѣ отрылъ и отыскалъ всѣ сполна.

Дабы избѣжать затрудненія перевозить магазейнъ, я роздалъ оставшійся въ ономъ хлѣбъ въ роты Тифлискаго полка въ счетъ десятидневнаго провіанта, котораго у нихъ не было; но не оказалось у нихъ лошадей для возки онаго, и я сформировалъ имъ провіантъ сей на обывательскихъ арбахъ; но и сіе устройство черезъ нѣсколько дней рушилось. Намѣреніе мое было, очиствивъ Караклисъ отъ всѣхъ тяжестей, остаться тамъ еще нѣсколько времени съ одними войсками, дабы предпринять экспедицію противъ непріятеля, который могъ только ожидать нашего отступленія; но сіе не сбылось.

4-го числа я, при собраніи ротъ, читалъ приказъ, отданный корпуснымъ командиромъ на счетъ вторженія непріятеля, какъ вдругъ въ то самое время показались Персіяне почти у самаго Караклиса со стороны Балыкчая. Я окончилъ чтеніе и немедленно, указавъ людямъ своимъ непріятеля, повелъ ихъ. Солдаты наши, вообще военные люди, съ удовольствіемъ видятъ случай привести въ дѣйствіе ремесло свое; но тутъ особенное восхищеніе обуяло карабинерами. Одушевленные симъ приказомъ, они полетѣли за мною; но осторожный непріятель не допустилъ насъ и скрылся. Съ приказа сего прилагаю здѣсь списокъ.

26-го Іюля 1826 года, № 25.

„Недавно возвратился я съ Кавказской линіи, гдѣ наказалъ возмутившихся Чеченцовъ; но здѣсь Персіяне гораздо безсовѣстнѣе, съ большею гораздо наглостію, начали дѣлать нападенія на войска наши.

„Они прервали миръ, когда со стороны нашей всѣ употреблены были средства продолжать доброе согласіе, прервали тогда, какъ посланный отъ Государя Императора генералъ князь Меньшиковъ для переговоровъ о границѣ находился въ Персіи и самимъ шахомъ былъ принятъ благосклонно.

„Со стороны Эривани вошелъ съ войскомъ сердарь и разбойнически грабитъ и истребляетъ мирныхъ жителей, подданныхъ великаго нашего Государя, возмущаетъ другихъ и подговариваетъ къ измѣнѣ.

„Въ Карабахъ вступили войска Персидскія, и одинъ изъ сыновей шахскихъ Аббасъ-мирза, издавна дружественно принимавшій къ себѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ насъ хановъ и разныхъ измѣнниковъ, ведетъ ихъ съ собою, обѣщая имъ возвратить прежнія ихъ владѣнія.

Распоряженія сіи дѣлаетъ сынъ шахскій, какъ будто не было васъ здѣсь, храбрые мои товарищи! Онъ думаетъ отнять у насъ мужествомъ вашимъ покоренныя области. Не стану говорить вамъ о храбрости вашей и неустрашимости: вездѣ и постоянно оказывали вы оныя, и когда же не были таковыми воины Русскіе? Всѣ отличились вы вѣрностію Государю; но я потребую отъ васъ, самъ будучи вамъ примѣромъ, новому Государю новаго усердія. Имѣйте терпѣніе и защищайтесь съ твердостью. Я укажу вамъ, храбрые товарищи, когда нанести ударъ на враговъ нашего Императора. Увидитъ Государь труды и заслуги ваши. И доселѣ въ Кавказскомъ корпусѣ есть уже многіе щедро имъ награжденные".

Нельзя оставить приказа сего безъ разбора. Мнѣ не нравится вступленіе; оно похоже на жалобу и свидѣтельствуетъ нѣсколько о душевномъ безпокойствѣ. Въ семъ случаѣ вступленіе сіе выражало въ точности состояніе Алексѣя Петровича: ибо, какъ говорятъ, онъ очень робѣлъ, у всѣхъ спрашивалъ, выхвалялъ устройство Персидскихъ войскъ, которыя до сего времени презиралъ, окружилъ себя людьми всякаго рода, мало дѣлалъ общихъ и путныхъ распоряженій, но надѣлялъ всѣхъ записками и своими собственноручными письмами, сердился, давалъ приказанія, перемѣнялъ ихъ, словомъ много безпокоился и не показалъ нисколько твердости духа.

Во второмъ параграфѣ онъ описываетъ вѣроломство Персіянъ; оно кстати въ приказѣ къ войскамъ. Въ третьемъ онъ описываетъ весьма справедливо злодѣянія Эриванскаго сердаря. Въ четвертомъ же параграфѣ онъ отказываетъ Аббасъ-мирзѣ званіе наслѣдника престола—званіе, въ коемъ его призналъ покойный Государь, вопреки всегдашняго желанія Алексѣя Петровича не признавать его наслѣдникомъ. Выступъ сей смѣлый и долженъ былъ дѣйствовать надлежащимъ образомъ на умъ Аббасъ-мирзы, который по сему могъ судить о твердости нашей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ослѣпленъ многими успѣхами, полученными имъ въ самомъ началѣ вторженія и подавшими ему надежду на дальнѣйшія завоеванія и побѣды.

Въ пятомъ параграфѣ утѣшается корпусный командиръ присутствіемъ войскъ, льститъ имъ въ минуту опасности, уподобляя черезъ сіе обхожденіе послушныхъ и покорныхъ воиновъ нашихъ Римскимъ преторіанцамъ. Въ опасности должно болѣе показывать твердости:

симъ вселяется довѣренность въ подчиненныхъ. Неумѣстныя и преждевременныя ласки и похвалы развращаютъ нравственность солдата. Безпокойство Алексѣя Петровича ознаменовывалось во всѣхъ дѣяніяхъ, во всѣхъ словахъ его. Къ тому же онъ называетъ ихъ товарищами. Сіе потому замѣчательно, что выраженіе сіе, которое онъ употреблялъ въ первые годы прибытія своего въ Грузію, было ему замѣчено начальникомъ Главнаго Штаба по волѣ покойнаго Государя, который находилъ оное въ отношеніи къ подчиненнымъ и нижнимъ чинамъ несоотвѣтственнымъ правиламъ военной дисциплины. Онъ и не употреблялъ слова сего въ приказахъ съ тѣхъ поръ до сего случая, гдѣ онъ вѣроятно нашелъ себя въ необходимости употребить снова выраженіе сіе. Я не полагаю, чтобы оно могло вредить службѣ въ устахъ главнокомандующаго, который званіемъ своимъ столь отдаленъ отъ нижнихъ чиновъ и большей части подчиненныхъ. Оно было бы вредно, еслибъ употреблялось всѣми начальниками, и безъ сомнѣнія подражаніе сіе не могло бы принести пользы. Въ такомъ разѣ должно было воспретить употребленіе сего слова, какъ вредный примѣръ для прочихъ. Впрочемъ сіе выраженіе товарищества, которое однако обманывало многихъ въ первые года его прибытія, нынѣ не такъ уже дѣйствовало на умы, хотя любили и уважали его.

Въ послѣднихъ трехъ параграфахъ выражена самая грубая лесть Государю. Онъ безъ сомнѣнія хотѣлъ болѣе поддержать славу свою человѣка хитраго и ловкаго, чѣмъ надѣялся на пользу, которую ему принесутъ сіи слова. Лесть была слишкомъ мало изощрена, чтобы не броситься въ глаза того, къ кому она относилась. Она, какъ, можетъ быть, и многія ей подобныя, ослабила въ глазахъ Государя ту великую славу, коей Ермоловъ пользовался въ народѣ, дала непріятелямъ его надежду одолѣть нравъ сей, который полагали неодолимымъ. Они видѣли источники къ достиженію цѣлей своихъ, узнали слабости его, надежды и ничего не упустили изъ виду, чтобы его огорчить, содѣлать виновнымъ и удалить.

Корпусный командиръ весьма справедливо догадывался, что у Севарземидзева не было хорошихъ лазутчиковъ. Армяне его окружавшіе давали ему разныя извѣстія, основанныя на однихъ слухахъ, никто же не дерзалъ ѣхать въ непріятельскій лагерь, и кажется, что имъ дурно платили, тогда какъ у него были отпускаемы для сего всегда значительные суммы и подарки.

Я былъ затрудненъ извѣстіями, которыя долженъ былъ давать корпусному командиру объ очищеніи Караклиса, ибо не желалъ очернить Севарземидзева, между тѣмъ не долженъ былъ скрыть для своего оправданія, что я не могъ совершенно дѣйствовать по волѣ его.

Я склонялъ князя сдѣлать нападеніе на Гассанъ-хана, стоявшаго съ конницею на Гамзачименѣ. Онъ согласился на сіе, но ничего не предпринялъ; я находилъ сіе необходимо нужнымъ для возстановленія упадшаго въ жителяхъ духа и дабы ускромить нѣсколько дерзость Персіянъ. Я полагалъ, что послѣдствіемъ сего будетъ то, что мы не оставимъ Бамбакской долины, и что наконецъ корпусный командиръ рѣшитъ дѣйствовать наступательно и даже занять лагерь на южной покатости горъ, отдѣляющихъ насъ отъ Персіи, т. е. въ границахъ непріятельскихъ; но сіе не состоялось, какъ по обстоятельствамъ вѣроятно препятствовавшимъ ему дѣйствовать наступательно къ сторонѣ Еривани, такъ и по нерѣшительности Севарземидзева.

Неизвѣстность, въ которой мы находились о движеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля, понудила, наконецъ, князя послать лазутчика въ лагерь Гассанъ-хана. Избранъ былъ Авакъ, старшина селенія Кишлака. Авакъ, человѣкъ расторопный, ловкій, хитрый и смѣлый; онъ прежде служилъ у Начи-хана Карапапахскаго и потому имѣлъ много связей между Персіянами. Отправившись одинъ на дурномъ конѣ и безъ оружія по дорогѣ къ Гамзачимену, онъ отдался въ плѣнъ первымъ передовымъ разъѣздамъ непріятельскимъ, съ опасностью быть убитымъ. Его отвезли къ Гассанъ-хану, и какъ онъ видѣлъ, что ему трудно было скрыть порученіе свое, то онъ немедленно сознался, что посланъ лазутчикомъ противъ желанія своего, но не могъ ослушаться князя. Онъ показалъ себя недовольнымъ Русскими и, расказавъ Гассанъ-хану, что̀ хотѣлъ, о насъ, вывѣдалъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ къ намъ доставилъ. Переночевавъ такимъ образомъ въ лагерѣ непріятельскомъ, онъ былъ отпущенъ на другой день обратно къ намъ. Надобно замѣтить, что всѣ почти лазутчики такимъ же образомъ дѣйствуютъ, и слишкомъ неопытенъ тотъ начальникъ, который надѣется имѣть у себя вѣрнаго и преданнаго лазутчика. Они жертвуетъ жизнію своею деньгамъ, и потому служатъ лучше той сторонѣ, которая лучше платитъ; служатъ же они обыкновенно обѣимъ сторонамъ и полезнѣе сильнѣйшему, который не скрываетъ ни силъ своихъ, ни средствъ.

Когда Авакъ ко мнѣ пріѣхалъ, князь провожалъ жену свою по дорогѣ за Безобдалъ. Извѣстія, которыя онъ доставилъ, имѣли нѣкоторое вѣроятіе; впрочемъ легко было видѣть, что свѣдѣнія о Карабахѣ были увеличены, дабы болѣе причинить страху.

О князѣ Меньшиковѣ мы не имѣли настоящихъ свѣдѣній, кромѣ первыхъ о немъ полученныхъ и которыя были несовсѣмъ справедливы. Полковникъ Бартоломей, молодой офицеръ, при немъ находившійся, съ нимъ не разлучался и возвратился послѣ вмѣстѣ съ нимъ.

Здѣсь мѣсто сказать нѣчто о конныхъ сарбазахъ. Персіяне, коихъ конница, не поддержанная пѣхотою, не можетъ предпринять ничего отважнаго, изобрѣли приспособленіе своей пѣхоты къ нападеніямъ конницы. Для сего, отправляя отрядъ всадниковъ въ такое мѣсто, гдѣ можно ожидать сопротивленія, они сажаютъ на каждую лошадь всадника по одному сарбазу. Люди сіи спѣшиваются, вступаютъ въ перестрѣлку и занимаютъ непріятеля, пока конница довершаетъ съ быстротою намѣреніе свое разграбить селеніе или напасть на обозы. Въ семъ случаѣ были у Персіянъ конные сарбазы; но я не знаю навѣрное, на такомъ ли они основаніи находились въ лагерѣ Гассанъ-хана, ибо средство сіе они употребляютъ только временно и при экспедиціяхъ. А потому я думаю, что тутъ конные сарбазы имѣли своихъ лошадей и составляли войско болѣе нашимъ коннымъ егерямъ уподобляющееся. Мнѣ говорилъ князь Севарземидзевъ, что въ прошлую войну съ Персіянами онъ употреблялъ съ успѣхомъ средство сіе, сажая солдатъ на лошадей къ Татарамъ, которые, въ надеждѣ на помощь нашей пѣхоты, смѣлѣе подъѣзжали къ непріятелю, коего внезапное явленіе пѣхоты изумляло и приводило въ страхъ. Сіе могло случиться. Сіе же средство могло подать мысль о учрежденіи подобнаго войска въ образованныхъ арміяхъ.

День и часъ выступленія изъ Караклиса не былъ еще утвердительно назначенъ. Мы собрались было однажды атаковать Гассанъ-хана, но исполненіе сего не состоялось. Наконецъ мы рѣшились выступить 9-го числа, и непріятель немедленно провѣдалъ сіе намѣреніе наше; ибо онъ сблизилъ посты свои со стороны Балыкчая къ намъ, сталъ было даже сбивать наши казачьи посты, но пріостановился и не дѣлалъ сильнаго напора, выжидая, чтобы мы очистили ему Караклисъ. Со стороны же Амамловъ онъ также приблизился, ожидая, чтобы мы тронулись, дабы воспользоваться какими нибудь отсталыми повозками или вьюками.

Я написалъ диспозицію къ выступленію и въ ней означалъ барабанный бой, по коему казачьи пикеты должны были стянуться въ Караклисъ; это былъ второй сборъ, ибо по первому внѣшніе караулы должны были всѣ собраться въ лагерь и присоединиться къ своимъ баталіонамъ. Казачья же цѣпь должна была тронуться, когда бы уже пѣхота тронулась и, проходя черезъ Караклисъ, зажечь его, чего никоимъ образомъ не должно было прежде дѣлать, дабы дать время обозамъ, артилеріи, патронамъ и заряднымъ ящикамъ пройти черезъ улицы; при томъ же надобно было сколько возможно скрыть и часъ выступленія нашего отъ непріятеля, дабы дать время оставшимся жителямъ уйти и дабы избѣжать смятенія и безпорядка. Диспозицію

сію я прочелъ Севарземидзеву, который ее одобрилъ; она была отдана всѣмъ начальникамъ, но не исполнилась какъ надобно было.

9-го числа послѣ полдня я велѣлъ ударить первый сборъ, а князь послалъ по сему сказать казачьему офицеру, чтобы онъ сходилъ со своихъ постовъ. Онъ приступилъ къ исполненію сего, и Персіяне немедленно заняли ихъ. Офицеръ прискакалъ въ Караклисъ и, видя, что еще не изготовились совсѣмъ къ выступленію, полагалъ, что сіе приказаніе ему было доставлено ошибкою, тѣмъ болѣе, что я послѣ приказанія князя послалъ другаго гонца съ тѣмъ, чтобы посты были непремѣнно опять заняты, чтò и было исполнено немедленно. Князь не понималъ чтò изъ сего будетъ, давно уже не слыхавъ и можетъ быть и мало зная къ чему служитъ диспозиція (ибо приказанія его развозились его Степкою, оборваннымъ деньщикомъ, который за нимъ ѣзжалъ и часто предлагалъ и свои распоряженія). Казачьяго офицера я только возвратилъ къ своему мѣсту; но непріятель догадался уже о нашемъ намѣреніи, разъѣзжалъ около Караклиса и выжидалъ времени ворваться. Глядя на сихъ всадниковъ, князь смутился. Вотъ уже Персіяне, говорилъ онъ, и все приставалъ ко мнѣ съ вопросомъ, скоро ли выступятъ? Я уговаривалъ его еще нѣсколько времени подождать, пока караулы соберутся, просилъ его не зажигать Караклиса, пока артилерія не пройдетъ, ѣздилъ за нимъ, наблюдалъ; но едва я отвернулся по какому-то дѣлу, какъ услышалъ вдругъ опять второй сборъ, который уже былъ третій. Вижу домъ князя, коего уголъ поджигаютъ, и кто же — шутъ Елизбаръ, который не вытерпѣлъ и выпросилъ на сіе позволенія у князя. Поздно уже было вести дѣло въ порядкѣ въ сію минуту. Персіяне опять уже начали казаковъ сбивать; Армяне, при князѣ находившіеся, стали зажигать другія строенія, площадь Караклиса пылала, а зарядные артилерійскіе ящики еще не прошли черезъ оную. Въ первую минуту, когда я увидѣлъ, что зажигали уже домъ князя, я бросился къ зажигателямъ; они отскочили, въ томъ числѣ и Елизбаръ, который мнѣ первый попался на глаза. Я хотѣлъ его въ запальчивости побить, тѣмъ болѣе, что онъ кричалъ и ссылался на покровительство корпуснаго командира; но я былъ упрошенъ родственникомъ жены князя, отставнымъ маіоромъ Чиляевымъ, который меня увѣрялъ, что Елизбаръ не былъ въ числѣ зажигателей. Я поскакалъ къ князю, дабы остановить безпорядокъ; но не тутъ-то было: онъ былъ окруженъ Армянами, которые кричали, шумѣли, какъ будто бы находились въ пылу самаго сильнаго сраженія; всякій изъ нихъ подавалъ князю совѣты, прося пушекъ, чтобы стрѣлять по фланкёрамъ Персидскимъ. Князь самъ былъ внѣ себя и требовалъ пушекъ и пѣхоты, чтобы драться съ нѣсколькими

всадниками разъѣзжавшими вдали. Видя, что исполненіе предначертанной диспозиціи надобно было отложить и пособить дѣлу новымъ распоряженіемъ, я немедленно отвелъ ящики на другую дорогу и выпроводилъ ихъ кругомъ черезъ канаву; затѣмъ, замѣтивъ, что сарай, гдѣ находились зарытые артилерійскіе снаряды, никто не думалъ зажигать, я бросился къ нему, зажегъ его самъ и пробылъ тутъ, пока онъ началъ обваливаться. Грудами пепла и горѣлыми столпами покрылись зарытыя вещи, чѣмъ они и были сбережены отъ розысковъ Персіянъ.

Двѣ роты Тифлискаго полка еще оставались въ своемъ лагерѣ при Кишлакскомъ выѣздѣ; одна изъ нихъ была назначена въ аріергардъ. Вопреки диспозиціи, князь потребовалъ ихъ къ себѣ и выстроилъ въ боевой порядокъ при двухъ орудіяхъ, которыя онъ успѣлъ схватить, дожидая, съ ребяческимъ хвастовствомъ и какъ человѣкъ не видавшій никогда непріятеля передъ собою и не знавшій Персіянъ, чтобы сіи передовые посты стали атаковать его. Тутъ разсуждалъ онъ съ солдатами, будетъ ли онъ зажигать церковь; они не пожелали сего, и онъ согласился на сіе желаніе ихъ.

Когда князь увидѣлъ и удостовѣрился, что непріятельскіе всадники не будутъ его атаковать, а дождутся спокойно нашего выступленія, онъ также рѣшился слѣдовать за колонною; но, пришедши со своими двумя ротами и двумя орудіями къ лагерю, онъ увидѣлъ, что отрядъ, слѣдуя диспозиціи, находился уже верстахъ въ 1½ отъ Караклиса, и продолжалъ идти. Въ лагерѣ онъ нашелъ только брошенные ранцы аріергардныхъ ротъ, чтò его разсердило; онъ же не въ состояніи былъ разсудить, что онъ самъ былъ виною сего безпорядка и въ неудовольствіи своемъ (какъ я слышалъ) обвинялъ меня въ томъ, что онъ брошенъ одинъ съ такимъ малымъ числомъ войскъ. Я между тѣмъ поскакалъ останавливать отрядъ, чтò исполнивъ возвратился въ лагерь. Люди, надѣвая ранцы свои, по одиночкѣ бѣжали для присоединенія къ отряду и покидали роты свой, чего я никакъ не могъ остановить; казалось мнѣ даже, что въ семъ случаѣ дѣйствовала въ нихъ непростительная робость, причиненная, какъ я думаю, смущеннымъ видомъ князя Севарземидзева. Тутъ я съ княземъ встрѣтился. Онъ началъ было въ пылу горячности своей упрекать мнѣ, что я увелъ отрядъ и бросилъ его одного; я объяснилъ ему весьма хладнокровно, что сему не я виноватъ, что диспозиція не была исполнена. Но, видя, что онъ ничего не понимаетъ и не перестаетъ упрекать меня, возвышая даже голосъ, я рѣшился его остановить и посовѣтовалъ ему умѣрить свое неудовольствіе: ибо онъ не имѣлъ правъ распространять оное на меня ни подъ какимъ видомъ, ни предлогомъ. Онъ замолчалъ; но вмѣстѣ съ симъ нашелъ на него столбнякъ, какихъ я

рѣдко видѣлъ: онъ не отъѣзжалъ болѣе отъ меня, большіе глаза его выкатились изо лба, онъ потягивалъ ноздрями чаще и выше обыкновеннаго, молчалъ, по нѣскольку разъ заставлялъ себѣ повторять всякого подходившаго къ нему съ какимъ-либо дѣломъ, не понималъ его и не давалъ никакого отвѣта. Онъ былъ въ семъ положеніи, когда голова колонны вступила въ Кишлакъ.

Я проѣхалъ тогда впередъ колонны, дабы увидѣть, что̀ предпріиметъ непріятель, показавшійся въ силахъ со стороны Дарбаза. Я прошелъ со стрѣлками селеніе безъ выстрѣла и потомъ взъѣхалъ на высоту не въ большомъ разстояніи отъ Кишлака, на которой стояла рота Тифлискаго полка съ орудіемъ для прикрытія движенія нашего. Персіяне, надѣясь поживиться, напавъ на тылъ нашъ, по прошествіи селенія, приближались къ высотѣ; нѣкоторые подъѣхали даже такъ близко, что я выстрѣлилъ по нимъ изъ ружья своего, но кажется безъ успѣха. Итакъ Персіяне, коихъ мы привыкли презирать, показывались въ семъ случаѣ смѣлыми. Вотъ послѣдствія отступательнаго движенія! Неминуемо духъ упадаетъ въ отступающихъ, въ противникахъ же онъ возвышается. Мы далеко были впрочемъ отъ того, чтобы упасть духомъ: всякій солдатъ жаждалъ вступить въ бой, всякій офицеръ того же хотѣлъ, да и силы непріятельскія были слишкомъ слабы, чтобъ вселить малѣйшій страхъ въ людяхъ нашихъ; но не менѣе того, движеніе наше придало Персіянамъ смѣлости, дерзости, съ коей они рѣдко рѣшались подступать близко къ нашимъ войскамъ. Мы же, не имѣя конницы, не могли причинить имъ ни малѣйшаго вреда: ибо ядра наши не попадали въ быстрыхъ всадниковъ сихъ, не сбирающихся толпами. Отъ ловкости ихъ однакоже и безпорядка нашего чуть не понесли мы чувствительный и постыдный уронъ. Обозы Тифлискаго полка, коимъ по диспозиціи велѣно было слѣдовать между войсками, были уведены впередъ казначеемъ, вопреки приказаній ему отданныхъ; а по привычкѣ къ прежнему безпорядку и самоуправству, онъ опередилъ и авангардъ и тянулся уже въ ущелье Безобдальское, какъ Персіяне, замѣтивъ сію часть безъ прикрытія, бросились съ лѣваго нашего фланга впередъ, дабы разбить обозы. Я увидѣлъ намѣреніе ихъ; общій крикъ разнесся по колоннѣ, что Персіяне нападаютъ на обозы. Взявъ авангардную роту своего полка, я повелъ ее бѣгомъ на защиту обозовъ. Непріятель, увидѣвъ подкрѣпленіе, спѣшившее на защиту повозокъ, остановился и, засѣвъ на покатостяхъ горъ, составляющихъ тѣснину Безобдала, стрѣлялъ по колоннѣ во время слѣдованія ея, но безъ всякаго успѣха: пули летали близко, но никого не задѣли. Персіянамъ отвѣчали также ружейными выстрѣлами изъ ущелья, но кажется не причинили имъ никакого вреда. Непонятно, какъ они

столь мало воспользовались преимуществомъ, которое имъ доставляло мѣстоположеніе: они бы могли намъ нанести значительный вредъ, если-бы засады свои сдѣлали сильнѣе, и перебить у насъ много людей и лошадей; но они не воспользовались симъ и оплошностью нашею, ибо мы совершенно подвели себя безъ защиты подъ выстрѣлы ихъ.

Вскорѣ орудія, пѣхота, ящики, обывательскія подводы, все сіе шло кучею въ безпорядкѣ и тѣснилось въ узкое ущелье Безобдала. Карабинеры мои одни сохраняли видъ устроеннаго войска. Остановивъ авангардъ, я возвратился къ колоннѣ и, заставъ сей безпорядокъ, не могъ воздержаться, чтобы не сказать князю, сколь онъ можетъ быть вреденъ для насъ послѣдствіями своими; но онъ мало обращалъ старанія своего, дабы поправить оный, напротивъ того, занялся какъ ребенокъ пальбою изъ орудій по фланкёрамъ Персидскимъ безъ всякой цѣли и пользы. Сіе обхожденіе разсердило меня. Я представилъ ему, что онъ напрасно время теряетъ и что нужнѣе было бы взять мѣры для ночлега и занять до ночи еще выгодный лагерь, дабы ночь не застала насъ въ тѣснинѣ, въ коей могли мы пострадать. Онъ все-таки никакого отвѣта не давалъ и не бралъ мѣръ, чтобы прекратить завязавшуюся пальбу. Я отъѣхалъ отъ него и рѣшился уже не совѣтовать ему ничего и не распоряжаться, а оставить дѣло на произволъ судьбы. Тутъ князь, видя, можетъ быть, что я не пустое ему совѣтовалъ, пріѣхалъ ко мнѣ и, не отставая отъ меня ни на шагъ, все время колѣномъ о мое, смотрѣлъ въ глаза мнѣ, какъ будто ожидая моего приказанія. Словомъ, въ сіе время онъ совсѣмъ потерялся, и на него еще болѣе дѣйствовало мое неудовольствіе, которое онъ старался смягчить; но я не имѣлъ твердости преодолѣть свое сердце и едва оборачивался къ нему. Онъ спрашивалъ меня, что̀ дѣлать, что́ предпринять, гдѣ ночевать, не остановить ли колонну, возвратить ли ее въ ущелье и, указывая на высоты по сторонамъ лежащія, спрашивалъ, годятся ли онѣ для лагеря; но я на все отвѣчалъ ему коротко и съ неудовольствіемъ: «Не знаю, дѣлайте какъ хотите, князь; я буду только исполнять ваши приказанія, остановитесь гдѣ хотите». Онъ отъѣдетъ и пріѣдетъ съ сими же вопросами, но ничего отъ меня не добился; нѣсколько разъ останавливалъ колонну, впустивъ уже голову оной въ тѣснину; но стрѣльба въ арьергардѣ, гдѣ завязалось порядочное дѣло съ наступавшимъ непріятелемъ, и стрѣлки, засѣвшіе въ полугорѣ, стрѣлявшіе по насъ, побуждали его подвигаться опять впередъ. Наконецъ, ночь застала голову колонны въ весьма узкомъ мѣстѣ. Надобно было непремѣнно остановиться. Ружья составили въ козлы и расположились не ночевать, а провести ночь между горами, безъ корма для лошадей и даже не выпрягая ихъ изъ орудій и пово-

зокъ; ибо ихъ нельзя почти было и вывести съ дороги: столь она была узка. Пѣхота расположилась въ томъ порядкѣ, какъ шла, занимая почти всю дорогу. Орудія и обозы остались въ томъ же безпорядкѣ, въ которомъ они слѣдовали. Непріятельскіе стрѣлки не переставали по насъ стрѣлять, но все безъ успѣха.

Надобно было ихъ однако согнать, дабы остаться покойными ночью. Князь проѣхалъ къ головѣ колонны и, слѣзши съ лошади, стоялъ неподвижно и не произносилъ ни слова. Я былъ сердитъ и также молчалъ, ожидая его распоряженій. Не послать ли стрѣлковъ на гору прогнать непріятеля? спросилъ онъ наконецъ у меня.—«Нужно бы», отвѣчалъ я, и послалъ двухъ офицеровъ съ командами, которыя едва только стали подниматься на горы, какъ непріятельскіе стрѣлки скрылись. Тутъ подъѣхалъ къ князю деньщикъ его Степанъ и требовалъ стрѣлковъ въ аріергардъ, говоря, что они тамъ непремѣнно нужны. Князь взглянулъ на меня просительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ, но получилъ отказъ и остался симъ доволенъ. Между тѣмъ въ аріергардѣ дѣло съ наступавшею ночью кончилось. Полковникъ Фридриксъ, занявъ тремя ротами Тифлискаго полка и тремя орудіями высоту подлѣ дороги лежащую, прикрывалъ движеніе тяжестей и артилеріи и отразилъ нападеніе непріятеля. Перестрѣлка была въ семъ аріергардномъ дѣлѣ довольно сильная, но уронъ не великъ: съ нашей стороны ранено три солдата. Говорили послѣ, что Персіяне потеряли до 30 человѣкъ убитыми и ранеными въ семъ дѣлѣ, но сіе невѣроятно. Когда всѣ тяжести прошли, тогда Фридриксъ примкнулъ съ аріергардомъ къ хвосту колонны и самъ пріѣхалъ къ намъ. Я обрадовался съ нимъ видѣться, ибо совершенно не съ кѣмъ было слово молвить. Веселый видъ Фридрикса развеселилъ меня, и мы сообщили другъ другу всѣ происшествія, случившіяся съ нами въ теченіе дня.

Съ сумерками пошелъ проливной дождь, сопровождаемый частыми и сильными громовыми ударами. Вскорѣ ночь сдѣлалась необыкновенно темная, и насъ освѣщала молнія, продолжавшаяся очень долго. Но дабы не поддаться усталости и всѣмъ непріятностямъ такого положенія, я велѣлъ разложить огонь. Мы перешли черезъ рѣчку, въ которую нѣсколько разъ падали въ темнотѣ, и старались развести огонь вопреки сильнаго дождя, препятствовавшаго намъ въ семъ благомъ намѣреніи; но терпѣніе преодолѣло всѣ затрудненія: старались долго, часа два старались, и наконецъ явился огонь, къ коему стали собираться офицеры. Съ увеличиваніемъ средствъ, увеличиваются у насъ и прихоти. Съ начала казалось, что, кромѣ огня, ничего бы желать не надобно; когда огонь явился, захотѣлось чаю, и мы напились его пополамъ съ дождевою водою, ниспадавшею въ стаканы наши. Тутъ,

къ удивленію насъ всѣхъ, собравшихся около огня, Фридриксъ вынулъ изъ кармана флажолетъ и сыгралъ намъ нѣсколько штучекъ изъ Фрейшица. Сего достаточно было, чтобы отвлечь все вниманіе наше отъ дождя, заливавшаго насъ и огонь нашъ. Мы слушали съ удовольствіемъ, вкушали въ полной мѣрѣ наслажденіе свое и развеселились. Вскорѣ усердіемъ солдатъ моихъ былъ воздвигнутъ балаганъ, въ который я заползъ съ Фридриксомъ и легъ на сырой землѣ; но едва мы начали засыпать, какъ балаганъ мой сталъ наполняться офицерами, искавшими убѣжища. Они полегли къ намъ на ноги и одинъ на другомъ; такъ что когда мы проснулись, то удивились видѣть себя совершенно загруженными молодыми сослуживцами нашими. Сколько мы перемокли въ сію ночь, ибо балаганъ былъ плохой и сдѣланъ на скорую руку и въ темнотѣ, и сколько мы устали, можно себѣ представить. Когда въ 1827 году войска проходили Безобдалъ, я видѣлъ мѣсто сіе обильное воспоминаніями, и балаганъ мой былъ еще цѣлъ.

Князь улегся въ сію ночь на лафетѣ, укрылся буркою и проспалъ всю ночь столь спокойно, сколько сіе возможно было въ дождикъ и на лафетѣ. Мнѣ говорили, что онъ только встревоженъ былъ гусемъ, привязаннымъ къ сему лафету, который имъ не былъ замѣченъ и ночью внезапно началъ бить крыльями; но тревога сія не имѣла дальнихъ послѣдствій.

10-го числа до свѣта ударили подъемъ, и голова колонны, находившаяся не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ подъема на Безобдалъ, подвинулась по дорогѣ и стала подниматься на гору. Не вступаясь болѣе въ дѣла отряда, я поднялъ на гору карабинеровъ съ обозами ихъ, а самъ поѣхалъ въ лагерь маіора Харченки, занимавшаго вершину Безобдала съ двумя ротами 41-го егерскаго полка и двумя орудіями. Туманъ, дождь и вѣтеръ попеременно затрудняли переходъ черезъ гору, на которую подъемъ былъ высокой и крутой. Князь также пріѣхалъ къ харчевнѣ, и тутъ я примирился съ нимъ, внявъ словамъ, кажется, Коцебу и другихъ, просившихся меня о томъ, ради предстоявшихъ обстоятельствъ, гдѣ распоряженія мои были нужны.

Полковникъ Фридриксъ оставался еще въ ущельѣ съ аріергардомъ и велъ слабую перестрѣлку съ Персіянами, не напиравшими сильно на него. Между тѣмъ посланные съ вечера карабинеры на высоты, видя движеніе колонны, разсыпались стрѣлками и равнялись съ нами, отстрѣливаясь отъ непріятеля, старавшагося занять опять высоты сіи, дабы стрѣлять въ ущелье по отступавшимъ. Сія мѣра предосторожности не была взята Фридриксомъ, и когда карабинеры прошли съ фланговыми цѣпьми стрѣлковъ своихъ, тогда Персіяне заняли опять стрѣлками сіи высоты и кусты, на покатостяхъ оныхъ на-

ходящіеся. Видя сіе, я выдвинулъ впередъ одно орудіе изъ состоявшихъ при егеряхъ и пустилъ въ горы нѣсколько ядеръ черезъ ущелье въ толпу занимавшую сіи высоты, которая отъ сего мгновенно убралась, и отступленіе аріергарда по ущелью, подъемъ онаго съ обозомъ на гору и спускъ всего отряда съ горы къ Гергерамъ произошли въ самомъ большомъ порядкѣ и безъ всякой потери. Но, стоя на горѣ, мы видѣли въ промежуткахъ открывавшихся намъ при временномъ разсѣяніи тумана, что много непріятельской конницы, поднявшись на вершину горы, между нами и дорогою, ведущею изъ Амамловъ въ Джелалъ-Оглу, поспѣшно слѣдовало къ сѣверному спуску, то-есть по сторонѣ Лорійской равнины нашей. Отдаленіе, въ коемъ находился непріятель, и недостатокъ въ конницѣ не позволили намъ преслѣдовать его или наблюдать за его движеніемъ; но мы имѣли причины думать, что онъ намѣревался сдѣлать нападеніе на деревни наши, внутри земли лежащія. Съ другой стороны Персіяне, вѣроятно тѣ, которые заняли Караклисъ, немедленно по выступленіи нашемъ оттуда, взъѣхавъ на Безобдалъ со стороны Караклиса, наткнулись близъ самаго лагеря нашего на засаду стрѣлковъ, поставленную маіоромъ Харченкою за бугромъ для защиты лѣваго фланга своего отъ внезапнаго нападенія. Штабсъ-капитанъ 41-го егерскаго полка Мошнинъ, начальствовавшій въ семъ мѣстѣ, отразилъ наткнувшагося отъ тумана очень близко непріятеля ружейнымъ огнемъ, отъ коего Персіяне неминуемо должны были имѣть потерю, но симъ и кончились военныя дѣйствія сего дня на Безобдалѣ. Когда погода нѣсколько прояснилась, мы увидѣли на буграхъ близъ Кишлака, на коихъ началось аріергардное дѣло 9 числа, непріятельскій лагерь и большія палатки начальниковъ ихъ. Поступокъ сей былъ довольно смѣлъ со стороны Персіянъ; ибо мы могли еще, поднявъ всѣ наши тяжести, пуститься на легкѣ съ одной пѣхотой и схватить лагерь сей, еслибъ непріятель не предостерегся занять порядочно ущелье; но люди наши слишкомъ устали, чтобы предпринять сіе движеніе, сопряженное впрочемъ и съ довольною опасностію, еслибъ непріятель, не испугавшись онаго, принялся бы защищать ущелье. Да при томъ, пока мы проходили разстояніе 10-ти почти верстъ до лагеря ихъ, Персіяне могли успѣть убрать палатки свои, и тогда бы отступленіе сей пѣхоты, преслѣдуемой въ ущельѣ, было бы сопряжено съ большими убытками и неудобствами.

Въ сей день, т.-е. 10-го числа, весь отрядъ перешелъ гору и пришелъ въ Гергеры, гдѣ и занялъ лагерь. Двѣ роты 41-го егерскаго полка остались только на вершинѣ горы. Князь поспѣшилъ навѣстить супругу свою, съ коею онъ занималъ квартиру; я же остался въ лагерѣ, поставивъ палатку свою за карабинерами. Съ прибытіемъ въ

Гергеры, я навѣстилъ князя, но никакихъ распоряженій не слыхалъ отъ него. Онъ былъ покойнѣе и какъ бы веселѣе, но не предпринималъ никакихъ мѣръ и предоставилъ по прежнему управленіе войсками въ мое съ полковникомъ Фридриксомъ распоряженіе.

Алексѣй Петровичъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что любимая его мысль знать Безобдалъ между непріятелемъ и нами приводилась въ исполненіе

Я полагалъ, что не слѣдовало удалять женатую роту изъ Гергеръ: военное поселеніе на границѣ должно защищать жилище свое, а не укрываться внутрь земли, когда оно еще подъ защитою 3,000 почти человѣкъ пѣхоты. Корпусный командиръ опасался вселить черезъ сіе робость въ солдатахъ и возложилъ на меня обязанность успокоить ихъ. Трудно было сіе сдѣлать, когда отступленіе наше и всѣ неудачи служили къ тому, чтобы вселить въ нихъ недовѣріе къ начальству и робость.

Начальникъ штаба Вельяминовъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, научалъ меня, какимъ образомъ приступить къ переселенію женатой роты на Мамлыкъ, и излагалъ мнѣніе свое, чтобы склонить солдатъ, дабы они просили о семъ князя черезъ ротнаго командира, давая предлогомъ и причиною просьбы сей то, что непріятель частыми набѣгами своими попрепятствуетъ имъ въ полевыхъ работахъ ихъ, какъ будто бы они могли завестись посѣвами на Мамлыкѣ, и какъ будто бы переселеніе сіе не должно было ихъ совершенно разстроить! Да и не прилично было научать военныхъ людей къ такого рода просьбѣ,— изъ чего я могъ заключить, что поводомъ къ сему служили совершенно другіе виды: корпусный командиръ вѣрно не надѣялся удержать и Джелалъ-Оглу; между тѣмъ онъ предписывалъ укрѣплять мѣсто сіе. Все доказывалъ смущенный духъ его, отъ коего происходили такія противорѣчущія распоряженія. Однакоже я приступилъ къ исполненію по возможности воли корпуснаго командира, и рота женатая Тифлискаго полка была отправлена нѣсколько времени послѣ того въ Мамлыкъ.

Далѣе начальникъ штаба снабжалъ меня совѣтами на счетъ укрѣпленія предположеннаго и уже начатаго въ Джелалъ-Оглу, предваряя меня, дабы я не впалъ въ обыкновенныя здѣсь ошибки: ибо онъ не видалъ въ Грузіи укрѣпленія, которое не было бы слишкомъ обширно, у котораго нельзя бы отнять воду съ большою удобностью. Удивительно, что онъ преподавалъ такіе совѣты, тогда какъ всѣ укрѣпленія были строены по его проектамъ, и часто подъ его собственнымъ надзоромъ, и что всѣ они почти безъ исключенія *слишкомъ* обширны и безъ воды. Онъ не упускалъ однакоже на планахъ своихъ примѣнять

всегда самыя строгія правила фортификаціи въ мелочахъ, тамъ гдѣ они совершенно не нужны были. Обстоятельство сіе совсѣмъ непонятно, и нельзя согласить его съ его разсудкомъ и умомъ; но кажется, что въ сихъ случаяхъ при выборѣ мѣстъ иногда дѣйствовала лѣнь, иногда же упрямство, чтобы на своемъ поставить. Человѣкъ сей, при рѣдкихъ способностяхъ, имѣлъ самые непростительные пороки, содѣлывавшіе даже достоинства его безполезными. Въ концѣ письма своего онъ обѣщался къ намъ быть и извинялся болѣзнію своею. Болѣзнь его была все одна, непомѣрная лѣнь: ибо извѣстно, что человѣкъ сей совсѣмъ не трусъ и не потеряетъ головы, не лишится присутствія духа въ затруднительномъ положеніи; а потому промедленіе его, и наконецъ и то, что онъ совсѣмъ къ намъ не пріѣхалъ, можно приписать только одной лѣни. Дѣлами же онъ много не занимался и въ Тифлисѣ, а проводилъ цѣлый день лежа и раздѣвшись. Алексѣй Петровичъ самъ уже къ нему ходилъ: столь онъ умѣлъ пріобрѣсть власти надъ умомъ его. Не менѣе того онъ видѣлъ, что не имѣлъ помощника въ трудахъ своихъ и не могъ скрыть сего въ разговорѣ.

Князь старался всячески побудить жителей къ жнитву; но трусливые Армяне не рѣшались на сіе, не внимали убѣжденіямъ и угрозамъ князя, который имъ было и войско обѣщалъ дать въ прикрытіе. Онъ въ семъ случаѣ руководствовался собственными видами корыстолюбія. Я совѣтовалъ ему не разбрасывать людей по одиночкѣ, а устроить нѣкоторый порядокъ между жителей, которые сами могли бы защититься отъ хищническихъ нападенія нѣсколькихъ всадниковъ, ибо главные выѣзды и мѣста были бы заняты войсками; но онъ не умѣлъ сдѣлать сего и, не понимая внушеній моихъ, продолжалъ увѣщевать и ругать жителей безъ всякой пользы. Они, можетъ быть, и вѣроятно, понимали, что хлѣбъ, который они сожнутъ, отберется у нихъ въ счетъ долга ихъ Севарземидзеву, и не приступали къ работѣ. Хлѣбъ остался на поляхъ; малую часть онаго пожали, большая же погнила на корню.

11-го числа я ѣздилъ съ княземъ въ Джелалъ-Оглу, дабы видѣть успѣхъ работы при крѣпости. Князь опять старался склонить жителей къ жнитву, но безуспѣшно. Тутъ Армяне привели къ князю одного Татарина, котораго схватили по дорогѣ отъ Гумровъ черезъ Карагачъ въ Борчалу; на немъ нашли возмутительныя письма отъ сердаря Eриванскаго къ Борчалинцамъ. Человѣкъ сей былъ нашъ подданный и обласканъ Севарземидзевымъ, который, говорятъ, и помощь ему дѣлалъ; онъ бѣжалъ изъ Гумровъ до начатія еще войны. Общее мнѣніе было его повѣсить, какъ лазутчика, пойманнаго съ возмутительными письмами, бывшаго доселѣ нашимъ подданнымъ и извѣстнаго дурнымъ своимъ поведеніемъ. Князь колебался; но я въ семъ случаѣ подалъ

также мнѣніе свое съ полковникомъ Литовымъ, и человѣка сего повѣсили. Воздвигли на берегу оврага каменный глаголь, подвезли арбу, на которую его взвели и съ которой повѣсили, потомъ арбу выдвинули, и онъ повисъ.

Я никогда не видывалъ казней и любопытенъ былъ наблюдать человѣка въ полной силѣ своего разума ожидающаго смерть неминуемую, и вотъ что я замѣтилъ въ семъ молодомъ Татаринѣ. Пока его взводили на арбу, онъ все жаловался, оправдывался, просилъ пощады; когда же стали надѣвать ему на шею петлю, онъ вдругъ перемѣнилъ видъ свой, голосъ и слова, и началъ читать громко молитвы на Арабскомъ языкѣ. Казалось, что ничто въ сію минуту не могло бы отвратить его вниманіе отъ мысли, къ коей онъ обратился; казалось, что самое прощеніе едва-ли бы пробудило его отъ состоянія созерцанія и вдохновенія, и что, еслибы его пустили, то онъ остался бы на всю жизнь свою въ семъ положеніи, внимающимъ всѣми силами своими Божеству. Нельзя было сомнѣваться, чтобы человѣкъ сей не покинулъ стези распутства, по коей онъ шелъ. Я увѣренъ, что онъ болѣе не страдалъ, не видалъ ни висѣлицы, ни веревки, ни готовящейся ему казни. Профосъ дѣлалъ надъ нимъ всѣ нужныя приготовленія, дабы повѣсить, и онъ ничѣмъ не противился. Члены его двигались отъ руки палача, какъ у соннаго; но онъ стоялъ и былъ твердъ на ногахъ, и не переставалъ молиться, пока веревка не задушила его. Судорожное движеніе въ ногахъ и языкъ, показавшійся между губами, возвѣстили объ его смерти. Тѣло его висѣло до другаго утра, кажется, и было снято и зарыто.—Другаго Татарина, котораго, нѣсколько дней послѣ сего, также поймали въ воровствѣ и повѣсили на томъ же мѣстѣ, я не видѣлъ казни, а видѣлъ его уже висящимъ. Говорили, что онъ не произнесъ ни одного слова, когда его повели, и что хладнокровіе его и равнодушіе были въ семъ случаѣ необыкновенны и всѣхъ удивили.

ПЕРСИДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССІИ

1829 года.

(По бумагамъ графа П. П. Сухтелена).

Какъ извѣстно, Персидское посольство 1829 г. было прислано въ Петербургъ съ торжественнымъ извиненіемъ за избіеніе Русской миссіи въ Тегеранѣ, жертвою которой былъ и самъ полномочный министръ А. С. Грибоѣдовъ. При другихъ обстоятельствахъ, Россія, можетъ быть, наказала бы такое звѣрство силою оружія; но это произошло вскорѣ послѣ войны съ Персіею, закончившейся Туркманчайскимъ миромъ 1828 года. Россія въ то время воевала съ Турціею; къ тому же выяснилось, что собственно правительство Персидское было непричастно этому дѣлу Тегеранской черни. По всѣмъ этимъ причинамъ государь императоръ Николай Павловичъ призналъ достаточнымъ для удовлетворенія Россіи, если шахъ пришлетъ извиненіе черезъ кого либо изъ своихъ принцевъ. Персія съ готовностію подчинилась этому требованію и снарядила чрезвычайное посольство, во главѣ котораго находился принцъ Хозревъ-Мирза, сынъ наслѣднаго принца Аббаса-Мирзы и любимый внукъ шаха. Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 16-ти, но во всѣхъ отношеніяхъ самый симпатичный изъ множества Персидскихъ принцевъ; онъ состоялъ въ званіи статсъ-секретаря по внѣшнимъ сношеніямъ.

30 Января 1829 г. была истреблена въ Тегеранѣ Русская миссія, а въ Маѣ того же года Персидское посольство вступило черезъ Тифлисъ въ Русскіе предѣлы, направляясь къ Петербургу.

Предлагаемый очеркъ пребыванія этого посольства въ Петербургѣ составленъ *исключительно* по бумагамъ графа Павла Петровича Сухтелена, которыя авторъ очерка получилъ отъ родной племянницы графа, графини Н. К. Сухтеленъ, вмѣстѣ со многими другими бумагами ея дяди и дѣда, графа Петра Корниловича Сухтелена *).

Графъ П. П. Сухтеленъ, одинъ изъ героевъ Персидской войны 1828 г. и образованнѣйшихъ Русскихъ генераловъ того времени, былъ знакомъ съ Хозревомъ-Мирзою еще въ Персіи. Ему принадлежитъ честь покоренія

---

*) Бумаги эти находятся теперь въ распоряженіи Тамбовской Архивной Комиссіи. М. Р.

Ардебиля, бывшаго въ то время резиденціею Аббаса-Мирзы, гдѣ гр. Сухтеленъ и оставался комендантомъ крѣпости до заключенія мира. Онъ былъ назначенъ состоять при Персидскомъ посольствѣ во все время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. 27 Іюля 1829 г. Сухтеленъ выѣхалъ на встрѣчу посольству въ Новгородъ. Бумаги его, относящіяся къ этому посольству, состоятъ изъ собственноручныхъ отдѣльныхъ замѣтокъ и записокъ, изъ цѣлаго дневника, веденнаго имъ во время пребыванія посольства въ Петербургѣ, и изъ писемъ къ нему многихъ официальныхъ и частныхъ лицъ, имѣвшихъ дѣловыя и всякія другія, служебныя или частныя отношенія къ посольству.

Бумаги раздѣлены на нѣсколько пачекъ, съ надписями на каждой рукою гр. Сухтелена, въ родѣ слѣдующихъ: „Petit bulletin journailler tenu durant le séjour de Khosreff-Mirza et durant son voyage à St-Pétersbourg en 1829. Billets et correspondance concernant les établissements publics et autres curiosités visitées par Khosreff-Mirza en 1829. Réclamations, dettes et escroqueries de l'ambassade Persanne à St-Pétersbourg 1829. Audience et réception de l'ambassade Persanne en 1829 à Moscou et à St-Pétersbourg et son audience de congé et départ. Générosité Persanne, au départ de l'ambassade de Khosreff-Mirza et durant son séjour à St-Pétersbourg 1829" и т. п. Есть пачка съ надписью: „Exercices d'écriture autographe du prince Persan Khozreff-Mirza", содержащая въ себѣ много лоскутковъ и цѣлыхъ листовъ бумаги такихъ упражненій молодаго принца, писанныхъ по-французски и по-персидски; тутъ же письма Хозрева-Мирзы и лицъ его свиты къ графу Сухтелену, ихъ визитныя карточки, Персидскія стихи и т. п.

М. Розановъ.

I.

Составъ посольской свиты.—Лица, сопровождавшія посольство.—Пріѣздъ въ Москву и церемонія встрѣчи.—Отъѣздъ изъ Москвы и прибытіе въ Новгородъ.—Осмотръ военныхъ поселеній.—Обсужденіе проекта церемоніала встрѣчъ въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и торжественной аудіенціи въ Петербургѣ.—Пріѣздъ въ Царское Село и Петергофъ.—Приготовленія къ пріему посольства въ Петербургѣ.—Въѣздъ въ Петербургъ.

Посольская свита состояла изъ 14 человѣкъ. Главными лицами въ посольствѣ, послѣ Хозрева-Мирзы, были: *Мегмедъ-Ханъ*, Эмиръ-Низамъ, или начальникъ регулярныхъ войскъ; *Мирза-Масудъ*, первый драгоманъ; *Мирза-Салехъ*, второй драгоманъ, на правахъ хана, и *Мирза-Баба*, врачъ принца. Въ спискѣ свиты, имѣющемся въ бумагахъ графа Сухтелена [1]) объ этихъ лицахъ сдѣланы такія характеристики: «Мегмедъ-Ханъ—главный при посольствѣ; знатенъ родомъ и пользуется

[1]) Списокъ составленъ былъ, повидимому, въ Азіатскомъ департаментѣ, такъ какъ на немъ имѣются замѣтки карандашемъ, сдѣланныя рукою начальника этого департамента, К. К. Родофиникина. М. Р.

всеобщимъ уваженіемъ, болѣе правдивъ, чѣмъ другіе Персіяне, привязанъ къ Аббасу-Мирзѣ и вѣритъ пользѣ союза съ Россіею; можетъ быть, будетъ предлагать объ уступкѣ контрибуціи [2]). Мирза-Масудъ образованнѣе другихъ, вѣритъ охотно лести, пользуется довѣренностію Эмиръ-Низама. Мирза-Салехъ—плутъ, но человѣкъ нужный; ибо, по непостоянству Аббаса-Мирзы, имѣетъ иногда на него вліяніе. Мирза-Баба въ молодости учился въ Англіи и, вѣроятно, служитъ при посольствѣ шпіономъ Англичанъ. Всѣ сіи лица—сказано въ томъ же спискѣ—пользуются титуломъ *высокостепенства*, но при Хозревѣ-Мирзѣ не смѣютъ ни садиться, ни ѣсть и пить. Остальные Персіяне занимаютъ во дворцѣ не столь важныя должности (*ляля*) и не могутъ слѣдовать за принцемъ въ присутствіи Государя Императора».

Эти остальныя лица свиты были: Французъ *Семинд*, начальникъ инженеровъ и артилеріи у Аббаса-Мирзы, служившій прежде при Наполеонѣ; *Мирза-Таги* секретарь Эмиръ-Низама; на его обязанности лежало вести журналъ путешествія; *Гуссейнъ-Али-Бекъ* дядька принца; *Мирза-Джафаръ назыръ* или смотритель за вещами принца, *Мирза-Багиръ* и *Мирза-Ага-Муширифъ*, камердинеры принца; *Фазиль-Ханъ* поэтъ; *Али-Ашрсфъ-Бекъ сундуктаръ* или казначей; *Джафаръ-Бекъ* и *Наурузъ-Бекъ, пишкадметы* или комнатные служители [3]). Кромѣ того, при Хозревѣ-Мирзѣ находились: три *туфенгдара* или оруженосца, вездѣ его сопровождавшіе; *секретный ферашъ*, на обязанности котораго было стлать принцу постель (онъ же исправлялъ и должность экзекутора); другой *ферашъ*, подчиненный секретному; *абдаръ*, подававшій принцу воду для питья; *кафечи*, приготовлявшій кофе; *шербетдаръ*, завѣдывавшій всякими другими напитками; цирульникъ, поваръ, водовозъ и хлѣбопекъ. Кромѣ служителей принца, при посольствѣ находились пятеро служителей Эмиръ-Низама и девять человѣкъ прислуги при Мурзѣ-Масудѣ, Семинд, и др. чиновникахъ, такъ что всѣхъ Персіянъ въ посольскомъ поѣздѣ было около 40 человѣкъ [4]).

---

[2]) По Туркманчайскому договору Персія обязана была, между прочимъ, заплатить Россіи 10 куруровъ, или 20 милліоновъ рублей серебромъ контрибуціи. М. Р.

[3]) А. П. Берже („Русская Старина“ 1879 г., томъ XXV) упоминаетъ въ составѣ свиты Мирзу-Мустафу-Авшара; но ни въ одномъ изъ нѣсколькихъ списковъ свиты, имѣющихся въ бумагахъ графа Сухтелена, этого имени не встрѣчается. М. Р.

[4]) Въ особомъ спискѣ, писанномъ рукою гр. Сухтелена, названа по именамъ и вся прислуга, находившаяся при посольской свитѣ: фераши—*Хаджи-Гуссейнъ* и *Аббулъ*; оруженосцы—*Джафаръ-Кули-Бекъ* (братъ Мирзы-Бабы), *Али-Пани-Бекъ* и *Дервишъ-Али-Бекъ*; абдаръ—*Талыбъ*, кофешенкъ (кафечи)—*Абдулла*; шербетдарь—*Раджабъ*, цирульникъ—*Мехди*, поваръ—*Гуссейнъ-Али*; водовозъ—*Али*, хлѣбопекъ—*Джаватъ*. При Эмиръ-Низамѣ находились: дворецкій *Махмедъ-Бекъ*, 3 камердинера—*Тостъ-Мамедъ-Бекъ*, *Гассанъ-Али-Бекъ* и *Садыкъ-Бекъ*; адъютантъ, въ чинѣ поручика, *Баграмъ-Бекъ* и истопникъ—*Махмедъ-Рохимъ*. Въ томъ же спискѣ поименованъ *Маньягó*, бывшій Французскій солдатъ, преподававшій Хозреву-Мирзѣ Французскій языкъ.

Отъ Тифлиса посольство сопровождалъ генералъ-маіоръ Ренненкампфъ 2-й съ тремя переводчиками, нѣсколькими фельдъегерями и прислугою.

Посольство направлялось къ Москвѣ черезъ Ставрополь, Новочеркаскъ и Воронежъ и 14-го Іюля прибыло въ село Коломенское, въ 10 верстахъ отъ Москвы. По прибытіи Хозрева-Мирзы изъ Подольска въ Коломенскій дворецъ и при выходѣ изъ экипажа, его встрѣтилъ и привѣтствовалъ краткою рѣчью камергеръ Булгаковъ, а стоявшій на дворѣ караулъ отдалъ честь.

Изъ Коломенскаго долженъ былъ начаться церемоніальный въѣздъ въ Москву. Послѣ нѣкотораго отдохновенія во дворцѣ, принцъ выѣхалъ въ древнюю столицу въ нарочно высланной оттуда каретѣ, запряженной восьмерикомъ и сопровождаемый конвоемъ конницы, свита же его продолжала путь въ своихъ дорожныхъ каретахъ. У городской заставы караулъ отдалъ честь, а Московскій оберъ-полицеймейстеръ, подъѣхавъ верхомъ къ каретѣ принца, поздравилъ его съ благополучнымъ прибытіемъ и вручилъ ему почетный рапортъ. Затѣмъ принцъ пересѣлъ въ парадную карету, а чиновники посольской свиты въ приготовленныя для нихъ коляски, и церемоніальный кортежъ продолжалъ путь.

Впереди ѣхалъ полицеймейстеръ съ ординарцами, для указанія дороги, за нимъ 24 жандарма съ офицеромъ вдоль тротуаровъ, чтобы улицы не были загораживаемы народомъ; затѣмъ, одни за другими, слѣдовали: частные пристава съ квартальными надзирателями, взводъ жандармовъ, рота гренадеръ съ музыкою, придворные берейторы и конюхи верхомъ, 12 лошадей въ попонахъ, ведомыя конюхами, лошадь принца, въ богатой сбруѣ, ведомая двумя конюхами. За четверомѣстною каретою, въ которой помѣщались Русскіе переводчики (поручикъ Визиревъ, подпоручикъ Кашперовъ и прапорщикъ Караоглановъ) слѣдовали: коляска съ прислугою принца, коляска съ низшими его чиновниками, коляска съ оруженосцами, коляска съ пишкадметами, запряженныя въ четыре лошади каждая. Далѣе слѣдовали: четверомѣстная раскидная карета для Мирзы - Джафара; такая же карета для Мирзы-Салеха и Мирзы-Бабы; такая же карета для Гуссейнъ - Али - Бека и Мирзы - Таги, такая же карета для Эмиръ-Низама и Мирзы - Масуда, такая же карета для генералъ-маіора барона Ренненкампфа, камергера Булгакова и переводчика, чиновн. 9 класса Шаумбурга. Затѣмъ, предшествуемый взводомъ жандармовъ, ѣхалъ Хозревъ-Мирза. Онъ помѣщался въ четверомѣстной восьмистекольной каретѣ, запряженной шестерикомъ; каждую лошадь велъ придворный лакей; по одну сторону кареты ѣхали оберъ-полицеймей-

стеръ и полицеймейстеръ съ своими свитами и казаками, по другую начальникъ жандармскаго эскадрона съ двумя жандармами и одинъ изъ адъютантовъ генералъ-губернатора. Взводъ жандармовъ и казачья команда изъ 60 человѣкъ замыкали шествіе.

Кортежъ слѣдовалъ отъ Серпуховской заставы къ Серпуховскимъ воротамъ, по Полянкѣ, черезъ Каменный мостъ, направо, вдоль Москвы рѣки до Москворѣцкаго моста; отсюда кортежъ поднялся налѣво, къ Лобному мѣсту и мимо памятника Пожарскому, чрезъ Воскресенскіе ворота, продолжалъ путь по Тверской до дома графини Разумовской *), назначеннаго для жительства Персидскому принцу. По всему пути стояли войска, отдавая честь послу.

У дома гр. Разумовской находилась на караулѣ рота со знаменемъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до крыльца, Хозревъ-Мирза остановился и принялъ отъ коменданта рапортъ. Отсюда, по разостланному до самаго крыльца, красному сукну, посолъ вступилъ на крыльцо, гдѣ его встрѣтили и поздравили съ благополучнымъ прибытіемъ въ столицу Московскій губернаторъ и члены Губернскаго Правленія. Принцъ вошелъ въ домъ по лѣстницѣ, устланной краснымъ сукномъ, въ сопровожденіи губернатора, коменданта, оберъ-полицеймейстера, камергера Булгакова и главныхъ особъ своей свиты. Въ передней комнатѣ его встрѣтило знатное купечество и поднесло на блюдѣ хлѣбъ-соль, фрукты и цвѣты. Въ комнатѣ передъ гостиною онъ былъ привѣтствованъ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства. Черезъ часъ пріѣхалъ къ принцу самъ генералъ-губернаторъ и поздравилъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Въ Москвѣ Хозревъ-Мирза пробылъ около двухъ недѣль. До Новгорода посольство долженъ былъ сопровождать, по прежнему, генералъ Ренненкампфъ; а въ Новгородѣ его дожидался графъ Сухтеленъ, который потомъ не разставался съ Хозревомъ-Мирзою до обратнаго отъѣзда послѣдняго изъ Петербурга.

23-го Іюля Ренненкампфъ доносилъ графу Сухтелену, что Хозревъ-Мирза намѣренъ выѣхать изъ Москвы 25-го, на разсвѣтѣ, чтобы прибыть въ Петербургъ 30-го числа.

28-го Іюля Хозревъ-Мирза прибылъ въ Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ также съ большими почестями. Здѣсь онъ осмотрѣлъ паровой лѣсопильный заводъ и военныя поселенія со всѣми ихъ заведеніями, причемъ начальникомъ поселеній, Клейнмихелемъ, было отдано распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ принца чрезъ поселенныя

*) Нынѣшнее владѣніе П. И. Шаблыкина, гдѣ помѣщается Англійскій клубъ. П. Б.

роты, хозяева домовъ съ ихъ семействами не выстраивались на улицахъ передъ домами, а выходили бы по своему произволу. Въ округахъ поселеній принцъ останавливался въ квартирахъ, устроенныхъ для пріѣздовъ Государя, а для остановки въ Новгородѣ предложилъ свой домъ князь Шаховской.

По маршруту пріѣздъ принца въ Царское Село былъ назначенъ на 29-е Іюля. Но Сухтеленъ еще 27 числа писалъ изъ Новгорода вице-канцлеру графу Нессельроде, что время, назначенное для проѣзда этого пути, онъ находитъ слишкомъ короткимъ и что Хозреву-Мирзѣ нельзя будетъ пріѣхать въ Царское Село ранѣе 30-го безъ того, чтобы не заставить его скакать на курьерскихъ и не лишить его возможности осмотрѣть военныя поселенія съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ. «Въ особенности — присовокуплялъ Сухтеленъ—у него не будетъ времени приготовить рѣчь, которую онъ долженъ будетъ говорить предъ Государемъ».

Въ военныхъ поселеніяхъ принцъ оставался до 30-го Іюля. Въ это время ему былъ предъявленъ церемоніалъ пріема въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и Петербургѣ и составлены проекты двухъ рѣчей, которыя онъ долженъ былъ произнести на торжественной аудіенціи. По церемоніалу было предположено, что, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петергофъ, Хозревъ-Мирза отправится съ визитомъ къ вице-канцлеру. Отсылая къ гр. Нессельроде проекты рѣчей, гр. Сухтеленъ писалъ, что посолъ намѣренъ во всемъ согласоваться съ программой церемоніала и только одинъ пунктъ подалъ поводъ къ долгимъ пререканіямъ, а именно—визитъ къ вице-канцлеру. Хозревъ-Мирза говорилъ, что онъ готовъ исполнить волю Государя, но опасается отвѣтственности передъ шахомъ, такъ какъ, сдѣлавъ визитъ къ вице-канцлеру первымъ, онъ отступитъ отъ прецедента, установившагося на подобный случай во время Туркманчайскихъ переговоровъ, когда было, между прочимъ, условлено, что министръ шаха первый обязанъ будетъ сдѣлать визитъ Русскому посланнику въ Персіи. Сухтеленъ ссылался на разницу обычаевъ, существующихъ на этотъ счетъ въ Россіи и Персіи. Это, однако, не совсѣмъ успокоило Хозрева-Мирзу, и онъ, согласясь, наконецъ, подчиниться церемоніалу, упрашивалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, визиту былъ приданъ такой видъ, какъ будто Хозревъ-Мирза, получивъ еще въ дорогѣ отъ вице-канцлера приглашеніе заѣхать прямо съ дороги на чашку чаю, на обѣдъ, или завтракъ, вынужденъ былъ принять приглашеніе, чтобы не быть неучтивымъ. Сухтеленъ уступилъ, и между нимъ и Нессельроде было рѣшено, что въ Стрѣльнѣ навстрѣчу посольству выѣдетъ камеръ-юнкеръ князь Волконскій и отъ имени вице-канцлера пригласитъ Хозрева-Мирзу на

чай. При этомъ Нессельроде просилъ Сухтелена внушить Хозреву-Мирзѣ, что цѣлью визита можетъ быть еще и просьба посла доложить объ немъ Государю и получить указанія, въ какомъ порядкѣ онъ долженъ будетъ представиться Его Величеству.

Церемоніалъ торжественной аудіенціи также вызвалъ замѣчаніе со стороны Хозрева-Мирзы. Въ церемоніалѣ было сказано, что когда посолъ, проговоривъ рѣчь, поднесетъ шахову грамоту Его Императорскому Величеству, то Государь Императоръ приметъ оную и отдастъ вице-канцлеру, а послѣдній положитъ ее на приготовленный столъ и потомъ отвѣтствуетъ послу Высочайшимъ именемъ, каковой отвѣтъ прочтенъ будетъ послу на Персидскомъ языкѣ переводчикомъ. Хозревъ-Мирза выразилъ желаніе, чтобы Его Величество изволилъ самъ сказать ему нѣсколько словъ въ отвѣтъ на его рѣчь.

Сухтеленъ замѣтилъ на это, что когда Государь находится подъ балдахиномъ трона, то онъ говоритъ только съ своими подданными, и что на рѣчи посланниковъ онъ всегда отвѣчаетъ не иначе, какъ чрезъ своихъ министровъ.

— Я былъ бы счастливъ стать на этотъ разъ въ положеніе Русскаго подданнаго, съ живостью отвѣчалъ Хозревъ-Мирза.

— Впрочемъ — продолжалъ принцъ—воля Государя Императора для меня законъ (эти слова онъ повторилъ нѣсколько разъ), и я надѣюсь, что, поступая такъ, какъ угодно Его Величеству, я буду безопасенъ отъ всего, чтò можетъ компрометировать меня передъ шахомъ.

Утромъ 30-го Іюля Хозревъ-Мирза закончилъ осмотръ военныхъ поселеній и въ 8-мъ часу выѣхалъ въ Царское Село. Съ нимъ продолжали путь Эмиръ-Низамъ, Мирза-Масудъ, Мирза-Салехъ, Мирза-Баба, Семинό и нѣсколько человѣкъ прислуги; остальные чиновники посольства и прислуга были отправлены наканунѣ, въ сопровожденіи фельдъегеря и двухъ переводчиковъ, прямо въ Петербургъ.

Въ Царскомъ Селѣ Хозрева-Мирзу встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Захаржевскій. По приходѣ во внутреннія комнаты дворца, туда прибылъ оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій и отъ имени Государя поздравилъ принца съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Въ Царскомъ Селѣ посольство оставалось на одинъ день для осмотра достопримѣчательностей. Утромъ 1-го Августа Хозревъ-Мирза и его свита ѣздили на прогулку въ Павловскъ, гдѣ имъ предложенъ былъ завтракъ въ нижнемъ этажѣ дворца. Послѣ обѣда въ Царскомъ Селѣ, окончившагося въ половинѣ 3-го часа по полудни, посольство выѣхало въ Петергофъ. Принцъ Хозревъ, Эмиръ-Низамъ и Мирза-Масудъ ѣхали въ придворныхъ колясках, а прочіе чиновники посольства въ своихъ дорожныхъ экипажахъ. Поѣздъ слѣдовалъ въ такомъ порядкѣ:

впереди въ одной коляскѣ ѣхали Хозревъ-Мирза съ гр. Сухтеленомъ, въ слѣдующей за ними коляскѣ Эмиръ-Низамъ и Мирза-Масудъ, а позади — всѣ остальные путешественники. Въ селѣ Горѣломъ была сдѣлана смѣна лошадямъ.

Государь желалъ, чтобы въѣздъ посольства въ Петергофъ состоялся до сумерекъ, что̀ и было исполнено. Въ Стрѣльнѣ навстрѣчу посланнику выѣхалъ камеръ-юнкеръ кн. Волконскій *) и отъ имени вице-канцлера пригласилъ его на чай. У дворца на караулѣ стоялъ учебный кавалерійскій эскадронъ и отдалъ принцу честь. У кареты Хозревъ-Мирза былъ встрѣченъ двумя чиновниками министерства иностр. дѣлъ, а въ первой комнатѣ его встрѣтилъ самъ вице-канцлеръ. Послѣ угощенія кофеемъ, конфектами и шербетомъ, принцъ отправился въ Монплезиръ, назначенный для его мѣстопребыванія. Здѣсь онъ былъ принятъ Петергофскимъ комендантомъ, а спустя нѣсколько минутъ пріѣхалъ вице-канцлеръ съ визитомъ.

Въ Петергофѣ Хозревъ-Мирза пробылъ нѣсколько дней. Это время было посвящено обсужденію подробностей, касавшихся торжественной аудіенціи, и заботамъ о доставленіи посольству всевозможныхъ удобствъ въ Таврическомъ дворцѣ, который былъ назначенъ для пребыванія принца и его свиты, а равно заботамъ о томъ, чтобы сдѣлать пребываніе въ Петербургѣ вполнѣ для нихъ пріятнымъ.

Въ виду непривычки Персіянъ къ Европейской мебели, въ Таврическомъ дворцѣ было приготовлено множество ковровъ и дивановъ съ подушками. Въ одной изъ комнатъ, назначенныхъ для принца, былъ поставленъ портретъ его отца, Аббаса-Мирзы, въ художественной рамѣ въ Персидскомъ вкусѣ, работы Беггрова, присланный для этой цѣли Сухтелену Монферраномъ. Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Петербурга, принцъ Хозревъ возвратилъ портретъ Сухтелену, съ прибавкою своего литографированнаго.

По правиламъ своей религіи Персіяне не могутъ ѣсть кушанье, приготовленное руками иностранныхъ поваровъ. Одного Персидскаго повара, привезеннаго съ собою Хозревомъ-Мирзою, было недостаточно для цѣлой свиты, поэтому было пріискано нѣсколько поваровъ изъ Татаръ секты шіитовъ. Впрочемъ, не всѣ Персіяне посольства были строгими исполнителями религіозныхъ требованій, и большинство изъ нихъ охотно употребляло Европейскія кушанья.

По непривычкѣ Персіянъ къ Европейскимъ и Турецкимъ приборамъ верховой ѣзды, для нихъ были приготовлены Черкесскія и казачьи сѣдла, а верховыя лошади, рѣзвыя и отлично выѣзженныя, назначены изъ Кавказской команды.

*) Вѣроятно сынъ министра двора, князь Григорій Петровичъ. П. Б.

Къ посольству былъ прикомандированъ большой штатъ чиновниковъ и дворцовой прислуги. Четыре переводчика, два фельдъегеря, столько же урядниковъ и секретарь безотлучно находились при посольской свитѣ. Для услугъ во внутреннихъ комнатахъ было назначено болѣе 80 служителей разныхъ категорій; по конюшенной части состояло свыше 60 человѣкъ, такъ что весь штатъ чиновниковъ и прислуги доходитъ болѣе чѣмъ до 150 человѣкъ.

Обѣдъ посольской свиты и состоящихъ при ней Русскихъ чиновниковъ былъ проектированъ на нѣсколько столовъ. За первымъ столомъ обѣдалъ самъ Хозревъ-Мирза, за вторымъ Мегмедъ-Ханъ, Мирза-Масудъ, Мирза-Салехъ, Мирза-Баба, Мирза-Таги и Гуссейнъ-Али-Бекъ, дядька принца, за третьимъ — Французы Семинὸ и Маньягὸ и переводчики Шаумбургъ, Визиревъ, Кашперовъ и Караоглановъ; четвертый столъ былъ назначенъ для Мирзы-Багира, Мирзы-Джафара, Фазиль-Хана, Мирзы-Мустафы, Али-Ашрефъ-Бека, Джафаръ-Бека, Наурузъ-Бека и Мурзы-Аги-Мушрифа; пятый столъ — для всѣхъ прочихъ служителей миссіи и шестой—для фельдъегерей [1]).

4-го или 5-го Августа состоялся торжественный въѣздъ посольства въ Петербургъ. Переѣздъ изъ Петергофа до пристани у Таврическаго дворца совершился на яхтѣ. При входѣ на яхту принцъ былъ принятъ морскимъ министромъ, немедленно отдавшимъ приказъ къ отплытію. На мачтѣ поднять былъ Персидскій флагъ, и вся эскадра салютовала 21 выстрѣломъ. Противъ новаго адмиралтейства принцъ былъ встрѣченъ капитаномъ порта, а у Исакіевскаго моста — столичнымъ оберъ-полиціймейстеромъ и генералъ-интендантомъ флота. Съ крѣпости салютовали 21 выстрѣломъ. По обѣ стороны гавани, до воротъ Таврическаго дворца, стояли 4 баталіона пѣхоты, а вдоль рѣшотки и на дворѣ—кавалергардскій полкъ; тутъ же находился кара-

---

[1]) По поводу этого распредѣленія столовъ Ренненкампфъ писалъ Сухтелену: „Мнѣ кажется, в. с—во, что во время обѣда принца одинъ или два переводчика должны быть на лицо, но не будутъ ѣсть. Нужно будетъ имъ назначить отдѣльный столъ. Гг. Семинὸ и Маньягὸ слѣдовало бы помѣстить за вторымъ столомъ, чтобы предупредить неловкости въ ихъ поведеніи. На случай, еслибы пріѣхалъ еще кто-нибудь, или еслибы пришлось объясняться съ прислугою, второй столъ также нуждается въ переводчикѣ. Поэтому мнѣ кажется, лучше бы было соединить 2-й столъ съ 3-мъ, исключая Визирева и Караогланова, которые будутъ находится за четвертымъ столомъ, чтобы поддерживать за этимъ столомъ порядокъ между господами, которые не обойдутся безъ приключеній“. Записка эта послѣдовала въ отвѣтъ на письмо гр. Сухтелена, который просилъ Ренненкампфа сдѣлать свои замѣчанія на проектъ распредѣленія столовъ.

По распоряженію вицеканцлера, при посольствѣ ежедневно находились по четыре воспитанника восточныхъ языковъ, какъ для переводовъ, такъ и для упражненія ихъ самихъ въ Персидскомъ языкѣ. Для нихъ были отведены въ Таврическомъ дворцѣ особыя комнаты, и они обѣдали также за третьимъ столомъ.

улъ со знаменемъ и музыкою (этотъ караулъ не снимался потомъ до самаго отъѣзда посольства изъ столицы). У пристани Хозрева-Мирзу ожидалъ губернаторъ, а тотчасъ по прибытіи во дворецъ, туда пріѣхалъ генералъ-губернаторъ и поздравилъ принца съ пріѣздомъ.

Встрѣча посольства, прибывшаго съ далекаго Востока въ Петербургъ съ торжественнымъ извиненіемъ къ Русскому Монарху и Персидскій флагъ, впервые развѣвавшійся на берегахъ Невы, не могли не привлечь множества зрителей. Наплывъ публики, по отзыву гр. Сухтелена, былъ такъ великъ, что онъ рѣдко видалъ подобный. По словамъ того же очевидца, вниманіе Персидскаго принца привлекали то корабли, встрѣчавшіеся и стоявшіе по пути, то строй морскихъ войскъ и кадетъ, то почести, отдававшіяся при встрѣчѣ. Польщенный до глубины блескомъ встрѣчи и очарованный великолѣпіемъ всего видѣннаго, Хозревъ-Мирза былъ такъ пораженъ, что его едва заставили идти со шлюпки прямо во дворецъ.

II.

Пребываніе въ Петербургѣ.—Дневникъ гр. Сухтелена.—Визиты.—Торжественная аудіенція.—Осмотръ достопримѣчательностей.—Представленіе Хозреву-Мирзѣ частныхъ лицъ и поднесеніе ими своихъ произведеній.

Во все время пребыванія въ Петербургѣ Хозревъ-Мирза былъ окруженъ самымъ лестнымъ вниманіемъ и радушіемъ. Умный отъ природы, добродушный, одушевленный благородными чувствами и мыслями и вдобавокъ надѣленный прекрасною наружностью, молодой принцъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ, начиная съ самого Государя. Каждый, съ кѣмъ ему приходилось познакомиться, желалъ сдѣлать ему пріятное, и два слишкомъ мѣсяца, проведенные имъ въ Петербургѣ, прошли для него какъ непрерывный праздникъ.

Когда посольство находилось еще на пути отъ Новгорода въ Петербургъ, гр. Чернышовъ отъ имени Государя писалъ гр. Сухтелену, что Его Величеству угодно, чтобы гр. Сухтеленъ писалъ каждый день, адресуя письма въ собственныя руки Государя и отдавая отчетъ обо всемъ, что̀ происходитъ съ Хозревомъ-Мирзою, что̀ онъ дѣлаетъ и говоритъ. Разумѣется, это повелѣніе Государя было исполняемо въ точности и, благодаря ему, мы имѣемъ подъ руками дневникъ, который гр. Сухтеленъ велъ съ 9 Августа по 17-е Октября (день отъѣзда посольства изъ Петербурга), отмѣчая въ немъ все, что̀, по его мнѣнію, могло интересовать Государя. Въ дневникѣ этомъ, помѣщаемомъ ниже въ полномъ его видѣ, читатели найдутъ множество любо-

пытныхъ подробностей пребыванія Персидскаго посольства въ Петербургѣ; почему въ настоящемъ очеркѣ мы ограничиваемся общимъ описаніемъ этого пребыванія, изложивъ здѣсь изъ бумагъ гр. Сухтелена лишь то, чтò не нашло мѣста въ его дневникѣ.

Въ ожиданіи торжественной аудіенціи, назначенной на 10 Августа, Хозревъ-Мирза и его свита начали осмотръ достопримѣчательностей столицы и принимали и отдавали визиты. Въ это время принцемъ Хозревомъ были, между прочимъ, сдѣланы визиты: гр. Кочубею, адмиралу Мордвинову, кн. Куракину, кн. Лобанову-Ростовскому, гр. Литтѣ, Ланскому, гр. П. А. Толстому, г. Пашкову, кн. П. М. Волконскому, г. Тутолмину, Карцову, гр. Строгонову, генераламъ Сукину, Балашову, Опперману и Васильчикову, кн. А. Н. Голицыну, гр. Нессельроде, генералу Кутузову, кн. Ливену, гр. Сперанскому.

10 Августа въ зимнемъ дворцѣ состоялся торжественный публичный пріемъ посольства [1]). Въ этотъ день обыкновенный караулъ во дворцѣ былъ увеличенъ тремя баталіонами. Съ 11 часовъ утра во дворецъ начали съѣзжаться всѣ имѣющія туда пріѣздъ особы, а купечество по билетамъ. Въ 10 часовъ гр. Сухтеленъ, бывшій предводителемъ церемоніи, отправился церемоніальнымъ шествіемъ для приглашенія посла на аудіенцію. Шествіе предводителя открывалось дивизіономъ конногвардейцевъ съ обнаженными палашами, штандартомъ, трубами

---

[1]) У г. Берже днемъ публичной аудіенціи считается 12-е Августа. Но по бумагамъ гр. Сухтелена выходитъ несомнѣнно, что аудіенція была 10 Августа. Это видно, во 1-хъ изъ оффиціальнаго объявленія камеръ-фурьера Бабкина гр. Сухтелену отъ 9 Августа о томъ, что аудіенція назначена на 10-е Августа; во 2-хъ, изъ слѣдующаго письма оберъцеремонійместера гр. Потоцкаго къ гр. Сухтелену отъ 8 Августа: „Г. графъ! Такъ какъ аудіенція пріема принца Хозрева-Мирзы назначена въ Субботу, 10 Августа, то я долженъ отправиться завтра къ его высочеству, чтобы объявить ему объ этомъ оффиціально и вручить церемоніалъ. Поэтому я покорнѣйше прошу в. с—во дать мнѣ знать, въ которомъ часу я могу выполнить эту формальность“.—Это подтверждается и дневникомъ гр. Сухтелена, изъ котораго видно, что 9 Августа принцъ Хозревъ нарочно оставался дома и никуда не выѣзжалъ, дожидаясь оффиціальнаго визита гр. Потоцкаго для объявленія о днѣ аудіенціи. За 10-е Августа въ дневникѣ Сухтелена совсѣмъ нѣтъ никакихъ замѣтокъ, по той, очевидно причинѣ, что Сухтеленъ не находилъ нужнымъ отмѣчать событіе и безъ того извѣстное Государю. Предположеніе, что аудіенція, назначенная первоначально на 10-е, была отложена до 12 Августа, опровергается тѣмъ же дневникомъ, въ которомъ подъ 12-мъ Августа не только ни словомъ не упоминается объ аудіенціи, а напротивъ описываются совсѣмъ другія занятія и день представляется, такъ сказать, будничнымъ. Можно догадываться, что ошибка г. Берже въ обозначеніи дня аудіенціи произошла отъ того, что, составляя свой очеркъ о Хозревѣ-Мирзѣ по изданнымъ имъ же самимъ матеріаламъ и заимствуя свѣдѣніе о днѣ аудіенціи изъ письма гр. Нессельроде къ гр. Сухтелену, помѣченнаго 12-мъ Августа, г. Берже принялъ это число за день аудіенціи, не досмотрѣвъ, что въ текстѣ письма Паскевичъ извѣщается именно о томъ, что аудіенція состоялась 10-го Августа („Русская Старина“ 1876 г., Декабрь). М. Р.

и литаврами. За посломъ была отправлена богатая дворцовая карета (туда въ ней ѣхалъ предводитель) и четыре другія кареты для его свиты. По прибытіи предводителя въ посольскій домъ, его встрѣтили у самой кареты чиновники свиты Персидскаго посла, на лѣстницѣ — болѣе почетные чиновники той же свиты, а въ первой комнатѣ самъ посолъ. Послѣ взаимныхъ учтивостей, посолъ, его свита и предводитель сѣли въ кареты, и началось шествіе въ зимній дворецъ. Оно направлялось чрезъ Воскресенскую, Литейную, Пантелеймоновскую, чрезъ Висячій мостъ, мимо Лѣтняго сада, на Новую Садовую, Невскій проспектъ и Малую Милліонную. Впереди шелъ дивизіонъ конной гвардіи, затѣмъ, одна за другою, карета предводителя, 4 кареты съ Персидскими чиновниками, 6 дворцовыхъ конюховъ верхами, 4 скорохода, 2 камеръ-лакея и 24 пѣшихъ лакея. Затѣмъ слѣдовала карета, въ которой ѣхалъ посолъ съ предводителемъ: посолъ на первомъ мѣстѣ, а предводитель противъ него. По обѣ стороны кареты шли лакеи, ѣхали камеръ-пажи, Русскій переводчикъ и по два кавалергардскихъ и конногвардейскихъ офицера. Шествіе замыкалъ дивизіонъ кавалергардовъ.

У воротъ дворца чиновники посольской свиты вышли изъ экипажей и пошли къ подъѣзду пѣшкомъ, посолъ же съ предводителемъ подъѣхали за ними къ подъѣзду въ каретѣ. При выходѣ посла изъ кареты его встрѣтили церемоніймейстеръ, два камеръ-юнкера, два камергера и гофмейстеръ, на верхней площадкѣ—оберъ-церемоніймейстеръ, въ первой комнатѣ — оберъ-гофмаршалъ, которые и провели его въ Концертную залу. Здѣсь встрѣтили его оберъ-камергеръ кн. Лобановъ-Ростовскій и оберъ-шенкъ и предложили кофе, дессертъ и шербетъ.

Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и вся августѣйшая фамилія прибыли въ Георгіевскую тронную залу. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ихъ величествъ, остановившихся предъ послѣднею ступенью трона, находился вице-канцлеръ. По обѣ стороны залы помѣстились члены Государственнаго Совѣта, Сенатъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи, главный штабъ, дипломатическій корпусъ, дворъ и всѣ дамы и гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ; въ бѣлой галлереѣ находились армейскіе штабъ и оберъ-офицеры и всѣ прочія особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, а въ большой Мраморной залѣ и первомъ аванзалѣ купечество.

По полученіи высочайшаго повелѣнія о допущеніи посла на аудіенцію, оберъ-камергеръ графъ Литта пригласилъ посла въ Георгіевскій залъ. Предшествуемый встрѣтившими его чинами двора, посолъ вступилъ въ залу, неся грамоту шаха, а за нимъ шли чины его свиты. Изъ свиты Хозрева-Мирзы были представлены ко двору только Эмиръ-

Низамъ, Мегмедъ-Ханъ, Мирза-Масудъ, Мирза-Салехъ, Мирза-Баба, Гуссейнъ-Али-Бекъ, Семинó и двое секретарей принца, которые и въ Персіи удостоиваются чести представляться шаху.

Войдя въ аудіенцъ-залу, посолъ сдѣлалъ первый поклонъ, посреди залы—второй. Здѣсь чиновники Персидской свиты остановились, а Хозревъ-Мирза, подойдя еще на нѣкоторое разстояніе къ Государю, сдѣлалъ третій поклонъ и, остановясь, произнесъ по-персидски свою рѣчь *). Переводъ этой рѣчи по-русски читалъ г. Шаумбургъ. По прочтеніи перевода, посолъ поднесъ грамоту шаха Государю; принявъ оную, Государь передалъ ее вице-канцлеру, а онъ, положивъ грамоту на приготовленный столъ, отвѣтствовалъ послу отъ имени Государя, каковой отвѣтъ былъ прочтенъ послу по-персидски Мирзою-Масудомъ. Этимъ закончилась аудіенція у Государя.

Послѣ того Государь, въ сопровожденіи посла, удалился въ комнату между аудіенцъ-залою и Эрмитажемъ, гдѣ Хозревъ-Мирза представилъ ему своихъ чиновниковъ.

Тѣмъ временемъ Государыня Императрица, въ сопровожденіи двора, изволила перейти въ Малую Тронную, куда явился отпущенный Государемъ посолъ, и тѣмъ же порядкомъ было учинено представленіе посольства ея величеству, при чемъ Хозревъ-Мирза произнесъ также рѣчь.

Въ слѣдующіе за аудіенціею дни посольство вступило въ ближайшее знакомство съ Петербургскимъ обществомъ и продолжало осмотръ достопримѣчательностей. Начался рядъ обѣдовъ и баловъ въ

---

*) Въ бумагахъ гр. Сухтелена сохранился первоначальный проектъ рѣчей посла къ ихъ величествамъ:

I. Рѣчь къ Государю: „Его величество, августѣйшій дѣдъ мой, шахъ Персидскій, отправилъ меня къ вашему императорскому величеству для увѣренія въ прочности мира между обѣими высокими державами и въ непричастіи Персидскаго правительства въ случившемся несчастномъ происшествіи, которое желаетъ онъ, дабы ваше императорское величество соблаговолили предать совершенному забвенію. Съ моей стороны горжусь я столь великою честію, что удостоился представиться вашему импер. величеству, почитая себя чрезмѣрно счастливымъ, что сей выборъ его величества шаха преимущественно палъ на меня изъ всѣхъ сыновей его и внуковъ“.

II. Рѣчь къ Государынѣ: „Почитаю себя чрезмѣрно счастливымъ и возвеличеннымъ, что первый изъ сыновей и внуковъ его величества удостоился я представиться вашему императорскому величеству и доложить объ уваженіи къ вашей августѣйшей особѣ его величества шаха, коему возвышенныя качества и величіе души вашего импер. величества сдѣлались извѣстны“.

Въ рѣчи, произнесенной Хозревымъ-Мирзою на аудіенціи предъ Государемъ, которую читатели могутъ найти въ „Русской Старинѣ“ за 1879 г. (т. XXV, „Хозревъ-Мирза“, очеркъ А. П. Берже), изъ приведеннаго проекта не удержалось ни одного выраженія; рѣчь же, обращенная ка Государынѣ, была измѣнена лишь нѣсколько и прочтена почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ проектѣ. М. Р.

честь принца, который въ свою очередь также давалъ обѣды въ Таврическомъ дворцѣ. Хозревъ-Мирза былъ приглашаемъ присутствовать на маневрахъ, парадахъ, различныхъ торжествахъ и общественныхъ увеселеніяхъ и участвовалъ въ придворныхъ охотахъ. Театръ ему очень нравился, и онъ посѣщалъ его настолько часто, насколько позволяло время. Обыкновенно, на каждый слѣдующій день заранѣе составлялась программа времяпровожденія принца, хотя не всегда была выполняема и нерѣдко измѣнялась.

Въ продолженіе Августа и Сентября Хозревомъ-Мирзою были осмотрѣны Академіи Наукъ и Художествъ, Эрмитажъ, литейный дворъ, монетный дворъ, арсеналъ, 1-й кадетскій, инженерный, морской и горный корпуса, адмиралтейство съ его музеемъ, биржа, берейторская и фехтовальная школы, воспитательный домъ и училище глухонѣмыхъ, Смольный институтъ, болѣе знаменитые храмы столицы, театры, казармы и проч. Осмотры бывали очень продолжительны. Нѣкоторыя учрежденія, какъ напримѣръ Академію Художествъ, принцъ посѣтилъ нѣсколько разъ. Изъ учрежденій, находящихся внѣ города, Хозревъ-Мирза осмотрѣлъ казенный литейный заводъ, Александровскій заводъ, заводы зеркальный и фарфоровый, Охтенскій и Сестрорѣцкій и Царскосельскую бумажную фабрику. Былъ и въ Кронштадтѣ.

Изъ всѣхъ Персіянъ посольства особенную любознательность обнаружили самъ Хозревъ-Мирза и Мирза-Салехъ. Тотъ и другой вели журналы, описывая все, что̀ приходилось имъ встрѣтить замѣчательнаго при осмотрѣ названныхъ учрежденій. Обыкновенно, они отправлялись всюду въ сопровожденіи гр. Сухтелена, и вотъ нѣсколько замѣтокъ, сохранившихся въ его бумагахъ, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя были вынесены Персіянами изъ осмотровъ.

«Послѣ обѣда ѣздили мы въ Академію Художествъ. По оплошности чиновниковъ, назначенныхъ г. президентомъ для встрѣчи посланника, дверь ея была заперта. Увидѣвъ сіе, я обратилъ вниманіе Мирзы на стоящія кругомъ лѣстницы статуи, такъ что, кажется, не далъ ему замѣтить, что его не ждали. Мирза-Салехъ удивлялся колоссальнымъ картинамъ въ конференцъ-залѣ, представляющимъ различные сюжетія Россійской исторіи, восхищался статуею консула Балбуса и прекрасными памятниками древности, наполняющими первую залу академіи. Съ любопытствомъ разсматривалъ онъ модель гранитной горы, на коей стоитъ монументъ Петра Великаго, съ изображеніемъ, какъ ее перевозили далѣе. Взирая на мозаическую картину Св. Павла, говорилъ, что искусство мозаическое извѣстно и въ Персіи, но, за незнаніемъ живописи, ограничивается бездѣлицами. Болѣе всего понравился посланнику бюстъ Государя Императора работы г. Мартоса, назна-

ченный для здѣшней биржи. Благодаря художника, Мирза примолвилъ, что нельзя, трудясь надъ изображеніемъ Его Величества, не сдѣлать его хорошо, но что императору Александру не нужны изваянія, ибо каждый носитъ образъ его въ сердцѣ. Въ немалое также восхищеніе привела его мастерская г. Егорова и особенно прекрасная сего художника картина Благовѣщенія».

«Въ адмиралтейскомъ музеѣ богатое собраніе морскихъ моделей было для него пріятнымъ зрѣлищемъ. Разбирая ихъ, Мирза разспрашивалъ о построеніи кораблей, объ успѣхахъ мореходства въ Россіи, о разныхъ телеграфахъ, и не съ ребяческимъ любопытствомъ, а съ желаніемъ человѣка образованнаго обогатить умъ свой новыми познаніями. Осмотрѣвъ внутренность сего зданія, посланникъ взошелъ на новостроющійся корабль, фрегатъ Эмдгейдъ, и, говоря о составныхъ его частяхъ, вдругъ спросилъ меня, сколько у насъ судовъ. Я хотѣлъ отвѣчать, что какъ главныя силы Россіи суть не морскія, а сухопутныя, то правительство, имѣя множество военныхъ судовъ въ запасѣ, не считаетъ нужнымъ, по мирнымъ отношеніямъ къ другимъ державамъ, имѣть ихъ вооруженными; а потому въ гаваняхъ нашихъ не находится въ готовности столько кораблей, сколько можно выставить, когда настанетъ въ томъ нужда. Но едва я началъ говорить, какъ Мирза, будто понявъ нескромность вопроса своего, прервалъ меня, сказавъ, что имѣетъ гдѣ-то у себя постороннее о семъ извѣстіе».

«Въ Пятницу обозрѣвали мы монетный дворъ и арсеналъ. Мирза, всегда имѣвшій склонность къ наукамъ естественнымъ и обучавшійся имъ въ Англіи, съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ химическія операціи для разложенія и очищенія металловъ. Обозрѣвая паровыя машины, удивлялся ихъ величинѣ, отдѣлкѣ и удобству, говоря, что нигдѣ не видалъ столь хорошо устроенныхъ; садился на полъ, чтобы лучше видѣть рубку и тисненіе монетъ и медалей. Взирая на станокъ для сихъ послѣднихъ, упомянулъ, что таковой же заведенъ и въ Персіи, но испортился и давно уже не въ дѣйствіи».

«Изъ монетнаго двора перешли мы въ соборъ Св. Петра и Павла. Подходя къ гробамъ Россійскихъ государей, посланникъ дѣлалъ вопросы, показывавшіе въ немъ нѣкоторое познаніе Россійской исторіи. При семъ не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ. Взошедши въ церковь, Мирза приблизился къ развѣшаннымъ по стѣнамъ знаменамъ и, какъ будто нарочно, къ тому мѣсту, гдѣ были Персидскія. Полагая, что видъ сей не можетъ быть ему пріятенъ, я старался отвлечь его вниманіе, показывая ему другіе достойные замѣчанія предметы; но посланникъ, примѣтивъ мое намѣреніе, сказалъ:

— Не мѣшайте мнѣ разсматривать потерянные нами трофеи.

— Вы можете утѣшаться, отвѣчалъ я, что у васъ есть много взятыхъ у другихъ народовъ.

— Но вашихъ немного, отвѣчалъ онъ съ серіознымъ видомъ.

«Не могу сказать достовѣрно, какое вліяніе произвело на посланника множество оружія, собраннаго въ арсеналѣ. По обыкновенію своему, онъ внимательно разсматривалъ машины для точенія и сверленія орудій, разспрашивалъ о способѣ обходиться съ пушками; но при видѣ разставленныхъ по обширнымъ заламъ орудій, ни одна черта не перемѣнилась въ лицѣ его: съ видомъ равнодушія спросилъ онъ о числѣ ихъ тутъ и потомъ ни слова не упоминалъ объ арсеналѣ».

Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ особенное вниманіе посланника заняль музей, заключающій модели орудій, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ, съ разными ихъ принадлежностями, модели укрѣпленій, различнаго рода мостовъ, осадныхъ машинъ и проч. Не было ни одной модели, которой Мирза не разсмотрѣлъ бы со вниманіемъ, о которой не разспросилъ бы съ подробностію. Онъ присутствовалъ при разводѣ, посѣтилъ столовую и отвѣдывалъ кушанье воспитанниковъ.

Болѣе другихъ заведеній понравился Мирзѣ - Салеху горный корпусъ.

«Выше сказано—продолжаетъ гр. Сухтеленъ—что естественныя науки и механика суть любимыя его занятія.—«Я страстный обожатель природы», говорилъ онъ мнѣ не разъ. Тутъ дѣлали передъ нимъ разные химическіе опыты, показывали ему модели машинъ, употребляемыхъ въ рудокопняхъ, и каждая внимательно была разсмотрѣна. Вопросы его при семъ случаѣ были лучшимъ доказательствомъ ясныхъ его понятій отчасти и о горномъ искусствѣ».

Наконецъ, минеральный кабинетъ обратилъ все его вниманіе. Года полтара тому назадъ онъ въ Персіи ѣздилъ съ нѣкоторыми Англичанами отыскивать рудники, а потому и могъ судить объ ихъ произведеніяхъ. Надъ каждымъ металломъ, каждымъ камнемъ останавливался онъ по нѣскольку минутъ, требовалъ на все подробныхъ объясненій и, наконецъ, когда должно было оставить сей кабинетъ, сказалъ, обратясь ко мнѣ: «я охотно остался бы здѣсь день и ночь, единственно занимаясь разбираніемъ собранныхъ тутъ рѣдкостей».

«Равно для него было любопытно изображеніе въ хрустальныхъ трубкахъ обращенія крови въ человѣкѣ. Мирза, похваляя искусную отдѣлку, примолвилъ: «у насъ въ Персіи о семъ теченіи крови въ жилахъ не имѣютъ понятія и смѣются тому въ глаза, кто вздумалъ бы сіе утверждать».

«Чугунныя и стальныя издѣлія нашихъ заводовъ не мало удивляли его. Обозрѣвая ихъ, онъ сказалъ, что въ самой Англіи литейное искусство не доведено до такого совершенства».

«Наконецъ, искусственный рудникъ довершилъ восхищеніе посланника: каждая жила останавливала его и была поводомъ къ новымъ вопросамъ и новымъ объясненіямъ».

Предметомъ большаго любопытства была для Мирзы-Салеха литографія, а Хозреву-Мирзѣ это искусство такъ понравилось, что онъ потомъ взялъ съ собою въ Персію полную литографію и мастера-литографа. При осмотрѣ литографіи, принцъ написалъ на копировальной бумагѣ нѣсколько словъ по-персидски и свое имя по-французски; снимокъ съ этого автографа былъ отлитографированъ въ его присутствіи, къ большому его удовольствію.

Пока посольство находилось въ Петербургѣ, графъ Сухтеленъ былъ осаждаемъ просьбами разныхъ лицъ доставить имъ случай представиться Персидскому принцу или поднести ему свои произведенія. Такъ хлопоталъ представиться Хозреву графъ Моденъ. Нѣкто кавалеръ д'Арриги сочинилъ въ честь принца и приподнесъ ему анаграмму и сонеты на Латинскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Какой-то Де-Колла, «шарлатанъ въ родѣ Каліостро» (такъ отзывается объ немъ гр. Сухтеленъ), просилъ Сухтелена посѣтить съ принцемъ Хозревомъ его «кабинетъ, удостоенный уже неоднократнымъ присутствіемъ многихъ высокихъ особъ и обильный очаровательными предметами». Придворный актеръ Иванъ Сибиряковъ и отставной поручикъ артиллеріи Машковъ поднесли посвященные принцу первый—стихи, а второй—поэму своего сочиненія. Сибиряковъ писалъ при этомъ, что его стихи «есть произведеніе человѣка, не получившаго образованія, но одареннаго только природною способностію къ поэзіи; человѣка, имѣвшаго счастіе подносить свои посвященія въ Бозѣ почивающему императору Александру I-му и удостоиться его вниманія, также блаженныя памяти императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ—и отъ обѣихъ заслужилъ награды и благоволенія... того человѣка, который имѣетъ на попеченіи престарѣлую мать, жену, троихъ дѣтей и троихъ родственниковъ! Мои стихи были написаны послѣ первой встрѣчи его высочества, но я не имѣлъ смѣлости, какъ представить ихъ. Ваше сіятельство изволили быть такъ милостивы, что одобрили усердіе товарища моего, Григорьева: это внушило и мнѣ рѣшимость...» и т. д.*).

*) Кто-то, за подписью Г., писалъ графу Сухтелену по поводу этого Сибирякова: „Мирза-Масудъ былъ такъ добръ, что позволилъ мнѣ прислать эту поэму Сибирякова, обѣщая поговорить о немъ принцу и постараться получить что-нибудь pour ce pauvre diable. Будьте добры, в. с—во, если найдете удобнымъ, приказать передать эту книгу Мирзѣ-Масуду. Можетъ быть, онъ успѣетъ въ этомъ добромъ дѣлѣ».

Н. И. Гречъ просилъ о представленіи принцу своей Русской Грамматики. Слѣдующее письмо Греча къ графу Сухтелену по этому поводу довольно любопытно:

«Милостивый государь графъ Павелъ Петровичъ! Препровождая при семъ къ вашему сіятельству два тома изданной мною Русской Грамматики на Французскомъ языкѣ, всепокорнѣйше васъ прошу представить оныя, если сіе возможно, его высочеству принцу Хозревъ-Мирзѣ. Сіе будетъ для него тѣмъ занимательнѣе, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сей книги найдетъ доказательства одного происхожденія и сходства Русскаго языка съ Персидскимъ. Мнѣ хотѣлось было надписать на книгахъ, что подношу оныя его высочеству; но я удержался отъ того, боясь какъ-нибудь нарушить форму, предписанную этикетомъ и мнѣ неизвѣстную. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь пребыть, м. г., в. с—ва всепокорнѣйшій слуга Николай Гречъ. Августа 8-го 1829 г.».

Профессоръ И. В. Буяльскій поднесъ Хозреву-Мирзѣ свою книгу: «Анатомико-хирургическія таблицы, объясняющія производство операцій перевязыванія большихъ артерій». Книга была принята благосклонно, и авторъ просилъ позволенія отослать другія ея части прямо въ Персію на имя принца.

Нѣкто Ольга Лихарева поднесла вышитую подушку; дочь надворнаго совѣтника Елисавета Фауценъ — сафьянный шитый бисеромъ портфель; дѣвицы Безюкины—экранъ изъ цвѣтовъ. Живописцы Шульцъ и Кольманъ поднесли: первый—портретъ Государя, а второй—четыре своихъ рисунка. Аладьинъ, издатель «Невскаго Альманаха», поднесъ экземпляръ своего «Альманаха», а какой-то Доманевскій—стихи Персидскаго поэта Гафиза, положенные на музыку, съ Русскимъ ихъ переводомъ. Одинъ музыкантъ сочинилъ тріумфальный маршъ въ честь принца, партитуру котораго приподнесъ принцу. Маршъ этотъ разыгрывался въ Таврическомъ саду. Актеры Бобровъ и вдова Ботичелли изъ Итальянскаго театра поднесли билеты въ ложу на свои бенефисы. Всѣ эти лица получили подарки, за исключеніемъ Фауценъ и Кольмана, которымъ поднесенія ихъ были возвращены.

Находились желающіе ѣхать съ посольствомъ въ Персію. Такъ, г-жа Хитрова, дочь фельдмаршала Кутузова, просила гр. Сухтелена представить Хозреву-Мирзѣ состоявшаго гувернеромъ при ея воспитанникѣ *), Прусскаго офицера Шутца, который желалъ отправиться въ Персію съ цѣлію открыть тамъ Нѣмецкую школу.

*) Этотъ воспитанникъ былъ графъ Феликсъ Сумароковъ-Эльстонъ. П. Б.

III.

Болѣзнь Хозрева-Мирзы.—Объясненія Эмиръ-Низама съ гр. Сухтеленомъ.—Приготовленія къ отъѣзду.—Подарки розданные посольству.

11-го Сентября Хозревъ-Мирза заболѣлъ. Болѣзнь, вначалѣ незначительная, такъ что принцъ продолжалъ выѣзжать, потомъ усилилась и внушала серіозныя опасенія. Это было воспалительное состояніе кишокъ. Сначала принцъ ограничивался лѣченіемъ у своего врача, Мирзы-Бабы, но потомъ вынужденъ былъ обратиться къ помощи Петербургскихъ врачей, Англичанина Крейтона и доктора Арендта. Выздоровленіе шло медленно и окончательно наступило только 28-го Сентября.

Во время своей болѣзни Хозревъ-Мирза получилъ извѣстіе о болѣзни шаха и нездоровьи Аббаса-Мирзы. Извѣстія эти встревожили посольство. Эмиръ-Низамъ откровенно выражалъ гр. Сухтелену свои опасенія по этому поводу.

Шахъ—говорилъ Мегмедъ-Ханъ графу Сухтелену—давно близокъ къ смерти; онъ даже заказалъ себѣ гробницу и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ мавзолеѣ, который долженъ покрыть его прахъ. Но онъ давно уже обманываетъ надежды Персидскаго народа: онъ все живетъ. Хотя при его царствованіи цивилизація насъ не коснется, но, по крайней мѣрѣ, при его жизни продолжится тотъ миръ, который послѣ него, вѣроятно, нарушится.

«Нездоровье наслѣднаго принца—пишетъ гр. Сухтеленъ въ своей замѣткѣ по случаю бесѣды съ Эмиръ-Низамомъ—нисколько его (Эмиръ-Низама) не безпокоитъ. Болѣзнь, которою Аббасъ-Мирза страдаетъ, происходитъ отъ невоздержности къ женщинамъ,—это обычная болѣзнь въ странѣ, и никто отъ нея не умираетъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ уже поправился. Если бы въ данную минуту шахъ, дѣйствительно, умеръ, или если бы его конецъ былъ близокъ, то Эмиръ-Низамъ не сомнѣвается въ возможности того, что Аббасъ-Мирза ранѣе всѣхъ другихъ соискателей захватитъ въ свои руки тронъ и сокровища шаха. Увѣренность въ поддержкѣ Россіи, если бы таковая потребовалась, есть, по мнѣнію Эмиръ-Низама, первое условіе того, чтобы вся Персія повиновалась Аббасу-Мирзѣ. Онъ опасается только, что тамъ не поторопятся разгласить о благопріятныхъ намѣреніяхъ Русскаго правительства (т. е. въ пользу Аббаса-Мирзы). Нѣсколько батальоновъ на границахъ, пять или шесть—самое большое (Эмиръ-Низамъ такъ ихъ располагаетъ: три въ новыхъ округахъ, Эривани и Нахичевани, и три въ Нижнемъ Араксѣ и Талышѣ) и нѣсколько дру-

жескихъ выраженій со стороны генерала Паскевича, кн. Долгорукова и начальства, командующаго на границахъ, были бы достаточны, чтобы это подтвердить. Аббасъ-Мирза располагаетъ 18-ю пушками [1]), но небольшимъ количествомъ войска. Въ особенности у него мало ружей, которыхъ мы отняли у него, какъ онъ говоритъ, болѣе 12,000; однако ни одинъ изъ принцевъ не могъ бы оказать ему такого вооруженнаго сопротивленія, котораго онъ не былъ бы въ силахъ преодолѣть, и всего вѣроятнѣе, что Русскимъ войскамъ даже не пришлось бы тронуться съ мѣста. Принцъ Али-Шахъ-Мирза, Тегеранскій губернаторъ, братъ Аббаса-Мирзы отъ одной матери, преданъ ему всецѣло. Али-Наги-Мирза, командующій въ Казбинѣ—его лучшій, испытанный другъ, который никогда его не выдастъ. Меликъ-Касимъ имѣетъ пребываніе въ Тавризѣ; онъ былъ воспитанъ Аббасомъ [2]) и хотя про-

---

[1]) Пушки эти были подарены Аббасу-Мирзѣ Государемъ Николаемъ Павловичемъ.

[2]) Въ особой запискѣ подъ заглавіемъ: *Братья Аббаса-Мирзы* графъ Сухтеленъ пишетъ:

„*Меликъ-Касимъ* — воспитанникъ Аббаса-Мирзы, которому шахъ подарилъ его въ раннемъ дѣтствѣ. Подарокъ сына есть знакъ большаго почета со стороны шаха, но обязываетъ тратиться на воспитаніе и будущее обезпеченіе царскаго питомца, отъ котораго его величество так. обр. отдѣлывается. Аббасъ-Мирза ничего не пожалѣлъ, чтобы хорошенько воспитать этого маленькаго брата, которому теперь должно быть 18 или 20 лѣтъ, но кажется, воспиталъ неблагодарнаго: онъ былъ даже вынужденъ отнять у него губернаторство въ Урміи вслѣдствіе тайныхъ происковъ Мелика, которые поселили сомнѣніе въ вѣрности послѣдняго къ брату и воспитателю“.

Въ той-же запискѣ гр. Сухтеленъ дѣлаетъ слѣдующія замѣтки о нѣкоторыхъ изъ сыновей Аббаса-Мирзы, въ томъ числѣ и о Хозревѣ-Мирзѣ:

„Между сыновьями Аббаса-Мирзы надо замѣтить въ особенности слѣдующихъ:

„*Мегмедъ-Мирза*—вѣроятный наслѣдникъ престола, губернаторъ Карадага, имѣющій резиденцію въ Агарѣ, человѣкъ образованный, разсудительный, по необыкновенной для его возроста тучности, которая ему вредитъ. Онъ былъ нѣсколько часовъ нашимъ военноплѣннымъ въ Ардебилѣ, также какъ и слѣдующій“

„*Джангиръ-Мирза,* Ардебильскій губернаторъ, человѣкъ молодой, умный, страстный солдатъ, прекрасной наружности. Онъ только что вынесъ наказаніе отъ отца, будучи выставленъ внѣ дворца въ Тавризѣ на солнечномъ припекѣ, съ обнаженною головой, въ продолженіе двухъ часовъ,—за то, что онъ не съумѣлъ открыть виновника одного убійства, совершеннаго въ его провинціи. Послѣ наказанія онъ былъ отпущенъ, при чемъ съ него взято обѣщаніе быть менѣе небрежнымъ. Хозревъ-Мирза, узнавъ въ бытность въ Петербургѣ объ этой немилости, постигшей Джангира, заперся и плакалъ нѣсколько часовъ. Они братья отъ одной матери“.

„*Байрамъ-Мирза*, комендантъ крѣпости Хои“.

„*Филейдунъ-Мирза*, комендантъ въ Харуси. О немъ хорошо отзываются. Онъ красивъ собою; но, будучи сыномъ невольницы, онъ во всемъ будетъ уступать своимъ братьямъ“.

„*Хозревъ-Мирза*—любимый сынъ Аббаса-Мирзы, воспитанный подъ его надзоромъ, статсъ-секретарь для внѣшнихъ сношеній“.

„Въ гаремѣ находится еще нѣсколько сыновей Аббаса-Мирзы, но они не имѣютъ еще, на сколько мнѣ извѣстно, общественнаго значенія и не занимаютъ никакихъ государственныхъ должностей“.

говорился (послѣ того, какъ лишили его управленія Урміею), что онъ тутъ для того только, чтобы глодать кости послѣ своего великаго брата, однако онъ не внушаетъ опасенія и могъ бы быть развѣ тайнымъ врагомъ. Принцу, который живетъ въ Испагани, только 12 лѣтъ. Карадагъ, Агаръ, Ардебиль и Хоя находятся въ рукахъ сыновей Аббаса-Мирзы, въ которыхъ онъ увѣренъ. Остается единственный и самый опасный претендентъ, это — Гассанъ-Али-Мирза, губернаторъ Хорасана, человѣкъ предпріимчивый, жестокій, котораго всѣ боятся и немногіе любятъ. Смуты, происшедшія во время его пребыванія въ . . . . (точки въ подлинникѣ) заставили его избрать другое мѣстопребываніе, въ сторону къ Испагани. Во всякомъ случаѣ онъ дальше отъ Тегерана, чѣмъ Аббасъ-Мирза, и если бы онъ даже предупредилъ Али-Шаха-Мирзу, то Тегеранскій губернаторъ будетъ настолько силенъ, чтобы отстаивать въ продолженіе нѣсколькихъ дней столицу и права̀ своего брата. Эмиръ-Низамъ полагаетъ, что Аббасъ-Мирза желалъ бы вступить на престолъ мирно, безъ покушенія на жизнь своихъ братьевъ и не лишая ихъ владѣній, хотя онъ рѣшилъ отнять у нихъ впослѣдствіи управленіе провинціями, когда обстоятельства будутъ тому благопріятствовать».

«Слухъ, который дошелъ до Персіянъ—такъ заканчиваетъ свою замѣтку графъ Сухтеленъ — о возвращеніи генерала Паскевича въ Европу, какъ только окончится война *), и что армія возвратится въ предѣлы Россіи, интересуетъ ихъ въ высшей степени, не потому, чтобы они жалѣли о человѣкѣ, котораго такъ боятся, но потому, что опасаются назначенія другаго, который будетъ враждебно относиться къ Персіи».

Вслѣдъ за выздоровленіемъ принца въ посольствѣ начались приготовленія къ отъѣзду. 6 Октября, въ 11 часовъ утра въ зимнемъ дворцѣ Хозреву-Мирзѣ была дана приватная прощальная аудіенція. Съ этого дня отъѣздъ останавливался только ожиданіемъ ѣхавшаго изъ Персіи курьера, который могъ привезти отъ Аббаса-Мирзы какія-либо новыя приказанія. Впрочемъ, ожиданіе курьера служило, повидимому, только предлогомъ замедлить отъѣздъ, такъ какъ Хозревъ, не исполнившій еще нѣкоторыхъ порученій своего отца объ исходатайствованіи у нашего правительства разныхъ милостей, долго не могъ собраться съ духомъ начать свое ходатайство, сознавая, что къ Персіи и безъ того были слишкомъ снисходительны. Послѣ прощальной аудіенціи онъ имѣлъ еще нѣсколько свиданій съ вицеканцлеромъ.

*) Съ Турціею. М. Р.

Передъ отъѣздомъ посольству были розданы богатые подарки. Принцу Хозревъ-Мирзѣ былъ пожалованъ бриллiантовый орелъ для ношенiя на груди, Эмиръ-Низаму орденъ Бѣлаго Орла, Мирзѣ-Масуду перстень съ солитеромъ въ 6 тысячъ рублей, Мирзѣ-Салеху—перстень съ изумрудомъ въ 5 тыс. руб., Мирзѣ-Бабѣ—перстень въ 4 тыс. руб.; дядькѣ принца, Гуссейнъ-Али-Беку—перстень и золотая медаль на голубой лентѣ, съ надписью. Мирза-Масудъ и Семино́, какъ участвовавшiе въ качествѣ коммиссаровъ въ проведенiи границы между Россiею и Персiею по Туркманчайскому договору, получили, кромѣ всѣхъ другихъ подарковъ, первый—1.000 червонцевъ, а второй—500 черв. и орденъ Св. Анны 2 класса. Поэту Фазиль-Хану, за поднесенную имъ Государю оду своего сочиненiя, были пожалованы золотые часы стоимостью въ 800 рублей и бриллiантовый перстень.

10 Октября, при посѣщенiи Хозревомъ-Мирзою императорскихъ фарфороваго и хрустальнаго заводовъ, ему было поднесено болѣе 200 разныхъ роскошныхъ фарфоровыхъ и хрустальныхъ вещей и издѣлiй изъ опала. Тутъ были: портретъ Государя Императора, фарфоровыя вазы съ портретами цесаревича Александра Николаевича и самого Хозрева-Мирзы, расписанные по-китайски золотомъ и красками, умывальники, чаши, тарелки, корзины, чайные и столовые приборы изъ граненаго хрусталя, зеркала, подсвѣчники, лампы, фонари и проч. Портретъ принца на вазѣ отличался, вѣроятно, полнымъ сходствомъ, такъ какъ рисовавшему его художнику императорскихъ заводовъ Голову, по просьбѣ директора заводовъ Пенскаго, предварительно былъ доставленъ гр. Сухтеленомъ случай видѣть Хозрева-Мирзу и, кромѣ того, художникъ руководствовался портретомъ принца, писаннымъ масляными красками.

Эмиръ-Низамъ получилъ свыше ста фарфоровыхъ и хрустальныхъ издѣлiй въ томъ же родѣ; въ такомъ же количествѣ и такого же рода вещи были розданы и прочимъ болѣе важнымъ лицамъ посольской свиты, а девять младшихъ чиновниковъ посольства получили каждый по 30 вещей, состоявшихъ изъ кальяновъ, графиновъ, стакановъ, кружекъ, зеркалъ и проч. Всего фарфоровыхъ и другихъ издѣлiй съ императорскихъ заводовъ было роздано посольству болѣе 840 штукъ.

Хозреву-Мирзѣ очень понравились Китайскiя куклы, находившiяся въ занимаемыхъ имъ комнатахъ Таврическаго дворца. Узнавъ объ этомъ, Государь соизволилъ на отдачу принцу двухъ куколъ, по выбору самаго принца. Гр. Сухтеленъ разсказываетъ, что когда Хозреву предложили сдѣлать выборъ, «онъ въ продолженiе трехъ дней находился въ нерѣшительности и совѣтовался съ своими бородачами (barbes), какiя куклы ему выбрать».

12 Октября были доставлены къ графу Сухтелену отъ директора Азіатскаго департамента Родофиникина, при подробномъ реестрѣ, для врученія посольству 911 аршинъ бархату, сукна и атласу, 283 арш. флёру, кисеи, ситцу и коленкору, 21 хорьковый мѣхъ, цѣною отъ 175 до 250 руб. за штуку, 5 мѣховъ горностаевъ, по 500 руб. каждый, и 30 бѣличьихъ мѣховъ. Принцу было дано пять горностаевыхъ мѣховъ и столько же хорьковыхъ и бѣличьихъ. Лучшіе бархатъ и сукно цѣнились по 34 руб. за арш., атласъ по 4 руб., кисея и ситецъ по 3 руб. Всего матерій и мѣховъ было подарено на 23.864 руб. 75 к.

Изъ депо картъ было отпущено для подарка принцу и его свитѣ по 6 экземпляровъ атласа всѣхъ частей свѣта, Carte Géorgie [1]) d'une partie de la Perse, почтовой карты Россіи, эстамповъ перехода черезъ Нѣманъ и молебствія въ Парижѣ и 6 штукъ буссолей (компасовъ).

Свитѣ принца были розданы кромѣ того денежные подарки: Мирзѣ-Масуду и Мирзѣ-Салеху по 1000 червонц., Мирзѣ-Бабѣ 500 черв., Гуссейнъ-Али-Беку, Мирзѣ-Таги, Мирзѣ-Джафару и Мирзѣ-Багиру по 300 черв., Мирзѣ-Агѣ-Мушрифу, Фазиль-Хану, Али-Ашрефу-Беку и Семинó по 250 черв., Джафаръ-Беку и Наурузъ-Беку по 150. Прислугѣ принца и его свиты было назначено, для раздачи по распредѣленію Эмиръ-Низама, 1000 червонцевъ, изъ которыхъ 200 были выданы учителю принца, Маньягó [2]).

IV.

Отъѣздъ посольства изъ Петербурга.—Пребываніе въ Москвѣ и Тулѣ на обратномъ пути.—Выписки изъ секретнаго журнала посольства.—Выписки изъ писемъ генерала Ренненкампфа.

17 Октября въ часъ пополудни посольство выѣхало изъ Петербурга. За нѣсколько минутъ до отъѣзда, къ Хозреву-Мирзѣ прибылъ гр. П. В. Кутузовъ [3]) и отъ имени Государя Императора пожелалъ ему благополучнаго путешествія. При самомъ выѣздѣ посольства изъ дворца находился губернаторъ, а оберъ-полицеймейстеръ проводилъ принца до шлагбаума. Въ этомъ и заключались всѣ почести проводовъ.

---

[1]) Грузія. М. Р.

[2]) По поводу этой раздачи въ бумагахъ графа Сухтелена находится слѣдующая анонимная записка:

„Его сіятельство графъ Сухтеленъ извѣщается, что два служителя Мирзы-Масуда и одинъ Мирзы-Салеха были исключены изъ числа ихъ товарищей и, слѣдственно, лишены подарка, который Его Императорское Величество повелѣлъ выдать. Надо надѣяться, что его сіятельство пожелаетъ принять мѣры къ тому, чтобы эта несправедливость была устранена". На запискѣ рукою графа Сухтелена написано карандашомъ: „Это была правда. Персидскій раздаватель хотѣлъ воспользоваться, Хозревъ узналъ объ этомъ. Было (секретно) битье по подошвамъ; расправа была учинена..... надъ жалобщиками...." М. Р.

[3]) Тогдашній Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ. П. Б.

Обратное путешествіе посольства совершилось опять въ сопровожденіи генерала Ренненкампфа.

Доѣхавъ до Москвы въ послѣднихъ числахъ Октября, Хозревъ-Мирза пробылъ здѣсь до 7 Ноября. Отсюда 28 Октября принцъ и Эмиръ-Низамъ писали къ графу Сухтелену.

Подробности пребыванія посольства въ Москвѣ на обратномъ пути и нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ путешествіи изложены въ имѣющейся въ бумагахъ графа Сухтелена выпискѣ изъ секретнаго журнала посольства и въ отрывкахъ изъ писемъ ген. Ренненкампфа, которые мы и приводимъ здѣсь сполна.

Заглавіе «выписки» таково: «Выписка изъ секретнаго журнала Персидскаго чрезвычайнаго посольства обратно изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ 1829 года. Въ сопровожденіи свиты Его Императорскаго Величества г. генералъ-маіора Ренненкампфа».

Далѣе слѣдуетъ текстъ выписки, писанной по-русски и обнимающей время съ 31 Октября по 11-е Ноября.

31 Октября.

Персидское чрезвычайное посольство было приглашено на обѣдъ къ кн. Юсупову, на которомъ были также княгини Голицына и Щербатова. По окончаніи обѣда кн. Юсуповъ пригласилъ гостей въ домашній свой театръ, на коемъ его актрисы, показавъ сперва свое искусство въ пѣніи, дали потомъ небольшой балетъ, который принцу довольно понравился. Послѣ сего въ 9 часовъ по полудни принцъ изволилъ отправиться съ первыми 4-мя своими чиновниками на вечеръ къ г-жѣ Дмитріевой, гдѣ участвовалъ въ тѣхъ же играхъ, кои ему столь понравились при дворѣ во время пребыванія его въ Царскомъ Селѣ.

1 Ноября.

Персидское посольство было на большомъ обѣдѣ у князя Сергѣя Михайловича Голицына, а вечеромъ на балу у графини Бобринской, откуда его высочество возвращаясь домой, изъявилъ желаніе въ первый разъ прокатиться въ санкахъ. Ночь была лунная, погода самая тихая, и сія прогулка столько понравилась принцу, что уже въ 3 часа по полуночи изволилъ прибыть онъ къ себѣ на квартиру.

2 Ноября.

Его высочество Хозревъ-Мирза изволилъ у себя дать обѣдъ на 60 особъ, имена коихъ означены въ особенно приложенномъ у сего спискѣ *). За каждымъ Европейскимъ блюдомъ слѣдовало другое, Пер-

---

*) Списка этого въ бумагахъ графа Сухтелена нѣтъ. М. Р.

сидское, которыя показались всѣмъ довольно вкусными. Пріятное и ласковое обращеніе принца съ каждымъ изъ присутствовавшихъ, его веселость и разговорчивость понравились всѣмъ чрезвычайно. За столомъ его высочество предложилъ тосты: первый за здравіе Государя Императора и Государыни Императрицы, второй за здравіе всей августѣйшей императорской фамиліи, на которые г. главнокомандующій князь Голицынъ отвѣтствовалъ предложеніемъ тостовъ за здравіе его величества шаха, наслѣдника Персидскаго престола и самого его высочества. Вечеромъ былъ его высочество у князя Хованскаго, гдѣ впрочемъ недолго изволилъ оставаться.

3 Ноября.

Посѣтилъ его высочество государственный архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ изволилъ долго разсматривать древнія грамоты Россійскія, Турецкія и Персидскія и, удивляясь немало отличному почерку послѣднихъ, замѣтилъ, что въ Персіи нынѣ не могутъ писать столь красиво, а что за каждую таковую грамоту большія дали бы деньги. Изъ архива его высочество изволилъ отправиться въ Армянское училище Лазаревыхъ, гдѣ привѣтствовали его воспитанники приготовленными рѣчами на трехъ языкахъ: Татарскомъ, Армянскомъ и Французскомъ. Вечеромъ его высочество былъ на балу у г. главнокомандующаго князя Голицына, но, почувствовалъ усталось и круженіе головы, скоро оставилъ оный.

4 Ноября.

Его высочество изволилъ откушать у себя и до 7 часовъ пополудни не выѣзжалъ никуда. Вечеромъ былъ на концертѣ въ залѣ Московскаго благороднаго собранія, данномъ семействомъ г. Контскаго, имѣвшимъ счастіе въ С.-Петербургѣ въ присутствіи Государыни Императрицы показать свое искусство.

5 Ноября.

Приготовясь къ отъѣзду изъ Москвы и желая сколько возможно облегчить дальнѣйшее наше путешествіе, рѣшился я *) для тягостей и излишнихъ вещей, которыя посольству не столь нужны могутъ быть въ дорогѣ, нанять извощиковъ для доставленія ихъ въ Тифлисъ, чрезъ что̀ самое можно было бы уменьшить число обывательскихъ лошадей, выставляемыхъ на каждой станціи. Почему, объявивъ о семъ Персидской миссіи, заключилъ я контрактъ съ однимъ подрядчикомъ, въ которомъ обязался онъ всѣ оныя тягости по 10 рубл. съ пуда доставить въ Тифлисъ. Но, не смотря на то, что вышло до 500 пудовъ, отправленныхъ мною съ онымъ подрядчикомъ, число повозокъ немногимъ

*) Пишетъ, вѣроятно, генералъ Ренненкампфъ. М. Р.

уменьшилось, ибо Персіяне во время пребыванія своего въ Москвѣ столько закупили себѣ разнаго рода вещей, что безъ сего средства я приведенъ бы былъ въ большія затрудненія и рѣшительно не зналъ бы, на чемъ поднять оныя.

Его высочество изволилъ принять въ часъ по полудни ординарцевъ и вѣстовыхъ и, откушавъ чай вмѣстѣ съ г. Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ кн. Голицынымъ, отправился осмотрѣть пивоваренный заводъ купца Даніельсона. Производство пивоваренія показалось ему столь легкимъ, что не находилъ никакого затрудненія завести оное въ Тавризѣ. Онъ немало равнымъ образомъ удивлялся чистотѣ, порядку, огромному и красивому заведенію, назначенному для сей промышленности. По осмотрѣніи завода онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ хозяйку онаго и принялъ приглашеніе ея выпить чашку чаю. Послѣ сего пожелалъ онъ осмотрѣть находившуюся по близости отъ завода фабрику шелковыхъ издѣлій купцовъ Рогожиныхъ. Совершенство, до коего доведена у насъ нынѣ въ Россіи (сія) отрасль промышленности, нисколько не уступающая въ издѣліяхъ своихъ иностраннымъ, крайне его изумила. Онъ много разспрашивалъ о цѣнѣ, въ которую обходятся фабриканту самому сіи издѣлія, разчисливъ выгоду, какую онъ отъ нихъ получить можетъ, и чрезмѣрно изумлялся, почему Англійскія и Французскія шелковыя матеріи столь дорого продаются въ Персіи. Взошедши въ контору, съ удовольствіемъ онъ услышалъ, что большая часть шелку употребляемаго на сей фабрикѣ получается изъ Персіи подъ именемъ Команскаго, который, послѣ Италіянскаго, наиболѣе уважается въ Россіи. При выходѣ принца изъ сей фабрики, купцы Рогожины, желая сохранить въ немъ воспоминаніе объ оной, поднесли ему обращики лучшихъ своихъ издѣлій. Послѣ обѣда его высочество изволилъ сдѣлать визитъ княгинѣ Голицыной, откуда вечеромъ отправился въ театръ.

6 Ноября.

Его высочество, изволивъ встать въ 11 часовъ, отправился въ ванну. Во второмъ часу пополудни посѣтили его г. Московскій военный генералъ-губернаторъ и кн. Юсуповъ. Послѣ обѣда изволилъ онъ въ каретѣ прогуливаться по городу. Вечеромъ былъ въ театрѣ, откуда потомъ изволилъ отправиться къ дѣйств. статск. совѣтнику Булгакову *), у коего оставшись на ужинъ, возвратился на квартиру уже въ 2 часа по полуночи.

---

*) Московскому почтдиректору. П. Б.

7 Ноября.

Его высочество, изволивъ раздать награды находившимся при немъ во время пребыванія его въ Москвѣ чиновникамъ и придворной прислугѣ, отправился въ часъ пополудни къ г. главнокомандующему кн. Дмитрію Владимировичу Голицыну, откуда, позавтракавъ, прямо уже отправился въ дорогу. Прощаясь съ кн. Голицынымъ, его высочество, будучи чрезмѣрно растроганъ, съ трудомъ могъ удержать слезы, готовыя показаться изъ глазъ его; но едва сѣлъ только въ карету, какъ далъ полную волю онымъ. Эмиръ-Низамъ, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ, началъ было смѣяться надъ его слабостію, но тѣмъ болѣе еще растрогалъ и заставилъ его признаться, сколь пріятно ему было сообщество кн. Дмитрія Владимировича и сколь тронутъ онъ былъ ласковымъ обхожденіемъ его супруги.

Въ Подольскѣ его высочество, снова будучи встрѣченъ гг. дѣйств. статск. совѣтниками Булгаковымъ и Гедеоновымъ, поблагодарилъ ихъ за сіе вниманіе чувствительнѣйшимъ образомъ и просилъ по возвращеніи ихъ въ Москву доставить къ нѣкоторымъ лицамъ отъ него подарки.

8 Ноября.

Изъ Подольска его высочество изволилъ выѣхать въ 9 часовъ утра. На первой станціи, Лопаснѣ, нашелъ онъ въ одномъ, нарочно убранномъ для сего случая домѣ, хорошій завтракъ, приготовленный для него г. тайн. совѣтн. Нащокинымъ. Многія дамы изъ сосѣдственныхъ мѣстъ, какъ-то семейства: Васильчикова, Гурьева и дѣти Нащокина, желавшія видѣть принца, находились при ономъ. Сіе столь понравилось его высочеству, что, пробывъ на сей станціи болѣе обыкновеннаго, изволилъ сказать, что онъ не иначе можетъ почитать сіе путешествіе, какъ пріятною для себя прогулкою. На сей станціи его в—во обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить прибывшему во время завтрака въ оное мѣсто одному знакомому Англійскаго доктора Кормика, г. Меньяну, ѣдущему съ своимъ семействомъ въ Тифлисъ, слѣдовать вмѣстѣ съ посольствомъ. Видя, что сіе желаніе принца непремѣнно и не находя причины отказать ему въ ономъ, тѣмъ болѣе, что означенная особа будетъ отъ себя платить прогонныя деньги, принужденъ я былъ на сіе согласиться.

По прибытіи нашемъ въ гор. Серпуховъ, гдѣ назначено имѣть ночлегъ, узналъ я отъ адъютанта Московскаго военн. ген.-губернатора лейбъ-гвардіи поручика кн. Щербатова, что рѣка Ока уже стала и безъ всякой опасности можно намъ будетъ завтра переправиться; но, желая самъ лично въ семъ увѣриться, отправился я къ оной и выбралъ для переправы одно мѣсто въ 5-ти верстахъ отъ города, гдѣ ледъ показался мнѣ болѣе надежнымъ.

9 Ноября.

Въ 7 час. утра, давъ приказаніе переправить напередъ пустые экипажи для большей безопасности, выѣхали мы изъ Серпухова на санкахъ, на коихъ и переправились благополучно черезъ рѣку. Самъ же его высочество съ первыми четырьмя особами пожелалъ перейти оную пѣшкомъ. На второй станціи, Вошанѣ, гдѣ останавливались мы для обѣда, его высочество почувствовалъ было боль въ животѣ, но оная скоро потомъ миновалась.

Въ 8 часовъ пополуночи изволилъ прибыть его в—во въ Тулу и былъ встрѣченъ на своей квартирѣ г. гражданскимъ губернаторомъ, генералъ-лейтенантомъ Штаденомъ и прочимъ мѣстнымъ начальствомъ.

10 Ноября.

Его высочество изволилъ встать въ 10 часовъ, отправился въ приготовленную въ его квартирѣ баню; по выходѣ изъ оной, принималъ мѣстное начальство, ординарцевъ и вѣстовыхъ. Мирза-Масудъ, Мирза Салехъ, капитанъ Семинò и г. Маньягò, получивъ приглашеніе на обѣдъ отъ г. статск. сов. Мазаровича, отправились къ нему въ саняхъ, въ сопутствіи кол. ассесора Шаумбурга, въ деревню Болговъ, отстоящую отъ Тулы въ 13 верстахъ, откуда къ 6 часамъ пополудни возвратились назадъ. Прочіе чиновники посольства занимались сей день покупкою для себя ружей, пистолетовъ и другихъ стальныхъ вещей. Вечеромъ его высочество изволилъ отправиться на балъ въ благородное собраніе, на которомъ впрочемъ недолго оставался.

Извлеченіе изъ писемъ ген.-маіора Ренненкампфа мы приводимъ также дословно.

«*12 Марта* *) онъ сопровождалъ Хозревъ-Мирзу до Аракса. Потомъ находился при фельдмаршалѣ въ экспедиціи противъ Джаровъ. Онъ препровождаетъ свѣдѣнія о Восточныхъ нарѣчіяхъ, которыя имъ собраны по желанію барона Гумбольдта, прося о доставленіи оныхъ, если послѣдуетъ на то соизволеніе начальства. Далѣе пишетъ, что Аббасъ-Мирза выѣхалъ изъ Тавриза на охоту единственно во избѣжаніе посѣщенія трехъ женъ шаха, ѣдущихъ въ Мекку, и чтобы не быть вынужденнымъ приносить симъ дамамъ богатые подарки. Онъ полагаетъ, что князь Долгорукой выѣхалъ въ Ширазъ по приглашенію шаха».

«*27 Марта.* Весна въ Грузіи прекраснѣйшая. Фельдмаршалъ, получивъ извѣстіе о скоромъ выѣздѣ Его Императорскаго Величества въ Варшаву, отмѣнилъ свой выѣздъ въ С.-Петербургъ и приказалъ

*) 1830 года.

возвратить въ Тифлисъ экипажи и вещи, которые уже были отправлены впередъ. Мы въ скоромъ времени полагаемъ быть готовыми для новой экспедиціи къ сторонѣ Кубани, а на лѣто соберемся на горячія воды, гдѣ въ семъ году ожидаютъ много посѣтителей. Чума въ провинціяхъ нашихъ на линіи вовсе прекратилась. По письму, отъ Мирзы-Масуда полученному, Хозревъ-Мирза имѣлъ выѣхать 15 Марта въ Ширазъ, куда и Мирза-Масудъ сопровождаетъ его, по волѣ шаха».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо Хозрева-Мирзы къ графу Сухтелену.

Сіятельнѣйшій графъ, любезнѣйшій другъ! По истинѣ, разлука съ вами весьма ощутительна. Безпокойства ваши по должности пристава при мнѣ и взаимная ваша дружба были слишкомъ очевидны. Почему, при настоящемъ отправленіи курьера, привязанность, любовь моя къ вамъ заставляютъ взять перо и привести на память пріятное время, нами проведенное.

Съ курьеромъ симъ прислано мнѣ двѣ стклянки самыхъ лучшихъ духовъ, которыя, ежели бы не было противно приличію, я бы желалъ черезъ васъ, любезнаго моего друга, представить въ даръ Ея Императорскому Величеству, или кому вамъ самимъ угодно будетъ. Впрочемъ, надѣюсь, что вы сохраните меня въ своей памяти и будете увѣдомлять о всѣхъ своихъ обстоятельствахъ, чтò доставитъ большое удовольствіе. (*На оборотѣ въ печати* :) Хозревъ-Мирза.

1245 года.
1829 Октября 28 дня.

P. S. Я обѣщался, любезнѣйшій другъ, подарить (?) саблю, но по случаю отъѣзда позабылъ; теперь, препровождая ее, прошу васъ принять трудъ доставить.

II.

Письмо Эмиръ-Низама къ графу Сухтелену.

24-го Октября, получивъ курьера*), мы озарены были сіяніемъ столицы великаго государства Иранскаго. При отправленіи настоящаго курьера я вмѣнилъ себѣ въ обязанность искреннѣйшей дружбы увѣдомить, что любезное вашего сіятельства обращеніе и заботливая попечительность во время нашего въ Петербургѣ пребываніи не только никогда не истребятся изъ моей памяти, но единая благодарность и похвалы будутъ залогомъ признательныхъ чувствованій. И отъ дружбы вашего сіятельства про-

*) Изъ Персіи. М. Р.

шу единственно радовать меня пріятными письмами въ знакъ вашего ко мнѣ памятованія. Не смотря, однакоже, на возвращеніе наше, по связямъ съ опытными и мудрыми вельможами государства Россійскаго, сердце и мысли мои, чувствующія вполнѣ одолженія, стремятся къ вамъ. При семъ убѣдительнѣйше и покорнѣйше прошу ваше сіятельство засвидѣтельствовать предъ Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею, что благодѣянія и щедроты ихъ величествъ, излiянныя на принца, онъ сохранитъ по конецъ своей жизни, будетъ навсегда гордиться ими и возсылать мольбы объ ихъ благоденствіи.

Въ заключеніе прошу васъ вручить отъ имени принца Англичанину, находившемуся при лѣченіи его по высочайшему повелѣнію, одну шаль—термя, а другую—переводчику Мирзѣ-Джагфару. Обѣ онѣ отправлены съ курьеромъ Баба-Бекомъ, и вы, по расположенію вашему, не откажетесь принять трудъ доставить помянутымъ лицамъ.

28 Октября
1829.

III.

Сіятельнѣйшій графъ, любезнѣйшій другъ! Въ день отъѣзда нашего изъ Петербурга по многимъ различнымъ занятіямъ нѣкоторыя особы были забыты; а потому его высочество тѣмъ, которыхъ онъ припомнилъ, съ настоящимъ курьеромъ Баба-Бекомъ отправилъ подарки: генералу-начальнику стекольнаго завода и генералу Аделунгу, коего сынъ погибъ въ возмущеніи въ Тегеранѣ, по одной шали, и еще генералу (?), коему, вмѣсто шали, 40 червонныхъ, прося извиненія за всѣ безпокойства имъ причиненныя. Впрочемъ, поручая себя искренней дружбѣ и памяти, прошу не лишать увѣдомленія о себѣ.

P. S. Мирза-Салехъ и Мирза-Масудъ свидѣтельствуютъ свою благодарность и высокопочитаніе

Октября 28 дня.

Перевелъ съ Персидскаго надворный совѣтникъ и кавалеръ Януарій Ярцовъ *).

IV.

Переводъ оды сочиненной Персидскимъ поэтомъ Фазиль-Ханомъ въ честь государя императора Николая Павловича.

О, царь великодушный! Ты, у коего на стражѣ стоятъ цари, подобные Александру, коего дворъ исполненъ Даріями! Царь царей міра, пове-

*) Подлинники писемъ, писанные по-персидски, имѣются въ бумагахъ гр. Сухтелена. На письмѣ Хозрева-Мирзы красная сургучная печать, а на конвертѣ, послѣ адреса, писаннаго по-персидски, прибавлено по-русски нетвердымъ и неразвитымъ почеркомъ: „Другу моему графу Сухтилину“. Переводъ Ярцова мы привели дословно. Кому принадлежитъ третье письмо—неизвѣстно, но надо полагать, что оно отъ Эмиръ-Низама. М. Р.

литель духовъ и людей! Звѣзда, подъ которою ты родился подобно Гумаю [1]) основана на престолѣ счастія; златыя крылья осѣняютъ тебя какъ симурга [2]), престолъ твой возвышенъ какъ Кафъ [3]); твое величіе какъ тѣнь Бога, твоя добродѣтель блещетъ какъ солнце.

Ты повелитель временъ. Твои собратія омываютъ главы свои пылью вратъ твоихъ. Великій, подобный Солейману! Вѣнценосцы гордятся тѣмъ, что преклонили главы свои на прахъ твоего порога. Дворецъ твой—вселенная; алтарь лица твоего подобенъ Меккѣ, предъ которою всѣ преклоняютъ колѣна; твое рѣшеніе есть рѣшеніе судьбы всемогущей, повелѣнія твои суть главы въ книгѣ предопредѣленія. Твое величіе гремитъ въ предѣлахъ вселенной; солнце—вѣнецъ твой, тронъ—сводъ небесный. Твоимъ правосудіемъ пожигается коварство; справедливость твоя освѣщаетъ міръ, гнѣвъ твой страшенъ какъ преисподняя; твое благоволеніе порождаетъ счастливцевъ.

Солейманъ нашихъ временъ! Солнце нашего вѣка! Ты служишь украшеніемъ вѣнцу и престолу, украшеніемъ блеску и величію. Но сравнивать тебя съ Солейманомъ еще не есть говорить о твоей славѣ, — нѣтъ! Міръ со всею пышностью и со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ есть лишь меньшій изъ твоихъ подданныхъ. Не только міръ тебѣ подвластенъ, но даже Паскевичъ, возжегшій такой огонь на землѣ, что рыба, на коей она основана, ищетъ убѣжища, что луна ищетъ, гдѣ бы укрыться. Ты блестящій перлъ изъ рудниковъ блаженства, ты драгоцѣнный алмазъ изъ моря царей царствующихъ. Низведи благосклонный взоръ на Фазиля Шейду, съ униженностью стоящаго предъ твоими чертогами, прахомъ дверей которыхъ всѣ смѣртные отираютъ глаза свои! Хотя Фазиль не оказалъ еще тебѣ никакой услуги, но по великодушію своему пріими его въ число рабовъ твоихъ. Онъ подобенъ муравью, который гордится тѣмъ, что принесъ во дворецъ Солеймана часть ноги кузнечика [4]). Онъ ропщетъ на превратность судьбы: дай способъ воспротивиться ей, или укажи ему дверь другаго могущества твоему подобнаго. Но что́ говорю я? Да наполнятся прахомъ уста мои! Неужели таковая дверь существуетъ? Солнце неба величія! Такія слова не могутъ быть произнесены. Пока небо стоитъ неподвижно, пока земля обращается, ты будешь служить осью земли, солнцемъ и мѣсяцемъ небу; счастіе твое неподвижно какъ небо, твердыня твоей славы будетъ блестѣть подобно тверди лазурной.

Двѣ красоты отличаютъ стихи мои, какъ мускусъ душистый: первая, что въ нихъ, хотя не во многихъ словахъ, но выражена часть твоего достоинства; вторая—то, что я не льстилъ тебѣ, какъ льстили другіе поэты другимъ государямъ. Но во всемъ, что́ я сказалъ, правда; нѣтъ ни слова

[1]) Гумай—баснословная птица, соотвѣтствующая фениксу.
[2]) Симургъ—тоже птица, имѣющая золотыя крылья.
[3]) Кафъ—высочайшая гора въ свѣтѣ.
[4]) Восточное преданіе.

ливаго. Стихи сіи чистотою и простосердечіемъ равны Дѣвѣ Маріи. Отъ пламени твоего справедливаго гнѣва въ пепелъ обращены вертепы возмущеній, и поле надеждъ орошено каплями дождя твоей щедрости.

О средоточіе неба! Солнце и луна всякое утро и вечеръ омываютъ очи прахомъ дверей твоихъ: какъ же мнѣ не омыть лица своего симъ прахомъ, душистымъ какъ мускусъ?

V.

Изъ стиховъ графа Хвостова, посвященныхъ Фазиль-Хану-Шейдѣ по случаю воздухоплаванія Робертсона, на которомъ автору случилось быть съ Персидскомъ поэтомъ, 1829 Августа 19 дня.

Не умолчитъ правдивое потомство
Высокихъ душъ прямое благородство
И огласитъ, остепеня молву,
Что Внукъ Царевъ державнаго Востока,
Едва узрѣлъ седмьхолмную Москву,
Средь быстраго любви и чувствъ потока,
Искалъ въ ней мать—печальную жену,
И лѣтъ числомъ, и горемъ удрученну.
Онъ, оцѣня потерю драгоцѣнну,
Съ родившею тоски ея вину
О сынѣ [1]) скорбь, рыданье раздѣляетъ
И слезъ потокъ, сострадя, отираетъ.
Уныніе, печаль, души яремъ,
Является отрадъ, надеждъ лучемъ.
Безсмертенъ на землѣ высокій даръ поэта:
Звѣзда Фирдусія среди вѣковъ горитъ,
Не истлѣваетъ прахъ въ предѣлахъ дальнихъ свѣта
И лучъ живительный изъ нѣдръ могилъ даритъ.

Дневникъ графа П. П. Сухтелена о пребываніи Персидскаго посольства въ Петербургѣ въ 1829 году.

(Переводъ съ Французскаго).

29 Іюля 1829 г., когда Персидское посольство, сопровождаемое гр. Сухтеленомъ, находилось еще на пути изъ Новгорода въ Петербургъ, гр. Чернышовъ писалъ Сухтелену отъ имени Государя, что его величество желаетъ, чтобы Сухтеленъ писалъ каждый день, адресуя письма въ собственныя ру-

[1]) Къ автору писали, что его высочество принцъ Хозревъ-Мирза посѣтилъ Настасью Ѳедоровну, родительницу покойнаго А. С. Грибоѣдова, сострадалъ съ ней о справедливой ея печали и участіемъ и привѣтствіями своими старался хотя нѣсколько облегчить грусть материнскаго сердца. *Примѣч. графа Хвостова.*

ки Его Величества и отдавая отчетъ обо всемъ, что́ происходитъ съ принцемъ Хозревомъ-Мирзою, что̀ послѣдній дѣлаетъ и говоритъ. Съ цѣлію точнѣйшаго исполненія воли Государя и былъ веденъ гр. Сухтеленомъ предлагаемый дневникъ, въ которомъ онъ обращается иногда къ особѣ Государя во второмъ лицѣ.

Дневникъ начинается 9 Августа. Онъ писанъ по-французски на листахъ почтовой бумаги малаго формата, начерно, съ помарками и поправками, а 9, 11, 12 и 13 числа Августа записаны на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги.

М. Розановъ.

9 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ-Мирза желаетъ провести утро дома, для того, какъ онъ говоритъ, чтобы отмѣтить въ своемъ дневникѣ наиболѣе замѣчательное изъ того, что̀ онъ видѣлъ вчера въ Академіи Художествъ, а главное—въ ожиданіи оффиціальнаго визита гр. Потоцкаго, который пріѣдетъ объявить сему о днѣ аудіенціи. Принцъ желаетъ въ будущій Вторникъ снова посѣтить академію: его зрѣніе и память не въ состояніи были разсмотрѣть и запомнить столько предметовъ за разъ. Одинъ кабинетъ восточныхъ монетъ занялъ у него около двухъ часовъ времени.

Воскресенье, 11 Августа.

Принцъ Хозревъ-Мирза будетъ принимать сегодня утромъ, съ 12 до 2 часовъ визиты гг. офицеровъ гвардіи, которыхъ онъ зналъ прежде въ Дей-Караганѣ и Туркманчаѣ *). Его высочество высказалъ предположеніе отправиться въ Эрмитажъ.

Понедѣльникъ, 12 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ-Мирза желаетъ сегодня, въ 1 часъ по полудни посѣтить арсеналъ, а въ 4 часа онъ отправится на обѣдъ къ князю Волконскому. Его высочество проведетъ вечеръ, вѣроятно, за изготовленіемъ своихъ депешъ, которыя всегда объемисты, къ періодическому отъѣзду курьера по Вторникамъ. Впрочемъ, принцъ не любитъ загадывать впередъ чего бы то ни было, и не всегда бываетъ возможно предвидѣть, что́ онъ будетъ дѣлать. Такъ, вчерашняя его не-

*) Списокъ этихъ офицеровъ: лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Хвощинскій, штабсъ-капитаны Озерецковскій, Кушелевъ, Бахтинъ, поручикъ Лагода, подпоручики Воропай, Багговутъ, Павроцкій, Полуграблиновъ, батальоннаго штаба лѣкарь Славчанскій; лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка полковникъ Шебеко, капитаны Майборода, Ломоносовъ, Пущинъ, штабсъ-капитаны Меллинъ, Ассіеръ, поручики Трегубовъ, Карякинъ, Лелякинъ и подпоручикъ Ховенъ.

рѣшительность насчетъ прогулки верхомъ и концерта, на которомъ онъ присутствовалъ, продолжалась до той минуты, когда надобно было садиться въ карету. Принцъ былъ въ восторгѣ отъ своего вечера.

Впрочемъ, распредѣленіе утренняго времени до Пятницы, 16 числа, сдѣлано слѣдующее:

Втроникъ, 13-го. Посѣщеніе военной школы въ 12 ч. утра и во второй разъ въ музей Академіи Художествъ.

Среда, 14-го. Въ первый кадетскій корпусъ въ 11 часовъ. Отъ 2 до 4 часовъ принцъ будетъ принимать визиты.

Четвергъ, 15-го. Отъ 12 до 2 часовъ пріемъ визитовъ, отъ 2 до 4 часовъ — въ Эрмитажъ и зимній дворецъ, а потомъ обѣдать къ вице-канцлеру.

Пятница, 16-го. Въ 12 часовъ—въ горный институтъ.

(приписка карандашомъ): Въ Пятницу вечеромъ—Академія живописи, въ субботу—Академія Художествъ.

Вторникъ, 13 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ-Мирза поѣдетъ сегодня смотрѣть только военную школу, откладывая до Субботы свой второй визитъ въ академію. Его высочество поѣдетъ въ назначенный часъ въ Елагинскій дворецъ, чтобы представиться Государынѣ Императрицѣ. Вчера онъ сдѣлалъ репетицію, какъ онъ будетъ цѣловать ея руку.

Среда, 14 Августа 1829 г.

Хозревъ-Мирза посѣтитъ въ 11 часовъ первый кадетскій корпусъ. Съ 2 до 4 часовъ онъ будетъ принимать церемоніальные визиты. Если погода будетъ хороша, принцъ желаетъ сдѣлать вечеромъ прогулку по островамъ верхомъ или въ дрожкахъ.

Четвергъ, 15 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ былъ въ восторгѣ отъ вчерашняго посѣщенія перваго кадетскаго корпуса. Ему предложили записаться въ книгу посѣтителей, и онъ прекраснымъ почеркомъ написалъ приблизительно слѣдующее: «Среда 25 мѣсяца Сефера 1245 года я посѣтилъ сей корпусъ. Установленныя въ немъ правила для воспитанія молодыхъ людей мнѣ чрезвычайно понравились. Я полагаю, что они во многомъ превосходятъ всѣ подобныя учрежденія въ другихъ государствахъ. Хозревъ-Мирза».

Пріемъ гостей, который превосходно былъ выполненъ принцемъ, чрезвычайно утомилъ его. Онъ не пожелалъ выѣхать вечеромъ, но много гулялъ по саду и по большому залу. Его высочество особенно полюбилъ дѣтей г-жи Нейдгардтъ.

Сегодня его высочество будетъ принимать церемоніальные визиты отъ 12 до 2 часовъ. Потомъ онъ, можетъ быть, поѣдетъ осматривать Эрмитажъ, прежде чѣмъ отправиться на обѣдъ къ графу Нессельроде.

Было секретное совѣщаніе насчетъ мундира, который принцъ будетъ носить. Вѣроятно, это будетъ мундиръ сарбазскій: зеленый кафтанъ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и широкія суконныя панталоны, заправленныя въ сапоги.

Гг. Howe, медикъ, и Oll, Англичане, провели часть вчерашняго утра у Мирзы-Баба. Эти господа живутъ насупротивъ дворца великаго князя, въ домѣ Жербина.

На косвенное предложеніе послать карточку принца фельдмаршалу, сдѣланное мною чрезъ г. Шаумбурга, ему отвѣтили замѣчаніемъ, что его сіятельство пріѣхалъ послѣ принца.

Пятница, 16 Августа 1829 г.

Сегодня Хозревъ-Мирза будетъ осматривать горный корпусъ, а вечеромъ поѣдетъ въ театръ.

Вчера фельдмаршалъ сдѣлалъ принцу визитъ передъ самымъ его отъѣздомъ на обѣдъ къ вице-канцлеру. Принцъ пригласилъ его сіятельство отправиться туда вмѣстѣ. Онъ выразилъ мнѣ свое желаніе наградить небольшою суммой придворныхъ служителей, которые находились въ его кортежѣ въ день аудіенціи (онъ называетъ этотъ день своимъ счастливымъ днемъ). Я предложилъ сперва справиться о числѣ лицъ, составлявшихъ свиту, думая такимъ образомъ выиграть довольно времени, чтобы получить приказанія на этотъ счетъ; но принцъ меня предупредилъ, приславъ вчера 400 червонцевъ при письмѣ Мирзы-Масуда. Эти деньги еще у меня. Я имѣлъ честь увѣдомить объ этомъ князя Волконскаго *).

Эмиръ-Низамъ сообщилъ мнѣ вчера, что принцъ и его свита, при отъѣздѣ изъ Тавриза, получили приказаніе не сближаться ни съ какими иностранными миссіями. Видя, однакожъ, что невозможно будетъ избѣгать встрѣчъ съ дипломатическимъ корпусомъ и въ особенности съ Англичанами (какъ-то докторъ Korniagh), которые всѣ его старые знакомые, онъ рѣшился посовѣтоваться объ этомъ со мною. Я отвѣчалъ (полагая, что такой отвѣтъ будетъ хорошъ), что принцъ и лица, принадлежащія къ посольству, вольны располагать своими знакомствами, какъ между иностранцами, такъ и между Русскими; что, по моему мнѣнію, приличнѣе будетъ не разрывать знакомства

*) Министръ Двора.

съ старыми друзьями и отнюдь не избѣгать вообще видѣться съ иностранцами; но что будетъ совершенно естественно, если гг. Персіяне, будучи нашими гостями, станутъ видѣться предпочтительно съ Русскими, которые такъ радушно ихъ принимаютъ.

Г. вице-канцлеръ увѣдомленъ мною объ этомъ объясненіи [1]).

17 Августа.

Вчера Хозревъ-Мирза большую часть дня провелъ дома послѣ того, какъ ему поставили піявокъ къ уху. Но вечеромъ онъ не могъ устоять противъ желанія быть въ спектаклѣ, хотя съ завязаннымъ ухомъ. Сегодня утромъ, если позволитъ здоровье, онъ поѣдетъ въ Академію Художествъ, а потомъ въ Эрмитажъ. Вечеромъ онъ надѣется не пропустить бала у графа Потоцкаго.

Сарбазскій мундиръ его высочества еще не готовъ. Онъ будетъ почти такой же, какъ тотъ, который принцъ носилъ въ Тавризѣ до назначенія его въ званіе тайнаго секретаря по внѣшнимъ сношеніямъ и когда онъ, по обычаю, замѣнилъ кинжалъ свиткомъ бумаги, какъ носятъ ихъ мирзы.

18 Августа, Воскресенье.

Вчерашній день Персидскій принцъ провелъ въ уходѣ за своимъ ухомъ, чтобы уничтожить въ немъ воспаленіе. Послѣ 3-хъ часовой ванны, онъ пришелъ пить чай въ большой залъ, куда велѣлъ пригласить для прогулки всѣхъ дамъ, живущихъ во дворцѣ, приказавъ зажечь нѣсколько лишнихъ свѣчей. Дамъ угощали Персидскими конфектами, сдѣланными на бараньемъ салѣ. Послѣ того принцъ, хотя еще нѣсколько больной, отправился на балъ. Онъ какъ будто боится, чтобы его не сочли за нѣженку. Онъ остался очень доволенъ подаркомъ двухъ ружей, которыя я имѣлъ честь передать ему отъ имени Его Величества Государя Императора [2]).

---

[1]) Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе графъ Нессельроде писалъ Сухтелену въ тотъ же день: „Я могу только одобрить, любезный графъ, отвѣтъ, который вы дали по поводу визитовъ иностранцамъ. Могущія произойти по этому поводу зависить и недовѣріе были бы мелочны и недостойны въ отношеніи политики великой державы“.

[2]) Ружья были присланы къ гр. Сухтелену кн. Волконскимъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый государь мой графъ Павелъ Петровичъ. Государь Императоръ, узнавъ что его высочество принцъ Хозревъ-Мирза на послѣдней охотѣ въ Петергофѣ желалъ имѣть двухъ-ствольное ружье, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ послать ему въ подарокъ два двухъ-ствольныя ружья нашего Тульскаго завода, которыя при семъ препровождая, прошу вручить его высочеству отъ имени Его Величества и притомъ увѣдомить меня о здоровьѣ его высочества и поѣдетъ ли сегодня на балъ къ гр. Потоцкому. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и т. д. К. Петръ Волконскій“.

Съ той же охоты былъ присланъ козленокъ, убитый Государемъ, съ приказаніемъ изготовить его на обѣдъ принцу.

На сегодня нѣтъ росписанія, кромѣ того, что его высочество пригласилъ къ себѣ обѣдать генерала Бенкендорфа.

19 Августа, Понедѣльникъ.

Вчера принцъ Хозревъ выѣзжалъ только для осмотра ботаническаго сада. Онъ обѣдалъ вчера съ генераломъ Бенкендорфомъ, а вечеромъ долго гулялъ съ дамами въ большомъ залѣ. Онъ любезно водилъ подъ руку мамзель Нелидову [1]).

Увидавши г-жу Закревскую на балконѣ ея дачи, его высочество пошелъ сдѣлать ей визитъ.

Принцъ желаетъ отправиться сегодня посмотрѣть полетъ воздушнаго шара.

Я узналъ, что принцъ хочетъ испросить у вице-канцлера свиданіе, послѣ котораго немедленно отправитъ г-на Семинô курьеромъ въ Персію.

Сегодня Эмиръ-Низамъ пустилъ себѣ кровь.

Вторникъ, 20 Августа.

Вчера Хозревъ-Мирза ѣздилъ смотрѣть полетъ воздушнаго шара. Въ тотъ моментъ, когда воздухоплаватель Робертсонъ хотѣлъ подниматься, принцъ попросилъ меня передать ему 50 дукатовъ на путевыя издержки [2]). Увидавъ въ толпѣ супругу Австрійскаго посланника, графиню Чернышову и еще нѣсколько другихъ дамъ, принцъ предложилъ имъ сѣсть въ его ложу.

Вечеромъ его высочество ѣздилъ смотрѣть пьесу Robin du bois. Онъ вернулся изъ театра очень довольный.

Сегодня, во Вторникъ, посѣщеніе горнаго корпуса [3]).

Принцъ радуется, что увидитъ завтра прогулку институтокъ по Таврическому саду. Ему кажется, что это напомнитъ ему смотръ,

---

[1]) Екатерину Ивановну. П. Б.

[2]) Замѣтка изъ бумагъ гр. Сухтелена:

„20 Августа. Воздухоплаватель иностранецъ Робертсонъ опустился въ деревнѣ Малой Манушкиной, принадлежащей г. Чоблокову (Чоглокову?), разстояніемъ въ 35 верстахъ за пороховыми заводами, благополучно. Опустился пополудни въ 6 часу и 20 минутъ; прибылъ въ городъ въ 1-мъ часу пополуночи“.

[3]) Черезъ два дня послѣ осмотра посольствомъ горнаго корпуса, 22 Августа, директоръ корпуса Карнѣевъ прислалъ Сухтелену семь сабель при слѣдующемъ письмѣ: „Честь имѣю препроводить къ вашему сіятельству семь сабель, которыя были назначены для Персидскаго принца и его свиты. Покорнѣйше прошу убѣдить его высочество, чтобы онъ принялъ выбранную для него саблю съ двойнымъ клинкомъ, въ память посѣщенія корпуса. Другая подобная же сабля, но съ однимъ клинкомъ, предназначается для главнокомандующаго регулярными войсками, а остальныя для прочихъ лицъ по вашему усмотрѣнію“.

который шахъ дѣлаетъ въ Тегеранѣ каждый годъ всѣмъ принцессамъ королевской семьи, какъ-то дочерямъ, внучкамъ и т. д. Ихъ было, какъ онъ говоритъ, въ тотъ разъ, какъ онъ присутствовалъ на этомъ смотру, числомъ до 200.

Среда, 21 Августа.

Горный корпусъ и его минеральныя коллекціи чрезвычайно заинтересовали Хозрева-Мирзу и его свиту. Принцъ вернулся домой только къ тому времени, когда институтки пришли на прогулку. Онъ попросилъ меня заготовить для нихъ конфектъ и щедро имъ раздавалъ ихъ.

Сегодня, въ Среду, принцъ будетъ присутствовать при поднятіи одной изъ колоннъ въ Исаакіевскомъ соборѣ [1]). Вечеромъ у него будетъ свиданіе съ графомъ Нессельроде.

Сейчасъ принцъ отослалъ 50 дукатовъ вдовѣ одного человѣка, который находился въ услуженіи у г. Грибоѣдова и былъ убитъ съ нимъ въ Тегеранѣ. Эта женщина, Анна Захарова, очень бѣдна; у нея двое малолѣтнихъ дѣтей. Хозревъ-Мирза засталъ нашъ разговоръ о ней съ Мирзою-Масудомъ и пожелалъ знать, о чемъ мы бесѣдуемъ. Я отвѣчалъ, что мы замышляемъ сдѣлать нападеніе на его кошелекъ. Онъ сказалъ: «я заранѣе на это согласенъ; я знаю, что все то, что̀ вы изъ него возьмете, послужитъ только къ моей чести». Узнавъ подробности, онъ быстро прибавилъ: «на этотъ разъ, я надѣюсь, вы возьмете съ меня вдвойнѣ». На этихъ дняхъ принцъ нѣсколько разъ меня спрашивалъ, какъ я думаю, долго ли онъ будетъ лишенъ счастія видѣть ихъ императорскія величества.

Пятница, 23 Августа.

Вчера, въ Четвергъ, Хозревъ-Мирза катался верхомъ по Каменному острову, откуда проѣхалъ въ театръ и остался въ восторгѣ отъ балета Cora et Alonzo. Сегодня, въ Пятницу, его высочество поѣдетъ утромъ въ музей Академіи Художествъ. Если погода будетъ хороша, то воспитанницы института изъ недворянскаго отдѣленія (classe bourgeoise) будутъ гулять по Таврическому саду [2]).

---

[1]) Письма Монферрана къ гр. Сухтелену:

I. „Ваше сіятельство. Думая, что Персидскому принцу будетъ пріятно присутствовать при поднятіи колонны въ соборѣ Св. Исаакія и что, по примѣру многихъ другихъ иностранныхъ царственныхъ особъ, его высочество не откажетъ намъ въ чести положить медаль подъ колонну, которую я велю поднять въ его присутствіи, имѣю честь увѣдомить васъ, что 23 сего мѣсяца все будетъ готово для этой операціи. 16 Августа 1829 г.".

II. „В. с—во. Сейчасъ только-что получилъ я сообщеніе отъ е. с. г-на президента коммиссіи работъ въ храмѣ Св. Исаакія, что такъ какъ въ будущій Четвергъ празднуется день коронованія, то поднятіе колонны въ присутствіи Персидскаго принца будетъ ускорено однимъ днемъ, т. е. оно будетъ въ слѣдующую Среду, 21 сего мѣсяца".

[2]) Письмо г-жи Нейдгардтъ къ гр. Сухтелену:

Хозревъ-Мирза прислалъ мнѣ шаль для передачи г. Монферрану (шаль недорогая) и 18 червонцевъ для рабочихъ, которые поднимали колонну въ Исаакіевскомъ соборѣ.

Суббота, 24 Августа.

Хозревъ-Мирза посѣтилъ вчера въ академіи Египетскій музей, обсерваторію и зданіе биржи. Онъ разговаривалъ со многими изъ воспитанницъ, которыя прогуливались по саду. Вечеромъ принцъ неожиданно собрался въ театръ смотрѣть драму.

Сегодня, въ Субботу, на литейномъ заводѣ приготовились къ отливкѣ 8 артилерійскихъ орудій. Послѣ того Англійскій водолазъ г. Штокъ опустится на дно рѣки. Принцъ будетъ присутствовать при этомъ опытѣ въ шлюпкѣ, приготовленной у литейнаго завода [1]).

Третьяго дня принцъ пробовалъ на Крестовскомъ острову одно изъ своихъ новыхъ ружей, стрѣляя по воронамъ. Нѣсколькихъ онъ убилъ. Онъ стрѣлялъ не сходя съ лошади.

Воскресенье, 25 Августа.

Хозревъ-Мирза желаетъ сегодня осмотрѣть зимній дворецъ и Эрмитажъ. Вчера онъ въ первый разъ допустилъ обѣдать за своимъ столомъ на четыре куверта Эмиръ-Низама и Мирзу-Масуда.

Одинъ рыбакъ съ Крестовскаго озера подарилъ принцу морскую собаку. Принцъ велѣлъ пустить ее въ озеро Таврическаго сада и для забавы ходитъ смотрѣть, какъ она ныряетъ. Онъ посылалъ сперва спросить у директора сада, не будетъ ли вреда отъ этого животнаго.

Одинъ изъ секретарей принца серьозно заболѣлъ. Я велѣлъ, по его просьбѣ, перевести его въ военный госпиталь, гдѣ ему очень хорошо [2]).

Понедѣльникъ, 26 Августа.

Вчера утромъ Персидскій принцъ осмотрѣлъ дворецъ и Эрмитажъ. Это было слишкомъ много для одного раза. Г. Лабенскій [3]) находитъ принца неутомимымъ.

„Спѣшу, в. с., отвѣтить на вашу любезность. Мы надѣемся пріѣхать сегодня съ барышнями въ Таврическій около 6 часовъ, *если небо намъ позволитъ*, т. е. если оно не покроется грозными тучами. Число воспитанницъ до 300. Я думаю, что конфекты доставили бы имъ большое удовольствіе. Что касается визита принца *въ нашъ дворецъ*, то г-жа Адлербергъ желала бы видѣть васъ лично, чтобы переговорить объ этомъ, ибо это требуетъ нѣкоторыхъ приготовленій".

[1]) Принцъ подарилъ водолазу золотую табакерку. Расписка Штока: Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю, что получилъ чрезъ г. генералъ-маіора барона Боде (начальн. арсенала) золотую табакерку отъ его высочества принца Персидскаго Хозрева-Мирзы сего 28 Августа 1829 г. Вильямъ Генрихъ Штокъ".

[2]) Изъ донесеній старшаго врача военно-сухопутнаго госпиталя гр. Сухтелену объ этомъ больномъ видно, что Персіанинъ страдалъ язвами во рту.

[3]) Хранитель художественныхъ коллекцій Эрмитажа.

Вечеромъ принцъ отправился въ театръ. Онъ пожелалъ видѣть сцену, сказалъ нѣсколько любезностей танцовщицамъ и восхищался *королевой* (м-е Шелихова).

Сегодня его высочество не желаетъ выѣзжать; онъ хочетъ писать письма и доставить себѣ удовольствіе провести нѣсколько часовъ въ ваннѣ.

Онъ долго пробылъ въ портретной галлереѣ; многихъ лицъ на портретахъ онъ узналъ и попросилъ указать ему портретъ графа Дибича, который долго разсматривалъ. Отъ портрета генерала Ермолова онъ съ досадой отвернулся.

Принцъ заказалъ Гиппіусу нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ главныхъ особъ своей свиты и портреты графа Нессельроде, графа Чернышова, Сухтелена, генерала Клейнмихеля и Ренненкампфа [1]).

Вторникъ, 27 Августа.

Принцъ Хозревъ выѣзжалъ вчера только въ театръ. Сегодня, около 4 часовъ онъ поѣдетъ въ каретѣ съ Мирзою-Масудомъ и графомъ Сухтеленомъ въ Царское Село, если только не послѣдуетъ другаго распоряженія на счетъ часа.

Среда 28.

Хозревъ-Мирза провелъ день въ Царскомъ Селѣ, присутствовалъ на маневрахъ въ мундирѣ, а вечеръ провелъ у Государыни Императрицы.

Четвергъ, 29.

Маневры, которые должны были быть, не состоялись по случаю дурной погоды. Принцъ Хозревъ-Мирза и вся его свита вернулись въ Петербургъ.

Пятница, 30 Августа.

Принцъ Хозревъ хочетъ сегодня утромъ послать Мирзу-Масуда къ генералу Мердеру [2]) узнать, будетъ ли его высочество Наслѣдникъ

---

[1]) Письмо президента Академіи Художествъ Оленина къ графу Сухтелену отъ 15 Августа 1829 года.:

„Вотъ, в. с., начальникъ С.-Петербургской школы портретистовъ (г. Венеціановъ), о которомъ я имѣлъ честь говорить в. с. вчера утромъ у его высочества принца Хозрева-Мирзы. Онъ желалъ бы изобразить принца съ кѣмъ-нибудь изъ его свиты въ одномъ изъ залъ зимняго дворца или Эрмитажа, чтобы это имѣло видъ портрета. Для этого необходимо согласіе принца, потому что художнику потребовалось бы на нѣсколько дней платье, которое принцъ укажетъ, чтобы сдѣлать съ него вѣрную копію. Подобная картина могла бы потомъ доставить удовольствіе Петербургской публикѣ и даже Тавризской и Тегеранской, куда можно бы было послать хорошую копію, а также его сіятельству графу Сухтелену-отцу. Я имѣю честь писать эти строки тонкому знатоку искусства,—отъ отца къ сыну,—и надѣюсь встрѣтить въ немъ покровительство нашимъ художникамъ“.

[2]) Воспитатель Государя Императора Александра Николаевича.

принимать визиты и въ которомъ часу; если нѣтъ, то онъ долженъ будетъ попросить генерала передать его императорскому высочеству поздравленіе принца Хозрева-Мирзы [1]). Принцъ, желая видѣть процессію, будетъ смотрѣть ее изъ окна графини Барановой, по приглашенію г. Родофиникина [2]).

Сегодня вечеромъ принцъ желаетъ отправиться посмотрѣть изъ ложи на публичный балъ-маскарадъ.

Суббота, 31 Августа.

Сегодня утромъ Хозревъ-Мирза будетъ осматривать монетный дворъ. На остальной день нѣтъ ничего опредѣленнаго.

Вчерашній балъ-маскарадъ показался Персіянамъ очень скучнымъ, каковымъ былъ и на самомъ дѣлѣ.

Одинъ живописецъ пришелъ предложить Хозреву-Мирзѣ портретъ Петра Великаго. Едва принцъ увидѣлъ портретъ, какъ сказалъ: «Я желаю его имѣть; но какая бы ни была ему цѣна, я не въ состояніи буду оплатить ею портрета такого великаго человѣка».

Воскресенье, 1 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза видѣлъ монетный дворъ. Я не упустилъ дать ему понять, что тутъ имѣются громадные запасы металловъ и звонкой монеты. Ему польстило, что тутъ же при немъ отчеканили медаль въ честь его.

Вернувшись въ Таврическій дворецъ, онъ скрылся ото всѣхъ въ садъ, съ ружьемъ, чтобы объявить войну воронамъ. Также украдкою онъ вернулся, убивши ихъ нѣсколько.

Его высочество не преминулъ спросить у меня, что́ означаютъ городскіе слухи о пораженіи, понесенномъ нашими войсками въ Азіи. Я, не колеблясь, сказалъ, что эта новость—чистая выдумка. Надо полагать, что слухи эти были занесены изъ Французскаго посольскаго дома, куда были присланы газеты, или изъ Англійскаго посольства.

Хозревъ говорилъ о визитахъ и прогулкѣ на сегодня, но ничего опредѣленнаго еще нѣтъ.

Завтра, въ Понедѣльникъ, его высочество приглашаетъ нѣсколько особъ къ себѣ обѣдать по списку, одобренному г. вице-канцлеромъ [3]).

---

[1]) Отвѣтъ Мердера гр. Сухтелену:

„В. с—во. Такъ какъ его высочество Наслѣдникъ черезъ нѣсколько минутъ собирается оставить Елагинъ, чтобы ѣхать въ городъ, то я буду вамъ очень обязанъ, если вы сообщите Мирзѣ-Масуду, что Его Императорское Высочество будетъ находиться въ Аничковомъ дворцѣ около 10 ч. утра. Мердеръ. Елагинъ, 30 Августа, въ 9 ч. утра“.

[2]) Изъ записки Родофиникина къ гр. Сухтелену видно, что процессія окончилась въ 10 час. утра, и Хозревъ-Мирза къ ней опоздалъ. Процессія, т. е. крестный ходъ въ Невскую лавру.

[3]) На обѣдъ были приглашены: гр. Кочубей, гр. Нессельроде, гр. Потоцкій, Чернышовъ, кн. Волконскій, Голицынъ, Бенкендорфъ и нѣкоторыя другія лица.

Понедѣльникъ, 2 Сентября.

Вчера Французскій посланникъ сдѣлалъ визитъ принцу Хозреву. Они вмѣстѣ поѣхали въ театръ. Его высочество принялъ на завтрашній день, на Вторникъ, приглашеніе на обѣдъ къ этому посланнику, а на Среду вечеромъ—приглашеніе графа Лаваля.

Сегодня утромъ принцъ поѣдетъ въ Смольный институтъ [1]).

Вторникъ, 3 Сентября.

Хозревъ-Мирза остался очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ Смольнаго института. Едва вернувшись оттуда, онъ началъ уже выражать свой восторгъ. Онъ пожелалъ узнать имя воспитанницы, которая произнесла прелестную оду Гафиза [2]), въ послѣднихъ строфахъ которой выражается пожеланіе благополучія Персіи. Когда дѣвицы проходили въ столовую, принцъ сказалъ, что это — непобѣдимый батальонъ.

Кн. Долгорукій доставилъ отличныя дрожки, которыя должны составить часть предназначенныхъ принцу подарковъ и будутъ отправлены съ 12-ю пушками, посылаемыми для Аббаса-Мирзы [3]).

---

[1]) Ко 2-му Сентября относится слѣдующій эпизодъ, описанный въ донесеніи генералъ-адъютанта Демидова графу А. И. Чернышову отъ 8 Сентября за № 3707, которое и приводимъ:

„Изъ числа находившихся въ караулѣ 2-го числа сего Сентября въ Таврическомъ дворцѣ нижнихъ чиновъ 3-го баталіона л.-гв. Московскаго полка двое рядовыхъ 8-й фузелерной роты, стоявшіе у среднихъ воротъ онаго дворца, Ермолай Латунинъ и Игнатій Терентьевъ, по смѣнѣ съ часовъ въ 3 часа пополуночи, представили караульному капитану Бастіону два червонца, съ слѣдующимъ объясненіемъ. Во 2-мъ часу ночи его высочество Хозревъ-Мирза, выходя изъ дворца, подошелъ прямо къ воротамъ; на окликъ часовыхъ отвѣчалъ поперсидски: солдатъ (сарбазъ), потомъ, подошедъ поближе, спрашивалъ ихъ чрезъ находившагося при немъ, неизвѣстно имъ какого чиновника, гвардейскіе ли они и были ли въ Тавризѣ. Получивъ отвѣтъ, хотѣлъ имъ пожаловать по червонцу, объявивъ притомъ настоящее свое имя. Тогда часовые, взявъ подъ прикладъ, стали на свои мѣста, не принимая денегъ. Вѣроятно, его высочество полагалъ, что они его не понимаютъ, и приказалъ червонцы положить въ будку, не смотря на то, что часовые сіи старались отклонить отъ сего, употребляя знаемыя ими нѣкоторыя Татарскія слова. Но его высочество въ то же время удалился въ покои; часовые же, по приходѣ смѣны объявили о семъ разводившему на часы рядовому Антону Тиханову и деньги сіи представили капитану Бастіону.—Обстоятельство сіе генералъ-адъютантъ Демидовъ, въ слѣдствіе дошедшаго къ нему по командѣ донесенія, долгомъ поставляетъ довести до свѣдѣнія е. с. графа Александра Ивановича, испрашивая разрѣшеніе: куда приказано будетъ обратить означенные два червонца, кои хранятся у баталіоннаго командира полковника Хвощинскаго“. На донесеніи рукою гр. Чернышова написано: „Высочайше повелѣно червонцы сіи отдать симъ рядовымъ, но графу Сухтелену объясниться со мною о семъ предметѣ 10 Сентября“.

[2]) Знаменитый Персидскій поэтъ.

[3]) Дрожки эти подарены были Хозреву-Мирзѣ Государемъ. Отъ себя кн. Долго-

Обѣдъ прошелъ очень прилично. Въ будущую Пятницу предполагается второй обѣдъ, на которомъ обѣщалъ быть г. фельдмаршалъ.

Принцъ былъ въ театрѣ.

Среда, 4 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза осматривалъ институтъ глухонѣмыхъ и воспитательный домъ. Первые сильно возбудили его любопытство, но второе учрежденіе ему не понравилось: онъ находитъ дурнымъ, что могутъ быть дѣти, никому не принадлежащія, или отъ которыхъ родители отреклись. Его высочество обѣдалъ у Французскаго посланника. Между прочими любезностями, онъ поздравилъ посланника съ отличнымъ поваромъ. Сегодня принцъ поѣдетъ смотрѣть главный штабъ, если только ему не вздумается, какъ въ прошлую ночь, прогуливаться по двору до 3 часовъ утра, вслѣдствіе чего сонъ его продолжается неопредѣленное время.

Четвергъ, 5 Сентября.

Принцъ не поѣхалъ въ главный штабъ, такъ какъ проснулся очень поздно. Онъ взялъ урокъ фехтованія у учителя по имени Годольфи.

Принцъ пробылъ на балу у г. Лаваля до 3 часовъ утра.

На сегодняшній день нѣтъ опредѣленнаго росписанія.

Пятница, 6 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза не выѣзжалъ. Онъ обѣдалъ съ двумя дѣвицами S-t Aldegounde и потомъ взялъ урокъ фехтованія. Вечеромъ его навѣстилъ г. вице-канцлеръ. Визитъ былъ по-восточному, т. е. продолжался долго. Принцъ казался мнѣ удовлетвореннымъ только на половину и озабоченнымъ тѣмъ пріемомъ, который его ожидаетъ по возвращеніи.

На нынѣшній день ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ и нѣкоторыя другія особы будутъ обѣдать съ его высочествомъ.

рукій въ тотъ же день прислалъ въ подарокъ принцу трость при слѣдующемъ письмѣ на имя гр. Сухтелена:

„Спѣшу увѣдомить в. с., что я непремѣнно буду имѣть честь прибыть, по приглашенію его высочества Хозрева-Мирзы, въ будущую Пятницу, въ 4 часа. Я замѣтилъ, что его высоч. употребляетъ трость; поэтому позвольте мнѣ просить в. с. предложить ему единственную въ своемъ родѣ: она была привезена мнѣ изъ Германіи однимъ изъ моихъ друзей. Гармоническіе звуки, которые она издаетъ, придаютъ этому новому изобрѣтенію особенную прелесть. Я былъ бы счастливъ, если бы его высочество принялъ ее“.

(*Надпись на письмѣ карандашомъ рукою гр. Сухтелена*:) „Въ этой палкѣ заключался родъ гармоніи. Она очень забавляла Хозрева-Мирзу“.

Суббота, 7 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза не выѣзжалъ изъ Таврическаго дворца. Онъ былъ очень обрадованъ пріѣздомъ курьера изъ Тавриза, привезшаго письма отъ шаха, отъ Аббаса-Мирзы и братьевъ принца. Такимъ образомъ принцъ провелъ утро за чтеніемъ писемъ и раздѣлываніемъ тюковъ съ платьемъ и другими вещами, которыхъ онъ ожидалъ ко дню своей аудіенціи. Онъ показалъ мнѣ прекрасный манускриптъ, назначенный для поднесенія Вашему Величеству; говорилъ также, что получилъ нѣсколько орденовъ Льва и Солнца, которые были пожалованы во время подписанія Туркманчайскаго договора, но до сихъ поръ не могли быть изготовлены [1]). Фельдмаршалъ Сакенъ и нѣкоторыя другія особы обѣдали у принца.

Сегодня утромъ его высочество будетъ имѣть честь присутствовать на маневрахъ согласно извѣщенію, присланному чрезъ генерала Кавелина [2]).

11 (23) Сентября 1829 г.

Вчера Хозревъ-Мирза не выходилъ изъ комнаты. Теперь онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и въ 12 ч. хочетъ отправиться въ Петербургъ [3]). Сперва онъ намѣренъ сдѣлать визитъ графу Кочубею, у котораго господа изъ его свиты вчера провели вечеръ.

Подарки полученные принцемъ изъ Персіи для поднесенія Вашему Величеству, какъ я узналъ, состоятъ, между прочими другими вещами, изъ большаго брилліанта Надиръ-шаха [4]), 20-ти драгоцѣнныхъ манускриптовъ, двухъ Кашмирскихъ ковровъ и жемчужнаго ожерелья для Ея Величества Императрицы, сабли для Великаго Князя Наслѣдника и нѣсколькихъ менѣе драгоцѣнныхъ предметовъ, которые Хозревъ-Мирза желалъ бы поднести Великимъ Княжнамъ.

---

[1]) Замѣтка гр. Сухтелена: „Такъ какъ Персидскій орденъ Льва и Солнца не имѣлъ опредѣленнаго статута, то Хозревъ-Мирза былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы привести въ свою страну статуты Русскихъ орденовъ“. Поэтому гр. Потоцкій прислалъ Сухтелену статуты всѣхъ Русскихъ орденовъ.

[2]) Письмо ген. Кавелина къ гр. Сухтелену:

„В. с—во. Государь отдалъ мнѣ приказъ пригласить всѣхъ иностранныхъ пословъ. Такъ какъ мы всегда смотрѣли на принца Хозрева какъ на исключеніе (une épisode), то не имѣли чести васъ увѣдомить; но нѣтъ сомнѣнія, что Государю пріятно будетъ видѣть его на маневрахъ. Кажется, вы хорошо сдѣлаете, если привезете его. Вся свита Государя сидетъ на лошадей на Выборгской дорогѣ, около дачи Ланскаго“.

[3]) Такъ далеко тогда казался Таврическій садъ отъ главныхъ улицъ Петербурга. П. Б.

[4]) Письмо кн. Волконскаго:

„Будьте добры, любезный графъ, спросите у Мирзы-Масуда, что̀ означаетъ каждая изъ надписей на большомъ брилліантѣ, поднесенномъ Хозревомъ-Мирзою Его Величеству, и пришлите мнѣ ихъ переводъ. Волконскій“, 2 Октября.

„Какъ здоровье его высочества? Государыня продолжаетъ кашлять“.

12 (24) Сентября 1829 г.

Персидскій принцъ принялъ приглашеніе кн. Юсупова на вечеръ въ будущую Субботу, говоря, что Четвергъ и Пятницу онъ желаетъ посвятить на полное свое выздоровленіе. Его высочество чувствуетъ себя лучше и, повидимому, не хочетъ больше такъ долго засиживаться по ночамъ. На сегодняшній день ничего еще не назначено. Принцъ выразилъ желаніе созвать въ какой-нибудь день къ себѣ на обѣдъ гг. посланниковъ. Такъ какъ онъ лично не дѣлалъ визитовъ Англійскому и Австрійскому посланникамъ, то я объяснилъ ему, что необходимо предварительно это сдѣлать.

13 (25) Сентября 1829 г.

Докторъ принца нашелъ наобходимымъ поставить ему еще вчера десятка два піявокъ внизу живота. Я ничего другаго не могу сказать про его здоровье, какъ только то, что его высочество, изнѣженный по природѣ, кажется, дѣйствительно, очень больнымъ, что онъ очень измѣнился и что, можетъ быть, нелишнее было бы присоединить къ его длиннобородому хакиму (au hakim à la longue barbe [1]) другаго коллегу для консультаціи.

14 (26) Сентября 1829 г.

Его высочество все еще боленъ. 50 піявокъ въ продолженіе трехъ дней, шпанская мушка и всякія лѣкарства не принесли ему облегченія отъ боли, которую онъ чувствуетъ въ правомъ боку. Онъ самъ проситъ, чтобы къ нему пріѣхалъ м-г Kreighton или другой врачъ, который настолько бы говорилъ по-англійски, чтобы могъ объясниться съ его хакимомъ.

Говоря о сообщеніи, сдѣланномъ ему г. вицеканцлеромъ, принцъ сказалъ мнѣ вчера: «Государь поднялъ меня изъ праха и возвысилъ до полдороги къ небу. Я могу теперь вернуться въ Персію съ честію и удовлетворенный».

15 Сентября.

Персидскій принцъ былъ очень благодаренъ за приглашеніе къ нему г. Крейтона. Сегодня утромъ его нельзя еще было видѣть. Вчера вечеромъ онъ чувствовалъ себя лучше, но все еще ему было неловко отъ шпанской мушки. Онъ потребовалъ, чтобы его свита непремѣнно ѣхала на балъ къ князю Юсупову [2]).

---

[1]) Хакимъ — лѣкарь. М. Р.

[2]) Къ этому дню относится слѣдующій рецептъ Мирзы-Бабы, врача принца: „Pilulae nitratis potaisae pulv. antimonii et confect. rosae“.

„Ordine D. d-ris Murza-Baba. 15 IX 1829 г.“. На сигнатурѣ: „Pharmacopolium Aulae Imperialis“.

16 Сентября, Понедѣльникъ.

Докторъ Арендтъ пріѣзжалъ осмотрѣть Хозрева-Мирзу. Онъ одобрилъ способъ, по которому до сихъ поръ лѣчили принца и прописалъ нѣсколько новыхъ лѣкарствъ; онъ не думаетъ, чтобы была опасность, но что, дѣйствительно, у больнаго воспаленіе кишокъ и что слѣдуетъ лѣчить его внимательно. Г. Арендтъ пріѣдетъ еще сегодня. Принцъ чувствуетъ облегченіе. Лѣкарства ему надоѣдаютъ, и шахматы перестали его занимать. Г. Французскій посланникъ пріѣзжалъ къ его высочеству съ короткимъ визитомъ.

17 Сентября, Вторникъ.

Хозревъ-Мирза чувствуетъ себя нѣсколько лучше, но все-таки г. Арендтъ говоритъ, что болѣзнь еще серьозна, и приказываетъ постоянно ставить ему припарки внизу живота и дѣлаетъ ртутныя втиранія. Вчера принцъ почти весь день проспалъ. Онъ, однакоже, принялъ визитъ Австрійскаго посланника.

Среда, 18 Сентября 1829 г.

Г-нъ докторъ Арендтъ былъ очень доволенъ состояніемъ здоровья Хозрева-Мирзы вчера вечеромъ, не смотря на небольшую лихорадку. Мѣстная боль внизу живота и воспаленіе кишокъ уступили лѣкарствамъ, чтобы перенестись на желѣзы въ ляшкѣ—перемѣна, которую гг. врачи единогласно признаютъ благопріятною. Хозревъ-Мирза, повидимому, искренно радуется заключенію мира [1]), будучи убѣжденъ, что это событіе столько же благопріятно и для Персіи при теперешнихъ обстоятельствахъ. Болѣзнь шаха, о которой говорилъ Персіянамъ Англійскій посланникъ, тревожитъ его; какъ видно, напротивъ, онъ нисколько не безпокоится о здоровьѣ Аббаса-Мирзы.

Четвергъ, 19 Сентября.

Врачи находятъ состояніе здоровья Хозрева-Мирзы очень удовлетворительнымъ. Ему видимо лучше, но полное выздоровленіе можетъ затянуться на неопредѣленное время.

Его высочество, говоря вчера о мирѣ, заключенномъ съ Турціею, спросилъ, запретитъ ли и теперь Россія султану имѣть регулярныя войска. Онъ какъ будто думалъ, что учрежденіе этихъ войскъ было главною причиною войны. Я не упустилъ дать ему понять, что Россіи не было основанія безпокоиться существованіемъ нѣсколькихъ полковъ низамскихъ, гедитскихъ или сарбазскихъ; что она требуетъ отъ своихъ сосѣдей не того, чтобы они были слабы и разоружены,

---

[1]) Съ Турціею.

но чтобы они соблюдали трактаты и добросовѣстность въ международныхъ сношеніяхъ; что, наконецъ, политика не должна быть низводима до вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ державъ до такой степени, чтобы отъ этого могъ страдать общій миръ. Его высочество сказалъ, что пока я говорилъ, ему казалось, что изъ моихъ устъ течетъ фонтанъ перловъ.

20 Сентября, Пятница.

Хозревъ-Мирза пострадалъ нѣсколько отъ задержанія мочи, вслѣдствіе принятыхъ имъ лѣкарствъ. Но боли, которыя онъ испытывалъ, уступили дѣйствію ванны и пріему вяжущаго средства. Г. Арендтъ думаетъ, что черезъ нѣсколько дней принцъ будетъ на ногахъ и здоровымъ.

21 Сентября, Суббота.

Гг. врачи продолжаютъ увѣрять, что принцъ Хозревъ-Мирза внѣ всякой опасности. Однако, онъ еще слабъ и дурно чувствуетъ себя по ночамъ. Задержаніе мочи продолжаетъ его мучить. Выздоровленіе наступитъ не такъ скоро, какъ надѣялись.

Воскресенье, 22 Сентября.

Состояніе здоровья принца Хозрева видимо улучшается. Полученные его высочествомъ вчера вечеромъ ордена, которые Ваше Величество изволили ему пожаловать, повидимому, преисполнили его благодарностію и радостію. Онъ говоритъ, что всѣ его братья будутъ ему очень завидовать. Свита принца будетъ смотрѣть на молебенъ изъ окна дома графа Салтыкова.

Понедѣльникъ, 23 Сентября.

Вчера Хозревъ въ первый разъ вышелъ изъ своей комнаты, чтобы пить чай въ большой пріемной гостиной. Онъ еще слабъ, но совсѣмъ выздоравливаетъ.

Гг. Персіяне вернулись въ восторгѣ отъ вчерашней торжественности. Эмиръ-Низамъ разсыпался въ похвалахъ войскамъ и въ особенности кавалеріи, которая, повидимому, больше всего его поразила.

Вторникъ, 24 Сентября.

Принцъ Хозревъ-Мирза совсѣмъ выздоравливаетъ.

Вчера онъ прогуливался по большому залу дворца. Его свита въ большомъ волненіи и даже ссорится между собою по поводу отсылки впередъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мирза-Насудъ и Мирза-Салехъ одинаково домогаются быть вѣстниками тѣхъ благопріятныхъ вѣстей, которыя они должны передать. Принцъ еще не рѣшилъ, кого изъ нихъ послать; но Эмиръ-Низамъ склоняется въ полвзу Масуда. Поэту Фазиль-хану такъ здѣсь нравится, что онъ только и думаетъ, какъ

бы ему здѣсь остаться. «Я желалъ бы быть принятымъ здѣсь на службу для преподаванія восточныхъ языковъ», говоритъ онъ.

25 Сентября, Среда.

Принцъ Хозревъ-Мирза съ нетерпѣніемъ ждетъ своего выздоровленія. Онъ сдѣлалъ прогулку въ каретѣ. Онъ почти здоровъ.

26 Сентября, Четвергъ.

Хозреву-Мирзѣ все лучше и лучше. Онъ провелъ день дома по случаю дурной погоды. Его высочество не пропускаетъ освѣдомляться о здоровьѣ Ея Императорскаго Величества Государыни.

27 Сентября, Пятница.

Принцъ Хозревъ вчера не выѣзжалъ и сегодня хочетъ еще принимать лѣкарства. Мирза-Салехъ долженъ отвезти кн. Волконскому подарки, присланные изъ Персіи. Хозревъ-Мирза показалъ ихъ мнѣ. Всѣ они мнѣ показались не особенно цѣнными.

Эмиръ-Низамъ увѣряетъ, что онъ написалъ убѣдительное письмо Аббасу-Мирзѣ, совѣтуя ему наказать хана Макинскаго.

29 Сентября, Воскресенье.

Хозревъ-Мирза катался вчера въ каретѣ по Елагинскому и Крестовскому островамъ, потомъ гулялъ пѣшкомъ по Таврическому саду. Встрѣтивъ здѣсь великую княжну Елисавету, онъ пригласилъ ея высочество зайти въ большой залъ дворца, отдохнуть. Потомъ принцъ послалъ нѣсколько подарковъ особамъ, которыя сопровождали ея высочество. Принцъ и его свита начинаютъ поговаривать объ отъѣздѣ.

30 Сентября, Понедѣльникъ.

Хозревъ-Мирза въ отличномъ состояніи здоровья; всталъ послѣ 12 часовъ, сдѣлалъ прогулку въ каретѣ одинъ, а остальной день провелъ за шахматами и чтеніемъ. Принцъ не пожелалъ ѣхать въ театръ сегодня вечеромъ. Когда я спросилъ его высочество, не желаетъ ли онъ видѣть карету, приготовленную для его путешествія, онъ отложилъ это до завтрашняго дня.

1 Октября, Вторникъ.

Омовенія, шахматы и театръ наполнили вчерашній день принца Хозрева. Его высочество надѣется видѣть сегодня графа Нессельроде и поговорить съ нимъ о прощальной аудіенціи и объ отъѣздѣ. Онъ самъ говоритъ, что это будетъ чрезъ 8 или 10 дней. Его высочество часто спрашиваетъ, нѣтъ ли жалобъ на кого-нибудь изъ Персіянъ посольской свиты. Я могъ по всей справедливости удостовѣрить о хорошемъ поведеніи всѣхъ ихъ вообще. Сегодня вечеромъ, когда мы

ѣхали въ каретѣ вдвоемъ, принцъ обѣщалъ, что онъ самъ не будетъ больше стрѣлять въ саду изъ ружья, чѣмъ онъ забавлялся еще вчера.

2 Октября, Среда.

Хозревъ-Мирза видѣлъ вчера вице канцлера. Онъ, вѣроятно, просилъ его сіятельство передать ему приказанія Вашего Императорскаго Величества относительно прощальной аудіенціи. Его высочество во всеуслышаніе объявилъ всѣмъ своимъ, что онъ намѣренъ выѣхать въ непродолжительномъ времени. Первый снѣгъ былъ для него большою неожиданностію.

3 Октября, Четвергъ.

Вчера Персидскій принцъ и его свита осматривали придворныя конюшни, музей и состоящія при нихъ мастерскія. Онъ былъ въ восторгѣ ото всего, а также отъ своей дорожной кареты. Его очень позабавило, что его прокатили въ ландо по конюшнѣ. Онъ еще разъ вошелъ на минуту въ ту золоченую карету, въ которой ѣздилъ на аудіенцію. Вечеромъ принцъ былъ во Французскомъ театрѣ. Держа во время игры свою записную книжку въ рукахъ, онъ отмѣчалъ въ ней тѣ слова, которыя особенно его поражали.

4 Октября, Пятница.

Принцъ Хозревъ осматривалъ главный штабъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ можно было ожидать. Книгопечатаніе, литографія и газовое освѣщеніе, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, въ особенности его заинтересовали. Его высочество написалъ на копированной бумагѣ нѣсколько словъ по-персидски и свое имя по-французски. Снимокъ съ его автографа, экземпляръ котораго я прилагаю, былъ сдѣланъ при немъ. Принцъ беретъ съ собою въ Персію полную литографію и намѣревается пригласить къ себѣ на службу литографа.

Эмиръ-Низамъ надѣлъ вчера полученную имъ ленту Бѣлаго Орла. Онъ, повидимому, очень польщенъ этимъ пожалованіемъ.

Принцъ настаиваетъ на своемъ желаніи осмотрѣть домъ умалишенныхъ. Эта поѣздка назначена на сегодня, въ 2 часа.

5 Октября, Суббота.

Хозревъ-Мирза часа два провелъ въ совѣщаніи съ модисткой, окруженный картонками. Модистка должна сдѣлать небольшое приданое изъ Европейскихъ нарядовъ для одной изъ его сестеръ *).

*) Въ бумагахъ гр. Сухтелена сохранилась печатная карточка съ адресомъ моднаго магазина, въ которомъ бытъ сдѣланъ этотъ заказъ. Вотъ онъ: „Магазинъ модныхъ и другихъ вещей Эйзелера и Бусса на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Паскова, на углу, противъ Гостиннаго двора и Императорской библіотеки".

Принцъ завтракалъ померанцами, поджаренными въ сахарѣ имъ самимъ. Потомъ онъ осмотрѣлъ съ живѣйшимъ интересомъ Обуховскую больницу и разспрашивалъ о способѣ леченія умалишенныхъ, повидимому вполнѣ одобряя гуманное обращеніе, посредствомъ котораго достигаютъ ихъ выздоровленія. Сегодня, если ничто не помѣшаетъ, принцъ поѣдетъ смотрѣть школу верховой ѣзды.

6 Октября.

Сегодня утромъ Хозревъ сдѣлалъ визитъ графу Нессельроде. Вечеромъ, послѣ того, какъ онъ побывалъ въ двухъ театрахъ, онъ попросилъ меня зайти въ его апартаменты. Тамъ онъ передалъ мнѣ превосходную саблю съ отлично изукрашенной портупеей, прося меня сегодня поднести ее, на память объ немъ, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику. Я долженъ былъ обѣщать принцу, что исполню это до назначеннаго часа его прощальной аудіенціи.

9 Октября, Среда.

Сегодня принцъ не выѣзжалъ, сдѣлалъ только небольшую прогулку по саду и вечеромъ отправился въ театръ. Онъ принималъ нѣсколько визитовъ. Сегодня онъ долженъ обѣдать у вице-канцлера.

10 Октября, Четвергъ.

Принцъ Хозревъ былъ очень польщенъ полученіемъ портрета Ея Величества Государыни Императрицы. Его высочество обѣдалъ вчера у вице-канцлера и скучалъ въ театрѣ.

Сегодня принцъ долженъ ѣхать на обѣдъ къ лорду Heytesbury.

11 Октября, Пятница.

Хозревъ-Мирза вернулся вчера въ восхищеніи отъ стеклянной и фарфоровой мануфактуръ. Онъ долго разсматривалъ вещи, которыя ему тамъ подарили, когда ихъ принесли во дворецъ.

Одинъ кондитеръ поднесъ ему конное его изображеніе изъ сахара. Онъ очень этимъ доволенъ и непремѣнно желаетъ отвезти это сладкое образцовое произведеніе въ Персію.

Сегодня утромъ принцъ будетъ принимать нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Обѣдать онъ будетъ у графа Потоцкаго.

12 Октября, Суббота.

Вчера утромъ принцъ Хозревъ принималъ визиты; обѣдалъ у графа Потоцкаго. На сегодняшній день нѣтъ опредѣленной программы, кромѣ того, что принцъ проведетъ вечеръ у его сіятельства графа Кочубея. Отъѣздъ его высочества, назначенный сперва на Воскресенье, потомъ на Вторникъ, отложенъ, наконецъ, до будущаго Четверга по причинѣ предварительныхъ приготовленій, которыя, какъ говорятъ, не могутъ быть сдѣланы ранѣе.

13 Октября, Воскресенье.

Хозревъ-Мирза вчера выѣзжалъ только для того, чтобы провести вечеръ у графа Кочубея. Принцъ и всѣ другіе Персіяне казались очень удивленными совершенствомъ произведеній нашей мануфактуры, разсматривая нѣкоторые изъ подарковъ, полученныхъ ими вчера. Нужна была наличность клеймъ и знаковъ, чтобы ихъ убѣдить, что это, дѣйствительно, мѣстныя произведенія.

Понедѣльникъ, 14 Октября.

Письма полученныя изъ Персіи причинили озабоченность. Говоря о трудности перевозки ружей, выписанныхъ изъ Англіи для Аббаса-Мирзы, принцъ спросилъ меня, нѣтъ ли возможности пріобрѣсти ихъ въ Россіи. Онъ со дня на день ожидаетъ пріѣзда курьера изъ Персіи.

Принцъ, кажется, имѣетъ намѣреніе, если Его Высочество Великій Князь Михаилъ прибудетъ сюда до его отъѣзда, испросить честь быть ему представленнымъ. Хозревъ-Мирза прогуливался. Онъ былъ въ театрѣ вчера и отказался сдѣлать какое-либо расписаніе на сегодня. Онъ просилъ свиданія съ г. Родофиникинымъ [1].

Вторникъ, 15 Октября.

Вчера Хозревъ-Мирза былъ только въ театрѣ. Его высочество откровенно высказался мнѣ о затрудненіи, въ которомъ онъ находится по поводу содержанія писемъ, привезенныхъ вчера изъ Персіи. Осыпанный милостями и вниманіемъ—говоритъ онъ—онъ будетъ краснѣть, если обратится съ новыми просьбами къ Вашему Величеству, и какой бы пріемъ ни ожидалъ его со стороны его отца, онъ ни въ какомъ случаѣ, кажется, не рѣшится искать поводовъ къ тому, чтобы отложить свой отъѣздъ, а въ особенности поднимать во второй разъ неприступный (inabordable) вопросъ о Талышѣ [2]. Я сталъ поддерживать его въ этихъ намѣреніяхъ и доказывать ему неумѣстность и даже невозможность этого и что отецъ не долженъ былъ заставлять его этого домогаться. Онъ остался въ убѣжденіи, что я говорилъ съ нимъ какъ съ другомъ. Единственное изъ порученій, которое онъ, повидимому, все еще намѣренъ исполнить, это—просить о возвращеніи части артилерійскихъ полевыхъ орудій и ружей, которыя мы отняли у Персіянъ въ послѣднюю войну. Въ основаніе этой просьбы онъ намѣренъ выставить необходимость реорганизаціи военныхъ силъ, чтобы сдѣлать ихъ способными укрѣпить за его отцомъ тронъ, а равно то обстоятельство, что мы уничтожили ихъ литейные заводы, отобрали металъ, инструменты, машины и даже рабочихъ; что все это можетъ быть воз-

---

[1]) Тогдашнимъ директоромъ Азіатскаго Департамента.

[2]) Провинція въ Персіи.

становлено лишь съ большими издержками и въ отдаленномъ будущемъ; что ружья они могутъ пріобрѣсти только въ Англіи, на что̀ потратится два года времени, и что, наконецъ, ихъ ружья для насъ безполезны. Принцъ намѣренъ просить, чтобы имъ позволено было выкупить ружья за умѣренную цѣну. Онъ разсчитываетъ, что въ нашихъ рукахъ ихъ до 6000, а всѣхъ ружей ими потеряно до 12000. Его выс. хочетъ переговорить сегодня объ этомъ съ гр. Нессельроде.

Среда, 16 Октября.

Принцъ Хозревъ пригласилъ вчера къ себѣ обѣдать генерала Нейдгардта съ супругой и дочерью. Сегодня его высочество желаетъ отправиться на корабль, который былъ спущенъ вчера.

17 Октября 1829.

Часть прислуги Персидскаго посольства уѣхала вчера утромъ въ сопровожденіи лейтенанта Кашперова и ляля, дядьки принца.

Его высочество былъ до такой степени въ дурномъ настроеніи духа, что это выразилось въ припадкѣ гнѣва, стоившемъ ударовъ кулакомъ его казначею Али-Ашрифъ-Беку, поэту Фазиль-Хану и одному изъ лакеевъ. Произошла потомъ смѣшная сцена съ генераломъ Ренненкампфомъ изъ-за того, что послѣдній не тотчасъ же какъ надѣлъ явился къ принцу въ орденской лентѣ. Принцъ кончилъ тѣмъ, что сознался въ своей несправедливости. Онъ послалъ нѣсколько шалей знакомымъ дамамъ и въ томъ числѣ, тайкомъ отъ меня, моей дочери.

Насколько можно полагаться на Персидскую аккуратность, нужно надѣяться, что въ часъ пополудни его высочество отправится въ путь. Принцъ поручилъ мнѣ передать его императорскому высочеству великому князю свое сожалѣніе, что *внезапный* [1]) отъѣздъ лишилъ его чести представиться Его Императорскому Высочеству [2]).

Сообщилъ М. Розоновъ.

20-го Ноября 1888 г. Тамбовъ.

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[2]) Письмо Нейдгардта къ графу Сухтелену отъ 16 Октября: Его императорское высочество (*карандашемъ рукою графа Сухтелена:* „великій князь Михаилъ“) приметъ васъ завтра въ 10 или въ 11 часовъ. Такъ какъ его императорск. высочеству сказали, что Хозревъ-Мирза желаетъ его видѣть, что онъ готовъ принять у себя; но только нужно, чтобы онъ былъ заранѣе объ этомъ предупрежденъ. Устройте это и если вы хотите получить какія-нибудь указанія отъ великаго князя, то даже пріѣзжайте сегодня къ его высочеству, и вы будете приняты; но только скажите, чтобы объ васъ доложили, что вы имѣете надобность переговорить съ самимъ великимъ княземъ“.

ПИСЬМА Н. П. СЛѢПЦОВА КЪ КНЯЗЮ БАРЯТИНСКОМУ [1]).

1851.

1) Ст. Сунжинская. 1851 г. Апрѣля 8.

Христосъ Воскресъ! Ваше сіятельство князь Александръ Ивановичъ! Извините, князь, что запоздалъ и письмомъ моимъ, и поздравленіемъ съ годовымъ праздникомъ нашимъ, при чистосердечномъ желаніи всего прекраснаго въ жизни вашей на множество лѣтъ; служебныя хлопоты, а болѣе праздничная суета были тому единственной причиной. Поспѣшаю препроводить къ вамъ копіи съ послѣдней переписки моей по вопросамъ касательно устройства двухъ новыхъ станицъ; изъ нихъ увидите, какъ я торопился отвѣтомъ—писалъ въ самый 1-й день праздника и конечно неполно и довольно несвязно изобразилъ предположенія по многимъ предметамъ. Какъ сумѣлъ такъ и передавалъ ихъ на вопросы довольно сложные и требующіе тщательной точности и вниманія. Что же касается до предшествовавшей переписки по этому предмету, то въ проѣздъ чрезъ Сунжу Машковъ [2]) сказалъ мнѣ, что она имѣется при дѣлахъ Лѣваго фланга, и потому я не прилагаю копій съ нея; если же прикажите, то не замедлю препроводить. Воображаю, ваше сіятельство, какъ весело вамъ пришлось встрѣчать и провожать праздникъ! У насъ здѣсь довольно благополучно, и праздники обошлись безъ тревогъ. Послѣднія извѣстія, полученныя мною чрезъ лазутчиковъ, не оправдываются, и Тавлинцы дѣйствительно усердно занимаются устройствомъ волчьихъ ямъ на Шалинской полянѣ [3]). Вотъ уже приближается и время къ сбору отряда для устройства новыхъ станицъ, и къ тому времени я поспѣшаю закончить всѣ маленькія дѣлишки по линіи и по полку, чтобы посвободнѣе приступить къ новымъ занятіямъ. При душевномъ желаніи добраго здоровья и всего лучшаго, съ истиннымъ уваженіемъ моимъ Н. Слѣпцовъ [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 159-я. Примѣчанія принадлежатъ А. Л. Зиссерману. П. Б.

[2]) Офицеръ, бывшій старшимъ адъютантомъ въ штабѣ Лѣваго фланга.

[3]) Это послѣ взятія окопа Слѣпцовымъ.

[4]) Дальнѣйшія начало и окончаніе писемъ, для краткости опускаются. П. Б.

2) Ст. Сунжинская. 1851 г. Апрѣля 19.

Два письма вашего сіятельства я имѣлъ честь получить; по послѣднему поспѣшаю извѣстить, что я уже донесъ вашему сіятельству объ отсрочкѣ сбора войскъ вмѣсто 20-го къ 25 числу этого мѣсяца; остается рѣшить вашему сіятельству о направленіи вашихъ войскъ къ этому сроку. Перемѣна произошла по случаю поздняго прибытія на Сунжу Эриванскаго баталіона. Ген. Ильинскій увѣдомляетъ, что баталіонъ этотъ прибудетъ на Сунжу не ранѣе 24-го Апрѣля.

Во всякомъ случаѣ я рѣшился далѣе не отсрочивать и заняться дѣломъ съ 26-го и потому соберу всѣ войска здѣшнія 25-го числа въ Заканъ-юртъ, минуя препятствія, еслибъ они и встрѣтились. По разнымъ служебнымъ хлопотамъ я отлучался въ Владикавказъ на два дня и возвратился поздно вчера вмѣстѣ съ Николаемъ Агапычемъ [1]), который сегодня въ Заканъ-юртѣ у своего моста.

Евфросинья Петровна [2]) проѣхала благополучно въ Назранъ и далѣе я даже не успѣлъ распорядиться о высылкѣ ей встрѣчнаго конвоя, ибо выѣхалъ съ ними въ одно время въ станицу Сунжинскую. Опочинины и Ивановы поручили мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое совершенное уваженіе. Простите мнѣ, ваше сіятельство, если замедлилъ какимъ-либо увѣдомленіемъ и въ случаѣ малѣйшаго недоразумѣнія не оставьте приказать, хотя и адъютанту вашему, напомнить мнѣ: я тотчасъ постараюсь исправиться. Наше дѣло здѣсь и святое, и общее, но теперь немудрено сдѣлать маленькую ошибку: ибо и у васъ, и у меня заботъ достаточно. Соображая свѣдѣнія, получаемыя отъ лазутчиковъ съ движеніемъ между ново-покорными нашими, я распорядился вновь сборомъ аманатовъ съ Карабулака, Малыхъ Чеченцевъ и Галашевцевъ. Мнѣ сказывали, что Шамиль, полагая всѣ силы наши оттянутыми на Правый флангъ, замышляетъ что-то не совсѣмъ доброе въ нашихъ краяхъ; будто бы, подъ видомъ для работъ въ Шаляхъ, предполагаетъ сдѣлать стороной сборъ Тавлинцевъ. Это согласно и съ мнѣніемъ вашего сіятельства, ибо въ письмѣ своемъ вамъ угодно было замѣтить, что есть предположеніе о сборѣ рабочихъ Тавлинцевъ въ Большой Чечнѣ; посмотримъ, чѣмъ разъяснится. Хотя всякую весну разсказываютъ здѣсь о приготовленіяхъ и замыслахъ Шамиля, но осторожность не мѣшаетъ. Какъ бы Богъ далъ поскорѣе въ Алханъ-юртъ! Тогда мы будемъ достаточно сильны противъ всѣхъ крамолъ хищниковъ, и я буду ожидать только распоряженій вашего сіятельства, чтобъ быть всюду по указанію вашему. P. S. Ваше сіятельство, если возможно, нельзя ли пріостановить фуражировки по „Тремъ Братамъ“ [3]) изъ Грозной, ибо скоро отряду изъ Алханъ-юрта негдѣ будетъ фуражировать, теперь же всѣ транспорты тамъ травою пользуются.

---

[1]) Ивановъ—строитель мостовъ, впослѣдствіи атаманъ Кубанскаго казачьяго войска.

[2]) Супруга генерала Нестерова, начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

[3]) Названіе мѣстности.

3) Лагерь при Алханъ-юртѣ.

27-го числа этого мѣсяца войска, составляющія ввѣренный мнѣ отрядъ (по соединеніи 26-го въ Заканъ-юртѣ) стали на весьма удобную позицію нѣсколько пониже Алханъ-юрта. Къ сожалѣнію конница еще не вся собралась, и пѣхотѣ много дѣла по расчисткѣ береговъ рѣки и устройству лагеря, и потому разбивку станицы я по необходимости отлагаю до 1-го Мая; теперь же пользуюсь временемъ для благовременнаго заготовленія провіанта, чтобы въ послѣдствіи было сколь можно менѣе отрывокъ пѣхоты отъ занятій. Ваше сіятельство 29-го полагали возвратиться въ Грозную, а у меня здѣсь покуда не совсѣмъ все приведено въ порядокъ, и потому только 1-го числа предстоящаго мѣсяца, т. е. во Вторникъ, мнѣ возможно будетъ исполнить усердное желаніе свое представиться вашему сіятельству въ Грозной; до того же времени обо всемъ буду доносить въ подробности, что̀ здѣсь будетъ дѣлаться.

Сюда въ лагерь прибыла команда саперъ при офицерѣ въ числѣ 35 человѣкъ, которая слѣдуетъ къ вашему сіятельству; по маршруту въ Грозную прибыть должны 12 Мая. Не позволите ли ее на нѣкоторое время задержать здѣсь хотя дней на 7-мь, что̀ было бы весьма полезно при разбивкѣ и начальныхъ работахъ по устройству станицы? Сейчасъ здѣсь слышались пушечные выстрѣлы въ Урусъ-Мартанѣ — разъ пять; вѣроятно хищники угнали нѣсколько скотинъ у мирныхъ. Таже исторія случилась вчера на разсвѣтѣ у Ачхоевскихъ жителей: у нихъ взяли семь быковъ по ихъ собственной неосторожности.

4) Лагерь при Алханъ-юртѣ. 6 Мая.

Сегодняшній день прошелъ въ ожиданіяхъ; непріятель ни ночью ни днемъ еще ничего не придумалъ; можетъ статься, такъ и пройдетъ въ тщетныхъ ожиданіяхъ, ибо рѣшительности въ Чеченцахъ менѣе, чѣмъ хитрости и лукавства. Вы простите мнѣ, искренно многоуважаемый князь, что я запоздалъ высылкой унтеръ-офицера сапернаго и 2-хъ рядовыхъ, предположивъ ихъ отправить 8-го съ той оказіей, которая пойдетъ за вами; ибо конечно вы не измѣнили, князь, обѣщанію вашему пріѣхать 8-го на ночь къ намъ въ нашъ лагерь и провести 9-е. Вообразите, что въ этотъ день пріѣзжаютъ сюда Опочинины и Ивановы въ сопровожденіи Михаила Сергѣича. Николай Агапычъ рѣшилъ 9-е праздновать въ лагерѣ и, пользуясь желаніемъ вашимъ видѣть у себя дамъ ранѣе 30 Августа, я намекнулъ, что имъ не мѣшало бы сдѣлать прогулку къ добрымъ знакомымъ, которымъ они доставили бы величайшее удовольствіе; къ тому же имъ теперь развлеченіе необходимо: всѣми любимый Бахметевъ *) не пе-

*) Инженеръ путей сообщенія во Владикавказѣ.

ренесъ страданій и померъ; всѣ эти доводы подѣйствовали наконецъ. Развѣ слухи о партіяхъ остановятъ. Впрочемъ вамъ и мнѣ 9-го надобно ожидать гостей; если вы здѣсь встрѣтитесь, то къ вечеру можно быть въ Грозной. Сдѣлайте милость, князь, не измѣните своему слову; я всѣми мѣрами постараюсь обезопасить путь для дорогихъ гостей, но до поры до времени секретъ. Привезите съ собой, князь, Чернова и другихъ добрыхъ знакомыхъ.

Извините, что я васъ безпокою такимъ докучливымъ письмомъ; дѣло съ бездѣльемъ иногда необходимо помѣшать: одно другому не помѣха. Планъ станицы еще не сдѣланъ для васъ, но окончивши тотчасъ представлю. Сегодня послалъ князю Михаилу Семеновичу при письмѣ, въ которомъ не забылъ объяснить все *искреннее* по разговору нашему на Сунжѣ.

Не оставьте приказать, когда къ вамъ выслать казаковъ въ Грозную, т. е. къ которому часу 8-го числа? Съ ними препровожу и требуемыхъ саперъ. Если получите что либо о хищникахъ, не откажите приказаніемъ меня извѣстить. Я съ своей стороны блюду спокойствіе вверхъ, согласно инструкціи вашего сіятельства. Увѣдомте, пожалуйста, довольны ли вы приглашеніемъ Владикавказскихъ *); я ихъ очень почитаю; да при томъ вы сами сказали, что желали бы ихъ видѣть ранѣе 30 Августа.

5) Лагерь въ Алханъ-юртѣ. 1851 г. Мая 14.

Изъ донесенія моего ваше сіятельство замѣтите, что занятія наши здѣсь продолжаютъ идти спокойно. Гости наши поручили мнѣ засвидѣтельствовать вамъ еще разъ свои глубокія чувствованія за душевный пріемъ; я ихъ проводилъ до Заканъ-юрта. Новостей здѣсь не слышно никакихъ, даже лазутчики рѣже ходятъ. Мелкія партіи шляются около; раза два или три я высылалъ секреты, но ничего не открыли. Жду переселенцевъ Моздокскихъ; къ несчастію въ устройствѣ новаго парома вышла остановка за канатами, за коими послали въ Кизляръ; прежде купленные не годились, и потому ранѣе 20-го паромъ не будетъ исправленъ. Это обстоятельство задерживаетъ нашихъ переселенцевъ, а теперь бы и время приступать имъ къ занятіямъ своимъ на новосельи. Изъ Тифлиса ни строчки не получалъ. Мнѣ сказывалъ г. Сулимовскій, что ваше сіятельство имѣли намѣреніе сообщить мнѣ нѣчто изъ письма вами полученнаго; любопытно особенно знать, нѣтъ ли чего въ связи съ моимъ письмомъ къ князю Михаилу Семеновичу, о которомъ я объяснялъ вашему сіятельству.

P. S. Поспѣшаю поздравить съ дождичкомъ. Слава Богу!

6) Алханъ-юртъ. 19 Мая.

Вчера я рано утромъ предупредилъ всюду у себя и въ Заканъ-юртѣ о партіи Маки въ 60 человѣкъ; она обнаружилась около Заканъ-юрта, гдѣ

*) Т. е. гостей, семейства Опочининыхъ и Ивановыхъ.

у меня г. Ленскій [1]) заготовляетъ лѣсъ, и была съ успѣхомъ отражена, какъ усмотрите, ваше сіятельство, изъ прилагаемой при семъ копіи съ донесенія г. Ленскаго. Таже партія въ 20 человѣкъ, о которой я получилъ извѣстіе изъ Грозной по порученію вашего сіятельства, нигдѣ не обнаружилась и вѣроятно шляется гдѣ-нибудь ниже.

Теперь вновь извѣстіе о серьезной уже партіи; когда же этому конецъ? Надобно положить предѣлъ всѣмъ крамоламъ хищниковъ, истинно уважаемый князь! Я теперь въ большихъ хлопотахъ, а то бы поскакалъ къ вамъ; надобно мнѣ очень много переговорить. Изъ письма князя Михаила Семеновича, при семъ посылаемаго (которое по прочтеніи не оставьте возвратить) ваше сіятельство увидите, что дѣлишки пойдутъ хорошо, и ваши благодатныя идеи примутъ свое начало; все пойдетъ преотлично. *Вы знаете*, князь, *мое душевное настроеніе и позвольте еще разувѣрить васъ, что я не отступлю отъ союза благонамѣренности и, чего не достанетъ у меня, со всей охотой подчиняюсь всему здравому и благородному, отъ васъ исходящему, въ отношеніи здѣшняго узла, перепутаннаго до nec plus ultra* [2]). Обо всемъ надобно намъ прежде опять переговорить самымъ положительнымъ образомъ, безъ чего я не рѣшусь взяться за перо, чтобъ писать превосходному старцу нашему, консулу [3]).

Обо всемъ буду извѣщать ваше сіятельство; Богъ милостивъ, обойдемся и безъ тѣхъ, кои такъ торопливо спѣшатъ въ Россію [4]).

Душевно обязанъ за воспоминаніе ваше въ письмѣ къ г. главнокомандующему. Располагайте мною, почитаемый князь, и всѣми войсками въ отрядѣ; я же весь къ вашимъ услугамъ: только прикажите!

Ради Бога, будьте увѣрены въ величайшемъ секретѣ съ моей стороны на счетъ всякаго вашего предположенія: во снѣ не проговорюсь, ибо понимаю уже давно, что въ здѣшней войнѣ глубочайшій секретъ есть первое условіе успѣха.

7) Лагерь въ Алханъ-юртѣ. 20-го Мая.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе считаю себя обязаннымъ вашему сіятельству за доброе расположеніе ваше ко мнѣ; *надѣюсь и постараюсь по крайней мѣрѣ всѣми силами моими быть достойнымъ вашего довѣрія навсегда.* Письмо г. главнокомандующаго поспѣшаю возвратить. Эти отвлеченные намеки о возвращеніи г. Козловскаго еще ничего положительнаго со стороны князя не обнаруживаютъ; Богъ милостивъ, для блага

---

[1]) Командиръ батальона Навагинскаго полка.

[2]) Намекъ на многоначаліе, въ подчиненіи у котораго Слѣпцовъ находился: начальнику Лѣваго фланга съ одной, начальнику Владикавказскаго округа съ другой и атаману линейнаго казачьяго войска съ третьей стороны.

[3]) Т. е. главнокомандующему князю Воронцову.

[4]) Намекъ на ген. Козловскаго, спѣшившаго отпускомъ въ Москву, къ невѣстѣ.

края устроится къ наилучшему *). Ко мнѣ пишутъ изъ Моздокскаго полка, что переселенцы, окончивъ свой паромъ, 22-го переправляются со всѣмъ имуществомъ и скотомъ за Терекъ для слѣдованія на водвореніе въ новоустроенной здѣсь станицѣ; это обстоятельство на нѣсколько дней развлечетъ войска въ отрядѣ. Ваше сіятельство, теперь подходитъ покосъ; я у васъ буду нѣсколько разъ за полученіемъ приказаній; увѣдомите только, когда вамъ посвободнѣе, и тогда, выслушавъ ваши рѣшенія о предположеніяхъ военныхъ, приготовлюсь какъ вамъ угодно будетъ приказать; это будетъ вѣрнѣе (въ этомъ отношеніи) переписки. Между тѣмъ мнѣ желательно было бы заглянуть къ ближайшимъ сосѣдямъ своимъ въ М. Чечнѣ; если возможность будетъ ихъ потормошить на скорую руку въ одинъ денекъ, со средствами, которыя у меня подъ рукой, то это думаю сдѣлать, не откладывая на дняхъ. Если Богъ пошлетъ (успѣхъ), тотчасъ же извѣщу ваше сіятельство.

На счетъ записокъ вашихъ о краѣ, если дозволите мнѣ быть ихъ представителемъ у князя-намѣстника, то также думаю, что это лучшій моментъ представить наиполезнѣйшій трудъ вашего сіятельства на заключеніе г. главнокомандующаго. Это облегчитъ все дѣло, ибо въ нихъ все подготовлено сообразно съ благими идеями нашего торжественнаго старика-властителя въ краѣ.

Но прежде всего извольте лично выразить ваши намѣренія по этому предмету; ибо это обстоятельство для меня очень важное, и я не могу рѣшиться на него безъ самыхъ положительныхъ совѣщаній съ вашимъ сіятельствомъ. Сію минуту прибыла ко мнѣ другая сотня Моздокскаго линейнаго казачьяго полка безъ всякаго предписанія, и я не знаю по чьему распоряженію, ибо я ожидалъ сотни въ отрядъ, но не изъ Моздокскаго полка. Сдѣлайте милость, князь, не оставьте разъяснить мнѣ это обстоятельство; равно также я не получаю бумаги отъ васъ и о хуторахъ, какъ вы мнѣ говорили.

8) Лагерь въ Алханъ-юртѣ. 22-го Мая 1851 г.

Предположенія мои рушились; отъ безпрерывныхъ дождей въ горахъ, воды въ рѣкахъ наполнились, слѣдовательно о чемъ вашему сіятельству я докладывалъ секретно, долженъ отложить до болѣе благопріятнаго времени. Между тѣмъ маленькія дѣлишки призываютъ на Верхнюю Сунжу; надобно будетъ побывать хотя на одинъ денекъ; теперь самое лучшее до начатія покоса, да и за трудными переправами нельзя ожидать къ нашей сторонѣ большихъ партій. Сегодня отправлюсь и до возвращенія поручу отрядъ старшему по мнѣ здѣсь, г. Сулимовскому. 24-го непремѣнно обращусь, ибо

*) Какъ дружественны были взаимныя отношенія между кн. Барятинскимъ и Слѣпцовымъ можно судить уже по этимъ сообщеніямъ другъ другу, получаемыхъ отъ главнокомандующаго писемъ, болѣе частнаго, чѣмъ служебнаго характера. Особенно это еще замѣтнѣе со стороны князя, сообщавшаго Слѣпцову свою записку о реформѣ всего военнаго управленія на Кавказѣ, которую Слѣпцовъ признавалъ *благодатною* для края.

въ этотъ день прибываютъ переселенцы съ Терека, и я долженъ ихъ встрѣтить. Послѣ этого немедленно явлюсь къ вашему сіятельству.

9) Лагерь при Алханъ-юртѣ. 1851 г. Іюня 14.

Поспѣшаю препроводить вашему сіятельству оба письма отъ г. главнокомандующаго и къ вамъ, и ко мнѣ; изъ послѣдняго вижу, что желаніе наше исполнилось; не знаю, что̀ заключается въ первомъ, но полагаю, что дѣло пойдетъ къ лучшему. Дай Богъ! Одно обстоятельство въ словѣ *записки о Чечнѣ* меня нѣсколько смущаетъ, ибо въ письмѣ князю Михаилу Семеновичу я писалъ о вашей запискѣ и о вашемъ взглядѣ на *край* вообще; такъ какъ намѣстникъ наиболѣе интересуется теперь положеніемъ Чечни, то вѣроятно онъ замѣнилъ одно слово другимъ при диктовкѣ письма, не обративъ на то особеннаго вниманія [1]). Слава Богу! Лишь было бы благопріятное начало, а то все равно; *надобны ваши записки и болѣе ничего.* Здѣсь второй день дожидается вашъ человѣкъ, служившій прежде у князя Мирскаго, а нынѣ отправляющійся къ вашему сіятельству. Не оставьте въ четыре часа пополудни сего числа выслать на половину дороги, верстъ на пять отъ Грозной, конвой для него, а отсюда я его отправлю. Прилагаемое при семъ письмо мое не оставьте возвратить.

Простите за торопливость письма: спѣшу отправить нарочнаго.

P. S. Что̀ слышно о Шамилѣ, уѣхалъ ли онъ изъ Б. Чечни или еще пребываетъ въ нашемъ сосѣдствѣ? Ко мнѣ мои посланные не идутъ и ничего не увѣдомляютъ по этому предмету.

Поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что я предпринималъ очень сложное и трудное движеніе, которое кончилось по милости Божіей довольно удачно и съ полнымъ успѣхомъ ожидаемаго, даже болѣе.

Извините что не своею рукой пишу это письмо, потому что я очень утомленъ, да притомъ раненъ въ ногу, впрочемъ кажется легко; по крайней мѣрѣ теперь особой боли не чувствую и надѣюсь лечиться въ лагерѣ, если позволятъ, по прежнему командуя отрядомъ, хотя изъ вашей прекрасной палатки, на первое время [2]).

Укр. Ачхой. 1851 г. 15 Іюня.

P. S. Форменное и правдивое донесеніе не замедлю прислать.

10) Ст. Сунжинская, 1851 года Іюня 23.

До 27-го [3]) уже осталось немного, истинно-уважаемый князь Александръ Ивановичъ, а здоровье мое еще не возстановилось. Хотинскій

---

[1]) Главнокомандующій дѣйствительно писалъ только объ одной запискѣ касавшейся особаго народнаго суда для Чеченцевъ. Въ Біографіи князя Барятинскаго (томъ 1-й, стр. 112—115) читатель найдетъ объ этомъ подробности и также объ отношеніяхъ князя съ Слѣпцовымъ.

[2]) Подарокъ князя Барятинскаго Слѣпцову.

[3]) Къ этому числу князь Барятинскій приглашалъ Слѣпцова въ Грозную для участія въ предположенномъ имъ 28 числа движеніи въ Большую Чечню, которое и состоялось съ полнымъ успѣхомъ.

уничтожилъ конское средство и велѣлъ бросить заволоку, и теперь мнѣ легче, но встать еще не могу; послѣднія заволоки были ужасно нестерпимы· онѣ меня чуть въ горячку не вогнали.

Позвольте вамъ представить, князь, подателя письма сего г. есаула Петрова. Хотя по наружности онъ и кажется не джигитомъ, потому что безъ бороды, но въ сущности онъ-то и есть истый джигитъ-молодецъ; по хозяйственной части тоже весьма исправенъ; полагаю, что ваше сіятельство останетесь имъ довольны.

Теперь, князь, моя покорнѣйшая просьба не брать по крайней мѣрѣ изъ кавалеріи болѣе трехъ сотенъ казаковъ; пѣхота и артилерія пусть пойдутъ по назначенію вашего сіятельства; къ этому времени слѣдуютъ сюда Донскіе переселенцы съ большимъ числомъ скота; кромѣ того и у Моздокскихъ довольно; тѣмъ болѣе что они (хищники?) смѣняются безпрерывно; при томъ работы много, а на три дня отрывокъ. Больше и нельзя оставить новыя станицы безъ прикрытія; вамъ же можно болѣе взять со старой линіи конницы. Если можно только, я прошу; право, крѣпко опасаюсь, чтобы чего не случилось: хищники всюду шныряютъ. Копію съ донесенія при семъ прилагаю. Къ тремъ сотнямъ можно будетъ взять изъ лагеря еще одну сотню милиціи.

Письмо князя-намѣстника возвращаю; еще нѣтъ ничего отъ старика; правда, что и донесеніе мое я посылаю только сегодня.

Позвольте еще разъ, князь, душевно благодарить за вниманіе ко мнѣ. Вы мнѣ доставили самый пріятный денекъ, но я ужасно сердился, что вы скоро уѣхали [1]), и Богъ васъ наказалъ имѣть ночлегъ въ Заканъ-юртѣ.

Князя Тарханова когда прислать? Изъ Навагинцевъ не знаю уже кого бы лучше вамъ взять; порядочное дрянцо оба полковники—чуть чуть если коснется серьезнаго. P. S. Шатиловъ [2]) просто прелесть!

11) Ст. Сунжинская. 1851 г. Іюня 23.

Въ дополненіе предыдущаго письма моего по важному обстоятельству, касающемуся вашихъ предположеній, князь Александръ Ивановичъ, я полагаю необходимымъ, если мало-мальски здоровье дозволитъ, 26-го къ 4-мъ часамъ по полудни добраться до Алханъ-юрта, гдѣ и буду ожидать все время движенія вашего; если-бы 26-го намъ было возможно повидаться, то устроилось бы какъ лучше все это: какъ разъ къ этому времени налегаютъ

---

[1]) Какъ согласовать эти слова съ разсказомъ г-на Ахшарумова на счетъ посѣщенія кн. Барятинскимъ раненаго Слѣпцова? Еслибы послѣдній, за оказанное ему сочувствіе и вниманіе, платилъ рѣзкими словами и насмѣшками надъ „гофмейстерскими демаршами“, то надъ нимъ пришлось бы гораздо рѣзче произнести приговоръ за такія дипломатическія, ничѣмъ не вынужденныя, преувеличенныя сладостныя чувства и комплименты; но это мало похоже на прямаго, честнаго Слѣпцова, и потому приходится болѣе вѣрить его письмамъ.

[2]) Командиръ баталіона Эриванскаго полка.

разныя хлопоты, и переселенцы болѣе всего меня смущаютъ. Лучше было бы, если-бы ваше сіятельство не переписывались объ этомъ предметѣ ни съ кѣмъ изъ отряда, а то выйдетъ калабалыкъ, или секретъ не удержится.

12) Ст. Сунжинская. 1851 г. 25 Іюня, 7 часовъ вечера.

Сію секунду прибылъ сюда баталіонный адъютантъ Эриванскаго баталіона за провіантомъ и, явясь ко мнѣ, разсказалъ, что г. Сулимовскій откомандировалъ 1-ю Эриванскую роту, пушку и сотню казаковъ на Терекъ за Донскими переселенцами; это распоряженіе онъ сдѣлалъ совершенно безъ моего вѣдома. Сію секунду же тороплю Предимирова на своихъ дрожкахъ скакать въ лагерь, чтобы онъ все привелъ сколь возможно въ порядокъ. Это просто изъ рукъ вонъ г. Сулимовскій! За скромность Предимирова я ручаюсь, а онъ за меня всѣмъ распорядится и завтра же донесетъ вамъ обо всемъ; надо разсчитать маршъ пѣхоты съ орудіями на Воздвиженское, прибрать вожаковъ и соблюсти весь секретъ; доселѣ покуда еще ничего неизвѣстно. Сунжинская сотня была у меня распущена по хозяйству, но уже собрана и явится по назначенію съ ракетами къ вамъ; вѣрно она не ударитъ себя лицомъ въ грязь, надобно полагать. Ахъ, досадно, князь, что не могу быть подъ начальствомъ вашимъ; это говорю вамъ отъ всей души моей.

13) Ст. Сунжинская. 1851 г. Іюня 25, 5 часовъ пополудни.

Не получая отъ васъ письма, князь, я было крѣпко призадумался; Богъ знаетъ, что́ мнѣ приходило въ голову. Теперь, Слава Богу, и я спѣшу все исполнить по желанію вашего сіятельства. Вы знаете, князь, какая моя досада; вчера я дѣлалъ пробу, ставъ на костыли и чуть чуть не надѣлалъ большихъ бѣдъ; съ ногой, кажется, еще не обойдется меньше недѣли. Сколько я хлопочу быть вамъ полезнымъ въ исполненіи предпріятія, въ этомъ вѣроятно вы не усумнитесь, истинно-почитаемый князь. Какая жалость, что Донскіе переселенцы уже на пути отъ Ищоры въ Алханъ-юртъ; ихъ конвоируетъ рота съ пушкой, которая послана сегодня; конница также въ разбродѣ. Теперь только чувствую, сколь тягостно, что не могу быть въ отрядѣ; кто поведетъ въ Воздвиженское? Сію минуту посылаю втораго *себя*—Предимирова, съ подробными инструкціями въ лагерь для приведенія въ исполненіе всѣхъ распоряженій вашего сіятельства, которыя довольно сложны. Признаюсь, я опасаюсь за лагерь и Донскихъ переселенцевъ на время вашего отсутствія; отсюда я не могу послать ничего, а конница вся изъ лагеря отправляется съ вами. Народъ ничего не знаетъ и отправляется по станицамъ; такъ Понсетъ *) ѣдетъ сюда. Что́ дѣлать, я имъ говорить не стану.

*) Понсетъ былъ адъютантомъ у главнокомандующаго, князя Воронцова, при которомъ отецъ его служилъ еще во Франціи. Онъ братъ графини Натальи Михайловны Милютиной, тесть бывшаго военнаго министра.

Князь Витгенштейнъ пріѣхалъ сюда, слѣдуетъ къ вамъ; кстати онъ съ Тархановымъ попадутъ.

14) Ст. Сунжинская. 1851 года Іюня 26-го.

Вчерась еще на ночь послалъ Предимирова *) въ отрядъ съ полными инструкціями привести въ исполненіе всѣ распоряженія ваши, многопочитаемый князь Александръ Ивановичъ.

Меня это также безпокоитъ, какъ и васъ; вѣрьте, князь. Г-ну Сулимовскому, за своевольныя его командировки въ лагерѣ, я велѣлъ объявить чрезъ Предимирова (неразобрано). Вѣроятно уже донесъ вамъ обо всемъ; онъ все устроитъ, сколь можно хорошо, ибо я ему все передалъ и разсказалъ секретно; иначе я бы отсюда ничего не могъ сдѣлать. Что̀ Богъ дастъ; мое же желаніе полнаго и прекраснѣйшаго успѣха вамъ всегда и во всемъ. Пожалуста не замедлите послѣ увѣдомить, гдѣ будете и что̀ Богъ пошлетъ; меня это будетъ интриговать. Сегодня здоровье мое весьма скверно; ночи безъ сна помучили меня; довольно я страдаю. Вотъ вамъ и незначительная рана! Когда поправлюсь, это Богу извѣстно; да и докторъ не обѣщаетъ много хорошаго для ноги и послѣ.

15) Ст. Сунжинская. 1851 г. Іюня 30.

Простите мнѣ, искренно и истинно-почитаемый князь Александръ Ивановичъ, что доселѣ не могъ поздравить васъ съ благополучнымъ и отличнымъ окончаніемъ предпріятія; оно совершилось вполнѣ и какъ нельзя удачнѣе; премного обязанъ за вниманіе къ казачкамъ моимъ. Слава Богу, что они могли показать себя достойными вниманія вашего. Мнѣ часъ отъ часу не легче. Таже безсонница, и мученіе увеличивается отъ продолжительнаго лежанія въ постелѣ; такъ что я начинаю страдать грудью не на шутку. Къ князю-консулу писать теперь почти не могу лично, а диктовать какъ-то неловко, постараюсь впрочемъ завтра отправить посланіе съ добрыми вѣстями. Всѣ въ восхищеніи отъ вашего похода, живаго и веселаго; князь Витгенштейнъ и Тархановъ не могутъ забыть, и первый отправился въ Владикавказъ. Дай Богъ вамъ всего, всего прекраснаго и полнаго успѣха во всѣхъ полезныхъ доблестныхъ дѣлахъ вашихъ.

P. S. Къ пріѣзду намѣстника не доѣдете ли до Сунжи?

16) Воды Михайловскія. 1851 г. Іюля 18.

Премного и душевно обязанъ вашему сіятельству за память добрую вашу; увѣренъ въ томъ, что не забыли меня и скажу въ четырехъ словахъ мои бѣдствія. Во 1-хъ, письмо ваше я получилъ чрезъ Донскаго ка-

---

*) Предимировъ, штабъ-офицеръ въ Сунжинскомъ полку, ближайшій помощникъ Слѣпцова, замѣнившій его послѣ смерти въ командованіи полкомъ. Въ началѣ 1855 г.; выѣхавъ на встрѣчу новаго главнокомандующаго, Н. Н. Муравьева, Предимировъ на дорогѣ умеръ отъ удара. Злые языки острили, что отъ страха....

зака только сегодня въ 11-ть часовъ утра. Потомъ прошу не вѣрить безсмысленнымъ толкамъ сплетниковъ, каковы наши офицеры; я потерялъ надежду не только ходить, но и встать съ постели, ибо доселѣ не нахожу покойнаго положенія и не могу уже сидѣть. Желчь меня съѣла; я переѣхалъ на воды, по крайней мѣрѣ отъ мухъ. У меня было два дня кровотеченіе изъ раны, послѣ послѣдняго нашего свиданія, и нынѣ кажется мнѣ лучше, ибо я принимаю ванны; но не знаю, когда получу употребленіе ногъ.

Простите, князь, что такъ пишу: право не въ моготу, досадно на мое положеніе. Чортъ бы побралъ Талгика [1]) за его пакости; попадется каналья когда-нибудь! Меня постоянно здѣсь бѣсятъ различными неисправностями объ артилеріи, она придетъ своимъ порядкомъ. Вчера къ вашему сіятельству отправлено какое-то письмо изъ Владикавказа, на которое требовалось по письму Ильинскаго отвѣтъ, я послалъ особаго нарочнаго, но отвѣта не было получено; объ друзьяхъ Владикавказскихъ я ничего не знаю. Да, теперь правда, мое положеніе весьма не завидное. *Если вздумаете посѣтить меня*, многоуважаемый князь Александръ Ивановичъ, я живу на водахъ въ особомъ домикѣ и лагеремъ. *Богъ знаетъ, выберется ли вамъ свободное времячко по случаю тревогъ вашихъ и покоса, а весело было бы потолковать о томъ, о семъ* [2]), а главное о консулѣ, какъ-то онъ проѣхалъ далѣе. Въ Моздокѣ, говорятъ, немножко заболѣлъ почтенный старикъ.

P. S. У меня, я полагаю, половина груди наполнена желчью и на языкѣ наросла цѣлая кора; простите, что пишу торопливо, да и неловко писать.

17) Воды Михайловскія. 1851 г. 20-го Іюля.

Казимиръ Ануфричъ Александровичъ засталъ меня уже здѣсь на водахъ; я весьма доволенъ дѣйствіемъ водъ, онѣ все направили къ лучшему, и душевно былъ радъ познакомиться съ этимъ отличнѣйшимъ и искуснѣйшимъ въ лѣченіи ранъ медикомъ на Кавказѣ. Очень, очень признателенъ г. Андріевскому [3]), что онъ командировалъ его сюда; по крайней мѣрѣ я теперь нѣсколько увѣренъ, что останусь съ движеніемъ ноги, хотя чрезъ мѣсяцъ, а теперь покудова все валяюсь и не могу даже присѣсть. Мочи нѣтъ какъ досадно. *На преилюбезнѣйшее и пріятнѣйшее ваше намѣреніе для меня посѣтить меня спѣшу сказать одно, что боюсь, чтобы помѣщеніе мое скудное здѣсь нисколько не стѣсняло васъ; а весьма пріятно было бы, сердечно пріятно повидать васъ, искренно почитаемый князь; придется еще намъ многонько толковать.* М-е Опочининой письмо ваше я отправилъ.

18) 25 Іюля 1851 г. Воды Михайловскія.

Простите меня ради Бога, что не отвѣчалъ вашему сіятельству на предыдущее письмо: будучи обнадеженъ любезнымъ намѣреніемъ вашего

---

[1]) Талгикъ—наибъ въ Чечнѣ.

[2]) Неужели и это только дипломатія, а не дѣйствительное желаніе видѣться съ княземъ Барятинскимъ?

[3]) Андріевскій—докторъ князя М. С. Воронцова и весьма близкій, вліятельный человѣкъ, послалъ къ Слѣпцову доктора Александровича, по приказанію главнокомандующаго.

сіятельства посѣтить Сунжу, *я ждалъ васъ со дня на день и потому откладывалъ писаніе*; да кромѣ того въ большой досадѣ, что долго приходится лежать. На счетъ транспортныхъ лошадей сію минуту дѣлаю распоряженіе, и 36 будутъ завтра собраны для благополучнаго доставленія г. Нестерова во Владикавказъ; я полагаю, князь, что отъѣздъ изъ Грозной доставляетъ вамъ немало огорченія. Изъ Владикавказа нѣтъ ко мнѣ ни единой вѣсточки; изъ штабовъ также; кажется, никто не хочетъ вести со мной переписку, да Богъ съ ними! *Коли вашему сіятельству свободно, прогуляйтесь до Михайловской, а я распоряжусь всюду конвоемъ, когда прикажете. Крайне бы обязали.*

19) Михайловскія воды, 1851 г. Августа 2-го.

Премного и душевно обязанъ вамъ, искренно почитаемый князь, за постоянно добрую память вашу. Здоровье мое, благодаря Бога, поправляется, и я начинаю двигаться, крайне сожалѣя, что по настоящимъ тревогамъ еще не въ силахъ сѣсть на лошадь. У насъ здѣсь значительный сборъ, о подробностяхъ котораго и мѣрахъ, принятыхъ мною, разскажетъ вамъ полковникъ Левинъ, бесѣда коего усладила хотя на нѣсколько часовъ скучную жизнь здѣшнюю.

Когда-то я дождусь ваше сіятельство; а посѣщеніе ваше, говоря со всѣмъ чистосердечіемъ, было бы для меня истиннымъ праздникомъ. По желанію вашему поспѣшаю препроводить списокъ мною представленныхъ г.г. офицеровъ отряда. Это будетъ прекрасно, если они разобьются по представленіямъ; о моихъ я уже и не знаю кого представить, развѣ кн. Беслана Маршани. О казакахъ, т. е. одного изъ сотни и одного изъ ракетной команды, не оставьте ствоимъ ходатайствомъ; много бы нужно было поговорить, да нѣтъ возможности мнѣ еще пускаться въ путь. Истинно огорчительны ваши сомнѣнія на счетъ перемѣны мѣста; рыжихъ собакъ, каковъ б. Меллеръ [1]) можно, кажется, взять и на свору; они не опасны, повѣрьте, князь, для васъ въ теперешнемъ положеніи; развѣ г. главнокомандующій дѣйствительно задумалъ дать вамъ новое назначеніе. О любезныхъ барыняхъ нашихъ нѣтъ ни слуху ни духу; уже я полагаю, не сердятся ли онѣ на меня за что; впрочемъ теперь кажется я не въ состояніи сдѣлать никому неудовольствія.

20) Ст. Сунжинская, 1851 г. Сентября 10.

Со дня на день откладывалъ я писать къ вамъ, искренно уважаемый князь, потому что не имѣлъ никакихъ извѣстій изъ Капкая [2]) о приказѣ за 22 Августа, да и нынѣ еще ничего нѣтъ кромѣ № „Инвалида", который поспѣшаю отправить при семъ же; если этимъ ограничится все ожидаемое,

---

[1]) Баронъ Меллеръ-Закомельскій, командиръ 2-й бриг. 20-й дивизіи, бывшій командиръ Куринскаго полка,—не пользовался симпатіями на Кавказѣ.

[2]) Т. е. Владикавказа. Казаки и вообще простонародье называли Капкай.

то не много новостей для Кавказа по случаю торжества Святой Руси [1]).

Не знаю уже, почему на меня особенно подѣйствовалъ праздникъ вашъ прекрасный [2]) по всему, а болѣе по радушію и свѣтлой душѣ хозяина, котораго ужасно грустно выпускать изъ сосѣдства, особенно по сближенію срока нашей военной дѣятельности въ Чеченскихъ странахъ. Съ трудомъ и съ досадой вѣрится, что вы насъ оставите. Когда-бы сдѣлалось иначе! *Это искренне-чистосердечное желаніе истинно васъ понимающихъ.*

Барыньки наши провели еще сутки у меня и потомъ отправились съ самыми пріятными воспоминаніями о поѣздкѣ въ Грозную и о прекрасномъ, по истинѣ-Русскомъ радушіи хозяина. Ко мнѣ пріѣхалъ братъ - степнякъ, по извѣстіи о ранѣ моей. Это обстоятельство только могло расшевелить одного изъ толстыхъ Саратовцевъ, обитающихъ безвыѣздно въ деревняхъ своихъ; между прочимъ, онъ привезъ мнѣ любимой наливки: рябиновки и черной смородины; къ сожалѣнію весьма немного. Какова наливочка, князь? Кстати вы вспоминали какъ-то у меня о рябиновкѣ.

21) Ст. Алханъ-юртъ. 1851 г. Сентября 21-го.

Конечно не усумнитесь, искренно и многоуважаемый князь, въ моемъ истинномъ восторгѣ отъ чуднаго дѣла вашего [3]), но я еще болѣе восхищаюсь въ то время, когда васъ почти уже удаляютъ изъ нашихъ странъ. Это послужитъ укоромъ за будущее. Дай вамъ Боже всего прекраснѣйшаго по вашей превосходной душѣ. Письмецо ваше застало меня въ Самашкахъ по пути въ Алханъ-юртъ, гдѣ я нахожусь по разнымъ дѣлишкамъ; поскакалъ бы въ Грозную, да многое останавливаетъ меня. На этихъ дняхъ здѣсь я не могу даже располагать днемъ однимъ; да при томъ вы меня раззадорили противъ врага: надобно мнѣ ихъ по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь также хотя немножко постращать. На дняхъ я былъ въ Владикавказѣ; тамъ превесело живутъ, и театръ препорядочный изъ труппы Ставропольскихъ актеровъ. Мы часто вспоминали васъ у прелюбезныхъ барынекъ нашихъ. Какъ бы *Богъ привелъ васъ поскорѣе повидать къ душевному удовольствію всѣхъ васъ истинно любящихъ и уважающихъ, въ числѣ коихъ позвольте навсегда остаться изъ первыхъ почитателей вашихъ.*

Устраиваю почту по вашему желанію; какъ-то пойдетъ! Я не получалъ отъ васъ ничего форменнаго, кромѣ одной бумаги ко мнѣ и письма къ артилеристу Михайлову. Видно, вы еще не послали донесенія.

Сообщено *А. Л. Зиссерманомъ.*

---

[1]) Производствами, орденами и проч. очевидно интересовались всѣ безъ исключенія, особенно 22 Августа—день коронованія Николая Павловича и празднованіе 25-тилѣтія его царствованія.

[2]) Гости изъ Владикавказа, семейства Опочининыхъ и Ивановыхъ, въ сопровожденіи Слѣпцова, двое сутокъ провели у кн. Барятинскаго въ Грозной. Пиръ стоялъ горой, и пиръ чисто-Кавказскій.

[3]) 15 Сент. 1851 г. князь Барятинскій нанесъ сильное пораженіе большой Чеченской партіи, напавшей вблизи Грозной на стада мирныхъ жителей.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава IV.

Политика Англіи и экспедиція авантюристовъ къ восточному берегу Чернаго моря.—Взгляды по этому поводу князя Барятинскаго.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Устройство Военно-Грузинской дороги.—Поѣздка по Лѣвому крылу до Хасавъ-Юрта.—Рекогносцировка въ Аухъ.—Посѣщеніе Ставрополя, Праваго крыла, Пятигорска.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Безпрерывность и настойчивость военныхъ дѣйствій.—Дѣла въ Чечнѣ и Салатавіи.—Овладѣніе Аргунскимъ ущельемъ.—Дѣйствія Лезгинскаго отряда.—Смерть барона Вревскаго и приказъ объ этомъ по арміи.—Взятіе Веденя.—Письмо князя къ Евдокимову и отвѣтъ его.—Предположенія на 1859-й годъ.

Въ Мартѣ 1856 года былъ подписанъ въ Парижѣ мирный договоръ. Западныя державы достигли цѣли: наше могущество на Черномъ морѣ было уничтожено, вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ подорвано. Казалось, послѣ трехъ лѣтъ тревогъ и кровавой борьбы, потребовавшей отъ всѣхъ участниковъ столькихъ жертвъ, можно было успокоиться; можно было надѣяться, что наши противники, по крайней мѣрѣ, съ уваженіемъ отнесутся къ своимъ собственнымъ подписямъ, такъ торжественно приложеннымъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ къ мирному трактату. Но лишь незнакомство съ традиціями коварной Англійской политики могло допускать подобныя предположенія...

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уже дошли до насъ слухи, что въ Константинополѣ, при содѣйствіи Англійскаго посла лорда Редклифа и послушной его волѣ Оттоманской Порты, снаряжается экспедиція къ берегамъ Чернаго моря для снабженія Черкесовъ предводителями изъ разныхъ авантюристовъ и средствами въ борьбѣ съ нами. Князь Горчаковъ, основываясь на свѣдѣніяхъ своихъ дипломатовъ, вполнѣ ус-

покоивалъ князя Барятинскаго на счетъ этихъ слуховъ. И дѣйствительно, казалось немыслимымъ допустить, чтобы въ мирное время, на глазахъ столькихъ державъ, взаимно обязанныхъ соблюдать недавно заключенный трактатъ, 4—5 тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ Европейскими винтовками, снабженныхъ артилеріей и всякими военными запасами, садились на корабли и переплывали Черное море, какъ будто безъ вѣдома Турецкаго правительства и лорда Редклифа. А между тѣмъ это совершилось фактически, и вся Европа, конечно, объ этомъ узнала и, быть можетъ, улыбалась, видя, какъ мы наивно возмущаемся...

Князь Барятинскій полагалъ, что этотъ случай давалъ наилучшій поводъ Франціи отказаться отъ коварной дружбы Англичанъ, загребавшихъ въ то время жаръ руками Наполеона. Но этого не случилось.

Въ тоже время Англія, подъ пустымъ предлогомъ, затѣяла войну съ Персіей, и это было, по мнѣнію князя Барятинскаго, ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ борьбы, предпринятой ею противъ насъ на Востокѣ. Лондонскій кабинетъ, чтобы подготовить умы и скрасить впечатлѣнія договора, который онъ имѣлъ намѣреніе заключить съ Персіей, распространялъ слухи о существованіи якобы тайнаго договора между Россіей и Персіей; а самъ между тѣмъ включалъ въ вынужденный отъ Персіи трактатъ такія условія: право прямаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана, учрежденіе Англійскихъ консульствъ вездѣ, гдѣ мы ихъ имѣемъ, слѣдовательно и на берегахъ Каспійскаго моря. Очевидно, результатомъ этого было бы: первенство Англійской политики въ Персіи, упроченный протекторатъ надъ Кабуломъ и Гератомъ, дающій ходъ интригамъ и возможность вторгнуться въ Каспійское море Англійскому флоту, для поддержки всякой враждебной намъ попытки со стороны Туркестана и облегченія Англійскимъ агентамъ способовъ вести враждебную намъ пропаганду и въ Закавказьѣ.

Князь Барятинскій ясно сознавалъ всю опасность очевидной, упорной борьбы, продолжаемой Британскимъ правительствомъ противъ Россіи. Какъ правитель края, ближайшаго къ театру дѣйствій. онъ не могъ относиться пассивно

къ подобному положенію, и потому писалъ въ Петербургъ о необходимости предупредительныхъ мѣръ. Онъ полагалъ: во 1-хъ, привлечь на нашу сторону Туркменъ, предложивъ имъ выгодныя условія найма ихъ рыболовныхъ тоней и якорныхъ мѣстъ, въ особенности у острова Челекеня (одного изъ важныхъ пунктовъ восточнаго берега Каспійскаго моря, служащаго нашему флоту вторымъ якорнымъ мѣстомъ), дѣйствуя однако въ этомъ случаѣ весьма осторожно, чтобы не возбудить неудовольствія Персіи, косо смотрящей на сношенія съ Туркменами, на которыхъ она предъявляетъ свои права. Во 2-хъ, предупреждать тѣ сдѣлки, какія Англичане неизбѣжно предложатъ Туркменамъ, держась этой системы и съ прибрежными, и съ другими туземцами внутри страны. Наблюденіе за восточнымъ берегомъ Каспія поручить Астраханскому губернатору Васильеву. Въ 3-хъ, вступить тотчасъ, при помощи дипломатическихъ агентовъ, въ сношенія съ владѣтелями Средней Азіи. Въ 4-хъ, немедленно приступить къ пересмотру торговаго договора съ Персіей, напримѣръ, пунктовъ о внутренней торговлѣ, судебномъ утвержденіи векселей и т. д. При этомъ случаѣ, съ помощью Садръ-Азама, повидимому готоваго намъ помочь, обезпечить наши права на Каспіи и, по возможности, парализовать тревожные результаты перевѣса Англіи. Было бы, конечно, еще полезнѣе военное занятіе Мазандэрана на нѣкоторое время. Излагая это въ письмѣ отъ 13 Марта 1857 г., князь Барятинскій добавилъ: „изучивъ тщательнѣе наши выгоды и наши средства, мы конечно увидимъ ясно и вполнѣ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы обезпечить нашу будущность въ этихъ странахъ и предупредить затрудненія, которыя приготовляются намъ нашими противниками“.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого письма, 27 Марта, князь опять возвращался къ занимавшему его предмету и писалъ въ Петербургъ, что онъ опасается, какъ бы Англичане не остались совсѣмъ въ Персидскомъ заливѣ, сохранивъ этотъ пунктъ (примыкающій къ проектируемой ими желѣзной дорогѣ до Евфрата), какъ военную стоянку, угрожающую Персіи и упрочивающую ихъ торговое вліяніе, при поддержкѣ силою оружія. Такимъ намѣреніямъ, по мнѣнію князя, слѣдуетъ противопоставить подобный же перевѣсъ на Сѣверѣ Персіи

и на границѣ Афганистана, для чего полезно было бы, съ согласія Персіи, занять подходящее мѣсто между рѣками Атрекомъ и Гургенемъ. Съ этого пункта мы могли бы наблюдать за Персіею, господствовать надъ Туркменами, заставили бы дрожать Хивинскаго хана и очутились на дорогѣ чрезъ Мешхедъ къ Герату и Кабулу. Такимъ образомъ, мы предотвратили бы послѣдствія договора Персіи съ Англіею, могущаго навсегда закрѣпить вліяніе ея на Гератъ и Среднюю Азію. „Да и война, продолжаетъ князь, неизбѣжная въ будущемъ, поставила бы насъ безъ этаго въ болѣе затруднительное положеніе: ибо Англичане, расположась въ Персидскомъ заливѣ, у Кандагара, Кабула и Герата, войдутъ въ сношенія съ Среднеазіатскими ханами и засыплятъ ихъ золотомъ. А если бы имъ еще удалось возвратить себѣ расположеніе Персіи, оскорбленной недавнимъ унизительнымъ договоромъ, то возможность востановить наше политическое положеніе оказалась бы весьма сомнительной. Было бы также очень важно для насъ имѣть на нашей сторонѣ Францію или, по крайней мѣрѣ, ея рѣшительный нейтралитетъ; а дѣятельныя мѣры наши противъ перевѣса Англіи въ этой части Востока произвели бы серьезный кризисъ: ей пришлось бы двинуть на край свѣта всѣ свои военныя силы, и что́ было бы пощажено штыками и пушками нашей арміи—погибло бы отъ климата и различныхъ невзгодъ въ этихъ странахъ. „Сомнѣваюсь, чтобы они допустили такой оборотъ дѣлъ; потому что тогда бы наша дипломатія заговорила согласно съ нашимъ положеніемъ. И такъ, по моему мнѣнію надобно какъ можно скорѣе завладѣть мѣстомъ, о которомъ я сказалъ выше“, прибавлялъ князь Александръ Ивановичъ, настаивая при этомъ случаѣ и на необходимости скорѣйшей постройки желѣзной дороги за Кавказомъ.

Если опасенія его не вполнѣ оправдались, то едва ли не благодаря возникшему вскорѣ возстанію Сипаевъ въ Индіи, вынудившихъ Англію обратить туда свое главное вниманіе и всѣ военныя средства: обстоятельство, конечно, никѣмъ не предвидѣнное.

Не слѣдуетъ забывать, что это было писано 32 года тому назадъ. Почти все по мысли князя Барятинскаго осу-

ществилось, только къ сожалѣнію, гораздо позже. Теперь обстоятельства измѣнились, и все вышеписанное интересно, какъ историческая справка и какъ подтвержденіе моихъ словъ на счетъ взглядовъ князя Барятинскаго на наши политическія дѣла.

Приходилось однако принять мѣры противъ непрошенныхъ гостей, высадившихся на нашъ Восточный берегъ Чернаго моря. Князь Александръ Ивановичъ счелъ нужнымъ поторопиться посѣщеніемъ Сѣвернаго Кавказа, котораго онъ, со времени назначенія главнокомандующимъ, еще не видѣлъ; къ тому же, съ Западною частью края онъ вообще весьма мало былъ знакомъ.

12 Апрѣля 1857 года князь выѣхалъ изъ Тифлиса и 13-го утромъ прибылъ въ Коби, послѣ труднаго ночнаго переѣзда чрезъ горы, еще покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

Давно знакомый съ Военно-Грузинской дорогой, этой важной артеріей, связывающей Россію съ Закавказскимъ краемъ, и не разъ испытавшій трудность сообщенія по ней, князь въ этотъ разъ окончательно рѣшилъ, не теряя времени, серьезно приступить къ ея разработкѣ. Хотя иниціатива постройки шоссе принадлежала генералу Муравьеву, который въ 1855 году, тотчасъ по прибытіи на Кавказъ, приказалъ приступить къ производству изысканій и составленію проекта, но приведеніе этого въ исполненіе принадлежитъ всецѣло энергіи и настойчивости князя Барятинскаго.

Начало изысканій инженера путей сообщенія Статковскаго относится къ веснѣ 1856 года, а окончаніе къ началу 1857 года. Г. Статковскій и еще другой инженеръ Богушевичъ были командированы княземъ Барятинскимъ за границу для изученія шоссейныхъ дорогъ, проложенныхъ чрезъ высокіе горные хребты. Въ 1858 году состоялось Высочайшее утвержденіе проекта, составленнаго Статковскимъ, и для производства работъ ассигнованъ милліонъ рублей. Въ 1859 году князь Александръ Ивановичь имѣлъ удовольствіе проѣхать по дорогѣ, разработанной въ чернѣ, только въ половину ширины пути; но вполнѣ построеннаго шоссе не довелось ему видѣть. Хотя оно въ 1861 году было уже готово, но

князь Барятинскій уѣхалъ больной изъ Тифлиса въ Апрѣлѣ 1861 года чрезъ Кутаисъ, по Черному морю.

Постройка этого шоссе была великимъ благодѣяніемъ для всего Кавказскаго края и, можно сказать, даже для всего государства. Нужно было видѣть, какія бѣдствія испытывались на этой дорогѣ всѣми проѣзжающими, проходящими войсками и транспортами, сколько гибло людей и животныхъ, сколько затрачивалось денегъ, какія затрудненія возникали во времена войнъ за Кавказомъ, чтобы судить о значеніи благодѣянія, оказаннаго постройкою этого образцоваго шоссе, еще болѣе усовершенствованнаго впослѣдствіи, при преемникѣ князя Барятинскаго, Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

На второмъ зигзагѣ Млетскаго подъема, у базальтовыхъ столбовъ, вдѣлана въ скалу бронзовая доска, съ слѣдующею надписью: „Въ управленіе намѣстника Кавказскаго князя Барятинскаго, построено шоссе чрезъ перевалъ Кавказскихъ горъ, инженеръ-подполковникомъ Статковскимъ, по его же проекту. Въ управленіе путями сообщенія на Кавказѣ инженеръ генералъ-маіора Альбранда. 1857—1861 г.“.

И до сихъ поръ благословляютъ имя князя Барятинскаго всѣ, кому приходится ѣхать по этой дорогѣ, и особенно всѣ туземцы, столько страдавшіе на прежнемъ ужасномъ пути.

Въ Коби главнокомандующаго встрѣтилъ генералъ Евдокимовъ. Нечего и говорить, какъ любезно былъ онъ принятъ, послѣ такихъ успѣшныхъ дѣйствій его въ Чечнѣ минувшею зимою. Впрочемъ, князь Александръ Ивановичъ имѣлъ способность очаровывать всѣхъ своимъ пріемомъ, отличавшимся отсутствіемъ всякой слащавой любезности, но полнымъ достоинства и безъ внушенія чувства страха. Пишущій эти строки былъ въ Коби при встрѣчѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Евдокимовымъ, и затѣмъ въ числѣ сопровождавшихъ князя по Лѣвому крылу; слѣдовательно, имѣлъ достаточно случаевъ наблюдать и основывать свои слова на дѣйствительности.

Проѣхавъ изъ Владикавказа по Сунжинской линіи въ Грозную, князь Барятинскій оставался здѣсь четыре дня. О встрѣчахъ и оваціяхъ говорить не буду; торжество было все-

общее, и особенно поражали насъ Чеченцы своими искренними проявленіями радости. Недавніе враги, упорно защищавшіе каждый оврагъ, каждый кустъ на пути отрядовъ, предводимыхъ княземъ Барятинскимъ, выселившись затѣмъ подъ защиту нашихъ крѣпостей, они теперь окружали его и шумными, благодарными восклицаніями выражали удовольствіе своимъ положеніемъ, которымъ вполнѣ обязаны его же распоряженіямъ.

22 Апрѣля князь Александръ Ивановичъ переправился чрезъ Аргунъ, у недавно построеннаго укрѣпленія Бердыкеля; и до Шалинскаго укрѣпленія, по гладкой, ровной дорогѣ, съ однимъ коннымъ конвоемъ, мы проѣхали безъ выстрѣла. На другой день, съ нѣсколько усиленнымъ коннымъ прикрытіемъ, поѣздъ проѣхалъ всю Чечню. Непріятель издалека слѣдилъ за нами, велъ съ фланкёрами перестрѣлку и пустилъ къ намъ нѣсколько ядеръ. Потеря за все время этого путешествія ограничилась 9-ю раненными. У Гельдыгена баронъ Николаи встрѣтилъ главнокомандующаго со всѣми пятью баталіонами Кабардинскаго полка, огласившими воздухъ громкими ура! въ честь своего бывшаго полковаго командира. Здѣсь же ожидали князя покорные представители населенія Кумыкской плоскости и вновь переселившихся Качкалыковскихъ Чеченцевъ. Чрезъ шесть часовъ поѣздъ изъ Шали прибылъ въ лагерь на Хоби-Шавдонъ, а послѣ ночлега здѣсь, чрезъ Куринское и Герзель-аулъ, князь пріѣхалъ въ Хасавъ-юртъ. Тогда объ этомъ проѣздѣ можно было весьма кстати сказать: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Если читатель вспомнитъ, что́ разсказано въ главахъ I-го тома о военныхъ дѣйствіяхъ 1850—53 годовъ въ Чечнѣ, и сопоставитъ это съ такой поѣздкой, какую совершалъ теперь главнокомандующій, то не удивится, что я выше назвалъ результаты, достигнутые зимою 1856—1857 года, огромными.

Хотя и работы прежнихъ лѣтъ уже были достаточно велики, но безъ послѣдне-прорубленныхъ просѣкъ, безъ возведенія укрѣпленій въ Шали и Хоби-Шавдонѣ, безъ вынужденнаго удаленія массы непокорныхъ Чеченцевъ далѣе къ горамъ, а части въ наши владѣнія, такое путешествіе мог-

ло бы совершиться развѣ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда и съ значительными потерями. Успѣхъ былъ слишкомъ очевидный.

Въ Хасавъ-юртѣ, который основанъ и построенъ княземъ въ бытность его командиромъ Кабардинскаго полка, гдѣ все было ему знакомо, гдѣ почти всѣ знали, помнили и любили его, пріемъ своею искренностью превосходилъ всѣ другіе. Вспоминаю при этомъ случаѣ замѣчательный отвѣтъ одного солдата. На устроенномъ отъ полка праздникѣ, солдатъ, разносившій на подносѣ стаканы съ пуншемъ, подошелъ къ главнокомандующему; князь взялъ стаканъ, выпилъ глотокъ и сказалъ: „у, какой крѣпкій!“ Да и полкъ-то крѣпкій, ваше сіятельство“, отвѣчалъ солдатъ.

27 Апрѣля была произведена рекогносцировка въ Аухъ; отрядъ состоялъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 6-ти эскадроновъ драгунъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и 10-ти орудій. Доступъ въ Ауховское общество преграждался прежде непріятельскимъ укрѣпленіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Гойтемировскіе ворота. Зимою 1856 — 1857 г., эта преграда была уничтожена, прорублена широкая просѣка, и доступъ сталъ совершенно свободнымъ. Разстояніе отъ Хасавъ-юрта верстъ 15, по рѣкѣ Ярыкъ-Су. Здѣсь князь Барятинскій совѣщался съ генер. Евдокимовымъ и прибывшимъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры командующимъ войсками въ Дагестанѣ, княземъ Орбельяни; рѣшено было прочное занятіе Ауха съ одной и Салатавіи съ другой стороны, и перенесеніе штабъ-квартиръ полковъ (Кабардинскаго и Дагестанскаго, перваго въ Аухъ, втораго въ Салатавію), затѣмъ открытіе свободнаго, обезпеченнаго между этими пунктами сообщенія, что̀ окончательно связывало Лѣвое крыло съ Дагестаномъ. Все это вскорѣ и было приведено въ исполненіе *). Рекогносцировка прошла совершенно спокойно, и только при возвращеніи въ цѣпи раздалось нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ одного рядоваго.

Сообщая о своей поѣздкѣ военному министру, князь Барятинскій, между прочимъ, писалъ: „Все видѣнное мною пре-

*) За исключеніемъ, впрочемъ, перевода штабъ-квартиры Кабардинскаго полка изъ Хасавъ-юрта; это найдено было лишнимъ, и ограничились лишь постройкою укрѣпленія Кишень-Ауха.

взошло самыя смѣлыя ожиданія; еще годъ другой, и Чечня, безъ сомнѣнія, будетъ повергнута къ стопамъ Государя". Это были очень скромныя надежды въ сравненіи съ тѣмъ, что́ вскорѣ послѣдовало въ дѣйствительности.

28 числа князь Барятинскій уѣхалъ по Тереку въ Ставрополь, оттуда въ Черноморію, послѣ въ Керчь, возвратился на Лабу и въ собранный на рѣкѣ Бѣлой Майкопскій отрядъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Кисловодскъ и Пятигорскъ, а изъ Владикавказа совершилъ поѣздку по правому берегу Терека, для осмотра работъ въ проведеніи дороги въ Джераховское ущелье. Работы были начаты при генералѣ Муравьевѣ; но князь вскорѣ приказалъ ихъ прекратить, по совершенной безполезности.

Послѣдствія осмотра Праваго крыла выразились въ личномъ ознакомленіи князя съ мѣстными условіями и въ опредѣленіи дальнѣйшаго плана военныхъ дѣйствій. Изъ письма въ Петербургъ, отъ 22 Мая, видно, что князь нашелъ равнину между Кубанью и горами, прорѣзанную параллельно-вытекающими изъ горъ рѣками, вполнѣ пригодною для большаго военнаго поселенія, которое должно питать и поддерживать регулярныя войска, имѣющія подвигаться по ущельямъ къ главной цѣпи горъ. Съ этою цѣлью Майкопъ и Адагумъ были уже заняты, а наиважнѣйшимъ предметомъ въ то время князь считалъ колонизацію равнины, для чего онъ предполагалъ переводить казаковъ съ отдаленныхъ поселеній за Кубань, замѣщая ихъ переселенцами съ Дона, внутреннихъ губерній и т. п. Этимъ способомъ мы господствовали бы надъ равниной, храброе населеніе пользовалось бы природными богатствами, а войска, подвигаясь къ горамъ, стѣсняли бы тамъ Черкесовъ. Однако, требовалось еще усилить Правое крыло войсками, чтобы достигнуть главнаго результата, т. е. возможности въ будущемъ уменьшить количество войскъ. Отъ ожидаемыхъ на Лѣвомъ крылѣ успѣховъ зависѣла возможность двинуть за Кубань еще одну бригаду, для нанесенія задуманнаго сильнаго удара.

Такимъ образомъ, главная роль, по прежнему, осталась за генераломъ Евдокимовымъ, и съ Лѣваго крыла долженъ былъ послѣдовать рѣшительный ударъ Восточному Кавказу.

Слѣдуя своей системѣ непрерывныхъ дѣйствій, для которой теперь уже не встрѣчалось препятствій ни въ недостаткѣ войскъ, ни въ предѣлахъ власти, князь Барятинскій поставилъ ее главнымъ условіемъ генералу Евдокимову. Н. И. Евдокимовъ, по своей настойчивости въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, былъ именно человѣкъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій такой системѣ, и слѣдовалъ онъ ей безупречно. А все еще были случаи, когда главнокомандующій не совсѣмъ былъ доволенъ и даже вызвалъ разъ генерала Евдокимова въ Тифлисъ, гдѣ и упрекнулъ его въ недостаточной настойчивости *).

Дѣйствія почти не прекращались. Лѣтомъ въ Чечнѣ истреблялись посѣвы, производились усиленныя фуражировки на непріятельскихъ поляхъ и т. п.; осенью генералъ Евдокимовъ перенесъ дѣйствія въ Малую Чечню и уже не въ видѣ безплоднаго набѣга: вся мѣстность между Мартаномъ и Гойтой, по Энгелику, до Воздвиженской, была очищена отъ непокорнаго населенія, не взирая на упорную защиту; всѣ аулы съ запасами истреблены, прорублены просѣки, изслѣдованы всѣ пути сообщенія къ Аргунскому ущелью, въ которое предполагалось вскорѣ наступленіе. Сунжинская линія обезпечена отъ постоянныхъ набѣговъ и тревогъ.

Изъ Малой Чечни генералъ Евдокимовъ прошелъ чрезъ Большую на Куринское и оттуда въ Аухъ. Въ теченіе 20 дней здѣсь было построено укрѣпленіе, прорублены широкія просѣки, разработаны дороги, и у непріятеля отрѣзана значительная полоса удобныхъ земель. Многіе жители изъявили покорность и выселились къ намъ. Шамиль сознавалъ совершенное безсиліе сопротивляться. Мы близились уже къ самымъ крѣпкимъ опорамъ его власти: къ Ичкеріи и Веденю.

Покончивъ здѣсь дѣло, отрядъ генерала Евдокимова опять обрушился на остатки непокорнаго населенія Большой Чечни. Наконецъ, терпѣніе Чеченцевъ истощилось, бѣдствія ихъ

*) Въ 1857 г. князь Барятинскій командировалъ своего начальника штаба въ Петербургъ для подробныхъ докладовъ Государю и военному министру и объясненій по разнымъ болѣе сложнымъ вопросамъ. Изъ Петербурга генералъ Милютинъ сообщалъ князю результаты своихъ докладовъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, которыя и помѣщены въ приложеніи къ этой главѣ (конечно, съ неизбѣжными пропусками.)

достигли невыносимыхъ дальше размѣровъ; наши войска стали уже между ними и горами; надежды на сопротивленіе исчезли, и они стали цѣлыми толпами выходить къ намъ. Въ одну ночь, напримѣръ, явились 400 семействъ, съ остатками своего скарба, и подъ нашимъ прикрытіемъ двинулись къ Аргуну, для поселенія на указанныхъ мѣстахъ. Когда разсвѣло, прибыло еще 200 семействъ; вскорѣ цифра достигла 2,000 семействъ, и такимъ образомъ все населеніе Чеченской плоскости было покорено.

Да, конецъ былъ близокъ, хотя далеко не всѣмъ еще виденъ...

„Чечня горитъ“ писали наибы Шамилю: „Имамъ, иди тушить!“ Но такихъ огнегасительныхъ средствъ, чтобы залить пожаръ Чечни, у него не было въ распоряженіи; ему уже представлялись другія, болѣе жгучія заботы: онъ лучше многихъ, даже нашихъ генераловъ, видѣлъ, что близится роковой ударъ его власти, его созданію, его четверть - вѣковой работѣ *).

Многія укрѣпленія, воздвигнутыя разновременно и оставшіяся въ тылу, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, отвлекали значительное число войскъ въ ненужные гарнизоны. Поэтому, въ 1857 г. упразднено шесть мелкихъ укрѣпленій, а устроено одно новое, водворены двѣ станицы на Сунжѣ, и открытъ свободный проѣздъ въ Грозную, безъ военныхъ конвоевъ. Навагинскій полкъ выведенъ изъ Владикавказа на Сунжинскую линію, для сближенія съ театромъ дѣйствій.

Когда все это совершалось на Лѣвомъ крылѣ, со стороны Дагестана князь Орбельянъ перешелъ Теренгульскій оврагъ и, обезпечивъ свои сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурой, приступилъ къ устройству около Стараго Буртуная укрѣпленной штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Возведеніе Русскими крѣпости привлекло въ Салатавію толпы горцевъ. Шамиль употребилъ всѣ средства, чтобы остановить начальныя работы, но ничего не могъ сдѣлать. Скопище,

*) Были и такіе у насъ, даже повидимому умные люди, которые осуждали всю систему послѣднихъ дѣйствій въ Чечнѣ, основанной якобы на разбросанности войскъ, и предсказывали ей не только плачевный результатъ, но даже неминуемую катастрофу.

пытавшееся отрѣзать сообщеніе отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, было прогнано; укрѣпленіе, выстроенное Шамилемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Буртуная, взято штурмомъ. Къ зимѣ Дагестанскій полкъ расположился въ своей новой штабъ-квартирѣ.

Одновременно съ Салатавской экспедиціей, войска Лезгинской линіи перешли горы и разгромили большую часть Дидойскаго общества. Наши войска нѣсколько разъ уже проникали въ Дидойскія земли, служившія постояннымъ притономъ шаекъ, грабившихъ Кахетію; но эти экспедиціи были только быстрыми вторженіями. Въ 1857 году Лезгинскій отрядъ шелъ медленно, прокладывалъ за собой дорогу, разорялъ Дидойскія селенія до основанія, истребилъ посѣвы и оставилъ Дидойцамъ на выборъ—или гибель отъ голода и холода, или переселеніе на плоскость. На этотъ разъ нагорные Лезгины устояли, не переселились, хотя и гибли зимою. Отвлекаемый Салатовскимъ отрядомъ, Шамиль оставилъ Дидойцевъ безъ защиты.

Начало 1858 г. ознаменовалось новыми успѣхами. 21 Января генералъ Евдокимовъ взялъ штурмомъ завалы, нагроможденные горцами въ устьѣ Аргунскаго ущелья и, ворвавшись въ долину, образуемую сліяніемъ рѣкъ Чанты и Шаро-Аргуна, заложилъ укрѣпленіе Аргунское, на мѣстѣ аула Дачу-Барзой. Какъ только работа достаточно подвинулась, отрядъ перешелъ за Шаро-Аргунъ и открылъ просѣку на вершину Даргинъ-Дука, составляющаго отрогъ Андійскаго хребта; съ этого мѣста открывается удобный путь по голымъ вершинамъ, въ тылъ Ичкеріи. Однимъ открытіемъ просѣки мы на долго приковали все вниманіе непріятеля и главныя его силы со стороны Чечни къ вершинѣ Даргинъ-Дука и чрезъ то получили просторъ гораздо свободнѣе дѣйствовать въ другія стороны.

Для облегченія предстоявшей лѣтней экспедиціи въ глубь горъ оставалось сбить остальное населеніе Малой Чечни, гнѣздившееся въ предгоріяхъ. Это племя уже къ прошлой осени было разстроено нанесеннымъ ему пораженіемъ. Новое движеніе генерала Евдокимова рѣшило дѣло. Жители Малой Чечни покорились безъ боя. Имъ нельзя было отодвигаться

дальше въ горы, заселенныя другими обществами. Около 15 тысячъ душъ переселилось на плоскость въ отведенныя имъ мѣста.

Охраненіе вновь занятыхъ пунктовъ, требовавшихъ продолженія работъ, не дозволяло распустить Чеченскій отрядъ и по окончаніи зимнихъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ въ сборѣ дожидаться лѣтней экспедиціи. Въ этомъ промежуткѣ времени упразднены укрѣпленія Урусъ-Мартанъ и Куринское, сдѣлавшіяся ненужными послѣ покоренія Чеченской плоскости.

Между тѣмъ начались безпокойства въ Военно-Осетинскомъ округѣ. Давно покорное общество Назрановцевъ и полупокорныя общества Галашевцевъ, Карабулаковъ и Ингушей находились въ самомъ безпорядочномъ состояніи и держали у себя открытый притонъ разбойникамъ. Положено было ввести у нихъ устройство, существующее съ такою очевидною пользою у мирныхъ Чеченцевъ, и для того поселить ихъ большими аулами. Назрановцы взбунтовались, возмутили сосѣдей и призвали Шамиля. Быстрыя мѣры, принятыя генераломъ Евдокимовымъ, подавили бунтъ въ зародышѣ; скопище Шамиля было разбито подъ Ачхоемъ.

Не смотря на временное отвлеченіе войскъ къ сторонѣ Назрана, лѣтняя экспедиція началась какъ было предположено. 1-го Іюня главный отрядъ былъ сосредоточенъ въ новомъ укрѣпленіи Аргунскомъ. Удерживая демонстраціями непріятельское скопище на Даргинъ-Дукѣ, генералъ Евдокимовъ внезапно двинулся чрезъ хребетъ Мескенъ-Дукъ и занялъ внутреннюю опушку лѣснаго пояса, ограждающаго нагорную Чечню. Здѣсь онъ остановился, чтобы проложить прочное сообщеніе въ тылу и расчистить впереди дорогу къ Шатоевской долинѣ, владѣніе которою передавало нашей власти все теченіе Аргуна.

Тѣмъ временемъ войска Кавказской арміи двинулись въ горы съ восточной и южной сторонъ. Баронъ Вревскій перешелъ становой хребетъ и вступилъ въ общество Капучу *).

---

*) Къ сожалѣнію, при штурмѣ аула Китури, мы понесли значительную потерю, и въ томъ числѣ самъ генералъ баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ тяжело раненъ и вскорѣ скончался. По этому поводу князь Барятинскій отдалъ слѣдующій при-

Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель *) сдѣлалъ наступленіе съ Буртуная къ Мичикалу, разрушая непріятельскіе завалы. Горцы должны были раздѣлиться; но Шамиль не ошибся въ опредѣленіи отряда, наиболѣе угрожавшаго ему, и сосредоточилъ главныя силы, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, на берегу Аргуна. Во что́ бы ни стало, онъ хотѣлъ остановить наше движеніе. Горцы укрѣпили сильную Варандинскую позицію, прикрывавшую Шатой; но, не полагаясь достаточно на исходъ боя, въ какой бы то ни было крѣпкой позиціи, Шамиль хотѣлъ вынудить отступленіе Чеченскаго отряда диверсіей: съ половиною своихъ силъ онъ опять устремился въ Военно-Осетинскій округъ, гдѣ еще волновалось недавно умиренное населеніе. Мѣры противъ покушенія непріятеля были приняты заранѣе. Въ одинъ и тотъ же день генералъ Мищенко разбилъ Шамиля подъ Аки-юртомъ, близъ Владикавказа, а генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсутствіемъ предводителя, взялъ штурмомъ Варандинскую позицію и занялъ Шатой. Разсѣянные остатки горскаго скопища бѣжали въ Дагестанъ.

Съ этого дня началось мирное покореніе Аргунскаго края однимъ движеніемъ нашихъ войскъ впередъ, безъ боя. Общества, обитающія въ верховьяхъ Аргуна, сами возстали противъ угнетавшаго ихъ мюридизма, стали рѣзать своихъ духовныхъ и начальниковъ, поставленныхъ Шамилемъ, и одно за другимъ приносили добровольную покорность. Въ концѣ Сентября все населеніе горнаго пространства, отъ Владикавказа до Шаро-Аргуна, приняло Русское подданство. Занятіе края упрочено устройствомъ разработанной дороги и возведеніемъ укрѣпленій: Зонаха, Шатоевскаго (куда переведена штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка) и Евдокимовскаго.

казъ по арміи: „4-го Сентября 1858 года армія наша лишилась одного изъ доблестныхъ ея генераловъ. Храбрый баронъ Вревскій, столь извѣстный на линіи и достойно заслужившій еще бо́льшую славу въ своихъ походахъ Лезгинскихъ, послѣ разоренія въ нынѣшнемъ году Анцуха, Анцросо, Илапхеви и другихъ сопредѣльныхъ обществъ, палъ смертельно пораженный при взятіи сильно укрѣпленнаго аула Китури, предводительствуя лично на приступѣ батальонами 1-й бригады гренадерской дивизіи. Столь завидная смерть да будетъ утѣшеніемъ его осиротѣвшему семейству, славою Кавказа и примѣромъ для всей арміи, какъ цѣнить честь Русскаго оружія“.

*) Замѣнившій князя Г. Д. Орбельяни.

Лезгинскій отрядъ вступилъ въ горы во второй половинѣ Іюня и проникъ въ самую глубь ущелій, никогда еще не видѣнныхъ Русскими. Въ продолженіе полутора мѣсяца, генералъ Вревскій разорилъ до основанія болѣе сорока ауловъ, принадлежавшихъ семи обществамъ Анкратля. Войскамъ приходилось бороться съ неимовѣрными трудностями, дѣлать усиленные переходы въ мѣстности едва приступной и почти ежедневно штурмовать завалы и башни, занятые ожесточеннымъ непріятелемъ. Этотъ блестящій походъ, какъ уже упомянуто выше, стоилъ намъ жизни барона Вревскаго; но экспедиція отъ этого, впрочемъ, не остановилась: принявшій начальство надъ отрядомъ полковникъ Коргановъ докончилъ истребленіе немногихъ деревень, уцѣлѣвшихъ на восточной границѣ Дидойцевъ отъ прошлогодняго похода. Разоряемые два года сряду горцы поколебались. Изъ Анкратля и Дидо 4 тысячъ душъ принесли покорность и сошли съ горъ въ наши предѣлы. Въ Кахетіи водворилось спокойствіе, прежде тамъ неслыханное.

Въ продолженіе этой экспедиціи, другой небольшой отрядъ дѣйствовалъ со стороны Хевсуріи, привелъ къ покорности племя Маистовъ и разработалъ дорогу чрезъ становой хребетъ къ истоку Чанты-Аргуна, на встрѣчу пути, прокладываемаго генераломъ Евдокимовымъ.

Кромѣ того, на Лезгинской линіи совершены въ теченіе 1857 и 1858 годовъ обширныя работы: устройство въ Лагодехахъ штабъ-квартиры Тифлискаго гренадерскаго полка и въ Царскихъ Колодцахъ — Переяславскаго драгунскаго; выстроено четыре башни на передовой линіи и вырублены широкія просѣки у подошвы горъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ главное вниманіе было обращено на прочное утвержденіе нашего владычества въ Салатавіи и на защиту длинной пограничной черты отъ вторженій непріятеля. Занятіе Салатавіи, необходимое въ общемъ планѣ дѣйствій, приковало временно-значительныя силы къ Сѣверо-западному углу Дагестана, откуда онѣ не могли дѣятельно способствовать оборонѣ другихъ частей края; для достиженія этой цѣли надо было выставить самостоятельные отряды и, такимъ образомъ, раздѣливъ силы Прикаспійскаго

края, ослабить ихъ наступательныя дѣйствія. Находясь большую часть времени въ Салатавіи, баронъ Врангель окончилъ работы по возведенію штабъ-квартиры Дагестанскаго полка. устроилъ укрѣпленіе въ Міатлахъ, разработалъ дорогу между этими пунктами и вырубилъ нѣсколько просѣкъ для безпрепятственнаго сообщенія изъ Буртуная въ разныя стороны. Набѣги непріятеля, для грабежа и возмущенія спокойствія въ краѣ, были всѣ до одного отбиты съ урономъ для него *).

Съ роспускомъ отрядовъ окончились наступательныя дѣйствія 1858 года въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской кордонной линіи. Но войскамъ Лѣваго крыла предстояли еще великіе труды. Занимая обширное завоеванное пространство, они должны были раскрыть его дорогами, окончить заложенныя укрѣпленія, привести къ полному повиновенію разбойничье населеніе обществъ, сопредѣльныхъ съ Военно-Осетинскимъ округомъ, и потомъ совершить походъ для покоренія Ичкеріи.

Не взирая на занятіе Аргунскаго ущелья, нанесшее сильный ударъ положенію непріятеля, генералъ Евдокимовъ вовсе не былъ еще увѣренъ въ возможности скораго, рѣшительнаго успѣха. Въ Іюнѣ 1858 г. онъ писалъ о своихъ предположеніяхъ на 1859 годъ, что тогда нужно будетъ обрекогносцировать пространство за Черными горами къ Андійскому хребту, чтобы, сообразно съ мѣстными условіями и обстоятельствами, рѣшить, чтó дальше дѣлать. О взятіи Веденя совсѣмъ не упоминалось.

Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ баронъ Врангель, въ свою очередь, ограничивалъ дѣйствія 1859 года обезпеченіемъ Салатавіи и сообщеній съ нею производствомъ различныхъ построекъ и т. п. Страсть къ мелкимъ укрѣпленіямъ на двѣ роты (много на батальонъ гарнизона) держалась упорно, и готовы были усѣять всѣ горы подобными разбросанными мелкими частями войскъ. Баронъ Врангель полагалъ еще полезнымъ дѣйствовать противъ Шамиля въ направленіи къ Кара-Койсу, гдѣ онъ укрѣплялъ проходы; но баронъ

*) За всѣ эти дѣла князь Барятинскій получилъ въ 1857 году орденъ Св. Александра Невскаго съ мечами, а въ 1858 году назначенъ шефомъ Кабардинскаго полка.

не находилъ для этого достаточно средствъ, потому что главныя силы Дагестанскаго отряда были прикованы къ Салатавіи. (Войскъ, не взирая на 13 и 18 дивизіи, все еще было недостаточно: громадныя пространства, дорожныя и строительныя работы требовали рукъ и рукъ.)

Главнокомандующій не одобрилъ этихъ предположеній и 5 Іюля 1858 г. писалъ барону Врангелю, что лѣтомъ 1859 г. со стороны Чечни предполагается произвести рекогносцировку безлѣснаго нагорнаго пространства между Черными горами и Андійскимъ хребтомъ „для положительнаго опредѣленія будущихъ дѣйствій нашихъ въ томъ краѣ“. Это согласовалось съ мыслями генерала Евдокимова. Но уже въ Ноябрѣ 1858 года князь Барятинскій очевидно началъ измѣнять свой взглядъ и, судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, предполагалъ двинуть большой отрядъ изъ Салатавіи въ Андію, занять ее, остаться тамъ на зиму, а на слѣдующій годъ уже дѣйствовать дальше. Предположеніе держалось въ большомъ секретѣ и только было сообщено генералу Евдокимову. мнѣніямъ котораго князь придавалъ особое значеніе.

Въ собственноручномъ секретномъ письмѣ къ Д. А. Милютину, отъ 21 Ноября изъ Владикавказа, генералъ Евдокимовъ, со свойственнымъ ему знаніемъ края и практичностью пріемовъ Кавказской войны, отвергъ пользу занятія Андіи изъ Салатавіи. Но опять же о Веденѣ ни слова.

Въ томъ же Ноябрѣ генералъ Евдокимовъ приступилъ къ расчищенію лѣснаго пространства между Назраномъ и Шатоемъ. Просѣки сдѣланы во всю длину и ширину Галашевскихъ земель. Чтобы не изнурять войскъ дѣйствіями противъ мелкихъ разбойниковъ, генералъ Евдокимовъ поручилъ наибу недавно покоренной Малой Чечни вступить въ горы съ 2 тыс. всадниковъ и силою привести къ повиновенію аулы, разбросанные по лѣсамъ. Жители покорились и почти всѣ выселены на плоскость, также какъ населеніе Галашевцевъ и Карабулаковъ. Просѣка отъ Ассы къ Миреджи докончила продольное сообщеніе чрезъ горы изъ Шатоя въ Военно-Осетинскій округъ, т.-е. къ Владикавказу.

Сильные сборы непріятеля заставили генерала Евдокимова возвратиться въ Чечню. Шамиль хотѣлъ воспользо-

ваться удаленіемъ главнаго отряда въ Военно-Осетинскій округъ, чтобы вторгнуться въ край, отнятый у него прошедшимъ лѣтомъ. Одной части своихъ силъ онъ поручилъ захватить тѣснину Аргуна между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями, а съ другою, чтобы отвлечь вниманіе, спустился въ Большую Чечню. Заблаговременное занятіе угрожаемаго пункта отвратило опасность. Горцы не рѣшились вступить въ бой; но они остались въ сборѣ, ожидая наступленія съ нашей стороны.

Во второй половинѣ Декабря генералъ Евдокимовъ двинулся въ Ичкерію двумя колоннами: первая была сосредоточена въ укрѣпленіи Шалинскомъ изъ войскъ, занимавшихъ Малую Чечню и теченіе Аргуна; вторая изъ отряда Кумыкскаго, который, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Мирскаго, прошелъ съ боя по предгоріямъ Большой Чечни. Эта колонна присоединилась въ Шали къ генералу Евдокимову. Она же должна была силою открыть себѣ путь въ мрачное ущелье Басса. Но какъ въ этой мѣстности горцы могли упорно оборонять каждый шагъ, то другая колонна, собранная въ укрѣпленіи Аргунскомъ, должна была пройти горами на берегъ Басса выше и поставить защищавшихъ ущелье между двухъ огней. Это искусное распоряженіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Къ 1-му Января обѣ колонны сошлись на Бассѣ и двинулись вмѣстѣ вверхъ по рѣкѣ Таузеню, оставляя по своимъ слѣдамъ разработанную и очищенную отъ лѣса дорогу. Туземное Чеченское населеніе постоянно старалось уклоняться отъ боя и покорялось, какъ только его жилища бывали обойдены нашими войсками; въ послѣднихъ числахъ Декабря около 800 Ичкеринскихъ семействъ было выселено на плоскость. Тавлинскія скопища, не надѣясь на туземцевъ, держались преимущественно въ крѣпкихъ, заранѣе избранныхъ позиціяхъ, что́ весьма облегчало наше наступленіе.

Сбивъ Шамилевскія скопища съ сильно укрѣпленной позиціи, генералъ Евдокимовъ оставилъ русло Басса, служившее до тѣхъ поръ операціонною линіею отряду, и поднялся на горы, по направленію къ аулу Алистанжи, вырубая лѣсъ на пути. Съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ горы, мѣст-

ность становилась непроходимѣе, а искуственныя препятствія, устроенныя горцами, многочисленнѣе.

29 Января 1859 года, послѣ разсказанныхъ выше успѣховъ по окончательному почти овладѣнію Чечнею, Н. И. Евдокимовъ писалъ Д. А. Милютину, что ему блеснула новая мысль относительно овладѣнія Андіею. Занятый имъ Таузень оказался въ 30 верстахъ отъ нашего укр. Бердыкеля и въ 25 отъ кр. Воздвиженской; отъ него хорошая колесная дорога до Алистанжи, а оттуда всего 8—10 верстъ придется разработать дорогу до Веденя; изъ Веденя же въ Андію 25 верстъ. Такимъ образомъ, если удастся выселить остатки населенія между Бассомъ и Хулхулау, откроется ближайшая безопасная дорога въ Ведень, гдѣ слѣдуетъ образовать складочный пунктъ и идти въ Андію не по одному направленію изъ Салатавіи, а по двумъ: и тогда вовсе не нужно въ первомъ направленіи 20-ти батальоновъ, а довольно девяти, да изъ Веденя пойдетъ 12—13 батальоновъ. При таковомъ движеніи, Чеченцы и Ичкеринцы будутъ стѣснены отъ горъ и вынуждены къ окончательной покорности. Слѣдованіе войскъ двумя путями облегчитъ все предпріятіе.

Главнокомандующій остался очень доволенъ этимъ планомъ, но сказалъ, что все будетъ зависѣть отъ результата зимнихъ дѣйствій Чеченскаго отряда.

Для выигрыша времени, генералъ Евдокимовъ предпочелъ пробиться разомъ отъ Алистанжи до Веденя, и потомъ, укрѣпившись предъ этой столицей непокорныхъ горъ, разрабатывать дорогу въ тылъ, въ ожиданіи благопріятнаго времени года *для осады* *). Не смотря на сильныя оборонительныя средства, заготовленныя горцами по дорогѣ, это смѣлое движеніе было совершено также удачно, какъ и предыдущія, благодаря искусному маневрированію генерала Евдокимова, постоянно успѣвавшаго обходить непріятельскія позиціи.

Расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ Веденемъ, Чеченскій отрядъ долженъ былъ ждать мѣсяцъ, пока

*) По поводу слова „осада“, начальникъ главнаго штаба писалъ генералу Евдокимову, что князь Барятинскій опасается осады, „отъ чего Боже сохрани“: очевидные слѣды воспоминаній о Гергебелѣ, Салтѣ и Чохѣ.

устроится прочное сообщеніе съ плоскостью и будутъ подвезены осадныя средства.

26 Февраля генералъ Евдокимовъ писалъ уже положительно, что, ознакомившись съ мѣстностью, онъ находитъ, что идти въ Андію слѣдуетъ отсюда, т.-е. изъ Веденя, и хотя онъ еще не взятъ, но чтобы не безпокоились: будетъ взятъ; „да Ведень вообще и не можетъ помѣшать нашимъ операціямъ". Князь Александръ Ивановичъ вполнѣ съ нимъ согласился, и тотчасъ были отмѣнены всѣ прежнія распоряженія, связанныя съ предположеніями о занятіи Андіи изъ Салатавіи. 7-го Марта Д. А. Милютинъ сообщилъ объ этомъ Евдокимову. Тогда же рѣшено было сдѣлать первый опытъ транспортированія тяжестей на верблюдахъ, а для войскъ устраивать Калмыцкія кибитки.

Въ продолженіе этого времени, при ненастьѣ и бездорожьѣ, продовольствіе войскъ представляло чрезвычайныя затрудненія, которыя генералъ Евдокимовъ, при всей своей энергіи и распорядительности, едва успѣлъ преодолѣть. Тѣмъ временемъ, однакоже, наши войска, хотя почти отрѣзанныя отъ своей земли, заложили подлѣ непріятельской крѣпости новое укрѣпленіе Ведень, на пунктѣ, болѣе удобномъ для обороны и поселенія, чѣмъ мѣсто, избранное Шамилемъ.

Въ это же время Салатавскій отрядъ вступилъ въ Ичкерію съ восточной стороны и проложилъ просѣку по Аксаю, оттягивая противъ себя часть непріятельскихъ силъ. Къ половинѣ Марта, наконецъ, погода установилась, удобное сообщеніе открыто съ плоскостью, и въ Чеченскій отрядъ доставлена необходимая осадная артилерія. 17-го и 18-го Марта открыты траншеи, а 1-го Апрѣля наши войска водрузили свои знамена на стѣнахъ Веденя, бывшаго 14 лѣтъ средоточіемъ враждебной намъ силы.

Извѣстіе о взятіи Веденя было объявлено Тифлису 101 пушечными выстрѣлами съ Метехскаго за́мка, а генералу Евдокимову князь Барятинскій послалъ 7-го Апрѣля слѣдующее письмо: „Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ, и ваше имя въ устахъ каждаго. Великій день былъ

для меня вчерашній, когда графъ Ферзенъ [1]) объявилъ мнѣ о взятіи Веденя. Онъ ѣдетъ сегодня съ донесеніемъ къ Государю Императору, благоусмотрѣнію и щедрости котораго я повергаю достойно наградить доблести вождя и славнаго его отряда. Сегодня на разводѣ, послѣ большаго молебствія въ соборѣ, войска кричали ура генералу Евдокимову и Чеченскому отряду. Посылаю вамъ еще 200 знаковъ отличія для храбрыхъ воиновъ вашихъ. Полковникъ Тромповскій передастъ вамъ мое воззваніе къ войскамъ Лѣваго крыла. Поблагодарите ихъ еще сердечно за меня. Обнимаю васъ дружески“ [2]).

Такими-то быстрыми шагами двигались мы къ конечной цѣли! Теперь, по прошествіи 30 лѣтъ отъ описываемыхъ событій, быть можетъ и не покажется это особенно значительнымъ; но кто зналъ положеніе Кавказскихъ дѣлъ въ теченіе болѣе полустолѣтія до назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, тотъ не могъ не поражаться изумительными успѣхами, достигнутыми тогда въ столь короткое время и—нельзя не повторять этого—положительно только благодаря его соображеніямъ, его рѣшительности, настойчивости и находчивости, благодаря выбору такого исполнителя, какъ Н. И. Евдокимовъ.

Но и награжденъ былъ виновникъ этихъ успѣховъ щедро: орденъ Св. Георгія 3-го класса и титулъ графа были пожалованы Н. И. Евдокимову одновременно, при весьма лестныхъ рескриптахъ. Благодарность свою князю Александру Ивановичу выразилъ онъ слѣдующимъ письмомъ изъ крѣпости Грозной 2 Мая 1859 г.: „Высокія милости, оказанныя мнѣ вашимъ сіятельствомъ, обязываютъ меня такою благодарностью, которая словами выражена быть не можетъ. Я не перестану стараться доказать вамъ ее дѣломъ и моею къ вамъ преданностью. Вѣрьте, ваше сіятельство, искренности чувствъ

---

[1]) Офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, посланный генераломъ Евдокимовымъ съ донесеніемъ.

[2]) Вотъ это воззваніе: „Войскамъ Лѣваго крыла. Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдою; неодолимыя доселѣ преграды пали. Ведень взятъ, и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя. Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его. 6 Апрѣля 1859. Тифлисъ“.

стараго Кавказскаго солдата, исполненнаго нынѣ однимъ только желаніемъ: отблагодарить и быть достойнымъ милостей своего начальника и покровителя. Принимаю смѣлость поздравить и ваше сіятельство съ монаршею милостью“ [1]).

Взятіе Веденя нанесло окончательный ударъ господству Шамиля надъ Чеченскими племенами. Въ теченіе Апрѣля и Мая совокупными дѣйствіями отрядовъ Чеченскаго и Салатавскаго были приведены въ Русское подданство всѣ общества, живущія по Сѣверную сторону Андійскаго хребта. Подъ властью Шамиля не оставалось ни одного осѣдлаго Чеченца, но весь Дагестанъ еще повиновался ему.

Завоеваніе Чечни измѣнило кореннымъ образомъ наше стратегическое положеніе относительно Дагестанскихъ горъ. Дагестанъ былъ чрезвычайно сильно огражденъ съ восточной и южной сторонъ; съ первой—широкимъ поясомъ многочисленныхъ крѣпостей, расположенныхъ въ мѣстности, почти недоступной, вынуждавшихъ насъ къ кровопролитнымъ и изнурительнымъ для войскъ осадамъ (до такой степени, что князь Воронцовъ, послѣ трехлѣтнихъ попытокъ [2]), отказался наконецъ отъ наступленія съ этой стороны); со второй, т.-е. съ Лезгинской линіи,—снѣжный становой хребетъ Кавказа, проходимый съ большимъ трудомъ только лѣтомъ, ставилъ непреодолимое препятствіе систематическимъ дѣйствіямъ.

Овладѣніе Чечнею открыло нашему наступленію третью сторону Дагестана, гдѣ мѣстность была гораздо проходимѣе, чѣмъ на южной, и искуственныя препятствія гораздо слабѣе, чѣмъ на восточной. Оборонительныя сооруженія, воздвигнутыя Шамилемъ на Андійскомъ Койсу, не могли идти въ сравненіе съ рядомъ многолюдныхъ и почти неприступныхъ ауловъ восточной полосы, одѣвавшихъ, если можно такъ выразиться, непробиваемымъ панцыремъ цѣлую страну. Прорвавшись за Андійское Койсу, мы вступили во внутренность горъ, гдѣ ничего не было приготовлено для систематической

---

[1]) Князь Барятинскій получилъ орденъ Св. Владимира 1-й степени съ мечами.
[2]) Гергебиль и Салты 1847, Гергебиль 1848 и Чохъ 1849 года.

обороны, и заходили въ тылъ пограничнымъ горскимъ крѣпостямъ. Съ самаго начала своего начальствованія, князь Барятинскій стремился къ тому, чтобы достигнуть этого новаго стратегическаго положенія. Для осуществленія этой цѣли, рѣшительныя усилія были направлены противъ Чечни, и главныя силы Прикаспійскаго края, оставя прежній базисъ свой со стороны моря, постепенно стягивались въ Салатавію, противъ сѣвернаго ската горъ. Въ началѣ лѣта 1859 года обѣ массы войскъ Лѣваго крыла и Прикаспійскаго края были расположены на одной линіи, съ сѣверной, вновь раскрытой стороны Дагестанскаго треугольника.

Однако и послѣ этого князь Барятинскій оставался при планѣ ограничиться пока лишь занятіемъ Андіи, укрѣпиться тамъ, открыть безопасныя сообщенія и приготовиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Въ предписаніи, отъ 6-го Мая 1859 года, генералъ-адъютанту барону Врангелю онъ сообщалъ о своемъ предположеніи двинуть войска изъ Салатавіи въ Гумбетъ, изъ Веденя въ Андію, съ Лезгинской линіи чрезъ Дидо къ верховьямъ Андійскаго Койсу, начавъ наступленіе одновременно въ концѣ Іюня; и такъ какъ рѣшительныя дѣйствія въ долинѣ Андійскаго Койсу могутъ произвести сильное впечатлѣніе на горцевъ и отозваться въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ, поэтому слѣдуетъ быть готовымъ, чтобъ воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ. Можетъ быть, востанутъ противъ Шамиля Койсубу, Андаляль или Аварія; можно будетъ занять на Аварскомъ или Кара-Койсу важные пункты, даже крѣпость Улу-кале (Шамиль построилъ ее вмѣсто Гергебиля) и т. п., для чего нужно держать тамъ (т.-е. въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ) не менѣе одиннадцати батальоновъ, а наступать изъ Бутурная къ Андіи съ семью.

Такимъ образомъ, не смотря на значительныя силы, которыя еще оставались у непріятеля и на чрезвычайную крѣпость покровительствующей ему мѣстности, полагаясь съ своей стороны на выгоды вновь пріобрѣтеннаго стратегическаго положенія и на упадокъ духа въ горскомъ населеніи, потрясенномъ столькими ударами, князь Барятинскій рѣшился измѣнить систему войны, которой до тѣхъ поръ держался, и отъ методическихъ дѣйствій перейти къ быстрому наступленію

всею массою войскъ, окружавшихъ горы, чтобы однимъ рѣшительнымъ ударомъ потрясти основанія Шамилевскаго владычества и покончить дѣло.

Существованіе вооруженнаго мюридизма въ нѣдрахъ Кавказа, ограничивалось ли его вліяніе однимъ Дагестаномъ, или простиралось и на Чечню, имѣло одинаковое значеніе для Кавказской арміи—совершенно обезсиливало ее въ случаѣ внѣшней войны. При смутномъ положеніи Европы и безпрерывно возникавшихъ, совершенно-неожиданныхъ, политическихъ сочетаніяхъ, князь Барятинскій, какъ уже было указано, считалъ первою государственною необходимостью кончить, сколь возможно скорѣе, внутреннюю Кавказскую войну, которая поглощала безплодно лучшую половину Русскихъ силъ. Рѣшительное наступленіе въ средину горъ представляло единственное средство къ тому, хотя оно и было сопряжено съ бо̀льшими случайностями, чѣмъ методическая война.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма (графа) Д. А. Милютина къ князю А. И. Барятинскому *).

1857 года.

1.

С.-Петербургъ, 22 Октября 1857 г., 11 ч. вечера.

Возвратившись сейчасъ изъ Царскаго Села, спѣшу отдать подробный отчетъ вашему сіятельству о первыхъ двухъ дняхъ моего здѣсь пребыванія.

Вчера, въ самый день пріѣзда моего въ Петербургъ, я представился военному министру, который принялъ меня весьма любезно, спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ и оставилъ меня обѣдать у себя, такъ что тутъ же я увидѣлся съ ген. Герштенцвейгомъ, съ барономъ Ливеномъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ числѣ гостей были Николай Николаевичъ Муравьевъ, пріѣхавшій изъ Иркутска, и ген.-адъют. Назимовъ. Всѣ показывали участіе въ здоровьѣ вашемъ, распрашивали о томъ, что̀ дѣлается на Кавказѣ; но серьезнаго разговора о дѣлахъ не могло быть. Военный министръ прежде всего спросилъ меня о смѣтѣ. Когда я доложилъ, что противъ 1857 года будетъ сокращеніе на $1^1/_2$ милліона рублей, то низко поклонился и выра-

---

*) На обнародованіе этихъ писемъ получено авторомъ біографіи князя Барятинскаго согласіе графа Д. А. Милютина. П. Б.

зилъ свое удовольствіе. Затѣмъ, въ разговорѣ о разныхъ необходимыхъ предпріятіяхъ какъ на Кавказѣ, такъ и въ Сибири, генералъ Сухозанетъ полушуточно, полусерьезно замѣтилъ, что все можно дѣлать, лишь бы на свои мѣстныя средства, не требуя денегъ изъ государственной казны. На этотъ разъ всего полезнѣе была мнѣ встрѣча съ Герштенцвейгомъ, котораго я успѣлъ познакомить съ сущностью привезенныхъ мною дѣлъ и предположеній. Дежурный генералъ завѣрилъ меня, что въ министерствѣ не будетъ встрѣчено никакого затрудненія, если только не требуются лишніе расходы, выразилъ мнѣ полное согласіе свое съ нѣкоторыми изъ вашихъ соображеній и въ томъ числѣ о необходимости учрежденія главнаго штаба, преобразованія госпитальной части и проч. Сейчасъ послѣ обѣда министръ долженъ былъ куда-то ѣхать и предложилъ мнѣ прибыть на другой день въ Царское Село.

Сегодня, когда я пришелъ представляться Государю Императору, мнѣ сказали, что Его Величество уже спрашивалъ меня; а вслѣдъ затѣмъ я былъ принятъ. Не умѣю выразить, какъ я былъ тронутъ милостивымъ пріемомъ Государя. Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ о здоровьѣ вашего сіятельства, Его Величество изволилъ посадить меня, приказалъ раскрыть карту и разсказывать сущность всѣхъ предположеній вашихъ. Пока я раскладывалъ карту, Государь изволилъ прочитать письмо ваше, большею частью вслухъ, требовалъ отъ меня поясненій по нѣкоторымъ предметамъ и затѣмъ подробно и внимательно выслушалъ все, что̀ предполагается дѣлать въ будущемъ году на Кавказѣ. По мѣрѣ того, какъ я переходилъ отъ одного театра дѣйствій къ другому, Государь изволилъ одобрять всѣ предположенія и присовокупилъ свои собственныя замѣчанія. Между прочимъ было упомянуто о болѣзненности въ Адагумскомъ отрядѣ, но я успокоилъ Его Величество нѣкоторыми объясненіями дѣла. Говоря о Правомъ крылѣ, Государь изволилъ выразить удовольствіе, что ваше сіятельство лично ознакомились съ этимъ краемъ въ послѣднее ваше путешествіе. При этомъ случаѣ я развилъ мысли ваши о заселеніи земель казаками, о пользѣ перемѣщенія сюда въ большей массѣ Донскихъ казаковъ (о чемъ я предварительно имѣлъ разговоръ въ Новочеркасскѣ съ ген.-ад. Хомутовымъ). Государь одобрилъ мысль и предоставилъ мнѣ войти въ ближайшія объясненія съ военнымъ министромъ. Тутъ же разговоръ перешелъ на ваши предположенія о преобразованіи линейнаго казачьяго войска. Государь нѣсколько разъ подтверждалъ, что все согласно совершенно съ его собственными мыслями до самыхъ послѣднихъ подробностей; въ томъ числѣ и касательно мундировъ обоихъ казачьихъ войскъ. Особенно Государь изволилъ одобрить предположеніе, чтобы со временемъ атаманы были вмѣстѣ съ тѣмъ и командующими войсками. Предположенная перемѣна въ распредѣленіи линейныхъ батальоновъ по бригадамъ также удостоилась Высочайшаго одобренія. Государь выслушалъ со вниманіемъ предположенія относительно устройства пароходства по Ріону и го̀рода въ Поти. При этомъ я успѣлъ высказать все, что̀ ваше сіятельство поручили

мнѣ по дѣламъ Мингреліи и Сванетіи. Относительно самой княгини Дадіанъ Высочайшія намѣренія совершенно согласуются съ видами вашими: Государь согласился оказать знакъ милости обоимъ князьямъ Дадіанъ, но тогда, когда княгиня прибудетъ въ Петербургъ.

Относительно всѣхъ другихъ предметовъ, о которыхъ ваше сіятельство поручили мнѣ доложить Государю Императору, Его Величество изволилъ на все изъявить свое согласіе и одобреніе. Нарѣзное оружіе предположено вводить постепенно во всей пѣхотѣ; но, кажется, есть мысль замѣнить во всѣхъ войскахъ на западной границѣ калибръ 7-линейный меньшимъ 6-линейнымъ; теперешнія же нарѣзныя ружья назначить исключительно Кавказскимъ войскамъ. О Владикавказѣ Государь изволилъ выразиться, что давно бы слѣдовало обратить его въ городъ и что Его Величество даже считалъ его городомъ. Предполагаемую перестройку Военно-Грузинской дороги Государь изволилъ назвать дѣломъ необходимымъ, на которое стоитъ положить деньги, но приказалъ обстоятельно сообразить съ ген.-ад. Чевкинымъ, чтобы не вышло ошибки въ разсчетахъ. Тутъ я имѣлъ случай упомянуть о значительныхъ остаткахъ интендантскихъ суммъ. Государь изволилъ отозваться, что не видитъ препятствія употреблять эти остатки заимообразно на полезныя предпріятія въ краѣ, если только разсчеты совершенно и несомнѣнно-вѣрны, но поручилъ столь важное дѣло подробно обсудить съ военнымъ министромъ. При этомъ я удостовѣрилъ Его Величество въ постоянныхъ усиліяхъ вашихъ охранять выгоды казны и развилъ вашъ взглядъ на настоящій способъ бережливости въ государственномъ хозяйствѣ. Казалось, Его Величество вполнѣ изволитъ сознавать, что только успѣшные результаты настоящихъ нашихъ усилій на Кавказѣ могутъ со временемъ повести къ большимъ сокращеніямъ и въ числѣ войскъ, и въ денежныхъ средствахъ.

Тутъ былъ случай упомянуть о нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ прибавкахъ въ расходахъ и въ томъ числѣ объ увеличеніи порціоннаго довольствія войскъ въ сравненіи съ новыми, установленными въ Россіи категоріями. Его Величество изволилъ выразить искреннее желаніе сдѣлать все возможное для улучшенія благосостоянія войскъ, столь блистательно заслуживающихъ право на попечительное вниманіе къ ихъ нуждамъ со стороны высшаго начальства. Но само собою разумѣется, что окончательное рѣшеніе вопроса должно быть предоставлено ближайшему обсужденію министерства.

Послѣ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, Государь Императоръ изволилъ самъ спросить, нѣтъ ли еще какихъ либо дѣлъ по гражданской части. Я поспѣшилъ высказать ваши мысли о компаніи Каспійскаго пароходства, о компаніи Азіятской торговли, о предпріятіяхъ на счетъ желѣзной дороги и орошенія безплодныхъ степей, о колонизаціи на помѣщичьихъ земляхъ и установленіи отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ крестьянами, о раскольникахъ, о распространеніи христіанства посредствомъ особой общины, о музеѣ и проч. Все это было выслушано

со вниманіемъ и частыми выраженіями одобренія. Однакожъ относительно компаніи Новосельскаго и Кокорева Государь изволилъ намекнуть о своихъ опасеніяхъ, чтобы эти господа не запутались въ своихъ разсчетахъ и не слишкомъ затянулись въ дѣла несоразмѣрныя съ ихъ силами. О раскольникахъ не было выражено окончательнаго и положительнаго мнѣнія, но мысль ваша о примѣненіи колонизаціи къ постепенной эмансипаціи помѣщичьихъ крестьянъ въ Грузіи весьма понравилась Его Величеству. По всѣмъ предметамъ Государь будетъ ожидать вашихъ представленій.

Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ часовъ, я успѣлъ основательно и съ полнымъ успѣхомъ доложить Государю Императору о всѣхъ безъ исключенія предметахъ, которые входили въ данную мнѣ вашимъ сіятельствомъ инструкцію. Смѣю сказать, что милостивое вниманіе Его Величества и несомнѣнное сочувствіе его ко всѣмъ предположеніямъ вашимъ превзошли всякое ожиданіе мое. Отпуская меня, Государь изволилъ еще выразить свое удовольствіе обо всемъ мною доложенномъ.

Въ продолженіе моего доклада, въ кабинетъ Его Величества изволила войти Государыня Императрица и также милостиво освѣдомилась о вашемъ здоровьѣ. Однакоже, выходя отъ Государя, я счелъ долгомъ особо представиться Ея Величеству. Не смотря на утомленіе свое (послѣ посѣщенія какой-то школы), Императрица удостоила принять меня и бесѣдовать съ полчаса до прихода самого Государя. Тутъ представился случай развить подробно ваши мысли объ учрежденіи общины для распространенія христіанства на Кавказѣ. Государыня приняла живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, выразила полную готовность принять общину подъ высокое свое покровительство и будетъ ожидать письменнаго изложенія вашихъ соображеній.

Затѣмъ я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ обѣденному столу Ихъ Величествъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда нѣсколько разъ разговоръ переходилъ на Кавказъ и проч. Я оставилъ Царское Село въ 7 часовъ вечера, полный сердечнаго благоговѣнія къ августѣйшей четѣ, которая милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ хотѣла, безъ сомнѣнія, выразить свое высокое благорасположеніе къ вашему сіятельству.

Въ этотъ день я не могъ представиться ни Вдовствующей Императрицѣ, ни Великому Князю Михаилу Николаевичу, а потому долженъ буду вскорѣ пріѣхать опять въ Царское Село. Великій же Князь Николай Николаевичъ еще не возвратился изъ своего путешествія. Завтра буду продолжать свои представленія.

2.

23 Октября, Среда.

Сегодня я имѣлъ продолжительные разговоры съ Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и съ военнымъ министромъ.

Великій Князь былъ со мною милостивъ, какъ и въ прежнее время, весьма благосклонно спрашивалъ о вашемъ сіятельствѣ и потомъ завелъ рѣчь о послѣдней своей перепискѣ съ вами. „Сердитъ ли еще на меня

князь Александръ Ивановичъ?" Я отвѣчалъ, что не сердился и прежде, а былъ глубоко огорченъ. Великій Князь началъ объяснять, что цѣль письма состояла только въ томъ, чтобы дружески предупредить васъ о дошедшихъ до Его Высочества враждебныхъ противъ васъ толкахъ и тѣмъ исполнить данное при вашемъ отъѣздѣ обѣщаніе. Затѣмъ былъ довольно продолжительный разговоръ о томъ, какъ разумѣть настоящее сбереженіе казеннаго интереса, о вашихъ видахъ на будущее сокращеніе силъ на Кавказѣ, о различіи въ этомъ отношеніи положенія Кавказскаго управленія и морскаго вѣдомства, а наконецъ я навелъ рѣчь на намеки Великаго Князя относительно частной вашей жизни. Однимъ словомъ, здѣсь развито было на словахъ все тоже, что̀ вы сами отвѣчали письменно Великому Князю. Въ результатѣ я убѣдился, что Его Высочество не измѣнился въ своемъ расположеніи къ вамъ и что письмо его было написано безъ особаго непріязненнаго намѣренія. При томъ я узналъ отъ А. В. Головнина, что было уже заготовлено и новое письмо въ отвѣтъ на вашъ отвѣтъ, что оно нѣсколько разъ передѣлывалось и, наконецъ, оставлено подъ сукномъ. Я могъ замѣтить изъ разговоровъ, что Великій Князь былъ уже предупрежденъ А. В. Головнинымъ о предметѣ предстоявшаго моего разговора, такъ какъ я имѣлъ уже случай наканунѣ видѣться съ Головнинымъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Это обстоятельство весьма облегчило мнѣ дѣло. Его Высочество самъ изволилъ завести рѣчь объ устройствѣ нашей морской части, о томъ, что морское дежурство должно составлять часть штаба и что самъ старшій офицеръ морской долженъ быть подчиненъ начальнику главнаго штаба, что капитанъ Стеценко къ сожалѣнію не такъ понялъ свое назначеніе и что его можно перемѣстить съ Кавказа, если ваше сіятельство находите это полезнымъ. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно для пользы службы и для блага самого кап. Стеценки слѣдуетъ ему дать другое назначеніе, но что ваше сіятельство не желали бы отнюдь обидѣть тѣмъ такого офицера, и напротивъ того просили бы сдѣлать что нибудь въ его пользу. Великій Князь обѣщалъ подумать объ этомъ и сдѣлать распоряженіе. Его Высочество также объявилъ мнѣ, что совершенно согласенъ не назначать морскихъ офицеровъ комендантами въ приморскіе города и крѣпости, если ваше сіятельство будете находить это неудобнымъ. Кажется, и самъ Великій Князь нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на моряковъ Черноморскихъ послѣ нѣсколькихъ бывшихъ уже неудачъ въ назначеніяхъ и жалобъ на нихъ со стороны ген.-ад. гр. Строганова. Затѣмъ рѣчь зашла объ устройствѣ самой флотиліи. Его Высочество рѣшительно отвергаетъ предположеніе о передачѣ Кавказскихъ судовъ на содержаніе компаніи, находя это неприличнымъ, но согласенъ на прежнее предположеніе ваше о передачѣ ихъ въ Черноморскій флотъ; компаніи же полагалъ бы предоставить только транспортировку грузовъ на компанейскихъ судахъ. Великій Князь обѣщалъ, что въ Морскомъ Министерствѣ будетъ оказано все нужное пособіе лейт. Обезъянинову для составленія новаго проекта на указанномъ Его Высочествомъ главномъ основаніи. Касательно же Каспійской флотиліи и пере-

несенія ея станціи въ Баку, Великій Князь сказалъ, что и самъ былъ всегда того же мнѣнія; но что теперь обстоятельства заставляютъ сколь можно уменьшить размѣръ предполагавшихся въ Баку сооруженій, также какъ и ограничить самый составъ флотиліи, стараясь въ замѣнъ того болѣе поощрять купеческое и компанейское пароходства. Вообще по всѣмъ предметамъ, о которыхъ поручено мнѣ было доложить Великому Князю, я нашелъ со стороны Его Высочества самую благосклонную готовность содѣйствовать видамъ вашего сіятельства. Великій Князь изволилъ обѣщать прислать за мною для вторичнаго совѣщанія.

Съ княземъ Ал. Ѳед. Орловымъ также говорено было обо всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Кавказскаго Комитета. Его сіятельство говорилъ съ видимымъ участіемъ и расположеніемъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы передать вашу признательность за ту поддержку, которую находятъ въ князѣ Орловѣ представленія ваши въ Кавказскій Комитетъ. Онъ самъ заговорилъ о дѣлахъ Мингрельскихъ и судилъ о будущемъ положеніи княжескаго дома совершенно сходно съ вашими видами...

Съ военнымъ министромъ я видѣлся два раза въ теченіе дня: утромъ съ $10^1/_2$ до $1^1/_2$ ч. и потомъ съ $3^1/_2$ до 8 ч. (т.-е. включая и обѣдъ). Въ продолженіе этихъ двухъ длинныхъ сеансовъ я успѣлъ объяснить ему все то, что̀ вчера докладывалъ Государю Императору и даже съ бо́льшими подробностями. Кажется, на все соглашается и все одобряетъ; очень внимательно пересматривалъ списокъ генераловъ, распредѣленныхъ вами на три разряда, дѣлалъ на немъ свои отмѣтки согласно моимъ объясненіямъ и спросилъ: можетъ ли онъ, когда представится случай, немедленно распорядиться судьбою поименованныхъ лицъ? Я отвѣчалъ, что безъ особенной крайности все таки лучше сперва спросить ваше мнѣніе. Точно также и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ, по которымъ министръ спрашивалъ моего мнѣнія, я совѣтовалъ лучше запросить ближайшее мѣстное начальство. Въ числѣ обѣщаній, данныхъ мнѣ генераломъ Сухозанетомъ, было и то, что въ скоромъ времени будутъ присланы на Кавказъ еще 10 тыс. ружей нарѣзныхъ для вооруженія цѣлыхъ баталіоновъ въ полкахъ по вашему назначенію, впослѣдствіи же будутъ постепенно присылаться такія же ружья и на прочія части Кавказскаго корпуса. Трудно было бы перечислить здѣсь весь ходъ продолжительныхъ моихъ разговоровъ съ военнымъ министромъ; скажу только, что вообще я нашелъ въ немъ много доброй воли, ясное пониманіе дѣла и отсутствіе всякаго враждебнаго расположенія къ нашему краю; напротивъ того, онъ готовъ все сдѣлать по вашему желанію, лишь бы не требовалось новыхъ расходовъ. Даже увеличеніе порціоннаго довольствія онъ не считаетъ невозможнымъ. Мнѣ обѣщаютъ, что порученныя мнѣ дѣла будутъ здѣсь ведены безъ малѣйшаго замедленія. Изъ всего представленнаго длиннаго отчета ваше сіятельство изволите замѣтить, что до сихъ поръ я весьма доволенъ ходомъ дѣла и понимаю вполнѣ, что всѣ знаки вниманія, мнѣ оказываемыя, относятся не ко мнѣ лично, а къ вашему лицу. Могу только желать, чтобы благопріятное это начало увѣнчалось столь же удачными результатами.

3.

24 Октября, Четвергъ.

Нынѣшній день былъ преимущественно посвященъ дѣламъ по вѣдомству путей сообщенія. Я имѣлъ и утромъ и вечеромъ совѣщанія съ ген. Чевкинымъ, который сначала доказывалъ мнѣ необходимость самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ сокращенію расходовъ, а потомъ давалъ разные совѣты, исполненіе которыхъ невозможно безъ денегъ. Впрочемъ онъ вникъ во всѣ потребности Кавказскаго края по предмету путей сообщенія, обѣщалъ выхлопотать по крайней мѣрѣ 300 тыс. рублей на дорожныя работы, разсматривалъ со вниманіемъ проектъ Военно-Грузинской дороги и одобрилъ главную мысль новаго устройства управленія путями сообщенія на Кавказѣ. Вообще я встрѣтилъ со стороны ген. Чевкина болѣе сочувствія къ представляемымъ предположеніямъ, чѣмъ противодѣйствія, котораго я прежде опасался.

Кромѣ того, я видѣлся сегодня со многими лицами, которыя будутъ имѣть вліяніе при разсмотрѣніи проектовъ: ген.-ад. Баранцевымъ, кн. Васильчиковымъ, ген. Веригинымъ и проч. Былъ я также у адм. Метлина, ген.-ад. Лутковскаго, барона Ливена, Головнина и другихъ, и только теперь въ полночь возвращаюсь домой, утомленный до крайности непрерывными разъѣздами и разговорами съ утра до ночи.

4.

25 Октября, Пятница.

Еще день проведенъ небезплодно: я былъ опять въ Царскомъ Селѣ, представлялся Вдовствующей Императрицѣ и обѣдалъ у Ея Величества. За обѣдомъ Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ о нѣкоторыхъ данныхъ уже окончательно Высочайшихъ разрѣшеніяхъ на наши представленія. Въ томъ числѣ послѣдовало соизволеніе на увеличеніе порціоннаго довольствія Кавказскихъ войскъ по второму нашему разсчету, что потребуетъ 500 тысячъ рублей прибавки къ категорическимъ деньгамъ. Можно поздравить наши достойныя войска съ этою монаршею милостію, которая даетъ возможность кормить солдата какъ слѣдуетъ по положенію, не уменьшая узаконенной его порціи. Также Высочайше одобрены распоряженія вашего сіятельства о перенесеніи во Владикавказъ штаба Лѣваго крыла, 20-го стрѣлковаго и линейнаго № 8 баталіоновъ.

Въ Царскомъ Селѣ я занимался еще разъ съ военнымъ министромъ, который съ своей стороны выразилъ совершенное согласіе на проектъ преобразованія артилеріи полевой и гарнизонной. Тутъ же былъ и князь Васильчиковъ *), съ которымъ я условился о дальнѣйшемъ канцелярскомъ ходѣ дѣла. Между прочими новостями военный министръ объявилъ мнѣ, что здѣсь учреждается центральная школа для обученія офицеровъ стрѣльбѣ и употребленію нарѣзнаго оружія и что отъ каждаго полка будетъ въ эту

*) Князь Викторъ Илларіоновичъ—тогдашній товарищъ военнаго министра.

школу присылаться по одному офицеру на годичный срокъ, дабы имѣть въ полкахъ хорошихъ инструкторовъ. Необходимо будетъ воспользоваться этимъ полезнымъ учрежденіемъ и для Кавказскихъ войскъ избраніемъ по одному лучшему и способнѣйшему офицеру отъ каждаго полка.

Теперь всѣ привезенныя мною представленія уже одобрены и разрѣшены свыше; но остается самая медленная и скучная часть дѣла—процедура канцелярская. Надобно будетъ зорко слѣдить за теченіемъ дѣла. На дняхъ будетъ отправленъ къ вашему сіятельству фельдъегерь съ письмомъ Государя Императора. Вдовствующая Императрица много разспрашивала о вашемъ сіятельствѣ и Кавказѣ. Ея Величество весьма поправилась въ здоровьѣ своемъ и въ силахъ.

Видѣлся я сегодня съ вашимъ братомъ княземъ Владимиромъ Ивановичемъ, который получилъ отъ меня самыя подробныя свѣдѣнія о жизни вашей и занятіяхъ.

5.

26 Октября, Суббота.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, пріѣхавъ сегодня въ городъ, принялъ меня весьма благосклонно, выслушалъ объясненіе главныхъ основаній вашихъ предположеній по артилерійской части и обѣщалъ оказать съ своей стороны все содѣйствіе успѣшному и скорому утвержденію проекта. Видѣлся я сегодня же съ графомъ Барановымъ, ген.-ад. княземъ Долгоруковымъ, Влад. Петр. Бутковымъ, Ст. Ал. Хрулевымъ и другими лицами. Графъ Барановъ очень заботится объ усовершенствованіяхъ по ружейной части и вызывается помогать въ этомъ важномъ дѣлѣ Кавказскимъ войскамъ. При этомъ говорено было о той школѣ, о которой я писалъ уже вчера, также о присылкѣ поочередно на Кавказъ стрѣлковыхъ баталіоновъ арміи для практикованія и проч. Бутковъ, съ которымъ я только теперь познакомился, показалъ мнѣ не только сочувствіе къ дѣламъ Кавказскимъ, но и личную преданность къ вашему сіятельству и говорилъ съ жаромъ въ вашу пользу. Какъ онъ, такъ и потомъ князь Вас. Анд. Долгоруковъ завели рѣчь объ Астраханской губерніи и намекали на то, что слѣдовало бы тамошняго жандармскаго штабъ-офицера отдѣлить отъ VI-го округа и подчинить Кавказскому округу. Я отвѣтилъ, что теперь, когда вопросъ о Каспійской флотиліи и присоединеніи Астрахани принялъ уже новое направленіе, ваше сіятельство по всѣмъ вѣроятіямъ и сами изволите войти съ представленіемъ по означенному предмету. Съ княземъ Долгоруковымъ я съ умысломъ распространился о нелѣпыхъ слухахъ, распускаемыхъ въ Петербургѣ, на что̀ онъ увѣрялъ меня, что клеветы эти не заслуживаютъ никакого вниманія и нисколько не могутъ вредить вашему сіятельству.

Ген.-лейт. Хрулевъ уѣзжаетъ завтра въ Москву. Кокоревъ присылалъ ко мнѣ Девеля спросить, когда я могу принять его. Новосельскаго и бар. Торнау я также не видалъ еще. Всѣ толкуютъ о предполагаемой на Кавказѣ желѣзной дорогѣ, но съ явнымъ видомъ сомнѣнія и недовѣрчивости.

6.

28 Октября, Понедѣльникъ.

Вчера весь день я провелъ въ Царскомъ Селѣ: утромъ на выходѣ, вечеромъ на балѣ, что̀ доставило мнѣ случай видѣть многихъ и каждаго вразумлять о нашихъ дѣлахъ. На балѣ Государь Императоръ нѣсколько разъ изволилъ милостиво обращаться ко мнѣ и между прочимъ сказалъ, что, вмѣсто отправленія фельдъегеря, намѣревается вручить мнѣ письмо къ вашему сіятельству въ томъ предположеніи, что я уже кончилъ свои дѣла и скоро уѣду обратно. Но къ сожалѣнію, дѣла здѣсь идутъ не такъ быстро, какъ полагалъ Его Величество: вчера я узналъ съ прискорбіемъ, что въ канцеляріи Военнаго Министерства возникла уже опозиція противъ нашего проекта штатовъ и притомъ опозиція самая неожиданная. Находятъ, что мы предлагаемъ измѣненія не довольно радикальныя. Здѣсь вообще я нашелъ поразительное явленіе: стремленіе къ преобразованіямъ и изобрѣтенію чего либо новаго обуяло всѣхъ и каждаго; хотятъ, чтобы все прежнее ломали теперь же, прежде чѣмъ обдумано новое. Не стану теперь объяснять въ чемъ именно желаютъ здѣсь измѣнить существующій въ управленіи порядокъ, ибо ожидаю отъ военнаго министра назначенія особой аудіенціи для того, чтобы узнать положительнѣе, чего хотятъ и какой дадутъ ходъ нашему дѣлу. Во всякомъ случаѣ я вижу, что дѣло затянется.

7.

29 Октября, Вторникъ.

Сегодня утромъ я видѣлся опять съ военнымъ министромъ, съ кн. Васильчиковымъ и ген. Герштенцвейгомъ, чтобы разузнать о ходѣ дѣла. Всѣ трое говорятъ разное: первый, что считаетъ дѣло рѣшеннымъ; второй, что вѣроятно не будетъ надобности дѣлать измѣненія въ проектѣ штатовъ, если смотрѣть на этотъ проектъ, какъ на временный (а между тѣмъ я засталъ кн. Васильчикова сочиняющимъ какую-то записку по предмету этого проекта); наконецъ, г. Герштенцвейгъ, недовольный тѣмъ, что его устранили отъ этого дѣла, предсказываетъ мнѣ длинную проволочку и препятствія. Къ сожалѣнію мнѣ кажется, что можно болѣе вѣрить послѣднему.

Въ этихъ видахъ я рѣшаюсь не отлагать долѣе отправленія моего письма и прошу дежурнаго генерала послать завтра же фельдъегеря въ Тифлисъ, чтобы не оставлять ваше сіятельство въ неизвѣстности о положеніи дѣла. Чрезъ нѣсколько дней постараюсь отправить другаго курьера, избѣгая писать вамъ по почтѣ.

Съ министромъ иностранныхъ дѣлъ я до сихъ поръ не видался, хотя заѣзжалъ къ нему два раза и получилъ его карточку на другой же день моего визита. Я узналъ сегодня, что въ комитетѣ, собиравшемся у Великаго Князя Константина Николаевича, обсуждалось ваше представленіе о дополнительномъ распоряженіи на счетъ каботажнаго плаванія въ Черномъ морѣ. Князь Горчаковъ возсталъ противъ этого требованія, говоря, что столь скорое измѣненіе указа, только что распубликованнаго, покажетъ

шаткость и необдуманность нашихъ правительственныхъ дѣйствій. Мнѣ передана на разсмотрѣніе составленная совмѣстно министерствами иностранныхъ дѣлъ и морскимъ инструкція нашимъ крейсерамъ; я нашелъ, что она вся написана въ видахъ огражденія контрабандистовъ и крайняго стѣсненія нашихъ крейсеровъ. Объ этомъ я прямо сказалъ Великому Князю Генералъ-Адмиралу, который признаетъ справедливость моего мнѣнія, но изволилъ отозваться, что иначе невозможно было сдѣлать по настоятельному требованію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Тайный совѣтникъ Мальцовъ сказалъ мнѣ также, что измѣнить въ чемъ-либо составленную инструкцію невозможно. Такимъ образ. крейсерство у насъ будетъ только номинальное, а существенная мѣра охраненія берега будетъ заключаться въ нашихъ судахъ, которыя необходимо будетъ и впредь употреблять по примѣру дѣйствій ген. Филипсона въ нынѣшнемъ году. Составляя нынѣ проектъ устройства нашей флотилии, мы стараемся обезпечить нашихъ береговыхъ начальниковъ въ этомъ отношеніи и дать имъ средства къ исполненію того, что́ крейсерство не въ состояніи будетъ выполнить. Весною будущаго года, когда приступлено будетъ къ упраздненію Анапы, само собою окажется неизбѣжнымъ сдѣлать новую публикацію для измѣненія сдѣланныхъ теперь распоряженій относительно ограниченія свободнаго плаванія торговыхъ судовъ при восточномъ берегѣ; тогда и вопросъ о каботажномъ плаваніи долженъ подняться снова, такъ что я смотрю на всѣ теперешнія мѣры по этому предмету только какъ на временныя до будущей весны. Въ такомъ смыслѣ я говорилъ военному министру и буду говорить князю Горчакову.

Адъютантъ военнаго министра Толстой возвратился изъ Астрахани и привезъ, по словамъ Николая Онуфріевича, неопровержимыя улики существовавшихъ тамъ обширныхъ злоупотребленій по провіантской части. Военный министръ не только убѣдился въ виновности самого вице-адм. Васильева, но подозрѣваетъ и соучастіе нашего интендантства. Николай Онуфріевичъ поручаетъ мнѣ предостеречь ваше сіятельство на сей счетъ и обѣщаетъ прислать ко мнѣ самого Толстаго со всѣми бумагами и документами. Не хочется вѣрить столь прискорбному подозрѣнію, но не смѣю и опровергать, пока не узнаю, въ чемъ дѣло.

8.

30 Октября.

Фельдъегерь, который долженъ былъ отправиться сегодня съ письмомъ моимъ къ вашему сіятельству, поѣдетъ только послѣ-завтра и, какъ кажется, повезетъ къ вамъ письма самого Государя Императора. Пользуясь этою отсрочкою, я продолжаю мой отчетъ или лучше сказать дневникъ моего пребыванія въ Петербургѣ.

Сегодня Великій Князь Генералъ-Адмиралъ собралъ у себя в.-адм. Метлина, к.-адм. Краббе и насъ съ Обезъяниновымъ, чтобы обсудить будущее устройство морской части на Кавказѣ. Рѣшено принять тотъ самый порядокъ, который мы предложили и который уже былъ изложенъ въ чернѣ

Обезъяниновымъ За основаніе принята передача судовъ Кавказскихъ въ составъ Черноморскаго флота и всѣхъ издержекъ на счетъ Морскаго Министерства. Рѣчь была о Бакинской станціи и отношеніяхъ главнокомандующаго къ Каспійской флотиліи. Вопросъ этотъ, какъ надѣюсь, уладится скоро.

Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ капитану Стеценкѣ въ отвѣтъ на полученное здѣсь письмо его, въ которомъ онъ опять жалуется на свое положеніе и предоставляетъ мнѣ дать направленіе дальнѣйшей его служебной дѣятельности. Я объясняю ему сущность неудовольствій его и сообщаю мой разговоръ о немъ съ Великимъ Княземъ. Здѣсь весьма затрудняются пріискать ему назначеніе: прежде выхваляли до небесъ, а теперь не могутъ придумать на что употребить его. Обезъяниновымъ я очень доволенъ.

Сегодня же я имѣлъ честь быть у Великой Княгини Маріи Николаевны, которая удостоила меня довольно продолжительнымъ разговоромъ о Кавказѣ. Ея Высочество была нѣсколько удивлена, услышавъ, что ваше сіятельство вовсе не замышляете никакихъ громкихъ и кровопролитныхъ экспедицій, а довольствуетесь постройками, рубкою лѣсовъ и проложеніемъ дорогъ. Казалось, Великая Княгиня иначе понимала доселѣ нашъ образъ дѣйствій на Кавказѣ и объясненія мои изволила принять одобрительно.

9.

31 Октября. Четвергъ.

Военный министръ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта Толстаго, который прочелъ мнѣ рапортъ по дѣламъ Астраханскаго провіантскаго комитета. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ были большія злоупотребленія. Соучастіе нашего интендантства въ оффиціальномъ рапортѣ не высказано; но Толстой на словахъ объявилъ, что положительно убѣжденъ въ личномъ участіи самого генералъ-интенданта, ссылаясь при этомъ на показанія полк. Северикова. Поэтому, если бы ваше сіятельство пожелали разъяснить это важное сомнѣніе, то по моему мнѣнію всего было бы удобнѣе самого Северикова подъ какимъ-либо предлогомъ вытребовать въ Тифлисъ.

Видѣлся я съ бар. Торнау, который выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, что мысль вашего сіятельства о желѣзной дорогѣ отклоняетъ исполненіе многихъ намѣреній компаніи въ пользу Закавказскаго края. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство никакъ не согласится ни на объявленіе всего Закавказья porto franco, ни на гарантію 5%; а потому предложенныя Кокоревымъ условія можно считать несбыточными. Считаю обязанностью предупредить объ этомъ ваше сіятельство для соображенія вашего.

10.

2 Ноября.

Спѣшу обрадовать ваше сіятельство извѣстіемъ, что 13 и 18 пѣхотныя дивизіи остаются на Кавказѣ еще на 1859 годъ, о чемъ вѣроятно пишетъ вамъ и самъ Государь Императоръ съ симъ же фельдъегеремъ, отъѣздъ котораго еще отложенъ до завтрашняго дня.

Вчера военный министръ пригласилъ меня къ себѣ и въ присутствіи князя Васильчикова началъ высказывать нѣкоторыя замѣчанія относительно проекта предстоящихъ въ будущемъ году военныхъ дѣйствій; въ особенности же съ упрекомъ доказывалъ, что все предположеніе такъ составлено, какъ будто 13 и 18 дивизіи остаются совсѣмъ на Кавказѣ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что на другой день (т.-е. сегодня) будетъ по этому предмету докладывать Государю Императору и что Его Величеству угодно, чтобы я при этомъ присутствовалъ. Согласно такому повелѣнію я отправился вчера въ Царское Село и сегодня имѣлъ счастіе прочесть Государю все предположеніе на будущій 1858 годъ. По мѣрѣ чтенія, военный министръ докладывалъ о своихъ замѣчаніяхъ, а я объяснялъ сущность дѣла, и Государь изволилъ во всемъ соглашаться съ предположеніями вашего сіятельства, часто повторяя, что находитъ все совершенно основательнымъ. Въ заключеніе Его Величество изволилъ объявить, что видитъ теперь всѣ выгоды пребыванія на Кавказѣ 13 и 18 пѣх. дивизій и разрѣшаетъ оставить ихъ для довершенія начатыхъ предпріятій. Военный министръ спросилъ, на какой срокъ? Тогда Государь изволилъ назначить до осени 1859 года, съ тѣмъ, чтобы не требовать уже укомплектованія сихъ дивизій, а, по мѣрѣ убыли въ нихъ людей, переформировывать полки въ 3 и 2 баталіонный составъ. Низко поклонившись Монарху, я доложилъ, что ваше сіятельство съ радостью узнаете о новой милости Его Величества. Впослѣдствіи военный министръ опять распрашивалъ меня, какъ будемъ мы продолжать предположенныя дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ послѣ осени 1859 года, когда уйдутъ полки 13-й дивизіи. Отвѣчая на это, я предложилъ новую мысль: командировать ежегодно изъ Крыма въ помощь нашему Крымскому полку поочередно части ближайшихъ корпусовъ, подобно тому, какъ уже предположено относительно стрѣлковыхъ баталіоновъ, имѣя въ виду, что командировки эти будутъ служить прекрасною школою для арміи. Военный министръ нашелъ эту мысль удачною и обѣщалъ подумать.

Сегодня же при мнѣ военный миинстръ докладывалъ Государю о предполагаемыхъ артиллерійскихъ постройкахъ за р. Вѣрою, о чемъ требовались мои объясненія. Рѣшено ожидать отъ вашего сіятельства полнаго проекта и смѣты съ тѣмъ, чтобы тогда опредѣлить, на сколько лѣтъ придется разсрочить этотъ расходъ, смотря по размѣру тѣхъ суммъ, которыя возможно будетъ ежегодно ассигновать на этотъ предметъ. При этомъ я упомянулъ, что есть еще мысль о построеніи артилерійскихъ зданій не въ Тифлисѣ, а въ Мцхетѣ или даже выше по Арагвѣ, на что Государь Императоръ изволилъ выразиться, что мысль эта не дурна и заслуживаетъ соображенія.

Въ продолженіе доклада говорено было еще о многихъ частныхъ предметахъ, которые трудно было бы перечислить. Между прочимъ была опять рѣчь о переселеніи въ значительномъ размѣрѣ Донскихъ казаковъ на Кавказъ, а Кавказскихъ горцевъ на Донъ; вопросъ этотъ подви-

гается къ рѣшенію довольно успѣшно. Вообще Государь изволилъ давать рѣшенія самыя милостивыя и между прочимъ сказалъ военному министру, что надобно стараться не задерживать меня долго въ Петербургѣ.

Когда я собирался уже выдти изъ кабинета Государя, вошелъ фельдъегерь, который привезъ ваше письмо къ Его Величеству и печальное донесеніе о Кутаисскомъ происшествіи. Государь изволилъ при военномъ министрѣ и при мнѣ прочитать вслухъ почти все письмо, изъявлялъ удовольствіе по предмету удачныхъ дѣйствій въ Салатавіи, желаніе свое, чтобы осуществилось предположеніе о желѣзной дорогѣ въ Закавказьѣ, а когда рѣчь дошла до предполагаемаго вами назначенія барона Врангеля, то Государь изволилъ выразиться, что, при всемъ желаніи своемъ удержать здѣсь этого генерала, не можетъ отказать на ваше представленіе *).

Вообще я весьма доволенъ результатами своей поѣздки въ Царское Село. Тамъ и на желѣзной дорогѣ я имѣлъ случай многое разъяснить военному министру и замѣтилъ, что изъ сдѣланныхъ ему докладовъ о нашихъ проектахъ штатовъ онъ составилъ себѣ понятіе весьма неточное. По возвращеніи въ Петербургъ я заѣхалъ къ бар. Врангелю, который видимо доволенъ предложеніемъ вашимъ и хотя говоритъ, что предоставляетъ свою судьбу вполнѣ Высочайшему усмотрѣнію, однакоже на мои настоятельные вопросы отвѣчалъ, что не откажется отъ предлагаемаго мѣста. Онъ будетъ самъ отвѣчать вашему сіятельству. Завтра, по случаю воскреснаго дня, онъ будетъ въ Царскомъ Селѣ, и вѣроятно Государь заговоритъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Сегодня же я познакомился въ ген. Кауфманомъ, только что возвратившимся изъ путешествія, и просилъ его не задерживать нашихъ проектовъ по инженерной части.

Возвратившись домой, я нашелъ множество привезенныхъ изъ Тифлиса фельдъегеремъ писемъ и бумагъ. Приношу искреннѣйшую благодарность за письмо вашего сіятельства. Почти всѣ упоминаемыя въ немъ порученія уже исполнены, какъ вы изволили видѣть изъ прежнихъ моихъ писемъ. Что касается до желѣзной дороги, то мнѣ показалось изъ письма вашего, что есть недоразумѣніе въ соображеніяхъ относительно условій г-на Кокорева. Ваше сіятельство упоминаете исключительно о требованіи его объявить весь Закавказскій край porto-franco, но оставляете безъ вниманія другое болѣе важное требованіе—гарантію въ 5%. Условіе это не высказано прямо, но подразумѣвается въ пунктѣ 2-мъ и совершенно измѣняетъ размѣръ пожертвованія, требуемаго отъ казны.

По предмету доставленнаго вамъ проекта о восточныхъ дѣлахъ я узналъ, что проектъ сей составленъ полковникомъ Игнатьевымъ, котораго и предполагается отправить начальникомъ экспедиціи по Аму-Дарьѣ. Ханыковъ же ѣдетъ на дняхъ въ Тифлисъ и поведетъ экспедицію отъ Астраба-

*) Считаю себя обязаннымъ довести до вашего свѣдѣнія, что Государь при чтеніи вашего письма изволилъ замѣтить, что ваше сіятельство пишете слишкомъ свѣтлыми чернилами.

да. Планъ этотъ выработался подъ главнымъ руководствомъ Великаго Князя Константина Николаевича; но все это узналъ я стороной, оффиціально же со мною не говорятъ объ этихъ дѣлахъ, а я разумѣется считаю неприличнымъ заводить рѣчь. Быть можетъ услышу что нибудь отъ князя Горчакова и Ковалевскаго, съ которыми я не видѣлся еще.

Дѣла Сванетскія все болѣе усложняются. Кажется, придется въ будущемъ году опять предпринять туда экспедицію, болѣе серьезную. Строить же тамъ укрѣпленіе и оставлять постоянный гарнизонъ, по моему мнѣнію, едва ли возможно, прежде чѣмъ страна изслѣдована болѣе точнымъ образомъ. Относительно князя Александра Дадешкильяна Государь изволилъ при мнѣ приказать военному министру усилить надзоръ.

По нѣкоторымъ предметамъ, сообщеннымъ мнѣ ген. Карлгофомъ, я не успѣю отвѣчать сегодня, а напишу съ будущимъ курьеромъ. Весьма сожалѣю, что отправленіе фельдъегеря было столько разъ отлагаемо и боюсь, что ваше сіятельство можете быть недовольны, не получая такъ долго моихъ донесеній.

11.

4 Ноября.

Вчерашнее письмо мое не поспѣло къ отъѣзду фельдъегеря, который былъ отправленъ прямо изъ Царскаго Села, а потому я вручаю это письмо штабсъ-капитану генеральнаго штаба Ризенкампфу, назначенному на службу на Кавказъ и отправляемому по моей просьбѣ курьеромъ. Сожалѣю, что сообщаемыя мною извѣстія дойдутъ до вашего сіятельства слишкомъ поздно и предупреждены будутъ письмомъ самого Государя Императора. Въ дополненіе же къ сказанному мною о бар. Врангелѣ, имѣю честь препроводить при семъ собственное его письмо къ вашему сіятельству.

Вчера я наконецъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ, котораго нашелъ въ какомъ-то раздражительномъ расположеніи духа. Онъ говорилъ съ большою горячностью, что распоряженія относительно блокады Кавказскаго берега могутъ поссорить насъ съ Европою, что онъ никакъ не согласится, чтобы теперь сдѣлано было какое-либо новое измѣненіе въ объявленномъ недавно дозволеніи иностраннымъ судамъ производить каботажное плаваніе и приставать къ тремъ пунктамъ берега, что упраздненіе Анапы произведетъ непріятное впечатлѣніе въ Европѣ, что еслибы и необходимо было намѣреніе это привести въ исполненіе, то надобно непремѣнно въ замѣнъ Анапы назначить какой-нибудь другой пунктъ на томъ же берегу. Всѣ доводы мои о нашихъ правахъ государства независимаго, о военныхъ соображеніяхъ, о напрасныхъ опасеніяхъ и проч. только болѣе еще раздражали министра. Впрочемъ онъ былъ учтивъ; о дѣлахъ же собственно Азіятскихъ не говорилъ со мною ни слова.

Послѣ того я видѣлся съ Н. В. Ханыковымъ, который далъ мнѣ нѣкоторыя объясненія по предмету экспедиціи на Востокѣ. Оказывается, что первоначальное предположеніе было подано Государю Императору въ Варшавѣ полковникомъ Игнатьевымъ, что Его Величество изволилъ поручить

это дѣло Великому Князю Константину Николаевичу, что тогда призванъ былъ Ханыковъ, отъ котораго потребовали также записку и предложили ему принять на себя экспедицію въ Хорасанъ. Проекту этому данъ видъ чисто-ученый, почему онъ и разсматривался въ Географическомъ Обществѣ. Впрочемъ окончательныя инструкціи Ханыковъ долженъ получить отъ вашего сіятельства, и для того онъ ѣдетъ на дняхъ въ Тифлисъ.

Сегодня я имѣлъ объясненія съ ген.-ад. Чевкинымъ по всѣмъ касающимся до него дѣламъ. Этотъ человѣкъ во всемъ старается отыскать какую-нибудь невыгодную сторону, чтобы затруднить ходъ дѣла. Однакоже послѣ длиннаго разговора, прощаясь, онъ увѣрялъ, что самъ вполнѣ убѣжденъ въ важности устройства Военно-Грузинской дороги и Каспійскаго пароходства и что будетъ помогать успѣху этихъ дѣлъ сколько отъ него зависитъ, но считаетъ именно теперешнее время самымъ невыгоднымъ, чтобы пускать въ ходъ подобные проекты, а потому и совѣтуетъ не торопиться. Дѣло о новомъ штатѣ путей сообщенія на Кавказѣ, не смотря на сдѣланныя мнѣ письменно возраженія, кажется, уладится: ген. Чевкинъ сказалъ, что въ основаніяхъ проекта онъ совершенно согласенъ и даже желалъ бы примѣнить туже систему ко всей Россіи. О Каспійскомъ же пароходствѣ мнѣ предстоятъ на дняхъ еще совѣщанія съ Новосельскимъ, Головнинымъ, Метлинымъ и другими лицами.

Ген. Герштенцвейгъ, который до сихъ поръ показывалъ особенное расположеніе поддерживать меня въ дѣлѣ о новыхъ штатахъ, начинаетъ также возставать противъ нашего главнаго штаба, подъ тѣмъ предлогомъ, что вскорѣ предполагается сдѣлать болѣе радикальныя перемѣны въ главномъ штабѣ 1-й арміи. Мнѣ кажется, что онъ мститъ за то, что намъ удалось, вопреки его желанію, удержать на Кавказѣ 13 и 18 дивизіи. Когда я съ радостію сообщилъ ему о полученномъ мною отъ самого Государя Императора соизволеніи, ген. Герштенцвейгъ вскрикнулъ отъ досады и не стараясь скрыть своего неудовольствія. Впрочемъ по наружности и теперь отношенія наши съ нимъ очень хороши, совершенно пріятельскія.

12.

5-е Ноября.

Сейчасъ вышелъ отъ меня В. П. Бутковъ, который по прежнему преданъ вполнѣ пользамъ Кавказскаго края и работаетъ усердно для успѣшнаго хода представленій вашего сіятельства. Еслибы наши военные проекты шли чрезъ Кавказскій Комитетъ, то навѣрное все было бы уже рѣшено. Вѣроятно вамъ уже сообщено о вновь послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ по поводу жалобы вашей на Министерство Народнаго Просвѣщенія на счетъ 15 т. рублей, которые хотѣли урѣзать у Кавказскаго округа. Подтверждено настоятельно, чтобы министры не дѣлали никакихъ распоряженій по дѣламъ Кавказскимъ, ни отъ себя, ни чрезъ Государственный Совѣтъ, а все вносили въ Кавказскій Комитетъ.

Сегодня же я имѣлъ продолжительное свиданіе съ Новосельскимъ. Онъ не охлаждается въ своихъ предпріятіяхъ относительно Кавказа и ведетъ ихъ, какъ кажется, дѣятельно.

Я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что бар. Врангель перемѣнилъ свое намѣреніе и отказался отъ предложеннаго ему мѣста въ Кутаисѣ. Сегодня уже явился ко мнѣ претендентъ на это мѣсто, ген.-ад. Фроловъ, который сказалъ, будтобы мысль эту далъ ему военный министръ; я отвѣчалъ однакоже, что ваше сіятельство имѣли уже въ виду другаго кандидата на случай, если бы назначеніе бар. Врангеля не состоялось, и такимъ образомъ отклонилъ этого протендента. Надѣюсь, что этотъ поступокъ будетъ одобренъ вами.

13.

7-го Ноября.

Вчера отправилъ я съ штабсъ-капитаномъ Ризенкампфомъ два мои письма (№ 3 и 4) и третье отъ ген.-ад. барона Врангеля. Изъ этихъ писемъ вашему сіятельству уже извѣстно, что сей послѣдній не принялъ предложеннаго ему мѣста. Вечеромъ вчерашняго же дня пріѣхалъ ко мнѣ полк. графъ Эльстонъ *) со страннымъ порученіемъ военнаго министра, чтобы я представилъ вамъ для выбора на мѣсто Кутаисскаго генералъ-губернатора нѣсколькихъ кандидатовъ. Я объявилъ Эльстону, что ваше сіятельство имѣете списки генераловъ, хорошо знаете и сами придумаете, на комъ остановить вашъ выборъ. Пользуясь случаемъ, я высказалъ Эльстону много горькой правды о Военномъ Министерствѣ и образѣ дѣйствій его относительно Кавказа. Не сомнѣваюсь, что моя филиппика будетъ передана выше, а въ этомъ и состояла моя цѣль. Съ удивленіемъ я услышалъ отъ Эльстона, что онъ ничего болѣе не желалъ бы какъ служить на Кавказѣ и командовать тамъ полкомъ. Кажется, онъ не совсѣмъ доволенъ настоящимъ своимъ служебнымъ положеніемъ.

Вчера же посѣтилъ меня живописецъ Айвазовскій, съ которымъ я былъ знакомъ прежде, а сегодня онъ привезъ съ собою и брата своего новаго епископа Бессарабскаго. Послѣдній увѣряетъ, что не желаетъ быть избраннымъ въ католикосы, что откажется, еслибы и былъ избранъ, потому будтобы, что избраніе это отвлекло бы его отъ настоящаго предпринятаго имъ важнаго дѣла духовнаго и учебнаго заведенія въ Ѳеодосіи, а между тѣмъ на мѣстѣ патріарха, при теперешней обстановкѣ, ничего полезнаго сдѣлать нельзя. Не могу разгадать, искренни ли эти увѣренія, или надобно видѣть въ нихъ какую-нибудь тонкую стратагему. Въ разговорѣ, какъ бы вскользь, оба брата Айвазовскіе упомянули о неудовольствіи возбужденномъ въ Армянскомъ мірѣ Саркисомъ; о томъ, что назначеніе его патріархомъ было бы весьма вредно для нашихъ цѣлей и что теперь, по мнѣнію епископа, всего было бы выгоднѣе, если бы въ это званіе попалъ человѣкъ ничтожный и бездѣйственный. Въ заключеніе онъ просилъ меня от-

*) Вице-директоръ канцеляріи военнаго министра.

везти письмо его къ вашему сіятельству и подтвердить на словахъ о намѣреніи его отклонить отъ себя честь избранія въ патріархи. Разумѣется я показывалъ видъ во все время разговора, что не знакомъ вовсе съ дѣлами Армянской церкви, что они вовсе до меня не касаются и что передамъ только вашему сіятельству все слышанное мною.

А. В. Головнинъ отъ имени Великаго Князя Константина Николаевича просилъ меня (письменно), чтобы я представилъ мнѣніе мое о маршрутѣ для предполагаемаго въ будущемъ году путешествія Его Высочества въ Каспійское море и въ Закавказскій край. Точно такое же порученіе дано Н. В. Ханыкову и, можетъ быть, еще кому-нибудь. Я намѣренъ уклониться отъ исполненія этого порученія и сказать, что требуемый проектъ маршрута будетъ доставленъ отъ вашего сіятельства.

14.

8-го Ноября.

Сегодня, на парадѣ л.-гв. Московскаго и Литовскаго полковъ, я имѣлъ случай видѣться и переговорить со многими лицами. Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ оба подошли ко мнѣ и сами объявили, что разсматривали внимательно проекты новыхъ штатовъ по части артилерійской и инженерной, что остались очень довольны, найдя все прекраснымъ и дали уже одобрительные отзывы военному министру. За то послѣдній почти въ моихъ глазахъ горячо укорялъ ген.-ад. Баранцева въ томъ, что отъ имени генералъ-фельдцехмейстера данъ былъ такъ поспѣшно отвѣтъ и что всѣ предположенія одобрены. За тѣмъ ген.-ад. Сухозанетъ подошелъ ко мнѣ и началъ объяснять, что нѣтъ возможности утвердить весь проектъ штатовъ, при чемъ ясно было одно, что онъ самъ не читалъ проекта, не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія, и говоритъ чужими словами. Я замѣтилъ, что всѣ трое Великіе Князья говорили что-то военному министру о нашемъ проектѣ, а тотъ съ жаромъ оспаривалъ. Я настоятельно просилъ военнаго министра, чтобы онъ далъ мнѣ случай въ его присутствіи выслушать всѣ возраженія на проектъ и дать изустныя объясненія; но гласность не входитъ въ разсчеты здѣшнихъ дѣятелей: они предпочитаютъ разстроивать дѣла въ тихомолку, зная, что могутъ говорить все, что вздумаютъ и что все будетъ принято отъ нихъ какъ непреложное. Они даютъ дѣлу совершенно превратныя толкованія. Военный министръ самъ не имѣетъ времени вникнуть въ дѣло, а мнѣ не хочетъ вѣрить. Возвратившись домой подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ впечатлѣній, я обдумываю планъ дальнѣйшихъ дѣйствій моихъ, но не могу найти средства, чтобы одолѣть безсмысленное противодѣйствіе министерства. Не могу даже отгадать причины, побуждающія къ этому противодѣйствію; ибо нѣкоторыя капитальныя статьи проекта, противъ которыхъ я ожидалъ наиболѣе возраженій, приняты уже и даже съ прибавками. Кажется, надѣются уступками на одномъ взять верхъ на другомъ.

Имѣлъ я также разговоръ съ Никол. Ник. Анненковымъ, который, не давая мнѣ выговорить слова, излилъ токъ краснорѣчія своего, чтобы доказать, что установленныя правила контроля необходимо соблюдать въ точности, что онъ самъ лично желаетъ отъ всей души устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ; что впрочемъ слѣдовало бы на Кавказѣ учредить независимый контроль, какъ въ Царствѣ Польскомъ и пр. пр. Онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что я пріѣду къ нему на дняхъ вечеромъ еще поговорить.

Вечеръ провелъ я у ген.-ад. Ростовцова, который очень оскорбленъ докладомъ, составленнымъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ вслѣдствіе представленія вашего сіятельства по поводу бѣгства въ горы Паркея. Еще прежде, по сношенію съ В. П. Бутковымъ, былъ уже приготовленъ ген. Ростовцовымъ проектъ объ уменьшеніи числа воспитанниковъ изъ горцевъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; предполагалось оставить для нихъ всего 30 вакансій, а всѣ деньги, которыя отпускались на остальныхъ, обратить въ ваше распоряженіе, также на воспитаніе горцевъ на мѣстѣ ихъ родины. Теперь же, говорилъ онъ, получивъ докладъ Инспекторскаго Департамента о совершенной отмѣнѣ присылки горцевъ въ кадетскіе корпуса, онъ уже не намѣренъ пускать въ ходъ прежній свой проектъ и не станетъ хлопотать относительно суммъ. Надобно замѣтить, что въ докладѣ Инспекторскаго Денортамента довольно рѣзко выставлены невыгоды и недостатки воспитанія горцевъ въ корпусахъ; что докладъ этотъ уже былъ предварительно доложенъ Государю и отчасти уже одобренъ Его Величествомъ. Вообще замѣтно, что ген. Ростовцовъ въ дурномъ расположеніи духа и держитъ себя въ тѣни.

О несчастномъ происшествіи въ Кутаисѣ здѣсь говорятъ много, но перепутывая и искажая имена и весьма смутно понимая обстоятельства. Меня засыпаютъ вопросами и мнѣніями о Кавказѣ, болѣе или менѣе нелѣпыми и невѣжественными. Ваше сіятельство сами можете вполнѣ составить себѣ понятіе о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя я выношу ежедневно. Ежели пробуду здѣсь еще нѣсколько недѣль, то чувствую самъ, что у меня разольется желчь.

15.

13 Ноября.

Не имѣя въ виду скораго отправленія фельдъегеря, я опасаюсь слишкомъ долго оставлять ваше сіятельство безъ извѣстій о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, а съ другой стороны не рѣшаюсь и отправить подробный мой отчетъ по почтѣ. Поэтому я на сей разъ ограничусь только нѣсколькими словами, отлагая отправленіе моего подённаго донесенія до перваго фельдъегеря.

Вообще долженъ сказать вашему сіятельству, что дѣла мои сильно затянулись. Проектъ штатовъ встрѣчаетъ въ министерствѣ большое противодѣйствіе, которое до того раздражаетъ меня, что я отчасти по этой причинѣ слегъ эти дни въ постель и не знаю, что́ теперь дѣлается. Убѣ-

дительнѣйше прошу ваше сіятельство не говорить никому о моей болѣзни, потому что она можетъ встревожить жену; я посылаю ей съ этою же почтою длинное письмо нарочно для того, чтобы она не имѣла никакихъ опасеній за меня.

Поздравляю ваше сіятельство съ назначеніемъ князя Орбельяна генералъ-адъютантомъ. Государь самъ изволилъ мнѣ объявить объ этой милости на балѣ. Вообще Его Величество при каждомъ случаѣ изволитъ показывать высокое свое расположеніе къ вамъ и ввѣренному вамъ краю. Говоря о кандидатахъ на мѣсто генералъ-губернатора въ Кутаисѣ, Его Величество изволилъ назвать барона Врангеля того, который былъ на береговой линіи, а потомъ директоромъ корпуса и, наконецъ, теперь гдѣ-то губернаторомъ.

16.

16 Ноября, Суббота.

Вотъ ровно недѣля, что я не могъ написать ни строки въ моемъ подённомъ отчетѣ вашему сіятельству. Здоровье мое не выдержало всѣхъ испытаній физическихъ и нравственныхъ. Простудившись еще въ прошлую Субботу, я однакоже рѣшился въ Воскресенье отправиться въ Царское Село, разсчитывая тамъ воспользоваться случаемъ говорить съ Государемъ о положеніи нашихъ дѣлъ. На балѣ дѣйствительно Его Величество изволилъ подходить ко мнѣ, милостиво объявилъ о назначеніи князя Орбельяна генералъ-адъютантомъ, заговорилъ объ отказѣ ген.-ад. бар. Врангеля занять мѣсто въ Кутаисѣ и при этомъ упомянулъ о другомъ бар. Врангелѣ—губернаторѣ, нѣкогда бывшемъ на береговой линіи, а потомъ директоромъ Кадетскаго корпуса *). Къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось разговориться долѣе съ Государемъ: я почувствовалъ себя уже такъ худо, что долженъ былъ уйти съ бала, едва доѣхалъ до города и слегъ въ постель. Теперь начинаю поправляться, но цѣлая недѣля совершенно потеряна, и досадно подумать, что я самъ теперь причиняю замедленіе въ ходѣ дѣла. Между тѣмъ оно какъ будто начинаетъ двигаться. Военный министръ, не знаю съ какого повода, рѣшился, наконецъ, образовать особый комитетъ для разсмотрѣнія нашихъ штатовъ. Въ комитетѣ этомъ засѣдаютъ ген.-ад. бар. Ливенъ, кн. Васильчиковъ, Баранцовъ, Лутковскій, ген.-лейт. Вольфъ, ген.-м. Герштенцвейгъ, Кауфманъ, Непокойчицкій, и положено пригласить меня. Но первое засѣданіе происходило безъ меня по случаю моей болѣзни. Я слышалъ стороною, что замѣчанія комитета клонятся большею частію къ тому, что надобно возвратить проектъ для пополненія, потому будто, что отношенія и кругъ дѣйствія разныхъ лицъ не довольно подробно опредѣлены. Не теряю надежды, что при второмъ засѣданіи комитета я заставлю его дать дѣлу другое направленіе; но всего хуже то, что самый комитетъ

---

*) Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ генералъ человѣкъ больной и отказывается отъ всякаго мѣста, требующаго дѣятельности. Нынѣ онъ попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ.

этотъ, какъ не имѣющій никакого значенія офиціальнаго или законнаго, не поведетъ еще ни къ какому результату: пока онъ разсуждаетъ, проектъ между тѣмъ разсматриваютъ своимъ чередомъ въ департаментахъ, гдѣ разумѣется встрѣчается въ низшихъ этажахъ бюрократіи еще болѣе опозиціи или, лучше сказать, инерціи. Во всякомъ случаѣ дѣло такъ затягивается, что я теряю надежду видѣть здѣсь конецъ его. Съ военнымъ министромъ почти не вижусь, потому что онъ живетъ, можно сказать, на желѣзной дорогѣ, и нигдѣ захватить его невозможно.

Во время болѣзни меня посѣщали многія лица: одни по участію, другія по надобностямъ. Въ числѣ послѣднихъ были адм. Серебряковъ и ген.-а. Семякинъ; оба были по два раза и, какъ я не могъ ихъ принять, то поручалъ лейт. Обезъянинову съѣздить къ адм. Серебрякову и узнать, чего онъ желаетъ. Оказалось, что онъ предлагаетъ себя въ кандидаты на мѣсто въ Кутаисѣ. Вѣроятно и ген. Семякинъ пріѣзжалъ съ тѣмъ же. Считаю долгомъ только довести объ этомъ до свѣдѣнія вашего сіятельства. Военный министръ присылалъ спросить у меня, не имѣю ли я вашего проекта о христіанскомъ братствѣ, о чемъ изволилъ спрашивать уже Государь. Я поспѣшилъ отправить къ военному министру присланную вами записку, сожалѣя однакоже, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ лично пустить въ ходъ это интересное дѣло. Также препроводилъ я къ военному министру присланную мнѣ ген.-м. Карлгофомъ копію съ письма полк. Услара о происшествіи въ Кутаисѣ; полагаю, что Государю Императору будетъ интересно узнать подробности этого трагическаго событія. При этомъ же случаѣ я исполнилъ письменно порученіе вашего сіятельства относительно князя Александра Дадешкильяна и сына князя Константина.

Дѣло объ учрежденіи пароходнаго общества между Редутомъ и Требизондомъ встрѣтило было неожиданное затрудненіе по ошибкѣ, сдѣланной въ разсчетѣ помильной платы, которая положена только въ одинъ конецъ, а за обратный рейсъ не высчитана. Я поспѣшилъ удостовѣрить министра финансовъ (чрезъ Морское Министерство), что въ представленіи вашемъ означенный разсчетъ сдѣланъ просто по недоразумѣнію и что ваше сіятельство никакъ не будете противиться исправленію вкравшейся ошибки. Прилагаю при семъ въ копіи отношеніе, писанное по этому предмету Великимъ Княземъ къ тайн. с. Броку. Надѣюсь, что дѣло пойдетъ успѣшно *). Проектъ о Каспійскомъ пароходствѣ также идетъ своимъ путемъ: Новосельскому дѣлаютъ разные вопросы, но никто не противодѣйствуетъ. Что́ же касается до Кокоревской компаніи, то вѣроятно ваше сіятельство уже получили письмо барона Торнау, извѣщающее объ окончательномъ устройствѣ правленія этого товарищества. Торнау говорилъ мнѣ, что онъ писалъ къ вамъ также о желѣзной дорогѣ. Кокоревъ теперь въ Москвѣ и написалъ мнѣ, что желалъ бы видѣться со мною тамъ на обратномъ моемъ пути. Богъ знаетъ, когда это будетъ.

---

*) Есть уже увѣдомленіе отъ министра финансовъ, что ошибка будетъ исправлена.

Сегодня прислали мнѣ прочесть журналъ перваго періода зимнихъ дѣйствій ген.-л. Евдокимова. Государь изволилъ написать собственноручную резолюцію: „Хорошее начало. Дай Богъ, чтобы и все далѣе шло хорошо".

17.

17 Ноября, Воскресенье.

Баронъ Ливенъ пріѣзжалъ сказать мнѣ, что, по докладу письма моего къ военному министру, Государь изволилъ повелѣть немедленно отправить фельдъегеря за княземъ Александромъ Дадешкильяномъ, котораго отвезти въ Иркутскъ въ Забайкальское войско, а сына убійцы отправить въ Омскъ въ кадетскій корпусъ. Я просилъ барона Ливена, чтобы по этому случаю посланъ былъ фельдъегерь къ вашему сіятельству. Я забылъ сказать, что въ письмѣ къ военному министру я упомянулъ, что ваше сіятельство были вообще довольны дѣйствіями полк. Услара по Сванетскимъ дѣламъ и желали сдѣлать что нибудь для этого достойнаго штабъ-офицера. Рекомендація эта, какъ кажется, принята весьма милостиво, и вы изволите получить по этому предмету особое сообщеніе отъ военнаго министра. Наконецъ, Государь изволилъ признать полезнымъ напечатать въ газетахъ статью о Сванетскихъ дѣлахъ. Составленіе этой статьи хотятъ поручить ген.-м. Невѣровскому, а потому я и передалъ барону Ливену имѣвшіеся у меня матеріалы.

Сегодня же былъ у меня директоръ Азіятскаго департамента ген.-м. Ковалевскій. Много говорили и спорили о дѣлахъ восточнаго берега Чернаго моря. Взглядъ дипломатовъ на этотъ вопросъ совершенно отличается отъ нашего.

18.

18 Ноября, Понедѣльникъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня графъ Толстой, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, пріѣзжавшій ко мнѣ по приказанію самого Государя Императора переговорить по предмету предположенія вашего сіятельства о христіанскомъ братствѣ. Графъ Толстой не видѣлъ еще записки вашей, а потому я долженъ былъ словесно объяснить ему все дѣло. Кажется, онъ сочувствуетъ цѣли, но сомнѣвается, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ можно было надѣяться на сборъ значительныхъ суммъ. Нынѣ образуется подобное же общество для вспомоществованія православнымъ христіанамъ на Востокѣ, но дѣло это ведется негласно; ваше же предположеніе, какъ я стараюсь объяснить, требуетъ, напротивъ того, самой большой гласности. Впрочемъ, лишь только выздоровлю, постараюсь имѣть счастіе прямо говорить объ этомъ дѣлѣ съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею.

19.

20 Ноября, Среда.

Вчера утромъ прибылъ Шереметевъ и привезъ мнѣ письмо вашего сіятельства отъ 9 числа. Между множествомъ полученныхъ мною конвертовъ было письмо ген.-м. князя Васильчикова, которое имѣю честь при

семъ приложить въ дополненіе къ представленному уже письму князя Гр. Дм. Орбельяна по тому же предмету.

Сегодня я видѣлся съ В. П. Бутковымъ, который торопитъ, сколько можетъ, ходъ Кавказскихъ дѣлъ, но также жалуется на инерцію Военнаго Министерства. У него же теперь въ рукахъ и та часть проекта штатовъ, которая относится къ управленію мирными горцами; онъ доказываетъ, что расходъ на это управленіе слѣдуетъ отнести на гражданскую смѣту Кавказскаго края, а не на военную, какъ я предполагалъ. Быть можетъ, онъ и правъ въ томъ, что намъ выгоднѣе вообще какъ можно менѣе быть въ зависимости отъ суммъ, ассигнуемыхъ по Военному Министерству.

В. П. Бутковъ показалъ мнѣ важный рескриптъ Государя, на дняхъ подписанный на имя ген.-ад. Назимова по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Виленской, Ковенской и Витебской губерній. Составленіе проекта условій сего освобожденія возлагается на самихъ помѣщиковъ подъ руководствомъ генералъ-губернатора. Какъ ни слабо еще выражены въ этомъ актѣ виды правительства, тѣмъ не менѣе можно считать эту мѣру весьма важнымъ шагомъ къ исполненію задачи, о которой до сихъ поръ только судили и думали почти безъ вѣры въ успѣхъ. Кажется, теперь большинство поняло, что оставить это дѣло безъ движенія уже невозможно. Къ сожалѣнію, однакоже, есть и донынѣ нѣкоторые неблагонамѣренные люди, которые пугаютъ мнимыми опасностями, въ ихъ воображеніи развившимися, и чрезъ то причиняютъ нѣкоторое колебаніе и задержки въ благихъ начинаніяхъ.

Имѣлъ я длинный разговоръ съ ген.-ад. Лутковскимъ о нашихъ штатахъ по артилерійской части. Изъ словъ его не видно прямаго противодѣйствія; тѣмъ не менѣе дѣло это остается въ непостижимой для меня неподвижности, и я намѣренъ завтра имѣть рѣшительный разговоръ съ военнымъ министромъ.

20.

21 Ноября.

Сегодня ровно мѣсяцъ, что̀ я здѣсь живу, и до сихъ поръ дѣло о штатахъ какъ будто не трогалось съ мѣста; по крайней мѣрѣ ничего офиціальнаго я не знаю, а доходили до меня только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что предложенное вашимъ сіятельствомъ преобразованіе управленій, особенно артилерійскаго, принято быть не можетъ. Военный министръ еще сегодня утромъ, назначивъ мнѣ часъ для доклада нѣкоторыхъ бумагъ, присланныхъ на мое заключеніе, горячо возставалъ противъ нашихъ проектовъ и, не смотря на всѣ мои опроверженія, повторялъ одну и туже фразу, что онъ на можетъ допустить распаденія министерства и отдѣленія Кавказа въ особое государство. Онъ такъ торопился при этомъ куда-то ѣхать, что я не могъ переспорить его и разъяснить ложныя понятія, которыя онъ составилъ себѣ о вашихъ проектахъ, не читавши ихъ. Изъ этихъ рѣчей министра я вывелъ самыя печальныя заключенія и потерялъ было надежду на успѣхъ всего дѣла. Однакоже онъ сказалъ въ заключеніе, что

окончательное мнѣніе его будетъ зависѣть отъ приговора комитета, о которомъ я писалъ уже прежде. Комитетъ этотъ имѣлъ сегодня вечеромъ второе засѣданіе свое, продолжавшееся за полночь. Я долженъ былъ разъяснять пунктъ за пунктомъ всѣ статьи проекта, по которымъ сдѣланы были замѣчанія и возраженія въ первомъ засѣданіи, происходившемъ въ мое отсутствіе. Мы спорили горячо, однакоже я не замѣтилъ вообще слишкомъ враждебнаго направленія. Пренія имѣли болѣе характеръ домашній и пріятельскій, потому что со всѣми почти членами комитета (кромѣ Непокойчицкаго) я былъ всегда и теперь нахожусь въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Многія замѣчанія комитета устранены моими объясненіями; по нѣкоторымъ же я долженъ былъ сдѣлать уступки и въ результатѣ считаю побѣду за мною. Я достигъ по крайней мѣрѣ того, что комитетъ уже и не говорилъ о невозможности утвердить предложенные штаты, о томъ, чтобы все преобразованіе отложить до другаго времени или чтобы потребовать отъ насъ полнаго изложенія, что также отдалило бы преобразованіе на годы. Комитетъ призналъ, что преобразованіе нужно по всѣмъ частямъ, не исключая и артилерійской; что оно возможно при тѣхъ уступкахъ, на которыя и я съ своей стороны счелъ возможнымъ согласиться и которыя не измѣняютъ сущности дѣла. Однимъ словомъ, комитетъ представитъ докладъ свой военному министру въ благопріятномъ видѣ, подробно указавъ тѣ перемѣны, которыя съ моего согласія должны быть сдѣланы въ проектѣ. Затѣмъ уже будетъ зависѣть отъ военнаго министра, согласиться или нѣтъ съ комитетомъ и представить на Высочайшее утвержденіе всѣ проекты штатовъ, или только тѣ, которые не пугаютъ его власти. Какъ бы то ни было, но сегодняшнее рѣшеніе комитета есть уже въ моихъ глазахъ большой шагъ въ этомъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе я не утѣшаю себя преждевременно напрасными надеждами, видя, что дѣло пойдетъ еще очень и очень долго и даже не знаю, возможно ли мнѣ будетъ дождаться здѣсь совершеннаго окончанія. Если докладъ комитета будетъ одобренъ военнымъ министромъ, то проекты наши по частямъ будутъ снова возвращены въ соотвѣтствующіе департаменты для передѣлки; а департаменты, разумѣется, не будутъ торопиться въ этой работѣ. Всего болѣе возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе, особенно при мнительности моего характера, упорная молчаливость князя Васильчикова, который былъ съ самаго начала противникомъ нашихъ проектовъ, а сегодня въ комитетѣ буквально не раскрылъ рта. Меня поддерживалъ сильнѣе всѣхъ ген.-л. Баранцовъ, что̀ было очень важно для артилерійской части. Г.-л. Вольфъ по нѣкоторымъ статьямъ былъ самымъ опаснымъ мнѣ противникомъ, и скажу прямо, что главныя сдѣланныя мною уступки были вынуждены его авторитетомъ: онъ одинъ знаетъ дѣло и можетъ судить о немъ. Однакоже я долженъ отдать справедливость, что онъ же и поддержалъ меня въ важнѣйшихъ вопросахъ, которые имѣли самое существенное вліяніе на рѣшеніе дѣла и которые могли бы поколебать весь проектъ. En resumé, я менѣе досадую на Вольфа, чѣмъ благодаренъ ему. Замѣчанія Герштенцвейга были большею частью мелоч-

ныя и неважныя. Б. Ливенъ, какъ и всегда, соглашался со всѣми поочередно, но вообще старался помогать мнѣ. Непокойчицкій нѣсколько разъ ввязывался въ пренія, но чаще не впопадъ. Лутковскій и Веригинъ болѣе молчали. Таково вообще впечатлѣніе, вынесенное мною изъ 4-хъ часоваго засѣданія. Пишу эти строки ночью, еще подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, нѣсколько утомленный и при томъ не совсѣмъ еще оправившись отъ болѣзни. Поэтому надѣюсь на снисхожденіе вашего сіятельства, если вы изволите найти мой отчетъ нѣсколько безпорядочнымъ и худо написаннымъ.

21.

22 Ноября, Пятница.

Перечитывая мое письмо, я нахожу, что забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ предметахъ вчерашняго моего разговора съ военнымъ министромъ. Онъ объявилъ мнѣ, что предположеніе вашего сіятельства о христіанскомъ братствѣ Высочайше повелѣно передать въ Кавказскій Комитетъ. Потомъ я самъ видѣлъ собственноручную резолюцію Государя на вашей запискѣ. Сколько могу припомнить, сущность ея заключается въ слѣдующемъ: „Предметъ весьма важный; но мнѣ кажется, что исполненіе въ предполагаемомъ видѣ было бы несогласно съ духомъ нашихъ общихъ учрежденій. Внести въ Кавказскій Комитетъ на обсужденіе“. Слѣдовательно и по этому дѣлу надобно обратиться теперь къ В. П. Буткову; я постараюсь объяснить ему, что предпріятіе, вами предлагаемое, нельзя вести негласно.

Военный министръ жалуется на нашу интендантскую смѣту, говоря, что редакція ея такъ запутана и не ясна, что пришлось требовать разъясненія изъ Тифлиса, а потому Кавказская смѣта и не поспѣетъ ко времени представленія общей смѣты министерства. Я сказалъ министру, что напрасно не спрашиваютъ меня, когда я нахожусь на лицо и что недоразумѣнія могутъ здѣсь происходить только отъ незнанія обстоятельствъ края; что если форма нашей смѣты кажется неудовлетворительною, то стоило бы только министерству доставить намъ свою форму. Сегодня былъ у меня Старицкій [1]), который возвратился изъ-за границы и спѣшитъ ѣхать въ Тифлисъ. Онъ весьма доволенъ своею поѣздкою и надѣется, что она можетъ имѣть хорошіе результаты для Кавказскаго края.

Также порадовало меня письмо ген.-лейт. Филипсона, полученное сегодня съ почтою. Онъ увѣдомляетъ меня, что пароходъ для Кубани заказанъ, что новыя изслѣдованія его убѣдили въ несомнѣнной выгодѣ пароходства по Кубани; при этомъ однакоже онъ излагаетъ свои соображенія о томъ, выгоднѣе ли передать все предпріятіе компаніи или оставить его, по крайней мѣрѣ на первое время, въ вѣдѣніи начальства Черноморскаго войска. Г. Филипсонъ склоняется на послѣднее предположеніе [2]).

---

[1]) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Все предпріятіе окончилось совершенной неудачей и напрасной тратой казенныхъ денегъ.

22.

22 Ноября, Вечеромъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня графъ Сиверсъ, директоръ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Онъ уже нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ; самъ министръ Ланской не разъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы поговорить о дѣлахъ, но какъ-то случалось, что мнѣ ни разу не удалось быть у него. Между прочимъ на дняхъ былъ у Ланскаго большой обѣдъ для Армянъ и въ томъ числѣ для Айвазовскаго; я также не могъ быть и въ этотъ день по болѣзни. Наконецъ, сегодня гр. Сиверсъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло: онъ завѣряетъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ желаетъ дѣйствовать совершенно сходно съ вашими видами, что все желаніе министерства быть вамъ пріятнымъ и т. д.

Сегодня опять я имѣлъ разговоръ довольно длинный съ военнымъ министромъ, и нѣкоторые предметы, которыхъ мы касались, будутъ конечно любопытны для вашего сіятельства. Вопервыхъ, онъ началъ развивать мнѣ свои соображенія, что Военное Министерство въ два послѣдніе года сдѣлало для финансовъ Имперіи такое подкрѣпленіе, на какое трудно было даже надѣяться, что теперь министръ финансовъ не имѣетъ уже права жаловаться на Военное Министерство; а потому многіе расходы, которые по необходимости отлагались, но которые составляютъ существенную государственную потребность, могли бы быть нынѣ удовлетворены. Въ числѣ сихъ расходовъ военный министръ поставитъ на первомъ планѣ укрѣпленіе Керчи, Кронштадта и за тѣмъ устроеніе Каспійскихъ портовъ, и полагаетъ, что съ будущаго года Министерство Финансовъ должно удѣлить извѣстныя суммы на эти первостепенныя государственныя нужды. Ген.-ад. Сухозанетъ докладывалъ объ этомъ Государю; Его Величество предварительно одобрилъ соображеніе. За тѣмъ говорено было и Великому Князю Генералъ-Адмиралу; но, къ удивленію, Его Высочество отозвался весьма холодно о Каспійскихъ портахъ и нашелъ, что прежде всего надобно заняться укрѣпленіемъ Балтійскаго Порта. Я далъ военному министру всѣ объясненія, какія онъ желалъ имѣть о положеніи дѣла по устройству Петровска и Баку, присовокупивъ, что Новосельскій съ своей стороны будетъ также хлопотать, чтобы пустить въ ходъ эти дѣла и что онъ даже вызывается войти въ долю въ издержкахъ на эти сооруженія. Военный министръ поручилъ мнѣ доложить вашему сіятельству, что онъ охотно будетъ содѣйствовать и найдетъ суммы, если вы настоятельно будете представлять о необходимости означенныхъ работъ. Я подкрѣпилъ министра въ этихъ благихъ видахъ, сказавъ, что я уже намѣреваюсь, по вашему порученію, отправиться на дняхъ въ Строительный Департаментъ Морскаго Министерства, чтобы заняться означенными двумя дѣлами. Что же касается до равнодушія, съ которымъ говоритъ о нихъ Великій Князь, то я осмѣлюсь сообщить вамъ свою догадку, объясняющую это видимое равнодушіе. Великій Князь намѣревается лѣтомъ путешествовать и осматривать Каспій-

ское море: ему естественно будетъ пріятно самому на мѣстѣ рѣшить важнѣйшія дѣла, къ этому морю относящіяся; съ воспоминаніемъ его путешествія соединятся важнѣйшія предпріятія, какія предстоятъ въ этомъ краѣ. На эту мысль навела меня (кромѣ разговоровъ съ Головнинымъ) записка барона Торнау объ Астрабадской станціи, препровожденная ко мнѣ Его Высочествомъ для доклада на мѣстѣ. Изъ всего этого я заключаю, что успѣхъ дѣла будетъ вѣрнѣе достигнутъ, если отложить это до лѣта, т.-е. до пріѣзда Великаго Князя на наши берега, а между тѣмъ подготовлять данныя, проекты и поддерживать благія намѣренія военнаго министра.

Далѣе разговоръ естественно перешелъ на суммы, хранящіяся въ наличности въ нашемъ интендантствѣ. Уже прежде я заговаривалъ объ этомъ съ министромъ, который однакоже не обратилъ большаго вниманія на этотъ предметъ и взглянулъ на него только съ точки зрѣнія опасности храненія такихъ значительныхъ капиталовъ. Сегодня я воспользовался случаемъ и представилъ военному министру соображеніе, чтобы остающіеся безъ употребленія миліоны, вмѣсто возвращенія въ массу средствъ государственаго казначейства, употребить, какъ свободный капиталъ, на тѣ полезныя предпріятія, преимущественно для Кавказскаго края, о которыхъ задумалъ самъ военный министръ. Предположеніе это понравилось ему, и онъ просилъ меня оставить ему записку, взятую со мною, о состояніи наличныхъ суммъ нашего интендантства. По этой запискѣ выведено, что можно дать назначеніе совершенно свободному капиталу въ 3 мил. рублей.

Другой весьма любопытный разговоръ былъ объ образцовыхъ войскахъ. Едва успѣлъ я высказать мысль вашего сіятельства, какъ министръ съ радостію подхватилъ: „Ради Бога, пусть князь сдѣлаетъ представленіе; это поддержитъ меня. Я три раза представлялъ докладъ Государю о совершенномъ уничтоженіи образцовыхъ войскъ, что́ дало бы сбереженіе ежегодно полумиліонное; но Его Величество положительно мнѣ отказывалъ. На дняхъ однакоже Государь согласился на отмѣну присылки людей изъ Забайкальскихъ войскъ для сокращенія 18 т. рублей ежегоднаго расхода. Если князь Александръ Ивановичъ съ своей стороны сдѣлаетъ представленіе по тому же предмету и вычислитъ сколько произойдетъ сбереженія въ расходахъ, то быть можетъ и будетъ успѣхъ“. Далѣе военный министръ объяснялъ свои виды, чтобы учреждаемая нынѣ школа стрѣльбы постепенно и сама собою замѣнила образцовый полкъ. Все это какъ нельзя лучше совпадаетъ съ видами вашего сіятельства. По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ я побробнѣе доложу вамъ объ этомъ дѣлѣ, и тогда, полагаю, можно будетъ обдумать, какъ лучше приняться за это дѣло.

Вообще военный министръ сегодня старался быть любезнымъ, увѣрялъ въ своей готовности всегда поддерживать представленія вашего сіятельства; что онъ даже Государю докладывалъ не разъ, что не слѣдуетъ никогда отказывать главнокомандующему и намѣстнику, лишь бы только представленія его были законны и правильны. Въ заключеніе, когда я доложилъ о результатахъ вчерашняго нашего засѣданія, генералъ Сухозанетъ

объявилъ, что онъ радуется такому благопріятному ходу дѣла и съ удовольствіемъ представитъ на утвержденіе Государя ваши проекты, съ тѣми измѣненіями, какія комитетомъ признаны необходимыми. Въ добавокъ онъ обѣщалъ, сколько можно, торопить это дѣло. Дай Богъ, чтобы эти благія намѣренія не измѣнились и чтобы опять кто-нибудь не нашепталъ новыхъ нелѣпостей или не присовѣтовалъ новой проволочки.

Завтра, наконецъ, отправляется въ Тифлисъ фельдъегерь съ письмомъ Государя къ вашему сіятельству и разными бумагами. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доставить купленныя мною по вашему порученію книги для справокъ по естественной исторіи. Не знаю, угожу ли этимъ выборомъ; но лучшаго ничего не нашелъ. Вмѣстѣ съ книгами вложено прошеніе на ваше имя, поданное мнѣ однимъ Французомъ Давлуи, изобрѣтателемъ какого-то порошка изъ мяса для употребленія въ экспедиціяхъ и походахъ. При этомъ прошеніи представляется и образчикъ изобрѣтеннаго порошка, такъ что можно будетъ сдѣлать въ Тифлисѣ испытаніе.

Приношу вашему сіятельству искреннюю благодарность за вниманіе оказанное вами моей семьѣ. Не нужно говорить, какъ нетерпѣливо я жду того дня, когда могу выбраться отсюда въ обратный путь. Кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, заставляющихъ меня желать скорѣйшаго возвращенія въ Тифлисъ, надобно еще присоединить здѣшній климатъ, котораго я рѣшительно не выдерживаю: здѣсь я постоянно боленъ и при всѣхъ предосторожностяхъ не могу оправиться. Не говорю уже о всѣхъ нравственныхъ треволненіяхъ. При всемъ томъ я не могу оставить поста, не удостовѣрившись несомнѣнно въ успѣхѣ порученнаго мнѣ дѣла. Нечего дѣлать: надо вооружиться терпѣніемъ.

23.

3-го Декабря.

Спѣшу поздравить ваше сіятельство съ успѣшнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, которыя вамъ угодно было возложить на меня при отправленіи въ Петербургъ. Вчера, по случайному стеченію обстоятельствъ, доложены Государю Императору и проекты штатовъ военныхъ управленій, и проектъ новаго морскаго устройства, а въ тоже время въ Кавказскомъ Комитетѣ обсуждались въ моемъ присутствіи три дѣла: предположенія ваши о христіанскомъ братствѣ, представленія о прекращеніи каботажнаго судоходства вдоль восточнаго берега и упраздненіи Анапы и, наконецъ, новый штатъ управленія мирными горцами. Всѣ рѣшенія были весьма благопріятны. Сегодня за обѣдомъ Государь Императоръ изволилъ лично объявить мнѣ, что Его Величество утвердилъ всѣ представленные проекты, а Государыня Императрица изволила согласиться принять подъ непосредственное свое попечительство предполагаемое Общество распространенія христіанства въ Кавказскихъ горахъ. Подробности всѣхъ этихъ рѣшеній и разговоровъ, бывшихъ по этому случаю, я буду имѣть честь лично доложить вашему сіятельству; ибо надѣюсь въ скоромъ времени выѣхать отсюда и, съ Бо-

жіею помощью, быть къ праздникамъ въ Тифлисѣ. Хотя я пробылъ здѣсь долѣе чѣмъ предполагалъ, однакоже сердечно радуюсь, что поѣздка моя не осталась безъ полезныхъ послѣдствій.

24.

16 Декабря. Москва.

Выѣхавъ изъ Петербурга 7-го числа, я надѣялся привезти лично вашему сіятельству первое извѣстіе о новой Высочайшей милости Кавказскимъ войскамъ, объявленной въ приказѣ 6-го Декабря. Какъ ни старался я ускорить мое путешествіе, однакоже, по разнымъ встрѣченнымъ мною затрудненіямъ въ пути, экстра-почта обогнала меня, и теперь ваше сіятельство уже безъ сомнѣнія изволите знать о переименованіи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ армію, что̀ было желаніемъ вашимъ. Я называю это переименованіе „милостію" монаршею, потому что оно есть новое доказательство вниманія Государя Императора къ важности и высокому значенію вашей арміи. Никакія опроверженія, предостереженія, ни возраженія не помѣшали Его Величеству дать Кавказскимъ войскамъ приличное имъ назнаніе и тѣмъ уже рѣшить окончательно множество частныхъ вопросовъ, возникавшихъ отъ несообразности въ наименованіи. Утвержденіе меня въ должности начальника главнаго штаба арміи также приписываю я Высочайшему вниманію ко всѣмъ вашимъ представленіямъ и приношу вашему сіятельству искреннѣйшую признательность за ваше представленіе. Отъѣзжая отсюда завтра утромъ, я надѣюсь быть въ Тифлисѣ въ Субботу, если не встрѣчу особыхъ затрудненій въ пути.

Б Письма князя А. И. Барятинскаго къ Великому Князю Константину Николаевичу.

I.

31 Октября 1858 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество!

Сочувствіе къ преуспѣянію ввѣреннаго мнѣ края, сохраняемое Вами и вдали отъ отечества, обязываетъ меня глубочайшею благодарностью. Въ этомъ постоянномъ и благотворномъ сочувствіи я не могу не видѣть подкрѣпленія моимъ усиліямъ въ дѣлѣ умиротворенія Кавказа и слиянія его съ Имперіею. Исполненный готовности доводить до свѣдѣнія Вашего все достойное высокаго вниманія Вашего, я смѣю надѣяться, что Ваше Высочество, какъ и всегда, удостоите меня Вашими добрыми совѣтами тамъ, гдѣ изволите признать это нужнымъ.

Важнымъ событіемъ для Кавказа въ послѣднее время было— посѣщеніе его Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. Благоговѣйная радость при видѣ Августѣйшихъ братьевъ Государя сопровождала ихъ повсюду. Встрѣчаемые

съ восторгомъ и войсками и народомъ, Великіе Князья своею благосклонною внимательностью, обходительностью и живымъ участіемъ, съ которымъ вникали во всѣ подробности видѣннаго ими края, оставили на долго впечатлѣніе въ благодарной памяти Кавказа. Для меня лично прибытіе Ихъ Высочествъ было исполнено и большой радости, и большихъ лишеній: проведя съ ними только первые дни, я сильно заболѣлъ и изъ Тифлиса не могъ уже, къ моему прискорбію, сопровождать ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи по краю.

Вашему Высочеству, безъ сомнѣнія, извѣстно уже, что въ военномъ отношеніи Богъ видимо благословляетъ наши труды. Послѣ пріуготовительныхъ дѣйствій минувшимъ лѣтомъ, можно было приступить къ сильному наступленію внутрь горъ, оконченному съ совершеннымъ успѣхомъ, такъ что всѣ немирныя племена, обитающія между верховьями Терека и Аргуна, покорились совершенно; а со стороны Лезгинской кордонной линіи разгромъ сосѣдней нагорной полосы принудилъ большую часть ея населенія выселиться въ наши предѣлы. На Правомъ крылѣ непріятельская земля обрѣзана съ двухъ концевъ по Адагумъ и Бѣлую. Теперь начинается зимняя экспедиція на Лѣвомъ крылѣ, которая будетъ новымъ и, можетъ быть, весьма рѣшительнымъ шагомъ къ давножеланному успокоенію этого края.

Въ гражданскомъ отношеніи мое вниманіе въ настоящее время обращено преимущественно на преобразованіе здѣсь высшаго гражданскаго управленія, на устройство желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями и учрежденіе общества для возстановленія въ Кавказскихъ горахъ христіанства.

Трудно исчислить всѣ неудобства, заключающіяся въ организаціи гражданскаго управленія. Важнѣйшее изъ нихъ то, что отдѣльныя части управленія (судебная, финансовая и т. п.) не имѣютъ ближайшаго надзора и руководства и всѣ въ совокупности сосредоточиваются въ одной канцеляріи намѣстника, который, при такомъ положеніи вещей, заваленъ мелочными дѣлами и лишенъ возможности сосредоточивать исключительное вниманіе на дѣлахъ высшей важности, отъ которыхъ зависитъ коренное устройство края. Необходимость раздѣлить эти части и образовать для каждой изъ нихъ особое высшее управленіе очевидна, и начало новому порядку уже положено. Съ разрѣшенія Государя открыто здѣсь, въ послѣднее время, особое управленіе для развитія сельскаго хозяйства, которое остается въ младенческомъ видѣ, но при богатствахъ природы и спеціальномъ руководствѣ должно принести обширные плоды и увеличить народное благосостояніе.

Мысль о желѣзной дорогѣ между морями Чернымъ и Каспійскимъ пріобрѣла общественное сочувствіе и вызвала уже готовность капита-

листовъ къ ея осуществленію; но, чтобы положить начало этому осуществленію, необходимо предварительно обозрѣть линію, по которой она должна проходить, и съ этой цѣлью я ожидаю сюда надняхъ одного Бельгійскаго инженера.

Возстановленіе христіанства въ Кавказскихъ горахъ должно составить важное орудіе къ умиротворенію страны. Чтобы установить и упрочить дѣйствія наши въ этомъ дѣлѣ, необходимо образовать особое общество съ большими матеріальными средствами, и мысль объ его учрежденіи, какъ извѣстно Вашему Высочеству, удостоена уже Высочайшаго одобренія. Съ отъѣздомъ митрополита Исидора къ новому его назначенію, я вручилъ ему подробный объ образованіи этого общества проектъ, для передачи предсѣдателю Кавказскаго Комитета, и съ нетерпѣніемъ ожидаю, чѣмъ кончено будетъ это важное для Кавказа дѣло.

Вотъ что̀ на этотъ разъ считаю преимущественно достойнымъ вниманія Вашего Высочества. Полный стремленія оправдать довѣріе ко мнѣ Государя, я скорблю, что здоровье мое иногда измѣняетъ мнѣ и что болѣзнь отнимаетъ время столь нужное для дѣятельности. Оставаясь безвыходно болѣе мѣсяца въ комнатѣ, я теперь только начинаю поправляться, хотя слабость силъ и доселѣ не оставляетъ меня.

Позвольте, Ваше Высочество, заключить это длинное письмо сердечнымъ желаніемъ, чтобы путешествіе Ваше было пріятно и благополучно и чтобы, по возвращеніи Вашемъ, Государь встрѣтилъ въ васъ прежняго неутомимаго и благотворнаго дѣятеля въ дѣлѣ преуспѣянія и счастія нашего отечества.

2.

20 Февраля 1859 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество!

Письмо Вашего Высочества отъ 14 (26) Декабря изъ Ниццы я имѣлъ счастіе получить. Радуясь искренно, что путешествіе Ваше продолжается благополучно, я прошу Бога также благополучно возвратить Васъ къ великимъ дѣламъ нашего отечества.

Вашему Высочеству извѣстно, что преобразованіе здѣшняго гражданскаго управленія занимало въ послѣднее время особенно мое вниманіе. Государь Императоръ удостоилъ одобренія всѣ принятыя мною основанія. По участію, какое Ваше Высочество столь милостиво изволите принимать въ моихъ дѣйствіяхъ, я беру смѣлость представить Вамъ экземпляръ новаго положенія о главномъ управленіи и списокъ съ отношенія моего къ князю Орлову, въ которомъ изложены главныя начала для этого управленія. Я далекъ отъ мысли считать это пре-

образованіе полнымъ и совершеннымъ; напротивъ, въ этомъ дѣлѣ какъ и во всѣхъ другихъ, составляющихъ переходъ отъ одного порядка къ другому, есть безъ сомнѣнія недостатки; но мы будемъ стараться, въ теченіе двухъ-годичнаго опыта, дарованнаго намъ Государемъ, слѣдить за практическимъ дѣйствіемъ новаго положенія и дѣлать въ немъ тѣ дополненія и измѣненія, какія, по указаніямъ опыта, будутъ необходимы для усовершенствованія.

Бельгійскіе инженеры, вызванные мною для производства предварительныхъ изысканій по сооруженію желѣзной дороги, окончили уже изслѣдованіе линіи отъ Тифлиса до Баку и находятъ исполненіе столь важнаго предпріятія на этой линіи вполнѣ возможнымъ и удобнымъ. Такое доброе начало радуетъ меня весьма, тѣмъ болѣе, что въ военномъ отношеніи особенно необходимо устроить дорогу отъ Тифлиса до Баку; ибо этотъ путь, недоступный для непріятеля, свяжетъ Закавказскій край съ внутренними силами Россіи и упрочитъ окончательно владычество наше за горами. Линія отъ Тифлиса къ Черному морю нужна преимущественно въ экономическомъ отношеніи и составляетъ уже вопросъ второстепенный; но я надѣюсь, что здѣсь сооруженіе дороги не встрѣтитъ также особенныхъ затрудненій *).

Крестьянское дѣло, по ввѣренному мнѣ краю, идетъ путемъ сообразнымъ съ мѣстными обстоятельствами. Въ Ставропольской губерніи комитетъ вѣроятно скоро окончитъ свои дѣйствія. Но въ Закавказскомъ краѣ дѣло это требуетъ особенной осмотрительности, ибо въ гражданскомъ бытѣ этой страны сохраняются доселѣ рѣзкія особенности. Крѣпостное право имѣетъ здѣсь свой отдѣльный характеръ, несходный съ тѣмъ, какой существуетъ въ Россіи. Этотъ особенный характеръ происходитъ сколько отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, столько же и отъ самой природы страны, представляющей совершенно различные виды положенія помѣщиковъ, крестьянъ и самаго свойства земледѣльческаго труда. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо устранить всякую поспѣшность, чтобы не допустить, съ одной стороны, ущерба помѣщичьихъ интересовъ, а съ другой мѣропріятій по улучшенію быта крестьянъ, противныхъ коренному духу народа. Теперь собираются нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, на основаніи коихъ опредѣлены будутъ время и способъ, когда и какъ порѣшить и здѣсь это дѣло.

Военныя дѣйствія продолжаются постепенно, осуществляя одно за другимъ мои предположенія. На Правомъ крылѣ двухъ-лѣтніе труды по устройству Адагумской линіи увѣнчались, какъ Вы вѣроятно изволите знать, самымъ лучшимъ результатомъ: Натухайцы просятъ позволенія

*) Какъ извѣстно, постройка дороги совершилась въ совершенно обратномъ порядкѣ: прежде къ Черному морю, а послѣ, чрезъ много лѣтъ, къ Каспійскому. А. З.

принести покорность. На Лѣвомъ крылѣ, послѣ военныхъ работъ, совершенныхъ для прочнаго нашего устройства въ части горъ, завоеванныхъ прошлымъ лѣтомъ, дѣйствія открыты въ Большой Чечнѣ, и оттуда проложенъ новый и самый прочный путь въ глубь непокорныхъ владѣній. Наши войска осаждаютъ теперь Ведень, командующій всею Ичкеріею, и связали уже его съ плоскостью прочнымъ сообщеніемъ. Такимъ образомъ мы устраиваемъ исходный пунктъ, откуда нынѣшнимъ лѣтомъ, можетъ быть, нанесенъ непріятелю рѣшительный ударъ.

В. Письма Великаго Князя Константина Николаевича къ князю А. И. Барятинскому.

I.

Уѣзжая за границу, я прошу ваше сіятельство принять на себя трудъ, въ особенное мнѣ одолженіе, писать мнѣ иногда, если это не затруднитъ васъ, о тѣхъ происшествіяхъ и распоряженіяхъ по ввѣренному вамъ краю, которыя вы признаете полезнымъ довести до моего свѣдѣнія. Всякое извѣстіе изъ отечества принимается за границей съ большою благодарностью, и я буду искренно признателенъ за всѣ ваши сообщенія. Прошу васъ адресовать ваши письма въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства для пересылки мнѣ съ срочными фельдъегерями.

27 Сентября 1858 г.

II.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Очень сожалѣю, что ты хвораешь и что по этому не могъ сопровождать братьевъ при поѣздкѣ ихъ по Кавказу. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что они въ совершенномъ восторгѣ отъ этого края, и мнѣ остается только жалѣть, что мои предполагавшіяся путешествія на Кавказъ не могли еще осуществиться, хотя давно уже посѣщеніе Кавказа было любимою мечтою моею. Поздравляю тебя съ успѣхами нашего оружія и весьма желалъ бы знать, какія имѣешь теперь предположенія собственно по административной части. Я былъ бы искренно благодаренъ за всякое сообщеніе. Начиная съ Ноября, каждое 15 (27) число будутъ ѣздить ко мнѣ фельдъегеря, и потому прошу тебя имѣть это въ виду, посылая письма на мое имя въ Петербургъ. Полагаю пробыть здѣсь еще недѣлю, а около 1-го Декабря н. с. быть въ Ниццѣ.

Ганноверъ, 4 Ноября (23 Октября) 1858 г.

III.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Письмо твое отъ 31-го Октября я получилъ въ Ниццѣ 28 Ноября (10 Декабря) и благодарю тебя отъ всего сердца за твое любопытное сообщеніе. Искренно радуюсь твоимъ успѣхамъ на Какказѣ и весьма прошу о продолженіи нашей переписки. Я только что воротился въ Ниццу изъ Парижа, куда ѣздилъ на три дня, и надняхъ располагаю отправиться съ женою въ Палермо. Французскимъ путешествіемъ я весьма доволенъ: меня встрѣтили какъ стараго хорошаго знакомаго, безъ прежней офиціальности, а Французскіе моряки вездѣ оказывали намъ необыкновенное сочувствіе. Замѣчательно, что послѣдняя война, какъ и большія войны Александра Павловича, не уменьшили взаимной симпатіи двухъ націй и что соперники, которые честно бились, дѣлались опять друзьями немедленно по окончаніи боя, изъ котораго они вынесли обоюдное уваженіе другъ другу. Я намѣренъ остаться въ Палермо мѣсяца два и потомъ желалъ бы посѣтить Неаполь, Римъ, Грецію, Египетъ и Испанію. Жена, изъ любви ко мнѣ, рѣшается всюду сопровождать меня, и я везу съ собою старшаго сына, котораго пріучаю къ морской жизни. Отъ всей души желаю тебѣ здоровья, любезный князь Александръ Ивановичъ, и дальнѣйшихъ успѣховъ на твоемъ славномъ историческомъ поприщѣ.

Ницца, 14 (26) Декабря 1858 г.

IV.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Письмо твое отъ 15 Декабря я получилъ здѣсь только 22 Февраля (6 Марта) и потому до сихъ поръ не отвѣчалъ на оное. Я съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ копію отношенія твоего военному министру о предстоящихъ намъ дѣйствіяхъ на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, вполнѣ раздѣляю всѣ твои мысли и готовъ всѣми зависящими отъ меня силами содѣйствовать осуществленію оныхъ. Искренно радуюсь успѣху небольшой экспедиціи нашихъ моряковъ для наказанія Туркменъ. Я только что воротился изъ Мальты, гдѣ видѣлъ нѣсколько Англійскихъ судовъ и адмиралтейство. Недѣли черезъ двѣ полагаю отправиться въ Неаполь, а оттуда въ концѣ Марта идти въ Грецію. Буду ожидать твоихъ писемъ и впередъ благодарю за нихъ.

Палермо, Февраля (Марта) 1859 г.

V.

Письмо твое отъ 20 Февраля со всѣми приложеніями, любезный князь Александръ Ивановичъ, я получилъ здѣсь 1 (13) Апрѣля и прочелъ съ большимъ любопытствомъ. Радуюсь твоимъ военнымъ успѣхамъ и благодарю искренно за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о преобразованіяхъ въ гражданскомъ управленіи Кавказа. Мнѣ кажется, что главныя основанія этого преобразованія совершенно вѣрны и что край, подобный Кавказу, долженъ имѣть свое самостоятельное управленіе, подчиненное намѣстнику Государя, а не разнымъ административнымъ учрежденіямъ дальняго Петербурга. Финляндія, которая составляетъ сравнительно столь небольшое и малосложное государство, и притомъ находится такъ близко отъ столицы Имперіи, выигрываетъ весьма много отъ самостоятельнаго управленія. Я нахожу также вполнѣ правильнымъ передачу дѣлъ второстепенныхъ и менѣе важныхъ второстепеннымъ начальникамъ, дабы не обременять ими высшаго правителя, который долженъ заниматься только дѣлами болѣе важными. Сдѣланное тобою раздѣленіе дѣлъ между второстепенными начальниками совершенно правильно. Быть можетъ, что для высшихъ судебныхъ дѣлъ полезно бы имѣть въ Тифлисѣ, подобно Польшѣ, два департамента Сената: уголовный и гражданскій. Впрочемъ, не зная края, я не могу судить объ этомъ.

Пребываніе мое въ Неаполѣ было весьма неудачно и замедлилось по случаю болѣзни жены, а потомъ и моей, отъ которой оправляюсь медленно. Отсюда мы полагаемъ отправиться въ Грецію и потомъ въ Іерусалимъ, и такимъ образомъ исполнить давнишнее мое желаніе.

Неаполь
2 (14) Апрѣля 1859 г.

VI.

Аѳины, 21 Апрѣля (3 Мая) 1859 г.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Я получилъ здѣсь по телеграфу отъ Государя извѣстіе о взятіи штурмомъ Веденя. Отъ всего сердца поздравляю тебя съ этимъ новымъ подвигомъ нашихъ Кавказскихъ молодцовъ. Мнѣ особенно пріятно было получить это извѣстіе въ православной Греціи, среди народа, который своею кровью и цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ достигъ побѣды надъ мусульманами. Здѣсь къ намъ имѣютъ сочувствіе, и единовѣрцы наши искренно радуются нашимъ успѣхамъ на Кавказѣ. Я прибылъ сюда изъ Неаполя, еще не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, хотя впрочемъ морской переходъ нѣсколько освѣжилъ меня. Здѣсь чувствую по вре-

менамъ слабость и утомленіе, и потому не въ состояніи проводить время такъ дѣятельно, какъ бы желалъ. Пріемъ сдѣланный мнѣ какъ королемъ, такъ и народомъ, былъ самый радушный. Когда вспомнишь, какъ еще недавно кончилась война за независимость, и Греція была краемъ совершенно разоренньімъ и облитымъ кровью, то нельзя не удивляться, какъ много съ того времени сдѣлано, особенно усиліями частныхъ лицъ. Вообще должно сказать, что сильная привязанность Грековъ къ вѣрѣ и къ своему отечеству и сохраненіе ими національности, послѣ столькихъ вѣковъ рабства и страданій, заслуживаютъ глубокаго уваженія. Замѣчательно также стремленіе народа учиться, отношеніе числа учащихся къ общему числу населенія и множество школъ, основанныхъ здѣсь общинами и частными лицами. На этой недѣлѣ отправляюсь въ Іерусалимъ и оттуда непремѣнно постараюсь написать тебѣ.

VII.

Іерусалимъ, 8 (20) Мая 1859 года.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Узнавъ случайно, что въ здѣшнихъ библіотекахъ (Патріаршей, Крестоваго монастыря и другихъ) хранится большое количество неразобранныхъ Грузинскихъ рукописей, относящихся къ тому времени, когда цари Грузинскіе властвовали въ Палестинѣ, сообщаю объ этомъ тебѣ для свѣдѣнія на случай, еслибъ ты призналъ полезнымъ прислать сюда кого либо изъ вашихъ Грузинскихъ ученыхъ для разбора этихъ рукописей, которыя могутъ содержать весьма важныя и любопытныя историческія данныя. Здѣсь находится Французскимъ консуломъ г. Барреръ, бывшій въ Тифлисѣ и сохранившій о Кавказѣ весьма пріятное воспоминаніе. Онъ можетъ быть весьма полезенъ здѣсь твоимъ ученымъ. Путешествіе въ Іерусалимъ я совершилъ съ женою и сыномъ, благодаря Бога, гораздо легче и спокойнѣе, чѣмъ могъ надѣяться, и на дняхъ располагаю отправиться въ обратный путь. Іерусалимъ, независимо отъ духовнаго потрясенія, произвелъ на меня впечатлѣніе болѣе грустное при видѣ ежеминутнаго противорѣчія между смысломъ проповѣданнаго здѣсь Божественнаго ученія и дѣйствіями людей, которые называютъ себя послѣдователями этого ученія. Кромѣ постоянныхъ распрей между представителями разныхъ исповѣдацій, здѣсь видишь много интригъ, сплетенъ, которыя глубоко огорчаютъ и которыхъ невозможно прекратить. Посему мнѣ кажется, что поклонническое странствованіе въ Іерусалимъ можетъ быть полезно своимъ религіознымъ вліяніемъ, но что продолжительное пребываніе въ Іерусалимѣ едва-ли приноситъ духовную пользу.

VIII.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Я съ большимъ удовольствіемъ познакомился здѣсь съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ и пользуюсь его отъѣздомъ, чтобъ написать тебѣ еще разъ передъ возвращеніемъ моимъ въ Россію. Я имѣлъ здѣсь длинные и весьма интересные разговоры съ нимъ о Кавказѣ и еще болѣе убѣдился въ вѣрности твоего взгляда на Кавказъ и на образъ дѣйствія, которому мы должны тамъ слѣдовать, и сердечно порадовался достигнутымъ тобою результатамъ. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я также по этому предмету письмо къ Головнину твоего почтеннаго помощника Д. А. Милютина, котораго душевно уважаю.

Два главные предмета нашихъ разговоровъ съ Меликовымъ были: о возможности вліянія Россіи на Востокѣ посредствомъ преданнаго намъ Армянскаго народа и объ устройствѣ морской части при Черноморской береговой линіи. Я совершенно раздѣляю мнѣніе Меликова о необходимости назначить образованныхъ и благонамѣренныхъ Русскихъ консуловъ въ разныя мѣста, гдѣ находится значительное Армянское населеніе; но полагаю, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ встрѣтитъ къ тому затрудненіе по недостаточности своихъ денежныхъ средствъ, и что дѣло это можетъ быть приведено къ желаемому результату только въ томъ случаѣ, еслибъ ты нашелъ возможнымъ принять хотя часть издержекъ на Кавказскія суммы. Надѣюсь, что генералъ Меликовъ передастъ тебѣ нашъ разговоръ въ подробности. Относительно нашихъ Черноморскихъ крейсеровъ мы пришли къ убѣжденію, что Парижскій трактатъ и инструкція, данная крейсерамъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, совершенно парализуютъ все, что морское вѣдомство могло бы сдѣлать для дѣйствительности крейсерства и что, поэтому, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, было бы всего полезнѣе объявить торговлю на восточномъ берегу совершенно свободною и намъ самимъ стараться получить въ ней большое участіе посредствомъ нашего пароходнаго общества, оставляя нынѣшнее крейсерство только съ цѣлію препятствовать хотя сколько нибудь военной контрабандѣ. Такимъ образомъ, мы стали бы съ морской стороны дѣйствовать болѣе мирными путями просвѣщенія и торговли въ то самое время, когда на сухомъ пути твои блестящіе военные подвиги внушаютъ племенамъ Кавказскимъ уваженіе къ нашему оружію. Сообщаю эти мысли на твое обсужденіе, любезный князь, и съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего мнѣнія.—Изъ Іерусалима я отправился въ Турецкій архипелагъ и посѣтилъ Бейрутъ, Родосъ, Патмосъ, Са-

мосъ, Хіосъ и Смирну. Въ Константинополѣ я нашелъ самый блистательный и, повидимому, радушный пріемъ съ стороны султана; но, къ сожалѣнію, погода, которая благопріятствовала моему морскому путешествію, вдругъ измѣнилась, и не проходитъ дня безъ дождя. По мѣрѣ приближенія къ Россіи, возрастаетъ во мнѣ нетерпѣніе вернуться въ отечество, и я надѣюсь быть въ Петербургѣ къ 15 (27) Іюня. Обнимаю тебя, любезный князь Александръ Ивановичъ, и весьма прошу по временамъ писать мнѣ.

Константинополь, 31 Мая (12 Іюня) 1859 г.

Г. Письма А. В. Головнина къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Петербургъ, 2 (14) Января 1858 г.

Пожелавъ вамъ счастливаго Новаго года, посылаю при этомъ письмѣ копію сокращенной таблицы бюджета Имперіи на 1858 годъ, которую министръ финансовъ представилъ 30 Декабря въ финансовый комитетъ. Чтобы облегчить вамъ понятіе объ этой таблицѣ, я обращаю ваше вниманіе на слѣдующія части: 1) Дефицитъ, который министръ финансовъ признаётъ на текущій годъ, выражается въ цифрѣ 9,806,000 рубл. с. Онъ предполагаетъ покрыть его съ помощью займа у нашихъ банковъ. Въ 1857 г., чтобы покрыть дефицитъ этого 1857 года, заняли 18,538,000 рубл. с. Мы занимаемъ въ этомъ году меньше, но тѣмъ не менѣе мы проведемъ годъ мира, истративъ болѣе, чѣмъ имѣемъ дохода. Мы живемъ въ долгъ. 2) Г. министръ предполагаетъ увеличеніе нашихъ доходовъ, что̀ крайне сомнительно, такъ какъ финансовый кризисъ Европы будетъ имѣть результатъ отъ уменьшенія дѣлаемыхъ у насъ покупокъ. Мы закупимъ также гораздо менѣе, такъ какъ наши магазины загромождены товарами, которые были излишкомъ 1857 года. Съ другой стороны, увеличеніе цифры дохода есть только номинальное увеличеніе, но недѣйствительное, соображая дороговизну всякой вещи, какъ слѣдствіе слишкомъ большаго выпуска ассигнацій. Получая миліонъ дохода, правительство въ дѣйствительности получитъ гораздо менѣе, такъ какъ на этотъ милліонъ оно не будетъ въ состояніи купить въ такомъ же количествѣ вещей и оплатить тотъ же трудъ, какъ прежде. 3) Въ 1858 году расходы будутъ гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ г-нъ министръ предвидитъ. а) Министръ Императорскаго Двора израсходуетъ по всей вѣроятности болѣе 10 миліоновъ. в) Военный министръ признаётъ потребность въ 100 миліоновъ, но не испрашиваетъ у казны болѣе 76 мил. и объ-

щаетъ покрыть излишекъ собственными средствами. Какія же это собственныя средства, превышающія 20 миліоновъ? Эти деньги полученныя во время войны и министерствомъ не израсходованныя въ то время. Эти деньги достались по невыгоднымъ займамъ, и ихъ слѣдовало бы возвратить въ казну. Чтó за управленіе, которое расходуетъ почти туже сумму въ мирное время послѣ громаднаго уменьшенія арміи, какую расходовало въ военное время на армію вдвое бóльшую?

Двѣ цифры бюджета должны порадовать каждаго Русскаго, который любитъ свое отечество. 1) Винный откупъ увеличенъ всего на 49653 рубл., тогда какъ министру легко было бы увеличить его на гораздо бóльшую сумму, предоставивъ откупщикамъ разныя привилегіи, которыя имъ облегчили бы возможность увеличить ихъ приходъ, во вредъ народу. 2) Уменьшеніе на миліонъ дохода, который приноситъ соль, чтò совершенно согласуется съ выгодою наиболѣе бѣднаго класса.

Награды и новыя назначенія въ день Новаго года не были многочисленны. Князь Дмитрій Оболенскій (изъ Морскаго Министерства) назначенъ государственнымъ секретаремъ. Надо этому порадоваться, такъ какъ это человѣкъ очень способный и имѣетъ теплое и благородное сердце. Князь Голицынъ назначенъ предсѣдателемъ Коммиссіи Прошеній, сохраняя свою дѣятельность секретаря этой Коммиссіи. Это, по меньшей мѣрѣ, странно видѣть одного и того же субъекта, соединяющаго въ себѣ двѣ должности, предсѣдателя и секретаря, не говоря уже объ извѣстности, которою пользуется князь.

2.

С.-Петербургъ, 27 Января 1858 г.

Сердечно благодарю васъ за ваше письмо отъ 6 сего мѣсяца и за благосклонный и великодушный пріемъ, которымъ вы удостоили замѣчанія нѣкоторыхъ моихъ друзей относительно новаго устава Мингреліи. Признаюсь вамъ откровенно, что безъ этого пріема мнѣ было бы трудно съ одной стороны преодолѣть ложныя оцѣнки, а съ другой продолжать переписку, которую я глубоко цѣню и гдѣ полная откровенность составляетъ всю заслугу съ моей стороны. Прилагаю при этомъ письмѣ записку, которая была составлена нѣсколько дней тому назадъ, дабы облегчить друзьямъ Великаго Князя Константина преодолѣть нападки, направленныя многими недоброжелателями противъ Его Высочества. Къ несчастію, во главѣ ихъ находятся люди, въ настоящее время могущественные, крѣпко связанные между собою, чтобы парализовать усилія Императора ко всему, чтó относится до прогресса и цивилизаціи. Я склоненъ думать, что эти господа дѣй-

ствуютъ праводушно, но они ошибаются. Тѣмъ не менѣе они творятъ много зла. Это тріо составлено изъ графа Владимира Адлерберга, Муравьева (министра государственныхъ имуществъ) и графа Панина (министра юстиціи).

На прошлой недѣлѣ я написалъ моему другу Александру Николаи, прося его довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что предположенія относительно путешествія Великаго Князя Константина снова измѣнены. Великая Княгиня, находясь въ интересномъ положеніи, должна разрѣшиться въ Августѣ. Его Высочество предполагалъ выѣхать отсюда въ Апрѣлѣ въ Николаевъ, проѣхать Кавказъ, сѣсть на пароходъ въ Баку и подняться по Волгѣ. Сегодня утромъ Государь сказалъ ему, что это путешествіе совершенно невозможно, такъ какъ Его Величество предполагаетъ въ концѣ Мая отправиться въ Архангельскъ и находитъ, что пребываніе Великаго Князя въ Петербургѣ необходимо во время его отсутствія. Великій Князь понимаетъ необходимость остаться здѣсь, но глубоко сожалѣетъ, что еще разъ онъ лишенъ возможности видѣть вашу прекрасную страну и пожать вамъ руку.

3.

Трувиль, на берегу моря, (20 Іюня) 2 Іюля 1858 г.

Въ этомъ году я еще долженъ отказаться отъ чести видѣть васъ на Кавказѣ, такъ какъ путешествіе Великаго Князя отложено по причинамъ вамъ извѣстнымъ.

Будучи больнымъ послѣ зимы полной трудовъ и усталымъ, я исходатайствовалъ разрѣшеніе пріѣхать отдохнуть сюда и воспользоваться морскими ваннами. Я въ шести часахъ отъ Парижа, морской берегъ восхитителенъ, и окрестности Трувиля очаровательны. Я очень интересно провелъ время въ Парижѣ, гдѣ видѣлъ многихъ своихъ прошлогоднихъ знакомыхъ. Эти господа, хотя очень преданные императору Наполеону, ничуть не сдерживаются и критикуютъ многія изъ его послѣднихъ дѣяній, а именно назначеніе генерала Эспинаса, мѣры высшей полиціи, а въ особенности проектъ назначенія принца Наполеона намѣстникомъ императора въ Алжиръ. Вы уже знаете, что Эспинасъ болѣе не министръ и что принцъ Наполеонъ получилъ министерство вмѣсто намѣстничества. Приписываютъ эти перемѣны вліянію г-на Макарда, интимнаго секретаря Наполеона. Мнѣ сказали, что Наполеонъ очень измѣнился послѣ покушенія 14 Января, что съ того времени онъ самъ читаетъ всѣ рапорты агентовъ своей тайной полиціи, всѣ частныя письма, всѣ доносы, и что все это чтеніе лишило его прежняго хладнокровія, отравило ему жизнь, и онъ лишился своего яснаго взгляда. Желали, чтобы онъ избралъ довѣреннаго человѣка

для этого дѣла. Во время моего пребыванія въ Парижѣ, князь Алексѣй Орловъ прибылъ туда женить своего сына на княжнѣ Екатеринѣ Трубецкой, дочери князя Николая и графини Гудовичъ.

Трубецкіе живутъ во Франціи 20 лѣтъ и владѣютъ около Фонтенебло за̀мкомъ Бельфонтенъ, принадлежавшимъ прежде герцогинѣ Тремуйль. Князь Трубецкой католикъ, прекрасный и честный человѣкъ и съ превосходнымъ сердцемъ. Бѣдные окрестностей Бельфонтена его боготворятъ. Его жена, я думаю, деистка, очень умная, очень оригинальная. Дочь православная, очаровательная и очень красивая личность. Князь А. Ѳ. Орловъ представлялся разъ императ. Наполеону, но не видалъ императрицу Евгенію и не былъ приглашенъ ни на обѣдъ, и ни на одинъ вечеръ при дворѣ, хотя онъ и пробылъ мѣсяцъ въ Парижѣ, и въ это время число приглашенныхъ въ Фонтенебло было по 80 человѣкъ, что̀ составляетъ, въ четыре раза, болѣе 320 приглашенныхъ. Это мнѣ кажется очень страннымъ. Графъ Киселевъ сказалъ мнѣ самъ, что онъ дѣлалъ два раза попытку устроить приглашеніе князя Орлова, но что оба раза притворились будто не слышатъ.

Въ Парижѣ говорятъ, что императоръ Наполеонъ влюбленъ въ графиню Валевскую, которая дѣйствительно очаровательная особа.

Я живу въ Трувилѣ съ Рейтерномъ, котораго вы знаете. Онъ провелъ зиму въ Парижѣ, изучая финансы этой страны. Онъ везетъ въ Россію цѣлую книгу, которая будетъ очень полезна, въ особенности теперь, когда у насъ недостаетъ людей, изучившихъ науку о кредитѣ. Сосѣдъ у меня Николай Орловъ со своею очаровательною женою; для насъ это составляетъ большое удовольствіе. Это человѣкъ стоящій безконечно выше своихъ товарищей по годамъ и эполетамъ, но къ несчастію состояніе его здоровья не позволитъ ему долго оставаться въ отечествѣ. Ему постоянно необходимъ теплый климатъ по причинѣ его ранъ. Частицы желѣза и мѣди постоянно блуждаютъ у него въ глазу, котораго онъ лишился и располагаютъ къ состоянію, которое на холодѣ причиняетъ мученіе.

Для меня было наслажденіемъ писать вамъ, и это мнѣ напомнило вечера, которые я провелъ у васъ на Миліонной, когда вы имѣли большое ко мнѣ расположеніе, которое я очень цѣню и никогда не забуду.

4.

Петербургъ, (9) 21 Октября 1858 г.

Еще разъ обращаюсь къ вамъ, князь, съ просьбою написать Великому Князю Константину о его положеніи и обязанностяхъ по отношенію къ Императору и Россіи. Онъ васъ искренно любитъ и уважаетъ болѣе, чѣмъ кого-либо изъ государственныхъ людей. Я много

разъ слыхалъ отъ него это мнѣніе, высказанное въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Ваши слова, написанныя издалека, будутъ имѣть на него наибольшее вліяніе. Онъ уѣхалъ вчера въ Киль съ Великою Княгинею и со своимъ старшимъ сыномъ, предполагаетъ провести зиму въ Италіи и возвратиться будущимъ лѣтомъ моремъ, обогнувъ Европу. Его отсутствіе продлится около 10 мѣсяцевъ. Я остался здѣсь на недѣлю и дней черезъ восемь отправлюсь присоединиться къ нему въ Ниццу. Передъ его отъѣздомъ мы имѣли съ нимъ частые и долгіе споры. Онъ крайне обезкураженъ и разбитъ всѣмъ тѣмъ, что̀ здѣсь говорили противъ него, и не хочетъ болѣе заниматься общими государственными дѣлами, какъ напримѣръ финансовыми, въ качествѣ перваго члена финансоваго комитета, освобожденіемъ крестьянъ, какъ членъ комитета по этому важному дѣлу, системою, которою слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніи раскольниковъ, какъ членъ раскольничьяго комитета и т. д. Онъ хочетъ ограничить свою дѣятельность морскою службою, быть морскимъ министромъ, и ничего болѣе.

Морскія силы въ наше время представляютъ изъ себя дѣло, требующее очень много денегъ. Англичане и Американцы выстроютъ какой намъ будетъ угодно флотъ, если у насъ найдется чѣмъ за него заплатить. Пошлите затѣмъ этотъ флотъ на три года въ море, и къ концу этого времени вы будете имѣть прекрасныхъ моряковъ; но это стоитъ дорого, а у насъ нѣтъ необходимыхъ денегъ. Флотъ не имѣетъ для насъ достаточно важности, чтобы могъ поглотить въ себя всю дѣятельность Великаго Князя и помѣшать его участію въ жизненныхъ, административныхъ вопросахъ, которые болѣе важны и подлежатъ теперь обсужденію. Уже то грустно, что управленіе отдаленнымъ краемъ лишаетъ Имперію въ своемъ центрѣ помощи вашего генія и вашей прекрасной и высокой дѣятельности. Нужно ли, чтобы еще одна второстепенная, спеціальная часть оторвала отъ Россіи способности и энергію Великаго Князя? Я умоляю васъ постараться поднять бодрость Великаго Князя и увѣрить его, что Императору не достаточны только одни его труды, какъ Адмирала. Государь назначилъ его членомъ Совѣта Министровъ и различныхъ комитетовъ. Необходимо, чтобы онъ показалъ себя достойнымъ столь высокаго довѣрія, не продлилъ бы очень своего отсутствія и возвращался бы какъ можно скорѣе опять занять мѣсто, назначенное ему августѣйшею волею брата, который его любитъ и уважаетъ. Интриганы преувеличили слухи всеобщаго неудовольствія противъ него. Нужно пренебречь этой молвой и продолжать идти своей дорогой. Если вы будете столь добры, чтобы мнѣ писать, адресуйте въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства, откуда мнѣ акуратно перешлютъ ваше письмо.

5.

Палермо, (8) 20 Января 1859 г.

Я имѣлъ честь получить въ Ниццѣ ваше письмо отъ 30 Октября (12 Ноября), которое употребило много времени, чтобы дойти до меня. Примите мою искреннюю благодарность за благосклонный пріемъ, который нашли у васъ мои два письма, написанныя вамъ ранѣе моего отъѣзда изъ Петербурга. Они были написаны съ открытою, сердечною искренностію, и я буду продолжать говорить откровенно съ вами, начиная съ того, что я ошибся въ своемъ мнѣніи о томъ результатѣ, который произведетъ, по моему мнѣнію, путешествіе Великаго Князя Генералъ-Адмирала. Я думалъ, что это путешествіе остановитъ ходъ различныхъ административныхъ улучшеній въ Петербургѣ. Въ этомъ я раздѣлялъ мнѣніе многихъ лицъ. Но оказывается, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Императоръ показалъ себя много разъ рѣшившимся твердо продолжать идти по пути прогресса. Его Величество доказалъ, что онъ дѣйствовалъ по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, что его твердость была непоколебима, что административное *statu quo* не стало болѣе возможнымъ. Поняли, что Великій Князь не былъ подстрекателемъ въ прогрессивныхъ мѣрахъ, что онъ былъ не болѣе какъ помощникъ и слуга своего брата, который во время его отсутствія не мѣняетъ системы, хотя въ общемъ онъ дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы многіе. Изъ этого слѣдуетъ, что препятствія для прогресса теперь не такъ легки, и уже не смѣютъ осуждать Монарха за тѣ же стремленія, за которыя дѣлали нападки на его брата. Вотъ хорошій результатъ отсутствія Великаго Князя, который даетъ уже себя чувствовать. Что́ касается до его путешествія, оно, въ теченіе многихъ недѣль, было лишь скучною прогулкою по Германскимъ дворамъ. Визитъ къ Сардинскому королю и прогулка въ Парижъ имѣли только политическій смыслъ и свой полезный результатъ. Теперь мы поселились на два мѣсяца въ Палермо. Великій Князь занимается составленіемъ отчета за послѣдніе три года и еще разъ передѣлываетъ проектъ новой организаціи Морскаго Министерства. Его Высочество предполагаетъ провести Мартъ мѣсяцъ въ Неаполѣ и Римѣ, проѣхать въ Грецію въ Апрѣлѣ, посѣтить Испанію и возвратиться въ Кронштадтъ, сдѣлавъ путешествіе кругомъ Европы. Сицилія представляетъ собою весьма печальную картину того состоянія, въ которое дурное правленіе можетъ привести страну, одаренную самою природою всѣми благами. Расположенная на пути Европы, Азіи и Африки, пользующаяся лучшимъ климатомъ, богатая произведеніями земля, не зна-

ющей неурожая, Сицилія населена бѣдняками. Изо ста жителей 80 человѣкъ нищихъ, противныхъ и грязныхъ, 16 монаховъ, два человѣка достаточныхъ, но неучей, и два шпіона. Налоги громадны, и всѣ доходы отсылаются въ Неаполь. На Сицилію ничего не тратятъ. Со времени революціи 1848 г., когда Неаполитанскія войска ушли безъ выстрѣла въ Неаполь, и намѣстникъ короля убѣжалъ переодѣтый женщиной, здѣсь находятся много Швейцарскихъ войскъ. Неудовольствіе всеобщее, но Маццини не имѣетъ друзей. Сицилійцы-роялисты хотятъ управленія независимаго, съ королемъ и конституціей. Намѣстникъ нынѣшняго короля принцъ Кастельчикала заступаетъ властителя; но настоящій господинъ и хозяинъ это директоръ полиціи г. Манискалка, человѣкъ умный и съ характеромъ. Онъ организовалъ полицію, которая, какъ говорятъ, превосходна и очень дѣятельна, въ особенности шпіонская часть. Онъ насъ охраняетъ очень дѣятельно.

(Переведены съ Французскаго).

Д. Письма князя Барятинскаго къ военному министру Н. О. Сухозанету.

1.

По полученіи отъ васъ оффиціальнаго увѣдомленія отъ 3-го Октября, № 14,358 о всемилостивѣйше дарованныхъ Государемъ Императоромъ нижнимъ чинамъ Кавказскаго корпуса безсрочныхъ отпускахъ, я поспѣшилъ объявить о томъ въ приказѣ по корпусу и поздравилъ войска съ этимъ новымъ знакомъ постоянной, отеческой о нихъ заботливости Его Величества. Выслужившіе срокъ нижніе чины 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій будутъ уволены въ безсрочный отпускъ немедленно, а въ войскахъ Кавказскаго корпуса увольненіе ихъ исполнится постепенно, по мѣрѣ прибытія укомплектованія.

При средствахъ, которыя теперь даны Кавказскому корпусу для его укомплектованія, ряды его совершенно пополнятся къ осени 1858 г.; но въ общей сложности, по отбытіи отсюда 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій, число баталіоновъ на Кавказѣ уменьшится. Временное усиленіе Кавказскаго корпуса посторонними войсками дозволило намъ начать такія обширныя предпріятія, о выполненіи которыхъ съ одними здѣшними силами нельзя было бы и помышлять долгое время. Предпріятія эти еще неокончены, а между тѣмъ они выдвинули насъ въ разныхъ частяхъ Кавказа въ средину враждебнаго населенія и, поставивъ съ нимъ лицомъ къ лицу, требуютъ отъ войскъ, съ уменьшеніемъ числа ихъ, много усилій, отваги и энергіи, чтобы довершить и совершенно упрочить начатое. Дай Богъ, чтобы это было возможно. Отъ смѣтливаго и предпріимчиваго непріятеля,

котораго мы имѣемъ противъ себя, не укроется уменьшеніе числа нашихъ баталіоновъ, и надобно ожидать, что онъ удвоитъ свои усилія для продолженія съ нами борьбы. Въ этомъ убѣжденіи, я полагаю необходимымъ замѣнить то, чтó мы теряемъ въ числительности, усовершенствованіемъ оружія, тѣмъ болѣе, что и непріятель, измѣняя вѣковымъ своимъ привычкамъ, начинаетъ предпочитать новѣйшія Европейскія ружья старымъ своимъ винтовкамъ. Горцы всегда имѣли надъ нами преимущество въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи; у нихъ нѣтъ гладкоствольныхъ ружей, а винтовки ихъ уступаютъ въ дѣйствіи только новѣйшимъ штуцерамъ и нарѣзнымъ ружьямъ. Но въ послѣднее время и у нихъ все болѣе и болѣе распространяется употребленіе Европейскихъ винтованныхъ ружей, которыя къ нимъ путемъ Чернаго моря проникаютъ. Прежде впрочемъ полагалось мною достаточнымъ на Кавказѣ вооружить на первое время нарѣзными ружьями только одни стрѣлковыя роты, и сверхъ того, для опыта, одинъ полкъ въ Дагестанѣ. Мнѣ до того времени не случалось видѣть употребленія этого оружія въ бою, и потому я считалъ опытъ необходимымъ. Но теперь, послѣ экспедиціи нынѣшняго года, я постоянно слышу со всѣхъ сторонъ о изумительномъ дѣйствіи нарѣзныхъ ружей, и очевидно мы обязаны этому оружію незначительности потерь, понесенныхъ нами въ нынѣшнемъ году, въ соразмѣрности съ нашими успѣхами.

Убѣждаясь этими опытами, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, исходатайствовать высочайшее повелѣніе о вооруженіи всего Кавказскаго корпуса нарѣзными ружьями сколь возможно въ кратчайшій срокъ. На это была уже объявлена одинъ разъ высочайшая воля; но потомъ, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, вооруженіе Кавказскихъ войскъ этими ружьями на первое время ограничено.—Преступникъ князь Константинъ Дадешкеліанъ разстрѣлянъ въ Кутаисѣ по утру 5 Ноября, не возбудивъ ни въ комъ никакого участія. О мѣрахъ, которыя должны быть теперь приняты въ Сванетіи, я вмѣстѣ съ симъ пишу къ вамъ оффиціально.

8-го Ноября 1857 г. Тифлисъ.

2.

Генералъ Милютинъ доложилъ вамъ списокъ нѣкоторымъ изъ служащихъ на Кавказѣ генераламъ, о которыхъ я просилъ, чтобы имъ дали другое назначеніе внутри Россіи. Теперь съ послѣднимъ фельдъегеремъ я имѣлъ счастіе получить письмо Государя Императора, въ которомъ Его Величество соизволилъ изъявить на это согласіе; а потому я препровождаю къ вамъ для соображеній вашихъ болѣе подробный конфиденціальный списокъ, съ отчетливымъ показаніемъ къ какому назначенію каждый изъ нихъ способенъ. Мнѣ остается только покорнѣйше просить васъ, чтобы прежде назначенія этихъ генераловъ на новыя мѣста я былъ предварительно извѣщаемъ. Съ чувствомъ глубокой признательности принялъ я милость Государя о назначеніи Кавказскимъ войскамъ улучшеннаго порціоннаго довольствія; они крайне нуждались въ этой прибавкѣ и вполнѣ заслуживаютъ ея по своимъ неутомимымъ трудамъ.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ я просилъ васъ оффиціальною бумагою довести до свѣдѣнія Государя Императора, что нѣсколько человѣкъ отставныхъ всадниковъ изъ упраздненнаго Закавказскаго конно-иррегулярнаго полка изъявили желаніе поступить на службу въ регулярную кавалерію на общихъ правахъ. Этотъ небывалый еще примѣръ весьма замѣчателенъ и заставляетъ желать, чтобы просящимся теперь на службу оказаны были всевозможныя поощренія для привлеченія новыхъ охотниковъ. Здѣшнее мусульманское населеніе, такъ-сказать взросшее на конѣ, очень способно къ кавалерійской службѣ. Если первый примѣръ произведетъ большое число подражателей, то мы найдемъ со временемъ въ Закавказскихъ мусульманахъ населеніе, приготовленное уже въ домашнемъ своемъ быту для хорошаго комплектованія нашей линейной кавалеріи. Успѣхъ привлеченія большаго числа охотниковъ будетъ много зависѣть отъ хорошаго начала при опредѣленіи на службу первыхъ просителей. Хотя эти всадники и согласились поступить на общихъ правахъ, но не полагали бы вы полезнымъ не обязывать ихъ продолжительною службою, установленною по общимъ правиламъ, а принимать въ видѣ волонтеровъ?

Если будетъ надежда, что пожелаютъ поступить на службу еще много охотниковъ, то я сообщу вамъ мои соображенія о томъ, какимъ образомъ поддержать это полезное стремленіе, а теперь покорнѣйше васъ прошу исходатайствовать опредѣленіе первыхъ охотниковъ, и чѣмъ скорѣе они будутъ опредѣлены, тѣмъ лучше. Азіятцы вообще очень нетерпѣливы и легко охлаждаются къ тому, чтó нескоро исполняется по ихъ желанію.

Въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно предоставить мнѣ отправлять ихъ на службу, тотчасъ по первому изъявленію ими желанія, въ полки, которые будутъ мнѣ указаны.

17 Ноября 1857 года. Тифлисъ.

3.

Горцы Праваго крыла уже начинаютъ понимать опасность своего положенія и, чувствуя свое безсиліе остановить наши успѣхи оружіемъ, изыскиваютъ и другія средства сохранить свои земли и независимость. Изъ посылаемой при семъ довольно любопытной переписки вы увидите,. въ какомъ тревожномъ расположеніи духа они находятся.

По секретной бумагѣ вашей о подозрѣніяхъ, падающихъ на Тифлискую коммисаріатскую коммиссію въ томъ, что она, имѣя у себя обширные запасы холста, предъявила къ торгамъ излишнее требованіе на этотъ матеріалъ съ намѣреніемъ войти въ сдѣлку съ подрядчикомъ, я предпочелъ дѣйствовать открыто, но неожиданно. Когда сдѣлалось извѣстно, что послѣдній транспортъ подходитъ уже къ Тифлису, то я поручилъ жандармскому генералу Минквицу освидѣтельствовать весь транспортъ и въ тоже время командировалъ довѣреннаго штабъ-офицера въ Ставрополь, чтобы не допустить подрядчика Ставропольской коммиссіи оказать пособіе здѣшнему подрядчику присылкою холста. Изслѣдованіе показало, что въ Тиф-

лисъ прислано холста болѣе, чѣмъ требовалось по торгамъ, за исключеніемъ фланскаго полотна, которое, кажется, покупалось здѣсь; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено, что вопреки, послѣднимъ вашимъ распоряженіямъ, доставленный холстъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сортовъ, изъ которыхъ многіе дурнаго качества, и что въ Тифлиской коммиссіи дѣйствительно есть такой значительный запасъ холста, что въ новой поставкѣ не было ей надобности. Подробности этого дѣла вы узнáете изъ оффиціальнаго моего отзыва, который будетъ отправленъ вслѣдъ за симъ.

Основываясь на взаимныхъ обѣщаніяхъ нашихъ быть откровенными въ нашей перепискѣ и придерживаясь всегда этому слову, я и теперь буду васъ просить со всею откровенностью о генералъ-маіорѣ князѣ Меликовѣ. Въ представленіи моемъ о сохраненіи ему столовыхъ денегъ по прежнему званію его начальника Лезгинской кордонной линіи я получилъ отказъ (отъ 16 Іюля № 9095 по Инспекторскому Департаменту). Причина отказа состояла въ томъ, что онъ, числясь теперь при корпусѣ, не занимаетъ никакой должности. Это было бы совершенно справедливо, если бы князь Меликовъ былъ удаленъ отъ должности по соображеніямъ, относящимся до личныхъ его качествъ; но я считаю его однимъ изъ способнѣйшихъ генераловъ на Кавказѣ и имѣю въ виду поручить ему со временемъ одну изъ высшихъ должностей. При новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края, званіе командующаго войсками на Лезгинской линіи соединилось съ званіемъ начальника Кавказской гренадерской дивизіи, и потому князь Меликовъ долженъ былъ уступить прежнее свое мѣсто старшему по службѣ генералу барону Вревскому, послѣ 4-хъ лѣтняго дѣятельнаго и весьма полезнаго командованія линіею. Онъ остался, такъ-сказать, за штатомъ, и я столько же полагалъ справедливымъ сохранить ему по этой причинѣ прежнее содержаніе впредъ до назначенія на новую должность, сколько и желалъ, чтобы это служило знакомъ, что онъ оставляетъ мѣсто съ почетомъ. Послѣ отказа я до сихъ поръ не повторялъ моего ходатайства, хотя я былъ этимъ весьма огорченъ; но теперь, когда я узналъ, что князь Меликовъ находится съ своимъ семействомъ въ крайне-стѣсненномъ положеніи, то считаю своимъ долгомъ возобновить мою просьбу о назначеніи ему столовыхъ денегъ по 1961 р. 40 к. сер., которыя онъ получалъ во время исправленія имъ должности начальника Джаро-Бѣлоканской области и Лезгинской кордонной линіи.

По вопросу вашему куда отправить изъ Одессы Ибрагима-ханъ-оглу: въ Тифлисъ къ генералу Филипсону или въ другое мѣсто, я предварительно спрашиваю о томъ мнѣнія генерала Филипсона и прошу графа Строгонова узнать, въ чемъ состоятъ предложенія Хана-оглу, полагаетъ ли онъ дѣйствовать въ нашу пользу, оставаясь между нами, или желаетъ отправиться для того въ горы и тогда что́ намѣренъ предпринять? Во всякомъ случаѣ присылка его въ Тифлисъ не принесетъ никакой пользы. Генералъ Карлгофъ, служившій на Черноморской береговой линіи, имѣетъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія и сомнѣвается, чтобы и въ другихъ мѣстахъ Кавказа

Ханъ-оглу могъ быть намъ полезенъ, полагая, что одна крайность, когда преслѣдовала его Турецкая полиція, вынудила его обратиться къ нашему посланнику въ Константинополѣ съ обманчивымъ предложеніемъ услугъ Русскому правительству, но еслибы онъ и дѣйствительно имѣлъ это желаніе, то не имѣетъ столько значенія у горцевъ, чтобы достигнуть этой цѣли. Одна польза, которую мы могли бы ожидать, отпустивъ его въ горы, можетъ состоять въ томъ, что мы противупоставили бы Сеферъ-бею естественнаго его противника. Впрочемъ обстоятельства могли теперь измѣниться, и я ожидаю отъ генерала Филипсона его мнѣнія. Изъ прошлой жизни Ханъ-оглу извѣстно мнѣ только, что онъ ведетъ свой родъ отъ Крымскихъ хановъ, но происхожденіе это считаютъ сомнительнымъ; долгое время онъ жилъ въ безвѣстности, не имѣя никакого значенія у горцевъ и занимаясь мастерствомъ серебряныхъ дѣлъ; но когда Магометъ-эминъ утвердилъ свою власть надъ Закубанскими племенами, то онъ сдѣлался ревностнымъ его поборникомъ и при шаткой власти наиба неизмѣнно слѣдовалъ за его судьбою во всѣхъ ея переворотахъ. Въ исходѣ 1852 г. онъ пробрался въ Константинополь съ бумагами отъ Магометъ-эмина.

9 Декабря 1857 г. Тифлисъ.

4.

Возвратившійся на дняхъ изъ С.-Петербурга ген. Милютинъ вручилъ мнѣ письмо ваше отъ 7-го Декабря и передалъ всѣ данныя ему словесныя порученія. Я узналъ съ большимъ удовольствіемъ, съ какимъ радушіемъ и добрымъ расположеніемъ онъ былъ вами принятъ, и я душевно признателенъ за оказанное вами содѣйствіе удовлетворительному рѣшенію всѣхъ дѣлъ, которыя я поручалъ ему. Меня радуетъ, что предположенныя мною улучшенія въ военномъ управленіи здѣшняго края, давно уже настоятельно требуемыя, теперь осуществились, наконецъ, благодаря вашему ходатайству. Съ нетерпѣніемъ ожидаю окончательнаго объявленія новыхъ высочайше утвержденныхъ штатовъ и вслѣдъ затѣмъ войду съ представленіемъ о назначеніи лицъ на всѣ должности, вновь учреждаемыя или преобразуемыя. Отъ этихъ измѣненій, какъ въ устройствѣ разныхъ управленій, такъ и въ личномъ составѣ ихъ, я ожидаю положительныхъ результатовъ и надѣюсь вполнѣ, что во всѣхъ предстоящихъ мнѣ распоряженіяхъ для приведенія новаго проекта въ исполненіе я найду въ вашемъ содѣйствіи самую сильную помощь. Въ теченіе же 1858 года будутъ обрабатываться также и другія переобразованія по тѣмъ отраслямъ управленія, по которымъ не представлено еще полныхъ проектовъ.

Относительно генерала Козловскаго, я не могу теперь сказать ничего положительнаго до личнаго съ нимъ объясненія, для чего и требую его сюда.—Высочайшее соизволеніе на пріемъ отставныхъ всадниковъ бывшаго конно - мусульманскаго полка въ регулярныя войска, даетъ средство не только избавить здѣшній край отъ безполезныхъ тунеядцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ не безъ пользы и для кавалерійскихъ нашихъ

полковъ, въ которыхъ не лишними будутъ подобные наѣздники, молодцоватые на видъ и храбрые удальцы. Притомъ я могу для успокоенія вашего объяснить, что всадники эти просятся въ регулярную кавалерію на общихъ правахъ, не требуя никакихъ для себя преимуществъ ни по службѣ, ни въ содержаніи.

Если какія-либо облегчительныя правила и могутъ быть допущены въ ихъ пользу, то они будутъ вполнѣ зависѣть отъ вашего представленія и милости Государя Императора. Я же съ своей стороны полагалъ бы только справедливымъ разрѣшить, чтобы эти люди отправляемы были въ полки не по этапамъ, а на почтовыхъ, о чемъ я вслѣдъ за симъ войду съ оффиціальнымъ представленіемъ.

Относительно покупки хлѣба въ Приволжскихъ губерніяхъ Кавказскими поставщиками, я вникну подробнѣе въ это дѣло и въ свое время буду отвѣчать на оффиціальное ваше увѣдомленіе. Притомъ нахожу однакожъ необходимымъ коснуться одного, весьма щекотливаго вопроса. Милютинъ передалъ мнѣ вашъ отзывъ о здѣшнемъ генералъ-интендантѣ, на котораго будто бы падаетъ нѣкоторое сомнѣніе по дѣлу Астраханской провіантской коммиссіи. Адъютантъ вашъ г. Толстой, лично объясняя ген. Милютину свои подозрѣнія на генерала Колосовскаго, ссылался притомъ на показанія Астраханскаго жандармскаго полковника Сиверикова. Подобное обвиненіе я счелъ столь важнымъ, когда дѣло идетъ о лицѣ, коему довѣрено одно изъ важнѣйшихъ управленій въ арміи, что немедленно же вытребовалъ сюда полковника Северикова и съ глазу на глазъ разспросилъ его объ упомянутомъ обстоятельствѣ. Онъ объявилъ мнѣ наотрѣзъ, что рѣшительно не имѣетъ никакого факта для обвиненія въ чемъ-либо генерала Колосовскаго и что не выражалъ даже и малѣйшаго подозрѣнія своего на счетъ безкорыстія его. Считаю необходимымъ сообщить вамъ объ этомъ только для собственнаго вашего соображенія; но признаюсь вамъ, что мнѣ было бы до крайности прискорбно, еслибы лицо столь близкое ко мнѣ по своему званію, какъ генералъ-интендантъ, подало даже поводъ къ подозрѣнію. Какъ ни трудно было бы замѣстить Колосовскаго, коего способности и умъ лично мнѣ извѣстны, однакоже я прошу васъ открыть мнѣ все, что̀ до васъ дошло на его счетъ, чтобы я могъ удостовѣриться въ истинѣ обвиненія или же опровергнуть его, какъ клевету.

Изъ Чечни получилъ я на дняхъ свѣдѣнія самыя утѣшительныя и надѣюсь, что Государь Императоръ изволитъ остаться довольнымъ послѣднимъ журналомъ военныхъ дѣйствій генерала Евдокимова. Огромное число переселяющихся Чеченцевъ ясно показываетъ, что дѣло покоренія Чеченской плоскости окончательно довершено.

Сердечно радуюсь благому началу предположеннаго общества для поддержанія христіанства на Кавказѣ. Августѣйшее имя, поставленное во главѣ этого высокаго предпріятія, служитъ полнымъ ручательствомъ успѣха. Я увѣренъ, что вы будете въ числѣ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ сподвижниковъ этого благаго дѣла. Помогите созиданію новаго зданія; мы же

здѣсь обдумываемъ подробности предпріятія, и въ свое время я представлю мои предположенія о самомъ ходѣ дѣйствій новаго общества.

31 Декабря 1857 года. Тифлисъ.

5.

Полагаю что вамъ уже извѣстно изъ представленнаго Козловскимъ военнаго журнала удачное его наступательное движеніе за р. Бѣлую, въ самыя нѣдра Абадзехскаго населенія. Этимъ успѣхомъ блистательно увѣнчались десяти-мѣсячные, неутомимые труды Майкопскаго отряда, который несмотря на отчаянное противудѣйствіе непріятеля выполнилъ совершенно возложенную на него въ прошломъ году задачу: возвелъ новое укрѣпленіе и полковую штабъ-квартиру у подножія горъ, въ 54-хъ верстахъ отъ ближайшихъ частей прежней передовой нашей Лабинской линіи, и упрочилъ наше положеніе на р. Бѣлой. Занятіемъ этой линіи отрѣзано у непріятеля обширное пространство, ожидающее Русскаго казачьяго поселенія; передовая линія наша значительно сократилась и примыкаетъ плотно къ непроходимымъ горамъ. Воинственный духъ и самостоятельность Абадзеховъ—сильнѣйшаго изъ племенъ Закубанскихъ—замѣтно поколебались.

Между тѣмъ со стороны Черноморіи Филипсонъ также успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе: несмотря на зловредное вліяніе климата на здоровье Адагумскаго отряда, укрѣпленіе Нижне-Адагумское устранены окончательно и гарнизонъ, въ немъ оставленный, не только огражденъ отъ всякаго покушенія непріятеля, но и обезпеченъ теплымъ на зиму помѣщеніемъ. Филипсонъ вполнѣ надѣется, что причины болѣзненности, свирѣпствовавшей въ прошломъ году въ Адагумскомъ отрядѣ, будутъ устроены въ предстоящее лѣто, тѣмъ болѣе, что климатъ несравненно лучше на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено строить главное или центральное укрѣпленіе Адагумской линіи.

Таковы результаты военныхъ дѣйствій 1857 года на Правомъ крылѣ Кавказской линіи. Войска этой части Кавказа вынесли неимовѣрные труды съ самоотверженіемъ и мужествомъ и я смѣю думать, что они также удостоятся Высокомонаршаго вниманія, знаки коего уже неоднократно выражены войскамъ другихъ отрядовъ. Что касается до самого генерала Козловскаго, то я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи для этого почтеннаго ветерана алмазныхъ знаковъ св. Александра Невскаго. Новая эта Монаршая милость достойно украситъ конецъ его боеваго поприща.

По мѣрѣ того какъ дѣла наши подвигаются впередъ на Правомъ крылѣ, меня все болѣе и болѣе занимаетъ мысль о тѣхъ средствахъ, которыя потребуются, быть можетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени для упроченія нашего положенія въ краѣ. Вамъ представлена уже ген. Милютинымъ, въ бытность его въ С.-Петербургѣ, записка относительно развитія въ большемъ размѣрѣ казачьяго населенія за Кубанью, и о будущности туземныхъ племенъ постепенно стѣсняемыхъ въ своемъ поземельномъ довольствіи. Не нужно мнѣ объяснять вамъ всю важность этого вопроса; но

я убѣдительнѣйше прошу васъ не отлагать на долгое время рѣшенія его, дабы не случилось, что мы, среди нашихъ успѣховъ и въ самую рѣшительную минуту, встрѣтимъ вдругъ недоумѣніе и гибельную остановку. Коснувшись этого предмета, я считаю не лишнимъ препроводить къ вамъ копію съ записки, полученной мною при частномъ письмѣ отъ Павла Евстафьевича Коцебу, и вмѣстѣ съ тѣмъ мои объясненія на замѣчанія его, а также особую записку, въ которой представленъ общій очеркъ положенія нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, для большаго разъясненія дѣлъ и изложенныхъ ген. Милютинымъ предположеній.

Дѣла наши на Лѣвомъ крылѣ также подвинулись замѣтно въ последнее время: вамъ извѣстно вполнѣ, что̀ такое Аргунское ущелье и какъ давно мы стремились къ овладѣнію имъ; теперь этотъ ключъ Чечни въ нашихъ рукахъ и, что̀ всего пріятнѣе для меня, онъ достался намъ почти безъ пожертвованій. Теперь мы будемъ стараться извлечь изъ этого пріобрѣтенія сколь можно болѣе прочныя и существенныя выгоды для дальнѣйшаго утвержденія нашего господства въ этомъ краѣ.

На дняхъ я надѣюсь сообщить вамъ для всеподданѣйшаго представленія на высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе нѣкоторыя новыя соображенія мои по предмету будущихъ нашихъ отношеній вообще къ туземному населенію Кавказа, нынѣ непокорному и враждебному, а въ особенности о нашихъ видахъ относительно племенъ Черкесскихъ, обитающихъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Соображенія эти принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, требующихъ нынѣ рѣшенія.

Представленный мною и предварительно уже удостоившійся высочайшаго одобренія проектъ преобразованія военнаго управленія на Кавказѣ до сихъ поръ еще не могъ быть приведенъ въ исполненіе по неполученію окончательнаго утвержденія; между тѣмъ дѣло это не терпитъ отлагательства, и я опасаюсь, чтобы чрезъ дальнѣйшее промедленіе нѣкоторыя части администраціи, находясь въ переходномъ положеніи, не пришли въ разстройство. Къ числу частей, наиболѣе требующихъ скораго преобразованія, принадлежитъ артиллерійская, и я убѣдительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство приказать ускорить дѣло о предположенной мною новой организаціи полевой и гарнизонной артиллеріи. Ген. Милютинъ мнѣ сказалъ, что проектъ мой съ перваго раза былъ одобренъ вами; между тѣмъ до сихъ поръ я не имѣю свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Если оно должно идти въ Военный Совѣтъ, то я вынужденъ просить васъ исходатайствовать у Государя Императора предварительное разрѣшеніе, чтобы я могъ, не ожидая окончательнаго утвержденія всѣхъ представленныхъ мною штатовъ и табелей, постепенно приводить въ исполненіе тѣ части проекта моего, которыя я признаю̀ особенно неотлагательными.

7 Февраля 1858 года. Тифлисъ.

6.

Съ благоговѣйною признательностью узналъ я о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора на представленныя мною назначенія: князя Бебутова, князя Орбельяна, барона Врангеля и князя Эристова, съ производствомъ послѣдняго въ генералъ-лейтенанты. Я вполнѣ надѣюсь, что всѣ эти назначенія принесутъ существенную пользу службѣ Его Императорскаго Величества. Князя Бебутова оживило извѣстіе объ оказанной ему милости Монарха; но старикъ становится съ каждымъ днемъ все слабѣе и дряхлѣе. Не менѣе порадовало меня и милостивое вниманіе Государя Императора къ заслугамъ г.-л. Евдокимова и всего его отряда: оно одушевитъ войска новымъ рвеніемъ на славу нашего возлюбленнаго Царя.

На Правомъ крылѣ войска оказали въ теченіе прошлаго года не менѣе тяжкихъ трудовъ. Утвержденіе наше предъ Майкопскимъ ущельемъ есть такой важный шагъ впередъ, что составитъ эпоху въ исторіи завоеванія Закубанскаго края. Дѣйствіями Майкопскаго отряда постоянно руководилъ самъ ген. Козловскій, который, несмотря на свои лѣта, дряхлость и больныя ноги, находился лично около 9-ти мѣсяцевъ безотлучно при войскахъ и вынесъ всѣ тягости зимней экспедиціи. Нельзя не отдать справедливости этому почтенному воину, который до самаго конца своего боеваго поприща велъ себя истиннымъ солдатомъ. Послѣднее несчастное происшествіе (обмороженныхъ ногъ въ трехъ разныхъ колоннахъ) не можетъ бросать ни малѣйшей тѣни на ген. Козловскаго: по произведенному подробно слѣдствію, я убѣдился, что несчастіе это произошло исключительно отъ причинъ естественныхъ, которыхъ отвратить не было въ силахъ человѣческихъ, и никого положительно обвинить въ этомъ происшествіи я не могу. Въ этомъ смыслѣ я сообщу вамъ оффиціальное заключеніе мое по этому дѣлу съ покорнѣйшею просьбою всеподданнѣйше повергнуть на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Что́ же касается до прорывовъ, довольно часто повторявшихся въ послѣднее время въ Черноморіи, то они весьма обыкновенны въ зимнее время, когда ледъ на Кубани уничтожаетъ природную преграду отъ горцевъ. Однакоже непріятельскіе прорывы вездѣ встрѣчали отпоръ и нигдѣ не имѣли положительнаго успѣха; а слѣдовательно я не нахожу ни малѣйшаго повода въ чемъ-либо упрекнуть мѣстное военное начальство въ этомъ случаѣ.

При этомъ я однакоже долженъ упомянуть, что о Черноморскихъ линейныхъ баталіонахъ до меня еще не доходило никакихъ особенно невыгодныхъ свѣдѣній. Если они не совсѣмъ удобно помѣщены, то иначе и быть не могло. Надобно вспомнить, что едва прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ эти баталіоны вступили въ страну, опустошенную и раззоренную войною. Всѣ прежнія помѣщенія войскъ были разрушены; надобно было коекакъ устраивать временныя жилья, или исправляя прежнія, сохранившіяся развалины казармъ, или устраивая бараки и т. п. Строить въ томъ краѣ что-нибудь прочное еще не было возможности, по неимѣнію рукъ, денегъ,

и времени. Изнурять солдатъ усиленною работою особенно опасно въ Абхазіи и въ Гуріи, гдѣ и безъ того такъ трудно предохранять войска отъ гибельнаго вліянія климата. Впрочемъ я поручилъ князю Эристову при предстоящей поѣздкѣ въ Абхазію внимательно осмотрѣть положеніе находящихся тамъ баталіоновъ и подробно донести мнѣ обо всемъ, что́ найдетъ. На искренность и прямоту князя Эристова я вполнѣ полагаюсь, и когда узнаю отъ него что-нибудь положительное, не замедлю о томъ сообщить вашему высокопревосходительству.

На дняхъ я получилъ одну чрезвычайно непріятную для меня бумагу, именно о назначеніи командира въ Кавказскій № 1-й саперный баталіонъ. Прежде оффиціальнаго отвѣта на это отношеніе я пишу нынѣ же прямо къ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Инспектору по инженерной части и, прося снисхожденія Его Высочества къ неумышленному отступленію моему отъ установленнаго порядка переписки, я однакоже убѣдительно прошу Великаго Князя не настаивать на своемъ отказѣ, чтобы не оскорбить заслуженнаго офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить меня лично въ крайне-затруднительное положеніе. Не стану распространяться о томъ, какія основанія я имѣлъ въ выборѣ подполк. Типольда на означенное мѣсто; но, каковъ бы ни былъ мой выборъ, нѣтъ уже возможности отмѣнить его, не касаясь достоинства моего званія. Убѣдительнѣйше прошу васъ оказать мнѣ содѣйствіе къ удовлетворительному рѣшенію возникшаго затрудненія, предстательствомъ вашимъ предъ Великимъ Княземъ, чтобы Его Высочество милостиво простилъ невольную ошибку, сдѣланную въ канцелярскомъ порядкѣ дѣлопроизводства и не настаивалъ на своемъ отказѣ, который имѣлъ бы крайне-затруднительныя послѣдствія.

27 Февраля 1858 года. Тифлисъ.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 6-го сего Мая, в. в—во говорите о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ словахъ этихъ я съ удовольствіемъ вижу, съ одной стороны, ваше доброе вниманіе ко мнѣ лично, а съ другой—постоянное стремленіе ваше поддержать мои служебныя представленія. Я весьма цѣню то и другое и никогда не сомнѣвался въ той рыцарской прямотѣ, въ томъ возвышенномъ благородствѣ, которыя знаменуютъ всегда всѣ ваши дѣла и отношенія. Мнѣ остается желать отъ всей души, чтобы, отдохнувъ за границею отъ важныхъ государственныхъ трудовъ, вы сколь можно скорѣе возвратились съ укрѣпившимся здоровьемъ и снова приняли на себя управленіе, столь для ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ благотворное.

28 Мая 1858 года. Тифлисъ.

7.

Истиннымъ удовольствіемъ было для меня получить письмо ваше изъ Варшавы отъ 18-го Сентября и узнать отъ фельдъегеря, что вы возвратились изъ-за границы съ возстановленнымъ зрѣніемъ. Желаю отъ глубины сердца, чтобы здоровье ваше, укрѣпленное отдыхомъ, дало вамъ силы на вновь предстоящіе труды.

По высочайшему повелѣнію ваше в. превосходительство спрашиваете меня о генералѣ Хрулевѣ. Я долженъ отвѣчать вамъ совершенно конфиденціально и съ полною откровенностью. Зная самъ отличныя военныя достоинства сего генерала и имѣвъ еще въ прошломъ году мысль употребить его на Кавказѣ, я входилъ съ нимъ въ самыя искреннія объясненія какъ относительно его образа мыслей, такъ и образа жизни, и долженъ къ крайнему сожалѣнію сказать, что объясненія эти убѣдили меня въ невозможности довѣрить ему какой-либо важный постъ въ здѣшней военной администраціи. Притомъ, въ настоящее время, когда дѣла здѣсь принимаютъ самый рѣшительный оборотъ, болѣе чѣмъ когда либо необходимы на главныхъ военныхъ постахъ люди, вполнѣ и глубоко знакомые съ положеніемъ ввѣреннаго имъ края; а генералу Хрулеву пришлось бы на Лезгинской линіи, прежде чѣмъ командовать, учиться и знакомиться съ людьми. Въ этомъ отношеніи я отдалъ предъ всѣми другими генералами предпочтеніе князю Меликову, именно потому, что я могу вполнѣ положиться на его знаніе края, привычку къ здѣшней войнѣ, на его свѣжія силы нравственныя и физическія и потому, что всѣ его подчиненные уже лично ему хорошо извѣстны. Я остаюсь убѣжденнымъ, что князь Меликовъ болѣе всѣхъ другихъ генераловъ способенъ занять это мѣсто, и убѣдительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство поддержать мой выборъ всею силою вашего ходатайства передъ Государемъ Императоромъ.

7 Октября 1858 года. Тифлисъ.

8.

Отзывомъ отъ 29-го Сент, за № 12850, ваше в—во сообщили мнѣ, что на представленіе мое о назначеніи полковн. Кузьмина комендантомъ крѣпости Ахалцыха не послѣдовало высочайшаго соизволенія, на томъ основаніи, что комендантскія должности замѣщаются преимущественно ранеными. Еслибъ по существующимъ постановленіямъ назначеніе на комендантскія должности было ограничено исключительно ранеными, я никакъ и не дозволилъ бы себѣ войти съ представленіемъ о полковникѣ Кузьминѣ; но какъ въ приведенной вами статьѣ закона положено назначать только *преимущественно* раненыхъ, то я и нашелъ вполнѣ справедливымъ отдать предпочтеніе предъ всѣми другими кандидатами на мѣсто Ахалцыхскаго коменданта названному штабъ-офицеру, который обратилъ на себя справедливое вниманіе не только мое, но и предмѣстниковъ моихъ своею безукоризненною, неутомимою и почти полувѣковою службою, для которой онъ пожертвовалъ здоровьемъ и зрѣніемъ; а потому я счелъ его болѣе многихъ изувѣченныхъ воиновъ достойнымъ получить обезпеченное положеніе въ преклонныя лѣта его. Крѣпость Ахалцыхъ, по своему пограничному положенію, должна имѣть начальника распорядительнаго, твердаго и вполнѣ благонадежнаго. Между тѣмъ при объѣздѣ края, въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ, я удостовѣрился лично, что бывшій комендантъ полковникъ Костырко (нынѣ въ отставкѣ г.-маіоръ), при всей знаменитой въ здѣшнемъ краѣ храбрости

своей и тяжелыхъ ранахъ, никакъ не могъ быть далѣе оставленъ на этомъ мѣстѣ; а потому я тогда же вытребовалъ въ Ахалцыхъ полковника Кузьмина и приказалъ ему немедленно вступить въ комендантскую должность, не сомнѣваясь нисколько, что представленіе мое удостоится высочайшаго утвержденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ должность генералъ-гевальдигера, при главномъ штабѣ Кавказской арміи, на мѣсто полковника Кузьмина поступилъ уже подполковникъ Сагиновъ.

Полученный нынѣ отказъ на предположенныя мною назначенія поставляетъ меня въ крайнее затрудненіе отмѣнить сдѣланное уже распоряженіе; отмѣна эта не только огорчила бы обоихъ названныхъ штабъ-офицеровъ, но и разстроила бы ихъ въ семейномъ и домашнемъ положеніи. Поэтому я нахожусь вынужденнымъ убѣдительнѣйше просить ваше высокопревосходительство снова повергнуть всѣ изложенныя обстоятельства на милостивое воззрѣніе Государя Императора и всеподданнѣйше исходатайствовать высочайшее соизволеніе на предположенныя мною назначенія полковника Кузьмина комендантомъ въ кр. Ахалцыхъ, а подполковника Сагинова—генералъ-гевальдигеромъ при главномъ штабѣ Кавказской арміи.

Если же и за симъ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ высочайше повелѣть, чтобы отнынѣ на комендантскія должности назначались исключительно раненые, то ваше в—во не откажите мнѣ испросить по крайней мѣрѣ соизволеніе Государя Императора на временное оставленіе Кузьмина въ Ахалцыхѣ въ должности коменданта, пока я не пріищу кого-либо достойнаго этого мѣста изъ числа раненыхъ, а для самого Кузьмина другаго соотвѣтствующаго ему назначенія.

3 Ноября 1858 года. Тифлисъ.

9.

Въ дополненіе къ оффиціальному моему отзыву отъ сего же числа относительно предназначенныхъ новыхъ подкрѣпленій для Кавказской арміи, я желаю еще прибавить нѣсколько словъ, чтобы выразить вамъ, сколько я радъ, что вы убѣдились теперь, какъ необходимо при настоящемъ положеніи дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ дѣйствовать энергически и настойчиво. Послѣдующіе факты, какъ я надѣюсь, еще очевиднѣе подтвердятъ мои слова и покажутъ, что пожертвованія, которыя мы дѣлаемъ нынѣ, выкупятся съ избыткомъ важными результатами.

Считаю также необходимымъ воспользоваться предложеніемъ вашимъ сформировать четвертые баталіоны въ полкахъ 18-й дивизіи. Четыре лишнихъ баталіона весьма важны для насъ въ разсчетѣ силъ, въ особенности потому, что въ послѣдніе годы войска Кавказскія выносятъ труды почти превышающія силы человѣческія. Крайне-необходимо дать имъ хотя сколько нибудь перевести духъ; а достигнуть этого можно не иначе какъ прибавкою числа ихъ, такъ чтобы они могли имѣть нѣкоторую очередь въ работѣ. Въ этомъ отношеніи ожидаемыя подкрѣпленія окажутъ самое благодѣтельное вліяніе на положеніе Кавказскихъ полковъ, которые будутъ благословлять оказываемую имъ Государемъ Императоромъ милость.

Что касается до финансовыхъ предметовъ, которыхъ вы коснулись въ письмахъ вашихъ отъ 25 и 26 Октября, то вы можете быть вполнѣ увѣрены, что строгая экономія въ расходахъ составляетъ предметъ и моихъ заботъ; но вы сами знаете, какъ трудно урѣзывать тамъ, гдѣ уже нѣтъ ничего лишняго, и гдѣ напротивъ того ощущается во многомъ скудность. Во всякомъ случаѣ я прошу васъ твердо быть увѣреннымъ въ искреннемъ желаніи моемъ дѣйствовать за одно съ вами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть возможность соблюсти благоразумную экономію безъ ущерба для пользы государственной; съ своей же стороны я полагаюсь вполнѣ на просвѣщенные и благонамѣренные виды, съ которыми вы оказываете мнѣ помощь для блага ввѣреннаго мнѣ края и арміи.

22 Ноября 1858 года. Тифлисъ.

Е. Письма военнаго министра Н. О. Сухозанета къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Письмо ваше отъ 31-го Декабря я имѣлъ удовольствіе получить. Душевно радъ, если могъ удовлетворить видамъ вашимъ, порученнымъ г.-м. Милютину; все остальное исполняется безъ замедленія, но для окончанія требуетъ еще нѣкотораго соглашенія.

Отправленіе отставныхъ всадниковъ бывшаго конно-мусульманскаго полка на почтовыхъ допустить можно, если число людей не будетъ значительное. На счетъ ген. Колосовскаго фактовъ нѣтъ, но распоряженія 1855 и 1856 годовъ навлекаютъ сомнѣніе; Толстой—человѣкъ посторонній, даже не знаетъ ген.-интенданта; не полагаю, чтобы онъ что нибудь выдумывалъ, объяснялъ свое убѣжденіе, полученное имъ въ Астрахани и подкрѣпленное по его словамъ полк. Сивериковымъ. Настоящая покупка хлѣба въ Приволжскихъ пристаняхъ, съ выдачею свидѣтельствъ отъ интендантства, равнымъ образомъ не въ пользу общаго дѣла. Я весьма далекъ мысли, что нужно было замѣщать какъ Затлера, такъ и Колосовскаго; дѣлать это не слѣдовало и не слѣдуетъ; но осторожность и наблюденіе не могутъ быть излишними.

Послѣднимъ журналомъ ген. Евдокимова Государь былъ чрезвычайно доволенъ, повелѣвъ объявить всемилостивѣйше всѣмъ благоволеніе и нижнимъ чинамъ по 1 рублю. Евдокимова предположено наградить по окончаніи второй экспедиціи. Такъ какъ вы мнѣ дозволяете доводить до вашего свѣдѣнія, хотя не оффиціальныя, но сильно подтверждаемыя мысли, то *съ прискорбіемъ долженъ сказать, что мнѣніе о благонамѣренности и безкорыстіи Евдокимова сильно омрачаетъ его военныя достоинства.*

По мѣрѣ силъ и возможности радъ буду содѣйствовать прочному водворенію христіанства на Кавказѣ. Тоже самое необходимо въ Болгаріи и даже въ Іерусалимѣ; но средства для сего нужныя весьма скудны; вездѣ и во всемъ крайне-необходимомъ Брокъ тормозитъ колеса; расходы умень-

шиться не могутъ (таковъ законъ бытія каждаго процвѣтающаго государства), но увеличеніе приходовъ не ростетъ въ соразмѣрности нуждъ и пользъ края.

Газета „Кавказъ“ умалчиваетъ о маленькихъ неудачахъ, напр. о потерѣ изъ 2-хъ ротъ Кубанскаго пѣх. полка; полагаю, полезнѣе и соотвѣтственно достоинству правительства писать правду, заставить этимъ вѣрить безусловно нашимъ показаніямъ и тѣмъ предупреждать непріязненныя вѣсти журналистики иностранной. Такъ дѣйствовалъ въ Крыму кн. Меньшиковъ, и единственно его свѣдѣніямъ Европа вѣрила.

Министръ иностранныхъ дѣлъ проситъ меня войти съ вами въ неоффиціальное сношеніе: не можете ли вы весь 1858 годъ и весну 1859 года удержать еще существованіе Анапы, хотя бы Поти и могъ быть открытъ къ навигаціи 1858 года. Существованіе Анапы пока, какъ пунктъ нашей береговой линіи, по соображенію кн. Горчакова, весьма важно въ дипломатическихъ его сношеніяхъ. Мы вамъ даемъ 13-й стрѣлковый батальонъ на все время пребыванія у васъ 13-й дивизіи. Увѣдомьте меня, какой вы имѣете на это взглядъ, причемъ необходимо кн. Горчакову оффиціально знать, къ какому именно времени можетъ быть открыта торговля въ Поти.

14 Января 1858 года. С. П. Б.

2.

Отъѣзжаю 17-го сего числа за границу, первоначально въ Берлинъ оперировать глазъ, а потомъ нѣсколько отдохнуть. Невольно на нѣсколько мѣсяцевъ прервутся наши взаимныя отношенія. Въ теченіи двухъ лѣтъ, всегда и постоянно, я стремился удовлетворить вашему желанію, и ежели иногда возражалъ, то никогда не съ другой цѣлью, какъ въ истинномъ желаніи лучшаго, и въ особенности сбереженія, столь необходимаго и такъ тягостно на военномъ министерствѣ лежащаго. Вы великодушны, хотите справедливо наградить службу каждаго достойно и обезпечить будущность заслуженныхъ; но есть ли возможность удовлетворить всѣмъ крайнимъ необходимостямъ? Пишу сіе для того, чтобы еще повторить, что никогда ни въ чемъ не противурѣчилъ единственно лишь для опозиціи.

Кубанское ваше плаваніе, нечего дѣлать, нужно хотя въ видѣ заимообразно исполнить на ваши средства; авось компанія въ послѣдствіи все отдастъ. Это вчера высочайше разрѣшено, но сообщить не успѣлъ.

6 Мая 1858 года. Царское Село.

3.

Въ дополненіе письма моего отъ вчерашняго числа, поспѣшаю васъ увѣдомить, что отзывы ваши за №№ 2652 и 2653 получены вмѣстѣ со смѣтою интендантства вчера поздно вечеромъ; содержаніе послѣдняго довелъ я до свѣдѣнія Его Величества тотчасъ. Государь самъ вамъ пишетъ и мнѣ разрѣшить соизволилъ поставить васъ въ точную извѣстность о нашемъ финансовомъ положеніи.

Съ 1856 года на 1857-й исчисленіе потребности смѣты Военнаго Министерства простиралось до 121 м., въ счетъ коихъ было показано къ зачету отъ оставшихся запасовъ войны денежныхъ и матеріальныхъ 32 м., такъ что дѣйствительный отпускъ изъ казначейства требовался всего 82 м.=76 м. непремѣннаго и 6 м. условнаго.

Въ теченіе 1858 года сокращеній никакихъ не сдѣлано, а увеличеніе прежнихъ расходовъ и явившихся во всѣхъ частяхъ Имперіи новыхъ потребностей не сократитъ, а возвыситъ цифру прошлогодняго бюджета; къ зачету же у меня рѣшительно ничего болѣе не имѣется. Сколько же можетъ быть таковаго показано отъ вашихъ прежнихъ лѣтъ остатковъ, не имѣю еще отъ васъ увѣдомленія. Притомъ крайняя необходимость требуетъ прибавки жалованья хотя до баталіонныхъ командировъ включительно. На это нужно около 4 м.; а между тѣмъ министръ финансовъ объявилъ, что ежели онъ будетъ обязанъ удовлетворить въ числѣ другихъ Военное Министерство, примѣняясь къ потребности онаго въ прошедшемъ году, то-есть около 100 м., то онъ рѣшительно (не взирая на надбавку 40 м. за откупа) признаётъ себя не въ состояніи и показываетъ дефициту на предстоящій 1859 годъ болѣе 12 м. рублей. Изъ сего вы усмотрите, что нѣтъ никакой возможности вносить въ смѣту 156 т. на усиленіе жалованья служащимъ на линіи, тѣмъ болѣе, что, въ предположеніи моемъ о прибавкѣ жалованья всей Россійской арміи, я имѣлъ уже въ виду сравнять ваши оба отдѣла. Объяснивъ вамъ всю трудность финансоваго положенія государства и крайне недостаточное положеніе ассигнуемыхъ военному министру способовъ, я убѣдительнѣйше васъ прошу не приписывать нежеланію моему удовлетворить всѣмъ вашимъ предначертаніямъ, а рѣшительной невозможности исполненія оныхъ. Всѣ безъ изъятія отдѣльные начальники возвысили свои требованія; какъ всѣмъ угодить? Эта задача едвали не труднѣе квадратуры круга. Бога ради по возможности облегчите трудное наше положеніе.

26 Октября 1858 года. Царское Село.

4.

Письмо ваше, отъ 22 Ноября, я имѣлъ удовольствіе получить и поставляю себѣ долгомъ увѣдомить, что сформированіе четвертыхъ батальоновъ 18-й пѣхотной дивизіи высочайше разрѣшено; для 16-ти батальоновъ Кавказской резервной дивизіи повелѣно сформировать стрѣлковыя роты при прочныхъ кадрахъ, данныхъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Всѣ посылаемыя къ вамъ войска будутъ отправлены въ возможной скорости и исправности. Оффиціальные отзывы по сему вмѣстѣ съ симъ посылаю.

Дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ осуществились надежды ваши *окончить дѣло Кавказа чрезъ два года* *). Этимъ вы окажете вели-

*) Противъ этихъ словъ князь Барятинскій сдѣлалъ замѣтку: „откуда хитрецъ это взялъ?“

чайшую заслугу Государю и Россіи, положеніе коей не можетъ выдерживать долѣе огромныхъ расходовъ въ людяхъ и деньгахъ, Кавказомъ поглощаемыхъ.

Изъ остающихся у васъ 9.200 т. р. денежныхъ остатковъ, при полномъ обезпеченіи вашего интендантства, признано возможнымъ зачесть вамъ въ смѣту 4.500 т. рубл., и кромѣ того Его Величеству благоугодно было повелѣть сдѣланныя вами по нѣкоторымъ предметамъ въ настоящемъ году передержки, 268 т. рубл., обратить на оставленныя у васъ средства. Не сѣтуйте за это, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ: я не могъ никакъ обойтиться, не отнимая у васъ излишняго запаса, ибо здѣсь недостаетъ денегъ на удовлетвореніе даже въ обрѣзъ разсчитанныхъ расходовъ. Сдѣлайте одолженіе, не ожидая преобразованія вашего интендантства, на что потребуется продолжительное время, учредите особую коммиссію распутать прежнія дѣла вашего интендантства и прикажите привести въ положительную ясность всѣ остающіеся у него денежные и вещевые запасы, ибо необходимо намъ выйти изъ неопредѣлительнаго положенія.

Дѣйствительно, войска Лѣваго фланга сдѣлали неимовѣрныя, свыше силъ человѣческихъ усилія; но къ прискорбію извѣстно, что онѣ въ крайне-изнуренномъ отъ болѣзней состояніи и что это, какъ доходятъ сюда слухи, *происходитъ отчасти отъ недостаточной г.-м. Евдокимова объ нихъ попечительности. Общее мнѣніе, отдавая полную справедливость отличнѣйшимъ военнымъ достоинствамъ, обвиняетъ сего генерала въ крайне-корыстолюбивомъ управленіи*; *что число покорившихся переселенцевъ будто бы многократно преувеличивается съ цѣлью истребованія на содержаніе ихъ значительныхъ суммъ*; *что многостоящая туземная милиція существуетъ большею частью только на бумагѣ, и что всѣ административныя мѣста поручены родственникамъ или приверженцамъ Евдокимова, администраціею, пристрастіемъ и несправедливостью коего всѣ вообще въ высшей степени недовольны, и что поэтому покоренныхъ горцевъ, заселенныхъ по базису его дѣйствій, опасно считать безусловно намъ преданными.*

Хотя я не вѣрю этимъ слухамъ и признаю замѣчательныя военныя заслуги г.-л. Евдокимова, но считаю священною обязанностью обо всемъ вышепрописанномъ довести до вашего свѣдѣнія: вы на мѣстѣ ближе можете знать, въ какой степени это заслуживаетъ вѣроятія и какія, въ случаѣ дѣйствительно существующаго зла, къ отвращенію онаго необходимо принять мѣры. Надѣюсь, что совершенно конфиденціальное сообщеніе это вы примете отъ меня какъ отъ человѣка вамъ преданнаго и заботящагося объ общей пользѣ. Я буду премного обязанъ, если вы взаимно укажите мнѣ стороны, требующія немедленнымъ мѣропріятій, въ числѣ коихъ вѣроподобно включить должно Ставропольскую и Тифлисскую коммиссаріатскія коммиссіи.

14 Декабря 1858 года. С. П. Б.

Ж. Письма князя А. И. Барятинскаго къ министру иностранныхъ дѣлъ князю А. М. Горчакову.

1.

Тифлисъ, 24 Января 1858 г.

Я счелъ долгомъ, дорогой князь, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 15 Декабря, дать вамъ свѣдѣнія, касающіяся открытія порта въ Поти. Считаю своею обязанностью переслать вамъ сегодня же краткое содержаніе официальныхъ рапортовъ генерала Филипсона, въ которыхъ изложена вся исторія происшедшихъ минувшимъ лѣтомъ въ Геленджикѣ и Туапсэ событій, подавшихъ поводъ къ протестамъ и къ придиркамъ Англичанъ, о чемъ вы мнѣ говорили въ вашемъ послѣднемъ письмѣ отъ 26 Декабря.

Тамъ вы увидите, что Русскія войска, высадившіяся около 2 Сентября въ Туапсэ, имѣли только одну цѣль: разрушить возведенную Черкесами, Турками и нѣсколькими Европейскими авантюристами постройку для склада запрещенныхъ товаровъ. Эта постройка, съ содержащимся въ ней товаромъ, вмѣстѣ съ семью Турецкими судами, дѣйствительно была уничтожена; а два другихъ, также Турецкихъ, судна были уведены въ Анапу.

Эти суровыя мѣры нашихъ военныхъ прибрежныхъ властей, мѣры, о разрѣшеніи которыхъ я уже писалъ вамъ въ моихъ официальныхъ депешахъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, явились необходимостью, дабы избавить насъ отъ того ложнаго положенія, въ которомъ мы находимся на Черномъ морѣ и положить предѣлъ важному ущербу, причиняемому постоянно въ силу такого плачевнаго положенія дѣлъ.

Я имѣю основаніе думать, что достовѣрныя извѣстія, пересылаемыя мною вамъ, не дадутъ возможности Англійскому посланнику обвинять насъ, и что эти извѣстія сами по себѣ должны разсѣять несправедливыя возраженія негоціантовъ Браггіоти и Мориса, коммерческія сдѣлки которыхъ съ непокорными горцами не могли быть допускаемы.

Кончаю это письмо, увѣряя васъ еще разъ, что мы прекрасно понимаемъ здѣсь насколько необходимо избѣгать столкновеній, которыя могли бы послужить предлогомъ для Австро-англійскихъ придирокъ, и что я съ своей стороны наблюдаю, чтобы всѣ поступали также; но дерзость иностранныхъ авантюристовъ и контробандистовъ, появляющихся съ такою легкостью, и затѣмъ постоянная враждебная дѣятельность горцевъ дѣлаютъ эту задачу крайне-трудною.

2.

Тифлисъ, 7 Декабря 1858 года.

Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я ваше письмо отъ 8 Ноября, служащее дополненіемъ къ письму отъ 8 Октября, гдѣ вы передаете мнѣ про обсужденіе въ Лондонѣ вопроса, касающагося восточнаго берега Чернаго моря. Я съ удовольствіемъ раздѣляю вашъ взглядъ на ту ловкость, съ какою баронъ Бруновъ съумѣлъ защитить наши права въ выдержанной имъ борьбѣ съ придирчивой политикою Англійскаго кабинета.

Бумаги барона Брунова и инструкціи, которыми вы его снабдили, съ дипломатической точки зрѣнія разбираютъ этотъ вопросъ превосходно и съ такою точностью, которая не заставляетъ желать ничего лучшаго. Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ дать вамъ дополнительныя объясненія, касающіяся практической стороны вопроса, по отношенію къ кругу моей дѣятельности и моихъ военныхъ распоряженій. Я не спорю, что наши права на владѣніе восточнымъ берегомъ могутъ быть наилучшимъ образомъ доказаны лишь постройкою нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ по морскому прибрежью. Въ принципѣ эта мысль совершенно вѣрна; но прежде всего мы должны узнать и убѣдиться, что выполненіе этой мѣры не причинитъ намъ затрудненій, несравненно бо́льшихъ, нежели тѣ, которыя мы встрѣтимъ на дипломатическомъ поприщѣ: я говорю о военномъ вопросѣ.

Вы вѣрно не забыли, дорогой князь, что въ 1856 году, вскорѣ по заключеніи мира, въ то время, когда я находился еще въ Петербургѣ, было рѣшено не возстановлять военной линіи, которую мы имѣли на берегу, и что это рѣшеніе, послѣ долгаго обсужденія вопроса, было принято и утверждено высочайшимъ одобреніемъ Государя. Тогда также прекрасно понимали всѣ преимущества, которыя обезпечивались бы за нами этими владѣніями въ политическомъ отношеніи; но надо было также принять во вниманіе общее плачевное, безвыходное положеніе и покориться ему. Парижскій трактатъ, лишивъ насъ всѣхъ средствъ дѣятельности на морѣ, не позволилъ намъ даже думать о постройкѣ береговыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, какъ могли бы мы и достигнуть этого, не имѣя даже въ перспективѣ прочнаго мира? Предполагая даже, что мы могли бы достигнуть путемъ чрезвычайныхъ усилій возстановленія хотя бы въ двѣнадцати-лѣтній періодъ нашихъ прежнихъ укрѣпленій на прибрежьѣ, то какія были бы матеріальныя условія этой укрѣпленной линіи, лишенной съ одной стороны поддержки флота, а съ другой безъ владѣнія горами и безъ всякихъ удобствъ сообщенія? Если содержать, какъ прежде, маленькія укрѣпленія противъ горцевъ, то, безъ сомнѣнія, это повело бы при первой войнѣ къ потерѣ ихъ гарнизоновъ. Окруженные враждебнымъ населеніемъ, лишенные сухопутнаго сообщенія и предоставленные самимъ себѣ, безъ всякой надежды получать подкрѣпленіе и провіантъ, эти гарнизоны должны были бы вскорѣ же изнемочь. Въ 1853 году, передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій, это же самое обстоятельство заставило насъ покинуть наши береговыя укрѣпленія. На что́ можемъ мы теперь надѣяться, когда одна Турція владѣетъ бо́льшимъ флотомъ, нежели мы?

Что касается до предположенія воздвигнуть въ промежуткѣ между Новороссійскомъ и Гаграми одну или двѣ большія крѣпости, сохранивъ въ тоже время дорогу для сообщенія съ поселеніями Лабинскихъ и Кубанскихъ казаковъ, то я совершенно откровенно готовъ вамъ высказать свои взгляды по сему вопросу. Я полагаю, что это предпріятіе слишкомъ важно и опасно, чтобы мы могли предпринять попытки къ его осуществленію, съ тѣми военными средствами, какими я въ настоящее время располагаю.

Необходимо имѣть здѣсь чрезвычайныя средства, да и вообще я не считаю успѣхъ возможнымъ ранѣе покоренія всѣхъ племенъ, которыя занимаютъ весьма обширную территорію между главною цѣпью Кавказскихъ горъ, Лабою и Кубанью, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, сосредоточены наши главныя военныя дѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ, что намъ необходимо выждать, пока наше оружіе укрѣпитъ достаточно въ этой сторонѣ нашу власть, дабы мы могли предпринять экспедицію, требующую и много времени, и большихъ матеріальныхъ средствъ. Къ тому же я полагаю, что постройка одной или двухъ крѣпостей между Новороссійскомъ и Гаграми будетъ недостаточной для окончательнаго удаленія предлога къ распрямъ съ нашими противниками, и я имѣю всѣ основанія думать, что только въ виду подобной случайности лордъ Малмсбюри помѣстилъ въ своей нотѣ къ барону Брунову отъ 14 Октября слѣдующую доктрину, называя ее международнымъ закономъ: „Если какая-нибудь держава занимаетъ отдѣльные и укрѣпленные пункты на берегу или территоріи, гдѣ туземцы, съ оружіемъ въ рукахъ, находятся еще въ независимомъ состояніи, то эта держава (за исключеніемъ тѣхъ укрѣпленныхъ и отдѣльныхъ пунктовъ, которыми она владѣетъ) не имѣетъ права установлять и приводить въ дѣйствіе противъ третьихъ лицъ общія правила, предписывающія образъ дѣйствія и указывающія пункты, гдѣ можетъ быть разрѣшена торговля съ жителями страны".

Чтò касается до случайныхъ столкновеній, могущихъ быть между нашими крейсерами и судами плавающими подъ Англійскимъ флагомъ, я полагаю, что тутъ ничего почти невозможно сдѣлать предупредительными мѣрами.

Инструкціи данныя нашимъ крейсерамъ предписываютъ имъ и безъ того столько благоразумія и осторожности и настолько ограничиваютъ ихъ дѣйствія, что крейсерство является на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ фикціей. Въ теченіе двухъ лѣтъ, мы были вынуждены принять другую систему, которая намъ довольно хорошо удалась и доказываетъ неопровержимыми фактами наши права владѣнія на этомъ берегу. Мы не ищемъ контрабандистовъ и подозрительныхъ судовъ нигдѣ болѣе какъ вдоль самыхъ береговъ, и ихъ схватываютъ и сжигаютъ въ самыхъ гаваняхъ, куда они входятъ. Такимъ образомъ мы успѣли, какъ вамъ извѣстно, схватить нѣсколько Турецкихъ судовъ, изъ которыхъ, къ счастію, ни одного не оказалось подъ Англійскимъ флагомъ.

Если мы покинемъ этотъ образъ дѣйствій, единственный, который ставитъ предѣлъ свободнымъ сообщеніямъ горцевъ: то безъ сомнѣнія они будутъ окончательно убѣждены, что мы признаёмъ ихъ независимость, и разумѣется въ ихъ разсчетахъ будетъ удаляться все болѣе и болѣе отъ всякой мысли къ сближенію съ нами, тѣмъ болѣе, что ихъ ближайшіе сосѣди, давно уже покоренные, какъ Мингрелія и Абхазія, остаются подъ надзоромъ таможенныхъ управленій.

Я съ удовольствіемъ представляю вамъ всѣ эти свѣдѣнія, предполагая, что онѣ могутъ быть полезны барону Брунову, который такъ хоро-

шо умѣетъ защищать наши права. Чтобы дать ему возможность совершенно понять положеніе нашихъ дѣлъ на прибрежьѣ, я приказалъ составить общее обозрѣніе этого вопроса и постараюсь прислать вамъ этотъ трудъ, въ возможной скорости, вмѣстѣ съ двумя копіями для барона Брунова и для графа Киселева.

3. Письмо князя А. М. Горчакова къ князю А. И. Барятинскому.

Петербургъ, 15 Января 1858 года.

Благодарю васъ, дорогой князь, за присланное мнѣ отъ 1-го Января письмо. Моя мысль всегда слѣдуетъ за вами во всѣхъ предпринимаемыхъ вами великихъ дѣлахъ во славу Императора. Мое постоянное желаніе—это согласовать ввѣренные мнѣ интересы съ интересами ввѣренными вашимъ заботамъ.

Между тѣми и другими есть тѣсная связь, въ особенности когда ваша дѣятельность переносится на прибрежье Чернаго моря. Вы мнѣ сдѣлали хорошій подарокъ на новый годъ, сообщивъ о скоромъ открытіи порта въ Поти. Когда всѣ ваши распоряженія будутъ сдѣланы, не откажите увѣдомить меня объ этомъ оффиціально, дабы я могъ сейчасъ же это огласить. До тѣхъ поръ я буду ждать.—Англійскіе министры увѣряютъ меня, что Британское правительство не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать намъ мелочныя придирки съ этой стороны, но что общественное мнѣніе ихъ обязываетъ къ этому каждый разъ, когда дѣло коснется промышленнаго или торговаго интереса. Я не вхожу въ искренность этихъ увѣреній, хотя слишкомъ долго жилъ въ Англіи, чтобы не знать насколько эта струнка чувствительна.

Объявляя объ открытіи Поти, я даю Англійскому министерству аргументъ противъ оппозиціи и случай доказать то доброжелательство, о которомъ оно заявляетъ. Позже (какъ это и условлено между нами) мы можемъ бросить Церберу нѣсколько другихъ кусковъ, въ видѣ послѣдующаго открытія другихъ маленькихъ портовъ на прибрежьѣ.

Я былъ озабоченъ по поводу Анапы. Постановлено, что Анапа будетъ закрыта для торговли тогда, когда будетъ отрытъ другой портъ. Государь успокоилъ меня на этотъ счетъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, что Анапу не закроютъ, ранѣе чѣмъ портъ Константиновскій *) будетъ открытъ, и вовторыхъ, что мы будемъ владѣть Анапою даже и тогда, когда она перестанетъ быть коммерческимъ портомъ, и не допустимъ, чтобы знамя мятежниковъ могло тамъ развѣваться. По моему мнѣнію это послѣднее обстоятельство является крайне-важнымъ для нашего престижа.

*) То есть „Новороссійскъ“.

РАЗСКАЗЫ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Преосвященный Іаковъ, епископъ Муромскій, викарій Владимирскій, глубоко чтилъ святителя Московскаго Филарета, и въ бесѣдахъ съ близко ему знакомыми любимый разговоръ его былъ о Филаретѣ. До прибытія во Владимиръ въ качествѣ викарія вся служба преосвященнаго Іакова проходила въ Москвѣ и въ Московской епархіи подъ властію митрополита. По дѣламъ службы онъ нерѣдко бывалъ у своего владыки, видѣлъ административные труды святителя, зналъ его взгляды на служебное дѣло, непосредственно и часто слыхалъ его мысли и сужденія, нерѣдко участвовалъ со владыкою въ служеніяхъ, слѣдилъ съ любовію за каждымъ его словомъ и дѣйствіемъ; даже келейная жизнь владыки частію была ему извѣстна со всею ея обстановкою. Не надѣясь на свою память, преосвященный Іаковъ имѣлъ особую тетрадь, въ которую вносилъ всѣ замѣчательные случаи въ жизни митрополита, мудрыя его изреченія, всякую даже мелочь изъ вседневной жизни, свидѣтельствовавшую объ его находчивости, остроуміи и иногда прозорливости. Въ тетрадь вносилось не только то, чтò самъ преосвященный Іаковъ видѣлъ и слышалъ о митрополитѣ, но и то, чтò видѣли и слышали другіе, знакомые Іакову. Не знаю, цѣла ли эта дорогая тетрадь и если цѣла, у кого она теперь въ рукахъ послѣ смерти преосвященнаго.

Я пользовался расположеніемъ преосвященнаго Іакова во время жительства его во Владимирѣ; тетрадь его была въ моихъ рукахъ, и вотъ изъ нея нѣкоторыя выписки.

1. Къ Московскому митрополиту Платону хаживалъ бѣдный чиновникъ съ просьбою о помощи. Докладчикомъ былъ Василій Михайловичъ Дроздовъ. Скажи ему: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Платонъ вслѣдъ за симъ садится обѣдать. Подъ салфеткою Платона оказывается Евангеліе. Чтò это значитъ? спрашиваетъ Платонъ Дроздова.—«Опытъ примѣненія Евангельскихъ словъ, владыко», отвѣчалъ Дроздовъ. Платонъ не прогнѣвался и приказалъ выдать чиновнику три рубля.

2. Постниковъ (въ послѣдствіи митрополитъ Григорій) въ 1814 году, будучи баккалавромъ Петербургской Духовной Академіи, обязанъ

былъ свои лекціи представлять на предварительный просмотръ ректору Филарету. Читаю разъ, говоритъ Постниковъ, велитъ передѣлать; читаю въ другой разъ, опять не одобрена; читаю въ третій разъ, не понравилась. Постниковъ осмѣлился доложить: лучше написать не могу. —«Ну такъ читай, какъ написано!» Трудно было угодить, говорилъ Григорій.

3. «Слезами бы вымылъ я написанное мною въ словѣ о Давидѣ по случаю холеры въ 1830 году», говорилъ Филаретъ.

4. Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Іоанникій то и дѣло представлялъ Филарету о высылкѣ изъ монастыря дурныхъ послушниковъ. Филарету это надоѣло. «У тебя и тотъ и этотъ не хороши. Набери ты мнѣ ангеловъ!» Ревность Іоанникія улетучилась.

5. Профессоръ Шевыревъ въ 1842 году спросилъ Филарета: отъ чего вы не говорите импровизаціи, какъ митр. Платонъ? Филаретъ сказалъ: «На себя не надѣюсь и не смѣю. Слово для произнесенія съ каѳедры должно быть обдумано. Сочиненія Платона не пережили его самого, потому конечно, что онъ не заботился объ ихъ отдѣлкѣ. Разъ пробовалъ я говорить безъ тетради; но, сказавъ приступъ, забылъ, что̀ хотѣлъ сказать, и едва сумѣлъ кончить».

6. Полковой священникъ, вдовый, поступилъ въ монастырь и предался пьянству. Настоятель монастыря донесъ Филарету. Филаретъ намѣренъ былъ запретить ему священнослуженіе, но резолюціи еще не написалъ. Настала ночь. Филаретъ заснулъ и во снѣ видитъ императора Александра I-го, просящаго пощадитъ священника. Филаретъ всталъ, записалъ часъ сна и, опять заснувъ, видитъ митрополита Платона съ ходатайствомъ о пощадѣ священника. Филаретъ всталъ, записалъ и, снова заснувъ, видитъ Кутузова, упрашивающаго о священникѣ. Проснулся и утромъ посылаетъ за священникомъ. Узнаётъ, что на службѣ въ полку Государь зналъ его съ хорошей стороны, что у Платона онъ учился и былъ любимымъ ученикомъ и что Кутузовъ его зналъ и жаловалъ. Священникъ прощенъ.

7. Въ 1855 г. Марта 27 дня Филаретъ прибылъ въ Успенскій соборъ служить пасхальную утреню. Діаконъ Дмитрій Семеновъ подноситъ митру. Это что? спрашиваетъ Филаретъ.— Митра.— Для чего такая? Діаконъ тутъ только замѣтилъ, что митра траурная. «Ты смерть что ли мнѣ пророчишь? Самъ умрешь!» Діаконъ умеръ въ томъ же году 9 Декабря.

8. Пришли къ Филарету три игуменіи: Вѣра Новодѣвичьяго, Флора Никитскаго и Паисія Страстнаго монастырей; первая въ простой ряскѣ, а двѣ послѣднія въ шелковыхъ. Благословивъ всѣхъ, владыко приказалъ Вѣрѣ сѣсть, а тѣмъ сказалъ: «Я боюсь предложить вамъ

сѣсть изъ-за предосторожности, чтобъ не измяли вы свои дорогія ряски».

9. Чиновники Московской Гражданской Палаты устроили икону Св. Александра Невскаго въ память избавленія Государя отъ покушенія Каракозова. На иконѣ вверху сдѣлана была надпись: «Господи, спаси Царя», а внизу обозначено, отъ кого приношеніе. Икону надо было поставить въ Казанскій соборъ, и прежде постановки принесли ее благословить на постановку къ митрополиту. Филаретъ, прочитавъ надпись, прибавляетъ въ слухъ: «отъ чиновниковъ»*).

10. Разъ Филаретъ спросилъ протоіерея Н. А. С—го, какъ думаютъ о немъ въ университетѣ? Спрошенный отвѣчалъ: Вы ученыхъ давите. Владыко только улыбнулся.

11. Одинъ изъ Московскихъ купцовъ предложилъ Синодальной Конторѣ покрыть Успенскій соборъ новымъ желѣзомъ, а старое съ крыши желѣзо отдать ему. Контора съ готовностію согласилась и взошла съ докладомъ къ Филарету. Митрополитъ приказываетъ снять одинъ листъ съ Успенскаго собора и принести къ нему. Принесли. Онъ ножемъ отскоблилъ краску, и оказалось,что листъ мѣдный, толстый. Жертва купца осрамила.

12. Графъ Протасовъ, назначенный оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодъ, въ первый разъ взошелъ въ присутственную залу Синода и сѣлъ за столомъ, гдѣ засѣдали архіереи. Филаретъ спрашиваетъ его: «Давно ли, ваше сіятельство, получили хиротонію?» Графъ, не понимая вопроса, молчитъ. Филаретъ спрашиваетъ: «Давно ли посвящены въ священный санъ?» и замѣтилъ, что за этимъ столомъ сидятъ члены Синода. Гдѣ же мое мѣсто? спрашиваетъ Протасовъ. Филаретъ указалъ, и графъ пересѣлъ за оберъ-прокурорскій столъ.

13. Филаретъ, осматривая церковь въ Москвѣ, приготовленную къ освященію, видитъ на стѣнѣ свободное мѣсто и говоритъ: «Здѣсь надобно въ клеймѣ написать, при какомъ священникѣ и старостѣ возобновленъ храмъ». Священникъ и староста кланяются и говорятъ: много намъ чести, не стòимъ.—«Нѣтъ, говоритъ Филаретъ, пусть потомки узнаютъ, какіе прежде были дураки», и началъ пробирать...

Протоіерей **Сила Архангельскій.**

Ковровъ.

---

*) Филаретъ не только не одобрялъ устройства такихъ иконъ и часовенъ (какъ и заведенія неугасимыхъ лампадъ), но даже подавалъ въ Св. Синодъ особую записку, въ которой излагалъ крайнюю опасность подобныхъ вещественныхъ увѣковѣченій памяти о страшномъ дѣлѣ, достойномъ лишь молчаливаго проклятія. П. Б.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Нѣкоторыя сужденія о тиранствѣ Ивана Грознаго.

Изображеніе Грознаго, какимъ онъ является подъ перомъ Карамзина, нашло себѣ противниковъ въ Московскихъ профессорахъ Соловьевѣ и Кавелинѣ, которые тиранствамъ и опричинѣ Ивана IV-го пытались придать разумное государственное значеніе, окрестивъ ихъ именемъ борьбы съ устарѣлыми боярскими притязаніями, вообще со старымъ порядкомъ и выставивъ Грознаго какимъ-то реформаторомъ (Соловьева—*Исторія Россіи*, т. VI, преимущественно послѣднія страницы. Кавелина — *Сочиненія*. I: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи"). Въ защиту Карамзинскихъ воззрѣній противъ Соловьева возсталъ Погодинъ (Архивъ истор. и практич. свѣд. 1859, кн. V). Онъ доказывалъ, что все дѣйствительно-славное извнѣ и полезное внутри было сдѣлано Московскимъ правительствомъ въ періодъ Адашева и Сильвестра, а что послѣ нихъ царь не совершилъ никакихъ славныхъ дѣлъ. Надобно отдать справедливость Погодину: если не всѣ, то нѣкоторыя его возраженія отличаются мѣткостію и историческою правдою.

Любопытный разборъ VI-го тома Исторіи Россіи, Соловьева, заключающаго въ себѣ царствованіе Грознаго, былъ представленъ и К. С. Аксаковымъ, однимъ изъ представителей такъ наз. Славянофильской школы (*Сочиненія*, т. I). Его возраженія гораздо мягче Погодинскихъ, и онъ является не защитникомъ собственно Карамзинскихъ воззрѣній на высокое значеніе Сильвестра и Адашева, а пытается проводить воззрѣнія своей школы, напирая на ея излюбленныя мысли о землѣ, о земскихъ соборахъ, о единеніи Государя прямо съ народомъ помимо бояръ. Но тутъ критикъ иногда и самъ недостаточно критически относится къ источникамъ. Напримѣръ, онъ съ полнымъ довѣріемъ ссылается на разсказъ Одерборна о томъ, какъ, послѣ взятія Полоцка и Сокола Баторіемъ, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, по порученію царя, собралъ въ Москвѣ народъ и произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ ему о нашихъ неудачахъ и старался его успокоить; народъ выслушалъ эту рѣчь въ молчаніи, но женщины подняли жалобы и вопли, такъ что дьяку пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ. Изъ этого единичнаго, иноземнаго и непровѣреннаго извѣстія критикъ выводитъ прямое заключеніе, что тогдашнее правительство (собственно Иванъ

IV) „было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ". Далѣе Аксаковъ характеризуетъ Ивана IV какъ человѣка, одареннаго художественною природою, но безнравственнаго, человѣка безъ воли, руководимаго только произволомъ, и тѣмъ не менѣе, подобно Соловьеву, сравниваетъ его съ Петромъ Великимъ. Къ этому взгляду примыкаетъ отчасти другой представитель Славянофильской школы, Юрій Самаринъ (*Сочиненія*, V, 205).

Послѣ Погодина Карамзинское изображеніе Ивана IV нашло себѣ краснорѣчиваго защитника особенно въ Костомаровѣ (Вѣстникъ Европы, 1871 г. № 10); а Соловьевскія воззрѣнія поддерживалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ цѣломъ рядѣ статей и въ своей Русской Исторіи (Москов. Вѣд. 1856, №№ 46, 54, 59. Журналъ Заря 1871 г. № 3. Русской Исторіи т. II, выпускъ первый). Историческая оцѣнка Грознаго—это одинъ изъ немногихъ пунктовъ моего разногласія съ многоуважаемымъ К. Н. Свой обзоръ царствованія Грознаго онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вспомнимъ, что народъ знаетъ не только покорителя Казани, но и царя, который *вывелъ измѣну изъ Новгорода, а не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы*". (Рус. Ист. II, вып. I, примѣчаніе на стр. 319). Тутъ указаніе на *измѣну* есть только отголосокъ тѣхъ обвиненій, которыми Грозный царь осыпалъ Русскихъ бояръ и Новгородцевъ; это просто эхо, которое встрѣчается иногда и у нашихъ старыхъ книжниковъ. Напримѣръ, Псковскій лѣтописецъ говоритъ: „и Государя на гнѣвъ подвигли, и за великую измѣну государь царь учинилъ опричину, и бысть мятежъ по всей земли и раздѣленіе". (П. С. Р. Л. IV, 343). Но вѣдь мы имѣемъ передъ собою довольно подробную и документальную исторію сего царствованія, и никакой серьезной измѣны въ Русской землѣ не находимъ. Было бы несправедливо возводить въ общее правило нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ Курбскаго, когда люди бѣжали отъ тирана, спасая свое существованіе, и потомъ мстили ему. Тутъ слѣдствіе тиранства, а не причина его.

Профессоръ Ключевскій въ своемъ сочиненіи „Боярская дума древней Руси", въ главѣ XVII, по поводу учрежденія опричины разсуждаетъ о враждебныхъ отношеніяхъ Грознаго къ боярству, причемъ является также послѣдователемъ мнѣній Соловьева, также называетъ эти отношенія борьбою царя съ боярствомъ, но настаиваетъ на томъ, что эта борьба „имѣла не политическое, а династическое происхожденіе" (357). Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ, подобно Соловьеву, преувеличиваетъ значеніе извѣстнаго случая съ присягою въ 1553 году, называя его „жгучимъ поводомъ", отъ котораго возгорѣлся пожаръ лютости въ землѣ Русской. Но послѣ этого случая прошли цѣлыя семь лѣтъ почти въ полномъ согласіи царя съ его знаменитыми совѣтниками. Для опричины В. О. Ключевскій даетъ слѣдующее оригинальное объясненіе: „Ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ пытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опри-

чину“ (362). Оригинально здѣсь собственно то, что дѣло изображается какою-то обоюдною попыткою съ обѣихъ сторонъ. А между тѣмъ, повидимому, самъ Иванъ Васильевичъ въ глубинѣ души смотрѣлъ на опричину какъ на дѣло своего произвола и самодурства. По крайней мѣрѣ онъ стыдился признаваться въ немъ передъ иноземцами. Такъ въ 1566 году въ наказѣ о встрѣчѣ Литовскаго гонца предписывается на вопросъ объ *опришнинѣ* отвѣчать, что никакой опришнины нѣтъ, а просто „которые дворяне служатъ государю правдою, тѣ живутъ при немъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ подалѣ, а мужичье, не зная того, называютъ опришниной“. (Посольскія книги, № 7, въ Арх. М. Ин. Д.). Подобно покойному С. М. Соловьеву, подчиняясь увѣреніямъ самого Грознаго, высказаннымъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ, г. Ключевскій преувеличиваетъ всемогущество Сильвестра и Адашева и дѣлаетъ о нихъ такой выводъ: „Прежде всего на самого себя долженъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его надеждъ“ (353). Но какихъ это надеждъ они не оправдали, остается неизвѣстно. Если здѣсь разумѣется „идея самодержавія“, о которой передъ тѣмъ говорится, то любопытно было бы узнать, въ чемъ Сильвестръ и Адашевъ, какъ вліятельные совѣтники, проступились противъ этой идеи? „Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя“, все-таки не отрѣшился отъ удѣльныхъ традицій и назначилъ удѣлъ младшему сыну (359). О какой это *высотѣ взгляда* тутъ говорится, тоже остается неизвѣстнымъ. Развѣ о той высотѣ, на которую указываетъ извѣстная Эпистолія Ивашки Пересвѣтова: „авторъ (этой эпистоліи) считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Магметъ-Салтаномъ, который возведетъ правителя высоко, да и пхнетъ его въ зашею на долъ“ и пр. (367).

Но всѣ указанныя попытки обѣлить Грознаго передъ судомъ исторіи и отыскать глубокій историческій смыслъ въ его казняхъ и опричинѣ блѣднѣютъ передъ апологіей г. Бѣлова, которую мы находимъ въ его монографіи „Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства до конца XVII вѣка“. Спб. 1886. (первоначально въ Журн. М. Н. Пр. того же года). Онъ старается не только обѣлить Грознаго, но и возвести его въ великіе люди, и для сего не стѣсняется въ толкованіи фактовъ дѣйствительныхъ и въ измышленіи небывалыхъ. У него „Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи“ (62). Адашевъ и Сильвестръ, возвышенные изъ незнатныхъ людей, вдругъ являются у него чуть ли не вожаками боярской партіи въ ея борьбѣ съ царемъ, причемъ „властолюбіе Сильвестра и самообожаніе не знало границъ“. Виною Іоанновыхъ казней и многихъ золъ для Россіи былъ все тотъ же Сильвестръ, которому будто бы „никто не смѣлъ слова сказать“ (83—85). Затѣмъ идутъ всевозможныя натяжки для того, чтобы устранить свидѣтельства иностранцевъ о тиранствахъ Грознаго: одни писали по слухамъ и потому лгутъ; другіе хотя и были очевидцами, но пристрастны; третьи будто бы представляютъ „отголоски боярской партіи“, которая „пользовалась легковѣріемъ иностранцевъ“ и

т. п. Подобные аргументы подкрѣпляются ссылками на нѣкоторые другіе неточно переданные ими факты (88—90). Но если на такомъ основаніи отбросимъ извѣстный процентъ преувеличеннаго или сомнительнаго, все-таки останется страшное количество жестокостей, несомнѣнно совершенныхъ. Далѣе по словамъ г. Бѣлова никто иной какъ бояре подвели на Москву Крымскаго хана въ 1571 году; а воеводы будто бы намѣренно заняли неудобныя позиціи въ тѣсныхъ Московскихъ улицахъ (93). (Любопытно, что главный воевода, Бѣльскій, при семъ самъ задохся отъ дыму во время пожара, надобно полагать, тоже намѣренно). Митрополитъ Филиппъ Колычевъ будто бы заслужилъ свою гибель; ибо вздумалъ мѣшаться не въ свое дѣло, т. е. въ опричину и вообще въ гражданскія отношенія; а относительно его умерщвленія Малютою Скуратовымъ „это еще вопросъ". (112—113). Погромъ Новгорода Великаго съ „объективной" точки зрѣнія автора оправдывается тѣмъ, что на Сѣверѣ было какое-то „броженіе умовъ" и тамъ „что-то затѣвалось". Правда, на это нѣтъ никакихъ данныхъ; но не даромъ же Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Θедорѣ Ивановичѣ, говоритъ о какомъ-то „неминуемомъ возстаніи" и о томъ, что „народъ былъ привязанъ къ потомству удѣльныхъ князей" (116). И т. д. въ томъ же родѣ. Однимъ словомъ, во всѣхъ бѣдствіяхъ и тиранствахъ виновата боярская партія, а Иванъ IV является невиненъ и великъ. Далѣе едва ли можетъ идти отрицаніе всякихъ нравственныхъ принциповъ въ исторіи. Кромѣ того, автору сей апологіи не пришелъ въ голову самый естественный вопросъ: если Иванъ IV сдѣлался великъ только тогда, когда освободился отъ своихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева и отъ ихъ соумышленниковъ—бояръ, то почему же дѣла государственныя шли, на оборотъ, хорошо и счастливо въ эпоху сихъ совѣтниковъ, и очень бѣдственно въ эпоху опричины?

Защитники Грознаго пытаюся смягчить приговоръ исторіи указаніемъ на эпоху, которая отличалась суровыми нравами, и ссылаются на примѣры другихъ странъ въ то время. Но эти ссылки мало помогаютъ. Такіе жестокіе государи, какъ Генрихъ VIII въ Англіи, Христіанъ II въ Даніи, Эрихъ XIV въ Швеціи, нисколько не оправдываются грубыми нравами XVI столѣтія, и въ ихъ жестокостяхъ никакіе серьезные историки не находятъ высокаго государственнаго смысла. Но подобные тираны являются дѣтьми въ сравненіи съ Иваномъ IV. О необычайной его свирѣпости и мучительствахъ единогласно свидѣтельствуютъ и Русскіе, и иноземные источники, ему современные; свидѣтельствуетъ и самъ царь въ своихъ синодикахъ и посланіяхъ. Подобныя свидѣтельства, но только отчасти, указаны Карамзинымъ (въ примѣч. 3 къ т. IX), который совершенно основательно приравниваетъ Ивана IV къ языческимъ тиранамъ древности, каковы Калигула, Неронъ и пр. Вотъ какими словами начинаетъ *Жизнеописаніе* царя Ивана протестантскій писатель Одерборнъ: Nemo unquam ab ulla hominum memoria, ex his, qui regia dignitate et summi imperii fastigio claruerunt, vel majori crudelitate vel insigniori libidine, Ioanne Basi-

lide, adversus cives et exteros est usus. Т. е. „на людской памяти никогда никто изъ тѣхъ, которые облечены были царскимъ достоинствомъ и верховною властію, не свирѣпствовалъ противъ своихъ и чужихъ съ большею жестокостію и бо̀льшимъ произволомъ чѣмъ Иванъ Васильевичъ". И подобные отзывы проходятъ почти по всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ. Такъ другой иноземецъ, младшій современникъ Грознаго, Георгъ Паэрле, начинаетъ свои записки о путешествіи въ Москву слѣдующими словами: „Въ 1584 году умеръ свирѣпый мучитель Иванъ Васильевичъ, великій князь Московскій, который въ тридцатичетырехлѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Калигулу злодѣяніями, Еліогобала непотребною жизнію". (Сказ. Соврем. о Димитріи самозв. ч. II. Спб. 1832). Изъ Русскихъ современниковъ, описаніе Іоанновыхъ злодѣйствъ у Курбскаго слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ распространяться. Въ общихъ чертахъ это описаніе подтверждается и другими источниками. А если въ подробностяхъ онъ иногда не точенъ, то подобное обстоятельство въ нашихъ глазахъ нисколько не смягчаетъ цѣлой картины. И тщетными остались усилія покойнаго С. М. Соловьева подорвать довѣріе къ извѣстіямъ Курбскаго о казняхъ указаніемъ на нѣкоторыя его противорѣчія съ извѣстіями Гваньини и другихъ. (Ист. Рос. VI, 204—208). Напримѣръ, Димитрій Овчина Оболенскій по Гваньини казненъ за столкновеніе съ Басмановымъ, котораго онъ упрекнулъ въ содоміи; а Курбскій упоминаетъ просто о его казни. И это называется противорѣчіемъ! Точно также Курбскій просто говоритъ, что Иванъ IV убилъ своего двоюроднаго брата Владимира Андреевича; по другому извѣстію (Ульфельдъ, Таубе и Крузе) онъ былъ отравленъ, по третьему (Одерборнъ) его зарѣзали, по четвертому (Гваньини) отрубили голову. Развѣ на подобныхъ противорѣчіяхъ или на разнорѣчивыхъ показаніяхъ о числѣ погибшихъ Новгородцевъ можно основать недостовѣрность извѣстій о мучительствахъ Ивана Грознаго? Г. Бѣловъ находитъ подрывающее Курбскаго противорѣчіе и въ слѣдующемъ сопоставленіи: „Подробная лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ земными поклонамя набилъ себѣ кровавый знакъ на лбу, а Курбскій повѣствуетъ о закрытіи слуха къ теологіи скоморошьими пѣснями" (124). Но въ такомъ случаѣ еще большее противорѣчіе съ кровавыми шишками на лбу представляетъ извѣстное посланіе Ивана Васильевича къ Кирилобѣлозерской братіи, гдѣ онъ самъ говоритъ о своемъ пребываніи въ пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, грабленіи и прочихъ тяжкихъ грѣхахъ. И это пребываніе въ свою очередь не мѣшаетъ ему считать себя полу-инокомъ, носящимъ на себѣ что-то въ родѣ ангельскаго образа, о чемъ онъ кощунственно заявляетъ въ томъ же посланіи. (Акты Ист., I, № 204).

Любопытна характеристика Грознаго въ одномъ Русскомъ хронографѣ (извѣстномъ подъ именемъ Кубасова). Онъ хвалитъ царя за его книжность, стоятельность за отечество, любовь къ воинству, но съ особою силою указываетъ на обратную сторону: „на рабы своя отъ Бога данныя ему жестокосердъ вельми и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и

неумолимъ, множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби и многія грады своя поплѣни и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби, и иная многая содѣя надъ рабы своими, женъ и дѣвицъ блудомъ оскверни". (Рус. Достоп. I. Изборникъ Андр. Попова, 313). Но еще у книжниковъ древней Россіи были попытки оправдать его тиранства и представить его государемъ мудрымъ, правосуднымъ. Такова въ особенности подложная грамота или упомянутая выше Эпистолія Ивашки Пересвѣтова къ Іоанну". (Карамз. IX, прим. 849. Изборникъ А. Попова). Болѣе разумными являются тѣ старые Русскіе книжники, которые просто „попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши и совѣтами злыхъ людей" объясняли бѣдствія опричины и мучительства Ивана IV (Соловьева Ист. Рос. VI, прим. 84. Ссылка на рукопись Имп. Публич. Библ.: *Сокращенный Времянникъ* до 1691 года).

Для насъ тиранства Ивана Грознаго съ одной стороны являются въ числѣ самыхъ крупныхъ послѣдствій двухвѣковаго Татарскаго ига, а съ другой главною причиною наступившаго вскорѣ Смутнаго времени.

Сравниваютъ Ивана IV съ Петромъ Великимъ по поводу ихъ стремленія завоевать Балтійскій берегъ для непосредственныхъ связей съ Западною Европою. Дѣйствительно идея общая, но она не придумана царемъ Иваномъ, а вытекала изъ самой исторіи, была такъ сказать неизбѣжна послѣ присоединенія Новгородской и Псковской земли къ Москвѣ. Но какая огромная разница въ образѣ дѣйствій! Петръ, едва завоевалъ устья Невы, какъ основалъ тамъ городъ и морскую пристань; а Иванъ IV наслѣдовалъ эти устья отъ своихъ предшественниковъ, и во все время своего царствованія не подумалъ о томъ, чтобы воспользоваться ими, а усиливался только захватить Ливонскія гавани. При семъ, пока у него были главными совѣтниками Сильвестръ и Адашевъ, дѣла съ этой стороны шли довольно успѣшно; а послѣ ихъ удаленія Иванъ вооружилъ противъ себя изъ за Ливоніи коалицію сосѣдей, которая его и доконала; тогда какъ Петръ Великій, чтобы добыть Балтійскій берегъ, самъ составилъ коалицію противъ враждебнаго сосѣда. Сходство еще въ томъ, что Иванъ велъ двадцатичетырехлѣтнюю войну за Ливонію, а Петръ двадцатиоднолѣтнюю; но этой войной Иванъ привелъ Россію почти на край гибели, а Петръ ее возвеличилъ. Что же касается до излишествъ Петра въ отношеніи казней, особенно стрѣлецкихъ, то онѣ, вопервыхъ, не могутъ равняться съ тиранствами Ивана IV, а вовторыхъ, выкупаются государственными заслугами великаго Преобразователя.

Говорятъ, что Иванъ IV усилилъ верховную власть и утвердилъ Русское самодержавіе. Но власть эта и до него была уже неограниченная. При семъ не замѣчаютъ, что своимъ тиранствомъ онъ, во первыхъ, задержалъ влеченіе Западной Руси къ возсоединенію съ Восточной и помогъ дѣлу Люблинской уніи, а во вторыхъ, въ самомъ Московскомъ обществѣ произвелъ нѣкоторую реакцію противъ самодержавія. Этою реакціей только и можно объяснить цѣлый рядъ попытокъ къ ограниченію верховной вла-

сти, которыми ознаменовался выборъ новыхъ царей по прекращеніи династіи Владимира Великаго. Только съ Алексѣя Михайловича Русское самодержавіе вновь получило свою неоспоримую силу.

II.

По поводу розыска о смерти царевича Димитрія.

Щербатовъ, Карамзинъ и Соловьевъ считали достовѣрнымъ разсказъ лѣтописей о томъ, что Димитрій былъ зарѣзанъ убійцами, которыхъ подослалъ Борисъ Годуновъ. Достовѣрнымъ принимали его также: Арцыбашевъ (Повѣств. о Рос.), преосв. Филаретъ (Чт. О. Им. Др. 1858, I. и „Русскіе Святые" подъ 15 Мая), преосв. Макарій (Истор. Рус. Церкви), А. Ѳ. Бычковъ (Чт. О. И. Др. 1864, IV) и Н. И. Костомаровъ („Жизнеописанія"). Противъ лѣтописей, за Годунова или за достовѣрность слѣдственнаго дѣла о смерти царевича (Собр. Г. Г. и Д. II, № 60) ратовали М. П. Погодинъ („Историко-критич. отрывки". М. 1846), А. А. Краевскій („Царь Борисъ Годуновъ". Спб. 1836), К. С. Аксаковъ (Рус. Бесѣда. 1858, II), Н. М. Павловъ (Рус. Арх. 1886, № 8); туда же склоняется В. С. Иконниковъ (тамже № 12). Любопытны примѣры колебаній или перемѣны мнѣній объ этомъ темномъ дѣлѣ. Такъ Карамзинъ первоначально сомнѣвался въ участіи Годунова и готовъ былъ признать его невинно-оклеветаннымъ („Сочиненія". М. 1830, IX, 235); но въ своей Исторіи онъ прямо обвиняетъ Годунова. Арцыбашевъ также склонялся къ оправданію сего послѣдняго (Вѣсти Европы 1830); но въ „Повѣствованіи" измѣнилъ свое мнѣніе, вслѣдствіе цензурныхъ возраженій Устрялова (см. помянутую выше статью проф. Иконникова со ссылкою на Протоколы засѣданій Археогр. Ком. 1841—49 гг. Спб. 1886 г.). А между тѣмъ самъ Устряловъ въ своей „Русской Исторіи" и въ своемъ „Розыскѣ о смерти царевича Димитрія" (Сказанія Соврем. II) колеблется и въ ту, и въ другую сторону.

Самымъ усерднымъ сторонникомъ Годунова въ данномъ вопросѣ явился тотъ же Е. А. Бѣловъ, который оправдываетъ и злодѣянія Ивана Грознаго. Защитѣ Погодина противъ опроверженій Соловьева онъ посвятилъ цѣлыхъ двѣ статьи (въ Ж. М. Н. Пр. за 1873 г. Іюль и Августъ). Костомаровъ тогда же представилъ нѣсколько вѣскихъ возраженій г. Бѣлову (Вѣст. Евр. 1873, № 9). Вообще, несмотря на всѣ усилія, сему послѣднему не удалось опровергнуть большую часть доводовъ покойнаго Соловьева, приведенныхъ въ 131 примѣчаніи къ VII тому *Исторіи Россіи.* Нельзя отказать г. Бѣлову въ нѣкоторыхъ дѣльныхъ замѣчаніяхъ; но его рѣшительное оправданіе Годунова и защита слѣдственнаго дѣла исполнены многихъ натяжекъ и напоминаютъ пріемы современной намъ адвокатуры, которая часто не останавливается ни передъ какими софизмами съ цѣлью обѣлить своего кліента.

Конечно слова Карамзина о предварительныхъ попыткахъ отравить царевича — „дрожащая рука убійцъ вѣроятно бережно сыпала отраву"—эти

слова могутъ быть названы неудачнымъ объясненіемъ сихъ попытокъ; однако общій его взглядъ на все дѣло гораздо основательнѣе чѣмъ взгляды его противниковъ. Въ подробностяхъ своей защиты адвокатъ Годунова иногда представляетъ объясненія еще менѣе удачныя. Напримѣръ: „Вдовый протопопъ Ѳедотъ Офонасьевъ, человѣкъ жалкій, забитый, на чтò указываетъ и его насмѣшливое прозвище (*Огурецъ*), и то, что онъ *изъ протопоповъ попалъ въ звонари*". Очевидно г. Бѣлову оставалось неизвѣстнымъ, какая судьба постигала священниковъ, имѣвшихъ несчастье потерять жену. Ихъ печальное положеніе было подтверждено Московскимъ соборомъ 1503 года. Что они лишались права священнодѣйствовать, говоритъ и Маржеретъ, современникъ даннаго событія.

Съ своей стороны укажу слѣдующія обстоятельства, бросающія тѣнь на розыскное или слѣдственное дѣло.

Напрасно было бы основывать достовѣрность его между прочимъ на непріязненныхъ отношеніяхъ Шуйскихъ къ Годуновымъ. Князь В. И. Шуйскій, какъ извѣстно, правдивостію не отличавшійся, въ данный моментъ имѣлъ всѣ побужденія угождать Борису Годунову: участь его брата Андрея и князя Ивана Петровича была у него еще въ свѣжей памяти. Притомъ смерть царевича, если была полезна Борису Ѳедоровичу, то не была противна и интересамъ В. И. Шуйскаго, также будущаго претендента на престолъ. Пристрастный, преднамѣренный розыскъ обнаруживается съ первыхъ же словъ слѣдственнаго дѣла. Слѣдователи прямо начинаютъ вопросомъ: „которымъ обычаемъ царевича Дмитрія не стало, и *чтò его болѣзнь была?* т.-е. прямо сворачиваютъ дѣло на падучую болѣзнь. И это обстоятельство не укрылось отъ современниковъ. Лѣтопись говоритъ: „князь же Василій начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како *небреженіемъ Нагихъ заклася самъ*" (Никон. VIII, 19). Далѣе, важное, по моему мнѣнію, препятствіе повѣрить розыску представляетъ самый образъ смерти царевича. Если, какъ тутъ сообщается, съ царевичемъ были и прежде припадки падучей болѣзни, причемъ онъ однажды покололъ свою мать, то невѣроятно, чтобы послѣ того мать позволила ему играть ножомъ. А если это позволила мамка помимо матери, то заднія мысли мамки становятся прямо подозрительными: на этой игрѣ ножомъ и на падучей болѣзни какъ бы заранѣе основывался какой-то разсчетъ. Если-бы дѣйствительно мальчикъ самъ покололъ себя въ припадкѣ, то опять странно, что онъ покололъ себя не въ иное какое мѣсто и не въ разныя мѣста, а во время своихъ судорогъ кололъ себя въ одну точку, въ горло. Данныя весьма подозрительныя. Можетъ быть, смерть его совершилась и не совсѣмъ такъ, какъ разсказываютъ лѣтописцы, указывающіе прямо на Битяговскаго, Качалова и Волохова какъ на его убійцъ: однако во всякомъ случаѣ эта внезапная смерть со всѣми ея обстоятельствами заставляетъ сомнѣваться въ правдивости слѣдственнаго дѣла. Главныя свидѣтельницы, кормилица Тучкова и постельница Колобова могли быть подкуплены или просто застращены; а чтó и какъ онѣ разсказывали первоначально, намъ осталось

неизвѣстнымъ. (Весьма возможно, что разсказъ лѣтописцевъ почерпнутъ именно изъ этого первоначальнаго источника, хотя и не изъ первыхъ рукъ). Что̀ говорили четыре сверстника царевича, тоже въ точности никому неизвѣстно; въ слѣдственномъ дѣлѣ они, какъ попугаи, буквально повторяютъ разсказъ о самозакланіи. При семъ обратимъ вниманіе на то, что изъ нихъ одинъ Тучковъ, другой Колобовъ, можетъ быть, дѣти помянутыхъ двухъ женщинъ; естественно они повторяли, что̀ имъ приказывали говорить ихъ матери или родственницы. Кромѣ нихъ, по дѣлу обнаруживается еще одинъ только свидѣтель, стряпчій Семейко Юдинъ, который будто бы видѣлъ сцену самозакланія откуда-то изъ дому, когда „стоялъ у поставца". Но кто можетъ поручиться за правдивость этого свидѣтеля? А затѣмъ огульное и какъ бы заученное повтореніе одного и того же разсказа многими лицами, бывшими далеко отъ мѣста событія, наводитъ рѣшительное сомнѣніе въ ихъ показаніяхъ.

Важнымъ свидѣтельствомъ противъ Бориса служатъ и тѣ мѣры, которыя онъ заранѣе предпринималъ противъ кандидатуры царевича Димитрія на царскій престолъ, напримѣръ, запрещеніе поминать его имя при богослуженіи какъ незаконнорожденнаго. Весьма любопытно, что Флетчеръ, сообщающій о семъ правительственномъ распоряженіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, *еще до смерти царевича,* сообщаетъ и слухи о покушеніяхъ на его жизнь со стороны будущихъ претендентовъ на тронъ послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Естественно поэтому, что мать царевича и ея родственники Нагіе по всѣмъ признакамъ, берегли мальчика и окружали его строгимъ присмотромъ, хотя слѣдственное дѣло потомъ и обвинило ихъ въ небреженіи. Вотъ почему, если и были попытки къ отравленію, то неудачныя. Очевидно, что близкіе люди охраняли царевича отъ яда и стерегли его особенно по ночамъ; но имъ едва ли приходило въ голову, что его можно зарѣзать при дневномъ свѣтѣ, въ присутствіи нянекъ и мамокъ. Въ числѣ же помянутыхъ претендентовъ кромѣ Бориса Годунова, повторяю, былъ и Василій Шуйскій. Несомнѣнно, Годуновъ зналъ, кому поручить слѣдствіе, чтобы добыть желаемый результатъ, при сохраненіи наружнаго безпристрастія. Во всякомъ случаѣ, если какому изъ показаній Шуйскаго и можно повѣрить, то именно тому, которое онъ сдѣлалъ впослѣдствіи, по своемъ воцареніи, при перенесеніи мощей Димитрія въ Москву, т.-е., что царевичъ палъ жертвою злодѣянія, а не самъ покололъ себя до смерти. Въ это время для Шуйскаго не было никакихъ серьезныхъ побужденій кривить душою. Возвращаясь къ извѣстію Флетчера, мы видимъ, что въ Московскомъ обществѣ того времени шли какіе-то глухіе толки о козняхъ, направленныхъ противъ маленькаго Димитрія, были какія-то темныя предчувствія, ожиданія чего-то трагическаго. И дѣйствительно, долго ждать не пришлось; слѣдовательно, толки и ожиданія не были безосновательны.

Изъ сличенія всѣхъ данныхъ и всѣхъ мнѣній мы дѣлаемъ слѣдующій общій выводъ. Какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно; но что онъ погибъ не своею смертію, это достовѣрно; а что смерть царевича была весьма желательна Годунову и его клевретамъ, это не подлежитъ сомнѣнію.

Д. Иловайскій.

ПОПРАВКА.

Въ XII-й книжкѣ „Русскаго Архива" 1888 года, на стр. 599-й помѣщенъ анекдотъ о скоромъ судѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Анекдотъ этотъ оказывается вымысломъ, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ, написанныхъ для насъ однимъ многоуважаемымъ вполнѣ правдивымъ человѣкомъ. П. Б.

1) Арка Главнаго Штаба находится у выхода Большой Морской (въ то время Малой Миліонной) на Дворцовую площадь. Если на этомъ мѣстѣ и случилось бы что-нибудь съ впереди ѣхавшимъ экипажемъ, то это нисколько не могло задержать прочихъ, при большой ширинѣ улицы и площади. И теперь, когда ѣзда чуть ли не удвоилась, на этомъ мѣстѣ довольно пусто; а тѣмъ болѣе при Николаѣ I. Сочинитель разсказа, слыхавъ объ аркѣ Главнаго Штаба и, можетъ быть не бывавъ въ Петербургѣ, представилъ себѣ узкіе ворота и, какъ для его разсказа нужна была остановка экипажей, то онъ и выбралъ эту арку мѣстомъ дѣйствія.

2) Корнеты носятъ шпоры и съ хлыстами не ѣздятъ, а юнкера еще меньше; особенно во времена Николая I, когда форма строго соблюдалась. Кромѣ сего, юнкерà и не позволяли себѣ ѣздить верхомъ по улицамъ. Но сочинителю нуженъ былъ хлыстъ, и онъ не задумался дать этотъ хлыстъ въ руки корнету или юнкеру.

3) Священникъ, являющійся во дворецъ и приказывающій доложить о себѣ Государю,— очень хорошъ! У подъѣзда дворца стоитъ жандармъ, а въ передней—швейцаръ. Они объяснили бы неопытному священнику, что докладывать Государю о себѣ нельзя; но что просьбы принимаются на противуположномъ концѣ дворца, дежурнымъ флигель-адъютантомъ, который, на слѣдующій день, при смѣнѣ, подаетъ Государю списокъ принятыхъ имъ наканунѣ заявленій и просьбъ.

4) Священникъ узналъ гр. К.... Корнетъ гр. К.... не могъ быть такимъ извѣстнымъ въ Петербургѣ лицомъ, чтобы всякій на улицѣ могъ его знать. Если же священникъ съ нимъ былъ лично знакомъ, то, вѣроятно, и гр. К.... его бы узналъ и не ударилъ бы.

5) Родители мои были хорошо знакомы съ старымъ гр. К.... и его женою. Я же лично зналъ старшаго сына (флигель-адъютанта Валерьяна), встрѣчался съ Александромъ (офицеромъ Преображенскаго полка) и былъ пріятелемъ Виктора (офицера Конной Гвардіи).

При такихъ отношеніяхъ двухъ семействъ, происшествіе, подобное описанному, не могло бы оставаться тайною. Между тѣмъ, могу васъ увѣрить, что я въ первый разъ слышу объ этой небылицѣ. Сыновья гр. К.... были отлично воспитанные молодые люди, которые никогда не позволили бы себѣ ударить кого бы ни было, а въ особенности священника, да еще на улицѣ!

6) Кто слышалъ разговоръ Николая I съ гр. К....? Подобные разговоры могутъ выдумывать авторы историческихъ повѣстей, но разсказывающій дѣйствительное происшествіе не имѣетъ на это права.

7) Хотя гр. К.... и имѣлъ привычку говорить слово батюшка и произносить батушка; но онъ былъ высоко-образованный человѣкъ и не сталъ бы говорить съ Государемъ безъ соблюденія самой простой вѣжливости. Онъ могъ говорить батушка, въ кругу близко знакомыхъ; но, обращаясь къ Государю, онъ очевидно сказалъ бы не батушка, а Ваше Величество. При этомъ, какъ мало вѣроятія въ отвѣтѣ: «намъ такихъ дѣтей не нужно, въ Сибирь и въ Сибирь». Такъ отвѣчать могъ какой-нибудь идіотъ, а не человѣкъ, проведшій жизнь въ веденіи государственныхъ дѣлъ.

8) Какъ узналъ священникъ о рѣшеніи Государя выслать сына гр. К.... въ Сибирь и какъ это онъ вторично ѣдетъ къ Государю,, точно къ своему пріятелю? Чтò за басня!

9) Наконецъ, кто производилъ наказаніе?—Камеръ-лакеи? И Государь сдѣлалъ бы ихъ сообщниками этого дѣла: оскорбленія чести гвардейскаго офицера! Или же, не самъ ли Государь, въ присутствіи священника и маститаго министра финансовъ? И это приписывается Николаю I, который самъ былъ рыцарь и не терпѣлъ низости въ другихъ! Этого высѣченнаго офицера Государь избралъ бы въ свои флигель-адъютанты, или терпѣлъ бы въ Преображенскомъ или Конномъ полку, которыхъ онъ состоялъ шефомъ?

Это даже и не требуетъ опроверженія.

Весь этотъ разсказъ — выдумка, и, если дѣйствительно авторъ статьи слышалъ его отъ лица, выдающаго себя за одного изъ гр. К...., то онъ былъ жертвою мистификаціи шутника, употребившаго во зло его легковѣріе.

***

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

1889 г.

Жизнь, судьба и будущее Славянскихъ народовъ до такой степени связаны съ жизнью великаго Русскаго народа, что знать о томъ, что дѣлается въ Славянскихъ земляхъ—является первѣйшею потребностью всякаго политически образованнаго и развитаго Русскаго человѣка. Кто хочетъ вѣрою и правдою служить своему государю, своему отечеству и своему народу, тотъ долженъ знать не только жизнь своего государства, но и жизнь народовъ, которые волею Провидѣнія представляютъ естественные устои нашей силы, славы и могущества въ Европѣ. Въ знаніи—сила, и только правильное пониманіе настоящаго предуготовляетъ и вѣрное будущее. „СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ" удовлетворятъ этой потребности необходимаго для Русскаго человѣка знанія съ добросовѣстностью и полнотою. „СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ", въ еженедѣльномъ обозрѣніи, передадутъ точно и подробно свѣдѣнія о жизни и положеніи всѣхъ отраслей Славянскаго племени: великаго Русскаго народа, живущаго въ Россіи и внѣ ея предѣловъ, Болгаръ, Поляковъ, Чехо-Моравовъ, Словаковъ, Сербовъ, раскинувшихся на пространствѣ собственной Сербіи (Шумадіи), Воеводины (Баната), старой Сербіи, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Далмаціи, Сербовъ-Лужичанъ, Хорватовъ, Словинцевъ и др.

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ" будутъ органомъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ столь извѣстный государственный человѣкъ графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, и въ средѣ членовъ котораго находятся выдающіеся и главенствующіе іерархи нашей церкви и такіе государственные люди, ученые и ревнители, какъ: К. П. Побѣдоносцевъ, графъ И. Д. Деляновъ, М. Н. Островскій, И. А. Вышнеградскій, І. В. Гурко, Н. И. Стояновскій, П. А. Черевинъ, П. П. Дурново, Ѳ. П. Корниловъ, А. Ѳ. Бычковъ, Т. И. Филипповъ, И. П. Корниловъ, Ѳ. Ѳ. Радецкій, М. Г. Черняевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. И. Ламанскій, О. Ѳ. Миллеръ, М. О. Кояловичъ, Н. Н. Страховъ, Д. И. Иловайскій, В. К. Саблеръ, Н. В. Кидошенковъ, В. Д. Дандевиль, М. Ѳ. Мирковичъ, А. Ѳ. Риттихъ, П. А. Васильчиковъ, А. А. Боголюбовъ, В. Г. Чубинскій, В. И. Аристонъ, К. А. Пятницкій, П. А. Кулаковскій, П. А. Ровинскій, М. И. Семевскій, Н. П. Ланинъ, А. В. Васильевъ, И. И. Домонтовичъ, И. А. Дукмасовъ, Т. С. Морозовъ, А. Л. Кекинъ, Л. Ѳ. Тухолка, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, Д. С. Нагловскій, О. М. Гарничъ-Гарницкій, А. Я. Антоновичъ, Д. П. Кладищевъ, Н. П. Писаревскій, А. И. Глуховской, І. Я. Яньшевъ, А. А. Лебедевъ, Н. А. Безакъ, Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, А. И. Маныкинъ-Невструевъ, В. Л. Нарышкинъ. М. Н. Раевскій и др.

Годовые подписчики на «СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ» въ 1889 году получатъ въ теченіе года новую КАРТУ СЛАВЯНСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ Европы.

Подписка принимается: 1) Въ редакціи „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ": С.-Петербургъ, по Невскому проспекту, домъ № 138—140. 2) Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества на площади Александринскаго театра, д. № 7. 3) У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева, Одессы, Казани и Тифлиса.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ **6** р., на полгода **3** р., на четверть года **1** р. **50** к.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою за границею 10 гульденовъ или 20 марокъ.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

3.

		Стр.
1.	Донесеніе Рижскаго губернатора **Дальберга** Карлу XII-му (по поводу посѣщенія Риги Петромъ Великимъ въ 1697 году). Съ предисловіемъ **С. В. Арсеньева**	385
2.	Письма къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: **Блументроста, графовъ Румянцова и Головкина, князя Долгорукова и княгини Голицыной**. Съ предисловіемъ **А. Н. Труворова**	392
3.	Письмо **Екатерины Великой** къ **Н. А. Бекетову**. 1765 (о торговлѣ птичьимъ пухомъ)	397
4.	Письмо **князя А. А. Вяземскаго** о храненіи почтовой тайны. 1782	397
5.	Письмо **Суворова** къ С. А. Колычову. 1799	398
6.	Нѣкоторыя объясненія на послужной списокъ генералъ-маіора **Денисa Давыдова**	399
7.	Письмо **Императрицы Александры Ѳеодоровны** къ дѣвицѣ, выходившей замужъ	404
8.	Листокъ изъ записной книжки **Великой Княжны Александры Николаевны**. 1843	405
9.	Изъ записокъ **фельдмаршала князя Паскевича** (до Августа 1826)	407
10.	Двѣ службы. Изъ воспоминаній **Теобальда**	425
11.	Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ**. V. 1859-й годъ. Въ приложеніяхъ: Письма **В. П. Буткова, графовъ П. Е. Коцебу и Д. А. Милютина**, переписка съ **Н. О. Сухозанетомъ**, письма и предписанія барону Врангелю	446
12.	Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. Воспоминаніе **графа С. Д. Шереметева**	506
13.	Духовное завѣщаніе священника XVIII вѣка (дѣдъ митр. Филарета)	523
14.	Изъ предсмертныхъ бесѣдъ **Фридриха Великаго**	527
15.	Замѣтка **А. А. Зиссермана**	528
16.	Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе** (1849—1852).	

Приложенъ гравированный портретъ фельдмаршала князя И. Ѳ. Паскевича.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1889.

ОПРАВДАТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНІЕ КАРЛУ XII-му РИЖСКАГО ГУБЕРНАТОРА ДАЛЬБЕРГА.

(по поводу посѣщенія Риги Петромъ Великимъ въ 1697 году).

При посольствѣ Лефорта и Головина, отправленномъ въ 1697 году въ западныя поморскія государства, какъ извѣстно, находился Петръ подъ именемъ урядника Преображенскаго полка Петра Михайлова. Пріемъ, оказанный этому посольству въ Ригѣ Шведскимъ губернаторомъ Дальбергомъ, былъ на столько далекъ отъ того, чего считалъ себя въ правѣ ожидать Русскій царь, что враждебное чувство глубоко залегло въ его сердце [1]). На обратномъ пути изъ за границы, въ 1700 году, Петръ, при свиданіи съ королемъ Польскимъ Августомъ II и во время переговоровъ о заключеніи союза противъ Швеціи, высказалъ желаніе, чтобы король Польскій „помогъ ему отмстить обиду, которую учинилъ ему Рижскій губернаторъ Дальбергъ" [2]).

Повидимому, Карлъ XII узналъ о неудовольствіи Царя на пріемъ, оказанный ему въ Ригѣ Дальбергомъ, лишь въ 1699 году. Это явствуетъ изъ ниже-помѣщаемаго оправдательнаго донесенія Дальберга Карлу XII отъ 8 Марта 1700 года, которое, на сколько мнѣ извѣстно, доселѣ нигдѣ еще не было напечатано.

Подлинное донесеніе Дальберга, на Французскомъ языкѣ, хранится въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ въ Стокгольмѣ; упоминаемыхъ же въ этомъ донесеніи приложеній въ настоящее время не оказывается.

С. В. Арсеньевъ.

Стокгольмъ.
1-го Октября 1888.

Ваше величество!

Я получилъ съ всенижайшимъ благоговѣніемъ письмо отъ 28 Ноября, которое вашему величеству благоугодно было мнѣ написать, съ приложеннымъ извлеченіемъ изъ всенижайшаго донесенія пословъ вашего величества изъ Москвы отъ 21 Октября, касательно жалобъ, заявленныхъ царскими коммиссарами, которые утверждаютъ, что царскому посольству, прослѣдовавшему въ 1697 году чрезъ Ригу, будто-бы не были оказаны

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, изд. 2-е, стр. 232.

[2]) Тамъ же, стр. 301.

должныя почести, и что съ посольствомъ этимъ обращались неподобающимъ образомъ, какъ съ варварами и Татарами.

Послы вашего королевскаго величества дѣйствительно писали мнѣ во время своего пребыванія въ Москвѣ и сообщили переводъ жалобъ, заявленныхъ царскими министрами во время конференціи; но такъ какъ письма эти до меня не дошли, будучи перехвачены на Московской почтѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, то я и не имѣлъ никакихъ извѣстій объ этихъ жалобахъ до возвращенія пословъ вашего королевскаго величества изъ Московіи и до прибытія ихъ въ Нарву, откуда они мнѣ написали и доставили копіи со всѣхъ утраченныхъ писемъ. Поэтому я тѣмъ болѣе имѣю основаній благодарить ваше величество, сознавая милость, оказанную мнѣ приказаніемъ сдѣлать вашему величеству точный докладъ о томъ, какъ въ дѣйствительности все это было, со всѣми подробностями; ибо это даетъ мнѣ случай доказать мою невинность и полнѣе оправдаться въ невѣрныхъ нареканіяхъ царскихъ министровъ.

Ваше величество! Эти нареканія были бы слишкомъ чувствительны для человѣка, который, какъ я, всю жизнь старался пріобрѣсти тактъ и умѣнье обращаться въ свѣтѣ, посѣщая тѣ страны и мѣстности, гдѣ учтивость и свѣтскій лоскъ наиболѣе въ ходу; и было бы весьма тягостно послѣ этого быть невинно обвиненнымъ въ подобныхъ поступкахъ, будтобы я поступалъ такъ неприлично, какъ они заявляютъ, и будто бы я не имѣлъ достаточно ни чести, ни свѣтскаго лоска, ни разума, чтобы прилично встрѣтить посольство великаго Государя.

Однако, принимая во вниманіе духъ и обычаи Московской націи, я могу легко утѣшиться: ибо чѣмъ учтивѣе съ Московитами обращаться и чѣмъ болѣе имъ оказывать почестей, тѣмъ менѣе достигается предположенная цѣль—удовлетворить ихъ желаніямъ. Напротивъ, поступая съ ними такъ, бываешь заваленъ ихъ безграничными претензіями на бóльшія почести и выгоды; неминуема съ ихъ стороны отплата неблагодарностью за все оказанное имъ добро, если только не всѣ ихъ претензіи удовлетворены. Для меня, государь, служитъ лучшимъ удовлетвореніемъ, какого я только могъ желать, быть въ состояніи доказать, до какой степени обвиненъ я несправедливо Московскими коммиссарами. Я нисколько не упустилъ озаботиться и дать надлежащія приказанія, дабы это посольство было хорошо принято со всѣми возможными почестями и даже съ бóльшимъ почетомъ, чѣмъ всѣ предшествовавшія посольства, которыя до сего проѣзжали чрезъ этотъ городъ. Такъ какъ я вполнѣ понялъ, насколько необходимо при настоящихъ обстоятельствахъ сохраненіе добрыхъ отношеній, поэтому я постарался отличить пріемъ этого посольства во всемъ, въ чемъ казалось возможно. Мнѣ было весьма желательно, для бóльшаго обезпеченія себя, имѣть точныя приказанія и резолюціи вашего величества относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, дабы дѣйствовать безъ колебаній; но по краткости времени я не имѣлъ возможности дождаться этихъ приказаній, о коихъ я всенижайше ходатайствовалъ предъ вашимъ величествомъ, и

потому я былъ принужденъ собирать на мѣстѣ необходимыя свѣдѣнія и для этого писать въ Ревель и Нарву, дабы получить оттуда свѣдѣнія, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ, въ особенности дабы узнать, было ли оказываемо угощеніе въ этихъ городахъ Московскимъ посольствамъ. Отвѣтъ былъ отовсюду тождественъ, то есть что посольствамъ этимъ нигдѣ не было оказываемо гостепріимство безплатно. Прилагаемый списокъ подъ лит. А. содержитъ перечисленіе Московскихъ посольствъ, кои съ 1660 проѣзжали чрезъ Эстляндію, Лифляндію и Ингерманландію по пути въ Швецію или въ другія государства, и въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, которое было бы встрѣчено съ особымъ почетомъ. Тѣмъ не менѣе я далъ приказанія относительно пріема этого посольства, основываясь главнымъ образомъ на постановленіяхъ договоровъ касательно подобныхъ случаевъ, и даже старался, на сколько казалось приличнымъ, въ данномъ случаѣ оказать бóльшій почетъ при пріемѣ, дабы дать этимъ доказательства наибольшей дружбы. Я поручилъ г. маіору Глазенапу, весьма порядочному и учтивому дворянину, быть при нихъ приставомъ или маршаломъ и придалъ ему въ помощники капитана Дорнфельдта и одного дворянина, знающаго Московитскій языкъ, и послалъ ихъ въ Нейенгузенъ на границу, какъ только получилъ извѣстіе, что посольство выѣхало изъ Москвы, дабы они были на-готовѣ встрѣтить посольство тотчасъ при прибытіи его за границу, чтó явствуетъ изъ писемъ моихъ подъ лит. B. и C. Одновременно съ этимъ я предписалъ начальникамъ уѣздовъ (лит. Д) сдѣлать заблаговременно распоряженія, дабы экипажи и съѣстные припасы были на-готовѣ. Съ этой цѣлью каждый изъ нихъ былъ снабженъ патентами и паспортами, содержаніе коихъ явствуетъ изъ приложенія лит. E. Сверхъ того имъ было предписано выбрать на всемъ пути хорошіе постоялые дворы и гостинницы для вечернихъ и полуденныхъ остановокъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ послѣдовало строжайшее запрещеніе въ теченіе нѣкотораго времени отправлять почту изъ Москвы къ намъ, и даже не дозволялось никому выѣзжать изъ Московіи; въ числѣ другихъ былъ тамъ задержанъ довольно долго и нашъ переводчикъ Солданъ. Безъ сомнѣнія эти мѣры были приняты съ цѣлью не распространять извѣстіе о томъ, что Царь самъ сопровождаетъ посольство. Когда же потомъ почтовыя сообщенія снова возобновились, то стали вскрывать и читать письма. Поэтому намъ было весьма трудно получить здѣсь какое-либо извѣстіе о времени прибытія посольства.

Сверхъ того, съ Московитской стороны распространяли слухъ, будто посольство перемѣнило намѣреніе проѣхать здѣсь, и что рѣшено прослѣдовать чрезъ Польскую Лифляндію. Но вскорѣ пріѣхалъ нѣкто маіоръ Іоганнъ Шмидтъ съ частью поклажи. За нимъ вслѣдъ пріѣхалъ гонецъ съ извѣстительной грамотой Псковскаго воеводы отъ 14 Марта, въ коей однако не было обозначено въ точности времени прибытія посольства на нашу границу, а также не обозначалось число лицъ свиты. Это принудило меня въ теченіе шести недѣль держать на готовѣ на границѣ лошадей для

посольскихъ экипажей, что не могло не причинить значительныхъ убытковъ крестьянамъ. Отославъ ихъ, приходилось ихъ снова собирать, и затѣмъ, заставивъ еще ожидать нѣкоторое время, снова отсылать домой. Было весьма затруднительно каждый разъ вновь приводить лошадей. Наконецъ, послы написали мнѣ 22 Марта изъ Пскова, увѣдомляя меня о прибытіи своемъ въ этотъ городъ. При этомъ они, однако, даже приблизительно не опредѣляли времени своего прибытія на нашу границу. Я отвѣчалъ имъ 26-го того мѣсяца, что хотя я и не получалъ отъ воеводы ни отвѣта на письмо мое, посланное 23 Марта, ни вообще какого-либо увѣдомленія о времени прибытія посольства и о численности его свиты, хотя именно объ этомъ я запрашивалъ воеводу, я тѣмъ не менѣе сдѣлалъ всѣ необходимыя и возможныя приготовленія для надлежащей встрѣчи посольства. Я высказалъ надежду, что послы оцѣнятъ все сдѣланное мною, такъ какъ я сдѣлалъ все возможное (не смотря на голодъ и дороговизну въ странѣ), чтобы заявить имъ дружбу и исполнить постановленія Кардійскаго мира.

Наконецъ, послѣ многихъ отсрочекъ, посольство прибыло внезапно 25 Марта на границу и было встрѣчено, расквартировано и угощаемо въ Нейенгузенѣ согласно донесеніямъ лейтенанта Тилонса и окружнаго нотаріуса Мурререа, приложеннымъ при семъ подъ лит. F и G. О проѣздѣ посольства чрезъ Рижскій округъ до города Риги изложено въ донесеніи окружнаго нотаріуса Крели.

Когда посольство приблизилось къ городу Ригѣ, я выслалъ ему на встрѣчу подполковника Пальмстранка и маіора Ранка съ моей каретой, запряженной 6 лошадьми, въ сопровожденіи 12 драбантовъ въ придворной ливреѣ и 10 изъ пажей моихъ и лакеевъ, роскошно одѣтыхъ. За ними слѣдовали 50 каретъ, принадлежащихъ какъ офицерамъ, такъ и другимъ частнымѣ лицамъ, а также карета магистрата, запряженная также 6 лошадьми. Сверхъ того, отрядъ въ 36 человѣкъ, въ одѣяніяхъ съ галунами и съ бѣлыми плюмажами на шляпахъ, обыкновенно называемые „Swarten-haüpten"; за ними другой отрядъ гражданъ верхомъ, числомъ въ 140 челов., разодѣтыхъ и вооруженныхъ, съ ихъ знаменами, бубнами и трубами, съ обнаженными саблями, въ концѣ шествія. Все было установлено, дабы оказать наибольшій почетъ этому посольству, тамъ какъ никто не станетъ отрицать, что торжественность пріема въ данномъ случаѣ значительно превзошла то, что дѣлалось прежде, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для Московитскихъ посольствъ.

Въ вышеписанномъ порядкѣ они вошли чрезъ городскіе ворота, называемые „Sandport", гдѣ былъ выставленъ батальонъ подъ ружьемъ; за тѣмъ прослѣдовали чрезъ городъ, проѣхавъ чрезъ рынокъ, гдѣ былъ выставленъ другой батальонъ; а при выѣздѣ изъ городскихъ воротъ, называемыхъ „Carlsport", стоялъ третій батальонъ. Всѣ эти три батальона были съ военной музыкой. Посольству были отведены квартиры въ предмѣстьѣ, называемомъ „Castadien", гдѣ всѣ предшествовавшія посольства были помѣщаемы. Во все время ихъ пребыванія поручикъ съ 50 солдата-

ми содержалъ караулъ предъ домомъ, гдѣ помѣщалось посольство. При въѣздѣ и выѣздѣ изъ города посольство было встрѣчено салютомъ въ 16 выстрѣловъ изъ пушекъ большаго калибра.

Я послалъ къ нимъ маіора Врангеля и капитана Лиліеншерна поздравить отъ моего имени съ счастливымъ прибытіемъ, и они съ своей стороны отправили ко мнѣ одного подполковника съ кузеномъ г-на Лефорта, чтобы благодарить. Такъ какъ я приказалъ капитану Лиліеншерну состоять при нихъ ежедневно, чтобы исполнять ихъ приказанія, въ особенности же г-на Лефорта, какъ старшаго между ними, то онъ составилъ дневникъ всему, что̀ происходило при ихъ пріемѣ и впослѣдствіи во все время пребыванія посольства въ этомъ городѣ. Изъ этого дневника извлечено прилагаемое при семъ описаніе подъ лит. G. Этотъ самый капитанъ увѣряетъ, что послы выражали свое довольство отличнымъ пріемомъ, который имъ оказанъ, что̀ подтверждается еще письмомъ коммиссара Кнейпера изъ Москвы отъ 16 Іюля (подъ лит. А.), который пишетъ, что узналъ тоже самое, то есть, что глава посольства г-нъ Лефортъ писалъ по этому поводу въ Москву, въ выраженіяхъ, доказывающихъ его удовольствіе и благодарность.

Я посовѣтовалъ также всѣмъ полковникамъ, подполковникамъ, маіорамъ и другимъ офицерамъ поочередно каждый день посѣщать членовъ посольства. Это они и выполняли во время пребыванія здѣсь посольства. Сверхъ того я самъ посылалъ узнавать почти каждый день о состояніи ихъ здоровья, предлагая имъ въ тоже время мои услуги. Если я самъ лично не былъ у нихъ для отдачи визита и не угощалъ ихъ у себя въ за̀мкѣ, то это потому, что этого прежде никогда не дѣлалось, и я счелъ поэтому излишнимъ это дѣлать въ данномъ случаѣ, а также потому, что это посольство не было послано къ вашему величеству, но къ другимъ державамъ. Я тѣмъ менѣе могъ это сдѣлать, что вслѣдствіе сильной простуды принужденъ былъ въ теченіе пяти недѣль лежать въ постели; но я вовсе не упустилъ этого сдѣлать будто бы по причинѣ кончины моей дочери, какъ это неправильно утверждаютъ: дочь моя скончалась лишь 6 Октября 1698 года, слѣдовательно чрезъ годъ и семь мѣсяцевъ послѣ отъѣзда ихъ отсюда.

Въ виду того, что во время ихъ пребыванія нѣкоторыя лица изъ посольства стали объѣзжать верхомъ кругомъ города и въ особенности окружающія возвышенности, при чемъ не ограничивались тѣмъ, что осматривали крѣпость изъ подзорныхъ трубокъ, но даже стали составлять планъ города и измѣрять глубину рвовъ, прогуливаясь по валу и гласису, все это принудило меня просить г. Лефорта запретить своимъ людямъ такого рода вольности, такъ какъ, будучи самъ генераломъ, онъ долженъ былъ знать, что подобные поступки не допускаются въ Европѣ ни въ какой крѣпости. Онъ принялъ это заявленіе весьма хорошо, извиняясь въ томъ, что̀ произошло и обѣщая запретить на будущее время подобные поступки своимъ неучамъ Москвитамъ. Такъ произошелъ этотъ эпизодъ, о которомъ они повѣствуютъ, жалуясь безъ всякаго основанія и заявляя, что ихъ

будто бы содержали такъ строго, что даже имъ не дозволено было выходить изъ квартиры. Это совершенно не вѣрно; напротивъ, они съ полной свободой прохаживались по городу толпами, входили во всѣ лавки и къ ремесленникамъ, въ харчевни и всюду, куда имъ приходило въ голову. Всѣ жители Риги могутъ это засвидѣтельствовать.

Впрочемъ, странно заявленіе царскихъ коммисаровъ, что будто бы, въ виду нахожденія августѣйшей особы Его Царскаго Величества при посольствѣ, слѣдовало мнѣ сдѣлать нѣсколько болѣе того, чтó по ихъ словамъ было сдѣлано при пріемѣ, ибо подъ страхомъ смертной казни было запрещено членамъ посольства сообщать о присутствіи этого великаго Государя между ними. Поэтому и съ нашей стороны имѣли основаніе полагать, что было бы неугодно Его Царскому Величеству, если бы мы дѣлали видъ, что имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его высочайшемъ присутствіи у насъ.

До сихъ поръ все посольство казалось очень довольно пріемомъ, и дѣйствитольно оно не имѣло никакихъ основаній къ жалобамъ; но когда подъ конецъ пришло время расплачиваться, то стало замѣтно нѣкоторое недовольство. Это принудило меня приказать пересмотрѣть и сократить нѣсколько чрезмѣрные счеты ихъ хозяевъ, при чемъ все было доведено согласно справедливости до наименьшей по возможности цифры. Дабы ваше величество могли видѣть, какъ неосновательны ихъ жалобы, будто для нихъ цѣны были увеличены болѣе чѣмъ вдвое противъ нормальныхъ и будто за перевозъ чрезъ Двину у нихъ исторгли 80 дукатовъ, посылаю при семъ подъ лит. L. подробный разсчетъ, доставленный мнѣ, по моему требованію, городскимъ магистратомъ: здѣсь помѣщенъ списокъ личнаго состава посольской свиты, весьма многочисленной, за тѣмъ подробныя свѣдѣнія о томъ, чтó было уплочено каждому изъ домохозяевъ за квартиру, дрова, освѣщеніе и т. п. Уплочено это было не по требованію домохозяевъ, но по доброй волѣ и по усмотрѣнію посланниковъ.

Я, впрочемъ, могу по совѣсти засвидѣтельствовать, и клянусь моей душою, что я искалъ и прилагалъ всевозможныя средства, чтобы они остались довольны и всячески старался выказать имъ предупредительность, хотя они теперь все объясняютъ наоборотъ. Не моя вина, однако, что въ то время была страшная дороговизна и недородъ на всѣ сельскія произведенія: это явленіе было всеобщее въ этой мѣстности, и самъ я не менѣе другихъ отъ этого пострадалъ.

Они жалуются также на то, что будто бы имъ не оказали почета при отъѣздѣ предоставленіемъ яхтъ и роскошно-убранныхъ лодокъ для переправы чрезъ Двину; я могу однако сказать, что хотя подобныхъ яхтъ и лодокъ здѣсь не имѣется, я тѣмъ не менѣе распорядился такимъ образомъ, что главныя лица посольства были перевезены на красивой яхтѣ, обитой краснымъ сукномъ и украшенной королевскимъ штандартомъ, а остальныя въ двухъ другихъ яхтахъ и въ лодкахъ, числомъ свыше 30, какія здѣсь въ употребленіи, и все это приготовлено было нарочно для нихъ. Сверхъ того во время переправы чрезъ рѣку ихъ почтили 32 пушечными

выстрѣлами. Такимъ образомъ ихъ обвиненія противорѣчатъ истинѣ. Независимо отъ этого, на томъ берегу Двины, до самой Курляндской границы, въ ихъ распоряженіе было предоставлено двѣ кареты магистрата. Вслѣдствіе сильнаго ледохода на рѣкѣ, а также вслѣдствіе громаднаго количества принадлежавшаго посольству багажа, невозможно было найти столько барокъ, сколько нужно для перевозки большаго числа каретъ и лошадей.

Не слѣдуетъ также приписывать мнѣ то, что нѣкоторые изъ посольской свиты, по возвращеніи изъ Курляндіи, при продажѣ лошадей своихъ, не могли продать ихъ дороже 10 коп. за лошадь. Это до меня вовсе не касается, да сверхъ того я ничего объ этомъ и не зналъ. Еще менѣе извѣстно мнѣ было что-либо касательно ихъ гонца Якова Скоровцова, посланнаго изъ Курляндіи: я его никогда не видалъ и ничего о немъ не слыхалъ. Прилагаемыя при семъ свидѣтельства подъ лит. R. N. O. P., выданныя содержателемъ постоялаго двора, гдѣ обыкновенно останавливаются Московиты, Мермaномъ, и двумя купцами, Гинцомъ и Офткинымъ (на имена коихъ обыкновенно адресуются всѣ письма для Московитовъ), интендантомъ Ярмерштедтомъ и префектомъ Гердгренсомъ, могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что такого гонца здѣсь никогда не было. Прибытіе его сюда чистая выдумка. Что же касается подозрѣнія, которое я будто бы возымѣлъ противъ нѣкоего Суроваго, котораго такъ часто посылали къ Московитскимъ посланникамъ—дѣло это мнѣ совершенно неизвѣстно и лишено всякаго основанія. Я никогда ничего не слыхалъ объ этомъ, еще менѣе видѣлъ или зналъ Суроваго.

Вашему величеству благоугодно будетъ усмотрѣть изъ всего вышеизложеннаго, до какой степени я невиненъ во всѣхъ обвиненіяхъ, на меня возводимыхъ. Вотъ почему я всенижайше умоляю ваше величество оказать мнѣ милость, принявъ меня подъ свое могущественное покровительство, тѣмъ болѣе, что я могу увѣрить, что никогда бы не позволилъ себѣ оказать неуваженіе столь могущественному Государю, какъ Его Царское Величество, еслибы присутствіе его здѣсь было мнѣ извѣстно. Правда, я былъ бдителенъ и ревнивъ въ охранѣ пограничной крѣпости короля, моего повелителя; но въ этомъ отношеніи я скорѣе считалъ бы себя въ правѣ ожидать похвалы, чѣмъ порицанія со стороны Его Царскаго Величества, какъ великаго побѣдоносца.

Вотъ что я могъ, государь, наскоро привести въ свою защиту. Но еслибы я когда либо могъ вообразить и предусмотрѣть, что я буду обвиненъ въ подобныхъ поступкахъ, я конечно принялъ бы другія предосторожности для своей защиты. Совѣсть моя, однако, свидѣтельствуетъ, что этому посольству было оказано болѣе предупредительности, чѣмъ сколько было необходимо, а также оказано гораздо болѣе почета, чѣмъ всѣмъ прежде проѣзжавшимъ чрезъ этотъ городъ.

Надѣюсь, что ваше величество соблаговолитъ принять съ своею обычною благосклонностію оправданіе того, кто есть и будетъ всю жизнь, государь, вашего величества всенижайшій, всепокорный и всепреданнѣйшій слуга и подданный Е. Дальбергъ. Рига, 8 Марта 1700.

ПИСЬМА КЪ ЦАРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Нижеслѣдующія пять писемъ отъ разныхъ лицъ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ я нашелъ въ Государственномъ Архивѣ, въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго, въ книгѣ 53-й (стр. 22, 216, 241—246 и 520). Письма эти дороги, если не по содержанію, то какъ доказательство доброй заботливости царицы къ упроченію благополучія извѣстныхъ ей лицъ. А затѣмъ мы имѣемъ въ этихъ письмахъ свидѣтельство о любви тѣхъ же лицъ къ царицѣ, къ которой они прибѣгаютъ въ тяжкихъ случаяхъ ихъ семейной и служебной жизни, надѣясь получить отъ нея помощь и защиту предъ ея грознымъ супругомъ. Дороги эти письма и по той простотѣ, съ которой подданные обращаются къ своей царицѣ. Простота эта видна и по содержанію писемъ, и по формѣ: такъ лейбъ-медикъ, по тогдашнему архіатеръ, пишетъ свой бюллетень о состояніи здоровья царевича Петра Петровича на клочкѣ простой бумаги, и это вовсе не потому, что въ то время не было хорошей писчей и почтовой бумаги, что̀ именно и опровергается бумагою, на которой написаны письма князя Долгорукова и княгини Голицыной, и что̀ не помѣшало Румянцову написать свое письмо изъ Або также на простой бумагѣ.

Историки наши описывали только политическія и другія дѣла, совершавшіяся въ царствованіе Екатерины Первой; но немногіе изъ нихъ касались ея характеристики, какъ женщины. По сложившемуся убѣжденію, основанному, кажется, на сплетнѣ, ее считаютъ главною виновницею въ смерти царевича Алексѣя, и мнѣ приходилось читать, будто она этимъ очищала престолъ для своихъ дѣтей. Но слѣдуетъ принять во вниманіе ея женственность, въ силу которой только одна она могла укрощать и успокоивать своего нервнаго и жестокаго супруга, а также и то довѣріе, которое имѣли къ ней подданные. Истина дороже всякихъ предположеній, особенно направленныхъ къ злостнымъ выводамъ. **Аскалонъ Труворовъ.**

1. Отъ архіатера Ивана Блументроста.

Всемилостивѣйшая Государыня Царица. Вашему Величеству всенижайше доношу: Его Высочество Государь Царевичъ, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи, и глазку Его Высочества есть полегче; такожъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. И изволилъ нынѣ далѣе пальчиками щупать; знатно, что к коренные хотятъ выходить.

Вашего Величества всенижайшій рабъ Иванъ Блументростъ.

Іюля въ 14 д. 1718.

2. Отъ маіора гвардіи Александра Ивановича Румянцова.

Всемилостивѣйшая Государыня Царица.

Вашему Величеству всенижайшее симъ моимъ покорнѣйшимъ доношу. Нечаянная, Государыня, учинилась притчина. На самой празникъ послѣ обѣда пріѣхали отъ генерала князя Голицына зъ генераломъ-маэоромъ Лессіемъ и зъ другими аѳицерами. Поѣхали мы къ граѳу Дукласу [1]), и послѣ пріѣхалъ тутъ генералъ-гевалдигеръ Епиѳановъ. Генералъ-маэоръ Лессій зачелъ пить здоровье гвардіи. Дукласъ сказалъ, что есть-де и въ гвардіи грѣшные, и въ другихъ службахъ Его Величества есть вѣрные. Я ему сталъ говорить: здѣсь отъ гвардіи капитанъ полковникъ Щербатой [2]), и тотъ Епиѳановъ порутчикъ отъ гвардіи. А были, Государыня, всѣ шумны и силны. И Епиѳановъ ему говорилъ: для чего ты, туракъ, говоришь про гвардію? Дукласъ ему говорилъ, чтобъ онъ ево другой разъ туракомъ не называлъ. И онъ ему сказалъ: ты-де плутъ, и бранилъ ево непотребною бранью. Дукласа мы не видали, какъ онъ пошелъ въ конторту (sic) и пришелъ съ тростью, и спрашивалъ: хто меня здѣсь бранилъ? И онъ Епиѳановъ отвѣтствовалъ ему, что я-де тебя и таперь такъ называю. А мы говорили на тотъ часъ съ Лессіемъ. И онъ Дукласъ ударилъ ево тростью. Епиѳановъ у него трость отнелъ и бросился къ нему; а другой вынелъ шпагу и закололъ въ ногу. И не былъ двухъ минутъ живъ. Могу, Государыня, подъ присягою сказать, какъ передъ Богомъ: аѳицеры всѣ дали писма подъ присягою, что сталось сіе безо всякого умыслу и ссоры. Далѣй же сіе оставляю въ Вашего Величества милосердое разсужденіе и милостивое предстателство до Его Величества нашего Всемилостивѣйшаго Государя.

Вашего Величества нижайшій рабъ Александръ Румянцовъ.

Абоу. Апрѣля 20.

3. Письмо изъ Берлина отъ А. Г. Головкина.

Всемилостивѣйшая Государыня Царица.

Вашего Царскаго Величества всемилостивѣйшій указъ изъ Санктъпетербурга, отъ 21 Августа, получилъ я со всеподданнѣйшимъ респектомъ отъ господина камеръ-юнкера Толстого, и изъ онаго съ

---

[1]) Вѣроятно родственникъ того Дугласа, что позднѣе былъ губернаторомъ въ Ревелѣ: на тамошнемъ Вышгородѣ есть Дукласова улица. П. Б.

[2]) Не князь ли Николай Петровичъ, предокъ граѳини А. Д. Блудовой, о которомъ разсказано въ ея Воспоминаніяхъ (см. выше, стр. 68 и слѣд.)? П. Б.

раболѣпною благодарностію усмотрѣлъ я Вашего Царского Величества къ себѣ высочайшую милость въ извѣстіи о благополучномъ разрѣшеніи Вашего Величества Царского бремяни, и о дарованіи Богомъ Вашимъ Царскимъ Величествамъ принцесы государыни царевны Наталіи Петровны, чѣмъ я Вашему Величеству всенижайше поздравить смѣлость пріемлю, желая, дабы Богъ Всемогущій, какъ въ началѣ Его Царское Высочество Государя Царевича Петра Петровича, такъ и весь Царскій домъ, нынѣ сею новою отраслью украшенной, на безщетныя лѣта къ Высочайшему Вашихъ Величествъ удоволству и къ благу всего государства во здравіи и саможелаемыхъ высокихъ благополучіяхъ соблюдать благоволилъ.

При семъ же всеподданнѣйше доношу, что присланного отъ Вашихъ Царскихъ Величествъ къ ихъ королевскимъ величествамъ съ подарками господина камеръ-юнкера Толстова представилъ я; и ихъ величества оные подарки приняли не токмо съ великою благодарностію, но и съ великимъ любопытствомъ. А наипаче ея королевское величество увеселялася всѣмъ, особливо же обоями Китайскими съ золотомъ и одѣялами Китайскими, для того что такія вещи въ здѣшнихъ краяхъ впервыя виданы. И могу Вашему Царскому Величеству всеподданнѣйше донесть, что нѣтъ той знатной персоны при здѣшнемъ дворѣ, которыхъ бы ея королевское величество съ радости на показъ тѣхъ презентовъ не призывала, которые отъ всѣхъ прямыми Царскими презентами имянуемы были, такъ за высокую цѣну, какъ и за раритетъ.

Къ тому же еще Вашему Царскому Величеству всепокорно доношу, что я предъ нѣсколкими днями отправилъ съ господиномъ Мещерскимъ, отсюда въ Санктъпетербургъ возвращающимся, ящикъ съ платьемъ Вашего Царского Величества, присланной ко мнѣ отъ господина барона Шлейнца изъ Парижа.

Впрочемъ всепокорно рабски вручаю себя въ продолженіе Вашего Царскаго Величества Высочайшей ко мнѣ милости и протекціи, и со всеподданнѣйшимъ респектомъ пребываю

Вашего Царского Величества всенижайшій рабъ А. Головкинъ.

Изъ Берлина, 18 Октября 1718 *).

4. Отъ князя Григорія Ѳедоровича Долгорукова.

Премилостивая Великая Государыня Царица Екатерина Алексѣевна.

Вашего Величества ко мнѣ отправленное изъ Санктъпетербурга высокомилостивое писаніе, отъ 10 Іюля, я здѣсь чрезъ почту всепод-

*) Черезъ четыре мѣсяца послѣ гибели царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

даннѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что Ваше Величество не токмо ко мнѣ недостойному и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою великую милость не по заслугѣ простирать изволите, (но) и быть оной нещастливой при мнѣ соизволяете *). За которую милость на вѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторително симъ моимъ дерзновенно трудить Ваше Величество; токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость Ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостью не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась, и отъ немилости и мученія безсовѣстного мужа своего защищалась. Къ тому жъ усилно принуждаетъ меня натуралная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы и на тиранскія раны и увѣчье нещастливой моей дочери, которую безсовѣстной мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людемъ своимъ ругать велѣлъ, и голодомъ морилъ, чего не токмо законной женѣ, и послѣдней сиротѣ было снесть того нельзя, котораго тиранства и описать невозможно. Но оная, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще его сердце къ себѣ ожесточила, что, чаю, Вашему Величеству извѣстно, какъ въ Митавѣ тирански оную на смерть билъ, и за мертвую кинулъ, и совсѣмъ ограбилъ. А притчины никакой не открылъ, токмо напоминалъ, для чего Вашему Величеству о своемъ нещастіи доносила, и отъ него прочь не идетъ; что тѣми барбарскими поступками не токмо Курляндію и Полшу наслушилъ и, взявъ вмѣсто жены своей женку, кою противу закона излюбилъ . . . . . збургъ отъѣхалъ. И ежели бы милостивая государыня царевна Анна Іоанновна не показала своей высокой милости и не приказала бы оную во дворъ свой взять, и смертныя кровавыя раны осмотрѣть и своему дохтуру лечить, то бъ давно совсѣмъ исчезла. А потому, увѣдавъ, что еще оная въ живыхъ обрѣтаетца, то приказалъ (я) людемъ своимъ къ себѣ оную избитую везть, которая зъ дороги изъ Риги, едва жива, ко мнѣ изувѣчена ушла, и тѣмъ свой бѣдной послѣдней животъ спасла.

Того ради, упадая подъ ноги, Ваше Величество слезно прошу сотворить со мною высокую свою милость, дабы нещастливую сирую дочь мою, на прежнее мученіе и убивство и мнѣ на поруганіе и бесчестіе, къ безсовѣстному мужу ея не отдавать. А чтó оная принесла

---

*) Въ Россійской Родословной Книгѣ" (Спб. 1854, II, 90) у князя Григорія Ѳедоровича Долгорукова (нашего посла въ Польшѣ) показана одна дочь княжна Александра Григорьевна, за В. Ѳ. Салтыковымъ. Въ 1739 году (когда постигла князей Долгорукихъ. тяжкая кара) она пострижена въ Нижегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Супругъ ея, д. т. сов. Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ—родной братъ царицы Прасковьи Ѳедоровны. П. Б.

за собою въ приданыя, не токмо то ея сущее возвратить, но изъ его недвижимаго, за ея напрасное мученіе и терпѣніе, для оной пропитанія, милостиво приказать наградить, чтобъ оная, въ вѣчныхъ своихъ слезахъ, голодомъ не умерла: понеже мужъ ея не токмо оную всю ограбилъ, и щастіе, радость, здоровье, но и честь отъ оной безвинно на вѣки отнялъ, и сдѣлалъ не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты. О чемъ я рабски чрезъ свою нижайшую суплику и у Его Царского Величества слезно милости просилъ, въ чемъ на высокую Вашего Величества милость имѣю, какъ на Бога, надежду, что, по своему ко всѣмъ сирымъ милосердію, бѣдственную дочь мою въ высокой своей милости, для рабского слезного прошенія, оставить не изволите.

Вашего Величества нижайшій рабъ к. Григорей Долгоруковъ.

5. Отъ княгини Марьи Өедоровны Голицыной.

Всемилостивѣйшая Государыня Царица Екатерина Алексѣевна.

Минувшаго Маія 8 числа писалъ ко мнѣ кабинетъ секретарь Макаровъ указомъ Вашего Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни, въ которомъ писмѣ объявляетъ Высочайшую вашу ко мнѣ милость, что по высокой своей милости соизволили упоменуть прежде показанныя службы мужа моего до Его Величества, Всемилостивѣйшаго нашего Государя, изволите имѣть попеченіе о внукѣ моей княжнѣ Черкаской *), дабы ее отдать въ супружество, съ воли Вашего Величества, за графа Платона Мусина-Пушкина. О чемъ въ великой зостаю (sic) радости, что незабвенны службы мужа моего предъ Вашимъ Величествомъ, и въ ономъ отдаю въ Высочайшую волю Вашего Величества, Всемилостивѣйшей нашей Государыни, уповая, что въ милости Вашей оставлена не будетъ.

Вашего Величества всенижайшая раба

княгиня Марья Голицына.

Зъ Москвы, 2 д. Іюня 1720 г.

(Сообщено А. Н. Труворовымъ).

---

*) Это была княжна Марөа Петровна, вышедшая за графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Пишетъ же это письмо бабка ея, княгиня Марья Өедоровна, урожденная княжна Хворостинина, вдова князя Бориса Алексѣевича Голицына, который былъ воспитателемъ Петра Великаго. П. Б.

ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ АСТРАХАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. А. БЕКЕТОВУ.

Господинъ губернаторъ Бекетовъ.

Извѣстно, что въ Астраханѣ множество родовъ и разными цвѣтами утокъ дикихъ находится; а къ намъ въ Россію давно уже зачали привозить изъ за моря перяные мѣха, которые набираются съ зоба утячьяго. Вы, будучи на мѣстѣ, пріучите охотниковъ такіе же дѣлать. Сіе не только раскупать будутъ у насъ въ Россіи, но и за море излишнее отпускать будетъ можно.

Екатерина.

Ноября 16 дня 1765 года. С.-Петербургъ.
Получено Декабря 24 дня 1765 года.

Письмо генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго.

Секретно.

Государь мой Михайла Михайловичъ *).

Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть мнѣ соизволила написать секретно къ управляющимъ губерніями о строжайшемъ наблюденіи, дабы должное къ почтамъ довѣріе не токмо сохраняемо, но и далѣе распространяемо было и, въ слѣдствіе того, чтобъ никакая власть или начальство, или кто бы то ни былъ, не дерзали открывать писемъ на почтахъ, пересылаемыхъ внутри Имперіи, или же ихъ удерживать. Объявя о таковомъ Высочайшемъ Ея Величества соизволеніи, пребываю въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ всегда вашъ государя моего покорнѣйшій слуга князь Александръ Вяземской.

Генваря 10 дня 1782.

(*Съ подлинниковъ оба письма сообщены В. С. Абакумовымъ*).

---

*) Лицо намъ неизвѣстное. Въ „Губернскомъ Служебникѣ“ князя Н. Н. Туркестанова мы его не нашли. Не Измайловъ ли? П. Б.

ПИСЬМО СУВОРОВА КЪ С. А. КОЛЫЧОВУ [1]).

Нижеслѣдующее письмо Суворова къ С. А. Колычову найдено въ бумагахъ графа Петра Корниловича Сухтелена и хранится въ Тамбовскомъ Историческомъ Архивѣ. *Помѣта*: 97. „Съ фельдъегеремъ Каролинымъ, 2 Ноября“.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ!

На основаніи Высочайшаго рескрипта, отъ 11 Октября послѣдовавшаго, здѣсь въ копіи включаемаго, выступаю я съ войсками въ предѣлы Россійскіе отъ 29-го числа сего мѣсяца чрезъ двѣ недѣли, или и скорѣе. Ваше превосходительство о томъ извѣщая, покорнѣйше прошу испросить отъ Вѣнскаго министерства: 1-е, дабы присланы были къ войскамъ комисары на случай перехода нашего чрезъ Богемію, Моравію, Шлезію *и Польшу*, и Галицію; 2-е, больныхъ и раненыхъ, въ Павіи *и оздѣшнихъ мѣстахъ* оставленныхъ, отправить на содержаніи Австрійскомъ, а тѣхъ, кои идти не могутъ, и подвозить на подводахъ къ Россійскимъ же предѣламъ, и купно съ ними 8 орудіевъ главной артиллеріи въ Веронѣ безъ лошадей оставленныхъ, какъ и часть полковыхъ тягостей изъ Виллаха отправить. *Равнымъ образомъ пещися и о обмѣнѣ нашихъ плѣнныхъ, коихъ простирается 4 генерала, 150 офицеровъ и до 4500 редовыхъ; всемъ числѣ при переходе горъ занеименіемъ никакихъ подводъ оставлено нами до 800, въ Цюрихе захвачено 3500, да разноместно имъ досталося 200* [2]). *И потому касательно вывоза* [3]) поручилъ я относиться къ вамъ генералъ-лейтенанту и кавалеру Тыртову, которой съ ранеными въ Павіи находится. Пребываю въ протчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Італійскій Гр. А. Суворовъ-Рымникскій.

Ноября 2-го [4]) дня, 1799 г. г. Аугсбургъ.

(*Сообщено М. Розановымъ*).

---

[1]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ въ 1799 г. отправленъ былъ имп. Павломъ въ Вѣну для наблюденія при Римско-императорскомъ дворѣ за интересами Русскихъ войскъ.

[2]) Подчеркнутыя мѣста вписаны Суворовымъ собственноручно на поляхъ письма и между строкъ, тогда какъ остальной текстъ писанъ другою рукою.

[3]) Эти слова вписаны также собственноручно Суворовымъ вмѣсто зачеркнутыхъ *и посему на случай надобности.*

[4]) Исправлено изъ: *Октября 31.*

НѢКОТОРЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ НА ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ родился въ Москвѣ 1784 года Іюля 16 дня, въ годъ и день смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сіе тѣмъ примѣчательно, что оба сіи Денисы обратили на себя вниманіе земляковъ своихъ Богъ знаетъ за какія заслуги на словесномъ поприщѣ.

Давыдовъ, какъ всѣ дѣти, съ младенчества своего оказалъ страсть къ маршированію, метанію ружьемъ и проч. Страсть сія получила высшее направленіе въ 1793 году отъ нечаяннаго вниманія къ нему графа Александра Васильевича Суворова, который, при осмотрѣ Полтавскаго легкоконнаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ родителя Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, перекрестя его, сказалъ: «ты выиграешь три сраженія» *). Маленькій повѣса бросилъ псалтырь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка.

Розга обратила его къ миру и къ ученію. Но какъ тогда учили? Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствія, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ. Тому же учился и Давыдовъ до 13-ти лѣтъ своего возраста. Тутъ пора было подумать о будущности: онъ сѣлъ на конь, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ собакъ по мхамъ и болотамъ и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе.

Между *порошами* и *брызгами*, живя въ Москвѣ безъ занятій, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ Университетскомъ Пансіонѣ. Они доставили ему случай прочитать *Аониды*, полуперіодическое собраніе стиховъ, издаваемое тогда

---

*) Стихи Языкова въ посланіи къ Д. В. Давыдову:

„Знать, Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ“.

Каковы бы ни были отзывы о славномъ партизанѣ нѣкоторыхъ его современниковъ, поэтическій образъ его не умретъ въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ. По отцу своему Давыдовъ былъ происхожденія Татаро-Крымскаго, а по матери происходилъ отъ одного изъ Екатерининскихъ намѣстниковъ, Евдокима Алексѣевича Щербинина. П. Б.

Н. М. Карамзинымъ. Имена знакомыхъ людей, напечатанныя подъ нѣкоторыми стансами и пѣсенками, помѣщенными въ *Аонидахъ*, зажгли его честолюбіе: онъ сталъ писать; мысли толпились, но какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Отъ нетерпѣнія своего онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья. Но не тутъ-то было! Тогда онъ обратился къ переводамъ, и вотъ первый опытъ его стихосложенія:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою Овечку,
Грустила и Эху говорила
Свою печаль, что̀ Эхо повторило:
О, милая Овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить.

Въ началѣ 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову въ руки 400 рублей ассигнаціями и отправили его въ Петербургъ на службу. Малый ростъ препятствовалъ ему вступить въ кавалергардской полкъ безъ затрудненія. Наконецъ, привязали недоросля за шею къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и треугольною шляпою.

Таковымъ чудовищемъ спѣшилъ онъ къ двоюродному своему брату, А. М. К.....му *), чтобы порадовать его своею радостію; но увы, какой пріемъ! Вмѣсто поздравленія, вмѣсто взаимныхъ съ нимъ восторговъ, сей отличный человѣкъ осыпалъ его язвительными насмѣшками и упреками за вступленіе на службу неучемъ. «Что̀ за солдатъ, братъ Денисъ», заключилъ онъ поразительный монологъ свой: «что̀ за солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ! А какъ тебѣ снести званіе сіе, когда ты не знаешь ничего того, что̀ необходимо знать штабъ-офицеру?» Самолюбіе Давыдова было скорбно тронуто, и съ того времени, гонимый словами К.....ва, какъ грозными призраками, онъ не токмо обратился къ военнымъ книгамъ, но такъ пристрастился къ нимъ, что не имѣлъ уже нужды въ пугалищахъ, чтобы заниматься чтеніемъ.

Между тѣмъ онъ не оставлялъ и бесѣды съ Музами, призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ и въ казармы, и въ госпиталь, и даже въ эскадронную конюшню. Часто на нарахъ солдатскихъ, на

*) Извѣстному генералу Каховскому. П. Б.

столикѣ больнаго, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, онъ писывалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ онъ ограниченное словесное поприще свое.

Въ 1804 году судьба, управляющая людьми, и люди, направляющіе ея ударами, принудили повѣсу нашего выдти въ Бѣлорусской гусарской полкъ, расположенный тогда Кіевской губерніи въ окрестностяхъ *Звенигородки*. Двадцатилѣтній гусарской ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, *натянулся* и пустился плясать мазурки съ Полячками.

Въ сіе бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, и сочинилъ извѣстный *Призывъ на пуншъ* Б....ву *), который читать *не могъ* отъ того, что самъ писалъ *мыслете*.

Въ 1806 году, бывъ переведенъ въ лейбъ-гусарской полкъ поручикомъ, Давыдовъ явился въ Петербургъ. Вскорѣ загорѣлась война съ Франціею, и князь Багратіонъ избралъ его въ свои адъютанты. Давыдовъ поскакалъ въ армію, прискакалъ въ авангардъ, бросился въ сѣчу, попался въ плѣнъ и былъ спасенъ казаками.

По заключеніи мира онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ написалъ *Договоры*, *Мудрость* и нѣсколько другихъ стихотвореній.

Зимою 1808 года объявлена война Швеціи. Давыдовъ является въ армію, ждетъ обѣщаннаго приступа *Свеабургу* и, узнавъ о начатіи переговоровъ для сдачи сей крѣпости, спѣшитъ къ Кульневу на Сѣверъ, идетъ съ нимъ до окрестностей *Улеабурга*, занимаетъ съ командою казаковъ островъ *Карлое* и, возвратясь къ авангарду, отступаетъ по льду Ботническаго залива до с. *Пигаіоковъ*, а оттуда до *Гамле-Карлеби*. При с. *Химанго*, въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, онъ перевелъ Делилеву басню *La Rose et l'Étourneau*.

Въ теченіе сей кампаніи Давыдовъ неотлучно находился при авангардѣ Кульнева въ сѣверной Финляндіи, съ нимъ былъ при завоеваніи Аландскихъ острововъ, съ нимъ разставлялъ пикеты, наблюдалъ за непріятелемъ, раздѣлялъ суровую его пищу и спалъ на соломѣ подъ крышею неба.

*) Алексѣю Петровичу Бурцову, про котораго князь Вяземскій когда-то писалъ: „О Бурцовъ, Бурцовъ, честь гусаровъ, по сердцу Вакха человѣкъ". А. П. Бурцовъ (старшій сынъ городничаго города Липецка, Петра Тимоѳеевича Бурцова, который пользовался вниманіемъ Державина въ бытность его Тамбовскимъ губернаторомъ и про котораго поминаетъ Жихаревъ въ своемъ „Дневникѣ студента") скончался въ 1813 году въ Брестъ-Литовскѣ. Преданіе разсказываетъ, что однажды въѣхалъ онъ на конѣ въ жилые покои своихъ родителей съ требованіемъ денегъ. У роднаго племянника его М. И. Бартенева случилось намъ видѣть нѣсколько писемъ къ нему князя Багратіона. П. Б.

Лѣтомъ 1809 года князь Багратіонъ назначенъ былъ главнокомандующимъ Задунайскою арміею. Давыдовъ находился при семъ блистательномъ полководцѣ во всѣхъ сраженіяхъ того года.

1810 года князь Багратіонъ отрывается отъ арміи, графъ Каменской заступаетъ его мѣсто, и Давыдова приписываютъ снова къ авангарду Кульнева. Въ поучительной школѣ сего отличнаго воина, онъ, такъ-сказать, кончаетъ курсъ аванпостной службы, начатый въ Финляндіи, и познаетъ цѣну Спартанской жизни, необходимой для всякаго того, кто рѣшился нести службу, а не играть со службою.

Возвратясь послѣ Рущукскаго приступа къ генералу своему, Давыдовъ находился при немъ въ *Житомирѣ* и *Луцкѣ* безъ дѣйствія, если исключимъ курьерскія поѣздки и бесѣды съ соимяннымъ ему покорителемъ Индіи *).

Начинается отечественная война. Давыдовъ поступаетъ въ Ахтырской гусарской полкъ, командуетъ 1-мъ баталіономъ онаго до Бородина, первый подаетъ мысль о выгодѣ партизанскаго дѣйствія, отправляется съ горстью казаковъ (130-ю человѣками) въ тылъ непріятеля, дѣйствуетъ съ оными 10 дней и, усиленный шестью стами новыми казаками, сражается нѣсколько разъ въ окрестностяхъ и подъ стѣнами *Вязьмы*, раздѣляетъ славу графа Орлова-Денисова, Фигнера и Сеславина подъ *Ляховымъ*, разбиваетъ трехтысячное кавалерійское депо подъ *Копысомъ*, разсѣеваетъ непріятеля подъ *Бѣлыничами* и продолжаетъ веселые и залетные свои поиски до береговъ Нѣмена. Подъ *Гродною* нападаетъ онъ на четырехтысячный отрядъ Фрейлиха, составленный изъ Венгерцовъ. Давыдовъ въ душѣ гусаръ и любитель природнаго ихъ напитка; за стукомъ саблей застучали стаканы—и городъ нашъ!!!

Тутъ Фортуна обращается къ нему затылкомъ. Давыдовъ предстаетъ предъ лице генерала Винценгероде и поступаетъ подъ его начальство; съ нимъ пресмыкается онъ чрезъ Польшу, Силезію и вступаетъ въ Саксонію. Не стало терпѣнья! Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину города Дрездена, защищеннаго корпусомъ маршала Давуста. За таковую дерзость онъ лишенъ былъ команды и сосланъ въ главную квартиру.

Справедливость Царя-Покровителя была щитомъ безпокровнаго: Давыдовъ снова является на похищенное у него поприще, на коемъ продолжаетъ дѣйствовать до береговъ Рейна.

Во Франціи командуетъ онъ, въ арміи Блюхера, Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ. Послѣ *Краонскаго* сраженія, въ коемъ всѣ генералы 2-й гусарской дивизіи (что̀ нынѣ 3-я) были убиты или ранены,

---

*) Бахусомъ, или Вакхомъ, иначе Діонисіемъ. *Прим. авт.*

онъ управляетъ двое сутокъ всею дивизіею, а потомъ принимаетъ въ начальство свое бригаду, составленную изъ гусарскихъ полковъ Ахтырскаго и Бѣлорусскаго. Съ ними онъ проходитъ чрезъ Парижъ.

1814 года Давыдовъ возвращается изъ Парижа въ Москву, гдѣ занимается словесностію и сочиняетъ всѣ извѣстныя его элегіи.

Въ послѣдствіи занималъ онъ разныя мѣста въ арміи. Нынѣ проводитъ дни въ уединеніи, наслаждаясь семейственнымъ благополучіемъ.

Давыдовъ немного писалъ, еще менѣе печаталъ. Онъ, по обстоятельствамъ, изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые должны довольствоваться карманною славою. Карманная слава, какъ карманные часы, можетъ пуститься въ обращеніе, миновавъ строгость казенныхъ дозорщиковъ. Запрещенный товаръ также какъ и запрещенный плодъ: цѣна его удвоивается отъ запрещенія. Сколько *столовыхъ часовъ* подъ свинцомъ Тимковскаго *) стоитъ въ лавкѣ! На вопросъ: долго ли имъ стоять? отвѣчаютъ они: вѣчность!

Общество любителей Россійскаго слова, учрежденное при Московскомъ университетѣ, удостоило его избраніемъ въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, и онъ примкнулъ въ немъ къ толпѣ малодѣйствующихъ. Однакоже послѣднее сочиненіе его: *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія* даетъ ему право на адресъ-календарь Глазунова и на уголокъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ семъ богоугодномъ и страннопріимномъ заведеніи, куда стекаются любовники публичныхъ дѣвъ Парнаса.

—

Это—копія съ рукописи, найденной въ бумагахъ графа Павла Петровича Сухтелена. Рукопись безъ подписи и, если въ свое время она не была напечатана, то, очевидно, принадлежала къ категоріи такихъ произведеній, которыя ходили по рукахъ въ рукописныхъ снимкахъ.

(Сообщено **М. Розановымъ**).

*

Хотя это начало автобіографіи славнаго партизана давно извѣстно въ печати и помѣщено въ собраніи его сочиненій, но въ немъ есть нѣкоторыя добавки и перемѣны противъ печатнаго текста. По всему вѣроятію рукопись сообщена графу Сухтелену, въ бумагахъ котораго она найдена, самимъ Д. В. Давыдовымъ († 1839). П. Б.

---

*) Извѣстнаго цензора Александровскихъ временъ. П. Б.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ ОДНОЙ ДѢВИЦѢ ПЕРЕДЪ ВЫХОДОМЪ ЕЯ ВЪ ЗАМУЖЕСТВО.

Je suis bien occupée de vous, ma bonne Sophie. J'ai bien prié Dieu pour vous que votre avenir soit calme et tranquille. Si même vous ne trouviez pas un bonheur brillant, il dépend tout de vous-même d'être heureuse. Croyez moi, si on est une fois en paix avec soi-même, si une fois une résolution est prise, alors on marchera droit son chemin. Faire le bonheur *des autres* est toujours la vocation de la femme, et c'est une belle et grande vocation et le but de notre existence ici-bas. Pas d'égoïsme, pas de désirs ambitieux, pas de sécheresse dans l'âme, au nom du Ciel! Mais remplissez votre coeur de doux sentimens, vivez pour mari et enfans, et vous verrez, que la vie ne vous sera pas difficile, qu'elle vous offrira encore des fleurs et que vous serez un jour heureuse.

Toujours votre
Alexandra.

Переводъ.

Я много думаю о васъ, моя добрая Софья. Я много молилась Богу, чтобы ваша будущность была тиха и спокойна. Если даже положеніе ваше окажется не блестящимъ, все-таки отъ васъ зависитъ быть счастливой. Повѣрьте мнѣ: коль скоро находишься въ мирѣ съ собою и примешь рѣшеніе безповоротное, то и пойдешь прямымъ путемъ. Всегдашнее призваніе женщины есть составлять счастіе другихъ, и призваніе это прекрасное и великое. Оно—наша цѣль здѣсь на землѣ. Ради Бога, чтобы не было эгоизма, честолюбивыхъ желаній, сердечной сухости! Питайте сердце свое чувствами кроткими, живите для мужа и дѣтей, и вы увидите, что жизнь не будетъ вамъ трудна, что она еще дастъ вамъ удовольствія и что напослѣдокъ вы будете счастливы. Всегда ваша Александра.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ.

29-го Іюня 1848.

Je finis ce journal, et par un singulier hasard je termine aussi ma vie de jeune fille. Elle a été bien belle, cette vie, et bien heureuse. Je n'ai pas connu le chagrin, et Dieu et ceux qui m'aiment m'ont aidé a rassembler les germes nécessaires pour mon avenir. Il s'ouvre maintenant devant moi comme l'aurore d'un beau jour. Puissent les nuages qui le couvriront, se dissiper jusqu'au soir, et puisse le soir de ma vie ressembler à son aurore! Dieu me soit en aide!

Переводъ. Кончаю этотъ дневникъ, и странно, что въ тоже время оканчиваю и мое дѣвическое существованіе. Это молодое существованіе было очень прекрасно и очень счастливо. Я не знала горя. Богъ и любящіе меня люди помогли мнѣ запастись нужнымъ для моей будущности. Она раскрывается теперь передо мною, какъ заря прекраснаго дня. Облака, которыми она обложится, пусть разсѣются прежде вечера, и вечеръ жизни моей да будетъ похожъ на его зарю! Господи, помогай мнѣ!

*

Эти строки занимаютъ собою послѣднюю страницу въ своеручномъ дневникѣ Великой Княжны Александры Николаевны. Онѣ писаны ею ровно за тринадцать мѣсяцевъ до ея кончины. Выписавъ ихъ на листокъ траурной бумаги, покойный графъ Ѳ. П. Литке (женатый на ея воспитательницѣ) прибавилъ: „De même que ce papier blanc comme la neige, qui reproduit ces expressions, qui respirent la félicité d'un premier amour, est entouré d'une bordure noire, le sort traçait déjà autour de cette vie pleine de charmes un cercle noir, duquel notre sainte ne devait sortir que pour retourner à son Créateur“ *).

---

*) Бѣлоснѣжная бумага, на которой написаны эти слова, дышащія блаженствомъ первой любви, окружена черною каймою. Какъ бы въ соотвѣтствіе тому, судьба уже обводила эту полную прелести жизнь чернымъ кругомъ, выходъ изъ котораго для нашей святой долженствовалъ быть не иной какъ возвращеніе къ ея Творцу.

Третья дочь Николая Павловича и Александры Θеодоровны, великая княжна Александра Николаевна родилась 12 Іюня 1825 года и съ 28 Января 1844 года была въ замужествѣ за недавно скончавшимся принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Кассельскимъ, роднымъ дядею нашей Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, въ то время генералъ-маіоромъ Датской службы. Прекрасной Русской царевнѣ предстояло быть королевой Датскою, и для нея въ Даніи, какъ ходили слухи, уже строился дворецъ; но какъ извѣстно, она скончалась 29 Іюля 1844 года, разрѣшившись отъ бремени сыномъ, который жилъ нѣсколько часовъ.

Александра Николаевна была существо необыкновенное. Къ ней могутъ быть отнесены стихи Хомякова:

Лишь земли коснулась
И отъ земли ужъ отвернулась
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

Память ея осталась святынею для нашего царскаго семейства, и ея утрата была великимъ событіемъ въ жизни Николая Павловича: послѣ нея онъ значительно перемѣнился характеромъ, что имѣло значительное вліяніе и на его правленіе. Даже и въ дѣлахъ общей политики кончина Александры Николаевны имѣла значеніе: будь она Датской королевою, конечно хищному сосѣду не удалось бы такъ ограбить Данію. Читатели „Русскаго Архива“ (1868, стр. 107) помнятъ прекрасное Русское письмо ея къ В. А. Жуковскому. Кстати здѣсь замѣтить, что извѣстные стихи сего послѣдняго „съ полудороги прилетѣлъ ты“ писаны не къ ней, какъ обыкновенно печатается, а на выздоровленіе старшей сестры ея, нынѣ королевы Виртембергской Ольги Николаевны.

За сообщеніе этихъ трогательныхъ заключительныхъ строкъ ея дѣвическаго дневника, сохранившихся въ спискѣ между бумагами покойнаго президента Академіи Наукъ графа Θ. П. Литке, обязаны мы благодарностью его родственнику Θедору Адольфовичу Оому. П. Б.

Князь Иванъ Варшавскій

Графъ Паскевичъ Эриванскій

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ПАСКЕВИЧА.

Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань...

Пушкинъ.

Знаменитый князь Паскевичъ, другъ императора Николая Павловича редметъ ожесточенной вражды нѣкоторыхъ военачальниковъ и въ тоже время имѣвшій горячихъ приверженцевъ, обожаемый солдатами, которые иначе его не звали какъ нашъ Иванъ Ѳедоровичъ и сложили о немъ пѣсни, до сихъ поръ распѣваемыя, человѣкъ, прославившій Русское имя въ цѣломъ мірѣ, оставилъ записки о своей жизни. Къ сожалѣнію, записки эти кратки и отрывочны. Заняться подробнымъ изложеніемъ своего историческаго поприща онъ, очевидно, не имѣлъ времени, хотя по своему уму и образованости былъ вполнѣ къ тому способенъ: воинская и государственная дѣятельность поглощала его досуги.

Записки князя Паскевича или, вѣрнѣе, выдержки изъ нихъ помѣщены въ первомъ томѣ обширной его біографіи, сочиненіи князя А. П. Щербатова (Спб. 1888, б. 8-ка, 396 и 139 стр. съ большимъ атласомъ). Авторъ проститъ намъ наше заимствованіе. Мы беремъ только черты общедоступныя, не касаясь подробоснтей военной части.

Князь И. Ѳ. Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій род. въ Полтавѣ 8 Мая 1782 года отъ тамошняго зажиточнаго землевладѣльца Ѳедора Григорьевича и Анны Осиповны Карабановской, дочери Бѣлорусскаго стариннаго дворянина, которая владѣла селомъ Щеглицами подъ Могилевымъ на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ князь Паскевичъ—по отцу Малороссіянинъ, по матери Бѣлоруссъ. Служившій при немъ впослѣдствіи, Варшавскій военный губернаторъ С. П. Шиповъ неоднократно передавалъ намъ со словъ самого князя Паскевича, что крестнымъ отцемъ фельдмаршара былъ Могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій, извѣстный поборникъ православія, всю жизнь вопіявшій и дѣйствовавшій противъ Польскаго изувѣрства. Бѣлорусскій край лишь за десять лѣтъ до рожденія князя Паскевича присоединенъ къ Россіи. И въ Могилевской, и въ Полтавской деревняхъ будущій князь Варшавскій могъ наслышаться живыхъ преданій о томъ, что̀ творилось надъ православнымъ населеніемъ, какъ нельзя было помолиться въ нашей церкви безъ установленной платы арендатору-Еврею, какъ въ Польскихъ помѣстьяхъ высилась постоянная висилица для удоб-

ства вѣшать провинившихся хлоповъ. И такъ, первый изъ приведенныхъ выше стиховъ Пушкина знаменателенъ, и очень можетъ быть, что поэтъ слышалъ объ этихъ воспоминаніяхъ отъ самого Паскевича, который, какъ извѣстно, отвелъ Пушкину особое помѣщеніе у себя въ 1829 году въ Арзрумѣ и конечно бесѣдовалъ съ нимъ часто, умѣя восхищаться его дарованіями и цѣнить необыкновенный его умъ.

Князь Паскевичъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ еще при Екатеринѣ Великой. Ему рано сдѣлались близки дворъ и высшее общество, въ которомъ выдающееся положеніе занимали его земляки: князь Безбородко, графы Разумовскіе, графъ Завадовскій и др. Первые шаги его на жизненномъ пути совершались подъ впечатлѣніями Русской славы, и сознаніе Русскаго государственнаго достоинства укоренилось въ немъ на всю жизнь. Что-то величаво-Екатерининское постоянно предносилось въ его помыслахъ. Онъ былъ камеръ-пажемъ, но въ тоже время имѣлъ домашнимъ учителемъ извѣстнаго впослѣдствіи переводчика Греческихъ писателей И. И. Мартынова. Къ нему Паскевичъ сохранилъ до конца благодарную привязанность и по кончинѣ его (1833) выхлопоталъ его семейству значительную по тому времени пенсію (5 т. р.) съ уплатою долговъ.

Паскевичъ (какъ и кн. Воронцовъ) началъ государственную службу въ Преображенскомъ полку и уже при Павлѣ былъ флигель-адъютантомъ; но настоящая дѣятельность началась для него съ 1805 года, когда онъ назначенъ былъ состоять при старомъ, но искусномъ Екатерининскомъ генералѣ Михельсонѣ, который вскорѣ увезъ его съ собою на Турецкую войну. Тутъ была его боевая школа. Вотъ что́ между прочимъ пишетъ онъ объ этомъ своемъ наставникѣ на воинскомъ поприщѣ.

Михельсонъ объѣзжалъ войска, коихъ большая часть знала его только по слухамъ Пугачевской и Шведской войнъ. Большой конвой и необыкновенное движеніе обратили вниманіе непріятеля. Онъ открылъ огонь изъ всѣхъ орудій. Ему отвѣчали изъ батарей. И подъ безпрерывнымъ громомъ пушекъ, свистомъ ядеръ, трескомъ гранатъ и криками ура! главнокомандующій торжествовалъ пріѣздъ свой къ Измаилу. Зрѣлище такъ плѣнило не только солдатъ, но и всѣхъ подчиненныхъ, что не видѣвъ невозможно представить себѣ бодрость и веселость лицъ каждаго; а это есть первое достоинство полководца—найти ключъ къ сердцу подчиненныхъ.

Михельсонъ подъ Измаиломъ, во главѣ гусаръ, лично врубался въ непріятельскія колонны. Судьба послала въ немъ Паскевичу отличнаго учителя въ воинскомъ дѣлѣ. Было чего наслушаться отъ поимщика Пугачова. Михельсонъ, родомъ изъ бѣдныхъ Эстовъ, возвышался личною доблестью.

Въ 1807 году преемникъ Михельсона, князь Прозоровскій, во время перемирія, три раза посылалъ юношу адъютанта своего въ Константинополь для переговоровъ.

Я ѣхалъ черезъ Рущукъ, Разградъ, Шумлу, Праводы, Айдосъ и Адріанополь, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ. На пути испыталъ я всѣ непріятности; ибо на каждомъ шагу была опасность, не только отъ разбойниковъ, но и отъ самыхъ провожатыхъ, звѣрски на меня смотрѣвшихъ, какъ на непріятеля. Безпрестанною ихъ забавою было стрѣляніе пулями около меня, даже въ моей комнатѣ; а при проѣздѣ Балканскихъ горъ они вовсе бросили меня, и я одинъ проѣхалъ городъ Айдосъ и одинъ въѣхалъ въ Андріанополь.

Мѣстный губернаторъ проводилъ Паскевича съ конвоемъ въ Константинополь, въ домъ Французскаго посла Себастіани. Это было вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира, когда Франція притворно выражала желаніе помогать намъ въ сношеніяхъ съ Портою.

Я принялъ на себя—пишетъ Паскевичъ—объявить свободу нашимъ плѣннымъ. Я нашелъ ихъ на галерахъ, вмѣстѣ съ преступниками, въ оковахъ и въ самыхъ тяжкихъ работахъ, подъ страхомъ побоевъ за малѣйшую вину. Офицеры тамъ же были и носили желѣзное кольцо на ногѣ. Одинъ только капитанъ фрегата Кологривовъ былъ выпущенъ на честное слово и жилъ въ городѣ. Можно себѣ представить радость сихъ несчастныхъ, когда я имъ объявилъ, что они освобождаются. Я былъ для нихъ спасителемъ; платье мое цѣловали; благодарныя слезы, желанія всѣхъ благъ раздавались со всѣхъ сторонъ. Я роздалъ имъ всѣ мои деньги и велѣлъ при себѣ снять съ нихъ оковы. Я осмотрѣлъ ихъ жилища: мерзость и смрадъ; безъ всякой подстилки, въ запачканныхъ каютахъ, съ разбойниками, жили сіи честные невинные люди. Съ удивленіемъ спросилъ я: отъ чего такъ мало больныхъ? Они никогда не выздоравливаютъ, былъ ихъ отвѣтъ. Не помню дня въ моей жизни, который бы я провелъ въ столь горестныхъ ощущеніяхъ. Такимъ-то образомъ, думалъ я, содержатъ сіи варвары нашихъ плѣнныхъ; а мы ихъ посылаемъ въ лучшія провинціи и ставимъ по квартирамъ, гдѣ ихъ хорошо кормятъ. Почему бы и у насъ не употреблять ихъ въ работы? Случилось мнѣ слышать Турецкаго офицера, взятаго въ плѣнъ: «Я уже былъ въ плѣну у Русскихъ, говорилъ онъ; знаю, что по чину моему вы должны давать мнѣ по рублю въ день». Они считаютъ это долгомъ. А Русскій офицеръ на галерахъ, на каторгѣ, съ кольцомъ на ногѣ!

Въ памяти моей остался случай, который не могъ не внушить презрѣніе къ Себастіани. Приходитъ ко мнѣ Греческій митрополитъ и проситъ чтобы я, по дружбѣ съ Себастіани, уговорилъ его приказать освободить съ галеръ одного Грека, посаженнаго Турецкимъ правительствомъ по требованію Себастіани. За это ходатайство, въ случаѣ успѣха, митрополитъ обѣщалъ мнѣ тысячу червонцевъ.

Въ первый разъ въ жизни слышалъ я такое предложеніе. Не воображая, чтобы оно могло быть сдѣлано безъ оскорбленія того лица, къ которому относится,—я отказалъ митрополиту съ негодованіемъ, но, при случаѣ, разсказалъ все Себастіани. Онъ выслушалъ меня, чему-то очень удивился и потомъ, принявъ важный видъ, сказалъ: «Этотъ Грекъ осмѣлился идти противъ великаго Наполеона, за чтò мало еще наказанъ». Слова—*идти противъ великаго Наполеона* значили, что онъ говорилъ дурно про Наполеона. Послѣ узналъ я, что такихъ исторій было много, и не одинъ богатый Грекъ долженъ былъ выкупиться отъ галеръ за вымышленную приверженность къ Русскимъ и Англичанамъ или за оскорбленіе словами Наполеона. Говорили даже, что Себастіани подобными средствами нажилъ большія деньги.

Въ командованіе престарѣлаго князя Прозоровскаго Дунайскою арміею имѣлъ большое значеніе будущій его замѣститель М. Л. Кутузовъ, который въ 1809 году устроилъ отправленіе въ Константинополь своего зятя Хитрово.

«Вообрази себѣ—сказалъ князь Прозоровскій Паскевичу—чтò этотъ Хитровъ надѣлалъ! Онъ, доѣхавъ до Рымника, былъ опрокинутъ, ушибъ будто себѣ руку и, не дожидаясь моего повелѣнія, послалъ въ Константинополь съ депешами корнета Бока *). Я вовсе не знаю корнета Бока и не могу ему повѣрить дѣло, отъ котораго зависитъ миръ или война. Я на тебя надѣюсь: ты самыя трудныя порученія мои исполнялъ въ точности. Пожалуста поѣзжай, догони Бока, возми у него депеши и кредитивъ Французскому правительству. Возьми сколько нужно денегъ, возми кредитивъ къ тамошнимъ банкирамъ, только догони Бока, отдай депеши и доставь ко мнѣ точный отвѣтъ. Если нужно будетъ возьми какой-нибудь нейтральный корабль и пріѣзжай. Богъ да будетъ твоимъ путеводителемъ».

Приключеніями и опасностями сопровождались эти поѣздки по Турціи и Черному морю, подробности которыхъ изложены въ книгѣ князя А. П. Щербатова. Близкое участіе въ военныхъ дѣлахъ и наглядное знакомство съ происками опытныхъ честолюбцевъ, въ числѣ которыхъ является главнымъ будущій князь Смоленскій, имѣли для молодаго Паскевича большое образовательное значеніе. Чего тутъ не насмотрѣлся и чему не научился умный и даровитый полковникъ. Пылкая ревность къ дѣлу и умѣнье быстро исполнять самыя сложныя порученія выдвигали его впередъ.

Вотъ какъ описываетъ онъ свое участіе въ штурмѣ Браиловской крѣпости, въ ночь съ 19 на 20 Апрѣля 1809 года.

---

*) Вѣроятно того самаго, чтò послѣ объявленъ былъ сумашедшимъ. См. Русскій Архивъ 1886, II, 112.

Въ два часа ракета поднялась, и колонны тронулись. Я былъ въ головѣ 3-й колонны, за лѣстницами, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ. Мы пошли скорымъ шагомъ, прошли выжженный форштадтъ, и охотники закричали ура! За лѣстницами и мы спустились въ глубокую яму, которую приняли за ровъ крѣпости. Увидя однако ошибку, мы тотчасъ выскочили и побѣжали впередъ, но тутъ были встрѣчены сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Несмотря на то, мы добѣжали до рва, и колонна бросилась спускаться. Я стоялъ на гласисѣ и подъ истинно-адскимъ огнемъ торопилъ людей. Уже часть колонны была во рву; я нагнулся, чтобы соскочить самому, какъ въ эту минуту почувствовалъ ударъ въ голову и упалъ безъ памяти. Черезъ нѣсколько времени, какъ будто отъ сна пробужденный сильною болью въ головѣ, увидѣлъ я, что разсвѣло; но сильный огонь въ крѣпости еще не умолкъ. Я поползъ по рву. Между воплей раненыхъ слышу слова: Измѣна! Лѣстницъ нѣтъ». Стонъ и жалобы заглушали крики. Раненые солдаты ползали по рву и прятались по-надъ стѣною отъ выстрѣловъ съ валу. Видя все это и лежа во рву, я самъ про себя разсуждалъ, что уже разсвѣло, слѣдственно мы болѣе трехъ часовъ уже во рву и не взошли еще на валъ; что огонь непріятельскій также силенъ, какъ и прежде; что лѣстницъ нѣтъ и что гласисъ и ровъ вокругъ меня усѣянъ мертвыми; стало быть, съ сей стороны вся сила непріятеля. Это побудило меня пойти и донести о томъ фельдмаршалу. Будучи слабъ, я сначала идти не могъ и поползъ; потомъ собрался съ силами и пошелъ по немногу. Встрѣтился полковникъ Орфенга, который помогъ мнѣ дойти до траншеи. Недалеко отъ батареи встрѣтился Толь, посланный отъ Кутузова для узнанія, и спрашиваетъ: «каково штурмъ идетъ?—Поди, посмотри, отвѣчалъ я; но, видя, что онъ не рѣшается идти, я сказалъ ему, на чемъ дѣло остановилось. Потомъ встрѣтилъ Кайсарова, адъютанта Кутузова, и взялъ у него казачью лошадь, на которой доѣхалъ до фельдмаршала. Фельдмаршалъ долго не вѣрилъ моимъ словамъ; многіе говорили, что я раненъ и въ помѣшательствѣ. Тутъ я посмотрѣлъ на себя и увидѣлъ, что я весь въ крови; но замѣчаніе предстоявшихъ взорвало меня, и я съ негодованіемъ сталъ говорить, что третья колонна не отбита, а истреблена; что съ сей стороны вся сила непріятеля, и нѣтъ надежды на успѣхъ и что остается одно средство: приказать колоннѣ лѣваго фланга обратить фальшивую атаку въ настоящую.

Сказавъ это, я отошелъ. Меня повезли въ лагерь, ибо вскорѣ я памяти лишился; но слова мои подѣйствовали. Фельдмаршалъ послалъ за Кутузовымъ, который былъ на батареѣ. Въ это же время пришли извѣстія отъ другихъ колоннъ, что всѣ отбиты и частью

истреблены. Фельдмаршалъ хотѣлъ самъ вести резервы, какъ пріѣхалъ Кутузовъ и, найдя фельдмаршала въ отчаяніи, уговаривалъ, чтобы не такъ безпокоился. «Видно, сказалъ онъ, что вы никогда не бывали разбиты; со мною же и не такія бѣды бывали. Я проигралъ Аустерлицкое сраженіе, да не плакалъ; обстоятельства могутъ еще поправиться».

Между тѣмъ совѣтовались и медлили, а истребленіе людей во рву продолжалось. Наконецъ, приказано отступить. Мнѣніе мое—обратить «фоссъ-атаку» въ настоящую не было исполнено, потому что у четвертой колонны не было лѣстницъ.

Въ Декабрѣ 1810 года видимъ Паскевича уже генераломъ въ Кіевѣ, гдѣ ему поручено было изъ Петербурга формировать новый Орловскій полкъ. Въ Январѣ 1812 года онъ начальникомъ 26-й пѣхотной дивизіи. Боевыя его заслуги въ этомъ роковомъ году извѣстны изъ военной исторіи. Онъ находился во второй арміи и пользовался дружескимъ расположеніемъ своего начальника князя Багратіона.

31-го Августа ожидали на поклонныхъ горахъ дать сраженіе; авангардъ стоялъ за 10 верстъ впереди. Присланы были въ авангардъ лопаты и топоры для дѣланія засѣкъ и редутовъ. Вырыты были четыре редута по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Поставили насъ для защиты этихъ редутовъ; два редута праваго фланга препоручено было мнѣ защищать. Разсмотрѣвъ наше мѣстоположеніе, я убѣдился, что всѣ сіи постройки ни къ чему; ибо пространное поле шло направо и налѣво, и непріятель, замѣтивъ сіи редуты, обошелъ бы наши фланги. Вообще можно сказать, что тогда въ моду вошли земляныя укрѣпленія; но я понимаю ихъ только для большихъ армій, гдѣ между ими большая масса можетъ маневрировать, и въ такомъ случаѣ редуты, какъ пункты удерживающіе, весьма полезны. При Бородинѣ хорошо были выбраны сіи пункты; но подобныя авангардныя укрѣпленія, со всѣхъ фланговъ открытыя, при маломъ составѣ авангарда, ни къ чему не полезны. Я говорилъ это громко при Милорадовичѣ и принцѣ Виртембергскомъ. Милорадовичъ мое мнѣніе поддержалъ, а принцъ сказалъ, что поѣдетъ и скажетъ о томъ Кутузову.

Я былъ въ авангардѣ у Милорадовича, когда рѣшено было оставить Москву. Мы были верстахъ въ двѣнадцати отъ Москвы. Велѣно было ночью отправить артилерію, а въ 8 часовъ отступить. Странное приказаніе! Я не понимаю даже, какъ артилерію отбирать и въ коръ-де-батальи, но какъ отбирать орудія отъ пѣхоты авангарда? Удивляться надо! Велѣно было отступить по дивизіямъ. Я вижу, что другія дивизіи елико возможно спѣшатъ отступить. Исполняя свой долгъ, я велъ мѣрнымъ шагомъ и въ порядкѣ. Подходя къ

Дорогомиловской заставѣ, я былъ уже только съ одною своею дивизіею, — кавалерія оставалась на мѣстахъ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ братъ мой, ротмистръ Паскевичъ, адъютантъ Милорадовича, и говоритъ: Я изъ Москвы. Знаешь-ли ты что̀ тамъ дѣлается?—Нѣтъ, отвѣчаю я.—Поѣдемъ вмѣстѣ, я тебѣ покажу.—Подъѣзжая къ Дорогомиловскому мосту, увидѣлъ я, что обозы и орудія перемѣшались и стоятъ неподвижно въ два-три ряда на мосту, а пѣхота пробирается по одиночкѣ черезъ мостъ, оставляя все.—Что̀ ты видишь на этомъ мосту, то на всѣхъ улицахъ; погонщики вошли въ дома и останутся тамъ до завтра, если ихъ не погнать, говоритъ мнѣ братъ.—Ради Бога, поѣзжай къ Милорадовичу и разскажи это положеніе и скажи ему, что я остаюсь у Дорогомиловской заставы. Ротмистръ Паскевичъ вскорѣ приводитъ Милорадовича, показываетъ ему тоже самое. Милорадовичъ въ туже минуту нашелся. Вы, Иванъ Ѳедоровичъ, оставайтесь здѣсь и защищайте заставу.—Съ чѣмъ? У меня 1.200 человѣкъ, и ни одного орудія, —развѣ вы меня этимъ самымъ жалуете комендантомъ въ Кремлѣ? Благодарю за назначеніе. Онъ разсмѣялся. «Оставайтесь здѣсь», сказалъ онъ и сейчасъ послалъ къ Мюрату Акинѳіева. Сему распоряженію обязаны мы, что половину артилеріи, большуя часть обозовъ успѣли спастись,—что̀ бы не было безъ нашей остановки. Не прошло получасу, Милорадовичъ шлетъ сказать, что я могу уже идти и что родъ перемирія сдѣланъ. Подойдя къ Дорогомиловскому мосту, я, видя невозможность пройти иначе какъ по одному, боясь растерять людей и оставить мостъ въ такомъ видѣ, велѣлъ отыскать бродъ. Нашли въ ста саженяхъ. По колѣно въ водѣ, я тутъ перешелъ съ дивизіею. Выйдя, я увидѣлъ малое возвышеніе, устроилъ свои колонны и хотѣлъ оставаться тутъ ночевать, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, но нашелъ тутъ же Московскій гарнизонъ до 1.500 человѣкъ. Какое приказаніе вамъ дано? спрашиваю я.—Никакого, отвѣчаетъ мнѣ гарнизонный генералъ.—Такъ очень радъ, говорю я, оставайтесь здѣсь, будемъ, можетъ быть, вмѣстѣ драться.—Какъ драться?—Да я беру на всякій случай позицію противъ непріятеля. Генералъ поѣхалъ къ своимъ колоннамъ и налѣво кругомъ — ушелъ. Тутъ я ночевалъ. На другой день, около 10 часовъ, перемиріе продолжается; только Себастіани послалъ сказать Милорадовичу, чтобы онъ отступилъ, отдалъ бы высоту (мною занятую). Милорадовичъ велѣлъ мнѣ оставить высоту, ибо всѣ войска уже ушли. Вообще Французы, видно, имѣли приказаніе быть какъ можно снисходительнѣе.

Еще замѣчу, что Мюратъ въѣхалъ въ Москву съ казачьимъ полкомъ до самаго Кремля. Онъ свои часы подарилъ провожавшему его полковнику казаковъ, не помню его фамилію. При проходѣ Моск-

вы уже я видѣлъ, что народъ разбилъ кабаки, и оттуда выходили пьяные, кричали и большая часть ругали насъ послѣдними словами Я удерживалъ солдатъ, чтобы они по нимъ не выстрѣлили.

Командуя 26-ю дивизіею, Паскевичъ дѣятельно участвовалъ въ смертныхъ бояхъ вѣчно-памятнаго года. Въ началѣ 1813 года императоръ Александръ Павловичъ назначилъ его блокировать Модлинскую крѣпость, что продолжалось до Іюня мѣсяца. Тутъ пришлось ему близко познакомиться съ Поляками и тогдашнею двусмысленною нашею относительно ихъ политикою, которая конечно ему тогда же опротивѣла. Воспоминаніе объ этой пощадливости въ ущербъ Россіи могло впослѣдствіи только усиливать его строгость къ Полякамъ. Въ исходѣ 1813 года ему поручена была вторая гренадерская дивизія.

Гренадеры, пишетъ Паскевичъ, двигаясь между Нанси и Труа взадъ и впередъ, продовольствовались кое-какъ у жителей и нерѣдко бывали голодными. Съ трудомъ добывался каждый кусокъ хлѣба; они просто изморились отъ голода.

Идутъ люди съ утра не ѣвши, да и наканунѣ досыта не ѣли, а впереди ничего не заготовлено; придутъ на мѣсто—и опять въ проголодь. Какъ тутъ не быть грабежу? Отъ такихъ же порядковъ и Французская имперія пала; потому что никто у нихъ, предпринимая движеніе, о хлѣбѣ серьезно не думалъ. По совѣсти сказать, въ войскахъ продовольствіе арміи самое трудное, и главнокомандующій, хотя бы зналъ войну и былъ геніаленъ въ тактикѣ, но если нѣтъ въ немъ пониманія и распорядка въ пропитаніи арміи, какія бы битвы ни выигрывалъ онъ—легко погубитъ и армію, и лучшія силы государства.

Паскевичъ, занявшись дивизіею и желая хотя сколько-нибудь обезпечить ея продовольствіе, выбралъ надежныхъ офицеровъ и заблаговременно, при небольшихъ командахъ, разсылалъ ихъ въ окрестные, при движеніи его колоннъ селенія и города. Посланные офицеры были снабжаемы требовательными вѣдомостями, составленными Паскевичемъ по добытымъ имъ свѣдѣніямъ о хозяйственномъ состояніи жителей. Собранный провіантъ подъ присмотромъ тѣхъ же офицеровъ свозился на впередъ назначенные пункты.

Меня заботило (справедливымъ, заранѣе составленнымъ росписаніемъ, сколько какой домъ и что̀ дать долженъ, а какой доставить подводу) устроить дѣло такъ, чтобы полки, придя на ночлегъ и дневку, находили бы все готовымъ и дрова у мѣста варокъ сложенными. Благодаря густотѣ и зажиточности населенія и совершенному его безучастію въ дѣлѣ защиты отечества, правильно устроенная реквизиція удалась Паскевичу вполнѣ. Вовсе не стѣсняясь положеніемъ, опредѣлявшимъ мясное довольствіе для войскъ только два раза въ недѣлю, Паскевичъ требовалъ, чтобы всѣ полки его дивизіи ежедневно получали по фунту мяса и по чаркѣ водки или рому на

человѣка. Въ то время это казалось небывалымъ и неслыханнымъ баловствомъ; даже Раевскій замѣтилъ ему, «что онъ, балуя, портитъ солдатъ и нищаетъ землю».—«Когда такъ, отвѣчалъ ему Паскевичъ, то знайте, что я голодныхъ солдатъ отъ грабежа удерживать не хочу и не могу; беречь непріятельскую землю дѣло хорошее, а беречь своихъ солдатъ—дѣло святое».

О первыхъ дняхъ послѣ Парижскаго сраженія въ запискахъ Паскевича сохранился слѣдующій разсказъ: «Послѣ перемирія, заночевали мы въ Бельвилѣ и принуждены были останавливать грабежъ разбредшихся стрѣлковъ разныхъ дивизій. На другой день, очень рано, я приготовился къ вступленію церемоніальнымъ маршемъ въ Парижъ. Сперва шла кавалерія, потомъ гренадерскій корпусъ, а за нимъ гвардія. Улицы были разукрашены знаменами, и нѣсколько группъ людей съ бѣлыми кокардами кричали: «Vive l'Empereur Alexandre!» Въ Елисейскихъ поляхъ мы проходили мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ, и тутъ же стала на бивакѣ гвардія, а насъ отвели ночевать въ Булонскій лѣсъ. Не успѣли мы стать, какъ пріѣзжаетъ къ намъ графъ Аракчеевъ и, ни съ кѣмъ не здороваясь, никому не кланяясь и не отвѣчая никому на поклоны, подъѣзжаетъ къ своему полку и благодаритъ его за храбрость. Полкъ этотъ наканунѣ былъ мнѣ присланъ и весь день находился подъ моей командой. Корпусный командиръ Ламбертъ прислалъ за мною. Я долженъ былъ явиться къ Аракчееву, который, взглянувъ на меня сердито, отвернулся, не сказавъ ни слова, и уѣхалъ. Мнѣ сказали, что всѣ, у кого полкъ Аракчеева бывалъ въ дѣлѣ, сейчасъ же писали объ немъ похвальбу, которую и отправляли съ нарочнымъ къ Аракчееву и фельдмаршалу, за что̀ и бывали награждаемы милостивымъ обращеніемъ сего могущественнаго временщика.—Этого, говорю я Ламберту, отъ меня онъ не дождется: по моему вчера всѣ хорошо шли, особенно же отличился не Аракчеева полкъ, а Малороссійскій. Такъ я и напишу вамъ.—Ламбертъ, какъ человѣкъ благородный, меня вполнѣ одобрилъ.

На другой день, въ Булонскомъ лѣсу, узнали мы, что будетъ большое представленіе въ театрѣ и будутъ тамъ государи. Мы послали взять двѣ ложи, и всѣ генералы нашего корпуса туда отправились. Въ театрѣ кричали: Vive l'Empereur Alexandre! Это, кажется, сердило Прусаковъ и Австрійцевъ, которые громко ворчали, повторяя: «Leichtsinnige Franzosen» *). Въ Булонскомъ лѣсу мы простояли два дня; насъ перевели потомъ въ селеніе Жюивъ, по дорогѣ къ Фонтенбло.

*) Легкомысленные Французы.

Тамъ пришло къ намъ извѣстіе объ отреченіи Наполеона и все чтò по этому случаю извѣстно. Изъ селенія Жюивъ насъ поставили въ 10-ти верстахъ отъ Парижа. Въ Парижѣ начались, какъ и въ Петербургѣ, гвардейскіе разводы, и мы изъ гренадерскаго корпуса поочередно туда ѣзжали. Въ одинъ изъ сихъ разводовъ, Государь, увидавъ меня, подозвалъ и совершенно неожиданно рекомендовалъ меня великому князю Николаю Павловичу [1]. — Познакомься, сказалъ онъ ему, съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ моей арміи, котораго я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу. Николай Павловичъ послѣ того постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы съ разложенными картами, по цѣлымъ часамъ, вдвоемъ разбирали всѣ движенія и битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Я часто у него обѣдывалъ и когда за службою не могъ у него быть, то онъ мнѣ потомъ говорилъ, что я его опечалилъ. Этому завидовали многіе и стали говорить въ шутку, что онъ въ меня влюбился. Его нельзя было не любить. Главная его черта, которой онъ меня привлекъ къ себѣ, это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича онъ любилъ, но къ серьезнымъ разговорамъ не допускалъ; да и тотъ ихъ не долюбливалъ.

Жизнь наша въ Парижѣ была такая же, какъ всѣхъ молодыхъ людей, выпущенныхъ на волю: театры и женщины, которыя тогда были къ намъ очень любезны. Насъ удивляло только, что рѣдко приглашали насъ на всякого рода офиціальныя торжества. Молодыхъ генераловъ это не только не печалило, но радовало.... больше воли. На балѣ у Талейрана Государь и Прусскій король подошли ко мнѣ, поздоровались, и Государь поздравилъ меня съ только что полученною мною Александровскою лентою. «Le général l'a bien mérité» [2], сказалъ Прусскій король. На чтò Государь, обратясь, сказалъ мнѣ по-французски: «Le cordon de l'ordre de S-t Alexandre n'est qu' une faible preuve de mon estime pour vous et vos services» [3]. Я и не подозрѣвалъ, что нахожусь въ такой милости. Передъ этимъ баломъ Николай Павловичъ, узнавъ, что мнѣ пожалована Александровская лента, попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ а привезти эту ленту. Государь ему позволилъ у меня быть; но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ. Великій князь у меня обѣдалъ и провелъ почти весь день. Я сказалъ ему, что очень бы хотѣлъ представить ему всѣхъ моихъ

---

[1]) Великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи выѣхали изъ Петербурга 5-го Февраля, но Государь дозволилъ имъ присоединиться къ арміи только въ Парижѣ.

[2]) Генералъ ее вполнѣ заслужилъ.

[3]) Орденская Александровская лента служитъ лишь слабымъ доказательствомъ моего уваженія къ вамъ и вашей службѣ.

генераловъ и полковыхъ командировъ, которыхъ рекомендовалъ наилучшимъ образомъ. Великій князь былъ съ ними отмѣнно любезенъ и прямотою своего обращенія обворожилъ ихъ. Они меня за это очень благодарили.

Во время втораго похода, въ 1815 году, Паскевичъ находился подъ начальствомъ Ермолова, и между ними уже тогда были непріятности. Насталъ миръ, и началось господство фронта и нескончаемыхъ мелочныхъ выправокъ. Наружность процвѣтала. Коноводъ свободныхъ мыслей въ Европѣ и Польшѣ сталъ допускать жестокости въ Россіи. Паскевичъ пишетъ:

Послѣ 1815 года фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, который зналъ войну, сталъ, требовать подчиняясь требованіямъ Аракчеева [1]), красоту фронта, доходящую до акробатства, и преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему уже способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ поддались этимъ требованіямъ; такъ, напримѣръ, генералъ Ротъ, командовавшій 3-й дивизіею, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши Георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились винными приставами. Армія не выиграла оттого, что, потерявъ офицеровъ, осталась съ одними экзерцирмейстерами. Я требовалъ строгую дисциплину и службу; я не потакалъ безпорядкамъ и распутству; но я не дозволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но, къ горю моему, экзерцирмейстерство все захватывало, и фельдмаршалъ Барклай-де-Толли имъ заразился.

Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха Втораго, который отъ отца своего наслѣдовалъ эту выучку. Хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ; не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что̀ лишнее и, какъ всегда случается, перенимая, еще болѣе портятъ [2]). У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность; а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что́ сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагинаетъ до земли, чтобы ров-

[1]) Нынѣ извѣстно, что Аракчеевъ былъ лишь исполнителемъ. П. Б.

[2]) Графъ С. Р. Воронцовъ (нѣкогда дѣятельный сподручникъ Румянцова-Задунайскаго), въ 1802 году утверждалъ, что Пруссія, чрезъ Нѣмцевъ нашей службы, старалась объ искаженіи воинскихъ уставовъ Петра Великаго, дабы понизить духъ нашего войска и тѣмъ ослабить Россію. П. Б.

нять носки гренадеръ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Фридрихъ II-й этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ и понималъ что̀ Фридрихъ дѣлалъ? А Барклай-де-Толли былъ тутъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда и не было, а военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью.

За одно съ пріятелемъ своимъ графомъ М. С. Воронцовымъ Паскевичъ, сколько могъ, боролся противъ Нѣмецкаго превращенія солдатъ въ машины.

*

Я командовалъ своею дивизіею, стоявшею въ Смоленскѣ, и въ это время женился въ Москвѣ на дочери почтеннѣйшаго и добрѣйшаго Алексѣя Григорьевича Грибоѣдова. Возвратясь въ Смоленскъ, я думалъ воспользоваться спокойною жизнію и позаботиться хотя нѣсколько о своихъ дѣлахъ, какъ ночью 22-го Іюля 1817 года будитъ меня фельдегерь съ высочайшимъ повелѣніемъ прибыть въ С.-Петербургъ.

Неожиданность и неизвѣстность смутила насъ. Жена плакала; но нужно было немедленно ѣхать, и я отправился. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ и заставъ дворъ въ Петергофѣ, я просилъ приказанія, куда мнѣ явиться. Въ два часа ночи пріѣзжаетъ фельдъегерь съ повелѣніемъ быть въ 6 часовъ утра въ Петергофѣ на маневрахъ. Я сѣлъ съ фельдъегеремъ въ телѣжку и явился къ Закревскому; встрѣтилъ князя Волконскаго, потомъ великихъ князей Константина Павловича и Николая Павловича. Константинъ Павловичъ удивился, что меня увидѣлъ, и обошелся очень холодно, а Николай Павловичъ обрадовался, обнялъ, поцѣловалъ и говоритъ: «Ты знаешь, что назначенъ ѣхать съ братомъ?» Вовсе не ожидая подобнаго порученія, я былъ очень удивленъ, но вовсе не обрадованъ: придворная жизнь никогда меня не привлекала. Князь Волконскій объявилъ, что Государь приметъ меня, когда выйдетъ садиться на лошадь. Между тѣмъ всѣ собрались въ залѣ, и великій князь Константинъ Павловичъ былъ теперь любезнѣе. Государь принялъ меня мимоходомъ, сказавъ: «скоро пріѣхали», но болѣе ничего.

Начались маневры; Толь маневрировалъ довольно хорошо, но Дибичъ горячился и путалъ.

Въ тотъ же день я представился императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Она была весьма милостива и начала съ того: «Я весьма довольна, что Государь и я выбрали васъ сопровождать моего сына». Но вдругъ спросила: «Говорилъ ли вамъ Государь?» Я отвѣчалъ, что

имѣлъ счастье видѣть Государя, но онъ мнѣ ничего не говорилъ.— «А! То и я до времени ничего не говорю».

Послѣ Императрицы явился я къ великимъ князьямъ. Николай Павловичъ, какъ всегда, очень дружески меня принялъ.

Государь говорилъ съ Паскевичемъ послѣ маневровъ, на другой день. Спустя сорокъ лѣтъ, вспоминая объ этой аудіенціи, Паскевичъ пишетъ: «И теперь, въ моемъ чинѣ, званіи и послѣ посильныхъ моихъ заслугъ, я не могъ бы лучше быть принятъ Государемъ, какъ тогда. «Ты у меня лучшій генералъ въ арміи, сказалъ ему императоръ Александръ Павловичъ, на все способенъ, на все годенъ. Я прошу тебя ѣхать съ братомъ путешествовать. Это не только дѣло государственное, но дѣло моего къ тебѣ довѣрія, и ты сдѣлаешь мнѣ собственно одолженіе. Требую отъ тебя, чтобы ты открылъ ему, что̀ знаешь; надѣюсь, что ты на то способы найдешь».

Мнѣ очень было больно, что система въ правительствѣ не перемѣняется: обольстить словами человѣка, когда онъ нуженъ, и въ той же пропорціи оказать неблагодарность и, при малѣйшей кажущейся неисправности, безъ разбора, обижать и взыскивать, во всякомъ случаѣ — черезъ чуръ строго.

«Сдѣлай одолженіе старайся, сказала Марія Ѳеодоровна Паскевичу, «чтобы великій князь болѣе занимался гражданскою частію и елико возможно менѣе военною. Я знаю, что у него есть особое расположеніе ко фрунту; но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо *существеннѣе узнать бытъ государства*».

Глинка и Алединскій *) были почтенные, достойные уваженія люди, но оба весьма безхарактерные. Михаилъ Павловичъ не только перестал ихъ слушаться, но пріучился подсмѣиваться надъ ними. Наканунѣ нашего отъѣзда, въ Петергофѣ, онъ при мнѣ, безъ всякой учтивости, насмѣхался надъ ними имъ же въ глаза, а они отмалчивались. Это меня очень удивило. и, оставшись на единѣ съ великимъ княземъ, я попросилъ его ничего подобнаго никогда себѣ впередъ не дозволять. Они дураки, отвѣчалъ мнѣ великій князь, разсердившись на мое замѣчаніе. Я хладнокровно ему замѣтилъ, что они вовсе не дураки, а только слишкомъ къ нему снисходительны; и тутъ же про себя подумалъ, что если такъ онъ себя будетъ вести во время путешествія, то какъ же намъ исполнить повелѣніе Государыни и сберечь его отъ ошибокъ, пылкому его нраву и молодости свойственныхъ? Эти мысли подвинули меня, не внимая его раздраженію, продолжать мои замѣчанія. «Если Ваше Высочество, сказалъ я ему, не дадите мнѣ слово

*) Кавалеры при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

не забывать въ обращеніи своемъ съ почтенными Вашими бывшими наставниками учтивость и приличное къ нимъ уваженіе, то я сейчасъ же откажусь отъ чести Вамъ сопутствовать». Я сказалъ это почтительнымъ, но очень твердымъ тономъ, и онъ понялъ, что я такъ и сдѣлаю; это его испугало, и онъ тутъ же далъ мнѣ слово исправиться.

Сократить по желанію Императрицы-матери фронтовыя занятія великаго князя не было никакой возможности. Странно, что, по маршруту, Государемъ утвержденному, на каждой почти станціи стояли войска, и великому князю ихъ слѣдовало осматривать, а мнѣ поручено было его удерживать отъ фронтовыхъ занятій? Конечно страсть его все болѣе увеличивалась; cela devenait plus fort que lui *), и я могъ только пылкость его ограничивать и то часто не безъ большихъ споровъ. — Я доложилъ великому князю, что я не хочу огорчать Императрицу на первый разъ описаніемъ его поведенія съ командиромъ Брянскаго пѣхотнаго полка; но что въ его юные годы изъ-за пустяковъ публично кричать на штабъ-офицера, тридцать лѣтъ прослужившаго въ бояхъ и кампаніяхъ и притомъ раненаго, по совѣсти предосудительно. — Изволили разгнѣваться; но я твердо настаивалъ на своемъ, говоря, что я не въ правѣ присутствовать при подобныхъ сценахъ, и если онѣ повторятся, то попрошу Императрицу меня уволить. Поведеніе великаго князя, его щедрость и привѣтливость со всѣми даютъ мнѣ право радовать Императрицу; но страсть къ экзерцирмейстерству неизлечима, и самъ Государь предоставляетъ всѣ способы развить ее. Я старался разсказами о войнѣ обратить его къ дѣлу; но его это мало интересуетъ: однѣ только выправка и красота фронта занимаютъ его!

Любопытно, что Киселевъ (будущій графъ) во 2-й арміи содѣйствовалъ, напротивъ, этой Нѣмецкой страсти великаго князя и съумѣлъ войти къ нему въ милость. „Если твердость духа—замѣчаетъ Паскевичъ—часто вредитъ и задерживаетъ возвышеніе по службѣ, то по крайней мѣрѣ она не извращаетъ ума въ человѣкѣ до полной неспособности, какъ это почти всегда бываетъ при постоянной льстивости и искательствѣ".

*

На пути въ чужіе края, путешественники зажились въ Варшавѣ, чтó было уже въ Февралѣ 1818 года.

Государь пріѣхалъ для открытія перваго сейма. Всѣмъ извѣстна рѣчь его, которая оскорбила Русское самолюбіе. Но, не говоря объ этой рѣчи, тогда легко было предположить, что порядочное поведеніе

*) Онъ не въ силахъ былъ ей противиться.

сейма и сената гарантируетъ лучшее правленіе страны. Я бывалъ часто на засѣданіяхъ сейма. Генералъ Красинскій предсѣдательствовалъ умно и хорошо и хотя были рѣчи оппозиціонныя, но болѣе объемлющія дѣло, нежели въ намѣреніи противодѣйствія, и вообще пренія на этомъ первомъ сеймѣ всѣмъ нравились. Но въ Варшавѣ Русскихъ какъ будто вовсе не было: мы всѣ черезъ чуръ стушевывались, на насъ не обращали вниманія, и насъ всѣхъ нарочно, вѣроятно, чтобы нравиться Полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ. Вездѣ первенствовали Поляки; они, будто они одни, представляли собою типъ всѣхъ способностей, у которыхъ Русскіе должны будто бы всему учиться. Такое положеніе не было естественно и не могло долго продолжаться. Поляки возмечтали о себѣ болѣе, чѣмъ благоразуміе сего дозволяло, и высокомѣріе свое постоянно выбалтывали; а Русскіе молчаливо, но глубоко затаили оскорбленіе національному своему чувству.

На одномъ изъ смотровъ подхожу я къ графу Милорадовичу и къ графу Остерману (они тутъ же были, даже ихъ держали въ Варшавѣ, какъ и насъ, въ черномъ тѣлѣ, вѣроятно также, чтобы привлечь любовь Польскихъ генераловъ арміи Наполеона) и спрашиваю у нихъ: Чтѐ изъ этого будетъ? Графъ Остерманъ отвѣчалъ: А вотъ чтѐ будетъ: ты черезъ десять лѣтъ со своею дивизіею будешь ихъ штурмомъ брать

Онъ ошибся на три года, и я бралъ у нихъ Варшаву штурмомъ какъ главнокомандующій.

Государь поѣхалъ осматривать Модлинъ, а какъ я долго блокировалъ Модлинъ и взялъ бы его осадою, если бы не помѣшало перемиріе, то онъ, желая знать подробности, назначилъ меня въ вояжъ. За столомъ, гдѣ Поляки, какъ всегда, первенствовали, ни одинъ изъ нихъ не съумѣлъ объяснить ему ничего; тогда я, вовсе не стѣсняясь грозными на меня взглядами великаго князя Константина Павловича, разсказалъ все чтѐ зналъ о положеніи Польши и объ осадѣ Модлина въ 1813 году, послѣ чего Константинъ Павловичъ и глядѣть на меня не хотѣлъ, отворачивался и перестalъ кланяться.

Въ Веймарѣ, добрымъ, милымъ обращеніемъ великая княгиня Марія Павловна умѣла всякаго mettre à son aise *). Она много терпѣла отъ странностей своего мужа. Великій князь часто смѣялся надъ принцемъ, и поневолѣ она смѣялась съ нимъ вмѣстѣ.

Путешествіе кончилось только въ Іюнѣ 1819 года.

*

---

*) Т. е. что всякій чувствовалъ себя не стѣсненнымъ.

Въ 1821 году, командуя пѣхотной гренадерской дивизіею, Паскевичъ сдѣлался начальникомъ обоихъ великихъ князей (которые командовали бригадами), и отсюда прозвище, которое повторялъ ему впослѣдствіи Николай Павловичъ: „отецъ-командиръ". Паскевичу, какъ и Васильчикову, приходилось выручать Николая Павловича отъ послѣдствій его пылкости въ обращеніи съ людьми. Обоимъ Николай Павловичъ, по благородству души своей, остался на всегда благодаренъ.

Въ Февралѣ 1825 года Паскевичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и командиромъ перваго пѣхотнаго корпуса. Но общіе тогдашніе порядки были ему не по душѣ.

Регулярство въ арміи необходимо; но о немъ можно сказать то, что̀ говорятъ про иныхъ, которые лбы себѣ разбиваютъ, Богу молясь. Оно хорошо только въ мѣру, а градусъ этой мѣры знаніе войны указываетъ; а то изъ регулярства выходитъ акробатство.

Не разъ, возвращаясь съ плаца, мнѣ приходило желаніе все бросить и въ отставкѣ вполнѣ предаться семейной жизни; но я предчувствовалъ, что скоро понадоблюсь для серьезнаго дѣла. Россія, я тогда понималъ, безъ войны, и скорой войны, не обойдется. Волненіе въ Греціи—это начало разложенія Турецкой имперіи. Безъ войны и Турки изъ Европы не уйдутъ, и Европейцы ихъ не пустятъ;—слѣдовательно, быть войнѣ. Вотъ почему я рѣшился все терпѣть и выжидать свое время.

*

Въ Августѣ 1826 года, по случаю коронаціи Государя Императора, были мы въ Москвѣ. За нѣсколько дней до коронаціи получилъ я вечеромъ записку отъ генералъ-адъютанта барона Дибича. Онъ увѣдомлялъ меня, что Государь Императоръ приказалъ мнѣ быть у него на другой день, и просилъ, если угодно, зайти предварительно къ нему. Не зная, зачѣмъ требовалъ меня Государь, я иду къ Дибичу, который говоритъ мнѣ: «Государь Императоръ получилъ отъ главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ генерала Ермолова донесеніе, что Персіяне вторгнулись въ наши Закавказскія провинціи, заняли Ленкоранъ и Карабагъ и идутъ далѣе съ 60 т. войскъ регулярныхъ и 60 т. иррегулярныхъ и около 80 запряженныхъ орудій, что у него нѣтъ достаточныхъ силъ противупоставить Персіянамъ, и что онъ не ручается за сохраненіе края, если ему не пришлютъ въ подкрѣпленіе двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Государь желаетъ, сказалъ мнѣ Дибичъ, чтобы вы ѣхали на Кавказъ командовать войсками. Сила Персіянъ должна быть преувеличена, и Его Величество, послѣ такого донесенія, не вѣритъ Ермолову». При этомъ Дибичъ присовокупилъ, что и покойный императоръ Александръ Павловичъ былъ

недоволенъ Ермоловымъ и хотѣлъ отозвать и назначить на его мѣсто Рудзевича; ибо поступки Ермолова самоуправные, войска же распущены, въ дурномъ состояніи, дисциплина потеряна, воровство необыкновенное, люди нѣсколько лѣтъ не удовлетворены и во всемъ нуждаются, матеріальная часть въ запущеніи и проч.; что, наконецъ, онъ дѣйствительно не можетъ тамъ оставаться *).

Я отвѣчалъ Дибичу:—Какъ я поѣду на Кавказъ и что̀ буду дѣлать, когда тамъ Ермоловъ? Въ чемъ могу помочь дурному положенію дѣлъ, если тамъ нѣтъ силъ? Да, зная тамошній климатъ по примѣру Молдавіи и Валахіи, гдѣ я былъ пять лѣтъ, думаю, что его не выдержу.

Мы говорили съ Дибичемъ еще разъ, на другой день рано утромъ, до представленія моего Государю. Я повторилъ ему, что кромѣ болѣзни я встрѣчу другія важнѣйшія затрудненія: я знаю Ермолова; онъ мнѣ не дастъ и роты въ команду. Дибичъ отвѣчалъ, что будетъ данъ приказъ о назначеніи моемъ командовать подъ начальствомъ Ермолова войсками въ Грузіи. Я прибавилъ: *и на линіи*; ибо, судя о положеніи дѣлъ по описанію Ермолова, весьма можетъ быть, что онъ очистилъ уже Грузію, и я найду его уже на линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что если я поѣду, то необходимо, чтобы безъ меня не дѣлалось ни гражданскихъ распоряженій, ни дипломатическихъ. Дибичъ согласился и прибавилъ, что онъ не полагалъ, да и быть не можетъ иначе. Я повторилъ ему, что я не желалъ бы ѣхать, ибо всѣ эти затрудненія слишкомъ велики и, наконецъ, спросилъ: что̀ мнѣ дѣлать, если я найду всѣ имъ разсказанные мнѣ громадные безпорядки? Дибичъ отвѣчалъ, что не знаетъ и спроситъ приказанія Государя. Впрочемъ вы сами его увидите, прибавилъ Дибичъ.

Являюсь Государю. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, наединѣ. «Я знаю, говоритъ мнѣ Его Величество, что ты не хочешь ѣхать на Кавказъ: мнѣ Дибичъ все разсказалъ. Но я тебя прошу, сдѣлай это для меня». Когда повторилъ я тѣ причины, о которыхъ сказалъ Дибичу, и добавилъ къ тому, что я буду въ подчиненіи у Ермолова и потому никакого распоряженія сдѣлать и отвѣчать за исполненіе его не могу, тогда Государь началъ говорить такъ: «Неужели я такъ несчастливъ, что едва я только коронуюсь, и даже Персіяне уже взяли нѣсколько нашихъ провинцій? Неужели въ Россіи нѣтъ людей, которые

---

*) Все это нынѣ подтверждено напечатанными въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 года записками Н. Н. Муравьева-Карскаго. Въ справедливости его показаній не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ онъ былъ искренно преданъ Ермолову и конечно не безъ сердечной скорби относился къ слабымъ сторонамъ Ермолова въ послѣдніе годы его командованія на Кавказѣ. П. Б.

бы могли сохранить ея достоинство? Я тебя прошу, поѣзжай, для меня и для Россіи. Видишь ли ты: около меня сорокъ генераловъ, и покажи мнѣ хоть одного, которому я могъ бы довѣрить это порученіе, на кого бы я могъ вполнѣ положиться. Я знаю, ты любилъ моего брата; тѣнь его между нами, и онъ проситъ тебя ѣхать. Ты говоришь о затрудненіяхъ отъ Ермолова; все это правда, но я посылаю ему указы, чтобы онъ ничего безъ совѣщанія съ тобою не предпринималъ, никакихъ распоряженій военныхъ и по гражданской части не дѣлалъ. Я тебѣ дамъ особый указъ о смѣнѣ его въ случаѣ безпорядковъ, или если бы онъ умышленно сталъ противудѣйствовать и не исполнялъ моихъ указовъ о томъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ тобою».

Указъ этотъ Его Величество написалъ собственноручно и самъ мнѣ отдалъ.

Такимъ убѣжденіямъ Государя не могъ я противиться и принялъ предложеніе. Дибичъ, какъ казалось, радовался, что Ермолову показано недовѣріе, и при этомъ случаѣ много еще говорилъ мнѣ о его дѣйствіяхъ, разумѣется, дурныхъ.

Въ Москвѣ не было со мною даже адъютанта. Когда я командовалъ 2-ю гренадерскою дивизіею, то хорошо зналъ старшаго адъютанта той дивизіи, Викинскаго. Въ 1826 году онъ былъ подполковникомъ и находился въ Главномъ Штабѣ. Я выпросилъ его въ дежурные штабъ-офицеры, и тотчасъ же отправился въ Тифлисъ, а вслѣдъ за мною и Викинскій *).

*

Этимъ краткимъ, но многосодержательнымъ разсказомъ оканчивается первый томъ біографіи книги драгоцѣнной для нашей исторіографіи. Пожелаемъ появленія слѣдующихъ томовъ, отъ которыхъ ждемъ новыхъ раскрытій и столь же вѣскихъ отвѣтовъ на распространенныя въ нашей печати одностороннія сужденія. П. Б.

---

*) Иванъ Михайловичъ Викинскій, всю жизнь потомъ служившій при Паскевичѣ. П. Б.

ДВѢ СЛУЖБЫ.

Изъ воспоминаній Теобальда.

I. Служба въ Динабургѣ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, 5-я пѣхотная дивизія 2-го пѣхотнаго корпуса графа Крейца квартировала въ Литвѣ, и полки ея поочередно занимали караулы въ Динабургѣ. Въ 1842 году пришла эта очередь и на Галицкій егерьскій полкъ.

Блаженное тогда было время въ Динабургѣ! Комендантомъ былъ почтенный и высокоуважаемый всѣми старикъ инженеръ-генералъ-лейтенантъ *Густавъ Карловичъ Гельвигъ*. Эта была разумная и свѣтлая личность; но въ немъ была одна манія: онъ далъ себѣ слово никогда ни на кого ни за чтò не сердиться и не выходить изъ себя, и съ изумительною стойкостію выдерживалъ этотъ характеръ.

Однажды, поздно вечеромъ, зимою, зашелъ онъ на Николаевскую гауптвахту, прямо въ комнату караульнаго офицера и нашелъ его лежащимъ на диванѣ, въ халатѣ и спокойно попивающимъ чай. Разумѣется, офицеръ при видѣ коменданта вскочилъ и растерялся.

— Извините, мой милый, началъ комендантъ, что я васъ побезпокоилъ.... Я понимаю, какъ это пріятно въ халатѣ пить чай.... Я самъ это очень, очень люблю, только не въ караулѣ... Извините меня, мой милый; но я пришелъ совсѣмъ не для того, чтобы помѣшать вамъ пить чай въ халатѣ.... это такъ пріятно.... а чтобы попросить васъ: прикажите убрать на мосту пьянаго солдата; онъ, неразумный, тамъ лежитъ и можетъ замерзнуть. Прощайте, г. офицеръ! Извините....

Съ этимъ Гельвигъ вышелъ за дверь, но вдругъ оборотился назадъ.—Да, г. офицеръ, я забылъ еще попросить васъ: надѣньте, мой милый, мундиръ вашъ; а то ежели, Боже сохрани, зайдетъ плацъ-маіоръ и найдетъ васъ въ халатѣ, то это можетъ быть для васъ совсѣмъ нехорошо.

Растерявшійся офицеръ конечно поспѣшилъ одѣться.

Плацъ-маіоръ, полковникъ *Коморницкій* былъ прекрасный человѣкъ и очень баловалъ молодежъ. Бывало, замѣтя какое нибудь безо-

бразіе, погрозитъ виноватому:—Ну, вы смотрите у меня! Я вамъ когда нибудь задамъ! Напущу на васъ коменданта.

Плацъ-адъютанты *Гольмдорфъ* и *Фонъ-Зенгбушъ* были не менѣе прекрасные люди. Молодежъ ихъ очень любила и чуть не носила на рукахъ.

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ офицеры нерѣдко оставляли караулъ и уходили къ себѣ или отпускали арестованныхъ домой, такъ что весьма часто подушка и одѣяло арестованнаго исправно дежурили по нѣскольку недѣль на гауптвахтѣ, а самъ онъ являлся только къ смѣнѣ караула. Боялись только своихъ: полковаго и баталіонныхъ командировъ, а крѣпостныя власти ставили ни въ грошъ.

О Гельвигѣ ходило въ Динабургѣ много анекдотовъ.

Разсказывали, что онъ положилъ въ печку для просушки нѣсколько пачекъ ассигнацій и банковыхъ билетовъ на довольно крупную сумму. Вечеромъ забылъ онъ объ этомъ и легъ спать. Проснувшись утромъ, онъ вспомнилъ о деньгахъ, бросился къ печкѣ, но увы! въ печкѣ весело трещалъ огонь, а денегъ ни слѣда. Любимецъ его, толстый *Бориска* убиралъ спокойно комнаты.

— Бориска, голубчикъ! Въ печкѣ были деньги. Гдѣ они?

— Не могу знать-съ.

— Развѣ ты не видалъ ихъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да вѣдь ты же, мой милый, растапливалъ печку?

— Растапливалъ-то я, да ничего не видалъ; а вотъ дрова клалъ Семенъ: не видалъ ли онъ?

Позвали Семена. Дрова въ печку клалъ онъ, но денегъ никакихъ тамъ не видалъ. Можетъ быть, впрочемъ, въ потьмахъ и засунулъ ихъ дровами въ глубину печи, гдѣ онѣ и сгорѣли.

Послали за плацъ-маіоромъ. Тотъ просилъ коменданта предоставить ему въ дознаніи распоряжаться самому, безъ всякаго вмѣшательства съ его стороны въ это дѣло. Полковникъ Коморницкій началъ тѣмъ, что обоихъ деньщиковъ разсадилъ по разнымъ казематамъ, и послѣ ряда обысковъ, приступилъ къ допросамъ.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, былъ, разумѣется, упорный отвѣтъ обоихъ обвиняемыхъ.

Но Гельвигъ и тутъ остался вѣренъ себѣ: онъ приказалъ Бориску и Семена посадить въ отдѣльныя свѣтлыя и теплыя каморы, посылалъ имъ кушанья съ своего стола и каждый день самъ заходилъ къ тому и другому съ гостинцами, пряниками и орѣхами, и умолялъ ихъ сознаться.

— Не знаемъ! былъ постоянный отвѣтъ.

По прошествіи двухъ недѣль обоихъ освободили изъ-подъ ареста, и они по прежнему остались на службѣ у Гельвига.

Но Гельвигъ иногда давалъ себя знать.

Однажды, въ жгучій Іюльскій день, Гельвигъ столкнулся съ однимъ изъ офицеровъ гренадерскаго сапернаго баталіона, располагавшагося лагеремъ подъ Динабургомъ. Офицеръ шелъ безъ оружія, растегнувъ сюртукъ, въ яркой краснаго атласа жилеткѣ или рубашкѣ. Выходя изъ-за угла, онъ столкнулся носомъ къ носу съ комендантомъ и, разумѣется, началъ быстро застегиваться.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, возразилъ комендантъ, не застегивайтесь: теперь такъ жарко. Вамъ все можно: вы здѣшній комендантъ. Пройдемтесь со мною.

Такъ и не позволилъ ему застегнуться и провелъ его съ собою вокругъ всей плацпарадной площади. При встрѣчѣ съ офицерами, дѣлавшими ему фронтъ, онъ говорилъ: Не мнѣ отдавайте честь, мой милый, а вотъ господину коменданту.

Поравнялись съ главною гауптвахтою. Офицеръ думалъ, что комендантъ отправитъ его туда; но Гельвигъ, отпустивъ его, приказалъ кланяться командиру баталіона полковнику Малафееву.

До прибытія Галицкаго полка, въ Динабургѣ занималъ караулы Вологодскій пѣхотный полкъ, той-же 5-й дивизіи. Разные безпорядки въ караулахъ, буйство нижнихъ чиновъ, безпрестанные побѣги арестантовъ, по невниманію конвойныхъ, возмущали даже такого незлобиваго человѣка, какъ Гельвигъ.

Въ одинъ высокоторжественный день, комендантъ назначилъ этому полку на площади разводъ съ церемоніею. Послѣ встрѣчи, принятія рапорта и обхода фронта, онъ приказалъ батальону зайти *по-взводно на право* для церемоніальнаго марша. Командующій разводомъ штабъ-офицеръ скомандовалъ: «*Парадъ впередъ! Дирекція на право!* поворотился къ коменданту, опустилъ саблю и ждалъ приказанія.

— Чего онъ ждетъ? спросилъ Гельвигъ у командира полка, прикидываясь незнающимъ.

— Спрашиваетъ, какимъ шагомъ прикажете идти: *тихимъ* или *скорымъ*?

— Ахъ, зачѣмъ *скорымъ*! Куда намъ торопиться? Что ихъ бѣдныхъ мучить! *Тихимъ*, пожалуста *тихимъ* шагомъ!

Въ этомъ сострадательномъ на видъ приказаніи крылось очень много ехидства: *тихій шагъ*, состоявшій изъ взмахиванія ноги наравнѣ съ животомъ, былъ самый утомительный и самый мучительный для солдата и употреблялся только во время обученія рекрутъ, тогда какъ *скорый шагъ* былъ шагомъ обыкновеннымъ. *Тихимъ шагомъ* обучающіеся

проходили не больше ста шаговъ, а тутъ Гельвигъ заставилъ парадъ исколесить огромный плацъ. Съ офицеровъ и солдатъ потъ лилъ десятью ручьями.

Послѣ прохожденія парада оставалось скомандовать: «По карауламъ стройся!» и разводить караулы. Но Гельвигъ съехидничалъ еще разъ и, обратясь къ командиру полка, сказалъ:

— Ваши люди доставили мнѣ столько, давно не испытаннаго мною, удовольствія, что я желалъ бы, чтобъ они еще разъ прошли въ такомъ же порядкѣ. Можно?—Слушаю, ваше п—во.

И парадъ еще разъ прошелъ тѣмъ же шагомъ. Комендантъ восхищался стройнымъ маршемъ солдатъ и оба раза кричалъ каждому взводу: Хорошо, ребята! Спасибо, мои милые!

Долго Вологодцы не могли забыть этого развода.

Да, хороша была служба въ Динабургской крѣпости! Крѣпостное начальство доброе, прекрасное—знай только дѣлай свое дѣло.

Но крѣпостные арестанты одолѣвали бѣдныхъ солдатъ. За побѣгъ арестантовъ предавали суду нижнихъ чиновъ, и пропадала вся служба солдата, нерѣдко приближавшаяся къ концу. А какъ ихъ убережешь?

По крѣпостному положенію, одинъ конвойный полагался на десять арестантовъ. Во время работъ конвойные составляли вокругъ нихъ цѣпь; а гдѣ же было каждому конвойному услѣдить, который арестантъ принадлежитъ къ его десятку и который нѣтъ? Всѣ они одной масти.

Крѣпостныя арестантскія роты инженернаго вѣдомства—это были академіи мошенничества и разврата. Если солдатъ хоть одинъ годъ побылъ въ арестантскихъ ротахъ, онъ былъ уже пропащій человѣкъ, отпѣтый и навсегда потерянный для службы: въ немъ окончательно пропадали стыдъ, совѣсть, понятіе о чести, всякій добрый порывъ душевный, и онъ становился звѣремъ. Между арестантами существовали различныя степени испорченности, ими самими установленныя. Были просто *арестанты*, были *каторжники* и *архикаторжники*. Чтобы достигнуть этого послѣдняго званія, надо было совершить много возмутительнѣйшихъ преступленій, много съѣсть плетей или много разъ «пройти сквозь строй», при чемъ необходимо было состоять въ разрядѣ «всегдашнихъ» или безсрочныхъ арестантовъ (рота № 17).

Каторжная работа въ крѣпостяхъ—выраженіе чрезвычайно страшное на бумагѣ; на дѣлѣ-же, періодъ пребыванія негодяя въ крѣпости бывалъ самымъ счастливымъ періодомъ преступной его жизни: онъ сытно ѣлъ, удобно спалъ, ровно ничего не дѣлалъ и потому предавался лѣни и праздности. Въ ненастную погоду и зимою его не выводили на работу, въ праздничные дни тоже и, хотя въ положеніи объ

арестантскихъ ротахъ и было сказано, что для арестантовъ нѣтъ праздничныхъ дней, однакоже статья эта на практикѣ оказалась не примѣнимою: во первыхъ потому, что въ праздники никакія работы не производились вообще, арестанты же не были самостоятельными рабочими, а наряжались лишь въ помощь вольнонаемнымъ; и во вторыхъ, потому, что нужно же было давать отдыхъ оберъ и унтеръ-офицерамъ, состоящимъ при ротахъ и безъ которыхъ никакія работы были немыслимы. Между тѣмъ, статья, установившая эту работу, это perpetuum mobile, забыла объ этихъ лицахъ и безсознательно ихъ обрекала на вѣчную каторгу. Говорю это потому, что въ сущности не арестанты, а стража ихъ была каторжною, по своему неусыпному наблюденію за такимъ отребьемъ человѣческаго рода.

Въ чемъ же состояла эта страшная *каторжная работа въ крѣпостяхъ?* Стóило придти въ крѣпость и взглянуть.

Въ знойный лѣтній день десять человѣкъ арестантовъ, въ легкихъ и чистыхъ холщевыхъ курткахъ тащутъ двухколесную телѣжку, въ которой лежитъ кусокъ дерна, съ аршинъ въ квадратѣ. За ними тянется конвойный, изнывая отъ жара, въ шинели толстаго сукна и тяжелой боевой аммуниціи, съ 18-ти фунтовымъ ружьемъ. Кто тутъ больше каторжный: арестантъ или его конвойный?

Идите далѣе. На валгангѣ, подъ тѣнью тополей, лежатъ десятка два арестантовъ, пощипываютъ травку, да покуриваютъ трубочки. Это называется: они очищаютъ вáлгангъ и банкетъ. Конвойные жарятся стоя: Боже сохрани присѣсть!

Эхъ-ма! Служба безсчастная! издѣвается каторжникъ надъ конвойнымъ. Брось ты, землякъ, дуру-службу, да ступай къ намъ. Вишь житье—хуже губернаторскаго! Вотъ мы, мошенники, воры, а каково поживаемъ? Ходимъ стройно, спимъ спокойно, ѣдимъ сладко, работаемъ не падко, и все идетъ гладко. По улицамъ идемъ — кандалы звякаютъ, далеко слышно: прочь съ дороги — кавалергарды ѣдутъ, палашами да шпорами гремятъ!... А вы-то чтò, честные солдаты?... Жарься, да мучься, съ разсвѣтомъ вставай на ученье-мученье, чисть аммуницію да ружье, а дурно вычистилъ—зубы, а пожалуй и спину тебѣ вычистятъ. А работа не чета нашей! До седьмаго пота прошибетъ... Не стòитъ, братцы, быть честнымъ солдатомъ, пра, не стòитъ.

Пройдите еще дальше. Человѣкъ пять съ утра роютъ ямку для постановки тумбы. Копнувъ раза по два, они садятся и разговариваютъ.

— Шабашъ, ребята! Работа не коза, не убѣжитъ.

Но вотъ вдали показался вахтеръ, раздающій работы.

— Вставай, ребята, за работу, вахтеръ идетъ.

— Чтожъ вы, анаѳемскіе, кричитъ вахтеръ, до сихъ поръ еще не выкопали ямы?

— Штрументъ плохой! отвѣчаютъ арестанты.

— Штрументъ! передразниваетъ ихъ грамотный вахтеръ. Знаю я васъ! Я вамъ задамъ! Съ этимъ захлопотанный вахтеръ уходитъ, и арестанты опять садятся или ложатся.

Попробуйте разговориться съ каторжникомъ: онъ будетъ бравировать своимъ преступленіемъ и стараться представить его въ юмористическомъ образѣ. Напримѣръ:

— Ты за что̀ попалъ въ арестантскія роты?

— За пустяки-съ: за 10 копѣекъ.

— Какъ за 10 копѣекъ?

— Такъ-съ: при убитомъ Жидѣ нашелъ только гривенникъ.

— При убитомъ? Да ктожъ его убилъ?

— Не могу знать-съ. На судѣ сказали, будто я.

— За что̀ же?

— А зачѣмъ онъ кричалъ? Я предостерегалъ: не кричи, а то худо будетъ; такъ нѣтъ, не послушалъ...

Очень много всегда бывало въ арестантскихъ ротахъ *Ивановъ Непомнящихъ*. Это были разные бѣжавшіе преступники, которые при поимкѣ прикидывались дураками, *бродягами, непомнящими родства*. Гражданскіе суды обыкновенно приговаривали такихъ людей въ арестантскія роты на извѣстные сроки, и они зачислялись по номерамъ, по мѣрѣ прибытія: *Иванъ Непомнящій* № 1, № 2 и т. д. Возмутительно было то, что уголовные суды также позволяли себя дурачить и давали вѣру нелѣпымъ показаніямъ подобныхъ негодяевъ, которые прикидывались до того глупыми, что не знали даже *своего имени*, не только той мѣстности, гдѣ выросли и вѣры, какую исповѣдуютъ. Упорное *не помню* было отвѣтомъ на всѣ вопросы.

— Да вѣдь какая же нибудь собака была твоею маткою? спрашиваютъ его.

— Должно-быть была, отвѣчаетъ онъ.

— Не выросъ же ты, какъ крапива подъ заборомъ?

— Должно быть, выросъ.

Предъ высшимъ начальствомъ арестантъ никогда не назоветъ прямо преступленія, за которое наказанъ, а всегда прибавляетъ: «по подозрѣнію».

Разсказывали въ тѣ времена одинъ случай изъ царствованія императора Николая Павловича. Посѣтивъ какую-то каторжную тюрьму, Государь разспрашивалъ каждаго арестанта, за что̀ онъ сосланъ въ каторгу?

— По подозрѣнію въ грабежѣ, Ваше Величество, говорили одни; по подозрѣнію въ поджогѣ, отвѣчали другіе; по подозрѣнію въ убійствѣ, докладывали третьи и т. д. Наконецъ, Государь подошелъ къ послѣднему.—А ты за что̀, старикъ?

— За дѣло, Батюшка-Царь! Въ хмѣлю, да въ дракѣ убилъ несчастнаго пріятеля своего, хвативши его въ високъ.

— И теперь жалѣешь, какъ видно?

— Какъ не жалѣть, Государь-Батюшка! Славный былъ человѣкъ —упокой Господи его душу! Осиротилъ я и семью его. Не отмолить мнѣ этого грѣха вовѣки!

Государь задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ и узналъ, что онъ имѣетъ на родинѣ жену и дѣтей, которыхъ «загубилъ своимъ преступленіемъ отъ проклятой водки», и тутъ же повелѣлъ: Здѣсь все невинные, заподозрѣнные люди; преступникъ одинъ онъ. Чтобъ онъ не портилъ этихъ «честныхъ» людей, взять его изъ острога и возвратить на родину, въ его семейство. Мужикъ, разумѣется, повалился въ ноги великодушному Царю.

Да, это былъ воистину великодушный царь, рыцарь, полубогъ, «блаженныя и вѣчныя славы достойный», какъ выразился о немъ въ манифестѣ, не менѣе вѣчныя славы достойный Освободитель! Исторія не сказала еще о Николаѣ Павловичѣ не только послѣдняго, но и перваго своего слова. Кто изъ служившихъ въ его времена не вспоминаетъ о немъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ? Его боялись, какъ Бога и любили, какъ отца. Предъ смотрами его всѣ трепетали. Бывало, въ частяхъ, приготовляемыхъ къ высочайшему смотру, на начальникахъ лица нѣтъ: всѣ они «порятъ горячку», мучатся, суетятся, страдаютъ. Но не изъ страха царскаго гнѣва всѣ, отъ генералъ-фельдмаршала до ефрейтора, лѣзли изъ кожи (гнѣвъ этотъ ихъ не губилъ и головъ имъ не рубилъ), а только для того, чтобъ заслужить царское *спасибо!*

«Чего не сдѣлаетъ солдатъ за царское *спасибо!*» была даже пѣсня.

Хорошо жилось арестантамъ въ арестантскихъ ротахъ. По ночамъ они собирались въ «клубахъ», т. е. въ отдѣльныхъ камерахъ, гдѣ шла отчаянная картежная игра и пьянство, разумѣется подъ покровительствомъ хорошо оплаченныхъ унтеръ-офицеровъ или фельдфебеля. Унтеръ-офицеры арестантскихъ ротъ не очень-то ссорились съ арестантами и не бывали съ ними слишкомъ суровы, иначе рисковали на каждомъ шагу получить ножъ въ бокъ; а къ такому средству арестанты нерѣдко прибѣгали, особенно предъ истеченіемъ срока пребыванія въ ротахъ. Многіе нарочно совершали новыя преступленія, какъ напримѣръ, побѣги или убійство товарища или унтеръ-офицера,

для того, чтобы срокъ каторги былъ продолженъ. Но были и такіе, которые совершали смертоубійства съ цѣлью быть сосланными въ Сибирь, въ чемъ простодушно сознавались. Генералъ - инспекторъ по инженерной части, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, конфирмовавшій дѣла арестантовъ, никогда не исполнялъ этого желанія, дабы не дать разбойнику повода думать, что онъ, чрезъ преступленіе, можетъ достигнуть своихъ цѣлей, но предписывалъ приковывать такихъ убійцъ на всю жизнь къ тачкѣ. Разбойникъ, съ этою тачкою на длинной цѣпи, спалъ, ходилъ на работы, въ баню и проч., въ ножныхъ, а если былъ архикаторжникомъ, то и въ ручныхъ кандалахъ.

Особенно опаснымъ для конвойныхъ былъ Ликснянскій лѣсъ, близъ Динабурга, недалеко отъ лѣтняго военнаго госпиталя. На работы въ лѣтній госпиталь отправлялись партіи арестантовъ, человѣка въ 3 или 4, при одномъ конвойномъ, которому инженерный офицеръ или вахтеръ приказывалъ, что̀ арестанты должны тамъ дѣлать. Нерѣдко арестанты уходили въ лѣсъ и, когда конвойный, не слушая ихъ совѣтовъ вернуться назадъ, гнался за ними, они нападали на него въ лѣсу и вѣшали на первомъ деревѣ; другіе-же, хотя и оставляли конвойнаго въ живыхъ, но отнимали отъ него ружье, аммуницію и одежду, въ которыя наряжался одинъ изъ арестантовъ и, подъ видомъ конвойнаго, велъ остальныхъ будто бы по требованію начальства. Ограбленному конвойному не оставалось ничего болѣе, какъ повѣситься самому.

Галицкіе солдаты, эти живые и юркіе егеря, много наслушались разсказовъ о продѣлкахъ арестантовъ и были съ ними очень осторожны. Надобно замѣтить, что ротѣ, наряжаемой въ конвой, ежедневно приказывалось заряжать ружья боевыми патронами, въ присутствіи арестантовъ, при выводѣ ихъ на работы. Случилось, что въ лѣтній госпиталь были посланы четыре арестанта, подъ конвоемъ одного молодаго солдата 1-й карабинерной роты *Соколова*. Поработавъ немного, арестанты начали шопотомъ между собою совѣщаться: А что̀, робята, конвойный-то вѣдь соплякъ. Нутка дадимъ стрекача!

— Дѣло. Такъ нечего терять и время. Маршъ!

Арестанты поднялись и пошли по направленію къ лѣсу.

— Куда-же это вы, ребята? спросилъ конвойный.

— Какъ куда? За глиною, вонъ тамъ, подъ лѣсомъ.

— Да вѣдь дежурный этого не приказывалъ?

— Какъ не приказывалъ? Что̀ ты глухъ былъ? Мы всегда тамъ беремъ глину.

— Да на что̀ вамъ глина?... Нѣтъ, ужъ лучше, братцы, не ходите.

Между тѣмъ арестанты ускорили шаги.

— Ступай, братъ, назадъ! закричалъ со смѣхомъ одинъ арестантъ, который былъ впереди всѣхъ. Намъ съ тобою не по дорогѣ. Мы пойдемъ прямо, а ты ступай къ плацъ-маіору и скажи: арестанты молъ драло, пиши пропало!

— Ребята, вы не шутите, какъ вижу. Стойте, или стрѣлять буду! Съ этимъ онъ взвелъ курокъ.

— На, стрѣляй! захохоталъ передній и выгнулся къ нему задомъ.

Солдатикъ выстрѣлилъ—и о чудо! пуля попала въ негодяя, пронизала его насквозь, и онъ зарылся носомъ въ песокъ. Въ тотъ же моментъ Соколовъ распоролъ штыкомъ брюхо другому арестанту, оборотилъ ружье прикладомъ вверхъ и хватилъ третьяго по головѣ такъ, что черепъ и мозгъ пробилъ ему до самыхъ зубовъ; глядитъ: четвертый арестантъ стоитъ на колѣняхъ и молитъ о пощадѣ! Все это сдѣлалось такъ быстро, такъ стремительно, что арестанты не успѣли ни опомниться, ни предпринять что-нибудь и скорѣе, чѣмъ можетъ передать самый живой разсказъ. Соколовъ привелъ четвертаго арестанта въ крѣпость. Тотчасъ послали телѣгу на мѣсто происшествія и привезли въ ней два трупа и тяжело раненаго въ животъ третьяго арестанта, который также къ вечеру умеръ. Командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса произвелъ Соколова въ унтеръ-офицеры и далъ ему въ награду 50 р.

Въ другой разъ, докладываютъ плацъ-маіору, что съ работы на четвертомъ равелинѣ, за Александровскими воротами, бѣжалъ арестантъ, вмѣстѣ съ конвойнымъ, рядовымъ 10-й егерской роты *Бѣлобородовымъ*, который бросилъ на мѣстѣ работъ свое ружье и амуницію.

На другой день, рано утромъ является къ плацъ-маіору солдатъ.

— Чтò тебѣ нужно? спрашиваетъ плацъ-маіоръ.

— Вчера, ваше высокоблагородіе, бѣжалъ отъ меня арестантъ...

— Ахъ, да! Съ тобою вмѣстѣ? Ты какъ: *Бѣлобородовъ*, что-ли?

— Точно такъ-съ.

— Куда же ты дѣвалъ арестанта?

— Онъ тамъ, ваше в—діе, лежитъ въ Слободкѣ, подъ Ликснянскимъ лѣсомъ.

— Какъ лежитъ?

— Точно такъ-съ. Вчера, какъ онъ убѣжалъ, затужился я и, сбросивъ съ себя муницію, хотѣлъ уже броситься въ Двину: все равно, пропала моя головушка!... Но, пока въ Двину, дай, думаю, подкараулю его. Я знаю домòкъ подъ лѣсомъ, гдѣ прячутся разные бродяги; не тамъ-ли, думаю, онъ? Вотъ я вырѣзалъ себѣ съ корешкомъ вотъ эфтотъ самый дубокъ и сдѣлалъ изъ него булавочку....

— Покажи, покажи.... хороша булавочка! Ба, да на ней волоса и кровь!... Дальше, дальше, любезный!

— Цѣлую ночь я просидѣлъ въ лѣсу въ ямѣ. Гляжу, на разсвѣтѣ, онъ какъ разъ выходитъ изъ хатки, оглянулся во всѣ стороны—никого!—и прямо пошелъ на меня. Я выскочилъ изъ ямы, да къ нему: стой, голубчикъ! А онъ—ножъ изъ-за-голенища, да на меня. Я отскочилъ назадъ и толконулъ его булавкою.... Гляжу—упалъ, захрипѣлъ, мозги разлетѣлись.... Ну, думаю, не убѣжитъ таперича. Я взялъ и ножъ, да къ вашему высокоблагородію.

— Молодецъ, Бѣлобородовъ, спасибо!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

Этотъ Бѣлобородовъ также былъ награжденъ начальствомъ.

Съ окончаніемъ срока пребыванія въ арестантскихъ ротахъ, лучшихъ арестантовъ, за хорошее поведеніе (?), переводили въ военно-рабочія роты инженернаго вѣдомства. Тутъ мошенникъ, воръ, грабитель, становился архибестіею, пользовался полною свободою, ходилъ куда хотѣлъ, дѣлалъ, что̀ было ему угодно, и конвойный уже не мозолилъ ему глазъ.

Между форштадтами и крѣпостью чуть не каждую ночь совершались грабежи запоздалыхъ пѣшеходовъ, а нерѣдко и проѣзжающихъ. Грабители не отступали и предъ офицерами: и съ нихъ снимали шинели и грабили разныя вещи. Все это были продѣлки военно-рабочихъ.

Разъ лѣтомъ у командира инженерной команды, жившаго въ крѣпости, въ нижнемъ этажѣ одного изъ «офицерскихъ флигелей», былъ большой вечеръ, на который собрался чуть не весь городъ. Прислуга, накрывая столы къ ужину, сложила на окна и тѣ шапки, которыя были разбросаны на столахъ. Кончился вечеръ, гости начали расходиться. Хвать, ни одной шапки! Воры, полурастворивъ съ улицы окна, повытаскали шапки и были таковы. Такъ гости и разъѣхались, повязавъ головы носовыми платками. Нескоро потомъ узнали, что это была продѣлка военно-рабочихъ солдатъ.

Но иногда надобно было удивляться ловкости, искусству и терпѣнію ихъ. Напримѣръ: они сняли съ петель громадные тяжелые створчатые ворота, ведшіе въ одинъ изъ равелиновъ и скрѣпленные нѣсколькими тысячами желѣзныхъ болтовъ. Воры въ одну ночь успѣли разбить эти ворота въ щепы и вытащить всѣ до одного болты.

Рѣдко негодяи, переводимые въ военно-рабочія роты, прослуживали въ нихъ годъ: обыкновенно возвращались они въ арестантскія роты чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Между тѣмъ, по сложившемуся тогда мнѣнію, офицеры, служащіе въ арестантскихъ ротахъ, считались на самой низшей ступени военной іерархіи, даже ниже офицеровъ уѣздныхъ инвалидныхъ командъ. Имъ присвоены были какіе-то траурные мундиры, черные, безъ всякой выпушки, съ серебряными эполетами. Каждому обязательно было,

при всѣхъ формахъ, быть съ палкою, какъ нынѣ казаку съ нагайкою. Унтеръ-офицерамъ также была присвоена палка. Несмотря на то, что они ежедневно, ежеминутно находились подъ ножемъ каторжниковъ, этихъ офицеровъ начальство никогда не награждало и не производило въ слѣдующіе чины. Офицеръ, по семейнымъ или другимъ обстоятельствамъ, поступившій на службу въ арестантскія роты, подобно зоологической рѣдкости въ спиртѣ, никогда не измѣнялъ своего первообраза: въ какомъ бы чинѣ онъ ни поступилъ на службу въ эту непріятельскую землю, въ этотъ адъ кромѣшный—оставался въ немъ до смерти. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, въ случаѣ ходатайства комендантовъ крѣпостей о наградахъ или производствѣ въ слѣдующіе чины офицеровъ арестантскихъ ротъ, постоянно отказывалъ, говоря:

— Я желалъ бы знать, какое отличіе можетъ оказать арестантскій офицеръ?

Случилось, что Его Высочество производилъ въ Данибургѣ смотръ арсенальной и военно-рабочимъ ротамъ, а также офицерамъ и нижнимъ чинамъ арестантскихъ ротъ. Остановясь предъ однимъ сухенькимъ старичкомъ, арестантскимъ офицеромъ, Великій Князь съ удивленіемъ замѣтилъ на груди его офицерскій Георгіевскій крестъ за 25 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ. (Тогда за этотъ срокъ давали еще Георгія, а не Владимира, какъ нынѣ). Его Высочество перенесъ глаза на эполеты: одна звѣздочка предательски на нихъ сіяла.

— Что̀ это значитъ? Вы прапорщикъ?

— Точно такъ, ваше Императорское Высочество.

— Сколько лѣтъ?

— 28 лѣтъ, Ваше Высочество.

— Почему же васъ не производятъ?

Офицеръ запнулся на мгновеніе, потомъ пренаивно отвѣчалъ:

— Попиваемъ, Ваше Императорское Высочество!

Великій Князь отъ души захохоталъ.

— Густавъ Карловичъ, обратился онъ къ Гельвигу. Посмотри, какое у тебя чудо: прапорщикъ съ 25-лѣтнимъ Георгіемъ!

— Простите, Ваше Высочество, отвѣчалъ комендаснтъ, ели я доложу, что это чудо изволили сотворить вы сами.

— Ну, ладно! представь его въ подпоручики.

Съ тѣхъ поръ Государь удостоилъ обратить высочайшее вниманіе свое и на положеніе офицеровъ арестантскихъ ротъ и повелѣлъ установить и для нихъ линію производства.

Съ назначеніемъ комендантомъ артиллеріи генералъ-лейтенанта *Андрея Михайловича Симборскаго (см. біографію его въ «Русскомъ Архивѣ» 1888*, кн. *10)*, пошли не тѣ порядки и не та служба въ Динабургѣ.

II. Служба въ Варшавѣ.

Въ 1843 году 2-й пѣхотный корпусъ перемѣщенъ былъ изъ Литвы въ Царство Польское.

Тяжела была караульная служба въ Варшавѣ! Самому покойному фельдмаршалу Паскевичу или совѣтчикамъ его пришла въ голову мысль избрать нѣсколько отдѣльныхъ штабъ - офицеровъ, не принадлежащихъ къ караульнымъ войскамъ, для спеціальнаго наблюденія за караулами. Эти избранныя личности въ теченіе цѣлыхъ сутокъ не спускали глазъ съ гауптвахтъ своего района. При каждой смѣнѣ карауловъ они присутствовали явно, а потомъ наблюдали изъ-за угла за каждымъ шагомъ караула. Все, что они замѣчали, немедленно записывалось и доносилось коменданту города Варшавы генералъ-лейтенанту *Ивану Ивановичу Тутчеку*. Ежедневно, по смѣнѣ полка съ караула и возвращеніи его въ казармы, полковой командиръ получалъ повѣстку изъ ордонансъ-гауза прислать подъ арестъ двухъ-трехъ, а иногда и болѣе офицеровъ, за такіе-то безпорядки, замѣченные вчера въ караулѣ.

Безпорядки эти состояли въ слѣдующемъ:

1. Часовой, пристраиваясь къ караулу, вызванному въ ружье, не успѣлъ повѣсить въ будкѣ на гвоздь тяжелый постовой тулупъ, а уронилъ его на полъ.

2. При отданіи чести, начальникъ караула не скомандовалъ «*глаза налѣво*», когда генералъ подъѣхалъ съ лѣвой стороны.

3. Начальникъ караула скомандовалъ просто: «*на краулъ!*» а не «*слушай на кра-улъ!*»

4. Барабанщикъ, ставъ во фронтъ, опоздалъ выхватить барабанныя палки изъ гнѣздъ перевязи.

5. Съ выступленіемъ офицера для командованія: впередъ, стоявшій за нимъ унтеръ-офицеръ не заступилъ его мѣста.

6. Ефрейторъ, разводившій часовыхъ, держалъ ружье не *на перевѣсъ*, а *вольно*.

7. Караулъ слишкомъ суетливо выбѣгалъ въ ружье, отчего одинъ солдатъ уронилъ свое ружье съ сошки на полъ платформы.

8. Караульный офицеръ, выбѣжавъ въ ружье, не успѣлъ застегнуть чешую кивера и надѣть перчатку, а дѣлалъ это во фронтѣ.

9. Часовой слишкомъ суетливо вызвалъ караулъ въ ружье и вмѣсто двухъ разъ ударилъ въ колоколъ три раза.

10. Визитиръ-рундъ полетѣлъ въ находившуюся предъ платформою яму, вырытую для столба, отъ того, что часовой не предупредилъ его словами: «Рундъ, не ходи прямо; тутъ яма».

Поистинѣ трудно высчитать всѣ эти тяжкія воинскія преступленія, за которыя подвергались суровому наказанію какъ офицеры, такъ и нижніе чины.

Солдаты терпѣть не могли этихъ «наблюдающихъ за караулами штабъ-офицеровъ» и называли ихъ по своему *шпіонами*. Въ особенности дался всѣмъ какой-то подполковникъ *Соловкинъ*. Солдаты называли его *Ловушкинъ*. Случилось, что, при вступленіи въ караулъ Галицкаго егерьскаго полка, Соловкинъ наблюдалъ гдѣ-то за смѣною унтеръ-офицерскаго караула. По окончаніи смѣны, онъ сказалъ старшему унтеръ-офицеру: При явкѣ съ рапортомъ на главную гауптвахту, доложи дежурному по карауламъ, что подполковникъ Соловкинъ присутствовалъ при смѣнѣ и нашелъ, что ты смѣнялся прекрасно.

— Слушаю, ваше в—діе! Съ этимъ Соловкинъ пріѣхалъ на главную гауптвахту въ зáмокъ и началъ хвалить предъ полковникомъ *Сабашинскимъ* расторопность его людей. Вдругъ является упомянутый унтеръ-офицеръ и, послѣ рапорта дежурному по карауламъ о благополучномъ состояніи караула, пренаивно добавляетъ:

— Ваше высокоблагородіе, *шипіонъ* приказалъ доложить, что я смѣнялся отлично.

Сабашинскій самъ переконфузился. Чтó ты врешь, болванъ?

— Точно такъ, вашев-діе: *шипіонъ Ловушкинъ*, вотъ его высокоблагородіе.

Самъ Соловкинъ вывелъ Сабашинскаго изъ затруднительнаго положенія.—Не *шпіонъ*, сказалъ онъ, обращаясь къ унтеръ-офицеру, а по повелѣнію его свѣтлости, штабъ-офицеръ, повѣряющій караулы.

— Понялъ? спросилъ Сабашинскій унтеръ-офицера.

— Понялъ, ваше в-діе: по повелѣнію его свѣтлости, *шипіонъ подкарауливавшій караулы.*

— Пошелъ вонъ, дуракъ! закричалъ дежурный по карауламъ, и унтеръ-офицеръ, повернувшись на лѣво-кругóмъ, отмаршировалъ.

Двѣ грозы были тогда для военныхъ въ Варшавѣ: комендантъ города ген.-лейт. Тутчекъ, человѣкъ прекрасный и добрый, но рутинистъ до мозга костей, и дежурный генералъ главнаго штаба арміи генералъ-маіоръ *Иванъ Михайловичъ Викинскій*. Ни одна встрѣча съ ними не проходила офицеру безнаказанно: вѣчно они что-нибудь въ немъ да находили; то онъ былъ съ незастегнутою чешуею, то безъ перчатки на той рукѣ, которою отдавалъ честь, то, растерявшись или второпяхъ, прикладывалъ лѣвую руку къ козырьку, особенно, когда правая была занята; то верхній крючекъ воротника былъ разстегнутъ; то краюшекъ рубашки неосторожно выглядывалъ изъ-за галстуха. И за всѣ эти преступленія назначалась гауптвахта.

Бывало, офицеръ, выходя изъ дому, на вопросъ, куда идетъ, могъ отвѣчать «не знаю», потому что неожиданно могъ очутиться на гауптвахтѣ. Были и такіе несчастливцы, которые говарили: «кому гауптвахта, а мнѣ квартира».

Преслѣдованіе офицеровъ Викинскимъ, разумѣется, проходило ему безнаказанно; но Тутчеку мстили за нихъ, выводя его изъ себя, разные подсудимые офицеры, содержавшіеся на гауптвахтѣ по 10 и 15 лѣтъ (тогда умѣли судить еще и дольше). Офицеры эти, въ ожесточеніи своемъ, предавались ужасному пьянству и въ пьяномъ видѣ производили самыя безобразныя буйства и скандалы. Какъ ухитрялись они доставать водку, несмотря на самый строгій надзоръ со стороны караула о непропускѣ ея къ арестованному, неизвѣстно. Кажется, подсудимымъ много помогали инвалиды-сторожа, состоявшіе при караульныхъ домахъ. Подсудимые были люди, которымъ рѣшительно нечего было терять, и потому они задались мыслію докучать начальству и оскорблять его всѣми возможными способами. Изъ этого ряда арестованныхъ офицеровъ пользовались большею популярностію въ гарнизонѣ города Варшавы: прапорщики *Брандтъ* и *Касперовъ*, провіантскіе чиновники *Пашкевичъ* и *Сорочинскій* и др. Они очень часто, чрезъ караульныхъ офицеровъ, вызывали коменданта и предъявляли ему самыя глупыя требованія, въ родѣ того, напримѣръ, чтобъ онъ приказалъ *изъ экономическихъ суммъ* Варшавскаго ордонансгауза устлать такую-то улицу соломою, потому что стукъ проѣзжающихъ экипажей не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью; или приносили жалобы, напримѣръ, на то, что караульный офицеръ не пускаетъ къ нему дѣвушку, которая влюблена въ него до такой степени, что жить безъ него не можетъ, и онъ непремѣнно наложитъ на себя руку.

Кипятится, бывало, почтенный Иванъ Ивановичъ; да что́ же подѣлаешь съ такою отпѣтою личностію?

Живъ ли онъ теперь, не знаю. Онъ былъ раненъ въ 1831 году и даже лишился въ сраженіи одного глаза. Много лѣтъ спустя, онъ вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ началѣ 60-хъ годовъ его можно было часто встрѣчать въ Варшавѣ въ статскомъ платьѣ. Викинскій также вышелъ въ отставку и ходилъ въ гражданской одеждѣ.

Странно было видѣть этихъ боевыхъ генераловъ въ неподходящемъ къ нимъ костюмѣ; носили же они его потому, что стыдились отставнаго, общипаннаго со всѣхъ сторонъ, мундира. Тутчекъ самъ разсказывалъ, что онъ плакалъ только одинъ разъ въ жизни: когда снималъ обагренный собственною кровью мундиръ свой и надѣвалъ статское платье. Съ Викинскимъ, думаю, было тоже самое.

Покойный князь Паскевичъ-Эриванскій бралъ къ себѣ въ личные адъютанты молодежъ изъ лучшихъ аристократическихъ фамилій. Я зналъ почти всѣхъ ихъ, но больше другихъ мнѣ врѣзались въ память *Пашковъ* и *Потаповъ* (Александръ Львовичъ).

Соперничалъ съ нимъ, въ приближеніи къ себѣ аристократической молодежи, командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса генералъ-отъ-кавалеріи *графъ Кипріянъ Антоновичъ Крейцъ*. Это была очаровательная, великолѣпная личность. Красавецъ въ глубокой старости, онъ сохранилъ въ сердцѣ своемъ, до самой смерти, всѣ прекрасныя качества молодости. Этотъ чудный человѣкъ не имѣлъ враговъ, и его любили всѣ, отъ фельдмаршала до простаго солдата. Давно уже благородный прахъ его мирно почіетъ на Митавскомъ кладбищѣ.

Въ числѣ адъютантовъ графа Крейца, офицеровъ для порученій и ординарцевъ, находились, насколько память моя сохранила, слѣдующіе кавалеристы: *маркизъ Паулуччи*, *Гечевичъ*, *Коперницкій*, *Падейскій* и гусары, короля Ганноверскаго (Лубенскаго) полка: *графъ Мостовскій*, *Солонина*, *Волжинъ*, *Лопухинъ* и Ольги Николаевны (Елисаветградскаго) полка: два брата *графы Орурки*, *Сатинъ*, *Юдинъ*, *Казановичъ* и др.

Вся эта золотая молодежъ жила въ дружбѣ между собою и тратила большія деньги. Разумѣется, для нея служба была блестящею игрушкою, жизнь лилась бриллiантовымъ каскадомъ, и страданія армейскихъ офицеровъ были до нея недоступны. Тутчеки и К° не были страшны золотой молодежи: къ ней привязываться эти зоилы не смѣли и первые козыряли каждому адъютанту, при встрѣчѣ съ нимъ. Отъ того эта молодежъ въ грошъ не ставила какъ Тутчека, такъ и Викинскаго; больше того: ненавидѣла ихъ за жестокое преслѣдованіе бѣдныхъ офицеровъ и не прочь была крѣпко насолить имъ при первой возможности.

До Тутчека дошли слухи, что большая часть адъютантовъ фельдмаршала и графа Крейца очень часто ѣздятъ за городъ въ садъ *Оома (Ogródek Ohma)* и тамъ кутятъ съ гусарами по цѣлымъ ночамъ. Оомъ съ своей стороны не могъ исполнять требованія полиціи, закрывать заведеніе въ извѣстные часы, потому что кутящая молодежъ до этого не допускала. Оберъ-полицеймейстеръ *Абрамовичъ* не разъ посылалъ къ Оому своихъ полицеймейстеровъ и циркулòвыхъ комисаровъ (частныхъ приставовъ); но тѣ, изъ опасенія быть выброшенными за окошко, должны были пить вмѣстѣ съ молодежью и напивались до того, что тамъ же и сваливались подъ столъ. Оберъ-полицеймейстеръ обратился къ коменданту города, тотъ посылалъ плацъ-маіора и плацъ-адъютантовъ; но и они ничего не могли, да и не смѣли подъ-

лать съ гусарившимъ юношествомъ. Ихъ никто не слушалъ и не обращалъ на нихъ вниманія.

Въ огрудекъ Оома привлекала всю эту молодежъ красавица-буфетчица, извѣстная подъ именемъ «*пѣнкной* (прекрасной) *Каролины*». Но дѣвушка эта была скромна, и никто изъ ухаживателей ея не смѣлъ похвалиться никогда даже особеннымъ пожатіемъ руки. Въ послѣдствіи на ней женился генералъ-штабъ-докторъ арміи *Четыркинъ*, далъ ей прекрасное образованіе, и изъ нея вышла великолѣпная, достойная, полная уваженія, барыня.

Кончилось тѣмъ, что Тутчекъ рѣшился лично положить конецъ оргіямъ у Оома. Это было 1-го Іюля, въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Часа въ 2 ночи, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, въ лосинахъ и ботфортахъ (тогда въ высокоторжественные дни полная парадная форма не снималась во весь день), вошелъ Тутчекъ въ залу Оома и засталъ тамъ человѣкъ 15—20 адъютантовъ и гусаръ. Всѣ были безъ мундировъ и доломановъ, въ высшей степени веселомъ настроеніи духа. Громадный ротмистръ Солонина, взваливъ себѣ на плечи маленькаго Потапова, носилъ его по залѣ, крутилъ за ногу и напѣвалъ что-то въ подражаніе звукамъ шарманки; остальные хохотали. Тутчекъ остановился на порогѣ, не снимая шляпы.

— Славно, господа, славно!

— Шляпу долой! крикнулъ кто-то враждебно изъ толпы.

Тутчекъ медленно снялъ шляпу.

— Такъ вотъ въ какомъ видѣ я нахожу васъ здѣсь, господа.... Безъ мундировъ и въ такой высокоторжественный день!... Прекрасно!... Не знаю, чтò завтра изволитъ сказать вамъ за это его свѣтлость?

Офицеры бросились къ мундирамъ.

— Господа, уже третій часъ ночи. Прошу васъ сейчасъ-же разъѣзжаться домой.

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше пр—ство!

Нѣсколько человѣкъ окружили Тутчека.

— Ваше п—во, Иванъ Ивановичъ, вы человѣкъ добрый, простите намъ и не говорите главнокомандующему.

— Какъ я могу не говорить? Надобно положить конецъ этимъ оргіямъ.

— Мы сами положимъ имъ конецъ.

— Воображаю! Завтра же будете здѣсь всѣ до одного.

Молодежъ пристала къ генералу вплотную.

— Хотите, мы дадимъ вамъ честное слово, что впредъ не будемъ здѣсь оставаться за полночь и никогда не снимать мундировъ?

Тутчеку вѣдь этого только и надобно было.

— Хорошо. На этомъ условіи я готовъ помириться съ вами.

— Ура, господа! Генералъ намъ прощаетъ, закричалъ кто-то. Качать его!

Не успѣлъ Тутчекъ опомниться, какъ взлетѣлъ на воздухъ съ криками ура!

Потомъ начали всѣ цѣловать его и упрашивать, чтобъ онъ, какъ самъ гусаръ, не отказался съ гусарами выпить бокалъ за здоровье Императрицы. Запыхавшемуся отъ волненія генералу втиснули въ руку бокалъ и провозгласили тостъ за здравіе Ея Величества. Дружное ура грянуло снова. Тутчекъ долженъ былъ выпить бокалъ и собрался уходить; но молодые люди не пустили его и начали упрашивать, чтобъ онъ, въ доказательство того, что не сердится на нихъ, снялъ съ себя *на одну минуточку* шарфъ.

— Это чтò значитъ?... Да вы съ ума сошли, господа?

— Ваше п—во, Иванъ Ивановичъ! Голубчикъ! Сдѣлайте это для насъ!

Одни начали его обнимать, цѣловать, а другіе въ это время отстегнули шарфъ.

— Браво, браво! Нашъ братъ гусаръ! Прежняя гусарская душа не измѣнилась!

Поднялся самый неистовый крикъ восторга, шумъ, гамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, не давая Тутчеку опомниться, оказать какое-нибудь сопротивленіе и произнести хотя одно слово, начали упрашивать генерала одни—растегнуть хоть одну пуговицу мундира, другіе—растегнуться совсѣмъ, третьи—снять мундиръ; остальные, поцѣлуями и ласкательными словами «голубчикъ, душенька», не давали ему разинуть ротъ, а объятіями сдерживали его руки; въ этой кутерьмѣ разстегнули на немъ мундиръ, перекинули черезъ голову ленту и, наконецъ, совсѣмъ стащили съ него мундиръ.

Тутчекъ стоялъ красный, взбѣшенный и немогущій отъ волненія произнести ни одного слова. Молодежъ, увидя его въ такомъ положеніи, отскочила отъ него и тогда только поняла, что сдѣлала колоссальнѣйшую глупость.

— Такъ вотъ, милостивые государи, до чего дошла ваша распущенность! Вы наругались надо мною; вы прибѣгли къ насилію противъ генерала, который явился сюда по долгу службы и оскорбили его личность! Это тяжкое нарушеніе воинской дисциплины, за которое со всѣхъ васъ полетятъ эполеты.

Разумѣется, всѣ бросились одѣвать генерала, застегивать его и потомъ на рукахъ снесли его съ лѣстницы и посадили въ экипажъ;

но это ни къ чему уже не повело: генералъ былъ неумолимъ, не могъ простить такого поруганія и обѣщалъ завтра донести главнокомандующему оффиціально.

— А вѣдь скверныхъ дѣлъ мы надѣлали! разсуждали между собою молодые люди, возвращаясь въ Варшаву пѣшкомъ. Плохо! Вѣдь фельдмаршалъ шутить не любитъ.

Тутъ посыпались взаимныя обвиненія другъ-друга въ иниціативѣ сумасброднаго поступка. Каждый старался взвалить вину на другаго. Оказалось, что одинъ былъ виновнѣе другаго, а другой виноватѣе одного.

Рѣшили завтра сознаться во всемъ графу Крейцу и просить заступничества его предъ главнокомандующимъ.

Между тѣмъ по дорогѣ опять развеселились.

Проходя мимо госпиталя «Младенца Іисуса» и остановясь у довольно обширной колыбели, открытой въ окнѣ нижняго этажа для принятія подкидышей, молодые люди начали думать, нельзя ли тутъ выкинуть какое-нибудь гусарское колѣнце? Ротмистръ Солонина нашелся первый.

— Потапка! Потапушка! Крошка моя, поди сюда, мое дитю: я положу тебя въ колыбельку.

— Куда ему! отозвался кто-то: онъ не полѣзетъ. Узнаетъ княгиня, такъ въ уголъ поставитъ.

— Что? Я не полѣзу? Да нешто я боюсь княгини?

— Еще-бы! подхватилъ другой: безъ обѣда дитю оставитъ.

— Шапку съ бубенчиками надѣть заставитъ, добавилъ третій.

Потаповъ, не долго думая, спрыгнулъ въ колыбельку; та поворотилась внутрь, звонокъ зазвенѣлъ, прибѣжали монахини.

— Іезусъ-Марія! Цо то іестъ?

— Подкидышъ (bękart), пани - добродзики! Примите подъ свою опеку!

Монахини перепугались, однако не захотѣли отпустить «подкидыша» на свободу и послали въ ордонансъ-гаузъ за дежурнымъ плацъ-адъютантомъ. Молодежъ, удружившая Потапову, разошлась по домамъ.

Плацъ-адъютантъ, увидавъ Потапова, отпустилъ его также домой и на утро доложилъ объ этомъ коменданту.

Графъ Крейцъ, каждое утро, выходя изъ спальни, имѣлъ привычку садиться на софѣ въ своемъ кабинетѣ и въ Тибетскомъ халатѣ съ полчаса предаваться dolce far niente; ему приносили стаканъ кофе, а онъ призывалъ въ кабинетъ свою молодежъ и шутилъ съ нею.

Въ утро, послѣдовавшее за происшествіемъ въ огрудкѣ Оома, собралась у него вся виноватая молодежъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, шелопаи! началъ графъ, выдалбливая ножичкомъ сургучъ изъ своей гербовой печати. Ну... гдѣ кутили?... Много-ли добрыхъ дѣлъ вчера натворили?... Чтожъ это вы, какъ въ воду опущенные... А?...

Молодые люди молчали, не зная, какъ начать?

— Вы имѣете такой святой видъ, какъ будто въ терціары вписались... Вѣрно вчера цѣлый вечеръ молились?

— Мы не молились! осмѣлился кто-то сказать.

— Не сомнѣваюсь!... Но вѣрно были въ томъ костелѣ, гдѣ звонятъ рюмками да бокалами?

Опять молчаніе.

— Ну, да, я такъ и зналъ!... Которая же кошка и чье сало съѣла?... Э! да тутъ, кажется, всѣ были кошками! И это мои адъютанты, мои ординарцы!... Шелопаи, истинные шелопаи! Зачѣмъ я держу ихъ и не выбираю себѣ другихъ изъ корпуса?... Ну, такъ гдѣже вы кутили?

— У Оома.

— Непремѣнно у Оома, у «пѣнкной Каролины?...» И вѣрно влопались?

— Влопались, ваше сіятельство!

Графъ началъ всматриваться въ каждаго поочередно.

— Да, да, такъ и есть... всѣ были кошками!... А ну, ну... Любопытно!

Два-три любимца графскихъ выступили впередъ и, прерывая другъ-друга, начали разсказывать все по порядку. Графъ слушалъ, закусывая себѣ губу. Ясно было, что онъ сильно удерживался отъ смѣха и корчилъ суровую физіономію. Когда же разсказъ дошелъ до того, какъ съ Тутчека сняли мундиръ, графъ не выдержалъ и разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Ахъ, вы шелопаи, шелопаи! Ахъ, вы ницъ-добрэго! Все это такъ глупо, что даже смѣшно!... И это мои адъютанты, мои приближенные!... Всѣхъ, всѣхъ вонъ!... Да, впрочемъ, теперь я и не властенъ надъ вами... Всѣ пойдете подъ судъ, всѣ въ солдаты!

Молодые люди бросились къ нему съ просьбою отстоять ихъ.

— Ну, нѣтъ! Въ такомъ дѣлѣ я вамъ не защитникъ! Напротивъ, сейчасъ ѣду къ главнокомандующему съ просьбою предать васъ военному суду.—Карету мнѣ! Быть можетъ вы съ него и штаны, и ботфорты стянули.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не стягивали.

— Напрасно! Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Погодите же вы, мелюзга этакая, я вамъ удружу!

Молодежъ успокоилась: графъ грозилъ, стало быть не сердился и ѣхалъ во дворецъ въ ея интересахъ. Для проформы еще упрашивали его; но онъ увѣрялъ, что непремѣнно разжалуетъ всѣхъ въ солдаты.

Графъ Крейцъ вѣроятно умѣлъ представить князю Паскевичу весь инцидентъ въ очень комическомъ видѣ, потому что на лицѣ его свѣтлости во время бесѣды съ графомъ видѣли веселость.

Графъ Крейцъ сидѣлъ еще въ кабинетѣ, когда доложили о пріѣздѣ коменданта Тутчека. Послѣдняго попросили въ кабинетъ, и онъ долженъ былъ докладывать въ присутствіи графа. Паскевичъ слушалъ съ пасмурнымъ лицемъ, по временамъ прерывая его словомъ:

— Дальше!

Наконецъ, Тутчекъ, разсказавъ о снятіи съ него мундира, замолчалъ.

— Дальше! повторилъ фельдмаршалъ.

— Все, ваша свѣтлость.

— Какъ все? А какъ же съ васъ сняли лосины и ботфорты?

— До этой крайности не доходило, ваша свѣтлость.

— Не можетъ быть?... Какъ же они, дураки, не догадались этого сдѣлать?... Если генералъ дозволяетъ корнету раздѣть себя, то долженъ дозволить и разуть. Вотъ что̀ я скажу вамъ, генералъ: какъ смѣли вы пріѣхать ко мнѣ съ рапортомъ, что васъ, коменданта города, въ какомъ-то кабачкѣ раздѣли мальчишки?... Какъ смѣли вы допустить до этого? И это дѣлается у меня въ арміи!!... Что̀ мнѣ Государь на это скажетъ?... Не офицеровъ, а васъ я долженъ предать суду, за допущеніе такъ наругаться надъ собою мальчишкамъ! Кто же будетъ поддерживать дисциплину въ войскахъ, если не сами генералы? Я ничего объ этомъ происшествіи не слышалъ, вы мнѣ о немъ ничего не говорили, и оно никогда въ моей арміи не имѣло мѣста! Слышите ли?

— Слушаю, ваша свѣтлость! отвѣчалъ уничтоженный Тутчекъ и уѣхалъ.

Фельдмаршалъ приказалъ и графу Крейцу сдѣлать изъ этого происшествія величайшую тайну съ тѣмъ, чтобъ молодые люди поѣхали къ Тутчеку съ извиненіями и съ просьбою *не доводить* о поступкѣ ихъ *до свѣдѣнія фельдмаршала.*

Графъ Крейцъ, вернувшись домой, застращалъ молодыхъ людей гнѣвомъ намѣстника, который обѣщалъ, *въ случаѣ оффиціальной жалобы коменданта*, предать ихъ всѣхъ военно-уголовному суду, по полевому уголовному уложенію.

— Одна надежда останется вамъ, прибавилъ онъ, если вамъ удастся упросить Тутчека, чтобы онъ простилъ вамъ и не жаловался. Поѣзжайте и просите прощенія. Но если онъ и проститъ вамъ, то вы должны поклясться ему, что тайну объ этомъ происшествіи каждый изъ васъ сохранитъ до смерти.

Такъ и сдѣлалось: Тутчекъ принялъ извиненія и обѣщалъ *не доносить фельдмаршалу.*

Потаповъ за непрошенный визитъ свой въ госпиталь «Младенца Іисуса», просидѣлъ нѣсколько часовъ подъ арестомъ на дворцовой гауптвахтѣ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава V.

О значеніи предпринятыхъ на Кавказѣ дѣйствій.—Поѣздка въ Петербургъ.—Увѣренность окончить войну съ Шамилемъ въ 1859 г.—Возвращеніе на Кавказъ.—Поѣздки въ Аргунское ущелье, по Ичкеріи, въ Чеченскій отрядъ.—Переписка о Н. И. Евдокимовѣ.—Эпизодъ съ противорѣчивыми приказаніями.—Ходъ дѣлъ въ Дагестанскомъ отрядѣ.—Громадный результатъ перехода чрезъ Койсу.—О поводахъ къ противорѣчивымъ приказаніямъ.

Для правильной оцѣнки значенія предпринятыхъ княземъ Барятинскимъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, необходимо не терять изъ вида общее положеніе Россіи въ ту эпоху, не только въ ея отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ въ Европѣ и Азіи, но и по внутреннимъ вопросамъ.

Неоспоримо, что государственные люди на Западѣ гораздо вѣрнѣе большинства нашихъ понимали и оцѣнивали Кавказскія дѣла; практически-умнѣйшіе Британцы особенно хорошо сознавали, какъ важно для ихъ интересовъ не допускать Россію до окончательнаго покоренія Кавказа, оставляя на ея организмѣ родъ недуга, который истощалъ финансовыя средства государства, удерживалъ лучшую по боевымъ качествамъ часть арміи на далекой окраинѣ, прикованною къ мѣсту, вообще, связывалъ свободу дѣйствій Россіи. Они несомнѣнно понимали, что, не взирая на Севастопольскій погромъ, Россія скоро можетъ оправиться и опять стать грознымъ противникомъ Британіи въ ея стремленіи къ исключительному владычеству на Востокѣ. Съ этою цѣлью, презирая всякіе международные законы и даже обыкновенныя политическія приличія, Англичане не стѣснялись изъ Константинополя снаряжать экспедиціи къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, посылать эмисаровъ для возбужденія противъ насъ ту-

земцевъ и т. п. Время казалось имъ для враждебныхъ противъ насъ козней тѣмъ болѣе благопріятнымъ, что финансы Россіи, послѣ трехлѣтней войны, были до крайности разстроены, экономическое положеніе вообще въ печальномъ положеніи, а возбужденный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ представлялся многимъ и въ Европѣ, и у насъ, вопросомъ чреватымъ опасными осложненіями, безпокойствами и смутами. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что особаго противодѣйствія, или хотя бы серьезнаго несочувствія къ своимъ дѣйствіямъ, Англія ни отъ кого не ожидала. Франція старалась оказывать намъ расположеніе, и извѣстное свиданіе покойнаго Государя съ императоромъ Наполеономъ въ Штутгартѣ, въ 1857 году, давало основаніе предполагать сближеніе, обѣщавшее добрые результаты; но старыя традиціи нашей политики, не взирая на проявленную во время Крымской войны Австріею неблагодарность и двоедушіе, не взирая на сомнительную дружбу и нерѣшительный нейтралитетъ Пруссіи, восторжествовали: мы предпочли возвратиться къ этимъ союзникамъ и оттолкнули Наполеона....

Князь Барятинскій, получая изъ компетентнаго источника подробныя свѣдѣнія о всѣхъ высшихъ вопросахъ иностранной и внутренней политики, стоявшихъ тогда на очереди, очень хорошо понималъ, что мы остаемся, какъ всегда, одинокими въ Европѣ и должны разсчитывать лишь на свои собственныя силы; а чтобы силы эти, какъ можно скорѣе, были освобождены и въ нужный моментъ не парализованы, онъ считалъ единственнымъ средствомъ покончить съ непокорнымъ Кавказомъ и связать его прочными сообщеніями съ центромъ Россіи, не щадя для этого никакихъ усилій и расходовъ.

Изъ разсказаннаго уже выше и изъ приводимыхъ писемъ его къ правительственнымъ лицамъ достаточно видно, какую борьбу приходилось ему вести, чтобы отстоять свой взглядъ и тѣмъ довершить великое дѣло. Можетъ казаться, по крайней мѣрѣ страннымъ, что лицо, поставленное довѣріемъ Монарха во главѣ отдаленнаго, огромнаго края, и продолжающее сохранять это довѣріе въ полной мѣрѣ, при стремленіи выполнить главную задачу и принести государ-

ству пользу первостепеннаго значенія, встрѣчаетъ препятствія и плохо замаскированныя противодѣйствія въ высшихъ правительственныхъ агентахъ, назначенныхъ именно для споспѣшествованія всякому полезному государственному дѣлу. Настоящій случай не единственный примѣръ: достаточно вспомнить, какую борьбу долженъ былъ вынести графъ Муравьевъ-Амурскій, чтобы, не взирая на сочувствіе его планамъ Императора Николая Павловича, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Константина Николаевича, добиться, наконецъ, возможности сплава экспедиціи къ устью Амура. Князь Барятинскій стоялъ слишкомъ высоко въ мнѣніи, довѣріи и расположеніи къ нему Государя, чтобы можно было бороться противъ его предположеній обыкновенными бюрократическими средствами, а потому прибѣгали даже къ такому тонкому средству: затронули его патріотическія чувства, чтобы отклонить отъ безполезной траты денегъ и крови, жертвуемыхъ будто бы только для личной славы. Подобныя попытки остались однако безъ результата, и послѣдствія, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, блистательно оправдывали настойчивость князя Барятинскаго: пріобрѣтенная имъ слава, оказалось, имѣла источникомъ не одно личное честолюбіе.

20-го Февраля 1859 года князь Барятинскій, между прочимъ, писалъ Государю, что вскорѣ надѣется донести о взятіи Веденя, и тогда же опредѣлить военныя мѣры, необходимыя, въ его видахъ, на будущее; а 7-го Апрѣля, донося Годарю о паденіи Веденя, онъ добавилъ: „Успѣхъ этотъ особенно славенъ для Русскаго оружія, потому что *съ этого дня будетъ считаться покореніе народонаселенія, обитающаго между Каспійскимъ моремъ и Военно-Грузинской дорогою. Рѣшаюсь говорить это съ увѣренностью.* Всю славу такого событія слѣдуетъ приписать соизволенію Вашему оставить мнѣ тотъ излишекъ войскъ, о которомъ я ходатайствовалъ“.

Ведень былъ взятъ, и чрезвычайная важность этого успѣха для дальнѣйшихъ результатовъ стала очевидна; но въ Петербургѣ все-таки не вполнѣ понимали дѣйствительное положеніе Кавказскихъ дѣлъ и писали князю Барятинскому: „Ne serait-il pas possible d'entamer des négociations secrètes avec

Schamyl pour le sonder, s'il n'était pas disposé à une complêtte soumission, en lui promettant le pardon pour tous ses méfaits passés et en lui assurant une position indépendante, c. a. d. quant à la fortune, mais naturellement loin du Caucase" *). Начать подобные переговоры значило бы только напрасно время терять и внушить Шамилю увѣренность, что мы еще сомнѣваемся въ возможности полнаго пораженія его и покоренія Дагестана. Князь Барятинскій, 4-го Мая 1859 г., чрезъ мѣсяцъ послѣ паденія Веденя, писалъ въ Петербургъ, что онъ потому-то такъ и настаивалъ на оставленіи ему всѣхъ войскъ, чтобы усилить дѣйствія, скорѣе покончить съ Кавказской войной и имѣть возможность, уменьшивъ постоянный составъ Кавказской арміи и расходы на ея содержаніе, сформировать сильные боевые резервы; предположенія же объ окончаніи дѣла на Кавказѣ посредствомъ амнистій и миролюбивыхъ соглашеній несбыточны. Даже золотой мостъ, если бы Шамиль рѣшился чрезъ него перейти, открылъ бы намъ путь лишь къ весьма сомнительному примиренію: потребовалось бы въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ еще много войскъ, денегъ и трудовъ; потому что безъ стычекъ съ вооруженнымъ населеніемъ при проведеніи дорогъ, постройкѣ крѣпостей, учрежденіи администраціи и порядка, не обойдется.

Нужно было сломить силою оружія сопротивленіе; нужно было, чтобы предводители горцевъ не подкупомъ, а невозможностью дальнѣйшей борьбы вынуждены были просить пощады, изъявить покорность, сдаться на волю побѣдителя. Въ Азіи искони поклоняются лишь силѣ, уважаютъ лишь сильнаго; да, впрочемъ, и все человѣчество въ массѣ таково. Конечно, и сила золота вызываетъ поклоненіе: это достаточно видно по всѣмъ дѣйствіямъ Англіи, успѣхи которой можно почти единственно приписать золоту. Но, вопервыхъ, мы золотомъ не богаты, и тутъ конкуренція намъ едва ли по силамъ; вовторыхъ, побѣда силою оружія полезнѣе побѣды силою подкупа и, полагаю, почетнѣе: подкупъ раз-

*) Нельзя ли вступить въ тайные переговоры съ Шамилемъ и провѣдать, не согласится ли онъ на полное подчиненіе. Можно ему обѣщать, что всѣ его прошедшія дѣйствія противъ насъ будутъ ему прощены, и ему обезпечится независимое положеніе, т.-е. въ денежномъ отношеніи, но конечно вдали отъ Кавказа.

вращаетъ, возбуждаетъ ненасытные инстинкты корыстолюбія, подкупъ уваженія не можетъ возбудить... Князь Барятинскій хорошо понималъ, что съ такими людьми, какъ Кавказскіе горцы, которые въ оружіи и военномъ мужествѣ, въ теченіе многихъ столѣтій, признавали единственную цѣль и средства жизни, нужно тѣмъ же оружіемъ вести споръ о подчиненіи ихъ намъ.

У князя уже, очевидно, созрѣлъ планъ окончательнаго покоренія Восточнаго Кавказа въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ, и онъ 4-го Мая 1859 г. писалъ Государю: „У меня составленъ планъ для будущаго, но я не могу еще рѣшиться изложить его письменно, потому что его осуществленіе зависитъ отъ хода дѣйствій нынѣшняго лѣта. Я ничѣмъ не могу себя связывать впередъ; но мнѣ бы хотѣлось на словахъ, собственно для свѣдѣнія Вашего Величества, передать эти мои личныя соображенія: тогда, съ картою въ рукахъ, Вы сами обсудите мой проектъ и основанія, на которыхъ я разсчитываю его осуществленіе. Быть можетъ, настанетъ день, когда Вы будете довольны даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ словесно доложить вамъ о предметѣ, предоставленномъ моему обсужденію. Поэтому, прошу у Васъ разрѣшенія прибыть на нѣсколько дней въ Петербургъ, и если Вы будете согласны, то повелѣть сообщить мнѣ объ этомъ по телеграфу чрезъ Симферополь, а оттуда съ курьеромъ въ Ставрополь“ *).

Получивъ просимое разрѣшеніе, князь въ Іюнѣ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, послѣ стольких важныхъ успѣховъ, въ короткое время имъ достигнутыхъ, былъ самымъ дружески-милостивымъ образомъ принятъ Государемъ: всѣ доклады его были разрѣшены согласно съ его желаніями и не безъ нѣкотораго огорченія для Военнаго Министерства.

О своей увѣренности уже въ этомъ году покончить съ Шамилемъ онъ, конечно, офиціально заявлять не могъ: не только въ Петербургѣ, но и на Кавказѣ, даже близкія къ

*) Тогда ближайшая къ Тифлису телеграфная линія оканчивалась въ Симферополѣ. Говорили, будто князь Барятинскій противился продолженію проволоки до Тифлиса, потому что его стали бы поминутно безпокоить по самымъ пустымъ дѣламъ. Письменныхъ слѣдовъ такого отказа я нигдѣ не нашелъ; да и сомнѣваюсь, чтобы князь могъ серьезно отклонить подобное дѣло, еслибы оно было затронуто офиціально.

нему дѣйствующія лица относились къ подобнымъ предположеніямъ съ нескрываемыми опасеніями и сомнѣніями. Д. А. Милютинъ изъ Тифлиса, вслѣдъ за выѣздомъ князя въ Петербургъ, писалъ ему, убѣждая не предпринимать кампаніи 1859 года, какъ не обѣщающей успѣха. Но самъ князь Барятинскій такъ былъ увѣренъ въ противномъ, что просилъ у Государя позволенія прислать плѣннаго Шамиля въ Петербургъ съ своимъ адъютантомъ полковникомъ Тромповскимъ, дабы дать ему этимъ случай къ производству въ генералъ-маіоры, на что Государь, разсмѣявшись, согласился. А проѣздомъ чрезъ Москву, князь заказалъ одному изъ лучшихъ мастеровъ дорожный экипажъ для Шамиля...

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что князь Барятинскій, со свойственною ему прозорливостью, уже давно угадалъ, какія послѣдствія будетъ имѣть взятіе Веденя, и кампанія 1859 года съ его стороны была шагомъ обдуманнымъ, разсчитаннымъ съ увѣренностью въ успѣхѣ. Впрочемъ, не слѣдуетъ особенно обвинять и С.-Петербургскія высшія сферы за ихъ желаніе миролюбивыхъ мѣръ: нужно вспомнить, что въ началѣ 1859 года уже было несомнѣннымъ предстоявшее столкновеніе Пьемонта съ Австріею, при поддержкѣ перваго Наполеономъ. Столкновеніе это могло грозить серьезными политическими осложненіями и вызвать общую Европейскую войну, съ неизбѣжнымъ участіемъ Россіи. Въ предвидѣніи этого, покойный Государь предложилъ созваніе общаго конгресса всѣхъ великихъ державъ. Пруссія, Англія и Франція изъявили на это согласіе; но Австрія подъ разными предлогами уклонилась, вѣроятно хорошо понимая, что она очутится на конгресѣ безъ поддержки: на Россію, послѣ предательской неблагодарности въ 1854 году, она, конечно, уже разсчитывать не могла. Оставалось одно: локализовать войну между Франціею и Пьемонтомъ съ одной и Австріею съ другой стороны, не давая распространиться пламени дальше, къ чему и были направлены всѣ усилія нашей дипломатіи; но вѣдь и это могло не осуществиться. Такое положеніе дѣлъ, само собою, требовало съ нашей стороны возможной готовности встрѣтить грозу съ соотвѣтственными силами, и въ такомъ случаѣ очевидно, какъ важно было покончить съ

Кавказомъ, покрайней мѣрѣ съ Восточнымъ, и освободить часть войскъ для дѣйствій на Западѣ, уменьшивъ и часть расходовъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на разстроенныхъ недавнею Восточною войною финансахъ государства.

Обратный путь изъ Петербурга князь Барятинскій совершилъ чрезъ Таганрогъ; здѣсь онъ 27 Іюня сѣлъ на пароходъ и прибылъ въ Ейскъ, послѣ 12-ти часоваго плаванія въ довольно бурную погоду. Изъ Ейска князь заѣхалъ въ Пятигорскъ, осмотрѣлъ Желѣзноводскъ, въ которомъ отъ разлитія водъ потерпѣли многія лучшія постройки, сдѣлалъ здѣсь различныя распоряженія къ улучшенію вообще положенія группы минеральныхъ водъ и 4 Іюля прибылъ въ Грозную, куда между тѣмъ уже собрались весь штабъ и свита князя изъ Тифлиса.

Четыре дня главнокомандующій оставался въ Грозной, занимаясь съ прибывшими изъ Тифлиса чиновниками различными дѣлами по управленію обширнымъ краемъ и распоряженіями къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ. Тутъ представлялись ему всѣ старшины и почетные жители туземнаго населенія, между которыми большинство составляли Чеченцы, только что покорившіеся послѣ 18-ти лѣтней кровавой борьбы. Странно было видѣть здѣсь нѣкоторыя лица, много лѣтъ сряду стоявшія во главѣ нашихъ враговъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предводительствовавшія партіями горцевъ, какъ напримѣръ: бывшій наибъ Большой Чечни—Талгикъ, Малой Чечни—Дуба, Мичиковскій—Эски, Ичкеринскій—Умалатъ, Веденскій—Идиль и другіе. Всѣ они, повидимому, выражали искренно свою преданность и благодарность князю Александру Ивановичу за благодѣянія и попеченія объ нихъ.

9-го Іюля, въ коляскѣ, въ сопровожденіи лишь почетнаго конвоя, большею частью изъ туземныхъ жителей, князь отправился въ крѣпость Воздвиженскую, а оттуда въ Аргунское ущелье.

Для незнакомыхъ съ исторіею войны на Кавказѣ не можетъ быть понятно, съ какимъ удивленіемъ, даже можно сказать недоумѣніемъ, смотрѣли тогда на подобный поѣздъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась упорная Кавказская война, раза два пытались наши войска проникнуть въ ущелье Аргуна, но, достигнувъ аула Дачу-Борзоя, расположеннаго у сліянія

Шаро съ Чанти-Аргуномъ, всего верстахъ въ семи отъ Воздвиженской, они должны были возвращаться, съ значительнымъ урономъ. Не взирая на чрезвычайную для насъ важность Аргунскаго ущелья, овладѣніе имъ давно уже перестало входить въ предположенія, составляемыя для дѣйствій, какъ нѣчто несбыточное, pia desideria; и дѣйствительно, до 1858 года оно было для насъ недоступно. Между тѣмъ, мы были вынуждены на всемъ пространствѣ между Военно-Грузинской дорогой и большой Чечней вести войну, наступая съ плоскости въ горныя лѣсныя трущобы, безъ возможности дѣйствовать съ фланговъ и разъединить Малую Чечню отъ Большой; это вызывало съ нашей стороны усилія, сопряженныя съ громадными пожертвованіями. Овладѣвъ, наконецъ, ущельемъ, мы отрѣзали отъ Шамиля всю западную часть непокорной страны до Терека. Но и труды войскъ здѣсь были неимовѣрные. Проѣзжая тогда по Аргунскому ущелью, глядя на массу срубленныхъ деревъ, на пятидесятиверстное пространство, изъ узкой, едва проходимой мѣстности превращенное въ удобную дорогу, съ мостами черезъ Аргунъ, съ тэтъде-понами, съ тремя укрѣпленіями (Аргунское, Шатовское и Евдокимовское), соображая, какое сопротивленіе предпріимчивый непріятель могъ оказать въ этихъ тѣснинахъ надъ бездонными обрывами, въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, покрывающихъ бока ущелья, наконецъ въ этой трещинѣ, ведущей къ укрѣпленію Евдокимовскому, гдѣ два мостика перекинуты на высотѣ 20 саженъ между отвѣсныхъ скалъ, гдѣ узкая тропа, въ видѣ полутоннеля, защищалась у входа двумя каменными башнями съ бойницами,—смотря на все это, дѣйствительно приходилось изумляться и недоумѣвать, тѣмъ болѣе, что все видимое было совершено и такія преграды преодолѣны въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ самою незначительною потерею людей: нужно отдать полную справедливость генералу Евдокимову, что всѣмъ этимъ мы были обязаны ему, его энергіи, настойчивости, замѣчательному умѣнію обходить всякія препятствія въ борьбѣ не столько съ упавшими уже духомъ непріятелями, сколько съ грозною природою, климатическими условіями и чрезвычайными трудностями снабженія войскъ всѣми припасами. До какой степени князь Барятинскій цѣ-

нилъ эти заслуги Н. И. Евдокимова, можно видѣть изъ возникшей объ немъ переписки.

Еще до занятія Аргунскаго ущелья, вышеописанныя дѣйствія конца 1857-го г. въ Малой и Большой Чечнѣ и Аухѣ, увѣнчались чрезвычайно важными результатами. Государь, читая донесеніе объ этихъ дѣлахъ съ большимъ интересомъ, остался чрезвычайно доволенъ и извѣстилъ объ этомъ главнокомандующаго, письмомъ отъ 14 Января 1858 г.

Въ тоже время изъ высшихъ сферъ писали князю Барятинскому: Malheureusement, tout en rendant pleine justice aux talents militaires de Евдокимовъ, on ne peut vous cacher qu'on reçoit des notions fort désagréables sur des malversations qu'il se permet de faire pour la partie pécuniaire de son ressort. Je dois y porter toute votre attention pour que vous y mettiez *le holà*! si c'est possible sans esclandre. Si non, il faudra bien le sacrifier au bien-général du service et penser à son remplaçant [1]).

На это князь Барятинскій отвѣчалъ, между прочимъ [2]): „Мнѣ было очень грустно, когда я узналъ, что объ Евдокимовѣ такъ дурно говорили вамъ. До меня дошли слухи, носящіеся на его счетъ, и такъ какъ онъ командуетъ тою частью, которою командовалъ я самъ и гдѣ я частнымъ образомъ зналъ всѣхъ: то думаю, что могу быть здѣсь компетентнымъ судьею. Я не переставалъ обращать свое особенное вниманіе на все, что́ касается до отчетности, и если бы я открылъ тамъ какое нибудь злоупотребленіе, или открою его въ будущемъ, то я самъ первый пожертвовалъ бы въ силу необходимости Евдокимовымъ и первый бы о томъ васъ увѣдомилъ. Смѣю напомнить вамъ, какъ я отзывался о немъ въ одномъ изъ моихъ прежнихъ къ вамъ писемъ, и теперь еще разъ повторяю, что въ настоящее время изъ всѣхъ Кавказскихъ генераловъ только онъ одинъ, на опытность и заслуги котораго я могъ бы вполнѣ положиться. Было бы крайне печально парализовать удачу подобнаго

---

[1]) *Переводъ*: Къ сожалѣнію, отдавая полную справедливость военнымъ талантамъ Евдокимова, нельзя скрыть предъ вами, что получаются весьма непріятные доклады на счетъ злоупотребленій, которыя онъ позволяетъ себѣ дѣлать по денежной части своего управленія. Я долженъ обратить все ваше вниманіе на это, чтобы вы остановили его, если можно, безъ позора; если же нѣтъ, то придется имъ пожертвовать ради общей служебной пользы и подумать о его замѣщеніи.

[2]) Письмо отъ 26 Января 1858 г. съ надписью: „très réservée“.

выбора, остановить ожидаемые еще мною отъ него успѣхи и—безо всякой положительной причины къ его обвиненію—замѣстить его кѣмъ нибудь изъ низшихъ. Генералы Баклановъ, Сусловъ и Николаи долгое время служили на Лѣвомъ флангѣ и пріобрѣли себѣ тамъ партіи, которыя, изъ личныхъ видовъ, хотя и безъ ихъ содѣйствія, тайно интригуютъ въ ихъ пользу. Я вовсе не хочу оспаривать личныя заслуги каждаго изъ этихъ генераловъ и то уваженіе, которое питаютъ къ нимъ, благодаря ихъ особеннымъ способностямъ; но тѣмъ не менѣе я долженъ конфиденціально заявить, что ихъ сужденія вообще довольно посредственны, и въ особенности, если они коснутся до вопросовъ объ управленіи страною.

Послѣ этого, въ Февралѣ, опять писали князю, что подробный рапортъ Евдокимова о занятіи Аргунскаго ущелья доставилъ чрезвычайное удовольствіе, ибо это должно считать вторымъ серьезнымъ результатомъ, достигнутымъ въ эту зиму съ ничтожною потерею. Евдокимову былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла съ мечами. При этомъ извѣщали, „что съ той минуты, когда кн. Александръ Ивановичъ беретъ на себя отвѣтственность за Евдокимова, никакая молва, для него неблагопріятная, уже не возбудитъ къ себѣ вниманія. *И если даже есть что нибудь справедливаго въ этихъ слухахъ, то надѣются, что князь съумѣетъ устранить безпорядки; а самъ Евдокимовъ, послѣ столькихъ заслуженныхъ имъ поощреній, постарается вести себя такъ, чтобы не давать ни малѣйшаго повода къ толкамъ*“.

Не взирая на это, разные слухи весьма настойчиво продолжали доходить до Петербурга. 14 Декабря 1858 г. одно изъ высокопоставленныхъ лицъ опять писало: „Къ несчастью, получаемыя нами свѣдѣнія о положеніи Лѣваго фланга и злоупотребленіяхъ, происходящихъ тамъ, обязываютъ меня обратить все ваше вниманіе на ген. Евдокимова. Опасаются даже возстанія всѣхъ недавно-покорившихся обществъ Чечни, какъ во времена Пулло. Если дѣйствительно дѣла идутъ такъ дурно, я не сомнѣваюсь, что, не взирая на всѣ его военные заслуги, вы примете необходимыя мѣры къ его обузданію, даже съ устраненіемъ отъ должности, если сочтете это нужнымъ“ *).

*) Замѣчательно, что опасенія Петербурга какъ бы оправдывались возникшими вскорѣ въ Аргунскомъ ущельѣ безпорядками (вслѣдствіе неудовольствія жителей дѣйствіями поставленныхъ надъ ними офицеровъ).

4 Янв. 1859 г. князь Барятинскій, писалъ военному министру: „Обращаясь къ конфиденціальному вашему сообщенію на счетъ разстройства войскъ на Лѣвомъ крылѣ и укоризненному подозрѣнію личности генерала Евдокимова, я долженъ обратить ваше вниманіе, что наврядъ ли найдется во всей Имперіи человѣкъ, который зналъ бы лучше меня и войска, и народъ, и всѣ личности, составляющія управленіе Лѣваго крыла. Я тамъ почти постоянно и весьма недавно служилъ около восьми лѣтъ; кромѣ того, начальникъ штаба генерала Евдокимова *)—весьма близкій человѣкъ къ генералу Милютину; мои адъютанты постоянно бываютъ въ отрядѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; я ихъ съ намѣреніемъ посылаю и потомъ, по возвращеніи, всегда подробно разспрашиваю. Полковые командиры флигель-адъютанты: князь Мирскій и Чертковъ, полковники: Баженовъ, Фонъ-Кауфманъ и графъ Ностицъ,—все люди отборные и на мнѣніе которыхъ можно положиться. Всѣ отзывы ихъ подкрѣпляютъ меня въ убѣжденіи, что клевета и интриги сильно дѣйствуютъ противъ этого полезнаго и достойнаго генерала, который хотя и лично мною предупрежденъ въ тяжкихъ и обидныхъ нареканіяхъ на немъ лежащихъ, не перестаетъ доблестно и неослабно подвизаться на пути славы своего Государя. Успѣхи наши на Лѣвомъ крылѣ такъ очевидны и такъ рѣшительны, что отрицать ихъ могутъ только люди недобросовѣстные, руководимые личною ненавистью или привычкой къ проискамъ. Генералу Евдокимову нѣтъ надобности преувеличивать въ своихъ донесеніяхъ число вновь покорившихся переселенцевъ: ихъ можетъ сосчитать каждый, кто проѣдетъ чрезъ тѣ новыя селенія, которыя возрождаются въ Большой и Малой Чечнѣ, на подобіе правильно разбитыхъ станицъ. На безусловную преданность этихъ переселенцевъ конечно полагаться не слѣдуетъ, какъ и во всякой вновь завоеванной странѣ; но самое развитіе этого покорнаго населенія и признаніе имъ нашей власти—есть уже важный успѣхъ, который былъ бы невозможенъ, еслибы справедлива была дошедшая до васъ клевета объ общемъ неудовольствіи въ краѣ на управленіе генерала

*) П. Д. Зотовъ, тогда полковникъ генеральнаго штаба.

Евдокимова. Недовольные есть вездѣ; не скрою, что особенно есть много недовольныхъ на Лѣвомъ крылѣ, чему доказательствомъ служатъ и тѣ пріѣзжіе, которые безсовѣстно разсѣваютъ въ Петербургѣ ложные слухи и превратныя толкованія. Я конечно весьма далекъ отъ мысли, чтобы въ какой либо части края все было совершенствомъ; лучше всякаго я знаю, что на Лѣвомъ крылѣ войска несутъ очень тяжкіе труды; знаю, что они не имѣютъ отдыха ни лѣтомъ, ни зимою; но развѣ можно обвинять въ этомъ генерала Евдокимова, получающаго главное руководство въ дѣйствіяхъ отъ меня? Справедливо ли всѣ частныя и мелкія злоупотребленія или недостатки въ краѣ приписывать лично начальнику, который съ самоотверженіемъ жертвуетъ всею жизнью своею службѣ и славѣ Государя? Генералъ Евдокимовъ не жалѣетъ самого себя: почти круглый годъ онъ на конѣ и живетъ въ палаткѣ. Войска, видя его всегда передъ собою на бивакѣ, безропотно несутъ тяжкіе труды, ибо сознаютъ сами громадные результаты этихъ трудовъ. Полагаю, что засвидѣтельствовать это могутъ и Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ: не смотря на быстрое свое путешествіе, Ихъ Высочества, безъ сомнѣнія, были поражены огромнымъ шагомъ, сдѣланнымъ нами въ послѣдніе два года на Лѣвомъ крылѣ. Для такихъ успѣховъ можно нести временныя жертвы, и въ этомъ случаѣ надобно только желать, чтобы полезное дѣло продолжалось и впредъ столь же счастливо, какъ до сихъ поръ."

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, въ письмѣ отъ 20 Января, еще разъ возвратился къ этому предмету: „Относительно Лѣвой стороны медали генерала Евдокимова, какъ прежде, такъ и нынѣ, обязанностію поставляю обращать вниманіе ваше на возможныя произойти отъ того вредныя послѣдствія. Я не менѣе другихъ отдаю полную справедливость превосходнымъ его военнымъ дарованіямъ, но не перестаю желать, дабы оныя сопровождались безпристрастіемъ, справедливостью и безкорыстіемъ всѣхъ подчиненныхъ ему инстанцій. Соединеніемъ только сихъ основныхъ началъ военные его успѣхи могутъ быть прочны и благодѣтельны для края. Вотъ личныя мои убѣжденія, кои, какъ главному на-

чальнику, передаю на ближайшее ваше усмотрѣніе. Прошу вѣрить, что на меня не имѣютъ вліянія разсказы, порождаемые завистью и злобою“.

Но князь Барятинскій не смутился и этими возобновленными указаніями. Въ письмѣ отъ 20-го Февраля 1859 г. къ Государю, онъ, уже не ограничиваясь защитою Евдокимова, пошелъ дальше въ восхваленіи его заслугъ и ходатайствѣ объ его вознагражденіи. „Войска Вашего Величества, писалъ онъ, находятся подъ Веденемъ; надѣюсь въ скоромъ времени имѣть возможность извѣстить васъ объ овладѣніи этимъ пунктомъ и опредѣлить въ тоже время военныя мѣры, необходимыя для моихъ дальнѣйшихъ видовъ. Укрѣпленія Веденя по природнымъ свойствамъ дѣлаютъ штурмъ слишкомъ рискованнымъ; поэтому генералъ Евдокимовъ, во избѣжаніе слишкомъ большой потери людей, рѣшился на правильную осаду; такимъ образомъ, овладѣніе Веденемъ потребуетъ еще нѣкотораго времени. Съ слѣдующимъ курьеромъ я надѣюсь имѣть возможность представить подробный планъ взаимнаго расположенія нашихъ войскъ и непріятеля“.

„Вашему Величеству лично слишкомъ хорошо и давно извѣстенъ характеръ здѣшней войны и вообще карта Кавказа, чтобы оцѣнить въ точности важность настоящаго военнаго предпріятія. Успѣшное его окончаніе поставитъ генерала Евдокимова и выше и внѣ зависти, имъ возбуждаемой. Только благодаря Вашему ко мнѣ довѣрію, этотъ генералъ имѣетъ возможность оказывать Вамъ услуги, какихъ ни одинъ изъ генераловъ еще не оказалъ. Въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, какъ извѣстно, генералы Граббе, Нейдгардъ, Головинъ, Воронцовъ дѣлали попытки; но онѣ походили болѣе на военныя прогулки, съ которыхъ возвращались войска — упавшія духомъ; а спустя нѣсколько лѣтъ, опять предпринималось нѣчто подобное, никогда не приводившее къ положительному результату. Такъ, взятіе Ахульго и двѣ экспедиціи въ Дарго не имѣли другаго результата, кромѣ крупной потери нашихъ войскъ и увеличенія престижа Шамиля; онѣ остались въ военной исторіи славными дѣлами, извѣстными всей Россіи, увеличивающими славу Кавказской арміи; въ память взятія Ахульго была учреждена медаль, и

получившіе ее гордились ею. Между тѣмъ, Ахульго все-таки и по нынѣ въ рукахъ непріятеля. Дарго было поводомъ пожалованія Воронцову княжескаго титула, каждый изъ насъ пользуется славой участника этой экспедиціи; а все-таки Дарго и теперь недоступно для нашихъ войскъ. Если я позволяю себѣ эту длинную апологію славному событію, теперь ожидаемому мною и, безъ сомнѣнія, Вашимъ Величествомъ, то собственно съ цѣлью предупредить Васъ, Государь, что я обращусь къ Вашему высокому и благосклонному великодушію въ тотъ день, когда буду въ состояніи донести, что Богу угодно было благословить двухлѣтнія сверхъ-человѣческія усилія генерала Евдокимова и его храбрыхъ войскъ. Полагаю, что было бы вполнѣ справедливо увѣковѣчить память этой большой заслуги въ его семействѣ. Объ орденѣ Св. Георгія 3-й степени, на который Евдокимовъ будетъ имѣть право, я пошлю оффиціальное представленіе; но мнѣ кажется также, что другая награда, могущая обезпечить его теперь матеріально, давая ему возможность оставить службу, была бы преждевременна и менѣе желательна, чѣмъ отличіе, которое увѣковѣчило бы навсегда память о монаршей милости. Несмотря на большія заслуги, которыя я признаю за этимъ генераломъ, я *не смѣю просить о назначеніи его генералъ-адъютантомъ; ибо хотя я далеко не раздѣляю мнѣнія его хулителей, однако сознаю, что званіе генералъ-адъютанта, какъ выраженіе вашей личной благосклонности, можетъ быть удѣломъ лишь людей безупречной репутаціи, людей избранныхъ. Я поэтому и не рѣшаюсь просить васъ о такой наградѣ;* но такъ какъ шпага во всѣ времена облагораживала умѣющихъ владѣть ею во славу своего монарха, то я осмѣливаюсь испрашивать у Вашего Величества для Евдокимова титулъ графа; а впослѣдствіи, когда онъ Вамъ окажетъ новыя услуги, Вы обезпечите его состояніемъ и дадите его потомству средства достойнымъ образомъ воспитывать людей, которые въ свою очередь Вамъ могутъ быть полезными".

„Когда я завершу дѣло Вами мнѣ порученное, то мнѣ придется вполнѣ откровенно сознаться, что большею частью успѣха я обязанъ этому генералу, за котораго я всегда имѣлъ смѣлость ручаться передъ Вашимъ Величествомъ".

На этомъ дальнѣйшія нападки на Евдокимова прекратились, а блистательный исходъ дѣйствій 1859 года заставилъ забыть все: подъ впечатлѣніемъ событія 25 Августа стушевались всякія осужденія.

Замѣчательная черта въ характерѣ князя Барятинскаго: не только отдавать полную справедливость заслугамъ своихъ подчиненныхъ и защищать ихъ съ настойчивостью, но ни малѣйше не умалять значенія ихъ заслугъ для вящаго возвышенія своихъ собственныхъ, что̀, правду говоря, встрѣчается довольно рѣдко. Даже оставивъ уже Кавказъ, князь продолжалъ эту же защиту и поддержку.

Въ письмѣ изъ-за границы, отъ 1-го Іюля 1863 г. къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, онъ говоритъ: „Я счастливъ, что Вы на дѣлѣ сами увѣрились въ умѣніи и настойчивости г. Евдокимова; эти слова Вашего Высочества превосходно опредѣляютъ ничѣмъ незамѣнимыя достоинства этого генерала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждаютъ меня въ увѣренности, что военные успѣхи въ Кубанской области увѣнчаются скоро и прочно, достойно Вашего высокаго имени. Армія Кавказская только тѣмъ и отличается отъ прочихъ, что для нея трудовъ не существуетъ; но для сохраненія и поддержанія такого геройскаго настроенія нужны и генералы, обладающіе долготерпѣніемъ, дѣятельностью и неутомимостью духа г. Евдокимова. Въ прежнія времена такихъ генераловъ и даже офицеровъ было болѣе нежели теперь; край отчасти уже умиротворенъ, армія пополнена офицерами столичными, любящими комфортъ; общій духъ времени также способствуетъ къ перемѣнѣ; а потому графъ Евдокимовъ, олицетворяя своею необыкновенною настойчивостью все преимущество постоянныхъ войскъ на Кавказѣ, лучше всякаго другаго можетъ довершить начатое. Никто кромѣ его не сумѣетъ требовать отъ войскъ должнаго и возможнаго, того что̀ прежде дѣлалось такъ легко, а что̀ теперь всякому кажется трудно. Еще и ту справедливость слѣдуетъ отдать графу, что онъ не ищетъ популярности и даже презираетъ ее; а Вашему Высочеству извѣстно, насколько эта страсть обще-развита и сколько она уже натворила зла. Однимъ словомъ, я взираю

на графа Евдокимова, какъ на консерватора отличительнаго характера старой нашей Кавказской арміи. *Не думайте однакоже, чтобы я былъ слѣпъ на личныя его недостатки; но польза, которую онъ приноситъ, вдесятеро вознаграждаетъ всѣ его слабости, изъ которыхъ, по моему, главная есть—пристрастіе къ родственникамъ и ближнимъ, въ особенности жены своей*".

Въ отношеніи ген. Евдокимова такая настойчивая защита была сама по себѣ немалою заслугою со стороны князя Барятинскаго; ибо онъ этимъ удержалъ на службѣ человѣка, продолжавшаго еще въ теченіе двухъ лѣтъ и послѣ увольненія князя быть однимъ изъ главныхъ виновниковъ колоссальнаго успѣха въ дѣлѣ окончательнаго покоренія Кавказа *). Возвратимся къ 1859 году.

10-е Іюля главнокомандующій пробылъ въ укрѣпленіи Шатоевскомъ, осматривая устраиваемую здѣсь штабъ-квартиру Навагинскаго пѣхотнаго полка, принимая старшинъ и почетныхъ жителей Шатоевскаго округа, образовавшагося изъ населенія Аргунскаго ущелья. За тѣмъ князь возвратился въ Грозную.

12-го Іюля, въ сопровожденіи почетнаго конвоя, князь пріѣхалъ въ Шали, отсюда верхомъ по ущелью р. Басса (у входа въ которое, не далѣе какъ въ Январѣ, горцы ставили свои орудія, стрѣляя въ наши войска), прибылъ въ

---

*) Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, кажется за Іюль 1888 г., были напечатаны чьи-то воспоминанія о фельдмаршалѣ кн. Барятинскомъ. Тамъ между прочимъ разсказывалось, что когда Государь настоятельно потребовалъ удаленія ген. Евдокимова отъ службы, то кн. Барятинскій продиктовалъ своему адъютанту письмо къ Государю, въ которомъ сказано: „Евдокимовъ—*ось того колеса, которое Вы мнѣ поручили вертѣть*, и потому уволить его нельзя". Теперь, прочитавъ всю приведенную мною переписку, можно видѣть, какъ пылкіе фантазеры, ничтоже сумняся, печатаютъ свои сочиненія. Только человѣкъ, слишкомъ мало знавшій кн. Барятинскаго, могъ полагать, что онъ позволилъ-бы себѣ послать подобное письмо къ Государю. Во 1-хъ, князь всегда писалъ собственноручно и пофранцузски; во 2-хъ, письма, безъ исключенія, имѣли тонъ высокопочтительный, вѣрноподданническій, безъ неумѣстныхъ остротъ и каламбуровъ; въ 3-хъ, что̀ тутъ остроумнаго? „Ось колеса, которое мнѣ поручили вертѣть". Главнокомандующій 300 т. арміи, намѣстникъ огромнаго края, человѣкъ несомнѣннаго государственнаго ума, съ самостоятельными взглядами на всякое дѣло, а въ особенности Кавказское, вдругъ представляется какимъ-то вертящимъ колесо второстепеннымъ лицомъ. И что̀ за сравненіе первостепенной важности государственной задачи съ какимъ-то колесомъ, служащимъ эмблемою безконечнаго верченія—по пустому? Удивительно, какъ неосторожно многіе обращаются съ печатнымъ словомъ.... А. З.

укрѣпленіе Таузень, основанное при движеніи нашихъ войскъ къ Веденю, какъ опорный и складочный пунктъ. На разстояніи двадцати верстъ каждый шагъ говорилъ о гигантскихъ работахъ и трудахъ войскъ. Громадныя массы срубленныхъ вѣковыхъ деревъ, цѣлыя поляны на мѣстахъ дремучаго лѣса, удобная дорога въ недавно непроходимыхъ дебряхъ, по которой съ величайшимъ трудомъ пробирались вьючныя лошади, а грязь приходилось солдатскими руками сгребать, чтобы дать возможность сдвинуть орудіе или зарядный ящикъ, отлогіе спуски и подъемы по глубокимъ оврагамъ, по которымъ теперь свободно проходили артиллерія и тяжелыя повозки, все это не менѣе Аргунскаго ущелья заставляло удивляться неимовѣрнымъ успѣхамъ, достигнутымъ въ такое короткое время. Люди, бывавшіе здѣсь недавно, сами туземцы, не узнавали мѣстности, измѣнившей свой характеръ; вся страна — поле безпрерывныхъ кровавыхъ битвъ — какъ будто сбросила маску и явилась въ какомъ-то новомъ, не столь мрачномъ видѣ.

Наконецъ, переѣхавъ р. Хулхулау и поднявшись по вновь разработанной дорогѣ, намъ открылась пространная ровная долина, вся покрытая изумрудною зеленью, и среди нея укрѣпленіе Новый Ведень—штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, главнокомандующій въѣхалъ въ укрѣпленіе, встрѣченный громкими ура храбрыхъ Куринцевъ. Не взирая на столь неимовѣрные труды, перенесенные войсками, они имѣли необыкновенно бодрый видъ, были щегольски одѣты и славно прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Верстахъ въ полутора впереди, у подошвы горы, виднѣлись остатки разрушеннаго Веденя и бѣловатые слѣды нашихъ траншей. Недавно отсюда разносился повелительный голосъ Шамиля по обширной и покорной ему странѣ; недавно гнѣздилась здѣсь сила фанатическаго ученья, возжегшаго долголѣтнюю ожесточенную войну; недавно еще собирались здѣсь подобострастные наибы съ своими вооруженными толпами, получая приказанія на брань съ Русскими. Въ Іюлѣ 1856 года никому не могло и на умъ придти, что

въ Іюлѣ 1859 г. здѣсь останутся лишь груда бревень и камней, осколки бомбъ, да на уцѣлѣвшей саклѣ, въ которой томились въ 1854 году плѣнныя Грузинскія княгини, будетъ Русскій караулъ, отдающій честь своему главнокомандующему. Да, велики были подвиги Чеченскаго отряда, и справедливы слова отданнаго княземъ приказа по арміи: „слава генералу Евдокимову, слава храбрымъ войскамъ—его сотрудникамъ!"

13-го Іюля князь Барятинскій, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ и полутораста человѣкъ милиціонеровъ, совершилъ чрезъ всю Ичкерію поѣздку въ Дарго. Кто бы могъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вообразить себѣ, что по Ичкеріи—этой, такъ сказать, заколдованной трущобѣ, стоившей намъ въ 1842 и 1845 годахъ столько крови, теперь проѣдетъ главнокомандующій съ небольшимъ коннымъ конвоемъ, въ которомъ около половины были наши тогдашніе и еще недавніе враги, главные бойцы кроваваго 1845 года? Всѣ эти аулы Центери, Гурдалой, Эресной, Курчали и друг., имена которыхъ на картѣ были синонимами неприступнѣйшихъ мѣстъ, проѣхали мы теперь, какъ проѣзжали бы Мцхетъ или Марткоби, или всякую другую деревню въ Грузіи. Въ Дарго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ровно 14 лѣтъ тому назадъ, по странной игрѣ случая, именно 13 Іюля, стояла палатка князя Воронцова и кругомъ лагерь отряда, обремененнаго нѣсколькими стами раненныхъ и готоваго къ опасному отступленію, князь Александръ Ивановичъ завтракалъ, а жители толпились кругомъ: мужчины, женщины, не закрывая, по обычаю, своихъ лицъ, дѣти кричали ура, кланялись, изъявляли радость при видѣ главнаго вождя тѣхъ войскъ, которыя избавили ихъ, наконецъ, отъ долголѣтняго тяжкаго ига и террора. Исхудалыя лица, рубища на взрослыхъ и нагія, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, дѣти обоего пола, краснорѣчиво говорили о томъ положеніи, въ которомъ былъ несчастный народъ подъ правленіемъ Имама. Становились понятными и тотъ упадокъ духа, и та радость при встрѣчѣ съ Русскими войсками, которыя замѣчались въ послѣднее время. Проѣхавъ немного впередъ по дорогѣ, по которой въ 1845 го-

ду войска наши вступали въ Дарго, князь прежнимъ путемъ возвратился въ Ведень.

И такъ Ичкерія была покорена. Страна, славившаяся дремучими лѣсами, непроходимыми оврагами, стала доступною, какъ всякое другое мѣсто въ покорной странѣ; просѣки отъ Хоби-Шавдона, отъ Веденя, отъ Яманъ-Су, открыли въ нее свободные пути. Жителями управлялъ уже нашъ офицеръ. Оставался одинъ непокорный аулъ Беной съ нѣсколькими хуторами, въ которомъ собрались разные бѣглецы, преступники и фанатики со всего Лѣваго крыла, продолжавшіе подстрекать жителей къ безпорядкамъ.

14 Іюля главнокомандующій выѣхалъ изъ Веденя по ущелью Хулхулау до аула Хорочой, а оттуда по вновь разработанному подъему на гору, гдѣ на высотѣ болѣе семи тысячъ футовъ былъ расположенъ главный отрядъ. Эта дорога, проложенная въ 10 дней по крутой горѣ, гдѣ едва изгибалась узкая тропинка, оказалась удобною для проѣзда артиллеріи и имѣла видъ шоссированной дороги, и все это было создано въ нѣсколько мѣсяцевъ руками солдатъ, даже при недостаткѣ самыхъ простыхъ рабочихъ инструментовъ.

Такимъ образомъ, рѣшительно на каждомъ шагу поражали эти необычайные успѣхи, эти гигантскіе труды, совершенные, благодаря той системѣ *безпрерывныхъ* дѣйствій, которая введена съ 1856 г., съ пріѣздомъ на Кавказъ князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Въ письмѣ отъ 17 Іюля, онъ, между прочимъ, писалъ Государю: „Въ Царскомъ Селѣ я докладывалъ Вамъ о томъ, что́ сдѣлано графомъ Евдокимовымъ и его войсками; но теперь я долженъ сознаться, что тогда я самъ былъ далекъ отъ дѣйствительнаго знанія, до какихъ размѣровъ достигли ихъ успѣхи“.

Здѣсь надо остановиться на одномъ любопытномъ эпизодѣ, случившемся во время знаменательныхъ дѣйствій 1859 года.

Каждому изъ трехъ командующихъ войсками на Восточномъ Кавказѣ были даны подробныя указанія, что́ имъ предстоитъ дѣлать. Графъ Евдокимовъ съ Чеченскимъ отрядомъ, при которомъ имѣлъ находиться самъ главнокомандующій,

долженъ былъ, разработывая дороги, наступать съ Сѣвера къ Андійскому Койсу; генералъ князь Меликовъ, съ Лезгинскимъ отрядомъ, двигаться чрезъ общества Дидо и Иланхеви къ тому же Койсу съ Юга; а баронъ Врангель, съ Дагестанскимъ, занять Сагрытлоскую и Чиркатскую переправы на этой же рѣкѣ и приступить къ разработкѣ оттуда удобной дороги назадъ, къ укрѣпленію Ишкарты. Кромѣ формальнаго предписанія, отъ 6 Іюля изъ Грозной, подписаннаго главнокомандующимъ, скрѣпленнаго начальникомъ штаба и посланнаго чрезъ капитана Ѳадѣева, тоже самое было подтверждено генералъ-адъютанту барону Врангелю еще особымъ оффиціальнымъ письмомъ, отъ 20 Іюля, изъ лагеря Чеченскаго отряда (см. приложенія).

Не только теперь, послѣ совершившихся событій, но и тогда было очевидно, что подобное предписаніе для дѣйствій Дагестанскаго отряда не соотвѣтствовало цѣли, къ которой совершенно ясно были направлены всѣ дѣйствія, и прямо говоря, не выдерживало критики: ибо, разъ мы овладѣвали переправами въ Сагрытло и Чиркатѣ, то гораздо лучше было подняться на противолежащія Бетлинскія высоты и далѣе на Аварское плато, чѣмъ удерживаться въ котловинѣ Андійскаго Койсу, гдѣ отрядъ подвергался со всѣхъ сторонъ опасности; проложеніе же дорогъ къ Ишкарты требовало десятка лѣтъ времени, огромнаго количества инженерныхъ и другихъ средствъ, и составляло предметъ вовсе не военныхъ дѣйствій, а занятія по умиротворенію края. (Если не ошибаюсь, это и до сихъ поръ, послѣ 30 лѣтъ, не вполнѣ сдѣлано). Къ тому же, нужно сказать, что оставаться въ котловинѣ было и трудно, и безполезно, а взойти на Аварское плато и легко, и въ стократъ полезнѣе: ибо это возвращало намъ вдругъ давно (въ 1843 году) утраченное положеніе въ самомъ сердцѣ Шамилевскаго государства.

Послѣ такихъ письменныхъ приказаній, къ немалому удивленію барона Врангеля, въ Дагестанскій отрядъ является вторично, состоявшій при главнокомандующемъ для особыхъ порученій капитанъ Ѳадѣевъ и на словахъ передаетъ отъ имени князя Барятинскаго инструкціи, совершенно противоположнаго содержанія, чѣмъ данныя письменныя предпи-

санія. Баронъ не придалъ словамъ Ѳадѣева особаго значенія, ссылаясь на неимѣніе у него никакого письменнаго документа. Къ тому же, рѣчи о томъ, что̀ дѣлать послѣ занятія переправъ и перехода чрезъ Койсу, были преждевременны до совершенія этого занятія, составлявшаго вовсе нелегкую задачу.

Баронъ Врангель былъ прекрасный человѣкъ, чрезвычайно заботливый о войскахъ (нерѣдко до излишества), лично образцово-храбрый, но особымъ талантомъ высшихъ военныхъ соображеній не отличался. Онъ сперва былъ намѣренъ двигаться къ Андійскому Койсу на Кирки и Аргуани. Это открывало непріятелю заблаговременно наши намѣренія и давало ему возможность собраться для обороны сильной Аргуанской позиціи (въ 1839 году взятіе ея стоило генералу Граббе огромныхъ жертвъ) и самыхъ переправъ. Князь Мирскій, занявшій въ 1859 году постъ начальника штаба войскъ Прикаспійскаго края, съ трудомъ убѣдилъ барона Врангеля направить Дагестанскій отрядъ на Мичикале, по дорогѣ въ Андію, и послѣ уже круто повернуть налѣво въ обходъ Аргуани къ Сагрытлоской переправѣ.—Движеніе совершилось вполнѣ благополучно: ни Аргуани, ни переправы непріятелемъ заняты не были. Къ сожалѣнію, баронъ Врангель, въ желаніи сберегать силы солдатъ, продержалъ въ Аргуани лишнихъ нѣсколько часовъ свой авангардъ, имѣвшій идти впередъ для захвата переправъ; когда же, наконецъ, позднимъ вечеромъ, авангардъ подошелъ къ Сагрытло, переправа оказалась уже занятою горцами, готовыми къ оборонѣ. А нужно знать мѣстность, чтобы судить о трудности выполнить предстоявшую задачу; коротко сказать, что здѣсь двухъ-трехъ десятковъ вооруженныхъ человѣкъ довольно, чтобы не дать хода десятку тысячъ войскъ.

Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ Ракусса, на другой день, осмотрѣвъ мѣстность подробнѣе, призналъ форсированіе переправы невозможнымъ и сталъ отступать. Дѣло грозило кончиться неудачею не только переправы, но и всей кампаніи, по крайней мѣрѣ для Дагестанскаго отряда. Въ это время баронъ Врангель съ своимъ штабомъ подъѣхалъ изъ Аргуани къ начавшему отступленіе Ракуссѣ и, выслушавъ

предложеніе инженернаго офицера, вызвавшагося совершить переправу по придуманному имъ плану, повернулъ колонну назадъ. Инженерный планъ оказался никуда негоднымъ; но горячія настоянія капитана Ѳадѣева о крайней необходимости такъ или иначе совершить переправу и самопожертвованіе нашихъ безподобныхъ солдатъ, придумавшихъ какой-то веревочный мостикъ съ люлькой изъ виноградныхъ лозъ и бросившихся въ бѣшенныя волны рѣки (при чемъ двое утонули), окончилась успѣхомъ: чрезъ два дня мы, наконецъ, овладѣли, переправой и открыли себѣ доступъ въ самое сердце Дагестана.

На другой послѣ занятія Сагрытло день баронъ Врангель, слѣдуя вышеупомянутымъ *письменнымъ* предписаніямъ, дѣлаетъ распоряженіе о движеніи отряда для занятія Чирката. На вопросъ князя Мирскаго, для чего это, баронъ повторяетъ, что для точнаго исполненія предписаній главнокомандующаго.

— Но вѣдь есть другое приказаніе, переданное адъютантомъ князя.

„Я такого приказанія не признаю и не имѣю основанія вѣрить капитану Ѳадѣеву“, говоритъ баронъ: „онъ не снабженъ никакимъ письменнымъ документомъ“.

— Но главнокомандующій можетъ давать и словесно приказанія посредствомъ своихъ адъютантовъ, которые для этого и состоятъ при немъ.

„Что же нужно дѣлать по вашему мнѣнію?“

— Немедленно занять Бетлинскую высоту, стать на Койсубулинскихъ возвышенностяхъ, откуда открыть безпрепятственный путь въ Аварію и на Карату, на встрѣчу Чеченскаго отряда, гдѣ находится главнокомандующій.

„Гора Бетль сильно укрѣплена, она усѣяна завалами; мы можемъ потерпѣть неудачу или понести весьма большія потери“.

— Бетлинская позиція дѣйствительно усѣяна завалами, но ея слабость именно въ слишкомъ большомъ протяженіи, и для защиты такой позиціи нужно нѣсколько тысячъ людей, а намъ извѣстно, что ихъ нѣтъ. Партіи горцевъ, защищавшихъ переправу, ушли вверхъ по Койсу; непріятель не зна-

етъ, куда мы направимся и обращаетъ главное вниманіе на Технуцалъ, гдѣ присутствуетъ самъ главнокомандующій. Занятіе Бетля намъ достанется легко, и во всякомъ случаѣ, при движеніи къ Чиркату потери будутъ больше, потому что колонна на правомъ берегу будетъ двигаться по трущобамъ, а непріятель на ея пути будетъ занимать господствующую позицію на ея флангѣ, такъ что она едва ли достигнетъ своей цѣли и можетъ быть разбита“.

Долго продолжался споръ. Баронъ Врангель то горячился, то успокоивался, все ссылаясь на обязанность точно исполнить предписанія. Наконецъ, онъ согласился позвать капитана Ѳадѣева, и когда тотъ честнымъ словомъ подтвердилъ ему, что онъ уполномоченъ передать приказаніе главнокомандующаго о направленіи Дагестанскаго отряда на Аварію и Карату, атака Бетлинской горы была рѣшена *).

Занятіе этой позиціи стоило намъ ничтожной потери; затѣмъ, какъ волшебствомъ, спала завѣса со всего Дагестана, объявившаго себя вдругъ покорнымъ Россіи.

Почему же князь Барятинскій далъ такія, по меньшей мѣрѣ странныя предписанія барону Врангелю на бумагѣ, а затѣмъ прислалъ капитана Ѳадѣева съ совершенно-противнымъ приказаніемъ на словахъ, не снабдивъ его хотя бы короткой собственноручной запиской? Почему князь рѣшился поступить такимъ необъяснимымъ образомъ, ставя успѣхъ дѣла такой громадной важности на карту степени довѣрія барона Врангеля къ словамъ Ѳадѣева? Что́ могло стѣснять полновластнаго главнокомандующаго въ отдачѣ такихъ или другихъ приказаній? Если допустить, что соображенія о несоотвѣтствіи первыхъ предписаній, данныхъ Врангелю, явились послѣ: то что же мѣшало князю Барятинскому такимъ же офиціальнымъ путемъ ихъ измѣнить, не прибѣгая къ средству, носящему какой-то косвенный характеръ? Все это тѣмъ болѣе непонятно, что князь вовсе не былъ человѣ-

*) Въ 1874 г. въ Петергофѣ, гдѣ мы съ барономъ Врангелемъ жили на дачахъ, онъ разсказывалъ мнѣ весь этотъ эпизодъ и говорилъ, что кромѣ честнаго слова заставилъ Ѳадѣева у себя въ палаткѣ письменно изложить приказаніе главнокомандующаго. Со словъ барона я и описалъ эту, въ своемъ родѣ, путаницу. А. З.

комъ слабохарактернымъ, несамостоятельнымъ, подчиняющимъ себя чужой волѣ.

Впослѣдствіи князь Барятинскій объяснялъ этотъ случай тѣмъ, что не могъ убѣдить Д. А. Милютина и графа Евдокимова въ правильности своего взгляда; а по мнѣніямъ ихъ слѣдовало ограничить операціи 1859 года, для вѣрнаго успѣха и избѣжанія какой-нибудь неудачи, занятіемъ лишь линіи Андійскаго Койсу, съ тѣмъ чтобы, укрѣпившись тамъ, на слѣдующій годъ уже предпринять дальнѣйшее наступленіе.

Что самъ князь Александръ Ивановичъ сознавалъ, что дѣло вѣрнѣе можетъ быть окончено однимъ быстрымъ, рѣшительнымъ ударомъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и самая посылка капитана Ѳадѣева достаточно это доказываетъ, не говоря о приведенныхъ мною выше письмахъ къ Государю, разсказа на счетъ адъютанта Тромповскаго и заказанной въ Москвѣ каретѣ для Шамиля. Однако такая двойственность приказаній была большой ошибкою, чуть-чуть не испортившей всего дѣла: стоило только барону Врангелю не послушаться Ѳадѣева, на что онъ имѣлъ достаточно основаній, и Богъ вѣсть какой оборотъ приняли бы знаменательныя событія того года.

Почему же Д. А. Милютинъ и графъ Евдокимовъ такъ настойчиво держались мнѣнія о необходимости раздѣлить дѣйствія на два года? Этотъ вопросъ является невольно, и хотя онъ не относится прямо до спеціальной цѣли моего труда—біографіи князя Барятинскаго—тѣмъ не менѣе, какъ участникъ описываемыхъ событій, не могу воздержаться отъ подобныхъ отступленій. Само собою, я могу высказывать только свое личное мнѣніе, отчасти подкрѣпляемое сужденіями другихъ, тоже участниковъ, высказанными въ разговорахъ со мною; но, очень быть можетъ, что я ошибусь.

Я думаю, что Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, помнившій Ахульгинскую экспедицію 1839 года, не могъ отрѣшиться отъ опасеній въ возможности опять встрѣтить что-нибудь подобное на пути быстраго наступленія въ глубь Дагестана и кромѣ того, по теоріи, не могъ не опасаться за сообщенія, за продовольственную часть и вообще за тылъ, не настолько обезпеченный, чтобы объ немъ вовсе не думать.

Однимъ словомъ, у него могли преобладать соображенія теоретическія. Графъ же Евдокимовъ, очевидецъ и участникъ печальныхъ событій въ Дагестанѣ 1843 года, предъ глазами котораго вѣроятно еще рисовались кровавыя катастрофы, вслѣдствіе которыхъ мы въ нѣсколько недѣль потеряли весь бывшій въ нашихъ рукахъ Дагестанъ, со всѣми укрѣпленіями и гарнизонами, и очутились въ безвыходномъ положеніи, запертые въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, блокируемые полчищами Шамиля,—безъ сомнѣнія, тоже не могъ не опасаться возможной неудачи. Наконецъ, не довѣряя способностямъ другихъ начальниковъ войскъ, не заявившихъ себя въ послѣднее время особенно успѣшными результатами, между тѣмъ, какъ самъ онъ, въ какихъ-нибудь два года, дѣйствительно достигъ изумительныхъ успѣховъ, графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ могъ полагать, что, укрѣпившись на линіи Андійскаго Койсу и подготовивъ все для дальнѣйшаго наступленія, вся операція будетъ поручена ему, и тогда довершеніе дѣла будетъ вполнѣ обезпечено. И не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ винить его въ самолюбивыхъ разсчетахъ, которые могли играть тутъ слабую роль въ сравненіи съ дѣйствительнымъ желаніемъ общей пользы. Всѣ подобныя соображенія, какъ предполагаемыя мною, имѣли свои основанія.

Но и Д. А. Милютинъ, и графъ Евдокимовъ, если таковы были ихъ соображенія, упускали изъ вида общее положеніе дѣлъ. Шамиль, Дагестанъ и вообще непокорный Кавказъ 1859 г. были уже не то, что въ 1839 или 1843 гг. Огульная нищета, подавленность, совершенный упадокъ духа, потеря множества лучшихъ людей, давно скрытое недовольство деспотическимъ, безпощаднымъ режимомъ, ослабленіе фанатизма, рядъ безпрестанныхъ неудачъ и т. д., превратили все Шамилевское зданіе въ колеблющуюся въ своемъ основаніи огромную башню, для которой достаточно было одного сильнаго толчка, чтобы она рухнула. Двадцать, пятнадцать лѣтъ назадъ, мюридизмъ, священная война съ невѣрными, изгнаніе Русскихъ за Терекъ, торжество Ислама, все это были зажигательные матеріалы, воспламенявшіе пылкіе и легковѣрные умы горцевъ; а въ 1859 году страданія достигли тѣхъ крупныхъ и общихъ почти всему населенію размѣровъ, когда мысли о

хлѣбѣ насущномъ становятся дороже мечтаній о будущемъ блаженствѣ, а вѣра въ пришествіе Турецкаго султана съ Египетскимъ пашой потеряла уже всякій кредитъ и, слѣдовательно, никакихъ надеждъ на избавленіе не оставалось. Князь Барятинскій, очевидно, лучше сознавалъ все это; его проницательность, его широта взгляда опровергли въ этомъ случаѣ и теорію, и практику.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма статсъ-секретаря В. П. Буткова.

1.

19 Февраля 1857 года.

Ваше сіятельство, зная меня, конечно повѣрите, какъ сильно обрадовали меня два вашихъ письма, отъ 21 Января и 2 Февраля. Давно не получая отъ васъ никакихъ извѣстій, я боялся, что, можетъ быть, чѣмъ нибудь, право невольно, разсердилъ васъ; но ваши письма меня совершенно успокоили.

Васъ удивили въ бумагѣ о непропускѣ хлѣба за границу слова: „Государь не опорочиваетъ" и т. д. Надо сказать, что бумагу вашу по этому предмету передало къ намъ въ комитетъ Военное Министерство, которое, доложивши ее прежде Государю, опорочивало, то есть критиковало, ваши распоряженія. Князь Орловъ находилъ сужденія Министерства несправедливыми. На докладъ князя послѣдовала собственноручная резолюція: *не опорочиваю* распоряженій и т. д., какъ она вамъ сообщена. Слѣдовательно тутъ выраженіе самого Государя, которое мы не смѣли измѣнить, боясь, что оно отъ измѣненія потеряетъ свою силу и которое совершенно равносильно утвержденію распоряженія.

Вы желаете, чтобы вамъ были возвращены представленія вашего предмѣстника по дѣламъ Орбельяновыхъ. Получивши ваше письмо, я вытребовалъ отъ министра юстиціи дѣло о Лорійской степи и уже отправилъ оное къ вашему сіятельству съ прошедшею почтою. Дѣло о Джевахскихъ выходцахъ будетъ вамъ доставлено по возвращеніи его отъ графовъ Панина и Блудова, гдѣ его разсматриваютъ нынѣ. Что же касается до упоминаемаго въ вашемъ письмѣ отъ 21 Января дѣла объ Орбельяновскомъ раздѣлѣ, то дѣло это не у насъ, а у васъ: оно послано на заключеніе Муравьева 31 Декабря 1854 года, при бумагѣ за № 1764, и съ тѣхъ поръ къ намъ не возвращалось.

Инсарскій *) сегодня, 19 Февраля, уѣзжаетъ изъ Петербурга къ вамъ на Кавказъ. Зная его бѣдное положеніе, мы рѣшились выпросить ему при его назначеніи довольно значительное денежное пособіе, въ томъ почти раз-

*) Василій Антоновичъ, впослѣдствіи Московскій почтъ-директоръ.

мѣрѣ, какъ оно было дано Старицкому. Инсарскій ѣдетъ одинъ: жена и всѣ его дѣти переболѣли корью; имъ надо оставаться здѣсь недѣль шесть; не смѣя такъ долго ждать, онъ рѣшился ѣхать одинъ. Я сказалъ ему, что вы вѣроятно будете на линіи и что поэтому я совѣтовалъ бы ему, пріѣхавши въ Ставрополь, узнать, гдѣ вы находитесь и ѣхать прямо къ вамъ.

До сихъ поръ почти все, чтó ваше сіятельство изволили представлять, утверждено безъ измѣненія. Есть нѣсколько дѣлъ еще не утвержденныхъ, но которыя на дняхъ будутъ утверждены чрезъ Комитетъ. Повѣрьте, ваше сіятельство, въ моей полной и искренней готовности содѣйствовать всему, чтó вы дѣлаете для пользы края. Вы не повѣрите, какія чудесныя вещи разсказываются здѣсь о васъ. Зная ваше сіятельство, я всему вѣрю вполнѣ. Въ моей жизни не случалось встрѣчать другаго человѣка, какъ вы, о которомъ бы говорили и туземцы, и подчиненные съ такимъ восторгомъ, какъ всѣ говорятъ здѣсь о васъ. Дай Богъ вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ предначертаніяхъ. Мы въ настоящее время чрезвычайно бѣдны новостями. Поэтому не пишу вамъ ничего; но, если чтó будетъ, то конечно напишу тотчасъ.

2.

20 Марта 1857 г.

Вмѣстѣ съ симъ ваше сіятельство изволите получить списки о наградахъ по гражданскому управленію, утвержденныхъ чрезъ Кавказскій Комитетъ. Я разсчиталъ такъ, чтобы эти награды могли придти въ Тифлисъ наканунѣ Св. Пасхи и чтобы вы могли объявить ихъ вмѣсто краснаго яичка. Почти всѣ награды утверждены безъ измѣненія; если допущены перемѣны, то весьма немногія и единственно потому, чтобы не сказали, будто Комитетъ не дѣлаетъ перемѣнъ и не соблюдаетъ правилъ.

Въ числѣ награжденныхъ къ Пасхѣ я выпросилъ слѣдующіе чины двумъ своимъ сослуживцамъ, находящимся на Кавказѣ: князю Волконскому и князю Эристову. Пожалуйста, поздравьте ихъ и побраните за то, что, никто изъ нихъ мнѣ ничего не пишетъ.

Иваницкому данъ Владиміръ 3-й ст., и я успѣлъ ему сказать объ этомъ, потому что онъ только сегодня ѣдетъ за границу. Я показалъ ему вашу бумагу на счетъ найма за границею горныхъ инженеровъ. По этой бумагѣ требуются соображенія министра финансовъ, и за тѣмъ уже она представится Государю.

Независимо отъ наградъ, въ Кавказскомъ Комитетѣ рѣшено много дѣлъ отъ васъ поступившихъ и большею частью такъ, какъ вы представляли. Бумаги о нихъ вы получите по слѣдующей почтѣ. Назову важнѣйшія: объ отношеніяхъ намѣстника къ Сенату, о правахъ въ военной службѣ Грековъ рудопромышленниковъ, о садовыхъ заведеніяхъ, о сохраненіи лѣсовъ въ Ставрополѣ, о почтовомъ сообщеніи между Ставрополемъ, Прочнымъ Окопомъ и Нальчикомъ, объ увеличеніи прогоновъ отъ Ставрополя до Владикавказа, о прекращеніи дѣлъ объ обрушившихся мостахъ: Дарьяльскомъ и Горійскихъ; объ отводѣ участковъ земли потомственно разнымъ лицамъ въ Табасарани и другія тому подобныя.

Одно только дѣло не прошло хорошо, это о новомъ штатѣ Кутаисскаго генералъ-губернатора. Комитетъ утвердилъ его, но Брокъ при подписаніи журнала воспротивился новому отпуску денегъ изъ казны. По этому предмету онъ долженъ представить особыя соображенія Комитету и вѣроятно откажетъ въ новомъ отпускѣ суммы. Не знаю, какъ мы выйдемъ изъ этого дѣла.

Между тѣмъ у меня родилась слѣдующая мысль. Генералъ-губернаторъ князь Гагаринъ долженъ получать такой же окладъ въ 10 т. рубл. сер., какой получаютъ внутренніе генералъ-губернаторы. Это можетъ быть сдѣлано отдѣльно и особо отъ штата. Чтоже касается до его канцеляріи, то нельзя ли обратить на нее тѣ деньги, кои шли на гражданское управленіе Черноморской береговой линіи, а именно: на канцелярію ея начальника 7,330, на чиновника по таможенной части 1040 и на 2-е отдѣленіе 2.960, всего 11330 рубл. сер. въ годъ? Если ваше сіятельство изволите найти это удобнымъ, то напишите мнѣ особую бумагу, въ дополненіе къ прежней.

Государь изволилъ передать къ намъ въ Казказскій Комитетъ письмо, вами ему представленное, со всѣми записками, о вознагражденіи Мингрельскаго дома. Онъ написалъ на письмѣ, что полагаетъ дать сему дому такое же вознагражденіе, какое дано Абхазскому дому. Мы спрашиваемъ теперь мнѣнія министра финансовъ и кончимъ дѣло вѣроятно въ Маѣ мѣсяцѣ.

Нельзя винить и Брока, если онъ отказываетъ въ деньгахъ. У насъ въ 1857 году дефицитъ простирается до 80 м. рубл. сер. Такая или почти такая же сумма будетъ и въ 1858 году. Поэтому всѣ усилія употреблены къ тому, чтобы сократить расходы. Думаютъ болѣе всего о сокращеніи числа войскъ сухопутныхъ и морскихъ, и бѣдный военный министръ бьется какъ рыба объ ледъ, не зная, чтò придумать. Чѣмъ все это кончится, право не знаю.

3.

27 Апрѣля 1857.
Секретно.

Давно уже я не писалъ вашему сіятельству; причиною тому множество важныхъ и обширныхъ работъ, меня занимавшихъ въ послѣднее время. Хотя работы сіи далеко еще не кончены, но, найдя сегодня нѣсколько свободныхъ минутъ, я беру перо, чтобы побесѣдовать съ вами.

Въ настоящее время болѣе всего занимаетъ всѣхъ и каждаго финансовый вопросъ. Нашъ бюджетъ въ 1857 году представляетъ дефицита отъ 60 до 80 мил. рубл. сереб. Не предвидя въ будущемъ исхода изъ этого положенія, министръ финансовъ представилъ Государю самую жалкую финансовую картину. Всѣ перепугались и начали думать о всевозможныхъ сокращеніяхъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ сократилъ свою смѣту на $^1/_3$ часть, то есть на 5 мил. рубл. серебр. Военное Министерство, какъ ни бились съ нимъ, никакъ не рѣшается сдѣлать сокращеній болѣе чѣмъ на 8 мил. рубл. серебр.; между тѣмъ Брокъ требуетъ, чтобы оно сократило свою смѣту на 25 милл. Въ этомъ положеніи для изслѣдованія смѣты

Военнаго Министерства учреждена коммисія изъ старыхъ князя Менщикова, изъ Польскаго Горчакова и изъ Анненкова. Они всѣ напираютъ на Кавказъ; увѣряютъ, что тамъ много войска, особенно на продовольствіи, и что поэтому тамъ необходимы разныя сокращенія. Вѣроятно Государь или мнѣніе ихъ передастъ вашему сіятельству, или отвергнетъ; но во всякомъ случаѣ вамъ надо ждать разныхъ запросовъ.

Такое положеніе финансовъ дало Броку какую-то особою опору. Основываясь на немъ, онъ рѣшительно всѣмъ и каждому отказываетъ въ новомъ отпускѣ суммъ изъ казны. Слѣдуя сему началу, онъ рѣшительно не соглашается на отпускъ денегъ по новому штату Кутаисскаго генералъ-губернатора. Я право не знаю, какъ это дѣло доложу Комитету: генералъ-губернаторъ учрежденъ и управляетъ, а между тѣмъ ему не даютъ и не хотятъ давать ни жалованья, ни канцеляріи. Не имѣя права на голосъ, я не могу спорить въ Комитетѣ, особенно спорить съ Брокомъ, у котораго такой сильный аргументъ: нѣтъ денегъ и не откуда ихъ взять. Онъ даже не соглашается на отпускъ содержанія для Смиттена, при назначеніи его членомъ Совѣта.

Право, не знаю, чѣмъ все это кончится, но прошу васъ, князь, вѣрить моей полной и искренней готовности дѣйствовать такъ, чтобы уладить все, какъ вы желаете; боюсь, что я не буду имѣть силы сдѣлать что-нибудь. Вы въ этомъ отношеніи сами виноваты: зачѣмъ не приняли той мысли, о которой говорилъ я вамъ въ прошломъ году въ извѣстной вамъ запискѣ?

Не скрою отъ васъ, что защита интересовъ Кавказскаго и Закавказскаго края въ Кавказскомъ Комитетѣ становится часъ отъ часу труднѣе и труднѣе. За васъ одинъ князь Орловъ. Во всѣхъ прочихъ членахъ я замѣчаю какое-то неблаговоленіе къ краю, и не будь князя Алексѣя Ѳедоровича, ни одно дѣло при этомъ составѣ Комитета не прошло бы благополучно. Теперь къ этому составу прибавился Муравьевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ, съ которымъ сладить чрезвычайно трудно по его особому взгляду на дѣла и теперешнее управленіе Кавказомъ.

При такомъ составѣ и направленіи Комитета я вполнѣ убѣжденъ, что дѣло о передачѣ Астраханской губерніи въ вѣдѣніе намѣстника никакъ не пройдетъ. Вы пишете, что соображенія по этому предмету вы пришлете въ Іюнѣ и что было бы хорошо, пользуясь отъѣздомъ Великаго Князя, повѣрить эти соображенія на мѣстѣ. На все это я долженъ вамъ отвѣчать, что лучше будетъ, если соображенія сіи вы привезете сами въ Петербургъ: безъ васъ это дѣло при теперешнемъ порядкѣ рѣшительно будетъ отвергнуто. Комитетъ почти весь состоитъ изъ министровъ, подавшихъ мнѣніе противъ; какъ же вы хотите, чтобы они не остались при своемъ мнѣніи и не увлекли прочихъ? Зная, что Великій Князь одинъ за передачу вамъ Астраханской губерніи, князь А. Ѳ. Орловъ не рѣшится и докладывать о порученіи Его Высочеству этого дѣла на мѣстѣ. Впрочемъ послѣднее обстоятельство легко устранить: Великій Князь самъ можетъ, бывши въ

Астрахани, повѣрить лично на мѣстѣ всѣ соображенія; но при этомъ надо имѣть въ виду что: во 1-хъ, поѣздка его становится сомнительною, надняхъ Императрица должна родить; чрезъ 6 недѣль послѣ того она ѣдетъ за границу лѣчиться и не будетъ на свадьбѣ; Великій Князь до свадьбы не выѣдетъ изъ С.-Петербурга, а послѣ свадьбы Государь поѣдетъ за границу, поручивъ рѣшеніе дѣлъ особой коммиссіи, гдѣ будетъ и Великій Князь; такимъ образомъ до Октября Его Высочество будетъ здѣсь, какъ говорятъ. Во 2-хъ, чиновникъ Варандъ, посланный Великимъ Княземъ въ Астрахань на слѣдствіе, сильно хулитъ и чернитъ Васильева, возставая противу присоединенія къ вашему вѣдѣнію Астраханской губерніи; многіе изъ близкихъ Великому Князю раздѣляютъ это и будутъ стараться вооружить Великаго Князя и противу проекта.

Все что я вамъ пишу очень грустно, но я долженъ былъ высказать всю правду. Вообще въ настоящее время такъ много грустнаго, что, право, не знаешь, какъ и дѣйствовать.

Распоряженіе вашего сіятельства объ учрежденіи особаго отдѣленія для дѣлъ законодательныхъ превосходно. Харитоновъ весьма способенъ и къ этому дѣлу приготовленъ. Онъ будетъ утвержденъ членомъ Совѣта, также какъ и Кипіани. Министръ юстиціи не соглашается на назначеніе Челяева сенаторомъ; на дняхъ пошлю докладъ Государю; не знаю, какъ и чѣмъ онъ рѣшитъ это дѣло.

Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство за милостивое и благосклонное вниманіе ваше къ моимъ чиновникамъ, князю Волконскому и Эристову.

Мой помощникъ статсъ-секретарь по Кавказскому Комитету, д. с. с. Гулькевичъ, имѣя крайнюю надобность пользоваться Кавказскими минеральными водами, отправляется въ началѣ Мая въ Пятигорскъ. По этому случаю ему дается порученіе видѣться съ вашимъ сіятельствомъ и объясниться по нѣкоторымъ дѣламъ. Это добрый, умный, честный и благородный человѣкъ; когда вы его увидите, то, пожалуйста, примите полюбезнѣе и поласковѣе, чѣмъ премного меня обяжете.

4.

12 Іюня 1857 года.

Письмо это вручитъ вашему сіятельству служащій въ Кавказскомъ Комитетѣ чиновникъ Шереметевъ. Онъ сынъ недавно-бывшаго министра государственныхъ имуществъ, молодой человѣкъ прекрасныхъ правилъ и желаетъ ознакомиться съ Кавказомъ. Пожалуйста, оставьте его нѣсколько времени у себя; позвольте ему пожить въ Тифлисѣ, дайте взглянуть на край, пошлите куда-нибудь и, когда ему захочется возвратиться въ Петербургъ, разрѣшите милостиво и снисходительно.

Шереметевъ вручитъ вамъ много, даже очень много бумагъ. Сверхъ всего, что въ сихъ бумагахъ сказано, я прибавлю еще слѣдующее.

Исполненіе по журналу послѣдняго засѣданія Кавказскаго Комитета убѣдитъ ваше сіятельство, что Комитетъ теперь, какъ всегда, готовъ дѣ-

лать все, кромѣ того только, гдѣ нужны деньги. Вспомните, что я говорилъ вамъ это прежде вашего отъѣзда въ Тифлисъ. Деньги будутъ мѣшать во всемъ, пока вы не приведете финансовую часть края въ надлежащій порядокъ и устройство.

Изъ посылаемыхъ бумагъ вы увидите, что Комитетъ согласился уничтожить Кавказскую карантинную линію, но по убѣжденію или лучше сказать настоянію министра финансовъ не согласился снять таможенный надзоръ. Одно противорѣчитъ другому: таможенный надзоръ былъ возложенъ на карантинныхъ чиновниковъ; съ увольненіемъ ихъ надзоръ уничтожится самъ собою. Между тѣмъ новый тарифъ созданъ. Министерство Финансовъ нигдѣ не увеличило, но по многимъ статьямъ уменьшило пошлину за Кавказомъ. Теперь, когда тарифъ вамъ сдѣлается извѣстенъ и когда увидите отношеніе пошлинъ Закавказской къ Русской, вамъ будетъ легче опровергнуть Брока и настоять на снятіи таможеннаго надзора. Пожалуста, не забудьте, при соображеніяхъ объ уничтоженіи карантинной линіи, всѣ деньги, какія отъ этого будутъ въ сбереженіи, требовать въ ваше вѣдѣніе и распоряженіе на разныя потребности края. О сихъ сбереженіяхъ въ вашей бумагѣ ничего не сказано точнаго и опредѣлительнаго.

Штатъ Кутаисскаго генералъ-губернатора утвержденъ, но на казну не взято ничего. Министръ финансовъ безпрестанно говоритъ о тѣхъ 100 тыс., которые составляютъ превышеніе въ доходахъ по Шемахинской податной системѣ. Отнесеніе расхода на этотъ, между прочимъ, источникъ все равно, что отнесеніе его на казну.

Вчера Государь съ Императрицею отправились на пароходѣ за границу. Его Величество возвратится сюда 15 Іюля. На время его отсутствія управленіе дѣлами поручено особой Секретной Коммиссіи изъ Великаго Князя Константина Николаевича, князя Орлова и графа Блудова.

Великій Князь поручилъ мнѣ передать вашему сіятельству, что онъ въ нынѣшнемъ году не будетъ на Кавказѣ и что объ этомъ на дняхъ онъ самъ будетъ вамъ писать.

Въ посылаемыхъ бумагахъ вы найдете очень хорошее дѣло: это учрежденіе Кокоревымъ компаніи для торговли съ Астрабадомъ. Мнѣ жаль, что по этому дѣлу не спросили вашего мнѣнія; но Горчаковъ и Брокъ, боясь Англичанъ, спѣшили его кончить до отъѣзда Государя.

Васъ вѣроятно удивила бумага Танѣева о сношеніи съ нимъ; но это сдѣлалось по недоразумѣнію и отмѣнено тотчасъ.

Въ посылаемыхъ бумагахъ есть претензія на васъ Н. Н. Анненкова за командировку Христича. Сей послѣдній собралъ здѣсь всевозможныя свѣдѣнія и отправился въ Варшаву.

Искренно желаю, чтобы вы могли успѣть въ учрежденіи эмеритуры, хотя сильно въ томъ сомнѣваюсь.

Мой помощникъ Гулькевичъ писалъ мнѣ о ласковомъ пріемѣ его вашимъ сіятельствомъ. Искренно благодарю васъ за это и благодарю за всѣ тѣ милыя слова ваши, которыя относились до меня. Вѣрьте, князь, моей

полной, искренней и всегдашней готовности содѣйствовать вамъ, сколько это можетъ отъ меня зависѣть, во всемъ, что относится до пользы обоими нами любимаго Кавказа.

Получено телеграфическое извѣстіе, что третьяго дня, т. е. 10 Іюня, скончался въ Неаполѣ князь Александръ Ивановичъ Чернышовъ.

5.

4 Іюля 1857 года.

Письмо это передастъ вашему сіятельству фельдъегеръ, котораго мы отправляемъ къ вамъ съ разрѣшеніемъ по Мингрельскому дѣлу. Можетъ быть, васъ удивитъ быстрота этого разрѣшенія: оно дано именемъ Государя Коммисіею, управляющею дѣлами государства въ отсутствіе Его Величества. О такомъ распоряженіи своемъ коммиссія довела уже до свѣдѣнія Императора.

Государь, по послѣднимъ извѣстіямъ, выѣзжаетъ изъ Штетина 16 и будетъ здѣсь 19, а вдовствующая Императрица выѣзжаетъ изъ Штетина же 18 и будетъ у насъ 21 Іюля. Свадьба Великаго Князя, кажется, будетъ 18 Августа. 1 Сентября Государь уѣдетъ на встрѣчу Императрицы супруги своей въ Варшаву, откуда съ нею чрезъ Кіевъ и Москву возвратится въ С.-Петербургъ. Вдовствующая Императрица всю зиму проведетъ въ Варшавѣ; съ нею будетъ тамъ и Александра Іосифовна.

Вотъ вамъ наши новости. Мы ими въ настоящее время, съ отсутствіемъ Царя, очень бѣдны.

Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ Харитонову. Онъ прислалъ мнѣ вѣдомости о доходахъ и расходахъ по краю. Я нашелъ, что онѣ составлены очень дѣльно и правильно, что ихъ было бы полезно повѣрить въ Министерствѣ Финансовъ, но что онѣ только матеріалъ для работы, а главная работа должна состоять въ опредѣленіи тѣхъ основаній, по коимъ вся финансовая часть должна быть въ полномъ вѣдѣніи намѣстника.

Для этого необходимо сказать, какъ мнѣ кажется, что доходы края состоятъ въ вѣдѣніи намѣстника, что казначейство Имперіи помогаетъ имъ такою-то суммою, что гражданское управленіе краемъ вносится въ государственный бюджетъ особою статьею, что поэтому расходы на это управленіе не вносятся въ смѣты министерствъ, что расходы суммъ состоятъ также въ распоряженіи намѣстника, что отчетность въ этихъ расходахъ не восходитъ въ министерства, но оканчивается у намѣстника и т. п.

Однимъ словомъ, мысль моя состоитъ въ томъ, чтобы, руководствуясь составленными Харитоновымъ вѣдомостями, было обработано все положеніе о порядкѣ завѣдыванія финансами Закавказскаго края. Между тѣмъ я боюсь и того еще, что министерства, когда узнаютъ намѣренія отдѣлить всю финансовую часть отъ нихъ, будутъ всячески противодѣйствовать утвержденію проекта. Поэтому я совѣтую идти въ этомъ дѣлѣ постепенно, и именно прежде всего: опредѣлить, въ чемъ состоятъ мѣстные способы края, какіе расходы должны падать на сіи мѣстные способы,

а какіе на казну Имперіи и въ чемъ состояли до сихъ поръ и въ чемъ должны состоять впредъ пособія казны Имперіи краю. Всѣ сіи свѣдѣнія заключаются въ вѣдомостяхъ, составленныхъ Харитоновымъ. Поэтому мнѣ кажется всего лучше и удобнѣе, не объясняя Министерству Финансовъ никакихъ подробныхъ предположеній о началахъ завѣдыванія финансовою частью, послать къ нему означенныя вѣдомости, чтобы оно опредѣлило по нимъ, соглашается ли оно на пособіе краю въ той мѣрѣ, какъ вы будете просить. Это все не должно быть сообщено ему для испрошенія утвержденія, но надо сообщить ему только на его заключеніе и, когда оно сообщитъ его вашему сіятельству, тогда только, имѣя его согласіе на отпускъ опредѣленной суммы для края въ пособіе, можно составить и представить общее положеніе о порядкѣ завѣдыванія финансовою частью края.

Мысль эту я не могъ развить въ письмѣ Харитонову, но передаю ее на усмотрѣніе вашего сіятельства. Въ такомъ важномъ дѣлѣ надо дѣйствовать какъ можно осторожнѣе.

Военный министръ говорилъ мнѣ о письмѣ къ нему вашего сіятельства на счетъ 2-хъ дивизій, требуемыхъ съ Кавказа. Его побуждаетъ къ такой мѣрѣ Министерство Финансовъ, требующее сокращенія смѣты. Между тѣмъ онъ говоритъ, что съ отозваніемъ дивизій числительность корпуса не уменьшится; потому что уйдутъ отъ васъ кадры, а прочія части пойдутъ на усиленіе всѣхъ постоянныхъ частей корпуса. Ему повидимому хочется, чтобы вы на него не сердились. На дняхъ въ нашей коммиссіи былъ забавный случай. Поступило мнѣніе Военнаго Совѣта объ отказѣ вамъ въ предположеніи имѣть особыя команды слабосильныхъ при госпиталяхъ; и Великій Князь, и Орловъ стали защищать ваше предположеніе, но военный министръ такъ разгорячился, какъ я не видалъ его никогда. Не взирая на это, коммиссія приказала: предположеніе Министерства сообщить прежде вамъ. Какъ ему ни хотѣлось, но пришлось, неохотно, повиноваться.

Про него я могу сказать, что это человѣкъ умный, честный, благородный и добрый, но все таки не въ той мѣрѣ военный министръ, какъ хотѣлось видѣть.

Насъ напугалъ князь Волконскій извѣстіемъ о болѣзни вашей, т. е. о болѣзни глазъ. Дай вамъ Богъ скорѣйшаго излѣченія.

Я живу теперь на островахъ и каждый день ѣзжу мимо вашей прошлогодней дачи и ѣзжу съ огорченіемъ и грустью: когда-то Богъ приведетъ намъ опять свидѣться съ вашимъ сіятельствомъ!

6.

29 Іюля 1857 года.

Въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ писемъ я сообщалъ вашему сіятельству о множествѣ обвиненій и интригъ противу Астраханскаго военнаго губернатора Васильева. Все, что я писалъ вамъ, оправдалось совершенно. По прибытіи сюда Великаго Князя, его сильно вооружили противу Ва-

сильева, и на дняхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) Вызвать Васильева въ Петербургъ, гдѣ вѣроятно ему будетъ приказано оставить службу; 2) управленіе губерніею поручить по гражданской части вице-губернатору Струве, главному работнику въ этомъ дѣлѣ, теперь находящемуся въ С.-Петербургѣ и на дняхъ отправляющемуся въ Астрахань, а по морской и по военной частямъ по порядку; 3) правителя канцеляріи при Васильевѣ Тонора, чиновника особыхъ его порученій Бабкина, совѣтника Шавердова и прокурора Гордѣенко, какъ имѣвшихъ вліяніе на Васильева, немедленно уволить отъ службы.

Великій Князь при этомъ сказалъ мнѣ, что, вникая болѣе въ дѣла Астрахани, онъ убѣдился въ безполезности передачи гражданскаго управленія этой губерніи вѣдѣнію намѣстника Кавказскаго.

Изъ этого всего ваше сіятельство изволите видѣть, что Астраханское дѣло надо считать въ настоящее время почти потеряннымъ.

Здѣсь никакихъ интересныхъ новостей у него нѣтъ и по случаю пребыванія Государя за границею быть не можетъ.

7.

24 Августа 1857 года.

Хотя письмо это не успѣетъ придти въ Тифлисъ къ 30 Августа, но это все-таки не мѣшаетъ мнѣ лично поздравить ваше сіятельство съ днемъ вашего ангела. Вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляю васъ, но поздравляю по секрету и съ Царскою милостью: 30 Августа вамъ будетъ послана отсюда Александровская лента, кажется. Въ тотъ же день пошлются ордена: Св. Анны 1-й ст. Милютину и Св. Станислава 1-й ст. Крузенштерну. Все это дѣлается въ изъявленіе Царскаго къ вамъ благоволенія.

Государь уѣхалъ отсюда 22 Августа, а возвратится сюда 11 Октября. Въ Стутгардтѣ онъ будетъ видѣться съ Наполеономъ. Порядокъ управленія въ отсутствіе Его Величества будетъ тотъ же, что́ и былъ прошедшій разъ.

По этой или по слѣдующей почтѣ вы получите отъ меня престранную бумагу по Государственному Совѣту. Вы знаете, что Государь, по убѣжденію Брока, назначилъ каждому министру нормальную смѣту для его расходовъ. Товарищъ мин. народн. просв., чтобы довести свою смѣту до этой нормы, придумалъ одно: сократить Кавказскій учебный округъ на 15 тыс. рубл. сер., с чемъ безъ сношенія съ вами представилъ Государственному Совѣту. Совѣтъ и особенно Департаментъ Экономіи очень, очень довольны, что могутъ придраться къ Кавказу; но я, прежде доклада Совѣту, рѣшился предположеніе кн. Вяземскаго сообщить вамъ на заключеніе. Молю васъ отвѣчать на это предположеніе чрезвычайно сильно и рѣзко, чтобы остановить порывы и Министерства Народнаго Просвѣщенія, и другихъ министерствъ, которыя вздумали бы сдѣлать тоже, и Госуд. Совѣта, который всегда готовъ сокращать расходы на Кавказѣ. Всего лучше было бы, еслибы вы, не отвѣчая мнѣ, написали бы все прямо Государю въ

собственныя руки, но написали бы послѣ 1 Октября, чтобы письмо было получено имъ самимъ, а не Коммиссіею, которая въ его отсутствіе управляетъ и распечатываетъ всѣ пакеты. Меня же можете только увѣдомить, что отвѣтъ вашъ представили Государю. Это сдѣлаетъ очень хорошій эффектъ. Не забудьте только сильнѣе сказать въ письмѣ Государю, что народное просвѣщеніе на Кавказѣ требуетъ не сокращенія, а усиленія расходовъ; что отъ этого зависитъ успѣхъ устройства края и что Министерство Народнаго Просвѣщенія не должно было входить даже въ сужденіе о томъ, чтò отъ него не зависитъ, а тѣмъ болѣе представлять Государственному Совѣту безъ сношенія съ вами и даже мимо Кавказскаго Комитета. Могу увѣрить васъ, зная ходъ дѣлъ по Совѣту, что еслибы я не былъ государственнымъ секретаремъ, то представленіе Министерства было бы непремѣнно утверждено.

Новаго ничего не могу сообщить вамъ. 3-го Сентября возвращается сюда вашъ братъ Владимиръ съ женою.

8.

30 Августа 1857 года.

Пользуясь отправленіемъ фельдъегеря, я еще разъ поздравляю ваше сіятельство и съ днемъ ангела, и съ царскою милостью.

Третьяго дня, 28 Августа, прибылъ сюда М. И. Чертковъ. Онъ передалъ мнѣ письмо ваше, за которое вамъ я очень, очень благодаренъ.

Я чрезвычайно буду радъ видѣться съ А. А. Харитоновымъ, котораго люблю много и давно. Присылайте его сюда; я съ полною откровенностью передамъ ему всѣ мои замѣчанія по тѣмъ работамъ, которыя будутъ имъ доставлены. Боюсь только, что вы, посылая Харитонова сюда, между прочимъ, по проекту финансовому, будете сердиться на него, если онъ не успѣетъ отстоять свой проектъ. Повѣрьте мнѣ, что съ Брокомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, очень тяжко совладѣть: это я знаю по опыту, хотя и состою съ нимъ въ самыхъ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ я жду Харитонова и помогу ему во всемъ, чтó отъ меня зависѣть можетъ.

Дѣло Мингрельское начато, ведено и направлено вами превосходно. Боюсь только, что Дюкруасси на первое время можетъ быть очень хорошъ для этого дѣла, но потомъ, когда управленіе образуется и пойдетъ, едва ли и удобно и прилично и даже едва ли подъ лѣта ему оставаться председателемъ Мингрельскаго Совѣта. Впрочемъ—это дѣло будущее, но чтó понынѣ сдѣлано, все прекрасно и все, чтó предположено отлично.

Чертковъ, прибывъ сюда, тотчасъ явился къ военному министру, который принялъ его очень любезно, много распрашивалъ и о Мингреліи, и о краѣ, особенно о войскахъ; говорилъ о своихъ отношеніяхъ. Вообще Чертковъ остался очень доволенъ пріемомъ и объясненіями военнаго министра.

Послѣ того Чертковъ, передавъ мнѣ вашъ пакетъ, отправился въ Стрѣльну къ Великому Князю Константину Николаевичу, съ пакетами на

имя Государя и его. Великій Князь былъ въ Кронштадтѣ. Чертковъ зашелъ къ князю Орлову, объяснилъ ему все дѣло, говорилъ съ нимъ о двухъ дивизіяхъ, отдѣляемыхъ отъ васъ, защищалъ ихъ оставленіе на Кавказѣ.

Отъ него Чертковъ поѣхалъ въ Петергофъ, представлялся вдовствующей Императрицѣ и Великимъ Князьямъ. У Императрицы онъ обѣдалъ. Она распрашивала его о Мингреліи, о княгинѣ, о васъ и вообще была очень мила. Великіе Князья были чрезвычайно милостивы, внимательны и любезны; онъ ими остался очень доволенъ.

Ввечеру Чертковъ былъ вновь въ Стрѣльнѣ у Константина Николаевича, который продержалъ его весь вечеръ и распрашивалъ чрезвычайно много. Письмо вашего сіятельства Великій Князь прочиталъ вслухъ при Чертковѣ. Когда шла рѣчь о Кокоревѣ и его предложеніяхъ, Великій Князь изъявилъ какое-то сомнѣніе вообще о дѣлѣ Кокорева. Его Высочество былъ вообще чрезвычайно любезенъ и милъ; но Чертковъ нашелъ его не тѣмъ, какъ ожидалъ и думалъ. Впрочемъ я объ этомъ нѣсколько разъ намекалъ вамъ въ моихъ прежнихъ письмахъ.

Великій Князь, по совѣщанію съ княземъ Орловымъ, не рѣшился распечатать обоихъ пакетовъ вашихъ къ Государю, а велѣлъ Черткову ѣхать прямо къ Его Величеству. Вчера все утро онъ былъ у меня и передалъ мнѣ все подробно. Я сказалъ ему, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Государь пригласитъ княгиню Дадьянъ въ Россію; но надо только, чтобы Чертковъ хлопоталъ, дабы Государь утвердилъ тотчасъ ваше представленіе о ея содержаніи. Для этого я передалъ ему, на всякій случай, всю переписку о тѣхъ 12 тысячахъ, кои вы полагали дать ей прежде, дабы можно было и о нихъ рѣшить теперь же.

За симъ Чертковъ вчера, 29 Августа, вечеромъ отправился по тракту на Варшаву къ Государю, который выѣзжаетъ оттуда завтра, 1-го Сентября. Слѣдовательно Чертковъ догонитъ его уже за границею.

Пишу вамъ все такъ подробно по порученію Черткова, который не имѣлъ ни времени, ни силъ, ни даже возможности самъ писать вашему сіятельству.

9.

2 Апрѣля 1858 г.

Письмо это вручитъ вашему сіятельству А. А. Харитоновъ. Онъ кончилъ вами возложенное на него порученіе и кончилъ съ возможнымъ успѣхомъ. Не могу не похвалить его дѣятельныхъ стараній, его хлопотъ и могу удостовѣрить, что еслибы не присутствіе здѣсь Харитонова и хлохлопотавшаго, и понукавшаго, и спорившаго по департаментамъ съ здѣшнею бюрократіею, то едва ли вы получили такъ скоро отвѣтъ министра финансовъ по доходамъ и расходамъ Закавказскаго края. По этому дѣлу я сообщилъ А. А. Харитонову нѣкоторыя мои мысли, которыя онъ сообщитъ и вашему сіятельству.

Не пеняйте мнѣ, если я не часто пишу вамъ: право, некогда. Комитеты на меня сыплятся безпрестанно; трудовъ и хлопотъ множество. Поэтому я до сихъ поръ не сообщилъ вамъ мнѣніе мое по доставленной вами мнѣ запискѣ о желѣзной дорогѣ и льготной торговлѣ. Мнѣніе это я передаю впрочемъ А. А. Харитонову. Оба предположенія превосходны; но для ихъ успѣха необходимо, чтобы сначала вы пустили въ ходъ дѣло о желѣзной дорогѣ. Съ разрѣшеніемъ ея надо будетъ представить и о льготной торговлѣ. Я убѣжденъ, что и то и другое въ этомъ порядкѣ будетъ разрѣшено.

Мы кончили дѣло о Каспійскомъ пароходствѣ и кончили успѣшно; но положеніе наше вы получите недѣли чрезъ три, не ранѣе. Надо по оному много писать и работать. Вообще за нами ничего не остается важнаго, и я постараюсь до отъѣзда к. Орлова за границу кончить все, что́ къ намъ поступило. Орловъ ѣдетъ 24 Апрѣля и возвращается сюда 1-го Іюля. 12 Іюня Государь ѣдетъ чрезъ Вологду въ Архангельскъ и возвращается сюда 10 Іюля. Въ Августѣ онъ ѣдетъ въ Варшаву, гдѣ празднуетъ 30-е число. Потомъ думаютъ и говорятъ много о Крымѣ. Если Государь будетъ тамъ, то ваше сіятельство вѣроятно воспользуетесь случаемъ и повидаетесь съ нимъ: это свиданіе можетъ рѣшить многое, и если вамъ нужно прежде того имѣть какой-нибудь мой совѣтъ по дѣламъ, о которыхъ вы бы хотѣли рѣшительно говорить съ Государемъ, то напишите мнѣ прежде. Я вамъ скажу мое мнѣніе съ полною искренностью и откровенностью.

Не знаю, что̀ сдѣлало Кавказское намѣстничество князю А. М. Горчакову; только онъ безпрестанно толкуетъ о необходимости, въ видахъ политическаго слiянiя Кавказа съ Имперiею, подчинить васъ министрамъ по принадлежности и уничтожить Кавказскій Комитетъ, внося ваши дѣла въ Государственый Совѣтъ и Комитетъ Министровъ. Конечно его никто не слушаетъ, но вѣдь и капли пробиваютъ камень. Между тѣмъ мы съ нимъ большіе пріятели; послѣ каждаго засѣданія я слышу хвалы Комитету, и при всемъ томъ онъ сильно дѣйствуетъ противу власти намѣстнической. Поэтому не довѣряйтесь ему много.

Выборъ новыхъ министровъ весьма удовлетворителенъ, хотя оба они весьма не молоды. Надо ожидать еще третьей перемѣны, министра внутреннихъ дѣлъ. На это мѣсто готовятъ, конечно, не такъ скоро Ростовцова. Сухозанетъ ѣдетъ снимать свое бѣльмо за границу; онъ отправляется 12 Іюня, а возвращается въ Варшаву къ 30 Августа. Въ отсутствіе его Военнымъ Министерствомъ будетъ управлять князь Васильчиковъ, который 17 Апрѣля будетъ назначенъ товарищемъ военнаго министра. Вмѣсто его директоромъ канцеляріи министра будетъ г. м. Лихачевъ.

10.

25 Апрѣля 1858 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ доставилъ мнѣ печатные экземпляры составленныхъ въ морскомъ вѣдомствѣ проектовъ: образованія управленія симъ вѣдомствомъ и пор-

товыхъ управленій съ объяснительною запискою, прося книжки сіи разослать къ членамъ Государственнаго Совѣта на предварительное ихъ разсмотрѣніе. Оффиціально же это дѣло представляетъ Его Высочество Совѣту осенью сего года.

Усматривая, что въ проектѣ о портовомъ управленіи говорится о Закавказскихъ портахъ, Бакинскомъ, Константиновскомъ, Сухумо-Кальскомъ и Потійскомъ и что по сему проекту они изъемлются отъ зависимости намѣстника Кавказскаго, я рѣшаюсь одинъ экземпляръ (въ 3 книжкахъ) означенныхъ предположеній препроводить и къ вашему сіятельству.

Я совѣтывалъ бы вамъ замѣчанія ваши, и замѣчанія сильныя, сообщить Великому Князю, сославшись на меня, доставившаго вамъ проекты, а между тѣмъ копію съ сихъ замѣчаній, при какой-нибудь оффиціальной бумагѣ, препроводить ко мнѣ, дабы я могъ имѣть ихъ въ виду при окончательномъ разсмотрѣніи проекта и даже, если будетъ нужно, представить Государю. Бумагу вашу Его Высочеству вы можете начать такъ: „статсъ-секретарь Бутковъ доставилъ мнѣ сообщенные ему Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ проекты“ и т. д.

Новостей, заслуживающихъ вниманія, у насъ теперь рѣшительно нѣтъ никакихъ. Князь Орловъ сегодня уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ 1-му Іюля. Отсутствіе его не прерываетъ движенія дѣлъ по нашимъ комитетамъ. Пишите по прежнему на его имя, такъ какъ оффиціальнаго увѣдомленія объ его отъѣздѣ вы не получили и не получите.

На дняхъ Государь интересовался свѣдѣніями о положеніи крестьянскаго вопроса въ Ставропольской губерніи и за Кавказомъ. Я смѣлъ бы совѣтовать вашему сіятельству написать оффиціальную къ намъ бумагу, гдѣ высказать ваши мысли и предположенія по сему дѣлу вообще, единственно для успокоенія Государя. Мнѣ кажется, что въ Грузіи этого вопроса теперь не надо и трогать: напишите такъ Его Величеству чрезъ Кавказскій Комитетъ, и онъ вѣрно во всемъ согласится съ вашею мыслью.

Сегодняшняя почта везетъ вамъ многое. Не сердитесь за множество бумагъ: все сдѣлано, какъ вы желали.

11.

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1858 года.

Получивъ милое и любезное письмо вашего сіятельства отъ 23 Октября, я по важности его содержанія не могъ дать вамъ никакого отвѣта прямо отъ себя, а потому и рѣшился совершенно частнымъ образомъ представить это письмо Государю. Его Величество изволилъ написать на немъ собственноручно: „На учрежденіе Тифлисскаго военнаго генералъ-губернаторства я рѣшительно не согласенъ, ибо не вижу въ томъ ни пользы, ни необходимости. На назначеніе г. м. Капгера въ сенаторы я также несогласенъ, ибо сенаторовъ у насъ и безъ него слишкомъ много“.

Теперь объясню вашему сіятельству обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, были причиною отказа Государя Императора по обоимъ предметамъ.

Военные генералъ-губернаторы существуютъ въ однихъ только царскихъ столицахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ. Въ послѣдней изъ нихъ около 200 тыс. жителей, въ прочихъ больше. Въ Петербургѣ и Москвѣ прежде были главнокомандующіе, переименованные въ военные генералъ-губернаторы *); они пользуются особыми правами, которыя никому изъ генералъ-губернаторовъ не присвоены и которыя ставятъ ихъ въ положеніе, независимое почти отъ министровъ. Они во многихъ случаяхъ прямо докладываютъ или представляютъ Государю. Они вовсе не подчинены министрамъ.

Варшавскій военный генералъ-губернаторъ въ другомъ положеніи. Званіе это учреждено покойнымъ Государемъ съ тою именно цѣлью, чтобы имѣть въ Польской его столицѣ тѣже учрежденія, какія имѣются и въ Русскихъ. Это лицо подчинено намѣстнику царства и есть предсѣдатель (въ отсутствіи намѣстника) совѣта управленія и помощникъ намѣстника по гражданскому управленію. Такое положеніе генералъ-губернатора возбуждаетъ много неудобствъ, которыя и были причиною, что князь Горчаковъ, занимавшій прежде это мѣсто, постоянно возставалъ и теперь возстаетъ противу него. И дѣйствительно, положеніе Варшавскаго военнаго генералъ-губернатора очень странно. Между намѣстникомъ и губернскимъ управленіемъ въ царствѣ существуютъ правительственныя коммиссіи. Военный генералъ-губернаторъ по городу Варшавѣ входитъ съ своими представленіями въ коммиссіи, которыхъ онъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта и лица заступающаго мѣсто намѣстника—есть начальникъ.

Кромѣ неудобствъ въ учрежденіи Варшавскаго генералъ-губернаторства, опытъ доказалъ, что званіе С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора въ столицѣ, гдѣ живутъ министры, совершенно излишнее, и теперь много идетъ толковъ, рѣчей и предположеній объ уничтоженіи этого мѣста. Затѣмъ останется военный генералъ-губернаторъ въ Москвѣ, гдѣ онъ пользуется особымъ значеніемъ и особою независимостью и гдѣ онъ точно необходимъ и полезенъ.

Тифлисъ вовсе не царская столица. Въ немъ всего до 40.000 жителей; слѣдовательно, ни по значенію, ни по населенію своему онъ не можетъ быть управляемъ какъ столицы, гдѣ 500.000, 300.000 и 200.000 жителей. Кромѣ того, назначеніе князя Орбельяни Тифлисскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ будетъ имѣть всѣ тѣ неудобства, кои имѣются теперь относительно Варшавскаго военнаго губернатора. Представленія его по городу Тифлису, по полиціи, хозяйству и т. п. будутъ поступать въ главное ваше управленіе и въ совѣтъ, гдѣ онъ же предсѣдательствуетъ. Въ какомъ положеніи будутъ находиться докладчики и члены совѣта въ отношеніи его представленій? Онъ будетъ и представлять, и самъ обсуждать свои представленія, и даже самъ разрѣшать ихъ въ случаѣ отсутствія намѣстника.

* Полное Собр. Зак. 1816, Окт. 30, № 26.496.

Но при этомъ нельзя однакоже не принять во вниманіе всего того, что ваше сіятельство изволите говорить въ вашемъ письмѣ на счетъ теперешняго управленія города Тифлиса. Дѣйствительно, губернское начальство Тифлисской губерніи не можетъ заниматься городомъ такъ, какъ бы слѣдовало; но по моему мнѣнію помочь этому очень нетрудно. Надо устроить управленіе городомъ Тифлисомъ такъ, какъ устроено управленіе городомъ Одессою. Сей послѣдній городъ состоитъ въ составѣ Херсонской губерніи, но управленіе его вовсе не подчинено губернскому начальству, а ввѣрено особому градоначальнику, который если бываетъ изъ военныхъ, то именуется военнымъ губернаторомъ города Одессы. По этому примѣру мнѣ кажется можно было бы: 1) управленіе городомъ Тифлисомъ отдѣлить отъ управленія Тифлисскою губерніею; 2) въ городъ Тифлисъ назначить особаго военнаго губернатора сего города, подчинивъ ему городскую полицію, городское общественное управленіе, комендантское управленіе и вообще всѣ части, относящіяся исключительно до города; 3) дѣйствовать ему на правахъ градоначальниковъ и военныхъ губернаторовъ вообще; 4) имѣть при немъ небольшую канцелярію; 5) поставить его къ вашему главному управленію въ тѣже отношенія, какъ и прочіе губернаторы и 6) затѣмъ въ Тифлисской губерніи имѣть гражданскаго губернатора, и затѣмъ Тифлисскому же гражданскому губернатору и губернскому правленію никакихъ отношеній къ городу Тифлису не имѣть.

При этомъ устройствѣ г. Капгеръ можетъ быть оставленъ Тифлисскимъ гражданскимъ губернаторомъ; но какой бы ходъ ему ни дали, весьма сомнительно, чтобы онъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ могъ когда-нибудь быть назначенъ сенаторомъ. Теперь только и думаютъ о томъ, чтобы возвысить это званіе, вообще уменьшить число сенаторовъ, назначать въ Сенатъ лицъ или служившихъ преимущественно по судебной части, или знакомыхъ съ нею. Кромѣ того, сенаторы назначаются по мѣрѣ ихъ выбытія и по кандидатскому списку, гдѣ теперь считается до 29 кандидатовъ, имѣющихъ и по старшинству службы, и по чинамъ болѣе правъ на это званіе, чѣмъ Капгеръ.

Простите, ваше сіятельство, такое откровенное изложеніе моего мнѣнія по обоимъ вопросамъ, о коихъ вы мнѣ писали. Я счелъ бы себя недостойнымъ вашего довѣрія и вашего добраго расположенія, еслибы не отвѣчалъ вамъ съ полною искренностью и правдою.

Теперь есть еще одно обстоятельство, о которомъ хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы сообщая мнѣ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ вами для составленія правилъ о личныхъ правахъ Мингрельскихъ князей и дворянъ, между прочимъ изволили сказать, что сообщаете о семъ для того, чтобы устранить на это дѣло всякое противудѣйствующее вліяніе княгини Дадіанъ. Считаю долгомъ объяснить вашему сіятельству, что княгиня Дадіянъ играетъ здѣсь въ С.-Петербургѣ роль самую незначительную. Она приглашается ко двору и въ званые дни; съ нею скажутъ два-три слова, не болѣе, всегда почти о ея дѣтяхъ и никогда о дѣлахъ. Дѣтей

ея ласкаютъ и ими любуются, какъ игрушками, не болѣе. Не имѣя при дворѣ ни вліянія, ни значенія, она рѣшительно не видитъ ни одного изъ членовъ Кавказскаго Комитета, но и у нея не бываютъ вовсе, кромѣ князя Горчакова; но и тотъ посѣщаетъ ее очень рѣдко. Можно думать, что она имѣла бы вліяніе на дѣла чрезъ канцелярію, но изъ состава канцеляріи я не былъ у нея съ 18 Іюня, слѣдовательно почти 5 мѣсяцевъ, и вѣроятно не буду скоро, не ѣздя вовсе въ этотъ міръ; помощникъ же мой Гулькевичъ и всѣ прочіе чиновники ненавидятъ княгиню. Послѣ этого ваше сіятельство можете быть увѣрены, что княгиня Дадіанъ ни на какія Мингрельскія дѣла здѣсь не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого вліянія.

12.

С.-Петербургъ, 24 Сентября 1859 г.

Приношу вашему сіятельству искреннее поздравленіе съ великими подвигами, вами совершенными. Не поздравляю васъ съ царскими за нихъ милостями; все, все чтó вы сдѣлали для Россіи, превышаетъ мѣру всѣхъ возможныхъ наградъ. Намъ Русскимъ надо гордиться, что между нами въ настоящую эпоху есть лицо, подобное вамъ, князь, умѣвшее глубокими соображеніями, по плану, тщательно обдуманному, совершить въ теченіе трехъ лѣтъ то, чтó думали сдѣлать и не сдѣлали въ продолженіе почти полстолѣтія. Вамъ, князь, и слава и честь. Слава и честь Государю, васъ выбравшему. Безъ лести и съ полною искренностью скажу вамъ, что, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, ваше сіятельство едва ли не единственное лицо въ цѣлой Россіи, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ своему высокому назначенію и доказало на дѣлѣ свою глубокую предусмотрительность, свой великій умъ и свои отличныя, государственныя и военныя способности. Право, князь, хвалить васъ невозможно: предъ вами можно только поклоняться и благоговѣть. Пошли вамъ Богъ, Богъ Русскій, любящій Россію, силу и здоровье совершить весь вашъ планъ вполнѣ, какъ вы предполагали въ разговорахъ со мною нынѣшнимъ лѣтомъ. Впрочемъ, зная васъ лучше всѣхъ другихъ, я никогда не сомнѣвался ни въ томъ, чтó вы сдѣлали уже, ни въ томъ, чтó вы сдѣлаете еще. Вы не повѣрите, какъ велико благоговѣніе къ вамъ теперь въ Россіи и какъ велика слава ваша.

Я не писалъ вашему сіятельству до сихъ поръ, потому что зналъ о вызовѣ васъ въ Николаевъ и опасался, что письмо мое долго будетъ искать васъ. Надѣюсь, что, зная меня, зная мою глубокую преданность и вамъ лично, и вашему дѣлу, дѣлу Кавказа, ваше сіятельство нисколько не усомнились о глубокой радости моей при полученіи отъ васъ извѣстій.

Здѣсь въ настоящее время нѣтъ никакихъ любопытныхъ для васъ новостей. Все, чтó готовится въ будущемъ, ваше сіятельство вѣроятно слышали отъ Государя въ Николаевѣ. Жаль только, что у Государя одинъ только князь Барятинскій и что подобныхъ вамъ нѣтъ при другихъ государственныхъ обязанностяхъ. Впрочемъ, какъ вспомнишь о вашей личности, о вашихъ высокихъ качествахъ, о вашихъ великихъ подвигахъ, то

право становится странно, смѣшно, а чаще всего грустно, сравнивать съ вами всѣ эти бездарныя личности, призванныя къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Жаль, право жаль, что вы одни и что вамъ подобныхъ нѣтъ на государственномъ поприщѣ въ настоящее время, когда рѣшается или, лучше сказать, затронуто такъ много вопросовъ будущей государственной жизни Россіи.

Впрочемъ людей не передѣлаешь: умолчимъ о нихъ.

По открытіи засѣданій Государственнаго Совѣта я спѣшилъ кончить одно дѣло: о вашемъ маіоратѣ. Не взирая на разныя препятствія и возраженія, оно кончено Государственнымъ Совѣтомъ слово въ слово такъ, какъ вы хотѣли и желали. Указъ подпишется Государемъ тотчасъ по возвращеніи его въ Петербургъ, и тогда я тотчасъ представлю его вашему сіятельству.

Было у насъ также засѣданіе Кавказскаго Комитета. Все, что́ отъ васъ до настоящаго времени поступило, все, рѣшено какъ вы желали. Велѣно отпустить вамъ теперь же 60 т. рубл. сер. добавочныхъ до 200 т. экстраординарной суммы, и предоставлено министру финансовъ сообразить о снесеніи этой добавки въ смѣту на будущее время. Впрочемъ всѣ подробности положеній Комитета будутъ вамъ сообщены по утвержденіи журнала Государемъ, что̀ также послѣдуетъ по его сюда возвращеніи.

Не утомляю терпѣніе ваше моимъ длиннымъ письмомъ, оканчивая его просьбою: не лишать меня по прежнему вашей дружбы и вѣрить чувствамъ глубокой, искренней, безпредѣльной преданности.

13.

25 Октября 1859 г.

Собственноручное письмо вашего сіятельства отъ 12 Октября меня обрадовало чрезвычайно, именно потому что оно писано самими вами. Насъ такъ напугали вашею болѣзнью и разными о ней разсказами, что мнѣ дѣйствительно было успокоительно видѣть и знать изъ письма вашего, что болѣзненное положеніе ваше сдѣлалось лучше и что ваши страданія, если не прекратились, то улучшились. Ваша жизнь въ настоящую минуту такъ нужна и такъ дорога Россіи, что мы всѣ, любящіе наше отечество, должны молить Бога объ одномъ: о сохраненіи васъ для Россіи. Вы покорили Кавказъ, но вѣдь вамъ же надо его и устроить.

Я зналъ о приглашеніи, сдѣланномъ вашему сіятельству Государемъ, но сомнѣвался прежде и сомнѣваюсь теперь, можно ли вамъ будетъ по состоянію вашего здоровья прибыть въ Петербургъ зимою. Дурныя дороги и наша сѣверная зима разстроятъ ваше здоровье. Пріѣздъ вашъ сюда будетъ новою жертвою, которую вы въ вашемъ усердіи сдѣлаете для пользы ввѣреннаго вамъ дѣла. Дай Богъ только, чтобы всѣ это поняли и оцѣнили какъ слѣдуетъ.

Я радъ пріѣзду вашему не только потому, что увижу васъ, котораго глубоко уважаю и люблю, но и потому еще, что многіе вопросы для устрой-

ства и пользы Кавказскаго края вы успѣете рѣшить и кончить при себѣ, что̀ особенно важно для будущаго. Когда основанія утверждены или рѣшены Государемъ, тогда гораздо удобнѣе и легче разсматривать и утверждать подробности основательныя на указанныхъ началахъ. Тогда не помѣшаютъ дѣлу ни зависть, ни злоба, ни личности, безъ которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, не проходитъ ни одного почти дѣла.

Въ настоящее время мы очень бѣдны хорошими новостями. Новости касающіяся Кавказа сообщены вашему сіятельству въ огромномъ множествѣ высочайшихъ разрѣшеній и положеній Кавказскаго Комитета. Другаго рода новости заключаются въ постоянной, сильной и упорной борьбѣ по крестьянскому дѣлу между дворянскими депутатами, прибывшими сюда изъ губерній и генераломъ Ростовцовымъ и членами его Редакціонныхъ Коммиссій. Надо сказать правду, что трудъ Ростовцова огромный и во многихъ отношеніяхъ прекрасный, но онъ тронулъ не только сословные интересы, но интересы и помѣщичьяго кармана. Надо сказать также правду, что дворянскіе депутаты позволяютъ себѣ много дѣйствій рѣзкихъ и не всегда приличныхъ. Есть нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и вашъ графъ Орловъ-Давыдовъ, дѣйствія коихъ, право, выходятъ изъ должныхъ предѣловъ. Все это очень жаль, потому что пристрастными дѣйствіями, или лучше сказать сильными и не всегда умѣстными рѣчами дворянская, партія вредитъ собственному своему дѣлу и вредитъ въ глазахъ Государя. Ростовцовъ заболѣлъ желчною горячкою и заболѣлъ опасно, но теперь ему лучше. Нѣкоторые изъ дворянъ за свои рѣчи и неумѣстныя дѣйствія вѣроятно пострадаютъ, и по дѣломъ. Жаль только что, что̀ бы ни случилось и ни сдѣлалось по крестьянскому дѣлу, негодованіе партій и либеральной, и дворянской падаетъ отчасти и на меня; потому что я, не принадлежа къ крайностямъ и той и другой, препятствую этимъ крайностямъ, какъ могу, въ гласномъ крестьянскомъ комитетѣ. Поэтому ваше сіятельство приготовьтесь, пріѣхавши въ Петербургъ, слышать на мой счетъ еще болѣе нарѣканій, брани и клеветы, чѣмъ прошлый разъ. Право, не знаю, чѣмъ кончится весь этотъ хаосъ; но молю Бога, чтобы онъ кончился поскорѣе, хотя рѣшительно не надѣюсь, чтобы ранѣе половины или конца 1860 года можно было привести крестьянское дѣло къ концу.

Б. Письма генералъ-адъютанта Коцебу.

1.

С.-Петербургъ, 1 Января 1858 года.

Производя инспекторскій смотръ войскамъ первой арміи и доѣхавъ такимъ образомъ до Петербурга, я узналъ здѣсь о прекращеніи существованія Кавказскаго корпуса, занявшаго мѣсто, давно принадлежащее ему по всей справедливости*). Званіе, которое вы носите теперь, не прибав-

*) Вмѣсто „корпусъ" повелѣно было тогда называть „Кавказская армія"; да и странно было войска, доведенныя до 250 т. состава, называть корпусомъ. А. З.

ляетъ ничего ни къ вашей ввласти, ни къ вашему достоинству; но оно служитъ еще новымъ доказательствомъ милостиваго и высокаго благорасположенія Его Величества и справедливости, которую онъ отдаетъ вашимъ заслугамъ. Именно въ этомъ смыслѣ я тороплюсь принести вашему сіятельству искреннія поздравленія, присоединяя къ нимъ лучшія пожеланія по случаю наступающаго новаго года.

Военный министръ сообщилъ мнѣ проектъ, представленный генераломъ Милютинымъ о сплошной колонизаціи Кавказа, прося меня сообщить мое мнѣніе письменно. Только что отправивъ его, тороплюсь въ тоже время представить копію вамъ. Если мнѣніе мое и не сойдется во всѣхъ пунктахъ съ вашимъ, князь, не будьте на меня въ претензіи. Впрочемъ высокое уваженіе, которое я питаю къ вашему характеру, не допускаетъ даже возможности досады и минутнаго неудовольствія съ вашей стороны

2.

Варшава, 1-го Августа 1858 г.

Чтобы хоть сколько нибудь объяснить сомнѣнія, выраженныя мною Крузенштерну и Шаховскому на счетъ нашихъ отношеній, я долженъ прежде всего привлечь ваше вниманіе на чувства симпатіи, которыя вы всегда внушали мнѣ. Я былъ, въ виду этого, поистинѣ огорченъ мыслью, что расположеніе ваше, которое я считалъ заслуженнымъ мною, могло быть подвергнуто неблагопріятному колебанію. Подъ впечатлѣніемъ этого огорченія я говорилъ съ Шаховскимъ. Я былъ неправъ, тысячу разъ неправъ, въ чемъ искренно прошу извинить меня. Посылаю вамъ, вслѣдъ за симъ, замѣтку о встрѣчахъ, сдѣланныхъ Великимъ Князьямъ въ Варшавѣ, сообщая предварительно извлеченіе изъ общаго устава по этому предмету *). Мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе, что званія фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части стоятъ на ряду со званіемъ главнокомандующаго, и что Ихъ Императорскія Высочества оба старше васъ въ чинѣ генерала, мнѣ кажется, говорю я, въ виду этого:

1-е. Вы должны встрѣтить Великихъ Князей около почетнаго караула (на флангѣ), а если онъ будетъ отклоненъ, то въ помѣщеніи приготовленномъ для Ихъ Высочествъ. 2-е. Ни въ какомъ случаѣ вы не должны представлять почетнаго рапорта, и 3-е, что, въ случаѣ смотра или развода, вы должны проходить церемоніальнымъ маршемъ во главѣ войска. Я не знаю, намѣрены ли вы сопутствовать Великимъ Князьямъ въ ихъ путешествіи; но если вы это сдѣлаете, я думаю вамъ не нужно становиться кажтый день во флангѣ каждаго почетнаго караула; мнѣ кажется этого дѣлать не слѣдуетъ, потому что Великіе Князья пріѣзжаютъ не въ качествѣ инспекторовъ.

---

*) Въ 1858 году Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи предприняли путешествіе по Кавказу; къ встрѣчѣ ихъ дѣлались большія приготовленія, и между прочимъ князь Барятинскій просилъ П. Е. Коцебу сообщить, какія въ этомъ отношеніи существуютъ правила. По болѣзни князь не могъ лично сопровождать Ихъ Высочества.

Здѣсь разсказываютъ чудеса о приготовленіяхъ, которыя вы дѣлаете для встрѣчи Великихъ Князей; въ особенности много толкуютъ о колоссальныхъ размѣрахъ охоты.

Въ качествѣ усерднаго читателя вашихъ приказовъ, я съ удовольствіемъ нашелъ въ нихъ недавно благодарность Евдокимову за то, что онъ проникъ до Шубута, и приказъ объ уничтоженіи крѣпостей Ачхоя и Урусъ-Мартана. Признаюсь, что достигаемые вами результаты превосходятъ всѣ мои предвидѣнія.

3.

Варшава, 24 Сентября 1858 г.

Я счастливъ, что еще разъ могу принести мои поздравленія съ милостивымъ сюрпризомъ, который сдѣлалъ вамъ Его Величество, назначивъ васъ шефомъ Кабардинскаго полка. Этотъ доблестный полкъ вполнѣ заслуживаетъ такую честь и будетъ служить еще вдвое усерднѣе, чтобы оправдать честь носить ваше имя.

Государь только что покинулъ насъ. Въ теченіи осьми дней своего пребыванія въ Варшавѣ, Его Величество все время былъ доволенъ войсками и относился къ намъ благосклонно и милостиво. Я лично удостоился чести быть назначеннымъ шефомъ Замостьскаго полка, съ которымъ въ 1854 году совершилъ переправу черезъ Дунай. Въ иностранныхъ гостяхъ также не было у насъ недостатка. Были принцъ регентъ Прусскій, великикій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцъ Наполеонъ, герцогъ Карлъ Баварскій, Австрійская депутація, депутація отъ Сардиніи и разные офицеры Нидерландовъ, Греціи и т. д. И у насъ были охоты, изъ которыхъ одна, устроенная графомъ Потоцкимъ, была превосходна, поистинѣ барская. Но чтò эти охоты въ сравненіи съ охотами, приготовленными вами въ Караясской степи для Великихъ Князей! Если вѣрить чудесамъ, о которыхъ намъ пишутъ изъ Тифлиса, ни одна страна въ мірѣ не можетъ представить ничего подобнаго въ своихъ лѣтописяхъ.

Переходя отъ веселаго къ серьезному, я долженъ принести вамъ сердечныя соболѣзнованія о смерти Вревскаго. Это несчастное происшествіе меня глубоко опечалило, и я искренно сожалѣю васъ, потерявшаго въ немъ храбраго и умнаго помощника. Миръ праху его!

4.

Варшава, (27 Февраля) 11 Марта 1859 г.

Я пропустилъ нѣсколько мѣсяцевъ, не отвѣчая на ваше любезное письмо отъ 10 Ноября, чисто изъ опасенія слишкомъ надоѣсть вамъ своими малозначащими письмами. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось выразить вамъ свою признательность за обѣщаніе возвратить Козрова *). Это благодѣяніе, сдѣланное ему, я принимаю какъ знакъ вашего расположенія ко мнѣ,

---

*) Вѣрно, сосланный въ Россію административнымъ порядкомъ Кавказскій уроженецъ. А. З.

которое я вполнѣ цѣню и доказательство котораго вижу еще разъ во вниманіи, оказанномъ вами моему бывшему адъютанту Крузенштерну. Онъ поспѣшилъ сообщить мнѣ о вашемъ любезномъ пріемѣ, которымъ вы пріобрѣли его преданность. Слухи о вашей болѣзни достигли уже Варшавы и встревожили меня; тѣмъ болѣе порадовало меня письмо ваше, сообщающее мнѣ, что вы совсѣмъ поправились. Должно быть, вы схватили лихорадку въ болотахъ Мингреліи, выѣхавъ на встрѣчу Великихъ Князей.

Не смотря на важность дѣла, которымъ вы поглощены по вашей огромной администраціи, вниманіе ваше было привлечено, безъ сомнѣнія, и событіями Запада. Быть можетъ, думали вы вмѣстѣ со всей Европой, что Франція вооружается, что война если не неизбѣжна, то возможна. И что же? Moniteur Universel отъ 5 Марта сообщаетъ намъ противное, обвиняя въ недоброжелательствѣ и тупости все цивилизованное населеніе Европы. Статья произвела громадное впечатлѣніе. Истолковывая ее различно, одни смотрятъ на нее, какъ на отступленіе Французскаго правительства, другіе, какъ на вѣрную оцѣнку политики императора Наполеона. Вообще, однако, она оживила надежды сторонниковъ мира, хотя осторожные люди не очень вѣрятъ въ миръ. Ничто не обнаруживаетъ предположенія нашего правительства во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ: первая армія не дѣлаетъ никакихъ приготовленій, ея главнокомандующій все еще въ Петербургѣ.

В. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ БАРЯТИНСКАГО СЪ ВОЕННЫМЪ МИНИСТРОМЪ Н. О. СУХОЗАНЕТОМЪ.

Князь Барятинскій Сухозанету.

Благодарю васъ отъ глубины сердца моего за то теплое участіе, съ которымъ вы поддерживаете представленія мои ходатайствомъ вашимъ передъ Государемъ Императоромъ. Сочувствіе это тѣмъ болѣе меня радуетъ, что доказываетъ убѣжденіе ваше въ пользѣ теперешнихъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Позвольте же мнѣ, съ свойственною намъ обоимъ откровенностью и въ исполненіе взаимнаго нашего обѣщанія, просить вашего разъясненія по поводу одного выраженія, весьма смущающаго меня въ вашемъ письмѣ отъ 14-го Декабря, гдѣ вы говорите: „Дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ осуществились надежды ваши — кончить дѣло Кавказа чрезъ два года". Вамъ должно быть извѣстно, что я, испрашивая у Государя Императора подкрѣпленій, не представлялъ Его Величеству ни числа войскъ, ни срока къ покоренію Кавказа. Я просилъ Государя самому рѣшить, нужно ли мнѣ подкрѣпленіе, дабы не потерять пріобрѣтеннаго нами въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ и дать намъ возможность временнымъ усиленіемъ достигнуть новыхъ успѣховъ, чтобы идти къ скорѣйшей развязкѣ начатаго дѣла — покоренію края между Каспійскимъ моремъ и Военно-грузинскою дорогою. На эту мою всеподданнѣйшую просьбу и воспослѣдовало великое рѣшеніе нашего Государя — усилить

ввѣренную мнѣ армію войсками до осени 1861 года. Вѣроятно изволили вы полагать, что со срокомъ этимъ, назначеннымъ самимъ Государемъ, связано какое-либо обѣщаніе съ моей стороны покончить всѣ дѣла Кавказа чрезъ два года, какъ это вы говорите. Прошу ваше высокопревосходительство избавить меня въ мысляхъ вашихъ отъ подобнаго обязательства, котораго я никогда не принималъ и не приму на себя; я могу только обѣщать, что употреблю всѣ усилія и способности, чтобы подвинуть до 1861-го года военный успѣхъ нашего дѣла на Кавказѣ до той степени, до которой это только будетъ возможно, предоставляя тогда на ваше обсужденіе—оцѣнить мѣру этого труда и успѣха *).

Чтò касается до войскъ, то они конечно заслуживаютъ, чтобы обращено было на ихъ нужды особое вниманіе, и всякая новая милость, которую угодно было бы Государю Императору оказать для улучшенія ихъ быта и довольствія, была бы вполнѣ справедливою.

Высочайше утвержденное рѣшеніе Военнаго Совѣта о зачетѣ $4^1/_2$ милліоновъ рубл. изъ наличныхъ суммъ интендантства въ счетъ ассигнованій на 1859 г. есть мѣра, на которую я отнюдь не могу жаловаться; ибо и самъ не желалъ оставлять столь большія суммы мертвымъ капиталомъ. Но, сколько могу судить по представленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, я полагаю, что такое значительное уменьшеніе наличнаго капитала вынудитъ интендантство, для оборотовъ своихъ, требовать ежегодно высылки большихъ суммъ авансомъ въ счетъ смѣты слѣдующаго года, такъ что въ сущности потребность въ ассигнованіи суммъ на текущій годъ уменьшится не на $4^1/_2$ милліона, какъ предположено, а едва ли на три милліона. При томъ мнѣ было бы весьма прискорбно, еслибы оказалось необходимымъ вынуть изъ кредитныхъ установленій тѣ $1^1/_2$ милліона, которые вложены съ высочайшаго соизволенія съ цѣлью выдавать изъ процентовъ пособія нуждающимся офицерамъ и семействамъ ихъ. Назначеніе этихъ пособій съ нынѣшняго года было уже объявлено всей арміи, какъ новая монаршая милость, и я буду поставленъ въ немалое затрудненіе объявить объ отмѣнѣ этого благодѣтельнаго распоряженія. Наконецъ, я долженъ отказаться отъ надежды употреблять означенные наличные остатки на полезныя для края предпріятія, на что было мною испрошено предварительное соизволеніе Государя Императора.

Коммиссію для приведенія въ извѣстность капиталовъ интендантства я назначу и надѣюсь, что высочайшая воля будетъ въ точности исполнена къ опредѣленному сроку; но считаю долгомъ предувѣдомить, что отъ этой коммиссіи можно ожидать только приблизительнаго разъясненія показанныхъ по балансовому отчету большихъ остатковъ, т. е. указанія, по какимъ причинамъ и по какимъ параграфамъ смѣтъ эти остатки образовались. Точное же исчисленіе не иначе возможно, какъ по окончаніи ге-

*) Далѣе слѣдуетъ, чтò уже напечатано выше, на стр. 456 и 457-й текста о генералѣ Евдокимовѣ.

неральныхъ отчетовъ, которые составляются постепенно годъ годомъ. Впрочемъ я буду подробно отвѣчать вамъ на оффиціальные отзывы ваши по этому предмету и надѣюсь, что вы не откажете ближе вникнуть въ положеніе контрольной части Кавказскаго интендантства, о чемъ я писалъ уже вамъ неоднократно. За прежнее время работа по этой части ускоряется по возможности; ибо составленіе генеральныхъ отчетовъ запоздавшее прежде на цѣлыя 10-ть лѣтъ, нынѣ уже отстало только на 5-ть лѣтъ, а въ будущемъ году обѣщаютъ представить отчетъ по 1856-й годъ. Но тѣмъ не менѣе на будущее время надобно желать скорѣйшаго введенія установленнаго общимъ положеніемъ наблюдательнаго счетоводства и современнаго контроля, что́ возможно только при предположенномъ переобразованіи интендантства. Прежде того никакія временныя мѣры не могутъ поправить хода дѣлъ, запущенныхъ не теперь, а съ давнихъ поръ вслѣдствіе несовершенства въ самой организаціи интендантства и недостаточности его средствъ, о чемъ переписка уже продолжается болѣе 50-ти лѣтъ.

Наконецъ, по вопросу вашему о переобразованіи коммиссаріатской части долженъ сказать, что дѣло это нѣсколько пріостановилось, именно потому, что оно связано съ преобразованіемъ интендантства, а по этому предмету я имѣю въ виду нѣкоторыя совершенно новыя мысли, и слѣдовательно требующія еще тщательнаго обсужденія, прежде чѣмъ принять ихъ въ основаніе составляемаго проекта. Мысли эти объ устройствѣ вообще продовольственной части въ арміи, по важности предмета, я полагаю сообщить вамъ въ свое время особо.

4 Января 1859 г. Тифлисъ.

Сухозанетъ князю Барятинскому.

Содержаніе письма вашего, отъ 4-го Января, я имѣлъ счастіе доводить до свѣдѣнія Его Величества.

Подъ выраженіемъ моимъ „дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ"... я никакъ не разумѣлъ, чтобы вы чрезъ два года успѣли бы обратить Кавказъ въ мирную и покорную провинцію Имперіи, *вполнѣ понимая невозможность такого осуществленія въ самой отдаленной будущности.* Мысль моя заключалась въ томъ, что, успѣхами военными и въ особенности административными, вы найдете чрезъ два года возможность ограничиться тѣми средствами денежными и личнаго состава войскъ, кои для сего требовались въ недавнее еще время. Противъ сей статьи письма вашего Государю Императору благоугодно было повелѣть сообщить вамъ слѣдующія Его Величества слова: „Но во всякомъ случаѣ, если до того не будетъ Азіятской войны, 18-я дивизія и резервная Кавказская дивизія должны быть возвращены на свои постоянныя квартиры".

На счетъ $1\frac{1}{2}$ милл., положенныхъ въ кредитныя установленія изъ интендантскихъ суммъ, потребована Его Величествомъ подробная справка,

съ коей копію съ послѣдовавшею на справкѣ высочайшею резолюціею, при семъ препроводить честь имѣю.

Относительно коммиссіи долженствующей разобрать и повѣрить счеты прежнихъ временъ, весьма понятно, что подробныхъ окончательныхъ, на документахъ основанныхъ, по годамъ, генеральныхъ отчетовъ къ 1 Іюля сдѣлать невозможно; но хотя приблизительно, извѣстны уже будутъ въ общихъ валовыхъ цифрахъ запасы вашего интендантства для предстоящаго 1860 года.

Войска вамъ посылаемыя, 16 батал. Кавказской резервной дивизіи, находятся въ полномъ ходу формированія; надѣюсь, что вы будете ими довольны. Призывъ людей для пополненія вашей арміи до полнаго комплекта и для формированія 4-хъ батальоновъ 18-й пѣхотной дивизіи, сдѣланъ съ такимъ во времени разсчетомъ, дабы все слѣдуемое къ Лѣвому крылу могло быть съ большимъ удобствомъ, сбереженіемъ людей, времени и издержекъ, спущено Волгою до Астрахани и далѣе чрезъ Каспій. Недостатокъ морскихъ нашихъ средствъ сильно меня заботитъ; ежели вы имѣете возможность оказать въ семъ случаѣ съ вашей стороны какое-либо содѣйствіе, то прошу мнѣ въ ономъ не отказать. Пополненіе укомплектованія Праваго крыла и прибрежныхъ пунктовъ Чернаго моря будетъ также сдѣлано одновременно. Словомъ, будьте совершенно покойны: я строго наблюдаю, чтобы всѣ войска въ постановленный срокъ были приводимы въ полное съ запасомъ комплектное положеніе, причемъ вамъ не встрѣтится никакой необходимости уменьшать положенные кадры возвращаемой 13 пѣхотной дивизіи, о чемъ повторяю мою покорнѣйшую просьбу, дабы оные были въ полномъ составѣ и достоинствѣ, чтобы имѣть возможность по прибытіи на квартиры немедленно формироваться.

Предположенія ваши о преобразованіи коммиссаріатской части и объ устройствѣ продовольствія войскъ съ нетерпѣніемъ ожидаю, дабы, въ случаѣ утвержденія, оныя могли бы получить осуществленіе при заготовленіяхъ на будущій 1860 годъ. Заготовленіе продовольствія для вашей арміи, какъ Праваго, такъ и Лѣваго крыла исполнено, могу сказать прихотливо; почти весь отправляемый хлѣбъ овинный и отъ помѣщиковъ Тамбовской, Казанской, Симбирской и Самарской губерній.

Всепокорнѣйшая моя къ вамъ просьба: разжалованному въ рядовые сыну г.-лейт. Семякина доставить случай отличиться, произвесть въунтеръ-офицеры и вознаградить потерянную имъ по сіе время военную карьеру; если не для сына, то за заслуги его отца мы обязаны сіе исполнить.

20 Января 1859 г. С. П. Б.

Сухозанетъ князю Барятинскому.

Душевно поздравляю васъ съ блистательнымъ успѣхомъ покоренія Чечни, ознаменованнаго вниманіемъ Его Величества къ заслугамъ вашимъ и согласно предстательству вашему милостивыми наградами г.-л. Евдокимову за его подвигъ и двухлѣтнюю всегда распорядительную боевую его службу.

При семъ препровождаю вамъ оправданіе Инспекторскаго Департамента противъ упрека въ медленномъ якобы исправленіи всемилостивѣйшихъ наградъ за отличіе лицамъ ввѣренной вамъ арміи; прилагаемыя двѣ таблицы убѣдятъ васъ, что главное замедленіе происходитъ отъ весьма поздняго отправленія представленій вашихъ объ отличіяхъ весьма давно прошедшихъ.

Государь вамъ пишетъ о дѣлахъ Европы и положеніи, въ которое мы въ скоромъ времени вовлечены быть можемъ; нужны всѣ способы Россіи имѣть въ готовности на всемъ пространствѣ Южной и Западной границъ; существеннѣйшее изъ оныхъ, финансы, находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи.

21 Апрѣля 1859 года. С. П. Б.

Сухозанетъ князю Барятинскому.

Душевно поздравляю васъ съ блистательнѣйшимъ покореніемъ края.

Благодарность и надежды Государя и Россіи выражены въ жалуемой вамъ грамотѣ на Андрея Первозваннаго.

Да поможетъ вамъ Господь, мирною и справедливою администраціею, увѣнчать дѣло. Съ моей стороны дозволяю себѣ сказать, что прочнаго основанія христіанства, согласно правиламъ онаго, можно достигнуть только терпѣніемъ и убѣжденіемъ. Выраженная вами однажды мысль переженить на мусульманкахъ до 500 человѣкъ избранныхъ нижнихъ чиновъ, дабы симъ возстановить въ краѣ христіанство—обсуживая отсюда, казалась бы мнѣ опасною мѣрою, могущею возбудить новую къ намъ ненависть исламизма. Не будучи равнодушнымъ къ успѣху православія, я полагаю, что быстрыя, насильственныя мѣры къ осуществленію онаго положатъ основаніе къ такимъ затрудненіямъ, коихъ побѣдить не будетъ возможности.

Всѣ ваши желанія исполняются: медаль въ память покоренія края будетъ учреждена, но оффиціально я не могу успѣть теперь васъ извѣстить; войскамъ дѣйствовавшимъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ пожаловано по 1 р., а Гунибскимъ по 2 р.; Георгіевскіе кресты полк гр. Ностицу и подполк. Чермоеву тоже пожалованы. Впрочемъ Государь самъ пишетъ вамъ подробно.

Приглашеніе вамъ пріѣхать въ гор. Николаевъ къ 28 Сентября, для свиданія съ Его Величествомъ, отправлено по телеграфу и нынѣ вновь оффиціально посылается.

Выраженіе ваше, что вы удержите всѣ войска до исхода 1861 года Его Величествомъ вычеркнуто. Soyez donc esclave de votre parole; вами испрашивалось до 1861 года: это на цѣлый годъ уменьшаетъ срокъ. Когда вамъ было нужно, мною сдѣлано все возможное усиліе; облегчите же теперь мой бюджетъ. Министръ финансовъ рѣшительно отказывается удовлетворить оному; не только полезные, но и до крайности необходимые расходы по неволѣ придется отложить.

Затѣмъ благодарю васъ за выраженія письма вашего отъ 25-го Августа. Повторяя искреннѣйшее мое поздравленіе, надѣюсь, что теперь вы не замедлите и Правое крыло подвергнуть участи Дагестана.

11 Сентября 1859 года. Царское Село.

Князь Барятинскій Сухозанету.

Искренно благодарю ваше высокопревосходительство за выраженія письма вашего отъ 11-го Сентября по случаю всемилостивѣйшаго пожалованія мнѣ Св. Андрея и съ своей стороны поздравляю васъ съ тою же наградою.

Въ письмѣ этомъ вы касаетесь вопроса о возобновленіи на Кавказѣ христіанства. Признаюсь, я былъ крайне удивленъ употребленною вами фразою: „переженить на мусульманкахъ до 500 избранныхъ нижнихъ чиновъ", въ особѣнности когда увидалъ, что мысль эту вы приписываете мнѣ. Доказывать несбыточность подобной идеи, противной правиламъ церкви и всякой возможности осуществленія, мнѣ кажется излишнее; а чтобы убѣдить васъ, что предложеніе это мнѣ даже непонятно и не могло быть мною никогда выражаемо ни на словахъ, ни на бумагѣ, достаточно указать на отзывъ къ вамъ отъ 4-го прошлаго Августа № 265, въ которомъ, испрашивая общую амнистію всѣмъ Русскимъ бѣглымъ находившимся среди вновь покорившихся племенъ Кавказа, я высказалъ ясно взглядъ свой на возобновленіе христіанства. Онъ заключается въ томъ, чтобы изъ нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, примѣрно до 500 чел. (а не изъ избранныхъ нижнихъ чиновъ Русскихъ) женатыхъ на мусульманкахъ, которые, оставаясь между горцами долгое время, освоились уже съ ихъ образомъ жизни и нравами, а потомъ, принявъ мусульманство, женились и прижили семейства, составить особыя поселенія въ тѣхъ мѣстахъ горъ, гдѣ еще сохранились какія-либо слѣды христіанства, въ надеждѣ, что люди эти, придя къ раскаянію, захотятъ вернуться въ лоно православной церкви и такимъ образомъ составятъ какъ бы первое зерно Русскаго христіанскаго населенія въ этомъ иноплеменномъ и мусульманскомъ краѣ.

Узнавъ изъ того же письма и вслѣдъ за тѣмъ и изъ отзыва вашего отъ 16 Сентября № 10815, о высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе медали въ память покоренія Чечни и Дагестана, считаю долгомъ сообщить вашему высокопревосходительству, что если на медали этой помѣстить, какъ предполагается, только 1858 и 1859 годы, въ такомъ случаѣ она не будетъ выражать вполнѣ ту эпоху, память которой учреждается. Начальныя дѣйствія для покоренія какъ Чечни, такъ и Дагестана, какъ вамъ извѣстно, начаты и исполнены въ 1857 году. Годъ этотъ ознаменованъ былъ на Лѣвомъ крылѣ покореніемъ Ауха и окончаніемъ просѣкъ, открывшихъ намъ безпрепятственный доступъ до самой Ичкеріи, а въ Прикаспійскомъ краѣ занятіемъ Салатавіи и построеніемъ укрѣпленія Буртунай, которое при послѣдующихъ нашихъ дѣйствіяхъ, въ особенности лѣтомъ нынѣшняго

года, играло такую же важную роль какъ и Веденъ на Лѣвомъ крылѣ. Не имѣя въ Буртунаѣ опорнаго пункта и вмѣстѣ съ тѣмъ склада провіанта для дѣйствующихъ войскъ, едвали бы удалось намъ совершить славную переправу при Сагрытло, чрезъ Андійское Койсу, и окончить менѣе чѣмъ въ два мѣсяца покореніе Восточнаго Кавказа. Всѣ эти обстоятельства вынуждаютъ меня покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать высочайшее Его Величества соизволеніе, чтобы на медали, учреждаемой въ память покоренія Чечни и Дагестана, вмѣстѣ съ 1858 и 1859 годами, изображенъ былъ также и 1857 годъ.

Обращаясь затѣмъ къ окончанію вашего письма, касающемуся срока оставленія на Кавказѣ 18-й пѣхотной и Кавказской резервной дивизій, я не могу скрыть отъ васъ, какъ я былъ пораженъ, прочитавъ совѣтъ вашъ: „soyez donc esclave de votre parole". Мнѣ кажется, напоминать подобное правило нѣтъ надобности ни мнѣ, ни вамъ. Мы оба одинаково его держимся; но меня въ особенности удивляетъ, какимъ образомъ вы рѣшились говорить такъ положительно, не сдѣлавъ предварительно повѣрки вашей памяти съ ходомъ дѣла. Если вы потрудитесь прочитать прилагаемый при семъ въ копіи отзывъ ко мнѣ отъ 25 Октября 1858 г. № 9231, вами самими подписанный, то вы легко убѣдитесь, что употребленное вами выраженіе: „удержать на Кавказѣ всѣ войска до исхода 1861 года" для васъ не составляетъ вовсе ничего новаго. Въ отзывѣ этомъ вы сами же сообщили мнѣ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу содержанія отзыва моего отъ 23 Сентября № 1344, высочайше повелѣть соизволилъ: „18-ю пѣхотную дивизію съ ея стрѣлковыми баталіонами и 16-ть баталіоновъ Кавказской резервной дивизіи оставить въ вашемъ распоряженіи до осени 1861 года, т. е. до Сентября мѣсяца, но съ рѣшительнымъ условіемъ не далѣе сего срока"... Надѣюсь, что послѣ этого ваше высокопревосходительство сами сознаете, что совѣтъ вашъ быть рабомъ своихъ словъ былъ для меня совершенно лишній и что вы не упустите времени исправить ошибку вашей памяти.

9 Октября 1859 г. Тифлисъ.

Г. Письма генералъ-лейтенанта Милютина къ генералъ-адъютанту барону Врангелю.

1.

От 16-го Мая 1859 года за № 102.

Г. главнокомандующій, отъѣзжая изъ Тифлиса, поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству, въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 2-го сего Мая, соображенія его сіятельства какъ по предмету занятія Ули-Калы, такъ и вообще предстоящихъ лѣтнихъ дѣйствій въ Дагестанѣ.

Князь Александръ Ивановичъ выразилъ желаніе овладѣть Ули-Калою единственно въ той надеждѣ, что успѣхъ этотъ можетъ быть достигнутъ какимъ либо случайнымъ средствомъ или внезапнымъ нападеніемъ; но если нельзя исполнить это предположеніе иначе какъ открытою атакою, сосре-

доточивъ для сего большой отрядъ, то г. главнокомандующій считаетъ означенную цѣль недостаточно-важною, чтобы для подобнаго результата предпринять цѣлую экспедицію, подвергать войска случайностямъ приступа или же терять время на постепенную и, быть можетъ, продолжительную осаду, которая отвлекла бы всѣ подвижныя силы Прикаспійскаго края отъ другихъ, болѣе важныхъ цѣлей. Вашему пр—ву извѣстно, что г. главнокомандующій, слѣдуя неотступно и твердо принятому систематическому плану войны, предположилъ въ нынѣшнее лѣто главныя дѣйствія направить въ долину Андійскаго Койсу, и что цѣль этихъ дѣйствій заключается не въ нанесеніи только временнаго удара непріятелю, а въ окончательномъ и прочномъ утвержденіи нашемъ въ томъ краѣ, посредствомъ занятія въономъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, проложенія хорошихъ и благонадежныхъ путей сообщенія и открытія дальнѣйшихъ доступовъ для будущихъ нашихъ дѣйствій. Для полнаго достиженія этого важнаго результата, необходимо, даже и послѣ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые одержаны вновь со стороны Лѣваго крыла, употребить въ долинѣ Андійскаго Койсу сколь можно большую массу силъ и средствъ, не развлекаясь другими, второстепенными предпріятіями. Силы эти потребуются не столько въ предвидѣніи упорнаго со стороны непріятеля сопротивленія, сколько по огромности предстоящихъ работъ и транспортировки, при краткости лѣтняго времени, удобнаго для ѣйствій въ томъ краѣ. Чѣмъ болѣе рукъ будетъ употреблено разомъ на работы, чѣмъ болѣе запасовъ будетъ свезено въ пункты вновь занятаго края, тѣмъ результатъ будетъ полнѣе и положительнѣе. Поэтому г. главнокомандующій признаётъ лучшимъ не отступать въ главныхъ основаніяхъ отъ предначертаннаго уже плана дѣйствій, съ которымъ были соображены всѣ приготовленія, производимыя какъ вашимъ п—мъ въ Прикаспійскомъ краѣ, такъ и ген.-л. гр. Евдокимовымъ со стороны Лѣваго крыла. Съ этимъ же планомъ согласованы и предположенія для предстоящихъ дѣйствій со стороны Лезгинской кордонной линіи.

Только въ частностяхъ самаго исполненія означеннаго плана дѣйствій необходимо нынѣ сдѣлать противу первоначальнаго предположенія нѣкоторое измѣненіе вслѣдствіе послѣднихъ успѣховъ нашихъ на Лѣвомъ крылѣ. Мы стали нынѣ въ этой части края въ такое положеніе, что пріобрѣли новое, обширное и выгодное основаніе для дѣйствій въ долину Андійскаго Койсу; лучшіе доступы туда открываются намъ уже не изъ Салатавіи, какъ было прежде, а со стороны Ведена и Аргунскаго ущелья. Слѣдовательно прежнее предположеніе—сосредоточить у Буртуная всѣ силы, предназначавшіяся для наступленія въ долину Андійскаго Койсу, естественно должно быть отмѣнено; а вмѣсто того предположено направить войска Лѣваго крыла прямо изъ занимаемыхъ ими теперь передовыхъ пунктовъ: именно изъ Чарбили на Технуцалъ, а изъ Ведена къ Анди. Въ тоже время войска Прикаспійскаго края, сосредоточенныя у Буртуная, должны наступать изъ Салатавіи въ Гумбетъ, а войска Лезгинской кордонной линіи спустятся, двумя же колоннами, изъ Тушетіи и Дидо къ сліянію Туштетской Алазани съ Ори-Цхале, то есть къ истоку Андійскаго Койсу—въ Ункратль.

Такимъ образомъ войска всѣхъ трехъ отдѣловъ должны одновременно вступить съ разныхъ сторонъ въ долину Андійскаго Койсу и сколь можно скорѣе войти въ связь между собою. При такомъ совокупномъ направленіи всей массы нашихъ силъ можно надѣяться, что со стороны непріятеля упорнаго сопротивленія мы не встрѣтимъ, а въ такомъ случаѣ будемъ имѣть полную возможность безъ потери времени употребить всѣ наши силы и средства на тѣ работы, кои окажутся необходимыми для предположеннаго утвержденія нашего въ краѣ. Въ этомъ отношеніи г. главнокомандующій намѣревается дать личныя на мѣстѣ указанія.

Таковы основныя идеи, принятыя его сіятельствомъ для предстоящихъ лѣтнихъ дѣйствій. На этихъ основаніяхъ обсуждались подробности исполненія въ совѣщаніи съ прибывшими сюда гг. командующими войсками Лѣваго крыла и Лезгинской кордонной линіи. Основываясь на мнѣніяхъ генералъ-лейтенанта графа Евдокимова и генералъ-маіора князя Меликова, г. главнокомандующій изволилъ рѣшить, что наступательное движеніе всѣхъ вышеозначенныхъ колоннъ *должно начаться одновременно въ послѣднихъ числахъ Іюня мѣсяца* съ тѣмъ, чтобы спуститься въ долину Андійскаго Койсу въ первыхъ числахъ Іюля.

Рѣшительныя наши дѣйствія въ долинѣ Андійскаго Койсу могутъ произвести сильное впечатлѣніе на горцевъ въ цѣломъ краѣ и имѣть отголосокъ въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ. Поэтому намъ слѣдуетъ быть готовыми и въ тѣхъ частяхъ края воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, который могъ бы намъ облегчить предстоящія на будущее время дѣйствія. Къ такимъ случайностямъ могутъ относиться возстаніе противъ Шамиля въ Койсубу, Андалялѣ и Аваріи, возможность занятія нѣкоторыхъ пунктовъ на линіи Аварскаго Койсу и Кара-Койсу, и въ томъ числѣ самой Ули-Калы. Подобные случаи необходимо предусмотрѣть при распредѣленіи силъ Прикаспійскаго края. Полагаю, что если ваше превосходительство, согласно съ прежнимъ вашимъ разсчетомъ, стянете къ Бурунаю до $10^1/_2$ бат. (считая съ гарнизономъ въ самомъ Буртунаѣ и не включая ожидаемыхъ изъ Россіи подкрѣпленій), то, независимо отъ мѣстныхъ гарнизоновъ и другихъ частей неподвижныхъ, можно будетъ изъ войскъ Прикаспійскаго края имѣть еще до 11 баталіоновъ подвижныхъ, изъ коихъ не менѣе 6 бат. въ одномъ среднемъ Дагестанѣ. Съ прибытіемъ же подкрѣпленій изъ Россіи прибавятся еще 2 батальона или къ главному Салатавскому отряду, или къ войскамъ въ среднемъ Дагестанѣ, смотря по тому, гдѣ окажутся нужны эти подкрѣпленія.

Г. главнокомандующій, поручивъ мнѣ все вышеозначенное сообщить вашему превосходительству, будетъ ожидать отъ васъ окончательнаго соображенія о распредѣленіи силъ во ввѣренномъ вамъ краѣ; но между тѣмъ предоставляетъ вамъ сообразно съ этимъ распредѣленіемъ нынѣ же сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ своевременному открытію лѣтнихъ дѣйствій.

2.

От 7 Іюля 1859 г. Грозная.

Капитанъ Ружицкій [1]) прибылъ сюда съ письмомъ вашимъ отъ 3 Іюля въ то самое время, когда г. главнокомандующій отправлялъ къ вамъ капитана Ѳадѣева съ предписаніемъ, въ коемъ заключается положительное указаніе его сіятельства о времени и направленіи предстоящаго вамъ движенія въ Гумбетъ. Прочитавъ означенное письмо вашего превосходительства, князь Александръ Ивановичъ не нашелъ нужнымъ измѣнять отправленное съ капитаномъ Ѳадѣевымъ предписаніе и приказалъ этому офицеру ѣхать по назначенію, для передачи вамъ полученныхъ имъ отъ г. главнокомандующаго словесныхъ наставленій, равно какъ и для доставленія его сіятельству тѣхъ свѣдѣній, которыя ожидаются отъ васъ изъ Гумбета.

Кап. Ружицкій, задержанный здѣсь около сутокъ, отправляется нынѣ обратно съ нѣсколькими конвертами на имя вашего пр—ва. По содержанію же письма вашего отъ 3 Іюля, считаю обязанностью сообщить, что г. главнокомандующій вполнѣ раздѣляетъ ваше мнѣніе о томъ, что лучше избѣгать осадъ укрѣпленныхъ непріятельскихъ ауловъ или позицій, и вообще его сіятельство желалъ бы сколько будетъ возможно, чтобы вступленіе нашихъ войскъ въ страну, за Андійскимъ хребтомъ лежащую, имѣло характеръ занятія края покорившагося, а не вторженія насильственнаго. Желательно, чтобы безъ особенной надобности не вредить жителямъ, не вызывать ихъ на сопротивленіе оружіемъ и стараться быстрымъ занятіемъ переправъ на Андійскомъ Койсу обойти съ тылу всѣ непріятельскія позиціи, а жителей поставить въ необходимость безпрекословно покориться.

3.

Отъ 26 Іюля 1859 года. Главная квартира близъ аула Тандо.

Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ увѣдомить в. пр—во объ исправномъ полученіи письма вашего отъ 23 сего Іюля. Излишнимъ было бы прибавлять, съ какимъ удовольствіемъ князь Александръ Ивановичъ прочелъ сообщенныя вами извѣстія. Съ своей стороны и я приношу вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ блистательными результатами быстрыхъ вашихъ успѣховъ.

Только наканунѣ полученія означенныхъ извѣстій г. главнокомандующій отправилъ къ вамъ также прямымъ путемъ письмо, изъ котораго в. пр—во конечно усмотрѣли уже, что ваши дѣйствія совершенно совпадаютъ съ намѣреніями г. главнокомандующаго. Заключающіяся въ означенномъ письмѣ его сіятельства [2]) указанія *какъ будто предугаданы вами* [3]).

---

[1]) Офицеръ генеральнаго штаба, извѣстный во время Польскаго возстанія 1863 г., предводитель мятежныхъ бандъ, подъ именемъ Крука.

[2]) Копіи съ этого письма къ сожалѣнію не оказалось.

[3]) Они были слѣдствіемъ переданныхъ Врангелю Ѳадѣевымъ словесныхъ приказаній; но Д. А. Милютинъ, не зная объ этомъ, думалъ, что Врангель *предугадалъ*.

Здѣсь дѣла идутъ хотя не такъ быстро, какъ у васъ, но весьма удовлетворительно. Между тѣмъ какъ войска вновь пролагаютъ отличныя дороги для спуска къ Койсу и готовятся къ предстоящимъ строительнымъ работамъ, угнанныя непріятелемъ семейства Чеберлоевцевъ, Андійцевъ и Технуцальцевъ, по мѣрѣ возможности, выходятъ изъ ущелій, и подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ водворяются на прежнихъ мѣстахъ жительства. Изъ верхнихъ Дагестанскихъ обществъ получаются также свѣдѣнія весьма благопріятныя.

Письмо это отправляется съ тѣмъ же посланнымъ, который присланъ отъ в. пр—ва и который здѣсь получилъ приличное вознагражденіе. Ему обѣщано, что онъ, явившись обратно къ вамъ съ настоящимъ моимъ письмомъ, получитъ вновь вознагражденіе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ подробной реляціи вашихъ дѣйствій и оффиціальнаго донесенія о покореніи Аваріи и Койчубу.

Д. Предписаніе князя Барятинскаго генералъ-адъютанту барону Врангелю, отъ 6 Іюля 1859 г. № 101. Кр. Грозная.

Предполагая прибыть 12-го Іюля къ войскамъ Чеченскаго отряда, разработывающимъ дорогу отъ Веденя къ перевалу чрезъ Андійскій хребетъ, а 14 числа спуститься съ этими войсками къ Андіи, прошу ваше пр—во въ тоже самое время съ отрядомъ, собраннымъ въ Салатавіи, двинуться въ Гумбетъ, спуститься къ Чиркату и сколь можно скорѣе занять переправы Чиркатскую и Сагритлоскую, откуда стараться войти въ связь съ войсками Чеченскаго отряда, имѣющимъ спуститься къ Конхидатлю.

Въ тоже время, т. е. по занятіи Чирката, не оставьте произвести подробный осмотръ мѣстности по Сулаку, съ тою цѣлію, чтобы выбрать выгоднѣйшее мѣсто для устройства моста въ недальнемъ разстояніи отъ сліянія двухъ Койсу и для проложенія дороги отъ этой переправы къ Ишкартамъ. О послѣдствіяхъ этихъ изысканій прошу мнѣ донести и представить соображеніе ваше о лучшемъ устройствѣ по означенному направленію сообщенія съ Шурою.

Для полученія же болѣе подробныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Дагестанскомъ отрядѣ, о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ вашихъ, я посылаю къ в. пр—ву состоящаго при мнѣ капитана Ѳадѣева, которому поручено тоже передать вамъ словесно и всѣ тѣ свѣдѣнія, въ коихъ вы можете имѣть надобность, относительно моихъ плановъ и предполагаемаго направленія дѣйствій обоихъ отрядовъ. К. Ѳадѣеву приказано, по полученіи отъ васъ ожидаемыхъ мною свѣдѣній, возвратиться въ Чеченскій отрядъ ближайшимъ путемъ, какой по обстоятельствамъ вы ему укажете.

Е. Предписаніе князя Барятинскаго генералъ-адъютанту барону Врангелю, отъ 27 Іюля 1859 г. № 187.

Необыкновенно быстрое и рѣшительное исполненіе в. пр—мъ предначертаннаго мною общаго плана дѣйствій превзошло самыя смѣлыя ожи-

данія, и я поспѣшаю вмѣстѣ съ симъ довести до высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о блистательныхъ результатахъ дѣйствій Дагестанскаго отряда, въ полной увѣренности, что заслуги ваши и достойныхъ вашихъ сподвижниковъ обратятъ на себя милостивое вниманіе Его Величества

Всѣ распоряженія ваши относительно вновь покорившейся страны я вполнѣ одобряю и, на основаніи предварительно и лично испрошеннаго мною въ бытность мою въ С.-Петербургѣ Высочайшаго соизволенія, разрѣшаю вамъ объявить возстановленіе въ Аваріи ханства, съ назначеніемъ ханомъ Аварскимъ флигель-адъютанта Ибрагимъ-хана-Мехтулинскаго.

Что же касается до владѣній Мехтулинскихъ, то относительно будущаго порядка управленія въ этомъ краѣ я отлагаю рѣшеніе мое до полученія отъ васъ подробныхъ свѣдѣній и личныхъ соображеній вашихъ по этому предмету. Съ изъявленіемъ покорности всего края между Андійскимъ и Аварскимъ Койсу я признаю уже излишнимъ исполненіе предположеннаго прежде движенія Дагестанскаго отряда чрезъ Танусъ и Сивухъ на соединеніе съ Чеченскимъ отрядомъ, и желаю скорѣе открыть связь между обоими отрядами по долинѣ Андійскаго Койсу. Поэтому прошу ваше превосходительство отмѣнить теперь же предположенное вами движеніе и, оставивъ въ Аваріи и Койсубу только такую часть войскъ, какую признаете тамъ необходимою для упроченія новаго порядка и спокойствія, съ главною частію вашего отряда возвратиться къ Андійскому Койсу, чтобы приступить неотлагательно къ тѣмъ строительнымъ и дорожнымъ работамъ, которыя предположены мною для прочнаго устройства новой линіи по названной рѣкѣ, именно для постройки укрѣпленій около Чирката и открытія прямой колесной дороги какъ отъ этого пункта внизъ къ Ишкартамъ, такъ и вверхъ по Койсу къ тому пункту, который будетъ заложенъ войсками Чеченскаго отряда около Конхидатля.

Я убѣжденъ, что съ открытіемъ этихъ работъ непокорившееся народонаселеніе, въ особенности же Гумбетовцы и Койсубулинцы, увидятъ положительное доказательство твердаго намѣренія нашего прочно и навсегда занять этотъ край, а чрезъ это облегчится и важное дѣло установленія въ немъ новаго порядка управленія *).

Ж. Отношеніе главнокомандующаго военному министру, отъ 17 Іюля 1859 года, № 142.

Въ лагерѣ на Андійскомъ хребтѣ, впереди Хорочоя.

По возвращеніи изъ С.-Петербурга во ввѣренный мнѣ край, прибывъ 4-го числа въ Грозную, я отправился предварительно для обзора вновь

*) Это предписаніе, составленное и скрѣпленное начальникомъ штаба, все еще не знавшаго о цѣли, съ которою былъ командированъ капитанъ Ѳадѣевъ, показываетъ, что князь Барятинскій, и послѣ блистательнаго успѣха движенія барона Врангеля, не объявлялъ Д. А. Милютину сущности своихъ распоряженій, не желая, безъ сомнѣнія, затрогивать его самолюбія. Но нельзя не сказать, что гораздо естественнѣе было просто объяснить все, не скрывая отъ ближайшаго сотрудника своихъ распоряженій. А. З.

покоренныхъ и занятыхъ нашими войсками частей Лѣваго крыла, именно Аргунской линіи, большой Чечни и Ичкеріи. Проѣзжая вездѣ съ однимъ только почетнымъ конвоемъ, и большею частію въ экипажѣ, по разработаннымъ новымъ дорогамъ, я могъ собственными глазами убѣдиться въ огромныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ послѣдніе мѣсяцы въ этомъ краѣ, и въ исполинскихъ трудахъ, понесенныхъ войсками для упроченія въ немъ нашего владычества. По всему ущелью Аргуна до укр. Евдокимовскаго высѣчены въ скалахъ дороги, съ прочными мостами и предмостными башнями; въ Ичкеріи проложенныя широкія просѣки перемѣнили, можно сказать, самый характеръ страны; прежніе недоступные лѣса Ичкеріи уже не составляютъ болѣе преграды движеніямъ нашимъ, и вездѣ гдѣ я проѣзжалъ на протяженіи отъ Грозной, чрезъ Шали, Таузенъ, Веденъ, Эрсеной въ Дарго,—жители, столь недавно еще считавшіеся нашими непримиримыми врагами, выбѣгали ко мнѣ на встрѣчу, женщины и дѣти привѣтствовали криками радости, заставлявшими на ту минуту забывать крайнюю нищету, въ которую это населеніе повергнуто продолжительнымъ надъ нимъ владычествомъ Шамиля.

Изъ представляемыхъ вамъ отъ командующихъ войсками военныхъ журналовъ извѣстно уже вашему высокопревосходительству о сборѣ трехъ главныхъ отрядовъ, для предпринятыхъ нынѣ наступательныхъ дѣйствій въ предѣлы Дагестана. Главный Чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ г.-л. графа Евдокимова, составленный изъ 15 баталіоновъ, съ 2 эскадронами драгунъ и 15 сотнями иррегулярной конницы, при 20 орудіяхъ, стянулся на перевалѣ чрезъ Андійскій хребетъ, на пути изъ Ведена къ Андіи, куда разработана нынѣ хорошая колесная дорога. Дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ г.-ад. барона Врангеля, изъ 11 баталіоновъ, 4 эскадроновъ драгунъ, 9 сотенъ иррегулярной конницы, при 16 орудіяхъ, сосредоточился на Мичикале, гдѣ устроенъ вагенбургъ и главный складочный пунктъ, съ которыми сообщеніе отъ Буртуная пролегаетъ также колесною дорогою, вновь разработанною по Арцбецскому ущелью. Наконецъ, Лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ г.-м. князя Меликова, изъ $11^1/_2$ баталіоновъ, 1 эскадрона драгунъ, $1^1/_2$ сотень казаковъ и 14 сотень милиціи, при 12 орудіяхъ, собрался на урочищѣ Чельтистави и 5 Іюля двинулся чрезъ Дидойское общество въ Иланхеви. Всѣ три означенные отряда я предположилъ направить концентрически въ долину Андійскаго Койсу. Чеченскій—къ средней части теченія этой рѣки, чрезъ Андію въ Технуцалъ, куда направлена особая боковая колонна изъ Аргунскаго ущелья чрезъ Чеберлой; Дагестанскій отрядъ—спустится въ Гумбетъ и къ южной части Андійскаго Койсу; а Лезгинскій, если успѣетъ кончить своевременно предстоящее ему дѣло въ Дидо и Иланхеви,—долженъ перейти за снѣговой Богосскій хребетъ въ Ункратль и Богулялъ.

14-го числа сего мѣсяца я прибылъ лично къ Чеченскому отряду, а вчера выдвинулъ авангардъ къ озеру Ретло, или Эзенъ-амъ и сдѣлалъ рекогносцировку къ селенію Анди. Того же числа г.-ад. б. Врангель долженъ былъ двинуться отъ Мичикале къ Аргуани. Г.-м. кн. Меликовъ, по всѣмъ

вѣроятіямъ, также вступилъ въ Иланхеви; но донесенія объ этомъ еще не получено. Непріятель не оказываетъ пока сопротивленія; но съ появленіемъ передовыхъ нашихъ войскъ селенія предаются огню: Мехельта, Сіунъ, Анди уже сожжены. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Шамиль забралъ силою семейства Гумбетовцевъ и Андійцевъ въ укрѣпленное мѣсто на лѣвой сторонѣ Андійскаго Койсу, на горѣ Килятль и въ аулѣ Ичичали, а скотъ угналъ на правую сторону рѣки. Переправы черезъ Андійское Койсу укрѣплены.

Сообщая обо всемъ вышеизложенномъ вашему в—ву, для доклада Государю Императору, имѣю честь покорнѣйше просить васъ довести до высочайшаго свѣдѣнія, что при личномъ осмотрѣ войскъ Лѣваго крыла, я находилъ ихъ вездѣ въ отличномъ видѣ: бодрыя, здоровыя лица солдатъ, исправное снаряженіе всѣхъ частей къ походу, умѣренное и даже слабое число больныхъ, заставляютъ позабывать тяжкіе труды и лишенія, вынесенные этими истинно-боевыми войсками въ теченіе предшествовавшихъ двухъ лѣтъ. Считаю за счастіе засвидѣтельствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ, что принесенныя въ это время жертвы людьми и деньгами съ избыткомъ вознаграждены такими счастливыми результатами, которые превзошли, можно сказать, самыя смѣлыя ожиданія.

Въ заключеніе имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего, что вновь прибывшіе баталіоны резервной Кавказской дивизіи, занявъ предназначенныя имъ мѣста и приступивъ уже къ боевымъ трудамъ Кавказской службы, оправдываютъ вполнѣ тѣ отличные отзывы, которые заключались въ донесеніяхъ осматривавшаго эти баталіоны на пути ихъ слѣдованія фл.-ад. Рылѣева. Несмотря на уменьшеніе получаемаго нижними чинами категорическаго довольствія противъ походнаго положенія, и теперь число больныхъ въ баталіонахъ незначительно: люди имѣютъ видъ бодрый и даже щеголеватый. Я вполнѣ надѣюсь, что эти вновь прибывшіе баталіоны будутъ истинно достойными сотрудниками Кавказскихъ своихъ собратій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полки 13-й дивизіи, переформированные уже въ кадровый составъ, выступаютъ по даннымъ имъ маршрутамъ; оставленные же отъ нихъ нижніе чины распредѣлены въ войска Праваго и Лѣваго крыльевъ Кавказской линіи.

3. Письмо главнокомандующаго къ генералъ-адъютанту барону Врангелю. Секретно.

Почтенный баронъ Александръ Евстафьевичъ!

Вамъ уже извѣстно, что 14-го числа я прибылъ въ лагерь Чеченскаго отряда на перевалъ чрезъ Андійскій хребетъ впереди Хорочоя и послѣ рекогносцировки къ озеру Эзенъ-амъ (или Ретло) перенесъ сюда 17 числа лагерь и главную свою квартиру. 18 числа произведена мною рекогносцировка съ горы Абдакъ-Забудилъ-Зане, откуда я могъ подробно осмотрѣть долину Койсу на протяженіи отъ Орто-Коло вверхъ на дальнее разстояніе. Оказалось, что правый берегъ рѣки занятъ во многихъ мѣстахъ завалами, но значительныхъ сборищъ непріятельскихъ нигдѣ не замѣчено

а видѣнныя нами селенія: Ансіюта, Тандо, Міарсу, Ботлихъ, съ появленіемъ нашимъ преданы огню. Между тѣмъ, колонна изъ 2-хъ баталіоновъ, направленныхъ изъ Аргунскаго ущелья чрезъ весь Чеберлой, присоединилась безпрепятственно къ главному отряду на настоящей его позиціи.

Здѣсь учреждается временный вагенбургъ и складъ запасовъ, а между тѣмъ разработывается дорога. На дняхъ я предполагаю двинуться впередъ, чрезъ Тандо къ Ботлиху и, занявъ которую либо изъ переправъ на Койсу, между Орто-Коло и Міарсу, немедленно же приступлю къ постройкѣ тутъ укрѣпленія, которое и докажетъ горцамъ рѣшительное намѣреніе наше окончательно утвердиться въ этомъ краѣ.

Сообщая вашему превосходительству эти свѣдѣнія, необходимыя для вашихъ соображеній, я прошу согласоватъ ваши дѣйствія съ означеннымъ предположеніемъ. Зная чрезъ туземцевъ, что вы заняли Аргуани и разработываете дорогу къ Сагритлоскому мосту, я желаю, чтобы, по занятіи этой переправы, вы двинулись вверхъ по рѣкѣ до Игали, гдѣ полагаемъ открыть связь между двумя отрядами. Впослѣдствіи вамъ предстоитъ заняться устройствомъ укрѣпленія въ Чиркатѣ или другомъ пунктѣ, какой окажется выгоднѣйшимъ для оставленія нашего гарнизона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проложенія хорошаго пути сообщенія отъ этого пункта къ Ишкартамъ, о чемъ уже прежде сообщено вашему превосходительству. Если будете получать какія либо свѣдѣнія изъ горъ, то не оставьте сообщать ихъ мнѣ или начальнику главнаго штаба, сколь можно неотлагательно.

P. S. Безъ сомнѣнія, в. п—ву будетъ любопытно прочесть прилагаемыя при семъ и только что полученныя мною телеграфическія депеши относительно послѣднихъ политическихъ новостей въ Европѣ. — 20 Іюля 1859 г. Лагерь при Ретло.

P. S. Въ день заложенія укрѣпленія будетъ сдѣланъ 101 пушечный выстрѣлъ, о чемъ полагаю полезнымъ предупредить васъ для свѣдѣнія.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ШЛЫКОВА.

1773 –1863.

На вопросъ: «когда вы родились?» она обыкновенно отвѣчала: «Черезъ два года послѣ мо́ра», т. е. моровой язвы 1771 года. Гдѣ именно родилась она, не знаю, но вѣроятно въ Москвѣ; сама она считала себя Московскою уроженкою. Она была крестьянка. Отецъ ея, крѣпостной прадѣда моего графа Петра Борисовича Шереметева, Василій Шлыковъ, былъ оружейнымъ при домовой «рисъ-каморѣ» или арсеналѣ. Мать ея, Елена Ивановна Шлыкова, служила при моей прабабушкѣ графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной княжнѣ Черкасской, и была ея довѣреннымъ лицомъ. Записаны были Шлыковы крестьянами села Павлова, Нижегородской губерніи.

Съ семилѣтняго возраста она уже себя помнила въ домѣ Петра Борисовича. У нея много было сверстницъ и подругъ, которыя всѣ воспитывались въ домѣ и готовились, смотря по способностямъ, къ домашней сценѣ.

Татьяна Васильевна, отличаясь искусствомъ въ танцахъ, выступила на домашнемъ театрѣ въ Кусковѣ. Она прожила свои молодые годы, попеременно то въ Кусковѣ, то въ Москвѣ и въ Останкинѣ. Во время посѣщенія Кускова Екатериною, она при ней танцовала на домашнемъ театрѣ и такъ понравилась, что Екатерина вызвала ее къ себѣ въ ложу, дала ей поцѣловать свою руку, похвалила и подарила нѣсколько червонцевъ. Она любила вспоминать объ этомъ и всегда повторяла слово въ слово тѣже выраженія, съ восторгомъ отзываясь о привѣтѣ Государыни. Помнила она въ Кусковѣ и «Прусскаго короля», гулявшаго въ саду; она выбѣжала на него посмотрѣть и была поражена его уродствомъ. «Косичка торчала кверху», повторяла Татьяна Васильевна съ неудовольствіемъ. Позднѣе, уже совсѣмъ взрослая, она танцовала въ Кусковѣ предъ «великолѣпнымъ княземъ Тавриды», который подарилъ ей дорогой платокъ. «Я была глупа» говорила Татьяна Васильевна, «и не сохранила этого платка»....

Дружба съ моей бабушкой Прасковьей Ивановной, тогда еще «Прасковьей Жемчуговой», сблизила ее съ моимъ дѣдомъ Николаемъ Петровичемъ. При Петрѣ Борисовичѣ она на сценѣ носила фамилію «Гранатова». Любила она вспоминать, какъ Петръ Борисовичъ о нихъ заботился, когда онѣ были еще дѣтьми, и какъ онъ самъ приносилъ имъ лѣкарственные порошки, когда имъ не здоровилось.

Въ концѣ столѣтія, по смерти Петра Борисовича, больше жили въ Останкинѣ, чѣмъ въ Кусковѣ. Здѣсь Татьяну Васильевну чуть не забодалъ быкъ, отъ котораго она спаслась бѣгствомъ на р. Каменку.

На свадьбѣ моего дѣда, она была въ церкви, въ числѣ весьма немногихъ лицъ, свидѣтелей брака, въ Москвѣ, въ церкви Св. Сvмеона Столпника на Поварской. Она уже тогда не разлучалась съ дѣдомъ и бабушкой и сопровождала ихъ въ путешествіяхъ. Бывало, начнетъ разсказывать: «Это было въ коронацію»...—«Кого?» спрашиваешь: «Николая Павловича, Александра I-го?»—«Куда», говоритъ: «въ коронацію Павла Петровича! Дѣдушка вашъ былъ тогда оберъ-маршаломъ.»...

Вообще она охотно разсказывала. Многое оставалось у меня въ памяти, и я со словъ ея записалъ все, что̀ относится до временъ Екатерины и Павла и отношеній къ нему дѣда. Она благоговѣла передъ памятью Екатерины, которую не иначе звала какъ «матушка», и съ сочувствіемъ говорила о Павлѣ. Въ ночь съ 11 на 12 Марта ее внезапно разбудили извѣстіемъ, что Николай Петровичъ одѣвается, чтобы ѣхать во дворецъ. Поспѣшно приходитъ она къ нему и застаетъ у него его обычнаго парикмахера Руссо, и тутъ же узнаётъ, что императоръ Павелъ скончался отъ апоплектическаго удара...

Въ нашемъ городскомъ Петербургскомъ саду былъ деревянный павильонъ, съ большимъ круглымъ куполомъ надъ среднею комнатою-залою, отъ которой по разнымъ направленіямъ расположены были комнаты. Я засталъ это зданіе въ полуразрушенномъ состояніи: оно вовсе не поддерживалось. Сначала меня туда не пускали, но я наконецъ-таки забрался и съ трудомъ проникъ въ эту среднюю комнату, заваленную мусоромъ. Мебели уже не было, крыша мѣстами была неисправна, стекла поразбились, казалось небезопаснымъ проникнуть въ другія комнаты. Жаль было видѣть это постепенное разрушеніе, и такъ близко отъ дома, среди сада. А тутъ же рядомъ памятникъ, надпись на которомъ и до сихъ поръ гласитъ: «Здѣсь семейно провождали время въ тишинѣ и спокойствіи». Это было своего рода уединенное убѣжище, причудливо устроенное среди столичнаго шума, нѣчто въ родѣ Кусковскаго «Дома Уединенія» Петра Борисовича, или домика Прасковьи Ивановны, тамъ, гдѣ теперь растутъ серебристые

тополи.. Здѣсь зачастую живали дѣдъ и бабушка, а съ ними и Татьяна Васильевна. Кажется, здѣсь, въ этомъ павильонѣ, Прасковья Ивановна была при смерти и по выздоровленіи избрала себѣ текстъ и на печати вырѣзала: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде». Тутъ же ею посажены кленъ и вербы. Сюда, по кончинѣ Прасковьи Ивановны, заходилъ Николай Петровичъ и вспоминалъ о разбитомъ своемъ счастьи. Надпись на мраморномъ памятникѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ настроеніи его души. На мѣдной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

«Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour.
J'approche... mais bientôt cette image chérie
Me rend à ma douleur en fuyant sans retour».

Сюда, уже въ глубокой старости, заходила и Татьяна Васильевна, и я живо помню ея разсказы про давно-прошедшее время...

Смерть Прасковьи Ивановны (1803) была первымъ ударомъ для Татьяны Васильевны. Она вся предалась заботамъ о моемъ отцѣ, оберегая и ревниво ограждая его, насколько было возможно. Смерть дѣда (1809) была новымъ для нея ударомъ. Въ домѣ водворились новые порядки. Первое время отношенія ея къ Марьѣ Ѳедотовнѣ Донауровой (женѣ попечителя моего отца, М. И. Донаурова) были натянутыя. Было желаніе даже удалить Татьяну Васильевну; но когда, вслѣдствіе личнаго вмѣшательства и заступничества императрицы Маріи Ѳеодоровны, она утвердилась въ домѣ, мало по малу, благодаря своему природному уму, замѣчательному умѣнью себя держать, соединенію должной почтительности съ большимъ достоинствомъ, она сошлась съ Марьей Ѳедотовной, и во все время сожительства въ нашемъ домѣ отношенія ихъ были вполнѣ пріязненныя. О Михаилѣ Ивановичѣ Донауровѣ, добромъ старикѣ, бывшемъ подъ башмакомъ у своей жены, которую онъ звалъ «мафамушка» и говорить нечего: онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, и Татьяна Васильевна оплакивала его кончину.

Съ тѣмъ же тактомъ и умѣньемъ сошлась она съ эмигрантомъ Симоненъ (Simonin), воспитателемъ моего отца. Онъ хотя едва говорилъ по-русски, но понялъ значеніе Татьяны Васильевны при моемъ отцѣ, и общее чувство желанія ему добра совершенно ихъ сблизило.

Татьяна Васильевна не разъ разсказывала о дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ разныхъ управителей въ малолѣтство отца, о продажѣ съ молотка части имущества по кончинѣ дѣда безъ всякой на то причины.

Въ 1812 году, въ большой гостиной нашего Фонтаннаго дома въ Петербургѣ, была она на обѣдѣ, данномъ Донауровыми Витген-

штейну, когда онъ отправлялся въ походъ. Она разсказывала, какъ онъ говорилъ рѣчь и обѣщался не допустить Наполеона до Петербурга.

Еще со временъ дѣда жила она въ нижнемъ этажѣ большаго дома, отъ главнаго подъѣзда направо, и въ этихъ комнатахъ прожила болѣе пятидесяти лѣтъ!

Поступленіе моего отца въ кавалергардскій полкъ было новою для нея заботою. Она зорко слѣдила за нимъ и притомъ такъ, что умѣла пріобрѣсти себѣ пріязнь и уваженіе кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей отца. Не разъ, бывало, выѣзжала она въ собственной каретѣ на полковые ученья и смотры; знали хорошо эту карету и давали ей мѣсто изъ почтенія и вниманія къ Татьянѣ Васильевнѣ.

Наводненіе 1824 года застало ее въ Петербургѣ въ ея комнатахъ; изъ окна слѣдила она за прибылью воды. Весь дворъ залитъ былъ водою, но въ саду не было ни капли. Въ домѣ сдѣлался переполохъ Прибѣжали къ ней кавалергарды Бутурлинъ, князь Трубецкой и уговаривали ее скорѣе перебраться на верхъ и позаботиться о вещахъ. Татьяна Васильевна спокойно выжидала. Она объявила, что пока вода не подступитъ къ извѣстной чертѣ на стѣнахъ подоконника—она не двинется. И дѣйствительно, вода не перешла этой черты и начала убывать. Часто слышалъ я этотъ разсказъ.

День 14 Декабря 1825 г. не менѣе былъ ей памятенъ. Сидитъ она у себя совершенно спокойно. Вдругъ видитъ: скачетъ на дворъ кавалергардскій офицеръ баронъ Мантейфель. Онъ прискакалъ предупредить моего отца; подъѣхавъ къ окну и къ форточкѣ, которую Татьяна Васильевна тотчасъ же отворила, Мантейфель крикнулъ: «Татьяна Васильевна, бунтъ!» и съ этими словами ускакалъ. Можно себѣ представить ея положеніе. Съ нею сдѣлалась дурнота. Опомнилась она, когда съ площади привезли моего отца домой совсѣмъ окоченѣлаго.

А сколько было тревогъ во время Польскаго похода! Она жадно читала газеты, и не было предѣловъ ея счастью, когда полкъ вернулся.

Татьяна Васильевна очень обрадовалась женитьбѣ моего отца (1837): она давно желала ему семейной жизни. Съ моею матерью она тотчасъ же сошлась. Она видѣла, что къ ней относились дружелюбно и внимательно, какъ къ члену семейства. Эти отношенія съ каждымъ годомъ упрочивались. Рожденіе брата было большою для нея радостью, а дорогое для нея имя Николая удвоило ея любовь къ нему. Его кончина (1843) сразила ее точно также, какъ и кончина моей матери (1849), о которой она узнала черезъ Симонена. Онъ пришелъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ совершенно растерянный.

Какъ уже сказано, Татьяна Васильевна болѣе пятидесяти лѣтъ прожила въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ. Очень любилъ я эти комнаты.

Такой въ нихъ былъ особый, старинный отпечатокъ... Всѣ вещи и мебель словно застыли на своихъ мѣстахъ. Порядокъ и чистота были необыкновенные. Перегородка съ причудливыми украшеніями и деревянными колоннами раздѣляла большую комнату отъ спальни, въ которой было два окна. Между ними стояло большое краснаго дерева трюмо. За этимъ трюмо было складочное мѣсто для настоекъ; тутъ хранилась бутыль особенно-любимой ею «березовки». Эта березовка служила ей главнымъ лѣкарствомъ, притираніемъ отъ ревматизмовъ и болей; но она не прочь была и отъ внутреннихъ пріемовъ этой березовки, и всегда говорила о ней, какъ о средствѣ самомъ цѣлебномъ. У перегородки стоялъ небольшой диванъ съ старомодными креслами и маленькимъ столикомъ краснаго дерева, на которомъ подъ стекломъ былъ оригинальный рисунокъ всякой всячины, по модѣ конца XVIII столѣтія, и съ надписью: «Рисовалъ Тертій Борноволоковъ 1795 года». Надъ диваномъ висѣли старые виды допожарной Москвы, ея родины; тутъ же два вида Кускова двадцатыхъ годовъ, работы барона О. И. Клодта, и видъ Останкина.

Противъ этого дивана, у стѣны, стоялъ краснаго дерева шкафъ, раздвижной, также въ стилѣ начала столѣтія; на немъ былъ портретъ моего старшаго брата, акварель, а надъ нимъ масляный портретъ моего отца—корнетомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Въ шкафу помѣщался запасъ чаю, кофе, и стеклянная кружка для ежедневной порціи, и тутъ же рядомъ старинные Англійскіе часы, подарокъ моего дѣда. Эта комната раздѣлялась надвое двумя трельяжами съ плющемъ, за которымъ стоялъ кіотъ съ образами и помѣщался диванъ, служившій ей кроватью. На этомъ диванѣ была знакомая подушка съ вышитымъ бѣлымъ пуделемъ, а надъ диваномъ висѣлъ портретъ бабушки Прасковьи Ивановны въ золоченой рамѣ.

Въ гостиной у Татьяны Васильевны диванъ и кресла стояли, какъ было принято въ то время, въ струнку. Такія гостиныя еще сохранились у архіереевъ. Это было для почетныхъ гостей. Въ углу, между окнами, стояло большое кофейное дерево, которымъ она очень дорожила. На окнахъ растенія и преимущественно чайныя деревья, отчего въ комнатахъ всегда бывалъ пріятный, легкій запахъ чая. На каминѣ стояли часы съ стекляннымъ фонтаномъ, вытекавшимъ изъ пасти бронзовой львиной головы, и двѣ вазы. У окна былъ небольшой письменный столъ, за который рѣдко въ послѣдніе годы она садилась.

Далѣе слѣдовала столовая въ одно окно и за перегородкой корридоръ въ выходную дверь. Здѣсь на стѣнѣ висѣлъ какой-то античный храмъ съ колоннами, собственной ея рѣзьбы, когда ей было

четырнадцать лѣтъ. Затѣмъ слѣдовала комната ея дѣвушки и лакея Артемія Бондарева съ его семьею. Съ кончины дѣда Татьяна Васильевна жила своимъ хозяйствомъ. У нея были свой поваръ, кучеръ, дѣвушка и лакей, а также собственная карета и пара лошадей.

Прислуга живала у нея подолгу, хотя не всегда бывала исправна. Были у нея повара горькіе пьяницы, съ которыми она не могла разстаться; къ тому же повара были хорошіе. Былъ лакей Петръ, большой чудакъ. Всѣхъ типичнѣе былъ у нея послѣдній ея служитель, Артемій Бондаревъ. Онъ тоже чуть ли не тридцать лѣтъ служилъ при ней. Въ послѣдніе годы она выѣзжала рѣдко, но очень дорожила своимъ кучеромъ Васильемъ Буяновымъ. Выѣздъ ея былъ событіемъ. Въ эти рѣдкіе дни Артемій надѣвалъ темно-синюю ливрею съ галуномъ и садился на козлы. Отецъ разсказывалъ, что ему случалось, бывало, заходить къ Татьянѣ Васильевнѣ въ то время, когда она отдыхаетъ; Артемій тотчасъ же бѣжитъ ее будить; напрасно отецъ останавливаетъ его. «Помилуйте-съ», говоритъ Артемій, «что́ же мы ночью-то будемъ дѣлать?» Отцу очень нравилось это «мы».

Татьяна Васильевна иногда ворчала на своего Артемія и на произвольныя его распоряженія, а также и на свою дѣвушку, и тогда она говаривала: «Это мои голубчики распорядились».

Лѣтомъ жила она на дачѣ, по Петергофской дорогѣ, купленной дѣдомъ моимъ въ началѣ столѣтія у графовъ Паниныхъ. Эта дача—Ульянка. Здѣсь жила она во флигелѣ, пока передѣлывался большой домъ, а потомъ переѣхала въ только что отдѣланную его половину. У нея было четыре комнаты въ рядъ. На стѣнахъ было пусто; только въ гостиной висѣли портретъ митрополита Филарета въ полномъ облаченіи и зеркало въ деревянной рамѣ прошлаго столѣтія, съ двумя гирляндами и вазою вверху. Это было зеркало Прасковьи Ивановны.

Такъ жила Татьяна Васильевна въ нашемъ домѣ изъ года въ годъ, начиная съ кончины дѣда. Передъ нею проходили лица, совершались событія; она оставалась неизмѣнною, держалась спокойно, съ достоинствомъ, была общительна, привѣтлива, въ разговорѣ своеобразна и поучительна, въ воспоминаніяхъ очень любопытна. Ея свѣтлый умъ и доброе сердце соединялись съ необыкновенною выдержкою и большимъ запасомъ житейской опытности. Она была представительница здоровой среды, глубоко-религіозной, чисто-русской. Сама живое преданіе, она любила дѣлиться своими впечатлѣніями и своими воспоминаніями.

Въ 1851 году въ жизни Татьяны Васильевны произошло чрезвычайное событіе. Она поѣхала въ Москву! Никому въ голову не приходило о возможности такого путешествія: она столько лѣтъ изъ

Петербурга не выѣзжала. Случилось это очень просто. Намъ предстояла поѣздка въ Москву; я сталъ уговаривать Татьяну Васильевну ѣхать съ нами. Она колебалась, но я присталъ. Видимо довольная, она, наконецъ, стала подаваться. Я передалъ все отцу, которому эта мысль очень понравилась, и онъ началъ ее уговаривать ѣхать. Тогда Татьяна Васильевна согласилась. Мы поѣхали впередъ и стали ее поджидать въ Москвѣ. Какъ теперь помню: мы съ отцомъ у обѣдни, въ домовой церкви Знаменія, стоимъ рядомъ. Служба кончилась; я случайно обернулся и вижу: у стеклянныхъ входныхъ дверей, въ шляпкѣ, въ дорожномъ платьѣ, стоитъ Татьяна Васильевна! Радость была большая. Она помѣстилась какъ разъ надъ моими угловыми комнатами, въ верхнемъ этажѣ большаго Воздвиженскаго дома.

Татьяна Васильевна не была въ Москвѣ послѣ пожара 1812 года, и все ей казалось страннымъ. Многое она не узнавала, многому удивлялась. Такъ, искала она Кузнецкаго *моста*, увѣряя, что когда-то, въ ея время, былъ мостъ. Во время этого пребыванія была она въ Кусковѣ и, помнится мнѣ, не безъ грусти осматривала домъ и садъ, все чтò напомнило ей давно прошедшее. Не любила она, когда говорили про Сокольники. «Чтó за Сокольники такіе? У насъ назывались они Нѣмецкіе Станы». Была она и въ Страннопріимномъ домѣ.

Въ молодости Татьяна Васильевна, по собственнымъ ея словамъ, не была красавицей; но, судя по ея портрету, сохранившемуся въ Кусковѣ, у нея было выразительное лицо, съ живыми, умными глазами. Двѣ пряди русой косы спускаются на плеча, на лицѣ веселая улыбка. О своихъ успѣхахъ она никогда не говорила; все это ушло съ нею въ могилу; только смѣясь разсказывала, что, когда она была уже въ зрѣлыхъ годахъ, за нее сватался Англичанинъ Плинке, одинъ изъ хозяевъ Англійскаго магазина въ Петербургѣ. Вѣроятно по старой привычкѣ, какъ бывало при дѣдѣ, Татьяна Васильевна очень часто посѣщала Англійскій магазинъ, и всѣ ее тамъ знали. Съ Плинке она сохранила добрыя отношенія, но замужъ не пошла. Не помню, вѣрно ли; но кажется, она обѣщала дѣду передъ его кончиною не покидать отца и не выходить замужъ.

Она умѣла ладить и съ Англичанкою Шарлотой Ивановной Рутландъ и съ докторомъ Эмиліемъ Ивановичемъ Рейнгольдомъ, старымъ полковымъ кавалергардскимъ врачемъ, впослѣдствіи лейбъ-медикомъ Александра I-го и Николая Павловича, жившимъ до самой кончины у насъ въ домѣ. Съ нимъ не легко было уживаться, но съ нею онъ любилъ шутить. Онъ распекалъ ее, бывало, когда ей не здоровилось, за постную пищу: «Все Бога надуваете», ворчалъ старикъ. Она не обижалась, но и не уступала. Отвѣтитъ ему также шуткой, за словомъ

въ карманъ не ходила, и они жили пріятельски. Въ Ульянкѣ одно время они были сосѣдями. Тонкая деревянная стѣнка отдѣляла ихъ комнаты. По утрамъ онъ ее будилъ, громко распѣвая: «Чѣмъ тебя я огорчила».

Старикъ Гейнамъ (Hynam), придворный часовщикъ и сынъ часовщика Екатерины (любителя книгъ) Веніамина Гейнама, еженедѣльно приходилъ въ нашъ домъ для заводки часовъ. Почтенный былъ человѣкъ, съ которымъ пріятно было говорить. Съ Татьяной Васильевной они были старые друзья; но она надъ нимъ подшучивала. «Что это часы сегодня невѣрны?» спрашиваетъ, бывало, и какъ бы спохватясь прибавитъ: «А, понимаю; сегодня былъ часовщикъ!» И эта шутка часто повторялась. У нея были свои прозвища и названія. Такъ, главное парадное крыльцо въ нашемъ домѣ она называла не иначе какъ «генеральныя сѣни». Магазины въ домѣ католической церкви по Невскому назывались ею «Нирембергскія лавки». Любила она и въ глубокой старости заѣзжать въ лавочки за провизіею, сама выбирала чай и фрукты, торговалась, и потомъ хвалилась покупками.

Какъ только поступилъ ко мнѣ воспитатель К. И. Руже (Rouget), она съ нимъ сошлась, и отношенія ихъ были наилучшія. Образованный, прямой, но вспыльчивый, онъ былъ вполнѣ хорошій человѣкъ и отличный преподаватель. Съ нимъ подолгу бесѣдовала Татьяна Васильевна. Она охотно слушала чтеніе. Руже хорошо читалъ. Выборъ большею частію былъ изъ Жуковскаго и Козлова, съ которыми Татьяна Васильевна была лично знакома. Она слушала внимательно и восхищалась Жуковскимъ; ей нравился Громобой, и она восторгалась Свѣтланой, но и сердилась на него за «чертовщину». Особенно сердила ее баллада, въ которой описывается, «какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди». Большое удовольствіе доставляло ей чтеніе Козлова—«Чернецъ» и «Наталья Долгорукая». Подъ впечатлѣніемъ послѣдней она много разсказывала о прошломъ Кускова, объ охотахъ Петра Борисовича и проч.

Она познакомилась со всѣми моими учителями, ежедневно приходила ко мнѣ и присутствовала при вечернихъ урокахъ, сидѣла на своемъ креслѣ и внимательно прислушивалась. Съ нѣкоторыми учителями она также хорошо сошлась, и они ее уважали, въ особенности мой законоучитель, почтенный и незабвенный для меня протоіерей Петръ Александровичъ Сперанскій, а также преподаватель словесности Михаилъ Петровичъ Мосягинъ и даже учитель рисованія, добрый даровитый, но безпутный Николай Ивановичъ Тихобразовъ.

Татьяна Васильевна до самой старости любила говорить о танцовальномъ искусствѣ. Разъ даже показала она, какъ надобно становиться на кончики пальцевъ, и увѣряла, что это вовсе не трудно. Ея

учителемъ былъ знаменитый Лёпи́къ (Le Picq). Когда ко мнѣ приходилъ учитель танцевъ Пуарô (Auguste Poireaux) она вспоминала съ нимъ его дѣда Лёпи́ка и всегда присутствовала при моемъ урокѣ. Когда же Пауро́ давалъ указанія или самъ показывалъ разные па, она зорко и съ видомъ полнаго пониманія наблюдала за нимъ. Меня еще учили разнымъ па, въ родѣ le pas grave, le pas de bourrée, и всѣ эти названія ей были давно знакомы, какъ знакôмъ былъ и гавотъ, и менуэтъ, которымъ меня учили. Не особенно было весело брать уроки танцевъ въ одиночествѣ, но присутствіе Татьяны Васильевны вознаграждало за все, и какъ теперь вижу ее передъ собою въ чепцѣ, съ табакеркою въ рукахъ, съ веселою улыбкой на умномъ и добромъ лицѣ.

Этотъ Лёпи́къ былъ хорошо знакôмъ съ моимъ дѣдомъ, который купилъ у него дачу въ Павловскѣ, когда служилъ при дворѣ императора Павла. Дача эта была впослѣдствіи отцемъ подарена; она стоитъ на стрѣлкѣ, между двумя переулками, изъ коихъ одинъ и теперь называется Пиковъ переулокъ въ честь Лёпи́ка. Тутъ же рядомъ черезъ дорогу Павловскій паркъ и дворецъ въ двухъ шагахъ. На этой дачѣ я помню старыя липовыя деревья, посаженныя дѣдомъ, Прасковьей Ивановной и Татьяной Васильевной.

Вспоминала Татьяна Васильевна о временахъ молодости и говорила о строгой дисциплинѣ, въ которой ее держали, какъ носила она желѣзные обручи и корсетъ для стройности стана. Много разсказывала она о тогдашнихъ модахъ, о пудрѣ и прическахъ, какъ одна смѣнялась другою, о кошелькахъ, о фижмахъ, о мушкахъ. У нея сохранялась туалетная шкатулка графини Варвары Алексѣевны и даже ея кисточка для румянъ...

Она очень внимательно всегда прочитывала у меня афиши, хотя съ незапамятныхъ временъ не ѣздила въ театръ. Ей доставляло удовольствіе громко читать роли и имена дѣйствующихъ лицъ. Особенное удовольствіе выражала она, когда на афишѣ появлялось имя Рамазановой. Она разсказывала о старинныхъ пьесахъ, ею видѣнныхъ, о «Титовомъ Милосердіи», о «Полубарскихъ Затѣяхъ», о какой-то пьесѣ Екатерины «Обманъ на обманъ и плуты на выскочку». Есть пьеса «Обманщикъ», но такой пьесы не знаю; однако она всегда повторяла именно это заглавіе. Когда читали при ней у меня комедію Аблесимова «Мельники», она очень радовалась, и многіе стихи знала наизусть.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того Цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.

И колдовки, колотовки
Тѣже дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ,
И живутъ такимъ обманомъ.
(Колдунъ послѣ этого говоритъ: „Какъ и азъ грѣшный“).

Жаль, что не могу припомнить ея разсказовъ о пѣвицахъ Мара́ и То́ди, смутно припоминая, что которая-то изъ нихъ бывала въ Кусковѣ... Говорила она о бывшихъ когда-то въ домѣ Петра Борисовича «барскихъ барыняхъ», о какой-то дѣвушкѣ Танѣ, съ которою жила она въ молодости, и какъ было тяжело видѣть ее больную въ чахоткѣ: она умерла почти на ея рукахъ... Кто была эта Таня—не знаю.

У Татьяны Васильевны былъ большой, разнообразный кругъ знакомыхъ. Она любила и у себя принимать. Въ дѣтствѣ памятны мнѣ ея имянинные обѣды 12-го Января, въ Татьянинъ день. Это бывало, когда отецъ уѣзжалъ въ Москву. Тутъ собирались и духовенство, и многочисленные гости: Кобылины, Путятины, ея родственники, Шлыкова Марья Лукинишна (жена брата Гавріила), М. А. Поликарпова, Апрѣлевы, Долгорукіе, Корниловичи и многіе др. Помнится вкусный имянинный пирогъ, большое оживленіе и радушіе. Она любила хорошій столъ и понимала въ немъ толкъ, умѣла хорошо говорить съ поваромъ... Помню, съ какимъ удовольствіемъ заказывала она «размазеньку»... Особенно любила она устрицы. По этому поводу она охотно повторяла одинъ разсказъ. Къ устрицамъ пріучилась она, живя у Николая Петровича, который самъ былъ до нихъ большой охотникъ. Она любила запивать ихъ портеромъ. Когда она была еще очень молода, принесли однажды устрицъ; она съ удовольствіемъ принялась за нихъ... Видитъ это жившая въ домѣ какая-то старушка, подходитъ къ ней и говоритъ съ упрекомъ: «Матушка, не скверни свою душеньку!»... Когда ей было уже за восемьдесятъ лѣтъ, не было ничего легче, какъ предложить ей, напримѣръ, съѣздить на биржу покушать устрицъ у Колчина. Вообще поѣздка «на биржу» была хоть разъ въ годъ обязательна. Не разъ, бывало, въ маленькой тѣсной комнатѣ у Колчина сидѣли мы въ небольшомъ обществѣ, и съ нами Татьяна Васильевна бодрая, веселая, занимательная; передъ нею тарелка съ устрицами и неизмѣнный стаканъ портеру...

Бывало, у отца за обѣдомъ, когда уже очень въ духѣ или видитъ, что отецъ въ хорошемъ настроеніи... скажетъ ему: «Батюшка, вели подать портерцу»... И бесѣда оживлялась.

Я засталъ Татьяну Васильевну только въ глубокой старости. Кто зналъ ее прежде, тотъ не могъ ей не сочувствовать. Она была въ особенно близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ княжнами Щербатовыми, дальними родственницами моего дѣда. Одна изъ нихъ, Анна Андреевна, была замужемъ за графомъ Д. Н. Блудовымъ; другая, Марья Андреевна, за Поликарповымъ. Отецъ ихъ, князь Андрей Николаевичъ, одно время жилъ въ домѣ Петра Борисовича и былъ очень любимъ Варварой Алексѣевной. Отъ Татьяны Васильевны слышалъ я восторженные отзывы объ Аннѣ Андреевнѣ... Отсюда начались ея частыя и близкія сношенія съ домомъ Блудовыхъ. Графъ Дмитрій Николаевичъ очень ее уважалъ и любилъ ея разговоръ; ему нравился ея необыкновенно-чистый, правильный Русскій говоръ. Въ домѣ Блудовыхъ она сошлась съ дочерьми графа, Антониною и Лидіей, а также сблизилась съ нѣкоторыми Арзамасцами, въ особенности съ Дашковымъ и Жуковскимъ. Она была почитательницею Козлова. Во время холеры 1830 года Блудовы жили у насъ въ домѣ близъ Татьяны Васильевны.

Бывало, возвращаешься въ Воскресенье изъ Петергофа въ Ульянку, и какъ бы поздно ни было, хотя бы ночью, Татьяна Васильевна спать не ложится: она непремѣнно дождется, перекреститъ и тогда только ляжетъ спать. И это въ послѣдніе ея годы, подъ девяносто лѣтъ.

Въ 1853 году у меня была горячка или тифъ. Я сильно бредилъ и подолгу лежалъ въ безпамятствѣ. Какъ я потомъ узналъ, уже отчаявались меня вылѣчить. Консультаціи слѣдовали одна за другою. Собирались Рейнгольдъ, Пеликанъ и Вейсъ, тогдашній дѣтскій докторъ... Какъ сквозь сонъ вижу надъ собою икону Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ: ее подняли по желанію отца и Татьяны Васильевны... Мало по малу чувствую возвращеніе сознанія, и вниманіе останавливается на окружающемъ... У кровати чередуются Шарлота Ивановна Рутландъ и Татьяна Васильевна. Тихо, бережно ухаживаетъ она, старается занять; но время ко сну: Татьяна Васильевна подходитъ съ крестомъ въ рукѣ и въ полголоса читаетъ молитвы. Ясно, четко, съ глубокимъ чувствомъ заканчиваетъ она послѣднею молитвою: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его»... Меня проникаетъ блаженное чувство покоя и тишины. «И да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ... яко таетъ воскъ отъ лица огня»... Я чувствую холодное прикосновеніе креста къ головѣ, потомъ къ груди и плечамъ; мысли начинаютъ темнѣть и путаться... Сквозь полусонъ доходятъ послѣднія слова: «О Пречестный и Животворящій Кресте Господенъ!.. Помогай намъ со Святою, Госпожею, Дѣвою Богородицею и со всѣми святыми во вѣки. Аминь»..

Въ 1863 г. Татьяна Васильевна жила въ другомъ помѣщеніи уже нѣсколько лѣтъ; также въ нижнемъ этажѣ дома, но на другой его половинѣ. «Пора честь знать, два вѣка не проживешь», говаривала Татьяна Васильевна подъ впечатлѣніемъ этого переѣзда.

Въ послѣднее лѣто она вдругъ перестала нюхать табакъ; до того времени у нея всегда водился хорошій Французскій табакъ, и были у нея три излюбленныя табакерки. Чаще всего носила она табакерку съ янтарною крышкою и надписью на синей эмали: «Souvenir», подарокъ графини А. А. Блудовой. Другія двѣ табакерки имѣли каждая свою легенду. Одна изъ нихъ, четырехугольная, завалилась въ печку, когда отецъ былъ малолѣтнимъ; другая въ тоже время упала въ прудъ при М. И. Донауровѣ и найдена была случайно Она очень ими дорожила. Носила она длинную цѣпочку вокругъ шеи, соединявшуюся серебрянымъ боченкомъ; часы старинные, луковичные, подарены ей были дѣдомъ. Она подарила мнѣ волосы дѣда, кольца его и перстни съ волосами бабушки Прасковьи Ивановны.

Она неизмѣнно, съ незапамятныхъ временъ, получала «Санктпетербургскія Вѣдомости», слѣдила за всѣми новостями и очень дорожила мнѣніемъ своей газеты. Помню, какое бывало событіе—полученіе новаго академическаго календаря. Тотчасъ же она прочитывала, и прежде всего, въ какіе дни праздники, какъ великъ Петровъ постъ, какъ великъ мясоѣдъ. Она соблюдала строгій постъ во всѣ положенные дни и сухоядѣніе въ первые дни первой недѣли Великаго поста.

Она любила музыку и пѣніе, но не выносила посредственныхъ пѣвцовъ-любителей. Одинъ молодой человѣкъ у насъ на Ульянкѣ послѣ обѣда пѣлъ извѣстный романсъ «Скажите ей»...—«Нѣтъ, ужъ лучше ей не говори», шепчетъ Татьяна Васильевна и отходитъ подальше. «Господи, вѣдь благимъ матомъ кричитъ», ворчала она. Сама она, кажется, никогда не пѣла, и не было у нея голоса. Помню только, что въ дѣтствѣ она мнѣ твердила: «Пойте, птички, во саду, разгуляться къ вамъ приду». Случайно я узналъ, что эта пѣсня скопческая.

Много разсказывала она о славномъ пѣніи г-жи Алексѣевой, извѣстной въ свое время пѣвицы-любительницы.

Знакомство у нея было большое. Не разъ слышалъ я отъ нея о Вадковскихъ, Козлаковыхъ и Депрерадовичахъ. Она была въ дружбѣ съ А. С. Норовымъ, съ А. Н. Муравьевымъ, съ почтенной старушкой Путятиной (одной изъ «дѣвицъ», жившихъ на положеніи фрейлинъ въ Таврическомъ дворцѣ), съ игуменьей Воскресенскаго монастыря Варсонофіей и съ камеръ-фрейлиной княжной Варварой Михайловной Волконской. Знакома она была (и даже немного подсмѣивалась надъ нею) съ другою старою фрейлиной, княжной Анной Алексѣевной Волконской:

маленькаго роста сгорбленная старушка, съ буклями на вискахъ, и притомъ всегда приколонными криво, она пріѣзжала къ намъ въ церковь, въ каретѣ цугомъ, съ лакеемъ въ старо-модной ливреѣ. Она уже впадала въ дѣтство; однажды у насъ въ церкви распекла она одну дѣвочку за то, что та дурно крестилась, и неизвѣстно почему, обращаясь къ Татьянѣ Васильевнѣ, проговорила: «Она не крестится, а играетъ на балалайкѣ!» Дѣти ея боялись.—Стояла Татьяна Васильевна въ нашей домовой церкви всегда на томъ же мѣстѣ. Эту часть церкви Муравьевъ называлъ «овчая купель», потому что тутъ стояли все больные старики: А. С. Норовъ безъ ноги, Сухозанетъ безъ ноги, В. А. Шереметевъ въ параличѣ, князь Н. А. Долгорукій больной и др. Тутъ стоялъ и самъ Муравьевъ. Разъ случилось ему стоять рядомъ съ Татьяной Васильевной. Это было за всенощной. Татьяна Васильевна стала на колѣни одновременно съ Муравьевымъ, и въ тоже время оба поклонились до земли.. Тутъ соскочила большая цѣпочка съ шеи Муравьева и зацѣпила за чепецъ Татьяны Васильевны; она хочетъ поднять голову, и чувствуетъ что-то тащитъ ея чепецъ. Въ это самое время и Муравьевъ, который былъ близорукъ, замѣчаетъ, что задѣлъ за Татьяну Васильевну, и не рѣшается подняться. Такъ остались они нѣкоторое время въ странномъ, наклоненномъ положеніи, и въ это самое время ихъ начинаетъ разбирать неудержимый хохотъ, который перешелъ и на присутствующихъ.

Татьяна Васильевна не разъ бывала въ Сергіевой пустыни, гдѣ знала архимандрита Игнатія Брянчанинова, Павла Петровича Яковлева и Чихачева.

Она скончалась 25 Января 1863 года. Утромъ мнѣ сказали, что ей не здоровится. Я не могъ зайти, потому что куда-то торопился. Я былъ у нея наканунѣ, но ничего нельзя было предвидѣть. Днемъ захожу къ ней: встрѣчаетъ меня Артемій и говоритъ, что Татьяна Васильевна только что скончалась. Я остолбенѣлъ. Потомъ, уже вмѣстѣ съ отцомъ, вернулся я къ Татьянѣ Васильевнѣ, и мы подошли къ ея кровати. Она лежала со спокойнымъ выраженіемъ лица, точно спящая. Отецъ тронулъ ея голову. Она уже была холодна. Немедленно сдѣланы были всѣ распоряженія и отслужили первую панихиду. Долго сидѣлъ отецъ въ комнатахъ Татьяны Васильевны, и я съ нимъ, и долго говорили мы о ней и вспоминали. Отъ нея разговоръ перешелъ вообще къ прошлому, и многое услышалъ я отъ отца, и никогда не бывало такого задушевнаго разговора, никѣмъ не нарушеннаго.

Въ бумагахъ ея найдено завѣщаніе, гдѣ она распредѣляла свой небольшой капиталъ, подаренный ей дѣдомъ. Нашлась записка о бракѣ дѣда съ обозначеніемъ свидѣтелей, молитва Св. Димитрія Ростовскаго

«о повсядневномъ исповѣданіи грѣховъ», писанная рукою Прасковьи Ивановны, и кое-какія письма... Отпѣваніе совершено въ приходской церкви Симеона и Анны духовникомъ ея, В. И. Барсовымъ, къ которому она была очень расположена.

Къ кругу ея близкихъ принадлежало семейство Кобылиныхъ. Старушка Екатерина Ѳедотовна Кобылина, рожденная Клокачева, была почтенная Новгородская помѣщица. Въ молодости она была красавицей. У нея была дочь Александра Васильевна Путятина, тоже достойнѣйшая женщина и также когда-то красавица. Семья Кобылиныхъ была многочисленная. Одинъ братъ былъ таинственно убитъ ночью на одномъ изъ мостовъ Фонтанки; другой поступилъ изъ Егерскаго полка въ монахи, подъ именемъ Владимира, и впослѣдствіи сдѣлался настоятелемъ Новгородскаго Тихвинскаго монастыря. Сестра Надежда вышла замужъ за Апрѣлева и вѣнчалась у насъ въ церкви; а послѣ вѣнца, когда молодые подъѣхали къ дому Апрѣлевыхъ, новобрачный при выходѣ изъ кареты былъ зарѣзанъ нѣкіимъ Павловымъ. Эти два убійства въ одной семьѣ въ свое время породили немало толковъ. Татьяна Васильевна вращалась въ этой средѣ и близко знала семейныя подробности. По мужу своему, А. В. Путятина была въ свойствѣ съ Маргаритой Петровной Путятиной, рожденной Реметевой. Это была одна изъ подругъ юности Татьяны Васильевны. До своего замужества она жила съ дѣдомъ и Прасковьею Ивановною и не разъ съ ними путешествовала. Такъ была она съ ними въ годъ коронаціи Павла и участвовала въ поѣздкѣ изъ Петербурга на Тихвинъ, Устюжну, въ село Вощажниково и въ Ростовъ. Помню разсказы Татьяны Васильевны о дурныхъ дорогахъ и грязныхъ станціяхъ съ тараканами, о приключеніяхъ фургона съ провизіею и съ поваромъ Горномъ...

Послѣдніе годы своего вдовства Маргарита Петровна жила въ нашемъ домѣ на Литейной. Съ ней жила уже не молодая дѣвица Бровцына, которую она называла «Thémyre». Я еще засталъ эту Thémyre и помню ее въ образной при нашей Петербургской церкви. Съ Маргаритой Петровной и съ дѣдомъ Татьяна Васильевна жила въ деревнѣ на берегу Невы, въ селѣ Вознесенскомъ. Помню ея разсказы о неудовольствіи Платона Зубова, желавшаго купить у дѣда это имѣніе, о графѣ Валеріанѣ Зубовѣ, котораго Татьяна Васильевна звала не иначе, какъ «красавчикъ». Точно также называла она и графа Рибопьера, будущаго оберъ-камергера.

Немало заботъ и хлопотъ доставила ей семья Долгорукихъ. Они считались дальними родственниками отца, «седьмая вода на киселѣ», какъ говорила Татьяна Васильевна. Это было потомство графа Алексѣя Сергѣевича Шереметева, дочь котораго Анастасія вышла за князя

Долгорукаго. У нихъ было двѣ дочери, Екатерина и Надежда, и два сына, Николай и Алексѣй. Всѣ они взяты были отцемъ на его попеченіе. Двухъ дочерей помѣстилъ онъ въ Смольный институтъ. Екатерина, по словамъ Татьяны Васильевны, была очень мила; она умерла въ молодости. Надежда вышла замужъ за генерала Корниловича и оставила большую семью. Николай воспитывался въ лицеѣ и жилъ у насъ въ домѣ возлѣ Татьяны Васильевны. Онъ былъ человѣкъ образованный, много читавшій и большой библіофилъ. Онъ собралъ прекрасную библіотеку и говорилъ на семи языкахъ; былъ большой чудакъ, но добрый человѣкъ. Я хорошо его зналъ. Съ Татьяной Васильевной онъ былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Семья Татьяны Васильевны состояла изъ двухъ братьевъ, Григорія, рано умершаго, и Гавріила, который былъ часовщикомъ и женился на нѣкоей Марьѣ Лукинишнѣ. Всѣ они вмѣстѣ съ матерью похоронены на Волковомъ кладбищѣ, тамъ же, гдѣ Татьяна Васильевна. «Собираюсь на свою дачу», говорила Татьяна Васильевна: она каждый годъ въ день Константина и Елены ѣздила на Волково. Она очень любила кладбищенскаго священника, протоіерея Николая Степановича Ильинскаго, который впослѣдствіи сдѣлался намѣстникомъ Александро-Невской лавры. Мать ея, Елена Ивановна Шлыкова, скончалась у насъ въ домѣ въ двадцатыхъ годахъ. Она жила отдѣльно и пользовалась почетнымъ положеніемъ въ домѣ. Отецъ мой ее хорошо помнилъ.

Недалеко отъ Татьяны Васильевны, подъ образной, въ низенькихъ комнаткахъ окнами въ садъ, жила старуха Марья Никитишна, нянька моего отца. Она была гораздо старше Татьяны Васильевны. Почему-то я ея боялся. Разъ меня Татьяна Васильевна къ ней повела. Старушка была древняя, маленькая и сгорбленая. У нея висѣли портреты Петра Борисовича и его любимой дочери Анны Петровны съ пряжею въ рукахъ. Графиня Анна Петровна имѣла вліяніе на жизнь князя А. Н. Щербатова и Порошина, и умерла отъ оспы невѣстою графа Н. И. Панина. Теперь въ комнатахъ Марьи Никитишны помѣщается ризница.

Татьяна Васильевна поддерживала сношенія съ Петербургскими митрополитами. Съ нею былъ я однажды у митрополита Никанора. Онъ сталъ говорить о митрополитѣ Платонѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Татьяна Васильевна оживилась, и долго они говорили, съ восторгомъ вспоминая митрополита Платона. Послѣдніе годы она сблизилась съ викаріемъ, преосвященнымъ Христофоромъ, впослѣдствіи Вологодскимъ епископомъ.

22 Октября Татьяна Васильевна обязательно отправлялась въ Казанскій соборъ, а 27-го въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ на Шпалерной,

и какая бы ни была толпа богомольцевъ, она служила молебны и прикладывалась къ иконамъ. Съ какою радостью она потомъ говорила, что ей удалось исполнить этотъ долгъ.

Еще со временъ дѣда жила Татьяна Васильевна лѣтомъ на Ульянкѣ. Послѣ его кончины она жила тамъ ежегодно. Понятно, что она привязалась и полюбила это мѣсто. Она была большая охотница собирать грибы. До самыхъ преклонныхъ лѣтъ это было любимымъ ея развлеченіемъ. Пойдетъ, бывало, потихоньку въ рощу: всѣ грибныя мѣста ей хорошо знакомы и гдѣ какіе грибы водятся. Подвигалась она медленно, постепенно, и нѣсколько разъ проходила взадъ и впередъ по тому мѣсту. Она сама признавалась, что когда находила красивый грибъ, она не сразу его брала, остановится, полюбуется надъ нимъ и уже потомъ положитъ въ корзину. И въ Ульянкѣ дѣдомъ моимъ устроенъ былъ въ лѣсу «Домъ Уединенія». Я еще его засталъ. Рѣдко случалось Татьянѣ Васильевнѣ доходить до этого домика. Онъ стоялъ въ лѣсу версты за двѣ. Въ послѣдніе годы это было событіемъ. «Сегодня я дошла до такой-то скамеечки», говорила Татьяна Васильевна и радовалась, что силы ей не измѣняли. Въ церкви у нея было особое мѣсто близъ аналоя; тутъ стоялъ небольшой полукруглый стулъ краснаго дерева, очень оригинальной формы. Такихъ стульевъ у насъ было нѣсколько. Одинъ изъ нихъ у нея выпросилъ А. Н. Муравьевъ. Съ причтомъ она была въ отличныхъ отношеніяхъ.

До какой степени она умѣла себя держать и какъ была находчива даже въ случаяхъ затруднительныхъ—служитъ доказательствомъ вся ея жизнь. На одномъ изъ обычныхъ имянинныхъ обѣдовъ у моего отца на Ульянкѣ, при большомъ сборѣ гостей, совершенно своеобразнаго общества, случилось быть и моему учителю рисованія Н. И. Тихобразову. Онъ былъ вообще довольно невоздерженъ; на этотъ разъ онъ такъ угостился, что послѣ обѣда пошелъ ни съ того ни съ другаго въ присядку. Всѣ были озадачены, и отецъ нѣсколько смутился. Видитъ это Татьяна Васильевна, и хочется ей выручить Тихобразова. Ей тогда было далеко за восемьдесятъ лѣтъ. Не долго думая, она встаетъ, беретъ платокъ, проситъ съиграть «По улицѣ мостовой», и идетъ на встрѣчу Тихобразову, плавно и стройно выступая, къ общему восторгу и удивленію всѣхъ присутствующихъ. Тихобразовъ совсѣмъ растаялъ: «Ахъ ты, голубка моя», произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и когда она кончила—онъ бросился цѣловать ей руки.

Вспомнилась ли Татьянѣ Васильевнѣ ея молодость? Но этого дня забыть невозможно.

Многое изъ прошлаго въ жизни Татьяны Васильевны осталось на всегда тайною, о многомъ можно только догадываться; но несо-

мѣнно, что глубокая, неизмѣнная, вѣрная дружба соединяла ее съ бабушкой Прасковьей Ивановной; а благодарная память о дѣдѣ сказывалась въ ея словахъ, въ самомъ выраженіи ея голоса: когда она говорила о нихъ, чувствовалось, что съ ними была вся душа ея...

Трогательно было прощаніе Татьяны Васильевны съ Ульянкой въ 1862 году. Она какъ бы предчувствовала, что больше уже не вернется. Она, какъ передавалъ мнѣ ея Артемій, передъ окончательнымъ выѣздомъ въ городъ, пошла «прощаться» и побывала на всѣхъ мѣстахъ давно ею излюбленныхъ, съ которыми связаны были воспоминанія цѣлой жизни.

Съ Ульянкой какъ-то особенно сливается воспоминаніе о Татьянѣ Васильевнѣ. Теперь все давно прошло; характеръ мѣста измѣнился, и слѣдъ Татьяны Васильевны давно простылъ... И кустъ махровыхъ розъ, ею посаженный въ память Кускова, давно засохъ .. Но для меня она жива, и свѣтлый образъ ея никогда не изгладится изъ моей памяти...

Графъ Сергій Шереметевъ.

Петербургъ,
14 Ноября 1888.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ СВЯЩЕННИКА XVIII ВѢКА.

Нижеслѣдующее завѣщаніе старца-священника своему сыну (тоже священнику) замѣчательно какъ свидѣтельство высокаго духовнаго развитія въ писавшемъ его.

А писавшій это завѣщаніе былъ родной дѣдъ приснопамятнаго митрополита Филарета, по отцу его. Объ немъ у Сушкова (Записки о жизни м. Филарета, стр. 28) сохранилось свѣдѣніе, „что онъ, будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ; рѣдко выходилъ изъ своего домика, видѣли его только въ церкви“. При такой жизни не удивительна глубокая назидательность его наставленій. Митроп. Филаретъ, получивъ отъ своего брата (священника Никиты Михаиловича) это завѣщаніе, писалъ: „Завѣщаніе дѣдушки я получилъ какъ сокровище. Дивлюсь, что оно оставалось до сихъ поръ для меня неизвѣстнымъ“ (Письма къ роднымъ, № 262).

Завѣщаніе писано на имя отца митрополита Филарета, іерея Михаила Ѳедоровича, посвященнаго во священники 1784 г. Февраля 19 дня. По упоминанію въ завѣщаніи о двоихъ только дѣтяхъ Михаила Ѳедоровича, Василіи и Ольгѣ,—время написанія нужно положить 1781—1786 годы.

Въ духовенствѣ не ведется родословныхъ, и Сушковъ говоритъ, что митр. Филаретъ вспомнилъ имена своихъ праотцевъ только до прадѣда Игнатія, о которомъ впрочемъ ничего не дошло до него изъ семейныхъ преданій, кромѣ того, что онъ служилъ гдѣ-то причетникомъ. Изъ завѣщанія видно, что этотъ причетникъ Игнатій получилъ впослѣдствіи санъ священника, какъ обычно это было въ XVII и XVIII ст. Извѣстенъ становится и отецъ іерея Игнатія, тоже іерей Тимоѳей „утопшій“: это пятая восходящая степень отъ митр. Филарета, почему съ вѣроятностію можно отнести существованіе іерея Тимоѳея къ XVII вѣку. Такое родословіе восходитъ дальше нежели обыкновенно бываетъ это въ духовенствѣ.

Есть въ этомъ завѣщаніи и еще мѣстная особенность. Өедоръ Игнатьевичъ просилъ въ поминовенные дни служить панихиду, „что́ во Псалтири“. Въ Москвѣ панихиды по усопшимъ служатся такъ называемыя вселенскія, что́ въ Октоихѣ (Субботняя служба), а въ Тулѣ напр., которая принадлежала къ Коломенской епархіи, обыкновенно по усопшимъ служится именно та панихида, о которой говоритъ Өедоръ Игнатьевичъ. А панихида съ каѳизмою или „парастáсъ“ совсѣмъ неизвѣстна была въ Москвѣ до напечатанія ея въ Петербургѣ, только въ 1884 г. (Въ Кіевѣ она напечатана была и ранѣе). Эта повидимому незначительная разность не можетъ ли служить указаніемъ, что христіанство въ Коломну, какъ и іерархія, перешли отъ Чернигова чрезъ Рязань; ибо берегá Оки въ началѣ принадлежали къ Черниговской епархіи (Историч. описаніе Черн. еп., т. 1, стр. 113)? Такъ церковный обычай остается неизмѣненъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, въ томъ видѣ какъ принятъ съ первыхъ лѣтъ по учрежденіи іерархіи, въ той или другой мѣстности. П. М. Б.

*

† Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Іерею Христову сыну моему Михаилу Өедорову отъ насъ, родителей твоихъ, іерея Өедора Игнатіева и Марөы Андріановой по милости Божіей миръ тебѣ и благословеніе и женѣ твоей Евдокіи и дѣтямъ вашимъ Василію и Ольгѣ и что́ будетъ впредъ о Бозѣ радоватися во вѣки вѣковъ, аминь. Пожаловать поминать меня грѣшника и молить у престола Божія и въ келейныхъ можно молитвахъ, такожъ и матерь, поминать насъ до своего преставленія. Дать ему іерею Михайлѣ моихъ денегъ на свѣщи, на ладонъ, на церковное вино для поминовенія въ церковь Божію, 3 р. 50 коп., хоть лучше тебѣ самому купить вышеписанныя вещи или какъ изволишь, а просворы можно тебѣ отъ себя, Михаиле. Да пожаловать не оставить никогда, а всегда поминать надобно и моихъ родителей, твоихъ же праотцевъ, іерея Игнатія и Маріи и твоей же крестной матери дѣвицы Маріи и прочихъ нашихъ сродниковъ, ихъ же самъ вѣси имена. За что́ и себѣ пріобрящеши пользу велію въ нынѣшнемъ вѣцѣ, а наипаче въ будущемъ житіе вѣчное, всерадостное, безсмертное.

Простите меня грѣшнаго и молите Бога о мнѣ грѣшнѣмъ до своего преставленія. Попустить пожаловать и супружницѣ твоей читать житія святыхъ, которыхъ житію воздержному и святому должно ревновать и быть подражателями, а не піяницамъ и роскошно живущимъ и картовникамъ. Мы христіане одолжены Божія заповѣди хранити и евангельски жити и пріуготовлятися къ вѣчному всерадостному житію.

Въ сорокоустіи пожаловать читать по службáхъ литіи, а на срочные дни, то есть третины, девятины и сороковой день, такожъ до со-

рочинъ по субботамъ пѣть панихиды, что́ во Псалтыри, а когда большую панихиду, то съ каѳизмою и въ каѳизмѣ къ стихамъ припѣвы.

† Понеже велику пользу творятъ умершему живыя чада или сродники приношеніемъ жертвы Богу и подаяніемъ милостыни, того ради прошу васъ, чады моя, іерей Михаилъ съ женою и чады вашими, мнѣ, вашему родителю, паче всѣхъ человѣкъ согрѣшившему, пользу подать потрудиться умилостивить Создателя всѣхъ Бога, приношеніемъ жертвы и милостынями. Да прошу удерживаться отъ брашенъ и питей и одеждъ драгихъ и многихъ, то и будешь доволенъ къ подаянію въ Бога богатѣть. А что́ имѣется у тебя, не зови своимъ; говори: оно-де Божіе, а ты, яко экономъ, требующимъ давай по своей силѣ, а наипаче, аще сродникъ нищъ есть, и моли Бога за мя грѣшнаго, то и себѣ соберешь такими и прочими добродѣтелями изобильно въ будущій вѣкъ.

Не забуди жъ, другъ мой, поминать и моихъ родныхъ дѣдовъ іерея Тимоѳея утопшаго, Неонилу, діакона Василія, Вассу и прочихъ, самъ знаешь; тебѣ же, помнится, данъ реестръ; должно беречь и поминать.

*

Іерею Михайлѣ Ѳеодорову.

Іерей Михаилъ!

† Сынъ мой возлюбленный, время моего отшествія приспѣ; ты же не останешься сиротою: Бога бо имаши Отца, покрывающаго тя благодатію Своею, Его же и азъ есмь. Послушай словесъ моихъ и напиши я въ сердцѣ твоемъ: возлюби Бога, паче всякаго созданія и паче себе самого и къ Нему всѣмъ сердцемъ прилѣпися и непрестанно хвали Его и моляся усты и сердцемъ, языкомъ и умомъ. Службы церковныя не оставляй и келейнаго правила, ходи въ церковь безъ лѣности на всякую Божію службу, молитвы Богу приноси съ сокрушеніемъ сердечнымъ и слезами и воздыханіемъ, плачи предъ Богомъ нынѣ временно, да вѣчнаго веселія и утѣшенія сподобишися; послушливъ буди на благое; отвержися своей воли, твори что̀ Богомъ повелѣно и другихъ научи живымъ своимъ примѣромъ. Незлобіе храни до кончины живота твоего; не осуди никого, да не посмѣешися грѣху чуждому. Аще кого видишь согрѣшающа, помолися о немъ къ единому безгрѣшному Богу, да исправитъ его и тебе отъ грѣхопаденій и искушеній вражіихъ да избавитъ. Не глаголи ничтоже праздно или скверно или хульно, да не изыдетъ таковое слово отъ устъ твоихъ, о немъ же бы тебѣ отвѣтъ дати въ день судный; кротокъ и смиренъ сердцемъ буди; всѣхъ вмѣняй въ благодѣтели свои, себя же имѣй аки подножіе

всѣмъ. Аще же услышиши кого болящa, не лѣнися посѣтити его и послужити ему усердно, и всякую заповѣданную ти службу совершай безъ роптанія; нищету и нестяжаніе сице люби, яко многоцѣнное сокровище. Поминай житіе не сбирающихъ богатство тлѣнное, подражай живущимъ на земли и собирающимъ богатство нетлѣнное на небесѣхъ своими добродѣтелями. Брашна сладкаго не желай; отъ піянства яко отъ яда злаго бѣгай; одежды многоцѣнной не люби и всякаго тлѣющаго сокровища не тщися стяжати. Что̀ бо болѣе человѣку потребно паче Бога и любви Его божественныя? Онъ есть сокровище наше, Онъ богатство, Онъ пища и питіе, Онъ одежда и покровъ, Онъ здравіе наше и крѣпость, Онъ веселіе наше и радость вѣчная, Онъ надежда и упованіе наше. Сего стяжати потрудися, сыне мой. Аще Бога Единаго стяжеши, довлѣетъ ти и болѣе о немъ возвеселитися, неже егда бы весь міръ пріобрѣлъ еси; пецися хранити чистоту твою душевную и тѣлесную; блюди, чадо мое, да не оскорбиши Духа Божія, живущаго въ тебѣ и да не проженеши Его отъ себе сластолюбіемъ и плоти угожденіемъ; умертви уды твоя, не даждь многаго покоя и ослабы тѣлу твоему, смиряй его, яко осла безчинную̀ща, алчбою, жаждою, работою, досады терпѣніемъ, дондеже представиши душу твою Христу, яко невѣсту чистую. Блюдися опасно и отъ бѣсовскихъ козней, трезвися, бодрствуй, діаволъ бо не престаетъ ища поглотити всякаго работающаго Богу, отъ него же помощь Божія да защититъ тя. Еще же, чадо мое, и о мнѣ грѣшномъ поминаніе твори, да милость обрящу у праведнаго Судіи, Иже не точію грѣхи, но и правоты имать судити, Ему же предстати время приближися. Ты же, чадо мое, Бога имаши хранящa тя и пекущася о тебѣ; Онъ тебѣ отецъ и матерь, учитель и наставникъ, покровитель и руководствуяй ко спасенію будетъ.

Блюсти сію у себя до своей смерти, никуды не утратить и женѣ и дѣтямъ дать прочитать.

ИЗЪ ПРЕДСМЕРТНЫХЪ БЕСѢДЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Намъ встрѣтилась рѣдкая книжка: Ueber Friedrich den Grossen und meine Unterredungen mit Ihm kurz vor seinem Tode. Von dem Ritter von Zimmermann (о Фридрихѣ Великомъ и моихъ съ нимъ бесѣдахъ не задолго до его смерти, кавалера Циммермана). Leipzig. 1788, мал. 8-ка, 301 стр. Это тотъ самый Швейцарецъ Циммерманъ, авторъ нѣкогда славнаго сочиненія объ Уединеніи (переведеннаго и на Русскій языкъ), съ которымъ переписывалась наша Екатерина Великая. Онъ былъ лейбъ-медикомъ Англійскаго короля, и его пригласили въ Берлинъ въ 1786 году къ Фридриху Великому. Его книжкою вполнѣ подтверждаются показанія знаменитаго Мирабо, тоже находившагося въ Берлинѣ во время кончины Фридриха и написавшаго „Секретную Исторію Берлинскаго двора", которую потомъ сожгли во Франціи по требованію Прусскаго правительства. Фридрихъ страдалъ обжорствомъ и въ самые послѣдніе часы жизни скушалъ множество омаровъ. Завѣщалъ онъ похоронить себя рядомъ со своими собаками. Это было послѣднее выраженіе того презрѣнія, которое онъ питалъ къ людямъ, восклицаетъ Мирабо. Нашъ посолъ графъ С. П. Румянцовъ не захотѣлъ поѣхать въ Потсдамъ на его похороны. Въ промежуткахъ между послѣдствіями обжорства Фридрихъ разговаривалъ съ Циммерманомъ и однажды спросилъ его, совѣтуется ли съ нимъ Екатерина о своемъ здоровьи. „Ей совсѣмъ этого не нужно, такъ какъ она пользуется отличнѣйшимъ здоровьемъ".— „Однако всѣмъ извѣстно, что она больна". „Императрица знаетъ, что всѣ такъ думаютъ. Она часто шутитъ надъ этимъ, и однажды писала мнѣ, что у нея на лѣкарства выходитъ въ годъ тридцать пфениинговъ".—„Не таковы мои извѣстія", возразилъ Фридрихъ. Тутъ Циммерманъ распространился въ похвалахъ Екатеринѣ и неутомимой ея дѣятельности.—За тѣмъ Фридрихъ объѣлся дынями, и когда ему стало полегче, опять заговорилъ съ Циммерманомъ. „Россія слишкомъ обширное государство, и должна развалиться": въ этомъ собесѣдники согласились, и Фридрихъ злорадно замѣтилъ, что по его системѣ можно управлять только такимъ государствомъ, которое пространствомъ своимъ не больше Франціи.

Чрезъ десять лѣтъ послѣ этого разговора Прусскіе порядки получили широкое примѣненіе въ Россіи и содѣйствовали къ внутреннему ея ослабленію. П. Б.

ЗАМѢТКА.

Въ приложеніяхъ къ главѣ III-ей Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго („Русскій Архивъ“, Январь 1889 г., стр. 131) помѣщено письмо Великаго Князя Константина Николаевича, отъ 24 Іюля 1857 г., въ которомъ Его Императорское Высочество излагаетъ свой взглядъ на управленіе Кавказомъ, вызывавшійся тогдашнимъ разстроеннымъ финансовымъ положеніемъ Россіи. На это письмо князь Барятинскій отвѣчалъ Великому Князю 31 Іюля того же 1857 г.; но я счелъ необходимымъ этотъ отвѣтъ, чрезвычайно интересный вообще и для характеристики князя въ особенности, включить въ статью о гражданской его дѣятельности, какъ намѣстника Кавказскаго. Это казалось мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что переписка была вызвана достигшими до Петербурга слухами объ излишней щедрости намѣстника въ расходованіи казенныхъ денегъ и о недостаточномъ вниманіи къ гражданскому управленію, въ ущербъ которому и ради якобы личнаго славолюбія, князь Барятинскій предался преимущественно военной части своего управленія.

Я возвращусь къ этой интересной перепискѣ въ одной изъ слѣдующихъ главъ моего труда.

А. Зиссерманъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849-й годъ.

(Послѣ Венгерскаго похода).

15-го Окт. поутру въ Сувалкахъ заѣхалъ къ губ. Тикелю. Обязательный пріемъ его. Извѣстія о маіоратѣ, куда не рѣшился ѣхать, опасаясь потерять слишкомъ много времени при нетерпѣніи какъ можно скорѣе обнять своихъ мальчиковъ. Къ ночи въ Ковно, гдѣ на таможнѣ, вмѣсто осмотра, директоръ, ожидавшій меня, увѣдомилъ, что все готово, прописано и лошади ожидаютъ на почтѣ. Здѣсь я всегда встрѣчаю вмѣсто непріятныхъ осмотровъ одну предупредительность. 17-го пріѣхалъ въ Гатчино, гдѣ находился дворъ. Мнѣ отвели покои во дворцѣ, и Ихъ Величества пригласили къ обѣду. Не смотря на поспѣшный туалетъ, Государь и Императрица уже вышли, когда я пришелъ. Съ признательностію вспоминаю о милостивомъ пріемѣ и о лестныхъ отзывахъ, которыхъ я былъ удостоенъ. Черта благодушія Императрицы. Придворный лакей, посланный для приглашенія, объявилъ, что форма въ сюртукахъ и фуражкахъ; я такъ и пришелъ къ 4-мъ часамъ. Кн. В. В. Долгорукой и гр. Шуваловъ усумнились, чтобы эта форма до меня могла относиться *до* представленія и что мнѣ лучше опоздать, но придти въ полной формѣ. Я поспѣшилъ переодѣться, а Императрица между тѣмъ вышла и замѣтила, что меня одного не было. Гр. Шуваловъ доложилъ ей о причинѣ.—Хорошо, отвѣчала добрая Императрица: Императоръ заснулъ, и я его не разбужу, чтобы дать Граббе́ болѣе времени одѣться. Но Государь самъ проснулся, вышелъ и также замѣтилъ, что меня еще не было. Узнавъ причину, съ кроткою снисходительностію замѣтилъ, что послѣ такой дороги это очень натурально, и минутъ черезъ пять

потомъ я вошелъ. Государь часто обращалъ ко мнѣ за обѣдомъ рѣчь о Венгріи и другихъ предметахъ и, кажется, былъ доволенъ отвѣтами. Молодые Великіе Князья привѣтствовали меня съ ласкою по примѣру своихъ августѣйшихъ родителей. Императрица съ лестною похвалой за обѣдомъ разсказывала о моемъ старшемъ сынѣ Николаѣ, котораго нѣсколько разъ удостоивала въ Петергофѣ сажать съ собою въ коляску, куда онъ вскакивалъ ловко, не отворяя дверецъ. Чрезъ полчаса разговора послѣ обѣда обласканъ также вошедшимъ Константиномъ Николаевичемъ. Ихъ Величества отпустили меня въ Петербургъ къ сыновьямъ, куда чрезъ Красное Село я пріѣхалъ уже въ часъ ночи въ гостинницу Энгельгардта.

18-го, въ 9-мъ часу, я обнялъ своихъ дѣтей, получивши позволеніе остаться до 11 ч. вечера слѣдующаго дня.

Въ 11 часовъ поѣхалъ къ военному министру и привѣтливо былъ имъ принятъ. Отъ него къ гр. Орлову, чрезвычайно пріязненно. Къ гр. Киселеву, также. Къ г. Палену, какъ всегда. Потомъ къ в. кн. Еленѣ Павловнѣ, трогательно благосклонно былъ принятъ, и около часу оставался въ разговорѣ весьма занимательномъ. У великой княгини Маріи Николаевны записался и приглашенъ на послѣзавтра въ часъ.

Сегодня (19-го) въ 11 ч. къ Наслѣднику. Пріемъ столько же привѣтливый. Потомъ, переодѣвшись въ походную форму, на парадъ вступленія Преображенскаго полка. Въ мое отсутствіе пріѣхалъ съ визитомъ Фуадъ-эффенди, Турецкій посолъ.

21-го Октября. Первая послѣ многихъ ночей довольно спокойная ночь. Утро провелъ въ разборѣ портфелей. Гербель; къ моему удивленію нѣсколько основательныхъ замѣчаній о минувшей войнѣ—тоже общее рѣшительное мнѣніе о фельдмаршалѣ. Нѣкоторыя новыя для меня подробности. Онъ, какъ и всѣ, полагалъ, что я получилъ 1-го Владимира и что мнѣ назначенъ 3-й корпусъ. Чрезвычайно занимательный, продолжительный и откровенный разговоръ съ вел. княгиней. Они уже все знаютъ. Не для нея одной я сказалъ ей, что если для удовлетворенія ненависти ко мнѣ фельдмаршала нужно не давать мнѣ никакой награды, то я приму это безъ малѣйшаго огорченія, лишь бы Государь сохранилъ ко мнѣ то благоволеніе, которое оказывалъ въ продолженіи кампаніи и при пріемѣ въ Гатчинѣ.—Отъ великой княгини къ кн. Меншикову; онъ еще въ Москвѣ; къ гр. Строгоновымъ, они выѣзжали; къ Павло-

ву, не засталъ; къ Игнатьеву, боленъ; къ коменданту, не засталъ; къ в. губернатору, также. Къ Турецкому послу послалъ визитную карточку. Визитъ хозяйкѣ этого огромнаго дома и сосѣдкѣ объ дверь, m-me Энгельгардтъ. Такъ дошелъ до 5-ти часовъ—часъ обѣда у Кочубеевъ; удовольствіе свиданія съ этимъ хорошимъ семействомъ; остался въ живомъ разговорѣ до 8-ми часовъ; потомъ домой, чтобы спокойно и одиноко провести остатокъ вечера.

22-го Октября. Вчера располагалъ навѣстить дѣтей, но рядъ посѣщеній мнѣ помѣшалъ. Первый былъ Н. И. Гречъ, потомъ кн. Викторъ Васильчиковъ, Борисъ Перовскій, Истоминъ. Подробности отъ него минувшей кампаніи въ большой арміи, непостижимыя. Гёрге къ счастію поторопился. Паскевичъ одинъ, въ короткое время, уничтожилъ бы нашу славную армію. Въ 6 ч. обѣдалъ у Сухозанета. Вревскій, кн. Павелъ Гагаринъ, докторъ Мяновскій, дочь хозяина Безобразова, Шишкова. На Кавказѣ нехорошо: Аргутинскій два мѣсяца осаждалъ *Чохъ* правильной осадой, дорого стоившей; изъ Эривани доставлена была осадная артилерія, и долженъ былъ снять осаду.

Не совсѣмъ здоровъ; пріѣхалъ домой утомленный, провелъ безпокойную ночь; теперь лечусь по обыкновенію воздухомъ. Съ утра велѣлъ вынуть двойную раму и отворить настежъ окно. Вѣроятно я одинъ въ Петербургѣ сижу и пишу съ открытымъ окномъ. Сегодня въ часъ вступаетъ Измайловскій полкъ; не поѣду.

Вчера получилъ оффиціальное увѣдомленіе о продолженіи аренды на шесть лѣтъ. Слово Государя: почему не на двѣнадцать?

23-го Октября. Вчера поутру Шепелевъ, Исаковъ, Окуловъ инж. Несчастное положеніе племянницы, на чужихъ рукахъ съ дѣтьми, имѣя мужа, отца и братьевъ. Адмиралъ Литке; полезное впечатлѣніе, минувшею кампаніею на великаго князя Константина Николаевича произведенное.

25-го Октября. Вчера, по случаю вступленія л.-гв. егерскаго полка, сапернаго батальона и гв. арт., въ два часа верхомъ за Государемъ. По взгляду и привѣтствію ф-лъ, кажется, не жаловался

Началъ сегодня утро чтеніемъ письма къ Н. И. Гречу Берлинскаго корреспондента Шнейдера, умнаго и наблюдательнаго *).

---

*) Тотъ самый Шнейдеръ, личный секретарь и заживо—біографъ императора Вильгельма. Его оскорбительныя для Русскаго народнаго чувства записки памятны читателямъ по извлеченіямъ въ „Новомъ Времени“ 1888 года. *П. Б*

По разнымъ журналамъ ощупывалъ пульсъ въ настоящую минуту Запада Европы; безпорядочный—скрытая горячка послѣ припадка бѣлой горячки. Жестокость Австрійскаго правительства противъ сдавшихся намъ Венгерцовъ; кромѣ проступка противъ чувствъ человѣчества, есть важная политическая ошибка, и ему отзовется. Теперь я вижу всю удачу своего поведенія съ Австрійцами подъ Коморномъ.

26-го Октября. Сегодня нездоровъ. Обыкновенно слагаютъ это на перенесенные труды и заботы военныя; но я убѣжденъ, что такая жизнь гораздо полезнѣе здоровью, чѣмъ городская вообще и Петербугская въ особенности, по климату и неизбѣжному роду жизни. Какъ хороша и увлекательна статья въ Revue des deux mondes, Евгенія Форкада, Cavaliers et Têtes Rondes. Въ ней многое принадлежитъ не той одной эпохѣ, и вообще написана не безъ цѣли. Она освящаетъ преданность законной власти, преимущества, принадлежащія высокому роду, навыку владычества; выставляетъ въ ненавистномъ, справедливомъ свѣтѣ переходъ или паденіе власти въ руки толпы или коноводовъ ея, къ ней неприготовленныхъ ни душой, ни умомъ, ни навыкомъ.

Il n'y a pas de figures plus touchantes dans l' histoire que celle de ces hommes-victimes sur lesquels se resolvent les crises de la vie des peuples, et dont le crime est de porter la responsabilité d' un passé qu'ils n'ont point fait, d'un avenir qu'ils n'ont pu prévoir.

La prière de Montluc: Mon Dieu qui m'as crée, je Te supplie, garde-moi l' entendement, afin qu'aujourd'hui je ne le perde; car Tu me l'as donné, et je ne le tiens que de Toi; que si Tu as aujourd'hui déterminé ma mort, fais que je meurs en réputation d'un homme de bien, laquelle je recherche avec tant de périls. Je ne Te demande point la vie, car je veux tout ce qu'il Te plaît. Ta volonté soit faite, je remets le tout à Ta divine bonté. Это моя молитва.

27-го Октября. Вчера съ утра нездоровъ. Не поѣхалъ на встрѣчу войскъ гвардіи. Гр. Строгановъ и гр. Ржевуцкой посидѣли съ полчаса. Къ вечеру умеръ князь Юсуповъ. Въ 5 ч. поѣхалъ въ сюртукѣ на обѣдъ къ кн. В. В. Долгорукову. Изъявленіе признательности кн. Н. В. Долгорукова за сына кн. Д. В. Голицына, флигель-адъютанта, состоявшаго нѣкоторое время при мнѣ во время войны въ Венгріи. Александръ Кочубей и Левенштернъ.

28-го Октября. Къ Булгарину, не засталъ; къ г-лу Бергу;

привычка къ таинственности до того, что онъ даже у себя говорить въ полголоса. Забавное толкованіе Анрепа дѣйствій нашей арміи въ Венгріи, свыше одобренное. Халчинскій, секретарь нашей Константинопольской миссіи. Снова упадокъ нашего тамъ вліянія передъ Англійскимъ, отъ недостаточной самостоятельности главныхъ лицъ. Не рѣдкое у насъ противорѣчіе: могущество Россіи велико, различные представители его малы.

31-го Октября. Вступилъ кавалергардскій полкъ. Я выѣхалъ верхомъ на парадъ. Просьба о представленіи къ наградамъ флигель-адъютантовъ, временно при мнѣ состоявшихъ и ничего не дѣлавшихъ. Затрудненіе отъ неимѣнія канцеляріи.

2-го Ноября. Вчера обѣдъ у г-ла Берга съ Чевкинымъ въ четверомъ. Поутру посидѣлъ съ часъ у меня гр. Адлербергъ-отецъ. Фельдм. на меня Г-ю жаловался. Полныхъ убѣжденій о неспособности этого человѣка у нихъ нѣтъ.

4-го Ноября. Вчера вступленіе Семеновскаго, Московскаго и 2-й конной батареи въ присутствіи Государя. Я выѣхалъ также. Кн. В. А. Долгоруковъ. Меня теперь судятъ въ Варшавѣ, оправдавъ Чадаева. Вопросъ, приму ли корпусъ. Отвѣчалъ, что меня спрашивать не должно: я всегда готовъ. Слово гр. Ливена на парадѣ о нравственномъ и умственномъ состояніи Варшавскаго героя. Не похвалюсь я и самъ душевнымъ моимъ расположеніемъ. Что-то унылое, раздражительное, неясное, будто послѣ обманутыхъ ожиданій; поколебалось, кажется, и здоровье; явились новые виды приближенія трудныхъ лѣтъ. Ни на что̀ не смотрю, не совѣтуюсь; но все это можетъ наконецъ взять верхъ.

8-го Ноября. Въ Субботу обѣдалъ у Булгарина съ Гречемъ. Гедеоновъ, директоръ театровъ; вечеръ въ его ложѣ по приглашенію. Давали Норму. Оглушительные духовые инструменты, всѣ на правой сторонѣ оркестра помѣщенные.

Докладная записка военнаго министра о пожалованіи мнѣ Леопольда. Недавно вышелъ г.-л. Клюке-фонъ-Клугенау. Послѣднія его впечатлѣнія съ Кавказа нерадостныя. Осада Чоха и снятіе послѣ болѣе двухъ-мѣсячнаго пребыванія. Приближеніе Англійскаго флота къ Дарданелламъ и его удаленіе послѣ объявленій о причинахъ подобной угрозы.

10-го Ноября. Сегодня сбылъ залежавшіяся бумаги, взявшись самъ за перо. Погода теплая и чрезвычайно сырая. Привожу по

немногу въ порядокъ, по мѣрѣ исполненія общественныхъ, семейныхъ и служебныхъ обязанностей. Безъ того нѣтъ для меня спокойствія, какъ шпора въ душѣ, пока всего не окончилъ. До обѣда въ мое отсутствіе г. Воронцовъ-Дашковъ приходилъ съ визитомъ и напомнить о его вечерахъ по Четвергамъ. Ларіонъ Мих. Бибиковъ. Въ часъ во дворецъ и на парадъ: вступили гвард. экипажъ и 2-я бригада гвард. артилеріи. Знакомство съ Ламорисьеромъ. Воен. министръ пригласилъ въ Инжен. Замокъ завтра въ половинѣ десятаго утромъ. Встрѣча съ Императрицей. Привѣтливое слово. Князь Меншиковъ.

11-го Пятница. Вчера въ половинѣ шестаго обѣдъ у гр. Киселева. Посланники Англійскій Блумфильдъ, Австрійскій гр. Буоль и Ламорисьеръ; князь Чернышовъ, Бергъ, Бутурлинъ, кн. Лобановъ, Вельегурской, Левенштернъ, Бахметевъ, гр. П. П. Паленъ. Двухъ или трехъ забылъ. Въ половинѣ 11-го на вечеръ къ гр. Воронцову-Дашкову; онъ также былъ на обѣдѣ, и гр. Ферзенъ. Знакомство и приглашеніе по Субботамъ къ гр. Разумовской. Бодиско. Сегодня въ половинѣ 10-го въ Инженерный Замокъ съ кн. В. А. Долгоруковымъ и Ламорисьеромъ. Директоръ Ломновскій; объяснялъ полк. Шаронъ. Прекрасное содержаніе Инженернаго Училища. Отличная отдѣлка нѣкоторыхъ моделей системы крѣпостей и атаки ихъ. Все вмѣстѣ стоитъ внимательнаго на досугѣ изученія.

14-го Ноября. Утромъ Австрійскій посолъ, графъ Буоль; не принялъ его. На вечеръ къ графинѣ Разумовской. Скромный вистъ-преферансъ; на удачу, не зная игры, выигралъ. Вчера визитъ гр. Буолю. Щекотливый разговоръ. Большой ледъ идетъ по Невѣ. Морозъ съ вѣтромъ. Вечеръ у военнаго министра. Вистъ съ Австрійскимъ посломъ, Ильею Бибиковымъ и Левенштерномъ. Баронъ Сакенъ. Говорятъ, что мнѣ дается сабля съ алмазами, съ надписью за войну въ Венгріи, вмѣсто 1-го Владимира. Двадцать три подсудимыхъ.

15-го Ноября. Si l'instruction primaire a servi de propagande à l'esprit de révolte, c'est qu' elle a négligé de se présenter sous les auspices de la religion. Depuis l'Eden jusqu'aujourd'hui, depuis le riche jusqu' au pauvre, la raison, sans Dieu, n'engendre que l'orgueil et le mal.

20-го. Въ Пятницу провелъ вечеръ у Сумароковыхъ. Графъ

Августъ Каподистрія. Г.-а Сакенъ. Все вмѣстѣ довольно скучно. La reine Margot. Сабля съ алмазами съ надписью: за походъ въ Венгрію, и это узнаю только изъ Инвалида. Петербургъ не очень обязателенъ. Вчера въ третьемъ часу засталъ Государя Наслѣдника въ Пажескомъ корпусѣ.

21-го Ноября. Сцены безпорядка въ Законодательномъ Собраніи въ Парижѣ. Не предвѣщаютъ ли онѣ опять новыя смуты? Приглашеніе сію минуту на обѣдъ къ Государю; будетъ человѣкъ сто.

23-го Ноября. Третьяго дня парадъ Семеновскаго полка въ манежѣ Инженернаго Замка въ мое дежурство, съ часу до трехъ. Въ четыре обѣдъ во дворцѣ. Часовой у дверей столовой отъ дворцовыхъ гренадеръ упалъ въ обморокъ. Государь самъ подалъ ему первую помощь. Онъ оправился. Вчера визитную карточку графу Каподистріи. Полковникъ Копьевъ. Поступки на Кавказѣ. Вечеръ у А. М. Безобразова. Первые танцы съ пріѣзда. Огромный домъ. Холодныя сѣни. Портретъ Безобразова въ героической позѣ. Все для виду, мало для удобства. Отсутствіе вкуса. Разговоръ въ томъ же родѣ.

25-го Ноября. Вечеръ у г. Воронцова-Дашкова. Знакомство съ г. Лебцельтерномъ и бар. Плессеномъ (если не ошибаюсь), Датскимъ повѣр. въ дѣлахъ,—а свои едва узнаютъ! Долго ли это будетъ? Чтò я имъ дѣлаю? Развѣ то, что въ глаза не лѣзу! Развѣ у меня не довольно пренебреженія, когда удостовѣрюсь въ злонамѣреніи и захочу? Впрочемъ мнѣ точно здѣсь не мѣсто, и времена таковы, что иногда напомнятъ обо мнѣ и, быть можетъ, скоро, моему Государю. На него одного надѣюсь и еще отслужу.

26-го Ноября. Утромъ вчера записку г-фу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову съ приложеніемъ письма ко мнѣ m-me Фитингофъ. Сію минуту былъ у меня г-лъ Дубельтъ съ совершенно удовлетворительнымъ рѣшеніемъ, и на этотъ разъ окончательнымъ, этого запутаннаго дѣла. Вчера же въ часъ къ к. В. В. Долгорукову; засталъ у него Джунковскаго. Занимательный разговоръ.

28-го. Вчера принесли саблю за походъ въ Венгрію, съ вѣжливымъ, быть можетъ насмѣшливымъ привѣтствіемъ военнаго министра. Разводъ въ манежѣ. Въ мое отсутствіе визитъ бар. Лебцельтерна. Вечеръ у к-я Чернышова. Вистъ-преферансъ съ г-ей Разумовской, гр. Киселевымъ и Свистуновымъ. Непріятный игрокъ.

1-го Декабря. Въ Понед. визитъ Лебцельтерну, не засталъ. Въ часъ засѣданіе въ Георгіевской думѣ. Отказъ Волкодаву за отраженіе нападенія на Ольгинское укрѣпленіе. Непріятные сосѣди. Зловредный воздухъ отъ Амосовскихъ печей. Безсонница и нестерпимый зудъ по всему тѣлу. Запасъ книгъ отъ Белизара.

2-го Декабря. Вчера представленія въ Варшаву о кн. Влад. Голицынѣ, Мирбахѣ и Маевскомъ. Вечеромъ Левенштернъ. Самодовольный его разговоръ, отголосокъ общества, въ которомъ живетъ. Кончина вдовствующей королевы Англійской Аделаиды, угрожающая новымъ трауромъ. Вечеръ у г. Воронцовыхъ. Встрѣча съ Хребтовичемъ поутру. Благородные тонъ и наружность. Вистъ-преферансъ съ Сенявинымъ, товар. мин. внут. дѣлъ. Пошлость шумливая. Анрепъ и въ игрѣ безтолковъ и приличенъ. У-овъ и здѣсь ничтоженъ.

5-го. Близокъ Господь къ сокрушеннымъ въ сердцѣ, и смиренныхъ духомъ Онъ спасаетъ. Въ Пятницу Государь, посѣтивъ въ два часа Пажеской корпусъ, распустилъ пажей по домамъ. Въ Пятницу же г-лъ Сакенъ. Черта къ характеру фельдмаршала: также удержанная награда послѣ полученія на нее диплома, какъ со мною на счетъ 1-го Владимира. Братъ Петръ, начальникъ 6-й пѣх. дивизіи, приказомъ назначенъ состоять по корпусу внутренней стражи. Чтò это значитъ? Слово о томъ г-фу Орлову. Онъ ничего не знаетъ.

7-го Декабря. Вчера былъ дежуренъ. Въ 11-ть во дворецъ. Обѣдня и молебенъ въ малой церкви. Baise-main Императрицы. Въ 9-ть приглашенъ на вечеръ къ Императрицѣ. Вельегурской послѣ веселаго обѣда. Г. Шуваловъ чтецомъ на этомъ вечерѣ. Новой романъ Массона. Близъ Императрицы въ пріятномъ разговорѣ, и картина св. Іоаннъ Доминикина восхитительная противъ меня. Скоро вошелъ и Императоръ и послѣ похвалы моему сыну (пріятнѣйшее чтò я услышать могъ) сѣлъ въ вистъ, оставивъ меня одного при Императрицѣ. Чай и ужинъ, къ которымъ возвратились изъ оперы Наслѣдникъ, в. к. Николай и Михаилъ, герцогъ Мекленбургскій, принцы Дармштадскій и Ольденбургскій. Около полуночи все было окончено.

8-го Декабря. Въ первомъ во дворецъ. Смотръ рекрутъ, уже приведенныхъ, былъ отмѣненъ. Еще разъ остановился передъ картиной — взятіе Воли, Горація Вернета; превосходно, но въ

какомъ поставлена свѣтѣ! Визитъ князю П. М. Волконскому,— записался.

Les croyances religieuses font en quelque sorte le centre de gravité des connaissances humaines: quand il s'ébranle, les esprits flottent à l'aventure.

Les idées générales n'ont de valeur qu'à la condition d'aboutir à quelques conclusions pratiques. Au dedans et au dehors, les bons choix caractérisent l'administration. La véritable administration n'est pas seulement dans le bulletin des lois et des ordonnances, elle est surtout dans les administrateurs; elle vaut ce que valent ceux qui l'exercent.

9-го Декабря. Вчера утромъ Клугенау, назначенный начальникомъ 9-й дивизіи. Чернягинъ. Въ семь часовъ взошло галвано-электрическое солнце на башнѣ Адмиралтейства. Толпы народа покрывали площадь и Невской проспектъ, изумляясь новому явленію ума человѣческаго. Это солнце свѣтитъ и не грѣетъ, какъ умъ безъ сердца.—Не поѣхалъ на вечеръ Воронцовыхъ.—Кн. Каплановъ поутру разсказалъ мнѣ о смерти Гирея, Дукая и нѣсколькихъ лучшихъ людей, застуженныхъ и побитыхъ партіею горцевъ между Аксаемъ и кр. Внезапной. Благородная записка Павлова.—Получилъ сегодня высочайшее разрѣшеніе оставить дòма сына Александра до будущаго Августа.

10-го Декабря. Баронъ Корфъ, полк. Генер. Штаба, былъ у меня вчера поутру. Печатается моя Кавказская кампанія 1839-го года, написанная Милютинымъ. Корфъ просилъ моего согласія написать дѣйствія моего отряда въ послѣднюю войну въ Венгріи, получивъ отъ меня письменныя и изустныя свѣдѣнія. Отрѣшеніе г.-л. Глазенапа отъ дивизіи. Визиты Турецкому послу Фуаду-эффендію, не засталъ; Опочинину, Гилленшмиту, также.

12-го Декабря. Поутру полк. Милютинъ читалъ мнѣ манускриптъ, разрѣшенный къ печатанію, кампаніи 1839-го года на Кавказѣ. Вчера присланы вдвойнѣ знаки и грамота на орденъ Леопольда, сегодня возвращаемые. — Разводъ въ манежѣ. Г.-м. Филипсонъ. Занимательныя свѣдѣнія о Кавказѣ и Грузіи. Въ журналѣ Débats отличная рѣчь Монталамберта по поводу акцизной подати на питія. Письмо изъ Варшавы отъ бывшаго адъютанта моего въ Венгерскую войну Сократа Старынкевича, изъ котораго между прочимъ усматриваю, что одно отъ 3-го Ноября, оттуда же отправленное, ко мнѣ не дошло.

13-го Декабря. Вѣрую, что увижу благость Господню на землѣ живыхъ.

Вчера утромъ Пихельштейнъ. Разные обо мнѣ толки, за меня и противъ. Клюки-фонъ-Клугенау. Институтъ Путей Сообщенія, начальникомъ болѣе четырехъ лѣтъ непосѣщаемый. — Нескромность, нелѣпымъ и уничижительнымъ сновидѣніемъ наказанная.— Происшествіе съ фельдмаршаломъ въ Дебречинѣ въ припадкѣ запальчивости.

14-го Декабря. Вчера парадъ, назначенный двумъ баталіонамъ Финляндскаго полка, отмѣненъ. Визитъ г-фу Закревскому, не принялъ. Г-фу Киселеву, засталъ еще слабаго послѣ важнаго припадка болѣзни, одного. Пріятной прежнихъ временъ разговоръ. Подъ конецъ пріѣхалъ г-лъ Бергъ. Новая карта Чечни отчетистая, ясная и четкая. Въ Главномъ Штабѣ, куда я отъ Киселева поѣхалъ съ Бергомъ, онъ показалъ мнѣ карту Швейцаріи Дюфура, какъ настоящую, извѣстную своимъ совершенствомъ, такъ и счерченную по новой системѣ (горы желтой краской); эта послѣдняя гораздо яснѣе. Ту бы я хранилъ какъ дорогую рѣдкость, эту предпочелъ бы для употребленія. Вообще Бергъ на этотъ разъ много въ моихъ глазахъ выигралъ. Замѣчательная статья Шарля Коліона, Les travaux publics en France; многое можно изъ нея заимствовать и другимъ. Въ восемь къ М. Н. Муравьеву. Засталъ больнаго послѣ пароксизма лихорадки и ее, грустную и замѣтно похудѣвшую. — Сегодня роковой день и годовщина начала царствованія Императора. Въ испытаніяхъ познается человѣкъ и возвышается духомъ. Иначе онъ сперва загадка, а потомъ даже и этимъ перестаетъ быть.

Суди меня, Боже, и вступись въ мое дѣло съ народомъ недобрымъ! Отъ человѣка лукаваго и беззаконнаго избавь меня! Ибо ты Богъ крѣпости моея, по что Ты отринулъ меня? По что я хожу мраченъ отъ оскорбленій врага?

17-го Декабря. Принялъ Ховена, Гродненскаго военнаго губернатора. Похвала поведенію жителей этой губерніи. Его мнѣніе, что въ строгости и преслѣдованіи во времена М. Н. Муравьева не было нужды.—Вечеръ у Мельниковыхъ. Билліардъ. Эксъ-шталмейстеръ Беклемишевъ съ женою. Какъ странно общественныя условія сводятъ и связываютъ натуры вовсе противоположныя! Она, замѣчательная красавица, красоты благородной и тонкой,

съ образованіемъ достойнымъ хорошаго общества, съ большимъ состояніемъ, дочь весьма богатаго въ Москвѣ купца Алексѣева; она могла бы кажется выбрать. А мужъ! Онъ между мужиками показался бы мужиковатымъ, какъ наружностію, такъ и голосомъ и умомъ. Къ тому ни имени, ни состоянія, ни значенія. Тутъ опять была какая нибудь тайная семейная драма.

20-го Декабря. Поутру Писаревской изъ Варшавы. Любопытныя подробности поступковъ ф-ла ненавистью ко мнѣ внушенныхъ.—Отдалъ журналъ Венгерскаго похода для пополненія.—Потомъ Корфъ. Ему отданъ рескриптъ Австрійскаго императора при орденѣ Леопольда мнѣ присланный для перевода и напечатанія, уступая его просьбѣ.

22-го Декабря. Обѣдъ дома съ Алекс. Фокомъ. Потомъ въ оперу Донъ-Жуанъ. Это Иліада въ музыкѣ. Никто не превзойдетъ тебя, Моцартъ, и время какъ Гомера не сотретъ тебя изъ памяти людей. Театръ былъ совершенно полонъ. Тамбурини слишкомъ созрѣлъ, толстъ для роли Донъ-Жуана и одѣтъ неудачно, какъ герой балагана. За то Маріо, Гризи, Фрецолини, Корбари прекрасны. Государь и Императрица были въ театрѣ. Сегодня я дежуренъ.

23-го Декабря. Поутру вчера Али-султанъ и князь Каплановъ. Сплетни въ гвар. горскомъ эскадронѣ.—Князь В. Голицынъ. Адъют. Краснокутской привезъ мнѣ изъ Бухареста отъ господаря Стирбея письмо и богатой янтарной мундштукъ съ бриліантами.

Исполненіе приговора въ 11-ть часовъ надъ подсудимыми за государственную измѣну (*). Смертные приговоры замѣнены въ разной мѣрѣ другими наказаніями.

28-го Декабря. Посѣтили въ эти дни Броневской и князь Барятинскій съ Кавказа, передъ которымъ открытъ широкой путь къ почестямъ, по положенію и честолюбію; оба брата находятъ во мнѣ сходство съ ихъ покойнымъ отцомъ к. Иваномъ Иван. Изъ первыхъ выѣздовъ къ нему, по приглашенію посмотрѣть статую работы Торвалдсена, изображающую мать его, въ молодыя лѣта. Я зналъ ее до замужества, гр-ю Келлеръ, красоты необыкновенной. И онъ разочарованъ на счетъ своего преждевременно-прословутаго въ томъ краѣ начальника. Имѣлъ бы съ нимъ, т.-е Ба-

(*) Петрашевскій и его сообщники. *Б. П.*

рятинскимъ много поговорить. Тутъ есть жизнь, сила и порывъ. Посмотримъ!

Въ эти дни смерть похитила почти внезапно одного изъ немногихъ, истинную пріязнь мнѣ оказавшихъ, Павла Дегая, статсъ-секретаря. Однимъ пріятельскимъ домомъ менѣе. Онъ оставилъ большое, малолѣтное семейство, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ.

Сегодня, во дворцѣ церемонія крещенія новорожденнаго великаго князя Сергѣя Максимиліановича.

31-го Декабря. Вчера ѣздилъ къ г.-м. князю Барятинскому. Художественная отдѣлка его покоевъ. Восточная баня. Статуя, рѣзца Торвалдсена, матери князя, во весь ростъ, превосходной работы; Рауха бюсты Императора и Императрицы. Портреты ихъ. Вас. Ал. Перовскій. Леченіе по системѣ Шрота, жаждой. Разсказъ князя Барятинскаго, подтвержденный Перовскимъ, собственнымъ обоихъ опытомъ.

1850-й годъ.

3-го Января. Въ день Новаго Года былъ малый выходъ. Вопросъ Императрицы. Разрѣшеніе Наслѣдницы сыномъ Алексѣемъ. Въ половинѣ четвертаго съѣздъ во дворецъ въ малую церковь на молебенъ по этому случаю. Вообще встрѣчаю этотъ годъ съ какою-то безнадежностью, усталостію нравственною и физическою; краски съ картины жизни будто поблекли, постерлись. Не пора ли на отдыхъ не приготовленный, несмотря на усердіе и нѣкоторые еще свѣжіе успѣхи, забытіемъ награжденные?

8-го Января. Сегодня дежуренъ. Разводъ безъ церемоніи очень кстати. Знакомство, 6-го, съ Фуадъ-эффенди. Лицо, выражающее тонкость и пріятное. Выходъ Государя прекратилъ начатой разговоръ. — La marine et l'enquête parlementaire, замѣчательная статья въ Revue des deux mondes, изъ которой можно извлечь всякому правила для осторожнаго сужденія подобныхъ предметовъ у другихъ и у себя. 6-го же возобновилъ знакомство съ г-ней Келлеръ, урожд. Ризничъ. Какъ рано увяла красавица, которою такъ недавно еще любовались въ Кіевѣ!

11-го Января. Рано вчера полк. Висковатовъ. Біографія Барклая-де-Толли, которою онъ занятъ; также графа Кутайсова. Позволеніе воспользоваться моими воспоминаніями. Гр. Ридигеръ.

черты изъ его отношеній къ фельдмаршалу. Затруднительное положеніе его. Искреннее въ немъ участіе, несмотря на прошедшія сплетни. Потомъ г.-а. Мейндорфъ. Пріятной съ нимъ разговоръ. Похвальное слово мужа своей женѣ, истинно того достойной. Благородная чета.

14-го Января. Сегодня въ 12-ть въ засѣданіи Георгіевской Думы. Георгія 4-й степ. полковнику Слѣпцову единогласно. Хорошо написанное о немъ представленіе князя Воронцова.—Общій голосъ, что мнѣ данъ 4-й корпусъ. Вопросы мнѣ объ этомъ.

18-го Января. Прочелъ записки графа Толя. Строгой истинѣ, съ которою онѣ написаны, много вредитъ и болѣе повредитъ въ послѣдствіи странное неискусство изложенія. Когда для современныхъ происшествій и лицъ наступитъ періодъ исторіи, этотъ матеріалъ, вѣроятно подкрѣпленной многими другими, изумитъ всѣхъ основывающихъ свои сужденія на одномъ успѣхѣ. Они съ трудомъ повѣрятъ и будутъ недоумѣвать, какъ согласить такую степень неспособности съ послѣдствіями столь выгодными и рѣшительными. Немногіе поймутъ, какія великія преимущества имѣетъ прочно устроенная армія, даже въ рукахъ человѣка неискуснаго, противъ войскъ каковы Персидскія всегда, Турецкія въ Азіи, революціонныя, какова была Польская во второмъ періодѣ войны, послѣ битвы Остроленской, и Венгерская въ послѣдніе мѣсяцы войны, та и другая нравственно и матеріально истощенныя предшествовавшими усиліями. — На дняхъ былъ у меня Иркутской комендантъ г.-м. Канибилоцкой. Любопытныя свѣдѣнія о семъ краѣ, такъ мало еще извѣстномъ. Вниманіе вновь возбужденное на рѣку Амуръ. Н. Н. Муравьевъ ген.-губ. Восточной Сибири.

19-го Января. Вчера въ половинѣ шестаго на обѣдъ къ Австрійскому министру гр. Буолю. Гр. П. П. Паленъ, гр. Киселевъ, Бутурлинъ изъ военныхъ, Мейендорфъ Берлинской, Нидерландскій баронъ Моллерусъ, Саксонскій г. Зеебахъ, всего 12-ть человѣкъ. Неумѣстное правдолюбіе, опять могущее имѣть вредные отголоски. — Сегодня поутру арт. кап. Пушкинъ изъ Варшавы. Вѣсти оттуда, какъ и всегда, непріятныя. Полк. Давыдовъ, адъютантъ кн. Воронцова, Николай Кочубей и при нихъ баронъ Ливенъ. Оставшись наединѣ съ послѣднимъ, занимательной разговоръ съ этимъ умнымъ, свѣдующимъ и благороднымъ генераломъ наиболѣе о послѣдней войнѣ. Важное порученіе, данное въ по-

слѣднемъ ея періодѣ флигель-адъютанту Герштенцвейгу, оказавшееся по неожиданному окончанію дѣйствій ненужнымъ.

Вчера, во время страшной съ морозомъ вьюги Государь Наслѣдникъ съ бар. Ливеномъ и другими былъ на охотѣ на медвѣдя, и самъ выстрѣломъ въ 20-ти шагахъ убилъ его. Въ лѣсу мятель была незамѣтна.

У статсъ-секретаря Гофмана посидѣлъ. Подробности о Лизѣ Хелмской, директрисѣ Харьковскаго института. Едва-ли она сохранитъ свое мѣсто по неуживчивости, невоздержимой пылкости и неровности обращенія.

Окончилъ Алжирію полк. Богдановича. Это заставило меня короче познакомиться съ картою, впрочемъ весьма неполною, даже недостаточною для общаго, поверхностнаго обзора. Слогъ вообще хорошъ; есть однако промахи, которыхъ не трудно было бы избѣжать. Но книга полезная и пріятно читается. Разсказъ о взятіи герцогомъ Омальскимъ Смалы Абдель-Кадера удаченъ и увлекателенъ.

И гостепріимной домъ графа Воронцова-Дашкова закрылся по случаю кончины вчерашній день тетки его княгини Голицыной Nocturne. Вечера въ этомъ домѣ по Четвергамъ были самые для меня пріятные въ недѣлѣ.

22-го Января. Сегодня рано заѣхалъ проститься графъ Ридигеръ и засталъ меня въ халатѣ за письмомъ въ деревню. Онъ получилъ вслѣдствіе письма чего просилъ; но невыгодное впечатлѣніе оставило въ немъ пребываніе въ Петербургѣ, хотя короткое и быть можетъ отъ того что короткое.

Баронъ Сакенъ назначенъ начальникомъ 4-го корпуса, г.-л. Оффенбергъ на мѣсто Сакена. Все это быть можетъ для меня полезнѣе: опасно было-бы для меня командованіе подъ начальствомъ человѣка такой мелкой и мстительной души. Отзывы о г.-л. Зассѣ.

23-го Января. Вчера церемонія крещенія новорожденнаго Алексѣя Александровича. Въ три часа большой обѣдъ.

31-го Января. Назначеніе Ильи Бибикова ген.-губ. въ Литовскія губерніи, Шихматова министромъ просвѣщенія. Письмо Берлинскаго корреспондента. Будетъ много болтовни. Войны въ этомъ году не будетъ.

3-го Февраля. Вчера къ М. Н. Муравьеву. Послѣ осьминедѣльной болѣзни ему лучше.

Между тѣмъ 300 пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости воз-

вѣстили о благополучномъ разрѣшеніи Александры Іосифовны Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ.

Сегодня принялъ г.-м. Ковалевскаго, незнакомаго мнѣ, прибывшаго съ Кавказа, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ былъ начальникомъ праваго фланга на Лабѣ.

Въ половинѣ перваго во дворецъ на молебенъ.

7-го Февраля. Въ Субботу былъ на обѣдѣ у Булгарина, по случаю двадцати-пятилѣтія существованія «Сѣверной Пчелы», издаваемой съ самаго начала и донынѣ обще съ Н. И. Гречемъ. Удачная рѣчь послѣдняго при тостѣ. Съ семействомъ хозяина было человѣкъ тридцать; при этомъ кромѣ издателей С. П. ни одного литератора; грустное замѣчаніе, которымъ мы встрѣтились съ Гречемъ, вспомнивъ подобные обѣды въ нашей молодости, гдѣ за однимъ столомъ мы видывали Гнѣдича, Козлова, Тургеневыхъ, Блудова, Дашкова, Крылова и другихъ. Это почти некрологъ. Пушкинъ былъ еще въ лицеѣ

Хорошо поютъ братья Мальчугины. Отправилъ въ канцелярію воен. министра свой автографъ, котораго просило, чрезъ Австрійскаго посланника гр. Буоля, Инспрукское общество Radetzcy-Verein, для издаваемаго имъ альбома, съ припиской: J'inscris avec plaisir mon nom, à la demande d'une association, qui porte le nom glorieux du héros d' Italie.

Вчера послѣ утренней прогулки на обѣдъ къ кн. В. В. Долгорукову. Дружеской и разнообразной разговоръ доставилъ разсѣяніе и успокоеніе. Вечеръ заключилъ у Мельниковыхъ.

Прочиталъ взятой вчера у бар. Левенштерна Австрійской Militär-Kalender, въ которомъ нашелъ занимательной перечень войны въ Венгріи 48 и 49-го годовъ, въ духѣ умѣренномъ и примирительномъ написанной. Полк. Висковатовъ провелъ у меня часа два. Онъ приносилъ мнѣ корректурные листы біографіи Барклая-де-Толли, прекрасно имъ написанной. Также два письма этого знаменитаго мужа, написанныя изъ деревни къ г. Майеру, послѣ оставленія имъ арміи въ 1812-мъ году, содержанія трогательнаго, въ которыхъ наконецъ глубоко выражаются затаенныя до того негодованіе и горесть за неблагодарность и непризнаніе народомъ оказанныхъ имъ безсмертныхъ заслугъ. Не предугадывалъ удрученной тогда тяжкою скорбію добродѣтельной мужъ, что ровно чрезъ годъ послѣ уничижившей его въ Царево-Зай-

мищѣ смѣны другимъ главнокомандующимъ, ожидаютъ его слава и общее уваженіе на поляхъ Кульма и доставятъ ему высшую военную награду 1-го Георгія. Замѣчательно и свойственно природѣ человѣческой, что Барклай-де-Толли, вызванной въ концѣ 12-го года ободрительнымъ письмомъ Александра, изъ деревни въ Петербургъ, гдѣ онъ не засталъ уже Государя (выѣхавшаго передъ тѣмъ въ Вильну) и поѣхавъ во дворецъ по случаю выхода, былъ такъ огорченъ холодностію и видимымъ отчужденіемъ отъ него придворныхъ, что, не смотря на привѣтливой и полной къ нему вниманія пріемъ и разговоръ императрицы Елисаветы Алексѣевны, онъ слегъ больной на нѣсколько дней въ постель, онъ, съ такою твердостію и безстрастіемъ перенесшій несправедливость и оскорбительныя подозрѣнія арміи и народа. Это была капля переполнившая чашу, le coup de pied de l'âne.

Висковатовъ очень занимателенъ. Сегодня же кончилъ 9-й томъ Consulat et l' Empire Tiepa. Прекрасно!

10-го Февраля. Вчера утромъ визиты сен. Сотникову, не засталъ; гр. П. П. Палену, посидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ. Обѣдалъ у в. к. Елены Павловны, съ нимъ же, г-мъ Безакомъ и бар. Николаи. Вечеръ заключилъ въ циркѣ, гдѣ представляли штурмъ Ахты. Государь, Наслѣдникъ и молодые великіе князья въ своей ложѣ. Но ничто не можетъ разсѣять и заглушить безпокойства отъ неполученія извѣстій изъ дому.

Вчера секретарь Австрійскаго посольства Кипріани принесъ мнѣ письмо отъ полк. бар. Габленца изъ Клаузенбурга въ Трансильваніи отъ 21-го Января, прекрасное.

16-го Февраля. Смотръ въ манежѣ офицерамъ и унтеръофицерамъ кавалергардскаго и конно-гвардейскаго полковъ. Успѣхъ послѣднихъ. Сумароковъ. Дѣятельность тайныхъ обществъ въ западной Европѣ на возбужденіе противъ правительствъ. Многіе ли знаютъ чего хотятъ и куда они ведутъ толпу? Ясно понимаютъ это одни изступленные, преступные противъ законовъ народныхъ, бездомные лѣнтяи. Имъ нужны безначаліе и хаосъ.

17-го Февраля. Сегодня дежуренъ. Г.-м. Ковалевской, правой флангъ Кавказа. Вліяніе Шамиля усиливается и тамъ. Опасеніе въ случаѣ появленія личнаго въ этомъ краѣ и возможность вліянія Англіи на дѣла его. Антрацитъ, доставляемой изъ Хумары на Кубани, по трудности сообщенія и быть можетъ отъ моно-

поліи еще въ дорогой цѣнѣ на рынкѣ Ставропольскомъ, мало чѣмъ уступающей Донскому. Новые и обширные пласты на Зеленчукѣ, въ гораздо выгоднѣйшихъ противъ Хумары условіяхъ разработки и доставки, до свѣдѣнія таможняго начальства будто не дошедшіе. Невѣроятно!

21-го Февраля. Въ Воскресенье парадъ; неудача Преображенскаго баталіона. Приглашенія съ дѣтьми къ Булгарину и къ Тарновскимъ. Поѣхали къ послѣднимъ. Порча дороги отъ оттепели даже до опасности. Г.-м. Тучковъ, Веригины. Николай Кочубей пріѣзжалъ проститься; онъ уѣзжалъ въ Кіевъ. Предсказаніе о посольствѣ въ Константинополь.

23-го Февраля. Le Conseiller du Peuple, журналъ Ламартина, чтò бы ни говорили и ни писали противъ него, возстановилъ его въ моихъ глазахъ, какъ человѣка и даже какъ писателя. Въ настоящемъ положеніи Франціи, какъ республики, это языкъ и совѣты честнаго республиканца, указывающаго пути, которые слѣдуетъ избрать и какихъ избѣгать, языкомъ яснымъ для всѣхъ умовъ, не нисходя до пошлости. Когда наступитъ для него день безпристрастнаго суда, эти совѣты даровитаго мужа, въ поступкахъ политическихъ быть можетъ погрѣшившаго, приложатъ значительную тяжесть для склоненія вѣсовъ въ его пользу. И кто въ головокружительной день Февральскаго переворота сохранилъ все свое хладнокровіе и похвастаетъ, что не сказалъ лишняго слова или не сдѣлалъ поступка необдуманнаго? Развѣ тотъ, кто оставался въ робкомъ бездѣйствіи.

27-го Февраля. 23-го балъ маскарадъ Allegri въ пользу инвалидовъ, въ которомъ я получилъ свою прежнюю роль стража при выставкѣ вещей съ Гербелемъ. Шутки Государя при этомъ случаѣ. Умная маска. 24-го въ часъ парадъ наличнымъ въ столицѣ войскамъ. Знакомство съ Французскимъ посланникомъ Кастель-Бажакъ.

9-го Марта. Въ прошедшіе дни много сидѣлъ дома. Далъ ходъ накопившимся и отложеннымъ дѣламъ. Сыновья провели со мной послѣдніе дни масленицы, съ Четверга до вечера Воскресенья. Разговоръ поучительной для нихъ съ Н. И. Гречемъ. Разбойничьи дѣйствія Англіи въ Греціи. Замѣчательная нота нашего кабинета Англійскому по этому поводу; слухи почти вѣрные объ отмѣнѣ приказанія нашимъ войскамъ выступить изъ княжествъ и

будто отрядъ ихъ вступилъ въ Трансильванію. Эрфуртской сеймъ вчера долженъ былъ открыть свои засѣданія.

Во Вторникъ навѣстилъ больнаго М. Н. Муравьева. Полк. Гофманъ, извѣстный своими путешествіями въ Уральскихъ горахъ, отправляется опять туда для новыхъ изысканій и опредѣленія астрономически нѣсколькихъ точекъ. Муравьевъ избранъ вмѣсто адмирала Литке вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества и безъ сомнѣнія придастъ дѣятельности его систематическое и живое направленіе. Нашелъ у него Надеждина и познакомился. Встрѣтился съ нимъ мнѣніемъ, что большое твореніе Берлинскаго ученаго географа слѣдуетъ не переводить на Русской языкъ, какъ было приступлено, но сущность его обработать сжато, дополнивъ текстъ новѣйшими свѣдѣніями, особенно въ Азіи.

10-го Марта. Обѣдъ у Зыбиныхъ съ Рибопьеромъ. Разговоръ послѣ обѣда представилъ мнѣ образецъ тонкаго, ловкаго и блестящаго царедворца. Наружность его совершенно соотвѣтствуетъ щеголеватому слову.

18-го Апрѣля. Мѣсяцъ прошелъ какъ я не открывалъ этой книги. Въ продолженіе его сынъ Михаилъ былъ при смерти, внезапно захваченный болѣзнію въ корпусѣ; получивъ облегченіе, еще слабой привезенъ ко мнѣ, оправился и вчера возвращенъ здоровой въ корпусъ. Въ дни опасности Государь посылалъ, иногда по нѣскольку разъ, провѣдывать о немъ и докладывать записками. На мнѣ лежала грусть; я отказался отъ общества, и усильныя прогулки, наиболѣе по дворцовой набережной пѣшкомъ, сохранили мое здоровье и по временамъ возбуждали упадшій духъ. Много прочтено въ продолженіе этого времени; много ли осталось, не знаю. Маколея исторія послѣдней революціи въ Англіи оставила глубокое впечатлѣніе. Картины вѣка, Гуцкова, замѣчательны. Виллисена походы Радецкаго въ Италіи поучительны. Милютинъ написалъ и напечаталъ описаніе моего похода въ Дагестанъ въ 1839. Статья и выписки изъ него въ Сѣверной Пчелѣ.

Фельдмаршалъ пріѣзжалъ и уѣхалъ въ этомъ промежуткѣ времени изъ Петербурга. Представленіе ему по высоч. повелѣнію. Замѣчаніе лестное для меня Государя по этому случаю, переданное мнѣ черезъ часъ потомъ гр. А. Ѳ. Орловымъ.

19-го Апрѣля. На дняхъ съ адмираломъ кн. Меншиковымъ несчастной случай: онъ упалъ въ манежѣ съ лошади, при чемъ переломилъ ребро.

24-го Апрѣля. Вотъ и еще одна для меня Святая Недѣля. Церемонія ночнаго бдѣнія во дворцѣ. Императрица не присутствовала. Два генер. отъ инфантеріи по учебной части. Недавно еще у Н. И. Греча умеръ братъ, достойной и честной человѣкъ, второй комендантъ Петербурга, и на дняхъ получено извѣстіе о смерти его послѣдняго сына, на морѣ на Англійскомъ пароходѣ. Точно, бѣда не приходитъ одна. Вчера былъ парадъ кавалергардамъ; было ясно, но холодной вѣтеръ. Теперь проливной дождь съ градомъ. Встрѣча съ Лидерсомъ. Выгодное и хорошо поддержанное его положеніе.

1-го Мая. Вчера большой парадъ гвардіи. Прекрасная погода. Въ Субб., возвратясь за полночь съ раута г-ни Разумовской, нашелъ дома отвѣтъ дежур. г-ла на докладную записку объ отпускѣ. Позволеніе дано съ удержаніемъ изъ моего содержанія квартирныхъ денегъ.

2-го Мая. Письмо деж. г-лу по поводу удержанія части моего содержанія. Личное съ нимъ объясненіе на парадѣ для доведенія выше. Бюрократической порядокъ.

3-го Мая. Вслѣдствіе моего письма, отозвавшагося раздраженіемъ, удержанное содержаніе мнѣ возвращено. Во время парада сближеніе съ Блумфильдомъ, Англійскимъ посланникомъ. Вчера удержанъ былъ въ креслахъ посѣщеніемъ Писаревскаго, Стефани, потомъ Норденстама, губернатора Нюляндскаго до 5-ти часовъ съ 11-ти.—Конгрессъ 26-ти владѣтельныхъ князей въ Берлинѣ. Много-ли ихъ пріѣдетъ? Приглашеніе Австріи на сеймъ въ Франкфуртъ на основаніи трактатовъ 1815-го года. Пересмотръ избирательнаго закона во Франціи.

4-го Мая. Теперь первая въ году гроза гремитъ надъ городомъ. Дождь засталъ меня въ Лѣтнемъ саду. Встрѣча и нѣсколько словъ съ красавицей г-ей Пушкиной. Кн. Чернышовъ съ дочерью успѣлъ во время сѣсть въ карету. Привѣтствія незнакомыхъ дѣтей, угадывающихъ, кто ихъ любитъ. Изъ саду къ А. В. Кочубею, не засталъ. Растлительной вѣтеръ свѣта свѣялъ съ юношескаго цвѣтка, нѣжно взлелѣяннаго и прекраснаго, первой прелестной пухъ счастливаго отрочества. Въ послѣднее время было нѣсколько тому признаковъ въ словахъ и поступкахъ. Чтò найду дома? Дѣти будутъ рады; мать болѣе огорчена будетъ отсутствіемъ одного, чѣмъ обрадована видѣть насъ обоихъ. Эта мысль притупля-

етъ и во мнѣ то чувство, съ которымъ я всегда выѣзжалъ для свиданія съ семействомъ и къ тихой жизни въ покойной и пріятной моей Полтавской усадьбѣ. Кромѣ того все помрачено вѣроятно уже послѣднимъ разсчетомъ моей служебной жизни. Итогъ далеко не удовлетворителенъ. По моей или чужой винѣ? Вопросъ, рѣшеніе котораго не мнѣ принадлежитъ. За то и окончательная развязка какъ этого, такъ и всѣхъ возможныхъ вопросовъ не можетъ быть удалена,—мысль иногда грустная, гораздо чаще утѣшительная.

5-го Мая. Вчера обѣдъ у гр. Киселева. Разговоръ занимательной, особенно съ Ливеномъ. Поведеніе Англіи въ Греціи, въ отвѣтъ на угрозительную ноту нашего кабинета. Безсиліе посредничества Франціи. Все это ведетъ къ новой попыткѣ рѣшенія Восточнаго вопроса, волею или неволею, путемъ Провидѣнія. Разногласіе, весьма естественное, на счетъ плана и средствъ въ случаѣ войны съ Турціей. Хозяина не признаю призваннымъ къ рѣшенію плана чисто-военныхъ дѣйствій; скорѣе можно отъ него ожидать полезныхъ указаній по военно-хозяйственнымъ предметамъ, всегда и вездѣ, особливо на Востокѣ, важнымъ.

23-го Мая, Вторникъ. Тимчиха. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ тревогъ жизни столичной, дипломатической борьбы на Босфорѣ и похода въ Венгрію, пробудившихъ зависть и пріязнь, менѣе чѣмъ умѣренно, почти одною разногласною молвою вознагражденныхъ, наконецъ я опять отдыхаю въ тѣни своего тихаго пріюта, среди семейства счастливо и красиво цвѣтущаго, и безпечно услаждаюсь ласками неба, воздуха, воды и зелени, если не на деревьяхъ, коихъ листья объѣдены хрущами и гусеницей, то на коврахъ, которыми богато покрыта земля.

Un peuple qui aime son passé est digne d'avoir un avenir. Cette force secrète des moeurs, cet amour du passé, c'est à dire ce sentiment de la vie traditionnelle et réelle, dont un peuple ne se dessaisit pas et qu'il retrouve en lui à l'issue des révolutions, est comme l'ancre invincible sur laquelle il s'appuie pour réparer ses désastres avant de reprendre le cours mystérieux de ses destinées.

Gouverner—c'est choisir, a dit Louis XIV.

27-го Мая. 12-го, наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, вел. к-ня Елена Павловна пригласила меня къ 9-ти ч. вечера. Когда я пріѣхалъ, она еще не возвращалась съ прогулки; въ исходѣ 10-го она пріѣхала и приняла меня. Занимательной разговоръ на-

единѣ до исхода перваго часа. Подробности Венгерской кампаніи. Разочарованіе на счетъ фельдмаршала. Затрудненія въ будущемъ. Мое посольство въ Константинополь. Успѣхъ его, хотя согласной съ видами канцлера, непріятенъ ему, принадлежа лицу не его вѣдомства и не его выбора. Это отозвалось въ наградѣ и выс. рескриптѣ, еще болѣе по поводу послѣднихъ событій въ Греціи: мое имя было произнесено въ первыя минуты негодованія, возбужденнаго поступками Англіи, но отклонено подъ смѣшнымъ предлогомъ. Впрочемъ не жалѣю о томъ, ибо не вижу, что̀ на этотъ разъ возможно было сдѣлать, по крайней мѣрѣ, въ первое время. Протестовать противъ этого новаго акта наглаго употребленія права сильнаго, принять это къ соображенію въ будущихъ столкновеніяхъ общихъ интересовъ и особенныхъ съ Англіей: на что̀ либо болѣе мы не готовы, и причинъ для приступа къ чему нибудь рѣшительному недостаточно.

29-го Мая. Pline avait pour maxime, que la seule ambition convenable à un honnête homme c'était ou de faire des choses dignes d'être écrites, ou d'écrire des choses dignes d'être lues.

Il allait à visage découvert à l'immortalité. Il ne courait à la gloire que par les pas de la vertu.

S'il brigua les louanges, il prit soin de les mériter.

Ободреніе къ жизни и общественной дѣятельности, пробужденное чтеніемъ Младшаго Плинія. Признаюсь, что на высшихъ правительственныхъ ступеняхъ въ Петербургѣ, какъ и въ арміи, люди показались мнѣ менѣе чѣмъ когда либо соотвѣтствующими высокимъ обязанностямъ управленія такою Имперіею какова Россія и въ такое время каково нынѣшнее, особливо предстоящее: въ арміи неспособность господствуетъ. Исключенія есть, но рѣдко. По совѣсти искренно желаю, чтобы это сужденіе было ошибочно. Не есть ли это знаменіе, по волѣ Провидѣнія, предшествующее роковымъ происшествіямъ? Посредственность приготовляетъ и ведетъ къ нимъ безсознательно.

Мысль въ бесѣдѣ съ В. К-ей, брошенная ей на удачу для повторенія, о попыткѣ осуществить противъ Англіи континентальную систему, не силой и не такъ несвоевременно какъ поступилъ Наполеонъ, а коалиціей всѣхъ оскорбленныхъ насильствами Англійскаго правительства земель: подвигъ достойной новаго Оксенштирны на конгрессѣ Европы.

Въ памяти послѣднихъ дней пребыванія въ Петербургѣ, какъ, въ ожиданіи доклада обо мнѣ в. кн. Маріи Николаевнѣ, въ перистилѣ дворца ея, я любовался на сладострастную статую пробужденія Флоры.

1-го Іюня. Перечитываю на досугѣ, хотя среди семейства, но на досугѣ невольномъ, письма Младшаго Плинія, это благородное и краснорѣчивое выраженіе жизни занятой, полной, посвященной безпрерывно, во времена счастливыя пользѣ общей, въ несчастныя защитѣ друзей нерѣдко опасной, во всѣ времена усовершеніемъ природныхъ и пріобрѣтенныхъ дарованій и свойствъ душевныхъ; перечитываю ихъ уже на порогѣ старости, въ наступившую пору отчета передъ Богомъ, свѣтомъ и собою. Неудержимо возстаетъ въ душѣ упрекъ, сколько, не говорю дней, сколько годовъ протекли безъ твердой цѣли, безъ образовательной надъ собою работы. Хотя употребленіе на службу отечеству не отъ насъ зависитъ, или не отъ насъ однихъ, но безпрерывное къ ней приготовленіе занятіями, расширяющими разумъ и возвышающими душу, принадлежитъ самимъ намъ. Если вызванъ на дѣло, оно найдетъ тебя готовымъ; оставленный безъ него, успокоишься въ совѣсти, что былъ его достоинъ. Хорошее оружіе не утратитъ своей цѣны отъ того, что не встрѣтило умѣющаго владѣть имъ. Знатоки и безъ того отдадутъ ему справедливость.

4-го Іюня. 10 (22)-го Мая, выстрѣломъ изъ пистолета раненъ пулею въ руку король Прусской. Преступникъ схваченъ.

7-го Іюня. On dit qu'il y a du vin pour tous les palais, pour les plus rudes comme pour les plus délicats; il y a de la calomnie aussi pour toutes les intelligences, pour les plus grossieres comme pour les plus fines.

15-го Іюня. Жары продолжаются: въ цѣлой мѣсяцъ были два дождя, не прибившіе даже пыли. Какъ хозяинъ, замѣчу, что не будетъ ни овса, ни гречихи, ни табаку и мало сѣна; какъ гость, наслаждаюсь утренней и вечерней прохладой, свѣжестью моего кабинета въ самые знойные часы, купаньемъ, тѣнью, случайнымъ перелетнымъ вѣтромъ, общей тишиной подобныхъ дней, великолѣпіемъ неба днемъ и ночью, солнцемъ и луной, полный шаръ которой почти ослѣпителенъ.

23-го Іюня. Продолжаю предаваться нѣгѣ лѣтней жизни въ деревнѣ, не безъ примѣси заботы о предстоящихъ издержкахъ,

обыкновенныя средства далеко превышающихъ. На дняхъ пріѣзжалъ къ намъ старикъ Якубовичъ, могучая натура тѣломъ и головой, не нашедшая толковаго себѣ употребленія. Ему за девяносто лѣтъ. Онъ Роменской предводитель дворянства и продолжаетъ съ живостью молодаго человѣка принимать къ сердцу разные вопросы по его званію,—съ осторожностію прибавлю, можетъ быть ошибаясь: не по любви къ добру, но чтобы настоять на своемъ противъ нелюбимаго имъ мѣстнаго и всякаго начальства и по привычкѣ плыть противъ теченія.

Грустное чувство оставляетъ чтеніе твореній Карла Нодье, этого біографа характеровъ первой революціи, консульства и имперіи, особливо послѣднихъ, гдѣ столько растрачено энергіи съ цѣлію остановить неодолимое шествіе побѣдной колесницы Наполеона, во время его славы и всемірнаго изумленія. Для этого нужны были не только единодушныя усилія владыкъ и народовъ Европы, но и собственныя ошибки завоевателя, ослѣпленнаго своей неслыханной судьбой.

Якубовичева, урожденная Тарновская, съ дочерью также навѣстила насъ. Страшны разсказы ея и другихъ сосѣдей о семейномъ бытѣ разныхъ общихъ нашихъ знакомыхъ и даже собственномъ ея семействѣ. Увѣренъ, что грубая праздность и какая-то сосредоточенная въ уединеніи бездѣліемъ, завистью и разными страстями взаимная злоба многое прибавляетъ къ немногой истинѣ. Боало по моему еще мягко выразилъ впечатлѣніе, празднымъ невѣжествомъ производимое: Je ne connais pas de fatigue plus rude que l'ennuyeux loisir d'un homme sans étude. Это доходитъ до отвращенія.

23-го Іюня. Продолжаю безвыѣздно оставаться дома; съ душевной отрадой, безъ скуки и каждый день находя новую пріятность въ избранномъ и устроенномъ мною пріютѣ. Читаю однако мало, пишу еще рѣже. Хожу много, въ разные часы дня, купаюсь, ѣзжу верхомъ съ двумя сыновьями, иногда съ Ольгой; безъ напряженія оглядываюсь и обсуживаю прошедшее, иногда и настоящее мое и семьи моей положеніе. Съ удовольствіемъ принимаю упреки въ слишкомъ безропотномъ будто бы перенесеніи невниманія къ моимъ дѣйствіямъ по службѣ. Это лучше самохваленія, неизбѣжнаго при желаніи доказать свои права. И гдѣ мѣрило для послѣднихъ при безпримѣрномъ расточеніи наградъ,

слѣпо падающихъ столько же или еще болѣе на недостойныхъ, какъ и на заслужившихъ? Сомнѣваюсь, чтобы цинизмъ въ этомъ родѣ когда либо у насъ доходилъ до такой степени.

21-го Сентября. С.-Петербургъ. Цѣлый мѣсяцъ не имѣлъ я духу приняться за перо. Въ продолженіе этого времени сцены часто перемѣнялись. Выѣздъ изъ деревни съ грустными чувствами о положеніи семейства, непріятная съ сыномъ Михаиломъ дорога по Бѣлорусскому тракту, пески, истощенныя лошади, задержки на станціяхъ отъ большаго разгона; девять дней прошли вмѣсто шести до Петербурга въ дорогѣ день и ночь. На Средней Рогаткѣ подали мнѣ письмо отъ сына Николая, что нанятая для меня квартира еще не готова, кавалергарды еще стоятъ въ Новой Деревнѣ, а онъ на дачѣ Депрерадовича на Черной Рѣчкѣ, гдѣ приготовлены для меня комнаты. Свиданіе съ нимъ и дачная жизнь разсѣяли на нѣсколько дней грустное расположеніе духа. Я пріѣхалъ 1-го Сентября; 5-го, на праздникѣ кавалергардовъ, для котораго дворъ пріѣзжалъ въ Елагинской дворецъ, я рѣшился безъ предварительнаго представленія явиться. Государь и Императрица приняли это благосклонно. Цѣлый день проведенъ во дворцѣ на обѣдѣ и вечернемъ праздникѣ. Въ слѣдующіе дни были пріятныя прогулки на лодкѣ, пѣшкомъ, верхомъ. Визитъ и обѣдъ у графини Орловой, у Зыбиныхъ. 16-го кавалергарды вступили въ городскія казармы, я съ сыномъ на квартиру противъ Таврическаго сада, къ которой по разнымъ неудобствамъ не привыкъ еще.— Новый мостъ на Невѣ, приходящій къ окончанію, прекрасенъ и принадлежитъ къ числу монументальныхъ памятниковъ настоящаго царствованія.—Происшествія на Кавказѣ готовятъ на этомъ трудномъ театрѣ войны новыя событія. Уничтоженіе горцами отряда на Лабѣ, умерщвленіе начальника Джаро-Бѣлоканской линіи, полковника Эристова, подробности коего мнѣ неизвѣстны. Убіеніе пяти Карачаевцовъ въ Кисловодскѣ. Послѣднее не ободритъ къ посѣщенію Минеральныхъ водъ.

Пріѣзжалъ полк. Наттъ, бывшій начальн. штаба при мнѣ въ Венгерскую войну. Разныя о ней воспоминанія. Смѣшныя сцены въ Варшавѣ между ф. и кн. Г-мъ. Послѣдній рѣшился, наконецъ, признать обращеніе перваго съ собою неприличнымъ и, говорятъ, намѣренъ оставить свое мѣсто.

16-го Октября. Пробужденіе, хотя слабое, энергіи, вложило,

послѣ долгаго самозабвенія, праздное перо въ руки. Отзывы болѣе и болѣе чувствительные прежнихъ ошибокъ, частію и собственныхъ, въ дѣлахъ хозяйственныхъ наиболѣе, кажется, участвуютъ въ этомъ расположеніи духа. Также и отсутствіе всякой дѣятельности служебной въ это послѣднее время, въ которое она могла бы еще принести пользу и заслужить одобрительную память. Слухъ о предстоящемъ будто бы назначеніи начальникомъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, за вѣрное въ городѣ считаемый, скоро долженъ объясниться прибытіемъ Государя. Если это подтвердится, то радоваться нечему, а дѣятельности откроется довольно широкое поле. Припомню замѣчательныя происшествія прошедшихъ недѣль: юбилей фельдмаршала Паскевича, побѣгъ тридцати шести музульманъ музульманскаго полка изъ Варшавы въ Пруссію, гдѣ они истреблены; побѣгъ адъютанта кн. Воронцова Адиль-Гирея изъ Тифлиса въ горы; это требуетъ подтвержденія *). Государя Наслѣдника проѣздъ по Кавказской линіи, Военно-Грузинской дорогѣ въ Тифлисъ; пріемъ Е. В. сдѣланной. Кончина въ Остендѣ королевы Бельгійской, дочери Людовика-Филиппа, всѣми искренно оплакиваемой. Военные смотры президента Людовика Бонапарте для ощупанія пульса арміи. Возвращеніе в. кн. Елены Павловны въ Петербургъ, благосклонной пріемъ ею оказанной мнѣ. Ропотъ начальника Восточной Сибири. Дѣла въ Гессенъ-Касселѣ, отголосокъ прошедшихъ общихъ смутъ въ Западной Европѣ. Нелѣпая Шлезвигъ-Голштинская война съ Даніей, безъ возможнаго достиженія цѣли: только практическія упражненія въ войнѣ Виллиссена послѣ многолѣтнихъ занятій теоріей. Умной наставникъ въ послѣдней, школьникъ въ первой. Подвигъ г.-м. Слѣпцова въ Чечнѣ, молодецкой. Изъ чтенія въ это время остались впечатлѣнія отъ исторіи Гизовъ Bouillé, нѣсколько умныхъ статей въ Revue des deux mondes, двухъ монографій военно статистическихъ, Тобольской и Томской губерній.

20-го Октября (1-го Ноября). Пребываніе Императора въ Варшавѣ. Юбилей пятидесятилѣтія службы фельдмаршала. Рескриптъ ему Государя, стоющій монумента и документъ для исторіи, если бы она составлялась по однимъ оффиціальнымъ бумагамъ. Пріѣздъ туда императора Австрійскаго. На смотру Госу-

*) Позднѣйшая приписка: неправда.

даря въ Бѣлой Церкви драгунскаго корпуса, дивиз. ком. Мотрезоръ и бригадной Корфъ опасно ушиблины при паденіи съ лошадьми. Чрезъ послѣдняго переѣхало орудіе. Корпусной Шабельской произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Праздники въ Тифлисѣ для Наслѣдника.—Еще одинъ товарищъ молодыхъ дней лежитъ разбитой параличемъ, Дмитрій Александр. Давыдовъ; навѣстилъ его вчера. Молодая и прекрасная монахиня, дочь его. Чтò за причины могли ее довести до монастыря? Засталъ у него Набокова. Визитъ г-ни Орловой-Денисовой. Прекрасная картина Лейпцигской аттаки г-ла графа Орлова-Денисова. Сходство съ нимъ поразительное! Бабьи сплетни противъ кавалергардск. полка, въ особенности противъ командира Безобразова. Г.-а. Кавелинъ снова помѣшался въ умѣ. Сцены въ Государственномъ Совѣтѣ.

20-го въ Пятницу ночью возвратился Государь изъ Варшавы. Въ Понедѣльникъ съ 12 до 4-хъ ч. во дворцѣ. Государь лично распредѣлялъ по гвардейскимъ полкамъ людей выбранныхъ изъ арміи. Нѣсколько благосклонныхъ словъ мнѣ сказанныхъ.

3-го Ноября. Вчера у Буниныхъ адмиралъ Литке, зять хозяина Гирсъ, встрѣча съ перваго шагу дружеская съ Шиловскою; какъ хорошо она поетъ! Опочининъ. Вчера навѣстилъ паралечнаго Галямина, сослуживца Турецкой войны, въ Малой Валахіи съ Гейсмаромъ, въ трудные и небезславные дни. Потомъ Д. А. Давыдова. Дочь его, монахиню, этотъ разъ засталъ съ открытой головой, распущенными волосами. Она была изумительно-прекрасна. Въ моей молодости эта встрѣча была бы опасна.

Полковникъ баронъ Корфъ разсказалъ новую для меня черту благородства фельдмаршала Дибича. Въ 1830 году, въ бытность обоихъ въ Берлинѣ, Дибичъ, говоря о сраженіяхъ при Боилешти, гдѣ Дибичъ самъ начальствовалъ и при Кулевчѣ, подъ начальствомъ Гейсмара, отдавая несомнѣнное преимущество послѣднему по важности послѣдствій, признавалъ превосходство перваго какъ по смѣлости соображенія, такъ и по исполненію. Реляцію краткую сраженія при Боилешти, мною написанную, угодно ему было назвать образцовою по ясности и слогу, носящему печать истины. Онъ полагалъ Корфа ея составителемъ.

Г.-л. Владиміръ Андреевичъ Глинка сообщилъ любопытныя подробности по вопросу о тарифѣ на желѣзо. Приведеніе разнородныхъ сектъ раскольничьихъ въ одну единовѣрческую.

Донесеніе князя Воронцова о происшествіи съ Наслѣдникомъ на Кавказѣ, съ просьбою пожаловать Наслѣднику орденъ Георгія 4-го класса. Князь Воронцовъ упоминаетъ о своемъ кашлѣ, послѣдствіяхъ лѣченія, о коляскѣ, что подъ Наслѣдникомъ была хорошая лошадь, что Наслѣдникъ былъ въ авангардѣ, что первый Е. В. замѣтилъ партію Чеченцовъ (развѣ не было никого впереди?) и пр. и пр., и все слогомъ вялымъ, растянутымъ, не оставляющимъ сомнѣнія, что самъ князь Воронцовъ сочинитель этого донесенія. Не полагаю, чтобы Государь былъ этой выходкой доволенъ, хотя послалъ Георгіевскій крестъ на встрѣчу Наслѣднику.

Сшибка между арміями Австро-Баварской и Прусской, въ послѣднее роковое мгновеніе остановлена грознымъ посредничествомъ Государя и нелѣпостію поводовъ къ столкновенію. Но стыдъ, отразившійся на всѣ дѣйствія Прусскаго кабинета въ трехълѣтній періодъ, сочувствуемый въ общемъ мнѣніи народа и арміи въ Пруссіи, можетъ при первой искрѣ возжечь снова войну съ ненавистною имъ Австріей или подать поводъ къ новымъ внутреннимъ смутамъ въ Пруссіи. Возбужденныя страсти за честь народную могутъ одолѣть ненадежную и шаткую политику короля Прусскаго и увлечь его противъ убѣжденій благоразумія и осторожности.

20-го Ноября. Сегодня минуло двадцать пять лѣтъ царствованію императора Николая. Россія подъ его могучею рукою вознеслась до высшей доселѣ степени внѣшняго могущества и замѣчательно преуспѣла на нѣкоторыхъ путяхъ внутренняго благоустройства. Личная дѣятельность Государя въ царственномъ его трудѣ послужитъ вмѣстѣ съ примѣромъ Петра Великаго новымъ образцомъ для будущихъ монарховъ Имперіи. Милосердое къ Россіи Провидѣніе Божіе да приложитъ ему еще многіе годы къ славно-протекшимъ на поприщѣ возвышенія и благоденствія великаго Царства!

27-го Ноября. Вчера былъ Георгіевскій праздникъ. Церковный парадъ въ Михайловскомъ манежѣ кавалерамъ. Въ 4 часа обѣдъ во дворцѣ у Наслѣдника. Послѣ обѣда выходъ въ золотомъ залѣ. Долго не подходили ко мнѣ ни Наслѣдникъ, ни его супруга. Я говорилъ съ княземъ Суворовымъ, и генералъ Головинъ стоялъ позади меня, когда Наслѣдникъ обязательно замѣтилъ мнѣ, что онъ съ пріѣзда съ Кавказа не видалъ меня,

а имѣетъ мнѣ сказать много пріятнаго, что Кавказъ полонъ моимъ именемъ и что вспоминаютъ обо мнѣ съ любовью и преданностью. На это неожиданное привѣтствіе я отвѣчалъ, что не могъ лестнѣйшимъ образомъ услышать такую пріятную вѣсть какъ изъ устъ Его Высочества. Тогда подошла и Наслѣдница. Князь Суворовъ, по удаленіи ихъ, замѣтилъ, что если пріятно ему было слышать столь лестные отзывы Наслѣдника, то еще пріятнѣе, что слышалъ ихъ и Головинъ, не смотря на свою глухоту. Князь Суворовъ его терпѣть не можетъ; а меня ненавидитъ и вредитъ или вредилъ мнѣ сколько могъ Головинъ языкомъ и перомъ, и даже печатно. Отвѣта онъ отъ меня не дождался: это бы значило признать совмѣстничество, которое было бы, право, унизительно. Поздно. но. кажется, замѣтили, наконецъ, его ядовитое ничтожество; но сколько по пути, по которому онъ проползъ, надѣлано вреда!

30-го Ноября. Дня нѣтъ, какіе-то сумерки. На душѣ также. Бездѣйствіе, недостатокъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей самой простой жизни, безнадежность измѣненія къ лучшему въ моемъ положеніи, въ такіе годы и въ такомъ званіи. горькое сомнѣніе въ успѣхѣ воспитанія умственнаго и нравственнаго, много, какъ казалось, обѣщавшаго, это послѣднее. быть можетъ. болѣе. нежели все прочее. налегло тяжелой тучей на душу. Большихъ обществъ избѣгаю; въ такомъ расположеніи духа болѣе сижу дома; отголоски изъ деревни въ томъ же тонѣ. Долго ли еще? Но да будетъ святая воля Твоя!

Вчера продолжительное засѣданіе въ Георгіевской Думѣ.

4-го Декабря. 2-го, въ Субботу, обѣдалъ у Государя. Кромѣ меня были кн. П. М. Волконской, гр. П. П. Паленъ, гр. Леонъ Потоцкой. гр. Воронцовъ-Дашковъ, Н. Н. Муравьевъ, Шведской генералъ г. Гилленстолпе и гр. Красинской. Императрица и молодые великіе князья Николай и Михаилъ. Богородица Мурилло, восхитительная картина.

Письмо изъ Парижа объ избраніи меня въ почетные президенты Африканскаго института уничтоженія торга Неграми и рабства. Отказать по неимѣнію средствъ содѣйствовать цѣли института. Внезапная смерть полковника флигель-адъют. Горемыкина. Продолжительная оттепель. Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, родъ апотеоза Ростовцеву;

впрочемъ много дѣльнаго, не имъ составленнаго, но себѣ приписаннаго. Продолженіе крайняго матеріальнаго затрудненія.—Знакомство съ умною княг. Долгоруковой, дочерью Д. В. Голицына.

7-го Декабря. Вчера Николаевъ день. Поутру малой выходъ. Обѣдня въ малой церкви дворца. Потомъ bais-mains Императрицы. Новый фельдмаршалъ к. Петръ Михайловичъ Волконской. Приказа о другихъ милостяхъ не читалъ. Генералъ-адъют. Анненковъ назначенъ ревизовать Западную Сибирь. Полк. Ковалевскій. Извѣстія о неудачной экспедиціи полк. Бутковскаго на *Или* въ Средней Азіи изъ Копала. Султанъ изъ буйволова хвоста на каску моему сыну.

8-е Декабря. Вчера въ 12-ть часовъ въ Георгіевскую думу до четырехъ. На вечеръ къ Сумарокову. Гирлянда молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. К-я Масальская, урожденная Гика, прекрасная; возобновленіе знакомства съ м-мъ Миркович, продолжительный разговоръ съ нею, потомъ съ профессоромъ Ленцомъ о Константинополѣ, Испаніи. Обѣщалъ мнѣ прислать свое сочиненіе, въ Германіи напечатанное. Рубинштейнъ сыгралъ піесу своей композиціи, трудную, затѣйливую, но безъ пріятности. Вообще вечеръ безъ танцевъ, безъ игры, очень пріятной.

11-го Декабря. Вчера прочелъ донесеніе полк. Беклемишева г-лу Обручеву о положеніи Башкирскаго народа, его начальству ввѣреннаго, весьма замѣчательное.

Въ Субботу часа полтора у князя Петра Андреевича Вяземскаго въ пріятномъ разговорѣ.

15-го Декабря. Пятница. Вчера въ часъ по полудни былъ парадъ всей гвардіи. Какая противоположность съ этимъ-же днемъ тому двадцать пять лѣтъ! Тогда Петровская площадь, шумно занятая бунтовавшею частію войска и черни, неувѣренность въ остальныхъ, тревожныя вѣсти изъ Имперіи, Муравьевскій бунтъ въ Кіевской губерніи, духъ сомнѣнія и неудовольствія во всѣхъ сословіяхъ, Государь юный, неизвѣстный народу и войску, недавно еще присягнувшимъ старшему въ родѣ, Константину, и неясно понимавшимъ его отреченіе отъ престола, въ дальнемъ Таганрогѣ трупъ Александра. Теперь—стройная, прекрасная гвардія, въ густыхъ рядахъ занимающая Дворцовую, Адмиралтейскую и Петровскую площади, въ пламенной преданности къ испытанному въ царственной службѣ Государю, единодушная съ

народомъ, въ густыхъ толпахъ со всѣхъ сторонъ ее окружающимъ, и куда бы ни палъ взглядъ Императора, всюду поникаются обнаженныя головы съ довѣренностью и любовью. Внѣшнее могущество Россіи, четырьмя войнами побѣдоносно оконченное, вознесено на высшую степень и великодушною мудростію Государя упрочено. Внутреннее устройство въ разнообразныхъ своихъ отрасляхъ подвинуто. Мракъ, окружавшій законодательство, Сводомъ и постепенными дополненіями проясни-вается. Учебныя заведенія для обоихъ половъ учреждены на разныхъ точкахъ обширной Имперіи на пользу и удобство ея жителей. Убѣжища и пріюты для страждущихъ недугами, сиротствомъ и нищетой улучшены и въ обширныхъ размѣрахъ умножены; новые искусственные пути сообщенія сооружены и продолжаются. Сильные и монументальные оплоты для остановленія подобнаго 1812-му году вторженія народовъ возведены и еще возводятся. Мудрость управленія видна не только въ томъ, что̀ дѣлается, но и въ томъ отчего оно воздерживается, предоставляя времени и постепенно подготовляя для него матеріалы. Это двадцатипятилѣтіе благодарная Россія впишетъ съ гордостію въ свои лѣтописи. При Александрѣ она спасена и возвеличена, Николаемъ устроена на дальнѣйшее и многостороннее усовершенствованіе.

16-го Дек. Суббота. Вчера большой обѣдъ въ дворцѣ. Знакомство съ Прусскимъ генераломъ Грабовымъ, присланнымъ поздравить Государя съ юбилеемъ двадцатипятилѣтія его царствованія. Вечеръ у князя Петра Андр. Вяземскаго. Знакомство съ Тютчевымъ, бывшимъ въ Туринѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ, мужемъ покойной Нелли. Альбумъ Фоссати Св. Софіи. Пріятный вечеръ.

21-го Дек. Четвергъ. Во Вторникъ былъ дежуренъ. Въ часъ во дворецъ. Смотръ выбраннымъ изъ здѣшняго баталіона внутренней стражи въ гвардію, видные люди; и рекрутамъ Минской губерніи: жалкіе, тощіе и мелкіе мужики. Что̀ же осталось для арміи? Въ четыре часа на обѣдъ къ Наслѣднику въ память двадцатипятилѣтія отъ назначенія Е. В. шефомъ Павловскаго полка. На дняхъ пріѣхалъ сюда генералъ-губернаторъ Западной Сибири, князь Петръ Горчаковъ. Это возобновило слухи о моемъ назначеніи на его мѣсто.

Недавно попалъ на вечеръ къ Булгарину. Споры его съ Гречемъ тѣмъ для меня любопытны, что оправдали слово ска-

занное гдѣ-то о журналистахъ, qu'il s'agit pour eux, non de frapper juste, mais de frapper fort. Всѣ сужденія обоихъ отзывались этимъ свойствомъ. Между прочимъ Булгаринъ принялся мнѣ доказывать, что Славянское племя вообще и Россія въ особенности въ развитіи не выражаютъ никакой идеи, ни стремленія къ извѣстной цѣли, какъ другіе народы. Я отвѣчалъ ему словомъ Кромвеля: Personne ne va aussi loin, que celui qui ne sait où il va, и Русскій Богъ великъ! чему, слава Богу, доказательства очевидны даже въ самыхъ ошибкахъ.

Avenir des armées européennes г-ла Роже. Содержаніе не отвѣчаетъ заглавію, но занимательно во всемъ, что̀ относится до дѣйствія войскъ при возмущеніяхъ у себя или у чужихъ. Нашелъ много собственныхъ и выраженныхъ понятій. Успокоительныя письма изъ дому. Замѣтныя приготовленія опять къ войнѣ, но противъ кого на Западѣ?

22-го Декабря. Слѣды изъ моей военной и дипломатической жизни, обязательно на память приведенные. Лестное слово покойнаго г. Толя при извѣстіи о мнимой смерти моей отъ пораженія ядромъ при Ендржеевѣ въ Польшѣ.

26-го. Вчера, 25-го, въ 10-ть ч. утра во дворецъ. Много пріязненныхъ лицъ. По случаю торжественнаго молебна въ память изгнанія Французовъ изъ Россіи въ 1812-мъ году грустное замѣчаніе, какъ немного остается сподвижниковъ этой важной эпохи и какъ рѣдко встрѣтишь уже на груди медаль, всѣмъ участвовавшимъ въ томъ году розданную. Разговоръ объ этомъ съ к. Чернышовымъ. Покушеніе на жизнь молодаго к. Масальскаго, по ошибкѣ принятаго за его брата, въ отмщеніе за давнее оскорбленіе.

1851-й годъ.

2-го Января Вторникъ. И такъ еще одинъ новый годъ и на мою долю! Въ 11-мъ часу во дворецъ. Наслѣдникъ нашелъ, что видъ лица моего нездоровый. Въ золотой его залѣ отъ множества народа была духота, для всякаго, а для меня въ особенности вредная. Прекрасна черта характера Государя, при себѣ, на глазахъ пріучающаго своего преемника царственному дѣлу. Увольненіе отъ службы г-ла отъ инф. князя Петра Горчакова. Случай рѣдкій. Новое лице у молвы на его мѣсто, Витовтовъ; обо мнѣ, наконецъ, замолчали.

13-го Января. Вчера въ 10-мъ часу, въ домѣ графа Шереметева, въ домашней его церкви, были съ сыномъ на свадьбѣ Павлова съ Лаптевой, племянницей князя Петра Дмитріевича Горчакова. Николай въ роли шафера Павлова, я съ графомъ Завадовскимъ присутствующими съ его стороны. Князь Горчаковъ уже въ гражданскомъ платьѣ. Вчера же вечеромъ фельдъегерь отъ дежурнаго генерала привезъ мнѣ высочайшее соизволеніе на уничтоженіе моего долга казнѣ въ 8 т. руб. серебромъ, о чемъ въ прошедшій Вторникъ я просилъ докладной запиской военнаго министра.

Новое лице г.-л. Гасфортъ на языкахъ для полученія мѣста генералъ-губернатора въ Западной Сибири. Третьяго дня еще, въ пѣшей прогулкѣ съ графомъ Киселевымъ, онъ полагалъ, что оно назначается мнѣ.

18-го Января. Чтеніе біографіи Монка, послѣдняго творенія Гизо, заняло часть грустнаго досуга. Какой глубокой взглядъ въ сердце человѣческое, на игру страстей и мнѣній въ крамолахъ народныхъ! Съ какою ясностію слога выражена ясность мысли! Все обращается въ пользу высокому дарованію — и самое несчастіе. Сброшенный неслыханнымъ взрывомъ съ высоты, съ которой онъ управлялъ судьбами необузданной Франціи, онъ уступаетъ сколько можно менѣе минутъ изумленію и горести и становится хладнокровнымъ зрителемъ и судьею причинъ переворота, освѣщая совѣтами государственной мудрости трудный путь, по которому остается идти съ достоинствомъ къ неизвѣстной цѣли. Послѣ біографіи Монка, этого послѣдняго и полнаго слова о загадочномъ характерѣ сего историческаго, вовсе не идеальнаго мужа, я взялъ его же Гизо, вновь изданнаго съ новымъ введеніемъ, Вашингтона. Я уже читалъ его на досугѣ, въ тишинѣ деревни, съ восхищеніемъ, и обязанъ ему высокими ощущеніями и лучшими часами; гдѣ-то, кажется, и выразилъ оставленное на мнѣ впечатлѣніе. Теперь прибавлю только, что изъ всѣхъ древностію намъ оставленныхъ, также и въ среднія и новыя времена, жизнеописательныхъ и нравственныхъ книгъ, не знаю ни одной, которая-бы для благородно-рожденнаго человѣка, на всѣхъ стезяхъ жизни и во всѣхъ положеніяхъ, могла бы служить надежнѣе руководствомъ и идеаломъ. Для счастливо-одареннаго молодаго человѣка не можетъ ничего быть образовательнѣе, какая бы судьба его ни ожидала.

Вчера обѣдъ съ сыномъ у осмидесяти-лѣтняго старика Петра Никифоровича Беклемишева. Сынъ его представилъ мнѣ Башкира въ полномъ парадномъ вооруженіи. Богатый нарядъ, но все-таки халатъ. Это далеко не Кавказскій горецъ, не линейный казакъ, въ ихъ ловкой, красивой одеждѣ, съ оружіемъ такъ искусно улаженнымъ, что оно, какъ собственные члены, не производитъ на скаку никакого шуму, а на немъ ружье, пистолетъ, иногда два и болѣе, шашка и кинжалъ. На Башкирѣ былъ еще лукъ и колчанъ со стрѣлами. Такъ они показались въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ въ Европѣ и названы были Сѣверные Амуры.

20-го Января. Да расширится сжатое сердце мое; изъ тѣсноты моей выведи меня!

Вчера на морозѣ кавалергардскому и конному полкамъ ученье въ полной формѣ, въ присутствіи Государя, на дворцовой площади. Я былъ пѣшкомъ. Остальной день дома. Навѣстили графъ Гейденъ, мой спутникъ въ Константинополь, и морякъ Бутаковъ, одинъ изъ молодыхъ піонеровъ-тружениковъ Россіи на Востокѣ. Онъ принесъ мнѣ при картѣ описаніе Аральскаго моря. Любопытный разговоръ съ нимъ.

24-го Среда. 21-го было въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе великой княжны Екатерины Михайловны съ принцомъ Георгомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ. Церемоніальный обѣдъ. Пышной всегда дворъ никогда не могъ быть великолѣпнѣе. Въ промежуткѣ обряда обрученія и обѣда обошелъ новой эрмитажъ. Нѣсколько высокихъ ощущеній предъ изящными твореніями зодчества, живописи и скульптуры. Парисъ и Амуръ. Психея Кановы. — Сближеніе съ г-мъ Гринвальдомъ; скромность и здравой смыслъ.

Рѣчь Тіера опасная для президента и общественнаго спокойствія, но сколько въ ней нескромностей, при которыхъ никакое управленіе и отвѣтственность за порядокъ невозможны! Высокое положеніе Шангарнье въ общемъ мнѣніи. Развитіе дару слова Кавеньяка; только слишкомъ частое возвращеніе во всѣхъ его рѣчахъ фразы «j'éprouve le besoin»,—форма выраженія не совсѣмъ удачная и слишкомъ общая, даже до обонянія.

27-го Января. Вчера съ сыномъ на балѣ графа Кушелева-Безбородко. Вторая дочь г. а. Витовтова, только что вышедшая въ свѣтъ, съ прекрасной головкой, съ довѣрчивымъ и любопытствующимъ взглядомъ, съ неготовымъ еще стройнымъ станомъ, привлекла мое вниманіе и съ милою довѣрчивостію мнѣ имъ-же

отвѣчала съ первой встрѣчи. Цвѣтокъ на нѣжномъ стеблѣ, рано выставленный на знойной вихрь свѣта, перенесетъ-ли губительное его дыханіе? Въ библіотекѣ дома двѣ огромныя Этрурскія мраморныя вазы примѣчательны. Изъ царской фамиліи была одна и на короткое время в. к-ня Марія Николаевна.

Не въ первой разъ, а все не могу вчитаться во вторую часть Гётева Фауста. Это ложа Рафаеля, поэтическіе арабески, которыхъ смыслъ общій, несмотря на толкованія, остается для меня теменъ. Сцены отдѣльныя, взгляды на разныя явленія природы восхитительны; мѣстами приговоры судьбамъ человѣка, на всѣхъ степеняхъ жизни, мѣтки и неутѣшительны. Но золотая нить, которою все это въ мысли Гёте было связано, для меня часто прерывается. Усиліе уловить ее наконецъ утомляется. Общее тогда политическое и собственное его положеніе заставило его, кажется, уклониться въ міръ аллегоріи, чтобы въ туманной его оградѣ укрыться отъ униженія порабощеннаго отечества. Проблески этого чувства кое-гдѣ проскакиваютъ. Соотчичи его, удивленные мнимымъ отсутствіемъ сочувствія бѣдствіямъ Германіи въ душѣ великаго согражданина, съ горечью дѣлали ему въ томъ упреки. Быть можетъ, никто изъ нихъ глубже его ихъ не перечувствовалъ. Великія страданія скрытны и безмолвны. Они ищутъ иногда успокоенія въ мірѣ фантастическомъ, если не въ утѣшеніяхъ религіи.—Седьмая недѣля, что нѣтъ извѣстій о семействѣ!

10-го Февраля. Г. л. Гасфортъ назначенъ исправляющимъ должность г-лъ-губ. Западной Сибири.

18-го. Несостоятельность почти вѣрнаго назначенія на важный въ Имперіи постъ, хотя сопряженный для меня съ разными невыгодами, и назначеніе другаго, если извѣстнаго, то скорѣе неспособностію, наводитъ невольно на мысль, что всѣ пути общественнаго служенія для меня заграждены: по военной іерархіи враждою фельдмаршала, по прочимъ, гражданскому и дипломатическому, нерасположеніемъ высшаго сановника*); во всѣхъ по явному преобладанію связей и покровительства надъ всѣми правами заслуги. Чтеніе и даже по временамъ развлеченія общества не замѣняютъ дѣятельности. Сопротивляюсь унынію, скрываю чувства и стараюсь жить или лучше прозябать, какъ другіе дѣлаютъ безъ усилія.

19-го Февр. Первый день великаго поста. Вчера въ заклю-

*) Т. е. графа Нессельроде? *П. Б.*

ченіе масленицы балъ у в. к. Маріи Николаевны великолѣпный, въ которомъ вся царская фамилія участвовала. Неслыханный туалетъ к-ни Голициной, урожден. Балкполевой, съ головы до ногъ окаймленный полосою vert-de-gris. Знакомство съ Англичаниномъ Willoughby, который большимъ сходствомъ напоминаетъ бана Кроатскаго Іеллашича. Князь В. А. Долгоруковъ, помощникъ военнаго министра, становится по мѣрѣ утвержденія въ своемъ званіи болѣе и болѣе близорукъ.

4-го Воскр. Рѣже и рѣже бесѣдую съ этой книгой, хранилищемъ мыслей и впечатлѣній: признакъ болѣе и болѣе упадка душевной бодрости, грустной удѣлъ накопленія лѣтъ и тѣсныхъ обстоятельствъ. Охлажденіе связей дружественныхъ. Не измѣнюсь и безъ ободренія, и тогда когда ясно и близко вижу конецъ и едва вижу цѣль. Непостижимый да подкрѣпитъ ослабляющій духъ и проститъ этотъ лепетъ ропота!

26-го Марта. Г-лъ-адъютантъ Перовской назначенъ генералъ-губернатор. Оренбургскимъ и Самарскимъ, вмѣсто г-ла Обручева, поступившаго въ Московскій Сенатъ. Пріѣзжалъ молодой г. Орловъ навѣстить отъ имени отца. Г-лъ г. Ламбертъ, часа два пріятныхъ и занимательныхъ съ нимъ. Г-лъ Богдановъ, старый сослуживецъ драгунъ. Наконецъ солнце начинаетъ согрѣвать. Ѣзда по улицамъ опасна, ни въ саняхъ, ни на колесахъ. Вчера Благовѣщеніе, праздникъ конной гвардіи; парадъ и обѣдъ во дворцѣ.

30-го. Г-лъ Бергъ прислалъ походъ 49-го года въ Венгрію, написанный при штабѣ фельдмаршала въ Варшавѣ, непріязненно для Австрійцевъ, въ особенности для ихъ главнокомандующаго, Гайнау. Переводъ на Нѣмецкій языкъ, здѣсь сдѣланный, неудаченъ. Это сочиненіе подастъ поводъ къ полемикѣ, которой лучше было бы избѣжать. Она выставитъ ошибки обѣихъ сторонъ. Возстаніе Венгріи подавлено огромностію массъ, двинутыхъ противъ него императоромъ Николаемъ; этимъ поднятъ духъ въ войскахъ Австрійскихъ, возбуждено въ нихъ соревнованіе и возвращены средства наступленія, до того истощенныя; а въ непріятельскомъ станѣ поселено уныніе, отчаяніе въ успѣхѣ, раздоръ между вождями. На долю военнаго искусства, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніи, останется немного, особливо одному изъ главнокомадующихъ. Надобно однако замѣтить, что пути избранные Русскою арміею для вторженія въ Вен-

грію сообразны съ высшими идеями искусства; а что за тѣмъ было, дѣло иное. Мечъ былъ хорошъ, но не по рукѣ.

При выходѣ Гёрге изъ Коморна г-лъ Гайнау точно имѣлъ намѣреніе переправиться на лѣвый берегъ Дуная и преслѣдовать его, о чемъ и я имѣю отъ Гайнау увѣдомленіе. Это была первая его мысль. Хорошо или дурно онъ сдѣлалъ измѣнивъ свой планъ, это другой вопросъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Русской арміи одной было довольно, чтобы между Дунаемъ и Эйпелемъ кончить съ Гёрге. Кромѣ двухъ выигранныхъ послѣднимъ переходовъ, переправа черезъ Дунай и сосредоточеніе Австрійской арміи требовали времени. Ничто не мѣшало фельдмаршалу дѣйствовать, какъ будто Австрійцы слѣдовали за Гёрге. Въ такомъ случаѣ остатки разбитой Венгерской арміи могли уйти въ Коморнъ. Тогда ясно было-бы, на чьей сторонѣ ошибка. Одна изъ армій и часть другой получили бы свободу дѣйствовать противъ остальныхъ инсургентовъ, неустроенныхъ и пораженныхъ судьбою арміи Гёрге, главною по составу и значенію начальника. Конецъ былъ ясенъ и не подверженъ сомнѣнію. Не теперь только, а тогда же, въ присутствіи происшествій, это было мое мнѣніе; оно тогда же изложено въ письмѣ къ барону Ливену, и съ моей стороны приступлено было къ содѣйствію по сему плану. Знаю трудности командованія; многое, но не все же можно ими оправдывать, когда главныя преимущества на вашей сторонѣ: сила и составъ арміи. Къ этому нужны были ясность въ соображеніи и рѣшительность.

31-го Марта. Вчера утромъ навѣстилъ меня графъ Ридигеръ. Трудный переходъ отъ пятидесятилѣтней военной жизни, ясной, простой, къ совѣщательной дѣятельности по званію члена Государственнаго Совѣта.

15-го Апрѣля. Вчера въ половинѣ втораго, въ присутствіи Государя, на станціи Московской желѣзной дороги прибытіе поѣзда съ двумя эскадронами Гродненскаго гусарскаго полка. Лошади выведены, люди сѣли и построились въ пять или шесть минутъ, потомъ прошли повзводно церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя. Ни одна лошадь при выводѣ изъ стойла не играла, не брыкнула. Кажется эта ѣзда ихъ туманитъ и оглушаетъ. На дальнихъ разстояніяхъ это дѣйствіе вѣроятно оказалось бы замѣтнѣе. Стеченіе народа было огромное. Въ обязательномъ тонѣ отвѣтъ Наслѣдника на мой вопросъ.

16-го Апрѣля. Вспомнилъ Шиллера Resignation, не имѣя

этихъ неподражаемыхъ стиховъ подъ рукою. Какъ постепенно, въ разныхъ возрастахъ на пути жизни, оставляютъ насъ одинъ за однимъ спутники ея, любовь, дружба, товарищество, мечтанія почестей, богатства, славы и, всѣ обманувъ и оставивъ насъ съ пустотой ума и души, единственнымъ утѣшеніемъ является необманчивый, вѣрный до конца спутникъ — занятіе (die Beschäftigung). Ему-то обязанъ я возвращеніемъ спокойствія духа въ настоящемъ разстройствѣ дѣлъ и положенія семейнаго. И на здоровьи выгодно отозвались душевное успокоеніе и покорность карающему Провидѣнію. Ошибки были!

19-го Апрѣля. Вчера, стряхнувъ съ себя одолѣвшую меня апатію, выѣхалъ съ 12-ти часовъ къ г-мъ Вельгурскимъ по дѣлу бывшей гувернантки моихъ дѣтей г-жи Бальи, оставивъ у швейцара записку о ней. Потомъ къ г-фу А. Ѳ. Орлову, засталъ его за дѣломъ съ молодымъ к. Менщиковымъ; но, отправивъ его, остались одни, и пріязненный, продолжительный разговоръ утвердилъ прежнія дружескія наши отношенія; провожая онъ возобновилъ ничѣмъ не вызванныя увѣренія въ готовности ко всѣмъ услугамъ по возможности. Оттуда къ г. Киселеву, не засталъ. Къ г. Павлову, посидѣлъ. Къ к. Менщикову адмиралу, не засталъ; къ г-лу Сухозанету, также. На обѣдъ къ Зыбину. Совѣтъ дочери его въ пользу Беклемишева. Въ десятомъ къ Сумарокову, гдѣ провелъ вечеръ пріятно въ разговорѣ съ миленькой к-ой Голицыной, дочерью хозяина, и съ к-ой Масальской, урожденной Гика, прекрасной и умной женщиной; въ живомъ, разнообразномъ съ послѣднею разговорѣ, будто заживились на время раны душевныя, и заглохшій родникъ живой мысли, словъ и чувствъ брызнулъ на вызовъ красоты и ума. Дружеское и долгое пожатіе руки при прощаніи было сознаніемъ взаимнаго симпатическаго впечатлѣнія. Это вторая встрѣча съ этой женщиной. Первая была давно въ большомъ обществѣ и, не смотря на то, также кончилась.

20-го Апрѣля. Записки военному министру о моемъ отпускѣ на лѣто и Ростовцову о Михаилѣ о томъ же отправлены съ молодымъ Фокомъ. Полк. Давыдовъ, адъютантъ к. Воронцова, сидѣлъ у меня съ часъ. Сплетни Тифлисскія. Подробности убійства к. Эристова. Неудачное дѣло Слѣпцова. Характеръ Лезгинской линіи. Собственное положеніе Давыдова и его семейства, нѣсколько театрально разсказанное.

21-го. Фельдъегерь съ соизволеніемъ Государя на мой отпускъ.

22-го. Въ саду засталъ Государя, смотрѣвшаго оттуда на репетицію парада всей гвардейской кавалеріи въ присутствіи Наслѣдника. Встрѣча съ г-мъ Ридигеромъ. Забавная статья Оренбургскаго помѣщика Атуева, помѣщенная въ Московскихъ вѣдомостяхъ, гдѣ онъ для волчьей охоты приглашаетъ помѣщиковъ присылать къ нему учиться завыванію волковъ для приманки ихъ, и выучить этому не хуже государственныхъ крестьянъ, которые воютъ волками.

24-го Апрѣля. Вчера въ 11-ть ч. утра во дворецъ къ обѣднѣ въ малой церкви. Потомъ рукоцѣлованіе Императрицѣ и в. к. Александрѣ Іосифовнѣ. Въ часъ парадъ передъ дворцомъ. Приглашеніе Опочинина на вечеръ. Возобновленіе знакомства съ Гасфортомъ. Встрѣча съ г-мъ Желтухинымъ. Въ 1-мъ корпусѣ по его словамъ все продолжаютъ ожидать меня начальникомъ вмѣсто Сиверса. Это едва ли вѣроятно по моимъ отношеніямъ къ фельдмаршалу. Разговоръ съ Уральскимъ полк. Матвѣевымъ о Мангишлакѣ и Раимѣ.

26-го. Вчера начало, первая половина парада прошла счастливо; погода свѣжая, тихая; потомъ пошелъ мелкій дождь. Императрица съ Наслѣдницей и Маріей Николаевной уѣхали до дождя. Когда конная артиллерія проходила рысью, занятый разговоромъ съ Willoughby, вдругъ всѣ конные и пѣшіе насъ тѣсно окружавшіе съ торопливостію обратились назадъ на толпы зрителей; паническій страхъ овладѣлъ и послѣдними; они бросились къ каналу Лѣтняго сада. Любопытствуя узнать причину, я стоялъ, и вдругъ въ трехъ шагахъ передъ собой увидѣлъ зарядный ящикъ прямо на меня скачущій, но въ тоже мгновеніе коренная лошадь упала. Скоро все пришло въ порядокъ. Въ пять часовъ воротился домой мокрый и рѣшился отказаться отъ обѣда у г-ла Сухозанета.

27-го Апрѣля. Вчера навѣстилъ меня молодой графъ Орловъ передъ отъѣздомъ въ Варшаву. Слово ему о пріемѣ его отца и о томъ, что умолчалъ передъ нимъ въ отвѣтъ на дружескія предложенія его. Записки Н. Н. Муравьева о Турціи, Египтѣ и Польшѣ, составленныя во время его отставки въ деревнѣ.

28-го. Вчера на спускѣ 84-хъ пушечнаго корабля «Прохоръ», въ присутствіи Государя; истинно величественное зрѣлище. Оба берега и новый мостъ покрытые народомъ, военныя яхты украшенныя флагами на рѣкѣ, и когда колоссъ, быстро оставивъ землю, гордо и плавно спустился въ свою стихію, громъ пушекъ

и ура сотни тысячъ народа привѣтствовали новаго сподвижника могущества Россіи. Государь обнялъ и поцѣловалъ строителя.

Сегодня сынъ Михаилъ выдержалъ съ успѣхомъ первый экзаменъ этого года. Молодой князь Воронцовъ точно женится на Столыпиной...

Приглашеніе на похороны генералъ кригсъ-коммисара Храпачева. Я не былъ съ нимъ знакомъ, но кажется правительство потеряло въ немъ дѣловаго и честнаго слугу по весьма важному управленію.

30-го Апрѣля. На глаза попался мнѣ Аннибалъ Плутарха, и съ той минуты какъ всегда, не могъ отъ него оторваться, пока не прочелъ его до конца. Надобно замѣтить счастливую судьбу этого великаго полководца! Не смотря на упрекъ, вѣроятно справедливый, Магарбала, и въ послѣдующіе вѣка историками повторенный, что побѣдою при Каннахъ онъ не воспользовался, не пошелъ на Римъ, взятіемъ котораго можетъ быть кончилъ бы войну выгоднымъ миромъ, но и послѣ того попеременно то побѣждалъ, то былъ нѣсколько разъ побѣждаемъ, до послѣдняго пораженія Сципіономъ при Замѣ, повторяю, не смотря на то, какъ будто по общему соглашенію всѣхъ истинныхъ цѣнителей военнаго величія всѣхъ временъ, рѣшено ставить Аннибала или рядомъ съ Александромъ или выше его. Съ новымъ удовольствіемъ прочелъ прекрасную и грустную его рѣчь Сципіону при свиданіи передъ Замой. Когда-то я перевелъ ее; надобно будетъ просмотрѣть.

1-го Мая. Къ книгопродавцу Исакову; взялъ у него Traité des reconnaissances militaires. Къ живописцу Ладюрнеру за Академіей Художествъ на послѣдній присѣстъ (séance) для окончанія картины присяги в. к. Константина Николаевича. Конюшенная площадь была полна множествомъ экипажей передъ церковью. Это былъ выносъ тѣла покойной баронессы Фридриксъ. Гробъ изъ дому до церкви несли Наслѣдникъ, великіе князья, принцъ Ольденбургскій и герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицъ. Покойная была другомъ Императрицы и любима царскимъ семействомъ. Вообще была добрая дама, не употреблявшая во зло своего значенія. Погода сухая, но воздухъ суровый, вовсе не весенній. Обычное въ этотъ день гулянье едва-ли найдетъ много охотниковъ; впрочемъ народъ гуляетъ по календарю.

Un général qui ne connaît pas le pays où il fait la guerre, est

souvent disposé à croire son ennemi mieux placé qu'il ne l'est. Въ послѣднюю войну 1849-го въ Венгріи, я былъ изъ Варшавы отправленъ принять начальство надъ отдѣльною колонною войскъ съ особенною цѣлію прикрытія Кракова и Галиціи, вовсе безъ штаба. Мнѣ дали, не безъ труда, одного адъютанта. Прибывъ 1-го Іюня къ войскамъ, я долженъ былъ, по повелѣнію, 2-го вступить въ Венгрію для начатія дѣйствій, и это въ самую трудную часть Карпатскихъ горъ. Штабъ свой я долженъ былъ составить въ нѣсколько часовъ изъ штабовъ дивизіонныхъ, даже и тамъ недостаточныхъ и не всегда съ выборомъ сдѣланныхъ. Такимъ приступомъ къ командованію можно было съ самаго начала поставить противъ себя дивизіонныхъ начальниковъ, получивъ между тѣмъ сотрудниковъ не всегда способныхъ и вовсе незнакомыхъ. Не было даже ни одного писаря. Въ послѣдствіи стали по настоятельнымъ моимъ просьбамъ насылать ко мнѣ одного за другимъ и въ числѣ ихъ извѣстныхъ мнѣ хорошихъ офицеровъ, но это было уже по прошествіи самаго дѣятельнаго періода кампаніи. Сколько отъ того было ошибокъ въ подробностяхъ исполненія моихъ распоряженій.

Nous avons eu lieu de remarquer que beaucoup de personnes sont embarrassées pour apprécier à sa juste mesure l'étendue du travail dans une reconnaissance; ou l'on néglige des observations importantes, ou l'on s'attache à des détails inutiles.

Quoique les intêrets du commerce et de l'industrie, qui ont aujourd'hui une si grande prépondérance, semblent éloigner toute chance de guerre, une nation, qui se croira blessée dans sa dignité, courra aux armes, sans s'inquiéter des pertes immenses auxquelles elle s'exposerait, ni des perturbations que pourraient éprouver ses intérêts matériels. Cela est démontré par l'histoire de tous les temps et quelleque soit la forme des gouvernements.

2-го Мая. Вчера весь день дома нездоровый. Сильное кровотеченіе. Не призываю доктора, не имѣя чѣмъ заплатить за леченіе. По утру навѣстили меня г. м. Безобразовъ, командиръ кавалергардскаго полка. Воспоминанія о времени проведенномъ вмѣстѣ на Кавказѣ. Заботы здѣшней службы. Послѣдствія бывшаго большаго парада 25-го Апр. Гвардейской артилеріи офицеръ Ратчъ, занятой сочиненіемъ объ артилеріи вообще и о гвардейской въ особенности. Продолжительный разговоръ съ нимъ. Въ Субботу онъ привезетъ ко мнѣ свою рукопись. Сегодня остаюсь при десяти

рубляхъ и тѣ сегодня-же понесу какъ лепту на концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ увѣчныхъ и убитыхъ на Кавказѣ. Тамъ осталась и моя доля. А между тѣмъ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ на дворѣ старика совершенно сѣдаго, бѣдно, но опрятно одѣтаго, который, снявъ шапку и шевеля что-то губами, искалъ по окнамъ дома, полнаго жильцами, сострадательнаго и пригласительнаго взгляда и ни одного не встрѣтилъ. Я долженъ былъ отъ него прятаться! Это оставило грустное впечатлѣніе.

Въ журналѣ des Débats письмо Жаннена объ открытіи Всемірной выставки въ Лондонѣ королевою Викторіей. Грустное и прекрасное обращеніе, по этому поводу, къ эпохѣ благоденствія Франціи подъ управленіемъ Людвика-Филиппа, въ сравненіи съ стыдомъ и безпорядкомъ нынѣшней безтолковой республики. Tu l'a voulu, George Dandin, можно сказать многимъ достойнымъ и благороднымъ мужамъ Франціи, которые, слишкомъ горячо принимая несовершенства сопряженныя со всякимъ дѣломъ человѣческимъ, полагали въ республикѣ найти средства исправленія всѣхъ ихъ. А между тѣмъ, тотъ полезный и опасный слой народа, для котораго, но безъ котораго, должно дѣлать все возможное для облегченія его участи, почувствовавъ ослабленіе необходимой узды, имъ управлявшей, поднялъ голову, къ дневному труду только привычную и способную, и неопытною рукою схватилъ бразды, безсмысленнымъ мятежомъ изъ рукъ мудраго правителя вырванныя, не смотря на сонмъ избранниковъ совѣта и дѣла, его окружавшихъ, но сомнѣніемъ и страхомъ обезумленныхъ.

3-го Мая. Цѣль концерта казалось могла бы наполнить огромную залу Дворянскаго Собранія. Сначала она была почти пуста, потомъ первые ряды стульевъ были заняты и то не тѣсно. Молодые великіе князья и потомъ самъ Наслѣдникъ почтили однако концертъ своимъ присутствіемъ.

Концертъ, правду сказать, былъ жалкій, не смотря на отличный оркестръ Итальянской оперы, который вызвался играть безвозмездно. Я имѣлъ однако вознагражденіе за свою жертву: сосѣдкой моей была г-я Воронцова-Дашкова. Изъ всѣхъ обязательныхъ вещей ею мнѣ сказанныхъ, самая пріятная была похвала моему сыну. Il a fait ma conquête, заключила она. Я благодарилъ ее, но послѣ, возвратясь уже домой, сколько ловкихъ и умныхъ отвѣтовъ представились мнѣ, которыми бы я могъ и дол-

женъ былъ отвѣчать, но неявившихся во время и кстати: esprit de l'escalier, какъ говорятъ Французы.

Въ продолженіе концертнаго сезона, для разныхъ благотворительныхъ заведеній, насылаемо было, можно сказать насильственно, слишкомъ часто и слишкомъ много билетовъ съ просьбою участія и раздачи. Вотъ стихи кѣмъ-то, по этому поводу, сочиненные:

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лоттерей
Весь годъ я тѣшилъ, въ пользу бѣдныхъ,
Себя, жену и дочерей.
Для братій и сиротъ убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ:
Я танцовалъ для хромоногихъ
Я для голодныхъ ѣлъ и пилъ.
Рядился я для обнаженныхъ,
Для нищихъ сдѣлался купцомъ,
Для погорѣвшихъ, раззоренныхъ,
Отдѣлалъ за ново свой домъ.
Моихъ малютокъ милыхъ кучу
Я человѣчеству обрекъ,
Плясала Машенька качучу
Дивилъ всѣхъ полькою Сашокъ.
Я для слѣпыхъ пошелъ въ картины
И отличался какъ актеръ.
Я для глухихъ пѣлъ каватины,
Я для калѣкъ катался съ горъ.
Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
Занемогла моя Анюта
Съ базарныхъ фруктовъ и конфектъ.
Вѣдь мы не варвары, не Турки,
Кто слезы отереть не радъ!
Ну какъ не проплясать мазурки,
Когда страдаетъ меньшій братъ?
Во всемъ прогрессъ по волѣ Неба,
Законъ развитія во всемъ:
Людей безъ крова и безъ хлѣба,
Все будетъ больше съ каждымъ днемъ.
И съ большей жаждой дѣлъ прекрасныхъ,
Пойду, храня священный жаръ,
Опять на все я для несчастныхъ,
На балъ, на раутъ, на базаръ.

4-го Мая. Ни рубля дома, и сынъ въ просрочкѣ изъ отпуска. Хорошее начало дня! Но прекрасное весеннее утро, открытое окно и видъ только чрезъ улицу на Таврическій садъ не допускаютъ унынія.

5-го. Вчера пріятный день. Съ утра принесли деньги. Въ тревогѣ о просрочкѣ Николая я написалъ письмо къ г-лу Витовтову для доклада Наслѣднику, съ просьбою снисхожденія къ просрочкѣ и продолженія отпуска до 1-го Іюля. Чрезъ два часа получилъ въ обязательныхъ выраженіяхъ соизволеніе Наслѣдника на все и, встрѣтивъ его въ Лѣтнемъ саду, поблагодарилъ Его Высочество.

8-го. Иногда ошибки служатъ урокомъ. При смутахъ 1848 года въ Австрійской имперіи, по просьбѣ генераловъ и жителей Кронштадта и Германштадта въ Трансильваніи, разрѣшено было послать въ помощь имъ небольшой отрядъ отъ 6-ти до 7 т. изъ 5-го корпуса, занимавшаго княжества Молдавію и Валахію. Я тогда же поспѣшилъ сказать г-у Орлову, что отрядъ неминуемо будетъ разбитъ, что слѣдовало послать корпусъ въ полномъ составѣ или ничего не посылать. Это было признано, но предписаніе было послано. Оставалась надежда на благоусмотрѣніе мѣстнаго начальника; но исполненіе было буквальное, и послѣдствіе—неудача: оставленіе занятыхъ въ Трансильваніи городовъ и возвращеніе въ княжества нашихъ войскъ съ замѣтною потерею, особливо нравственною, въ мнѣніи кабинетовъ и взволнованныхъ тогда народовъ. Наступилъ 1849-й годъ. Австрійское правительство, изнемогая въ борьбѣ съ возставшими народами Венгріи, Италіи и въ собственныхъ нѣдрахъ, рѣшилось открыто просить помощи Россіи. И въ этомъ случаѣ первою мыслію было отрядить одинъ корпусъ; даже приступлено было къ дѣйствію въ этомъ духѣ отправленіемъ одной дивизіи (Панютина) въ соединеніе съ Австрійцами. Но полная и ясная мысль созрѣла уже въ умѣ Государя; примѣръ прошедшаго года въ Трансильваніи былъ еще въ свѣжей памяти, и 150-ти тысячная громада двинулась въ Венгрію, подавляя своимъ появленіемъ самую мысль о сопротивленіи и о возможности продолженія возстанія.

10-го Мая. Раскрытыя записки 1839-го года пробудили живыя воспоминанія труднаго, но славнаго періода жизни. Не нахожу записокъ послѣдующихъ годовъ. Неужели, противъ моей привычки, я не продолжалъ ихъ? Прекрасная Жадимировская, рожд. Бравура,

ушла отъ мужа, кажется, съ кн. Трубецкимъ. Мнѣ случилось замѣтить ее разъ въ театрѣ.

11-го. Адъютантъ князя Воронцова, полковникъ Давыдовъ, вошелъ ко мнѣ объявить о кончинѣ отца его Дм. Александр. Давыдова, только что усопшаго безъ страданія. Еще однимъ изъ близкихъ товарищей моей молодости менѣе!

12-го. Удачный фельетонъ Булгарина на этотъ день, съ отрывками стиховъ г-ни Ростопчиной. По запискѣ отъ вдовы Давыдовой поѣхалъ въ 11-ть часовъ въ церковь Преображенія на отпѣваніе тѣла покойнаго ея мужа. Прекрасная внутренность, богатой иконостасъ и хорошая живопись вообще на стѣнахъ и на образахъ. Приличіе служенія. Явственное, съ точностью удареній и пріятностью голоса чтеніе Евангелія, какъ рѣдко случалось слышать. Затѣмъ вошелъ къ огорченной вдовѣ, гдѣ собрались родственники. Умное любопытство Толстаго, зятя Давыдовой.

13-го Мая. Проснувшись сегодня и открывъ по привычкѣ тотчасъ окно, не смотря на пасмурное небо и дождь, услышалъ въ первый разъ соловья, чрезъ улицу въ Таврическомъ саду.

20-го. Bugeaud disait: Le Kabyle puise le sentiment de la résistance dans la possession de son fusil, de même que l'Arabe le puise dans la possession de son cheval. Tant qu'on n'aura pas désarmé l'un et démonté l'autre, ils ne subiront pas notre conquête sans protestation. Lorsque nous voudrons accomplir ce dernier acte de la conquête, nous devrons peut-être soutenir contre les indigènes une lutte suprême; mais notre domination ne sera définitive qu' à ce prix.

Совершенно такія же понятія и правила я имѣлъ и имѣю о войнѣ на Кавказѣ и о средствахъ окончательнаго покоренія его народовъ. Я началъ обезоруженіе Чечни, и тысячи ружей были доставлены въ Грозную. Государь одобрительно выслушалъ мое предупрежденіе, что война отъ того возгорится жаркая, фанатическая, что періодъ этотъ неизбѣженъ, но ведетъ и только этимъ ведетъ къ совершенному покоренію, что я съ радостью возьму на себя эту борьбу съ мнимою неодолимостію горъ Кавказа и дикимъ мужествомъ его обитателей. Поняли меня только Государь и храброе, незабвенное войско, которымъ я имѣлъ честь начальствовать. Остальное все противодѣйствовало, по побужденіямъ различнымъ. Самое извинительное и въ тоже время наиболѣе общее была неспособность понять смѣлость, сбыточность и необходимость

этихъ соображеній. Зависть могла бы, кажется, утѣшиться: мы соглашались оставлять въ тайнѣ самые трудные и необыкновенные подвиги. Мнѣ случилось выразить этотъ духъ нашихъ дѣйствій предъ покойнымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ слѣдующимъ девизомъ, давно принятымъ мною:

Да возвеличится Россія,
И сгинутъ наши имена!

Съ блестящими отъ благородныхъ слезъ глазами онъ кинулся обнимать меня.

24-го Мая. Полк. Висковатовъ. Прекрасныя черты характера Наслѣдника. Прочелъ нѣсколько страницъ изъ дневника 1839-го года на Кавказѣ. Самъ нахожу, что эти записки слишкомъ сжаты; необыкновенное во время событія казалось естественнымъ. Теперь бы оно представилось поразительнымъ. Въ саду было болѣе гуляющихъ. Игры дѣтей обратили вниманіе. Съ перваго взгляда нѣсколько изъ нихъ показались пріятными; но всѣ затмились передъ 10-ти или 11-ти лѣтнимъ сыномъ Зографоса, Греческаго посланника, истиннымъ типомъ неба Аттики. Тонкія, гармоническія черты прекраснаго лица, черные какъ уголь глаза, изящной формы и пламеннаго выраженія горячій колоритъ лица, ловкость и пылкость движеній, пріятность голоса, все вмѣстѣ всѣхъ прочихъ оставило въ тѣни. Кругъ любопытныхъ, обступившихъ игры дѣтей, на немъ одномъ остановилъ вниманіе: какъ благородный сынъ Аравіи, Арабскій конь среди простыхъ лошадей.

27-го Мая. Восторгъ въ Австрійскихъ войскахъ и въ народѣ, произведенный присутствіемъ и поступками Государя въ Ольмюцѣ. На Елагиномъ встрѣтились съ семействомъ Зыбиныхъ, съ ними пѣшкомъ до мыса на взморьѣ. Пароходъ «Невка» въ это время смѣло входилъ въ устье малой Невки съ лоцманомъ въ лодкѣ передъ нимъ до пр стани. Вскорѣ потомъ подъѣхала коляска, въ которой узнали вел. княгинь Елену Павловну и Екатерину Михайловну. Онѣ остановились и подозвали меня. Разспросивъ о моемъ семействѣ съ благосклоннымъ участіемъ, Елена Павловна объявила мнѣ, что пароходъ назначенъ для Екат. Мих., отправляющейся въ Стрѣлицъ завтра. Я умолчалъ не кстати собственныя искреннія чувства, возбуждаемыя не во мнѣ одномъ отъѣздомъ доброй, умной и привѣтливой в. к-и, такъ что Елена Павловна, видимо удивленная моимъ молчаніемъ, повторила слова свои.

Взглянувъ на блѣдное, болѣзненное лицо ея дочери, вмѣсто отвѣта матери я обратился къ первой съ вопросомъ, довольно-ли она укрѣпилась здоровьемъ для этого путешествія моремъ. Она призналась, что съ печалью и страхомъ смот; итъ на него. Все вмѣстѣ оставило во мнѣ непріятное чувство сколько сожалѣнія объ отъѣздѣ милой и для всѣхъ близкихъ къ ней симпатической в. к-ни, столько же и неудовольствія собою, что не умѣлъ, при видимой благосклонности ко мнѣ обѣихъ, болѣе пользоваться ихъ обществомъ, и что не выразилъ при этомъ случаѣ чувствъ, которыхъ былъ полонъ.—Молодой к. Воронцовъ съ своей невѣстой Столыпиной, к-я Лобанова, рож. к-а Варшавская и нѣсколько другихъ пѣшкомъ и въ экипажахъ стояли на взморьѣ. Я забылъ даже проститься съ в. к-ей. Нечего сказать, я рѣшительно не придворный; но тутъ было что-то хуже чѣмъ этотъ недостатокъ, принимая слово придворный въ лучшемъ смыслѣ: была ненаходчивость не въ одномъ соблюденіи приличій, а въ выраженіи чувствъ, на что все предшествовавшее и эта минута давали мнѣ право.

28-го Мая. Въ 11-ть пріѣхалъ г-лъ Фохтъ. Разговоръ съ нимъ. Сомнѣнія его на счетъ объема ума г. Ридигера, занятаго по порученію Государственнаго Совѣта важнымъ вопросомъ о ремонтированіи кавалеріи; Фохтъ приглашенъ къ нему на совѣщаніе объ этомъ завтра, и своими положительными свѣдѣніями объ этомъ дѣлѣ и природнымъ основательнымъ умомъ могъ бы ему быть полезенъ.

29-го. Біографія Арнольда, въ войну за независимость Сѣв. Америки измѣнившаго своему отечеству и перешедшаго къ Англичанамъ, заняла часть вечера. Этотъ эпизодъ Американской войны, въ которомъ маіоръ Андре играетъ трогательную роль, часто описанный, показался мнѣ въ книгѣ Фил. Шаля подробнѣе и занимательнѣе. Любопытны сходства характеровъ на разстояніи вѣковъ у народовъ различныхъ и на точкахъ отдаленныхъ. Невольно вспомнилъ о нѣкоторыхъ чертахъ изъ жизни г-ла Засса.

L'absence du goût n'étonnerait peut-être pas chez une nation qui essaie ses vastes ailes; c'est la hardiesse, la spontanéité, la grandeur des idées et du style, que l'on est surpris de lui demander en vain.

Le lieu commun, cette affreuse contagion de la servitude intellectuelle, se répand comme un nuage gris sur toute une littérature vague, pâle, diffuse, décrépite dans son berceau.

1-го Іюня. Отвѣтъ отъ г-ла Ростовцева съ увѣдомленіемъ о

соизволеніи Наслѣдника на отпускъ до Сентября сына Михаила. Теперь для отъѣзда недостаетъ только денегъ изъ маіората, не смотря на побужденіе.

Les révolutions les plus salutaires ne tiennent jamais, à la génération qui les subit, les promesses qu'elles lui ont faites, et lui amenent des souffrances qu'elle était loin de prévoir.

Celui qui craint son ennemi n'aime pas son ami. C'est à la fois parmi les ambitieux habiles et parmi les dupes sincères que les révolutions prennent leur héros.

2-го Іюня. Графъ Ѳедоръ Вас. Ридигеръ остался до полуночи въ разговорѣ занимательномъ. Знаю этого человѣка съ моей молодости, достигнувшаго теперь значительной извѣстности. При всякой новой съ нимъ встрѣчѣ я находилъ его съ новыми пріобрѣтенными понятіями. Онъ принадлежитъ къ числу немногихъ, которые даже въ преклонныхъ лѣтахъ не только не ослабѣваютъ въ памяти, умѣ и наблюдательности, но посредствомъ ихъ пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе точности въ выводахъ изъ личной и чужой опытности, новыя и вѣрныя понятія о предметахъ и происшествіяхъ, съ усовершенствованною способностію выражать ихъ словомъ. Не смотря на свои лѣта (ему должно быть подъ 70-тъ), онъ не только не слабѣетъ умомъ и характеромъ, но видимо еще растетъ. Это рѣдко. Я слѣдилъ за его разговоромъ съ любопытствомъ, удовольствіемъ и участіемъ. При новыхъ, могугущихъ случиться важныхъ обстоятельствахъ, его поприще не кончено *).

6-го выѣхалъ съ сыномъ Михаиломъ изъ Петербурга въ пять часовъ по полудни; ѣхали день и ночь и, не смотря на задержки на всѣхъ почтахъ до Чернигова, съ поворота отъ шоссе въ 75-ти верстахъ отъ Могилева, пріѣхали 13-го по утру. Семейство засталъ въ положеніи бѣдственномъ, жену въ помѣшательствѣ.... Послѣ трехдневнаго, мучительнаго наблюденія свойствъ болѣзни, удостовѣрившись въ невозможности пользованія дома и въ недостаткѣ средствъ для подъема семейства, куда бы то ни было, равно какъ и для приличнаго помѣщенія несчастной больной по роду ея болѣзни, рѣшился прибѣгнуть къ сердцу Государя чрезъ посредничество графа Орлова. Сына Николая, срокъ отпуска котораго кончается 1-го Іюля, оставляю на дальнѣйшее время въ утѣшеніе и помощь себѣ, о чемъ написалъ къ г. а. Витовтову, объ

*) См. его автобіографію, изложенную въ письмѣ къ Дибичу. Р. Архивъ 1873, стр.0 1339. *П. Б.*

испрошеніи на то соизволенія Государя Наслѣдника; г-ла Безобразова увѣдомилъ о томъ же. Александру Никол. Павлову о моемъ положеніи, о высылкѣ денегъ изъ маіората, если получены, о пріисканіи квартиры для меня съ семействомъ. Письмо къ Константину Ролла, брату жены моей, съ увѣдомленіемъ о ея положеніи. Страшно мое положеніе, но съ Божіей помощью и это приметъ быть можетъ оборотъ полезный для семейства и дѣлъ нашихъ, которыми я слишкомъ долго жертвовалъ, оставляя ихъ на произволъ жены, вошедшей, при всегда достаточныхъ для жизни средствахъ, въ значительные долги. Не думаю роптать на Провидѣніе. Это моя вина собственная, какъ и всѣ ея послѣдствія. Молю только о помощи Божіей исправить испорченное, спасти страдающее семейство. На счетъ общественной дѣятельности кажется, все кончено. Бываютъ однако минуты, въ которыя мнѣ едва вѣрится, чтобы такой рядъ разнородныхъ испытаній былъ на меня ниспосланъ безъ всякой цѣли искупить и образовать меня тяжкими опытами, приготовить во мнѣ годное орудіе для новыхъ заслугъ Государю и Россіи, столько мною любимыхъ. Между тѣмъ и въ эти горестные дни, сколько часовъ почти пріятныхъ проведено мною среди цвѣтущаго и Богомъ охраняемаго семейства, въ прогулкахъ пѣшкомъ и верхомъ по прекраснымъ мѣстамъ усадьбы и окрестностямъ, въ занятіяхъ кабинета! Болѣе скажу: несчастіе, лицомъ къ лицу представшее, пробудило энергію душевную и умственную. Это лѣстница Іакова, это путь къ небу.

10-го Іюля. Сегодня отвѣтъ отъ графа Орлова пріятный: Государь пожаловалъ пособіе для подъема семейства 3 т. р. сер. и обѣщалъ обратить вниманіе на дѣтей. И такъ мысль переѣзда въ Петербургъ можетъ и должна осуществиться, не смотря на всѣ трудности. Положеніе и возрастъ дѣтей того требуютъ.

А. Н. Павловъ между прочими извѣстіями сообщилъ о трагическомъ концѣ Сенявина, товарища министра внутреннихъ дѣлъ и моего сосѣда по квартирѣ въ Петербургѣ. Вышедши на свой балконъ на Таврической улицѣ противъ сада, среди бѣла дня, въ виду проходившихъ, онъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой, но имѣлъ еще силу кинуться съ балкона на мостовую, гдѣ сбѣжавшіеся люди подняли его мертваго. Причиной этого самоубійства полагаютъ оскорбленное самолюбіе тѣмъ, что, въ отсутствіе министра внут. дѣлъ Перовскаго, завѣдывающимъ назначенъ не онъ, какъ обыкновенно дѣлается, но Ланской, сенаторъ и членъ

Госуд. Совѣта. Кромѣ того разстройство, какъ догадываются, его дѣлъ и домашнія непріятности тому способствовали. Другое извѣстіе: дуэль двухъ кавалергардскихъ офицеровъ, графа Гендрикова и Розена на пистолетахъ, въ которой первый, какъ полагали, раненъ въ голову смертельно. Это уже вѣрно за пустяки.

17-го. Въ три часа пятьдесятъ шесть минутъ началось затмѣніе солнца, со страхомъ ожидаемое крестьянами, не смотря на предвареніе. Мы цѣлымъ семействомъ, на зеленомъ кругу передъ домомъ, наблюдали это явленіе сквозь закопченыя стекла. Солнце закрылось до половины и нѣсколько болѣе, какъ грозовая туча набѣжавъ лишила насъ остальнаго и самаго любопытнаго зрѣлища полнаго затмѣнія. На собакахъ незамѣтно было особеннаго вліянія этого явленія: онѣ лежали, и нѣкоторыя спали.

Tout plie devant la gloire, sans avoir à s'abaisser. Les grands génies ne commandent pas: ils inspirent.

24-го. Dieu a voulu que tous les lendemains du plaisir appartinssent au mécontentement et à l'ennui. Voulez-vous retrouver la gaieté? Retrouvez la gravité, l'ordre, la discipline. Voulez-vous devenir chaque jour plus mélancolique et plus sombre? Amusez vous beaucoup, amusez vous tous les jours, amusez vous tant que vous serez amusables, et vous serez étonnés bientôt et désespérés de voir combien peu de temps l'homme est amusable.

27-го. Вчера навѣстилъ и обѣдалъ съ нами докторъ Цыцуринъ изъ Кіева, человѣкъ замѣчательный по уму, знаніямъ и опытности и владѣющій даромъ пріятнаго и заманчиваго слова. Онъ не оставилъ мнѣ надежды на возможное излеченіе больной.

6-го Августа. Долго не открывалась книга, также и сердце, никакому утѣшительному ощущенію. Лучшее въ это время были нѣсколько ночныхъ прогулокъ съ дѣтьми въ полѣ; на одной изъ нихъ мы видѣли метеоръ, огненный шаръ въ діам. 12-ть арш. ядра, низко надъ полемъ пролетѣвшій и брызгами искръ разсыпавшійся. Въ жизни не видалъ метеора красивѣе. Дѣти были въ восхищеніи и не забудутъ.

13-го Августа. Дни продолжаются великолѣпные, но признаки осени появляются: липа желтѣетъ первая и теряетъ листья, груша изъ зеленаго переходитъ въ красный и коричневый цвѣтъ. Жатва стоитъ уже малою частію почти переспѣлая на корню; дороги покрыты возами тяжело нагруженными, и гумна на-

полняются скирдами. Жнивà большею частію золотистыя отмѣчены красноватыми полосами снятой гречихи; сытый перепелъ тяжело перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, вчера собака на лету поймала однаго. Куропатки большими стаями съ шумомъ вспархиваютъ при приближеніи охотника и недалеко опять садятся, не смотря на выстрѣлы. Здѣсь мы почти одни изъ всего большаго сосѣдства выѣзжаемъ въ поле и тревожимъ разную дичь. Между нею попадается красная куропатка, гораздо вкуснѣе обыкновенной; заяцъ, дрофа большими стаями, дикая утка разныхъ видовъ, деркачъ, перелетные журавли могутъ разнообразить охоту. Наша цѣль болѣе прогулка пѣшкомъ и верхомъ, а охота мимоходомъ. Дѣти въ жизни своей нерѣдко вспомнятъ эти благословенныя мѣста, пріятный климатъ и здоровый родъ жизни, не смотря а несчастіе постигшее здѣсь семейство. Оно сжимаетъ мнѣ сердце и начинаетъ наводить угрюмость, и безъ того обычный спутникъ старости. Бороться всѣми усиліями разсудка и сердца противъ этого несноснаго для себя и для другихъ недостатка.

24-го. Великую и праведную горесть неумѣренно стараться развлекать не должно: это посѣвъ свыше. Онъ производитъ новые плоды добра въ душѣ человѣка (*).

3-го Сентября. Ни одна книга между лучшими твореніями мудрости человѣческой не манила меня. Въ неодолимой тоскѣ умственной и душевной я прибѣгнулъ къ Апостоламъ, и съ каждой страницей утихали мало по малу тревога и грусть. Подъ этими впечатлѣніями прошла довольно спокойная ночь, и утро началось продолженіемъ того же чтенія.

28-го. 11-го Сентября, въ Воскресенье, въ 9-ть часовъ утра, отслушавъ молебенъ подъ небомъ передъ домомъ, я выѣхалъ въ трехъ каретахъ со всѣмъ семействомъ изъ Тимчихи, полной для меня воспоминаній тихихъ, горестныхъ и страшныхъ. Мы доѣхали до Конотопа, гдѣ ночевали. Не нашедши тамъ лошадей почтовыхъ, мы на тѣхъ же доѣхали 12-го до Батурина, откуда отправились уже на почтовыхъ, безъ задержки. Ночи были темныя. До станціи Упороя въ Орловской губерніи все шло хорошо, но тутъ колесо у одной кареты изломалось. Приходилось ночевать на почтѣ тѣсной и неопрятной; но помѣщикъ села, графъ Гейденъ пришелъ

(*) 21 Августа этого 1851 года скончалась супруга П. X. Граббе *П. Б.*

самъ на станцію и предложилъ переѣхать къ нему въ домъ. Онъ былъ одинъ: семейство незадолго передъ тѣмъ уѣхало въ Петербургъ. Мы нашли въ прекрасномъ его домѣ гостепріимство самое обязательное и пробыли полтора сутокъ для починки. Съ братьями хозяина я знакомъ; его же встрѣтилъ въ первый разъ. Онъ имѣлъ несчастіе оглохнуть во время Турецкой кампаніи, служа тогда во флотѣ. На первой станціи оттуда въ Дмитровскъ, случилась новая ломка, задержавшая насъ нѣсколько часовъ; мы доѣхали однако на ночь до Орла. Поужинавъ отправились далѣе по шоссе, на утро были въ Тулѣ. Еще была задержка въ городкѣ Черни на нѣсколько часовъ также за починкой. Въ Серпуховъ пріѣхали поздно и въ гостинницѣ нашли хорошій ужинъ. Въ Москву пріѣхали по утру 18-го, остановились въ гостинницѣ Дрезденъ. А. П. Ермоловъ былъ въ деревнѣ. Сынъ его Северъ увѣдомилъ его о моемъ пріѣздѣ, и 19-го въ полдень я имѣлъ радость обнять этого замѣчательнаго человѣка, столько мною любимаго, въ его Московскомъ домѣ. Вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ, и мы просидѣли въ живомъ и разнообразномъ разговорѣ за полночь. 20-го въ 11-ть ч. утра мы выѣхали изъ Москвы и 23-го, въ Воскресенье, въ 9-ть часовъ вечера, остановились передъ домомъ, для насъ приготовленнымъ, гдѣ насъ ожидали.

2-го Октября. Сегодня шесть недѣль прошло послѣ происшествія, на остатокъ моей жизни оставившаго мнѣ предметъ на размышленіе, умиленіе и ужасъ. Сегодня панихида. Письмо къ Е. А. Холмской, начальницѣ Харьковскаго института, о племянницѣ Маріи Македонецъ, круглой сиротѣ, которую принимаю въ свое семейство. Глубокая, опасная тоска.

13-го. Важный моментъ для Франціи. Всѣ министры подали въ отставку, также начальникъ полиціи Карлье. Что̀ затѣваетъ Людовикъ Наполеонъ? Не думаю, чтобы онъ вышелъ счастливо изъ этой борьбы. Она ему не по силамъ.

16-го Октября. Вчера въ первомъ часу дня поѣхалъ въ Зимній дворецъ. Государь принялъ меня въ покояхъ в. к-ни Ольги Николаевны. Его Величество тронулъ меня выраженіями участія въ несчастіи, поразившемъ семейство, выслушалъ внимательно нѣкоторыя подробности, разсказалъ о недавнемъ случаѣ смерти одной дѣвицы, не называя имени, прибавивъ, что здѣсь была причина — насиліе. Передъ пріемомъ канцлеръ г. Нессельроде, при

выходѣ послѣ доклада, подошелъ поздороваться. Государь Наслѣдникъ принялъ меня также сейчасъ по возвращеніи изъ Совѣта, также благосклонно и кротко, съ тѣмъ же трогательнымъ выраженіемъ участія. Послѣ этого я не могъ уже продолжать долѣе своихъ визитовъ и возвратился на весь день домой, и кстати: скоро пріѣхалъ Яковъ Андреевичъ Дашковъ, котораго всегда съ удовольствіемъ вижу.

18-го. Вчера въ часъ въ саняхъ къ в. к-нѣ Еленѣ Павловнѣ; приняла и удержала больше часу разговоромъ, полнымъ участія въ положеніи семейства. До пріема познакомился съ камеръ-юнкеромъ Эдуардомъ Лоде, возвратившимся изъ Лондона, по порученію относительно всемірной выставки. Записался у в. к-нь Екатерины Михайловны, Маріи Николаевны, принца Ольденбургскаго и канцлера.

20-го Окт. Вчера исполнены нѣкоторыя обязанности по приличію. Въ первомъ часу поѣхалъ къ к. Менщикову и съ удовольствіемъ посидѣлъ у него. Онъ далъ мнѣ возраженіе Гайнау на Варшавское описаніе кампаніи 1849 г. Нельзя не признаться, что первое далеко превосходитъ военною критикою несвязное и пристрастное произведеніе неизвѣстнаго мнѣ автора послѣдняго.

21-го Октября. Къ вечеру пушечные выстрѣлы съ крѣпости и въ галерной гавани возвѣстили городу объ угрожающей ему опасности отъ значительнаго возвышенія воды въ Невѣ и каналахъ. Невѣроятно, чтобы Петръ Великій, при построеніи города на такомъ мѣстѣ, имѣлъ мысль поставить его для Имперіи постоянною столицею. Это былъ оплотъ противъ грозной тогда Швеціи, окошко въ Европу, какъ онъ самъ назвалъ, противодѣйствіе Москвѣ недовольной и коснѣющей въ Азіатской жизни, возбужденіе энергіи въ народѣ самою трудностію предпріятія, мысль созданія флота, торговаго духа и промышленности. Все это достижено, или совершенно въ значительной степени. Имперія въ новомъ періодѣ бытія своего. Полезно ли упорствовать и оставлять далѣе, на этой отдаленной и угрожаемой точкѣ необъятнаго государства, рычагъ, двигающій всѣми его силами матеріальными и нравственными? Конечно дивное примѣненіе паровъ къ путямъ сообщенія даетъ этому вопросу новый видъ, но только относительно одного отдаленія отъ центра Имперіи; а угроза отъ наводненія, какъ мечъ Дамоклеса, остается неотвратимою! А какіе милліарды погружены

и еще расточаются на то, чтобы сдѣлать этотъ городъ достойнымъ своего настоящаго названія столицы Россіи.

26-го. Былъ неожиданный посѣтитель, подполковникъ генеральнаго штаба, Пассекъ, въ судьбѣ котораго я принялъ участіе на Кавказѣ, гораздо болѣе въ судьбѣ его брата, убитаго потомъ въ чинѣ г.-маіора въ экспедиціи к-я Воронцова. Ялуторовскъ. Дешевизна тамошней жизни. Пассекъ хорошо и толково разсказалъ мнѣ о непріятностяхъ испытанныхъ имъ во время его служенія въ Зап. Сибири при генералъ-губернаторствѣ к-я Петра Горчакова.

31-го Октября. Не хочу разставаться съ тяжкимъ, но сроднившимся воспоминаніемъ. Она смотритъ на меня кротко съ прекраснаго портрета, передъ моимъ письменнымъ столомъ въ кабинетѣ висящаго. Въ мои одинокіе часы тысячи разнородныхъ ощущеній трогаютъ и умиляютъ душу. Довольно ли оказано было ей, уже бѣдной больной, вниманія и снисхожденія?

11-го Ноября. Вчера по опасной гололедицѣ въ 11-ть часовъ къ графу А. Ѳ. Орлову. Засталъ его одного и съ удовольствіемъ провелъ у него около часу. Условія, на которыхъ онъ принялъ важное свое мѣсто, равно благородныя для предлагавшаго и принявшаго. Вѣрныя понятія его о цѣли учрежденія Пажескаго Корпуса, объ учебной программѣ вообще въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Воспоминанія Аустерлицкаго и Бородинскаго дней. Подарилъ мнѣ два гравированные портрета свои съ оригинала Крюгера. Отъ него заѣхалъ къ адмиралу Колзакову; не заставъ его, оставилъ у швейцара для врученія ему записку о раненомъ подъ Ахульго офицерѣ, имѣющемъ право на покровительство комитета о раненыхъ.

14-го. Семейство обжилось въ новомъ домѣ и въ новомъ положеніи. Часы дня будто сами собой распредѣлились, и всѣ лица приняли выраженіе спокойствія. Дѣтскіе, пріятные ихъ голоса унимаютъ мало по малу тоску и напоминаютъ, что, независимо отъ всякой другой дѣятельности, забота объ нихъ есть уже значительная цѣль жизни для отца, особливо отца большаго семейства.

15-го. Я читаю эти дни Correspondance de Mirabeau et du comte de la Marck. Сколько мыслей возбуждаетъ это увлекательное чтеніе! Главная и господствующая надъ всѣми, это безплодность усилій Мирабо, необычайнымъ геніемъ своимъ далеко превышавшаго всѣхъ современныхъ ему дѣятелей, не смотря на то

въ главнѣйшихъ и лучшихъ своихъ стремленіяхъ къ возстановленію нарушеннаго порядка, къ повиновенію законной власти, къ утвержденію монархіи и спасенію короля и королевы, по недовѣрчивости къ его характеру и, какъ онъ самъ выразилъ съ справедливою гордостію и вмѣстѣ съ отчаяніемъ: «combien l'immoralité de ma jeunesse fait du tort à la chose publique».

16-го Ноября. Во вчерашнемъ номерѣ Сѣв. Пчелы прочелъ о смерти г-ла Котляревскаго. Можно надѣяться, что однимъ объявленіемъ не кончено, что оно пробудитъ не въ одной душѣ, неравнодушной къ славѣ Россіи, воспоминанія о подвигахъ этого знаменитаго мужа, въ свое время грозы враговъ Россіи въ Закавказьѣ, Персіи и Турціи — подвигахъ болѣе личнымъ характеромъ, съ малыми средствами, совершенныхъ. Жестокою раною, полученною при взятіи Ленкорана, принужденный оставить военное поприще, все что̀ потомъ доходило молвою о его частной жизни, прибавляло къ уваженію связанному съ его именемъ. Это одинъ изъ тружениковъ, которыми возвышаются и упрочиваются имперіи. Примѣръ жизни ихъ рождаетъ въ благородныхъ душахъ жажду подражанія. Я не знавалъ его лично, но чтилъ его имя.

21-го Ноября. Въ Парижскомъ законод. собраніи Pierre Leroux, депутатъ, предложилъ по вопросу избирательному, даровать женскому полу равныя права съ мужскимъ. Кошутъ отправился въ Америку. По случаю кончины Ганноверскаго короля, сужденія объ немъ вообще выгодныя за твердое управленіе во время смутъ въ Германіи. Вступленіе на престолъ слѣпаго сына его Георга.

Тихо прошелъ вчерашній праздникъ восшествія на престолъ Императора. Вся царская фамилія въ Царскомъ. Въ часъ былъ въ присутствіи Императора церковный парадъ Семеновскому полку, по случаю полковаго праздника. Щеголеватый полкъ! Государь казался чрезвычайно доволенъ.

27-го Ноября. Вчера была присяга в. к. Николая Николаевича въ зимнемъ дворцѣ. Какъ величественны осанка, походка и черты лица Государя! На немъ печать вождя народовъ! Нѣсколько словъ съ Безакомъ о происшествіяхъ въ Парижѣ. Мы одного съ нимъ мнѣнія, что въ нихъ нѣтъ ничего успокоительнаго, въ противность мнѣнія многихъ. Это только прологъ важныхъ событій, не для одной Франціи угрозительныхъ.

3-го Декабря. Вчера во дворецъ къ обѣднѣ; приглашенный

на завтракъ, былъ позванъ къ Императрицѣ. Благосклонный ея прiемъ. Приступъ неясный пристроить дочерей. Потомъ къ Наслѣдницѣ. Она прислала извиниться: она принимала Англiйскаго посланника Сеймура. Видѣлъ его въ первый разъ при выходѣ; также г-фа Нессельроде-сына съ повязанной рукой, сломанной въ двухъ мѣстахъ при паденiи съ лошади въ Маѣ мѣсяцѣ. Еще разительный примѣръ, какъ не должно торопиться отнимать члены.

Переворотъ во Францiи, начатый президентомъ, покуда идетъ успѣшно, въ одномъ Парижѣ однако силою оружiя и не безъ пролитiя крови. Послѣ вѣроятнаго успѣха угрожаютъ ему покушенiя частныхъ лицъ противъ него. Новые признаки антагонизма между Австрiей и Пруссiей. Все вмѣстѣ утверждаетъ политическое преобладанiе Россiи, одною Англiею оспариваемое.

11-го Декабря. Баронъ Ливенъ назначенъ начальникомъ Военной Академiи. Сухозанетъ уволенъ въ отпускъ на шесть мѣсяцевъ: полезная перемѣна для академiи. Отвѣтъ Вѣнскаго кабинета министру иностр. дѣлъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Вебстеру на его дерзкую ноту, объяснявшую поводъ къ участiю, оказанному имъ Венгерскому возстанiю. Австрорусская нота Палмерстону о прiемѣ и рѣчи его и депутацiи Услингтона въ пользу Кошута. Императоръ Австрiйскiй отказываетъ Англiйскому посланнику Вестмореланду въауденцiи до полученiя отвѣта на ноту. Антагонизмъ правительствъ смѣшанныхъ или представительныхъ съ самодержавными болѣе и болѣе обозначается. Казалось бы, что съ развитiемъ здравыхъ политическихъ идей можно бы понять, что каждый родъ правленiя есть выраженiе и слѣдствiе историческаго положенiя каждаго народа, а не произвольная теорiя. Пропаганда Палмерстоновъ и Вебстеровъ нелѣпа и недостойна политическихъ головъ. Она преступна противъ народовъ, которые въ наслѣдственномъ, законномъ и просвѣщенномъ самодержавiи находятъ спокойствiе, личную и общественную безопасность, внѣшнее могущество, внутреннее обогащенiе, постепенное совершенствованiе законовъ и администрацiи, средства многообразныя, къ полезному образованiю правительствомъ созидаемыя и на духѣ народномъ основанныя. Важны не столько формы правленiя, сколько нравственныя ихъ направленiя; эти зависятъ отъ сложныхъ причинъ, въ различной мѣрѣ каждому народу свойственныхъ и на него дѣйствующихъ.

13-го Дек. Вчера былъ въ засѣданіи Георгіевской думы съ 12-ти до 3-го часа. Между чтеніемъ Опочининъ разсказывалъ разные анекдоты о Екатеринѣ, собраніемъ которыхъ онъ занимался. К. Потемкинъ предлагалъ ей уволить отъ мѣста важнаго чиновника извѣстнаго ей по своей способности и честности. На замѣчаніе ея о причинѣ, когда самъ онъ часто отзывался о немъ выгодно, Потемкинъ отвѣчалъ, что онъ старъ. «Понимаю», сказала Екатерина, «мы берегли его когда онъ намъ былъ нуженъ; теперь, когда мы ему стали нужны, мы удалимъ его», и не согласилась.

Государь, проѣзжая мимо дочерей и Володи гулявшихъ пѣшкомъ по набережной, поклонился имъ.

16-го Декабря. Викторъ Ермоловъ, сынъ Алексѣя Петровича, пріѣзжалъ вчера. Онъ провелъ много лѣтъ на Кавказѣ, разстроилъ здоровье, но закалилъ душу и образовалъ умъ опытомъ. Надѣюсь, что здоровье оправится, а тяжело пріобрѣтенныя преимущества сдѣлаютъ его замѣтнымъ между людьми.

18-го Декабря. Все что̀ доселѣ въ Парижѣ и въ департаментахъ Франціи происходитъ полезно и для нихъ, и для Европы. Пролетаріи и каторжники, угрожавшіе всему, что̀ дорого для человѣка въ обществѣ, одолены. Этотъ смѣлый правительственный ударъ обратится въ честь и славу Людвику Наполеону и помощникамъ его, какъ по смѣлости мысли, такъ и по примѣчательно-умному исполненію. Затрудненія начнутся послѣ; но каковы бы они ни были, не отнимутъ важности оказанной заслуги. Этимъ однимъ уже президентъ занялъ въ исторіи не одной Франціи, но въ исторіи всеобщей, значительное мѣсто. Охотно измѣню прежнее объ немъ мнѣніе, если побужденія чище объяснятся.

20-го Декабря. Вторичное чтеніе Маколея приноситъ столько же удовольствія и занимаетъ, сколько и первое. Въ моемъ служебномъ бездѣйствіи, кромѣ привычныхъ занятій и заботъ о семействѣ, всегда живое воспоминаніе и висящій предо мною портретъ страдалицы не допускаютъ до апатіи. Часто глубокое умиленіе, смѣшанное съ ужасомъ, потрясаетъ душу. Ничто въ моей жизни, довольно обильной необыкновенными положеніями, не производило далеко подобнаго, всеобщаго во мнѣ сотрясенія. Творцу угодно было укрѣпить и сохранить меня. Благодареніе Ему! Для семейства я еще на нѣкоторое время нуженъ.

MÉMOIRES
DE LA COMTESSE EDLING.

Les Mémoires de la comtesse Edling ont été imprimés. en extrait, dans les «Archives Russes» de l'année 1887, traduits du manuscrit français inédit. Ils ont vivement attiré l'attention de l'élite intellectuelle de notre pays.

Leur contenu est également important pour la littérature historique européenne. Aussi le désir de les faire connaître dans leur original a-t-il été exprimé avec insistance, par un nombre de lecteurs des plus compétents en la matière.

Cela nous a déterminé à entreprendre la publication de l'original français de ces remarquables Mémoires.

Les personnes désirant posséder ce livre, peuvent s'en rendre acquéreurs, à raison de 3 roubles ou 6 francs, avec envoie à domicile en s'adressant à Moscou, à la Rédaction des «Archives Russes» Sadovaya, 175, ou chez Gauthier, libraire, au Pont des Maréchaux.

РУССКІЕ ВРАЧИ-ПИСАТЕЛИ.

БОЛЬШОЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ И БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

СОСТАВИЛЪ

Левъ Ѳодоровичъ Змѣевъ,

докторъ медицины.

ПЯТЬ ВЫПУСКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886—1889 (60 печатныхъ листовъ въ большую осьмушку въ два столбца).

Выпуски первый, второй и третій до 1863 года; выпуски четвертый и пятый съ 1863 года. Имена авторовъ расположены въ азбучномъ порядкѣ.

Русскія медицинскія общества, желающія имѣть эту книгу, благоволятъ высылать автору полный экземпляръ (съ начала существованія) своихъ изданій въ обмѣнъ, такъ какъ содержаніе ихъ для слѣдующихъ выпусковъ необходимо, а купить ихъ негдѣ.

Цѣна первымъ тремъ выпускамъ **3** р. **75** к.; четвертому и пятому **4** р. Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ, Пушкинская ул., домъ 9-й, кв. 45. Книгопродавцы пользуются обычной уступкой. Лица, выписывающія прямо изъ склада всѣ пять тетрадей, платятъ **7** р. съ пересылкою. Право перевода и извлеченія удержано.

Усердно просятъ всѣ поправки и дополненія высылать автору по вышеозначенному адресу, а товарищей, носящихъ иностранныя фамиліи, или можетъ быть пропущенныхъ въ Словарѣ, доставить списокъ своихъ сочиненій и хоть краткія біографическія о себѣ свѣдѣнія.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

4.

Стр.

1. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. Воспоминанія **А. В. Щепкиной** 529
2. Два письма **М. С. Щепкина** къ Н. В. Гоголю, о Московскихъ театрахъ и постановкѣ Гоголевскихъ комедій (1836 и 1842) 555
3. Къ исторіи Кавказа и Закавказья 1774. (Рескриптъ **Екатерины Великой** генералу Медему, ея граматы царямъ Карталинскому и Имеретинскому и письма къ нимъ графа **Н. И. Панина**. (Сообщены **В. С. Абакумовымъ**) 559
4. **Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго.** 1826-й годъ. Персидская война. (Лагерь въ Джелалъ-оглу.—Истребленіе Нѣмецкой колоніи.—Грузинская конница.—Возвращеніе князя Меншикова изъ Персіи. — Прибытіе Паскевича и распря съ Ермоловымъ. — Невѣсты. — Стычка съ Гассанъ-ханомъ. — Давыдовъ.—Лагерь въ Гумрахъ) 571
5. **Фельдмаршалъ князь Барятинскій.** Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.** VI и VII. (Успѣхи на Восточномъ Кавказѣ.—Сношенія съ Шамилемъ.—Гунибъ и его взятіе.—Бесѣда съ Шамилемъ) 605
6. Историческое значеніе слова „кормленіе“. **Д. Д. Голохвастова** 650
7. Къ біографіи Р. А. Фадѣева. Замѣтка **Н. А. Фадѣевой** 656
8. Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе.** 1853-й и 1854 годы. (Начало Крымской войны.—Въ ожиданіи должности.—Назначеніе въ Кронштадтъ)

Приложена геліогравюра, изображающая представленіе плѣннаго Шамиля князю А. И. Барятинскому (25 Августа 1859).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1889.

(См. на вн. сторонѣ задней обертки)

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Въ семьѣ и на сценѣ.

I.

Много времени прошло съ той поры, какъ сошелъ со сцены Московскаго театра нашъ дорогой Русскій артистъ М. С. Щепкинъ. Вслѣдъ за нимъ исчезло много его современниковъ, талантливыхъ, державшихся серьезной школы артистовъ, служившихъ украшеніемъ Московской сценѣ. Это была цѣлая группа артистовъ, трудолюбиво изучавшихъ свое искусство. Въ обществѣ еще и теперь вспоминаютъ игру Мочалова и Щепкина, Садовскаго и Шумскаго, и другихъ, болѣе или менѣе талантливыхъ актеровъ того времени. Можно надѣяться, что воспоминанія эти не исчезнутъ безслѣдно, что хоть немногіе изъ знавшихъ этихъ людей постараются собрать отрывочныя воспоминанія въ цѣльные очерки, которые обрисовали бы свойства и характеръ таланта артистовъ, составлявшихъ богатую, блестящую труппу, начиная съ тридцатыхъ и почти до шестидесятыхъ годовъ. Нѣсколько такихъ очерковъ появлялись въ журналахъ, спеціально посвященныхъ искусству; но они не составляли полной біографіи и мало сообщали о развитіи таланта артиста и о той средѣ, въ которой зарождался его талантъ. Самыя подробныя и интересныя воспоминанія о юношествѣ и дѣтствѣ дорогаго нашего артиста М. С. Щепкина были написаны имъ самимъ. Эти живыя и интересныя по своимъ подробностямъ записки были напечатаны и изданы отдѣльной книгою, сыномъ его, Н. М. Щепкинымъ, въ 1864 году.

Воспоминанія М. С. Щепкина оканчиваются его переѣздомъ въ Москву: онъ не успѣлъ провести ихъ далѣе, и къ сожалѣнію, въ нихъ не упоминается ничего ни о Московскомъ театрѣ, ни о жизни въ Москвѣ. Пробѣлъ этотъ старались пополнить выборкою изъ переписки его съ друзьями, изъ писемъ его къ сыну, къ Гоголю, и нѣкоторымъ артистамъ. Рядъ писемъ начинается съ 1827 г.; есть письма изъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ письмахъ этихъ можно прослѣдить, въ какихъ

пьесахъ игралъ М. С. Щепкинъ, по пріѣздѣ въ Москву, въ началѣ своего артистическаго поприща. Въ то время (начиная съ 1824 года) репертуаръ былъ не особенно богатъ; онъ состоялъ большею частью изъ переводныхъ пьесъ Ленскаго и водевилей Писарева; о тѣхъ и другихъ М. С. Щепкинъ отзывается съ большою похвалою и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ переводовъ Ленскаго. Въ письмахъ М. С. Щепкина упоминается пьеса Загоскина: «Благородный Театръ», упоминается «Козьма Рощинъ»; затѣмъ появляются въ переводѣ пьесы Мольера и, наконецъ, «Гамлетъ» Шекспира и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Все это составляло репертуаръ 30-хъ годовъ, и въ этихъ пьесахъ все ярче и ярче развертывался талантъ М. С. Щепкина. Въ сороковыхъ годахъ репертуаръ расширяется пьесами Гоголя, что оживляетъ и возрождаетъ М. С. Щепкина, начинавшаго впадать въ хандру отъ однообразія репертуара, какъ признается онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, и еще откровеннѣе высказывается въ письмѣ къ сыну, Н. М. Щепкину, въ 1848 году.

Записки М. С. Щепкина необыкновенно живо передаютъ его страсть къ театру, вдругъ возникшую въ немъ въ юности. Кромѣ того, въ запискахъ своихъ онъ много говоритъ о провинціальныхъ театрахъ и о нравахъ общества того времени. Прочитывая эти интересныя записки, нельзя не пожалѣть, что онъ не продолжалъ ихъ далѣе. Такъ, многія любопытныя подробности объ его игрѣ на Московской сценѣ и его знакомствахъ въ Москвѣ не переданы имъ самимъ, тогда какъ разсказъ его придалъ бы всѣмъ этимъ подробностямъ много живости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезнаго значенія. Въ запискахъ его мы ничего не находимъ также о его семейной жизни и объ отношеніяхъ къ обществу. Всѣ знали Щепкина, какъ талантливаго артиста; но далеко не всѣ могли знать его, какъ семейнаго человѣка, и не всѣмъ извѣстны его отношенія ко многимъ кружкамъ Москвы, общественнымъ и литературнымъ. Между тѣмъ, только зная его въ семьѣ и въ обществѣ, можно было вполнѣ оцѣнить всѣ рѣдкія свойства его разнообразно - одаренной натуры и понять его высокое умственное и нравственное развитіе, при всей простотѣ и патріархальности привычекъ его и образа жизни. Въ 40-хъ годахъ, въ Москвѣ, его, извѣстнаго уже артиста и всѣми уважаемаго человѣка, окружала большая семья: жена, отличавшаяся замѣчательной добротою, какъ и самъ М. С. Щепкинъ, взрослые сыновья, дочери и воспитанники.

Домъ М. С. Щепкина часто наполнялся его старыми и молодыми знакомыми и друзьями; но онъ и всегда былъ полонъ его собственною семьей, его родными, жившими у него, и разными старушками, которымъ давалъ онъ у себя пріютъ, ради ихъ старости. Это было что-

то въ родѣ домашней богадѣльни, порученной заботливости жены его и одной, немолодой дѣвушки, которая воспиталась у нихъ въ домѣ.

Таковъ былъ составъ семьи М. С. Щепкина, и всѣ въ ней дѣятельно суетились, шумѣли и о комъ-нибудь заботились, и все въ ней было полно жизни, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. По комнатамъ двигались дряхлыя старушки въ большихъ чепцахъ; тутъ-же расхаживали между ними молодые студенты, сыновья М. С. Щепкина, и ихъ товарищи. Часто среди нихъ появлялись молодыя артистки, вмѣстѣ съ нимъ игравшія на Московской сценѣ, и подходили къ хозяину съ поцѣлуями. Поцѣловать М. С. Щепкина считалось необходимымъ. Его обыкновенно цѣловали всѣ—молодыя и пожилыя дамы, и знакомыя, и въ первый разъ его видѣвшія: это вошло въ обычай. «За то вѣдь—говорилъ М. С. Щепкинъ—я и старухъ всѣхъ цѣлую!» Онъ пояснялъ этими словами, какую дань онъ платитъ за поцѣлуй молодыхъ дамъ.

Въ центрѣ этой разнообразной семьи и посѣтителей вы видѣли самого М. С. Щепкина, его полную, круглую фигуру, небольшаго роста и съ добродушнымъ лицомъ. Голова его была большая, какою изображена она на бюстѣ его, работы художника Рамазанова. Большой лобъ казался еще открытѣе отъ потери волосъ. Вокругъ всей головы сохранившіеся еще свѣтлорусые волосы спускались на шею, слегка завиваясь на концахъ. Его пріятныя черты лица и сѣрые съ поволокою глаза были проникнуты живостью и умомъ. Онъ много говорилъ; голосъ его звучалъ громко и мягко, полныя губы быстро шевелились; глаза раскрывались при этомъ шире, и умный взглядъ сопровождался энергичнымъ движеніемъ руки, обыкновенно сжимавшейся въ кулакъ, когда сильныя слова вылетали изъ устъ его энергично и нѣсколько протяжно. Таковъ былъ онъ, когда съ негодованіемъ разсказывалъ о старинѣ и о безправности тогдашняго общества. Такимъ же энергичнымъ, въ движеніяхъ и рѣчахъ, знала его и на сценѣ Московская публика. Такимъ бывалъ онъ при горячихъ спорахъ съ знакомыми или съ молодыми своими сыновьями. Въ спорахъ онъ иногда вскрикивалъ и напиралъ на спорившаго съ нимъ, все заставляя отступать противника; онъ буквально прижималъ его къ стѣнѣ, не переставая сыпать доказательства въ защиту своей мысли. Такимъ бурнымъ видали его въ минуты возбужденнаго чувства и мысли.

Но совершенно другимъ бывалъ М. С. Щепкинъ въ свои тихія минуты домашней жизни. Когда онъ оставался дома по вечерамъ или послѣ обѣда, онъ надѣвалъ свой темный, коричневый халатъ. Около полной шеи его виднѣлся мягкій воротникъ бѣлья; короткія, полныя руки складывалъ онъ обыкновенно за спиною, и лѣниво, и мед-

ленно расхаживалъ по комнатамъ молча. Только изрѣдка обращался онъ въ такія минуты къ домашнимъ съ шуткою, пословицею, или отрывкомъ Малороссійской пѣсни, вставляя ихъ иногда въ шедшій тутъ разговоръ. «Ну да,—произносилъ онъ спокойно,—ажъ на тынъ взлѣзла, та усихъ перелаяла!» Или: «просты мене, моя мила, що ты мене била»... и снова шелъ дальше молча. Это расхаживанье вдоль всѣхъ комнатъ было его отдыхомъ, если онъ не ложился заснуть часокъ въ своемъ кабинетѣ. Часа черезъ два вы видѣли его уже снявшимъ халатъ и одѣтымъ. И освѣженный отдыхомъ, снова живой, вечеромъ онъ отправлялся въ театръ и выходилъ на сцену.

Играть М. С. Щепкину приходилось очень часто, почти ежедневно. Онъ никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей. Но маленькія и безсодержательныя роли тяготили его. За-то какъ одушевлялся онъ каждою хорошею, характерною и богатою содержаніемъ ролью. Такое одушевленіе легко передавалось и слушавшей его публикѣ; его осмысленная, живая игра, казалось, электризовала ее. При выходѣ на сцену, онъ сразу приковывалъ къ себѣ вниманіе зрителей, и они глядѣли на него въ нетерпѣливомъ ожиданіи тѣхъ впечатлѣній, которыя уже не разъ испытывали отъ его игры. Съ какимъ напряженіемъ всѣ вслушивались въ его слова! Полная тишина наступала въ театрѣ, когда знали, что сейчасъ прозвучатъ тѣ слова пьесы, которыя М. С. Щепкинъ произносилъ особенно хорошо. Извѣстны уже были пьесы, въ которыхъ были монологи или куплеты, всегда одинаково хорошо произносимые М. С. Щепкинымъ и никогда не терявшіе вліянія на его слушателей, сколько бы разъ они не слышали ихъ. Такой эффектъ производило всегда его чтеніе прощальнаго куплета въ роли Матроса [1]), когда, приблизясь къ авансценѣ, онъ произносилъ задумчиво и полушепотомъ слова:

Безумецъ!... Ты забылъ, что время,
Какъ шквалъ, рветъ жизни паруса и т. д.

Слова эти относитъ къ себѣ старый матросъ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія посѣтившій родину, на которой все измѣнилось для него. Такая же тишина воцарялась, бывало, въ театрѣ, когда М. С. Щепкинъ читалъ куплетъ въ роли Жокарда [2]), начинавшійся словами:

„Хвала мозолистымъ рукамъ“...

---

[1]) Въ пьесѣ „Матросъ“, перев. съ Французскаго.
[2]) Изъ пьесы „Жокардовъ Станокъ, также перев. съ Французскаго.

При этомъ патетическомъ чтеніи раздавались такіе задушевные звуки голоса въ глубоко-прочувствованныхъ словахъ, слезы слышались въ этихъ звукахъ, и часто въ ложахъ, въ эту минуту также мелькали бѣлые платки, поднесенные къ глазамъ, и потомъ театръ наполнялся взрывомъ аплодисментовъ, внезапно прерывавшихъ тишину.

То были тѣ замѣчательные звуки голоса и та интонація, за которыми исчезали и малый ростъ, и полнота небольшаго корпуса артиста, не совсѣмъ подходившіе къ драматическимъ ролямъ,—и слышались только страданіе человѣка или благородное негодованіе противъ несправедливости. Въ такія минуты вполнѣ выступало художественное чувство высокаго таланта и игра, полная огня и смысла.

Игралъ свои роли М. С. Щепкинъ всегда одинаково хорошо, потому что игра его основывалась на глубокомъ изученіи роли и на обдуманной интонаціи въ произношеніи ея. Онъ не полагался на одно только вдохновеніе,—онъ былъ великій труженикъ. Въ словахъ этихъ нѣтъ преувеличенія для тѣхъ, кто хорошо зналъ привычки нашего дорогаго артиста. Лѣтомъ, когда М. С. Щепкину случалось проводить нѣсколько времени у кого-нибудь на дачѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе вставать и выходить утромъ на прогулку въ 6 часовъ утра. Медленно и тихими шагами расхаживалъ онъ по аллеямъ сада или парка, молча и задумавшись.

— Вы рано встали сегодня? спрашивали его, когда всѣ собирались уже къ утреннему чаю.

— Да, ходилъ по аллеѣ, отвѣчалъ онъ отрывисто. Сто разъ про себя роль прочелъ! прибавлялъ онъ съ нѣкоторой досадой.

Онъ начиналъ сознавать упадокъ памяти; она становилась не такъ воспріимчива, какъ была прежде, и это заставляло его сильнѣе работать, даже въ часы лѣтнихъ утреннихъ прогулокъ. Къ изученію ролей и къ репетиціямъ М. С. относился очень добросовѣстно и строго; невнимательное отношеніе къ нимъ у другихъ артистовъ огорчало и оскорбляло его.

И въ комическихъ роляхъ, въ комедіяхъ, талантъ его увлекалъ публику также сильно, какъ и въ драмахъ. Также внимательно слушали его монологи въ роли Фамусова въ «Горѣ отъ ума» и слѣдили за игрой его лица, за тонкой улыбкой или неожиданно-вырывавшимся жестомъ руки. Интонація его чрезвычайно вѣрно согласовалась у него съ значеніемъ словъ, и роль выдержана была съ начала и до конца съ одинаковою силою. Передъ значительнымъ мѣстомъ въ своей роли онъ быстро одушевлялся и, дѣлая нѣсколько мѣрныхъ шаговъ впередъ (что̀ выходило у него совершенно естественно), не спѣша начиналъ онъ свою вдохновенную рѣчь... «Моя судьба еще-ли не

плачевна?»... раздавалось на сценѣ,—и все притихало, чтобы не проронить ни одного сказаннаго слова.

Въ «Ревизорѣ», въ роли Городничаго, живая, но не суетливая игра М. С. рисовала вамъ человѣка, глубоко увѣреннаго въ себѣ и своей смышленности, опытнаго и спокойнаго, привыкшаго властвовать въ своемъ мірочкѣ. Въ концѣ пьесы вы видите его обманутымъ, но не разбитымъ: онъ снова является старшимъ въ семьѣ и, презрительно упоминая о случайной ошибкѣ, о пустомъ фанфаронѣ, смѣется только надъ легкомысліемъ женщинъ. Все это ясно выражалось въ походкѣ, въ движеніяхъ и интонаціи М. С. въ этой роли. Въ пьесахъ Мольера онъ сохранялъ такую же серьезность и вызывалъ между тѣмъ взрывы хохота у своихъ зрителей одной выразительностью словъ и жестовъ. Онъ то застывалъ на мѣстѣ, то бросался и ходилъ съ необычайной стремительностью и силой, то выразительно искажалось вдругъ лицо его страстью; такимъ былъ онъ въ Скапенѣ, напримѣръ, когда онъ и вынималъ, и вмѣстѣ задерживалъ въ карманѣ кошелекъ съ деньгами.

Но какъ бы ни были живы воспоминанія объ игрѣ артиста, нѣтъ возможности передать ихъ вполнѣ; въ игрѣ актера многое не поддается описаніямъ. Мы постараемся припомнить игру М. С. Щепкина въ нѣкоторыхъ пьесахъ Гоголя и Мольера. Въ «Женитьбѣ» напр., играя роль Кочкарева, онъ поражалъ живостью и бѣготней и какимъ-то энергичнымъ проявленіемъ того спокойнаго легкомыслія, съ которымъ Кочкаревъ впутывался въ чужія дѣла и съ увлеченьемъ принималъ горячо успѣхъ или неудачу своихъ заботъ о женитьбѣ пріятеля. Эти свойства Кочкарева проглядывали въ стремительной ходьбѣ, въ скороговоркѣ и ободряющихъ взглядахъ, устремленныхъ на робкаго пріятеля, котораго онъ взялся пристроить. И все идетъ ровно и плавно, пока неожиданно не обрывается вдругъ эта энергія при вѣсти о бѣгствѣ его жертвы; на мгновеніе стоитъ онъ растерявшись (переходъ этотъ былъ замѣчательно хорошъ у М. С. Щепкина), и вдругъ стремительно убѣгаетъ отыскивать Подколесина, съ новымъ приливомъ энергіи.

При ясномъ умѣ М. С. Щепкина, при его знаніи жизни, ему не трудно было схватить характеръ лица въ пьесѣ: онъ видѣлъ тотчасъ, къ какому разряду людей принадлежитъ изображаемое имъ лицо. И съ тактомъ художника угадывалъ онъ тонъ его рѣчей, его движенія, взглядъ и игру лица и воплощалъ этотъ образъ, являвшійся уже цѣльнымъ передъ глазами зрителей.

Несмотря на полноту свою, М. С. Щепкинъ былъ эластиченъ въ движеньяхъ, силенъ и неутомимъ. Свойства эти сохранилъ онъ до

глубокой старости; большинство ролей своихъ онъ игралъ еще на послѣднемъ году жизни, когда ему было уже болѣе 70 лѣтъ. Онъ, конечно, уставалъ по окончаніи игры; но страсть приковывала его къ театру, который онъ изъ году въ годъ намѣревался оставить.

Изучая роль, М. С. Щепкинъ усвоивалъ больше внутреннія движенія души человѣка. Въ игрѣ его не было подражанія внѣшнимъ привычкамъ, голосу и ухваткамъ различныхъ сословій: онъ никогда никого не копировалъ. У него былъ талантъ—схватить сущность лица и передать это по-своему. Въ его умномъ взглядѣ вы читали мысли изображаемаго имъ человѣка, а тонъ рѣчи и движенья подходили къ характеру роли. При художественномъ пониманіи внутренняго человѣка, М. С. Щепкину не трудно было создать роли и не изъ Русскаго быта; роли изъ комедій Мольера удавались ему какъ нельзя лучше. Такъ, въ комедіяхъ «Мнимый Больной» (*Malade imaginaire*) и «Докторъ по неволѣ» (*Le médecin malgré lui*), въ игрѣ М. С. Щепкина вы видѣли живыми чудаковъ, созданныхъ въ воображеніи Мольера и являвшихся передъ вами въ лицѣ М. С. Щепкина, который оставался всегда немного самимъ собою по внѣшности. Но вы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрно переданный характеръ и забывали иногда о томъ, какой націи и какого слоя общества былъ этотъ чудакъ, выходки котораго заставляли васъ смѣяться до слезъ.

М. С. Щепкинъ всегда оставался немного самимъ собою, сказали мы; но какъ велика была разница между представленнымъ имъ чудакомъ Мольеровской комедіи и между образомъ сыграннаго имъ Полонія въ «Гамлетѣ». Какъ ярко отличались у него серьезный тонъ и заискивающее выраженіе лица смышленнаго придворнаго отъ простодушныхъ чудаковъ Мольера. И до конца Полоній выдерживаетъ серьезность тона и важность движеній, и настоятельно даетъ онъ совѣты опытнаго придворнаго сыну своему Лаэрту. Какъ хорошъ бывалъ Полоній въ игрѣ М. С. Щепкина въ сценѣ его съ принцемъ Гамлетомъ, угодливо отвѣчающій на его замѣчанія объ измѣнчивости облачка на небѣ; а также въ сценѣ съ королемъ, когда онъ сообщаетъ ему о сумасшествіи принца Гамлета. Какъ онъ кланяется и отступаетъ на нѣсколько шаговъ назадъ, со страхомъ передавая королю свои наблюденія и сообщая ему осторожно объ отношеніяхъ Гамлета къ Офеліи.

Въ игрѣ М. С. Щепкина бывало очень много оттѣнковъ и для различныхъ лицъ, и для одного и того же лица въ разныхъ сценахъ пьесы. Такъ, Фамусовъ у себя, въ своей пріемной, сохраняетъ всю важность стариннаго барина-хлѣбосола, съ медленными и солидными движеніями; и тотъ же Фамусовъ подкрадывается къ Лизѣ уже совсѣмъ

другою походкою, ступая на кончикахъ носковъ, чтобы не выдать себя шумомъ шаговъ и утаить свои проказы. Въ послѣдней сценѣ, разразившись надъ дочерью за ея мнимое, заподозрѣнное имъ свиданіе съ Чацкимъ, онъ грознымъ крикомъ обѣщаетъ увезти ее въ глушь, въ Саратовъ; но къ Лизѣ обращается онъ гораздо снисходительнѣе, съ словами: «ты, черноглазая,—все отъ твоихъ проказъ!» И потомъ, отходя въ сторону, онъ произноситъ уже съ оттѣнкомъ отчаянія:

Ахъ, Боже мой! Чтò станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣевна!

Репертуаръ М. С. Щепкина былъ очень разнообразенъ; талантъ его не ограничивался комическими ролями, но захватывалъ и драму. Вотъ какъ говорилъ о его талантѣ С. Т. Аксаковъ въ своей прекрасной рѣчи по поводу пятидесятилѣтняго юбилея артиста: «Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, и я думаю, что въ этомъ отношеніи драма была по преимуществу призваніемъ Щепкина; но его живость, умная веселость, юморъ, его фигура и голосъ, слабый для ролей драматическихъ (ибо крикъ—не голосъ), навели его на роли комическихъ стариковъ,—и слава Богу!» Немного драматическихъ ролей оставалось за М. С. Щепкинымъ.

Онъ знакóмъ былъ съ Малороссіей, потому что долго былъ на сценѣ въ Полтавѣ и въ Харьковѣ, и неподражаемо игралъ Малороссовъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и въ «Москалѣ Чаривникѣ». Въ то время никто не могъ сравняться съ нимъ въ этихъ пьесахъ, исключая развѣ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Саленика, который приводилъ въ восхищеніе самого М. С. Щепкина. Это была еще одна почтенная черта Щепкина: онъ всегда радовался чужому таланту и никогда не желалъ уменьшить его достоинства. Когда съ нимъ говорили о какомъ-нибудь артистѣ и спрашивали его мнѣнія, онъ дѣлалъ оцѣнку таланта такъ вѣрно и съ такой точностью и удовольствіемъ, будто говорилъ о стоимости дорогихъ монетъ, въ тоже время любуясь ими.

И, не смотря на такое искреннее отношеніе къ чужому таланту, окружавшіе его артисты питали недовѣріе къ его совѣтамъ. Артистки, напротивъ, вѣрили въ его участіе и желаніе быть имъ полезнымъ. Онѣ охотно слушали и его совѣты, и объясненія ролей. Нѣсколько замѣчательныхъ женскихъ талантовъ развивались подъ его вліяніемъ и пользовались постояннымъ его вниманіемъ. И ихъ всегда можно было встрѣтить въ его семьѣ, въ числѣ другихъ друзей и знакомыхъ. Многія изъ знавшихъ его артистокъ навсегда сохранили о немъ са-

мое теплое воспоминаніе. М. С. Щепкинъ въ молодости такъ одиноко проходилъ дорогу труда, что хорошо понималъ, какую пользу могли принести поддержка и совѣтъ каждому начинающему свое поприще. А какъ художникъ, любившій искусство, онъ принималъ участіе въ молодыхъ талантахъ. Онъ и вообще тепло относился къ людямъ и всегда готовъ былъ оказать помощь каждому новому знакомому, если цѣнилъ въ немъ умъ, талантъ или добрую натуру.

Самъ М. С. Щепкинъ развивался одиноко; лишь позднѣе, въ Москвѣ, встрѣтилъ онъ кругъ знакомыхъ, разнообразное развитіе которыхъ, конечно, имѣло вліяніе и на его дальнѣйшее развитіе. Такъ, знакомство съ Н. В. Гоголемъ и появленіе его пьесъ въ Русскомъ репертуарѣ значительно оживило и воскресило М. С. Щепкина, начинавшаго хандрить отъ однообразія своихъ ролей. Вотъ что̀ онъ писалъ артисту Сосницкому по этому поводу: «Благодаря театру, я приходилъ уже въ какое-то не спящее, но дремлющее состояніе. Бездѣйствіе совершенно меня убиваетъ. Я сдѣлался какою-то ходячею машиною или вѣчнымъ дядею; я давно забылъ, что̀ такое комическая роль,—и вдругъ письмо твое дало новыя надежды, и я живу новою жизнью». Онъ писалъ это, услышавъ о постановкѣ «Ревизора» на Петербургской сценѣ. Дѣйствительно, если онъ нѣсколько дней сряду игралъ пустыя роли и въ пустыхъ пьесахъ, то впадалъ въ совершенную апатію и мрачно, и молча ходилъ по комнатамъ. Но хорошая пьеса и хорошая роль могли преобразить М. С. Щепкина. Онъ оживлялся и начиналъ много говорить о новой пьесѣ, о трудныхъ мѣстахъ своей роли, но они одушевляли его. Такъ радовался онъ пьесамъ Тургенева, такъ одушевлялся пьесами Гоголя.

Щепкинъ очень любилъ пьесы Гоголя и самого автора, съ которымъ хорошо былъ знакомъ; Гоголь, съ своей стороны, былъ очень расположенъ къ нему. Оба они знали и любили Малороссію и охотно толковали о ней, сидя въ дальнемъ углу гостинной въ домѣ М. С. Щепкина. Они перебирали и обычаи, и одежду Малороссіянъ, и, наконецъ, ихъ кухню. Прислушиваясь къ ихъ разговору, вы могли слышать подъ конецъ: варенники, голубцы, паленицы,—и лица ихъ сіяли улыбкою. Изъ разсказовъ М. С. Щепкина Гоголь почерпалъ иногда новыя черты для лицъ въ своихъ разсказахъ, а иногда цѣликомъ вставлялъ цѣлый разсказъ его въ свою повѣсть. Это дѣлалось по просьбѣ М. С. Щепкина, который желалъ, чтобы характерныя выраженія или происшествія не пропали безслѣдно и сохранились въ разсказахъ Гоголя. Такъ М. С. Щепкинъ передалъ ему разсказъ о городничемъ, которому нашлось мѣсто въ тѣсной толпѣ и о сравненіи его съ лакомымъ кускомъ, попадающимъ въ полный желудокъ. Такъ слова

исправника: «полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ» — были переданы Гоголю М. С. Щепкинымъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ М. С. Щепкинъ сообщаетъ Сосницкому, что Гоголь, будучи въ Москвѣ, показывалъ ему начатую пьесу: «Женитьба». «И я совѣтовалъ Н. В. (Гоголю) кой-что измѣнить, и передалъ ему еще многое о купеческихъ обычаяхъ при свадьбахъ», прибавляетъ онъ. Нельзя утверждать, чтобы Гоголь всегда охотно принималъ совѣты, но М. С. Щепкинъ всегда заявлялъ свое мнѣніе искренно и безъ утайки. Замѣчательно письмо его къ Гоголю въ 1847 году, послѣ прибавленной Гоголемъ «Развязки Ревизора»; по тону письма видно, насколько М. С. Щепкинъ огорченъ и раздраженъ передѣлкою лицъ въ «Ревизорѣ». «Я вамъ ихъ не дамъ; не дамъ, пока существую, писалъ онъ. Послѣ меня передѣлывайте, хоть въ козловъ, а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморду, потому что и онъ мнѣ дорогъ». Такъ сильно привязывался М. С. Щепкинъ къ любимымъ пьесамъ и стоялъ за ихъ достоинства. Письмо его къ Гоголю приложено къ его «Запискамъ».

Также сильно увлекали его пьесы Тургенева; при постановкѣ ихъ на сцену, М. С. Щепкинъ съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ его пьесахъ. Когда И. С. Тургеневъ пріѣзжалъ въ Москву, то всегда бывалъ въ домѣ М. С. Щепкина, и иногда самъ читалъ ему свою пьесу. И М. С. Щепкинъ любилъ анализировать всѣ характеры его пьесы, въ присутствіи самого Тургенева и вмѣстѣ съ нимъ. И. С. Тургеневъ относился къ М. С. Щепкину съ чрезвычайною мягкостью и добродушіемъ, чтó было вообще свойственно его характеру. Изъ пьесъ Тургенева М. С. Щепкинъ любилъ «Провинціалку», въ которой онъ игралъ стряпчаго. Но особенно нравилась ему пьеса «Нахлѣбникъ» и роль самого Нахлѣбника. Когда пьесу эту задерживали, и она долго не появлялась на сценѣ, то М. С. Щепкинъ пробовалъ ставить ее на домашнемъ спектаклѣ у своихъ знакомыхъ, и разучивалъ роль Нахлѣбника съ величайшимъ удовольствіемъ и одушевленіемъ. Роль эта занимала его въ продолженіе цѣлой зимы, хотя, къ сожалѣнію, спектакль не состоялся.

II.

Знакомства М. С. Щепкина были самыя разнобразныя. Его одинаково радушно принимали во всѣхъ слояхъ Московскаго общества; онъ оживлялъ компанію множествомъ разсказовъ изъ прошлаго и передавалъ всѣ замѣчательныя происшествія, сохранившіяся въ его памяти. Разсказы его бывали всегда характерны; онъ живо рисовалъ провинціальные нравы и вспоминалъ о безправіи и самоуправствѣ,

царившихъ въ двадцатыхъ годахъ. Говоря о привычкахъ и обычаяхъ того времени, онъ утверждалъ всегда, что все замѣтно улучшается на его глазахъ, и эта мысль объ улучшеніи нравовъ постоянно радовала его. На ней онъ основывалъ надежду на улучшеніе многаго въ Россіи. Серьезное и забавное перемѣшивалось въ разсказахъ М. С. Щепкина. Такъ онъ разсказывалъ иногда о самоуправствѣ одного вліятельнаго лица, построившаго шлагъ-баумъ на проѣзжей дорогѣ, чтобы никто не смѣлъ проѣхать мимо его имѣнія, не явившись къ нему; такія остановки на пути, конечно, вели къ столкновеніямъ, а иногда и оскорбленіямъ, очень безцеремоннымъ со стороны этого вліятельнаго лица. Разсказывая о лѣнивой жизни помѣщиковъ, проводившихъ время за ѣдой и отдыхомъ послѣ ѣды, М. С. Щепкинъ вспоминалъ объ одномъ замѣчательномъ по этой части помѣщикѣ. Помѣщикъ этотъ разросся, наконецъ, до такой толщины, что не могъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ, благодаря своей необъятной фигурѣ, и приборъ для него помѣщали всегда на его собственномъ, выдавшемся впередъ обширномъ животѣ. Такихъ разсказовъ и анекдотовъ у М. С. Щепкина былъ неистощимый запасъ. Память его сохранилась до конца его жизни совершенно ясною. Часто въ своей семьѣ, или гдѣ-нибудь въ обществѣ, онъ начиналъ читать наизусть, безъ всякаго приготовленія, куплеты изъ старинныхъ водевилей, монологи изъ пьесъ и цѣлыя сцены, составленныя для одного лица. Въ одной изъ такихъ сценъ представлялся охотникъ, разсказывающій о выбѣжавшихъ зайцахъ и о подвигахъ своихъ собакъ; одушевясь, охотникъ разсказываетъ, какъ онъ травилъ, улюлюкалъ, упрашивалъ своего Полканушку поймать звѣря. Вся живость и горячность охотника передавалась М. С. Щепкинымъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ и замѣчательной игрой лица. Другой разсказъ, также вѣроятно слышанный многими, былъ о «Нѣмцѣ», зажигавшемъ потѣшные огни; разсказъ этотъ шелъ съ такою же живостью, и вся эта живость, вся работа памяти являлась еще въ послѣдніе годы жизни М. С. Щепкина, когда ему было уже болѣе 70-ти лѣтъ.

Несмотря на такую память, М. С. Щепкинъ постоянно прочитывалъ даже хорошо знакомыя роли и вновь обдумывалъ, какой тонъ придать рѣчамъ какого нибудь лица. Характеры лицъ и значеніе пьесы опредѣлялъ онъ очень быстро. Какъ интересно бывало слышать его опредѣленія, изложенныя всегда ясно и просто. Случилось однажды, что кто-то изъ молодыхъ людей его семьи спросилъ у него:

— Какъ вамъ кажется, М. С., не правда ли, что въ характерѣ Чацкаго есть большое сходство съ Мизантропомъ Мольера?

М. С Щепкинъ тотчасъ же живо возразилъ на этотъ вопросъ и, одушевляясь мало по малу, началъ объяснять съ жаромъ разницу между значеніемъ характеровъ этихъ двухъ лицъ. «Чацкій—говорилъ онъ—дѣйствительно переросъ наше Русское общество того времени. Раздраженъ Чацкій потому, что онъ видитъ вокругъ себя устарѣлые нравы и дѣйствительно смѣшныя слабости и пороки общества; пороки эти отразились на его судьбѣ, сдѣлали его несчастнымъ. А у Мольера—Мизантропъ его самъ виноватъ въ томъ, что не любитъ людей; въ немъ самомъ была избалованность, требовательность и нетерпимость. Эти собственные недостатки его и мѣшали ему любить общество.»

М. С. Щепкинъ съ дѣтства былъ одаренъ большою любознательностью, и все затрогивало его живой умъ. Къ математикѣ была у него большая способность; онъ учился и рисовать планы, и измѣрять землю. Будучи еще въ Курскомъ четырехъ-классномъ училищѣ, онъ получилъ одинъ разъ практическія занятія по этой части и выполнилъ ихъ очень успѣшно. Случайность помѣшала М. С. выучиться иностраннымъ языкамъ, преподававшимся въ старшихъ классахъ; но онъ много читалъ Русскихъ книгъ еще мальчикомъ; доставалъ онъ это чтеніе у книгопродавцевъ въ Курскѣ. Въ запискахъ своихъ онъ упоминаетъ, что жившій въ Курскѣ поэтъ Богдановичъ предложилъ М. С. Щепкину пользоваться его библіотекой, и онъ получалъ отъ него книги историческія и сочиненія литераторовъ того времени. И позднѣе, живя въ Москвѣ, онъ не переставалъ заботиться о расширеніи своихъ знаній; и книга, и живое слово плодотворно отзывались въ его умѣ: онъ ничего не пропускалъ безъ вниманія, а въ обширномъ кругу его знакомыхъ бесѣды шли самыя разнообразныя.

Между многими знакомыми ему семьями Москвы, особенно близко и дружески знакомъ онъ былъ съ профессоромъ Перевощиковымъ; М. С. Щепкинъ былъ почитателемъ ума и таланта этого извѣстнаго ученаго, астронома и математика. Очень многочисленная семья профессора была коротко знакома съ семьею М. С. Щепкина; сыновья ихъ, дружные съ дѣтства, встрѣтились и въ университетѣ. Лѣтомъ молодые люди вмѣстѣ проводили время на дачахъ подъ Москвою. Такое же близкое отношеніе было у М. С. Щепкина къ С. Т. Аксакову, автору «Семейной Хроники»; знакомство это несомнѣнно имѣло хорошее вліяніе на дальнѣйшее развитіе таланта М. С. Щепкина; въ обществѣ С. Т. Аксакова, въ семьѣ его, М. С. находилъ полное удовлетвореніе своимъ умственнымъ интересамъ. И въ послѣдніе годы жизни М. С. Щепкинъ всегда оживлялся при воспоминаніи о немъ и тепло говорилъ объ Аксаковыхъ. Оба семейства были также знакомы между собою; сыновья Щепкина съ дѣтства знали сыновей С. Т. Аксакова,

которые въ домѣ ихъ принимали иногда участіе въ домашнихъ спектакляхъ. Въ числѣ его короткихъ знакомыхъ былъ также М. П. Погодинъ. Упоминая объ интимныхъ знакомыхъ М. С. Щепкина, нельзя не упомянуть объ Н. Х. Кетчерѣ, извѣстномъ переводчикѣ Шекспира, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ и частыхъ его посѣтителей; и при его пониманіи сценическаго искусства, онъ могъ, конечно, облегчать М. С. Щепкину затруднительные вопросы по поводу его ролей, особенно если вопросы эти возникали о пьесахъ Шекспира. Любитель и хорошій цѣнитель театра, Кетчеръ былъ коротко знакомъ съ лучшими артистами, и всѣ они во многомъ руководились его мнѣніями и совѣтами.

Такой кругъ знакомыхъ все болѣе развивалъ у М. С. Щепкина интересъ къ литературѣ; въ семьѣ его слѣдили за всѣмъ вновь выходящимъ, сколько нибудь замѣчательномъ, и съ радостію встрѣчали появлявшіеся таланты. Искусство во всѣхъ его проявленіяхъ интересовало М. С. Щепкина: онъ любилъ живопись и не чуждъ былъ музыкѣ. Хотя самъ М. С. Щепкинъ мало учился музыкѣ, но въ дѣтствѣ его учили играть на гусляхъ; инструментъ этотъ часто встрѣчался тогда и замѣнялъ маленькое фортепіано, появившееся позднѣе въ домашней жизни въ провинціи. Игра на гусляхъ познакомила М. С. Щепкина съ начальными основаніями музыки. На театрѣ въ Полтавѣ ему по неволѣ приходилось пѣть въ операхъ: труппа была невелика, и каждый актеръ долженъ былъ участвовать во всевозможныхъ пьесахъ. Но у М. С. Щепкина былъ пріятный голосъ и очень хорошій слухъ; партіи же свои онъ разучивалъ съ помощью музыканта, игравшаго ему на скрипкѣ.

Вообще М. С. Щепкинъ понималъ музыку настолько, что ему доступны были не одни лишь народные, Малороссійскіе напѣвы, которые онъ любилъ и подчасъ пѣвалъ у себя дома; онъ понималъ и любилъ также вѣчныя произведенія великихъ музыкантовъ и хорошо различалъ серьезный и глубокій характеръ музыки Бетховена и Моцарта. Онъ часто говорилъ о свѣтлыхъ мотивахъ Моцарта, послѣ какого нибудь слышаннаго концерта. Въ Москвѣ М. С. Щепкинъ былъ окруженъ артистами-музыкантами. Хотя въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ не было ни консерваторіи, ни музыкальныхъ обществъ, но было много хорошихъ музыкантовъ въ оркестрѣ при Императорскомъ театрѣ. Всѣ концерты устраивались съ ихъ помощью и подъ управленіемъ капельмейстера Іоганнеса, основательнаго музыканта. Іоганнеса нерѣдко можно было встрѣтить въ домѣ М. С. Щепкина, и случалось слышать при этомъ, что оба они по долгу бесѣдовали о музыкѣ, помѣстясь въ дальнемъ углу комнаты.

Еще чаще бывалъ въ домѣ Щепкиныхъ другой прекрасный музыкантъ-піанистъ Рудольфъ, дававшій уроки музыки въ Москвѣ. О немъ М. С. Щепкинъ говорилъ обыкновенно: «Рудольфъ теперь состарѣлся, но онъ былъ замѣчательнымъ піанистомъ; пріѣхавши въ Москву, я засталъ его молодымъ; онъ былъ въ большомъ почетѣ, какъ учитель. Въ игрѣ его много души и теперь,—и какая была мягкость туша!» Отзывъ этотъ былъ, вѣроятно, справедливъ; мы встрѣчали Рудольфа въ домѣ М. С. Щепкина уже больнымъ старикомъ, но при всемъ этомъ онъ сохранилъ мягкость туша и чистоту игры. Всѣ Листовскія переложенія пѣсенъ Шуберта онъ помнилъ наизустъ; онъ любилъ и глубоко чувствовалъ музыку, хотя ему было уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Рудольфъ блаженствовалъ, когда садился за рояль; онъ фантазировалъ и оглядывался на слушателей, сладко улыбаясь. Прекрасная и одушевленная игра его часто раздавалась въ домѣ М. С. Щепкина.

Въ домѣ М. С. Щепкина, въ его радушной семьѣ, можно было видѣть домашнюю жизнь людей развитыхъ и готовыхъ охотно раздѣлить свои интересы съ посѣтителями. Домъ М. С. Щепкина принадлежалъ къ тѣмъ домамъ старинной Москвы, въ которыхъ находило пріютъ искусство; а простые и добрые обычаи семьи отрадно дѣйствовали на посѣщавшую ихъ молодежь. И пожилые люди находили тутъ отдыхъ отъ другихъ кружковъ, стѣснительныхъ своею натянутостью, своими претензіями на образованность, при полномъ отсутствіи присущихъ образованности интересовъ. Съ тѣхъ поръ жизнь измѣнила свои формы, и такія семьи становятся уже рѣдкостью. И также рѣдко встрѣчается уже та любовь къ искусству и осмысленное служеніе ему на сценѣ въ соединеніи съ упорнымъ трудомъ. Духъ наживы, стремленіе къ беззаботному веселью и блестящей обстановкѣ,—вотъ что̀ чаще влечетъ на сцену, безъ особой любви и призванья къ ней. Все рѣже встрѣчаются Русскіе таланты, доходящіе до полнаго развитія, не пренебрегающіе трудомъ и заботой о самообразованіи.

Рѣдко, конечно, выпадаетъ на долю одного человѣка такой сильный и полный талантъ, какимъ одарила природа М. С. Щепкина, поставивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ въ благопріятную обстановку для развитія этихъ даровъ. Онъ выступилъ на сцену по склонности къ театру, но какъ бы случайно. На немъ не было ярлычка, обозначавшаго для публики молодаго человѣка многообѣщающаго. Онъ не былъ забалованъ незаслуженно, за нимъ не гонялись ради его красивой наружности. Его приглашаютъ на сцену—работать, и онъ начинаетъ свою работу съ низшихъ ступеней, и работаетъ въ простотѣ сердца,

но съ вѣрою въ свое призваніе; а главное—проникнутый уваженіемъ къ искусству. Въ его собственныхъ «запискахъ» можно прослѣдить развитіе его таланта. Онъ былъ ребенкомъ, когда впервыя въ жизни получилъ понятіе о томъ, что̀ такое театръ. Это было на домашнемъ спектаклѣ въ домѣ графа Волькенштейна. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ затѣваетъ спектакль въ деревенской школѣ, и отъ души наслаждается своимъ первымъ успѣхомъ. Лѣтъ 15-ти онъ видитъ игру князя Мещерскаго въ роли Скупаго, на домашнемъ спектаклѣ. Вокругъ себя онъ слышитъ похвалы этой игрѣ за ея естественность, и слышитъ, что въ этомъ признаютъ особый талантъ. Вокругъ него говорятъ объ этой игрѣ, какъ объ искусствѣ, котораго рѣдко кому удается достигнуть. Затѣмъ, никто около него не толкуетъ ни о жалованьи актера, ни о бенефисахъ, никто не поощряетъ его трудиться ради этихъ цѣлей. Около него нѣтъ кутежей или загородныхъ катаній въ увеселительныя мѣстности, нѣтъ искушеній: онъ живетъ простыми, здравыми интересами. Только близкіе друзья видятъ въ немъ ту теплую искру, которой постепенно суждено было развиться до такого яркаго свѣта. Однимъ изъ такихъ друзей былъ Барсовъ, ангажировавшій его на театръ въ Полтаву. М. С. Щепкинъ начинаетъ работать надъ собою, чтобы достичь той естественности, которая удивила его въ игрѣ князя Мещерскаго; онъ твердитъ роли и слушаетъ, и провѣряетъ себя. Его страсть къ театру уже соединяется тутъ съ стремленіемъ къ болѣе высшему искусству, чѣмъ тѣ представленія, которыя онъ видитъ вокругъ себя въ Курскѣ, Харьковѣ и Полтавѣ. У него есть свой идеалъ искусства.

Образованіе М. С. Щепкина также не остановилось по выходѣ его изъ школы. Онъ много читаетъ. М. С. Щепкинъ въ «запискахъ» своихъ замѣчаетъ, что «судьба баловала его отъ рожденія». Но подъ этимъ баловствомъ онъ не подразумѣваетъ, чтобы она осыпала его деньгами или удобствами жизни; нѣтъ, судьба давала только возможность развиться его уму и таланту; она даетъ ему случай удовлетворить его страсти къ сценѣ и удовлетворить любознательности его ума. Затѣмъ сила таланта и сила его натуры ведутъ его впередъ, все дальше и дальше.

Наконецъ, онъ появляется въ Москвѣ и также благопріятно сразу попадаетъ въ лучшую обстановку для своего таланта, хотя въ денежномъ отношеніи положеніе его еще долго не улучшается, и какъ семейный человѣкъ онъ долго еще чувствуетъ себя въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь надо сказать о томъ счастливомъ условіи, которое такъ хорошо поставило его въ Москвѣ: это было родственное и хорошее отношеніе къ П. С. Щепкину, профессору матема-

тики при Московскомъ университетѣ. Профессоръ П. С. Щепкинъ происходилъ отъ другой линіи Щепкиныхъ, родоначальникъ которой былъ священникомъ въ Калугѣ. М. С. Щепкинъ нашелъ радушный пріемъ у своего родственника и у него познакомился со многими профессорами университета. Это счастливое обстоятельство сразу поставило его въ близкое отношеніе къ образованнымъ кружкамъ Москвы.

Такимъ образомъ начались знакомства М. С. Щепкина съ кружками литературными и людьми развитыми, среди которыхъ онъ нашелъ умственное и душевное удовлетвореніе. То было вообще время болѣе благопріятное для искусства и для артистовъ, и М. С. Щепкинъ, при первомъ появленіи въ Москвѣ, быстро находитъ доступъ ко всему, что̀ было наиболѣе развитаго въ кружкахъ Москвы, и среди нихъ онъ ищетъ и находитъ отвѣтъ на всѣ неясные ему еще вопросы объ искусствѣ. Ему сразу отворяются дома образованныхъ людей, а публика сосредоточиваетъ на немъ свое вниманіе на Московской сценѣ. Это вниманіе скоро переходитъ въ горячее сочувствіе къ таланту и къ высокому нравственному строю живаго ума, который всегда проглядывалъ въ игрѣ М. С. Щепкина.

Рѣже появляются теперь сильные Русскіе таланты, быть можетъ потому, что и среда уже измѣнилась и не такъ благопріятна для ихъ развитія. Появляясь, они не находятъ того вниманія и участія со стороны общества; имъ трудно проникнуть въ среду развитыхъ людей, которые могли бы раздѣлить съ ними свои взгляды и свое уваженіе къ искусству. Быть можетъ публика, привыкнувъ забавляться веселыми оперетками, не скоро увлеклась бы серьезнымъ артистомъ, избѣгая глубокихъ впечатлѣній, пробуждающихъ мысль и чувство. И въ многочисленныхъ массахъ, наплывающихъ въ наши театры, много ли найдется слушателей, овладѣвъ вниманіемъ которыхъ, артистъ могъ бы, по словамъ С. Т. Аксакова, заставить ихъ: «одно съ нимъ чувствовать, одному радоваться, одно съ нимъ ненавидѣть и объ одномъ скорбѣть!» *)

III.

Личное знакомство наше съ Михаиломъ Семеновичемъ Щепкинымъ началось съ Мая 1845 года, когда мы встрѣтились въ Москвѣ. До того времени мнѣ случалось видѣть Михаила Семеновича Щепкина только на сценѣ, въ пьесахъ Шекспира и комедіяхъ Гоголя, и цѣнить въ немъ его привлекательный талантъ артиста; но часто я слышала и о томъ, что онъ не менѣе привлекателенъ въ обществѣ, и

*) До этого мѣста статья эта появилась въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1887 г. П. Б.

представляетъ замѣчательный образецъ человѣка семейнаго. Много наслышалась я о немъ отъ сына его Николая Михаиловича, котораго судьба забросила случайно въ Воронежскую губернію, гдѣ онъ познакомился со всей нашей семьей. Михаилъ Семеновичъ далъ сыну своему письмо къ Ал. Вл. Ст—чу, съ которымъ былъ знакомъ, случайно встрѣтившись съ нимъ въ Одессѣ. Изъ разсказовъ Ал. Вл. Ст—ча мы знали много подробностей о жизни Щепкина, съ которымъ они часто и много бесѣдовали вдвоемъ, и купались въ морѣ. При купаньѣ Михаилъ Семеновичъ уплывалъ такъ далеко въ открытое море, что совершенно скрывался изъ виду. Онъ былъ замѣчательнымъ пловцемъ, и упоминаетъ въ своихъ «запискахъ», что самый организмъ его былъ такъ устроенъ, что онъ могъ спокойно лежать на водѣ и не тонулъ. Благодаря этой способности, онъ смѣло бросался въ воду, завидѣвъ утопающаго, и спасъ нѣсколько человѣкъ въ продолженіе своей жизни.

Когда, наконецъ, мнѣ случилось лично встрѣтиться съ М. Семеновичемъ, то его добродушная физіономія, привѣтливое, полное теплой ласки обращеніе, и умный, задумчивый взглядъ, удовлетворили всѣмъ моимъ ожиданіямъ. Съ первой встрѣчи былъ онъ симпатиченъ, и чувство это не уменьшилось со временемъ. Первая встрѣча наша была въ Москвѣ, въ гостинницѣ Дрезденъ, куда М. С. Щепкинъ зашелъ посѣтить насъ, и былъ хорошо настроенъ при этой встрѣчѣ. Спокойно расположившись въ креслѣ, съ сигарой въ небольшой и полной рукѣ, онъ тихо улыбался, прихлебывая изъ стакана чай (который всегда былъ его любимымъ напиткомъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ велъ одушевленную бесѣду. Онъ разсказывалъ о театрѣ и о постановкѣ нѣкоторыхъ новыхъ пьесъ, по случаю пріѣзда въ Москву артиста Мартынова изъ Петербурга. Онъ припоминалъ тутъ, о чемъ всегда любилъ вспоминать, какъ на глазахъ его подвинулось впередъ театральное искусство.

«Я помню, что уже въ мое время, сообщалъ онъ, считалось невозможнымъ говорить на сценѣ просто и непринужденно, какъ говорятъ въ жизни: это считалось неприличнымъ для сцены. Роль необходимымъ считалось декламировать, а особенно въ драмѣ, да еще написанной въ стихахъ! А, уходя со сцены, необходимымъ считалось поднять одну руку и идти такъ до самаго выхода со сцены». При этихъ словахъ М. С. Щепкинъ всталъ съ кресла, поднявъ одну руку вверхъ, и мѣрными шагами прошелъ чрезъ всю комнату, не опуская руки, что выходило у него очень комично. Эти воспоминанія о старинныхъ пріемахъ на сценѣ часто случалось слышать отъ Мих. Семеновича и послѣ. Онъ объяснялъ, что декламація и чтеніе на распѣвъ зародились у насъ, какъ подражаніе искусственной игрѣ въ клас-

сическихъ драмахъ Расина и Корнеля на Французской сценѣ. Онъ удивлялся, что неестественность такихъ пріемовъ никого не удивляла и никому не бросалась въ глаза, и даже удовлетворяла зрителей. Разговоръ М. Семеновича перешелъ потомъ къ пьесамъ Гоголя, которыми онъ тогда сильно одушевлялся. Онъ разговорился о Русскихъ артистахъ того времени, многихъ очень хвалилъ, о другихъ полагалъ, что имъ надо бы больше работать, чтобъ не остановиться на одномъ мѣстѣ. Тутъ же Михаилъ Семеновичъ пригласилъ насъ посѣтить его семью, и мнѣ представилась возможность увидѣть его въ его домашней обстановкѣ среди разнообразнаго окруженія, которое онъ понемногу собралъ около себя.

Михаилъ Семеновичъ жилъ въ то время въ собственномъ домѣ, въ Спасскомъ переулкѣ, на Садовой, недалеко отъ Цвѣтнаго бульвара. Въ этомъ домѣ выростали всѣ его дѣти, и воспоминаніе объ этомъ домѣ и о радушныхъ его обитателяхъ, вѣроятно сохранилось еще у многихъ изъ старыхъ знакомыхъ, которые посѣщали тогда семью Щепкиныхъ. Михаилъ Семеновичъ рѣшился призанять денегъ и купить этотъ домъ еще въ 1830 году, и жилъ въ немъ до конца сороковыхъ годовъ. При домѣ былъ большой садъ съ фруктовыми деревьями, съ клумбами для цвѣтовъ около небольшой террасы, на которую выходила дверь изъ гостинной дома. Въ домѣ и въ жизни семьи Михаила Семеновича сохранился тотъ бытъ, къ которому онъ привыкъ изстари въ провинціи, когда живалъ въ Курской и Полтавской губерніи. Вся обстановка была проста и нероскошна. Но стоявшій въ залѣ рояль, ноты и книги, давали тотчасъ понятіе о вкусахъ и занятіяхъ семьи. Въ домѣ радушно принимала всѣхъ жена М. С., которая составляла самое пріятное дополненіе къ его собственному добродушію. Ея привѣтливая улыбка и лицо, красивое и въ старости, освѣщались еще прекрасными темными глазами; съ ея кроткимъ и ровнымъ характеромъ, она была вполнѣ способна заботиться о томъ домашнемъ пріютѣ для стариковъ и сиротъ, который Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ устраивалъ въ своемъ домѣ, по свойственному ему сочувствію къ осиротѣлымъ и бездомнымъ. «Жалко эту старуху», говорилъ онъ: «она совсѣмъ одинока! Я просилъ ее переѣхать ко мнѣ на житье»... И послѣ этого, въ домѣ поселялось новое лицо. Такъ, получивши мѣсто при Московскомъ Императорскомъ театрѣ, М. С. Щепкинъ перевезъ къ себѣ всю семью своего престарѣлаго отца: двухъ или трехъ пожилыхъ сестеръ своихъ, мать и брата. Въ сороковыхъ годахъ отца его не было уже въ живыхъ, но мать была жива. Она прожила болѣе девяноста лѣтъ, и подъ конецъ потеряла счетъ годамъ своимъ.

Скоро послѣ переселенія М. С. Щепкина на Московскую сцену, въ Харьковѣ скончался его старинный другъ Петръ Егоровичъ Барсовъ. Они вмѣстѣ начали свою артистическую карьеру въ Курскѣ, гдѣ г-нъ Барсовъ содержалъ театръ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Изъ «записокъ» М. С. видны ихъ старыя хорошія отношенія. П. Е. Барсовъ первый подалъ Михаилу Семеновичу мысль поступить на службу при театрѣ въ Полтавѣ, куда и самъ Барсовъ переходилъ въ то время. Въ Полтавѣ оба они сблизились еще больше и провели нѣсколько лѣтъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда до Михаила Семеновича дошла въ Москву вѣсть о томъ, что П. Е. Барсовъ скончался, оставивъ большую семью свою на рукахъ жены, М. С. тотчасъ рѣшилъ, что онъ долженъ взять къ себѣ это осиротѣвшее семейство. Такимъ образомъ дѣти обоихъ друзей воспитывались вмѣстѣ, и всю жизнь потомъ ихъ связывала братская дружба и общія воспоминанія о пребываніи въ гимназіи и въ университетѣ. Позднѣе ихъ соединило и родственное отношеніе, когда въ сороковыхъ годахъ одинъ изъ Барсовыхъ женился на дочери Михаила Семеновича. Такъ незамѣтно составлялась и росла семья Михаила Семеновича, и въ 1831 году семья эта включала въ себѣ 24 человѣка! Въ своихъ «запискахъ» М. С. упоминаетъ объ этомъ времени и говоритъ о томъ, какъ порадовали его, когда поручили ему преподавать въ Театральной Школѣ, потому что это увеличило средства его.

Тутъ кстати будетъ упомянуть о томъ, какъ М. С. Щепкинъ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить хорошее образованіе своимъ дѣтямъ. Самъ онъ всегда сожалѣлъ, что въ его время онъ долженъ былъ ограничиться при своемъ воспитаніи курсомъ городскаго училища въ Курскѣ, въ которомъ, какъ онъ вспоминалъ, преподаватели не отличались ни особымъ знаніемъ, ни добросовѣстностію. Программа была необширна: новые языки преподавались очень слабо, изъ древнихъ преподавали только одинъ Латинскій языкъ. Основательно проходили только одну математику и давали нѣкоторыя свѣдѣнія изъ физики и механики. Чувствуя всегда недостаточность такого обученія, М. С. Щепкинъ желалъ доставить болѣе полныя знанія своимъ сыновьямъ и пріемнымъ дѣтямъ. Онъ часто повторялъ, что «образованіе дѣйствуетъ не только на развитіе ума, но и на нравственныя качества человѣка». Послѣ домашняго обученія, М. С. помѣстилъ дѣтей своихъ въ гимназію. Изъ гимназіи онъ взялъ дѣтей до окончанія гимназическаго курса, и дома приготовлялись они къ университету. Все это было бы трудно выполнить, еслибы онъ не нашелъ себѣ поддержки и помощи въ кругу знакомыхъ профессоровъ; они указали ему надежныхъ преподавателей. Профессоръ Крюковъ

предложилъ даже взять на себя лично преподаваніе древнихъ языковъ. Всѣ сыновья и пріемныя дѣти Щепкина поступили въ университетъ, и относительно меньшаго изъ нихъ, въ выборѣ книгъ и преподавателей руководилъ Михаила Семеновича своими совѣтами профессоръ Московскаго университета Т. Н. Грановскій. Вся семья Щепкиныхъ всегда тепло вспоминала о добромъ участіи въ ихъ воспитаніи обоихъ профессоровъ, и сохранила память о слишкомъ рано умершемъ Крюковѣ.

Въ это же время поселился въ семьѣ М. С. Щепкина Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, только что пріѣхавшій въ Москву, чтобы вступить въ университетъ; на Бабста указалъ Грановскій, какъ на хорошаго преподавателя древнихъ языковъ. Бабстъ былъ тогда юнымъ студентомъ, и въ немъ всѣ видѣли уже человѣка даровитаго. Самъ Бабстъ весело разсказывалъ о томъ, какъ онъ въ первый разъ появился въ Москву, какъ часть дороги долженъ былъ свершить при обозѣ съ лимонами, и затѣмъ, появиться въ большомъ городѣ, гдѣ у него не было ни одной души знакомой. И по счастью, онъ нашелъ какъ бы родной домъ у Михаила Семеновича.

Въ сороковыхъ годахъ семья Михаила Семеновича Щепкина нѣсколько уменьшилась; многіе выбыли изъ нея; одни, чтобы жить самостоятельно и своимъ трудомъ, а другихъ не было уже въ живыхъ. Но семья все еще состояла изъ четырнадцати человѣкъ, не считая молодыхъ людей, временно принятыхъ въ домъ и находившихся подъ покровительствомъ Михаила Семеновича. Такъ пробылъ нѣсколько времени въ семьѣ его С. В. Шумскій, передъ тѣмъ вышедшій изъ Театральной Школы и скоро потомъ сдѣлавшійся любимымъ актеромъ Московской публики. Кружокъ молодыхъ студентовъ и друзей ихъ все увеличивался и наполнялъ тогда такъ называемый «студенческій» флигель при домѣ М. С. Щепкина. Самъ М. С. относился очень добродушно къ этой молодой компаніи и любилъ слушать ихъ разговоры и споры. Нерѣдко можно было найти всю молодежь въ комнатѣ жены М. С., и даже когда она бывала нездорова: она любила слушать ихъ веселый говоръ и смѣхъ, и одинаково радушно относилась къ сыновьямъ и къ друзьямъ ихъ, вникая въ ихъ нужды, если могла помочь имъ. Съ общительностію М. С. Щепкина не трудно было собрать около себя молодежь. И лѣтомъ, когда семья М С. переѣзжала на дачу, общество молодыхъ людей не уменьшалось. Хотя М. С. и продолжалъ лѣтомъ свою игру на сценѣ, но онъ часто посѣщалъ своихъ на дачѣ, и любилъ сельскую жизнь и дальнія прогулки съ самоваромъ и съѣстными припасами. Всей семьей предпринимались также иногда путешествія пѣшкомъ къ Троицѣ.

Въ семьѣ Щепкиныхъ, между молодежью, долго сохранялись воспоминанія о всѣхъ этихъ лѣтнихъ экскурсіяхъ. Но особенно живо вспоминали всѣ о пребываніи лѣтомъ въ Апухтинѣ, гдѣ М. С. нанялъ домъ давно необитаемый и запущенный. Въ домѣ этомъ была и домашняя церковь, теперь запертая, и только случайно молодежь отыскала входъ въ нее изъ нижняго подвальнаго этажа. Скоро въ этомъ таинственномъ переходѣ начали появляться привидѣнія, конечно представляемыя кѣмъ-нибудь изъ молодежи. Быть можетъ, Апухтино осталось особенно ярко въ воспоминаніяхъ семьи Щепкиныхъ и благодаря новымъ знакомствамъ, которыя пріобрѣли они въ его окрествостяхъ. На одной изъ сосѣднихъ дачъ познакомились Щепкины съ семействомъ Кн—въ, которымъ суждено было сильно подѣйствовать потомъ на судьбу одного изъ сыновей М. С. Щепкина. Тутъ же, въ Соколовѣ встрѣчалъ М. С. Щепкинъ нашего славнаго поэта Пушкина, который бывалъ тамъ у П. В. Нащокина. Позднѣе Пушкинъ посѣтилъ нѣсколько разъ и домъ М. С. Щепкина, чтобы видѣться у него съ В. Г. Бѣлинскимъ, котораго приглашали тогда принять работу для журнала, въ изданіи котораго участвовалъ Пушкинъ въ Москвѣ. Все это было далеко до переѣзда В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургъ; въ Москвѣ В. Г. Бѣлинскій былъ очень близокъ съ домомъ Щепкиныхъ, и часто бывалъ у нихъ на дачѣ. Въ такомъ окруженіи М. С. конечно оживалъ, и вносилъ и самъ оживленія въ этотъ кружокъ своими разсказами, а иногда и чтеніемъ. М. С. Щепкину отрадно было отдыхать въ своей семьѣ. Отношенія молодежи къ отцу были открытыя и дружескія. Сыновья съ дѣтства видѣли въ отцѣ образецъ честнаго и добраго труда; отъ него передались имъ уваженіе къ труду и къ долгу. Самъ М. С. Щепкинъ работалъ до глубокой старости. Онъ до конца жизни не покидалъ сцены, столько же по страсти къ ней, сколько и для того, чтобъ имѣть средства и поддерживать тѣхъ изъ сыновей своихъ, которые не могли еще жить личнымъ трудомъ. И уже семейныхъ сыновей онъ долго еще не отпускалъ отъ себя ради того, по словамъ М. С., чтобы «они были болѣе обезпечены и легко проходили мимо искушеній жизни». Здѣсь нельзя не упомянуть подробнѣе о женѣ М. С. Щепкина, Еленѣ Дмитріевнѣ, которая такъ поддерживала всѣ его добрыя намѣренія.

М. С. Щепкинъ не даромъ сказалъ о себѣ въ своихъ «запискахъ», что «судьба его постоянно баловала». Судьба и тутъ была къ нему благосклонна, когда послала ему такую подругу. Съ ней онъ могъ быть увѣренъ, что найдетъ всегда отдыхъ дома; а отдыхъ бывалъ ему необходимъ и послѣ трудовъ, и послѣ столкновеній, которыя встрѣчаются каждому артисту при театрѣ. Встрѣча его съ Еленой Дмитріев-

ной была счастливой случайностію. Онъ увидалъ свою будущую подругу у родныхъ своихъ въ Курской губерніи, куда судьба ея привела ее очень издалёка. Женился онъ, вѣроятно, скоро послѣ 1812 года: въ «запискахъ» своихъ М. С. Щепкинъ упоминаетъ, что, уѣзжая изъ Курска въ Харьковъ для того, чтобы опредѣлиться къ тамошнему театру, онъ «перецѣловалъ жену и дѣтей», а переѣхалъ онъ въ Харьковъ въ 1816 году. Изъ разсказовъ М. С. Щепкина и жены его, было хорошо извѣстно всѣмъ, что Елена Дмитріевна воспитывалась въ домѣ генерала Чаликова, а въ домъ Чаликова попала она по особенной случайности. Это было во время войны съ Турціею. Послѣ взятія крѣпости Анапы, Русскіе солдаты нашли брошеннаго ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. То была маленькая дѣвочка, бережно закутанная въ одѣяла. Солдаты пожалѣли ребенка и взяли его съ собою, въ надеждѣ пристроить въ первой деревнѣ, которая попадется имъ по дорогѣ. Изъ жалости-ли, или потому, что ребенокъ былъ привлекателенъ, но дѣвочку не бросили, и генералъ Чаликовъ предложилъ взять найденнаго ребенка на воспитаніе. Онъ былъ воспріемнымъ отцомъ ребенка, когда его окрестили въ христіанскую вѣру; при крещеніи дѣвочкѣ дали имя Елены. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Елена Дмитріевна вошла въ семью Чаликовыхъ и воспиталась подъ надзоромъ жены его и вмѣстѣ съ его дочерями. О семьѣ Чаликовыхъ Елена Дмитріевна сохранила самыя пріятныя воспоминанія, говорила о нихъ съ большою теплотою и пробыла въ домѣ ихъ до 17 лѣтъ. Все, что̀ передавала Елена Дмитріевна о своемъ происхожденіи, слышала она отъ самого Чаликова. Лицомъ Елена Дмитріевна напоминала типъ Грузинокъ. Черты лица ея, довольно правильныя, были не крупны и мягки, а темный цвѣтъ лица, черные волосы и черные глаза напоминали южный и даже восточный типъ; но Елена Дмитріевна сама полагала, по разсказамъ нашедшихъ ее, что она была Турчанка. До нея доходили также слухи, когда она была уже замужемъ и жила въ Москвѣ, что въ Петербургъ пріѣзжала семья одного Турецкаго паши и отыскивала дочь, пропавшую у нихъ маленькой дѣвочкой при взятіи Анапы. Жена паши обѣщала большое вознагражденіе тому, кто укажетъ, гдѣ могла находиться дочь ея въ Россіи, такъ какъ по слухамъ, дошедшимъ до нея, дочь ея была взята Русскими солдатами. По всѣмъ объявленнымъ примѣтамъ и по описанію одежды, оставленной на дѣвочкѣ, Елена Дмитріевна полагала, что отыскивали именно ее.

М. С. Щепкинъ, какъ разсказывала часто жена его, понравился ей при первой встрѣчѣ съ нимъ. А онъ совершенно увлекся привлекательной красавицею, но не рѣшился сказать ей тотчасъ, что онъ

находился въ крѣпостной зависимости у графа Волькенштейна, и долго скрывалъ отъ нея это несчастное обстоятельство. Не легко было такое положеніе человѣку съ его умомъ и душою. Но, разъ согласившись отдать М. С. Щепкину свою руку, Елена Дмитріевна не измѣнила своего намѣренія, не смотря на всю невыгоду положенія М. С., въ которое и попалъ онъ совершенно несправедливо. Дѣдъ его былъ свободнымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ духовному сословію: онъ былъ сыномъ священника; но, когда графу Волькенштейну понравился голосъ дѣда М. С. Щепкина, то графъ не задумался прибѣгнуть къ хитрости и приписалъ его къ своей землѣ, чтобъ навсегда оставить за собою пѣвца. Родной братъ дѣда М. С. оставался въ тоже время священникомъ въ одномъ изъ селъ Калужской губерніи. «Въ тѣ времена все было возможно сильному человѣку», съ грустію въ голосѣ говаривалъ М. С. Щепкинъ, припоминая это тяжелое обстоятельство.

Мы говорили не разъ уже о томъ, что при общительности М. С. Щепкина, при его потребности окружать себя людьми, ему и женѣ его нужна была помощь, чтобы справляться съ хозяйственной и экономической стороною жизни. Такую помощь нашли они въ лицѣ Татьяны Михайловны Араловой, дѣвушки воспитавшейся въ ихъ домѣ и подъ ихъ вліяніемъ. Когда, по пріѣздѣ въ Москву, М. С. нанялъ для семьи своей большой домъ за Москвой-рѣкою, то старшая дочь хозяина дома, дѣвочка лѣтъ 12, посѣщала дочерей М. С. Щепкина, и подружилась съ ними. Отецъ ея былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, и семья жила въ полномъ довольствѣ. Но постепенно дѣла Араловыхъ пришли въ упадокъ и кончились совершеннымъ разореніемъ: домъ и все имущество проданы были для удовлетворенія должниковъ. Уѣзжая съ своей квартиры, М. С. предложилъ хозяину передать на воспитаніе въ семью его старшую дочь ихъ, подружившуюся съ дочерьми М. С., и Татьяна Михайловна сь тѣхъ поръ перешла въ семью ихъ. Она усвоила себѣ ихъ привычку постоянно заботиться о лицахъ принадлежавшихъ къ семьѣ, и съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и добротою ухаживала за больными; безъ устали проводила она дни и ночи около нихъ: ванны, лѣкарства,—все поручалось ей. И она исполняла все такъ охотно, какъ будто это было ея потребностью и призваніемъ. Многіе изъ членовъ семьи М. С. жили и умерли на рукахъ ея. Въ семьѣ Щепкиныхъ всѣ были привязаны къ ней и любили ее какъ родную.

До глубокой старости сохранилъ М. С. Щепкинъ свой общительный и добродушный характеръ. Его появленіе въ знакомомъ кружкѣ, или у родныхъ, всегда встрѣчалось привѣтливыми восклицаніями· «а! вотъ и Михаилъ Семеновичъ!» Восклицавшіе будто предвидѣли, что

онъ внесетъ свой теплый элементъ и новый интересъ въ ихъ бесѣды. Съ дѣтьми Щепкинъ былъ всегда терпѣливъ и ровенъ; при его появленіи внуки его обыкновенно бѣжали къ нему на встрѣчу. Ихъ шумныя игры не тяготили его; обыкновенно онъ просилъ не стѣснять дѣтей и вступался за нихъ, когда ихъ останавливали.

Свободные вечера М. С. любилъ проводить за картами дома, или въ Англійскомъ клубѣ, котораго онъ былъ членомъ въ послѣдніе годы жизни. Выигрывать случалось ему рѣже нежели проигрывать, но никогда не проигрывалъ онъ большихъ суммъ. Въ клубъ онъ ѣхалъ охотно и потому, что любилъ побесѣдовать съ лицами, которыхъ тамъ встрѣчалъ. Эти бесѣды не обходились однако иногда и безъ столкновеній. Случалось, что его гуманное отношеніе къ утѣсненымъ, его нескрываемая радость во времена реформъ, вызывали жесткія замѣчанія у лицъ, неуспѣвшихъ примириться съ быстро наступившими перемѣнами шестидесятыхъ годовъ. Но, не смотря на эти замѣчанія, Михаилъ Семеновичъ не переставалъ радоваться; онъ купилъ себѣ очень миніатюрный бокалъ, потому что далъ обѣщаніе выпить большое число бокаловъ вина на радости, когда объявлено будетъ о готовившейся уже реформѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. И онъ дѣйствительно праздновалъ это событіе, собравши у себя близкихъ знакомыхъ и родныхъ. Но такъ какъ въ старости М. С. боялся выпить лишній бокалъ Шампанскаго, то передъ нимъ стоялъ маленькій хрустальный бокалъ, изъ котораго онъ и выпилъ назначенное имъ по обѣщанію число бокаловъ въ честь этого дорого для него дня!

Въ послѣдніе годы М. С. Щепкинъ нанималъ квартиру въ Третьей Мѣщанской. Это былъ просторный, старинный домъ съ садомъ. Въ этомъ домѣ принималъ онъ у себя Ольриджа, которому, казалось, нравился патріархальный бытъ семьи; и самъ Ольриджъ подходилъ къ этому быту простотой своихъ пріемовъ. Онъ поймалъ за руку маленькую внучку М. Семеновича и бесѣдовалъ съ ней на Англійскомъ языкѣ, въ то время, какъ удивленная дѣвочка, не понимая его, улыбаясь, глядѣла на его оригинальное и ласковое лице, чистаго Негритянскаго типа. Въ этомъ же домѣ собирались у М. С. по Воскресеньямъ его молодые знакомые и шумно проводили время въ его саду. Михаилъ Семеновичъ все еще игралъ на сценѣ, но сознавалъ, что силы его слабѣютъ, и иногда грустно говорилъ о томъ, что конецъ его близокъ... Быть можетъ, на эти мысли наводила его потеря любимой жены его, умершей за нѣсколько лѣтъ прежде его. Но въ памяти многихъ сохранились его грустныя предчувствія. Въ это же время онъ пригласилъ къ себѣ гостить свою старую знакомую и

пріятельницу, бывшую трагическую актрису, тогда уже одинокую старушку лѣтъ около шестидесяти. То была родная сестра знаменитаго Мочалова, и она носила на сценѣ имя: Мочаловой-Франціевой. Это была личность въ высшей степени симпатичная и очень красивая въ молодости *). Въ разговорахъ съ нею, М. С. часто называлъ ее просто: «моя милая трагедія!» Шутя они вмѣстѣ иногда подражали стариннымъ драматическимъ пріемамъ, читая монологи изъ Эдипа въ Аѳинахъ. «Постой, дочь нѣжная преступнаго отца», начиналъ М. Сем. иногда неожиданно, и М. С. Франціева тотчасъ входила въ его тонъ, и отвѣчала ему монологомъ Антигоны, съ декламаціей стараго времени и съ поднятой къ верху рукою. Вмѣстѣ съ «милой, старой трагедіей», М. С. Щепкинъ, весной кормилъ воробьевъ на своей террасѣ въ саду, искрашивая имъ бѣлый хлѣбъ на устроенной для этого деревянной полочкѣ у террасы. Однажды онъ сказалъ при этомъ М. С. Мочаловой: «Помни, трагедія! Ты видишь эти развернувшіеся листья? Прежде чѣмъ они упадутъ на землю,—меня уже не будетъ!» И словамъ этимъ суждено было сбыться, можетъ быть по несчастной случайности.

Лѣтомъ М. С. Щепкинъ часто предпринималъ поѣздки на провинціальныя сцены. Игра въ провинціи привлекала М. С. не потому только, что онъ пріобрѣталъ этимъ новыя денежныя средства для семьи своей: она доставляла ему новыя артистическія наслажденія. Какъ гость, онъ пользовался особыми льготами на провинціальныхъ или на Петербургской сценахъ. Онъ выступалъ въ новыхъ пьесахъ, или бралъ новую, напередъ разученную имъ роль, которая не входила въ репертуаръ его въ Москвѣ. Такъ манила его одна роль въ пьесѣ Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ пьесѣ этой, авторомъ ея, было создано лице, подъ вліяніемъ разсказа М. Семеновича объ одномъ старикѣ, жившемъ у него въ домѣ и очень преданномъ ему и семьѣ его, старинномъ парикмахерѣ, Пантелеѣ Ивановичѣ. Въ пьесѣ «Бѣдность не порокъ», личность, и судьба, и положеніе Любима Торцова сходны нѣсколько съ службою и положеніемъ старика, знакомаго Щепкину. Хотя лице созданное Островскимъ не вполнѣ удовлетворяло тогда Михаила Семеновича, какъ онъ высказывалъ, тѣмъ не менѣе и пьеса и роль нравились ему, и онъ рѣшился ѣхать въ Нижній-Новгородъ, чтобъ тамъ играть эту роль. По свойственной ему деликатности, онъ не хлопоталъ получить эту роль въ Москвѣ, не желая отнимать ее у Пр. Мих. Садовскаго, которому принадлежала

*) Прекрасный портретъ ея, работы художника Тропинина, находится въ галереѣ П. М. Третьякова.

большая часть ролей въ комедіяхъ Островскаго. Въ Нижнемъ Михаилъ Семеновичъ сыгралъ роль Любима Торцова съ большимъ успѣхомъ. Игра его была тонко обдумана и выполнена прекрасно. Такое мнѣніе объ игрѣ его въ роли Любима Торцова высказывали съ восхищеніемъ П. Вас. Анненковъ и В. Петр. Боткинъ, оба извѣстные своимъ эстетическимъ чувствомъ и пониманіемъ сценическаго искусства.

Въ 1863 году, лѣтомъ, Михаилъ Семеновичъ предпринялъ поѣздку въ Крымъ съ артистическими цѣлями. Онъ думалъ также, что южный воздухъ укрѣпитъ его силы. Въ первое время своего путешествія онъ сообщалъ семьѣ своей въ Москву, что доволенъ поѣздкою, и въ силахъ былъ играть на одномъ изъ провинціальныхъ театровъ по дорогѣ въ Крымъ. Изъ Крыма писалъ онъ, что «читаетъ вслухъ пьесы Гоголя безъ особой усталости». Къ несчастію, при одномъ изъ такихъ чтеній вечеромъ, на открытомъ воздухѣ, Михаилъ Семеновичъ простудился, и къ безпокоившей его одышкѣ присоединился кашель, на который онъ жаловался въ письмахъ въ Іюлѣ. Болѣзнь его скоро приняла опасный оборотъ и быстро шла къ печальной развязкѣ. 12 Августа Михаила Семеновича не стало...

Тѣло усопшаго было привезено въ Москву, гдѣ оно покоится на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ со многими близкими ему. На его памятникѣ, изъ большаго дикаго камня, начертана слѣдующая надпись:

«Михаилу Семеновичу Щепкину»,
«Артисту и человѣку».

И эта краткая надпись включаетъ въ себѣ вполнѣ значеніе Михаила Семеновича при его жизни.

А. Щепкина.

ДВА ПИСЬМА М. С. ЩЕПКИНА КЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

1.

Милостивый государь Николай Васильевичъ.

Письмо и «Ревизора» нѣсколько экземпляровъ получилъ и по назначенію всѣ роздалъ, кромѣ Кирѣевскаго, который въ деревнѣ, и потому я отдамъ его экземпляръ С. П. Шевыреву для доставленія. Благодарю васъ отъ души за «Ревизора», не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ. Давно уже я не чувствовалъ такой радости; ибо, къ несчастію, мои всѣ радости сосредоточены въ одной сценѣ. Знаю, что это почти сумашествіе; но что̀ же дѣлать? Я, право, не виноватъ. Порядочные люди смѣются надо мной и почитаютъ глупостью; но я за усовершенствованіе этой глупости отдалъ бы остатокъ моей жизни.— Ну все это въ сторону, а теперь просто объ «Ревизорѣ». Не грѣхъ ли вамъ оставлять его на произволъ судьбы, и гдѣ же? Въ Москвѣ, которая такъ радушно ждетъ васъ, *такъ отъ души смѣется въ «Горѣ отъ Ума»* *), и вы оставите ее отъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя доставилъ вамъ «Ревизоръ!» Во первыхъ, по театру такихъ непріятностей не можетъ быть; ибо М. Н. Загоскинъ, благодаря васъ за экземпляръ, сказалъ, что будетъ писать къ вамъ и поручилъ еще мнѣ увѣдомить васъ, что для него весьма пріятно бы было, если бы вы пріѣхали, дабы онъ могъ совершенно съ вашимъ желаніемъ сдѣлать все, что̀ нужно для поставки піесы. Со стороны же публики чѣмъ болѣе будутъ на васъ злиться, тѣмъ болѣе я буду радоваться; ибо это будетъ значить, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о комедіи, и вы достигли своей цѣли. Вы сами лучше всѣхъ знаете, что ваша піеса болѣе всякой другой требуетъ, чтобы вы прочли ее *нашему начальству* и дѣйствующимъ; вы это знаете и не хотите пріѣхать. Богъ съ вами! Пусть они вамъ надоѣли, но вы должны это сдѣлать для комедіи. Вы должны это сдѣлать по совѣсти; вы должны это сдѣлать для Москвы, для людей васъ любящихъ и принимающихъ живое участіе въ «Ревизорѣ»; однимъ словомъ, вы твердо знаете, что вы намъ нужны и не хотите пріѣхать.

---

*) Въ подлинникѣ напечатанныя курсивомъ слова подчеркнуты. П. Б.

Воля ваша это—эгоизмъ; простите меня, что я такъ вольно выражаюсь, но здѣсь дѣло идетъ о комедіи; и потому я не могу быть хладнокровнымъ; видите, я даже не лѣнивъ теперь. Вы, пожалуй, не ставьте ее у насъ, только прочтите два раза, а тамъ... Ну полно, я вамъ надоѣлъ. Спасибо вамъ за подарокъ піесы для бенефиса; вѣрьте, что такое одолженіе никогда не выйдетъ изъ моей старой головы, въ которой теперь одно желаніе—видѣть васъ; чтобы это исполнить, я привелъ бы всю Москву въ движеніе. Прощайте. Простите, что оканчиваю безъ чиновъ. Вашъ М. Щепкинъ.

Прилагаю письмо Погодина. Если вы рѣшитесь ѣхать къ намъ, то скорѣе; ибо недѣли черезъ три, а можетъ быть и ранѣе, она будетъ готова, къ ней пишутъ новую декорацію.

2.

Москва, отъ 24-го Октября 1842 года.

Милостивый государь Николай Васильевичъ.

По словамъ Сергѣя Тимоѳѣевича вы теперь уже въ Римѣ, куда я и адресовалъ это письмо, и дай Богъ, чтобы оно нашло васъ здоровыхъ и бодрыхъ; а о себѣ скажу, что я упадаю духомъ. Поприще мое и при новомъ управленіи безъ дѣйствія, а душа требуетъ дѣятельности, потому что репертуаръ нисколько не измѣнился, а все тоже, мерзость и мерзость, и вотъ чѣмъ на старости я долженъ упитывать мою драматическую жажду. Знаете, это такое страданіе, на которое нѣтъ словъ. Намъ дали все, то есть артистамъ *Русскимъ*, деньги, права, пансіоны, и только не дали свободы дѣйствовать, и изъ артистовъ сдѣлались мы поденщиками. Нѣтъ хуже: поденщикъ свободенъ выбирать *себѣ работу*; а артистъ—играй, играй все, чт̀о повелитъ мудрое начальство.

Ну я наскучилъ вамъ болтаньемъ о себѣ. Но чт̀о дѣлать, надо же кому нибудь высказаться. Право какъ-то легче, а кому же я выскажусь, какъ не вамъ? Кто такъ пойметъ мои страданія, какъ не вы, мой добрый Николай Васильевичъ? Даже, знаете, я думаю, никто не приметъ въ нихъ такого участія, какъ вы же. Вы всегда меня любили, всегда дарили меня своимъ вниманіемъ: а я.... Но довольно!

Пользуясь вашимъ позволеніемъ, я заявилъ на свой бенефисъ вашу комедію «Женитьба»; ибо все изданіе ваше, какъ извѣстно, выдетъ въ Декабрѣ, а мой бенефисъ Февраля 5-го. Но я просилъ Бѣлинскаго заранѣе отдать ее въ театральную цензуру, дабы больше имѣть времени ознакомиться съ дѣйствующими, носящими человѣческій образъ. Я просилъ, тоже съ вашего позволенія, отдать нѣкоторыя сце-

ны въ цензуру, а равно и вновь присланную комедію «Игроки», которую я тоже попросилъ бы у васъ сыграть на бенефисъ. Это бы сильно подкрѣпило оной. А бенефисы Русскихъ артистовъ сильно пострадали отъ Нѣмецкой оперы, которую Гедеоновъ перевезъ изъ Петербурга въ Москву на всю зиму. Но безъ письменнаго вашего позволенія я не рѣшусь давать оной; хотя вы и говорили о прочихъ сценахъ, но я не помню, была ли рѣчь о ней. И такъ я заранѣе только просилъ подать ее въ цензуру, и естьли не помедлите нашимъ отвѣтомъ и позволите, то не худо, естьли бы вы изложили, какъ бы вы желали въ разсужденіи костюмовъ дѣйствующихъ въ комедіяхъ «Женитьба» и «Игроки». Времени еще слишкомъ три мѣсяца, а вашъ отвѣтъ успѣетъ придти заблаговременно. Естьли же я не получу отъ васъ никакого отвѣта въ это время, то, разумѣется, я «Игроковъ» уже не дамъ, а только «Женитьбу» и какую-нибудь изъ сценъ.

Вотъ люди: что̀ письмо, то и просьба, и Сбитенщикъ правду сказалъ: «Всѣ люди Степаны». Что̀ еще сказать вамъ? Да, о »Мертвыхъ Душахъ» все идутъ толки, прѣнія. Они разбудили Русь; она теперь какъ будто живетъ. Толковъ объ нихъ несчетное число. Можно бы исписать томы, естьли бы изложить всѣ ихъ на бумагѣ, и меня это радуетъ. Это значитъ: толкни насъ хорошенько, и мы зашевелимся, и тѣмъ доказываемъ, что мы живыя существа. Въ этомъ пробужденіи проглядываетъ мысль, ясно говорящая, что мы на ряду со всѣми народами не лишены человѣческаго достоинства. Но грустно то, что насъ непремѣнно надо толкнуть; а безъ того мы сами мертвыя души. Прощайте. Обнимаю васъ. Ожидаю отвѣта скораго. Остаюсь вѣчно любящій васъ и пребывающій вашимъ покорнымъ слугою Михайла Щепкинъ.

P. S. Мое семейство отъ мала до велика всѣ вамъ кланяются. Аксаковыхъ семейство все, слава Богу, здорово, кромѣ самого С. Тимоѳѣевича, который (между нами) ветшаетъ, хотя, разумѣется, и скрываетъ это. Болѣзнь прежняя въ немъ опять отозвалась. Со всѣмъ тѣмъ у нихъ теперь весело, ибо братья С. Тимоѳѣевича теперь въ Москвѣ съ семействами, и они часто вмѣстѣ, и преферансъ въ дѣйствіи. Да, чтобы не забыть разсказать вамъ анекдотъ. Въ Курскѣ, года три тому назадъ, было землетрясеніе, и на другой день полицмейстеръ доноситъ губернатору рапортомъ, что вчерашняго числа во столько-то часовъ было сильное землетрясеніе, но принятыми-де мѣрами заблаговременно полиціей никакого несчастія въ городѣ не послѣдовало. Не могу точно передать фразы, но очень ловко выражено. Губернаторъ прочелъ и говоритъ ему: Я очень доволенъ вами по части устройства города, чистоты, пожарной команды и проч.; но

нехорошо, что вы подписываете бумаги не читавъ. На что̀ полицмейстеръ съ клятвой утверждалъ, что это клевета и что злодѣи обносять его у начальства. Но вотъ, говоритъ губернаторъ, этотъ рапортъ, вѣроятно, не читали.—Помилуйте, ваше превосходительство, самъ начерно сочинялъ. Губернаторъ тутъ пожалъ плечами, и все пошло по старому.

(Сообщено съ подлинниковъ В. И. Шенрокомъ).

Въ письмѣ отъ 29 Апрѣля 1836 года Гоголь первый подалъ мысль Щепкину о прочтеніи „Ревизора" въ кружкѣ Московскихъ артистовъ, „дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія"; но недовольный интригами дирекціи въ Петербургѣ противъ Сосницкаго и Дюра, онъ тотчасъ же прибавляетъ: „я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву". (Соч. Гог., изд. Кул., V, 254). Отвѣтомъ на это и послужило первое изъ напечатанныхъ выше писемъ, относящееся, несомнѣнно, къ самому началу Мая 1836 года.

Щепкинъ употребилъ со своей стороны все, чтобы побудить Гоголя исполнить отмѣненное намѣреніе: онъ дѣйствовалъ между прочимъ черезъ Пушкина (см. соч. Пушк., изд. Лит. Фонда, VII, 401) и Погодина. Какъ сильно онъ хотѣлъ залучить Гоголя въ Москву, видно особенно изъ письма Пушкина къ женѣ отъ 6 Мая того же года: *Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву прочесть „Ревизора"*. Безъ него актерамъ не спѣться". Старанія Щепкина не имѣли успѣха. В. Ш.

КЪ ИСТОРІИ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ.

1774.

1.

№ 48. Получено 20 Сентября 1774 года. Секретная.

Канцелярская цыдула изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ его превосходительству господину генералъ-маіору, кавалеру и Астраханскому губернатору Петру Никитичу Кречетникову.

Каковъ отправленъ нынѣ высочайшій рескриптъ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ отъ 5 Сентября сего 1774 года къ господину генералу поручику Де-Медему, по случаю состоявшагося съ Портою Оттоманскою мира и по всѣмъ Кизлярской стороны настоящимъ обстоятельствамъ, съ онаго (какъ и со всѣхъ принадлежащихъ къ тому приложеній) посылаются при семъ копіи, какъ для извѣстія вашему превосходительству, такъ и для могущаго быть употребленія по встрѣчающимся и для васъ случаямъ и дѣламъ, при чемъ ваше превосходительство, усмотря изъ содержанія сего высочайшаго рескрипта нужду въ храненіи онаго въ секретѣ, безъ сумнѣнія и все служащее къ тому распоряженіе учинить не оставите.

Статскій совѣтникъ Петръ Бакунинъ.

Въ Санктпетербургѣ.
6 Сентября 1774 года, № 35.

2.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему генералу порутчику Медему.

Благополучное возстановленіе мира между нашею имперіею и Портою Оттоманскою долженствуетъ натуральнымъ образомъ пресѣчь дѣйствія злонамѣренности варварскихъ народовъ сосѣдства Кизлярскаго и освободить васъ отъ заботы защищенія состоящихъ подъ вашею стражею мѣстъ, непрестанными ополченіями. Но для сего при самомъ первомъ случаѣ надобно и нужно, чтобъ сколько возможно больше распространилось между всѣми горскими народами достовѣрное свѣдѣніе о учиненныхъ между обѣими имперіями взаимныхъ постановленіяхъ въ разсужденіи Крымскаго полуострова и всѣхъ Та-

таръ безъ изъятія, которымъ по большой части они въ своемъ поведеніи сображались понынѣ и оказывались нашей сторонѣ непріязненными.

Вы найдете здѣсь въ приложеніи копію на Русскомъ и Турецкомъ языкѣ съ артикула изъ мирнаго трактата, коимъ всѣ Татарскіе народы, Крымскіе, Буджацкіе, Кубанскіе, Эдисанцы, Жамбуйлуки и Эдичкулы признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію хана Крымскаго, слѣдовательно въ состояніи, требующемъ отъ нихъ и одинакихъ уже уваженій, какъ къ нашей имперіи, такъ и къ Портѣ Оттоманской. А къ тому еще дается вамъ знать, что и въ самомъ Крымскомъ полуостровѣ, по содержанію мирнаго жъ трактата, двѣ крѣпости Яниколь и Керчь навсегда въ нашемъ владѣніи остаются, и сверхъ того намъ же уступлена и Кинбурнская крѣпость, на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Очакова лежащая, такъ какъ и Азовъ равнымъ образомъ признанъ къ нашей имперіи принадлежащимъ. И о семъ о всемъ и разгласите вы во всѣхъ вашего мѣста окрестностяхъ, сообщая Кумыцкимъ и Кабардинскимъ владѣльцамъ точныя копіи помянутаго изъ мирнаго трактата артикула, жребій Крыма и народовъ Татарскихъ по нашему соизволенію опредѣлившаго, дабы такимъ образомъ сіи варварскіе предводители, а отъ нихъ и другіе имъ подобные удостовѣриться могли, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, всякое ихъ противное при нашихъ границахъ покушеніе не можетъ уже касаться въ пользу и услугу Крыму, того меньше Портѣ Оттоманской, но что вмѣсто того сами по себѣ единственно будутъ уже они нашей сторонѣ отвѣтстоввать за свое поведеніе.

Послѣ сего сказать вамъ надобно еще и то, что и Кабардинцы, разумѣя жителей Большой и Малой Кабарды, въ нашемъ же подданствѣ остаться имѣютъ. Основанія же къ тому слѣдующія. Въ заключенномъ нынѣ съ Портою Оттоманскою трактатѣ, именно же въ 21-мъ онаго артикулѣ, говорится о нихъ такъ: «Обѣ Кабарды, то есть Большая и Малая по сосѣдству съ Татарами большую связь имѣютъ съ ханами Крымскими; для чего принадлежность ихъ Императорскому Россійскому двору должна предоставлена быть на волю хана Крымскаго съ совѣтомъ его и съ старшинами»; ханъ же Крымской предъ симъ заключеннымъ съ нашимъ полномочнымъ генераломъ поручикомъ Щербининымъ Ноября 1 дня 1772 года трактатомъ союза и дружбы (въ которомъ сверхъ хана участвовали повѣренные отъ Крымскаго и Ногайскаго обществъ) дѣйствительно уже призналъ принадлежность Кабардинцовъ нашему скипетру, сказавъ въ 3-мъ артикулѣ того заключеннаго съ областію Татарскою трактата имянно и точно: «что быв-

шіе до войны подъ властію его хана всѣ Татарскіе и Черкескіе народы, Таманцы и Некрасовцы, имѣютъ быть и впредъ во власти его жъ ханской, но что напротивъ того Большая и Малая Кабарды состоятъ въ подданствѣ Россійской Имперіи».

Владѣльцы Кабардинскіе (какъ изъ всѣхъ ихъ края начальниковъ заботливѣйшіе о сохраненіи во всемъ пространствѣ вольности, въ какой они родились и понынѣ пребывали) безъ сумнѣнія и навѣдываются уже теперь о собственной своей участи, въ какомъ оная отношеніи къ нашей имперіи быть можетъ; но чтобъ не были они предупреждены развратными внушеніями, или же, по безразсудности своей и осторожности излишней, не воспріяли и сами ложныхъ и опасныхъ о нашей сторонѣ мыслей, будучи влекомы къ Турецкой, или же по малой мѣрѣ къ Крымской, доброжелательствомъ отъ единства закона, образа жизни, а нѣкоторымъ образомъ и самой природы происходящимъ, а отъ нашей всегда находившись въ отвращеніи, во время же бывшей войны неоднажды и явными противниками оказавшись: для того, сообщая вы имъ (какъ выше сказано) артикулъ изъ мирнаго трактата о Татарахъ вообще, въ уничтоженіе ихъ Кабардинцовъ надѣянія на Крымцовъ и протчія орды, учините имъ также извѣстнымъ содержаніе и вышеприведенныхъ двухъ артикуловъ, 21-го изъ мирнаго трактата нынѣ съ Портою Оттоманскою заключеннаго, и 3-го предъ симъ учиненнаго съ вольною Татарскою областію, изъ коихъ однимъ Порта отреклась входить въ разсмотрѣніе до Кабардинцовъ касающееся, а другимъ предъявляется уже цѣлымъ Татарскимъ обществомъ совершенно утвержденною принадлежность ихъ къ нашей имперіи, руководствуя такимъ образомъ имъ Кабардинцамъ и къ необходимой рѣшимости подвергнуться своей судьбѣ съ покорностію, нежели сопротивленіемъ своимъ не ко времени и не кстати быть въ опасности наказанія. Съ сихъ же обоихъ артикуловъ, дабы Кабардинскіе владѣльцы могли ихъ читать точными словами въ трактатахъ употребленными, получите вы также при семъ и копіи на Русскомъ и Турецкомъ языкахъ.

Но Кабардинцы, увидя себя отданныхъ въ здѣшнюю власть, могутъ еще не безъ основанія сумнѣваться, въ разсужденіи оказанныхъ ими при здѣшнихъ границахъ въ продолженіе войны разныхъ злодѣйствъ, чтобъ нынѣ не учинено было имъ за то возмездія, а въ разсужденіи пріобрѣтеннаго надъ ними права, образомъ толь торжественнымъ, чтобъ они время отъ времяни больше стѣснены не были въ своей вольности. Напротивъ чего, вы нынѣ же и дадите имъ знать нашимъ именемъ и повелѣніемъ, что хотя мы и имѣли многія причины быть ими недовольными, и они по справедливости гнѣвъ нашъ заслуживали, но по обстоятельству воспослѣдовавшаго мира оставляемъ безъ взысканія,

изъ природнаго намъ великодушія, въ томъ особливо надѣяніи, что они будущимъ своимъ спокойнымъ поведеніемъ удовлетворятъ за проступки прошедшіе, сохраняя должную къ намъ вѣрность по силѣ присяги, при началѣ войны минувшей учиненной, въ какомъ случаѣ и впредъползоваться могутъ всею свободностію въ своемъ обращеніи и нималѣйшаго въ томъ утѣсненія не опасаться: ибо въ протчемъ и намѣреніе наше, что до нихъ Кабардинцовъ касается, единственно въ томъ состоитъ, чтобъ ихъ (какъ издревле еще къ нашей имперіи присвоившихся предковъ своихъ добровольною приверженностію) и нынѣ въ числѣ нашихъ поданныхъ имѣть, безъ предосужденія однакожъ ихъ образу жизни, развѣ сами они, презря когда либо къ несчастію своему высочайшую нашу милость, принудятъ употребить противъ себя строгость намъ несвойственную.

По тѣхъ же поръ пока Кабардинцы и другіе окрестные Кизлярскаго края народы, успокоившись нынѣ, находиться будутъ въ такомъ расположеніи своихъ мыслей, въ какомъ они какъ варвары и послѣдователи магометанскаго закона могутъ быть съ нашей стороны терпимы, мы соизволяемъ и наиточнѣйше повелѣваемъ поступать съ ними и въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ случаяхъ со всею возможною умѣренностію, снисхожденіемъ и справедливостію, и стараться чрезъ то пріобрѣсть ихъ надѣяніе, дабы наконецъ они не только по нуждѣ и необходимости были въ обязанности признавать нашу власть надъ собою, но, собственнымъ подвигомъ и охотою къ тому влекомы, и сущую для себя пользу находить могли въ такомъ своемъ состояніи.

Всякое и малѣйшее сего нашего повелѣнія упущеніе, кольми же паче нарушеніе умышленное, не найдетъ никакого извиненія, но будетъ строго взыскано, какъ сугубо вредное по существу своему и послѣдствіямъ неудовольствія и разврата въ народахъ, кои и въ мирное время производить въ состояніи разныя на границахъ затруднительства.

Между тѣмъ къ сожалѣнію усмотрѣно здѣсь изъ послѣдняго репорта Кизлярскаго коменданта полковника Штендера отъ 5-го Августа о приключившейся смерти задержанному Хайдатскимъ владѣльцемъ Уцміемъ здѣшней Академіи Наукъ профессору Гмелину, и что тѣмъ горскимъ народамъ, особливо же заграничнымъ, и при настоящемъ общихъ нашихъ дѣлъ положеніи съ Портою и Крымомъ, поданъ соблазнъ о продолжающейся для нихъ и при томъ удобности къ собственной управѣ безопаснымъ образомъ.

Но дабы сей злодѣйствующій владѣлецъ въ раскаяніе приведенъ и покрайней мѣрѣ для будущаго времени успокоиться могъ, имѣете вы отписать съ жалобою къ сосѣднимъ ему горскимъ изъ сильнѣйшихъ

владѣльцовъ, какъ къ шамкалу Тарковскому и Аварскому владѣльцу и къ другимъ, коихъ по собственному вашему усмотрѣнію признаете къ сему намѣренію способными, а равнымъ образомъ и къ ближнимъ Персидскимъ начальникамъ, то есть къ Дербентскому и Кубинскому ханамъ, и изъяснить всѣмъ имъ непристойность и дерзость Уцміева поведенія, разсказывая для того, что онъ помянутаго профессора задержалъ съ нарушеніемъ не только должнаго уваженія къ нашему высочайшему двору, но между самими горскими народами святѣйшимъ почитаемаго права гощенія и страннопріимства, взявъ его въ неволю не на дорогѣ, но въ собственномъ своемъ жилищѣ, и куда профессоръ пріѣхалъ безъ всякой опасности, а въ надѣяніи найти еще и всякое пособіе. Насильство же такое толь еще чувствительнѣе и толь досаднѣе, что со здѣшней напротивъ того стороны ему Хайдатскому владѣльцу никогда и причины подано не было къ какому либо неудовольствію. Почему, поползнувшись онъ сперва, какъ видно, изъ легкомыслія, на дѣло одному разбойнику приличное, силился и прикрыть оное потомъ предлогомъ, изъ котораго еще и паче оказалось его сумазбродство и безразсудность крайняя; ибо затѣялъ при семъ случаѣ требовать, чтобъ Кумыцкіе владѣльцы принуждены были къ возвращенію ему Жидовъ и такъ называемыхъ Теременскихъ Татаръ, перешедшихъ изъ его вѣдомства еще въ давныхъ годахъ въ Кумыцкія жилища, и къ чему однакоже сіи переселенцы по обыкновенію горскихъ народовъ и всю волю имѣть могли; да и онъ Уцмій предъ симъ никогда ихъ обратно отъ владѣльцовъ Кумыцкихъ не требовалъ, будучи ему сверхъ того совершенно извѣстно, что сіи владѣльцы хотя и почитаются въ нашемъ подданствѣ, однакоже во внутреннихъ своихъ распоряженіяхъ всю свободность имѣютъ, и что слѣдовательно и предоставлялось ему непосредственно съ ними разобраться. Но онъ, не смотря на то, къ грубости присовокупилъ напослѣди и нахальство, отозвавшись къ Кизлярскому коменданту, чтобъ ему заплачено было тритцать тысячъ рублевъ, когда нѣтъ намѣренія принуждать Кумыкъ къ удовлетворенію требованія его прихотливаго, пребывши же такимъ образомъ упорнымъ и доведя до преждевременной смерти человѣка, который для общей пользы странствовалъ, трудившись въ обрѣтеніи и собраніи травъ лекарственныхъ, донынѣ еще неизвѣстныхъ, и потому достойнымъ былъ и призрѣнія всякаго, хотябъ и безъ нашего покровительства такое производилъ предпріятіе.

Описавъ вы симъ порядкомъ основанія и силу вашей жалобы на Уцмія, будете отъ вышеупомянутыхъ владѣльцовъ и хановъ съ пристойностію требовать, чтобъ они, находясь въ сосѣдствѣ съ нашими границами и всѣ причитаясь къ Персіи (державѣ намъ дружественной)

употребили добрыя средства къ вразумленію сего упрямца и грубіана и къ исторженію изъ похитительскихъ его рукъ оставшихся послѣ профессора всѣхъ вещей безъ изьятія, равно какъ и тѣхъ, кои принадлежали бывшимъ при немъ людямъ, но по смерти его отъ Уцмія отпущеннымъ съ удержаніемъ всего, что̀ они при себѣ ни имѣли, и чтобъ оные владѣльцы и ханы внушили ему Уцмію изъ доброжелательства и о возможности также со здѣшней стороны возмездія и вооруженною рукою при истощаемомъ терпѣніи.

А какъ и подлинно заслуживаетъ онъ по справедливости наказанія за свою продерзость, то, естьли, при настоящемъ нынѣ для васъ досугѣ отъ Кабардинцовъ и Кубанцовъ, найдетесь вы въ состояніи сдѣлать надъ нимъ воинской поискъ и въ чемъ чаятельно многіе и изъ горскихъ владѣльцовъ и начальниковъ (пользуясь подающеюся имъ удобностію къ отмщенію за свои собственныя дѣла и неудовольствія, въ какихъ они всегда одни противъ другихъ, какъ извѣстно, находятся) обще съ вами противъ его дѣйствовать не оставятъ: скорѣе всего тѣмъ и востановлено быть моглобъ во всѣхъ горскихъ жителяхъ почтительное къ нашей сторонѣ мнѣніе. А ежелибъ однакоже по неблизкому жилища Уцміева отъ нашихъ границъ разстоянію и по другимъ уваженіямъ, кои здѣсь предвидимы быть не могутъ, настояли въ томъ и непреодолимыя препятства, мы оставляемъ ближайшему вашему разсмотрѣнію, и одни оказательства и въ наружности чинимыя приготовленія иногда не устрашатъ ли сего продерзкаго владѣльца и нетолько его сосѣдей, но и самыхъ подчиненныхъ не заставлятъ ли интересоваться въ предупрежденіе угрожаемаго бѣдствія, чтобъ онъ просилъ у васъ прощенія съ обѣщаніемъ впредъ воздержаться отъ всякихъ противныхъ покушеній? Почему употребите вы и сей послѣдній способъ съ приданіемъ ему однакоже вѣроятности въ самой высшей степени, дабы прежде времени отнюдь никто проникнуть не могъ прямаго вашего намѣренія. Доколѣ же не будетъ удостовѣренось, въ какомъ расположеніи мыслей останется Уцмій, конечно отъ всякихъ мимо его жилища отправленій въ дѣлахъ нашихъ нарочныхъ надобно будетъ удержаться, равно какъ и для купечества сухимъ путемъ изъ Кизляра въ Персію никого не отпускать, кромѣ тѣхъ изъ иновѣрцовъ тамошнихъ, которые на свой страхъ предпринимать станутъ такія поѣздки. Почему, ежелибъ когда и неоходимость потребовала нарочнаго отправить въ Персидскія мѣста, несмотря ни накакія уваженія, лутче однакожъ къ тому употреблять изъ магометанъ въ службѣ находящихся, а не христіянъ, чтобъ сіи послѣдніе подвержены не были хищничеству варварскому, имѣя напротивъ того первые больше тамъ знакомства и больше за се-

бя и представительства по единовѣрію, какъ то извѣстно изъ прежнихъ многихъ примѣровъ.

Нехудо также былобъ, ежелибъ и Кумыцкіе владѣльцы безъ огорченія подвигнуты быть могли раздѣлаться съ Уцміемъ судебнымъ ли по ихъ обыкновенію порядкомъ или же и взаимнымъ между собою соглашеніемъ въ разсужденіи его требованія, дабы изьятъ былъ изъ среды поданной отъ нихъ Уцмію поводъ злодѣйствовать, а толь еще и паче въ томъ же на будущее время утвердиться, когда напротивъ того всѣ вышеозначенныя мѣры останутся не дѣйствительными къ его усмиренію.

Имѣвъ участіе въ минувшей войнѣ, и Грузинскіе владѣтели Ираклій Карталинскій и Соломонъ Имеретійскій, извѣщаются прилагаемыми здѣсь же граматами нашими о воспослѣдовавшемъ мирѣ и положенныхъ въ разсужденіи ихъ владѣній условіяхъ, которыя вы и отправите съ нарочнымъ способнымъ человѣкомъ, приказавъ ему вручить оныя для доставленія помянутымъ владѣльцамъ находящемуся въ Грузіи нашему повѣренному въ дѣлахъ капитану гвардіи Львову; а ежелибъ онъ въ сіе время уже выѣхалъ оттуда, къ такомъ случаѣ и самому отправляемому отъ васъ сему нарочному тѣ граматы онымъ владѣтелямъ подать, примѣчая при всемъ томъ, сколько будетъ можно по краткости времени, въ какомъ состояніи, мысляхъ и упражненіяхъ Грузинцы вообще и оба ихъ владѣтели и другіе начальники находиться будутъ.

Въ протчемъ по представленію вашему въ реляціи отъ 11 Іюня о недостаткѣ у васъ денегъ на чрезвычайныя по вашему мѣсту расходы, мы нынѣ же дали повелѣніе отпустить къ вамъ на то и въ замѣнъ издержекъ учиненныхъ вами изъ взятыхъ заимообразно изъ комисаріятскаго вѣдомства пять тысячъ рублевъ изъ Астрахани, изъ тамошнихъ доходовъ; а для васъ притомъ примѣчаемъ, что хотя для приласканія и нужныхъ развѣдываній въ народахъ горскихъ и всегда неможно будетъ обойтись безъ издержекъ, но нынѣ по заключенному миру вся уже настаетъ и удобность размѣривать каждое денегъ употребленіе съ его видомъ и пользою, дабы инако не подводить варваровъ и маловажныя свои услуги цѣнить очень дорого. И пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосконны. Данъ въ Санктпетербургѣ 5-го Сентября 1774 года.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

III.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Свѣтлѣйшему Карталинскому и Кахетскому царю Ираклію.

По благополучномъ окончаніи продолжавшейся съ немалаго времени между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою войны, и со всѣмъ тѣмъ, что ваша свѣтлость могли уже быть увѣдомлены о семъ важномъ происшествіи, мы однакоже, въ знакъ и въ засвидѣтельствованіе особливаго нашего къ вашей свѣтлости уваженія, всемилостивѣйше соизволяемъ чрезъ сію нашу Императорскую грамату и непосредственное подавать вамъ извѣстіе не только о дѣйствительно состоявшемся и заключенномъ мирѣ, но что при постановленіи артикуловъ онаго не оставлено, вслѣдствіе данныхъ съ стороны нашей обнадеживаній, о пользѣ вашего владѣнія и всей Грузіи вообще употребить всего надлежащаго старанія.

Мы повелѣли приложить здѣсь копію съ того пункта, которымъ Порта Оттоманская наиточнѣйше обязалась оставить Грузинской народъ въ покоѣ и безъ всякаго возмездія за приниманое онымъ въ минувшей войнѣ участіе, отказавшись и съ тѣхъ, кои издавна ея подданными считаются, не только требовать дани отроками и отроковицами, какъ предъ симъ введено было въ обыкновеніе, но равнымъ образомъ ни другихъ податей, какого-бы ни были оныя рода.

Послѣ толикаго оказаннаго отъ насъ всему Грузинскому народу благодѣянія, и въ обстоятельствахъ толь нужныхъ для ихъ будущей безопасности и благоденствія, съ основаніемъ ожидать можно, что ваша свѣтлость и протчіе владѣтели Грузинскіе всегда останетесь благодарными къ нашему Императорскому престолу и жребіемъ своимъ обрадованными и довольными.

Между тѣмъ отдаемъ мы вашей свѣтлости совершенную справедливость за подъятые вами подвиги во время военнаго безпокойства во исполненіе нашей воли и въ пользу собственнаго вашего отечества.

Всевышній да благословитъ васъ впредъ тишиною совершенною и всѣмъ что̀ можетъ служить къ благосостоянію области вашей, а мы всегда пребудемъ къ вашей свѣтлости нашею Императорскою милостію благосклонны. Екатерина. Дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, Сентября 5 дня отъ Рождества Христова 1774 года, а государствованія нашего третьягонадесять лѣта.

Контрасигнировалъ кн. Александръ Голицынъ.

IV.

Свѣтлѣйшій царь, мой почтенный пріятель.

Ея Императорскому Величеству, Самодержицѣ Всероссійской, моей Всемилостивѣйшей Государынѣ, угодно было по благополучномъ совершеніи вѣчнаго мира съ Портою Оттоманскою, чтобъ о семъ важномъ происшествіи, коимъ и безопасность Грузинскаго народа наилутчимъ образомъ утверждается на будущее время, вы, свѣтлѣйшій царь, извѣстились собственною Ея Императорскаго Величества монаршею граматою, которую я симъ препроводить честь имѣю.

Ваша свѣтлость изволите сами усмотрѣть изъ оной о подробностяхъ данныхъ съ стороны Порты Оттоманской въ пользу Грузіи обязательствъ; и слѣдовательно, по извѣстному вашему проницанію, заключить уже свойственно будеть вамъ, коликое по соизволенію Великой Монархини и тщаніе прилагалось, съ стороны Высочайшаго Ея Императорскаго Величества двора, обезпечить жребій Грузіи по всѣмъ уваженіямъ и обстоятельствамъ.

Сіе есть слѣдствіе усердія вашего и преданности къ Ея Императорскому Величеству и къ Россійскому престолу.

Я, искренно поздравляя вашу свѣтлость съ наставшимъ спокойствомъ, полезными своими дѣйствіями и до Грузіи простершимся въ возможной степени по настоящему сей области состоянію и поставляющемъ васъ въ тожъ время и внѣ всякой опасности, въ разсужденіи принятаго въ войнѣ участія, оканчиваю удостовѣреніемъ о имѣющемъ и впредъ всегда быть моемъ къ вамъ доброжелательствѣ и готовности къ оказанію вамъ угодныхъ услугъ.

Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ
гр. Н. Панинъ.

Въ Сенктпетербургѣ, 5 Сентября 1774 года.

V.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Свѣтлѣйшему Имеретійскому царю Саломону.

Хотя ваша свѣтлость и могли уже увѣдомлены быть о благополучномъ окончаніи продолжавшейся между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою войны, но мы однакоже, въ показаніе къ вамъ особливаго нашего благонамѣренія, за благо признали, сею нашею Императорскою граматою, и непосредственное подать вамъ возвѣ-

щеніе о толь важномъ происшествіи и коимъ образомъ теперь ваша свѣтлость съ областію вашею, по употребленному съ нашей стороны при заключеніи мира старанію, находитесь приведенными въ наилутчее положеніе, какого только въ разсужденія вашихъ обстоятельствъ желать было можно.

Прилагаемая копія съ артикула изъ мирнаго трактата, до Грузинскаго народа касающагося, содержитъ торжественное Порты обязательство оставить всѣхъ въ покоѣ и безъ всякаго возмездія за прошедшее поведеніе, не требовать дани отроками и отроковицами и всякаго рода другихъ податей, не притѣснять вѣру, монастыри и церкви и не препятствовать поправленію старыхъ и созданію новыхъ, а наконецъ и удовольствоваться тѣми только крѣпостями, кои издревле или съ давняго времени были подъ ея владѣніемъ, протчіе же всѣ замки и укрѣпленныя мѣста оставить паки подъ собственною Грузинскою стражею и правленіемъ.

Ваша свѣтлость воспротивились требованію Порты въ разсужденіи вышепомянутой дани христіянству и Имеретіи предосудительной, по достохвальной ревности къ православному христіанскому закону и къ пользѣ вашего отечества, еще прежде нежели началась война съ нашею Имперіею; но видя теперь, что Порта формально уже отъ оной отказалась, съ дозволеніемъ сверхъ того многихъ еще вообще Грузинскому народу выгодъ, какія особливо для области вашей наипристойнѣйшія, а съ предоставленіемъ себѣ единственно того почти только и права, чтобъ почитать и нынѣ изъ сего народа своими подданными тѣхъ, которые издревле ей принадлежали, слѣдовательно пріобрѣтая вы совершенно больше нежели въ началѣ и во все продолженіе вашего подвига, учиненнаго для оного предмета, ожидать и надѣяться могли, и воспріимете безъ сумнѣнія со всею должною благодарностію и во всей достойной цѣнѣ толикое наше объ васъ попеченіе, и впредь поступать будете, относительно и къ Турецкой сторонѣ, такимъ образомъ, чтобъ Порта никогда уже не возъимѣла справедливой причины быть вами недовольною, но чтобъ доставленная вамъ и области вашей, заключеннымъ миромъ, безопасность и спокойство всегда въ нерушимости остались, къ истинному ея благоденствію и къ собственной вашей похвалѣ.

Сего мы ожидаемъ отъ вашей свѣтлости, съ надѣяніемъ по извѣстному вашему благоразумію достаточному представить вамъ разность одного времени отъ другаго, и пристойныя въ обоихъ для владѣтеля упражненія и обязательства, и въ протчемъ, поручая васъ и съ областію вашею въ сохраненіе Божіе, пребудемъ всегда къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны. Екатерина. Дана въ столич-

номъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, Сентября 5-го дня отъ Рождества Христова 1774-го года, а государствованія нашего третьяго на десять лѣта. Контрасигнировалъ кн. Александръ Голицынъ.

VI.

Свѣтлѣйшій царь, мой почтенный пріятель.

Ея Императорское Величество, Самодержица Всероссійская, моя Всемилостивѣйшая Государыня соизволяетъ увѣдомлять васъ, свѣтлѣйшій царь, собственною своею Высочайшею симъ мною препровождаемою граматою, о благополучно заключенномъ съ Портою Оттоманскою мирѣ и о доставленныхъ при томъ для области вашей свѣтлости наилутчихъ по ея состоянію выгодностяхъ, съ совершенною для всего будущаго времени безопасностію.

Я, не входя здѣсь въ подробное оныхъ описаніе, чтобъ не повторять содержанія Императорской граматы, довольствуюсь примѣтить вашей свѣтлости, что все подъятыми понынѣ подвигами вашими ищемое, все по обстоятельствамъ вашимъ и области вашей возможное, и все наконецъ существенную пользу вамъ, области вашей и всей Грузіи приносящее, приобрѣтается нынѣ дѣйствительно и въ совершенствѣ изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества къ Грузинскому народу милости.

Я поздравляю вашу свѣтлость отъ всего моего сердца толикимъ неоцѣненнымъ счастіемъ. Осталось только желать, чтобъ ваша свѣтлость какъ во время защищенія вашего отечества отъ утѣсненія оказали себя мужествомъ и твердостію владѣтелемъ достойнымъ, такъ чтобъ и при наставшемъ теперь спокойномъ времени не меньше вы себя прославили пристойнымъ управленіемъ и предупрежденіемъ всего, чтò моглобъ Портѣ Оттоманской подать причину быть вами недовольною, не имѣя ваша свѣтлость при настоящемъ положеніи дѣлъ и коль долго она свои обѣщанія исполнять будетъ, ничего по всей вѣроятности такого, чтò бъ по справедливости предпочтено быть могло той опасности, какая при случаѣ новой вашей съ сею сильною державою остуды постигнуть васъ можетъ.

Въ протчемъ я и впредъ всегда пребуду вашей свѣтлости ко услугамъ готовый Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ, 5 Сентября 1774 года.

VII.

Копія съ двадцать третьяго артикула изъ мирнаго трактата между Имперіями Всероссійскою и Портою Оттоманскою заключеннаго при деревнѣ Кучукъ-Канаирджи, въ четырехъ часахъ отъ города Силистріи, Іюля 10-го дня 1774 года.

Артикулъ двадцать третій.

Въ части Грузіи и Мингреліи находящіяся крѣпости: Багдадчикъ, Кутаисъ и Шегербанъ, Россійскимъ оружіемъ завоеванныя, будутъ Россіею признаны принадлежащими тѣмъ, кому они издревле принадлежали, такъ что ежели подлинно оные города издревле, или съ давнаго времени были подъ владѣніемъ блистательной Порты, то будутъ признаны ей принадлежащими; а по размѣнѣ настоящаго трактата во условленное время Россійскія войска выйдутъ изъ помянутыхъ провинцій Грузіи и Мингреліи. Блистательная же Порта съ своей стороны обязывается, въ сходственность съ содержаніемъ перваго артикула, дозволить совершенную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые въ томъ краю въ теченіе настоящей войны какимъ ни есть образомъ ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами, и всякаго рода другихъ податей, обязывается не почитать между ими никого за своихъ подданныхъ кромѣ тѣхъ, которыя издревле ей принадлежали; всѣ замки и укрѣпленныя мѣста бывшія у Грузинцовъ и Мингрельцовъ во владѣніи оставить паки подъ собственною ихъ стражею и правленіемъ, такъ какъ и не притѣснять никоимъ образомъ вѣру, монастыри и церкви и не препятствовать поправленію старыхъ, созиданію новыхъ; и да не будутъ притѣсняемы какими-либо требованіями отъ губернатора Силдирскаго, и отъ протчихъ начальниковъ и офицеровъ къ лишенію ихъ имѣніи. Но какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то Россійская Имперія не имѣетъ совсѣмъ впредъ въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ.

(Сообщено въ спискѣ съ подлинниковъ В. С. Абакумовымъ).

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1826 годъ *).

Персидская война.

По переходѣ Безобдала, не было уже болѣе надобности оставаться всему отряду въ Гергерахъ; должно было, напротивъ того, перейти съ главными силами въ Джелалъ-Оглу, дабы усилить работы укрѣпленія и оставить въ Гергерахъ только самое необходимое число войскъ для защиты находившагося тамъ полковаго, Тифлискаго полка, хозяйства, и для наблюденія какъ равнины Гергерской, такъ и дороги черезъ Безобдалъ. Я внушалъ сіе князю Севарземидзеву, но онъ съ трудомъ рѣшался оставить Гергеры въ надеждѣ снять съ полей хлѣбъ. Видя, что князь медлилъ перейти въ Джелалъ-Оглу, я рѣшился идти со своими тремя ротами и предварилъ его о семъ. Взявъ съ собою 2 орудія 2-й и 3 орудія 3-ей легкихъ ротъ и 40 казаковъ, я отправился въ Джелалъ-Оглу, въ надеждѣ (въ чемъ и не ошибся), что князь скоро самъ за мною послѣдуетъ. Я выступилъ 12-го числа и черезъ нѣсколько часовъ прибылъ въ Джелалъ-Оглу, гдѣ, присоединивъ къ себѣ свою 9-ю егерскую роту, назначилъ маіорамъ Кашутину и Хомутскому каждому по двѣ роты въ команду, и занялъ лагерь.

Непріятельскіе пикеты заняли вершины Безобдала.

Въ ночи съ 12-го на 13-е Августа около Джелалъ-Оглу, на лѣвомъ берегу рѣки Каменки, противъ самаго лагеря моего, сдѣлался необыкновенный шумъ. Вскорѣ послѣдовалъ ружейный выстрѣлъ, тамъ другой, наконецъ до 15-ти выстрѣловъ вдругъ, такъ что нельзя было усумниться въ томъ, что непріятель сдѣлалъ внезапное нападеніе на расположенныя и собравшіяся тутъ въ кучу обывательскія кочевья. Немедленно ударили тревогу въ лагерѣ. Въ мигъ двѣ роты моего полка вооружились, и я повелъ ихъ бѣгомъ на лѣвый берегъ, приказавъ мимоходомъ и 2-й гренадерской ротѣ Тифлискаго полка за мною слѣдовать. Трудные спускъ и подъемъ при скалистыхъ берегахъ глубокаго оврага, въ коемъ течетъ рѣка Каменка, были причиною,

---

*) См. выше, стр. 177-я.

что мы не могли такъ скоро перейти на ту сторону; но какъ бы то ни было, мы хотя шли въ темнотѣ, перелетѣли, такъ сказать, сіи затрудненія. Подымаясь еще отъ моста, я былъ встрѣченъ однимъ коннымъ Армяниномъ, который, для большей осторожности, подъѣзжалъ къ намъ со свистомъ, дабы по немъ не выстрѣлили, и объявилъ мнѣ, что тревога сія пустая и что все спокойно. Проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ Гумрійскаго Армянина Мартироса, ѣхавшаго съ 20 или 30 конными Армянами и также взявшаго предосторожность свистать, когда сталъ сближаться къ намъ. Человѣкъ сей имѣлъ порученіе отъ князя держать разъѣзды по ночамъ на лѣвомъ берегу рѣки; онъ также сказалъ мнѣ, что все спокойно, и тревожиться не для чего. По робости, съ коей онъ объявилъ мнѣ сіе, я могъ замѣтить, что онъ былъ виновникъ сей пустой тревоги; я, желая пояснить дѣло, рѣшился изслѣдовать оное, не взирая на увѣренія его *).

Вышедши на равнину, я пошелъ вправо къ кочевью, около котораго слышны и видны были выстрѣлы, оставивъ одну роту на томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ яра выходила на степь. Мартиросъ все увѣрялъ меня, что никого нѣтъ; говорилъ даже, что не было и выстрѣловъ никакихъ, какъ будто всему лагерю показалось видѣніе; но сіе тѣмъ болѣе возродило во мнѣ любопытство узнать настоящее, и я велѣлъ осмотрѣть ружья провожавшихъ меня Армянъ. Они всѣ были чисты, и ни изъ одного не было выстрѣлено. Наконецъ, пришедъ къ кочевью, я нашелъ только однихъ женъ и дѣтей, которыя бранили мужей своихъ, что они бѣжали отъ нихъ при первомъ подозрѣніи о предстоящей опасности и укрылись въ скалахъ крутаго берега Каменки, оставя ихъ безъ защиты на жертву показавшихся имъ Персіянъ. Достойный поступокъ Армянъ! Отъ сихъ женщинъ узналъ я, что тревога произошла отъ того, что нѣсколько всадниковъ, коихъ ночью нельзя было различить, наѣхали на самое кочевье и перепугали жителей онаго, и что мужья ихъ, выстрѣливши ружья свои по симъ всадникамъ, сами скрылись. Болѣе ничего не могли мнѣ сказать сіи женщины; но голосъ вышедшій изъ конной толпы, меня окружавшей, сталъ объяснять сіе дѣло. Я немедленно обратился къ Армянину, проговорившемуся противъ желанія Мартироса, и вывѣдалъ изъ него, что по дорогѣ къ Тифлису ѣхало два человѣка, которые, казалось ему, были казаки, что Армяне (коихъ было до 40 человѣкъ) почли ихъ за Персіянъ и бѣжали тѣмъ болѣе, что и казаки отъ нихъ поскакали и даже, кажется, выстрѣлили по нимъ. Уклоняясь такимъ

---

*) Писано въ Тифлисѣ въ Мартѣ 1828 г., слѣдовательно чрезъ полтора года послѣ событій. П. Б.

образомъ отъ мнимаго непріятеля, Армяне наткнулись на кочевье земляковъ своихъ, которые сочли ихъ за Персіянъ, выстрѣлили по нимъ и бѣжали, такъ какъ и самые караульные ускакали, и, одумавшись, поѣхали ко мнѣ на встрѣчу, тѣмъ болѣе, что они услышали барабаны, подавшіе тревогу по всему лагерю. Болѣе сего я ничего узнать не могъ. Казаки точно были посланы съ летучею картою на постъ, что по дорогѣ къ Тифлису, и сіе объясненіе было, кажется, основательно. Я возвратился, разругалъ прежде оброб҃ѣвшаго начальника караульныхъ, извѣстнаго Мартироса, не скажу робкаго (потому что человѣкъ сей во многихъ случаяхъ показался истинно смѣлымъ и отважнымъ; онъ нынѣ произведенъ въ офицеры и продолжаетъ служить со всѣмъ усердіемъ).

Женатая рота Тифлискаго полка прибыла въ Джелалъ-Оглу 27-го числа въ самомъ несчастномъ видѣ: безконечный рядъ повозокъ съ женщинами и дѣтьми, на коихъ находились и солдаты, тянулся долгое время мимо лагеря нашего, не имѣя нисколько вида военнаго шествія; табуны скота тутъ же гнались, и все сіе переправилось черезъ Каменную рѣку, куда князь Севарземидзевъ ѣздилъ утѣшать ихъ и отправилъ ихъ 28-го числа подъ прикрытіемъ двухъ ротъ своего полка съ двумя орудіями. Женатая рота была тогда поручена въ командованіе кап. Брестовскаго, человѣка совершенно ни къ чему неспособнаго и показавшагося весьма съ невыгодной стороны въ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Рота сія дошла благополучно въ Манглисъ, гдѣ она стѣснила нѣсколько моихъ людей, но наконецъ размѣстилась и продолжала существовать въ совершенной бѣдности и въ нуждѣ до начала слѣдующаго года, въ какое время ее отправили, по настоятельнымъ просьбамъ князя Севарземидзева, безъ всякой нужды и надобности, опять въ Гергеры, гдѣ она,кажется, до сихъ поръ ничего не пріобрѣла со стороны устройства и порядка потребнаго въ войскахъ.

Я долженъ былъ извѣстить корпуснаго командира, какимъ образомъ мы оставили Караклисъ и перешли Безобдалъ. Я не могъ и не хотѣлъ обнаружить всѣхъ безпорядковъ, сопровождавшихъ сіе отступленіе, дабы не зачернить князя въ глазахъ начальства, и скрылъ поведеніе его; но злоупотребленія его и корыстолюбіе не укрылись отъ Алексѣя Петровича. Подполковникъ Флиге, уѣхавшій тогда въ Тифлисъ, разгласилъ объономъ въ Тифлисѣ.

Я извѣщалъ корпуснаго командира объ отрядѣ непріятельскомъ изъ 400 всадниковъ, отправившемся черезъ Джилку въ Борчалу. Вѣроятно это были тѣже люди, которыхъ мы видѣли съ вершины Безобдала и которые, наконецъ, выслали въ бой съ войсковымъ старшиною Васовымъ подъ Джелалъ-Оглу своихъ передовыхъ. Слѣдъ ихъ

былъ открытъ казаками по засѣяннымъ полямъ около Джилки, гдѣ они помяли хлѣба. Я немедленно писалъ о семъ князю, между тѣмъ приказалъ Мартиросу имѣть наблюденіе за сею партіею, дабы узнать направленіе и цѣль оной, съ тѣмъ, чтобы, выступивъ съ пѣхотою, отрѣзать оной обратный путь; ибо я не имѣлъ конницы и слѣдственно средствъ къ преслѣдованію оной. Прибытіе Севарземидзева въ Джелалъ-Оглу прекратило исполненіе сего. Безпечность его и нерадѣніе ко всему тому, что́ до его личныхъ видовъ не касалось, меня совсѣмъ отвращали отъ него. Онъ ничего не предпринялъ, я молчалъ, и дѣло сіе осталось; но каковы были послѣдствія!

Выше упомянутая партія, никѣмъ не преслѣдуемая, не наблюдаемая, прошла мимо Джилки, оттуда ущельемъ, ведущимъ черезъ цѣпь горъ, выѣхала на большую дорогу, ведущую изъ Турціи черезъ Доманглисъ къ Борчалу около Башкечета. Партія сія истребила селенія лежащія по сей дорогѣ до Квешъ и напала на Екатериненфельдскую Нѣмецкую колонію, лежащую въ 8-ми верстахъ отъ Квеша, не далеко отъ Татарскаго селенія Камерлы. Къ партіи сей присоединились шайки разбойниковъ, выѣхавшихъ изъ Ахалцыха и изъ Борчалинской дистанціи. Нападеніе на колоніи было сдѣлано на разсвѣтѣ и внезапно; большую часть Нѣмцевъ побили или увели въ плѣнъ, нѣсколько находившихся въ семъ селеніи также отчасти побили. По всему явствовало, что наши Татары служили Персіянамъ проводниками; ибо они прошли самыми потаенными дорогами, и намѣреніе ихъ было совершенно скрыто. Между тѣмъ часть взбунтовавшихся Борчалинцевъ бросились къ Шулаверамъ и попали на своего пристава князя Орбеліана, ушедшаго съ Шулаверскими мельниками и нѣсколькими Армянами въ скрытое мѣсто. Одинъ изъ сихъ мельниковъ былъ при семъ какимъ-то случаемъ убитъ, но пристава схватить не могли. Хищники боялись долгое время тутъ оставаться и уѣхали. Непріятельская партія симъ не удовольствовалась: она возвратилась частью черезъ Турецкія владѣнія и на обратномъ пути своемъ напала на штабъ-квартиру казачьяго Леонова полка, Шиндляры, которая была защищена самымъ малымъ числомъ казаковъ; кажется, ихъ было только около 20-ти или 30-ти человѣкъ; часть изъ нихъ погибла, другая же укрылась въ лѣса, а строенія были всѣ сожжены. Находившаяся тамъ жена полковника Леонова заблаговременно была предупреждена о предстоявшей опасности и ушла съ дѣтьми пѣшкомъ изъ Шиндляръ въ Бѣлый-Ключъ, штабъ-квартиру 41-го егерскаго полка.

Нѣмцевъ не досчитывалось тогда до 300 душъ; но кажется, что послѣ того часть ихъ собралась въ другой колоніи. По первымъ слу-

хамъ о намѣреніи непріятеля разграбить ихъ, они стали собираться въ колонію, поселенную близь Алгетки; но по приказанію губернатора генералъ-маіора Ховена должны были опять возвратиться на прежнее свое жилище, гдѣ и были истреблены на другой день своего прибытія.

Кажется, однакоже, что, послѣ разграбленія Екатериненфельдской колоніи, непріятель возвращался съ добычею своею по разнымъ дорогамъ; ибо отъ выбѣжавшихъ къ намъ въ Джелалъ-Оглу двухъ Нѣмцевъ мы узнали, что ихъ вели на Гумры. Курды, которые вели ихъ, ограбивши ихъ почти до-нага, обходились съ ними очень жестоко, раздѣлили ихъ между собою, перепродавали, разлучая мужа съ женою, отца съ дѣтьми; многіе изъ нихъ попались въ Турцію, гдѣ они и до сихъ поръ находятся въ неволѣ. Генералъ Сипягинъ предлагалъ въ прошломъ 1827 году корпусному командиру г. Паскевичу размѣнивать на нихъ въ Турціи плѣнныхъ Персидскихъ сарбазовъ. Мысль сія была весьма хорошая, и дѣло справедливое; но Паскевичъ не принялъ его предложенія. Одинъ изъ сихъ двухъ выбѣжавшихъ изъ плѣна Нѣмцевъ принесъ съ собою на рукахъ 2-хъ или 3-хъ лѣтнюю дочь свою, которую онъ умѣлъ сберечь во все время своего несчастливаго плѣна и бѣгства; его тогда-же одѣли и дали ему всевозможныя пособія.

Извѣстіе объ истребленіи Екатериненфельдской колоніи пришло къ намъ 20-го числа. Когда оно дошло до Тифлиса, то были высланы оттуда двѣ роты моего полка для преслѣдованія непріятеля, съ подполковникомъ Жихаревымъ; но могъ ли онъ имѣть надежду когда-либо настичь его? Однако какими-то судьбами одинъ мулла изъ находившихся при семъ разграбленіи непріятелей, участвовавшій болѣе другихъ въ жестокостяхъ и, какъ говорятъ, вырѣзавшій молодымъ колонисткамъ груди, былъ захваченъ и приведенъ въ Тифлисъ.

Алексѣй Петровичъ посрамилъ себя тогда поступкомъ самымъ предосудительнымъ. Онъ часто вѣшивалъ и казнилъ горцевъ безъ суда; но казни сіи, произведенныя въ лагерѣ, внѣ столицы, въ присутствіи однихъ войскъ, хотя и обсуждались, но вслѣдъ за симъ забывались его соотчичами и служили только къ ожесточенію тѣхъ самыхъ горцевъ, въ коихъ онъ хотѣлъ вселить симъ страхъ. Пойманнаго муллу онъ велѣлъ повѣсить, въ виду всего города, за ноги. Въ такомъ положеніи онъ былъ оставленъ для позорища народу. Голова его налилась кровью, глаза, губы наполнились оною. Онъ всячески просилъ помилованія и, полагая, что его мучаютъ за разновѣріе, клялся ѣсть свинину и пить вино, если его освободятъ. Видя тщетность всѣхъ его просьбъ, онъ рѣшился искать самъ своего спасенія и въ минуту, когда народъ, насытившись уже самъ зрѣлищемъ, сталъ от-

ходить, онъ раскачался и, ухватившись руками за перекладину, на которой его повѣсили, взлѣзъ на оную самъ и началъ отвязывать свои ноги. Но онъ уже былъ лишенъ зрѣнія отъ того тяжкаго положенія, въ коемъ онъ такъ долго находился. Частный офицеръ, при семъ находившійся, велѣлъ его немедленно стащить и, повѣсивъ въ прежнемъ положеніи, привязать руки къ двумъ кольямъ, которые воткнули въ землю подъ висѣлицею. Въ семъ положеніи страдалецъ оставался до вечера. Смерть не прекращала его мученій съ самаго утра. Наконецъ, о семъ доложили Алексѣю Петровичу. Онъ приказалъ повѣсить его обыкновеннымъ образомъ, т. е. за горло, чѣмъ и пресѣклись его страданія. Такую жестокость никто не могъ оправдывать, но она еще болѣе обнаружила ту робость, коею объятъ былъ генералъ Ермоловъ. Злоба, изливающаяся въ мщеніи надъ несчастнымъ плѣнникомъ, могла только произойти отъ увѣренности въ собственной слабости своей. Мулла сей вѣроятно заслуживалъ смерти; но изобрѣтать мученія для казни его несовмѣстно съ правилами образованія Европейцевъ.

Въ прошломъ году новое начальство не упустило сего изъ виду, дабы попраніемъ славы предшественника возвеличить слабыя достоинства свои. Въ день рожденія Государя, по совершеніи молебствія, сія висѣлица рушилась, и на мѣстѣ ея былъ воздвигнутъ крестъ, съ разглашеніемъ въ народѣ, сколько прежній знакъ казни былъ несовмѣстимъ съ милостію Государя. Внушить сіе народу, конечно, и дѣльно, и справедливо; но не должно бы, при семъ случаѣ, затмѣвать доброе имя предшественника, также избраннаго царемъ: ибо сими средствами умаляется довѣренность къ царской особѣ. Опытъ доказалъ, что когда уваженіе къ одному лицу твердо вкоренилось въ мысляхъ народа, то не истребятъ онаго козни и клеветы враговъ его и людей не имѣющихъ отъ природы тѣхъ качествъ и дарованій, которыя нужны для пріобрѣтенія любви, преданности и уваженія подчиненныхъ и народа.

Г. Вельяминову я писалъ слѣдующее:

„Князь Севарземидзевъ съ Тифлисскимъ полкомъ еще на Гергерѣ, я съ карабинерами на Джелалъ-Оглу. Мы слишкомъ сильны, чтобъ Персіяне могли намъ повредить; но, не имѣя конницы, мы также не можемъ препятствовать имъ въ грабежахъ при вторженіяхъ внутрь земли нашей. Соединеніе силъ нашихъ мало принесетъ пользы, если мы не лишимъ ихъ возрастающей отъ прежнихъ успѣховъ и нашего отступленія бодрости и дерзости, которыя могутъ только сократиться при наступательномъ движеніи въ границы ихъ“.

„Для удаленія женатой роты Тифлисскаго полка въ Манглисъ, я взялъ надлежащія мѣры; нижніе чины сами того желаютъ, и я теперь стараюсь

собрать свѣдѣнія о состояніи сей роты и числѣ имѣющагося при оной и собственно нижнимъ чинамъ принадлежащаго скота, располагая помѣстить ихъ на бывшемъ зимовникѣ моего полка на рѣкѣ *За*, дабы они не терпѣли нужды въ продовольствіи скота, и думаю, что въ семъ случаѣ намѣреніе мое согласно будетъ съ волею начальства".

„Укрѣпленіе при Джелалъ-Оглу дѣлается подъ надзоромъ подполковника Литова, распорядившагося здѣсь уже весьма хорошо, до прибытія моего, устроеніемъ лазарета, артилерійскаго парка, вывезеннаго изъ Караклиса и проч."

„Для охраненія воды нѣтъ другаго средства какъ занять оба берега Каменки. Около артилерійскаго лагеря имѣть будемъ 428 саженъ въ окружности; менѣе сего сдѣлать его нельзя, прикрывъ строенія."

„Лорійская крѣпость совершенно неудобна, по высотѣ командующей оною съ восточной стороны. Съ высоты сей непріятель можетъ бить даже изъ хорошей винтовки въ самое укрѣпленіе. При томъ же мы черезъ сіе лишили бы жителей единственнаго убѣжища ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зимняго продовольствія; ибо поля ихъ были бы сожжены непріятелемъ, а князь Севарземидзевъ еще все не теряетъ надежды заставить ихъ заняться уборкою хлѣба. Третья причина, по коей Лорійская крѣпость для насъ неудобна, та, что въ оной нѣтъ никакихъ строеній для помѣщенія магазейна, лазарета, артилерійскихъ снарядовъ и цейхгауза. По таковой же причинѣ я признаю правый берегъ Каменки удобнѣе лѣваго, на коемъ совершенно никакихъ строеній не имѣется, а потому работы продолжаются на правомъ берегу; по прибытіи же сюда Тифлискаго полка начнемъ строить на лѣвомъ берегу небольшой гунверкъ".

„Для полнаго вооруженія сего укрѣпленія потребно 16 орудій съ присылкою сюда гарнизонной артилеріи; полевая будетъ вся свободна для дѣйствованія съ отрядомъ въ движеніяхъ. Господинъ полковникъ Литовъ проситъ также о присылкѣ къ нему 30-ти піонеровъ при офицерѣ для дерновыхъ работъ".

„Прибытія вашего съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и не лишаемся надежды слѣдовать подъ начальствомъ вашимъ въ границы непріятеля. Августа 13-го дня 1826 года „Джелалъ-Оглу".

Но я тщетно призывалъ Вельяминова къ себѣ: онъ не пріѣхалъ, хотя и обѣщалъ сдѣлать сіе.

Пріѣздъ Вельяминова былъ бы въ особенности полезенъ для нашего отряда: онъ строгъ и возстановилъ бы порядокъ въ разстроенномъ полку Севарземидзева. Кромѣ того мы надѣялись, что онъ насъ поведетъ впередъ; и въ самомъ дѣлѣ, со свѣжими войсками, которыя у нас тогда были, нельзя было не жалѣть о нашемъ бездѣйствіи.

Главныя силы непріятеля тогда находились съ сардаремъ Эриванскимъ въ Гамзечименѣ. Гассанъ-ханъ же съ конницею и (какъ го-

ворили) съ четырьмя орудьями и частью сарбазовъ въ Кишлакѣ; передовые караулы его на Безобдалѣ.

Между тѣмъ работа при строеніи крѣпости производилась въ Джелалъ-Оглу подъ надзоромъ инженернаго подполковника Литова, человѣка весьма старательнаго и дѣятельнаго, хотя не военнаго духа; онъ нынѣ получилъ Георгіевскій крестъ и многія другія отличныя награжденія.

Успѣхъ работъ сихъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ моимъ. Я полагалъ, что люди Тифлискаго полка, отвыкшіе отъ фронтовой службы, тѣмъ способнѣе будутъ къ сему роду занятій; но я имѣлъ случай удостовѣриться, что опущеніе солдата и военной дисциплины равно дѣйствовало со вредомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тифлисцы никогда не выходили по наряду; иногда ихъ приходило половина наряженнаго числа на работу, и то весьма поздно. Съ большимъ трудомъ могъ я понудить офицеровъ приходить съ людьми и оставаться на работѣ, и сіе дѣлалось кое-какъ, пока я самъ смотрѣлъ за исполненіемъ сего; но едва я только отвернусь, какъ всякій порядокъ и повиновеніе изчезали. На работѣ люди едва выдѣлывали десятую долю того, что̀ можно было отъ нихъ требовать самымъ умѣреннымъ образомъ. При понужденіяхъ они роптали, и офицеры не смѣли ихъ побуждать. Я говорилъ о семъ нѣсколько разъ князю; но онъ или самъ боялся понудить солдатъ, или не находилъ сіе нужнымъ. Примѣръ сей былъ весьма вреденъ и для моихъ людей, которые также стали было лѣниться, также и егеря; но нѣсколько строгостей привели ихъ въ порядокъ, и они, наконецъ, возъимѣли къ Тифлисцамъ совершенное пренебреженіе, такъ что однажды, обходя работы, я остановился подлѣ фаса егерей и, увѣщевая ихъ къ прилежанію, сказалъ имъ, что лѣнь Тифлисцевъ не должна имъ никакъ въ примѣръ служить. Какъ можно? отвѣчалъ мнѣ одинъ егерь: они вѣдь жители, а мы войска! Острое слово сіе было въ скорости распространено по всѣмъ рабочимъ; но оно не послужило къ ускоренію работъ Тифлисцевъ, а только слово сіе, столь справедливо сказанное, выражало совершенно состояніе войскъ и отношенія ихъ. Какъ простые солдаты умѣли хорошо постичь сіе!

23-го числа прибыла въ лагерь при Джелалъ-Оглу еще рота Тифлискаго полка изъ Гергеръ, 8-я мушкетерская. Такимъ образомъ приводилось по малу въ исполненіе намѣреніе мое собрать сколь возможно было болѣе войскъ въ лагерь при Джелалъ-Оглу.

25-го числа собралось въ Джелалъ-Оглу около 50-ти конныхъ Армянъ, по приказанію князя, о коемъ онъ однако же мнѣ ничего не говорилъ. Когда я его спросилъ о причинѣ сего сбора, то онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ ихъ послать осмотрѣть непріятельскій лагерь.

Я полагалъ, что отправленіе сіе было послѣдствіемъ частыхъ повтореній моихъ на счетъ неизвѣстности, въ коей онъ находился о движеніяхъ непріятеля, что оно было послѣдствіемъ повтореннаго, можетъ быть, замѣчанія ему отъ корпуснаго командира на счетъ безпечности его; но я удивлялся, что людей сихъ посылали, не предваривъ меня. Самый Мартиросъ, предводительствовавшій сими конными людьми, таился отъ меня: князь отдалъ ему приказанія свои въ тайнѣ. Словомъ я имѣлъ право подозрѣвать, что подъ симъ предлогомъ скрывался умыслъ, который хотѣли отъ меня скрыть. Наконецъ, люди сіи отправились подъ предлогомъ разъѣзда къ сторонѣ Безобдала. 27-го они возвратились и донесли, то есть пущено было извѣстіе, что они были въ Караклисѣ, Кишлакѣ и Амамлахъ, но непріятеля нигдѣ не встрѣтили; въ Бегкяшегѣ же будто видѣли огни, почему и заключили, что Персіяне тамъ собрались. Удивительно было, что въ теченіе полутора сутокъ они успѣли объѣздить всѣ сіи мѣста что̀ составляло болѣе 70-ти и почти 80-ти верстъ, и осмотрѣть все ими разсказанное; но положимъ, что они и успѣли на лошадяхъ всякаго рода, дурныхъ и хорошихъ, проѣхать все сіе пространство, весьма не вѣроятно было, чтобъ Армяне сіи, столь извѣстные робостью своею, рѣшились проѣхать за Безобдалъ и побывать въ Амамлахъ, когда они знали, что непріятель въ той сторонѣ находился. На такой отважный поступокъ едва ли бы самые доброконные Курды пустились. Я подозрѣвалъ другое, но не смѣлъ, и теперь еще не смѣю, утвердить догадки своей, хотя происшествія покажутъ, на какихъ правдоподобіяхъ онѣ были основаны.

Персидскіе купцы, остановленные при началѣ еще войны Севарземидзевымъ въ Караклисѣ съ товаромъ ихъ, были отправлены за карауломъ въ Тифлисъ, а товаръ ихъ перевезенъ въ Джелалъ-Оглу. Корпусный командиръ обратилъ ихъ къ Севарземидзеву при предписаніи, въ коемъ значилось, что не должно было ихъ задерживать; потому что Персидское правительство черезъ сіе находилось въ правѣ также поступить и съ нашими купцами, коихъ было много въ Персіи, и съ приказаніемъ, дабы ихъ отправить за границу, возвративъ имъ товары ихъ. Купцы сіи жили нѣсколько дней въ Джелалъ-Оглу, ожидая отправленія своего; наконецъ, ихъ отправили въ тотъ самый день, какъ отправился Армянской разъѣздъ, но съ тою разницею, что купцы поѣхали по той дорогѣ, по коей Армяне возвратились, т. е. прямо къ Амамламъ. Но когда 31-го числа князь Меншиковъ, находившійся посланникомъ въ Персіи, возвратился въ Джелалъ-Оглу, тогда прибыло съ нимъ два Персіянина изъ числа сихъ купцовъ, которые принесли ему жалобу, что, выѣхавши изъ Джелалъ-Оглу, они

были разграблены Армянами на ночлегѣ, недалеко отъ крѣпости и пущены за Безобдалской хребетъ безъ всего. Меншиковъ, передавъ ихъ Севарземидзеву, просилъ, чтобъ дѣло сіе было розыскано и обиженнымъ было бы сдѣлано возможное удовлетвореніе; о скорѣйшемъ по сему предмету исполненіи просилъ меня находившійся при Меншиковѣ дипломатическій чиновникъ Амбургеръ. Князь Меншиковъ уѣхалъ. Купцы сіи болѣе недѣли жили на площади передъ окнами Севардземидзева, прося удовлетворенія или хлѣба, пока дѣло ихъ не разберется; но тщетны были ихъ ожиданія, тщетны были и мои напоминанія князю Севарземидзеву и, наконецъ, люди сіи исчезли, т. е. я полагаю, ушли, не получивъ ничего. Мнѣ неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ, былъ конецъ сего дѣла; но догадываться было весьма нетрудно.

25-го числа полковникъ Фридрихсъ отправился въ Тифлисъ по собственной своей надобности. Я поручилъ ему объяснить мое непріятное положеніе корпусному командиру и просить отъ меня позволенія быть при своемъ мѣстѣ, т. е. въ полку своемъ. Фридрихсъ возвратился и не привезъ ничего удовлетворительнаго для меня, кромѣ изъявленія расположенія ко мнѣ корпуснаго командира, и я оставался опять въ сей должности (няньки при Севарземидзевѣ).

Баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, стоявшій въ Волчьихъ Воротахъ, пошелъ къ Красному мосту для присоединенія къ войскамъ, выступавшимъ противъ Абассъ-Мирзы къ Елисаветполю, и мѣсто имъ занимаемое было занято изъ Джелалъ-Оглу. 28-го числа двѣ роты моего полка съ 15-ю казаками были отправлены для смѣны находившихся тамъ уже двухъ ротъ моихъ.

Борчалинцы, не взирая на приказаніе возвратиться на равнину въ свои зимнія жилища, уклонялись отъ исполненія сего и укрывались въ ущельяхъ, въ надеждѣ, что скорое прибытіе Персіянъ выручитъ ихъ отъ насъ. На сей предметъ послали ихъ выгонять изъ ущелій Грузинскую конницу, которой было собрано до 1800 человѣкъ въ Квешахъ. Не знаю, каковъ былъ успѣхъ сей конницы въ семъ случаѣ; извѣстно мнѣ только, что Борчалинцы не приняли общаго участія въ возмущеніи, а только пользовались тогдашними смутными временами, чтобы заняться обыкновеннымъ своимъ промысломъ—воровствомъ. Здѣсь надобно упомянуть о составѣ и сборѣ сей конницы, ибо случай сей рѣдкой, и самыя дѣйствія сей конницы достойны замѣчанія.

Когда успѣхи Персіянъ въ сторонѣ Карабаха стали приводить въ ужасъ всѣхъ жителей, тогда возмущенія въ разныхъ областяхъ намъ подвластныхъ, и имя бѣглаго Грузинскаго царевича Александра, возвѣщали главнокомандующему, что Грузины, которые намъ еще

оставались вѣрными, могли также вооружиться противъ насъ. Опасаясь лишиться самого Тифлиса, онъ вздумалъ ополчить христіанскіе народы противъ Персіянъ. Ему не долго было склонить къ сему дворянство и воскресить между онымъ память о прежнихъ подвигахъ Грузинъ, славившихся въ прежнія времена храбростію своею. Надобно было воспламенить легковѣрную молодежь, проводившую праздную жизнь въ деревняхъ своихъ и готовую, при первомъ появленіи хоругви возмущенія, возстать противъ насъ. При немъ находился въ то время колежскій совѣтникъ Палавандовъ, Грузинъ и, что̀ довольно рѣдко, умный человѣкъ. Палавандовъ въ сіе смутное время умѣлъ вкрасться въ довѣренность корпуснаго командира, такъ что ничего почти не дѣлалось безъ его совѣта, и тогда онъ сочинилъ къ нимъ воззваніе.

Грузинское краснорѣчіе сіе возымѣло желаемое дѣйствіе: дворяне ополчились, а за ними крестьяне ихъ; и уѣздные маршалы повели ополченія свои подъ знаменами предковъ своихъ къ Тифлису. Ополченія сіи находились только нѣсколько дней за садами банныхъ воротъ и отправились къ Калаку на рѣку Храмъ, гдѣ ихъ выдержали вопреки жалобъ ихъ и представленій довольно долгое время, такъ что между ними поселилось нѣкоторое уныніе. Многихъ постигли болѣзни, и лошади ихъ стали приходить въ изнуреніе. Ихъ подвинули чрезъ нѣсколько время въ Квеши на предметъ вышеизложенный; но тамошній климатъ, хотя нѣсколько лучше былъ, всегда пагубенъ для самыхъ жителей, уходившихъ на лѣто въ горы. Грузины находились въ семъ положеніи въ исходѣ Августа. Родственники Севарземидзева князья Гурашевъ и Мазіабеловъ пріѣзжали къ намъ въ Джелалъ-Оглу изъ сего ополченія и сказывали намъ какъ о тяжкомъ положеніи, въ коемъ они находились, такъ и о рвеніи ихъ сразиться съ непріятелемъ.

Воззваніе Ермолова подало впрочемъ Грузинамъ поводъ ко многимъ сужденіямъ. Они могли заключить и видѣли, что корпусный командиръ въ семъ случаѣ былъ движимъ робостію и, вспомнивъ прежнее неснисходительное обращеніе его съ ними, говорили явно съ насмѣшкою, что въ иныхъ обстоятельствахъ онъ имъ показывалъ другое расположеніе. Не менѣе того возваніе подѣйствовало и имѣло желаемый успѣхъ, хотя конница сія не показала себя въ бою тѣмъ, что̀ можно было ожидать отъ нея. Главная польза отъ сего состояла въ томъ, что сіи самые же Грузины не обратились на насъ во время нашествія Персіянъ и не произвели внутренняго возмущенія.

Вмѣстѣ съ сими Грузинами ополчили также толпы горскихъ Осетинъ, находившихся при войскахъ, коими командовалъ Мадатовъ, и по безпорядкамъ ими произведеннымъ, неповиновенію и грабитель-

ству оказались болѣе обременительными, чѣмъ полезными, и были отправлены обратно въ горы.

31-го я ѣздилъ осматривать старую крѣпость Лори. Занимательныя развалины сіи я видѣлъ еще въ 1816-мъ году. Лори была столица Армянскаго владѣтеля; мѣсто сіе неприступно. Строенія находились въ углу составленномъ изъ рѣкъ Каменки и другой, текущихъ въ глубокихъ ярахъ, коихъ отвѣсистые почти берега скалисты и имѣютъ разстоянія между собою вверху близъ ста сажень; спускаться къ водѣ можно только одною или двумя тропинками пѣшему. Сажень 300 или болѣе отъ соединенія рѣкъ проведена отъ лѣваго берега Каменки къ другой рѣкѣ высокая и толстая стѣна, сложенная изъ большихъ каменныхъ плитъ и содѣлывающая мѣсто сіе совокупно съ ярами неприступнымъ. Высота, лежащая за Каменкою, командуетъ городомъ; но хотя я писалъ къ Вельяминову, что съ оной можно изъ хорошей винтовки стрѣлять по строеніямъ, однако, при внимательномъ наблюденіи сего мѣстоположенія, я удостовѣрился, что пушечные выстрѣлы только могли бы вредить строніямъ. Самая стѣна заслуживаетъ вниманія прочностью, съ коей она построена и величиною размѣровъ оной. Внутри видны еще своды, служившіе банями, церкви и развалины многихъ строеній, свидѣтельствующихъ о многолюдномъ, по тѣснотѣ мѣста, населеніи онаго. Берега рѣкъ сихъ имѣютъ нѣсколько пещеръ, высѣченныхъ въ камнѣ, служившихъ вѣроятно также убѣжищемъ осажденнымъ во времена нападеній или нашествій непріятельскихъ. При нынѣшнемъ посѣщеніи моемъ сихъ развалинъ я нашелъ ихъ наполненными семействами Армянъ, уклонившихся отъ плѣна или угрожавшей имъ смерти во время нападенія Персіянъ на пограничныя селенія наши. Несчастные сіи терпѣли холодъ, голодъ и нищету, лишившись почти всего имущества своего; говорили даже, что между ними показалась зараза, происшедшая будто отъ нужды и тѣсноты, но сіе было несправедливо. Безъ сомнѣнія впрочемъ, что они потеряли болѣе обыкновеннаго людей, всего же болѣе дѣтей; но заразы не было. Они перешли на зиму внутрь Грузіи и частью возвратились въ прошломъ году на прежнія жилища свои, гдѣ правительство заботится теперь о водвореніи ихъ вновь, помогая имъ по возможности.

Пока я занимался разсматриваніемъ развалинъ Лорійскихъ, прискакалъ ко мнѣ офицеръ изъ Джелалъ-Оглу, съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ возвращается изъ Персіи, и долженъ сей часъ быть въ крѣпость. Я немедленно возвратился въ Джелалъ-Оглу (куда въ тоже время возвратился изъ Тифлиса полковникъ Фридрихсъ), распорядился карауломъ для Меншикова и сдѣлалъ нужныя приготовленія для принятія его. Онъ наконецъ пріѣхалъ передъ вечеромъ. Не могу дать

подробнаго отчета о всѣхъ дѣйствіяхъ его въ Персіи: то что̀ я отъ него слышалъ недостаточно, записокъ о переговорахъ его я не имѣю. Но скажу, что̀ о семъ знаю и помню. Онъ былъ принятъ горделиво шахомъ и наслѣдникомъ престола, Аббасъ-Мирзою, которые полагали, что внутреннія безпокойства, возникшія въ нѣдрахъ нашего отечества и соперничество двухъ братьевъ, ищущихъ престола, понудили Государя приступить къ мѣрѣ столь смиренной и искать покровительства или помощи Персидскаго двора. Старанія Меншикова о возстановленіи дружественныхъ сношеній между обѣими державами были тщетны: ему отвѣчали дерзко, надменно и въ тоже время подвигали войска къ границамъ нашимъ. Наконецъ, когда онъ долженъ былъ выѣхать, тогда остановили въ Эривани курьера, котораго онъ посылалъ съ предувѣдомленіемъ объ умыслѣ Персіянъ напасть нечаянно, и онъ самъ испыталъ разныя неудовольствія: прибывъ къ Эривани, былъ задержанъ 20 дней въ самомъ нездоровомъ и пагубномъ мѣстѣ, нѣсколько людей у него померло, и всѣ почти чиновники свиты его переболѣли. О немъ настоящаго слуха не было; полагали, что онъ на Астрахань отправленъ, какъ къ удивленію нашему извѣстились мы, что его провожалъ до вершины Безобдала Исмаилъ-ханъ съ передовымъ отрядомъ конницы, что изъ Гергеръ выслана была одна рота къ нему на встрѣчу и что онъ самъ долженъ немедленно прибыть. Съ какою радостью онъ въѣхалъ въ средину соотчичей своихъ! Съ какою радостью всѣ окружающіе его обнимали насъ и сколь сильно они чувствовали удовольствіе избавиться, наконецъ, изъ рукъ Персіянъ и возвратиться въ отечество! Мы соблюли противъ нихъ все, что̀ можно было, дабы доставить имъ спокойствіе, въ коемъ они нуждались и, кажется, что мы не подали имъ повода жаловаться на недостатокъ ласки съ нашей стороны. Съ Меншиковымъ пріѣхали адъютантъ его графъ Толстой, полковникъ Бартоломей, лѣкарь, какой-то гражданскій чиновникъ и находившійся въ Персіи въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ Амбургеръ, старый знакомый мой; онъ везъ съ собою женщину, которую привезъ съ собою изъ Петербурга и съ коею онъ все время тамъ жилъ. За неимѣніемъ гдѣ помѣститься въ крѣпости, я предложилъ ему расположиться въ лагерѣ, и онъ раскинулъ шатры свои, въ коихъ и помѣстился съ своею наложницею близъ моего балагана.

Севарземидзевъ не упустилъ случая расточить передъ Меншиковымъ все хвастливое краснорѣчіе свое, какъ онъ сіе дѣлалъ передъ каждымъ новопріѣзжимъ, обѣщая сардаря Эриванскаго накормить свинымъ саломъ и перечисляя всѣ ругательства такого рода, которыя онъ къ нему въ письмахъ писалъ; но рѣчи его получили у Меншикова настоящую цѣну ихъ. Меншиковъ не забылъ прежняго знакомства на-

шего въ Петербургѣ и показывалъ ко мнѣ особенное вниманіе: онъ навѣстилъ меня въ балаганѣ моемъ, объѣхалъ со мною крѣпость и изложилъ мнѣніе свое о различныхъ прибавленіяхъ, которыя онъ полагалъ нужными для управленія Джелалъ-Оглу. Такимъ образомъ Меншиковъ провелъ съ нами первое число Сентября мѣсяца, располагая выѣхать 2-го въ Тифлисъ; но непріятель, разсчитавшій день его выѣзда или освѣдомившійся объ ономъ черезъ лазутчиковъ, вздумалъ его схватить позади войскъ нашихъ на пути, и Гассанъ-ханъ, предводительствовавшій легкимъ отрядомъ, сдѣлалъ 2 Сентября быстрое нападеніе на деревни лежащія въ тылу нашемъ, но не имѣлъ предполагаемаго имъ успѣха, хотя и удалось ему разорить жителей и угнать у нихъ довольное количество скота.

Нападеніе сіе дѣлаетъ особенную честь Гассанъ-хану, какъ воину опытному, рѣшительному и распорядительному. Нападеніе было быстро и распоряжено съ искусствомъ и въ особенности съ знаніемъ мѣстоположенія; отступленіе было произведено со всевозможнымъ единогласіемъ, чтò почти неслыханно въ безпорядочномъ войскѣ, имѣвщемъ добычу и разсыпанномъ толпами на пространствѣ болѣе 25-ти верстъ. Сколько разъ онъ былъ отрѣзанъ, взятъ во флангъ! Но всегда уклонялся. Сіе однакоже должно приписать не столько искусству его, какъ преимуществу, которое конница необходимо должна имѣть надъ пѣхотою въ отступленіи. Мы рѣшительно не могли нанести никакого почти вреда Персіянамъ, не имѣя конницы, сами же подвергались всегдашнимъ внезапнымъ нападеніямъ на всякую почту быстрой конницы Гассанъ-хана.

3-го Сентября въ полдень отправился въ Тифлисъ генералъ-маіоръ князь Меншиковъ со всею миссіею, подъ прикрытіемъ роты 41-го егерскаго полка съ однимъ орудіемъ 2-й легкой роты и десяти казаковъ. Въ самое время выѣзда его прибылъ въ Джелалъ-Оглу транспортъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Тифлискаго полка съ двумя орудіями 3-й легкой роты, провожавшими до Шулаверъ женатую роту Тифлискаго полка. Провіантъ сей пришелъ весьма кстати; ибо, благодаря дурнымъ распоряженіямъ Севарземидзева, войска оканчивали уже послѣдній хлѣбъ свой.

Вмѣстѣ съ транспортомъ симъ прибылъ на службу ко мнѣ въ полкъ племянникъ начальника Тифлиской гарнизонной артилеріи и арсенала полковника Давыдова, Петръ Давыдовъ, молодой человѣкъ 17-ти или 18-ти лѣтъ. Я полюбилъ юношу сего за его добрыя качества; онъ выслужилъ у насъ все время, неся всѣ труды нижняго чина, и теперь, получивъ чинъ офицерскій, также обращаетъ на себя вниманіе своего новаго начальства.

Транспортъ сей съ провіантомъ прибылъ на обывательскихъ арбахъ, которымъ платили, кажется, по одному рублю серебромъ за каждый день каждой арбѣ; если условіе сіе не имѣло мѣста съ симъ транспортомъ, то оно по крайней мѣрѣ было введено въ употребленіе съ другими транспортами хлѣба, и на основаніи онаго ходили всѣ вольно-наемные транспорты обывательскіе въ прошломъ 1827 году. Цѣна подводъ сего пришедшаго транспорта въ Джелалъ-Оглу не могла быть меньше прописанной, если ихъ нанимали и не поденно, а по разстоянію до Джелалъ-Оглу, почему и можно судить о издержкахъ сдѣланныхъ для продовольствія войскъ въ сей войнѣ съ Персіянами.

4-го, изъ Эривани пріѣхалъ Персіянинъ, слуга Англійскаго маіора Монтиса съ письмами къ князю Меншикову; его приняли въ Джелалъ-Оглу, и письма его отправили въ Тифлисъ. Мы имѣли поводъ подозрѣвать, что человѣкъ сей имѣлъ порученіе осмотрѣть нашъ лагерь. Онъ былъ очень непокоенъ, и за нимъ наблюдали; онъ дождался отвѣта изъ Тифлиса и былъ отправленъ обратно гораздо уже позже.

По общему совѣту съ Северземидзевымъ, собрали жителей Армянъ съ сосѣдственныхъ деревень и начали работы ими. Средство сіе имѣло неожиданный успѣхъ: люди сіи, въ увѣреніи, что мы болѣе отступать не будемъ, потому что строили крѣпость, приложили все свое стараніе къ скорѣйшему окончанію оной. Старые и малые трудились неусыпно. Всего болѣе меня удивили въ семъ случаѣ мальчики, которыхъ работа сія забавляла, и безъ сомнѣнія десять двѣнадцати и пятнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ болѣе сработывали въ сутки, чѣмъ сто солдатъ Тифлискаго полка. Жителей болѣе еще привлекало къ сему то, что имъ выдавали хлѣбъ и потому что, оставя поля свои въ Бамбакахъ, они всего лишились и терпѣли голодъ. Не менѣе того, многіе изъ нихъ бѣгали; они терпѣли холодъ, ночуя въ балаганахъ солдатскихъ; къ нимъ приставили караулъ и все, что можно было ожидать отъ лѣниваго народа сего, было извлечено въ пользу укрѣпленія нашего, которое къ зимѣ было окончено, хотя и не успѣли обшить оное снаружи дерномъ.

Извѣстіе о пораженіи Персіянъ 3-го Сентября подъ Шамхорами княземъ Мадатовымъ было доставлено къ Северземидзеву съ Татариномъ Казахской дистанціи, который привезъ къ нему письмо о семъ пристава своего князя Орбеліана. Северземидзевъ не пришелъ, а прилетѣлъ въ балаганъ Фридрихса, гдѣ я тогда былъ, и прочелъ намъ въ восторгѣ письмо сіе. Извѣстіе сіе точно нужно было, чтобы успокоить всѣхъ насъ на счетъ дѣйствій со стороны Карабаха и мусульманскихъ провинцій, о коихъ доходили до насъ непріятные слухи. У насъ не было ни наблюдательныхъ пикетовъ, ни разъѣздовъ,

такъ что непріятель могъ вездѣ появиться къ намъ внезапно и неожиданно. Сколько разъ я твердилъ Севарземидзеву о томъ, что можно бы на сіе употребить жителей; но или предложенія мои оставались безъ отвѣта, не отъ грубости и не отъ невниманія, но отъ незнанія что̀ отвѣчать; или же онъ возражалъ мнѣ, что Армянъ къ сему онъ не надѣялся быть въ состояніи понудить; а между тѣмъ все-таки никакихъ мѣръ не предпринималось. Но упреки корпуснаго командира въ семъ случаѣ столько же относились ко мнѣ, потому что онъ полагалъ меня виновнымъ въ оплошности, не воображая себѣ, до какой степени простиралась тупость Севарземидзева; также ко мнѣ относились упреки его на счетъ медленнаго успѣха въ работахъ при укрѣпленіи. Онъ упрекалъ меня тутъ же въ недѣятельности противъ непріятеля, но что̀ можно было дѣлать мнѣ съ Севарземидзевымъ? Онъ хвасталъ обѣщаніями своими поругаться вѣрѣ Персіянъ въ мечетяхъ ихъ и проч., но ни на какое дѣло не могъ никогда рѣшиться. Весьма непріятно было мое положеніе; я не хотѣлъ быть доносчикомъ, хотѣлъ отдѣлаться, просился къ своему мѣсту, но тщетно.

Артилеріи поручикъ Бриммеръ, прибывшій изъ Тифлиса, увѣдомилъ насъ о непріятныхъ сношеніяхъ, въ коихъ находился корпусный командиръ со вновь пріѣхавшимъ генераломъ Паскевичемъ, и я вскорѣ увидѣлъ, что въ подчеркнутыхъ словахъ письма̀, которое я получилъ отъ Ермолова, заключался совѣтъ дѣйствовать осторожно по случаю вновь прибывшаго начальника: мѣра слабая тогда, когда надобно было показать совершенную твердость. Но дѣло его было неправое, и онъ велъ себя, усугубляя на каждомъ шагу ошибки свои.

Мнѣ говорили, что, съ начала еще вторженія Персіянъ, Алексѣй Петровичъ отозвался къ Государю неимѣніемъ генераловъ и просилъ себѣ помощника. Сіе весьма возможно, хотя и не знаю навѣрное, писалъ ли онъ сіе къ Государю или нѣтъ. Вслѣдствіе будто его требованія прислали къ нему командира 1-го корпуса генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта Паскевича, коего и назвали командующимъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, подъ главнымъ начальствомъ командира онаго генерала Ермолова. Титулъ сей многихъ уже увѣрилъ, что онъ смѣнитъ со временемъ Алексѣя Петровича, и поселилъ грусть въ сердцахъ большей части подчиненныхъ его, тѣмъ болѣе когда услышали о сердитомъ, дерзкомъ и грубомъ нравѣ Паскевича. Извѣстіе о внезапномъ вторженіи Персіянъ встревожило Государя, бывшаго тогда въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что (какъ говорятъ) Алексѣй Петровичъ писалъ, что онъ не ручается, чтобы они въ Тифлисѣ не были. Государь поспѣшилъ послать сюда 20-ю пѣхотную дивизію съ тремя ротами артилеріи, 2-ю уланскую дивизію съ одною

конною ротою, четыре полка Донскихъ казаковъ съ ротою конной артилеріи, и лейбъ-гвардіи сводной полкъ, составленный изъ двухъ баталіоновъ Московскаго и лейбъ-гренадерскаго полковъ, участвовавшихъ въ бунтѣ 14-го Декабря въ Петербургѣ; къ тому еще потребовали съ линіи два полка Черноморскихъ казаковъ, полки Тенгинскій и Навагинскій, пѣхотные съ артилеріею, коихъ мѣста заступили три баталіона 20-й дивизіи, формировавшіеся на линіи изъ баталіоновъ 12-й пѣхотной дивизіи, но сіи два полка должны были только выступить и замѣниться въ 1827 году. Паскевичу велѣно было ѣхать какъ можно поспѣшнѣе; отправляли такимъ же образомъ съ самою большею поспѣшностію разныхъ чиновниковъ главнаго штаба и между прочими флигель-адъютантовъ полковниковъ князя Долгорукова *) и барона Александра Фридрихса, брата Бориса. Фридрихсъ долженъ былъ ѣхать въ Баку и произвести слѣдствіе по доносу, поступившему оттуда отъ извѣстнаго дурнымъ своимъ поведеніемъ и ненадежностію, гарнизонной артилеріи капитана Петровскаго, на коменданта полковника барона Розена, коего обвиняли въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ и разговорахъ противъ Государя во время перемѣны царствованія. На доносы такого рода обращали тогда особенное вниманіе начальства; Фридрихсъ произвелъ слѣдствіе и нашелъ виновными доносчиковъ; не знаю, чѣмъ сіе послѣ кончилось. Долгоруковъ пріѣхалъ по особымъ порученіямъ Государя, какъ говорили по крайней мѣрѣ. Прибытіе сихъ двухъ чиновниковъ возродило подозрѣніе въ Алексѣ Петровичѣ, и онъ не скрылъ сего, сказавъ однажды Долгорукову въ присутствіи многихъ, что онъ пріѣхалъ лазутчикомъ. Не менѣе того они послѣ подружились и были нѣкоторое время неразлучны. Долгоруковъ точно не былъ лазутчикомъ; напротивъ того, можно было скорѣе думать, что его отдалили тогда отъ двора по подозрѣніямъ, которыя на него имѣли по участію въ происшествіяхъ 14 Декабря; но не знаю, справедливо ли сіе. Всего проще думать, что онъ пріѣхалъ просто на службу, дабы получить отличіе.

Паскевичъ въ проѣздъ свой по линіи черезъ горы поселилъ вездѣ ужасъ. Не зная самъ порядка службы, видя много злоупотребленій въ войскахъ и будучи предупрежденъ противъ Алексѣя Петровича, онъ вездѣ разглашалъ самые непріятные отзывы о здѣшнихъ войскахъ, и дурное расположеніе Государя къ Алексѣю Петровичу уже не было болѣе скрыто. Меня увѣрялъ Грибоѣдовъ послѣ того, что Паскевичъ имѣлъ съ собою повелѣніе Государя наименоваться настоящимъ командиромъ Кавказскаго корпуса со смѣщеніемъ Ермолова, и что ему

*) Если не ошибаемся, это былъ князь Илья Андреевичъ Долгоруковъ. П. Б.

было велѣно держать оное втайнѣ до необходимости въ сей мѣрѣ. Повелѣніе сіе было точно содержано втайнѣ, и я готовъ вѣрить, что оно было въ рукахъ Паскевича, хотя нѣкоторое время полагали, что онъ возвратится въ Россію; замѣтно въ немъ было только оскорбленное самолюбіе, и онъ никогда о семъ не проговорился. Такое вступленіе его въ Грузію не могло понравиться Ермолову; но онъ принялъ его съ ласкою, зная его за человѣка храбраго и дѣятельнаго. Онъ, можетъ быть, и надѣялся въ немъ имѣть помощника усерднаго; но подозрѣніе съ его стороны и самые неосторожные, можетъ быть, поступки со стороны Паскевича, все разстроили: личина дружбы существовала только нѣсколько дней. Вскорѣ Паскевичъ на совѣщаніяхъ, принося только такія предложенія, какъ напримѣръ, ввести въ употребленіе рогатки въ пѣхотѣ, обратилъ на себя насмѣшки Ермолова. Насмѣшки сіи, сказанныя неосторожно, при многихъ чиновникахъ всякаго разбора, доходили вѣроятно до Паскевича, коего требованія на счетъ усовершенствованій войскъ въ корпусѣ были самыя нелѣпыя: ибо онъ не постигаетъ ни службы, ни обязанностей, и не въ состояніи обнять какого-либо предмета въ настоящемъ его видѣ. Вскорѣ завелись люди, которые взяли на себя ремесло переносить говоренное отъ одного къ другому, и ссора обнаружилась. Я слышалъ даже, что однажды, при весьма горячемъ разговорѣ, Паскевичъ предложилъ Ермолову стрѣляться, и что послѣдній не нашелся въ семъ случаѣ, что̀ и дало первому единственное преимущество, которое онъ могъ имѣть надъ Ермоловымъ.

Они были между собою въ такихъ сношеніяхъ, когда успѣхи Аббасъ-Мирзы понудили поспѣшнѣе выслать войска къ Елисаветполю. Не понимаютъ, почему въ семъ случаѣ Ермоловъ самъ не принялъ начальства надъ симъ отрядомъ, а поручилъ оный Паскевичу; полагаютъ, что сему причиною была робость, неизвѣстность въ успѣхѣ. Трудно было бы такъ подумать объ Алексѣѣ Петровичѣ; но впрочемъ, судя по прочимъ поступкамъ его, можно было и вѣрить сему. Оно вмѣстѣ могло также счесться за поступокъ разсчетливый, но самаго постыднаго для Русскаго разсчета: не надѣясь на побѣду, онъ отдавалъ на жертву пылкаго соперника своего, вмѣстѣ съ тѣмъ помрачалъ доброе имя его въ мысляхъ Государя и возстановлялъ свое. Сіе всего вѣроятнѣе; ибо онъ истинно сомнѣвался въ успѣхѣ и, отпустивъ съ войскомъ Паскевича, онъ отправилъ съ нимъ начальника штаба своего, а самъ пошелъ съ л.-гв. сводным полкомъ и нѣсколькими еще другими войсками, всего съ тремя или четырьмя тысячами, на рѣку Ассанъ-Су, что́ на половинѣ дороги отъ Тифлиса до Елисаветполя, подъ предлогомъ препятствовать Персіянамъ вторгнуться въ границы наши

черезъ Делижанское ущелье, но съ настоящимъ умысломъ наблюдать за дѣйствіями Паскевича и за успѣхами его, что̀ было слишкомъ замѣтно и не могло имѣть для Ермолова хорошихъ послѣдствій. Мазаровичъ хотя и изобрѣлъ послѣ того, что Ермоловъ пустилъ Паскевича на вѣрную побѣду, для того, чтобы доказать ему, сколь онъ мало завидуетъ славѣ его и сколько онъ готовъ все сдѣлать съ своей стороны, дабы сохранить доброе согласіе; но сей вымыслъ не имѣлъ ничего правдоподобнаго для всякаго, кто зналъ Алексѣя Петровича. Записки сіи, писанныя человѣкомъ близкимъ и расположеннымъ къ Алексѣю Петровичу, да не измѣнятъ истинѣ! Когда я буду о немъ говорить, да не скрою его ошибокъ, да не увеличу недостатки соперника его, не взирая на всѣ неудовольствія и зло, которыя онъ мнѣ причинилъ! Я былъ свидѣтелемъ въ то время сильнаго переворота въ Грузіи, видѣлъ всѣ страсти человѣческія въ полномъ движеніи, занимая мѣсто, съ коего могъ, наблюдать и въ коемъ мнѣ удалось удержаться, сохранивъ уваженіе, если не расположеніе, всѣхъ тягающихся лицъ. Венпристрастіе да ознаменуетъ записки сіи!

Ссора начальниковъ приняла вскорѣ самый дурной оборотъ. Паскевичъ, полагая исполнить обязанность свою и оправдать довѣренность, сдѣланную ему Государемъ, писалъ самыя нелѣпыя донесенія къ Государю. Нравъ его находилъ пищу въ разсказахъ и сплетняхъ многихъ подлецовъ, коими онъ себя окружалъ и которые не щадили Ермолова, дабы выставить свое усердіе. Въ числѣ ихъ поступилъ къ нему Иванъ Кургановъ, прозванный по дѣлòмъ Ванькой Каиномъ за всѣ плутни и мошенничества, по коимъ онъ давно уже сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ вообще въ Грузіи. Армянинъ сей, отверженіе человѣческаго рода, хитрый, умный, низкій, плутоватый, нѣкогда удаленный за мошенничества свои отъ всякой должности Ермоловымъ, радъ былъ случаю отомстить и, будучи представленъ Паскевичу генераломъ Мадатовымъ, началъ съ доносовъ на сего послѣдняго. Онъ безъ сомнѣнія много зналъ злоупотребленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ чернилъ кого хотѣлъ, наговаривалъ что̀ въ умъ приходило и черезъ то попалъ въ милость къ Паскевичу. Но и тутъ, не умѣвъ пользоваться сею благосклонностію, онъ скоро лишился всякаго уваженія черезъ плутни свои и корыстолюбіе; былъ сколько разъ на краю погибели, но всегда возстановлялъ дѣла свои. Не менѣе того корпусный командиръ имѣетъ о немъ нынѣ настоящее понятіе, но не удаляетъ его и все слушаетъ его наговоры, опасаясь, можетъ, излишней довѣренности ему оказанной при началѣ, или не надѣясь найти человѣка столь охотно сообщающаго ему множество различныхъ извѣстій и ябедъ, къ коимъ онъ имѣетъ наклонность, какъ человѣкъ слабый нравомъ и безъ довѣрености къ самымъ благомы-

спящимъ людямъ. Говорятъ, что онъ велѣлъ однажды срисовать солдата въ оборванной одеждѣ и послалъ рисунокъ сей къ Государю, какъ образецъ одежды Кавказскаго корпуса.

Съ другой стороны поведеніе Алексѣя Петровича было слабое и вмѣстѣ безпечное. Онъ какъ будто показывалъ желаніе угождать Государю отзывами его обвиняющими, какъ напримѣръ: когда его спросили о причинѣ дурнаго состоянія войскъ, то онъ отвѣчалъ, что за сіе должны отвѣчать бригадные командиры, ежегодно инспектировавшіе ихъ, и слагалъ съ себя совершенно вину, выдавая такимъ образомъ своихъ подчиненныхъ. Кромѣ того, Алексѣй Петровичъ, не отъ чего болѣе какъ отъ безпечности и лѣни, доносилъ (вопреки частыхъ повтореній и требованій, по волѣ Государя, отъ начальника главнаго штаба) лишь весьма рѣдко о военныхъ дѣйствіяхъ Государю, между тѣмъ какъ Паскевичъ продолжалъ съ дѣятельностію и донесенія свои, и увѣдомленія о дѣлахъ, о состояніи Грузіи, о непріятелѣ. Такое поведеніе со стороны Ермолова не могло нравиться въ Петербургѣ. Въ Грузіи, напротивъ того, среди подчиненныхъ своихъ и гвардейскаго полка, онъ показывалъ неограниченную довѣренность и черезъ то пріобрѣлъ безполезную для него преданность неосновательной и пылкой молодежи, очаровавъ вновь прибывшихъ изъ Россіи ласковымъ пріемомъ своимъ, ловкостью и краснорѣчивыми, часто нескромными разсказами. Такимъ образомъ онъ имѣлъ около себя всегда обширный кругъ людей, прославлявшихъ его великія качества. Точно мелькали они еще въ немъ изъ среды непрерывнаго ряда ошибокъ его, и доблести молодыхъ его лѣтъ до сихъ поръ еще затмѣваютъ всѣ недостатки его и слабости.

15-го числа Сентября ожидаемый нами Д. В. Д. . . . . прибылъ въ отрядъ. Слава его предшествовала ему, но вскорѣ и очень вкорѣ заблужденіе исчезло. Наружность его довольно извѣстна и не требуетъ описаній. Ласковый пріемъ, который онъ всѣмъ оказалъ, расположилъ всѣхъ въ его пользу; болтливое его краснорѣчіе всѣхъ забавляло; но вскорѣ увидѣли мы въ немъ человѣка совершенно пустаго, никогда не служившаго какъ слѣдуетъ, не имѣвшаго понятія о самыхъ обыкновенныхъ постановленіяхъ Русской арміи, не умѣвшаго даже рапорта написать, лѣниваго, изнѣженнаго, постигающаго вещи самымъ поверхностнымъ образомъ, слабаго, скучнаго до безконечности, нерѣшительнаго и совершенно далекаго отъ высокихъ достоинствъ партизанскихъ, приписанныхъ ему разсказами народными. Болтливость его и повторяемые одни и тѣже анекдоты скоро надоѣли всѣмъ, а частыя посѣщенія его, въ коихъ онъ домогался выиграть нѣсколько абазовъ въ карты и въ коихъ онъ показывалъ нетерпѣніе

при проигрышѣ бездѣлицы, уронили совсѣмъ къ нему то уваженіе, которое къ нему сначала имѣли. Помнили родственную связь его съ Алексѣемъ Петровичемъ; никто не имѣлъ причины жаловаться на него лично, и сіе только служило къ охраненію передъ нимъ по наружности того уваженія, которое должно было имѣть къ начальнику. Безнравственные разсказы его имѣли мало дѣйствія въ кругу частныхъ начальниковъ, руководствовавшихся правилами совершенно противными. Не скажу однакоже, чтобы его не любили; въ обхожденіи онъ былъ очень простъ, ласковъ и душу имѣлъ добрую; сіе также поддерживало его въ мысляхъ и расположеніи каждаго. Онъ имѣлъ добрыя качества сіи при всѣхъ его недостаткахъ и не оставилъ по себѣ непріятелей и недовольныхъ. Д.... принялъ меня съ особенною ласкою и показывалъ неограниченную довѣренность ко мнѣ во все время, на что̀ онъ и имѣлъ наставленія отъ Алексѣя Петровича, какъ онъ мнѣ сіе сказалъ лично, и онъ вѣрно не ошибся въ выборѣ семъ; ибо я ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ бы довѣренности ко мнѣ Ермолова, не взирая на все поведеніе Д....а. *). И теперь даже доходятъ до меня извѣстія изъ Россіи, что онъ не перестаетъ превозносить достоинства мои вездѣ, гдѣ только случай къ тому предстоитъ. Весьма возможно и вѣроятно, что онъ сіе дѣлаетъ изъ видовъ, дабы подобные же отзывы и на его счетъ были мною дѣлаемы. Хитрость сія довольно обыкновенная и немало имѣетъ примѣровъ. Впрочемъ и я ему не далъ никогда поводу быть мною недовольнымъ. Человѣкъ сей не былъ безъ способностей, онъ имѣетъ быстроту въ понятіяхъ и остроту въ разговорѣ; но видно, что никогда способности сіи не были обращены къ дѣльному и основательному и что краснорѣчивое его многоглаголаніе, доставляя ему во время службы свободный доступъ до начальниковъ, избавляло его отъ труда нести службу наравнѣ съ прочими, черезъ что̀ онъ не имѣлъ о ней никакого понятія и болѣе былъ похожъ въ обращеніи своемъ и предполагаемыхъ имъ распоряженіяхъ на иностранца, принятаго въ Русскую службу прямо съ генеральскимъ чиномъ.

Вмѣстѣ съ Д....ымъ пріѣхали флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридрихсъ, братъ Бориса, и Ховенъ, сынъ Тифлисскаго губернатора. Первый былъ человѣкъ отличныхъ правилъ и нравственности и съ хорошими способностями. Оставаясь при Д. . . .вѣ въ должности начальника штаба, я предложилъ ему занять мѣсто дежурнаго штабъ-офицера, которое онъ и исправлялъ со всею дѣятельностію, какой только желать можно было, и пріобрѣлъ всеобщую любовь и

*) Писано уже въ лагерѣ при Карсѣ, 8 Іюля 1828. П. Б.

уваженіе. Ховенъ, молодой человѣкъ очень честныхъ правилъ, исправлялъ при Д....вѣ должность адъютанта. Онъ никогда не занимался дѣлами и оказался неспособнымъ къ онымъ, не менѣе того былъ по службѣ усерденъ и велъ себя весьма похвально. Третье лице, которое Д....въ съ собою привезъ, былъ нѣкто Двурѣчинцевъ, отставной гусарской офицеръ, человѣкъ безгласный, котораго мало видѣли и который по окончаніи кампаніи опредѣлился въ Ширванскій пѣхотный полкъ.

Д....въ привелъ съ собою прославленную Грузинскую конницу. Сперва назначено было ему взять только конницу одного или двухъ уѣздовъ; но по настоятельнымъ просьбамъ князей позволили ему взять конницу трехъ уѣздовъ: Горійскаго, Душетинскаго и Тифлискаго, коей считалось 1800 человѣкъ. Прибыло въ Джелалъ-Оглу только 900, и въ походъ за границу могло выступить только 500. Всею конницею предводительствовалъ маршалъ князь Давыдъ Тархановъ, Горійскаго уѣзда (онъ же былъ начальникъ и конницы своего уѣзда), старикъ доблестный и хорошаго происхожденія. Конницею Душетскаго уѣзда, самаго малочисленнаго, предводительствовалъ князь Багратіонъ (человѣкъ пустой, пьяный и безъ уваженія). Конницею Тифлискаго уѣзда предводительствовалъ служившій въ моемъ полку князь Мамука Орбельянъ, молодой человѣкъ, пылкій, храбрый и благородный, но не имѣвшій по молодости своей и неопытности права на уваженіе Тифлискихъ князей, составлявшихъ ополченіе сіе, жителей столицы, избалованныхъ и изнѣженныхъ, и чиновниковъ болѣе похожихъ на купцовъ, чѣмъ на воиновъ.

И такъ Карталинское или Горійское ополченіе было самое многочисленное и казалось лучше прочихъ, ибо оно состояло изъ людей, не столько знакомыхъ со столицею. Но тѣ самые дворяне и князья, которые скрывали въ деревняхъ и замкахъ своихъ фамильныя ненависти свои, открывали ихъ въ семъ случаѣ въ полной мѣрѣ. Многіе, надѣясь при семъ случаѣ получить разныя преимущества и выгоды, не упускали въ представляемыхъ спискахъ помѣщать цѣлые ряды крестьянъ, которыхъ раздѣляли на казенныхъ и княжескихъ. Казенные крестьяне жаловались на преимущества господскихъ. Подполковникъ Калатуровъ, происходя отъ простой фамиліи, не захотѣлъ повиноваться князю Тарханову, который имѣлъ только чинъ маіора. Раздоръ скоро поселился въ войскѣ семъ, безпорядокъ обнаружился, и оно не было въ состояніи оставаться въ полѣ и разбрелось. Не могу лучше изобразить ополченіе сіе, какъ сравнивъ его съ понятіями, которыя мы имѣемъ о крестоносцахъ. Множество дворянъ, или людей называющихся таковыми или домогающихся достоинствъ сихъ, съ прислугою

своею, всякой вооруженъ какъ лучше кто умѣлъ, совершенное безначаліе или неповиновеніе къ начальству своему, родовыя вражды, пьянство, но при всемъ томъ непомѣрное желаніе сразиться съ непріятелемъ, воспоминая о подвигахъ предковъ; безконечные обозы съ виномъ, но безъ хлѣба: вотъ состояніе того войска, которое къ намъ привелъ Д.....въ и которое поразило бы непріятеля, еслибы оно было лучше употреблено и не имѣло бы неудачи на первыхъ порахъ при первой встрѣчѣ онаго съ Курдами.

Въ Грузинской конницѣ сей прибылъ и хозяинъ квартиры моей, князь Арсеній Бебутовъ, человѣкъ, съ коимъ я давно былъ знакомъ и который показывалъ мнѣ всегда дружеское расположеніе; но кажется, что сему была причиною надежда, которую онъ имѣлъ, выдать за меня дочь свою Наталью. Въ 1817 году, будучи разъ приглашенъ Бебутовыми въ деревню ихъ, Цхнетти, зимою, около Рождества, на обратномъ пути я выстрѣлилъ по одной уткѣ, плававшей въ серединѣ озера, лежащаго на горахъ. Я ранилъ ее. Холодъ былъ очень сильный. Не взирая на сіе, я раздѣлся, бросился въ воду и вытащилъ утку, но едва выплылъ живой. Меня отогрѣли и, возвратившись въ Тифлисъ, я остался ужинать въ сей день у князя Арсенія Бебутова. Въ домѣ его привѣтствовала насъ дочь его Наталья, пригожая дѣвушка, которой тогда было лѣтъ 6 или 7. Князю Арсенію полюбился весьма поступокъ мой, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полюбилъ и меня. Случилось, что я у него былъ поставленъ на квартиру, которую я и сохранялъ около 8 лѣтъ. Человѣкъ сей понравился мнѣ, я съ удовольствіемъ проводилъ съ нимъ время и, видя изрѣдка дочь его, которая росла и хорошѣла, имѣлъ въ мысляхъ нѣчто о женитьбѣ на ней, но никогда не объяснялся на сей счетъ отцу ея и ей не показывалъ ни малѣйшаго вида. Семейство же ихъ возмнило, что я непремѣнно женюсь на ней, и дѣвушка даже обнаружила через человѣка моего желаніе сблизиться со мною, впрочемъ самое невинное, чего я однако всячески избѣгалъ. Я старался отклонить старика отъ сихъ мыслей, не видя надобности предупреждать обстоятельство, которое бы не трудно было рѣшить, коль скоро бы мнѣ вздумалось. Но старикъ былъ столь неостороженъ, что однажды посадилъ насъ вмѣстѣ у себя въ спальнѣ и сказалъ, что мы будемъ имѣть вѣрно случай часто такимъ образомъ сидѣть и учить другъ друга природнымъ своимъ языкамъ. Я всталъ и ушелъ. Другой разъ, подгулявши у меня, онъ хотѣлъ послать за дочерью своею, дабы сосватать насъ. Я сказалъ ему, что не могу никогда рѣшиться на такую мѣру безъ соизволенія отца моего, между тѣмъ объяснилъ двоюродному его брату, князю Василью Бебутову, нескромное обхожденіе старика. Тотъ замѣтилъ ему сіе, и старикъ

сталъ осторожнѣе. Когда онъ пріѣхалъ въ Джелалъ-Оглу, я пригласилъ его, по старой пріязни его со мною, остановиться въ моемъ балаганѣ, гдѣ принялъ его со всею ласкою, на которую онъ и право имѣлъ. Онъ не проговаривался; но можно было замѣтить, что питалъ надежды свои, къ чему однакоже я ему совершенно никакого повода не подавалъ, тѣмъ болѣе, что у меня было въ виду совсѣмъ другое.

Въ Тифлисѣ было двѣ невѣсты, на коихъ всѣ обращали глаза: дочь покойнаго артилеріи генералъ-маіора Ахвердова и дочь совѣстнаго судьи Перфильева. Первая была скромная и весьма хорошо воспитанная дѣвушка, но жила съ мачихою своею, женщиною, которая по правиламъ своимъ пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, но по смерти мужа своего, управляя оставленнымъ имѣніемъ сиротъ, по незнанію своему, почти совсѣмъ истребила оное. Какъ тому болѣе всего способствовалъ родъ жизни, который она вела несообразно своему и ихъ состоянію, то и можно почти сказать, что имѣніе сіе было промотано, хотя и безъ всякаго дурнаго умыслу со стороны Прасковьи Николаевны Ахвердовой. Она была обижена и обманута тѣми людьми, коимъ довѣряла управленіе имѣніемъ своимъ въ Россіи. Содержась давно уже имѣніемъ сиротъ, коихъ она была попечительницей, она едва уже находила средства къ дневному содержанію своему и семейства своего. Но при всемъ томъ вечеринки, балы, выѣзды, наряды шли прежнимъ порядкомъ и умножали долги ея. Красота и воспитаніе Софьи Ахвердовой привлекали въ домъ ея множество гостей. Многіе въ нее влюблялись, но не приступали къ женитьбѣ, опасаясь разстроеннаго состоянія дѣлъ ея. Братъ Софьи Ѳедоровны [1]) былъ отправленъ въ Петербургъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ о воспитаніи его имѣли мало попеченія. Прасковья Николаевна имѣла еще собственную дочь, лѣтъ 10-ти, которую она также воспитывала весьма хорошо [2]). Въ домѣ жила еще двоюродная сестра нынѣшней жены моей, Ахвердова. Въ число жениховъ для Сонюшки выбирали разныхъ людей, коихъ нравственность и правила, по легкомыслію Прасковьи Николаевны, казались удовлетворительными. Въ такомъ родѣ былъ одинъ Грекъ Севиньи, плутъ скаредный и обманщикъ, который говорилъ хорошо по французски и обольстилъ старуху до такой степени, что она обручила за него Сонюшку, когда ей было только 12 лѣтъ; но подложныя письма

---

[1]) Отъ перваго брака Ѳедора Исаевича Ахвердова († 1818) съ княжною Юстиніани. П. Б.

[2]) Дарья Ѳедоровна Харламова, у которой мы пріобрѣли право на изданіе въ свѣтъ писемъ Грибоѣдова къ ея матери. Эти письма напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 года (II, 177), гдѣ читатели найдутъ подробности о П. Н. Ахвердовой. П. Б.

его и все поведеніе были открыты Грибоѣдовымъ, который въ семъ случаѣ поступилъ порыцарски: онъ изгналъ его изъ кругу дома сего. Севиньи скоро уѣхалъ въ Россію, гдѣ обнаружилъ себя фальшивыми паспортами и кражею. Имѣніе дѣтей покойнаго Ахвердова состояло изъ дома и сада въ Тифлисѣ, которые Прасковья Николаевна стала разыгрывать въ лотерею. Собранныя до сихъ поръ 44 тыс. рублей были изъ опеки взяты опекуномъ княземъ Чавчавадзевымъ, который уплатилъ оными собственные долги, частію передавъ попечительницѣ, и не въ состояніи былъ платить исправно проценты. Попечительница продавала вновь билеты, записываемые на приходъ въ капиталъ, котораго давно уже не существуетъ. Пріязнь между обоими семействами причиною, что до сихъ поръ не было никакихъ исковъ; ихъ и впередъ не будетъ: они оказались бы тщетными. Не менѣе того имѣніе сиротъ исчезло, деньги за билеты взяты, и лотерея уже восемь лѣтъ осталась безъ розыгрыша. Всѣ сіи обстоятельства устрашали жениховъ.

Въ то время была еще другая невѣста въ Тифлисѣ, славившаяся своею красотою, искусствомъ пѣть и танцовать, недавно прибывшая съ отцомъ своимъ, Полька Александрина Перфильева. Отецъ ея, прибывшій на службу въ Грузію съ семействомъ своимъ, былъ вскорѣ по покровительству Ховена назначенъ совѣстнымъ судьею. Домъ ихъ имѣлъ всѣ признаки шляхетскаго происхожденія; но Александрина, вскружившая многимъ молодымъ людямъ голову, не могла никогда занять меня, хотя многіе и предназначали мнѣ ее въ супруги. Непомѣрное желаніе нравиться и слухи объ упрямыхъ свойствахъ ея достаточны были, чтобы совершенно отклонить съ моей стороны всякій искъ или желаніе понять ее въ жены. Еще передъ выѣздомъ моимъ изъ Тифлиса я предупредилъ Мазаровича о желаніи моемъ и выборѣ и просилъ узнать о состояніи дѣлъ Ахвердовой и о расположеніи ея, но съ тѣмъ чтобы не объяснять ничего. Въ Джелалъ-Оглу я получилъ отвѣтъ его. Я могъ видѣть, что она ничего не имѣла; но я не искалъ состоянія, а жену. — Обращусь снова къ событіямъ вокругъ меня происходившимъ.

Давыдовъ имѣлъ приказаніе отогнать Гассанъ-хана и вторгнуться въ границы непріятельскія; но кажется, что повелѣніе ему данное на сей предметъ не имѣло ничего опредѣленнаго, ибо Давыдовъ (по нерѣшительности своей) послѣ успѣховъ ничего не предпринялъ отважнаго.

Мы готовились выступить изъ Джелалъ-Оглу. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 6 ротъ Тифлискаго полка, 3 ротъ карабинеръ, 9 орудій и 150 казаковъ; къ сему присоединились 600 человѣкъ Грузинской конницы и до 200 Армянъ, собравшихся съ разныхъ деревень въ на-

деждѣ на грабежъ; все вмѣстѣ составляло до 3000 человѣкъ; пѣхота была раздѣлена на три баталіона. Отъ сего войска былъ отдѣленъ авангардъ, состоявшій изъ одного баталіона, двухъ орудій и 150 Грузинъ со всѣми Армянами подъ командою Севарземидзева. Остальною пѣхотою командовалъ Фридриксъ; я, начальствуя главными силами, исправлялъ при Давыдовѣ должность начальника штаба.

19-го Давыдовъ выступилъ изъ Джелалъ-Оглу. Провіанта у насъ было на 10 дней. Въ тотъ же день мы перешли хребетъ Безобдала. Авангардъ занялъ селеніе Кишлакъ, а колонна расположилась верстахъ въ 4-хъ отъ онаго при соединеніи дорогъ, ведущихъ къ Безобдалу отъ селеній Амамловъ и Кишлака. Передовые пикеты непріятельскіе, стоявшіе близъ Кишлака, немедленно ускакали. По полученіи черезъ лазутчиковъ извѣстія, что Гассанъ-ханъ изъ селенія Кайтахчи, повидимому, возвращался въ свои границы, Давыдовъ рѣшился идти прямо къ Мирану. Для наблюденія же за дорогою, ведущею съ Балыхчая, гдѣ по слухамъ находился сардарь Эриванской, отрядилъ онъ къ Караклису войсковаго старшину Басова, съ 25-ю казаками и 100 человѣками Грузинской конницы, приказавъ ему имѣть разъѣзды какъ по дорогѣ къ Гамзачимену, равно и по ущелью Узуклярскому, съѣзжаясь съ разъѣздами, которые долженъ былъ высылать по сему ущелью Борчалинскій приставъ.

20-го числа на разсвѣтѣ отрядъ слѣдовалъ далѣе. Приближаясь къ селенію Амамламъ, авангардъ замѣтилъ непріятельскую конницу, занимавшую правый берегъ рѣки Памбака; но по мѣрѣ приближенія войскъ нашихъ, они отступали по дорогѣ къ Мирану. Давыдовъ послалъ меня въ это время въ авангардъ, дабы извѣстить его о подлинномъ количествѣ онаго. Я видѣлъ не болѣе 300 всадниковъ, которые отступили верстахъ въ двухъ или трехъ отъ авангарда. Давыдовъ послалъ спросить у меня, что̀ я предполагалъ дѣлать. Зная непріятеля, коего бы тщетно старались настичь, изнуряя войска, и видя, что войскамъ пора было отдохнуть, я послалъ въ отвѣтъ Давыдову, что я полагалъ бы нужнымъ расположиться на привалѣ и варить кашу. Давыдову сіе не понравилось. Какъ можно это говорить, отвѣчалъ онъ и варить кашу, когда у насъ непріятель на носу, и послалъ въ погоню за Персіянами всю Грузинскую конницу; между тѣмъ, пройдя еще нѣсколько, сдѣлалъ привалъ нѣсколько подалѣе Амамловъ.

Грузины загнались за непріятелемъ около пяти верстъ. Исмаилъ-ханъ, который командовалъ сими Курдами, составлявшими передовой отрядъ или лучше сказать фланговое прикрытіе Гассанъ-хана и коихъ было не болѣе 300 человѣкъ, заманивалъ нашу конницу и, уклонившись за высоту, скрывавшую его отъ отряда, внезапно бросился

на Грузинъ, которые подняли сильную перестрѣлку; но Курды скоро обратили въ бѣгство молодыхъ, пылкихъ и неопытныхъ всадниковъ нашихъ; до 30-ти Курдовъ врѣзались въ середину ихъ, сняли съ четырехъ головы и дворянина Чапаридзе сильно ранили. Конница наша возвратилась, и съ потупленнымъ взоромъ наѣздники наши разсказывали о своей неудачѣ. Конница сія, отъ коей безъ сомнѣнія можно было ожидать блистательныхъ подвиговъ, съ сего времени потеряла духъ и уже болѣе никуда не годилась, чему было причиною необдуманное отправленіе оной безъ подкрѣпленія на первый разъ пѣхотою. Надобно полагать однакоже, что непріятель въ семъ случаѣ имѣлъ также нѣсколько урону.

Того же числа отрядъ подвинулся еще нѣсколько впередъ по направленію къ Мирану и ночевалъ на полѣ сраженія.

21-го числа въ 7-мъ часу утра отрядъ слѣдовалъ далѣе къ Мирану. Перейдя хребетъ горъ и спустившись въ долину, мы увидѣли непріятельскую конницу подъ предводительствомъ самого Гассанъ-хана, занимавшую высоту впереди насъ. Персіяне, зажегши траву въ степи, отступали многими толпами внѣ пушечнаго выстрѣла; достигнувъ возвышенія, съ котораго открывалось начатое нами укрѣпленіе на Миранѣ, мы увидѣли непріятеля занимавшаго высоты, около и вправѣ отъ укрѣпленія лежащія. Остановивъ войска свои, Давыдовъ послалъ немедленно Севарземидзева съ авангардомъ впередъ, и придалъ ему всю Грузинскую конницу и приставшихъ къ отряду Армянъ конныхъ и пѣшихъ, приказавъ сбить правый флангъ непріятеля съ высоты около укрѣпленія. Конница атаковала Персіянъ, но слабо; нѣсколько Курдовъ отдѣлившихся отъ главныхъ силъ бросились, какъ подъ Амамлами, въ толпы Грузинъ и опрокинувъ ихъ ранили одного. Потеря Грузинъ въ семъ случаѣ была бы значительная, если бы подоспѣвшій съ однимъ орудіемъ и нѣсколько человѣками пѣхоты артилеріи штабсъ-капитанъ Бриммеръ не занялъ маленькаго бугра впереди лежавшаго и не опрокинулъ картечными выстрѣлами отважныхъ Курдовъ. Севарземидзевъ скоро присоединился къ нему; Армянская пѣхота, въ надеждѣ найти добычу въ брошенномъ укрѣпленіи Миранѣ, побѣжала съ крикомъ налѣво и заняла оное. Грузины же послѣ другой неудачи толпились за буграми, изъ-за коихъ нельзя было уговорить ихъ выйти, дабы дѣйствовать наступательно. Персіяне отступили; но между тѣмъ толпа ихъ бросилась вправо и уже обнимала насъ почти въ тылу. Давыдовъ отрядилъ меня съ ротою Тифлискаго полка, стрѣлками двухъ ротъ моего полка, двумя орудіями и всѣми казаками, коихъ было едва 120 человѣкъ, дабы толпѣ сей отрѣзать обратный путь. Крайнюю высоту на правомъ флангѣ нашемъ

приказалъ онъ занять ротою моего полка, а самъ находился въ центрѣ съ главными силами, то есть двумя ротами Тифлискаго полка и тремя орудіями, имѣя авангардъ почти на лѣвомъ флангѣ своемъ. Обозъ оставался подъ прикрытіемъ двухъ ротъ моего полка съ однимъ орудіемъ.

Спустившись съ горы, я ушелъ нѣсколько впередъ отъ пѣхоты съ одними казаками и, видя въ правой рукѣ отъ себя непріятельскихъ наѣздниковъ, выѣзжающихъ изъ-за горы, хотѣлъ атаковать ихъ; но казаки не пошли. Самъ подполковникъ Андреевъ не подавалъ имъ въ семъ примѣра и послѣ дѣла отозвался, что онъ не сдѣлалъ сего, дабы не посрамить погибелью своею чести генерала Давыдова. Непріятель стрѣлялъ по насъ съ правой стороны изъ ружей, но никого не ранилъ. Я выслалъ застрѣльщиковъ, и онъ нѣсколько удалился; тогда я быстро занялъ высоты, лежащія между лѣвымъ берегомъ малаго ручья и рѣкою Мираномъ. Непріятельская конница, находившаяся на сихъ высотахъ, стремительно удалилась; за тѣмъ я послѣдовалъ далѣе и занялъ послѣднюю высоту, лежащую при соединеніи обѣихъ рѣкъ. Тогда открылась у меня влѣво одна непріятельская толпа, отступившая на горы, а вправо другая, тянувшаяся со стороны Бечканта, дабы соединиться съ первою. Сія послѣдняя, удивленная моимъ внезапнымъ прибытіемъ, не нашла другаго средства, какъ удалиться въ крутизны горы Алагёза. Я оборачивалъ орудіе свое на обѣ стороны и дѣйствовалъ ядрами. Персіяне съ обѣихъ позицій своихъ поспѣшно ушли; съ правой стороны было у нихъ нѣсколько отсталыхъ всадниковъ; но сколько я ни уговаривалъ собравшуюся ко мнѣ Грузинскую конницу схватить ихъ, никто съ мѣста не тронулся, и мы никого въ плѣнъ не взяли.

Скоро наступила ночь, и мы всѣ собрались ночевать подлѣ начатой крѣпости Мирана; авангардъ ночевалъ въ $1^1/_2$ верстахъ впереди. Весь уронъ нашъ состоялъ въ сей день въ одномъ легко раненомъ Грузинѣ. Всю ночь шелъ сильный дождь, палатокъ у насъ не было, и люди крайне перемокли и перезябли.

22-го числа отрядъ двинулся впередъ и вступилъ въ Персидскія границы. Непріятель показывался вдали, наблюдая только за движеніемъ нашимъ. Войска наши дошли безпрепятственно до селенія Кюліюдже, что̀ въ 9-ти верстахъ отъ Мирана, авангардъ же перешелъ 2 версты за тѣснину Судегямъ, недалеко впереди насъ находившуюся. Здѣсь Давыдовъ остановился, дабы дать войскамъ отдохнуть, и приказалъ разорить 8 деревень окрестъ лежащихъ. (Сіе было сдѣлано по моему совѣту и вопреки желанія Севарземидзева, который смотрѣлъ на оныя, какъ на нѣкоторую собственность свою). Деревни сіи принадлежали Исмаилъ-хану Карапапахскому и оставались пусты. Съ

сего мѣста мы располагали идти далѣе и если не сдѣлать покушеніе на Эчміадзинской монастырь, то по крайней мѣрѣ, пройдя близъ онаго, возвратиться другою стороною Алагёза къ Гумрамъ. Провіанта у насъ съ нѣкоторою нуждою стало бы на сіе предпріятіе, и обратное шествіе наше не имѣло бы вида отступленія; при томъ же слухи носились, что сардарь Эриванскій, узнавши о движеніи нашемъ въ границы его ханства, шелъ поспѣшно съ пѣхотою своею и конницею отъ Балыкчая черезъ Дарагиченъ, дабы соединиться съ братомъ его Гассанъ-ханомъ; и потому мы могли надѣяться имѣть съ Персіянами полевое сраженіе, въ которомъ вѣрно бы мы остались побѣдителями; еслибъ сардарь ушелъ съ пѣхотою въ крѣпость, тогда мы могли ожидать, что конница Персидская стала бы слѣдить за нами на обратномъ пути нашемъ, не нанося намъ впрочемъ никакого вреда.

Въ семъ предположеніи остались мы 22-ое число (вопреки стараній Севарземидзева, склонявшаго Давыдова къ отступленію въ Гумры, гдѣ онъ надѣялся снять хлѣба свои и потребовать долги свои изъ Турціи). Хотѣли тутъ еще передневать и поправить мельницы, дабы перемолоть пшеницу, которую нашли въ большомъ количествѣ въ ямахъ по селеніямъ. Между тѣмъ Севарземидзевъ пересылался съ Гассанъ-ханомъ безъ всякаго позволенія отъ Давыдова, и велъ переговоры, какъ начальникъ всего отряда. Въ чемъ именно состояли переговоры сіи, мнѣ неизвѣстно; но они ни въ какомъ случаѣ не были позволительны. Я счелъ долгомъ увѣдомить о семъ Давыдова по просьбамъ окружавшихъ меня и довелъ о семъ до свѣдѣнія его или, лучше сказать, подтвердилъ показанія другихъ. Давыдовъ былъ нерѣшителенъ и не зналъ, что̀ предпринять, но не отмѣнилъ намѣренія своего идти впередъ, какъ вдругъ ночью пріѣхалъ посланный отъ Севарземидзева съ извѣстіемъ, что Персидская конница потянулась къ Гумрамъ, дабы напасть на Джелалъ-Оглу и разорить деревни тамъ лежащія. Извѣстіе сіе, уже нѣсколько разъ до сего пущенное Севарземидзевымъ для собственныхъ его видовъ, было слишкомъ явно ложное, и я уговаривалъ Давыдова не вѣрить оному. Я точно полагаю, что онъ не вѣрилъ сему, но радъ былъ случаю и предлогу идти назадъ, и потому рѣшился остановить движеніе свое впередъ и далъ приказаніе къ отступленію къ сторонѣ Гумровъ.

23-го числа Давыдовъ присоединилъ къ себѣ авангардъ и выступилъ обратно, взявъ направленіе къ Гумрамъ. Непріятеля мы цѣлый день не видали, и послѣ довольно сильнаго перехода въ дождь, вѣтеръ и холодъ мы прибыли ночевать къ старому керванъ-сераю, гдѣ провели довольно дурную ночь, нуждаясь въ дровахъ. 24-го числа мы выступили и пришли ночевать въ селеніе Горуть, въ нашихъ

границахъ; деревня была оставлена жителями, частью разбѣжавшимися, частью увлеченными въ плѣнъ Персіянами. На семъ переходѣ замѣтили мы въ лѣвой сторонѣ у подошвы Алагёза отъ 2-хъ до 4-хъ сотъ непріятельскихъ всадниковъ, пробиравшихся со стороны, откуда мы возвращались, въ Турецкія границы; мы полагали, что это долженъ былъ быть Шерифъ-ага Манубертской, который опасался, чтобы мы не завладѣли его замкомъ и деревнями за Арпачаемъ.

25-го Севарземидзевъ подвинулся съ своимъ отрядомъ къ Арпачаю; къ нему примкнули всѣ конные и пѣшіе Армяне разоренныхъ нашихъ пограничныхъ селеній, надѣявшіеся вознаградить въ Турецкихъ селеніяхъ свои потери, а Давыдовъ прошелъ въ сей день къ Гумрамъ, гдѣ и расположился лагеремъ.

Карскій паша, узнавъ о нашемъ прибытіи наканунѣ къ границамъ его, прислалъ къ намъ 25-го числа Зелефтера, одного важнаго чиновника, дабы увѣрить насъ въ дружескихъ расположеніяхъ своихъ и дабы узнать, вѣроятно, чтó у насъ дѣлалось и какія были наши намѣренія, опасаясь вторженія нашего. Чиновникъ сей не видалъ выступленія Севарземидзева, и потому не безпокоилъ насъ вопросами своими на счетъ движенія сего. Давыдовъ его успокоилъ и отправилъ его къ пашѣ съ письмомъ, коимъ онъ просилъ его прислать къ нему на продажу провіанта.

26-го и 27-го, мы стояли въ Гумрахъ, въ ожиданіи Севарземидзева и провіанта; но ни того, ни другаго не было; между тѣмъ хлѣбъ нашъ приходилъ къ концу, и мы видѣли, что Севарземидзевъ переправился уже за Арпачай, и лагерь его далеко въ Турецкихъ границахъ курился. Давыдовъ посылалъ къ нему нѣсколько предписаній, дабы онъ возвратился; но Севарземидзевъ не исполнилъ приказанія его. Наконецъ 28-го числа онъ возвратился, разграбивъ нѣсколько оставленныхъ жителями селеній, изъ коихъ онъ привезъ до 20-ти четвертей пшеницы и 15 телятъ. Хлѣба у насъ оставалось только на сей день, и съ трудомъ еще могли мы прокормиться 29-ое число. До Джелалъ-Оглу однакоже оставалось намъ верстъ 80 или 90 ходу. Потому и рѣшились мы выступить того же дня безъ отлагательства обратно.

Обширное до сего времени селеніе Гумры было найдено нами въ самомъ жалкомъ положеніи: въ иныхъ мѣстахъ еще курились пожженныя строенія, ни одного жителя, печи и трубы показывались изъ среды развалинъ; кошки, оставшіяся однѣ на семъ пепелищѣ, худыя, истощенныя голодомъ, приходили въ лагерь нашъ и вкрадывались въ балаганы наши, таскались около насъ. Маіоръ Варламовъ Тифлискаго полка, имѣвшій прежде сего домъ въ Гумрахъ, посѣтилъ мѣсто

онаго и нашелъ свою кошку, которая его узнала. Солдаты ходили на охоту бить одичавшихъ ротныхъ свиней, которыхъ мусульмане, гнушаясь, пощадили. Мы нашли также разрытую Персіянами могилу убитаго во время защиты Гумровъ казачьяго есаула, коего оборванное платье было раскидано по кладбищу, и нѣсколько тѣлъ побитыхъ на фуражировкахъ. Таково было печальное зрѣлище, представляющееся намъ нынѣ въ многолюдныхъ доселѣ Гумрахъ. Не менѣе того мы старались сколь можно болѣе забыть и предстоящій намъ голодъ, и холодъ, сильный уже въ тѣхъ мѣстахъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и однажды при лунномъ сіяніи, при большихъ огняхъ, собрались всѣ къ моей палаткѣ и плясали подъ музыку Тифлискаго полка, гдѣ отличились проворствомъ своимъ и ловкостію молодые князья Грузинскаго ополченія.

Во время пребыванія нашего въ Гумрахъ, довелось мнѣ усмирить или, лучше сказать, примирить на время ссору и раздоры, крывшіеся въ Грузинскомъ ополченіи и вспыхнувшіе со всѣми признаками жестокаго междоусобія неизбѣжнаго въ безпорядочномъ войскѣ семъ.

Маршалъ дворянства Грузинскаго уѣзда, князь Тархановъ былъ маіоръ и начальствовалъ въ ополченіи, въ коемъ находился и подполковникъ Калатуровъ, человѣкъ малаго происхожденія и едва ли не родомъ изъ крестьянъ. Давнишнее соревнованіе между ними произвело въ семъ случаѣ явную распрю; они побранились и взялись уже за кинжалы, когда ихъ розняли другіе князья, окружавшіе ихъ. Обстоятельство сіе было доведено до меня. Я ихъ свелъ въ присутствіи сослуживцевъ ихъ и хотя примиреніе сихъ двухъ стариковъ было не искреннее, но ссора ихъ не имѣла никакихъ послѣдствій: ибо, дабы успокоить обоихъ, я раздѣлилъ начальства ихъ, поручивъ Тарханову всѣхъ князей и дворянъ съ ихъ крестьянами, а Калатурову отдѣльно казенныхъ крестьянъ.

Ополченіе сіе, выдержавши все то время похода, которое оно только въ состояніи было выдержать, уже ни къ чему не годилось; холодъ и непогода, недостатокъ въ продовольствіи, совершенно разорили оное. Ополченіе таяло и день ото дня уменьшалось отъ уѣзжавшихъ безъ позволенія обратно: участь всѣхъ Азіатскихъ полчищъ. Мы не могли болѣе удерживать ихъ въ порядкѣ, всякій ѣздилъ по себѣ и грабилъ по возможности въ разоренныхъ и брошенныхъ деревняхъ.

28-го числа, снявъ всѣ посты, коими связали мы линію свою съ Караклисомъ, гдѣ находился войсковой старшина Басовъ, мы поднялись и послѣ долгаго перехода пришли ночевать на вершину горъ Карагача къ урочищу Іелли-дере, при рѣчкѣ Куйгулѣ. Холодъ былъ чрезвычайно сильный, дровъ же у насъ совсѣмъ не было. Въ ночь сію прибылъ къ намъ новый посланецъ отъ

Карскаго паши съ письмомъ къ Давыдову, въ коемъ онъ писалъ, что снабдитъ хлѣбомъ, если войска наши займутъ опять Шурагель; ежели же пребываніе наше въ сей провинціи временное, то долженъ отказать, ибо боялся мщенія Персіянъ. Паша полагалъ насъ еще въ Гумрахъ, потому и давалъ отвѣтъ, коимъ старался отклонить и наше мщеніе, ибо онъ былъ подъ совершеннымъ вліяніемъ Эриванскаго сардаря и не имѣлъ власти укротить своего подчиненнаго Шерифъ-агу, находившагося съ частью войскъ своихъ при Гассанъ-ханѣ. Сего посланника мы взяли съ собою въ Джелалъ-Оглу на другой день, ибо не было никакой возможности писать отвѣта въ холодѣ и въ то короткое время, которое мы оставались, до выступленія, въ лагерѣ.

Севарземидзевъ выступилъ изъ Гумровъ того же числа за нами и ночевалъ въ 7-ми верстахъ не доходя насъ.

29-го числа, послѣ труднаго и большаго перехода, войска прибыли около полночи въ Джелалъ-Оглу совершенно безъ хлѣба, но бодрыя и готовыя къ новому походу. Севарземидзевъ прибылъ 30-го числа.

Трудные переходы сіи были тѣмъ замѣчательны, что во все время не было у насъ ни одного усталаго солдата, и Давыдовъ удивлялся, что пѣхота не отставала отъ вольнаго шага лошадей; мы шли по шести верстъ на часъ, и въ семъ случаѣ должно отдать справедливость войскамъ здѣшняго корпуса: никто изъ служившихъ въ большой арміи не видалъ, чтобы пѣхота могла ходить такъ скоро и бодро.

Но въ замѣну того Давыдовъ показалъ себя на семъ переходѣ, чѣмъ онъ былъ. Кто бы могъ повѣрить, что онъ боялся на лошади ѣздить, что малѣйшая рытвина его останавливала, что онъ уставалъ или жаловался усталостію до такой степени, что при спускѣ въ Каменную рѣчку и подъемъ изъ оной при Джелалъ-Оглу его почти стонающаго двое вели подъ руки. Но едва онъ пришелъ на квартиру, какъ отогрѣлся, забылъ и сильную усталость, и сдѣлался по прежнему и веселъ, и здоровъ.

Мы пріѣхали въ Джелалъ-Оглу при началѣ ночи, оставивъ войска подъ начальствомъ Фридрихса, ведшаго оныя по большой дорогѣ черезъ Джилку.

По прибытіи въ Джелалъ-Оглу, получилъ я слѣдующее письмо отъ Алексѣя Петровича.

«Почтенный Муравьевъ. Знаю усердіе твое къ службѣ и дѣятельность, и потому ни минуты не усумнюсь, что всѣми средствами будешь ты способствовать Давыдову, которому необходимы свѣдѣнія твои о землѣ и непріятелѣ».

«Ты узнаешь отъ него о успѣхѣ войскъ нашихъ противъ Аббасъ-Мирзы и о бѣгствѣ сего послѣдняго».

«Изыщи способъ сообщить извѣстіе сіе Персіянамъ. Для сего можно отпустить Персіянина, привезшаго письмо отъ *Монтиса*, если еще вы его не отправили. Можно черезъ нашихъ Армянъ извѣстить соотечественниковъ ихъ, въ Эривани живущихъ».

«О мошенникѣ сардарѣ Эриванскомъ извѣстно здѣсь, что онъ въ селеніяхъ Карапапахскихъ по ту сторону Эшекъ-Майдана. Не болѣе 1000 или 1500 человѣкъ конницы его находится въ горахъ Шамшадильскихъ для перекочеванія жителей сей дистанціи».

«Si le général fait un mouvement contre Hassan-khan, son frère ne pourra venir à son secours qu'avec de la cavallerie, car l'infanterie n'arriverait pas à temps. Il n'exposera pas non plus son canon, et je doute encore que Hassan-khan veuille en faire usage craignant de le perdre».

«Je voudrais que l'ennemi pût apprendre la défaite d'Abbas-Mirza, avant que vous ne fassiez une attaque contre lui. Tâchez d'en avoir des renseignements» *).

«Прошу дружбы *къ Давыдову*, о которомъ говорю я теперь какъ о братѣ. Прошу содѣйствовать ему трудами. Прощай. Душевно любящій Ермоловъ».

18 Сентября 1826. Гассанъ-Су.

Письмо сіе было получено мною столь поздно по причинѣ экспедиціи, въ коей я находился. Къ порученіямъ дѣлаемымъ мнѣ на счетъ Давыдова я приступилъ еще съ самаго начала прибытія его, служилъ въ семъ случаѣ усердно не по одной обязанности своей, но по преданности своей къ Алексѣю Петровичу. Давыдовъ меня слушался, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы предпринять что-либо рѣшительнаго.

Извѣстіе о пораженіи Персіянъ подъ Елисаветполемъ было уже доставлено Ериванскому сардарю чрезъ возвращающагося одного Персіянина, которому я вручилъ реляцію о сей побѣдѣ.

Донесеніе, посланное Давыдовымъ изъ Гумровъ о сдѣланной нами экспедиціи, было написано безъ всякаго склада и смысла. Онъ возвышалъ до безконечности мнимой подвигъ свой, писалъ, что не было нами никого взято въ плѣнъ, потому что войска, слѣдуя его приказа-

---

*) Если генералъ двинется противъ Гассанъ-хана, братъ его придетъ къ нему на помощь только съ кавалеріею, такъ какъ пѣхота не подоспѣетъ. Онъ также не будетъ дѣйствовать изъ пушки, и я сомнѣваюсь, чтобы, изъ опасенія лишиться ея, онъ сталъ ее употреблять. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы непріятель узналъ о пораженіи Аббасъ-Мирзы прежде чѣмъ вы нападете на него. Постарайтеся развѣдать о томъ.

нію, всѣхъ кололи. Коцебу, которому было поручено написать реляцію сію, составилъ было ее весьма хорошо; но Давыдовъ ее всю передѣлалъ, говоря, что реляціи всегда должны такимъ образомъ писаться и что безъ сего представленія къ наградамъ никогда не будутъ уважены.

Съ такою же пышностію были написаны и представленія, изъ коихъ ничего не вышло путнаго. Мнѣ онъ назначалъ Георгія 4-й степени, и я наравнѣ съ прочими получилъ въ прошломъ году за походъ 1826 года высочайшее благоволеніе. Одинъ только Коцебу былъ счастливѣе: онъ получилъ за тотъ походъ чинъ или крестъ. Причиною сей неудачи была болѣе всего ссора двухъ главныхъ начальниковъ нашихъ. Представленія были посланы къ Ермолову. Паскевичъ говорилъ, что они должны были черезъ него идти, и въ семъ случаѣ онъ, кажется, былъ не правъ. Давыдовъ былъ отрядной начальникъ, нисколько независимый отъ командующаго войсками всего корпуса Паскевича и не обязанъ былъ ему и доносить о дѣйствіяхъ своихъ, имѣя особенное порученіе отъ Ермолова; ибо всѣ срочныя донесенія о состояніи войскъ посылались къ Паскевичу черезъ бригадныхъ командировъ. Не менѣе того сіе было поводомъ неудовольствій между Давыдовымъ и Паскевичемъ, и причиною, что всѣ дѣла наши сочли за ничто и едва удостоили насъ даннаго намъ гораздо позже благоволенія.

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Представленіе плѣннаго Шамиля

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава VI.

Прибытіе въ лагерь Чеченскаго отряда.—Предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Пріѣздъ барона Врангеля.—Попытки Шамиля завести переговоры о мирѣ.—Переписка по этому поводу.—Пожалованіе Георгія 2-й ст.—Достигнутые важные успѣхи.—Возстановленіе Аварскаго ханства.—Отъѣздъ изъ Чеченскаго отряда.—Посѣщеніе вновь покорившихся обществъ.—Депеша Государю и приказъ по арміи.

Возвращаюсь къ послѣдовательному изложенію дальнѣйшихъ событій.

14-го Іюля 1859 г. главнокомандующій прибылъ къ Чеченскому отряду, расположенному у озера Ями-амъ. Раскинутый по отдѣльнымъ возвышенностямъ, группировавшійся въ безпорядкѣ кругомъ озера, съ палатками то въ одиночку, то кучками, лагерь представлялъ живописную картину. Князь былъ встрѣченъ пушечной пальбою и шумными кликами выстроенныхъ шпалерами войскъ. Остановясь у своей ставки, онъ сказалъ войскамъ: „Братцы, я привезъ вамъ поклонъ отъ Государя и Царское спасибо за вашу молодецкую службу, за ваши труды. Государь надѣется, что вы, братцы, и остальной Кавказъ покорите ему, что и послѣдняго врага заставите покориться!“ Само собою, воздухъ огласился долго немолкавшими „ура“! и „постараемся!“ Къ стоявшимъ на флангѣ двумъ баталіонамъ Кабардинскаго полка князь обратился съ особымъ привѣтствіемъ: „Кабардинцы, шефъ вамъ кланяется“, и снялъ фуражку. Это чрезвычайно имъ польстило.

Въ тотъ же день авангардъ отряда былъ выдвинутъ къ озеру Ретло, а главнокомандующій совершилъ рекогносцировку къ Андіи.

Между тѣмъ Дагестанскій и Лезгинскій отряды двигались по указаннымъ направленіямъ въ долину Андійскаго

Койсу; два другіе отряда, одинъ близъ Темиръ-Ханъ-Шуры, другой на Турчидагѣ,—составляли слѣва продолженіе нашего наступленія, огибая горы со стороны Прикаспійскаго морскаго базиса.

Главное препятствіе, которое намъ предстояло преодолѣть, состояло въ пропасти Андійскаго Койсу, ограждающей всю сѣверную сторону Дагестана, и чрезъ которую существовало только нѣсколько переходовъ, заранѣе укрѣпленныхъ горцами. Шамиль, кромѣ того, покрылъ завалами горный отрогъ, отдѣляющій Андію отъ Гумбета, предалъ пламени аулы по лѣвой сторонѣ рѣки, а семейства Гумбетовцевъ и Андійцевъ, созванныхъ въ поголовное ополченіе, собралъ на гору Килятль и на вершинѣ ея построилъ новое укрѣпленіе съ башнями и батареями, избравъ ее своею резиденціею.

Пока непріятель нигдѣ не оказывалъ сопротивленія. Съ нашей стороны предполагалось, что Чеченскій отрядъ, вступивъ въ Андію, привлечетъ на себя главное вниманіе непріятеля и облегчитъ Дагестанскому отряду прорывъ оборонительной линіи на Койсу. Поэтому, главнокомандующій шелъ впередъ весьма медленно, устраивая по своимъ слѣдамъ колесный путь; онъ до времени ничѣмъ не обнаруживалъ своихъ намѣреній, чтобы удерживать въ неподвижности главное скопище Шамиля. Это и дало барону Врангелю возможность подойти къ Койсу безпрепятственно; но занять переправу оказалось задачею нелегкою. Однако, какъ уже выше разсказано, самоотверженіе, находчивость и беззавѣтная смѣлость войскъ все преодолѣли. Переправа совершилась; а когда баронъ Врангель, къ тому же, такъ благоразумно согласился послѣдовать словесному приказанію главнокомандующаго и совѣтамъ своего начальника штаба и занялъ Бетлинскую высоту, результатомъ оказалась покорность Аваріи и Койсубу, ближайшее свободное сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурой черезъ Зыряны (потерянныя нами въ 1843 году) и возможность двинуть лѣво-фланговые отряды изъ Шуры и Турчидага внутрь страны. Занятіе Бетля произвело панику между непокорными горцами Дагестана. Они сами бросились къ ближайшимъ Русскимъ отрядамъ, изъявляли покорность

и просили занимать ихъ аулы. Такъ сдался Чохъ, а вскорѣ и новѣйшая крѣпость Уликала, выстроенная Шамилемъ вмѣсто взятаго въ 1848 году Гергебиля. Послѣ появленія Дагестанскаго отряда на Бетлинской высотѣ, вообще въ Дагестанѣ уже не раздалось противъ насъ ни одного выстрѣла, пока мы не подошли къ послѣднему убѣжищу Шамиля—Гунибу.

Съ 21-го Іюля стало ясно для всѣхъ, что дѣло мюридизма проиграно безвозвратно, и послѣдняго акта шестидесятилѣтней драмы слѣдовало ожидать ежечасно.

Баронъ Врангель, подъ впечатлѣніемъ столь неожиданнаго и блистательнаго успѣха, счелъ нужнымъ отправиться чрезъ Аварію и Технуцалъ въ Карату, къ лагерю главнокомандующаго, съ небольшимъ прикрытіемъ и толпою вновь покорившихся Аварцевъ. Движеніе его было тріумфальнымъ шествіемъ. Князь Барятинскій былъ удивленъ, отчасти недоволенъ на барона за его пріѣздъ, находя совершенно основательно, что ему слѣдовало оставаться при войскахъ и преслѣдовать Шамиля по направленію къ Гунибу; но баронъ Врангель полагалъ, что онъ долженъ былъ въ точности исполнить приказанія, переданныя чрезъ капитана Ѳадѣева, а они заключались и въ томъ, чтобы идти навстрѣчу Чеченскому отряду. Въ главной квартирѣ даже явилось подозрѣніе, что генералъ Врангель захотѣлъ выставить блистательную роль Дагестанскаго отряда въ ущербъ Чеченскому; въ пріемѣ барона замѣтна была нѣкоторая холодность со стороны нѣкоторыхъ высшихъ лицъ. Но подозрѣнія были неосновательны: Врангель отлично понималъ, что не онъ покорилъ Дагестанъ, что безъ овладѣнія Чечнею и Веденомъ, безъ движенія трехъ отрядовъ одновременно въ центръ страны, составлявшей фундаментъ владычества Шамиля, безъ всѣхъ дѣйствій, предпринятыхъ съ 1856 года по соображеніямъ князя Барятинскаго, ничего подобнаго совершиться не могло. Да и не въ характерѣ этого рыцарски-благороднаго человѣка было что-нибудь могущее имѣть тѣнь шарлатанства. Онъ былъ доволенъ, что и на его долю выпала часть славы тѣхъ достопамятныхъ дней, что и онъ оказалъ услугу, содѣйствуя великому успѣху, и послѣ былъ совершенно

счастливъ, получивъ Георгія 3-й степени; а поѣхалъ, можно полагать, просто не сообразивъ, что это было не совсѣмъ умѣстно. Проведя вечеръ у князя Александра Ивановича и переночевавъ въ лагерѣ, баронъ Врангель на другой день отправился къ своему отряду.

Послѣ этихъ событій, т. е. паденія Аваріи, Койсубу и вообще непокорнаго Дагестана, послѣ полученія извѣстій о безпрепятственномъ движеніи Лезгинскаго отряда чрезъ общества, на главномъ хребтѣ живущія, Шамиль потерялъ всякую надежду на возможность удержать дальнѣйшій напоръ Русскихъ войскъ и сохранить власть надъ населеніемъ. Онъ кинулъ свои завалы и укрѣпленіе, гдѣ было 11 орудій, заграждавшихъ переходъ чрезъ Койсу, и съ небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ мюридовъ бросился въ Андаляль, на гору Гунибъ, извѣстную своею неприступностью, думая тамъ найти поддержку въ воинственномъ населеніи, сгруппировавшемся въ большихъ крѣпкихъ аулахъ, и продержаться до перемѣны обстоятельствъ; но еще за долго до этихъ происшествій, вскорѣ послѣ паденія Ведена, онъ отправилъ довѣреннаго человѣка въ Константинополь искать помощи.

23-го Іюля нашъ посолъ при Портѣ Оттоманской, князь Лобановъ-Ростовскій, секретно телеграфировалъ въ Петербургъ слѣдующее: „Повѣренный Имама въ Царьградѣ, желая именемъ его трактовать съ княземъ Лобановымъ, проситъ рѣшенія, согласно ли наше правительство на примиреніе съ нимъ и на какихъ условіяхъ? Желаетъ имѣть пропускной видъ чрезъ Тифлисъ, для доставленія Шамилю отвѣта князя Лобанова“.

По этому поводу 28-го Іюля изъ Петербурга писали князю Барятинскому, между прочимъ: „Мы получили изъ Константинополя весьма важное извѣстіе. Агентъ Шамиля представился нашему посольству, снабженный по его словамъ довѣренностью для вступленія съ нами съ переговоры. Велѣно отправить его прямо въ Тифлисъ, и совершенно полагаются на васъ, какъ уже условлено, чтобы убѣдиться, можно ли съ нимъ достигнуть соглашенія. Если это случится, это будетъ *великій результатъ*, вся слава котора-

го будетъ принадлежать вамъ, и довершитъ самымъ блестящимъ образомъ заслуги, уже вами оказанныя; а ихъ какъ вы знаете, съумѣютъ оцѣнить достоинству. Да сохранитъ и вдохновитъ васъ Богъ!"

Канцлеръ князь Горчаковъ и военный министръ Сухозанетъ тоже прислали князю Барятинскому письма. Первый писалъ:

Петергофъ, 26 Іюля 1859 года.

„Дорогой князь, Шамиль имѣетъ своего агента въ Константинополѣ. Агентъ этотъ явился къ князю Лобанову, выразилъ ему желаніе своего довѣрителя вступить въ переговоры и спросилъ, входитъ ли въ виды Императорскаго правительства соглашеніе съ Шамилемъ и на какихъ условіяхъ.

„Его Императорское Величество приказалъ мнѣ телеграфировать Лобанову, что онъ можетъ выдать агенту Шамиля пропускъ въ Тифлисъ и что вы имѣете столь широкія полномочія отъ нашего Августѣйшаго Монарха, что можете сами войти съ агентомъ въ соглашеніе. Лобановъ увѣдомитъ, конечно, васъ непосредственно о послѣдствіяхъ этого важнаго обстоятельства".

„Политическій горизонтъ, дорогой князь, далеко не ясенъ. Свиданіе въ Виллафранкѣ можетъ привести къ новымъ комбинаціямъ, исходъ которыхъ пока никому предвидѣть нельзя. Весьма возможно что Цюрихскіе переговоры будутъ имѣть послѣдствіемъ конгрессъ или Европейскую конференцію, которая займется разрѣшеніемъ весьма важныхъ вопросовъ, касающихся всеобщаго равновѣсія и взаимныхъ отношеній великихъ державъ.

„*Еслибы вы дали намъ миръ на Кавказѣ, Россія пріобрѣла бы сразу однимъ этимъ обстоятельствомъ въ десять разъ больше вѣса въ совѣщаніяхъ Европы, достигнувъ этого безъ жертвъ кровію и деньгами. Во всѣхъ отношеніяхъ моментъ этотъ чрезвычайно важенъ для насъ, дорогой князь.* Никто не призванъ оказать Россіи бóльшую услугу, какъ та, которая представляется теперь вамъ. Исторія открываетъ вамъ одну изъ лучшихъ страницъ. Да вдохновитъ васъ Богъ!"

Военный министръ писалъ князю Барятинскому:

Красное Село, 29 Іюля 1859 года.

„Съ душевною радостью отправляю къ вамъ курьера съ письмомъ Его Величества и содержаніемъ секретной депеши князя Лобанова. Вполнѣ понимаю, что Шамиль, доведенный вами до крайности, тщетно обратясь за помощью въ Константинополь, предлагаетъ примиреніе. Конечно, вамъ однимъ судить, на какихъ условіяхъ сіе допустить можно, дабы не только обезпечиться отъ Шамиля и его мюридовъ, но и въ будущей вѣрности и покорности бывшихъ понынѣ враждебныхъ намъ народовъ“.

„Не менѣе того, дозволяю себѣ выразить убѣжденіе мое, что ни въ какое время подобное событіе не могло имѣть того *благотворнаго вліянія для пользы государства, какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ онаго отношеніяхъ*“.

„Ваша звѣзда предоставляетъ вамъ случай совершить то, чего никто достигнуть не могъ, а ваша преданность къ Государю и прозорливость о степени услуги, которую вы можете принести Россіи, внушитъ вамъ желаніе предпочесть *благодѣтельные плоды примиренія славнымъ военнымъ подвигамъ*“.

„Да благословитъ васъ Господь во всѣхъ предпріятіяхъ вашихъ для славы настоящаго царствованія и пользы Россіи“.

Вотъ что отвѣчалъ князь Александръ Ивановичъ канцлеру.

„Въ главной квартирѣ близъ Кегера, въ Андалялѣ, 24 Августа 1859 года.

„Недавно получилъ я отъ васъ три письма, отъ 26-го и 30-го Іюля и 8-го Августа; прошу извинить меня, что до сихъ поръ не могъ отвѣчать вамъ, за совершеннымъ неимѣніемъ времени. Искренно благодарю васъ за поздравленія по случаю новаго знака благоволенія, оказаннаго мнѣ Его Величествомъ“.

„Я раздѣляю вашу мысль, что усмиреніе Кавказа можетъ усилить наше вліяніе въ Европѣ и горжусь тѣмъ, что судьба дала мнѣ счастіе бросить нѣсколько крупицъ на политическіе вѣсы въ пользу нашего отечества. *Мнѣ остается лишь принудить Шамиля сдаться въ его послѣднемъ убѣжищѣ, чтобы покончить съ этимъ упорнымъ фанатикомъ.* Я началъ осаду об-

ширной скалы, гдѣ теперь гнѣздится старецъ горъ, прибѣгая къ этому, какъ послѣднему отчаянному средству; надѣюсь скоро справиться съ нимъ. Очень благодаренъ вамъ за сообщеніе по поводу агента Шамиля въ Константинополѣ; но если даже ему и удастся добраться сюда, это будетъ поздно: ибо въ виду оборота, который приняли дѣла, всякое соглашеніе теперь немыслимо, такъ какъ надменный Имамъ оттолкнулъ всѣ весьма приличныя предложенія, сдѣланныя мною на случай, если онъ согласится сдаться“.

Впрочемъ, еще 4-го Мая 1859 года изъ Тифлиса, князь Барятинскій, отвѣчая князю Горчакову на поздравительное письмо отъ 20-го Апрѣля, писалъ: „Я уважаю и вполнѣ раздѣляю чувства, которыя внушили вамъ оцѣнку важности настоящей минуты, и раздѣляя въ принципѣ все, что́ вы мнѣ говорите о потребностяхъ нашей западной политики и о необходимости серьезной демонстраціи на восточной границѣ, потребности болѣе другихъ вами оцѣниваемой, я полагаю нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ собственно по поводу Кавказской войны“.

„Нужно основательно знать этотъ край и въ продолженіе долгаго времени слѣдить за всѣми перипетіями этой полувѣковой борьбы, чтобы убѣдиться, что простое дружественное соглашеніе съ Шамилемъ, даже еслибы и состоялось, хотя и могло бы подвинуть многія наши дѣла, *но было бы далеко еще не окончательнымъ разрѣшеніемъ.*“

Въ Петербургѣ очевидно не понимали дѣйствительнаго положенія дѣлъ на Кавказѣ и, почти наканунѣ плѣненія Шамиля, считали чрезвычайнымъ событіемъ желаніе его завязать переговоры о мирѣ. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что князь Горчаковъ весьма не прочь былъ доставить бо́льшую роль дипломатическимъ средствамъ для умаленія военной славы. Онъ успѣлъ склонить къ этому взгляду и нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ особъ; внушалась мысль, что это завоевательные планы, имѣющіе честолюбивыя цѣли и т. п. Въ свое время съ этихъ личныхъ побужденій будетъ, конечно, снятъ покровъ...

Однако князю Барятинскому было тогда не до дипломатіи; нужно было докончить начатое дѣло вполнѣ, фундаментально.

Послѣ покоренія Аваріи, живущія по Койсу общества прислали въ лагерь почетныхъ людей съ изъявленіемъ покорности. Собранныя Шамилемъ скопища разбѣжались, и самъ онъ, на пути къ Гунибу, былъ преслѣдуемъ *партіею мѣстныхъ жителей*, отбившихъ у него часть вьюковъ, въ томъ числѣ одинъ съ серебрянной монетой.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ получили донесеніе о переправѣ въ Сагрытлó, о покореніи Аваріи, Койсубу и проч. Государь, само собою, былъ въ восторгѣ и пожаловалъ князю Барятинскому орденъ Св. Георгія 2-й степени при слѣдующемъ рескриптѣ:

10 Августа 1859 года.

„Нашему генералъ-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи, главнокомандующему Кавказскою арміею и намѣстнику Кавказскому, князю Александру Барятинскому.

Храбрыя войска ввѣренной вамъ арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ, совершили общее наступательное движеніе, увѣнчавшееся въ короткое время блистательнымъ военнымъ успѣхомъ въ странѣ, шестнадцать лѣтъ служившей опорою непріязненнымъ противнымъ дѣйствіямъ предводителя враждебныхъ намъ горскихъ племенъ Кавказа. Быстрое покореніе воинственнаго населенія Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлоя и другихъ верхнихъ обществъ и отступленіе непріятеля, безъ всякаго почти сопротивленія, отъ воздвигнутыхъ имъ укрѣпленій, послѣ паденія Ведена, свидѣтельствуютъ о превосходной воинской распорядительности, съ которою предпринятыя вами въ этой странѣ военныя дѣйствія направлены къ предначертанной для оныхъ цѣли.

Относя успѣшный ходъ постепеннаго покоренія оружію нашему Кавказа къ глубоко обдуманнымъ и настойчиво приводимымъ вами, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, въ исполненіе мѣрамъ, мы признали справедливымъ изъявить вамъ особенную монаршую признательность и совершенное наше благоволеніе за неутомимые труды и важныя военныя заслуги ваши на пользу ввѣреннаго вамъ края и въ ознаменованіе сего всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія второй степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостью нашею неизмѣнно благосклонны“.

Сопротивленіе Андаляльцевъ, къ которымъ удалился Шамиль, могло снова затянуть дѣло, тѣмъ болѣе, что лѣто приближалось къ концу, а съ наступленіемъ суроваго времени года продолженіе войны въ горахъ было бы сопряжено съ

величайшими затрудненіями. Князь Барятинскій рѣшился поэтому покончить съ сопротивленіемъ горцевъ однимъ сильнымъ ударомъ и двинулъ въ сторону Андаляля всѣ наличныя силы Дагестанскаго отряда и часть Чеченскаго, обнажая на нѣкоторое время вновь покоренную страну, кромѣ немногихъ переправъ и пунктовъ, куда былъ свезенъ провіантъ.

Чтобы не вовлекаться въ излишнія подробности, я не вдаюсь здѣсь въ описаніе совершенныхъ въ послѣдніе дни главнокомандующимъ рекогносцировокъ и передвиженій. Упомяну лишь о главнѣйшихъ событіяхъ, изумлявшихъ тогда всѣхъ насъ, даже при очевидности паденія власти Шамиля. Такъ, отряду, собранному около Шуры, занявшему укрѣпленный горцами перевалъ Бурундукъ-Кале, какъ уже упомянуто, сдалась безъ сопротивленія сильная крѣпость Улукала. Другому отряду съ Турчидага сдался замѣчательно укрѣпленный Чохъ, безуспѣшно осажденный въ 1849 году княземъ Аргутинскимъ. Этому же отряду сдался укрѣпленный Ирибъ, резиденція измѣнившаго намъ въ 1844 году Элисуйскаго султана Даніель-бека, 15 лѣтъ управлявшаго отсюда Южно-Лезгинскими обществами. Такимъ образомъ, благодаря своевременному вступленію Дагестанскаго отряда за Койсу и вообще концентрическому движенію войскъ съ трехъ сторонъ въ сердце Дагестана, были разомъ подавлены всѣ усилія приверженцевъ Шамиля. Отрѣзанные отъ него и разъединенные нашими войсками аулы не могли сосредоточиться для общаго дѣйствія. Люди, враждебные духовной власти, вездѣ взяли верхъ, и всѣ общества Андаляля, одно за другимъ, тоже должны были покориться.

Лезгинскій отрядъ, преодолѣвъ неимовѣрныя трудности похода чрезъ снѣговой хребетъ, покоряя общества, гнѣздившіяся въ самыхъ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ, наконецъ спустился въ долину Андійскаго Койсу. Начальникъ отряда князь Меликовъ прибылъ къ главнокомандующему, лагерь котораго былъ тогда у аула Конхидатля. Сюда же прибылъ съ повинною Даніельбекъ. Вслѣдъ за нимъ, явился одинъ изъ важнѣйшихъ наибовъ Кибитъ-Магома, съ изъявленіемъ покорности Тилитля, одного изъ сильнѣйшихъ, населеннѣйшихъ ауловъ Дагестана, въ которомъ самъ Шамиль

еще въ 1837 году, осажденный нашими войсками и не видя спасенія, изъявлялъ покорность, принеся присягу на коранѣ.

Не проходило дня, чтобы-откуда нибудь не являлись представители едва извѣстныхъ обществъ, наибы, маазумы (начальники дружинъ), извѣстнѣйшіе абреки, ретивѣйшіе приверженцы Шамиля, самые враждебные, озлобленные противъ насъ люди. Цѣлыми десятками приводили бѣглыхъ солдатъ, давно уже осѣвшихъ въ горахъ, переженившихся здѣсь, отказавшихся отъ мысли возвратиться когда-нибудь въ Россію. На привалахъ, въ аулахъ, жители толпами окружали князя; женщины, дѣти подносили виноградъ, пѣли, плясали, провожали насъ Русскимъ ура, скачкой, выстрѣлами... Происходило что-то волшебное, сказочное!

Для управленія Аваріею главнокомандующій 4 Августа назначилъ флигель-адъютанта ротмистра Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго, возстановивъ въ его лицѣ званіе Аварскаго хана. Мѣра эта была вызвана политическими соображеніями, изложенными въ особой запискѣ, представленной Государю.

Все это было продолженіемъ системы, давно уже выработанной и усвоенной княземъ Барятинскимъ, придававшимъ особенно важное значеніе благоустроенной администраціи горцами и умаленію значенія духовенства въ ущербъ свѣтской власти изъ туземной аристократіи. Хотя и эта послѣдняя, съ политической точки зрѣнія, была не вполнѣ для насъ удобною, но ею нужно было воспользоваться какъ самымъ сильнымъ оружіемъ противъ теократической партіи, имѣя въ виду впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ослабить значеніе и мусульманской аристократіи, вредно отзывавшееся на благосостояніи народныхъ массъ.

6-го Августа главнокомандующій заложилъ выше Кохидатля, на берегу Койсу, укрѣпленіе Преображенское, какъ доказательство, что мы становимся прочной ногою въ центрѣ страны, не признававшей еще никогда нашей власти. Торжество совершилось при чрезвычайной обстановкѣ. Русскія войска кругомъ аналоя, у котораго священники совершали молебствіе; главнокомандующій, окруженный генералами и большой свитой; вокругъ тысячная толпа горцевъ изъ разныхъ только что покорившихся обществъ, съ особымъ изу-

мленіемъ взиравшихъ на невиданное зрѣлище; пѣніе „спаси, Господи, люди Твоя“, при громовыхъ раскатахъ пушечныхъ выстрѣловъ; насупившіеся со всѣхъ сторонъ скалистые гиганты; ревущая бѣшенная рѣка, и надо всѣмъ безоблачный, южный, лазуревый куполъ неба съ снопообразными лучами жгучаго солнца...

10-го Августа главнокомандующій простился съ войсками Чеченскаго отряда и, пригласивъ съ собою графа Евдокимова, отправился осматривать вновь покоренную страну. Въ большомъ богатомъ аулѣ Тлохъ жители всей толпой окружили князя, женщины подводили дѣтей, чтобы взглянуть на могущественнаго сардаря; тутъ же представилась и вдова Хаджи-Мурата съ своими маленькими сыновьями. Въ Игали, гдѣ въ 1842 году отрядъ генерала Граббе понесъ значительную потерю, насъ встрѣтилъ князь Д. И. Мирскій съ колонною изъ Дагестанскаго отряда. Отсюда дорога становилась все хуже, ущелье суживалось, сдавливаемое отвѣсными скалами, и бѣшенный потокъ Койсу едва пробивалъ себѣ путь въ узкой трещинѣ, почти совсѣмъ исчезая подъ скалами у Сагрытлô, немного ниже котораго 17 Іюля баронъ Врангель совершилъ свою смѣлую переправу. Далѣе отъ Чирката мы поднялись по крутому подъему къ Ашильтѣ, вблизи извѣстнаго Ахульго, взятаго осадою и штурмомъ въ 1839 году и изъ котораго Шамиль бѣжалъ тогда, спустясь по веревкѣ со скалы. Д. А. Милютинъ, какъ участникъ этой осады, разсказывалъ князю Александру Ивановичу всѣ подробности дѣла.

13-го Августа главнокомандующій спустился въ долину Аварскаго Койсу, гдѣ каждый шагъ напоминалъ кровавыя событія печальной памяти 1843 года. То мы видѣли слѣды укрѣпленій, геройски защищавшихся и, не дождавшись помощи, погибавшихъ цѣликомъ; то тропинку въ оврагѣ, въ которомъ погибъ подполковникъ Веселицкій съ баталіономъ Апшеронцевъ и 2 орудіями; то аулъ Харачи, подъ которымъ легъ другой баталіонъ и пять гвардейскихъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ отличаться... Въ Унцукулѣ графъ Евдокимовъ показывалъ мѣсто, гдѣ въ 1842 году одинъ фанатикъ ранилъ его кинжаломъ въ бокъ; въ Гимрахъ—родинѣ Шамиля,

мы смотрѣли башню, въ которой былъ убитъ нашими войсками въ 1832 году первый основатель мюридизма имамъ Кази-Мулла. И вездѣ жители встрѣчали и принимали теперь Русскаго главнокомандующаго съ большимъ почетомъ и радушіемъ. Изъ Гимръ князь отпустилъ въ свою штабъ-квартиру дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и съ одною милиціею изъ горцевъ, двѣ недѣли тому назадъ еще сражавшихся противъ насъ, значки которыхъ были прострѣлены Русскими пулями,—поѣхалъ въ Аварію.

Признаюсь, проѣзжая тогда въ свитѣ главнокомадующаго эти мрачныя ущелья съ нависшими громадами скалъ, съ ревущими потоками, съ качающимися утлыми мостами, плетенными изъ прутьевъ; останавливаясь въ грозныхъ, прижавшихся къ уступамъ скалъ аулахъ, среди толпы вооруженныхъ жителей, фанатическихъ послѣдователей мюридизма, я не одобрялъ рѣшимости князя: хорошо зная характеръ и нравы горцевъ и помня нѣсколько кровавыхъ эпизодовъ (слѣдствіе нашей довѣрчивости къ дикимъ фанатикамъ) я не могъ отрѣшиться отъ подозрительныхъ опасеній, невольно меня тревожившихъ. Дѣйствительно, горцевъ не могла не поражать эта черта отваги въ главнокомандующемъ, ѣхавшемъ верхомъ по головоломнымъ тропикамъ и чрезъ эти чертовы мосты, когда большинство слѣзало съ лошадей. На Азіятцевъ обаятельно дѣйствуютъ такія проявленія мужества; они не могли не оцѣнить и этого оказываемаго имъ довѣрія; но все же могли найтись одиночные фанатики, готовые во славу Аллаха и его пророка на всякое изувѣрство, хотя бы стоило это имъ жизни... Но Богъ хранилъ человѣка, предназначеннаго совершить великое дѣло, и все обошлось благополучно.

На ночлегѣ въ Танусъ-балѣ явились къ князю только-что оставившіе Шамиля бывшій наибъ Малой Чечни Саадулла и извѣстный предводитель хищническихъ партій Бей-булатъ, много лѣтъ бывшій грозой нашихъ поселеній по Сунжѣ и Тереку. Въ Хунзахѣ, резиденціи Аварскихъ хановъ, у бывшей нашей крѣпости, главнокомандующій ночевалъ; затѣмъ чрезъ Ахвахъ и Голотль, прибылъ въ Тилитль, гдѣ принялъ приглашеніе Кибитъ-Магомы и обѣдалъ у него; наконецъ, проѣхавъ чрезъ Ругджу, у самаго подножія Гуниба, съ ко-

тораго Шамиль пустилъ къ намъ нѣсколько ядеръ, князь прибылъ въ Чохъ, замѣчательно укрѣпленный. Здѣсь насъ встрѣтили тоже пушечной пальбою, но дружественной, салютаціонной; ни въ одномъ аулѣ населеніе не выказало такого искренняго радостнаго чувства, какъ въ Чохѣ; всѣ жители, не исключая женщинъ, бѣжали за княземъ, кричали ура, хватались за стремена, за узду лошади; одну больную женщину, по ея настойчивой просьбѣ, вынесли на носилкахъ, чтобы показать ей сардаря; радостные клики и выстрѣлы долго не умолкали. Должно быть, режимъ Шамиля ужъ особенно тяжело отозвался на Чохцахъ.

Изъ Чоха главнокомандующій поднялся на Кегерскія высоты противъ Гуниба, гдѣ была расположена часть Дагестанскаго и нѣкоторые баталіоны изъ Чеченскаго и Лезгинскаго отрядовъ.

Во время этой поѣздки здоровье князя было въ ужасномъ состояніи: припадки подагры терзали его немилосердно; онъ усмирялъ боли пріемами сильнаго средства „Colchicum", Нужна была сверхъестественная сила воли, чтобы не только выдерживать переѣзды верхомъ по горнымъ трущобамъ, но не подавать ни малѣйшаго вида страданій! Одинъ Д. А. Милютинъ только зналъ дѣйствительное положеніе князя. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ писемъ къ нему изъ за границы, князь Барятинскій, жалуясь на нестерпимыя боли, напоминалъ о своемъ положеніи при переправѣ въ Тлохъ въ 1859 году.

Отсюда, 22 Августа, князь Барятинскій послалъ Государю слѣдующую депешу: „Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Величество съ Августѣйшимъ тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ Вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятеля въ рукахъ нашихъ. Я лично былъ въ Каратѣ, Тлохѣ, Игали, Ахульго, Гимрахъ, Укцукулѣ, Хунзахѣ, Тилитлѣ, Чохѣ. Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами".

Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ по Кавказской арміи. „Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край я призвалъ васъ на стяжаніе великой славы Государю нашему, и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили

Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до глубины сердецъ вашихъ!“

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Записка князя А. И. Барятинскаго о внутреннемъ состояніи Кавказа.

При вступленіи нашемъ на Кавказъ, мы застали здѣсь духовный элементъ мусульманскій весьма потрясеннымъ въ борьбѣ съ другимъ элементомъ. Ханы, князья, беки, родовые старшины общинъ стояли во главѣ населенія и, вопреки Шаріату, властвовали надъ нимъ на основаніи Адата, т. е. права, основаннаго на народныхъ обычаяхъ.

Правительству нашему предлежало тогда поддержать тотъ изъ этихъ элементовъ, который лучше соотвѣтствовалъ нашимъ политическимъ видамъ. Но при ложномъ, впрочемъ человѣчеству весьма свойственномъ стремленіи пріобрѣсти скорое сочувствіе большинства населенія, этотъ предметъ не былъ тогда достаточно глубоко обдуманъ; родовые интересы были пренебрежены нами, и мусульманское духовенство возстановлено въ предположеніи, что оно лучшее орудіе къ сближенію съ массами: ибо народъ всегда проявлялъ болѣе сочувствія къ Шаріату, уравнивающему всѣхъ, нежели къ Адату, установляющему исключительное вліяніе и могущество отдѣльныхъ родовыхъ личностей.

Вотъ гдѣ и были положены *первыми представителями* нашего правительства *тѣ* ошибочныя начала, изъ которыхъ и развились вскорѣ потомъ, самыя пагубныя для нашего владычества послѣдствія. Ибо съ паденіемъ аристократіи—населенія, которыя до тѣхъ поръ были раздроблены на отдѣльныя общины и, вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ между владѣтелями ихъ, представляли намъ полныя удобства къ установленію нашего владычества, слились въ одну духовную національность, чѣмъ и дали возможность одному человѣку сдѣлаться свѣтскимъ и духовнымъ властителемъ цѣлаго края. Проповѣдь войны противъ невѣрныхъ загорѣлась тогда на Кавказѣ и создала религіозное общество, олицетворившееся въ мюридизмѣ. Такимъ образомъ воспаленное противъ нашего владычества религіозное настроеніе умовъ обняло собою весь Кавказскій хребетъ, и все покорилось Шаріату.

По мѣрѣ того, какъ слагалось это національное единство въ горахъ и съ нимъ могущество власти имамовъ, мы должны были развивать постепенно и наши боевыя средства и довести ихъ до нынѣшнихъ громадныхъ размѣровъ; ибо тамъ, гдѣ прежде, при раздробленіи общинъ и взаим-

ной враждѣ ихъ между собою, мы легко обходились незначительными силами, требуются нынѣ большіе отряды.

Итакъ, хотя система военныхъ дѣйствій, въ послѣднее время принятая на Кавказѣ, и даетъ надежду въ возможномъ покореніи этой страны; но чтобъ покореніе это было прочно и въ будущемъ, надобно, чтобы вмѣстѣ съ успѣхами оружія принимались теперь же мѣры для уничтоженія въ покоряемыхъ народахъ и кореннаго нравственнаго начала, намъ враждебнаго, т. е. мюридизма.

Мюридизмъ есть не только религіозное учрежденіе, но и общественный законъ, который, уравнивая всѣ классы и состоянія, опредѣляетъ и право судебное, и порядокъ взиманія податей. Онъ отвергаетъ законность всякой свѣтской власти и не признаетъ никакого правительства, если во главѣ его не стоитъ законный наслѣдникъ пророка. Одного Турецкаго султана считаетъ мюридизмъ законнымъ государемъ всѣхъ магометанъ. Шаріатъ, этотъ краеугольный камень мюридизма—есть судъ духовный и въ тоже время свѣтскій, опредѣляющій одинаковыя права для всѣхъ мусульманъ. Этимъ обозначается и все неотразимое значеніе мусульманскаго духовенства на Кавказѣ.

Изъ этого очевидно, что если опять, въ связи съ военными успѣхами, мы не будемъ стараться теперь же обезсиливать самое начало, изъ котораго сложился мюридизмъ, то должны будемъ постоянно ожидать, что рано или поздно мюридизмъ снова, подъ вліяніемъ того или другаго имама, подыметъ голову при первой возможности и вновь разрушитъ всѣ наши усилія къ умиротворенію края.

Чтобы достигнуть этого естественнымъ путемъ, надобно прежде всего стремиться къ возстановленію высшаго сословія, тамъ гдѣ сохраняются еще болѣе или менѣе слѣды его и создавать его дѣйствующимъ въ имперіи порядкомъ, тамъ, гдѣ оно не существуетъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ возстановленія дворянства, правительство будетъ имѣть въ немъ лучшее орудіе къ ослабленію исламизма, ибо вмѣстѣ съ дворянствомъ начнетъ сама собою опять возникать и противуположная Шаріату сила Адата, предѣлы власти Шаріатскаго суда сами собою стѣснятся вопросами исключительно-духовными, а между тѣмъ будемъ мы въ учреждаемыя нами народныя словесныя судилища вносить сколь можно болѣе началъ гражданскихъ. Отдѣляя такимъ образомъ эти гражданскія начала отъ началъ духовныхъ, легко будетъ сблизить первыя съ порядкомъ нашего судопроизводства и исподволь вести народъ ко всѣмъ прочимъ устройствамъ нашей гражданственности.

Съ паденіемъ свѣтской власти мусульманское духовенство не можетъ не понизиться нравственно, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе народъ, выходя изъ-подъ его вліянія, будетъ уклоняться отъ различныхъ тягостныхъ податей и приношеній, установленныхъ Шаріатомъ въ пользу духовенства. Утративъ свое политическое значеніе, обѣднѣвшее духовенство неминуемо снизойдетъ съ нынѣшняго высокаго своего положенія въ обществѣ и, кромѣ исполненія духовныхъ требъ, утратитъ всѣ прочія права и власти.

Но съ паденіемъ духовенства и съ уничтоженіемъ гражданскихъ его отношеній къ народу должны поколебаться въ мусульманахъ и самыя начала духовныя, столь необходимыя для человѣческой природы, и тогда народъ, разрѣшившій себѣ завѣсы религіи, сдѣлается тѣмъ бо̀льшимъ бременемъ для правительства, чѣмъ больше онъ предрасположенъ къ необузданности страстей и къ безпорядкамъ своеволія. Поэтому надлежитъ принять теперь же мѣры, чтобы мусульмане, теряя свои религіозныя вѣрованія, имѣли предъ глазами другое, готовое исповѣдываніе, болѣе чистое и болѣе успокоительное для требованій разума и совѣсти, и чтобы невольное сравненіе этого исповѣданія съ оставляемымъ могло, при первомъ же взглядѣ, произвести на умъ впечатлѣніе безспорнаго превосходства.

Въ этихъ видахъ было предложено мною учрежденіе возстановленія православія на Кавказѣ. Цѣль моя была создать средства къ достойному возстановленію и сооруженію храмовъ Господнихъ и къ образованію и обезпеченію хорошихъ проповѣдниковъ святой нашей вѣры. Теперь взглядъ колеблющагося мусульманина на наше духовенство былъ бы въ высшей степени для насъ неблагопріятенъ: наши священники, за немногими исключеніями, не имѣютъ, къ глубокому сожалѣнію, и пра̀ва на тотъ почетъ, который невольно отдается даже нами мусульманскому муллѣ. Слѣдовательно, надобно прежде всего поставить ихъ какъ нравственно, такъ и матеріально, въ почетное положеніе.

А потому смѣю прибѣгнуть вновь къ убѣдительнѣйшему ходатайству моему объ учрежденіи, какъ можно скорѣе, Общества Возстановленія Христіанства на Кавказѣ на началахъ мною предположенныхъ.

В. Отношеніе главнокомандующаго военному министру, 22 Августа 1859 г. № 379. Главная квартира близъ аула Кегеръ.

Изъ телеграфической депеши, отправленной сего числа чрезъ адъютанта моего, поручика князя Витгенштейна въ Симферополь, для передачи въ Петербургъ, вашему высокопревосходительству уже извѣстно, что весь восточный Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги палъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

И такъ полувѣковая кровавая борьба въ этой половинѣ Кавказа кончилась; неприступныя тѣснины, укрѣпленные природой и искусствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, взятіе которыхъ потребовало бы огромныхъ пожертвованій, 48 орудій, огромное число снарядовъ, значковъ и разнаго оружія сданы намъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ выстрѣла, силою нравственнаго пораженія. Все это послѣдствія дѣйствій предъидущихъ лѣтъ и предпринятаго теперь наступательнаго движенія съ трехъ сторонъ.

Послѣ отправленія послѣдняго отзыва моего, отъ 7 Августа № 296, покореніе обществъ и сдача непріятельскихъ крѣпостей слѣдовали съ не-

мовѣрной быстротой: и Ирибъ съ 9 орудіями и большимъ числомъ запасовъ сданъ Даніель-бекомъ, бывшимъ султаномъ Элисуйскимъ 2-го Августа, а самъ онъ 7 числа явился ко мнѣ безъ оружія, съ повинной и чистосердечнымъ раскаяніемъ. Отъ имени Государя Императора я объявилъ ему полное прощеніе.

8-го числа я посѣтилъ Карату̀, никогда не видавшую у себя Русскихъ, никому еще не покорявшуюся и имѣвшую въ глазахъ Шамиля особое значеніе, и былъ принятъ жителями съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

10-го числа я оставилъ Чеченскій отрядъ и съ кавалерійскимъ конвоемъ отправился для обзора всего новопокореннаго края.

Я посѣтилъ Тлохъ, Игали, Чиркатъ, осматривалъ Ахульго, знаменитое осадою 1839 года, и чрезъ Ашильту проѣхалъ въ Унцукуль и Гимры. Отсюда я отпустилъ бывшій со мною 1-й дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ чрезъ Каранаевскія высоты въ Чиръ-Юртъ и съ одними Аварцами и Койсубулинцами поднялся на Бетлинскія высоты къ Ахкенту.

Жители вездѣ толпами встрѣчали меня, выражая по своему совершенную покорность и преданность.

Изъ Ахкента, чрезъ Арахъ-тау и Танусъ-Балъ я прибылъ въ Аварію. Все населеніе ликовало за назначеніе ханомъ флигель-адъютанта Его Величества ротмистра Ибрагимъ-хана и въ особо-поданномъ мнѣ адресѣ выразило свою радость по случаю избавленія отъ тяжкаго ига, тяготѣвшаго надъ Аваріею 15-ть лѣтъ.

Послѣ ночлега въ Хунзахѣ, къ аулу Гидатль, гдѣ явился ко мнѣ спустился въ долину Аварскаго Койсу я Кибитъ-Магома съ Тилитлинцами, встрѣчаемый съ одинаковымъ торжествомъ. Отсюда чрезъ Куядинское общество я прибылъ въ Ругджу, а 18 числа переправился чрезъ Кара-Койсу, осмотрѣлъ Чохъ, замѣчательное по искусной постройкѣ, сильное укрѣпленіе, и въ сопровожденіи Чохскихъ жителей, восторженно меня принявшихъ, прибылъ на высоты къ разоренному аулу Кегеръ, въ лагерь Дагестанскаго отряда.

Здѣсь, въ виду Гуниба, молодецкіе баталіоны лейбъ-Эриванскаго гренадерскаго Его Величества и Ширванскаго полковъ и два дивизіона Сѣверскихъ драгунъ были представлены мнѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями милиціи различныхъ племенъ, и прошли прекрасно, бодро церемоніальнымъ маршемъ.

Въ этотъ же день командующій войсками Лезгинской кордонной линіи, по возвращеніи изъ главной квартиры, проѣхавъ всѣ покорившіяся общества причисленныя къ раіону Лезгинской линіи и устроивъ вездѣ управленіе, вступилъ съ частію своихъ войскъ въ Ирибъ, а оттуда 20 числа прибылъ на позицію у Кегера, гдѣ я назначилъ общій съѣздъ трехъ командующихъ войсками.

Такъ окончилась многолѣтняя война. Край, въ которомъ, казалось, не суждено было утихнуть гулу выстрѣловъ, умиротворенъ. Храбрымъ войскамъ лѣваго крыла, Прикаспійскаго края и Лезгинской линіи, послѣ со-

вершенныхъ ими геройскихъ, подвиговъ остается не менѣе великій подвигъ трудами рукъ своихъ упрочить власть нашу въ новопокорившихся странахъ.

Теперь, когда всѣ эти горы, ущелья и долины, огражденныя природой и искусствомъ, когда воинственное, фанатическое населеніе ихъ, такъ долго не выпускавшее изъ рукъ оружія, вдругъ намъ покорилось, теперь настала пора безчисленныхъ заботъ и усиленной дѣятельности, для проложенія путей сообщенія, для учрежденія правильной, сообразной съ духомъ народа администраціи, для избранія и занятія стратегическихъ пунктовъ, однимъ словомъ для пріобрѣтенія такого положенія, которое избавило бы насъ въ будущемъ отъ всѣхъ случайностей и вторичной кровавой борьбы.

Съ помощію Бога, съ содѣйствіемъ моихъ отличныхъ помощниковъ, съ тѣми несравненными войсками и средствами, которыя Государь Императоръ предоставилъ въ мое распоряженіе, до исхода 1861 года я могу надѣяться достигнуть и этой цѣли, для славы возлюбленнаго Монарха.

И такъ, теперь, когда весь огромный край отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги покорился намъ, не склоняется еще предъ могущественнымъ оружіемъ Его Императорскаго Величества одинъ только Шамиль.

Видя быстрое, даже для насъ такъ скоро неожиданное паденіе всѣхъ оплотовъ своей власти, онъ бросился сначала въ общества Южнаго Дагестана, надѣясь найти здѣсь гдѣ нибудь крѣпкое убѣжище. Но враждебно встрѣчаемый жителями, два раза его ограбившими, теряя каждый день большую часть бывшихъ съ нимъ приверженцевъ, наконецъ испуганный ставшими на пути его войсками, онъ бросился въ Гунибъ, давно избранный имъ какъ послѣднее убѣжище, хотя онъ не успѣлъ еще достаточно обезпечить его продовольствіемъ.

Достигнувъ наконецъ этого мѣста, онъ присоединилъ къ себѣ Гунибскихъ жителей и составилъ партію въ 400 человѣкъ при 4-хъ орудіяхъ.

Не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, Шамиль употребилъ всѣ средства сдѣлать его совершенно неприступнымъ: онъ подорвалъ порохомъ всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взобраться; онъ заградилъ всѣ тропинки, ведущія на Гунибъ отъ Кара-Койсу, Ругджи и Хинды, толстыми стѣнами, башнями, двухъ и трехъ-ярусными оборонительными постройками, вездѣ заготовилъ огромныя кучи камней для скатыванія на атакующихъ, однимъ словомъ приготовилъ оборону, какую только средства его и искусство въ этомъ дѣлѣ горцевъ могли представить.

Къ 8-му Августу Дагестанскій отрядъ собрался въ Кудали на уроч. Гунимееръ, а 9-го, вслѣдствіе произведеннаго обзора мѣстности, двинулся къ подножію Гуниба и занялъ мѣста для блокады, такъ что 10 числа 10-ть баталіоновъ пѣхоты и 7 сотенъ конницы на всей окружности Гуниба, до 50 верстъ, учредили по возможности строгую блокаду, а $6^1/_4$ баталіоновъ, Сѣверскій драгунскій полкъ, 6 сотенъ туземной конницы при 14-ти орудіяхъ, расположенныхъ у Кегера въ виду Гуниба, составили общій резервъ.

Сначала съ Гуниба по блокирующимъ войскамъ производились пушечные выстрѣлы, но безвредно; а наши стрѣлки разгоняли огнемъ нарѣзныхъ ружей собиравшихся на гребняхъ скалъ для работъ горцевъ. Съ 15-го огонь утихъ.

И такъ Шамиль остался въ неприступномъ убѣжищѣ, какъ обломокъ громаднаго зданія, разомъ рухнувшаго послѣ долгаго сопротивленія. Однако нѣсколько дней проведенныхъ на Гунибѣ, окруженномъ нашими войсками и возставшимъ противъ Шамиля населеніемъ, дало ему время обдумать свое положеніе, и повидимому онъ сталъ убѣждаться, что пора его власти прошла безвозвратно. Онъ вступилъ въ переговоры, избравъ посредниками Даніель-бека и полковника Алихана, временно управляющаго Койсубулинскимъ обществомъ. Но послѣ четырехъ-дневныхъ безплодныхъ переговоровъ я приказалъ прекратить ихъ и приступить къ предварительнымъ работамъ для овладѣнія Гунибомъ.

Еслибы неупорство одного человѣка, то я имѣлъ бы счастіе окончить великое дѣло безъ необходимости еще разъ прибѣгать къ оружію.

Спѣшу обо всемъ этомъ сообщить вашему высокопревосходительству для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору.

Глава VII.

Прибытіе подъ Гунибъ — Опасенія за результатъ штурма.—Предложенія Шамилю сдаться и переговоры съ нимъ.—Предположенія о правильной осадѣ Гуниба и отъѣздъ князя.—Разговоръ съ княземъ Мирскимъ.—Измѣненіе предположеній объ осадѣ.—Расположеніе войскъ кругомъ Гуниба.—Удачное движеніе ихъ на Гунибъ.—Извѣстіе что Шамиль окруженъ и отъѣздъ князя на Гунибъ.—Переговоры предъ сдачею Шамиля.—Сдача его на волю побѣдителя. — Сцена свиданія съ княземъ.—Отправленіе Шамиля въ лагерь.—Депеша объ этомъ Государю и приказъ по арміи. — Отъѣздъ князя въ Тифлисъ.—Торжественныя встрѣчи.—Пожалованіе ордена Андрея Первозваннаго.—Дѣло о постройкѣ тріумфальной арки.

Гунибъ между тѣмъ былъ уже обложенъ со всѣхъ сторонъ нашими колоннами. Видя крайность своего положанія, Шамиль просилъ перемирія. Начались переговоры, пересылка писемъ и т. п. Все это ни къ чему не вело, время уходило, близился конецъ лѣта. На открытый штурмъ не рѣшались: потеря могла быть громадная; не исключалась даже возможность неудачи, не взирая на малое число защитниковъ Гуниба. Но не это главнымъ образомъ было причиною нежелательности штурма; главнокомандующій опасался, что при штурмѣ самъ Шамиль могъ бытъ убитъ, а онъ намъ былъ нуженъ живой, сдавшійся. Убитый, онъ послужилъ бы предметомъ вящшаго поклоненія фанатиковъ, создалась бы легенда, какъ о Кази-муллѣ, найденномъ будто бы держащимъ правой рукой бороду,—что̀ означаетъ прямой путь въ небо. Все это могло въ будущемъ представить намъ большія затрудненія. Еще болѣе опасался князь, чтобы Шамилю не удалось какъ-нибудь бѣжать съ Гуниба. Это было бы крайне непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ могъ пробраться въ Персію къ Куртинамъ и въ Турцію, гдѣ послужилъ бы орудіемъ всякихъ враждебныхъ Россіи махинацій. На тему возможности бѣгства Шамиля, князь Александръ Ивановичъ не разъ возобновлялъ разговоръ. Страдая въ то время сильными припадками подагры, лишавшими его сна, онъ поздно ночью призывалъ меня къ себѣ и всякій разъ возвращался къ этому вопросу о возможности бѣгства Шамиля, причемъ вспоминалъ аналогичный эпизодъ 1839 года въ Ахульго. Не отвергая совсѣмъ возможности бѣгства, я старался успо-

коить князя тѣмъ, что, во 1-хъ: Шамиль на двадцать лѣтъ постарѣлъ и едвали такъ еще ловокъ, чтобы спускаться съ кручи на веревкахъ; во 2-хъ, что у насъ здѣсь кругомъ Гуниба гораздо больше войскъ, чѣмъ было подъ Ахульго и, слѣдовательно, гораздо труднѣе скрыться; въ 3-хъ, что послѣ изъявленія всѣмъ народонаселеніемъ покорности и потери Шамилемъ обаянія на столько, что при переходѣ изъ Кара-ту къ Гунибу сами горцы его ограбили, трудно допустить, чтобы онъ довѣрился которому-нибудь изъ ближайшихъ обществъ, отъ котораго могъ бы получить средства для дальнѣйшаго побѣга къ границамъ Персіи или Турціи. Тѣмъ не менѣе князь приказалъ послать всѣмъ пограничнымъ мѣстнымъ начальникамъ строгія приказанія о бдительнѣйшемъ надзорѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ объявленіе, что за доставленіе Шамиля живымъ будетъ выдано 10 т. рублей награды.

Наконецъ, Шамилю было послано отъ главнокомандующаго письмо слѣдующаго содержанія:

„Вся Чечня и Дагестанъ нынѣ покорились державѣ Россійскаго Императора, и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи Великому Государю.

„Чтобы избѣжать новаго пролитія крови, для окончательнаго водворенія въ цѣломъ краѣ спокойствія и благоденствія, я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе. Если онъ исполнитъ мое требованіе, то я именемъ Августѣйшаго Государя, торжественно объявляю ему, со всѣми находящимися при немъ теперь на Гунибѣ, полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства жить тамъ безвыѣздно, равно какъ и тѣ изъ приближенныхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ взять съ собою. Путевыя издержки и доставленіе его на мѣсто будутъ вполнѣ обезпечены Русскимъ правительствомъ. По сдачѣ Шамиля, Государь Императоръ самъ изволитъ опредѣлить размѣръ денежнаго содержанія ему съ семействомъ“.

„Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ Императора Всероссійскаго, то всѣ бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства,

падутъ на его голову и лишатъ его навсегда объявленныхъ ему мною милостей“.

Приходившій отъ Шамиля для переговоровъ горскій дипломатъ Юнусъ Чиркеевскій не доставилъ положительнаго отвѣта, а велъ уклончивыя, туманныя рѣчи. По порученію князя, начальникъ главнаго штаба написалъ Шамилю 22 Августа, чтобы онъ далъ категорическій отвѣтъ: согласенъ ли онъ на предложенныя условія или нѣтъ?

На это письмо въ тотъ же день было получено письмо Шамиля: „Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами; мы отъ васъ просимъ только свободнаго пропуска по извѣстному уже условію. Если на это будетъ согласіе, то хорошо; если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, Который выше и сильнѣе всего. На этомъ основаніи—сабля наострена, и рука готова“.

Послѣ такого отвѣта, больше ничего не оставалось, какъ предоставить окончаніе дѣла штыку.

Совѣщанія главнокомандующаго съ Д. А. Милютинымъ и графомъ Евдокимовымъ привели къ мысли о необходимости правильной осады Гуниба. Тогда пригласили и начальника инженеровъ, генерала Кесслера, который, само собою, всѣмъ авторитетомъ спеціалиста поддержалъ это предложеніе. А такъ какъ осада эта требовала продолжительнаго времени, то присутствіе главнокомандующаго подъ Гунибомъ было признано неприличнымъ, могущимъ его скомпрометировать въ глазахъ только-что покорившагося народонаселенія. Даже и командующаго войсками, барона Врангеля считалось нужнымъ удалить въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ осаду подъ начальствомъ инженернаго генерала. Въ Дербентъ были посланы офицеры за разными инженерными и осадными принадлежностями, потребовали осадную артилерію; наконецъ, уже сдѣлали всѣ нужныя распоряженія по заготовленію лошадей и пр. для обратнаго проѣзда главнокомандующаго къ Тифлисъ. И все это въ концѣ Августа, когда пребываніе войскъ въ этой мѣстности могло продлиться не болѣе мѣсяца, когда Гунибъ представлялъ для правильной осады, по меньшей мѣрѣ, объектъ самый неудобный!

Слухъ о такомъ рѣшеніи произвелъ въ лагерѣ недоумѣніе и разнородные толки, въ большинствѣ сводившіеся къ довольно рѣзкой критикѣ. Князь Барятинскій, однако, всѣ эти дни былъ очевидно въ дурномъ расположеніи духа, обнаруживавшемъ недовольство ходомъ дѣла. Иногда по нѣскольку часовъ сряду не видно было, чтобы кто-нибудь изъ начальствующихъ лицъ входилъ къ нему; самъ онъ по долгу сидѣлъ предъ своей палаткой и пристально смотрѣлъ въ большую подзорную трубу на Гунибъ, съ обрыва котораго изрѣдка виднѣлись дымки пушечныхъ выстрѣловъ.

Князь Д. И. Мирскій разсказываетъ, что въ то время князь Александръ Ивановичъ ежедневно приглашалъ его къ себѣ, чтобы поговорить о разныхъ предметахъ, очевидно для препровожденія времени; о дѣлѣ почти не упоминалось. Князь Барятинскій отлично умѣлъ уклоняться отъ нежелательныхъ ему разговоровъ, и всякіе намеки въ такихъ случаяхъ оставались безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день, рано утромъ, не въ обычный часъ, князь Мирскій былъ позванъ къ главнокомандующему, который въ замѣтномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по палаткѣ. Походивъ еще немного, онъ уперся вдругъ въ него своими проницательными глазами (горцы называли ихъ гёзларъ-яманъ *) и сказалъ: Вы знаете, какъ я на васъ смотрю, знаю, что вы мнѣ искренно преданы и имѣю большое довѣріе къ вашему мнѣнію. Отвѣчайте мнѣ прямо, откровенно, ничѣмъ не стѣсняясь, на мой вопросъ. Меня уговариваютъ уѣхать отсюда, и я почти уже согласился. Чтó вы объ этомъ думаете?

„Князь Мирскій выразилъ особую радость, услышавъ этотъ вопросъ, и сказалъ, что, по его мнѣнію, главнокомандующій долженъ оставаться здѣсь и взять Шамиля, во чтò бы ни стало.

Князь Барятинскій пришелъ въ восторгъ отъ этого отвѣта. „Да, сказалъ онъ, вы правы; это въ сущности было всегда

---

*) „Не хорошіе глаза", т. е. въ смыслѣ ихъ неудобной для другихъ проницательности. И, дѣйствительно, эти голубые, обыкновенно полныя выраженія доброты глаза, имѣли замѣчательную способность проникать человѣка насквозь, или выказать неудовольствіе, или презрѣніе.... А. З.

и моимъ мнѣніемъ; но вотъ что̀ мнѣ говорятъ", и онъ изложилъ доводы, приводившіеся на совѣщаніяхъ. Доводы были не особенно убѣдительные.

Послѣ подробнаго обсужденія предполагаемой правильной осады, очевидно невозможной, въ особенности въ такое позднее время года, и предпочтительности если не открытаго штурма, то постепенной эскалады,—князь Александръ Ивановичъ, опасаясь, чтобы при штурмѣ Шамиль не былъ убитъ, остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: предоставить всѣмъ начальникамъ колоннъ дѣлать попытки къ овладѣнію Гунибомъ по ихъ усмотрѣнію и на ихъ отвѣтственность, обѣщая щедрыя награды тому, кто въ этомъ успѣетъ и, какъ уже выше сказано, 10 тысячъ рублей лицу, которое возьметъ Имама въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же отдалъ приказаніе отмѣнить всѣ распоряженія къ его отъѣзду изъ-подъ Гуниба.

И опять, какъ въ дѣлѣ о движеніи Дагестанскаго отряда послѣ переправы черезъ Койсу, личная инипіатива, можно сказать даже вдохновленіе, князя Барятинскаго и безподобныя войска наши, для которыхъ, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго, спасли дѣло въ самый важный, рѣшительный моментъ.

Распоряженіе главнокомандующаго, предоставившее столь большую самостоятельность начальникамъ колоннъ, имѣвшимъ возможность наиболѣе близко ознакомиться съ мѣстностью и воспользоваться непредвидѣнными случайностями, было самымъ разумнымъ, тѣмъ болѣе, что оно не лишало генерала Кесслера права испытывать между тѣмъ и инженерныя средства, могущія содѣйствовать постепенной эскаладѣ съ болѣе доступной стороны.

Гунибъ представляетъ отдѣльную высокую гору, омываемую Аварскимъ и Кара-Койсу съ трехъ сторонъ; въ основаніи Гунибъ имѣетъ болѣе 50 верстъ въ окружности; кое-гдѣ скаты покрыты тощею зеленью, кое-гдѣ кукурузой и фруктовыми деревьями, но большею частью обвалами огромныхъ камней; постепенно съуживаясь, гора упирается въ сплошной карнизъ громадныхъ отвѣсныхъ скалъ. Гунибъ, даже вблизи, казался совершенно недоступнымъ; только съ одной восточной стороны на гору зигзагами вела крутая тро-

па по каменистому грунту; при самомъ окончанiи этой дороги, у входа на плато, прорѣзанное глубокимъ скалистымъ оврагомъ, по лѣвому обрыву котораго расположенъ аулъ Гунибъ, были устроены толстыя каменныя стѣны съ бойницами, трехъ-ярусными оборонительными постройками, башнями, съ однимъ тѣснымъ извилистымъ проходомъ; здѣсь сосредоточивалась большая часть защитниковъ. Не далеко отъ этихъ искусственныхъ крѣпкихъ преградъ, надъ обрывомъ стояла палатка самого Шамиля и батарейное орудiе. Не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, Шамиль употребилъ всѣ средства сдѣлать его совершенно недоступнымъ. Онъ заставлялъ работать всѣхъ женщинъ и для примѣра даже свою семью; всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взобраться, были подорваны порохомъ: вездѣ заготовлены огромныя кучи камней для скатыванiя на атакующихъ. Вообще онъ приготовилъ оборону, какую только его средства и искусство горцевъ въ подобномъ дѣлѣ могли представить. Однимъ словомъ, по общему убѣжденiю, Гунибъ представлялся совершенно недоступнымъ. Наши войска были расположены вокругъ Гуниба отдѣльными колоннами. На восточномъ фасѣ Ширванцы, на сѣверномъ они же съ Грузинцами и Самурцами, на южномъ Апшеронцы съ Самурцами и 21-мъ стрѣлковымъ баталiономъ, а на западномъ Дагестанцы.

Получивъ упомянутое выше распоряженiе, начальники колоннъ, и до того уже осматривавшiе чрезъ охотниковъ всѣ трещины, уступы и малѣйшiя неровности почти отвѣсныхъ скалъ, еще болѣе усилили свои поиски. Въ ночь на 24 Августа Ширванцы съ восточной стороны, не взирая на огонь непрiятеля, выдвинулись впередъ и расположились за камнями и разоренными постройками хутора; 24-го было сдѣлано распоряженiе подвинуть войскà и съ сѣверной стороны ближе къ обрывамъ. Между тѣмъ, предъ разсвѣтомъ 25 числа, Апшеронцы съ южнаго фаса, вслѣдъ за своими охотниками, по какой-то трещинѣ успѣли доползти до обрыва горы. Мѣстность здѣсь, въ глазахъ горцевъ, представлялась столь недоступною, что они оставили ее почти безъ вниманiя и только не вдалекѣ, на самой горѣ держали незначительный

караулъ. Предъ Апшеронцами, какъ стѣны, возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ обрыва, каждый отъ 8 до 10 саженъ вышины, въ одномъ только мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною. 130 охотниковъ, обутыхъ въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, успѣли, подсаживая другъ друга, вскарабкаться на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ верхняго; за ними сталъ взбираться баталіонъ при помощи тѣхъ же лѣстницъ, крючьевъ и проч. Свѣтъ чуть брезжилъ, когда горскій караулъ, наконецъ, услышавъ шумъ, открылъ огонь; но цѣль была уже близка: Апшеронцы, не взирая на выстрѣлы, всползли на верхнюю террасу и вслѣдъ за тѣмъ на самую гору, успѣвъ захватить весь пикетъ горцевъ, состоявшій изъ 22 человѣкъ (въ томъ числѣ оказались три вооруженныя женщины); семь были убиты, остальные взяты въ плѣнъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, и къ взобравшимся на гору подошли еще двѣ роты Апшеронцевъ съ стрѣлковымъ баталіономъ, начальникъ колонны полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому аулу Гунибу— верстъ 8 отъ обрыва.

Въ туже ночь на 25 Августа войска сѣвернаго фаса произвели фальшивую атаку, заставившую горцевъ сбросить внизъ заготовленную ими груду камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ, перескакивавшими чрезъ головы прилегшихъ людей нашихъ. Когда этотъ каменный градъ утихъ, начальникъ колонны генералъ-маіоръ князь Тархановъ двинулъ войска къ трещинѣ, раздвигающей въ этомъ мѣстѣ скалы карниза, открытой заранѣе бывшими при войскахъ нашими горскими милиціонерами. Пройдя такимъ образомъ на высоты почти одновременно съ Апшеронцами и не зная объ ихъ появленіи, князь Тархановъ направилъ часть войскъ къ палаткѣ Шамиля (что̀ заставило его тотчасъ, сбросивъ съ кручи свое орудіе, ускакать въ аулъ), другую въ тылъ оборонительныхъ стѣнъ, а еще одну часть къ аулу. Озадаченные внезапнымъ появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы оставили укрѣпленія, чѣмъ воспользовались Ширванцы, рѣшительно двинувшіеся за ними по дорогѣ восточнаго ската съ 4-мя горными орудіями, а немного спустя и полковникъ Радецкій съ Даге-

станцами, преодолѣвъ неимовѣрныя затрудненія, поднялся съ западной стороны на Гунибъ. Значительная часть горцевъ, бывшихъ въ оборонительныхъ веркахъ, оказалась отрѣзанною отъ аула; засѣвъ за камни, они открыли сильный огонь противъ Ширванцевъ. Ихъ окружили. Не видя спасенія и не желая сдаваться, они отчаянно защищались; завязалась кровавая рукопашная схватка; пощады не было никому. Горцы были почти до единаго истреблены, но и Ширванцы потеряли около ста человѣкъ, почти исключительно изрубленныхъ шашками и кинжалами. Озлобленнѣе всѣхъ дрались здѣсь нѣсколько десятковъ нашихъ старыхъ дезертировъ, давно омусульманившихся...

Рано утромъ, 25 числа, ординарецъ главнокомандующаго, урядникъ изъ Осетинъ, Казбій, возившій всегда значекъ князя, сталъ смотрѣть въ подзорную трубу и, замѣтивъ на Гунибѣ бѣлыя фуражки *), вбѣжалъ съ этимъ извѣстіемъ въ палатку князя. Князь ему не повѣрилъ, вышелъ самъ, посмотрѣлъ, но, не довѣряя и собственнымъ глазамъ, приказалъ позвать меня. Взглянувъ въ трубу, я совершенно ясно увидѣлъ цѣлый строй бѣлыхъ фуражекъ близъ палатки Шамиля и немного выше, по направленію къ аулу. Это были войска сѣвернаго фаса. Не было уже сомнѣнія, что наши на Гунибѣ.

Вѣсть мгновенно разнеслась по лагерю, а вскорѣ прискакалъ адъютантъ главнокомандующаго подполковникъ Граббе отъ генерала Кесслера съ извѣстіемъ, что всѣ колонны уже окружаютъ аулъ и ожидаютъ приказаній. Нечего говорить о торжественно-радостномъ впечатлѣніи.

Князь Барятинскій немедленно приказалъ подать лошадей, и мы отправились на Гунибъ.

На подъемѣ къ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, стали попадаться навстрѣчу раненые Ширванцы, которымъ главнокомандующій приказалъ навѣшивать Георгіевскіе кресты и раздавать денежные подарки; ближе къ стѣнамъ валялись обезображенные непріятельскіе трупы; дальше по дорогѣ сидѣли кучки непріятельскихъ плѣнныхъ, окруженныя

*) На Кавказѣ лѣтомъ войска имѣли на фуражкахъ бѣлые холщевые чехлы.

солдатами; съ разныхъ сторонъ двигались баталіоны къ аулу. Увидѣвъ главнокомандующаго, они закричали ура! Шамиль думалъ, что начинается штурмъ и сталъ молиться...

Переѣхавъ оврагъ, главнокомандующій, въ березовой рощицѣ, въ верстѣ отъ аула, сѣлъ на камень *), приказалъ прекратить перестрѣлку, завязавшуюся между защитниками аула и нашими войсками, и послалъ предложить Шамилю сдаться, не проливая напрасно крови. Имамъ видѣлъ, что держаться дольше нѣтъ возможности. Быть можетъ, онъ и рѣшился бы пасть съ оружіемъ въ рукахъ, еслибы съ нимъ не было его жены и дѣтей.... Четырнадцать баталіоновъ окружали на полружейнаго выстрѣла аулъ; войска горѣли желаніемъ отличиться въ присутствіи главнокомандующаго; стоило произнести роковое слово „впередъ", и не осталось бы, кажется, не только бывшихъ въ немъ людей, но и слѣдовъ самаго аула.

Начались переговоры. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, князь Мирскій, полковникъ Лазаревъ, пишущій эти строки и кто-то изъ переводчиковъ стояли саженяхъ въ пятидесяти отъ аула, на открытой площадкѣ, далеко впереди баталіоновъ. Къ намъ вышелъ Юнусъ съ вопросомъ: какія условія предлагаютъ Шамилю? — „Никакихъ, былъ отвѣтъ; пусть выходитъ, или войска сейчасъ ринутся на аулъ." Юнусъ ушелъ; мы продолжаемъ смотрѣть на аулъ, на расхаживающихъ по плоскимъ кровлямъ сакель вооруженныхъ людей, на выглядывающихъ изъ оконъ женщинъ.

Чрезъ полчаса опять идетъ Юнусъ. „Шамиль проситъ позволить Юнусу лично представиться главнокомандующему и отъ него получить отвѣтъ".—Я отправился съ нимъ къ мѣсту, гдѣ оставался князь.

„Передай Шамилю, чтобы сейчасъ выходилъ, а то начнется штурмъ, и тогда уже никому не будетъ пощады. Предлагаю ему лишь одно условіе: его собственная и всего семейства личная безопасность", былъ отвѣтъ князя.

---

*) На этомъ историческомъ камнѣ вырѣзана надпись: „25 Августа 1859, года 4 часа пополудни. Князь Барятинскій".

Мы уѣхали съ Юнусомъ назадъ. Онъ вошелъ въ аулъ, разсказалъ результатъ свиданія. Проходитъ полчаса; тишина въ аулѣ, тишина кругомъ, всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ что́ будетъ. Вдругъ изъ аула раздается громкій голосъ: „Шамиль проситъ прислать къ нему бывшаго Чохскаго наиба Исмаила", (зятя имама). Послали. Черезъ четверть часа возвращается Исмаилъ. „Шамиль спрашиваетъ, не послать ли прежде младшаго сына къ главнокомандующему?"—„Нельзя, кричитъ въ отвѣтъ полковникъ Лазаревъ; выходи сейчасъ, а то будетъ поданъ сигналъ къ штурму". Еще четверть часа молчаніе и опять выходитъ Юнусъ: „Имамъ проситъ отодвинуть войска подальше отъ аула; тогда онъ выйдетъ".—„Нельзя, нельзя; пусть выходитъ и не выводитъ насъ изъ терпѣнія". Юнусъ ушелъ и чрезъ 10 минутъ опять бѣжитъ весь запыхавшись, обливаясь по́томъ... „Шамиль проситъ по крайней мѣрѣ отогнать всѣхъ мусульманъ, чтобы они не видѣли, какъ онъ будетъ выходить". Я поскакалъ опять къ князю передать эту просьбу и, получивъ разрѣшеніе исполнить это желаніе, возвращаюсь къ барону Врангелю, который приказалъ прогнать всю милицію назадъ за войска̀. Они уходятъ съ досадой, что ихъ лишили удовольствія видѣть, какъ Имамъ войдетъ въ кругъ гяуровъ. Проходитъ еще нѣкоторое время. Тишина такая, какъ будто все вымерло, а между тѣмъ 10 тысячъ штыковъ стоятъ, притаивъ дыханіе...

Наше нетерпѣніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Будетъ штурмъ или не будетъ? Онъ, кажется, обманываетъ, тянетъ время до ночи, вѣроятно надѣется бѣжать, шептали мы между собою.

Наконецъ, въ аулѣ засуетились; между саклями показалась толпа, все съ чалмами на головахъ. Идетъ, идетъ! раздалось со всѣхъ сторонъ и всѣ взоры устремились къ аулу. Но тамъ все опять замолкло, толпа куда-то скрылась. Мы подошли еще ближе къ аулу, на пистолетный выстрѣлъ къ крайней саклѣ. Полк. Лазаревъ, Даніель-Бекъ, Исмаилъ начали кричать: „Выходите скорѣе, не будьте дѣтьми, не срамитесь малодушіемъ; вѣдь видите, что нѣтъ другаго спасенія". И опять зашевелилась толпа, и Шамиль показался изъ аула, тѣсно окруженный своими старыми, неразлучными мюридами.

Какъ будто по сигналу, вдругъ всѣ войска кругомъ аула огласили воздухъ громкимъ ура! и по всей горѣ подхватили этотъ радостно-торжественный кликъ, гуломъ разнесшійся по всей окрестности. Шамиль пришелъ въ недоумѣніе, остановился на мгновеніе, но видя, что войска стоятъ неподвижно, пошелъ дальше. Минута была торжественная; всякъ, до послѣдняго солдата и милиціонера, понималъ, что совершается событіе великой важности: кончается война, длившаяся болѣе полувѣка, война, воплощеніемъ которой былъ этотъ самый Шамиль, идущій теперь сдаваться на волю побѣдителя!

Когда я, по приказанію барона Врангеля, опять побѣжалъ впередъ доложить, что Шамиль уже среди насъ и идетъ, князь спросилъ, много ли съ нимъ людей. „Человѣкъ сорокъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы", былъ мой отвѣтъ. „Бѣгите же скорѣе назадъ и передайте барону, чтобы распорядился незамѣтно отдѣлить этихъ людей отъ Шамиля, такъ чтобы они остались сзади нашихъ войскъ". Эту деликатную операцію баронъ Врангель поручилъ полковнику Лазареву, который тутъ же и распорядился очень ловко продвинуть впередъ одинъ изъ двухъ эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ, шедшихъ за нами съ лошадьмя въ поводу, такъ что почти вся эта толпа мюридовъ очутилась между двумя эскадронами. За Шамилемъ, которому оружіе было оставлено, слѣдовалъ только его дипломатъ Юнусъ и человѣка два старыхъ, сѣдыхъ мюрида. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій, Шамиль слѣзъ съ коня и блѣдный, растерянный, озираясь по сторонамъ, остановился наконецъ въ 2—3 шагахъ предъ сидѣвшимъ на камнѣ княземъ Барятинскимъ, который окруженъ былъ всѣми почти генералами, многочисленной свитой, конвоемъ и сбѣжавшимися разноплеменными милиціонерами *).

Князь Барятинскій встрѣтилъ Шамиля слѣдующими словами: „Шамиль, ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь; те-

---

*) Сцена эта прекрасно изображена бывшимъ съ нимъ Мюнхенскимъ художникомъ Горшельтомъ въ большой картинѣ. Снимокъ съ уменьшенной фотографіи приложенъ къ этой главѣ.

перь я пріѣхалъ за тобой. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперь о тѣхъ условіяхъ уже и рѣчи нѣтъ; ты долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно тебѣ ручаюсь, это за личную безопасность твою и всего твоего семейства. Для твоего сопровожденія я назначилъ моего адъютанта полковника Тромповскаго, и онъ употребитъ все, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній и недостатковъ".

Волненіе Шамиля было такъ велико, онъ такъ растерялся, что его отвѣтъ насъ разочаровалъ. Мы ожидали чего нибудь достойнаго его ума, его трагическаго величія; но онъ силился лишь объяснить, что былъ Русскими обманутъ и потому не могъ довѣрять, что былъ вынужденъ къ осторожности (причемъ сдѣлалъ сравненіе неудобное для печати); наконецъ, что какъ и медъ, если его часто употреблять, надоѣдаетъ, такъ и все на свѣтѣ надоѣдаетъ, и ему уже надоѣли тридцать лѣтъ войны, что онъ радъ покончить все и жить теперь мирно....

Быть можетъ, онъ еще надѣялся, что его оставятъ жить гдѣ нибудь тутъ же на Кавказѣ, и потому онъ заговорилъ о надоѣвшей войнѣ, забывъ, что три дня тому назадъ писалъ: „сабля наострена, и рука готова".

Князь Барятинскій повторилъ ему вкратцѣ уже сказанное прежде, что условій никакихъ, а все зависитъ отъ милосердія Государя. Затѣмъ, поручивъ графу Евдокимову Шамиля, князь, сильно страдавшій припадками подагры (въ тотъ день онъ вынужденъ былъ принять усиленныя дозы Colchicum), уѣхалъ съ Гуниба въ Кегерскій лагерь. Съ графомъ Евдокимовымъ князь приказалъ остаться своему адъютанту графу Орлову-Давыдову и мнѣ. Для охраны семейства и имущества Шамиля въ аулъ Гунибъ былъ введенъ баталіонъ. Наше путешествіе съ Шамилемъ длилось долго. Онъ останавливался дѣлать намазъ; ѣхали вообще очень тихо, особенно когда стемнѣло; дорога была обыкновенная, горная, узкая; кое-гдѣ только въ одинъ конь пробирались мы, зорко слѣдя за нашимъ знаменитымъ плѣнникомъ, чтобы что-нибудь не случилось съ нимъ (его могъ какой-нибудь мститель-го-

рецъ застрѣлить). Мы стали приближаться къ лагерю уже поздно ночью. Для Шамиля была приготовлена особая палатка, устланная коврами. Князь Александръ Ивановичъ прислалъ ему прекрасную медвѣжью шубу. Вся прислуга князя бросилась туда съ чаемъ и другими угощеніями, такъ что Александръ Ивановичъ долго не могъ дозваться своихъ людей.

Назначенный къ Шамилю въ качествѣ переводчика Алибекъ Пензулаевъ, подполковникъ изъ Кумыковъ, оказывалъ ему знаки самаго почтительнаго вниманія, утѣшалъ и успокаивалъ его на счетъ будущаго. Шамиль былъ увѣренъ, что его обманываютъ, что его вѣроятно казнятъ; но пріемъ въ лагерѣ и увѣреніе Алибека его видимо успокоили: онъ написалъ записку къ своему семейству, чтобы объ немъ не безпокоились и на другой день пріѣзжали къ нему.

26 Августа, въ день коронаціи, было отслужено молебствіе. При пушечной пальбѣ и восторженныхъ кликахъ войскъ, главнокомандующій благодарилъ ихъ за вчерашній подвигъ, за всю службу, увѣнчавшуюся такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Въ приказѣ по арміи важное событіе было возвѣщено лаконически: „Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну. Поздравляю Кавказскую армію“. А къ Государю отправлена съ подполковникомъ Граббе депеша, такъ кстати подоспѣвшая къ тезоименитству 30 Августа.

27 числа, Шамиля, конвоируемаго баталіономъ пѣхоты и дивизіономъ драгунъ, отправили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ семейство его было оставлено, а онъ съ старшимъ сыномъ увезенъ въ Петербургъ. Послѣ отъѣзда съ Гуниба, Шамиль видимо успокоился и былъ въ хорошемъ расположеніи духа. По пути многіе мирные туземцы цѣловали ему руки, а женщины плакали. Такимъ ореоломъ пользовался онъ—представитель Ислама, борющагося противъ невѣрныхъ, и чѣмъ дальше отъ сцены его дѣйствій, тѣмъ больше было обаяніе. Это и понятно: тамъ, въ горахъ, тяжесть войны и гнетъ терористическаго правленія довели населеніе до отчаянія и озлобленія; а здѣсь, среди мирныхъ туземцевъ, не несшихъ тягостей и даже извлекавшихъ выгоды изъ войны: выгоды не только матеріальныя, но и политическія,—ибо мы по обстоятельствамъ оставляли ихъ свободными отъ всякихъ

повинностей, налоговъ и вообще сквозь пальцы смотрѣли на всѣ ихъ дѣйствія...

Сопровождавшій Шамиля покойный Тромповскій писалъ князю уморительныя Нѣмецкія письма съ дороги, разсказывая всякія подробности о путешествіи знаменитаго плѣнника. Въ Кутиши, въ домѣ полков. Лазарева, Шамиль увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Государя и хотѣлъ его поцѣловать, но не могъ достать. Въ Дженгутаѣ, послѣ неосторожной ѣды, онъ жаловался на боль въ животѣ; всѣ жители тотчасъ заподозрили насъ въ отравленіи Имама.... Онъ однако принялъ отъ нашего доктора какія-то капли и боль вскорѣ прошла. Въ Кумтуръ-Кале выѣхало на встрѣчу поѣзда изъ Петровска много любопытныхъ, особенно дамъ; онѣ угощали Шамиля чаемъ и сладостями; онъ былъ весьма любезенъ, а при прощаніи просилъ подарить ему зонтикъ, который онъ забылъ захватить съ Гуниба; дамскаго зонтика не принялъ, хотя разсыпался въ благодарностяхъ. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ пришлось всѣхъ, съ Шамиля начиная, одѣть и обуть; онъ очень заботился о своемъ туалетѣ и пожелалъ имѣть непремѣнно бѣлую черкеску; съ удовольствіемъ принималъ посѣщенія дамъ, сталъ рѣже дѣлать намазъ.... Когда же усѣлись въ дормёзъ для дальнѣйшаго путешествія въ Москву, то выразилъ большое удовольствіе экипажемъ, а когда Тромповскій сказалъ, что этотъ экипажъ уже давно стоялъ въ его ожиданіи, онъ разсмѣялся....

28 числа главнокомандующій выѣхалъ изъ отряда чрезъ Ходжалъ-Махи въ Кутиши, гдѣ и ночевалъ у полковника Лазарева, а 29 чрезъ Акушу въ Дешлагаръ и Дербентъ, почтовымъ трактомъ въ Тифлисъ. Вездѣ на пути князя встрѣчали депутаціи съ поздравленіями, адресами, торжествомъ, а 5-го Сентября въ Тифлисѣ встрѣча была дѣйствительно достойная великаго дѣла, совершеннаго княземъ Барятинскимъ. У временныхъ тріумфальныхъ воротъ на Авлабарѣ толпились массы народа, городской голова произнесъ рѣчь, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ усыпàли путь цвѣтами, восторженное ура, звуки зурны, колокольный трезвонъ сливались съ гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Метехскаго замка. Прекрасная погода, яркое южное солнце, блестящая каваль-

када,—все было въ высшей степени эфектно. Признаюсь, самъ участвуя въ этомъ въѣздѣ, я испытывалъ трудно передаваемое чувство удовлетвореннаго честолюбія. Что же долженъ былъ чувствовать самъ виновникъ торжества?... *) Вообще, едва ли гдѣ нибудь можно устроивать такія блистательныя торжества, какъ въ Тифлисѣ: мѣстность, разнообразіе племенъ, ихъ нарядовъ, вооруженія и проч., все это ничѣмъ незамѣнимо. Вечеромъ была прекрасная иллюминація; всѣ горы кругомъ были усѣяны огнями въ видѣ звѣздъ и т. п., а въ театрѣ было представленіе galà: взвилась занавѣсь, и глазамъ представилась картина, изображавшая женщину въ видѣ славы, съ вензелями имени князя Барятинскаго по бокамъ. При входѣ виновника торжества въ ложу, раздался оглушительный кликъ ура всей поднявшейся съ мѣстъ публики. Нѣтъ сомнѣнія, эта была одна изъ лучшихъ минутъ въ жизни князя...

На слѣдующій день Грузинское дворянство давало въ честь князя балъ въ саду Муштаида. Ярко освѣщенныя площадки и аллеи виноградныхъ лозъ блистали множествомъ прекраснѣйшихъ женщинъ и блестящихъ военныхъ мундировъ, оживленіе было чрезвычайное; все толпилось кругомъ князя Александра Ивановича, желая выказать ему свое высокое уваженіе, можно сказать, удивленіе къ совершенному подвигу. Не слѣдуетъ забывать, что не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ никто и не допускалъ возможности такихъ успѣховъ....

А виновникъ всѣхъ этихъ торжествъ, какъ на зло, именно въ эти минуты терзался сильнѣйшими припадками подагры и съ напряженіемъ всей силы воли старался скрыть ихъ предъ ликующей толпой.... На другой день послѣ бала онъ вынужденъ былъ слечь въ постель, которая и приковала его болѣе чѣмъ на два мѣсяца.

Государь, получивъ депешу о плѣнѣ Шамиля и отправкѣ его въ Петербургъ, пожаловалъ князю Барятинскому

*) Кахетинское дворянство въ знакъ особой признательности поднесло князю въ подарокъ ружье царя Ираклія, съ которымъ онъ не разлучался во всѣхъ своихъ походахъ противъ многочисленныхъ враговъ Грузіи. Ружье хранилось въ семьѣ князей Абхазовыхъ и береглось ими какъ святыня. А. З.

орденъ Андрея Первозваннаго съ мечами, при слѣдующемъ рескриптѣ:

8 Сентября 1859 года.

Отличною воинскою распорядительностью вашею даровано окончательное замиреніе Восточной части Кавказа. Доблестныя войска предводительствуемой вами арміи, сосредоточенныя подъ непосредственнымъ распоряженіемъ вашимъ въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ, совершили покореніе всѣхъ враждебныхъ намъ издавна горскихъ племенъ отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги. Главный виновникъ и вождь въ долговременной ожесточенной борьбѣ противъ насъ мюридизма, Шамиль, окруженный въ укрѣпленномъ Гунибѣ войсками, подъ личнымъ вашимъ начальствомъ состоявшими, взятъ съ боя въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами его. Отнынѣ предстоитъ вамъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными нашими гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія. Желая почтить совершенный вами славный подвигъ и изъявить полную душевную нашу къ вамъ признательность, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего Святаго Апостола Андрея Первозваннаго съ мечами, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію нашею навсегда неизмѣнно благосклонны и искренно доброжелательны“.

Грузинское дворянство, вмѣстѣ съ адресомъ князю Барятинскому, обратилось чрезъ Кавказскій Комитетъ къ Государю съ просьбою учредить въ память 25-го Августа въ Тифлисѣ годовой праздникъ и соорудить тріумфальную арку съ надписью: „Покорителю Восточнаго Кавказа благодарная Грузія“. Деньги должны были быть представлены дворянствомъ.

Вслѣдствіе этого предсѣдатель Кавказскаго Комитета, князь Орловъ сообщилъ генералъ-адъютанту князю Обельяну (15 Февраля 1860, № 246), что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, на означенное ходатайство дворянства изъявилъ свое согласіе, съ тѣмъ, чтобы 25-е Авгу-

ста считалось праздничнымъ днемъ только во всемъ Кавказскомъ краѣ. О внесеніи 25-го Августа въ число табельныхъ дней, для повсемѣстнаго празднованія во всемъ Кавказскомъ краѣ, сообщено министру юстиціи для предложенія Правительствующему Сенату *).

Былъ открытъ комитетъ изъ генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянсгва и городскаго головы; возникло по обыкновенію дѣло, переписка и проч.

Въ 1861 году, во время отсутствія больнаго князя Барятинскаго за границу, комитетъ этотъ съ большимъ торжествомъ праздновалъ 25-е Августа и 4 Октября послалъ князю слѣдующій отзывъ.

Ваше сіятельство князь Александръ Ивановичъ.

25-го минувшаго Августа происходило въ Тифлисѣ празднество двухлѣтія, совершившагося послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, съ которымъ связано доблестное имя вашего сіятельства. Представители всѣхъ сословій края уже выразили чувства глубочайшей признательности къ великому подвигу желаніемъ соорудить въ Тифлисѣ постоянную тріумфальную арку, дабы увѣковѣчить память сего событія для грядущихъ поколѣній, сознавая конечно, что если произведеніе рукъ человѣческихъ подвержено могучему вліянію времени, то исторія, записавшая подвиги ваши на Кавказѣ, обезсмертитъ ваши дѣянія.

Имѣя высокую честь быть исполнителями воли народной, мы, какъ члены комитета для сооруженія тріумфальной арки, воспользовались днемъ 25 Августа, чтобы въ фотографическомъ снимкѣ сохранить картину торжества, происходившаго въ отсутствіи вашего сіятельства; оно было тѣмъ знаменательнѣе, что совершалось въ первый разъ у подножія Тифлисскаго арсенала, какъ бы напоминавшаго, что Кавказская армія отсюда снабжалась оружіемъ, громившимъ болѣе полувѣка твердыни Кавказа и наводившимъ ужасъ на враждебныя племена горъ, умиротворенныя нынѣ побѣдоносною рукою вашего сіятельства.

Проникнутый чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія о достославномъ событіи, одушевлявшемъ 25 Августа всѣ сословія Тифлиса, комитетъ для сооруженія тріумфальной арки имѣетъ честь почтительнѣйше поднести у сего вашему сіятельству помянутую картину фотографическаго снимка въ двухъ экземплярахъ, снятыхъ въ два различные момента. Подписали: за предсѣдателя генералъ-лейтенантъ Минквицъ; члены: Тифлисскій гражданскій губернаторъ К. Орловскій, Тифлисскій губернскій предво-

*) Празднуется ли этотъ день и до сихъ поръ на Кавказѣ? А. З.

дитель дворянства, гвардіи ротмистръ флигель-адъютантъ князь Орбеліани, за городскаго голову Е. Придоновъ".

Прошло семь лѣтъ, и Тифлисскій архивъ гражданскаго управленія обогатился двумя оффиціальными бумагами, изъ коихъ первая есть представленіе гражданскаго губернатора отъ 1-го Іюня 1867 г. № 29, начальнику главнаго управленія намѣстника Кавказскаго. Изъ этой бумаги явствуетъ, что комитетъ по сооруженію арки объявлялъ конкурсъ на представленіе ему проектовъ и изъ числа нѣсколькихъ избралъ проектъ архитектора Пакасевича. Между тѣмъ сперва между Грузинскимъ дворянствомъ, а послѣ и по всему Кавказу открыта была подписка на сооруженіе тріумфальной арки, и собрано было 4.349 рублей. Комитетъ заключилъ контрактъ съ архитекторомъ Райсомъ, объявившимъ цѣну за сооруженіе тріумфальной арки въ 28 т. р. и представившимъ требовавшійся на то залогъ. Для выдачи подрядчику Райсу задаточныхъ денегъ въ количествѣ пяти тысячъ рублей, комитетъ, не имѣя достаточно денегъ, обращался къ гражданскому губернатору съ просьбою выдать въ ссуду изъ суммъ намѣстника одну тысячу рублей, что̀ и было исполнено, съ требованіемъ возмѣщенія этихъ денегъ изъ суммъ, предполагавшихся къ поступленію по подпискѣ. Этимъ закончились дѣйствія комитета, и только по избраніи д. с. совѣтника Кипіани *) въ должность губернскаго предводителя дворянства, онъ составилъ записку, въ которой между прочимъ, объясняя непоступленіе денегъ по подпискѣ, предлагалъ 4 тысячи рублей, собранные на это сооруженіе, присоединить къ капиталу отдѣляемому дворянствомъ съ воспитательною цѣлью и изъ приращеній учредить двѣ стипендіи имени генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго.

Вторая бумага Тифлискаго архива есть отзывъ начальника главнаго управленія барона Николаи отъ 17-го Августа 1867 года, № 5.408-й, Тифлискому гражданскому губернатору.

---

*) Г. Кипіани не пользовался расположеніемъ кн. Барятинскаго, особенно по его дѣйствіямъ въ устройствѣ Мингреліи. Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ будетъ изложено подробнѣе. А. З.

„Содержаніе отношенія вашего превосходительства отъ 1-го прошлаго Іюля за № 29 по сооруженію тріумфальной арки въ память покоренія Восточнаго Кавказа, я имѣлъ честь докладывать Великому Князю Намѣстнику, и Его Императорское Высочество, согласно предложенію вашему, изволилъ приказать существующій по этому комитетъ закрыть, предоставя Тифлискому дворянству привести въ исполненіе это предложеніе собственными средствами“.

Въ оффиціальныхъ бумагахъ уже не писали объ аркѣ „въ честь покорителя Восточнаго Кавказа“, а „въ память покоренія“.

На свѣтѣ все измѣнчиво. Забывчивое равнодушіе къ заслугамъ, внезапные порывы и вскорѣ совершенное охлажденіе—явленія по преимуществу свойственныя Россіи...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Отношеніе князя А. И. Барятинскаго военному министру отъ 27 Августа 1859 года. № 465. Главная квартира близъ аула Кегеръ.

Вчера я отправилъ въ Симферополь для передачи въ Петербургъ телеграфическую депешу о взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля.

Итакъ мюридизму нанесенъ послѣдній ударъ. Судьба Восточнаго Кавказа рѣшена окончательно. Послѣ 50-ти лѣтъ кровавой борьбы насталъ въ этой странѣ день мира.

Изъ предыдущаго отзыва моего, отъ 22 Августа № 379, вашему высокопревосходительству извѣстно, что я приказалъ прекратить безплодные переговоры съ Шамилемъ и приступить къ овладѣнію Гунибомъ.

Войска кругомъ Гуниба были расположены слѣдующимъ образомъ: на восточномъ фасѣ два баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, съ 4-мя горными орудіями, подъ командою командира этого полка полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ другіе два баталіона Ширванскаго полка, 1-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, одинъ баталіонъ Самурскаго полка, 5-ть сотенъ конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни конной милиціи, подъ начальствомъ г.-м. князя Тарханъ-Моуравова; на южномъ два баталіона Апшеронскаго полка, два батальона Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый батальонъ, подъ командою командира Апшеронскаго полка полковника Тергукасова; на западномъ фасѣ два батальона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ командира сего полка полковника Радецкаго.

Расположеніе это показано на прилагаемомъ планѣ Гуниба.

Командованіе означенными передовыми войсками и непосредственныя распоряженія инженерными работами я поручилъ генералъ-маіору Кесслеру, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля.

Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Кесслеръ, осмотрѣвъ подробно мѣстность, приступилъ къ заготовленію туровъ, фашинъ, лѣстницъ, крючьевъ и другихъ принадлежностей для осады и штурма.

Осмотръ доступовъ на вершину горы обнаружилъ, что восточный скатъ ея, хотя слабѣйшій и доступнѣйшій по природнымъ условіямъ, представляетъ однакоже едва ли не самыя большія препятствія, потому что пути по немъ затруднены чрезвычайно крѣпкими искусственными преградами и бдительно охранялись большею частію Гунибскаго гарнизона. По этой причинѣ имѣлось въ виду предпринять рѣшительныя дѣйствія съ этого фаса только въ крайнемъ случаѣ, предпочитая имъ, если представится къ тому возможность, нападеніе съ котораго нибудь изъ остальныхъ 3-хъ фасовъ; а для отвлеченія вниманія осажденныхъ и чтобы заставить непріятеля быть въ постоянномъ ожиданіи рѣшительнаго наступленія нашего съ восточнаго фаса, приказано было полковнику Кононовичу постепенно подвигаться впередъ къ заваламъ этого фаса съ помощью осадныхъ работъ, производство которыхъ поручено инженеръ-капитану Фалькенгагену.

Въ ночь на 24-е число стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ непріятеля, выдвинулись впередъ и расположились не въ дальнемъ разстояніи отъ заваловъ за камнями, помѣстивъ резервъ въ строеніяхъ брошеннаго непріятельскаго хутора.

Въ теченіе 24-го числа генералъ-маіоръ Кесслеръ объѣхалъ войска сѣвернаго фаса и сдѣлалъ распоряженія къ занятію въ слѣдующую ночь пунктовъ близъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Въ этомъ же смыслѣ отданы приказанія и войскамъ южнаго и западнаго фасовъ.

Предъ разсвѣтомъ 25 числа, по распоряженію начальника войскъ южнаго фаса полковника Тергукасова, командиръ 1-го баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Егоровъ, подойдя къ скалистому обрыву и видя, что непріятель не замѣтилъ его движенія по причинѣ густаго тумана, рѣшился воспользоваться удобнымъ моментомъ повести баталіонъ далѣе на вершину горы. Мѣстность, заранѣе осмотрѣнная охотниками, представляла въ этомъ пунктѣ такія большія препятствія для нападенія, что осажденные, считая ее вѣроятно недоступною для насъ, содержали здѣсь только незначительный караулъ. Передъ нападающими какъ стѣны возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ крутыхъ обрыва, каждый отъ 8 до 10 саженей высоты, только въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною.

130 охотниковъ, предводимыхъ капитаномъ Скворцовымъ и прапорщикомъ Кушнеревымъ, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, въ совершенной тишинѣ вскарабкались на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ втораго; вслѣдъ за ними дви-

нулся и баталіонъ, оставя стрѣлковую роту внизу на мѣстахъ, удобныхъ для обстрѣливанія верхнихъ уступовъ. Не останавливаясь на первой террасѣ, охотники, а за ними и баталіонъ, уже подъ огнемъ замѣтившаго ихъ непріятеля, съ помощію лѣстницъ и веревокъ взошли на вторую террасу и вслѣдъ затѣмъ на верхнюю плоскость Гуниба, гдѣ къ 6-ти часамъ утра собрался уже весь баталіонъ. Между тѣмъ охотники окружили непріятеля въ примкнутыхъ къ скаламъ завалахъ; 7 человѣкъ захватили въ плѣнъ, 15 убиты на мѣстѣ (въ числѣ убитыхъ находятся и три бывшія вооруженными женщины), а остальные скрылись, пользуясь туманомъ.

Вскорѣ затѣмъ подошли сюда еще двѣ роты 4-го баталіона того же полка, и тогда полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому селенію Гунибъ, находившемуся оттуда еще верстахъ въ 8-ми, и на дорогѣ соединился съ 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, который, имѣя въ головѣ охотниковъ подъ командою подпоручика Теріева, въ тоже время овладѣлъ съ боя крѣпкими непріятельскими завалами, правѣе занятыхъ Апшеронцами.

Одновременно и войска сѣвернаго фаса (верстахъ въ 15-ти отъ Апшеронцевъ) подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, съ такими же трудностями и съ такимъ же блистательнымъ мужествомъ поднялись на Гунибъ съ противоположной сѣверной покатости. Взойдя на высоты, князь Тарханъ-Моуравовъ направилъ шедшую въ головѣ стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подпоручика Микеладзе, и сотню конно-иррегулярнаго полка съ есауломъ Джафаръ-агою, а вслѣдъ за ними и весь гренадерскій баталіонъ подъ командою подполковника Габаева къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ устроенныхъ на восточномъ скатѣ укрѣпленій, а послѣ въ обходъ аула.

Озадачные появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать отъ стѣнъ южнаго фаса вверхъ, преслѣдуемые съ низу выстрѣлами Ширванскихъ стрѣлковъ. Большая часть мюридовъ, въ томъ числѣ и самъ Шамиль съ сыновьями, бѣжали къ селенію Гунибъ и засѣли по саклямъ. Вслѣдъ за бѣгущими отъ стѣнъ мюридами полковникъ Кононовичъ двинулъ быстро вверхъ 1-й и 2-й Ширванскіе баталіоны съ 4-мя горными орудіями, а полковникъ Радецкій поднялся въ это время съ большимъ трудомъ съ западной стороны.

Между тѣмъ партія мюридовъ челов. до 100, изъ числа бѣжавшихъ въ разсыпную отъ укрѣпленій, отрѣзанная отъ аула, собралась на лѣсистомъ холмѣ, въ лѣво отъ ведущей къ аулу дороги и тамъ, засѣвши за камнями, открыла частую пальбу по подымавшимся снизу ротамъ Ширванскаго полка. Одна и вслѣдъ за нею другая рота этого полка были направлены, чтобъ выбить мюридовъ изъ-за камней.

Горцы, не видя никакого спасенія, выхватили шашки и кинжалы и бросились на встрѣчу Ширванцамъ; тутъ завязалась хотя непродолжительная, но жаркая и кровавая рукопашная схватка; сброшенные съ холма мюриды кинулись на стоявшій внизу у непріятельскаго орудія караулъ

нашъ, но преслѣдуемые съ тылу были отброшены внизъ къ небольшому ручью, гдѣ окружены со всѣхъ сторонъ и истреблены всѣ безъ исключенія.

Когда такимъ образомъ войска съ разныхъ сторонъ устремились къ аулу, генералъ-маіоръ Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе мое употребить всѣ усилія, чтобы Шамиль достался намъ живымъ въ руки, остановилъ натискъ войскъ, уже готовыхъ ворваться въ Гунибъ, и расположилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы преградить защищавшимся въ аулѣ мюридамъ всѣ пути къ отступленію.

Въ это время я лично прибылъ вмѣстѣ съ командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ на мѣсто боя и приказалъ остановить перестрѣлку съ засѣвшими въ Гунибѣ мюридами, предложивъ имъ сдаться, не подвергая напрасно аула (въ которомъ было много женщинъ и дѣтей) всѣмъ ужасамъ штурма. Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя аулъ окруженный густою цѣпью войскъ, готовыхъ ворваться въ него, рѣшился сдаться. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ мюридовъ онъ тутъ же явился ко мнѣ, повергая безусловно свою судьбу милосердію Государя Императора. Я приказалъ отвести его въ лагерь главной квартиры. На другой день прибыли сюда же два его сына и все семейство.

При овладѣніи Гунибомъ взято четыре орудія, одно крѣпостное ружье и Шамилевская сѣкира; въ плѣнъ захвачено около ста мюридовъ, и такое же число убито. Потеря съ нашей стороны заключается: въ 19 нижнихъ чинахъ и двухъ милиціонерахъ убитыхъ, 7 офицерахъ, 114 нижнихъ чинахъ и 7-ми милиціонерахъ раненыхъ. Контуженныхъ 2 офицера и 19 нижнихъ чиновъ.

Геройскій подвигъ овладѣнія Гунибомъ блистательно закончилъ рядъ безпримѣрныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднее время славными войсками Его Императорскаго Величества, которыми я имѣю счастіе командовать. Я не нахожу достаточно словъ, чтобы достойно оцѣнить заслуги всѣхъ чиновъ отъ генерала до солдата. Они всѣ исполнили свой долгъ съ мужествомъ и самоотверженіемъ, ставящими ихъ выше всякой похвалы.

Теперь еще разъ могу повторить: полувѣковая война на Восточномъ Кавказѣ окончена; народы, населяющіе страну отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги, пали къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

Я сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ во всѣхъ новопокоренныхъ обществахъ нашего управленія и 28-го числа возвращаюсь въ Тифлисъ.

Съ сердечнымъ счастіемъ поспѣшаю сообщить обо всемъ этомъ вашему высокопревосходительству, для всеподданнѣйшаго доклада Его Императорскому Величеству.

Б. Письмо Великаго Князя Константина Николаевича.

Позволь отъ души обнять тебя, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, послѣ ряда подвиговъ, исполненныхъ тобою въ теченіе этого лѣта, не только славныхъ сами по себѣ, но, главное, по тѣмъ огромнымъ и прочнымъ послѣдствіямъ, которыя они будутъ имѣть и которыя ты съумѣешь изъ нихъ вывести. Ты уже составилъ тѣмъ твоему имени такое мѣсто въ нашей исторіи, которое ничто у тебя не отниметъ. Радуюсь, что ты получишь это письмецо именно въ Николаевѣ, гдѣ мы въ первый разъ съ тобой поближе сошлись, гдѣ я узналъ и научился цѣнить тебя. Нѣкоторые разговоры, которые мы тогда съ тобою тамъ имѣли, никогда не изгладятся изъ моей памяти. Я убѣжденъ, что ты увѣренъ, что никто болѣе меня не радовался твоему счастію и не гордился твоею славою.

Вчера былъ у насъ обычный Кавказскій Комитетъ, весьма сухой и неинтересный, потому что кромѣ обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ тамъ почти что ничего не бываетъ. Съ нетерпѣніемъ жду, когда придетъ твое представленіе объ окончательномъ устройствѣ Общества для распространенія христіанской вѣры. Зная, какъ это дѣло тебѣ близко къ сердцу и какую огромную пользу ты съумѣешь изъ него вывести, я буду его поддерживать всѣми силами.

Впрочемъ у насъ все тихо и спокойно, и ничего особаго нѣтъ. По морской части внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о новомъ учрежденіи министерства и портовъ, которое есть плодъ пятилѣтней постоянной работы. Вообще все идетъ по этой части помаленьку впередъ къ извѣстной цѣли. Иное идетъ хорошо и легко, другое встрѣчаетъ большія или меньшія препятствія. Но безъ борьбы ничего достигнуть нельзя, и я отъ нея не отказываюсь.

Ну, прощай, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Обнимаю тебя еще разъ отъ души и отъ всего сердца желаю продолженія нашей дружбы.

22 Сентября 1859 г. Стрѣльна.

В. Письмо князя Барятинскаго Великому Князю Константину Николаевичу.

2 Ноября 1859 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество.

Письмо Вашего Высочества, отъ 22-го Сентября, доставило мнѣ невыразимое счастіе. Я не могу найти достаточно словъ, чтобы высказать чувства моей искренней, душевной благодарности за такое вниманіе къ моимъ трудамъ, какимъ Ваше Высочество удостоиваете меня. Дѣйствительно, Всевышнему угодно было благословить оружіе храброй Кавказской арміи; усилія наши увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и великія предначертанія Государя Императора приведены въ исполненіе. Счастливый достиженіемъ такихъ результатовъ, я вознагражденъ уже свыше мѣры Его Величествомъ; но милостивыя слова Вашего Высочества составляютъ для меня новую и драгоцѣнную награду.

Воспоминанія о Николаевѣ, въ которомъ я имѣлъ счастіе снискать особое расположеніе Вашего Высочества, запечатлѣны неизгладимо въ моей душѣ; но, къ сожалѣнію, письмо ваше я получилъ не тамъ, а въ Тифлисѣ, гдѣ послѣ возвращенія изъ Дагестана упорная болѣзнь приковала меня къ постели.

Благочестивое участіе ваше въ дѣлѣ учрежденія Общества возстановленія христіанской вѣры совершенно необходимо для осуществленія столь важнаго предположенія. При могущественномъ содѣйствіи Вашемъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, окончится успѣшно. На этихъ дняхъ я представляю его въ Кавказскій Комитетъ и съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать результата. Это дѣло въ настоящее время пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія мы теперь свободнѣе можемъ вносить слово Христа въ неприступныя доселѣ горы, незащищаемыя уже болѣе изувѣрствомъ фанатиковъ; а нѣсколько сотъ бѣглыхъ солдатъ-ренегатовъ, теперь раскаявшихся и водворенныхъ мною въ горахъ, принесутъ своимъ вліяніемъ и знаніемъ языка большую пользу.

Искренно радуюсь, что труды Вашего Высочества по морской части приносятъ благотворные плоды. Чѣмъ болѣе борьбы въ достиженіи цѣли' тѣмъ, безъ сомнѣнія, болѣе заслуги для виновника ея достиженія, и такія заслуги, какъ ваши, на такомъ важномъ поприщѣ государственной дѣятельности, достойно оцѣнятся Отечествомъ.

Около половины Декабря, если здоровье мнѣ позволитъ, надѣюсь выѣхать отсюда въ Петербургъ для разрѣшенія нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ, до устройства Кавказа относящихся. Тогда я буду имѣть счастіе лично вновь принести Вашему Высочеству безпредѣльную мою благодарность за лестное и дорогое вниманіе ваше.

Г. Письмо А. В. Головнина къ князю А. И. Барятинскому. (съ Французскаго).

Царское Село, 21 Сентября 1859 г.

Только что возвратились мы съ Великимъ Княземъ изъ Англіи, какъ пришли извѣстія о блестящихъ успѣхахъ, одержанныхъ вами на Кавказѣ. Отъ всего сердца поздравляю васъ, и позвольте выразить вамъ, что всѣ истинные потріоты, съ которыми я говорилъ объ этихъ успѣхахъ, глубоко вамъ благодарны за Россію. Вы начертали ваше имя въ исторіи крупными буквами и прибавили блестящую страницу къ исторіи царствованія Императора. Разумѣется, онъ *поздравляетъ себя* съ тѣмъ, что выбралъ васъ своимъ намѣстникомъ. Беру на себя смѣлость напомнить вамъ о письмѣ, которое я написалъ вамъ изъ Парижа, получивъ извѣстіе о вашемъ назначеніи. Думаю, что я предвидѣлъ то благо, которое оно принесетъ Россіи и ту славу, которая прибавится къ настоящему царствованію. Чтò болѣе всего наполняетъ удивленіемъ, это то, что, одерживая блестящія побѣды на полѣ сраженія, намѣстникъ Кавказа занимался своимъ гражданскимъ управленіемъ; я съ глубокимъ вниманіемъ читалъ въ Палермо уставъ, который вы прислали Великому Князю относительно учрежденія внутренней администраціи страны.

Большое путешествіе Великаго Князя въ Іерусалимъ, Грецію и въ Турцію было очень интересно, но не на столько полезно, какъ этого ожидали, въ особенности если подумать обо всѣхъ расходахъ, которые оно причинило Россіи, Греціи, Турціи и Греческому духовенству. Мы получили уполномочіе посѣтить эти страны за нѣсколько дней до отъѣзда, чтó дѣлало невозможнымъ предварительное изученіе, серьезное чтеніе и т. д. Мы оставались въ Палестинѣ всего 10 дней, въ Греціи 10 и въ Турціи 10, чтò едва достаточно, чтобы имѣть понятіе объ этихъ странахъ, но чтобы ихъ изучить слишкомъ мало. Мы посѣтили эти мѣста, когда сезонъ уже былъ въ концѣ и жары становились невыносимыми, чтó уменьшало также возможность посвятить время изученію. Вотъ почему это путешествіе, стоющее такъ дорого, не принесло результатовъ, какихъ можно было бы ожидать. Надо отдать справедливость необыкновеннымъ способностямъ Великаго Князя и его памяти: имѣя слишкомъ мало времени, чтобы читать о странахъ, которыя онъ обозрѣвалъ, онъ много наблюдалъ и многое удержалъ въ памяти.

Послѣ короткаго пребыванія въ Петербургѣ, мы уѣхали въ Англію. Это новое путешествіе, продолжавшееся всего шесть недѣль, было очень полезно. Великій Князь ѣхалъ въ Англію на «Свѣтланѣ“, фрегатѣ, построенномъ по новой системѣ во Франціи и возвратился на прекрасномъ фрегатѣ „Генералъ-Адмиралъ“, построенномъ въ Америкѣ. Проведя по восьми дней на каждомъ изъ нихъ, онъ подробно ихъ изучилъ. Морскія ванны принесли ему пользу. Онъ два раза обѣдалъ въ Осборнѣ

у королевы, гдѣ былъ принятъ очень привѣтливо, и самъ убѣдился, что донесенія нашихъ дипломатовъ относительно нерасположенія Англичанъ къ намъ по меньшей мѣрѣ преувеличены, такъ какъ Англійскій народъ повсюду встрѣчалъ Великаго Князя съ большимъ уваженіемъ. Его Высочество отправился въ Лондонъ осмотрѣть броненосные фрегаты, которые строитъ Англійское правительство и никому не показываетъ. Онъ провелъ четыре часа въ Англійскомъ банкѣ, который ему показали въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ кладовыхъ банка мы видѣли наши полуимперіалы на сумму 18 милліоновъ рублей, что́ меня крайне опечалило.

Я отъ того говорю вамъ съ такою откровенностью о Великомъ Князѣ, что знаю ту истинную дружбу, которую вы къ нему питаете, и вотъ почему я хочу, чтобы вы знали, что, несмотря на полученное мною повышеніе въ званіе государственнаго секретаря, я не покидаю Великаго Князя, но занимаюсь съ нимъ лишь серьезными дѣлами, свободный отъ массы мелкихъ канцелярскихъ дѣлъ, отнимавшихъ у меня ежедневно нѣсколько часовъ.

Возвратясь въ Петербургъ въ началѣ этого мѣсяца, мы нашли много утѣшительнаго во внутреннемъ управленіи: цѣлая система финансовыхъ мѣръ, придуманныхъ Рейтерномъ, утверждена Императоромъ; работы по освобожденію крестьянъ подвигаются, и надо отдать справедливость комитетамъ Ростовцова, которые занимаются дѣломъ очень добросовѣстно.

Д. Письмо графа П. Д. Киселева къ князю Барятинскому (съ Французскаго).

Парижъ, (28 Октября) 9 Ноября 1859 г.

Князь Горчаковъ передалъ мнѣ карту Кавказа съ описаніемъ восточнаго берега Чернаго моря. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность за эту присылку, дополняющую всѣ мои данныя о странѣ, которую вы упрочили за Имперіею. Искренно поздравляю васъ съ этимъ успѣхомъ; я давно предугадывалъ подобный результатъ, котораго ваша неуклонная твердость во всѣхъ отношеніяхъ заслужила. Желаю, чтобы ваша славная карьера съ такимъ же успѣхомъ шла впередъ во имя чести нашего оружія и славы нашего возлюбленнаго Монарха. Мнѣ остается только прибавить, что во Франціи съ глубокимъ интересомъ слѣдили за побѣдами Кавказской арміи, и я думаю, съ большею симпатіею нежели ихъ сосѣди по ту сторону Ла-Манша. Но, что́ бы они ни говорили, побѣда очевидна, и оцѣнка ея не можетъ быть умалена.

Продолжайте, дорогой князь, пользоваться плодами вашей прекрасной побѣды, и вы прибавите къ исторіи нашего общаго Отечества еще одну блестящую страницу. Считаю себя счастливымъ, что могу воспользоваться случаемъ не для того, чтобы передать вамъ свои обычные привѣты, но чтобы выразить тѣ чувства, которыми я проникнутъ къ вамъ и которыя должны быть раздѣлены каждымъ Русскимъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА „КОРМЛЕНІЕ“.

Въ 1-ой книжкѣ «Русскаго Архива» за текущій годъ помѣщена любопытная статья Д. И. Иловайскаго «Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго». На стр. 9-ой между прочимъ сказано: «первыя дѣйствія нашихъ воеводъ противъ мятежниковъ были не всегда удачны; силы, оставленныя въ Казани и Свіяжскѣ, оказались недостаточны для укрощенія всего края. Въ Москвѣ на первое время не обратили должнаго вниманія на его трудное положеніе, и лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ Государь во время своей поѣздки по монастырямъ поручилъ «о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти» (т. е. о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани). Бояре эти «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша».

Въ этомъ случаѣ слову *кормленіе,* очевидно, приданъ современный намъ смыслъ *питанія, эксплуатаціи въ свою личную, частную пользу.* Я знаю, что г. Иловайскій далеко не первый впалъ въ эту ошибку: такъ напр. покойный профессоръ С. М. Соловьевъ такъ же понималъ это слово. Но это не вѣрно.

Кормленіе, на старинномъ языкѣ, значитъ *правленіе.* Дать кому либо городъ или область «*въ кормленіе*» значитъ поручить ему управленіе этой мѣстностью или, какъ сказали бы теперь, сдѣлать его губернаторомъ. Бояре «*начаша о кормленіяхъ сидьти*»—значитъ: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ.

Передняя часть корабля, которая даетъ *направленіе* всему судну, называется *корма* или *кормило.*

Человѣкъ *управляющій* кораблемъ называется *кормчій.*

Книга, сборникъ законовъ объ *управленіи* церковью, называется *Кормчая книга.*

Всѣ эти слова: корма, кормило, кормчій, кормчая книга, несомнѣнно одного корня со словомъ *кормленіе*; но въ нихъ очевидно нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ о *питаніи,* объ *эксплуатаціи* въ свою

личную, частную пользу, и всѣ они прямо указываютъ на понятіе объ *управленіи*.

Изъ принадлежащихъ мнѣ старинныхъ, родовыхъ грамотъ я приведу здѣсь четыре. Двѣ первыя чуть ли не самыя древнія изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, въ которыхъ встрѣчается слово *кормленіе*.

1.

Се язъ князь великій, Василей Івановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Бориса Яковлевича Голохвастова Числяки да Ордынцы съ пятномъ и со всѣми пошлинами въ кормленіе, по тому жъ какъ было за намѣстникомъ за Московскимъ за княземъ Даниломъ Васильевичемъ. И вы всѣ люди Числяки да Ордынцы чтите его и слушайте; а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего *).

(Писано на листкѣ длиною 5½, шириною 3¾ вершка. На оборотѣ вверху подпись: «Князь Великій Василей Івановичъ всеа Русіи». Въ концѣ, на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, совершенно сохранившаяся).

2.

Се язъ князь великій, Іванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Игнатья Борисовича Голохвастова городкомъ Шуею съ правдою и съ пятномъ и съ корчмою въ кормленіе. И вы всѣ люди того городка чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было преже сего. А кто по кого взведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца того города, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ ставитъ передъ Игнатьемъ или передъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Игнатьемъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Игнатьемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ князь великій велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

(Писано на листкѣ длиною въ 6¾, шириною въ 3 вершка. Въ концѣ, на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, совершенно сохранившаяся. На оборотѣ двѣ надписи; первую (очевидно подпись имени великаго князя) отъ побѣлѣвшихъ чернилъ трудно разобрать; другая очень хорошо сохранившаяся: «Городъ Шую съ правдою и съ пятномъ и съ корчмою на другой годъ отъ оспожнина лѣта ѕ̃н осмаго до оспожнина дни лѣта з̃н девятаго», и другой рукой въ строку: «А подписалъ царя и великаго князя діакъ Іванъ Выдоровъ 7056 (1548)».

*) Сохранены здѣсь и ниже только характерныя особенности въ правописаніи подлинниковъ. П. Б.

3.

Се язъ царь и великій князь Іванъ Васильевичъ, всеа Русіи, пожаловалъ есми Івана Борисовича Голохвастова Пунемою и Шубачемъ и Вещь-озеромъ подъ Григорьемъ Семеновымъ сыномъ Плещеева въ кормленіе. И вы всѣ люди тое волости чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежъ сего. А кто по кого зведетъ моего царя и великаго князя пристава, а будутъ оба исца тоё волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ ево тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ царь и великій князь велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

(Писано на листкѣ длиною въ 5¹/₄, шириною въ 3¹/₄ вершка. Наоборотѣ вверху: «царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси». Въ концѣ на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, которой уцѣлѣла только половина, съ изображеніемъ хорошо видимымъ на обѣихъ сторонахъ).

4.

Се язъ царь и великій князь, Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи, пожаловалъ есми Рахманина Борисовича Голохвастова Троецкою третью и Заозерье подъ Іваномъ подъ Замыцкимъ въ кормленіе и со всѣмъ по тому, какъ было за Іваномъ. Писанъ лѣта ҂ЗѮА Мая въ д. 7061 (1553).

(Писано на листкѣ длиною въ 4¹/₄, шириною въ 3¹/₄ вершка. На оборотѣ вверху: «царь и велики князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси». Въ концѣ, на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, вполнѣ сохранившаяся).

*

Въ первой изъ этихъ грамотъ не названъ никакой городъ, ни область, ни вообще какая-либо отдѣльная мѣстность, изъ чего слѣдуетъ, что она имѣла силу на пространствѣ всей тогдашней Россіи. Если, какъ я утверждаю, *кормленіе* значитъ *управленіе*, то смыслъ этой грамоты состоитъ въ томъ, что великій князь Василій Ивановичъ поручилъ Борису Голохвастову управленіе прямыми налогами; а въ этомъ нѣтъ ничего не только невозможнаго, но даже невѣроятнаго. Такая должность могла быть возложена только на человѣка уже заслужившаго довѣріе государя; но Борисъ Голохвастовъ такимъ до-

вѣріемъ несомнѣнно пользовался: еще въ 1509 г. онъ былъ посломъ у короля Сигизмунда, съ поклономъ отъ великаго князя и съ грамотой о порубежныхъ дѣлахъ. Въ 1515 г. онъ посланъ въ товарищахъ съ посломъ Васильемъ Коробовымъ къ Селимъ-Шахъ-Салтану въ Царь-Градъ а въ 1519 году отправленъ посломъ къ тому же Салтану. Если же признать, что г. Иловайскій вѣрно толкуетъ слово *кормленіе*, то надо допустить чудовищную мысль, что *кормленіе* одного Бориса Яковлевича Голохвастова обходилось Россіи дороже, чѣмъ Татарская дань. *Ордынцами*, какъ извѣстно, назывались тѣ, кто платилъ особый, прямой государственный налогъ, изъ совокупности котораго составлялась*) дань Золотой Ордѣ; а Борисъ Голохвастовъ получилъ въ кормленіе не только всѣхъ людей Ордынцевъ, но и всѣхъ *Числяковъ «со всьми пошлинами»*, да еще *«съ пятномъ»* (штемпельнымъ сборомъ). Похоже ли это на Москву XVI вѣка?

Сыновья Бориса Яковлевича, Игнатій, Романъ (Рахманъ) и Иванъ никогда не занимали особенно-виднаго положенія среди Московскаго служилаго люда. Въ одной изъ принадлежащихъ мнѣ грамотъ Ивана Васильевича, отъ 1546 года, Романъ названъ *Кубенскимъ волостелемъ*; Иванъ въ разныхъ походахъ показанъ стрѣлецкимъ головой, и всѣ трое поименованы по городу Ярославцу въ грамотѣ царя и в. к. Ивана Васильевича 1550 г. о поверстаніи помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, *лучшихъ слугъ*, тысячи человѣкъ, землями въ 60—70 верстахъ отъ Москвы (Древн. Р. Вивл., изд. 2, ч. VIII, стр. 29).

Если даже дѣтямъ боярскимъ, хотя бы и *лучшимъ слугамъ*, но которые все-таки считались *тысячами*, давались въ кормленіе, т. е. въ частное, личное пользованіе, такіе города, какъ Шуя и цѣлыя области со всѣми государственными доходами, *«съ правдой, съ пятномъ и съ корчмой»*, то для удовлетворенія той же потребности въ кормленіи у людей гораздо болѣе знатныхъ и властныхъ, какъ бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и пр. не хватило бы и всей Россіи, а на нужды государства и на самого царя вовсе ничего не осталось бы.

Г. Иловайскій замѣчаетъ, что кормленія раздавались служилымъ людямъ *въ награду* за услуги. Въ извѣстномъ смыслѣ, это конечно вѣрно; вѣдь и теперь, когда Государь жалуетъ кого либо министромъ, сенаторомъ, губернаторомъ и проч., онъ даетъ ему не синекуру, не средство для личнаго обогащенія, а должность, государственную службу; но это дается не кому попало, а только тѣмъ, кто прежней службою уже доказалъ свои способности и усердіе, т. е. заслужилъ такое пожалованіе. Такъ было и въ XVI вѣкѣ, хотя въ ту пору государственная служба была пожизненно обязательна для каждаго дворянина.

---

*) Т. е. нѣкогда, ибо въ XVI вѣкѣ этой дани уже не было. П. Б.

Въ нашемъ современномъ, разговорномъ и литературномъ языкѣ есть много очень обыкновенныхъ, употребительныхъ словъ, которыя существовали и пять-шесть вѣковъ тому назадъ, но имѣли тогда совершенно другой смыслъ. Такихъ словъ, не говоря о другихъ источникахъ, по одному Славянскому тексту Евангелія легко насчитать до полусотни. Укажу здѣсь на нѣсколько примѣровъ.

1. *Воръ.* Теперь воромъ можно назвать только виновнаго въ кражѣ; болѣе важный преступникъ, напр. убійца, если онъ ничего не укралъ, все-таки не воръ. Въ старину виновный въ кражѣ назывался *тать*, а *воръ*—значило преступникъ; поэтому всякій убійца, измѣнникъ—воръ; кн. Курбскій—воръ; самозванецъ Тушинскій—воръ.

2. *Отказъ*, *отказать* не значило какъ теперь *refuser*, *ausschlagen*, а значило *отвѣчать*, *дать отвѣтъ*. Такъ напр. в. к. Иванъ Васильевичъ III приказалъ послу своему кн. С. И. Ряполовскому молвити князю Александру Литовскому: «Іоаннъ, Божіею милостію государь всеа Руси и великій князь, тебѣ великому князю Александру, брату своему и зятю, велѣлъ говорити: съ Божіею волею ссталось межи насъ братство и любовь и свойство. Ино пригожъ мнѣ къ твоей матери и къ твоей братьѣ послати съ поминки, и ты бы ко мнѣ *отказалъ*, какова къ тебѣ твоя мати и братья твои съ тобою въ любви ли. Что твоя мысль про то, какъ тому быти, ко мнѣ бы еси о томъ *отказалъ*». (Дѣла Польск. № 1, стр. 416).

3. *Отвѣчать*, *отвѣщать*, не значитъ *répondre*, *antworten*, а только *сказать*, *говорить*. По современному смыслу этого слова можно *отвѣчать* только тому, кто самъ способенъ говорить, а по старинному *отвѣщать* можно и неодушевленному предмету. Іисусъ не нашелъ плодовъ на смоковницѣ: «*И отвѣщавъ рече ей*» (Ев. отъ Марка, гл II, ст. 14).

4. *Хотѣть* не значитъ *желать*, *вожделѣть*, *vouloir*, *désirer*, *wollen*, *wünschen*: «Сотнику же нѣкоему рабъ болѣ злѣ, *хотяше умрети*»... (Маркъ, гл. 7, ст. 2); это очевидно не значитъ *желалъ*, а *долженъ былъ* умереть.

5. *Разумѣть* значитъ *чувствовать*, *ощущать*, хотя бы только физически: «и *разумѣ тѣломъ*, яко исцѣлѣ отъ раны». (Маркъ, гл. 6, ст. 29).

6. *Годъ* теперь значитъ опредѣленный періодъ времени въ 12 мѣсяцевъ; въ старину это понятіе передавалось словомъ *лѣто*, а *годъ* значило *время*, которое могло быть и долго, и коротко: «по обычаю священничества, ключися ему покадити вшедъ въ церковь Господню. И все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, *въ годъ вгміама*». (Лука, гл. 1, ст. 10). Поэтому *иногда* не противуположно слову *всегда*; *иногда* значило *въ иное время*, *прежде*: «Ведоша же его къ Фарисеомъ, иже

бѣ *иногда слѣпъ*» (Іоаннъ, гл. 9, ст. 13). Въ производныхъ словахъ и теперь еще слово *годъ* по старинному значитъ *время*; такъ *погодить* не значитъ *отложить на годъ*, а только *повременить*, хотя бы нѣсколько минутъ.

7. *Правда* теперь значитъ die Wahrheit, la vérité, истина; въ старину это значило: *судъ*, *правосудіе*; поэтому и *кормленіе* давалось «*съ правдой*» т. е. съ обязанностью и правомъ суда, какъ одной изъ функцій правленія. «Яко аще не избудетъ *правда* ваша паче книжникъ и фарисей»... (Матѳ. гл. 5, ст. 20); по латыни: Nisi abundaverit vestra *justicia* amplius quam illa scribarum et pharisaeorum; по французски: si votre *justice* ne surpasse... по нѣмецки: Es sei denn eure *Gerechtigkeit* besser...

8. *Зима* не значитъ, какъ теперь, три мѣсяца въ году, а вообще *холодъ*, *стужа*, которые могутъ быть и лѣтомъ. «Днесь зима, чермнуетбося дряселуя небо» (Матѳ. гл. 16, ст. 3), по латыни: *Hodie erit tempestas*, по французски: *de l'orage*, по нѣмецки: *Ungewitter*.—«*Слуги огнь сотворше, яко зима бѣ*» (Іоаннъ, гл. 18, ст. 18). По лат. «quia *frigus* erat»; по франц. «parce qu'il faisait froid», по нѣмец. «denn es war kalt».

*

Ошибка всегда и вездѣ возможна, даже для самыхъ ученыхъ людей, и если бы невѣрно истолковывалось другое слово, это могло бы не имѣть значенія; но тутъ искажается весь смыслъ нашей исторіи. Если бы *лучшіе слуги* дѣйствительно заботились прежде всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а государственныя дѣла откладывали; если бы наши Московскіе великіе князья и цари, послѣ стольких усилій и такихъ жертвъ народной кровью, не умѣли сдѣлать ничего лучшаго изъ вновь завоеваннаго царства, какъ отдать его на растерзаніе этимъ алчнымъ боярамъ: то не доросло бы Московское княжество до размѣровъ Россіи.

Д. Голохвастовъ.

ПО ПОВОДУ НЕВѢРНАГО ПОКАЗАНІЯ О ГЕНЕРАЛѢ ФАДѢЕВѢ.

Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива“ за прошлый 1888-й годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій“, на страницѣ 238-й, по поводу извѣстнаго письма въ отвѣтъ на письмо Н. Н. Муравьева къ Ермолову, сказано: „Общая молва гласила, что письмо было составлено въ кабинетѣ князя Барятинскаго Мирскимъ при содѣйствіи Ростислава Фадѣева (онъ тогда былъ въ Тифлисѣ при начальникѣ штаба и *вскорѣ высланъ* въ батарею въ крѣп. Воздвиженскую), и всѣ этому вѣрили“.

Изъ словъ этихъ можно заключить, что Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ высланъ начальникомъ штаба княземъ Барятинскимъ въ батарею за какую нибудь провинность. Показаніе это совершенно неправильно. Ничего подобнаго не было, и никто его въ батарею не высылалъ. Не говоря уже о томъ, что при расположеніи князя А. И. Барятинскаго къ Фадѣеву этого никакъ не могло случиться, но Фадѣевъ въ это время (1855 г.) *вовсе въ батарею не ѣздилъ*. Онъ пріѣхалъ изъ батареи въ Тифлисъ 24-го Декабря 1852-го года; въ Февралѣ 1853-го прикомандированъ къ начальнику артилеріи въ Тифлисѣ, гдѣ и остался; 23-го Сентября того же 1853-го года причисленъ состоять при князѣ Бебутовѣ, который, при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, былъ назначенъ командовать дѣйствующимъ корпусомъ въ Александрополѣ, куда Фадѣевъ съ нимъ и отправился. Два раза онъ пріѣзжалъ оттуда не надолго въ Тифлисъ къ роднымъ: въ концѣ Января 1854 года (вмѣстѣ съ княземъ Бебутовымъ) и въ концѣ Сентября. Въ 1855 г., по прибытіи въ край главнокомандующаго Н. Н. Муравьева, Фадѣевъ былъ отправленъ имъ въ началѣ Апрѣля по особо-важному порученію въ Севастополь, гдѣ пробылъ мѣсяцъ, а по возвращеніи въ Тифлисъ черезъ недѣлю отправленъ курьеромъ въ Александрополь и тамъ состоялъ при Муравьевѣ. За нѣсколько дней до сдачи Карса Фадѣевъ, не предвидя болѣе военныхъ дѣйствій и раздосадованный нѣсколькими неумѣстными выходками Муравьева, отпросился возвратиться въ свою батарею и 19-го Ноября пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ до 19 Мая 1856-го г., и *тогда* только поѣхалъ въ батарею. Въ Сентябрѣ того же 1856-го г. онъ получилъ изъ Москвы предписаніе отъ новаго намѣстника князя А. И. Барятинскаго пріѣхать въ Тифлисъ къ прибытію его, а въ Октябрѣ вторичное приказаніе объ этомъ же, вслѣдствіе чего 22 Октября 1856 г. Фадѣевъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, пробывъ въ батареѣ пять мѣсяцевъ.

Изъ всего этого неопровержимо явствуетъ, что Р. А. Фадѣевъ, выѣхавъ изъ своей батареи на линіи въ Декабрѣ 1852 г. и пробывъ въ Тифлисѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій до 19 Мая 1856 г., находился въ отсутствіи изъ батареи ровно 3 года и 6 мѣсяцевъ безъ 5 дней, и стало быть въ 1855 г. онъ никакъ не могъ быть *вскорѣ высланъ въ батарею въ крѣпость Воздвиженскую*. Все выше изложенное можетъ быть несомнѣнно доказано документами, понынѣ хранящимися въ семействѣ покойнаго Р. А. Фадѣева, также какъ и въ дневникѣ его отца.

Надежда Фадѣева.

ИЗЪ ДНЕВНИКА и ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1853-й годъ.

Наступаетъ новый, важный періодъ всемірной исторіи, въ которомъ Россіи предстоитъ важная роль. Да благословитъ Богъ начинанія Государя на славу, могущество и благоденствіе Россіи! Для меня, кажется, нѣтъ мѣста ни въ его арміяхъ, ни въ совѣтахъ. Буду радоваться успѣхамъ другихъ.

13-го Января.—Получилъ на дняхъ письмо отъ А. П. Ермолова. Разговоръ съ гр. Киселевымъ, навѣстившимъ меня вчера утромъ. Новые виды въ случаѣ новыхъ по службѣ оскорбленій. Первый, отдаленный, но важный шагъ къ тому, сколько ни люблю и сколько ни привыкъ къ службѣ. Нельзя же долго служить противъ воли высшаго начальства. Прилежнѣе заняться матеріальными интересами, слишкомъ для службы (то есть цѣлую жизнь) мною пренебреженными, тѣми, которыми уже владѣю, но которые можно лучше устроить для доставленія возможности прожить безъ службы съ семействомъ.

22-го. Договоръ 28 Іюля (9 Августа) 1847 года между уполномоченнымъ Е. И. В. графомъ Блудовымъ и Бутеневымъ съ одной стороны и кардиналомъ Ламбрускини со стороны папы. Учреждается седьмая въ Россіи Римско-католическая епархіи въ Херсонѣ, съ капитуломъ и семинаріей. Булла папы по сему случаю. Посланіе папы Пія IX къ Восточнымъ. Архіепископа Иннокентія возраженіе на это, весьма замѣчательное силою доводовъ и краснорѣчія. Узналъ отъ адмирала Рикорда, что Великій Князь вступаетъ въ управленіе морскимъ мини-

стерствомъ, по случаю отъѣзда князя Менщикова въ отпускъ, я полагаю въ Константинополь.

23-го. Вчера вошелъ ко мнѣ съ к. Каплановымъ Шамиль, сынъ извѣстнаго главнаго Имама. Онъ совершенно, кажется, обрусѣлъ, говоритъ чисто порусски, но свой языкъ вовсе забылъ. Онъ служитъ штабъ-ротмистромъ въ уланскомъ полку въ Твери, но носитъ свой Черкесскій красивый мундиръ. У него остались въ памяти сцены его плѣна и пребыванія въ моемъ семействѣ.

1-го Февраля. L'histoire de Bavière, a dit Montgelas, c'est le répertoire des occasions manquées et des moments perdus.

5-го.—Вчера, пріѣхавъ въ комитетъ, увидѣлъ съ перваго взгляда на предсѣдателѣ и всѣхъ членахъ блѣдныя и длинныя лица. Изъ отрывочныхъ объясненій узналъ, что, по доносу начальника отдѣленія Тараканова, оказывается значительное похищеніе денегъ (980 т. сер.), умершимъ директоромъ канцеляріи Политковскимъ обще съ казначеемъ совершенное. Скоро пріѣхали два члена Государственнаго Совѣта Анненковъ и Игнатьевъ и членъ Госуд. Контроля Христіани. Они объявили Высочайшее повелѣніе изслѣдовать это дѣло, наложивъ предварительно запрещеніе на имущество предсѣдателя и членовъ. Плутовство вѣроятно кроется въ пріемѣ съ почты денегъ самимъ Политковскимъ или казначеемъ по довѣренности предсѣдателя и въ присвоеніи ихъ съ уничтоженіемъ документовъ, и это вѣроятно съ давняго времени. Всѣ суммы, къ свѣдѣнію членовъ перечнемъ сообщенныя, состоятъ въ ящикѣ на лицо и ежемѣсячно были свидѣтельствованы. Теперь производится слѣдствіе. Такъ оканчиваю трудовую жизнь раззореніемъ семейства за плутовство и неспособность другихъ. Главный плутъ былъ тайный совѣтникъ, давно высшимъ начальствомъ подозрѣваемый и оставленный однако директоромъ! Что дѣлала тайная полиція? Вотъ ея дѣло. Дѣло нашего комитета—предметъ разговора и при дворѣ, и въ городѣ.

12-го Мая выѣхалъ изъ Петербурга и пріѣхалъ 15-го вечеромъ въ Сувалки Августовской губерніи. Сегодня въ 10-ть утра навѣстилъ губернатора Тикеля. Вытребовалъ по эстафетѣ къ себѣ администратора моего маіората Слупскаго; надѣюсь, что онъ завтра пріѣдетъ. Отсюда 95 верстъ до Кракополя,

главной усадьбы. Обѣдалъ у графа Гейдена вдвоемъ и провелъ съ нимъ пріятно время. Ein Oesterreichischer Commentar zu der Russischen Darstellung des Ungarischen Revolutionskrieges, дѣльно написанный; хотя и мнѣ въ немъ на мою долю достается, но съ приличіемъ, которое стоило бы объясненія. Автору неизвѣстны были мои инструкціи и повелѣнія, иногда противорѣчивыя.—Замѣтное въ первый разъ дрожаніе руки, теперь почти переставшее.

17-го Мая. Новые виды на счетъ маіората, выгоды и пріятность личнаго въ немъ пребыванія, даже съ сохраненіемъ нынѣшняго администратора. Прогулка съ нимъ же по саду. Встрѣча съ его женой; m-me Нарбутъ. Посѣтилъ воинскаго начальника полковника Кучковскаго и познакомился съ семействомъ. Жена virago. Онъ самъ побочный братъ Бибикова министра.

18-го Мая. Опытъ животнаго магнетизма надъ столомъ, съ терпѣніемъ и успѣхомъ предпринятый. Я остался свидѣтелемъ, не участникомъ.

Пріѣздъ и знакомство съ администраторомъ маіората Слупскимъ. Мой ультиматумъ. Буду ожидать отвѣта. Визитъ женѣ г-ла Сиверса. Умная и пріятная старушка. Прогулка по саду съ m-me Нарбутъ. Обѣдъ съ г. Гейденомъ глазъ на глазъ. Воспоминанія съ Кавказа. Къ 24-му ждутъ великую княгиню Марію Николаевну сюда на обѣдъ и ночлегъ.

19-го. C'est une souveraine injustice que de juger les choses relatives d'après des principes absolus. Nul ne doit être apprécié que dans la situation qui lui est faite par le temps, les événements, les circonstances, au milieu desquels il est placé par une force de choses indépendante de lui.

Il avait horreur de la démagogie, qui rabaisse les âmes et qui décompose les sociétés; la boue et le sang répugnaient à sa nature, comme à sa conscience. Il possédait la véritable aristocratie des peuples: la noblesse des instincts. C'était le gentilhomme moderne relevant du peuple et prenant ses titres dans son âme et sa dignité dans ses sentiments.

22-го. Пріѣхалъ въ Петербургъ 25-го. Встрѣтилъ в. к-ню Марію Николаевну. Экипажи придворные, въ Варшаву отправленные на встрѣчу вдовствующей королевѣ Аннѣ Павловнѣ.

Погода во всю дорогу была прекрасная. Ни одной нигдѣ непріятности и рядъ пріятныхъ и кроткихъ ощущеній. Князь Михаилъ Горчаковъ вытребованный пріѣхалъ изъ Варшавы. Это безъ сомнѣнія для важнаго назначенія по дѣламъ съ Турціей. Всѣ увѣрены въ войнѣ. Мнѣ что-то не вѣрится.

Вчера отъ в. к-ни Елены Павловны пріѣзжала фрейлина m-elle Раденъ. В. к-я желаетъ меня видѣть. Поручилъ благодарить за вниманіе и прислать приказаніе, гдѣ, когда и въ какой формѣ.

24-го Мая. Вчера возобновилъ знакомство съ женою г-ла Лидерса. Достойная и пріятная старушка. Я нашелъ семейство ихъ въ тревогѣ послѣ только что полученнаго изъ Одессы письма, полнаго ожиданія неминуемой войны, послѣ оставленія к. Менщиковымъ Константинополя и его прибытія въ Одессу. Все не вѣрю войнѣ, а только занятію княжествъ безъ сопротивленія.

29-го Мая. Прогулка въ лѣтнемъ саду. Вошли въ домъ Петра Великаго. Встрѣча и разговоръ съ сенаторомъ Лубяновскимъ и его дочерью. Слухъ о пріемѣ к. Горчакову въ Петергофѣ, несходный съ моими догадками о причинѣ его вызова изъ Варшавы.—По поводу сродства вещественнаго созданія съ одушевленнымъ, воспоминаніе объ очарованной рощѣ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса.

30-го Мая. К. Горчаковъ главнокомандующимъ южною арміею. Забота въ Петергофѣ. Число больныхъ и умирающихъ отъ холеры продолжаетъ умножаться.

6-го Іюня. Вчера былъ на Каменномъ острову въ половинѣ третьяго у в. к. Елены Павловны, потомъ у Екатерины Михайловны и у принца Георга, нѣсколько разстроенный въ здоровьѣ, что̀ отозвалось кажется и въ разговорѣ. Ежедневные пожары въ городѣ, вѣроятно отъ продолжительной засухи, но подающіе поводъ къ подозрѣнію поджоговъ.

14-го. Мои грезы на яву, не по лѣтамъ и не по обстоятельствамъ. Чего жду? Рѣшенія дѣлъ въ Константинополѣ, высылки денегъ изъ маіората, починки экипажей. Но зачѣмъ спѣшить? Грустное положеніе старика А. П. Ермолова изъ устъ его сына: онъ въ рукахъ слуги, овладѣвшаго имъ ко вреду и отчужденію семейства. Сильная холера въ гренадерскомъ кор-

пусѣ, пришедшемъ изъ Новгорода въ лагерь на Пудость. Встрѣча съ старикомъ Карпенко въ лѣтнемъ саду; онъ разрушается надушенъ будто набальзамированъ, и не смѣетъ проситься на отдыхъ.

16-го Іюня. Манифестъ противъ Турціи. Письма къ г. Орлову, Ортенбергу, Ростовцову и Катенину. Непонятное происшествіе съ кн. Л. Кочубеемъ. Вчера сынъ Николай отправился съ квартирьерами въ Красносельскій лагерь.

17-го. Отвѣтъ вчера же г. Орлова, дружескій. Рѣшеніе объ отъѣздѣ отложено до Субботы. Войска наши вѣроятно перешли границы княжествъ. Снова предстоитъ вовсе неожиданно въ мои лѣта, если не ошибаюсь, выборъ перемѣны важнѣйшій въ жизни, въ которомъ участвуютъ и чувства.

20-го. Слабый лучъ, такъ неожиданно освѣтившій было поздній часъ пройденнаго поля жизни, угасъ также внезапно и кстати. Къ чему повела бы эта вспышка догарающаго свѣтильника? Прочелъ кампанію 1848-го года г. Радецкаго въ Италіи, отъ возмущенія Милана и побѣдительнаго возвращенія туда Австрійцевъ. Много поучительнаго въ этомъ пробужденіи духа въ народѣ и арміи.

Ce qu'il y a de plus difficile dans la politique expectante, c'est de savoir quand un pouvoir qui penche tombera.—Est-ce une loi de nature que la puissance d'une nation soit incompatible avec la supériorité d'intelligence des individus?— On ne prouve rien en attaquant la religion avec l'esprit positif, car la religion est d'un autre ordre. Le sentiment religieux porte avec lui sa certitude; il n'est donné à la raison ni de la fortifier ni de l'affaiblir. Il ne sert de rien de chicaner les religions sur les absurdités qu'elles peuvent offrir au point de vue de bon sens; c'est vouloir argumenter l'amour et prouver à la passion qu'elle est bien peu raisonnable. L'homme fait la vérité de ce qu'il croit et la beauté de ce qu'il aime.

Les écoles exclusives sont dans la science ce que les partis sont en politique: chacune a raison à son tour et par quelque côté, et il est aussi impossible à l'homme éclairé de se renfermer dans l'une d'elles que de donner à la fois raison à toutes.

Toute expression est une limite, et le seul langage qui ne soit pas indigne des choses divines, c'est le silence; mais la nature humaine ne s'y résigne pas.

Il est un joug que les plus mâles intelligences ne peuvent entièrement secouer: ce joug—c'est l'esprit de leur temps.

24-го Іюня. Le vrai—c'est l'ordre pensé; le bien—c'est l'ordre réalisé; le beau—c'est l'ordre exprimé; le type—c'est l'ordre universel du Créateur.

Циркуляръ правительства за подписью г. Нессельроде отъ 20-го Іюня. Письмо Решидъ-паши отъ 16-го къ нему же. Все вмѣстѣ для меня такъ непостижимо, такъ несходно съ недавнимъ еще направленіемъ нашей политики на Востокѣ, что не могу не видѣть особенной въ этомъ случаѣ, очевидной воли Провидѣнія для какой нибудь важной цѣли. Кто угадаетъ ее?

28-го. Остаюсь безъ отвѣта изъ Петергофа, безъ вѣстей о происходящемъ, кромѣ газетныхъ, неполныхъ и часто искаженныхъ.

Le malheur de bien des esprits de nos jours c'est de ne croire qu'à l'habileté et à la force materielle. La force morale qu'une conscience honnête peut opposer à toutes les violences, à tous les excès, on ne la connaît pas, ou plutôt on en parle sans s'y fier. Il y a cependant une puissance mystérieuse et invincible à la longue dans cet instinct de l'honneteté, qui juge souverainement les faits, les révolutions, les spectacles du monde, indépendamment du succès qui suit le souffle variable du vent.

3-го Іюля. Михаилъ, почти уже офицеръ, пріѣхалъ изъ Петергофскаго лагеря и, кажется, останется.

On ne voit rien bien distinctement encore, mais on sent quelque chose suspendu en l'air.

L'histoire, pleine d'indulgence pour les entraînements des âmes naturellement bienveillantes, a, peut-être, le droit de juger avec plus de sévérité celles qui, n'ayant pour l'humanité en général que sécheresse et rudesse, portent dans quelques affections intimes une faiblesse où l'on ne peut plus voir que le résultat de préférences égoïstes.

6-го Іюля. Вчера написалъ письмо г. А. Ѳ. Орлову съ цѣлію выдти изъ настоящаго неопредѣленнаго положенія. Г-лъ Остенъ-Сакенъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса на мѣсто г-ла Оффенберга. Ширазъ въ Персіи разрушенъ землетрясеніемъ. Скончался в. герцогъ Веймарскій, супругъ Маріи Павловны. Холера здѣсь замѣтно усиливается: до семи сотъ больныхъ, до пятидесяти умирающихъ.

8-го. Совершаются событія, важныя въ настоящемъ и долженствующія породить міровыя послѣдствія, въ особенности для Россіи. Религіозная и политическая распря съ Турціею; экспедиція Перовскаго въ центральной Азіи. Антагонизмъ Англіи. 6-го получилъ отвѣтъ г. А. Ѳ. Орлова съ дружескимъ совѣтомъ не уѣзжать въ деревню; останусь хотя въ трудной борьбѣ съ недостаточными для здѣшней жизни средствами.

26-го Іюля. Handelsbladt (Амстерд. газ.) указываетъ на средство, употребляемое во всей южной Германіи для удаленія крысъ и мышей отъ хлѣбныхъ житницъ. Средство это состоитъ въ томъ, что разсыпаютъ по землѣ около житницъ или *развѣшиваютъ* по стѣнамъ липовые цвѣты, одного запаха которыхъ будто бы достаточно для отогнанія этихъ хищныхъ животныхъ.

29-го Іюля. Посѣтилъ баронъ Торнау, бывшій офицеръ ген. штаба, теперь въ отставкѣ. Въ первые мѣсяцы моего командованія на Кавказѣ, онъ былъ вырученъ изъ двухъ-годоваго слишкомъ плѣну у горцевъ. Подробности военныхъ сценъ при Гурко и Нейдгардтѣ, непостижимыя, въ особенности подъ Бортунаемъ и Гергебилемъ. Впрочемъ разсказщикъ боленъ самодовольствіемъ въ высокой степени.

9-го Августа. Ce n'est pas par des services réels et durables qu'on captive les classes populaires: les améliorations qu'on peut apporter à leur sort ne sont presque jamais assez palpables pour être immédiatement appréciées. Il faut, pour émouvoir la foule, des coups de théâtre, il faut la saisir subitement par l'imagination ou par le coeur; mais cette émotion communicative, cette volonté insinuante, cet art de lancer une idée et d'intéresser la majorité à son succès, c'est le lot du génie. Le plus grand malheur d'un homme qui écrit pour ses contemporains—c'est de n'être plus de son temps.

Dans l'histoire, la période du péril moral pour les peuples n'est par celle de leurs efforts vers l'agrandissement, mais celle qui succède à une grandeur acquise.

Si votre esprit se dirige vers l'étude des sciences mathématiques ou naturelles, n'oubliez pas les lettres, ces nourricières de votre enfance. Les lettres ne sont pas seulement le charme de l'esprit, elles élèvent l'âme et consolent au besoin les tristesses du coeur.

15-го. Вчера до обѣда явился ко мнѣ второй сынъ мой Михаилъ уже офицеромъ.

24-го. Вчера прекрасное дитя, Наталія Полль, красота Корреджіевой школы, среди танцевъ, музыки, шума, подбѣжала ко мнѣ, наклонила свою головку къ моему лицу и тихо спросила: что̀ вы, дядюшка, такъ грустны? Правда я грустенъ, даже не въ мѣру моего положенія.

26-го Августа. Годовщина Бородинской битвы. Немного насъ бывшихъ въ ней собралось бы, если бы ее вздумали праздновать. Полк. Пихельштейнъ, раненый подъ Бородинымъ и въ каретѣ убитаго графа Кутайсова отправленный мною въ Москву, навѣстилъ меня. Онъ одряхлѣлъ. Благодарю Бога за сохраненіе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ въ сравненіи съ моими ровесниками, которыхъ встрѣчаю. Запросъ капитула орденовъ нѣтъ ли мнѣ какихъ препятствій вступить въ составъ кавалерской думы Св. Владимира; отвѣчалъ, что нѣтъ никакихъ.

Le refus du gouvernement anglais d'accorder à Napoléon le titre d'empereur, pendant sa détention à l'île de St. Hélène, fut peut-être une petitesse; mais ceux qui en font un sujet d'attaque contre le cabinet d'alors, ne songent peût-être pas assez au danger que présentait une simple reconnaissance verbale des droits de Napoléon au trône de France. En pareil cas, les mots sont des choses. Il serait difficile de prouver qu'aucune des puissances alliées se fût conduite à l'égard de Napoléon aussi bien que le fit l'Angleterre. Il est vrai qu'il languit dans sa captivité de St. Hélène; mais aujourd'hui même que nous avons l'avantage de pouvoir considérer les choses d'un point de vue rétrospectif, il faut avouer franchement qu'il est presque impossible de voir quelle autre mesure que sa détention, avec toutes les conditions de sûretes nécessaires, aurait pu être prise dans un cas aussi exceptionnel.

29-го Августа. Съ генераломъ Мельниковымъ ѣздилъ вчера на дачу на Каменномъ острову къ графу Бобринскому и остались обѣдать въ его семейномъ кругу. Жена его, урожденная г-я Самойлова, милая и умная женщина, и два сына составляли наше общество. Съ удовольствіемъ провелъ у нихъ нѣсколько часовъ. Дѣло Перовскаго на Сыръ-Дарьѣ не имѣетъ особенной важности. Это месть за прошлогоднюю неудачу на этой точкѣ, гдѣ Коканцы хотѣли утвердиться на переправѣ. Съ Перовскимъ ходилъ отрядъ въ 1800 человѣкъ. Въ городѣ по этому случаю разнесся ложный слухъ о взятіи Хивы. Дворъ переѣхалъ на Елагинъ островъ.

L'arbre à pain, qui atteint les dimensions de notre chêne ordinaire, projette vers son sommet de grandes branches latérales. Son feuillage est d'un vert très foncé. Son fruit, recouvert d'une écorce très-épaisse, a la grosseur d'un petit pain. On le cueille avant sa maturité et on le fait cuire au four. L'intérieur, qui ne contient ni graine ni noyau, ressemble alors à la mie du pain de froment, et forme un aliment très nutritif. Ce fruit se récolte pendant huit mois de l'année.

Les hommes d'aujourd'hui seront plus heureux: dispensés d'un laborieux apprentissage, ils recueilleront sans avoir semé; leur destinée ne leur coûtera nul effort; ils jouiront du bonheur de leur patrie sans y être pour rien, et s'étonneront qu'on ait pris tant de peine avant eux pour des choses aussi indifférentes que les affaires pnbliques.

La gloire désintéresse les nations; elle donne au pouvoir plus d'indépendance, elle calme ou décourage les partis, comme une grande passion glace dans l'âme toutes les autres.

По случаю ранней смерти поэта Карла Рено трогательный фельетонъ Жанена.

Et l'on parle des grandeurs de ce bas monde! Ah, que les hommes seraient modestes, s'ils pouvaient voir sans cesse et sans fin d'où ils viennent, où ils vont et quelles traces légères ça laisse ici bas, une génération de braves gens!

Сегодня или завтра выѣзжаетъ Государь чрезъ Москву въ Варшаву, оттуда, какъ говорятъ, въ Ольмюцъ, потомъ въ Кіевъ.

2-го Сентяб. Бѣдный князь В. В. Долгоруковъ! Давно ли провели мы пріятный день на его дачѣ, съ сыномъ Сергіемъ, возвратившимся изъ за границы, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ счастливую перемѣну въ направленіи его ума, даръ слова и благородство чувствъ—даже выраженіе лица его, хотя болѣзненное, получило особенную красоту. Теперь онъ впалъ внезапно въ помѣшательство ума съ припадками бѣшенства. Бѣдный отецъ!

3-го. Qu'est-ce qu'on appelle en France l'art de *bien écrire* c'est sacrifier sans cesse à la mesure du langage la saillie et souvent la franchise de la pensée. C'est dire tout au plus la moitié de ce que l'on pense et au moins un quart de ce que l'on ne pense pas.

Il semble que la barbarie veille sans cesse à côté de la civilisation pour épier ses défaillances.

6-го. Le mot *urbanité* n'est pas seulement le synonime de *politesse*. Il servait à exprimer ce tour piquant dans l'esprit, ce ton de plaisanterie fine que l'on prenait dans la bonne compagnie de la capitale.

8-го. Все еще не выхожу, но грустное расположеніе духа уступило мѣсто впечатлѣніямъ болѣе возвышеннымъ, благодаря безсмертному созданію Тацита (de moribus Germanorum), которое не знаю въ который разъ я прочелъ вчера. Оно меня поразило болѣе чѣмъ когда либо совершенствомъ сочетанія мысли съ изяществомъ слога. И таково родство ощущеній душевныхъ, что я могъ безъ усилія, послѣ продолжительнаго отупѣнія чувствъ духовныхъ, заключить мой день сердечнымъ воззваніемъ къ Создателю. Oui Tacite, il survivra ton Agricola, grâce à ton impérissable burin!

10-го. Утро тихое, пасмурное, осеннее, пріятное однако. У большаго, открытаго настежъ окна, сижу какъ на открытомъ воздухѣ; глаза отдыхаютъ на зеленой стѣнѣ деревьевъ Таврическаго сада. Вчера навѣстилъ меня графъ Бобринскій.

Война съ Турціей можетъ теперь вспыхнуть отъ разныхъ случайностей и возбужденныхъ страстей, чему поданъ поводъ. Во время ли это?—Puisque il est impossible de réunir à la fois, et une grande réputation et une grande tranquillité, que chacun jouisse des avantages du siècle où il vit, sans décrier celui où il ne vit pas.

11-го. 13-я дивизія посажена на суда для отправленія въ Сухумъ-Кале. Два милл. сер. изъ Опекунскаго Совѣта. Страсти народныя въ Турціи расшевелены и могутъ дать поводъ къ происшествіямъ, разсчетамъ политики не подлежавшимъ.

14-го Сент. Дѣвица Депрерадовичъ, семнадцати лѣтъ, съ которою дѣти мои такъ недавно прогуливались въ Таврическомъ саду, на дняхъ, послѣ короткой воспалительной болѣзни, скончалась. Вдова г-на Фрейтага также нѣсколько дней уже въ смертныхъ мукахъ. Молодой князь Сергій Долгоруковъ, котораго провѣдываю почти всякій день, тоже, кажется, въ положеніи безнадежномъ и жалкомъ.

17-го. Люди вдовы г-жи Квитницкой въ Павловскѣ подали на нее в. к. Конст. Ник. прошеніе о жестокомъ съ ними обращеніи. Они отобраны у нея.—Катилина Саллюстія въ этотъ разъ показался мнѣ еще совершеннѣе, чѣмъ въ прежнихъ чтеніяхъ.

Современныя въ Европѣ происшествія придаютъ еще болѣе занимательности этой безсмертной картинѣ борьбы порока съ добродѣтелью, безначалія съ порядкомъ, бѣдности съ богатствомъ. Но высшая хвала и почесть доблести передъ порокомъ есть самъ Саллюстій, рабъ послѣдняго и въ такихъ изящныхъ чертахъ превознесшій первую.

Дунай раздѣляетъ теперь двѣ арміи нетерпѣливыя сразиться. Турки въ особенности бѣшенствуютъ. Это расположеніе можетъ уничтожить всѣ расчеты и дѣйствія политики. Окончательный успѣхъ въ случаѣ войны будетъ нашъ; но, противъ убѣжденія многихъ, я полагаю, что онъ будетъ стоить крови, болѣе крови чѣмъ въ прошедшей войнѣ съ Турками, хотя и тогда армія растаяла, но отъ другихъ причинъ, могущихъ повториться.

19-го Сент. Внезапная кончина отъ холеры жены к. В. А. Долгорукова, военнаго министра. Новый видъ Восточнаго вопроса; опасность отъ возбужденнаго фанатизма, могущаго одержать верхъ надъ расчетами политики. Выходки противъ Россіи газеты Times. Городъ начинаетъ оживляться возвращеніемъ его жителей съ дачь.

20-го. Поздній вечеръ у Сумарокова; не узналъ ничего новаго, кромѣ вступленія части соединеннаго флота въ Дарданеллы, по желанію Порты, для устрашенія фанатиковъ и въ случаѣ нужды для покровительства Европейцевъ въ Константинополѣ. Это полумѣра. Она можетъ еще болѣе озлобить оскорбленныхъ мусульманъ и ускорить взрывъ.

Malheureusement il est difficile au coeur, quelque excellent qu'il soit, de faire autant de bien que l'esprit peut faire de mal par un seul mot.

23-го. Вчера противъ обыкновенія обѣдалъ въ Шахматномъ клубѣ въ первый разъ; я не зналъ даже о его существованіи. Встрѣтилъ много знакомыхъ: трехъ братьевъ Кочубеевъ, Сталыпина Монго (какъ его называютъ не знаю почему), Безобразова г-ла, Клюпфеля и пр. Сосѣди мои за столомъ были г-фъ Безбородко и г-лъ Броневскій, Фредро насупротивъ. Послѣдній напомнилъ мнѣ о дѣвицѣ Христіани, артисткѣ на віолончелѣ, съ которою года четыре назадъ я былъ пріятно знакомъ въ бытность ея въ Петербургѣ. Послѣ обѣда игроки въ шахматы

усѣлись за игру; наконецъ, общее вниманіе обратилось на партію Шумова и Максимова, и вокругъ стола ихъ образовался тѣсный кругъ любопытныхъ. Это двѣ знаменитости шахматной игры.

24-го. Рано вчера, еще при открытомъ окнѣ, неожиданно вошелъ молодой графъ Орловъ, возвратившійся изъ за границы съ своею матерью. Пріятные полчаса съ нимъ. Новое свиданіе Государя съ императоромъ Австрійскимъ и вѣроятно съ королемъ Прусскимъ въ Варшавѣ. Соединенная эскадра Англо-французская въ Мраморномъ морѣ. Восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ. Трудно теперь будетъ уладить его безъ войны.

День разстроенъ засѣданіемъ въ Думѣ Владимирскаго ордена съ 12-ти до 4-хъ часовъ. Сколько неяснаго, подающаго поводъ къ разногласію, въ предметахъ доступныхъ полной опредѣлительности. Сегодня графъ Блудовъ и Танѣевъ защищали противныя мнѣнія. Это ихъ поле. Дѣло шло о постановленіяхъ гражданскихъ.

Сынъ к. В. В. Долгорукова князь Сергій очнулся отъ помѣшательства и пришелъ въ полный разсудокъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ впалъ въ такую слабость, что сомнѣваются въ его жизни. Онъ исповѣдался и причастился.—Англійскія газеты по случаю Восточнаго вопроса въ выходкахъ противъ Государя и Россіи доходятъ до наглости.

27-го. Кн. С. В. Долгоруковъ умеръ. Надобно навѣстить глубоко огорченнаго отца. Это былъ у него одинъ сынъ. Одна дочь за Львомъ Кириллов. Нарышкинымъ, также помѣшанная, лечится въ Парижѣ. Другая за княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, говорятъ, опасно поражена несчастіемъ брата и сестры.

Прусскій король точно былъ въ Варшавѣ для свиданія съ императорами. Государь сдѣлалъ ему контрвизитъ въ Берлинѣ, откуда, не возвращаясь въ Варшаву, ѣдетъ чрезъ Кенигсбергъ въ Петербургъ. Полагаютъ, что къ 1-му Окт. прибудетъ. Не к. Менщиковъ, а Бебутовъ, говорятъ, назначенъ командовать войсками на Азіатской съ Турціею границѣ. К. Горчаковъ стоитъ въ Большой Валахіи, сосредоточенной, не занимая Малую.

Napoléon n'est pas un homme de Plutarque, mais de Machiavel.

Еще съ большею справедливостію можно это сказать о племянникѣ императорѣ.

29-го Сентяб. Увлекательно чтеніе Histoire de la Restauration Ламартина, особливо тамъ гдѣ онъ забываетъ изумлять неслыханными фразами, близкими иногда къ галиматьѣ. Описанія тюремнаго заключенія дофина и сестры его, въ послѣдствіи герцогини Ангулемской, также похищеніе герц. Енгіенскаго и смерть его во рву Венсеня, не уступятъ лучшимъ страницамъ великихъ творцовъ всѣхъ временъ. Въ этихъ картинахъ даръ слога становится выше всѣхъ созданій изящныхъ искуствъ. Ни живопись, ни зодчество, ни скульптура не сравнятся съ нимъ.

2-го Октября. Mépriser son ennemi est le gage du succès au commencement des luttes de peuple à peuple; c'est le piège du vainqueur après les longues campagnes, où l'on a soi-même enseigné la guerre à ses rivaux.

La bataille de la vie paraît être définitivement perdue. Il s'agit d'en ramasser les débris et d'en former un modeste abri pour ma famille.—Араго (Францискъ), астрономъ и замѣчательный человѣкъ, скончался въ Парижѣ на 68-мъ году.

Послѣ круженія столовъ, которое было затихло, закружились головы отъ столовъ будто пишущихъ, о чемъ теперь общая вездѣ молва. Чтò за новая тайна или новая болѣзнь ума человѣческаго и передъ чѣмъ? Государь возвратился изъ важнаго путешествія своего въ Варшаву, Ольмюцъ и Берлинъ вчера утромъ.

4-го Октября. Признакъ нерасположенія императора Французовъ, запретившаго своему генералу Гюену принять приглашеніе Государя пріѣхать на маневры въ Варшаву. Угрозы Омера, главнокомандующаго Турецкой арміи на Дунаѣ. Курьеръ отъ Горчакова.

5-го. Новые слухи съ Юга. Пріѣхалъ адъютантъ кн. Менщикова полк. Краббе курьеромъ къ Государю. Война, кажется, неизбѣжна. Слухъ объ умерщвленіи султана повторяется. Братъ его будто избранъ на престолъ. Менщиковъ главнокомандующимъ. 3-й корпусъ выступилъ въ княжества: все слухи. Après avoir confisqué, parce qu'on a condamné, on condamne pour avoir à confisquer. La férocité se rassasie, la cupidité jamais.

7-го. Вчера съ г-мъ П. П. Мельниковымъ въ 4 часа по-

ѣхали къ графу Бобринскому; застали у него канцлера гр. Нессельроде, который вышелъ ко мнѣ; короткій, но любопытный разговоръ съ нимъ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Гр. Бобринскій сказалъ мнѣ, что, по странному случаю, въ минуту моего нежданнаго пріѣзда они говорили обо мнѣ. Г. Нессельроде уѣхалъ, а мы остались на обѣдъ.

Кажется, Англія и Франція согласны не принимать участія въ предстоящей съ Турціей войнѣ, съ условіемъ и намъ не извлекать никакой пользы въ случаѣ нашихъ успѣховъ противъ нея, подобно послѣдней войнѣ 28-го и 29-го годовъ. А жертвъ людьми и деньгами она будетъ стоить огромныхъ! Работы Варшавской желѣзной дороги остановлены.

9-го. Вчера былъ въ засѣданіи Владимирской Думы. Нѣсколько словъ съ гр. Ридигеромъ. Сожалѣніе гр. А. Ѳ. Орлова, что отдалъ мое письмо Государю. Оно раздражило его противъ меня. Настоящія и предстоящія политическія и военныя обстоятельства, по его мнѣнію, могутъ это поправить. И безъ того не жалѣю о моемъ поступкѣ.

Въ 11-ть ночи записка г. Сумарокова съ вопросомъ, точно ли я призванъ въ Царское на совѣщаніе. Вижу, что сплетни начались уже. Еще болѣе уединиться и остеречься.

Вчера была годовщина Наварина. Въ числѣ членовъ Думы былъ адмиралъ Авиновъ, командовавшій караблемъ въ этомъ сраженіи. Поздравивъ его, я напомнилъ гр. Ридигеру сдѣлать тоже. Авиновъ былъ съ Агличанами въ Трафальгарѣ съ Нельсономъ. Старикъ былъ тронутъ этими доказательствами вниманія. До того я не былъ знакóмъ съ нимъ.

10-го Октября. Г. И. Полль ѣздилъ къ Ростовцову. Слова послѣдняго о важномъ будто бы назначеніи меня ожидающемъ, о чемъ не имѣю однако ни откуда еще ни слова. Потомъ г-лъ Сумароковъ, съ своей стороны слышавшій о томъ же, пришелъ узнать по любопытству или по участію. Онъ въ разговорѣ неосторожно коснулся до незажившей еще въ душѣ раны и получилъ строгій отвѣтъ. Тѣсны понятія этого человѣка, по сердцу кажется благонамѣреннаго. Участіе в. к-ни Елены Павловны. Мысль предоставить Австріи занять Малую Валахію — неужели она согласится? Это втянуло бы ее въ наше дѣло. Въ Швеціи наша дипломація не удалась. Въ Копенгагенѣ успѣхъ. Надѣются

на Германію, а демагоги на сторожѣ. А Наполеону недостаетъ военной славы; а Англія раздражена. Ужели опять обязательство отказаться отъ всякаго пріобрѣтенія послѣ успѣховъ войны раззорительной!

Дѣйствительно, кажется, идетъ дѣло обо мнѣ, но сильно и можетъ быть неодолимо противодѣйствіе. Не огорчусь и не оскорблюсь: мои лѣта обыкновенно лѣта покоя. Употребятъ, то силы сохранены; но опытъ неблагодарности отнимаетъ всякій порывъ. Холодное и строгое исполненіе своего долга остается, вмѣстѣ съ увѣренностію въ новой неблагодарности. Но что̀ въ этомъ! Недалеко уже дойти до конца труженической арены долга и совѣсти. Свѣтскій успѣхъ невѣренъ ни на томъ, ни другомъ пути, но сохраненъ и при неудачѣ человѣкъ въ своемъ сознаніи, гордомъ противъ людей, смиренномъ и благодарномъ противъ Творца. И въ настоящемъ есть вознагражденіе!

14-го Октярбя. Встрѣча съ толстымъ и умнымъ Жеребцовымъ. Онъ выскочилъ какъ юноша изъ кареты, увидѣвъ меня. У него украли 65 т. рубл. сер.

15-го. Распоряженіе начальства отправить изъ всѣхъ полковъ гвардіи по нѣскольку офицеровъ въ южную армію и желаніе старшаго сына попасть въ число ихъ зажгло его, и онъ мечется цѣлые дни по этому дѣлу. Квинтетъ изъ Лучіи, удачно исполненный Николаемъ, было мое лучшее впечатлѣніе дня; также запахъ резеды въ залѣ.

16-го Окт. Состоящій при нашемъ посольствѣ въ Вашингтонѣ Катакази, въ письмѣ своемъ къ отцу-сенатору, описываетъ обращеніе свое отъ вольтеріанизма къ вѣрѣ въ пишущіе и предсказывающіе столы послѣ личнаго опыта!

La tente est certainemeut un des asiles les plus commodes et les plus naturels de l'homme; elle n'insulte pas par sa durée à la brièveté de nos jours; elle est en harmonie avec ce que nos destins ont d'errant et de passager; elle ne nous prêche pas, comme les lourdes demeures bâties à chaux et à mortier, une morale sédentaire. Libre, voyageuse, guerrière, elle vous dit: pars, je te suis!

20-го Порученіе дружеское гр. А. Ѳ. Орлова по случаю предстоящаго о войнѣ манифеста. Еще подумаю. Поздно домой и безпокойный сонъ. Въ головѣ устроивались мысли. Великолѣпное сѣверное сіяніе, какого никогда еще не видывалъ.

Первое дѣло съ Турками на Дунаѣ оффиціально объявленное при подъемѣ нашей флотиліи къ Галацу мимо Исакчи и Тульчи.

Провелъ часа три у гр. Ридигера, засталъ у него Тенгоборскаго, пріѣхавшаго изъ Вѣны. Онъ имѣлъ ко мнѣ порученіе кланяться отъ графа Вальмодена. Дочь Тенгоборскаго выходитъ или вышла за графа Эрнеста Эстергази. Мнѣніе г. Ридигера о вчерашнемъ сообщеніи мнѣ г. Сумарокова, съ моимъ сходное. Подождать, пока обстоятельства лучше выяснятся. Ожиданіе манифеста.

23-го Вчера, въ часъ по полудни, на Марсовомъ полѣ парадъ гвардіи въ присутствіи Государя. Съ Владимиромъ я поспѣлъ и нашелъ очень хорошее мѣсто. Манифеста еще не читалъ.

25-го M-elle Христіани, артистка на віолончеллѣ, съ которою нѣсколько лѣтъ тому я познакомился здѣсь пріятнымъ образомъ, тогда прекрасная, пылкая и умная женщина, умерла отъ холеры въ Новочеркасскѣ на Дону. Тамошніе жители ставятъ ей памятникъ на могилѣ. Это извѣстіе, найденное въ газетѣ Инвалидъ, набросило вчера тѣнь на душу.

27-го Окт. Тихое нехолодное осеннее утро. Видъ на Неву при легкомъ туманѣ. Она была гладка какъ огромное платиновое зеркало и казалась широка какъ морской заливъ. Слухъ о перемиріи съ Турками.

28-го. Встрѣча и разговоръ съ Катакази и Краснокутскимъ. Турки въ трехъ мѣстахъ переправились чрезъ Дунай; наши отступили—телеграфическое извѣстіе. На счетъ подробностей и послѣдствій съ безпокойствомъ ожидаютъ отъ к. Горчакова донесенія. Tant vaut l'homme, tant vaut la loi. Tant vaut le chef, tant vaut l'armée.

Вчера Государь получилъ двухъ курьеровъ отъ к. Горчакова и к. Воронцова. Первый донесъ отъ 20-го этого мѣсяца, что Омеръ-паша перешелъ Дунай, занялъ Калафатъ и укрѣпляетъ его, что к. Горчаковъ намѣренъ допустить его окончить переправу, отдалиться отъ Калафата внутрь края и тогда атаковать его. При семъ проситъ летучаго парка. К. Воронцовъ доноситъ, что Турки собираются въ силахъ при Батумѣ, съ намѣреніемъ начать наступательныя дѣйствія и заключаетъ словами *„милости просимъ.“* Это понравилось Государю.

Между тѣмъ вчера же въ собраніи Географическаго Общества разнесся слухъ, принятый съ восхищеніемъ за истину, что к. Горчаковъ уже разбилъ Омера-пашу на голову, прижалъ его къ Дунаю и къ Австрійской границѣ, что въ плѣну уже 18 т. Турокъ. Соображая съ достовѣрными извѣстіями вышеупомянутыми, эта вѣсть преждевременна. Къ тому же сегодня рано утромъ пріѣзжалъ ко мнѣ молодой графъ Орловъ, которому подобное происшествіе было бы извѣстно, и онъ ничего не зналъ. Да и оно было бы немедленно опубликовано по городу.

Между Германштадтомъ и Вѣной устроенъ электро-магнетическій телеграфъ, а отъ перваго въ Бухарестъ конная курьерская почта.

30-го Окт. Рядъ дней важнѣйшихъ въ жизни князя Горчакова. Мѣсто рѣшенія, полагаю, будетъ на Ольтѣ, вѣроятно около Слатина. Онъ будетъ стараться отбросить Омера къ границѣ Трансильваніи, отрѣзавъ отъ Дуная. Но для этого нужно разбить его совершенно. Чтобы встрѣтить Турокъ еще въ Малой Валахіи, необходимо ослабить себя отрядами для наблюденія средняго и нижняго Дуная.

Отъ Бухареста до Слатина шесть переходовъ. Отъ Калафата до Слатина пять. Князь Горчаковъ сосредоточитъ все, что̀ возможно. Чтобы воспрепятствовать этому, Турки вѣроятно покажутъ видъ переправы изъ Рущука или Туртукая. Искусно было бы со стороны Турокъ привлечь, какъ теперь, вниманіе и силы кн. Горчакова на Мал. Валахію, быстро переправить значительныя силы въ Туртукаѣ, угрожая Бухаресту и тылу князя. Числительныхъ силъ у Турокъ для этого довольно. Найдется около Омера Еврóпеецъ, который ему это посовѣтуетъ. Тогда задача будетъ труднѣе, за то и успѣшное ея рѣшеніе славнѣе.

31-го Окт. Не вѣрится мнѣ, чтобы переправа въ Калафатѣ была главнымъ предпріятіемъ Турокъ, а не средствомъ отвлечь изъ Большой Валахіи большую часть нашихъ войскъ, чтобы произвесть на среднемъ Дунаѣ настоящую переправу своими главными силами. Посмотримъ.

2-го Ноября. Jean Paul voulait qu'en chaque famille on prît une demi-heure par semaine pour réfléchir à toutes les bonnes et aimables

qualités des gens avec qui l'on vit: sage conseil pour garder la justice et la paix.

Въ Субботу обѣдалъ у гр. Бобринскихъ; кромѣ П. П. Мельникова никого чужихъ не было. К. Гагаринъ. St. Donato, великолѣпный замокъ Анатоля Демидова въ Тосканѣ. Рѣдкое собраніе картинъ и мраморовъ. При возстаніи народномъ во Флоренціи, для спасенія великаго герцога, не имѣвшаго въ ту минуту никакого готоваго средства, Демидовъ купилъ пароходъ съ нанятой прислугой и предложилъ великому герцогу, на которомъ онъ и ушелъ.—Дѣло несчастное въ Азіи. Истребленіе Турками двухъ ротъ, взятіе Николаевскаго поста съ двумя орудіями.

3-го Ноября. Телеграфическое извѣстіе объ успѣхѣ одержанномъ надъ 28 т. корпусомъ Турокъ, переправленныхъ изъ Туртукая въ Большую Валахію и разбитыхъ восемью баталіонами. Подробности ожидаются съ курьеромъ. Это согласно съ прежними моими предположеніями.

4-го. К. Горчаковъ, полагаю. въ затруднительномъ положеніи, и ожидаемый курьеръ не привезетъ донесеній о чемъ нибудь рѣшительномъ и выгодномъ, не смотря на послѣднее телеграфическое извѣстіе. Туртукайское дѣло могло быть частное, незначительное. Наступленіе на сторонѣ непріятеля. Надѣяться можно однако, что не на долго. Откроютъ, наконецъ, глаза и ошибки исправятъ. Малую Валахію почитаю занятою непріятелемъ. О к. Менщиковѣ забыли, даже перестали его бранить; между тѣмъ послѣдствія неудачнаго его посольства тяжко и опасно отзываются для Россіи.

5-го Ноября. Сегодня, проснувшись, получилъ записку отъ Сумарокова. Онъ пишетъ между прочимъ: Je vous répéterai les paroles de Monseigneur, dites ce matin sur la rencontre vis-à-vis de Tourtoukay: „La bravoure des troupes admirable, la perte considérable, un succès minime et la situation du prince Gortshakoff devient très précaire". Это значитъ, я полагаю, что Турки за Дунай не прогнаны, что часть войскъ бывшая въ дѣлѣ—авангардъ, за которымъ переправится корпусъ дѣйствующій на Бухарестъ. Все это по программѣ. Искусство покуда на сторонѣ Турокъ.

Думаю, что к. Горчаковъ сосредоточится передъ Бухарестомъ на Аржисѣ, между Томасешти и Гудешти. Тамъ можетъ быть дѣло; желаю, но не увѣренъ, чтобы оно было рѣшительное,

чтобы заставило Турокъ переправиться обратно за Дунай. Полагаю, что они устроятъ укрѣпленный лагерь на нашемъ берегу противъ Туртукая, какъ убѣжище въ случаѣ неудачи.

7-го Ноября. Г.-м. Мельниковъ, Алексѣй Петровичъ, былъ за маневры посланъ Государемъ на два дня на гауптвахту. Левшинъ разсказалъ странный случай съ Омеръ-пашей. Когда онъ усмирялъ Боснію, то знакомый Левшину Сербскій священникъ былъ принятъ пашею-ренегатомъ. Умный и просвѣщенный священникъ въ разговорѣ наединѣ съ Омеромъ довелъ его до такого увлеченія, что, прощаясь съ нимъ, Омеръ приложился къ его рукѣ и вскричалъ: „благослови!".

8-го. Раздражительное состояніе души успокоить занятіемъ кабинетнымъ, устраняя всякое сужденіе и, если можно, даже мысли о дѣлахъ, на участіе въ коихъ я не призванъ. Не легко однако на душѣ: угрюмость ли, почти неизбѣжная спутница накопившихся лѣтъ, или дѣйствительное затрудненіе по всѣмъ моимъ дѣламъ вслѣдствіе непонятнаго преслѣдованія сверху. А чувствую, что есть что-то въ моей головѣ, чѣмъ бы могъ еще быть полезнымъ моему отечеству. И оставаться празднымъ!

10-го Ноября. Пересматривалъ свои бумаги. Депеши изъ Константинополя доставили особенное удовольствіе, напомнивъ эти важные, историческіе дни, въ противоположность происходящему въ настоящее время. И съ тѣми же лицами: лордомъ Редклейфомъ и Решидъ-пашею, тогда великимъ визиремъ, теперь только мин. иностр. дѣлъ!—Молчаніе послѣ курьера изъ Бухареста не дурной ли признакъ? Не было ли опять встрѣчи невыгодной и поважнѣе? Теперь все возможно, пока примутся настоящія мѣры послѣ урока, какъ у насъ и вездѣ часто бываетъ.

13-го Ноября. Вчера г. Сумароковъ вошелъ ко мнѣ въ часъ, когда я взялся уже за каску для прогулки, и просидѣлъ до двухъ. Односторонніе взгляды на происшествія. Извѣстіе объ опасной болѣзни князя Воронцова. По иностраннымъ газетамъ будто бы важныя неудачи на нашей Азіатской границѣ.

Красавица Штрандманъ, на праздникѣ в. к. Елены Павловны сильно обожженная, не вышла еще изъ опасности и страдаетъ ужасно. Встрѣтилъ на прогулкѣ адъют. Веймарна, который, туша на ней горѣвшее платье, самъ обжогъ сильно руки.

14-го Ноября. Вчера пріятная прогулка съ двумя младшими пѣшкомъ. Встрѣча съ Государемъ, внимательный взглядъ. Ночь была ненаглядная для Пулковской обсерваторіи.

15-го Ноября. Кн. Воронцову лучше. Еще дивизію изъ шестаго корпуса на Кавказъ. Получу нужныя карты. 3-й корпусъ отчисленъ изъ Западной въ Дунайскую армію.

17-го. Вечеромъ вчера навѣстила дочерей моихъ Таня Лазарева, дочь покойнаго адмирала. Она принесла извѣстіе, по ея словамъ оффиціальное, что на Черномъ морѣ была встрѣча, при которой взято два Египетскихъ парохода.

22-го Ноября. И Швеція, кажется, хочетъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и напоминаетъ о Финляндіи. Вѣроятно приведеніе гвардіи въ военное положеніе.

23-го. Au-dessus de ces maux terribles, il y a un mal plus terrible: c'est quand la vie intellectuelle et morale des peuples est attaquée dans la racine même, lorsqu'au milieu des délices de la paix, de la prospérité des intérêts matériels, des illusions trompeuses produites par l'augmentation factice de toutes les forces de l'état, les croyances religieuses se détruisent, les idées morales s'égarent, les esprits s'énervent dans les voluptueuses jouissances, l'orgueil s'exalte, la vanité se propage, tous les liens sociaux et domestiques se relâchant à la fois, et le culte des intérêts matériels venant remplacer la vertu par l'égoïsme, les sentiments élevés par les passions astucieuses et basses.

24-го Ноября. Что дѣлать? Бѣда, о бѣда! жалобнымъ женскимъ голосомъ подъ моими окнами произнесенныя слова рано разбудили и не дали заснуть. Принять ли это, по гомеровскому и вообще древнихъ повѣрію, за предзнаменованіе новаго какого нибудь несчастія? Послѣ всего, что̀ уже въ этомъ году было со мною, не мудрено, что еще что нибудь случится по поговоркѣ, что бѣда одна не приходитъ, а одна за другою слѣдуетъ. Дерзкій противъ Россіи тонъ Англійскихъ журналовъ. Значительнѣе осторожное поведеніе Французскихъ. Умноженіе во Французской арміи егерскихъ полковъ. Затруднительное положеніе Германіи, особенно Австріи, въ настоящемъ столкновеніи по Турецкому вопросу.

29-го Ноября. Вчера на прогулкѣ съ двумя младшими узналъ о побѣдѣ, одержанной надъ Турками подъ Ахалцыхомъ

г.-л. Андрониковымъ. Взяты орудія и знамена. Сегодня выходъ, молебствіе во дворцѣ и выносъ придворныхъ знаменъ. Стихи Ѳедора Глинки на настоящее положеніе Россіи противъ Европы, неудачно прочтенные полковникомъ Минквицомъ.

30-го Ноября. Между тѣмъ какъ праздновали вчера во дворцѣ разбитіе Турецкаго отряда подъ Ахалцыхомъ, получено чрезъ прибывшаго адъютанта к. Меншикова подполк. Сколкова извѣстіе объ истребленіи Турецкой эскадры 18-го Ноября, на Синопскомъ рейдѣ, вице-адмираломъ Нахимовымъ. Адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ. У Турокъ по донесенію к. М. истреблено 7 фрегатовъ, 1 шлюпъ, 2 корвета, 1 пароходъ и нѣсколько транспортовъ. Наша потеря 1 об.-офиц. и 33 нижнихъ чиновъ убиты и 230 ранены.

2-го Декабря. Вчера первое засѣданіе Георгіевской Думы. Словесныя подробности и планъ Синопскаго морскаго сраженія. Вице-адмиралъ Нахимовъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени. Ожидаютъ извѣстій отъ г.-л. Бебутова изъ Азіи. На Дунаѣ все тихо.

4-го Декабря. Вышедши вчера съ дѣтьми пѣшкомъ, встрѣтилъ г. Штрандмана, который остановилъ, чтобы сообщить мнѣ извѣстіе, полученное съ курьеромъ изъ Азіи о побѣдѣ, одержанной г. Бебутовымъ надъ Турками. Взяты 24 орудія, знамена и проч. Прошедши нѣсколько шаговъ далѣе, встрѣтилъ Сумарокова, ѣхавшаго ко мнѣ съ тѣмъ же извѣстіемъ. На набережной графъ Мюнстеръ подтвердилъ все это, прибавивъ, что Орбельянъ раненъ двумя пулями. Статья въ Revue des deux mondes «La guerre du Caucase». *Истина* и *вымыселъ*. Это похвальное слово Шамилю и князю Воронцову. Катастрофа послѣдняго при возвращеніи изъ Андіи представлена блистательной побѣдой. Этого довольно чтобы оцѣнить остальное. А. П. Ермолову въ счастливыхъ и достойныхъ выраженіяхъ отдана справедливость. Вѣрно опредѣлены его характеръ и народность.

6-го Дек. По убѣжденію пріятелей ѣду въ первый разъ во дворецъ на торжественный выходъ, по случаю одержанной въ Азіи побѣды и тезоименитства Государя.

10-го Дек. Я получилъ вечеромъ отъ гр-ни Ржевуцкой, урожденной Дашковой, очень милое, дружеское письмо, объясняющее все, чтѐ довело ее до замужества. Отвѣтъ ей.

14-го Дек. По утру посѣтилъ полк. Милютинъ. Занимательный съ нимъ разговоръ. Настоящее положеніе Кавказа. На правомъ флангѣ Аминъ получилъ званіе паши, и край названъ пашалыкомъ. Истинное значеніе перваго дѣла Орбельяна. Тревога въ Тифлисѣ. Приготовленія къ отправленію института дѣвицъ. Потомъ пріѣхалъ и посидѣлъ Лазаревъ Армянинъ. Смерть Заводовскаго на Кавказѣ незамѣтна. На его мѣсто нѣтъ назначенія.

16-го. Вчера утромъ графъ Орловъ молодой провелъ съ часъ у меня. Добрыя вѣсти объ А. П. Ермоловѣ. Руководство къ бою съ Турками, составленное въ Бухарестѣ.

Que feriez-vous, disait Frédéric II à un gentilhomme français, si vous étiez roi de Prusse?—Moi, sire, répondit le gentilhomme en grélotant, je chercherais une dupe qui consentît à troquer mon royaume contre une belle terre aux environs de Marseille.

17-го Декаб. Les chagrins qui nous viennent des hommes nous révoltent et nous font oublier Dieu; les grandes infortunes qu'Il nous envoie nous ramenent à Lui. La stérilité de l'esprit produit l'entêtement; quand on n'a qu'une idée, on y tient.

Если соединенные флоты Англійской, Французской и Турецкой выйдутъ въ Черное море, что̀ будетъ?

Вчера встрѣча съ канцлеромъ г. Нессельроде и горячее его привѣтствіе. Привычка или чувство? Пальмерстонъ вышелъ изъ министерства вѣроятно съ тѣмъ, чтобы составить новое, свергнувъ настоящее. Это министръ войны. Персія объявила войну Турціи. Новый поводъ къ раздраженію для Англіи. Почти вѣрно, что соединенные флоты Англіи, Франціи и Турціи вошли въ Черное море. Чрезвычайно важно и любопытно, что̀ изъ этого выйдетъ? Кажется, въ Малой Валахіи около Калафата что-то было.

Говорятъ, въ нашей арміи много больныхъ; вѣроятно, но сомнѣнія нѣтъ, что въ Турецкой ихъ гораздо болѣе. Въ послѣдней дѣйствуютъ не однѣ климатическія причины, но и недостатокъ устройства въ разныхъ видахъ.

Страшно за войска, которыя всю зиму проведутъ въ походѣ.

19-го Дек. Въ восемь вечера съ Сумароковымъ къ г. А. Ѳ. Орлову. Застали его съ министромъ финансовъ Брокомъ, который тотчасъ уѣхалъ. Продолжительный и занимательный разговоръ за чаемъ. Новыя доказательства, что настоящій оборотъ

дѣлъ не былъ предусмотрѣнъ. „Алексѣй видитъ, куда меня втянули". Воинственный духъ всегда мирнаго канцлера. Вступленіе соединенныхъ флотовъ въ Черное море остается еще телеграфическимъ извѣстіемъ безъ подверждения. Нѣсколько дней ни откуда никакихъ новыхъ извѣстій. Болѣзненная наружность Г. И. на балу. Ожиданіе новыхъ жертвъ людьми и деньгами, если настоящее положеніе общихъ дѣлъ не измѣнится.

21-го Декаб. Въ новой нотѣ четырехъ державъ Оттоманской Портѣ требуютъ уравненія правъ христіанъ съ мусульманами. Это гораздо болѣе чѣмъ требованіе Россіи, поведшее къ войнѣ съ Турціей, и можетъ дать новый видъ всему дѣлу. Покровители Турціи со своими флотами въ Босфорѣ могутъ внезапно обратиться въ опаснѣйшихъ враговъ ея.

22-го Дек. Праздникъ въ Смольномъ монастырѣ двадцатипятилѣтія управленія Императрицы.—Третьяго дня застрѣлился полковникъ генер. штаба Кузминскій отъ опасенія впасть въ сумашествіе, противъ котораго долго боролся всею твердостію характера. Это выразилъ онъ въ оставленномъ имъ письмѣ.

23-го Декабря. По Невѣ еще не ѣздили, только поспѣшно дѣлаютъ на нее спуски. Встрѣтилъ два раза Государя съ непривѣтливымъ, строгимъ взглядомъ. Какъ мало гуляющихъ! На набережной вовсе никого, на Невскомъ проходящихъ болѣе, чѣмъ гуляющихъ. Кончивъ Саллюстія, взялъ опять лѣтописи Тацита. Онѣ укрѣпляютъ, а не утѣшаютъ и не смягчаютъ душу.

24-го Дек. Сынъ князя Воронцова пріѣхалъ изъ Тифлиса, какъ полагаютъ, чтобы способствовать увольненію отца отъ занимаемаго поста, по изнеможенію.—Пальмерстонъ опять поступилъ въ министерство прежнимъ званіемъ.

25-го Дек. Отъ канцлера г. Нессельроде конвертъ съ письмомъ отъ г.-м. Бенкендорфа изъ Берлина. Онъ прислалъ переводъ на Нѣмецкій сочиненія Милютина о кампаніи 1839-го на Кавказѣ.

26-го Дек. На дняхъ умеръ статсъ-секретарь Лонгиновъ въ глубокой старости. Слухъ о назначеніи к. Меншикова на мѣсто к. Воронцова продолжается. Резервъ гвардіи формируется. Вниманіе мое въ эту минуту поражено сближеніемъ двухъ эпохъ исторіи человѣчества: настоящій праздникъ Рождества Христова съ открытою передо мною лѣтописью правленія

Тиверія, при которомъ Христосъ явился и совершилъ Свой подвигъ, въ началѣ темный, незамѣтный, потомъ охватившій своимъ ученіемъ почти весь образованный міръ и доселѣ могущественнѣе всѣхъ пружинъ дѣйствующій на судьбы народовъ и отдѣльныхъ лицъ. И теперь, осьмнадцать столѣтій послѣ Него, Его именемъ готовится переломъ на Юго-востокѣ, исходъ котораго извѣстенъ одному Богу. Православная Россія противъ Имперіи Магомета, въ защиту притѣсненной вѣры Христовой. По противорѣчію и нелѣпости дѣйствій человѣческихъ, орудій Провидѣнія, католичество и протестантство, Франція и Англія, на одномъ камнѣ Христовой вѣры съ Грекороссійскимъ исповѣданіемъ сооруженныя, возстаютъ противъ Россіи въ защиту поклонниковъ Магомета. Что̀ одолѣетъ? Политика мірская правителей, или именемъ вѣры возбужденные народы? И удивительно, возстали свои на своихъ, народъ на народъ. Персія магометанская противъ Турціи, христіане на христіанъ за Турцію, утѣсняющую и избивающую своихъ безоружныхъ христіанъ. Это еще хаосъ, который не замедлитъ устроиться; не понимаютъ покуда одни другихъ. Никто не хочетъ войны, и всѣ какъ бы невольно готовятся скрестить оружіе. Мудрствующая и часто слѣпая политика хочетъ противиться высшему предопредѣленію, не признавая знаменій времени. Ясно, что Туркамъ нѣтъ мѣста въ Европѣ. Вопросъ только въ томъ, кому она вся или части ея достанутся. Рѣшить его—дѣло Европейскаго конгресса, а не оружія между равносильно устроенными арміями государствъ Европейскихъ.

Сегодня навѣстилъ Демидовъ. Онъ пріѣзжалъ съ приглашеніемъ всего семейства къ нему на канунъ новаго года. Принимая у себя всѣ родныя семейства въ этотъ день, я долженъ былъ отказаться. Онъ взялъ книжку кампаніи 1839-го года Милютина. По его словамъ г-лъ Реадъ назначенъ на мѣсто к. Воронцова; вѣрно потому, что это невѣроятно, по степени неспособности сопряженной съ дряхлостію этого человѣка. Хотѣли конечно открыть поприще к. Барятинскому, начальнику штаба, человѣку съ благороднымъ, но неопытнымъ честолюбіемъ, ничѣмъ или очень мало покуда оправданнымъ. Эристовъ, неизвѣстный мнѣ, назначенъ, по словамъ Демидова, на мѣсто умершаго Заводовскаго, командующимъ на Кавказѣ.

27-го Дек. Вечеръ вчера провелъ у г. Сумарокова. Говорили о вновь вышедшей брошюрѣ Погодина, содержаніе которой изустно и неловко было мнѣ передано. Le vin est tiré, il faut le boire, говорятъ Французы; взялся за гужъ не говори, что не дюжъ, говоритъ Русскій народъ. Но для того чтобы сознательно дѣйствовать политикой и оружіемъ, необходимо знать, какими побужденіями и какими средствами руководствуются противники, оставляя пустой шумъ и возгласы тѣмъ, которые повинуются одной страсти, не слушая разсудка. Противъ Россіи возстали теперь всѣ главныя державы Европы, однѣ открыто, другія покуда тайно. Тутъ нечему удивляться; слѣдуетъ только готовиться, если нельзя уже оставить съ достоинствомъ начатаго дѣла и отложить его до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ. Какъ могла западная Европа смотрѣть равнодушно на настоящее столкновеніе Россіи съ Турціей, грозившее на этотъ разъ неминуемою гибелью послѣдней и грознымъ для всѣхъ приращеніемъ силъ и безъ того страшной уже могуществомъ Россіи? И потому всѣ противъ нея, но по причинамъ различнымъ и съ цѣлію различною. Тутъ поле для политики Русской. Англія открыто и всѣми средствами противустанетъ ей, чтобы остановить опасное усиленіе и вліяніе Россіи на Азію, порабощеніемъ своему вліянію Персіи и оттуда грозя владычеству ея въ Остъ-Индіи.

28-го Декабря. Австрія приступомъ къ Восточному вопросу поставлена въ величайшее затрудненіе. На большомъ пространствѣ граница съ владѣніями Турціи, въ прошедшихъ съ нею войнахъ имѣвъ уже нѣкоторыя изъ нихъ въ рукахъ своихъ, она предназначила себѣ въ случаѣ распаденія Турецкой имперіи на свою долю западныя ея области. Тутъ она въ столкновеніи съ Россіею. Благодарность за недавнюю услугу, вообще добродѣтель политикѣ чуждая, не долго будетъ удерживать ее отъ противодѣйствія Россіи. Согласно же съ нею дѣйствовать, предварительно условясь о раздѣлѣ, препятствуетъ ей ненадежность Италіянскихъ ея владѣній, такъ недавно успокоенныхъ, гдѣ вліяніе Франціи, въ случаѣ разрыва, можетъ для нея быть весьма опасно, не говоря уже о Венгріи столько же ненадежной.

Невозможно, чтобы Франція въ дружномъ согласіи съ Англіей послѣдовала до конца за нею. Интересы ихъ въ настоящемъ

дѣлѣ и въ другихъ такъ различны! Полагаю даже, что присутствіе Французскаго флота, соединенное съ Англійскимъ въ Босфорѣ, послужитъ, наконецъ, скорѣе препятствіемъ чѣмъ пособіемъ для послѣдняго въ исполненіи честолюбивыхъ видовъ Англійскаго кабинета. Конечно они согласно покуда дѣйствуютъ къ прекращенію начатой войны и въ желаніи сохранить цѣлость имперіи Турецкой; но въ дальнѣйшихъ понудительныхъ къ тому средствахъ, въ случаѣ, если употребленныя доселѣ мѣры окажутся недостаточными, онѣ разойдутся. Здѣсь для дипломатовъ широкое поле; важность вопросовъ требуетъ отличныхъ дарованій и головъ истинно-политическихъ, а не закоснѣлыхъ въ старой колеѣ бюрократовъ.

29-го Декабря. К. Воронцовъ проситъ только отпуска на шесть мѣсяцевъ, а не замѣщенія. Этимъ объясняется, опасное однако, оставленіе Реада въ головѣ управленія.

Слухъ о рѣзнѣ въ Константинополѣ и отъѣздъ будто бы Англійскаго и Французскаго пословъ оттуда. Въ настоящее время все возможно, чтò недавно еще показалось бы нелѣпо. Враждебный противъ Россіи духъ Англійскихъ журналовъ.

30-го Декаб. Проходятъ послѣдніе дни этого года, роковаго для меня и для семейства. Еще благодарю Создателя, прежде всего за сохраненіе и здоровье дѣтей, потомъ за оставленіе хотя скудныхъ средствъ на ихъ содержаніе. Завѣщанный мнѣ несчастною, покойною ихъ матерью долгъ тревожитъ меня. Всѣ усилія употреблю, если продлятся дни мои, уплатить его, чтобы оставить дѣтямъ пріютъ спокойный отъ преслѣдованія заимодавцевъ. Чтò готовитъ намъ наступающій годъ? Ужели оставятъ меня празднымъ зрителемъ среди бурь угрожающихъ моему отечеству? И на томъ же театрѣ, гдѣ, благодаря Провидѣнію, успѣхъ увѣнчалъ мои дѣйствія въ бояхъ и въ политикѣ! Не изнемогъ я еще ни тѣломъ ни душею, а поступаютъ со мной какъ съ безполезнымъ, отупѣвшимъ оружіемъ! Но да будетъ надо мною воля Божія! Не можетъ далекъ быть отъ меня общій всѣмъ удѣлъ—и не однимъ притѣсненнымъ.

1854-й годъ.

1-го Января. Роковой для меня съ семействомъ 53-й и неизвѣстный предстоящими судьбами 54-й годъ, проводили и встрѣтили у меня четыре съ моею семьи: Полль, Михайловскіе и племянники Андрей и Константинъ, первый съ двумя дѣтьми, кажется весело. Мои всѣ восьмеро въ комплектѣ. Это начало года уже несравненно пріятнѣе начала прошедшаго.

Il commençait à comprendre la difficulté de combattre ces âmes douces et sans révolte qui, solidement ancrées sur une foi, flottent dans l'orage sans jamais céder ni périr. Nous avons tout un instinct d'association qui nous fait tendre à l'accord avec ce qui nous entoure; il faut que l'homme imite, s'il ne donne pas l'exemple.—Elle avait ce don d'assimilation qui force les âmes à se hausser au niveau de la nôtre et qui établit autour de nous une sorte de température morale dont nous sommes le foyer.

Поутру былъ г. Брунъ, умный и пріятный человѣкъ. Разные въ городѣ толки по поводу болѣзни канцлера гр. Нессельроде. Воинственныя привѣтствія офицерамъ во дворцѣ. Забылъ встрѣчу и разговоръ съ докторомъ Мандтомъ. Полковникъ Краббе пріѣхалъ курьеромъ отъ к. Меншикова, вѣроятно по поводу ожиданія въ Черномъ морѣ соединенныхъ флотовъ изъ Босфора, еще не вошедшихъ, не смотря на газетныя извѣстія. Высокій духъ нашихъ моряковъ Черноморскаго флота.

2-го Янв. Дѣла идутъ ничѣмъ не лучше, но въ душѣ болѣе спокойствія. Изъ глубины души благодарю Бога, что въ строгихъ испытаніяхъ прошлаго года на меня ниспосланныхъ, смиреніе и покорность противъ судьбы и сохраненіе достоинства противъ людей меня не оставляли. А были дни горькіе! Молю Его, чтобы въ нынѣшнемъ подобныхъ не было.

4-го Янв. Съ сыномъ Михаиломъ ѣздилъ въ первый разъ въ театръ видѣть Рашель въ роли Камиллы въ Гораціяхъ. Превосходно! Но кромѣ ея, всѣ прочія, особливо женщины, производятъ дѣйствіе похожее на пародію.

5-го Янв. Вечеръ у Сумароковыхъ. Продолженіе толковъ о послѣдствіяхъ вступленія соединенныхъ флотовъ въ Черное море и о возможномъ планѣ кампаніи сухопутной Дунайской

арміи безъ содѣйствія нашего флота. Молчалъ, не замѣтивъ ничего основательнаго, стоющаго обсужденія. Странная вѣра г.-а. Безака къ отвѣтамъ его стола, въ особенности на счетъ А. П. Ермолова, что онъ сохраняется судьбой для блага Россіи. Когда бы! Г-жа Поликарпова, родственница г. Блудова. Еще опасно больной старикъ Хитровъ.

6-го. Графъ А. Ѳ. Орловъ куда-то отправляется. Съ придворной конюшни отправлены къ нему экипажи. Полагаютъ, что въ Турцію. Думаю, что въ Парижъ или вѣроятнѣе въ Вѣну.

7-го. На дняхъ былъ у меня младшій сынъ А. П. Ермолова, похожій на него чертами лица. Съ чувствами отцовской нѣжности принялъ его. Гр. А. Ѳ. Орловъ уѣхалъ въ Вѣну. Конечно, необходимо для будущихъ военныхъ соображеній на Дунаѣ утвердить пріязненныя отношенія съ Австріей. Все еще нѣтъ описанія дѣла въ Малой Валахіи—невыгодный признакъ. Слухъ о назначеніи Н. Н. Муравьева съ корпусомъ войскъ въ Финляндію. Онъ изъявилъ желаніе взять сына моего Николая въ адъютанты. Это была бы для него полезная школа. Разсказываютъ, что послы въ Константинополѣ Англійскій лордъ Редклейфъ и Французскій Барагай д'Илье (Baraguav d'Hiller) должны были имѣть конференцію и сойтись въ домѣ у перваго въ назначенный часъ. Барагай д'Илье со своей свитой прибылъ минутъ пять ранѣе и не засталъ Редклейфа, выѣхавшаго верхомъ на прогулку. Подождавъ съ четверть часа, онъ потерялъ терпѣніе и вышелъ, но при выходѣ встрѣтилъ хозяина, который извиняясь просилъ его воротиться. На это Барагай д'Илье отвѣчалъ ему: „Vous savez, monsieur l'ambassadeur, que l'exactitude est la politesse des princes; à plus forte raison elle doit être celle de leurs représentants. Si vous désirez me parler, vous viendrez chez moi“. Съ Редклейфомъ такъ должно обращаться. Я знаю это на удачномъ опытѣ въ 1849-мъ году на той же сценѣ.

9-го. Дѣло подъ Калафатомъ г-ла Анрепа навело грусть на дворъ и общество. Потеря наша огромна, 2025 ч. изъ строя выбыло. Распоряженія очевидно нелѣпы. Почти всю ночь провелъ безъ сна. Тоска какъ свинецъ лежитъ на груди.

Il est triste de le reconnaître, mais les hommes spéciaux, qui ont étudié la question des corvées en Russie, ne pensent pas que l'on

puisse y renoncer de si tôt. Ils s'accordent en général sur trois points: d'abord la masse des capitaux nécéssaires à l'exploitation par le travail salarié n'est point en proportion avec l'étendue des terres arables; en second lieu, en beaucoup de contrées le produit du sol ne couvrirait pas les frais d'exploitation; enfin, dans un certain nombre de provinces sans mouvement commercial, il est plus facile aux paysans d'acquitter sa redevance en nature que de payer une redevance quelconque en argent. Quant à le doter purement et simplement de la terre qu'il cultive, c'est une hypothèse, que l'on n'admet point en Russie. La conséquence d'une semblable mesure serait de ruiner radicalement la grande propriété: les paysans émancipés à ces conditions, ayant assez de terre pour se suffire par eux-mêmes, ne consentiraient pas à travailler, même aux prix les plus élevés, sur la terre de l'ancien seigneur. On voit donc que la législation actuelle de la propriété en Russie n'est point entiérement arbitraire. Avant que l'on puisse renoncer soit au système de l'obroc, soit à celui des corvées, il faut que la population de l'empire, déjà énorme, mais éparpillée sur un territoire bien plus considérable encore, se soit notablement accrue.

Сегодня утромъ графъ Алексѣй Өеодоровичъ Орловъ выѣхалъ въ Вѣну. Г.-л. Дуббельтъ исправляетъ его должность. К. Меншиковъ г.-м. назначенъ на мѣсто г.-м. Львова, директора канцеляріи и начальникомъ собственнаго Государева конвоя. Получилъ отъ дежурнаго генерала памятную на текущій годъ книжку.

12-го. Сегодня г. А. Ө. Орловъ вѣроятно пріѣхалъ въ Варшаву, на пути въ Вѣну; онъ выѣхалъ не совсѣмъ здоровый. Усердно желаю ему успѣха въ его важномъ и щекотливомъ порученіи. По письму изъ Бухареста к. Горчаковъ выѣхалъ къ Калафату, двинувъ туда значительную часть войска. Непріятно теперь быть въ кожѣ Анрепа. Но чѣмъ онъ виноватъ? Кто въ немъ заблуждался? Дорого было бы такой цѣной узнавать людей.

14-го. Обѣдъ у к. В. В. Долгорукова съ к. Ридигеромъ, Сумароковымъ, к. Влад. Долгорукимъ, Кукольникомъ. Послѣдній читалъ свою пьесу по поводу Синопской побѣды, въ шесть дней написанную. Даръ чтенія выше самой пьесы.

18-го. Пародія Рашели сыномъ Михаиломъ очень удач-

на. Покуда это его талантъ. Бѣшенаго смѣха было много, тихаго въ этотъ вечеръ не доставало. А этотъ предпочтительнѣе.

19-го. Вечеръ провелъ у г-ла Сумарокова, гдѣ встрѣтилъ пріѣхавшаго на дняхъ Владимира Андреевича Глинку, стараго сослуживца. Онъ начальникъ горныхъ Уральскихъ заводовъ и пребываніе имѣетъ въ Екатеринбургѣ. Былъ еще Дивовъ и разсказалъ два забавные случая, въ путешествіе свое по Германіи съ нимъ бывшіе. Заѣхавъ въ какомъ-то городкѣ въ гостинницу, онъ потребовалъ у кельнера позавтракать курицу. Русскій бывшій съ нимъ человѣкъ отвѣчалъ, что у нихъ есть своя, но Дивовъ велѣлъ ее оставить и повторилъ приказаніе. Скушавъ поданную кельнеромъ, онъ потребовалъ и свою, и также съѣлъ. Когда кельнеръ вошелъ, то Дивовъ, обратясь къ нему, закричалъ на него: какого урода ты подалъ мнѣ; смотри: четыре ноги, двѣ головы, сколько крыльевъ! Тотъ посмотрѣлъ, увѣрился во всемъ и такъ испугался, что выбѣжалъ какъ помѣшанный изъ комнаты. На водахъ, не помню, кажется въ Киссингенѣ, Дивовъ взялъ на себя устроить для развлеченія стрѣльбу въ цѣль (tir) и поручилъ это Нѣмцу, тамошнему жителю. Въ одно утро Нѣмецъ вбѣгаетъ къ нему и въ отчаяніи объявляетъ, что разные приготовленные для того предметы ночью украдены. Все это не составляло большой суммы. Дивовъ успокоилъ его, и Нѣмецъ вышелъ Тотчасъ затѣмъ постучался кто-то опять въ двери Дивова. Онъ позвалъ, и вошелъ опять тотъ же Нѣмецъ. Чтȯ еще, спросилъ его Дивовъ.—Ничего, я постучался, потому что забылъ это сдѣлать при входѣ.

20-го. Les voies de fer ne remplacent que les grandes routes et ne suppléent pas aux chemins de petite communication, qui ne sont pas les moins importants pour l'agriculture.

Послѣ завтрака пріѣхала Пелагея Вас. Муравьева съ дочерью. М. А. Фонъ-Визинъ живетъ въ 60-ти верстахъ отъ Москвы грустно съ женою. Два взрослые уже сыновья его умерли. Возвращаясь изъ Сибири, онъ двумя часами только не засталъ въ живыхъ достойнаго своего брата Ивана Александровича, съ нетерпѣніемъ, послѣ столькихъ лѣтъ бѣдственной разлуки, его ожидавшаго. Строга была къ нему судьба!—Почти оффиціальное извѣстіе о новомъ пораженіи Коканцовъ на Сыръ-Даріи, при Акмечети, если не ошибаюсь, при чемъ взято 16 орудій.

22-го Января. Дѣло на Сыръ-Даріи при фортѣ Перовской подтвердилось и публиковано. 17-ть орудій, множество запасовъ захвачено. Вылазка была ночью. Начальникъ гарнизона подполковникъ Огаревъ произведенъ черезъ чинъ въ генералъ-маіоры.

Въ третьемъ часу зашелъ къ к-нѣ Барятинской; засталъ у нея к. Витгенштейна, чертами лица напоминающаго своего славнаго и благороднаго отца, и ничѣмъ другимъ. Жена его вышла за извѣстнаго Листа въ Веймарѣ. Дочь сватаютъ за Талейрана, бывшаго при посольствѣ въ Петербургѣ. Потомъ пріѣхала гр-ня Толь, съ которою возобновилъ знакомство. Наконецъ еще молодой к. Витгенштейнъ, кажется офицеръ конной гвардіи. Наружность этого счастливѣе. Съ П. П. Мельниковымъ на обѣдъ къ Бобринскимъ. Обѣдъ въ семействѣ и въ первый разъ съ молодою графиней, рожд. Шуваловой. Это были лучшіе часы моего дня и многихъ. Достойное, благородное семейство! Хозяйка съ высокой душой, умомъ отличнымъ и съ привѣтливостью лучшаго тона. Слухи дня, будто бы тѣснѣе сближеніе съ Австріей и Пруссіей противъ Англіи и Франціи. Инвентари, грозящіе Русскимъ губерніямъ и по несвоевременности только отложенные до Ноября. Говорю, грозящіе, потому что мало вѣрю благоразумію и обдуманности мѣръ, исходящихъ отъ настоящаго министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ оставилъ печальную память въ губерніяхъ прежняго своего управленія. Ожидаютъ сюда фельдмаршала.

У Бобринскихъ обѣдала старушка г-жа Крузе, внука адмирала, отразившаго при Екатеринѣ Шведскій флотъ подъ Петербургомъ. Окна зимняго дворца дрожали, говорятъ, во время дѣла. Она получаетъ пенсію вслѣдствіе прошенія поданнаго Государю въ минуту крайности, въ которомъ она привела девизъ, данный Екатериною въ гербъ ея дѣда. Не помню его точно; похоже на слѣдующее:

Громами отразилъ онъ громъ
И городъ защитилъ и домъ.

Отъ Рущука до Рахова на Дунаѣ 160 верстъ. Основаніе дѣйствій (base d'opération): взять Систово и Никополь; оставить подъ наблюденіемъ всѣ Турецкія крѣпости на нижнемъ

Дунаѣ. Отъ Систова до Адріанополя, на Тырново, Драново, Габрово, Казанлыкъ, Эски-Сарай и Хирманли 240 верстъ—12 маршей и четыре или пять дневокъ. Главная колонна — 30 т.

Отъ Никополя на Плевну, Ловчу, Траянъ, Филипополи, Хирменли до Адріанополя 300 верстъ, 15 переходовъ, пять или шесть дневокъ. Вторая колонна въ 15 т. Изъ Траяна она въ сообщеніи съ главною, чрезъ Духовую и Дерели на Габрово. Отъ Рахова на Врацу, Софію, Ихтиманъ, Татаръ-Базарджикъ, Филипополь, Папасли, Хирменли до Адріанополя 365 верстъ, 18 маршей, 6 дневокъ. Третья колонна 10 т. Одна кампанія, смѣлая, быстрая. Подвижные магазины сколько возможно конные. На волахъ удобно снабжать одни главные магазины. Если соединенные флоты не оставятъ къ тому времени Черное море, то изъ Адріанополя направить сильную колонну на Галиполи и стараться овладѣть фортами на берегахъ Гелеспонта и даже на Азіатскомъ, а потомъ уже думать о Константинополѣ.

24-го Января. Вечеръ у Сумарокова. К-я Мещерская, рожд. княжна Оболенская, прекрасная и пріятная женщина; красота Востока, брюнетка. За партіей весьма занимательный разговоръ съ Безакомъ; раздражительные своею неосновательностію перерывы и мнѣнія хозяина, иногда и Дивова. Слабыя стороны Севастопольскихъ укрѣпленій. Полевая мортира принца Георга Мекленбургскаго. Черта характера г-ла Сакена по поводу постройки батарей въ Одессѣ. Дерзкій отвѣтъ Англійскаго кабинета на вопросъ нашего, съ какою цѣлію Англійскій флотъ вошелъ въ Черное море. Опасное положеніе нѣкоторыхъ фортовъ нашихъ на Восточномъ берегу. Настоящій духъ разныхъ сословій въ Польшѣ. Пробужденныя въ нихъ политическими обстоятельствами надежды.

25-го. Великолѣпное утро. Солнце пышно свѣтитъ на лазури неба. Деревья Таврическаго сада, насупротивъ Итальянскаго окна моего кабинета, блестятъ миріадами бриллiантовъ инея, едва шевеля вершинами, на голубомъ полѣ воздуха. Прекрасная картина! Морозъ сухой и крѣпкій.

26-го Янв. Въ Парижѣ даютъ пьесу Les Cosaques, наполненную насмѣшками противъ Русскихъ. Въ большомъ обществѣ спросили одного Русскаго: Avez-vous vu les Cosaques.—Non, отвѣчалъ онъ, j'étais trop jeune alors, намекая на 1814 и 15-й годы.

Это имъ самимъ показалось такъ ловко, что отвѣтъ помѣщенъ и въ газетахъ.

27-го Янв. Графъ Естергази, Австрійскій посланникъ, если не ошибаюсь, пріѣхалъ, тому уже нѣсколько дней; но о пріемѣ его ничего еще не слышно. Онъ встрѣтился въ Варшавѣ съ гр. Орловымъ; о послѣдствіяхъ встрѣчи говорили невыгодно.

Продолженіе моихъ грезъ на яву. Этапы первой колонны: 1-я Тырново, 2-я Габрово, 3-я Казанлыкъ, 4-я Карабунаръ, 5-я Хирменли, 6-я Джезаиръ или Мустафа-паша.

2-й колонны: 1-я Плевна, 2-я Ловча, 3-я Траянъ, 4-я Илиджи, 5-я Папасли, 6-я Семиша—до Хирменли.

3-й колонны: 1-я Враца, 2-я Софія, 3-я Ихтиманъ, 4-я Татаръ-Базарджикъ до Папасли.

Въ случаѣ надобности, если Турецкая армія двинулась бы изъ Шумлы противъ первой колонны, то вторая можетъ, смотря по обстоятельствамъ, изъ Плевны, Ловчи и Траяна двинуться въ соединеніе съ первой. Встрѣча и первыя дѣла могутъ быть подъ Тырновымъ и Драновымъ. Въ случаѣ побѣды рѣшительной, соединенныя колонны вмѣстѣ преслѣдуютъ до Османбазара и потомъ идутъ уже на Селимно (Сливны), Енеджели на Адріанополь. Самая возможность наступательнаго дѣйствія за Дунаемъ подчинена, если не содѣйствію, то по крайней мѣрѣ надежному неутралитету Австріи. Третья колонна подымаетъ съ собою Сербовъ и способствуетъ вооруженію Румеліотовъ и Албанцовъ христіанскаго племени. Деньги найдутъ тамъ и средства продовольствія, хотя бы скудныя, въ помощь запаснымъ.

28-го. Разговоръ до втораго часа ночи о важномъ, можно сказать, роковомъ положеніи Россіи. Наши посланники въ Парижѣ и Лондонѣ, Киселевъ и Бруновъ, выѣхали. Это оффиціально. Австрія и Пруссія колеблятся и склоняются на сторону Англіи и Франціи. Швеція не надежна. Польша надѣется. Демократы, анархисты радуются. Для нихъ открыто поле дѣйствій, съ котораго такъ недавно и кроваво были они сбиты и, казалось, подавлены. Если это такъ, то вся огромная наша западная граница, и далеко въ ея глубину, въ опасности. Крымъ, Кавказъ, Грузія также. Постоимъ за сохраненіе всего, но устоимъ ли?

Много нужно было неудачъ, чтобы не сказать ошибокъ,

всякаго рода, старыхъ и новыхъ, особливо новѣйшихъ, чтобы придти въ это положеніе. Русскую Россію отстоимъ навѣрно, благодаря славному народу; но придаточную, иноплеменную, оружіемъ и политикой въ полтора вѣка пріобрѣтенную, будутъ у насъ оспаривать. Неяснымъ еще взглядомъ вижу за насъ Славянскіе языки, единовѣрцевъ милліонами, Грековъ; но эти слишкомъ близко подъ рукой враговъ нашихъ, чтобы съ пользою и рѣшительно возстать за насъ; позже, можетъ быть. Если суждено намъ сдѣлаться царствомъ восточнымъ, то тамъ быть можетъ настоящій театръ истиннаго, прочнаго могущества Россіи. Тамъ даже война образовательна. Въ Европѣ намъ давно уже нечего дѣлать. Она намъ враждебна, и нечего ей отъ насъ и намъ многаго не должно было заимствовать. Петербургъ, какъ столица Имперіи, повредилъ намъ несказанно, неисчислимо. Все отъ него сдѣлалось трудно, усильно, сурово. Центръ управленія на оконечности Имперіи и самый неблагодарный! Почему не въ Торнео? А выборъ, кажется, былъ! Москва, освященная всѣмъ, что̀ драгоцѣнно для народа, вѣрой, исторіей, преданіями, жертвами двухъ завоевателей въ два вѣка, живописнымъ своимъ положеніемъ. Оттуда наложена рука Россіи на Востокъ, на Татарскую тогда Волгу, Уралъ, Сибирь, цѣлыя царства, лучшія, неотъемлемыя: ручательство прочнаго нашего могущества, только въ иномъ противъ теперешняго видѣ, противъ котораго вся соединенная Европа сломаетъ себѣ зубы, и задрожитъ, когда очнемся, забредшая въ Индію Англія. А Нижній-Новгородъ, средоточіе внутренней промышленности и базаръ Россіи съ Азіей, тоже съ дорогими для народа преданіями, центръ умной, сильной, красивой Русской породы! Соприкосновеніемъ чрезъ Петербургъ съ Европой, даже при правителяхъ великихъ, чѣмъ сдѣлались мы, и во что̀ мы не наряжались умомъ, языкомъ и наружностію? То мы Голландцы, то Пруссаки въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, то Французы, то Англичане. Всего болѣе боялись мы и стыдились быть Русскими! Обезьяны Европы! И звучный, полный, благородный языкъ свой мы предоставили употребленію, какъ сами говоримъ, непросвѣщенной части народа и сословіямъ не имѣющимъ средствъ просвѣщенія; а сами въ своихъ гостиныхъ, говоря между собою, мы Русскіе, стараемся, чтобы насъ приняли не за Русскихъ, а за Францу-

зовъ по языку. Мы накликали на себя кару Провидѣнія Божія! Оно же и спасетъ и возвыситъ насъ, когда очнемся. Тогда дастъ Богъ и все сохранимъ, оправдавъ народную пословицу: „что взято, то свято“.

29-го. Января. Тысячъ шестьдесятъ нашей Валахской арміи не праздно наблюдаютъ за Нижнимъ Дунаемъ. Часть ея, даже половина, переправится выше Рущука за Дунай и обложитъ его. По личному осмотру моему въ 1846-мъ году, слабою стороною этой крѣпости полагаю западную. Она сблизи командуется высотами. Овладѣніе ею расширяетъ и обезпечиваетъ значительно наше основаніе дѣйствій (base d'opération). Оно заняло бы болѣе 200 верстъ.

30-го. К. В. В. Долгоруковъ доставилъ мнѣ записку Погодина о Восточномъ, по моему Турецкомъ, вопросѣ: нашъ Восточный еще впереди и шире Турецкаго). Я прочелъ ее два раза со вниманіемъ, котораго она заслуживаетъ. Но она изобличаетъ ученаго и патріота, а не политика. Написанная въ Декабрѣ и доведенная до высшаго начальства, она могла даже имѣть небезвредное вліяніе на ходъ этого дѣла. Она написана по внушенію негодованія противъ вмѣшательства Запада въ наше дѣло съ Турціей; но въ политикѣ не сердятся, а хладнокровно разсчитываютъ пользы, силы и благовременность дѣйствій. Въ запискѣ указываются наше право и благость цѣли, къ которой мы стремимся. Все это хорошо, но прежде всего будьте сильны и изберите вѣрно ваше время: тогда то и другое прекрасно; иначе они обратятся противъ васъ. Въ политикѣ нѣтъ ничего простаго, все сложно. Успѣхъ все вѣнчаетъ, все оправдываетъ. И завоеваніе Алжира и Остиндіи, и Финляндіи, и раздѣлъ Польши, все, все независимо отъ права. Весь вопросъ состоитъ въ этомъ: готовы ли вы силами и политически—вѣрно ли избрали время для приступа къ исполненію вашего предпріятія? Если же вы взяты будто въ расплохъ, когда тѣ, которыхъ вы почитали своими союзниками, колеблятся даже оставаться неутральными и готовы присоединиться къ вашимъ врагамъ; если двѣ морскія державы, враждебно недовѣрявшія одна другой, по первому приступу вашему къ дѣлу вдругъ соединились и заодно возстали противъ васъ и явились вмѣстѣ тамъ, откуда слѣдовало вамъ начать: вы сдѣлали ошибку, и вопросъ, кажется,

можно было отложить до удобнѣйшаго времени. Въ дальнѣйшемъ логическомъ развитіи своего мнѣнія авторъ, въ выходкѣ противъ Австріи, полагаетъ, что лучше имѣть ее противъ себя, чѣмъ за насъ; безъ сомнѣнія, но ее одну, а не съ цѣлымъ Западомъ. Въ Турецкомъ вопросѣ мы именно съ Австріей въ столкновеніи и по землямъ, и по народностямъ, о которыхъ дѣло идетъ. Но съ нею можно бы и согласиться, уступивъ ей, хотя бы до времени, то, чтò ей сподручно и чего безъ стыда и униженія передъ Европой она уступить не можетъ. Развѣ Европа и особливо Австрія могли допустить Россію овладѣть всею Европейскою Турціей? Чтò имъ до варварства управленія Турецкаго и угнетенія христіанъ! На это смотрятъ, терпятъ и по временамъ жалѣютъ; но какъ имъ такъ быстро, въ полтора вѣка шагнувшую и темную для нихъ, какъ говоритъ авторъ, Россію, допустить въ Константинополь безъ сильнѣйшаго сопротивленія? Да это вѣковой главный вопросъ, на который Европа ясно и тайно готовилась безпрерывно. О томъ свидѣтельствуютъ дипломатическіе факты гласные и тайные. Къ рѣшенію его безъ удостовѣренія полнаго, какъ намѣрена дѣйствовать Австрія, приступать не слѣдовало. Дипломатъ съ властію слова и характера объяснилъ бы ей до очевидности, что если она, изъ опасенія непосредственныхъ для нея послѣдствій отъ завоевательныхъ видовъ Франціи на Италію и Германію, послѣдуетъ теперь враждебной для насъ политикѣ Франціи и Англіи, то она только временно отдаляетъ отъ себя эту опасность, но увеличиваетъ ее до гибели, когда Россія, ею въ настоящей борьбѣ выданная, пристанетъ тогда къ врагамъ ея. Заключивъ же съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ и увлекши къ тому же Германію и даже безъ нея, борьба становится по крайней мѣрѣ равною: тутъ и признательность за оказанныя ей Россіею услуги и быть можетъ спасеніе, должна въ числѣ доводовъ найти свое мѣсто. Въ запискѣ своей авторъ въ упоеніи Славянизма говоритъ, что Славяне вездѣ сотнями тысячъ готовы подняться за насъ; но для этого прежде нужно побѣдою очистить себѣ путь до нихъ и тогда еще вооружить и устроить. Самые готовые изъ нихъ, Сербы и Босняки, подъ рукой у Австріи и безъ ея согласія не станутъ за насъ, не смотря на свое желаніе. Безъ содѣйствія или по крайней мѣрѣ неутралитета вѣрнаго, пріязненнаго, мы не можемъ дѣйство-

вать правымъ нашимъ флангомъ наступательно; лѣвымъ же не можемъ, лишенные содѣйствія флота. Мы осуждены будемъ на войну оборонительную. Какъ же дойти до Славянскихъ племенъ? Если, увлеченные ненавистію къ Туркамъ, они не смотря на то возстанутъ, то горе имъ! Того ли мы хотѣли, приступивъ къ этому роковому вопросу?

1-го Февраля. Посѣтилъ меня полковникъ Милютинъ. Замѣчательный разговоръ съ этимъ весьма умнымъ человѣкомъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и о родѣ войны намъ предстоящей. Подробности дѣла подъ Калафатомъ. Г.-а. графъ Анрепъ отрѣшенъ и замѣщенъ г.-л. Липранди. Утро провелъ въ чтеніи двухъ донесеній г. Погодина, въ 1839-мъ и 1842-мъ годахъ, о Славянскихъ племенахъ въ Европѣ.

Вечеръ 30-го Янв. провелъ у Безака до 2-го часа. Г-нъ Купріяновъ, Данези, непріязненныя мнѣ лица; много говорилъ съ ними, вовсе по обыкновенію моему забывая всякую непріязнь. Отовсюду привѣтствія и ожиданія будто бы неминуемаго для меня назначенія въ настоящемъ трудномъ положеніи общихъ дѣлъ. Гр. Орлова все еще нѣтъ, но скоро его ожидаютъ. Соединенные флоты оставили Черное море и возвратились въ Босфоръ. Послы Англійскій и Французскій при нашемъ дворѣ, лордъ Сеймуръ и Кастельбажакъ, получили паспорты къ отъѣзду.

2-го Февр. La Russie dans son droit, par Moseley: отлично, съ сильной и безпристрастной діалектикой написанная брошюра. Сочиненная Англичаниномъ, судя по заглавію, она можетъ имѣть вліяніе на умы въ Англіи. Право вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи, по покровительству своихъ единовѣрцевъ, подданныхъ Турціи, мастерски доказано. Право вещь прекрасная, и говорить нечего; но право международное, политическое, къ сожалѣнію опредѣлено менѣе всѣхъ правъ и совершенно подчинено въ дѣйствительности политическимъ разсчетамъ и настоятельное предъявленіе его—благовременность (opportunité). Для насъ въ этомъ состоитъ вопросъ.

3-го Февр. Г-нъ Обручевъ просидѣлъ часа два утра. Новое доказательство, что отъ человѣка, даже способностей посредственныхъ, но занимавшаго важныя должности, можно узнать много замѣчательнаго. Новая граница Оренбургской губерніи. Китайская стѣна Перовскаго, на 500 верстъ разстоянія, остав-

ленная на 20-ти. Акмечеть на Сыръ-Даріи. Александръ Великій доходилъ туда и основалъ колонію Кирополисъ; Чингисъ-ханъ тамъ перешелъ Сыръ-Дарью. Теперь фортъ Перовскій. Воспоминанія изъ Польскаго похода. Поступокъ ненавистный и неприличный противъ Обручева при отрѣшеніи его отъ командованія. Потери при неудачной экспедиціи Хивинской, 20 т. лошадей, 12 т. верблюдовъ и двѣ трети людей на 300-хъ верстахъ. Опасны зимніе походы. Любопытно узнать, какъ совершится походъ войскъ слѣдующихъ на Кавказъ и къ Дунайской арміи въ настоящее время.—Старшія дочери возвратились въ 4 часа утра съ балу у Давыдовыхъ. Съ сыномъ Михаиломъ просидѣлъ вдвоемъ за полночь. Со вчерашняго дня потеплѣло; вѣтеръ и по временамъ вьюга. Ночью слышалъ безпрерывный шумъ отъ деревьевъ Таврическаго сада, напомнившій голосъ моего парка въ Тимчихѣ.

4-го Февр. Съ утра 20 выстрѣловъ изъ крѣпости возвѣстили городу о рожденіи дочери Великаго Князя Константина Николаевича. Одна гренадерская дивизія 10-го выступаетъ въ Финляндію. Стычка незначительная подъ Журжей.

6-го Февр. Встрѣча съ Государемъ: блѣдный, долгій и гнѣвный взглядъ. Кажется, не подаю къ тому никакого повода. Между тѣмъ слухъ о назначеніи въ Персію, по обстоятельствамъ большой важности.

Соединенные флоты, по газетнымъ извѣстіямъ, вошли опять въ Черное море. Девять фортовъ нашихъ на восточномъ берегу подвержены большой опасности. Рѣшились ли оставить ихъ въ промежутокъ свободнаго плаванія по Черному морю въ отсутствіи флотовъ?

11-го Февр. Вечеръ у Сумарокова. Разговоръ занимательный съ Безакомъ. Пріѣздъ фельдмаршала имѣлъ послѣдствіемъ разныя перемѣны въ прежнихъ предположеніяхъ. Г-лъ Сумароковъ съ гвардейскою дивизіей въ Кронштадтъ. Г-лъ Муравьевъ съ двумя гренадерскими въ Царство Польское. Одна гренадерская въ Финляндію. Одна гвардейская въ Ревель, Балтійскій Портъ и Ригу подъ вѣдѣніемъ г.-л. Берга.

Манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей, въ выраженіяхъ умѣренныхъ кромѣ текста, которымъ онъ заключается.

Самое любопытное и рѣдкое въ политическомъ ходѣ дѣлъ

есть своеручное письмо императора Французовъ Наполеона къ Государю, преданное публичности въ газетахъ. Это поступокъ кондотьери на престолѣ, для котораго нѣтъ приличій, ни преданій, ни будущности. Онъ этимъ отдаетъ на судъ народныхъ страстей, возбужденныхъ демократической горячкою, сношенія, по всѣмъ приличіямъ и преданіямъ дипломатики, подлежащія тайнѣ, покуда не наступитъ для нихъ позже судъ непристрастной исторіи. Это очевидно месть за уклоненіе отъ принятой между царствующими формы (mon frère), въ отвѣтъ на его письмо къ Государю, которымъ онъ извѣщалъ о своемъ избраніи въ императоры Французовъ, сдѣлавшееся къ сожалѣнію тогда же гласнымъ. Но это не оправдываетъ ни его политики, ни приличія формъ. Богу извѣстно, чѣмъ это кончится. Кто бы могъ, еще менѣе года тому, предсказать, что Россія, могущественная тогда силой и правомъ, которыхъ она была главнѣйшею представительницей и щитомъ въ Европѣ противъ безначалія и демократической внѣшней политики Англіи, будетъ стоять одна, безъ союзниковъ, такъ недавно ею спасенныхъ, противъ Турціи, Англіи и Франціи, въ добычу насмѣшкамъ и сужденіямъ Европейскихъ газетъ и демагоговъ! Дорого стало уже теперь и Богъ знаетъ чего еще стоить будетъ занятіе княжествъ Молдавіи и Валахіи. Графу Ридигеру предстоитъ, кажется, назначеніе; давно не видалъ его. Вчера отправились вслѣдствіе принятыхъ рѣшеній три фельдъегеря къ кн. Воронцову, Меншикову и Горчакову.

Le sort des nations, qui dépend beaucoup de Dieu, dépend aussi un peu d'elles-mêmes. L'opinion qu'elles se font de leur destinée influe sur cette destinée même. L'estime qu'elles conçoivent de leur caractère accroît ou diminue les qualités ou les défauts dont elles sont douées. Le jour sous lequel elles envisagent leur passé se reflète sur leur avenir. Il n'y a que Dieu dans le monde qui soit de force à supporter la solitude.

12-го Февр. Утромъ былъ у меня Назимовъ, бывшій въ мое время на Кавказѣ рядовымъ въ Кабардинскомъ полку по дѣлу 14-го Дек., теперь въ отставкѣ, сѣдой и сухой старикъ, но съ душой еще неусталой. Онъ хлопочетъ здѣсь о принятіи изобрѣтеннаго имъ для Кавказскихъ рѣкъ походнаго моста. Понтоны тамъ не годятся.

Pascal dit que c'est traiter indignement la raison de l'homme que de la mettre en parallèle avec l'instinct des animaux, puisqu' on ôte la principale différence, qui consiste en ce que les effets du raisonnement augmentent sans cesse, au lieu que l'instinct demeure toujours dans un état égal. Les ruches des abeilles étaient aussi bien mesurées il y a mille ans qu' aujourd' hui, et chacune d'elles forme cet hexagone aussi exactement la première fois que la dernière. Il en est de même de tout ce que les animaux produisent par ce mouvement occulte. La nature les instruit à mesure que la nécessité les presse; mais cette science fragile se perd avec les besoins qu' ils ont. Comme ils la reçoivent sans étude, ils n'ont pas le bonheur de la conserver, et toutes les fois qu'elle leur est donnée, elle leur est nouvelle, puisque la nature n'ayant pour objet que de maintenir les animaux dans un ordre de perfection bornée, elle leur inspire cette science simplement nécessaire et toujours égale, de peur qu'ils ne tombent dans le dépérissement, et ne permet pas qu'ils y ajoutent, de peur qu'ils ne passent les limites qu'elle leur a prescrites.

13-го Февраля. Сѣверное сіяніе, предвѣстіе для народа страшныхъ событій.

Отвѣтъ Государя на письмо Наполеона, публикованный въ газетахъ, сильный и исполненный достоинства. Храмъ Януса еще не отворенъ настежъ: оставлена возможность, хотя сомнительная, затворить его. Воспользуются ли?

15-го Февр. Г.-а. Шильдеръ подъ Рущукомъ сжегъ Турецкій пароходъ и нанесъ потерю крѣпостной флотиліи; узнаю его.—Встрѣтилъ Государя.—Въ парламентѣ рѣчь лорда Грея, осуждающая дѣйствія министерства, доведшія до разрыва съ Россіею, сильная доводами. Она найдетъ отголосокъ въ Англіи. Статья Times'а противъ своеручнаго письма Наполеона къ Государю, благоразумная и основательная.

16-го Февр. Для встрѣчи грозы, собирающейся на Россію, устроиваются три арміи: сѣверная подъ начальствомъ Наслѣдника, западная въ Царствѣ Польскомъ и Курляндіи (гл. квартира въ Варшавѣ подъ начальствомъ г. Ридигера, но подчиненнаго фельдмаршалу), Дунайская подъ личнымъ его предводительствомъ (гл. квартира Фокшаны). Затѣмъ еще Азіатская армія съ Кавказомъ подъ начальствомъ к. Воронцова. (гл. кв. въ постели въ Тифлисѣ). Продолженіе приготовленій въ Кронш-

тадтѣ. Кронштадтскій фортъ. Затруднительное положеніе г. Ридигера. На всемъ огромномъ пространствѣ расположенія небывалой арміи не нашлось для меня мѣста.

17-го Февр. Пріѣхалъ проститься Б. А. Перовскій, отправленный въ Полтаву для надзора за рекрутскимъ наборомъ. Опять это непонятное дѣло о представленіи къ наградамъ за дѣла въ Венгріи офицеровъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Случай или новое преслѣдованіе?

18-го Февр. Рѣчь лорда Росселя въ нижней палатѣ $^5/_{17}$ Февраля. Послѣ этой рѣчи сближеніе уже невозможно, развѣ съ паденіемъ нынѣшняго министерства въ Англіи. Не хороши также настоящія наши отношенія къ Германіи. Какъ могло все это случиться въ такое короткое время и послѣ столь высокаго значенія во внѣшней политикѣ, намъ такъ еще недавно принадлежавшаго?

19-го Февр. Возвращаясь домой, увидѣлъ у подъѣзда к-я Суворова, искавшаго моей квартиры. Занимательный и грустный съ нимъ разговоръ въ кабинетѣ. Новое доказательство непримиримой ненависти ко мнѣ ф. П. На прогулкѣ догналъ и поговорилъ съ Олсуфьевымъ. Рѣзкость сужденій о военномъ дѣлѣ людей вовсе къ тому ничѣмъ не призванныхъ и ему чуждыхъ. Гарнизоны фортовъ на восточномъ берегу Чернаго моря предоставлены своей судьбѣ. Вчерашняя статья въ J. de St-Pétersbourg, указывающая на предварительныя, Англійскому кабинету лично Государемъ чрезъ посла сдѣланныя открытія, въ случаѣ приступа къ Турецкому вопросу. Они обращены, кажется, Англіею противъ насъ. Цѣль этой статьи вѣроятно поселить недовѣрчивость между Франціей и Англіей.—Греція и Эпиръ уже метутся. Суліоты вспомнили прежніе подвиги и подняли оружіе. Все это преждевременно и можетъ быть подавлено до настоящаго развитія соединенными силами Турокъ и христіанскихъ союзниковъ ихъ, прежде чѣмъ какая либо отъ насъ помощь можетъ содѣйствовать имъ. Сколько бѣдствій порождено уже этимъ пагубнымъ приступомъ къ несчастному Турецкому вопросу и сколько ихъ предстоитъ еще!

20-го Февр. Вчера съ дочерьми и сыномъ Николаемъ на балѣ у графа Кушелева-Безбородко. Продолжительный и значительный разговоръ съ Наслѣдникомъ. Онъ глубоко прини-

маетъ и понимаетъ важность настоящаго положенія Россіи. Трогательное выраженіе участія въ происшедшемъ со мною. По разсчету времени Англійскій флотъ, по его мнѣнію, долженъ уже быть въ Балтикѣ. Онъ полагаетъ, что Англичане рѣшатся изъ хвастовства даже на высадки. Благосклонный намекъ, что и до меня дойдетъ очередь не оставаться празднымъ. Нѣсколько словъ съ Безакомъ. Артилерійскій департаментъ подчиненъ ему. Предположеніе, что Австрійскій корпусъ вступилъ въ Албанію и Боснію. Мы наканунѣ важныхъ, быть можетъ, роковыхъ происшествій. Обязательное слово графа Рибопьера. Участіе неизмѣнное к. Суворова. Картина Синопскаго сраженія Боголюбовымъ.

21-го Февр. По слухамъ, Австрія становится сомнительной. Пруссія не пропустила 20 т. ружей, выписанныхъ, кажется, изъ Бельгіи. Предполагаемыя средства усиленія обороны Кронштадта. Въ Балтійскомъ флотѣ покуда ни одного извѣстнаго имени. Нашъ Меттернихъ колеблется при новомъ непривычномъ для него оборотѣ дѣлъ въ Европѣ. Дипломатика неудавшаяся переходитъ для окончательнаго рѣшенія спора отъ циркуляровъ къ штыкамъ. Невозможность выхода Кронштадтскихъ дивизій флота для соединенія съ дивизіей Свеаборгской, за сплошнымъ льдомъ. Подводныя мины. Мнѣніе объ нихъ. О неприступности Свеаборга. Секретари вмѣсто пословъ, какъ бы ни были искусны, не замѣняютъ ихъ. Не одинъ умъ, характеръ человѣка, уже извѣстный изъ прежнихъ положеній, внушаетъ уваженіе и даетъ перевѣсъ въ политикѣ и войнѣ. Французы посылаютъ противъ насъ Алжирцевъ; не худо было бы противопоставить имъ Кавказцевъ. Правда, что они разогнаны. Слухъ, что к. Воронцовъ оставляетъ въ Мартѣ мѣсяцѣ Тифлисъ, по слабости здоровья.

22-го Февр. Тревожное расположеніе духа, отзывающееся даже ночью во снѣ: слѣдствіе откровенныхъ разговоровъ о важномъ настоящемъ положеніи дѣлъ. Зачѣмъ сообщать свой образъ мыслей, когда поле дѣятельности для меня закрыто? Но теперь говорятъ всѣ, и на это не обращается вниманія. Меня увѣряютъ, что мои мнѣнія и способъ изложенія ихъ, особенный отъ общаго, замѣтенъ и повторяется другими въ смыслѣ пріязни и непріязни, и потому можетъ для меня и семейства

имѣть вредныя послѣдствія. Быть можетъ. Не трудно наложить на уста печать и безмолвно ожидать и встрѣчать происшествія предусмотрѣнныя. По моему мнѣнію, главныя изъ нихъ отвратимы при иномъ способѣ дѣйствій и употребленіи разныхъ лицъ какъ въ политикѣ, такъ и въ войнѣ. А въ день вызова въ мою очередь на дѣятельность, если онъ наступитъ, принести въ душѣ и доказать на дѣлѣ всегдашнюю готовность служить своему отечеству и умереть за него. Теперь возставшей на Россію опасной бури противопоставленъ человѣкъ, обладающій въ высшей степени искусствомъ съ огромными средствами производить малыя дѣла. Да проститъ меня Богъ и Государь, если ошибаюсь; но убѣжденіе мое глубоко и чуждо всякой ненависти, несмотря на оскорбленія и гоненіе.

26-го Февр. L'énergie et le travail de l'homme, principal élément de son bien-être, supérieur à la bonté du sol et du climat: благосостояніе крестьянъ въ Остроботніи, даже въ Торнео; также въ Норвегіи. Нераздробимость фамильной земли въ управленіи старшаго въ семьѣ. Матеріальное благосостояніе Финляндіи, со времени присоединенія къ Россіи, возвысилось и жителями сознается.—Ожиданіе послѣдняго слова (ultimatum) изъ Парижа. Будбергъ, нашъ министръ въ Пруссіи. Невыгодныя мнѣнія о Лермонтовѣ, комендантѣ Свеаборгскомъ. Кронштедтъ, сдавшій намъ эту крѣпость, по общему мнѣнію, подкупомъ, не оставилъ по себѣ состоянія дѣтямъ. Знавшіе его близко не вѣрили подкупности, хотя затруднялись объяснить причину сдачи. Это остается темно.—Второй томъ „Мертвыхъ душъ" Гоголя въ рукописи; стараться достать.

27-го Февр. Утромъ вчера г.-л. Броневскій, потомъ г-лъ Сумароковъ. Первый объявилъ о предстоящемъ ему назначеніи начальникомъ штаба къ г-лу Ридигеру, по предложенію ему сдѣланному. Онъ будетъ полезенъ: при умѣ природномъ онъ не переставалъ укрѣплять его познаніями и упражнять на дѣлѣ по разнымъ званіямъ, черезъ которыя съ успѣхомъ проходилъ послѣ командованія полкомъ подъ моимъ начальствомъ. Проектъ кавалерійской академіи, составленный имъ. Теперь на дворѣ вьюга, тревожно напоминающая о большомъ числѣ войскъ и военныхъ транспортовъ, которые въ движеніи. Въ эти дни окончательно рѣшается вопросъ, быть ли почти всеобщей войнѣ

или отвратить ее уступкой княжествъ и права официальнаго покровительства христiанъ Греческаго исповѣданiя, Турецкихъ подданныхъ. Но послѣ взаимныхъ оскорбительныхъ выходокъ сближенiе невозможно. Послѣдствiя предвидѣть трудно.

28-го Февр. Сегодня церемонiалъ крещенiя новорожденной Вѣры Константиновны. Не поѣхалъ. Послѣ долгаго размышленiя убѣжденiе, что на Польской границѣ противъ Австрiи и Пруссiи военныхъ дѣйствiй не будетъ, а только обсервацiонныя армiи въ присутствiи.

1-го Марта. Сколько живѣе, непрерывнѣе и отраднѣе ощущенiя семейной жизни въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ! Тамъ всѣ члены семейства другъ другу сердцу ближе. Тихое влiянiе красивой природы, жизнь почти на открытомъ воздухѣ, дѣйствуютъ благотворно на тѣло и душу.

2-го Марта. Адм. Рикордъ обѣщалъ устроить поѣздку въ Кронштадтъ для осмотра этой угрожаемой крѣпости, почитаемой неприступною. Депутацiя Финляндскихъ лоцмановъ. Хорошiя вѣсти для нашего дѣла изъ Пруссiи. Не сомнѣваюсь, что тѣмъ же кончится и съ Австрiей. Странный, но возможный слухъ о происшествiи съ Наполеономъ въ Парижѣ. Вздорожанiе каменнаго угля. Найденный въ Суворовскихъ имѣнiяхъ оказался негоднымъ. Утро великолѣпное. Солнце уже грѣющее на чистомъ небѣ при легкомъ морозѣ, безъ малѣйшаго вѣтра. Наружный воздухъ наполнилъ кабинетъ свѣжестiю и весеннимъ запахомъ. Деревья Таврическаго сада одѣлись красивымъ инiемъ.

3-го Марта. Обѣдалъ въ 6 часовъ у в. к-ни Екатерины Михайловны, одинъ съ ея супругомъ, съ нею и фрейлиной, незнакомой мнѣ, прiятною и умною. Послѣ обѣда, à parte съ принцемъ о настоящихъ обстоятельствахъ и предстоящей кампанiи на Дунаѣ. Мысль перейти за Дунай, но оставаться по сю сторону Балкановъ, полагаю почерпнутою изъ разговоровъ съ фельдмаршаломъ; она стоитъ вниманiя, если Англо-Французская армiя дѣйствительно займетъ Еносъ, Адрiанополь и Софiю. Если же и Константинополь, требующiй значительныхъ силъ, то она на прочихъ пунктахъ будетъ слаба; особливо если возстанiе Грековъ и Славянъ не будетъ къ тому времени подавлено, и неутралитетъ Австрiи будетъ совершенно надеженъ. Это планъ не такъ какъ цѣль дѣйствiй, а какъ приступъ къ нимъ,

чтобы, смотря по обстоятельствамъ, перейти къ чему либо болѣе рѣшительному, представляетъ выгоды.—Старшіе сыновья и дочери вчера съ утра катались на тройкахъ на острова, были въ оранжереяхъ г. Нессельроде и Гарфункеля. На прогулкѣ вчера встрѣтилъ ѣхавшаго ко мнѣ молодого гр. Орлова; онъ вышелъ изъ саней и прошелся со мною. Онъ ѣдетъ теперь въ Ревель, гдѣ прежде всего ожидаютъ появленія Англійскаго флота; потомъ въ армію на Дунаѣ. Обѣщалъ ему навѣстить отца сегодня. Государь въ отсутствіи—въ Гельзингфорсѣ и Свеаборгѣ.

4-го Марта. Одна изъ вредныхъ сторонъ назначенія на Дунай ф.....: неуживчивость его, вездѣ и особливо въ Венгерскую войну доказанная. А тамъ увѣренность въ пріязненномъ нейтралитетѣ Австріи необходима, между тѣмъ какъ виды и интересы наши съ нею въ столкновеніи. Навѣстилъ графъ Бобринскій. Пріятная вѣсть о новомъ доказательствѣ въ недавнемъ разговорѣ, благорасположенія ко мнѣ доброй Императрицы. Потомъ П. П. Мельниковъ. Приглашеніе и разговоръ его съ принцемъ Ольденбургскимъ о сооруженіи желѣзной дороги изъ Москвы въ Одессу. Запрещеніе вывоза за границу золота и серебра тотчасъ подѣйствовало вредно на курсъ нашихъ банковыхъ билетовъ.

5-го Марта. Обѣдалъ у Бобринскихъ, какъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Графиня хозяйка—образецъ женщины свѣтской, сохранившей вѣру во все высокое и благородное. Познакомился съ третьимъ ихъ сыномъ, лѣтъ тридцати, который управлялъ имѣніемъ, но по важнымъ настоящимъ обстоятельствамъ Россіи вступаетъ юнкеромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ на Дунаѣ.—Бутовскій.—Оттуда въ 9-ть часовъ поѣхалъ къ г. А. Ѳ. Орлову и засталъ его, какъ желалъ, одного. Очень занимательный разговоръ съ императоромъ Австрійск.; колебаніе послѣдняго. Письмо Государя—тонъ прежней пріязни до *ты*; подтвержденіе дружественнаго расположенія Пруссіи: 20 т. ружей, отправленныхъ къ намъ изъ Бельгіи и сперва задержанныхъ, теперь пропущены. Русскій экипажъ корабля, проданнаго по приказанію въ Тріестѣ, прибывшій чрезъ Гамбургъ въ Берлинъ, былъ угощенъ королемъ, причемъ былъ тостъ за Синопскую побѣду. Войска, вызванныя изъ Москвы въ подкрѣпленіе Петербургскаго гарнизона, ожидаются къ половинѣ Апрѣля; не

поздно ли?—Сынъ Ермолова изъ Тегерана съ извѣстіями странными: посланникъ нашъ к. Долгоруковъ ведетъ себя оскорбительно и грубо съ Персіянами, показавшими готовность содѣйствовать намъ. Г. Орловъ хочетъ выставить это Государю. На раутѣ у гр. Разумовской возобновилъ и сдѣлалъ много знакомствъ. Партія eралашу съ г-нями Протасовой, Кушелевой и Мейендорфомъ. К-я Юсупова и Карамзина, ур. Дука. Общій разговоръ объ ожидаемомъ прибытіи непріятельскаго соединеннаго флота къ Кронштадту и Петербургу съ десантомъ. Отчаянной предпріимчивости многое возможно. Мелководіе залива—недостаточное огражденіе. Для этого есть мелкія суда вооруженныя и просто лодки....

Явлюсь въ распоряженіе Наслѣдника при первомъ извѣстіи о приближеніи флота, отъ котораго ожидаю бѣшеныхъ предпріятій. Мнѣ что-то нѣсколько разъ приходитъ на мысль, что изъ ненависти къ Государю и хвастовства они сдѣлаютъ покушеніе на Петергофъ, какъ любимое пребываніе двора.—К. Воронцовъ уволенъ на шесть мѣсяцевъ въ отпускъ. Реадъ назначенъ командующимъ вмѣсто его на время!! И въ такихъ обстоятельствахъ! Я всегда признавалъ его здравый смыслъ, но довольно ли этого?

6-го Марта. Обѣдалъ у к. В. В. Долгорукова. Сузза и его жена; Рикордъ и к. Влад. Долгоруковъ. Живой, съ моей стороны слишкомъ живой, разговоръ, какъ бываетъ со мною, когда я долженъ говорить противъ обыкновенія громко, а к. В. В. и Рикордъ оба не дослышатъ. Первый шагъ сближенія съ военнымъ министромъ чрезъ его брата к. Владимира. Г. Ридигеръ долженъ былъ съ нами обѣдать, но отозванъ былъ къ Государю.

7-го Марта. Опасенія за Петербургъ со стороны Выборга. Изъ семи фортовъ на восточномъ берегу Чернаго моря гарнизоны сняты на суда и спасены. Въ Геленджикѣ гарнизонъ оставленъ. Хорошо ли?

8-го Марта. Рано вчера Клавдій Ермоловъ изъ Тегерана и съ Кавказа. И тамъ дипломатъ, достойный прочихъ выборовъ г. Нессельроде; а въ Тифлисѣ? Мелкая монета прежнихъ людей! Знаю, что такъ Несторъ говоритъ у Гомера при Ахиллахъ, Аяксахъ и др. Порадуюсь, если у насъ также появятся. Дипломатическая кампанія не удалась, а было на чтò опереться представи-

делямъ Россіи. Посмотримъ, что̀ скажетъ военная. Послѣдніе дни еще, быть можетъ, возможнаго сближенія и усмиренія грозящей бури проходятъ. Причины къ войнѣ, сначала спора выставленной, уже не существуетъ. Защитники Порты противъ нашихъ первоначальныхъ требованій требуютъ отъ нея теперь гораздо болѣе, требуютъ невозможнаго. Остаются одни оскорбительныя выраженія, во время переговоровъ въ рѣчахъ и актахъ, противъ всѣхъ приличій, вырвавшіяся. Оправдываетъ ли это войну?

Адмиралъ - старикъ Рикордъ назначается начальникомъ двухъ флотскихъ дивизій въ Кронштадтѣ. Въ случаѣ соединенія всѣхъ трехъ, состоять при Генералъ-Адмиралѣ.

9-го Марта Фельдмаршалъ нашелъ, что г-у Ридигеру нѣтъ нужды въ начальникѣ штаба, и потому назначеніе Броневскаго не состоится.

10-го. Еще причина, кромѣ многихъ другихъ, почему Австрія должна склониться на сторону Россіи, а не Франціи и Англіи. Съ Россіей она въ столкновеніи на счетъ новыхъ, будущихъ пріобрѣтеній въ случаѣ изгнанія Турокъ изъ Европы, а съ Франціей на счетъ своихъ лучшихъ провинцій, въ продолженіи столѣтій уже ей принадлежавшихъ и недавно еще, послѣ возмущенія, вновь ею покоренныхъ. Франція сторожитъ ихъ и при первомъ случаѣ подыметъ ихъ снова противъ Австріи.

Фельдмаршалъ долженъ былъ ночью выѣхать въ Варшаву и на Дунай.

11-го Марта. Фельдмаршалъ уѣхалъ. Г. Ридигеръ на отъѣздѣ. Ревель опустѣлъ, опасаясь бомбардированія Англо-Французовъ.

12-го Марта. Встрѣча и короткій разговоръ съ сенаторомъ Ковалевскимъ о братѣ его, посланномъ и дѣйствующемъ въ Черногоріи и Герцеговинѣ. Затруднительное положеніе Сербіи, готовой къ возстанію, но не довѣряющей Австріи. Стычки на Дунаѣ съ Турками при попыткахъ переправы на лѣвый берегъ.

13-го Марта. Браво Григоровичъ! Это языкъ и картины Русскіе, это дышетъ жизнію и бытомъ Русскимъ. Болѣе чѣмъ съ удовольствіемъ, съ участіемъ прочелъ я повѣсть его—Рыбаки.

14-го Марта. И такъ рѣшено. Съ огромными средствами избранъ самый робкій планъ дѣйствій противъ Турціи. Дунай-

ская армія переправилась или переправляется въ эти дни за Дунай, между Браиловымъ и Мачинымъ. Дунай въ томъ мѣстѣ имѣетъ болѣе 400 сажень ширины и ни одного острова. Берегъ непріятельскій занятъ батареями, и сзади ихъ на высотахъ позиція Турокъ. Въ случаѣ успѣха, вѣроятно большимъ урономъ купленнаго, армія вступитъ въ самый пустынный и нездоровый край Турціи и начнетъ осаждать лежащія по Дунаю крѣпости, въ которыхъ неуклюжіе въ полѣ Турки хорошо обороняются. До Силистріи 180 верстъ. Возстанію Славянъ и Грековъ никакой отъ того помощи. Огромныя средства на малыя дѣла, надъ которыми растаетъ армія и пройдетъ драгоцѣнное время. Хотятъ не отдаляться отъ Одессы, куда боятся высадки. Эти двѣ операціи розныя. Дунайская армія не можетъ оказать никакого пособія, и отряды изъ нея туда, въ случаѣ нужды, не поспѣютъ. Тамъ долженъ быть особый корпусъ. Продовольствіе тамъ легче, но оно вмѣстѣ съ войсками изведется для цѣли ничтожной. Валахія и Молдавія доставили бы и продовольствіе, и перевозочныя средства для плана болѣе стратегическаго. Фельдмаршалъ къ труднѣйшему, къ переправѣ, не могъ поспѣть, а поручилъ к. Горчакову. Въ случаѣ продолжительной осады Силистріи, Англо-Французы могутъ дѣлать тревожныя высадки, въ Кюстенджи, Мангаліи и особливо въ Варнѣ. Ничего сколько нибудь рѣшительнаго, грознаго для Турціи, побудительнаго къ миру.

15-го Марта. Ѣздилъ къ военному министру; засталъ у него новаго генералъ-контролёра, графа Кушелева-Безбородко; онъ оставался слишкомъ долго. По отъѣздѣ его объясненіе съ министромъ, возставившее наши прежнія пріязненныя отношенія. Онъ выразилъ между прочимъ сожалѣніе, что к. Меншиковъ, а не я, былъ отправленъ въ Константинополь. Тягостный бюрократическій порядокъ, формы котораго мелочами поглощаютъ время и отвлекаютъ отъ дѣлъ важныхъ, затрудняя вмѣстѣ съ тѣмъ ходъ ихъ. La forme emporte le fond, сказалъ еще Лабрюйеръ. Мы дошли до этого. Князь между прочимъ сказалъ, что ему въ продолженіе четырехъ часовъ случается подписывать свое имя, по дѣламъ текущимъ, малозначущимъ, по заведенному порядку. Въ такой работѣ рука устаетъ, а голова опустѣетъ. Подтвержденіе хорошихъ извѣстій изъ Пруссіи и Австріи. Вы-

ходка графа К.-Безбородко противъ дипломатическихъ выборовъ, между прочимъ, назначеніе на мѣсто умершаго въ Вашингтонѣ Бодиско, нашего министра въ Бразиліи, г-на Медема, не бывавшаго въ Россіи лѣтъ восемь, тогда какъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и по симпатіи оказанной намъ въ Соединенныхъ Штатахъ, нужно бы послать отсюда дипломата, который имѣлъ бы что нибудь сообщить обязательнаго прямо изъ устъ Государя и передать, какъ самовидецъ, порывъ народный, военныя приготовленія и отпоръ ожидающій враговъ Россіи. Очень основательно! Это напомнило мнѣ разговоръ, тому уже нѣсколько лѣтъ, съ гр. Киселевымъ, утверждавшимъ, что не люди важны, а учрежденія. Неправда. Даже въ государствахъ, гдѣ существуютъ вѣковыя учрежденія, необходимы люди для управленія ими въ духѣ истинной ихъ цѣли, когда, отдаляясь отъ нея, они обращаются въ стѣснительныя и пустыя формы; а въ Россіи, во многихъ отношеніяхъ сравнительно еще новой, занятой на всѣхъ своихъ границахъ, сверхъ того, организаціей, освоеніемъ, умиреніемъ завоеванныхъ провинцій (на Сѣверѣ Финляндіи, на Западѣ Польши, на Югѣ Бессарабіи, Крыма, Кавказа, Грузіи, Мусульманскихъ провинцій, на Востокѣ Башкиръ, Калмыковъ, Киргизовъ, Сибири), въ Россіи особенно нужны не машины исполнительныя, а мужи слова, дѣйствія, воли, разумныя орудія благонамѣренной высшей власти, а не слѣпыя и безмолвныя. А внутренняя администрація самой коренной Россіи съ своимъ жизненнымъ всегдашнимъ вопросомъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а вопросъ о созданіи сообщеній, нетерпящій отлагательства и упущеніе котораго въ настоящихъ обстоятельствахъ такъ ощутительно! А внѣшнія, политическія сношенія, неспособностію и незначительностію употребленныхъ лицъ доведшія Россію, несмотря на ея положительное могущество, до оскорбленій, несбыточныхъ при достойныхъ представителяхъ! Теперь оружіе должно заглаживать ошибки дипломатовъ, а оно также!!!

16 Марта. Во время прогулки первый поклонъ проѣзжавшаго Государя, вѣроятно слѣдствіе вчерашняго объясненія съ в. м. Что-то недоволенъ собою. Много шуму, мало дѣла. На послѣднее готовъ, но не отъ меня зависитъ; а первое совершенно отъ

меня. И безъ того отбиваюсь, сколько могу, отъ приглашеній и визитовъ и доволенъ, когда остаюсь съ семействомъ дома.

17-го Марта. Съ удовольствіемъ прочелъ въ приказѣ о награжденіи Станиславомъ 2-й степени Константина Роллы, моего шурина, директора департамента внутреннихъ дѣлъ въ Молдавіи, о которомъ ни я, ни его сестры, Полль и Михайловская, ничего не знали и, при настоящихъ обстоятельствахъ края, за него безпокоились.

18-го. Рано вчера утромъ полк. Щербачовъ. Подробности положительныя, слѣдствіями самимъ имъ произведенными открытыя и доказанныя, о разныхъ злоупотребленіяхъ и ложныхъ донесеніяхъ про небывалыя дѣла съ непріятелемъ на Кавказѣ. Важнѣйшее полк. Едлинскаго за Лабой, въ проѣздъ Государя Наслѣдника. Побочный сынъ г-ни Пот., сестры к-ни Вор.... По уличеніи въ дерзкомъ обманѣ, ему объявленъ арестъ на 28 дней, и потомъ данъ Моздокскій линейный полкъ! Начальникъ Ахметовскаго укрѣпленія, за подобное, не вовсе однако вымышленное дѣло, и теперь подъ судомъ. Г.-м. Евдокимовъ, опытный и храбрый, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ моего времени, добрый семьянинъ, тоже поддался дурнымъ примѣрамъ и заботится о своихъ выгодахъ.—Встрѣтивъ Сумарокова, ѣхавшаго отъ меня, воротился къ нему. Рѣшенное и сообщенное ему г. Н-мъ назначеніе мое—начальникомъ войскъ на самомъ угрожаемомъ въ настоящее время мѣстѣ, въ Кронштадтѣ. Poste d'honneur. Нерѣдко я предугадывалъ это. Готовъ и благодаренъ. Мнѣ еще не объявлено. Вечеръ у Сумарокова. Разсказъ о встрѣчѣ будто бы въ Черномъ морѣ нашего фрегата съ Французскимъ. Этотъ первый поднялъ Русскій флагъ; ему отвѣчали, выкинувъ Французскій. Онъ выставилъ адмиральскій, на который отвѣчали контръ-адмиральскимъ. Тогда Французскій отсалютовалъ 21-мъ выстрѣломъ; на салютъ отвѣчали такимъ же. Тогда нашъ контръ-адмиралъ (имени его не сказали мнѣ) по приглашенію отправился на Французскій фрегатъ со свитой и былъ угощенъ самымъ пріязненнымъ образомъ. Въ продолженіе бурной на Черномъ морѣ погоды, заставившей Англо-Французскій флотъ укрыться въ Босфорѣ, адмиралъ Нахимовъ снялъ наши гарнизоны на Восточномъ берегу, 6 т. человѣкъ, на корабли, затопивъ пушки. Остались Пицунда и Геленджикъ. Кромѣ очевидной опасности

быть уничтоженными отъ непріятеля, они имѣли продовольствія только до 1-го Мая. Въ Кронштадтѣ, по тѣснотѣ, не было по сіе время пороховаго погреба, а порохъ доставлялся по потребности съ Охты. Теперь спѣшатъ построить погребъ, въ который назначено помѣстить 20 т. пудовъ. Половина уже доставлена на мѣсто на дняхъ. Обратить на это важное обстоятельство особенное вниманіе. Кронштадтъ, собственно, имѣетъ всего периметра 7 верстъ, въ ширину $2^1/_2$ и 2 версты. Всего глупѣе было бы взлетѣть на воздухъ. Хорошаго адъютанта. Добрую лошадь, привыкшую къ стрѣльбѣ и суматохѣ; небольшую, но дѣльную канцелярію.

19-го Марта. Встрѣча съ сен. А. М. Безобразовымъ. Безпокойство въ части Петерб. общества по случаю принимаемыхъ мѣръ противъ ожидаемаго непріятеля. Сообщилъ старшему сыну о предстоящемъ назначеніи; быть можетъ, и отмѣнятъ. На этотъ разъ совмѣстниковъ однако вѣроятно не будетъ. Кромѣ сына, въ семействѣ никто еще не знаетъ. Странно, что Софья за прошлую ночь, когда никто кромѣ меня не зналъ объ этомъ, видѣла меня и себя въ Кронштадтѣ, подъ градомъ бомбъ, и разсказала утромъ. Въ семействѣ вовсе нѣтъ обычая говорить о снахъ, и едва ли не впервыя это случилось.

Вчера были похороны Екатерины Владимировны Апраксиной. Она умерла 84-хъ лѣтъ. Полагаю, что по этому случаю раутъ у г-ни Разумовской вѣроятно не состоялся; мы не поѣхали.

Наполеонъ—настоящій поджигатель въ настоящемъ пожарѣ стараго свѣта. Англія уступила увлеченію, противному истиннымъ ея выгодамъ и, по свойству ея народа, не замедлитъ одуматься. Германія поняла, я полагаю, наконецъ, свое положеніе и гдѣ истинный ея врагъ. Но безъ предварительнаго, близкаго уже столкновенія все это не придетъ въ порядокъ. Надъ трупомъ Турціи загорится новый пожаръ; Европейскій конгрессъ могъ бы предупредить или по крайней мѣрѣ сократить его.

*

20-го Марта. Вчера на вечерѣ у Бекетовыхъ получилъ отъ военнаго министра приглашеніе пріѣхать къ нему въ половинѣ одиннадцатаго того же вечера. Въ каретѣ Бекетовой поѣхалъ оттуда прямо и засталъ князя Долгорукова одного. Онъ сооб-

щилъ мнѣ волю Государя принять начальство надъ войсками въ Кронштадтѣ. Съ благодарностью принимаю этотъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ почетный постъ. 24 баталіона. Странное отношеніе къ адм. Литке. Не вышла бы путаница. Сегодня утромъ воен. министръ доложитъ Государю о моей готовности.

21-го Марта. Утромъ вчера въ Военное Министерство. Государь милостиво принялъ готовность принять предложенное мнѣ мѣсто. Усиленіе Кронштадтскаго гарнизона 2-мъ учебнымъ карабинернымъ полкомъ; быть можетъ, и первымъ. Имѣть дѣло съ однимъ г-нъ Деномъ. Литке адмиралъ устранится къ особому назначенію.

22-го Марта. Вчера важный въ жизни день. Государь принялъ въ кабинетѣ. Объясненіе. Трогательный пріемъ Императрицы. Екатерина Михайловна. В. К. Константинъ Николаевичъ. Гр. А. Ѳ. Орловъ. Рамзай. Въ три домой. Броневскій. Его записка объ учрежденіи кавалерійской академіи. Сумарокова объ оборонѣ С.-Пет. и береговъ Финскаго залива. Въ десятомъ ѣздилъ къ кн. В. В. Долгорукову; благородныя изъявленія и вызовы доказать свою дружбу.

23-го Марта. Утромъ вчера у Наслѣдника, Императрицы, Елены Павловны. Гр. А. Ѳ. Орловъ. Жена и дочь кн. Суворова у Императрицы. Г.-ад. Анненковъ Новороссійскій г.-губ., временный вмѣсто Ѳедорова.

Странный упрекъ И..... въ тщеславіи, и упрекъ повторенный. Не ошибка ли въ словѣ? Fierté, à la bonne heure; mais vanité!

25-го Марта. Вчера переѣхалъ въ Кронштадтъ. Сынъ Михаилъ меня проводилъ и пореночевалъ у меня. Покуда еще какъ въ лѣсу. Квартира холодная. Сегодня представлялся в. г. Дену. Еще ни адъютанта, ни писаря, ни лошади. Только что навѣстили меня адмиралы Рикордъ и Литке. Контръ-адмиралъ Истоминъ, бывшій при мнѣ въ 1849 г. во время посольства въ Константинополѣ. Былъ также у меня утромъ племянникъ Андрей Петровичъ, бриг. команд. гвард. артилерійскихъ батарей, здѣсь временно находящихся. Прибыли еще изъ войскъ въ мое вѣдѣніе назначенныхъ четыре баталіона, два резервныхъ и два запасныхъ, принца Прусскаго и принца Карла Прусскаго, всего съ унтеръ-офицерами въ числѣ 1468 человѣкъ

строевыхъ. Сверхъ того 400 рекрутъ. При г-лѣ Денѣ начальникомъ штаба г.-м. Владимиръ Гавриловичъ Политковскій, братъ умершаго въ прошломъ году виновника происшествія по комитету инвалидовъ, давшаго новое направленіе судьбѣ моей. На Дунаѣ между тѣмъ послѣ переправы взяты Гирсово, Мачинъ, Исакчи, Тульча и занятъ Бабадагъ. Доброе начало! Дай Богъ такое же продолженіе на этомъ трудномъ впереди театрѣ дѣйствій.

Не дождавшись во весь день, вечеромъ записка г.-м. Политковскому о доставленіи мнѣ необходимыхъ свѣдѣній о войскахъ, имѣющихъ поступить въ мое завѣдываніе. Такъ прошелъ въ бездѣйствіи и въ неизвѣстности день, который разсчитанъ былъ иначе. Завтра, надѣюсь, многое сладится.

26-го. Вчера пріѣхалъ сынъ Михаилъ. В. К. Константинъ Николаевичъ. Явился и обѣдалъ у него. Сегодня также. Страшная буря съ мятелью и теперь продолжается и усиливается. Страшно за Михаила, который выѣхалъ въ Петербургъ, въ мое отсутствіе; безъ того удержалъ бы его, ни на чтò не смотря. Привели верховую лошадь отъ Анзорова. Кн. Барятинскій отъ военнаго министра по дѣлу, удовлетворительно оконченному. На фортахъ отъ внезапной прибыли воды рабочіе ушли. Съ Михаиломъ письмо домой. Явились генералы запасныхъ и резервныхъ войскъ, Швебсъ и Тихменевъ. Государь отложилъ свой пріѣздъ до Воскресенья. Приготовилъ военнаго министра чрезъ кн. Барятинскаго къ узнанію истины насчетъ неудовлетворительности дѣлаемыхъ приготовленій къ отраженію десанта.

28-го Марта. Вчера утромъ въ саняхъ на косу. Заѣхалъ къ племяннику Андрею Петровичу. Потомъ на кессель-батарею. Къ г-лу Дену. Онъ предложилъ посылать мнѣ „Сѣв. Пчелу" и Indépendance Belge, пока устроится доставленіе ко мнѣ журналовъ. Съ комендантомъ г.-л. Бурмейстеромъ, съ див. генераломъ Швебсомъ и плацъ-маіоромъ обошелъ всѣ наружные посты въ крѣпости. Батарея или башня кн. Меншикова, монументальное сооруженіе до изящества. Слово Ламорисьера при посѣщеніи его. Взялъ молодаго офицера прап. Артюшова за адъютанта. Обѣдалъ у адмирала Литке. Сосѣдомъ былъ г-лъ Политковскій.

29-го Марта. Ожидаемъ пріѣзда Государя къ 11-ти часамъ,

вѣроятно послѣдняго до вскрытія Невы и залива. Начинаю входить въ свое дѣло. Не пріѣдетъ ли сегодня который нибудь изъ сыновей? Меня безпокоитъ неизвѣстность, какъ доѣхалъ въ страшную бурю мой Михаилъ. Каково идетъ хозяйство безъ меня у дѣтей? На другой день моего отъѣзда съ лѣстницы украденъ коверъ съ желѣзными прутьями. Хорошо, что этимъ кончилось. Это сдѣлаетъ всѣхъ осторожнѣе. Скоро ли можно мнѣ будетъ отлучиться, чтобы взглянуть на нихъ? Сѣрый день съ легкимъ морозомъ и снѣгъ, выпавшій ночью. Вчера приходилъ хозяинъ дома съ изъявленіемъ готовности доставить все что могло бы еще быть нужно. Поблагодарилъ и ничего не потребовалъ. Необходимое есть. Теперь не время нѣжиться.

Въ 12-мъ часу пріѣхалъ Государь съ Наслѣдникомъ. Сначала взглядъ и поклонъ его былъ холоденъ. При отъѣздѣ милостивъ и привѣтливъ. Наслѣдникъ былъ ласковъ, какъ всегда. Это былъ послѣдній, сказалъ Государь, пріѣздъ его до вскрытія ото льда. Адмиралъ Рикордъ привезъ мнѣ добрыя вѣсти о семействѣ, переданныя ему вдовою адмирала Лазарева для сообщенія мнѣ.

Къ вечеру прибылъ сюда изъ Стрѣльны 2-й учебный карабинерный полкъ.

Судя по нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ статей Indépendance Belge, можно бы заключить, что сношенія наши съ Пруссіею вовсе не такъ пріязненны и надежны, какъ я слышалъ въ Петербургѣ отъ значительныхъ лицъ; а съ Австріею и подавно. Тогда конечно дѣйствія наши на Дунаѣ подчинены важнымъ условіямъ, стѣсняющимъ ихъ. Они объясняютъ выборъ нижняго Дуная для переправы, счастливо совершенной, но выгодныхъ послѣдстій не обѣщающей.

30-го Марта. Прокламація Фуадъ-еффенди изъ Превезы къ возставшимъ христіанамъ. Дерзкій ультиматумъ Англіи и Франціи Государю, не удостоенный отвѣта. Рано открыты военныя дѣйствія на Дунаѣ, когда еще нѣтъ подножнаго корма. Кавалерія много потерпитъ; она должна подвозить сѣно изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, но тогда армія не можетъ отдалиться отъ Дуная. Чтобы дѣлать что-нибудь, вѣроятно приступятъ къ осадѣ Силистріи. Объявленіе о снятіи гарнизоновъ изъ фортовъ, между тѣмъ какъ Англо-Французы укрывались отъ

бурь въ Босфорѣ. Можно надѣяться, что эта система малыхъ фортовъ, противъ которой я столько возставалъ, и въ будущности не возобновится. Генералъ-фельдцейгмейстеръ Гессъ въ Берлинѣ. Не могу вѣрить, чтобы политика Германіи не приняла, наконецъ, рѣшительнаго оборота въ нашу пользу. Ей незачѣмъ было торопиться. Она имѣетъ выборъ. Всего болѣе желала она мира, затѣмъ неутралитета; но въ случаѣ невозможности сохранить его, она признàетъ настоящихъ своихъ враговъ и союзниковъ. Какъ дерзко поступалъ Англійскій кабинетъ съ Австріей въ разныхъ случаяхъ, особливо въ смутное время 48-го и 49-го годовъ! Какъ ненадеженъ партизанъ, императоръ Французовъ! L'empire c'est la paix! Нѣтъ, не вѣрю, чтобы ослѣпленіе было продолжительно. Здравый смыслъ возметъ верхъ даже въ Англіи и Франціи. Союзъ ихъ не проченъ. Между тѣмъ Австрія намъ уже много повредила. Маркизъ Де-ла Валетъ, который, въ званіи Французскаго посланника въ Константинополѣ, такъ опрометчиво началъ дѣло о св. мѣстахъ, мнѣ старый знакомый: въ проѣздѣ его изъ Персіи, кажется въ 1841-мъ году, онъ былъ и обѣдалъ у меня въ Ставрополѣ. Онъ оставилъ мнѣ на память хорошей отдѣлки тронблонъ со штыкомъ. При немъ былъ въ родѣ карнака нѣкто Лагранжъ, заботливо слѣдившій за его разговоромъ.

31-го Марта. Герцогъ Пармскій пораженъ кинжаломъ и чрезъ 24-е часа умеръ. Чтò это такое? Личное мщеніе или политическое злодѣйство? Навѣстилъ добрый адмиралъ Рикордъ. Воспользоваться здѣшнею библіотекою, о существованіи которой узналъ отъ него. Кронштадтъ, теперь имѣющій капитальныя зданія, широкія улицы, мостовую, тротуары, скверы, конечно всѣмъ этимъ обязанъ царствующему Государю. Предстателемъ у него былъ адмиралъ Сенявинъ и поддержалъ неутомимыми попеченіями объ украшеніи города Беллинсгаузенъ. Прежде это былъ грязный, безпорядочный городишка, производившій на пріѣзжавшихъ съ этой стороны въ Россію, съ перваго шага, самое невыгодное впечатлѣніе. Петръ Великій не могъ всего докончить.

1-го Апрѣля. Михаилъ былъ на возвратномъ пути отсюда въ опасности: ямщикъ, отыскивая дорогу, провалился сквозь ледъ, и Михаилъ его вытащилъ. Получилъ изъ библіотеки Ис-

торію Малороссіи Николая Маркевича, которую не случилось еще прочесть.

2-го Апрѣля. Сегодня въ 7-мь часовъ утра раздался громкій взрывъ. Взлетѣла на воздухъ лабораторія, причемъ убито 46 человѣкъ, изъ которыхъ 36-ть принадлежали двумъ грардейскимъ батареямъ, подъ моимъ начальствомъ; остальные артилеріи гарнизонной. Причина взрыва неизвѣстна и вѣроятно останется не открытою, никто изъ работавшихъ не оставшись въ живыхъ. Этимъ страшнымъ происшествіемъ начался день.

Г-лъ Политковскій провелъ у меня вчера вечеръ. Онъ президентомъ Американской Компаніи, и разговоръ его очень занимателенъ. Онъ прислалъ мнѣ на пробу чай, доставленный изъ Китая на кораблѣ компаніи. Подробная карта Кронштадта съ косою.

3-го Апрѣля. Обошелъ утромъ съ внутренней стороны вала почти всю крѣпость. Прогулка развлекла мрачное расположеніе духа. Бар. Унгернъ-Штернбергъ, Эстляндскій помѣщикъ, рекомендованный мнѣ кн. В. В. Долгоруковымъ. Онъ намѣревается представить на испытаніе камень, открытый въ его имѣніи, превосходный, по его мнѣнію, для разныхъ инженерныхъ сооруженій, и проситъ присутствовать на испытаніяхъ. Погода теплая, но сильный западный вѣтеръ. Еще нѣсколько такихъ дней, и рѣшительные дни наступятъ. Ревель уже въ тревогѣ. Вечеръ у воен. губ. вицъ-адмирала Литке вдвоемъ. Декларація нашего кабинета, отвѣтъ на объявленіе войны Англіею и Франціею.

4-го Апрѣля. Un homme d'état éminent a dit avec raison, que la constitution anglaise fonctionnait très bien tant qu'elle n'était qu'une fiction; elle ne marchera plus dès qu'on voudra en faire une réalité.

5-го Апрѣля. Вчера, въ Вербное Воскресенье, по высочайшему повелѣнію, было на Соборной площади молебствіе и потомъ парадъ по случаю объявленія Кронштадта въ осадномъ положеніи; было большое стеченіе народа. Послѣ парада я посѣтилъ военнаго г-лъ-губер. Ивана Ивановича Дена, больнаго.

Ужели, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, Австрія кончитъ явнымъ объявленіемъ себя противъ насъ? Если она дѣйствительно это сдѣлаетъ, то затруднитъ насъ чрезвычайно, но позже дорого за то заплатитъ.

Брошюра Тенгоборскаго дѣльная.

6-го Апрѣля. Вчера ѣздилъ на батарею № 1-й на косѣ. Работы идутъ успѣшно и отчетливо Управляетъ ими весьма бойкій офицеръ, котораго фамилію узнать. Ядрокалильная печь, Англійскій бѣлый кирпичъ.—И въ политикѣ, послѣ оказанныхъ услугъ, не должно дѣлать благодарность слишкомъ тягостною.

8-го Апрѣля. Narbonne disait souvent, que quelques unes des garnisons de sa jeunesse avaient été ses meilleurs semestres de travail, et qu'il n'y avait rien de si favorable à l'étude que de s'ennuyer en quartier d'hiver. J'en dirai autant, et j'y ajouterai: les époques de disgrâce et même d'exil, temporaire s'entend.

9-го Апрѣля. On peut mourir de grand coeur pour une cause; mais encore faut-il avoir un peu le consentement de coeurs auxquels on donne sa vie.

A l'étranger il y a beaucoup à apprendre, mais rien à faire; parce qu'il ne faut jamais servir que son pays.

Rien n'est plus mauvais, en fait de gouvernement, que de révolter les âmes honnêtes. Pour durer longtemps, il faut les avoir pour soi, et mettre dans son parti la conscience humaine.

Napoléon I était lui-même son ministre des affaires étrangères, simplification fâcheuse, même pour le génie et dans le cours des plus heureux succès; car elle supprime à l'intérieur toute délibération contradictoire, tout libre examen. Là on ne peut attendre du dehors que résistances ou pièges, hostilités plus ou moins irritantes ou concessions plus ou moins trompeuses; et elle livre l'homme puissant à toutes les tentations de la fortune et de son orgueil.

11-го Апрѣля. Свѣтлый праздникъ. Въ Пятницу совѣтъ у в.-г. губернатора Дена. Предложилъ и принято построить на избранномъ мною мѣстѣ на косѣ полевое укрѣпленіе. Вчера ѣздилъ туда для ближайшаго осмотра. Фл.-ад. полковникъ Исаковъ назначается ко мнѣ въ должность начальника штаба. Вчера встрѣча съ Кольчицкимъ, сослуживцемъ молодости, пріѣхавшимъ сюда по случаю кончины дочери его Опочининой. По распредѣленіи войскъ мнѣ ввѣренныхъ на форты и въ крѣпости, слишкомъ мало остается ихъ для наступательныхъ дѣйствій. Сію минуту пріѣзжалъ фельдъегерь отъ Государя поздравить меня съ праздникомъ; также отъ военнаго министра. Катенинъ назначенъ товарищемъ его. Политковскому Анна

1-й степени. Фельдъегерь переѣзжалъ уже на лодкѣ. Четверть осьмаго утромъ слышно было нѣсколько отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Показалось много пьяныхъ солдатъ морскихъ экипажей. Въ часъ ѣздилъ съ Исаковымъ показать ему на косѣ мѣсто, избранное мною для построенія значительнаго полеваго укрѣпленія, съ изъясненіемъ причинъ выбора.—Какъ хороши Souvenirs contemporains d' histoire et de littérature par Villemain! Сколько часовъ заботливаго одиночества украшены чтеніемъ ихъ! Духъ лучшихъ древнихъ и новыхъ писателей отзывается въ нихъ, не подражаніемъ, а соревнованіемъ съ ними. Такимъ чтеніемъ полезно укрѣплять умъ и душу, готовясь къ важнымъ происшествіямъ, къ историческимъ днямъ жизни, быть можетъ къ послѣднимъ.

13-го Апрѣля. Вчера отправлены на ботахъ гарнизоны буксиромъ пароходовъ въ три форта Кроншлотъ, Петра и Александра. Я посѣтилъ и осмотрѣлъ первый изъ нихъ. Сегодня, благодаря утреннему морозу, исполнено труднѣйшее: отправленъ гарнизонъ на рисбанкъ, по льду съ версту отъ вскрытаго моря. Все окончено счастливо. Государь поручилъ г-лъ-адъютанту Философову похристосоваться за него со мною.

14-го Апрѣля. Для насъ стариковъ, къ которымъ, нечего дѣлать, и я долженъ себя наконецъ причислить, какое лучшее мы можемъ сдѣлать употребленіе изъ жалкаго остатка нашей беззубой жизни, какъ пожертвовать ею при первомъ случаѣ для пользы и чести своего Государя и отечества, увлекая своимъ примѣромъ молодыхъ, для которыхъ она дороже?

Вчера обѣдалъ въ клубѣ, въ большомъ обществѣ моряковъ, подъ предсѣдательствомъ адмирала Рикорда. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ вообще и нашемъ въ особенности, тосты за Государя и Царскій домъ, за славу Россіи, имѣли видъ истинной торжественности. Въ голосахъ были слышны и на лицахъ были видны обѣты будущихъ подвиговъ чести и самоотверженія. Остался съ ними до девяти часовъ.

Къ тремъ часамъ ожидаемъ въ Кронштадтъ прибытія Генералъ-Адмирала. Прочиталъ вторую брошюру Тенгоборскаго о политикѣ Англо-Французской. Она дополняетъ и подкрѣпляетъ первую съ замѣчательнымъ искусствомъ и силою. Всѣ возраженія благонамѣренныя и непріязненныя противъ дѣйствій на-

шего кабинета нашли отвѣты, и побужденія къ послѣднимъ раскрыты и объяснены до очевидности. Уже до того замѣчательный статистикъ, онъ этими брошюрами поставилъ себя на ряду съ извѣстнѣйшими публицистами.

Мое предложеніе къ приготовленію сильной и укрѣпленной позиціи, для принятія на ней сраженія, приводится въ исполненіе неудовлетворительно, не вникнувъ вполнѣ въ общее мое соображеніе и не предваривъ меня о приступѣ къ дѣлу. Инженерное самолюбіе! Они не разсуждаютъ, что если техническая часть принадлежитъ имъ преимущественно, то опредѣленіе цѣли и самое размѣщеніе взводимыхъ на избранной мѣстности укрѣпленій, сообразно съ нею, можетъ начальствующимъ опытнымъ въ полѣ генераломъ сдѣлано быть лучше ихъ.

17-го Апрѣля. Ѣздилъ на косу до штерншанца, построеннаго при Петрѣ Великомъ. Онъ въ такомъ положеніи, что должно или воспользоваться имъ для обороны косы, или срыть его. Предпочтительнѣе первое. Устроивъ на замѣченномъ мною мѣстѣ, почти на половинѣ разстоянія между предположеннымъ уже люнетомъ и штерншанцомъ, еще одинъ люнетъ, почти вся коса сдѣлалась бы недоступна для высадокъ. Тогда нуженъ бы еще одинъ эшелонъ войскъ съ батареей между главной позиціей и штерншанцомъ.—Опять простуда, флюсъ; больно и безобразно. Книгъ нѣтъ, общества также. Широкія двери отворены для скуки. Отражу ли ее?

19-го Апрѣля. Вчера прибылъ одинъ баталіонъ 1-го учебн. караб. полка изъ Ораніенбаума. Получилъ сочиненіе Poujoulat Histoire de Constantinople. Есть собесѣдникъ. Грустно можетъ быть, но скучно ужъ не будетъ.

20-го Апрѣля. Сегодня получено извѣстіе съ Чернаго моря, донесеніе бар. Сакена о первой попыткѣ Англо-Французскаго флота на Одессу въ Страстную Субботу 10-го Апрѣля. Она славно и съ малою потерею отражена; посмотримъ далѣе. Въ часъ былъ первый опытъ тревоги и маневръ на косѣ. Надобно повторить, боевой резервъ сколь возможно усилить. Скоро наступитъ время дѣйствій и у насъ.

21-го Апрѣля. Ѣздилъ за городъ на косу. Къ возведенію люнета еще не приступали. Срываютъ фасъ штерншанца, къ намъ обращенный. Мое мнѣніе было бы его возобновить, что̀

было бы и легче. Дессантъ былъ бы тогда почти невозможенъ. Constantinople par Poujoulat. Слишкомъ много теологіи. L'église de Sainte Sophie a la forme d'une croix grecque dont les branches sont inégales. C'est un carré plus long que large. La largeur est de deux cent quarante trois pieds; la longueur, depuis le sanctuaire, placé à l'orient, jusqu' aux neuf portes occidentales, est de 269 pieds. Le point le plus élevé du centre de la coupole présente une hauteur perpendiculaire de 180 pieds au-dessus du pavé. Le diamètre de la coupole est de 115 pieds.

24-го Апрѣля. Сегодня по случаю годовщины шестидесятилѣтней службы адмирала Рикорда ѣздилъ поздравить его. В. К. Константинъ Николаевичъ только что прибылъ на пароходѣ изъ Петербурга съ шифромъ Государя на эполеты Рикорду и вѣроятно съ рескриптомъ. Заѣзжалъ на минуту къ г-лу Дену. Сегодня большой обѣдъ въ честь адм. Рикорда, на которомъ увижу Греча, отправившагося поутру изъ Петербурга. Прогулка съ Кольчицкимъ по западному фасу. Г-лу Арбузову возвращено званіе генералъ-адъютанта.

26-го Апрѣля. Въ Субботу былъ на большомъ обѣдѣ моряковъ въ честь Рикорда. Обѣдъ былъ очень оживленъ ободрительнымъ присутствіемъ В. К. Константина Николаевича и искреннимъ участіемъ всѣхъ присутствовавшихъ. Много старыхъ моряковъ пріѣхало изъ Петербурга. Рикордъ благодарилъ рѣчью, старикъ Бунинъ отвѣчалъ ему. Но тотчасъ послѣ обѣда Гречъ, счастливою рѣчью, видимо внушенною картиной славной морской семьи, тѣснившейся около В-го Князя и Рикорда, умилилъ и вмѣстѣ умными шутками возвысилъ еще общій духъ веселія. Моряки его подхватили и откачали. Послѣ этого очень пріятнаго обѣда мы пошли съ Рикордомъ и Гречемъ посѣтить школу будущихъ штурмановъ. Порядокъ, удобство, опрятность, здоровыя и добрыя лица дѣтей, изящество зданія и устройство во всѣхъ частяхъ принесли намъ истинное удовольствіе. Вчера въ 12-ть часовъ съ ф.-а. полк. Исаковымъ, въ прекраснѣйшую погоду, по гладкому какъ зеркало морю, мы отправились на катерѣ въ форты Павла I-го, Александра и Петра. Вечеромъ я былъ обрадованъ нечаяннымъ пріѣздомъ Павла Петровича Мельникова съ инженеромъ Журавскимъ, отличнымъ штабъ-офицеромъ и человѣкомъ. Оба у меня ночевали. Рано поутру

сегодня сдѣлали большую прогулку пѣшкомъ по главнымъ частямъ крѣпости. Скоро по возвращеніи также неожиданно вошелъ сынъ Николай; до обѣда всѣ четверо отправились, гости въ дрожкахъ, а мы съ Николаемъ верхомъ, на косу, на обѣ приморскія батареи и до срываемаго штерншанца. Надежда обѣдать вмѣстѣ не удалась: возвратясь меня ожидало уже приглашеніе къ обѣду у Великаго Князя. Съ нимъ былъ и графъ Гейденъ. Корабли флота выходятъ одинъ за другимъ изъ гавани на рейдъ. Англо-Французовъ въ морѣ еще не открываютъ. Два Американскихъ судна и Русское пришли безъ задержки, никого не встрѣтивъ. Въ журналѣ Débats статья о Кронштадтѣ, весьма любопытная, въ которой, сходно съ мыслію, на которой настаиваю, указывается, съ умными подробностями, возможность предпринять что либо противъ Кронштадта только со стороны косы, посредствомъ десанта и канонерскихъ лодокъ.

28-го Апрѣля. Сегодня съ 9-ти часовъ до 4-хъ на ногахъ. Въ 9-ть на катерѣ съ г-мъ Деномъ и другими отправились ожидать Государя въ фортѣ Павла I-го. Государь прибылъ послѣ полудня съ Наслѣдникомъ, молодыми в. к-ми Николаемъ и Михаиломъ и кронпринцемъ Виртембергскимъ. Константинъ Николаевичъ также. Осмотрѣвъ фортъ, на пароходѣ съ Государемъ возвратились въ Кронштадтъ и сейчасъ на дрожкахъ за Государемъ на батареи № 1-й и 2-й; отъѣзжая я былъ подозванъ Государемъ, сказавшимъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ. Оттуда прямо до парохода за нимъ же. Въ три часа по-полудни Государь отъѣхалъ. Въ четыре обѣдалъ у Константина Николаевича.

29-го Апрѣля. Изъ Вѣны письмо отъ графа Вальмодена. Ему теперь восемьдесятъ пять лѣтъ. Почеркъ прежній и твердый. Душа столько же возвышенная, какъ я зналъ его тому 42 года. Онъ даетъ чувствовать свое неодобреніе нынѣшней политикѣ своего правительства. Поздравляетъ съ настоящимъ назначеніемъ моимъ и проситъ увѣдомить, чѣмъ это кончится. Обѣдалъ сегодня у В. К. Константина Николаевича. Мой начальникъ штаба Исаковъ уѣхалъ съ утра въ Петербургъ. Отправилъ съ нимъ билетъ на проѣздъ въ Кронштадтъ для моего семейства. До обѣда ѣздилъ верхомъ на оконечность косы за штерншанцъ. Американецъ Котманъ былъ у меня съ рекомен-

дательнымъ письмомъ отъ кн. В. В. Долгорукова; умный человѣкъ, пріятель президента Пирса. Онъ медикъ и вступилъ къ намъ въ службу, по симпатіи, какъ говоритъ, къ Россіи, раздѣляемой вообще его соотчичами.

2-го Мая. Грустно послѣ короткаго свиданія съ семействомъ! На одинокой вечерней прогулкѣ по береговому валу крѣпости, сидя на гранитномъ парапетѣ набережной моря, въ виду Ораніенбаума, въ семи верстахъ на противоположномъ берегу залива, я нашелъ хотя не успокоеніе, то по крайней мѣрѣ какое-то забытье, подъ однозвучный шумъ взволнованнаго свѣжимъ вѣтромъ моря; катера рѣяли между великанами вышедшаго на рейдъ флота, неподвижными по своей огромности, между тѣмъ какъ тѣ, то зарывались, то показывали дно на пѣнящихся валахъ. Время незамѣтно прошло въ этомъ безсознательномъ состояніи души, въ разные періоды жизни различно ощущаемомъ; въ настоящемъ, уже почти преклонномъ, было что-то прощальное.

Вчера молніей убитъ молодой солдатъ и трое ранены, возвращаясь съ работы полеваго укрѣпленія на косѣ.

3-го Мая. Ниже слуху объ Англо-Французскомъ флотѣ. Такая осторожность послѣ шумной хвастливости указываетъ на приготовленія къ обдуманному и важному предпріятію. Для отраженія покушеній съ моря все сдѣлано, и я полагаю, что тамъ ничего не будетъ; со стороны косы покуда еще многаго недостаетъ, какъ по числу, такъ и по составу войскъ. Въ послѣднія минуты, быть можетъ, рѣшатся подкрѣпить. Теперь еще меня не послушаютъ, и потому безполезно было бы представлять.

4-го Мая. Вечеромъ вышло изъ рейда въ море девять или болѣе пароходовъ, ведя на буксирѣ гребныя лодки въ шкеры на Финляндскіе берега. Красивы эти движенія судовъ въ морѣ.

5-го Мая. Горестный день: въ десятомъ часу пріѣхалъ Николай съ извѣстіемъ о кончинѣ моей бѣдной дочери Маріи, сегодня въ 6-ть часовъ утра! Отправилъ его домой, гдѣ нужно его присутствіе для семейства. Г.-ад. Философовъ посѣщеніемъ и умнымъ разговоромъ нѣсколько развлекъ печальныя мысли. Одного просилъ и надѣялся, что въ мои лѣта не достанется пережить кого либо изъ молодаго семейства. Да будетъ воля Божія!

Оставшись одинъ, ѣздилъ на косу, вошелъ въ богадѣльню на кладбищѣ. Старухи живутъ спокойно, на косѣ, оставленной жителями дачъ, отъ опасенія войны, для отжившихъ, какъ онѣ, не страшной. Кроватей пятьдесятъ. Потомъ на оставленной штерншанцъ, гдѣ долго ходилъ подъ ропотъ волнъ, разбивающихся о камни, которыми здѣсь усѣяно море. Мое уединеніе было нарушено большой собакой, прибѣжавшей съ довѣренностію ласкаться ко мнѣ. Потомъ она долго бѣжала за дрожками.

11 (23) Мая. Дочери и Владиміръ со мною въ Кронштадтѣ. Это измѣнило пріятнымъ образомъ мой образъ жизни и развлекло грустныя впечатлѣнія семейной потери. Мы выѣзжаемъ всякой день далеко на косу, я верхомъ, дочери съ Володей въ коляскѣ; останавливаемся въ гостинницѣ на берегу моря и возвращаемся большею частію пѣшкомъ почти до крѣпости; все вмѣстѣ составляетъ порядочную прогулку. Вечеромъ ѣздимъ въ городской садъ.

Отношенія наши къ Австріи съ прибытія къ арміи фельдмаршала становятся, кажется, хуже. О дѣйствіяхъ на Дунаѣ ничего не слышно. Взятіе и сожженіе Англійскаго парохода «Тигръ», сѣвшаго на мель и сдавшагося съ 24 офицерами и 205-ю ч. экипажа: безславное для Англичанъ событіе.

У насъ здѣсь происходитъ смѣна устроенныхъ и опытныхъ двухъ гвардейскихъ батарей двумя вновь сформированными изъ запасныхъ войскъ, не сдѣлавшими еще ни одного даже холостаго выстрѣла. И это здѣсь и теперь!

13 (25). Еще непріятность: состоявшій при мнѣ начальникомъ штаба флигель-адъютантъ полковникъ Исаковъ отозванъ въ Петербургъ для новаго назначенія. Съ нимъ дѣла устроились, и онъ былъ мнѣ надежнымъ помощникомъ. Теперь остаюсь съ двумя неопытными адъютантами. И все это къ тому времени, когда наступаетъ вѣроятно необходимость дѣйствовать. Войска размѣщены противъ моего мнѣнія, письменно изложеннаго, несообразно съ военными правилами. Что̀ за странная судьба!

17 (29) Мая. Сегодня прибылъ флигель-адъютантъ Перовской, (*) назначенный вмѣсто Исакова ко мнѣ въ должность

(*) Младшій изъ братьевъ Перовскихъ, графъ Борисъ Алексѣевичъ. См. его некрологъ въ „Русскомъ Архивѣ 1882 года (III,475). *П. Б.*

начальника штаба. Приданы еще четыре орудія казачьей конной артиллеріи.

Государь Императоръ въ 11 ч. утра объѣзжалъ на рейдѣ флотъ, потомъ вышелъ въ Кронштадтѣ на берегъ и выѣзжалъ на косу осмотрѣть вновь возведенный люнетъ и батарею № 2-й. Государь казался доволенъ всѣмъ что̀ видѣлъ. На этотъ разъ былъ ко мнѣ благосклоннѣе.

21 Мая (2 Іюня). Вчера навѣстили Н. И. Гречъ и Ѳедоръ Глинка. Послѣдній далъ мнѣ свое послѣднее стихотвореніе Ура. Сынъ Николай также пріѣзжалъ и сегодня уѣхалъ. Всѣ эти дни ѣздили на косу, я верхомъ. Третьяго дня пріѣзжалъ и сынъ Александръ. Сегодня смотрѣли на косѣ дачу для насъ назначенную. Цвѣты, деревья, тѣнь, обширные виды съ балкона, игры для дѣтей. Близость мѣста для купанья, когда придетъ время.

27 Мая (8 Іюня). Подъ Силистріей неудача: послѣ отбитой сильной изъ крѣпости вылазки, войска увлеклись штурмовать отдѣльное укрѣпленіе, отражены съ потерею 800 чел. и своего дивизіоннаго начальника (7-я дивизія). Изъ знакомыхъ ранены молодой графъ Орловъ пулей и осколкомъ и Костанда̀. Мысль отступленія за Серетъ, здѣсь не одобренная. Жомини въ Петербургѣ и, не смотря на пристрастіе къ фельдмаршалу, отъ похвалы воздерживается.

Тайныя депеши изъ Гамбурга описываютъ Французскій флотъ во многомъ въ невыгодномъ видѣ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
РУССКАГО АРХИВА 1889 ГОДА.
(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

Стр.

Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго.—Поволжье и Ливонія. (Казанскіе мятежи.—Покореніе Астрахани.—Иноземцы-мастера.— Война съ Швеціей.—Смуты въ Ливоніи.—Наши успѣхи.—Готгардъ Кетлеръ.—Распаденіе Ливоніи.—Взятіе Полоцка). **Д. И. Иловайскаго** 5

Историко-критическія замѣтки: 1) О тиранствѣ Ивана Грознаго, 2) о смерти царевича Димитрія. **Д. И. Иловайскаго**. 362

Донесеніе Рижскаго губернатора **Дальберга** Карлу XII-му (по поводу посѣщенія Риги Петромъ Великимъ въ 1697 году). Съ предисловіемъ **С. В. Арсеньева** 385

Письма къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: **Блументроста, графовъ Румянцова и Головкина, князя Долгорукова и княгини Голицыной**. Съ предисловіемъ **А. Н. Труворова** 392

Письмо **Екатерины Великой** къ **Н. А. Бекетову**. 765 (о торговлѣ птичьимъ пухомъ) 397

Къ исторіи Кавказа и Закавказья 1774. (Рескриптъ **Екатерины Великой** генералу Медему, ея граматы царямъ Карталинскому и Имеретинскому и письма къ нимъ **графа Н. И Панина**. (Сообщены **В. С. Абакумовымъ**) 559

Письмо **князя А. А. Вяземскаго** о храненіи почтовой тайны. 1782 397

Изъ предсмертныхъ бесѣдъ **Фридриха Великаго** 527

Письмо **Суворова** къ С. А. Колычову. **1799** 398

Стр.

Духовное завѣщаніе священника XVIII вѣка (дѣдъ митрополита Филарета) 523

Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. Воспоминаніе **графа С. Д. Шереметева** 506

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой** (Раннее дѣтство.—Слуга Гаврила. — Няня - Шведка. — Таинственные разсказы.—Бабушка.—Пугачевщина.—Ванька-Каинъ.—Молодой Турокъ-христіанинъ въ Москвѣ.—Рядъ дорогихъ лицъ.—Князь Н. П. Щербатовъ.—Графиня А. П. Шереметева.—Романъ князя Орлова. — Поликарповы.—Графы Каменскіе.—Императрица Елисавета Петровна.—Преобразованія Петра Великаго. - Видѣніе Анны Іоанновны.—Наша знать и дворянство) 39

Нѣкоторыя объясненія на послужной списокъ генералъ-маіора **Дениса Давыдова** 399

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Персидская война. 1826 годъ. (Въ Караклисѣ.—Успѣхи Персіянъ. — Князь Севарземидзевъ.—Имеретинъ Елизбаръ. — Приказъ Ермолова. — Лазутчикъ Авакъ.—Оставленіе Караклиса. — Походъ въ горахъ.—На Безобдалѣ.—Вельяминовъ.—Лагерь въ Джелалъ-оглу.—Истребленіе Нѣмецкой колоніи.—Грузинская конница.—Возвращеніе князя Меншикова изъ Персіи. — Прибытіе Паскевича и распря съ Ермоловымъ.—Невѣсты. — Стычка съ Гассанъ-ханомъ. — Давыдовъ. — Лагерь въ Гумрахъ) ....177 и 571

Стр.

Изъ Записокъ **фельдмаршала князя Паскевича** (до Августа 1826)......... 407

Письмо **Императрицы Александры Θеодоровны** къ дѣвицѣ, выходившей замужъ............................ 404

Персидское посольство въ Россіи въ 1829 году. Статья **М. Г. Розонова** по бумагамъ графа П. П. Сухтелена...... 209

Дневникъ **графа П. П. Сухтелена** 1829 года о пребываніи Хозрева-мирзы въ Россіи.......................... 240

Листокъ изъ записной книжки **Великой Княжны Александры Николаевны**. 1843........................... 405

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. Воспоминанія **А. В. Щепкиной**......................... 529

Два письма **М. С. Щепкина** къ Н. В. Гоголю, о Московскихъ театрахъ и постановкѣ Гоголевскихъ комедій (1836 и 1842)............................ 555

Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе**. 1849, 1853-и 1854 годы. Начало Крымской войны.—Въ ожиданіи должности. — Назначеніе въ Кронштадтъ (съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ).

Двѣ службы. (Динабургъ и Варшава.) Изъ воспоминаній **Теобальда**. 425

Письма Кавказскаго героя **Н. П. Слѣпцова** къ князю А. И. Барятинскому. 1851.......................... 261

Изъ записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. Осень 1855 года. (По сдачѣ Севастополя.—Циркуляръ дворянству министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго.—Взятіе Карса)........................ 141

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ**. III. (Кавказъ въ 1856 году.—Перемѣны въ военномъ управленіи.—Главныя начальствующія лица.—Сосредоточеніе управленія.—Милютинъ и Евдокимовъ.—Общій планъ дѣйствій). Въ приложеніяхъ: Переписка съ Д. А. Милютинымъ.—Переписка съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Письма А. В. Головнина.—IV. 1857—1858 годы. (Происки Англіи.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Стѣсненіе Шамиля.—Покореніе Аргунскаго края.—Подвиги Евдокимова.—Взятіе Веденя.—Наступленіе въ средину Кавказа.) Въ приложеніяхъ: Письма (графа) **Д. А. Милютина**, переписка съ **Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ**, съ военнымъ министромъ **Н. О. Сухозанетомъ** и княземъ **А. М. Горчаковымъ**, письма **А. В. Головнина**.—V. 1859-й годъ. Въ приложеніяхъ: Письма **В. П. Буткова, графовъ П. Е. Коцебу** и **Д. А. Милютина**, переписка съ **Н. О. Сухозанетомъ**, письма и предписанія барону Врангелю.—VI и VII. (Успѣхи на Восточномъ Кавказѣ.—Сношенія съ Шамилемъ.—Гунибъ и его взятіе.—Бесѣда съ Шамилемъ)....107, 274, 446 и 605

По поводу разсказа Н. Д. Ахшарумова: „Смерть Слѣпцова". Статья **А. Л. Зиссермана**.................. 153

Замѣтка **А. А. Зиссермана** (о перепискѣ князя Барятинскаго съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ).............................. 528

Къ біографіи Р. А. Фадѣева. Замѣтка **Н. А. Фадѣевой**............... 656

Письма **М. И. Топильскаго** къ А. М. Кубареву, съ примѣчаніями **Н. П. Барсукова** и **И. В. Помяловскаго**........ 161

Историческое значеніе слова „кормленіе". **Д. Д. Голохвастова**........... 650

Разсказы о митрополитѣ Филаретѣ. (Сообщены протоіереемъ **Силою Архангельскимъ**) 359

Увѣковѣченіе чуда 7 Октября. Статья **В. А. Кокорева**..................... 173

Приложены: 1) Гравированный портретъ князя Паскевича. 2) Портретъ князя А. И. Барятинскаго въ среднихъ лѣтахъ, 3) Въѣздъ его въ Тифлисъ намѣстникомъ, 4) Представленіе ему плѣннаго Шамиля.

Исторія Россіи. Томъ второй. Періодъ Московско-Литовскій.

I. Москва и Тверь. Калита и его сыновья.
II. Гедиминъ, Ольгердъ и судьба Югозападной Руси.
III. Дмитрій Донской и начало освобожденія.
IV. Ягелло и начало Польско-Литовской уніи.
V. Василій Московскій и Витовтъ Литовскій.
VI. Василій Темный и Русь Восточная.
VII. Свидригелло и Казимиръ IV. Начало Крымской орды.
VIII. Вѣчевыя общины. Новгородъ и Псковъ.
IX. Русская гражданственность въ Татарскую эпоху.
X. Церковь и книжное просвѣщеніе въ ту же эпоху.
XI. Торжество объединенія и независимости при Іоаннѣ III.
XII. Литовскія отношенія и внутреннія дѣла при Іоаннѣ III.

Очерки и разсказы изъ Древней Исторіи.

1. Стовратныя Ѳивы. 2. Развалины Ниневіи, 3. Миѳы о Троянской войнѣ. 4. Ксерксово нашествіе на Грецію. 5. Артемизій, Ѳермопилы и Саламинъ. 6. Периклъ и поводы къ Полопонесской войнѣ. 7. Сократъ. 8. Херонейская битва и смерть Филиппа. 9. Первые шаги Александра Великаго. 10. Преданія о Цинциннатѣ и Децемвирахъ. 11. Борьба Пирра и Тарентинцевъ съ Римлянами. 12. Нашествіе Аннибала на Италію. 13. Юлій Цезарь и послѣдніе республиканцы. 14. Важнѣйшіе патятники императорскаго Рима. 15. Констанцій II и Юліанъ-Отступникъ. 16. Скиѳы и Эллинскіе колонисты. 17. Херсонесъ Таврическій и Боспоръ Киммерійскій.

Очерки и разсказы изъ Средней Исторіи. Вып. 1.

1. Сарматы, Готы и Гунны, 2. Ѳеодосій Великій и торжество христіанъ. 3. Славяно-Гунскій царь Атилла. 4. Св. Северинъ, Одоакръ и Теодорихъ Остготскій. 5, Ѳеодора и партіи цирка. 6. Св. Софія Константинопольская. 7. Патріархъ Фотій и начало раздѣленія. 8. Св. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе первоучители церквей, 9. Дѣтство Генриха IV и возвышеніе папства. 10. Генрихъ IV и Григорій VII. 11. Норманны въ Англіи и Гастингская битва. 12. Императрица Евдокія и Романъ Діогенъ.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1889 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногороднаго на иногородный по 20 к.; за перемѣну иногороднаго на городской 50 к.; городскаго на иногородный—90 к. (по взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ платѣ).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.